А. Н. Наумовъ

ИЗЪ УЦѢЛѢВШИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

1868 - 1917

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ

II

Изданіе А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой

Нью-Іоркъ

1955

Printed in the United States of America

Russian Printing - House; 505 E. 175 st. New York 57, N. Y.

ЧАСТЬ VI

ВЫЗОВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. СЪѢЗДЪ ГУБЕРНСКИХЪ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ ДВОРЯНСТВА. ПЕРЕѢЗДЪ ВЪ САМАРУ. БЕЗПОРЯДКИ ВЪ САМАРѢ. МАНИФЕСТЪ 17 ОКТЯБРЯ. РЕВОЛЮЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ СЕЛАХЪ. ВСТРѢЧА СЪ ГУЧКОВЫМЪ. ПРІЕМЪ У ДУРНОВО. БЕСѢДА СЪ ВИТТЕ. АУДІЕНЦІЯ У ГОСУДАРЯ. ПАРТІЯ ПОРЯДКА. В. Н. ЛЬВОВЪ.

67

Не успѣлъ я оглянуться и отдохнуть въ родномъ моемъ имѣніи, какъ получился отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ А. Г. Булыгина вызовъ меня, какъ Губернскаго Предводителя, въ Петербургъ для совмѣстнаго съ другими Губернскими Предводителями совѣщанія по поводу предстоявшихъ, согласно Высочайшаго Указа 6 августа 1905 г., выборовъ народныхъ представителей въ Государственную Думу.

Одновременно прислано было мнѣ приглашеніе отъ Петербургскаго Губернскаго Предводителя Дворянства прибыть въ тѣхъ же числахъ августа мѣсяца на съѣздъ Губернскихъ Предводителей Дворянства.

Уѣзжая въ столицу 11 августа, я назначилъ на 26 того же мѣсяца собраніе предводителей и депутатовъ у себя въ Самарѣ, изъ разсчета, что за двѣ недѣли я успѣю въ Петербургѣ все сдѣлать, главнымъ образомъ, представиться Государю въ качествѣ только что избраннаго и утвержденнаго имъ Губернскаго Предводителя.

Въ Петербургѣ я остановился, какъ всегда, въ Европейской гостиницѣ, расписался у Булыгина, оставилъ карточку у Петербургскаго Губернскаго Предводителя гр. В. В. Гудовича и поспѣшилъ заѣхать въ Церемоніальную часть Министерства Двора, прося занести меня въ первый же списокъ лицъ, желавшихъ представиться Государю. Во главѣ упомянутой части Придворнаго вѣдомства стоялъ Камергеръ В. В. Евреиновъ, милый и обязательный, но поразившій меня своимъ „паникёрствомъ"... Пришлось невольно задуматься — неужели въ столицѣ, да еще въ относительной близости къ трону, все такіе слабо-нервные господа?!

На другой день я пошелъ въ зданіе Петербургскаго Дворянскаго Собранія, съ его импозантной парадной лѣстницей, чудной колоннадой въ залѣ и цѣлой вереницей окружавшихъ

ее парадныхъ комнатъ, сплошь завѣшанныхъ художественно-исполненными портретами Августѣйшихъ особъ, сановниковъ, принадлежащихъ къ столичному дворянству и петербургскихъ губернскихъ предводителей.

Въ одной изъ смежныхъ съ главной залой комнатъ я засталъ собравшихся на съѣздъ членовъ. Меня встрѣтилъ элегантный штатскій — Петербургскій Губернскій Предводитель Дворянства, гр. Василій Васильевичъ Гудовичъ. Ранѣе онъ служилъ въ Конномъ полку, а нынѣ состоялъ въ должности Шталмейстера Двора Его Величества. Человѣкъ податливый, онъ, въ описываемое время, находился подъ сильнымъ вліяніемъ своего Орловскаго коллеги — небезызвѣстнаго Михаила Александровича Стаховича, подъ обаяніемъ котораго обрѣтался и другой столичный предводитель, глава московскаго дворянства — кн. Петръ Николаевичъ Трубецкой, съ которымъ тотчасъ же меня познакомилъ Гудовичъ.

Это былъ огромнаго роста широкоплечій мужчина съ грузнымъ, нѣсколько мѣшковатымъ туловищемъ и сравнительно небольшой головой, покрытой густыми, коротко остриженными, темными волосами. Слегка смугловатое лицо Трубецкого можно было бы назвать даже красивымъ, если бы не портилъ его замѣтно обрюзгшій видъ и какое то неопредѣленное полусонное выраженіе маленькихъ, словно медвѣжьихъ глазъ.

Князь Петръ Николаевичъ былъ человѣкомъ безусловно неглупымъ, въ домашнихъ дѣлахъ хозяйственнымъ, въ общественныхъ — опытнымъ руководителемъ не безъ нѣкоторой хитрости и даже умно-замаскированнаго интриганства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ страдалъ необычайной мягкотѣлостью и слабоволіемъ не безъ доли изрядной лѣни.

Въ Москвѣ онъ славился широкимъ хлѣбосольствомъ; самъ не прочь былъ сытно и вкусно покушать и отъ добраго вина не отказывался. Былъ чрезвычайно обходителенъ, умѣлъ вокругъ себя объединять, быстро, по русскому благодушному обычаю, переходилъ на „ты"...

Трубецкой являлся фигурой замѣтной не только по своему внѣшнему виду и по занимаемому имъ положенію, а также по свойственному ему умѣнью „обхаживать" въ общественномъ смыслѣ людей... Недаромъ при образованіи политическихъ группировокъ въ реформированномъ послѣ 1906 года Государственномъ Совѣтѣ члены его, образовавшіе группу „центра", избрали князя своимъ предсѣдателемъ, каковымъ онъ оставался вплоть до своей трагической кончины (1910 г.) отъ руки племянника Кристи.

Но въ самой Москвѣ была группа дворянъ, во главѣ съ Богородскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ Александромъ Дмитріевичемъ Самаринымъ, настроенная противъ своего Губернскаго Предводителя за чрезмѣрно проявляемую съ его стороны податливость крайнимъ лѣвымъ элементамъ и склонность къ компромиссу въ дѣлахъ, требовавшихъ, по мнѣнію вышеупомянутой группы, болѣе стойкихъ рѣшеній...

Спустя года полтора послѣ описываемаго съѣзда, въ періодъ т. н. реакціи конца 1906 года и послѣдующихъ за нимъ лѣтъ, Самаринское направленіе настолько усилилось, что кн. Петръ Николаевичъ вынужденъ былъ сойти со своего московскаго престола, уступивъ его своему противнику подъ предлогомъ усиленныхъ работъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Такимъ образомъ, съ 1907 года князя Трубецкого замѣнилъ въ качествѣ вновь избраннаго Московскаго Губернскаго Предводителя Дворянства Александръ Дмитріевичъ Самаринъ, одинъ изъ представителей извѣстной семьи Самариныхъ, родной сынъ Дмитрія Ѳедоровича и племянникъ Юрія Ѳедоровича, имена которыхъ въ семидесятыхъ годахъ пользовались большимъ уваженіемъ и популярностью, какъ славянофиловъ, публицистовъ и организаторовъ крестьянскаго благоустройства.

Въ предводителяхъ Самаринъ оставался до назначенія его въ 1915 году Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода.

Почти одновременно со мною, Александръ Дмитріевичъ былъ пожалованъ егермейстерствомъ, а послѣ Романовскихъ торжествъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Самаринъ былъ человѣкомъ вдумчивымъ, идейнымъ и послѣдовательнымъ въ своихъ словахъ и поступкахъ. Глубоко-религіозный и консервативный въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ отличался необычайной стойкостью своихъ продуманныхъ и твердо-усвоенныхъ убѣжденій. Въ открытомъ исповѣданіи ихъ, несмотря ни на что, онъ видѣлъ цѣль и правду своей жизни и службы. Вотъ отчего такъ трудно ему было нести свой крестъ на высокомъ посту Оберъ-Прокурора Синода въ тяжелыя времена разныхъ темныхъ вліяній на Царя. Изъ-за небезызвѣстнаго Варнавы, Самарину пришлось уйти со службы съ сознаніемъ страшнаго грядущаго.

Жили мы съ Самаринымъ дружно, нерѣдко совмѣстно исполняя сословно-общественныя порученія и обычно выступая въ тѣсномъ единеніи нашихъ взглядовъ на злободневные вопросы. Въ началѣ Великой войны 1914 г. мы работали рядомъ въ краснокрестной тыловой организаціи.

Приблизительно въ томъ же 1907 году въ Петербургѣ также произошла смѣна губернскихъ предводителей, и на мѣсто гр. Гудовича былъ выбранъ свѣтлѣйшій князь Иванъ Николаевичъ Салтыковъ, флигель-адъютантъ, въ высшей степени симпатичный, гостепріимный, столичный Предводитель, радушно встрѣчавшій насъ, — провинціаловъ, въ своемъ извѣстномъ особнякѣ на Дворцовой набережной.

Я уже отмѣтилъ, что князь П. Н. Трубецкой, такъ же какъ и гр. В. В. Гудовичъ, находились подъ замѣтнымъ вліяніемъ ихъ близкаго друга и коллеги по Орловской губерніи — Михаила Александровича Стаховича, съ которым пришлось мнѣ тутъ же на августовскомъ съѣздѣ познакомиться.

Довольно высокаго роста, плотный, Стаховичъ имѣлъ

то, что называется „львиную наружность": большое, мужественнаго выраженія лицо, съ густой, волнистой, темно-русой шевелюрой и окладистой бородой. Вся повадка Стаховича носила характеръ подчеркнутой самоувѣренности, а глаза его — изжелта-сѣрые, подъ густыми „сычиными" бровями, имѣли смѣшанное выраженіе — природнаго ума и самовлюбленной... наглости.

Михаилъ Александровичъ былъ человѣкомъ безусловно способнымъ и по-своему талантливымъ. Онъ обладалъ даромъ краснорѣчія, а главное, пылкимъ темпераментомъ, который дѣйствовалъ на аудиторію, пожалуй, даже сильнѣе, чѣмъ сущность его рѣчей. Мнѣ лично не нравились его выступленія по самой манерѣ его говорить какимъ-то слегка гнусавымъ и опять-таки чрезмѣрно самоувѣреннымъ тономъ. На многихъ онъ производилъ восторженное впечатлѣніе, особливо на дамскую среду, носившую его на рукахъ и, надо думать, создавшую ему въ свое время репутацію „неотразимаго" оратора.

Какъ общественный и государственный дѣятель, Стаховичъ являлся скорѣе человѣкомъ чувства и публичной карьеры, чѣмъ здраваго разсудка. Личное честолюбіе и ставка на популярность затмевали остальное. У Стаховича все сводилось къ тому, чтобы о немъ говорили, чтобы все окружающее служило фономъ для его „я". Вотъ почему, если вокругъ замѣчалось „правое" теченіе, онъ становился лѣвымъ, и обратно. Среди губернских предводителей Михаилъ Александровичъ проповѣдывалъ ярый либерализмъ. Выбранный въ лѣвую первую Государственную Думу, этотъ безпочвенный фантазеръ выступалъ съ реакціонными рѣчами, за которыя получалъ угрожающія письма.

Моя собственная жизнь, съ молодого возраста, складывалась и протекала въ условіяхъ дѣловыхъ заботъ и отвѣтственной работы. У меня, относительно людей, которыхъ я встрѣчалъ на своемъ сложномъ житейскомъ пути, мало-помалу устанавливалась своя расцѣнка, подсказываемая чисто-практическими соображеніями: я дѣлилъ людей на двѣ категоріи — на однихъ, которымъ бы я довѣрилъ веденіе моихъ хозяйственныхъ дѣлъ, и на другихъ, которымъ я управленіе ими не далъ бы... Первыхъ я встрѣчалъ сравнительно рѣдко. Вспоминаются мнѣ по этому поводу дружескіе разговоры въ Государственномъ Совѣтѣ съ рядомъ сидѣвшими моими друзьями: Александромъ Дмитріевичемъ Самаринымъ и Дмитріемъ Николаевичемъ Семиградовымъ (Бессарабской губ.). Оба они были людьми дѣльными и хозяйственными.

Сидѣли мы въ самомъ заднемъ ряду залы засѣданій и могли видѣть передъ собой всѣхъ членов Государственнаго Совѣта. Нерѣдко задавались мы вопросомъ, кого бы изъ этихъ, важно засѣдавшихъ въ великолѣпной залѣ Маріинскаго Дворца на своихъ мягкихъ креслахъ, государственныхъ мужей могли бы мы порекомендовать другъ другу въ управляющіе нашими хозяйственными дѣлами? Долженъ сознаться, что таковыхъ людей изъ всѣхъ присутствовавшихъ мы находили очень мало. Умныхъ, говорливыхъ, образованныхъ и просто симпатичныхъ было сколько угодно, но для отвѣтственнаго практическаго дѣла достойныхъ людей выбрать было бы нелегко. Межъ тѣмъ, для основательнаго и плодотворнаго государственнаго управленія, я считалъ и продолжаю считать пригодными лишь тѣхъ лицъ, которыя оказывались способными вести практически-разумно собственныя хозяйственныя дѣла.

Съ этой точки зрѣнія нашей расцѣнки, мы на Стаховича смотрѣли отрицательно.

68

Вернусь къ дальнѣйшему своему повѣствованію о Съѣздѣ Губернскихъ Предводителей Дворянства въ августѣ 1905 г.

За большимъ овальнымъ столомъ размѣстились съѣхавшіеся участники съѣзда и, выбранный предсѣдателемъ гр. В. В. Гудовичъ. Ознакомивъ собравшихся съ событіями послѣдняго времени и, въ частности, съ Высочайшимъ Указомъ 6-го августа, онъ предупредилъ насъ, что засѣданія съѣзда будутъ строго-конфиденціальнаго характера. Всѣ предводители привѣтствовали эту мысль. Тутъ же раздались голоса, предложившіе приступить къ скорѣйшей выработкѣ инструкцій для предсѣдательской дѣятельности губернскихъ предводителей при предстоявшихъ выборахъ на мѣстахъ.

Подобный порядокъ занятій былъ предложенъ людьми дѣла и практики. Но не такъ, къ сожалѣнію, понимали свои обязанности нѣкоторые изъ нашихъ сочленовъ. М. А. Стаховичъ тотчасъ же выступилъ со страстной рѣчью, въ которой онъ горячо сталъ нападать на правительственныя распоряженія, въ рѣзкихъ выраженіяхъ критиковалъ Указъ 6-го августа, требовалъ болѣе совершенныхъ формъ народнаго представительства, призывалъ всѣхъ присутствовавшихъ единодушно присоединиться къ его голосу и, въ концѣ концовъ, предложилъ обратиться къ Царю съ ходатайствомъ о дарованіи населенію широкихъ свободъ, разумѣя подъ ними свободу совѣсти, собраній, печати и пр.

Лично на меня все, въ высшей степени темпераментное, выступленіе Стаховича произвело отрицательное впечатлѣніе, являясь чѣмъ-то расплывчатымъ, митинговымъ и неумѣстнымъ. Подобные выкрики могли бы, можетъ быть, повліять на рядовую публику, возбуждая ея страсти и наталкивая на публичные эксцессы; но въ данной обстановкѣ, среди почтенныхъ, облеченныхъ довѣріемъ дворянскихъ обществъ, людей, призванныхъ Государемъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ руководить на мѣстахъ впервые проводимыми въ странѣ выборами народныхъ представителей, — подобное

„митинговое" выступленіе казалось мнѣ какимъ-то нелѣпымъ несоотвѣтствіемъ, какъ съ мѣстомъ, такъ и съ сущностью самаго дѣла.

Стаховичъ говорилъ въ непререкаемомъ тонѣ и со свойственной ему самоувѣренностью; онъ былъ избалованъ обычнымъ отношеніемъ къ нему аудиторіи и надѣялся собрать большинство. Я былъ въ нерѣшительности — просить мнѣ слова или нѣтъ; во мнѣ накипало желаніе „осадить" вреднаго для нашихъ занятій болтуна, но я впервые принималъ участіе въ столичномъ всероссійскомъ съѣздѣ, состоявшемъ изъ старѣйшинъ дворянства. Хотѣлось сначала присмотрѣться и самому прислушаться къ людямъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ чьей-либо отповѣди по адресу орловскаго краснобая. Но никто не выступалъ, и Гудовичъ, переглянувшись съ Трубецкимъ, былъ, очевидно, готовъ отступить отъ порядка обсужденія, предложеннаго имъ самимъ, и перейти къ разсмотрѣнію всѣхъ тѣхъ стаховичевскихъ общихъ фразъ, подъ вліяніемъ которыхъ находились нѣкоторые изъ присутствовавшихъ лицъ. Я не могъ больше сдерживаться и попросилъ слова. Не безъ волненія я заговорилъ, доказывая собравшимся всю неумѣстность и несостоятельность предложенія Стаховича, принятіе которыхъ повлекло бы за собой превращеніе нашего дѣлового съѣзда въ своего рода учредительное собраніе съ неопредѣленной, расплывчатой, конституціонной программой. Обратившись къ Стаховичу, я сказалъ, что о свободахъ говорить тогда только можно, когда одновременно будутъ для нихъ установлены закономъ опредѣленныя границы, въ противномъ же случаѣ всѣ эти объявленныя имъ свободы, силою вещей, превратятся въ сплошную анархію. Раздались со всѣхъ сторонъ сочувствующіе мнѣ голоса. Въ томъ же духѣ стали высказываться и другіе предводители: Владиміръ Александровичъ Драшусовъ (Рязанскій), Сергѣй Евгеньевичъ Бразоль (Полтавскій), кн. Василій Дмитріевичъ Голицынъ (Черниговскій) и др.

Стаховичъ надменно дымилъ сигарой, отдѣлывался краткими репликами, все время что-то нашептывая то Гудовичу, то грузному Трубецкому. Наконецъ, онъ всталъ и, подойдя ко мнѣ, вызывающимъ тономъ меня спросилъ: „Неужели Вы тотъ самый Наумовъ, который у себя въ Самарѣ считался либеральнымъ земцемъ, и о которомъ мнѣ неоднократно говорилъ Вашъ землякъ, Николай Александровичъ Шишковъ?" Я счелъ за лучшее на эту наглую выходку никакъ не реагировать, но сознаюсь — мнѣ это было нелегко, хотѣлось съ этимъ господиномъ иначе поступить.

Возмездіе воспослѣдовало въ иномъ видѣ — всѣ высокопарные призывы Стаховича полностью провалились: огромнымъ большинствомъ было постановлено перейти къ чисто дѣловой работѣ.

По окончаніи засѣданія, многіе изъ присутствовавшихъ проводили меня до моей Европейской гостиницы, зашли ко

мнѣ въ номеръ и выразили мнѣ чувство признательности за мое разумное и „трезвое", какъ они тогда выразились, выступленіе.

На другой день, просматривая газеты, я вдругъ наталкиваюсь на большую статью въ Перцовской газетѣ „Слово", спеціально посвященную нашему вчерашнему засѣданію. Стаховичъ въ этой статьѣ выставлялся въ ореолѣ своего спасительнаго либерализма и государственной прозорливости, мы же всѣ (моя фамилія была проставлена въ первую голову) изображались заядлыми мракобѣсами, тормозившими обновленіе и оздоровленіе страны.

Я рѣшилъ захватить съ собой на съѣздъ упомянутую газету, и при началѣ засѣданія обратился къ предсѣдателю съ запросомъ, какимъ образомъ, послѣ его же предупрежденія о конфеденціальности работъ съѣзда, могла попасть въ печать статья, съ изложеніемъ существа происходившихъ преній и состоявшихся нашихъ постановленій. Опять-таки, со стороны всѣхъ присутствовавшихъ я встрѣтилъ моему заявленію единодушную горячую поддержку. Смущенный Гудовичъ завѣрилъ участниковъ собранія, что секретарь Съѣзда Ю. Н. Милютинъ никакихъ информацій въ газетныя редакціи не давалъ. Тогда всѣ обратили свои взоры на преспокойно дымившаго сигарой Стаховича, но, конечно, отъ него, дѣйствительнаго виновника этого возмутительнаго акта, признанія ожидать было нельзя. „Свои свободы" этотъ глашатай либерализма, очевидно, понималъ „по-своему".

Въ послѣдующихъ нашихъ занятіяхъ чисто-дѣлового характера Стаховичу участвовать было уже скучно и онъ больше на нашихъ засѣданіяхъ не появлялся.

Вскорѣ мы получили отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Булыгина приглашеніе „пожаловать" къ нему „на чашку чая" у него на дачѣ. Мы были радушно приняты большимъ, грузнымъ, съ пріятнымъ барскимъ лицомъ хозяиномъ, просидѣвъ съ нимъ часа два за непринужденной бесѣдой. Мы передали ему выработанную нами на съѣздѣ схему предстоящихъ намъ работъ по руководству выборами въ Думу. Булыгинъ, съ присущимъ ему лѣнивымъ добродушіемъ, съ нашей программой согласился. Милѣйшій и симпатичный Александръ Григорьевичъ, благодаря своей мягкотѣлости и всему своему облику, мало походилъ на министра — то былъ скорѣе добрый, благодушный баринъ-аристократъ, которому подходило бы жить не на министерской дачѣ, а у себя въ просторной помѣщичьей усадьбѣ.

Глядя на рыхлаго, благодушнаго Александра Григорьевича, какъ-то въ голову не приходило ждать отъ него проявленія рѣшительной власти. Булыгинъ скорѣе лишь только числился Министромъ, носителемъ же дѣйствительной власти фактически являлся его Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, одновременно занимавшій должность Петербургскаго

Градоначальника, Свиты Его Величества генералъ-майоръ Дмитрій Ѳедоровичъ Треповъ.

Показательнымъ подтвержденіемъ взаимоотношеній Министра и его Товарища можетъ служить слѣдующій эпизодъ.

Какъ я ранѣе упоминалъ, тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, я записался въ списокъ лицъ, заявившихъ о своемъ желаніи представиться Государю. Какъ разъ въ это время Его Величество отбылъ на своей яхтѣ въ финляндскія шхеры, и списокъ, въ который я былъ занесенъ, вернулся въ церемоніальную часть съ собственноручной отмѣткой Государя: „Приму тотчасъ по возвращеніи".

Прошла недѣля, начиналась другая. Всѣ наши предводительскія засѣданія закончились, „чашка чая" у Министра тоже была выпита. Не разъ я понавѣдывался у Евреинова, какъ обстоитъ дѣло съ моимъ представленіемъ; получался одинъ и тотъ же отвѣтъ, что Государь еще не возвращался. Я начиналъ безпокоиться, ввиду тѣхъ исключительныхъ заданій, которыя возлагались на губернскихъ предводителей, какъ на руководителей предстоящихъ думскихъ выборовъ. Помимо этого я, во что бы то ни стало, долженъ былъ спѣшно вернуться къ себѣ въ Самару, ввиду ранѣе назначенныхъ мною на конецъ августа ряда собраній и совѣщаній, касавшихся дѣлъ серьезнаго мѣстнаго значенія.

Евреиновъ, видя мое безпокойство и не имѣя подъ руками свѣдѣній о томъ, когда возможно было ожидать возвращенія Его Величества, посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. При свиданіи съ Булыгинымъ, я просилъ его, ввиду полной неопредѣленности времени возвращенія Государя, устроить отсрочку моего представленія Его Величеству до другого раза, а сейчасъ отпустить меня въ Самару къ моимъ срочнымъ мѣстнымъ дѣламъ. Скругливъ свои добрые, большіе, каріе глаза — очевидно, для пущей внушительности, мягкотѣлый, но милый Александръ Григорьевичъ категорически отказался мнѣ помочь. Въ силу состоявшейся Высочайшей резолюціи, помѣченной на моемъ спискѣ, я долженъ во что бы то ни стало ожидать возвращенія Государя. Мой самовольный отъѣздъ будетъ сочтенъ для меня, какъ Губернскаго Предводителя Дворянства, да еще впервые представляющагося, неслыханнымъ поступкомъ, и онъ, Булыгинъ, предвидитъ за таковой всяческія серьезныя для меня послѣдствія.

Пришлось волей-неволей подчиниться, а изъ Самары одна за другой приходили телеграммы. Видимо, тамъ стали голову терять. Я рѣшилъ вновь отправиться къ Булыгину; показываю ему кипу полученныхъ мною депешъ, еще разъ объясняю, что при такихъ условіяхъ я не смогу осуществить предвыборныя мѣропріятія, которыя намѣчены были на предводительскомъ Съѣздѣ. Закончилъ я слѣдующими словами: „ранѣе была одна — нормальная обстановка придворнаго этикета, нынѣ же, въ силу извѣстныхъ и Вамъ, Министрамъ, и Государю, исключительныхъ обстоятельствъ, переживаемыхъ страной, обстановка эта представляется иной, тоже исключительной, съ чѣмъ и слѣдовало бы считаться. Поэтому я позволяю себѣ еще разъ просить Ваше Высокопревосходительство оказать мнѣ содѣйствіе, въ смыслѣ заступничества передъ лицомъ нашего Государя, и отпустить меня немедленно въ Самару. Добрый Булыгинъ вновь закруглилъ глаза, глубоко вздохнулъ и задушевнымъ голосомъ промолвилъ: „Ну, знаете, единственно, что могу Вамъ въ этомъ случаѣ посовѣтовать! Поѣзжайте къ градоначальнику Трепову, изложите ему все. Если онъ согласится доложить Его Величеству относительно Васъ, можете спокойно ѣхать во-свояси!" Я тотчасъ же поѣхалъ на Мойку, гдѣ проживалъ всесильный въ то время Петербургскій Градоначальникъ. Къ счастью, я засталъ его дома, и скоро былъ принятъ. Войдя въ кабинетъ, я увидѣлъ передъ собою высокаго, браваго и статнаго среднихъ лѣтъ генерала въ свитскомъ мундирѣ. Его каріе, прямо смотрѣвшіе, искренніе глаза и весь его обликъ выдавали недюжинную энергію и волевой характеръ.

Треповъ принялъ меня, стоя у окна. Пока я излагалъ ему о себѣ и создавшемся для меня затруднительномъ положеніи, онъ пристально всматривался въ мое лицо. Закончилъ я свое обращеніе просьбой взять на себя трудъ доложить Его Величеству, что я ему только что передалъ, и что вынуждало меня спѣшно ѣхать къ себѣ въ Самару. „Я убѣжденъ, — добавилъ я, смотря также прямо въ глаза понравившемуся мнѣ Трепову, — что Государь, узнавъ правду, меня помилуетъ!" Генералъ молодцевато одернулся, улыбнулся и, протянувъ руку, сказалъ: „Поѣзжайте съ Богомъ и будьте покойны! Все будетъ сдѣлано!" При этихъ словахъ мнѣ захотѣлось крѣпко обнять этого браваго человѣка за высказанное имъ твердое обѣщаніе меня выручить.

Черезъ два дня я былъ у себя въ Самарѣ, въ окруженіи своихъ дорогихъ мѣстныхъ друзей-сотрудниковъ, и всѣ мы рьяно принялись за отвѣтственную и спѣшную работу.

Но прежде чѣмъ о ней говорить, мнѣ хотѣлось бы добрымъ словомъ помянуть то теплое отношеніе, которое проявлено было ко мнѣ со стороны многихъ, впервые со мной познакомившихся на съѣздѣ, моихъ новыхъ коллегъ — губернскихъ предводителей, съ которыми пришлось за время совмѣстнаго нашего пребыванія въ Петербургѣ, не только близко, но и дружески сойтись.

Назначенное мною на конецъ августа собраніе предводителей и депутатовъ, я использовалъ, главнымъ образомъ, для обсужденія двухъ основныхъ вопросовъ: о наилучшихъ способахъ ознакомленія населенія съ предстоящими выбо-

рами въ „Государственную Думу 6 августа", и о судьбѣ доставшагося мнѣ наслѣдія отъ А. А. Чемодурова, въ видѣ выстроеннаго обширнаго дворянскаго пансіона-пріюта, противъ котораго я всемѣрно возставалъ въ бытность мою еще уѣзднымъ предводителемъ, и относительно котораго я представилъ на усмотрѣніе собранія спеціальный свой докладъ о необходимости превратить предполагаемый дворянскій пансіонъ во всесословную гражданскую гимназію, съ опредѣленнымъ количествомъ (36) стипендій для дѣтей неимущихъ мѣстныхъ дворянъ. Къ моей великой радости, докладъ этотъ былъ единогласно принятъ, и я рѣшилъ срочно подготовить все необходимое для внесенія одобреннаго уѣздными предводителями - депутатами доклада на ближайшее экстренное дворянское собраніе.

По первому вопросу былъ намѣченъ цѣлый рядъ желательныхъ мѣръ, возложенныхъ на всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства, для возможно полнаго объединенія землевладѣльческаго класса передъ выборами въ Государственную Думу, и для ознакомленія остального населенія, въ цѣляхъ избранія наилучшихъ крестьянскихъ представителей.

Покончивъ съ этими срочными дѣлами, я поспѣшилъ въ Головкино, съ которымъ пришлось въ половинѣ сентября всѣмъ намъ временно, на зиму, разстаться. Моя мать, боясь шумнаго общества, рѣшила ѣхать не съ нами, въ Самару, а въ Казань, къ вдовѣ моего брата Димитрія — Ольгѣ Наумовой. Я не сталъ ее отговаривать и настаивать на нашей совмѣстной жизни въ Самарѣ, самъ не зная, во что эта жизнь выльется. Потомъ я лишь Господа Бога благодарилъ за то, что нервной моей старушки не было съ нами въ революціонной и терроризированной Самарѣ. Послѣ лѣта 1907 года, въ болѣе спокойное время, мама насъ не покидала, участвуя въ общей нашей благополучной семейной жизни.

Съ конца сентября вся наша семья поселилась въ Самарѣ, въ новомъ нашемъ домѣ.

Какъ этотъ первый переѣздъ, такъ и всѣ послѣдующіе, всегда совершались на пароходѣ, ходившемъ между Головкинымъ и Самарой.

Семья наша съ годами все разрасталась; впослѣдствіи стала ѣздить съ нами и мама со всѣмъ своимъ окруженіемъ, такъ что, бывало, я снималъ на Дружбинскихъ пароходахъ весь первый классъ и часть каютъ второго, куда размѣщалъ многочисленный штатъ нашей прислуги. Само собой, для этого путешествія заготовлялся заранѣе огромный запасъ всяческой провизіи, и совершенно по-домашнему мы располагались въ уютныхъ пароходныхъ помѣщеніяхъ. Это была чудная неутомительная прогулка, среди живописнѣйшей природы родной нашей красавицы - Волги. Хлопотъ съ этими переѣздами бывало немало, зато отдыхъ на пароходной палубѣ былъ сладокъ.

Итакъ, во второй половинѣ сентября 1905 года, Самарскій домъ, наконецъ, дождался своего назначенія и раскрылъ свои гостепріимныя двери для пріема семьи, состоявшей въ то время изъ жены и четырехъ дѣтокъ — малютокъ: Маріи — шести лѣтъ, Анны — пяти, Ольги — трехъ и крошки Александра — одного года, при которомъ состояла няней Екатерина Зайцева со своей племянницей — бѣлокурой Женей.

Остальная прислуга была почти все та же: вѣрный мой камердинеръ Никифоръ; преданная чета Огневыхъ — поваръ Владиміръ съ женой Анной Гавриловной — портнихой и ихъ маленькимъ сыномъ, шалуномъ Аркашей; затѣмъ рябая, съ громовымъ голосомъ, прачка Марья Тихоновна, двѣ Дуняши — одна для нашего съ женой услуженія, другая для буфета, и швейцаръ Николай Киселевъ.

Красивый, бѣлокурый, статный Николай, одѣтый въ нарядный русскій костюмъ — поддевку и высокіе лакированные сапоги — несъ безукоризненно свою швейцарскую нелегкую службу, ограждая въ смутные революціонные 1905-1906 годы мою жизнь, а въ послѣдующіе года — мой покой и здоровье. Онъ зналъ, кого принять, и кому отказать.

Городскіе кучера у меня мѣнялись, но не могу не вспомнить моего перваго — извѣстнаго на всю Самару — Кузьму, носившаго страшную кличку „Соловья Разбойника", очевидно полученную имъ въ силу огромнаго роста и дородства. Въ концѣ октября 1905 года начались въ Самарѣ т. н. профессіональныя забастовки, организованныя комитетами, члены которыхъ ходили изъ дома въ домъ, разнося агитаціонную литературу, развращая пропагандой прислугу, возстанавливая ее противъ нанимателей и пр. Представители кучерской организаціи пришли къ намъ на дворъ, заставивъ нашего Кузьму идти на „засѣданіе рабочаго трибунала". Не забуду, какъ эта бородатая черно-красная громада пришла ко мнѣ въ кабинетъ за совѣтомъ. „Пришли, баринъ, — пробасилъ недовольнымъ голосомъ Кузьма, — негодяи — меня „снимать". Требуютъ, чтобы я шелъ въ ихній трибуналъ... Какъ прикажете? Могу ихъ всѣхъ въ мигъ прогнать!" Я посовѣтовалъ ему идти, чтобы не дразнить эту публику. Привели Кузьму на засѣданіе, оказавшееся заправскимъ митингомъ изъ „профессіоналовъ" кучеровъ и всякой уличной рвани. Какой-то мохнатый типъ, конечно, понятія о томъ, какъ держать вожжи, не имѣвшій, предсѣдательствовалъ. Каждаго „снятаго" выволакивали на стоявшій по серединѣ помостъ и опрашивали, какія условія его службы, какъ относится къ нему хозяинъ, сколько получаетъ, какую получаетъ ѣду и пр. Забрался на этотъ помостъ и нашъ колоссъ Кузьма. Стали его засыпать разспросами... И вотъ, къ злобному разочарованію всѣхъ собравшихся, революціонный трибуналъ услыхалъ изъ громогласной глотки наумовскаго служащаго настоящую, отборную, кучерскую ругань, но только не по адресу своего хозяина, какъ всѣ того ожидали, а по ихъ собственному. Нашъ „Соловей-Разбойникъ" заявилъ, что харчей такихъ, какъ онъ получаетъ у свое-

го „барина", никто изъ нихъ не ѣдалъ и во вѣкъ не отвѣдаетъ"... Бросившихся на него со всѣхъ сторонъ съ кулаками „товарищей" онъ легко подъ себя подмялъ и затѣмъ гордо покинулъ „профессіональное засѣданіе".

Пришлось ему потомъ за свое „вызывающее" поведеніе подпадать подъ уличный „бойкотъ", выражавшійся, между прочимъ, въ томъ, что при проѣздѣ насъ забрасывали камнями, но мой Кузьма относился къ подобнымъ выходкамъ явно презрительно.

Конецъ сентября и начало октября прошли у меня въ устройствѣ и приспособленіи подъ жилье нашего новаго дома, который, видимо, и всѣмъ моимъ семейнымъ и самарскимъ знакомымъ чрезвычайно понравился.

Моя жена ближе всего сошлась съ семьей Шишковыхъ. Мои семейные стали мало-по-малу знакомиться съ самарскимъ обществомъ, въ частности съ семьей Вице-Губернатора Владиміра Григорьевича Кондоиди. Это былъ благороднѣйшій человѣкъ, добрѣйшей души, глубоко религіозный и стойкій въ своихъ консервативныхъ убѣжденіяхъ. Онъ получилъ прекрасное образованіе, много читалъ, хорошо владѣлъ перомъ и могъ быть интереснымъ собесѣдникомъ. Будучи человѣкомъ долга, Кондоиди весь отдавался своей службѣ, проявивъ себя серьезнымъ и полезнымъ работникомъ. Когда на самарскомъ небосклонѣ появился, вмѣсто Брянчанинова, г. Засядко, для губернаторскихъ обязанностей человѣкъ совершенно неподготовленный, то первое время Кондоиди, со всей присущей ему добросовѣстностью, „натаскивалъ" протеже князя Мещерскаго, усердно знакомя его со сложными и отвѣтственными функціями новой должности.

70

Вскорѣ послѣ нашего переѣзда въ Самару, наступили тревожныя и мрачныя времена, возникшаго съ октября того же 1905 года, революціоннаго лихолѣтья.

Началось это съ памятнаго для меня вечера 13-го октября. У меня сидѣлъ въ гостяхъ Губернаторъ Засядко, съ которымъ мы сначала мирно бесѣдовали, а затѣмъ стали сражаться на бильярдѣ. Было около десяти съ половиной часовъ вечера, когда вдругъ появляется полицмейстеръ Критскій, съ блѣднымъ, встревоженнымъ лицомъ, и проситъ Губернатора сойти внизъ, въ мой кабинетъ, для принятія экстреннаго его доклада. Оказывается, пока мы, ничего не подозрѣвая, играли на бильярдѣ, на Дворянской улицѣ произошла уличная демонстрація съ участіемъ рабочаго люда, для разгона которой былъ вызванъ усиленный нарядъ полиціи, вступившій съ демонстрантами въ бой. Въ результатѣ возникшей перестрѣлки одинъ изъ рабочихъ — нѣкій Кораблевъ — былъ убитъ и тутъ же подобранъ его товарищами. Уличная свалка

кончилась, но общее настроеніе въ городѣ создалось тревожное.

Засядко тотчасъ же съ полицмейстеромъ куда-то уѣхалъ. Это былъ послѣдній разъ, что онъ былъ въ нашемъ домѣ.

Убійство Кораблева послужило началомъ самарскихъ безпорядковъ, какъ бы сигналомъ для появленія цѣлаго ряда революціонныхъ организацій, забастовочныхъ, профессіональныхъ, рабочихъ, воинскихъ, во главѣ съ т. н. „комитетомъ общественной безопасности". Очевидно, все это было заранѣе подготовлено, ждали лишь перваго удобнаго случая, чтобы появиться на вольный свѣтъ.

На другой же день послѣ ночной демонстраціи стали появляться въ городѣ какія-то подозрительныя банды, съ наглыми руководителями во главѣ, которыя обходили частные дома, опрашивая прислугу. Черезъ нѣкоторое время банды эти стали съ утра собираться около загороднаго т. н. „Молоканскаго сада". Съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, цѣлыми полчищами, безпрепятственно проходили онѣ по главнымъ улицамъ. Благодаря полнѣйшему бездѣйствію растерявшейся полиціи, онѣ стали забираться въ присутственныя мѣста и, подъ аккомпаниментъ неистовыхъ улюлюканій, аплодисментовъ и хулиганскихъ выкриковъ „снимали" служащихъ силкомъ заставляя ихъ бросать работу и выходить къ нимъ на улицу. Дѣло дошло до того, что разъяренная уличная толпа подобнымъ образомъ поступила даже со всѣмъ составомъ — высшимъ и низшимъ — служащихъ Окружного Суда. Господь оградилъ отъ такого безчинства и позора ввѣренное мнѣ присутственное мѣсто — канцелярію Дворянскаго Депутатскаго Собранія. Мною были заблаговременно приняты всѣ возможныя мѣры для охраны драгоцѣннѣйшихъ нашихъ документовъ и родословныхъ книгъ самарскаго дворянства. Я спряталъ ихъ во моей домовой несгораемой кладовой.

Одновременно, въ Самарѣ начались вспышки забастовки. Жизнь въ городѣ изо дня въ день замѣтно теряла свой нормальный укладъ. Недобрые слухи доходили и о ненадежномъ настроеніи квартировавшей въ Самарѣ запасной артиллерійской бригады, недавно вернувшейся съ Дальняго Востока. Помимо нея въ городѣ стояла еще сотня надежныхъ Оренбургскихъ казаковъ подъ командой доблестнаго подполковника Кременцова, но казаки вынуждены были пока бездѣйствовать въ силу общей растерянности губернскаго начальства.

Засядко засѣлъ на своей дачѣ, расположенной наискосокъ отъ нашего дома и со всѣхъ сторонъ забаррикадированной всевозможной стражей, разговаривая со всѣми лишь по телефону. Между тѣмъ улица продолжала все наглѣть... Убитому рабочему Кораблеву устроены были торжесвенныя гражданскія похороны. Тысячная толпа запрудила всю Дворянскую улицу, неся открытый гробъ, обернутый въ красный кумачъ.

Впереди, во всю ширину улицы, болталась на шестахъ широкая алая лента, на которой значилась надпись: „Долой самодержавіе! Долой кроваваго Николая!" Процессія, подъ аккомпаниментъ революціонныхъ напѣвовъ и выкриковъ, демонстративно шествовала мимо Губернскаго Правленія, у одного изъ оконъ котораго занимался въ своемъ кабинетѣ Вице-Губернаторъ Кондоиди. Услыхавъ уличный шумъ, Владиміръ Григорьевичъ взглянулъ на кораблевскіе похороны, прочелъ надписи и, какъ передавали очевидцы, впалъ въ обморочное состояніе — нервы не выдержали... Вообще, бѣдный Кондоиди, убѣжденный монархистъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ нервный и впечатлительный, тяжелѣе другихъ переживалъ описываемый мною періодъ, полный возмутительныхъ выходокъ противъ всего, что онъ, какъ и многіе, привыкъ съ дѣтства свято чтить и исповѣдывать — противъ Вѣры, Царя и Отечества...

Помимо этого, упоминаемое время было исключительно тяжкимъ для всѣхъ насъ еще и потому, что въ силу нашей оторванности отъ далекаго столичнаго центра, мы на мѣстахъ, какъ вѣрноподданные своего Государя, должны были превращаться въ слѣпыхъ исполнителей многочисленныхъ указовъ и манифестовъ, для всѣхъ насъ совершенно неожиданныхъ, подчасъ крайне неопредѣленныхъ, но коренным образомъ мѣнявшихъ нашъ привычный государственный укладъ.

Согласно Указу 6-го августа 1905 года, губернскіе предводители взяли на себя иниціативу принять мѣры для успѣшнаго хода предстоящихъ выборовъ, и содѣйствовать широкому ознакомленію крестьянскихъ массъ съ сущностью вышеупомянутаго Указа, а также и объединенію землевладѣльческихъ группъ и приглашенію всѣхъ заинтересованныхъ слоевъ населенія къ наилучшему использованію предоставленныхъ ему избирательныхъ правъ, согласно выраженной въ означенномъ Указѣ Высочайшей волѣ. В такомъ смыслѣ мною было заготовлено обращеніе къ Самарскому населенію; утромъ, 17-го октября 1905 г., я принесъ его къ Губернатору Засядко для утвержденія его редакціи, имѣя въ виду послѣ сего отпечатать его и разослать по губерніи. Засядко принялъ меня у себя въ кабинетѣ, видимо чѣмъ-то необычайно взволнованный, съ блѣднымъ лицомъ, весь трепыхающійся. Я въ нѣсколькихъ словахъ ознакомилъ его съ моей просьбой и черезъ столъ передалъ ему заготовленный мною проектъ обращенія. Молча, нервной рукой вручаетъ онъ мнѣ въ обмѣнъ какую-то бумагу.,. Развертываю и... читаю телеграмму, содержащую текстъ манифеста 17-го октября 1905 года. Впечатлѣніе получилось дѣйствительно ошеломляющее... Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ возвратить губернаторскую бумагу по принадлежности, а свою взять обратно, — мое обращеніе стало очевиднымъ анахронизмомъ... „Булыгинская" Дума канула въ вѣчность.

Съ высоты Престола провозглашалось коренное измѣненіе основъ самодержавнаго строя, но опять-таки въ столь неопредѣленной редакціи, что сразу же съ появленіемъ упомянутаго манифеста, во всей странѣ, среди самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія возникъ ожесточенный споръ: одни были увѣрены, что самодержавіе Царя осталось въ полной своей неприкосновенности, другіе считали, что власть Государя отнынѣ должна быть признана ограниченной новыми основными законами. Лично про себя долженъ сознаться, что первое впечатлѣніе по прочтеніи текста манифеста получилось у меня опредѣленно одно: самодержавіе кончилось и объявлена конституція. Такое же мнѣніе высказалъ и Засядко. Разставаясь, я сказалъ ему: „Ну, Ваше Превосходительство, пожелаемъ другъ другу благополучной жизни при новомъ конституціонномъ режимѣ... Одно меня безпокоитъ: не слишкомъ ли далеко скакнулъ нашъ Питеръ въ сторону?! Какъ бы удержаться?!"... Засядко криво усмехнулся, и, схвативъ себя за голову обѣими руками, трагически прошепталъ: „Что то будетъ?!"

На меня объявленіе Манифеста произвело сильнѣйшее, далеко не утѣшительное впечатлѣніе. Прежде всего, несомнѣнно выявилось пораженіе правительства — его безсиліе, и торжество улицы. Вся эта скоропалительная столичная конституціонная кухня на заграничный ладъ была мнѣ не по душѣ и меня немало страшила. Вмѣсто преобразованія на демократическихъ началахъ родного, полезнаго во всѣхъ смыслахъ земства и естественнаго развитія его до широко государственнаго масштаба и значенія, Манифестъ повторялъ уличные выкрики о разныхъ свободахъ и, санкціонируя ихъ, обѣщалъ странѣ дать что то совершенно для нее новое, неиспытанное и ничѣмъ не связанное съ прежнимъ государственно-бытовымъ укладомъ страны.

Въ основѣ своей, несмотря на изданный манифестъ 17-го октября и воспослѣдовавшій за нимъ избирательный законъ, я продолжалъ оставаться тѣмъ, чѣмъ былъ ранѣе и чѣмъ по сіе время состою — убѣжденнымъ сторонникомъ широкаго земскаго представительства. Оно намѣчалось мною въ такомъ видѣ: Волостное Земское Собраніе изъ волостныхъ гласныхъ и избранная имъ Волостная Земская Управа. Далѣе шло Уѣздное земство, т.е., Собраніе, Управа. Затѣмъ — Губернское Земство, и наконецъ, въ центрѣ и наверху страны — Государственное Земское Собраніе, избиравшее Государственную Земскую Управу съ Предсѣдателемъ — Государственнымъ Старшиной и членами.

Вышеупомянутыя Земскія Собранія, начиная съ волостного и кончая Государственнымъ, должны подраздѣляться на обыкновенныя, или очередныя, и экстренныя. Компетенція первыхъ должна была заключаться, главнымъ образомъ, въ разсмотрѣніи годовыхъ отчетовъ и смѣтъ, причемъ всѣ собранія должны были носить сессіонный характеръ. Сроки созыва очередныхъ собраній мною предполагались слѣдующіе:

Волостныя Собранія должны были созываться въ половинѣ сентября на одинъ — два дня, Уѣздныя — въ концѣ октября — на три — шесть дней, Губернскія — въ декабрѣ на 2 —3 недѣли; Государственное — на январь, февраль и мартъ мѣсяцы.

Благодаря установленію сессіонности Государственнаго Собранія, возможно было бы пріобщить къ управленію страной лучшія русскія силы, не нарушая ихъ уклада — ни семейнаго, ни хозяйственнаго...

Привелъ я свои былыя мечтанія потому, что еще разъ хотѣлъ подчеркнуть свое коренное несочувствіе всѣмъ тѣмъ иностраннымъ шпаргалкамъ, которые положены были чиновнымъ Петербургомъ въ основу перваго россійскаго народнаго представительства. Намъ, мѣстнымъ людямъ, приходилось испивать тѣ лѣкарства, которые намъ преподносилъ далекій чуждый Питеръ и которыя подчасъ болѣзненно трудно переваривались народнымъ организмомъ... Манифестъ 17-го октября, никого въ концѣ концовъ не удовлетворилъ и лишь усугубилъ смуту 1905 года. Народное представительство нужно было нашей Россіи, но „свое", бытовое — именно земское.

Въ моей личной жизни этотъ знаменательный день изданія октябрьскаго манифеста сыгралъ рѣшающую роль... Изъ прежняго, какъ меня ранѣе считали, „либеральнаго" земскаго дѣятеля, я превратился въ человѣка, всемѣрно старавшагося противостоять начавшемуся политическому сползанію въ неизвѣстность, дальнѣйшимъ уступкамъ революціонному времени и безудержной уличной вакханаліи, чуть не повлекшей за собой полный параличъ государственной жизни страны. Короче говоря — послѣ 17 октября, изъ либерала я, силою вещей, превратился въ консерватора, а по мнѣнію безчинствовавшей „улицы" — даже въ злѣйшаго реакціонера.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ того же памятнаго дня, сами обстоятельства заставили меня срочно образовать изъ всѣхъ мѣстныхъ крѣпкихъ и государственно-устойчивыхъ силъ особую политическую партію и встать во главѣ въ качествѣ ея руководителя.

Случилось это слѣдующимъ образомъ. 17 октября надо было, согласно постановленію Самарскаго дворянства, отслужить обычный молебенъ въ зданіи своего Собранія въ память чудеснаго избавленія Государя Императора Александра III-го и всей Его Августѣйшей семьи отъ грозившей имъ опасности при желѣзнодорожномъ крушеніи у ст. Борки. Въ Самарѣ было тревожно. Власть бездѣйствовала, улица наглѣла, всюду происходили грабежи, убійства, „снятія" служащихъ, слухи самые фантастическіе, въ городѣ царствовалъ терроръ, слышалась повсемѣстная стрѣльба. Меня обстрѣляли въ моемъ же домѣ на балконѣ.

Большинство городскихъ жителей было въ паникѣ. Больше всего напуганъ былъ Начальникъ Губерніи. Его, какъ и всѣхъ дворянъ, проживавшихъ въ Самарѣ, я письменно пригласилъ присутствовать на молебнѣ въ Дворянскомъ Собраніи... Потомъ подтвердилъ приглашеніе по телефону. Началъ съ Засядко. Спрашиваю, не забылъ ли онъ мое приглашеніе? Получаю отвѣтъ, что ему невозможно пріѣхать — заваленъ работой. Я тогда ему ставлю на видъ, что выѣздъ въ Собраніе потребуетъ отъ него не болѣе часа времени, и что его появленіе именно въ переживаемую смуту не только желательно, но и необходимо. Привожу цѣлый рядъ доводовъ къ тому. Засядко колеблется; въ то время съ нимъ еще возможно было говорить и мнѣ на него вліять. Недѣлю спустя, онъ очутился всецѣло во власти образовавшагося въ Самарѣ революціоннаго „Комитета общественной безопасности". Я ему намекнулъ, что врядъ ли на „верхахъ" одобрятъ подобное отношеніе Начальника Губерніи къ приглашенію дворянскаго общества. Отвѣтъ послѣдовалъ нервный и односложный: „Постараюсь, Ваше Превосходительство!" Спрошенный далѣе по телефону Вице-Губернаторъ Кондоиди увѣдомилъ, что онъ не преминетъ пріѣхать. Надо отдать справедливость почтенному Владиміру Григорьевичу: во все время самарскихъ неурядицъ, онъ держалъ себя всегда стойко, мужественно и съ полнымъ достоинствомъ. Съ другими дворянами я переговорилъ, убѣждая ихъ, именно въ переживаемое опасное время, быть безстрашными носителями своихъ шпагъ и мундировъ. За самарскаго Уѣзднаго Предводителя — графа А. Н. Толстого я не боялся и былъ увѣренъ, что онъ будетъ.

Въ концѣ концовъ, молебенъ сошелъ благополучно, при сравнительно большомъ количествѣ собравшихся дворянъ. Присутствовали также и Засядко съ Кондоиди, причемъ первый не молился, а все время оглядывался.

Послѣ отъѣзда начальствующихъ лицъ, я обратился къ дворянамъ съ краткимъ, но прочувствованнымъ словомъ, въ которомъ призывалъ ихъ не поддаваться паническимъ настроеніямъ, познакомилъ ихъ съ текстомъ только что изданнаго Манифеста и предложилъ имъ чаще собираться въ нашемъ Дворянскомъ Собраніи, съ цѣлью обсужденія создавшагося положенія вещей и ради нашего объединенія. „Такое объединеніе, — сказалъ я, — укрѣпитъ наши силы и придастъ намъ всѣмъ подъемъ, столь необходимый для предстоящей жизни и дѣятельности — вѣдь на людяхъ и смерть красна!" Этимъ я закончилъ свое обращеніе къ дворянамъ, встрѣтившее съ ихъ стороны единодушное сочувствіе. Рѣшено было собраться на другой же день, т. е. 18-го октября.

Вѣсть о сказанныхъ мною въ Собраніи словахъ быстро распространилась среди городскихъ жителей, и на слѣдующій день въ залѣ Дворянскаго Собранія, наряду съ проживавшими въ Самарѣ дворянами, появилась многочисленная депутація отъ инословныхъ гражданъ — землевладѣльцевъ, домовладѣльцевъ, торговцевъ и т. п. съ просьбой пріобщить и ихъ къ нашему объединенію. Переговоривши предварительно со своими дворянами, я отъ имени всѣхъ насъ, съ радостью протянулъ имъ руку, пригласивъ ихъ къ участію въ нашихъ соб-

раніяхъ. Ближайшимъ результатомъ этого объединенія получилось образованіе подъ крышей Самарскаго Дворянскаго Дома особой партіи — т. н. „Партіи Порядка на началахъ Манифеста 17-го октября".

Но прежде чѣмъ останавливаться подробнѣе на описаніи состава, программы и самой дѣятельности этой новообразовавшейся партіи, я постараюсь вспомнить чередовавшіяся въ Самарѣ событія, происходившія послѣ 18-го октября, придерживаясь, по возможности, хронологическаго ихъ порядка.

Наступили одинъ за другимъ дни соборнаго торжественнаго служенія: 19-го октября — по случаю объявленія манифеста 17-го октября; 20-го — годовщина кончины Императора Александра III, и 21-го — восшествіе на престолъ Государя Николая II-го. Надо сознаться, что посѣщать всѣ эти службы и появляться въ мундирномъ облаченіи въ соборѣ, совершенно пустовавшемъ, вслѣдствіе разраставшагося въ Самарѣ сильнѣйшаго террора, было въ достаточной степени непріятно.

Я, какъ и нѣкоторые другіе видные губернскіе чины, получалъ въ то время почти ежедневно подметныя письма съ предупрежденіемъ о готовящихся на меня покушеніяхъ. Со временемъ я сталъ привыкать къ этимъ анонимнымъ угрозамъ, но въ описываемые дни я не былъ еще въ этомъ отношеніи достаточно тренированъ...

Въ связи съ соборными службами вспоминается мнѣ одинъ эпизодъ, сильно встревожившій мою жену. Уѣхалъ я въ соборъ, а въ это время приходитъ въ нашъ домъ къ дѣтямъ учительница музыки. Очевидно не отдавая себѣ отчета, кому говоритъ, и не зная, можетъ быть, о моемъ присутствіи на молебствіи, она имѣла неосторожность сообщить женѣ, что по дошедшимъ до нея слухамъ въ соборѣ только что была брошена бомба, причинившая немало жертвъ... Къ счастью, вскорѣ я вернулся домой живъ и невредимъ...

За церковными службами намъ съ почтеннымъ В. Г. Кондоиди много пришлось передумать и перечувствовать. 19-го числа, на объявленіи въ соборѣ манифеста 17-го октября, приходилось считаться съ его текстомъ и пріучать себя къ мысли объ ограниченіи самодержавной царской власти. Въ день 20-го октября — при молитвахъ за упокой души Императора Александра III, вспоминался мощный обликъ Императора — истаго, увѣреннаго въ себѣ Самодержца, а на другой день, 21-го октября — мы должны были возносить свои молитвы по поводу восшествія на Престолъ того Государя, который только что кореннымъ образомъ измѣнилъ основу самодержавнаго строя страны... Происходила невѣроятно мучительная, тяжелая ломка — если можно такъ выразиться — всего нашего „присяжнаго" нутра, т. е. всего того, на вѣрность чему мы всѣ присягали при вступленіи нашемъ на царскую службу...

Межъ тѣмъ революціонныя событія въ Самарѣ развертывались все шире и сильнѣе. Забастовки разрастались подъ ру-

ководствомъ особаго комитета, гдѣ усиленно дѣйствовалъ одинъ изъ самарскихъ присяжныхъ повѣренныхъ — достаточно бездарный, но наглый и крикливый Глядковъ.

Городъ раскололся на два враждебныхъ лагеря — сторонники одного продолжали неистовствовать въ духѣ ложно понятыхъ „манифестныхъ свободъ", сѣя вокругъ себя хулиганщину и анархію; другіе, въ противовѣсъ первымъ, ходили съ царскимъ портретомъ и пѣли „Боже Царя храни", безпощадно избивая своихъ противниковъ и выкрикивая: „Да здравствуетъ Самодержавіе!„ Центромъ послѣдняго движенія служилъ т. н. „Троицкій" базаръ. Полицейская власть бездѣйствовала и куда-то безслѣдно исчезла.

Одновренно, якобы для возстановленія городского порядка, появляется и изо дня в день усиливается быстро сорганизовавшійся Самарскій Губернскій Комитетъ „Общественной безопасности", въ составъ котораго вошли такія лица, какъ А. К. Клафтонъ, игравшій въ немъ главенствующую роль; нотаріусъ М. С. Афанасьевъ; рядъ мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ; кое-какіе господа изъ газетныхъ редакцій крайне лѣваго направленія (вродѣ „Волжскаго Слова"); вновь прибывшіе откуда-то революціонные гастролеры; представители другихъ, выросшихъ какъ грибы, революціонныхъ организацій и наконецъ, кое-кто изъ паникерствующихъ городскихъ „буржуевъ", пожелавшихъ своимъ вступленіемъ въ означенный комитетъ перестраховаться отъ возможныхъ революціонныхъ эксцессовъ и неожиданностей... Изъ такихъ лицъ вспоминается мнѣ бывшій въ описываемую эпоху предсѣдателемъ Биржевого Комитета Александръ Григорьевичъ Курлинъ, молодой человѣкъ съ большими средствами, податливый и болѣзненно-нервный. Къ комитету пристроился и Н. Д. Батюшковъ.

Засѣданія комитета сводились къ опредѣленной программѣ, а именно — къ захвату въ полномъ объемѣ власти, въ согласованіи съ подобной же дѣятельностью однородныхъ комитетовъ въ другихъ губернскихъ центрахъ Россіи. Само собой разумѣется, что самарскій комитетъ общественной безопасности ничего не предпринималъ для подавленія происходившихъ въ городѣ безобразій по „съемкѣ" и закрытію присутственныхъ мѣстъ.

На площади передъ Окружнымъ Судомъ, откуда „сняли" всѣхъ служащихъ, образовался многочисленный митингъ съ возмутительными выкриками по адресу Царя и правительства. Одинъ субъектъ залѣзъ на бронзовый, во весь ростъ, памятникъ Императора Александра II, сѣлъ верхомъ на царскія плечи и билъ своими нечестивыми лапами по государеву лицу...

Что же дѣлаетъ въ это время губернаторъ? Онъ, очевидно, изъ подлаго чувства самосохраненія, начинаетъ подпадать подъ вліяніе нагло дѣйствовавшаго клафтоновскаго комитета. Онъ высылаетъ на площадь отрядъ оренбургскихъ

казаковъ, но, очевидно, лишь для видимости, ибо даетъ опредѣленный приказъ — никакихъ насилій не чинить и не стрѣлять... И вотъ, на глазахъ высланныхъ и выстроившихся, честныхъ по своей присяжной службѣ казаковъ, наглецъ продолжалъ издѣваться надъ священнымъ для русскихъ людей обликомъ Царя-Освободителя; безнаказанно раздавалась площадная ругань, оскорблявшая то, что являлось святыней для вѣрноподданнаго русскаго человѣка.

Командовавшій казачьимъ отрядомъ подполковникъ П. И. Кременцовъ, честный службистъ, человѣкъ долга и присяги, не выдержалъ, увелъ своихъ казаковъ обратно въ казармы и пріѣхалъ ко мнѣ самъ не свой. „Не могу дольше терпѣть!" — съ отчаяніемъ жаловался мнѣ Кременцовъ, — да и мои казаки, вернувшись въ казармы, побросали на полъ свои винтовки, заявивъ, что незачѣмъ давать въ руки оружіе, если нельзя защищать Царя и Отечество... И они правы!". Каково было мнѣ и имъ всѣмъ терпѣть, стоя на площади и видя происходившее передъ нами безобразіе! Нѣтъ! довольно намъ слушаться этого предателя Засядко! Я честный казакъ, и клянусь Вамъ — безъ всякихъ Засядокъ — впредь буду самъ со своими казаками расправляться со всей этой уличной сволочью... А Вы, Ваше Превосходительство, надѣюсь, меня поддержите и не оставите!" Весь обликъ Кременцова, одѣтаго въ казачью, синюю съ серебромъ, форму, дышалъ недюжинной энергіей и беззавѣтнымъ мужествомъ. Онъ это потомъ блестяще доказалъ.

По мѣрѣ того, какъ неистовства улицы усиливались, и нормальная жизнь въ городѣ все больше нарушалась, почти всѣ присутственныя правительственныя мѣста перестали функціонировать. Оставалась нетронутою только одна моя канцелярія... Вечеромъ 19-го того же „смутнаго" октября произошло памятное засѣданіе на дачѣ у губернатора, который, наконецъ, надумался устроить совѣщаніе начальниковъ всѣхъ губернскихъ вѣдомственныхъ отдѣльныхъ частей, чтобы обсудить злободневный вопросъ, какъ оградить присутственныя мѣста отъ насильственнаго закрытія ихъ уличными бандами, и какія принять мѣры къ скорѣйшему возстановленію нормальной дѣятельности.

Собралось человѣкъ пятнадцать въ небольшой пріемной комнатѣ губернаторскаго лѣтняго помѣщенія, окруженнаго со всѣхъ сторонъ вооруженной стражей, съ Критскимъ во главѣ. Блѣдный, съ темными зловѣщими синяками подъ воспаленными, бѣгающими глазами, Засядко въ этотъ разъ проявилъ прямо-таки болѣзненную нервность. Пригласивъ всѣхъ приступить къ обсужденію предложенныхъ имъ вопросовъ, онъ усѣлся въ кресло, приставленное спинкой къ единственному окну, выходившему на театральную площадь и прикрытому глухими ставнями.

Я сразу увидалъ, что Засядко ничего опредѣленнаго предложить не собирается. Остальные же тоже отмалчивались. Тогда я выступилъ со своимъ предложеніемъ немедленно принять рѣшительныя мѣры противъ уличныхъ скопищъ, тамъ, откуда они появляются, а именно около „Молоканскаго" сада. Тамъ революціонныя банды сговариваются, оттуда безпрепятственно расходятся по всему городу.

Не успѣлъ я свое заявленіе окончить, какъ сидѣвшій около губернатора, предсѣдатель Биржевого Комитета, истерично завопилъ: „Ага! Наумовъ-таки договорился до своего — онъ крови народной хочетъ!"

На это я спокойно, но внушительно замѣтилъ: „Довольно! здѣсь не комитетъ „вашей" безопасности, и не вмѣстно мнѣ слушать ваши митинговые выкрики". Обращаясь затѣмъ къ губернатору, я заявилъ: „А васъ, ваше превосходительство, прошу, какъ предсѣдателя, оградить наше засѣданіе отъ подобныхъ истеричныхъ воплей. Я скажу лишь одно: лучше во-время пролить каплю крови, чѣмъ допустить со временемъ цѣлые потоки ея. Предупреждаю васъ всѣхъ, господа, что если мы не станемъ путемъ примѣненія огнестрѣльнаго оружія защищать себя и ввѣренныя намъ учрежденія отъ засилья революціонныхъ безчинствующихъ элементовъ, то, повѣрьте, они сами начнутъ въ насъ стрѣлять"...

Не успѣлъ я окончить, какъ за спиной губернатора раздались на площади одинъ за другимъ, два рѣзкихъ выстрѣла. Засядко шарахнулся со своего стула и опрометью бросился внутрь дома, Критскій выбѣжалъ на улицу, остальные всѣ тоже повскакали со своихъ мѣстъ и моментально куда-то скрылись. Въ мигъ никого въ пріемной не осталось, за исключеніемъ насъ троихъ — Кондоиди, Кременцова и меня. Переглянувшись другъ съ другомъ и осмотрѣвшись вокругъ себя, мы улыбнулись и всѣ трое прошли черезъ улицу ко мнѣ.

Оказалось, что проѣзжавшие на извозчикѣ мимо губернаторской дачи пьяные мастеровые, замѣтивъ многочисленную вокругъ нея стражу, рѣшили, ради потѣхи, „покуражиться". Ихъ выстрѣлы совпали съ моими предупрежденіями и заставили попрятаться все губернское начальство, съ принципаломъ во главѣ.

А Кременцовъ, покачивая сѣдоватой головой, приговаривалъ: „Ну, и публика! Ну, и начальство! Ну, и губернаторъ!"

Черезъ день послѣ этого я узналъ о возмутительномъ случаѣ съ почтеннымъ В. Г. Кондоиди, которому подъ вліяніемъ всѣхъ пережитыхъ имъ событій, думъ и душевныхъ страданій, пришло въ голову набросать, исключительно для себя и своихъ ближайшихъ друзей, своего рода „исповѣдь", въ связи съ появленіемъ конституціоннаго октябрьскаго манифеста, нарушившаго все, что онъ такъ свято чтилъ и чему присягалъ. Этой откровенной исповѣдью онъ хотѣлъ подѣлиться со своими интимными единомышленниками, и не стѣсняясь называлъ все своими именами. Въ ней можно было найти упрекъ правительству, не сумѣвшему сохранить въ цѣло-

сти россійское самодержавіе; тамъ же указывалось и на зловредное вліяніе еврейскихъ элементовъ и т. д.

Кондоиди имѣлъ неосторожность поручить отпечатать свое произведеніе губернской типографіи, предварительно ознакомивъ съ его содержаніемъ губернатора. Засядко, прочтя, столь сочувственно отнесся ко всему изложенному, что обнялъ автора, похвалилъ и даже облобызалъ его... какъ потомъ оказалось, „іудинымъ" поцѣлуемъ.

И вотъ, въ Царскій день, 21 октября, во время вечерняго театральнаго представленія, изъ губернаторской ложи, въ отсутствіи ея хозяина, кѣмъ-то стали выбрасываться цѣлыя кипы отпечатанныхъ листовъ, за подписью „Вл. Кондоиди", съ содержаніемъ всей его откровенной и интимной исповѣди. На другое утро такіе же листки были разбросаны по всему Троицкому базару.

Въ то же утро полицмейстеръ Критскій явился со срочнымъ докладомъ къ Засядкѣ, и предъявилъ ему экземпляръ вышеупомянутыхъ листковъ. Одновременно съ нимъ, къ тому же Засядкѣ явилась депутація отъ комитета общественной безопасности, въ лицѣ Клафтона, Афанасьева и Глядкова, съ жалобой на дѣйствія „черносотеннаго агитатора — Кондоиди", съ требованіемъ немедленнаго удаленія его с должности самарскаго вице-губернатора. Упомянутая делегація предложила Засядкѣ срочно телеграфировать гр. Витте, грозя въ противномъ случаѣ самимъ приступить черезъ того же Витте къ ликвидаціи „вредной для общественной безопасности дѣятельности г. Кондоиди".

Въ то же утро, нѣсколько позднѣе, ко мнѣ по телефону обращается, видимо сильно взволнованный, Кондоиди, съ убѣдительной просьбой пріѣхать кь нему для переговоровъ. Засядко тоже телефонируетъ мнѣ о всемъ случившемся. Я посовѣтовалъ ему немедленно вызвать къ себѣ Кондоиди для объясненій, высказавъ увѣренность, что все случившееся является ничѣмъ инымъ какъ преступной и возмутительной провокаціей. Къ сожалѣнію Засядко меня не послушалъ и, не переговоривъ съ Кондоиди, исполнилъ настойчивое требованіе комитета общественной безопасности: онъ телеграфировалъ въ Петербургъ Витте, изобразивъ поведеніе самарскаго вице-губернатора въ завѣдомо извращенномъ видѣ

71

Приблизительно въ тѣхъ же двадцатыхъ числахъ октября революціонное движеніе перебросилось изъ города въ деревню, то тамъ, то сямъ стали образовываться „сельскія республики", вродѣ Старо-Буяновской, Красноярской и др., съ президентами — самыми отчаянными деревенскими бунтарями, во главѣ. Одновременно вспыхнули аграрные безпорядки, сопровождавшіеся поджогами и безжалостнымъ уничтоженіемъ помѣщичьихъ усадебъ, хуторовъ и всего инвентаря, включая всякую живность. Были случаи, когда у всѣхъ жеребыхъ матокъ на конскихъ заводахъ распарывали брюха, а у молодняка перерѣзали горла...

Въ нашей губерніи подобное возмутительное варварство началось въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, съ обширной экономіи генерала Х. Х. Роопа. Оттуда эта разрушительная революціонная лавина, не встрѣчая на своемъ пути никакихъ препятствій, разлилась широкой полосой, приблизительно въ 200 верстъ, къ сѣверо-западу губерніи, захвативъ часть Самарскаго, Ставропольскаго, Бузулукскаго и Бугульминскаго уѣздовъ, причемъ было сожжено до тла, разгромлено множество культурнѣйшихъ и цѣннѣйшихъ хозяйствъ.

Въ нашемъ Ставропольскомъ уѣздѣ подверглись тому же бѣдствію всѣ экономіи гр. Орлова-Давыдова и старинная господская усадьба гр. Орлова-Давыдова. Громилы не пощадили даже память умершей добрѣйшей старушки Е. А. Сосновской, въ свое время сдѣлавшей много добра всей деревенской округѣ. Надъ ея могильной плитой въ церковной оградѣ, озвѣрѣлые отъ пьянства участники разгрома устроили возмутительную оргію.

Также пострадали и другіе помѣщики.

Разразившіеся повсемѣстно по Среднему Поволжью аграрные безпорядки, сопровождавшіеся пожарищами или „иллюминаціями", какъ сказалъ одинъ изъ модныхъ въ то время ученыхъ публицистовъ, членъ Государственной Думы, Герценштейнъ, организовывались и протекали почти повсюду въ одномъ и томъ же порядкѣ. Откуда-то появлялись никому неизвѣстные гастролеры-агитаторы, большею частью молодежь, руководимая чьей-то опытной рукой. Не мало среди нихъ бывало студентовъ. Являлись всѣ они не безъ денегъ, и выбирали въ губерніи для своей дѣятельности мѣста, гдѣ населеніе было больше подготовлено къ воспріятію ихъ агитаторскихъ призывовъ.

Надо сознаться, что работа этихъ господъ была разсчитана умно. Въ нашей губерніи они очень удачно выбрали экономію Роопа. Ея молодой хозяинъ — столичный смазливый хлыщъ — все дѣлалъ, чтобъ довести мѣстное крестьянство до состоянія полной и открытой ненависти къ своему „барину". Стоило появиться двумъ агитаторамъ, какъ все село встало на ноги и пошло пускать краснаго пѣтуха въ господскую усадьбу.

Послѣ начальнаго разгрома обычно снаряжался цѣлый походный обозъ, набиралось своего рода добровольческое войско, куда входилъ наиболѣе праздный и худшій элементъ деревни. Подъ водительствомъ особо избранныхъ „атамановъ", въ число которыхъ попадали, чаще всего, заѣзжіе гастролеры - агитаторы, импровизированное полчище передвигалось дальше по пути намѣченныхъ къ уничтоженію барскихъ хозяйствъ и усадебъ.

Одновременно, или даже заблаговременно, по всей губерніи появлялись царскіе манифесты, отлично отпечатанные, съ гербовыми орлами и прочими императорскими аттрибутами. Эти подложные манифесты широко распространялись среди малограмотнаго и темнаго крестьянскаго населенія, которое слышало, что въ манифестѣ 17-го октября говорилось о какихъ-то „свободахъ".

Въ своихъ запискахъ я уже отмѣчалъ, что основнымъ несчастьемъ нашего соціально-государственнаго уклада являлась разъединенность между столичнымъ центромъ и нашей глухой провинціей. Между ними не было живого, здороваго, взаимнаго общенія. Петербургъ, издавая за 1904 - 1905 г. г. рядъ указовъ и манифестовъ исключительной важности, не позаботился установить такую организацію на мѣстахъ, которая въ срочномъ порядкѣ и разумно разъясняла бы истинный смыслъ царскихъ распоряженій, включая и манифестъ 17-го октября. Оставленную безъ вниманія пустоту поторопились заполнить проворныя и смѣтливыя подпольныя революціонныя организаціи. Какъ только пошелъ среди населенія слухъ о какомъ-то царскомъ „вольномъ" манифестѣ, не успѣли еще батюшки раскачаться и объявить его съ амвона церковнаго, а по крестьянскимъ рукамъ уже ходили золотомъ отпечатанные подметные листки, также подъ наименованемъ царскихъ манифестовъ. Сущность же ихъ была такова: Царь обращается къ вѣрному и надежному крестьянскому сословію, призываетъ его на помощь и приказываетъ избавить страну отъ помѣщичьяго порабощенія и гнета. Для сего Государь Императоръ предоставляетъ крестьянству полную „свободу" забирать все „господское" добро и искоренять вредное дворянско-помѣщичье сословіе.

Въ нѣкоторыхъ манифестахъ царь налагалъ на крестьянъ обязанность — въ теченіе трехъ сутокъ забирать или уничтожать все помѣщичье добро. Подобные манифесты способствовали только распространенію аграрныхъ безпорядковъ и губительной дѣятельности бродячихъ грабительскихъ бандъ. На своемъ разбойничьемъ пути они въ нашей губерніи препятствій не встрѣчали: полиція уѣздная противъ подобныхъ пугачевскихъ шаекъ была безсильна. Что же касается воинской защиты, то Засядко, какъ губернаторъ, поступалъ самымъ возмутительнымъ, даже преступнымъ образомъ. Онъ отказывался наотрѣзъ высылать на мѣста войска для водворенія порядка и прекращенія грабежей. Имѣвшіяся въ его распоряженіи воинскія части онъ, подъ давленемъ все того же „Комитета общественной безопасности", уступилъ въ распоряженіе сосѣднихъ губернаторовъ.Такъ, значительныя воинскія силы перешли отъ насъ къ Начальнику Саратовской губерніи — энергичному П. А. Столыпину.

Дѣло охраны нашей губерніи обстояло невѣроятно плохо, — даже преступно... Съ нервно-больнымъ Засядко невозможно было говорить. Какъ только кто-либо изъ предводителей, земскихъ начальниковъ или изъ землевладѣльцевъ начнетъ просить его выслать для огражденія уѣзда отъ разбойничьихъ шаекъ хотя бы небольшой отрядъ вооруженныхъ людей, этотъ горе-губернаторъ затыкалъ себѣ уши, дрыгалъ ногами и бормоталъ отказъ, закрываясь отъ просителей газетой „Matin", обычно сопутствовавшей ему во всѣхъ случаяхъ его службы... Бѣдная наша помѣщичья губернія продолжала гибнуть и горѣть, пока, наконецъ, не пришла подмога отъ чужого — Казанского губернатора (Рейнботъ), предоставившаго одному нашему крупному землевладѣльцу, К. Г. Маркову, небольшой вооруженный отрядъ для защиты его богатѣйшаго имѣнія, расположеннаго въ самомъ центрѣ Ставропольскаго уѣзда. При усмиреніи не обошлось безъ нѣсколькихъ жертвъ. Зато вся банда, какъ мѣстные зачинщики, такъ и пріѣзжіе гастролеры, были сразу выданы властямъ крестьянами.

На сѣверѣ губерніи, въ Бугульминскомъ уѣздѣ, были они остановлены, исключительно благодаря энергіи и рѣшительности одного изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, Быкова, крупнаго лѣсовладѣльца, постоянно проживавшаго въ своемъ имѣніи, удалого охотника и смѣлаго по натурѣ человѣка. Когда грабительскія банды со всѣми повозками, походными снаряженіями и разнымъ воровскимъ добромъ, расположились огромнымъ станомъ невдалекѣ отъ границы Быковскаго помѣстья, хозяинъ послѣдняго, не имѣя надежды на какую-либо, тѣмъ болѣе правительственную, помощь, рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно, отлично сознавая, что въ противномъ случаѣ его ожидаетъ участь другихъ разоренныхъ его сосѣдей. Нѣсколько смѣльчаковъ, изъ преданныхъ его служащихъ, ночью подкрались къ вражьему стану, ловко изъ него извлекли двухъ упившихся негодяевъ и повѣсили ихъ на опушкѣ Быковскаго лѣса на самомъ видномъ мѣстѣ, какъ разъ невдалекѣ отъ грабительскихъ бандъ. Около каждаго повѣшеннаго виднѣлась большими буквами исписанная бумага, въ которой значилось, что, если воровской станъ во-время не уберется, то со всѣми остальными будетъ поступлено такъ же,

Быковская мѣра спасла не только его, но и остальную уцѣлѣвшую часть уѣзда, въ томъ числѣ и нашу „Софьевку", отъ ожидавшагося безжалостнаго разгрома.

Къ тому времени, благодаря нашему Самарскому объединенію и образовавшейся партіи порядка, стали наниматься землевладѣльцами за ихъ счетъ стражники, въ большинствѣ случаевъ набиравшіеся изъ Оренбургскихъ казаковъ. Почти повсемѣстно была организована самозащита. Тѣмъ не менѣе, общее положеніе въ губерніи продолжало оставаться крайне тревожнымъ и для обывателей небезопаснымъ.

Земскіе начальники изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, не находя поддержки въ губернскомъ начальствѣ, должны были одинъ за другимъ, изъ опасенія всякихъ случайностей, покидать не только службу, но и насиженныя свои родовыя гнѣзда. До сихъ поръ вспоминаются мнѣ тяжелыя сцены, когда ко мнѣ

приходили разоренные до тла дворяне-помѣщики, вынужденные со всѣми своими семейными спасаться отъ безнаказанно и безпрепятственно разбойничавшихъ мужиковъ.

Меня мучило мое безсиліе... Къ Засядкѣ я пересталъ обращаться: было безполезно и противно, такъ какъ около него безсмѣнно дежурилъ кто-либо изъ членовъ „Комитета общественной безопасности", большей частью, самъ Клафтонъ, съ злорадствомъ относившійся къ помѣщичьимъ погромамъ съ „иллюминаціями". Было ясно, что вліяя на губернатора, фактически городомъ и губерніей сталъ управлять революціонный комитетъ. На его сторону передалась запасная ортиллерійская бригада, численностью до 8.000 нижнихъ чиновъ. Къ нимъ присоединился офицерскій составъ изъ 36 человѣкъ. Казармы превратились въ сплошныя митингующія собранія. Офицеры, лишенные денщиковъ и другихъ своихъ привилегій, превратились въ терроризованныхъ исполнителей солдатскаго озлобленнаго большинства. Дисциплина исчезла, ученія не производились, все было поглощено ненавистью противъ начальства, „господъ", „дворянъ" „помѣщиковъ" и пр. Желанными гостями стали революціонные агитаторы. Подчинялись они только „Комитету общественной безопасности".

Создалась невѣроятно тяжелая для насъ всѣхъ обстановка. Зарождалось серьезное опасеніе за дальнѣйшее будущее. На нашихъ начальныхъ собраніяхъ объединенія порядка, имѣвшихъ мѣсто въ стѣнахъ Дворянскаго Собранія, мы пришли къ убѣжденію, что одной только помощи, которую мы оказывали уѣзднымъ и городскимъ собственникамъ, нанимая для нихъ вооруженную стражу — недостаточно для борьбы съ воцарившейся анархіей. Происходившія вокругъ насъ событія привели насъ къ неминуемому заключенію, что основой создавшагося катастрофическаго положенія вещей въ губерніи является отсутствіе въ Самарѣ сильной, твердой правительственной власти, которая могла бы затушить революціонное пламя, безпрепятственно раздуваемое противоправительственными самозванными комитетами.

Наше объединеніе привлекало многихъ серьезныхъ дѣловыхъ лицъ изъ всѣхъ слоевъ населенія, собранія проходили всегда съ большимъ подъемомъ. На нихъ началъ впервые выступать М. Д. Челышевъ, впослѣдствіи Самарскій депутатъ и городской голова, небезызвѣстный на всю Россію „апостолъ трезвости". Онъ носилъ русскій костюмъ, говорилъ громко, горячо и складно, былъ человѣкъ темпераментный и энергичный. На нашихъ собраніяхъ онъ требовалъ немедленной замѣны Самарскаго губернскаго начальства настоящими твердыми людьми, обладавшими гражданской стойкостью и достаточной рѣшительностью.

По предложенію Челышева и цѣлаго ряда другихъ лицъ, партія порядка обратилась ко мнѣ съ просьбой взять на себя трудъ скорѣйшаго оздоровленія создавшагося въ губерніи ужаснаго положенія и принять тѣ мѣры, которыя я сочту наиболѣе цѣлесообразными. Подполковникъ Кременцовъ со своими казаками также настаивалъ на необходимости убрать Засядко, прикрывавшаго собой самарскія революціонныя организаціи, видимо готовившіяся къ рѣшительному наступленію.

При видѣ всего, вокругъ насъ въ городѣ и губерніи творившагося, я самъ сознавалъ, что настало время быстро реагировать на все происходившее, включая зловредную дѣятельность губернатора... Но для этого надо было ѣхать въ Петербургъ. На пути къ осуществленію этой поѣздки, передо мной вставало два препятствія: прежде всего разраставшіяся желѣзнодорожныя забастовки, разстроившія сообщеніе по Самаро-Рязанской магистрали; а затѣмъ и другое, чисто личное, обстоятельство. Меня охватывало чувство страха при мысли о необходимости покидать свою семью въ столь исключительно-тревожное время.

Какъ разъ въ эти дни разраставшагося уличнаго террора, братъ моей жены, Михаилъ Ушковъ, проживавшій со своей семьей противъ Самары въ своемъ Рождественскомъ имѣніи, рѣшилъ въ самомъ началѣ ноября спасаться отъ революціонныхъ событій. Онъ настаивалъ, чтобы и я забралъ всѣхъ своихъ и возможно скорѣе покинулъ „страшную" Самару. Само собой я отвѣтилъ за себя лично категорическимъ отказомъ, указавъ, что именно въ такое тревожное время я не имѣю права бросить на радость своимъ врагамъ службу и начатое дѣло объединенія людей порядка. Что же касается жены съ дѣтками, то я предоставилъ самой Анютѣ рѣшить этотъ вопросъ. Какъ ни уговаривалъ братъ сестру, она осталась вѣрна своему рѣшенію — неразлучно быть около меня, что бы ни случилось.

Надо сознаться, что передъ тѣмъ, какъ рѣшиться ѣхать въ Петербургъ, во мнѣ происходила довольно мучительная борьба между велѣніемъ служебнаго долга и чувствомъ мужа и отца. Побѣдило первое. Въ этомъ отношеніи мнѣ помогъ мой старый и вѣрный ангелъ-хранитель, добрый наставникъ и совѣтчикъ И. П. Кошкинъ. Видя мои колебанія, онъ долго со слезами на глазахъ умолялъ меня тотчасъ же ѣхать въ столицу, явиться прямо къ Государю и все ему откровенно высказать. Помню заключительныя слова старика: „Государь, выслушавъ Васъ, узнаетъ всю правду и сдѣлаетъ, что нужно"...

Въ концѣ концовъ у меня сложилось безповоротное рѣшеніе ѣхать въ Петербургъ, раскрыть Царю всю правду о томъ ужасѣ, который происходилъ на мѣстахъ, и подсказать затѣмъ, кому нужно, мѣры возстановленія въ странѣ нормальнаго порядка, а въ частности, въ отношеніи нашего Самарскаго края, потребовать смѣны негоднаго, запуганнаго губернатора.

72

Въ первой половинѣ ноября, на мое счастье, наступило нѣкоторое улучшеніе въ желѣзнодорожномъ сообщеніи и, по-

моливишись совмѣстно съ Анютой у чудотворной иконы Смоленской Божьей Матери, я благословилъ семью и отбылъ въ грязномъ и заплеванномъ вагонѣ въ далекій Петербургъ.

Невозможно описать всей той ужасной обстановки, которая меня окружала во время моего путешествія до Рязани, особенно на сызранскомъ перегонѣ. Все находилось во власти какихъ-то озвѣрѣлыхъ людей, возвращавшихся съ Дальняго Востока въ грязныхъ шинеляхъ и рваныхъ „манчжуркахъ" (высокихъ солдатскихъ шапкахъ). Всѣ мѣста, включая и первый классъ, были ими вплотную набиты. Станціи, начиная съ Сызрани и до самой Рязани, носили слѣды новыхъ временныхъ хозяевъ желѣзнодорожнаго пути и сообщенія.

Вездѣ была страшная вонь и невылазная грязь, повсюду лишь слышалась площадная ругань и пьяные выкрики... Впослѣдствіи, приблизительно мѣсяца полтора спустя, состоялась спеціальная командировка небезызвѣстнаго генерала барона Меллера-Закомельскаго, для приведенія въ порядокъ этой главной желѣзнодорожній артеріи Москва — Рязань — Сызрань — Самара и дальше на Сибирь. Результатъ принятыхъ имъ рѣшительныхъ мѣръ сказался быстро. Весь путь, со всѣмъ его подвижнымъ составомъ, станціями и пр., сталъ неузнаваемъ. Къ январю 1906 года все было чисто прибрано и приняло нормальный видъ.

Въ Москвѣ я на день задержался и успѣлъ повидать интересныхъ для меня въ смыслѣ политической оріентаціи и освѣдомленности лицъ, каковыми я считалъ въ то время Александра Ивановича Гучкова и Николая Алексѣевича Хомякова. Въ доходившихъ до насъ столичныхъ газетахъ оба эти имени часто попадались намъ на глаза, и у меня составилось о нихъ понятіе, какъ о людяхъ умѣренно консервативныхъ, собиравшихся организовать партію на началахъ Манифеста 17-го октября и, вмѣстѣ съ тѣмъ, достаточно стойкихъ, чтобы выдержать натискъ крайнихъ лѣвыхъ организацій.

Гучкова я нашелъ въ одномъ изъ московскихъ банковъ, въ его директорскомъ кабинетѣ. Не понравились мнѣ его большіе, скрытые за пенснэ, каріе глаза, несомнѣнно умные, но съ какимъ-то неопредѣленно-загадочнымъ выраженіемъ. При разговорѣ Александръ Ивановичъ часто отводилъ глаза въ сторону, и рѣдко смотрѣлъ прямо. Встрѣтилъ онъ меня привѣтливо, обо многомъ разспрашивалъ и подѣлился своими планами образовать партію 17-го октября, основать въ противовѣсъ лѣвой печати правую умѣренную газету и пр. Въ общемъ, я вынесъ о немъ тогда впечатлѣніе, какъ о человѣкѣ дѣла и энергіи.

Не такимъ показался мнѣ милѣйшій и симпатичный Николай Алексѣевичъ Хомяковъ, спокойно и лѣниво проживавшій у себя въ старинномъ небольшомъ особнячкѣ на Собачьей площадкѣ. Говорилъ онъ медленно, немного шепелявя. Въ его обликѣ, въ его повадкѣ и разговорѣ, чувствовалась не то усталость, не то барская лѣнь. Гучковъ говорилъ рѣшительно и опредѣленно, а Николай Алексѣевичъ ко всему прибавлялъ сослагательную частицу „бы", выражаясь приблизительно такъ: „Хорошо бы объединиться... надо бы газету свою завести"... и т. д. Онъ былъ въ ужасѣ отъ того, что творилось на „Руси-матушкѣ". Узнавъ цѣль моей поѣздки, онъ отечески-благодушно проводилъ меня напутственными пожеланіями: „Ну, дорогой, поѣзжайте съ Богомъ! Да хранитъ Васъ Господь!"

Добрался, наконецъ, я до Петербурга и до своей Европейской гостиницы. 12-го ноября являюсь на пріемъ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ Петру Николаевичу Дурново, занимавшему въ то время помѣщеніе на Мойкѣ. Въ продолговатой комнатѣ, увѣшанной портретами бывшихъ министровъ, его предшественниковъ, скопилось множество всяческого народа. Черезъ нѣкоторое время растворилась дверь, и вышелъ небольшого роста штатскій господинъ пожилыхъ лѣтъ. Изъ подъ густыхъ мохнатыхъ бровей смотрѣли проницательные, умные, прикрытые пенснэ глаза. Общее выраженіе лица было скорѣе мало къ себѣ располагавшимъ. Это былъ самъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Дурново. Быстро обходилъ онъ собравшихся въ его пріемной лицъ. Съ одними онъ кончалъ тутъ же, съ присущей ему манерой рѣзко и обрывисто и спрашивать и высказывать свои резолюціи. Другихъ же онъ приказывалъ своему секретарю отмѣчать для отдѣльнаго ихъ пріема у себя въ кабинетѣ. Къ этой категоріи Петръ Николаевичъ и меня сопричислилъ.

Не прошло и получаса, какъ въ пріемной осталось не болѣе двадцати человѣкъ, которыхъ начали поочередно впускать въ обширный министерскій кабинетъ, заставленный по стѣнамъ шкафами и съ огромнымъ письменнымъ столомъ.

Войдя въ этотъ кабинетъ, я вспомнилъ свой недавній разговоръ около окна съ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ Треповымъ, который уже сталъ дворцовымъ комендантомъ.

Дурново любезно пригласилъ меня сѣсть и попросилъ ознакомить его съ тѣмъ, что происходило въ нашемъ далекомъ Самарскомъ Поволжьѣ, оговорившись, что онъ этимъ очень интересуется. При взглядѣ на него, я сразу замѣтилъ рѣзкую перемѣну, происшедшую съ нимъ послѣ того, какъ онъ очутился у себя въ кабинетѣ. Передо мной сидѣлъ не тотъ сухой, рѣзкій сановный бюрократъ, который только что торопливо пропустилъ мимо себя въ своей пріемной цѣлую шеренгу разныхъ депутацій и просителей, а человѣкъ съ привѣтливо-умнымъ выраженіемъ усталаго лица, приготовившійся терпѣливо и внимательно выслушать издалека пріѣхавшаго провинціальнаго общественнаго дѣятеля. Петръ Николаевичъ предупредилъ меня, чтобъ я не торопился, а все обстоятельно ему изложилъ. Своимъ обращеніемъ у себя въ кабинетѣ Дурново сразу же сгладилъ во мнѣ первое непріятное впечатлѣніе. Не спѣша, сознавая всю важность нашего разговора, я сталъ послѣдовательно излагать ему все, согласно

обдуманнымъ мною заданіямъ.

Нарисовавъ ему картину самарскаго террора, охарактеризовавъ личность Губернатора Засядко, его преступное бездѣйствіе, зависимость отъ революціонныхъ организацій, возмутительное его отношеніе къ Кондоиди, я, отъ имени губернскаго землевладѣльческаго и городского собственническаго класса, объединившагося въ Самарскую партію порядка, просилъ Дурново принять рѣшительныя мѣры къ немедленному увольненію Засядко и къ справедливой реабилитаціи Кондоиди. Петръ Николаевичъ обѣщалъ сдѣлать то и другое. Въ отношеніи послѣдняго оговорился, что назначеніе Кондоиди на соотвѣтствующую должность онъ сможетъ сдѣлать лишь нѣсколько позднѣе, по соображеніямъ тактическаго свойства. Съ особымъ вниманіемъ отнесся онъ къ моему указанію на необходимость принятія со стороны Петербурга опредѣленныхъ мѣръ для заполненія пропасти между столичнымъ центромъ, издававшимъ рядъ манифестовъ исключительной важности и далекой провинціей, часто не понимавшей истиннаго смысла и значенія возвѣщаемыхъ съ высоты Престола реформъ. Я подчеркнулъ, что революціонныя подпольныя силы пользуются этимъ и заполняютъ деревню антиправительственной литературой и словесной пропагандой, подготовляя аграрные безпорядки. Дурново, видимо, былъ моими словами сильно встревоженъ. Надо думать, что онъ обо всемъ этомъ впервые слышалъ, — очевидно, Засядко былъ вѣренъ себѣ и ничего не доносилъ.

На вопросъ министра, каково мое мнѣніе по поводу установленія связи Петербурга съ деревней, я сказалъ, что хорошо было бы немедля организовать на мѣстахъ комитеты для охраны порядка, а также для ознакомленія населенія съ реформами, особенно съ сущностью Манифеста 17-го октября. Комитеты — уѣздные и волостные — могли бы быть образованы изъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей: предводителей, земскихъ гласныхъ и волостныхъ представителей. Но прежде всего требовалось возстановить на мѣстахъ, въ частности у насъ въ Самарѣ, твердую и стойкую власть.

Дурново моимъ докладомъ очень заинтересовался. Онъ предупредилъ, что сообщитъ обо мнѣ Предсѣдателю Совѣта Министровъ графу С. Ю. Витте, и просилъ, если онъ меня вызоветъ, повторить ему всѣ свои соображенія и предположенія. Когда Петръ Николаевичъ узналъ отъ меня, что я долженъ представляться Государю, то онъ весь какъ-то просіялъ, взялся самъ исхлопотать для меня скорѣйшій Высочайшій пріемъ и настойчиво меня просилъ доложить Его Величеству все то, что онъ только что выслушалъ отъ меня. „Вы этимъ окажете общему дѣлу величайшую услугу... Тамъ наверху мало что знаютъ"...

Вскорѣ я получилъ приглашеніе отъ Витте быть у него въ 12½ час. дня 18-го ноября.

Въ назначенный срокъ я явился къ всемогущему въ то

время россійскому властителю, занимавшему отведенный ему въ Зимнемъ Дворцѣ обширный аппартаментъ. Войдя со стороны Дворцовой набережной въ подъѣздъ, я на лифтѣ поднялся во второй этажъ, гдѣ былъ встрѣченъ молодымъ чиновникомъ. Манеры его отличались необычайной вкрадчивостью и чисто-кошачьей изворотливостью. Чиновникомъ этимъ оказался прославившійся впослѣдствіи при Штюрмерѣ Манусевичъ-Мануиловъ. Онъ меня любезно усадилъ и просилъ немного подождать, объяснивъ, что у графа въ кабинетѣ находится депутація тульскихъ общественныхъ дѣятелей.

Въ описываемое время изо всѣхъ концовъ Россійской Имперіи стекались въ столицу разнаго рода люди и депутаціи — одни ища объясненія сложнаго политическаго положенія вещей, создавшагося благодаря манифесту 17-го октября, превратившаго страну въ сплошной лагерь неистовыхъ споровъ и догадокъ, — другіе бросились къ бюрократическимъ верхамъ съ кипой всяческихъ проектовъ, надѣясь найти свое счастье и карьеру въ водоворотѣ обѣщанныхъ конституціонныхъ реформъ. Стекались въ Петербургъ и вышибленные изъ колеи россійскіе обыватели, вродѣ меня, которые рѣшили со столичной колокольни крикнуть на всю матушку Россію зычнымъ голосомъ: „Караулъ, грабятъ! Спасите! Дайте настоящую сильную и твердую власть, объясните стомилліонному крестьянству, что Царь на самомъ дѣлѣ хочетъ сдѣлать на благо народа и страны!"

Не мало времени я высидѣлъ въ пріемной, пока тотъ же чиновникъ не подошелъ ко мнѣ, и, принявъ вѣжливо-почтительную позу, не сообщилъ мнѣ вкрадчиво: „Графъ проситъ Васъ пожаловать 20-го ноября, если его сіятельство не будетъ экстренно вызванъ въ Царское". Меня это сильно раздосадовало, и въ довольно рѣзкой формѣ я заявилъ Мануилову, что я не просилъ Витте меня принять, а онъ самъ меня вызвалъ къ себѣ и заставилъ даромъ прождать. Вторично попасть въ подобное положеніе я, какъ Губернскій Предводитель, желанія не имѣю, о чемъ и прошу довести до свѣдѣнія графа. Мануиловъ развелъ ручками и, склонивъ голову, просилъ меня успокоиться, обѣщавъ все устроить и и оградить меня отъ повторенія такой случайности.

Изъ Дворца я поторопился прямо проѣхать на званый завтракъ къ Брянчаниновымъ, не успѣвъ даже переодѣться и скинуть свой предводительскій мундиръ. Они на меня накинулись съ упреками за мою непростительную неосторожность и безтактность, о которой — спаси Богъ — черезъ Мануилова, гр. Витте узнаетъ! Это показывало, какимъ вліяніемъ пользовался въ описываемое время Портсмутскій замиритель и создатель октябрьскаго манифеста.

Я рѣшилъ, что если я для Витте представляю нѣкоторый интересъ, то онъ вызоветъ меня еще разъ, что и случилось. На другой же день я получилъ повторное приглашеніе явить-

ся къ Витте въ 3 часа дня 20-го ноября. На этотъ разъ обстановка моего пріема оказалась совершенно иной: по отношенію ко мнѣ была проявлена полная предупредительность, и въ условленный часъ, безъ всякой задержки, я былъ впущенъ въ длинный и мрачный кабинетъ россійскаго диктатора.

Въ глубинѣ комнаты на сумеречномъ фонѣ большого, единственнаго, незавѣшеннаго окна, еле вырисовывался силу-
въ длинный и мрачный кабинетъ россійскаго диктатора.

Кабинетъ, куда я вошелъ тонулъ въ сѣроватомъ муракѣ, и лишь благодаря тусклому просвѣту окна, выходившаго на Дворцовую набережную, я могъ оріентироваться и подойти неслышно по толстому мягкому ковру къ примѣченной мною около стола человѣческой фигурѣ, которая при моемъ приближеніи вяло, неохотно приподнялась и протянула длинную, слегка трясущуюся руку. Очевидно, передо мной былъ самъ прославленный графъ Витте.

Пригласивъ меня жестомъ сѣсть на кожаное кресло, стоявшее за угломъ его обширнаго стола, заваленнаго кипами бумагъ и папокъ, Витте сначала выжидательно молчалъ, на что я отвѣчалъ тѣмъ же. Затѣмъ онъ какъ-то нервно передернулся и надменно-повелительнымъ голосомъ мнѣ бросилъ: „Что вамъ нужно?" Помню, какъ мнѣ вдругъ захотѣлось броситься опрометью вонъ изъ этого мрачнаго кабинета, отойти скорѣе отъ отталкивающей фигуры россійскаго временщика и его бездушныхъ, непривѣтливыхъ словъ! Но я поборолъ свое чувство и заставилъ себя сдержанно отвѣтить: „Разрѣшите, съ моей стороны, васъ, графъ, спросить: что вамъ отъ меня нужно? Я въ свой пріѣздъ въ Петербургъ не имѣлъ въ виду васъ безпокоить..." Тогда Витте, продолжая опираться головой на свою трясущуюся руку, все тѣмъ же холодно-надменнымъ голосомъ произнесъ: „Мнѣ Петръ Николаевичъ Дурново передалъ, что у васъ имѣется какой-то проектъ?" На что я замѣтилъ, что никакихъ особыхъ проектовъ у меня нѣтъ, а если ему, Верховному Министру, интересно знать, что творится у насъ въ далекой провинціи, то я сочту своимъ долгомъ пересказать ему все то, о чемъ я докладывалъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Тогда Витте далъ мнѣ понять, что онъ готовъ меня слушать... Я обрисовалъ въ краткихъ чертахъ все происходившее въ нашемъ Самарскомъ Поволжьѣ, дѣятельность революціонныхъ организацій, и указалъ на срочную необходимость, для борьбы съ ними, создать изъ общественныхъ мѣстныхъ силъ комитеты порядка. До той поры какъ бы совершенно безучастно слушавшій меня Витте откинулся на спинку кресла, замахалъ своими длинными костлявыми руками, и рѣзко прервалъ меня врѣзавшимися въ мою память словами: „Ну, знаете! довольно мнѣ вашихъ общественныхъ силъ! У меня на мѣстахъ имѣются свои вѣрные агенты — исправники, становые и прочіе чины полиціи... Повѣрьте, ихъ совершенно достаточно, чтобы провести въ жизнь всѣ мои указы и распоряженія!"...

Его наглость и самоувѣренность до того меня возмутили, что я, забывъ всяческія виттевскія высоты и брянчаниновскія предупрежденія, рѣзко отвѣтилъ: „При такихъ взглядахъ, само собой, мое предложеніе не можетъ имѣть мѣста. Позволю себѣ, однако, высказать вашему сіятельству мои соображенія: въ Россіи существуетъ графъ Витте, но его сила дѣйствительна лишь тогда, когда онъ будетъ опираться на общественные элементы и ихъ довѣріе"...

Съ этими словами я всталъ и повернулся къ выходу...

Витте меня остановилъ, любезно предложилъ мнѣ вновь сѣсть и попросилъ меня представить ему письменно мой проектъ образованія общественныхъ комитетовъ. Я пытался уклониться, сославшись, что могу лишь повторить то, что мною было доложено Дурново и его сіятельству... На это Витте замѣтилъ, что онъ и этимъ немногимъ удовлетворится. Тогда я ему сказалъ: „Ваше сіятельство ежедневно получаете со всѣхъ концовъ Россіи такую массу проектовъ и докладныхъ записокъ, что лучше избавить себя и меня отъ этой литературы"... „Нѣтъ, убѣдительно прошу васъ, набросайте мнѣ и, если возможно, — къ завтрашнему дню"...

Таковъ былъ окончательный отвѣтъ Витте на мои настойчивыя просьбы освободить меня отъ какого-либо писательства. Пришлось согласиться, и я уже собрался встать и прекратить затянувшуюся аудіенцію, но Витте снова меня задержалъ съ удвоенной любезностью.

Разговоръ возобновилъ самъ Витте по поводу инцидента, случившагося съ В. Г. Кондоиди. Оказывается, ему всѣ подробности доносилъ не только Засядко, но и на „черносотеннаго" вице-губернатора жаловался рядъ всякихъ, якобы общественныхъ организацій. Само собой, все доходило до него въ извращенномъ видѣ. Я былъ радъ возстановить самарскія событія въ дѣйствительномъ ихъ и всестороннемъ освѣщеніи. Какъ потомъ говорилъ П. Н. Дурново, означенный мой докладъ сослужилъ немалую службу, освободивъ Самару отъ негоднаго Губернатора и возстановивъ доброе имя Кондоиди, получившаго потомъ видное назначеніе въ члены Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Пріемъ мой у Витте затянулся; въ кабинетѣ совершенно стемнѣло, и хозяинъ, наконецъ, зажегъ у себя на столѣ высокую лампу подъ зеленымъ абажуромъ, сразу освѣтившую весь его обликъ. Я былъ пораженъ необыкновенно усталымъ, вѣрнѣе сказать, измученнымъ видомъ его осунувшагося лица и утомленнымъ выраженіемъ тусклыхъ глазъ...

У меня явилось непреодолимое желаніе узнать лично отъ самого Витте его авторитетное мнѣніе по поводу основной спорной сути сочиненнаго имъ Манифеста 17 октября.

— Разрѣшите, ваше сіятельство, — несмѣло обратился я къ нему, — задать вамъ передъ моимъ уходомъ вопросъ, волнующій всѣхъ насъ, россійскихъ обывателей... Не откажите выяснить, осталось ли послѣ обнародованія Манифеста 17 октября въ полной своей неприкосновенности Царское Само-

державіе?

На это Витте, не задумавшись, твердымъ голосомъ отвѣтилъ: — Безусловно — нѣтъ!

Не разъ вспоминались мнѣ эти съ убѣжденіемъ высказанные краткіе слова, когда впослѣдствіи приходилось прочитывать произведенія того же гр. Витте, хотя бы о земствѣ, гдѣ онъ съ той же твердостью и увѣренностью отстаивалъ незыблемость Россійскаго самодержавія...

Откланявшись, сопровождаемый хозяиномъ, я пошелъ по длинному кабинету къ выходу. Передъ самой дверью онъ меня задержалъ, повернулъ кнопку, освѣтилъ всю комнату и завелъ рѣчь о томъ, что онъ сейчасъ чрезвычайно занятъ комплектованіемъ подходящими людьми губернаторскихъ мѣстъ, и что такіе люди, какъ я, были бы крайне для него желательны. Я поблагодарилъ за лестное обо мнѣ мнѣніе, но категорически уклонился отъ предложенной мнѣ чести, ставя свое губернское предводительство выше всякихъ остальныхъ должностей. При этихъ словахъ Витте нервно передернуло, — онъ былъ недоволенъ моимъ отказомъ. Открывъ передо мной дверь, онъ бросилъ мнѣ вслѣдъ: — „Итакъ, до завтра!"...

Общее впечатлѣніе отъ пріема получилось у меня довольно тяжелое и далеко не утѣшительное. Сама личность Витте и его обхожденіе мнѣ глубоко не понравились. Общепризнанный умъ Премьеръ-Министра показался мнѣ не то тусклымъ, не то чѣмъ-то подавленнымъ; во всякомъ случаѣ, ни здоровой заинтересованности, ни творческой живости я въ немъ не усмотрѣлъ. Его мыслительныя способности, какъ мнѣ показалось, носили печать замѣтнаго переутомленія и затѣмнялись чрезмѣрной самоувѣренностью. Повидимому, онъ не былъ въ достаточной степени уравновѣшеннымъ человѣкомъ, и казался способнымъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ ощущеній, быстро мѣнять свои мнѣнія и оцѣнки. Онъ не могъ проявлять въ полной мѣрѣ того разсудительнаго такта и необходимой выдержки, которыя должны быть присущи большому государственному дѣятелю.

Но наиболѣе горькій осадокъ оставилъ во мнѣ заключительный намекъ Витте, его желаніе завербовать меня въ губернаторы. Мнѣ показалось, что это — попытка подкупить видной губернской должностью смѣлаго провинціальнаго общественнаго дѣятеля, да еще одѣтаго въ ненавистный ему дворянскій предводительскій мундиръ. Пишу опредѣленно — „ненавистный", на основаніи тѣхъ откровенныхъ мыслей въ „Воспоминаніяхъ гр. С. Ю. Витте", гдѣ онъ не иначе, какъ съ явной ненавистью отзывается обо всемъ, что, такъ или иначе, касалось помѣщичье-дворянскаго сословія и быта.

О своемъ губернаторствѣ я вскорѣ услыхалъ отъ управлявшаго въ то время Министерствомъ Путей Сообщенія ближайшаго сотрудника графа Витте — Немѣшаева. Мнѣ пришлось быть у него по порученію самарцевъ и ходатайствовать о скорѣйшей разгрузкѣ самарскаго желѣзнодорожнаго узла. Министръ вдругъ меня спросилъ, можно ли меня привѣтствовать съ назначеніемъ губернаторомъ. Получивъ отрицательный отвѣтъ, Немѣшаевъ высказалъ свое удивленіе и сожалѣніе, добавивъ, что о моемъ назначеніи онъ слышалъ отъ самого Витте... Очевидно, послѣдній не терялъ надежды заполучить меня въ „свои агенты".

Что касается моей записки. то ее я набросалъ вечеромъ того же дня, когда состоялся мой пріемъ у графа Сергѣя Юльевича. Писалъ я ее въ своемъ номерѣ въ присутствіи князя П. Н. Трубецкого, который всецѣло одобрилъ мысль и редакцію всего мною изложеннаго. Согласно уговору, записка эта была передана мною графу Витте на другой же день.

Въ тѣ же приблизительно числа я заѣхалъ къ Министру Юстиціи Михаилу Григорьевичу Акимову. Видъ у Акимова былъ нездоровый и непривѣтливый, говорилъ онъ обрывисто и рѣзко. Всѣ его слова и замѣчанія носили характеръ до крайности пессимистичный. Но онъ выказывалъ твердое намѣреніе принимать самыя рѣшительныя мѣры для борьбы съ революціонными эксцессами.

Я указалъ на несоотвѣтствіе между податливостью и слабостью одного виднаго самарскаго судейскаго дѣятеля съ занимаемой имъ должностью. Мои слова встрѣтили въ Министрѣ живой откликъ. Выслушавъ рядъ данныхъ, коими я обосновалъ свое заявленіе, Акимовъ, сдѣлавъ у себя на столѣ отмѣтку, своимъ глухимъ голосомъ сказалъ: „Такихъ господъ я болѣе 24 часовъ не держу. Благодарю васъ".

Получивъ повѣстку о пріемѣ меня Государемъ 23-го ноября, я рѣшилъ на другой же день послѣ моего представленія ѣхать обратно къ себѣ въ Самару, гдѣ общее положеніе изо дня въ день ухудшалось, и мое присутствіе тамъ было необходимо, ради служебнаго дѣла и оставленной на произволъ судьбы семьи.

Имѣвшееся въ моемъ распоряженіи время я использовалъ въ цѣляхъ ознакомленія своего съ разными начавшими образовываться на столичномъ рынкѣ политическими теченіями и объединеніями. Наиболѣе интересными мнѣ показались совѣщанія, подготовлявшія Партію 17-го октября или т. н. „Октябристовъ".. Я присутствовалъ при нескончаемыхъ спорахъ о понятіи „конституціонализмъ", о возможности подвести подъ тотъ или другой его видъ россійскій октябрьскій манифестъ съ его туманной, но многообѣщавшей редакціей; подымался вопросъ о необходимости создать противореволюціонную печать. Вопросъ этотъ былъ не только важнымъ, но основнымъ въ борьбѣ с разнузданностью ложной истолкованной „свободой печати", которая изо дня въ день развращала улицу, деревню и всю страну... Но для ея осуществленія нужны были крупныя средства, а ихъ не было.

Надо было въ описываемое время видѣть и слышать на Невскомъ проспектѣ, что продавалось уличными книгоношами, какіе возгласы при этомъ раздавались на каждомъ уличномъ перекресткѣ. За нѣсколько дней пребыванія въ царской

столицѣ я набралъ огромную коллекцію всего того безобразнаго государственно-развратнаго, что „свободно" предлагалось публикѣ, гулявшей по главнымъ уличнымъ артеріямъ. Тутъ были уличныя газеты съ циничнымъ содержаніемъ, съ памфлетами на государственныхъ дѣятелей. Рядомъ встрѣчались красочные юмористическіе журнальчики съ отвратными карикатурами на главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ той эпохи, включая самого Государя; особенно часто попадались возмутительныя изображенія — Витте, Д. Ф. Трепова, Побѣдоносцева, да и многихъ другихъ. Изъ столицы вакханалія печатной „свободы" перенеслась и въ нашу благонравную дотолѣ провинцію.

Но одновременно со всей этой уличной „похабщиной" — (другого для подобной печати не подыщешь) — стали появляться на столичномъ рынкѣ серьезныя, но не менѣе, если не болѣе опасныя періодическія изданія крайняго революціоннаго направленія. Именно эти изданія вызывали у здоровыхъ элементовъ — приверженцевъ охраны государственнаго порядка — потребность объединиться и создать свой печатный органъ, въ противовѣсъ разлагающей и развращающей прессѣ.

Тогда у меня зародилась мысль — тотчасъ по возвращеніи моемъ въ Самару, заняться тѣмъ же вопросомъ и добиться благополучнаго его разрѣшенія при содѣйствіи нашего объединенія.

Мнѣ приходилось также сталкиваться съ учредителями т. н. Торгово-Промышленнаго партійнаго объединенія и съ ихъ главою —Григоріемъ Александровичемъ Крестовниковымъ, впослѣдствіи избраннымъ въ члены Государственнаго Совѣта. Это былъ умный, чуткій и образованный человѣкъ, очень пріятный и интересный собесѣдникъ. Какъ чисто политическая организація, это объединеніе просуществовало недолго, растворившись среди другихъ болѣе окрѣпшихъ и приспособившихся къ новому строю...

Наступилъ, наконецъ, вечерній канунъ 23-го ноября — дня, назначеннаго для моего выѣзда въ Царское Село и представленія Государю Императору. Я испытывалъ необычайно приподнятое настроеніе: мнѣ предстояло на слѣдующее утро величайшее событіе и счастье — видѣть своего Царя, говорить съ Нимъ, имѣть возможность высказать Ему все, что на душѣ накипѣло за пережитое смутное время, что я въ умѣ намѣтилъ для возстановленія государственнаго спокойствія и порядка.

Много за безсонную ночь я передумалъ и перечувствовалъ. Въ головѣ моей сложилась вся схема предстоявшаго моего доклада Государю. Я рѣшилъ, во что бы то ни стало, сказать Царю горькую правду обо всемъ, происходившемъ на мѣстахъ, исповѣдываться Ему въ моихъ завѣтныхъ думахъ. Я зналъ, что въ Самарѣ я намѣченъ въ первую голову среди лицъ, приговоренныхъ революціоннымъ трибуналомъ къ „ликвидаціи". У меня была потребность использовать полностью

предстоящій царскій пріемъ, можетъ быть единственный и послѣдній въ моей жизни.

Въ десять съ половиной часовъ утра я выѣхалъ съ Царскосельскаго вокзала. Несмотря на безсонную ночь, я былъ въ бодромъ, особо-приподнятомъ настроеніи, которое меня не покидало до конца моего пребыванія во дворцѣ. Весь придворный этикетъ, величественный видъ царской резиденціи, парадность встрѣчи — все это еще усиливало охватившій меня нервный подъемъ.

Появился скороходъ въ необычайномъ головномъ уборѣ. Меня провели черезъ анфиладу боковыхъ комнатъ, съ массой свѣта и блестящими мозаичными паркетными полами. Помнится, въ одной изъ нихъ была устроена домашняя горка для катанія съ нея царскихъ дѣтей...

Наконецъ, я очутился въ салонѣ Императрицы Александры Θеодоровны, гдѣ мнѣ надо было ожидать своей очереди для представленія сначала Ея Величеству. Салонъ этотъ представлялъ собою обширную квадратную комнату, уставленную дорогой золоченой мебелью эпохи Людовика XVI, съ мягкимъ сплошнымъ ковромъ и массой картинъ по стѣнамъ. На самомъ видномъ мѣстѣ, недалеко отъ входа во внутренніе покои Императрицы Александры Θеодоровны, висѣлъ большой, удивительно исполненный гобеленъ, изображающій королеву Марію Антуанетту съ ея семействомъ. Смотря на это художественное произведеніе, я себя поймалъ на грустномъ сопоставленіи и тяжелыхъ предчувствіяхъ...

Вообще всѣ мои первыя впечатлѣнія этого памятнаго для меня дня какъ бы раздваивались: съ одной стороны, я несомнѣнно ощущалъ особо торжественный и радостный душевный подъемъ, съ другой, — гдѣ-то, въ затаенномъ углу моего внутренняго „я", закрадывался щемящій страхъ за будущее Россіи...

Въ томъ же салонѣ ожидало представленія Императрицѣ, помимо меня, еще двое лицъ: высокій, тощій, сутулый, съ голой физіономіей восточнаго евнуха, членъ Государственнаго Совѣта Иванъ Яковлевичъ Голубевъ, впослѣдствіи безсмѣнный товарищъ предсѣдателя преобразованнаго Государственнаго Совѣта, и — бравый, съ молодцеватыми пушистыми подусниками, генералъ Косичъ, бывшій въ описываемое время командующимъ войсками Казанскаго военнаго округа. Въ ожиданіи пріема, между нами завязался разговоръ и незамѣтно перешелъ на взаимныя сообщенія о современныхъ событіяхъ. На мою долю выпало сообщить моимъ собесѣдникамъ о томъ, что творилось въ Самарскомъ краѣ. Увлекшись, я сталъ высказывать свои убѣжденія въ срочной необходимости твердаго, сверху объединеннаго руководства расшатанной мѣстной жизнью. Къ намъ подошелъ оберъ-церемоніймейстеръ, престарѣлый, элегантный, съ серебристо-бѣлой бородкой, баронъ Корфъ, который, скинувъ съ глаза монокль, обратился ко мнѣ со словами: „хорошо, если бы вы все это передали Ихъ Величествамъ!"...

Начался пріемъ у Государыни. Очередь была за мною... Подходитъ ко мнѣ баронъ. Я спрашиваю его „Можно ли русскому предводителю на пріемѣ у русской Царицы говорить по-русски?" На это Корфъ, улыбнувшись, отвѣтилъ утвердительно, подчеркнувъ, что Государыня любитъ русскую рѣчь. Для меня это было большимъ облегченіемъ — я могъ свободнѣе объясняться.

Оставшись одинъ, я ходилъ неслышными шагами по мягком ковру, стараясь побороть охватившее меня волненіе. Но вотъ изъ ниши корридора показывается лоснящійся чернокожій великанъ, ярко разодѣтый, и жестомъ приглашаетъ меня идти за нимъ.

Пройдя шаговъ десять по корридору, въ которомъ повстрѣчались по пути два — три арабченка въ красныхъ фескахъ, я подошелъ къ двери, около которой стоялъ придворный камердинеръ, и былъ тотчасъ же пропущенъ въ покои Императрицы.

Это была обширная комната, заставленная мягкой мебелью и тепличными растеніями. Около центральной группы пальмъ, невдалекѣ отъ небольшого письменнаго стола, стояла высокая, статная Императрица Александра Ѳеодоровна. Я приблизился и приложился къ протянутой мнѣ рукѣ. Лицо Государыни со строго-правильными чертами было чрезвычайно красиво; лишь плотно сжатый изгибъ тонкаго рта и грустное выраженіе ея умныхъ глазъ нѣсколько не соотвѣтствовали общей привлекательности ея царственнаго облика. Показался мнѣ также какъ бы неестественнымъ ея слегка пунцовый румянецъ, но спустя нѣкоторое время я убѣдился въ рѣзкой перемѣнчивости ея лица, окраска котораго зависѣла отъ настроенія и нервнаго состоянія Государыни. Временами цвѣтъ ея лица становился нормальнымъ, а иногда изъ ярко-розоватаго переходилъ въ матово-блѣдный. Мѣнялось и выраженіе ея глазъ — то замкнуто-задумчивыхъ, то искренне-привѣтливыхъ и внимательныхъ...

Первыя минуты я стоялъ передъ Императрицей сильно взволнованный, еле помня себя, и нѣсколько мгновеній не могъ говорить. Преодолѣвъ въ концѣ концовъ свое смущеніе, я выразилъ Государынѣ отъ лица Самарскаго Дворянства всепреданнѣйшія чувства и, побуждаемый сознаніемъ важности момента, а также совѣтами барона Корфа, я началъ знакомить Ея Величество съ провинціальной разрухой и съ нѣкоторыми моими соображеніями по принятію необходимыхъ мѣръ для борьбы съ воцарившейся анархіей.

Императрица слушала меня съ неослабнымъ вниманіемъ. Когда я замолчалъ, она протянула мнѣ руку и внятно по-русски, съ легкимъ акцентомъ, мнѣ сказала: „Я этого еще не слыхала. Здѣсь мнѣ такъ никто не говорилъ. Скажите все Государю. Благодарю васъ"...

Мнѣ пора было уходить, но во мнѣ заговорило непреодолимое желаніе видѣть Наслѣдника и опасеніе, что, можетъ быть, другого случая не будетъ. Я возвращался въ Самару, въ обстановку стихійнаго террора, полнаго ля меня возможныхъ роковыхъ случайностей... Эти соображенія мгновенно промелькнули въ моей головѣ, и я рѣшился обратиться къ ласково взиравшей на меня Государынѣ съ просьбой мнѣ, далеко проживавшему отъ столицы Предводителю, доставить счастье увидѣть Наслѣдника-Цесаревича... Императрица при этихъ словахъ вся преобразилась, просвѣтлѣла и радостно улыбнулась. Кивнувъ въ знакъ своего согласія головой, она быстро подошла къ своему письменному столу и позвонила. Дверь распахнулась и въ комнату быстро вошли человѣка три прислуги, въ томъ числѣ и сопровождавшій меня громадный арапъ. Надо думать, что звонокъ ихъ встревожилъ — у всѣхъ былъ растерянный видъ, но Государыня быстро ихъ успокоила, приказавъ властнымъ голосомъ, по-нѣмецки, принести ей „маленькаго" (den Kleinen). Послѣ этого наступило довольно длительное ожиданіе, и Ея Величество стала разспрашивать меня про мою семью... Дверь снова раскрылась и къ моей немалой досадѣ Государынѣ доложили, что Наслѣдникъ изволитъ почивать. Александра Ѳеодоровна тогда обратилась ко мнѣ со слѣдующими словами: „Очень жаль. Въ слѣдующій разъ придите, и я вамъ его покажу. Еще разъ благодарю".

При переходѣ изъ половины Государыни въ аппартаменты Его Величества, въ корридорѣ ко мнѣ подошелъ баронъ Корфъ и разспросилъ про подробности состоявшагося представленія, результатомъ котораго онъ, видимо, остался очень доволенъ. Главнымъ же образомъ, радъ былъ старикъ тому, что я успѣлъ Императрицѣ разсказать про дѣйствительное положеніе вещей въ провинціи и про необходимость проявленія сильной власти. Въ концѣ онъ задалъ мнѣ вопросъ: „А какъ Государыня говоритъ по-русски?" — „Очень хорошо" — отвѣтилъ я. На это Корфъ радостно замѣтилъ: „Я ей объ этомъ передамъ. Ея Величество останется довольна!"...

Черезъ нѣсколько минутъ я очутился въ угловой комнатѣ, гдѣ я долженъ былъ ожидать пріема меня Государемъ. Въ ней я засталъ еще двухъ одновременно со мною преставлявшихся Его Величеству лицъ: Крупенскаго (брата Бессарабскаго Губернскаго Преводителя), по случаю назначенія его Норвежскимъ посланникомъ, а Малаева — Херсонскаго Губернатора. Впослѣдствіи мнѣ много разъ приходилось бывать въ этой угловой преімной на пути въ Государевъ кабинетъ.

До сихъ поръ запомнились развѣшанныя по стѣнамъ картины и цѣнныя подношенія, разложенныя на палисандровыхъ столахъ. Сама комната имѣла продолговатую форму съ боковой дверью у дальняго окна, около котораго дежурилъ камердинеръ Его Величества (обычно Чемодуровъ).

Спустя немного времени, въ пріемную вошелъ дежурный флигель-адъютантъ — высокій, плотный, съ симпатичной, привѣтливой наружностью, Дрентельнъ, который насъ предупредилъ, что Его Величество спѣшитъ, и поэтому пріемъ намъ всѣмъ троимъ сдѣлаетъ общій, безъ вызова особо каждаго изъ насъ въ свой кабинетъ. Вскорѣ дальняя дверь рас-

крылась и изъ нея вышелъ самъ Государь въ полковничьей формѣ Преображенскаго полка.

Мы, трое представлявшихся стояли въ рядъ, одинъ за другимъ. Сначала Его Величество говорилъ съ Крупенскимъ, затѣмъ съ Малаевымъ и, наконецъ, отпустивъ ихъ обоихъ, подошелъ ко мнѣ. Въ пріемной остались лишь Государь, со стоявшимъ позади него Дрентельномъ, и я.

Видя передъ собой обаятельный царственный обликъ, ощущая всѣмъ своимъ существомъ его близость, я думалъ о моемъ основномъ долгѣ, о главной причинѣ пріѣзда моего въ столицу и чувствовалъ необычайный подъемъ, бодрость и рѣшимость довести свое намѣреніе до конца — правдиво высказать своему Государю все, что по моему убѣжденію ему нужно было знать и ко благу родины — творить.

Я представился Государю, какъ новоизбранный Губернскій Предводитель, а затѣмъ поспѣшилъ принести Его Величеству мои вѣрноподданическія извиненія за то, что въ прошлый, августовскій свой пріѣздъ въ Петербургъ я вынужденъ былъ по исключительнымъ срочнымъ своимъ служебнымъ дѣламъ вернуться въ Самару, не дождавшись возвращенія Государя изъ шхеръ. Его Величество внимательно выслушалъ меня, все время вскидывая на меня свои добрые, чарующие глаза и сказалъ: „Надѣюсь, что причины вашего августовскаго отъѣзда и несостоявшагося представленія были серьезны", послѣ чего спокойно-привѣтливымъ тономъ меня спросилъ: „Ну, что у васъ тамъ на Волгѣ — въ Самарѣ подѣлывается?" Я сразу понялъ, скорѣе почувствовалъ, что Государь ни о чемъ настоящемъ, дѣйствительномъ и страшномъ для цѣлости всего государственнаго порядка не освѣдомленъ. Невольно съ моего языка сорвался отвѣтъ, видимо смутившій моихъ слушателей: „Не знаю, Ваше Величество — промолвилъ я — живо ли мое семейство и цѣло ли мое родовое имущество"... „Какъ такъ? Что вы говорите?" послышался мнѣ въ отвѣтъ тревожный голосъ Государя. Я окончательно убѣдился въ полномъ его невѣдѣніи обо всемъ происходящемъ въ Россіи. Побуждаемый совѣтомъ самой Императрицы, я рѣшился приступить къ осуществленію главной моей задачи и нарисовалъ въ сильныхъ и правдивыхъ краскахъ мрачную картину начинавшейся въ Поволжскихъ губерніяхъ анархіи, своеволія черни и всѣхъ ужасовъ происходившихъ тамъ аграрныхъ безпорядковъ. Слушая меня, Государь замѣтно волновался. Стоявшій сзади него Дрентельнъ дѣлалъ мнѣ энергическіе знаки прекратить мое невеселое повѣствованіе, но Государевъ адъютантъ меня не могъ остановить. Я обратился къ Царю со слѣдующими словами: „Всеподданнѣйше прошу простить меня, Ваше Величество, что мой тревожный докладъ Васъ разстроилъ. Но я пріѣхалъ за тысячу верстъ съ опредѣленной цѣлью довести до свѣдѣнія своего Государя страшную правду о болѣзни, которая требуетъ немедленнаго, самаго рѣшительнаго и быстраго врачеванія. Не знаю, увижу ли я Васъ еще разъ, Государь, такъ какъ не могу заранѣе сказать, что меня ждетъ по

возвращеніи въ Самару"... „Да, конечно", съ тревогой въ голосѣ прервалъ меня Государь, лицо котораго выражало сильное безпокойство. — Я очень вамъ благодаренъ за вашъ откровенный докладъ... Но, скажите!... Что же теперь надо дѣлать?!" Немало смутилъ меня этотъ вопросъ, услашанный мною изъ устъ Россійскаго самодержца, съ очевидностью показавшій мнѣ все его верховное неосвѣдомленное одиночество и фактическую безпомощность... Видимо мало было охотниковъ говорить Царю правду, временами очень непріятную... съ удвоенной энергіей и подъемомъ сталъ излагать Государю то, что давно сложилось въ моихъ мысляхъ, какъ радикальный способъ успокоенія страны. „Родные братья, — говорилъ я Государю — дружно и миролюбиво жившіе до Манифеста 17-го октября, нынѣ превратились въ непримиримыхъ враговъ, неистово спорящихъ между собой по злободневному вопросу — осталось ли на Святой Руси исконное, Царское Самодержавіе?"

Не преминулъ я упомянуть и о желательности, въ цѣляхъ разъясненія на мѣстахъ истиннаго смысла государственныхъ актовъ, а также и для борьбы съ революціонными явными и подпольными организаціями немедленно организовать особые общественные комитеты. Государь мою мысль одобрилъ и спросилъ, говорилъ ли я по этому поводу съ Витте. Услыхавъ, что послѣдній объ этомъ мною освѣдомленъ, Его Величество повелѣлъ Дрентельну помѣтить у себя относительно устройства упомянутыхъ комитетовъ.*

Видя вниманіе къ моимъ словамъ Государя, я рѣшилъ идти до конца и перешелъ къ изложенію самой существенной и основной части моего всеподданнѣйшаго доклада — о необходимости для оздоровленія всей страны возстановленія сильной и твердой власти. Она должна исходить изъ сохранившагося въ сознаніи большинства населенія сознанія величія понынѣ чтимыхъ и обожаемыхъ русскимъ народомъ Царскихъ Особъ... „Встаньте, Государь, — сказал я — со своей Царицей передъ русскимъ народомъ въ ореолѣ Вашего священнаго величія. Покажитесь на всю Русь во всей силѣ Вашего могущества во главѣ послушнаго Вамъ Правительства. Тогда наши шпаги скрестятся вокругъ Вашего Престола и народъ пойдетъ за нами. Если же Вы не проявите свою власть, народъ не будетъ считаться съ Вашей благостью и милостью, выражаемыми нынѣ въ манифестахъ... Все это будетъ сочтено, как проявленіе Вашей слабости. Вѣдь и теперь, на нашемъ далекомъ Поволжьѣ мало говорятъ о Васъ, а слышно больше о Витте, да о „царѣ Архипѣ", подписывающемъ свои „золотыя грамоты"...

Я разсказалъ, что происходитъ у насъ и въ сосѣдней Пензенской суберніи, какъ подложные манифесты возбуждаютъ населеніе къ грабежу помѣщичьяго добра... Закончилъ я

* Комитеты эти были черезъ двѣ недѣли введены повсемѣстно по особому Циркуляру Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

свое обращеніе къ Царю слѣдующимъ повторнымъ призывомъ: Встаньте, Государь, во весь мощный ростъ Россійскаго Владычнаго Царя! Одно изъ двухъ: или Вы, Ваше Величество, во главѣ Вашего Правительства, или Хрусталевъ со своимъ Союзомъ Союзовъ!.. Компромисса быть не можетъ! Лишь сильная, твердая власть и опредѣленная политика спасетъ Васъ и Россію отъ врага безпощаднаго... Да проститъ меня Господь за мои послѣднія Вамъ слова: помните, Государь! Если Вы сами тотчасъ же твердой ногой не встанете на этотъ путь, — наши общіе съ Вами враги начнутъ съ насъ и... кончатъ Вами!"...

Поклонившись, я поспѣшилъ къ выходу — мнѣ стало нехорошо... Очевидно, безсонная ночь и пережитыя волненія дня сказались, но Государь быстро меня остановилъ, взявъ меня крѣпко за руку... Не помню точно, что Государь мнѣ на прощанье говорилъ и въ какихъ выраженіяхъ меня благодарилъ, задержавъ мою руку въ своей. Вышелъ я отъ Царя сильно усталый, но счастливый сознаніемъ исполненнаго долга.

Въ дворцовой передней меня перехватываетъ полковникъ Минъ, только что надѣвшій на свои погоны царскіе вензеля — тотъ самый Минъ, который въ послѣдующемъ декабрѣ отличился при усмиреніи Московскаго бунта и былъ убитъ впослѣдствіи террористами. Это былъ еще совсѣмъ молодой полковникъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка, впервые исполнявшій во Дворцѣ обязанности флигель-адъютанта. Онъ спросилъ меня, представлялся ли я проживавшему въ то время въ томъ же Царскосельскомъ Дворцѣ Великому Князю Михаилу Александровичу. Услыхавъ мой отрицательный отвѣтъ и посмотрѣвъ на часы, Минъ любезно предложилъ мнѣ свои услуги проводить меня въ аппартаменты Его Высочества и обо мнѣ доложить. „Это будетъ моимъ первымъ служебнымъ шагомъ въ новой должности", добавилъ онъ при этомъ.

Несмотря на усталость, я охотно согласился и мы быстро прошли вправо отъ передней. Вскорѣ я очутился въ большой комнатѣ, уставленной мягкой, но не салонной мебелью, а скорѣе кабинетной: по стѣнамъ виднѣлись развѣшанныя картины и гравюры съ сюжетами спортивнаго характера. Надъ широкими ковровыми диванами кое-гдѣ торчали оленьи и лосиные рога. Минъ мнѣ сказалъ, что Великій Князь сейчасъ выйдетъ. Пожавъ другъ другу руки, мы съ нимъ разстались, чтобы больше никогда не встрѣчаться. Онъ произвелъ на меня самое чарующее впечатлѣніе всей своей бодрой, здоровой, во истину гвардейской, внѣшностью, и, видимо, неисчерпаемымъ запасомъ энергіи, жизнерадостности и рѣшительности... Мужество же свое онъ блестяще доказалъ на Московскихъ декабрьскихъ баррикадахъ...

Высокій, худой, съ болѣзненнымъ лицомъ, все обаяніе котораго заключалось въ громадныхъ материнскихъ глазахъ, Великій Князь Михаилъ Александровичъ, такъ же, какъ и вѣнценосный братъ его, въ томъ же безпечно привѣтливомъ тонѣ задалъ мнѣ тѣ же вопросы: „Ну, что у васъ тамъ въ Самарской губерніи подѣлывается?" Я счелъ своимъ долгомъ и его ознакомить съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей въ нашемъ Поволжьѣ,предоставленномъ безудержнымъ насиліямъ, грабежамъ и террору. Великаго Князя особенно поразило варварство крестьянъ, уничтожавшихъ на своемъ погромномъ пути конные заводы.

Его Высочество былъ глубоко взволнованъ и ошеломленъ, все меня переспрашивая и задавая разные дополнительные вопросы. Пришлось и ему доложить, какія мѣры я считалъ необходимыми для борьбы съ анархіей.

Два раза приходили вызывать Великаго Князя къ Высочайшему завтраку, но онъ продолжалъ съ неослабнымъ вниманіемъ меня слушать. Наконецъ, Михаилъ Александровичъ протянулъ руку, поблагодарилъ и сказалъ: „Ничего не зналъ о столь угрожающемъ положеніи въ провинціи!.. Да!.. Надо сейчасъ же взяться за умъ и за дѣло!"... Съ этими словами онъ меня отпустилъ.

Вернувшись къ себѣ въ Европейскую гостиницу, я чувствовалъ себя столь утомленнымъ, что легъ тотчасъ же на диванъ и забылся... Часа черезъ полтора раздался стукъ въ дверь и ко мнѣ входитъ сосѣдъ по корридору, князь П. Н. Трубецкой, обнимаетъ меня и поздравляетъ съ огромнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ мною — „на всѣхъ въ Царскомъ". Оказывается, — князь Трубецкой былъ въ тотъ же день на пріемѣ послѣ Высочайшаго завтрака. Государь нѣсколько разъ упоминалъ мое имя, съ похвалой обо мнѣ отозвался и разспрашивалъ Трубецкого про меня, мою семью и пр. „Къ сожалѣнію, я мало что могъ сказать про васъ... тѣмъ болѣе про вашу семью... Но. видимо, Царь вами очарованъ. Онъ отзывался о васъ, какъ о человѣкѣ, на котораго можно всецѣло положиться. Все это я счелъ пріятнымъ долгомъ вамъ передать и искренно поздравить васъ"...

Успѣхъ мой въ Царскомъ сдѣлался немедленно достояніемъ многихъ столичныхъ великосвѣтскихъ и политическихъ кружковъ. На другой день я получилъ нѣсколько писемъ отъ ряда видныхъ въ то время монархическихъ дѣятелей. Въ одномъ из нихъ дворянинъ Николай Алексѣевичъ Павловъ приглашалъ меня стать во главѣ земледѣльческаго объединенія.

За нѣсколько дней до моего отъѣзда изъ Петербурга заходитъ ко мнѣ въ номеръ высокій, стройный, съ красивой бѣлокурой головой и большими выхоленными усами, элегантно одѣтый господинъ и знакомится, назвавъ себя княземъ Владиміромъ Михайловичемъ Волконскимъ, Шацкимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Тамбовской губерніи. Пріѣхалъ по дѣламъ аграрныхъ безпорядковъ, начавшихся и у нихъ въ губерніи, къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ и въ разговорѣ съ нимъ узнаетъ о „Наумовскихъ" комитетахъ, какъ тогда называлъ ихъ Дурново.

Князь Владиміръ Михайловичъ рѣшилъ меня лично найти и обо всемъ переговорить. Живой, энергичный, прямой, онъ

съ перваго же знакомства пришелся мнѣ по душѣ, благодаря своей искренности и дѣловой заинтересованности. Впослѣдствіи наши отношенія крѣпли, перейдя въ дружбу.

Идею образованія комитетовъ Владиміръ Михайловичъ горячо привѣтствовалъ. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, коснулся разроставшагося въ дворянскихъ кругахъ недовольства дѣятельностью объединенія Губернскихъ Предводителей. По мнѣнію недоволныхъ дворянъ, съѣзды предводителей созывались слишкомъ рѣдко, а событія въ странѣ развивались съ исключительной быстротой, одно другого для всего государственнаго уклада важнѣе. Помимо этого, считали нежелательнымъ вліяніе, которымъ пользовался на съѣздѣ тріумвиратъ, состоявшій изъ двухъ столичныхъ предводителей и третьяго — Орловскаго...

Мы съ Волконскимъ рѣшили немедленно положить начало всероссійскому Дворянскому объединенію. Мы намѣтили предварительно собрать съѣздъ не только губернскихъ предводителей, но и всѣхъ уѣздныхъ, спеціально избранныхъ депутатовъ. По этому поводу въ теченіе цѣлаго ряда дней мы вели переговоры съ княземъ П. Н. Трубецкимъ. Онъ то соглашался, то, подъ вліяніемъ Стаховича и графа Гудовича, несочувствовашихъ этой мысли, уклонялся отъ сотрудничества съ нами, а безъ участія кого-либо изъ столичныхъ предводителей съѣздъ былъ неосуществимъ.

И вотъ вспоминается мнѣ, какъ въ день моего отъѣзда изъ столицы, князь Трубецкой, къ немалому нашему торжеству, рѣшилъ пойти намъ навстрѣчу. Мы съ Волконскимъ отъ него не отходили ни на шагъ, чуть ли не водили его рукой, заставили подписывать обращеніе къ губернскимъ предводителямъ съ призывомъ устройства въ январѣ 1906 года въ Москвѣ обще-предводительскаго съѣзда. Дѣло было сдѣлано и письма разошлись во всѣ концы дворянской Россіи.

Вечеромъ, за нѣсколько часовъ до моего отъѣзда, является министерскій курьеръ и вручаетъ мнѣ записку отъ П. Н. Дурново, въ которой онъ проситъ меня немедленно пріѣхать къ нему по важному и срочному дѣлу. Я поспѣшилъ по телефону переговорить съ Министромъ, объяснивъ, что черезъ два часа долженъ сѣсть въ вагонъ и ѣхать въ Самару. Несмотря на это, Дурново настоялъ, чтобъ я хотя бы на четверть часа къ нему тотчасъ же заѣхалъ.

Распростившись со своими обѣденными сотрапезниками, я поспѣшилъ наскоро уложиться, по дорожному одѣться и отправился на Мойку. П. Н. Дурново встрѣтилъ меня необычайно привѣтливо и съ первыхъ же словъ сталъ поздравлять съ „исключительнымъ" моимъ успѣхомъ въ Царскомъ... „Государь, видимо, находится подъ впечатлѣніемъ вашего доклада, — сказалъ мнѣ Петръ Николаевичъ, — и онъ поручилъ мнѣ передать вамъ его Августѣйшее желаніе видѣть васъ ближе не только къ дѣлу государственнаго управленія, но и къ собственной Его Особѣ, ради возможности слышать и впредь непосредственно отъ васъ дѣльные и правдивые совѣты... Во всякомъ случаѣ, — продолжалъ Дурново, — лично я вамъ признателенъ за то, что Государю благоугодно было вчера вечеромъ меня вызвать и, надо думать, подъ вліяніемъ вашихъ же словъ, приказать дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ въ духѣ твердой, сильной власти для подавленія безпорядковъ"... Отпуская меня, Его Величество произнесъ знаменательныя слова: „Или Я и мое Правительство, или мы должны уступить мѣсто Союзу Союзовъ съ Хрусталевымъ во главѣ"... „Помоги вамъ Господь успокоить страну и наладить порядокъ, — сказалъ я въ отвѣтъ. — Прошу доложить Государю мою вѣрноподданическую горячую благодарность за отзывъ обо мнѣ и оказанное высокое довѣріе. Но не откажите вмѣстѣ съ тѣмъ довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, что люди одинаково нужны, какъ здѣсь, въ центрѣ, такъ и у насъ въ провинціи. Что касается меня лично, то я считаю себя истымъ провинціаломъ. Провинцію я знаю близко и меня тамъ понимаютъ, а потому почтительно прошу ваше высокопревосходительство походатайствовать за меня передъ Государемъ, чтобы, ради пользы дѣла, меня оставили въ моей родной Самарской губерніи для продолженія начатаго мною тамъ объединенія всѣхъ крѣпкихъ, преданныхъ Царю и отечеству мѣстныхъ силъ"... П. Н. Дурново покачалъ своей сѣдой головой и, усмѣхнувшись, промолвилъ: „Попробую доложить Государю ваши слова... ну, а за послѣдствія не ручаюсь"...

Послѣ этого Министръ многозначительно передалъ мнѣ служебный пакетъ на имя Самарскаго Губернатора, со словами: „Ну,вотъ вамъ... Вручите сіе г-ну Засядко"... Предчувствуя, что дѣло идетъ объ его увольнеіи, я хотѣлъ уклониться отъ личной передачи такого документа. Дурново на это, пожавъ плечами, сказалъ: „Ну, какъ хотите! Имѣйте только въ виду, что теперь пока еще во всей своей силѣ продолжается почтово-телеграфная забастовка,* стало быть, пакетъ мой неизвѣстно когда до мѣста своего назначенія дойдетъ... Ваше дѣло!.. Терпите и дальше такого губернатора"... Тогда я сдѣлалъ отчаянный жестъ и забралъ увольненіе ненавистнаго мнѣ Засядко съ собой.

Черезъ полчаса я сидѣлъ въ грязномъ вагонѣ перваго класса среди вплотную набившейся смѣшанной публики, часть которой оказалась по праву революціоннаго времени перешедшей изъ другихъ классовъ, или вовсе безбилетной. Вся дорога до Самары была сплошнымъ кошмаромъ, о которомъ не стану лучше и вспоминать!..

Разбитый и усталый я добрался наконецъ до родной семьи и своего домашняго уюта.

---

* Въ описываемое время дѣйствительио въ Петербургѣ всѣ профессіональные служащіе не работали въ силу запрета, исходившаго отъ Союза Союзовъ, и ихъ обязанности исполняли „добровольцы", которыхъ я самъ видѣлъ въ Главномъ Почтамтѣ, цѣлыми семьями приходившіе иа сортировку и разсылку почты, несмотря на окружающій нхъ терроръ.

Утѣшительнаго въ Самарѣ нашелъ я мало. Общій развалъ сказывался еще яснѣе... На другой день послѣ пріѣзда, воспользовавшись повѣсткой для участія въ засѣданіи Губернскаго Присутствія, я отправился на него съ цѣлью встрѣтиться тамъ съ губернаторомъ и вручить ему министерскій пакетъ, съ которымъ я всю долгую и мучительную дорогу не разставался, бережно храня его при себѣ.

Нашел я Д. Засядко сильно осунувшимся и въ нервномъ отношеніи совершенно больнымъ. По окончаніи засѣданія, я просилъ его удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ вниманія и отвелъ его въ другую комнату, гдѣ мы очутились наединѣ. Не садясь, я вручилъ ему казенный пакетъ, объяснивъ, что пакетъ этотъ просилъ меня ему передать лично самъ Министръ, ввиду невозможности переслать его по почтѣ. Нервнымъ движеніемъ Засядко тутъ же при мнѣ вскрылъ содержимое, быстро скользнулъ по нему своими воспаленными, прыгавшими глазами, поблѣднѣлъ, затрясся и глухо въ сторону пробормоталъ: „Извольте съ такими господами служить!"... отвернулся отъ меня и быстрыми шагами вышелъ въ дверь. Как я потом узналъ, — въ привезенной ему бумагѣ дано было Засядкѣ за подписью Дурново распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ сдать губернію въ двухмѣсячный срокъ замѣстителю.

Извѣстіе объ его увольненіи выззало въ самарскомъ городскомъ и губернскомъ обществѣ рѣзкій расколъ: одни крестились, благословляя судьбу. Къ нимъ надо сопричислить все наше землевладѣльческое и торгово-промышленное объединеніе подъ флагомъ партіи порядка, а также весь дворянскій и крѣпкій земскій элементъ, не говоря уже о Кременцовскомъ казачествѣ...

Другіе же , съ „Комитетомъ Общественной Безопасности" во главѣ и всѣми присосавшимися къ нему скрытно-революціонными организаціями, вкупѣ съ передавшейся на ихъ сторону разнузданной артиллерійской военщиной и всей хулиганствующей улицей, — эти элементы, само собой, по случаю увольненія Засядко рвали и метали, выливая, главнымъ образомъ на мою бѣдную голову черезъ посредство своей „свободной" прессы, ушаты накопившейся „революціонной желчи".

Вся эта клика очень демонстративно вела себя въ послѣднія недѣли пребыванія Засядко въ Самарѣ. Они устроили рядъ чествованій, закончившихся прощальнымъ обѣдомъ, на которомъ отставленнаго губернатора окружали главари разныхъ самарскихъ подпольныхъ революціонныхъ организацій. Бывшій губернаторъ выслушивалъ съ пріятной улыбкой возмутительныя рѣчи, въ которыхъ восхвалялись „иллюминаціи" помѣщичьихъ усадебъ, высказывалась ему отъ г.г. Зелихмановъ, Клафтоновъ и Ко. благодарность за его „безпристрастное" управленіе губерніей, свободное отъ защит привилегированныхъ капиталистическихъ классовъ и т. п.

Послѣ врученія Засядкѣ пакета объ его отставкѣ, я съ нимъ больше не видался и, какъ съ губернаторомъ, не считался. Я былъ вынужденъ временно самъ фактически забрать всю власть въ свои руки. Засядко окончательно тоже отошелъ и отъ дѣла и отъ общества, предавшись цѣликомъ въ руки г.г. Клафтоновъ и разныхъ комитетовъ, впрочемъ быстро попрятавшихся во второй половинѣ декабря 1905 года, послѣ разгрома Московскаго возстанія и удалой усмирительной дѣятельности Кременцова въ Самарѣ.

Къ этому періоду надо отнести неожиданное происшествіе, случившееся со мною въ моемъ же собственномъ домѣ. Какъ-то разъ, я часовъ около шести вечера прилегъ передъ обѣдомъ въ библіотекѣ на диванъ и сталъ просматривать газеты. Сбоку, на столѣ, подъ зеленымъ абажуромъ стояла лампа. Незамѣтно я задремалъ, и причудилось мнѣ во снѣ какая-то нелѣпая комбинація съ мало симпатичной для меня физіономіей Засядки. Подъ впечатлѣніемъ кошмарнаго видѣнія я открываю глаза и вижу передъ собой въ креслѣ въ самомъ дѣлѣ самого... Засядко. Предполагая, что это продолженіе моего кошмарнаго забытья, я все же не удержался и вопросительно промолвилъ: „Засядко?" И вдругъ раздался отвѣтъ, ясный, отчетливо прозвучавшій въ моихъ ушахъ: „Да, это я!" Тогда я вскочилъ съ невольно вырвавшимся у меня восклицаніемъ: „Какъ вы сюда попали? Что вамъ отъ меня нужно?" Оказывается, швейцаръ Николай, уложивъ своего хозяина на часокъ отдохнуть, самъ ненадолго отлучился. Раздался звонокъ, дверь была отворена одной изъ горничныхъ, не знавшей Губернатора въ лицо. Она его пропустила въ мои комнаты. Засядко прошелъ въ библіотеку и тамъ присѣлъ около меня. Явился ко мнѣ сей господинъ, ни больше ни меньше, какъ съ „искреннимъ" желаніемъ со мною „по-хорошему" проститься и передъ отъѣздомъ завѣрить меня въ своей невиновности и непричастности ко всѣмъ тѣмъ дѣяніямъ, которыя ему мною и моими единомышленниками приписывались. Видъ былъ у Засядки при этомъ противно-жалкій... Я молча указалъ ему на дверь...

Поздней весной 1906 года вхожу я въ кабинетъ къ Петру Аркадьевичу Столыпину, назначенному тогда Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и слышу его голосъ: „Не ругайте меня, Александръ Николаевичъ! Я тутъ не при чемъ! Вашъ другъ Засядко вновь назначенъ губернаторомъ въ одной изъ польскихъ губерніп — въ Радом! Это дѣло рукъ Котика Оболенскаго, насѣвшаго на Варшавскаго Генералъ-Губернатора Скалона, отъ котораго по существующему законоположенію, цѣликомъ зависѣло подобное назначеніе, помимо меня, какъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ". Мнѣ пришлось вмѣстѣ съ Петромъ Аркадьевичемъ только руками развести. Столыпинъ, бывшій въ 1905 году Саратовскимъ Губернаторомъ, не хуже меня, былъ освѣдомленъ о „качествахъ" г. Засядки.

Прошло много лѣтъ. Наступилъ 1915 годъ. Время успѣло предать почти полному забвенію всю остроту пережитого въ 1905-1906 г.г. революціоннаго лихолѣтья. Началась небывалая

по своимъ размѣрамъ Европейская война. Въ качествѣ Министра Земледѣлія я тоже вовлеченъ былъ въ огромную работу по продовольственному снабженію боевыхъ фронтовъ и тыла. Всѣ мы жили подъ гнетомъ жуткой отвѣтственноси. Какъ-то разъ, мой коллега —Министръ Путей Сообщенія, А. Ѳ. Треповъ зоветъ меня къ себѣ на обѣдъ. Чудная казенная квартира. Милое общество. Тонкій изысканный столъ. Послѣ обѣда А. Ѳ. предложилъ пойти рядомъ въ бильярдную сыграть партію въ пирамидку и обмѣняться другъ съ другомъ служебными разговорами. Во время игры, вдругъ появляется мужская фигура и стала тихо, нерѣшительно приближаться ко мнѣ. Я ахнулъ — передо мной стоялъ съ протянутой мнѣ рукой самъ Засядко. Изъ уваженія къ хозяину,я поздоровался с нимъ; Треповъ насъ спрашиваетъ — знакомы ли мы? — ,Еще бы, даже очень” — поторопился я ему отвѣтить... Одновременно слышу вкрадчивый голосъ Засядки: „Дорогой Александръ Николаевичъ, забудемте все!... Я такъ радъ васъ снова увидать и привѣтствовать съ высокимъ вашимъ назначеніемъ”... Я его прервалъ, сказавъ: „Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ”...

Потомъ я узналъ, что Засядко, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ всегда, вплоть до эмиграціи, пользовался особымъ благоволеніемъ Трепова. На Рейхенгальскомъ политическомъ съѣздѣ 1921 года, по протекціи того же Трепова, Засядко былъ избранъ предсѣдателемъ одной изъ комиссій, заданіе которой заключалось въ разработкѣ способовъ возстановленія монархическаго строя в Россіи! Засядко — предатель Царя и монархіи въ 1905 году — приглашался въ 1921 г. возстанавливать Императорскій Тронъ и Державу! И послѣ этого люди удивлялись, что я отказывался вступать въ ихъ монархическое объединеніе!

Тѣ, кто въ Самарѣ сочувственно чествовали уволеннаго Засядко и оплакивали его уходъ, метали громы и молніи по адресу своихъ враговъ, направляя всѣ силы овладѣвшей ими ненависти, главнымъ образомъ, противъ меня, какъ руководителя объединенія правового порядка.

Надо отдать имъ справедливость, — они приняли всѣ мѣры, чтобы сдѣлать мое пребываніе въ родномъ городѣ невыносимымъ. Всячески разжигалось ожесточеніе противъ моей личности не только въ уличныхъ массахъ, но даже среди учащихся. Въ мѣстной прессѣ крайняго направленія вродѣ „Самарскаго Вѣстника” или отвратительнаго сатирическаго журнальчика, именовавшагося „Горчичникомъ”, шла травля. Не проходило дня, чтобы я не получалъ писемъ о готовившихся на меня покушеніяхъ. Всякое появленіе мое на улицахъ сопровождалось рядомъ демонстративныхъ выходокъ со стороны безчинствовавшихъ бандъ.

Разнузданность и развращенность молодежи, въ томъ числѣ и школьной, доходили въ то время до невѣроятныхъ предѣловъ. Классы были заброшены, все толпилось на улицахъ, площадяхъ, слушая возмутительные выкрики полуграмотныхъ

и полупьяныхъ ораторовъ, призывавшихъ къ „свободной” новой жизни.

Помимо наглаго, нескрываемаго разврата, похожаго на полное человѣческое одичаніе, среди городского населенія чувствовалось невѣроятное взаимное озлобленіе, переходившее иногда въ кровавыя побоища. Всюду раздавались, особенно въ вечернее п ночное время, ружейные выстрѣлы, всѣ жили на чеку, подъ гнетомъ сплошного уличнаго террора. Аграрные безпорядки продолжались. Получались отчаянныя письма съ требованіемъ прислать войска для защиты. Въ моемъ кабинетѣ появлялись разоренныя помѣщичьи семьи, происходили раздирающія сцены.

До меня стали доходить опредѣленные слухи о готовившемся со стороны Комитета общественной бесопасности, съ будущимъ президентомъ Самарской республики Клафтономъ во главѣ, военномъ захватѣ города, при содѣйствіи передавшейся на его сторону запасной артиллерійской бригады со всѣми ея пушками и снаряженіемъ. Данныя эти мнѣ заблаговременно сообщилъ подполковникъ Кременцовъ вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Петербурга. Онъ получилъ ихъ отъ нѣкоторыхъ офицеровъ артиллеристовъ, оставшихся вѣрными долгу и присягѣ. Упомянутое выступленіе должно было произойти одновременно съ подобными же военно-революціонными вспышками въ другихъ городахъ Россіи, главнымъ образомъ въ Москвѣ. Въ Самарѣ переворотъ намѣчался на 6-е декабря, и планъ его заключался въ разгромѣ въ первую голову Дворянской улицы, начиная съ „наумовскаго” дома.

Изъ вѣрныхъ источниковъ имѣлъ я также свѣдѣнія о чрезвычайно подозрительномъ поведеніи служащаго персонала нашей Губернской Земской Управы, въ стѣнахъ которой происходили по вечерамъ сборища лицъ, ничего общаго съ земствомъ не имѣвшихъ, устраивались при закрытыхъ дверяхъ секретныя совѣщанія, куда составъ Управы не допускался. Фактически въ Губернской Управѣ всѣмъ руководилъ Клафтонъ, сумѣвшій подчинить себѣ застращеннаго имъ предсѣдателя. Досадно бывало смотрѣть въ тѣ памятные дни на Ушакова, подписывавшаго всѣ ассигновки, которыя ему подсовывали лица, оффиціально числившіяся управскими служащими, а неоффиціально — состоявшія въ то смутное время главарями и сотрудниками подпольной революціонной организаціи. Потомъ выяснилось, что не мало земскихъ денегъ такимъ путемъ было передано на подготовку самарскаго бунта и организацію революціоннаго краснаго креста.

Къ началу декабря положеніе въ Самарѣ было настолько серьезное и грозное, что, во избѣжаніе надвигавшейся катастрофы, надо было дѣйствовать рѣшительно. Ранѣе правительственная власть бездѣйствовала, теперь власть эта совершенно отсутствовала — въ Самарѣ не оказалось ни Губернатора, ни его „вица”. Засядко, если и дѣйствовалъ, то только по указкѣ противоправительственныхъ организацій съ

г.г. Клафтонами во главѣ.

Восьмитысячная запасная артиллерійская бригада, почти со всѣмъ своимъ офицерскимъ составомъ, перешла, какъ ранѣе мною было отмѣчено, на сторону Комитета общественной безопасности. Оставались вѣрными Царю и Правительству лишь одинъ батальонъ пѣхоты съ полковникомъ Барановымъ во главѣ, да еще подполковникъ Кременцовъ со своей сотней Оренбургскихъ казаковъ. На него терроръ дѣйствовалъ обратно: чѣмъ больше его пугали, тѣмъ смѣлѣе онъ становился. На стѣнѣ его квартиры и казармъ вывѣшено было подписанное всѣми старшими казачьими чинами предупрежденіе, что въ случаѣ убійства ихъ начальника будутъ поголовно уничтожены всѣ главари самарскихъ революціонныхъ комитетовъ.

Кременцовъ, совмѣстно съ храбрымъ полковникомъ Барановымъ, по возвращеніи моемъ в Самару, обратились ко мнѣ съ настойчивой просьбой, въ связи съ готовившимся военно-революціоннымъ захватомъ города, принять ихъ — Кременцова и Баранова — подъ свою защиту, въ случаѣ возможныхъ осложненій и нареканій на нихъ со стороны ихъ высшаго начальства, если я одобрю ихъ планъ дѣйствій.

Прежде всего, Кременцовъ хотѣлъ оградить городъ отъ артиллерійскаго огня, затѣмъ обезоружить воинственно настроенную революціонную молодежь, штабъ-квартира которой была въ Пушкинскомъ Народномъ Домѣ. Не скрою: поставленъ былъ я тогда въ нелегкое положеніе, но въ головѣ моей пронесся рядъ послѣдовательныхъ соображеній: на Самару надвигались событія исключительно важныя и опасныя. Помощи ниоткуда ожидать не приходилось. Вѣрные, стойкіе люди обращались ко мнѣ за поддержкой, направлять ихъ было некуда, властей не было, время шло... Надо было рѣшать...

— Я къ вашимъ услугамъ, — сказалъ я Кременцову —дѣйствуйте и да поможетъ вамъ Господь! Будьте покойны — защиту передъ Царемъ и вашимъ начальствомъ я беру на себя! Пожавъ другъ другу крѣпко руки, мы разстались...

На слѣдующій же день вечеромъ Кременцовъ съ сіяющей физіономіей заѣзжаетъ „съ докладомъ", какъ онъ самъ выразился, — „къ своему начальнику". Оказывается, въ этотъ день раннимъ утромъ онъ со своей сотней удалыхъ молодцовъ проникъ въ артиллерійскія казармы. Оставивъ казаковъ во дворѣ въ строевомъ порядкѣ съ винтовками наготовѣ, Кременцовъ одинъ вошелъ внутрь обширнаго казарменнаго помѣщенія, гдѣ онъ нашелъ, какъ и слѣдовало ожидать, страшный безпорядокъ, грязь и валявшихся на своихъ нарахъ полуодѣтыхъ взъерошенныхъ солдатъ, превратившихся за мѣсяцъ своей „свободной" жизни изъ дисциплинированныхъ нижнихъ чиновъ въ митинговавшихъ распущенныхъ „товарищей"...

Несмотря на его полковничью форму, при его появленіи всѣ оставались лежать, сидѣть, грызть сѣмячки... „Встать!" —

гаркнулъ мощный начальническій голосъ Кременцова. Раздались свистки, хохотъ, ругань... „Встать!" — еще разъ крикнулъ на всю казарму разсвирѣпѣвшій казачій подполковникъ и, показывая нагайкой въ окно, продолжалъ: „Если вы (при этомъ онъ ихъ „крѣпко" выругалъ) не исполните тотчасъ мою команду — взгляните въ окна — тамъ стоитъ моя сотня, они васъ заставятъ вспомнить настоящую службу". Среди казарменныхъ обитателей начался переполохъ... Кременцовъ, вынувъ револьверъ, всталъ у выходной двери и скомандовалъ своей сотнѣ: „Готовься", а артиллеристамъ тѣмъ же мощнымъ голосомъ крикнулъ: „Встать! Смирно!" Затѣмъ: „Стройся!" Мгновенно приведя ихъ въ полное повиновеніе, онъ вывелъ значительный отрядъ уже послушныхъ ему артиллеристовъ на дворъ, тутъ же окружилъ ихъ своей сотней верхачей и заставилъ сбить замки у всѣхъ имѣвшихся въ распоряженіи запасной бригады орудій... Пушки были обезврежены и для города опасность отъ нихъ миновала — объ этомъ Кременцовъ и зашелъ мнѣ доложить.

Пушкинскій народный домъ, выстроенный на средства городского комитета народной трезвости, представлялъ собою обширное зданіе, расположенное въ центрѣ города на бойкомъ мѣстѣ, по сосѣдству съ Троицкимъ базаромъ. Оно предназначалось для разумныхъ народныхъ развлеченій и отвлеченія отъ пьянаго соблазна. Въ этомъ домѣ имѣлся помѣстительный залъ со сценой, гдѣ давались представленія, читались полезныя научныя лекціи и пр. За время Японской кампаніи въ означенномъ помѣщеніи обосновался т. н. „Народный Университетъ" съ лекторами опредѣленнаго, крайне оппозиціоннаго направленія. Въ описываемый мною смутный періодъ Пушкинскій Домъ сдѣлался средоточіемъ всѣхъ революціонныхъ элементовъ. Они тамъ ежедневно по вечерамъ собирались и сплачивались вокругъ своихъ лидеровъ, большей частью, еврейской національности.

Кременцову стало извѣстно, что въ этомъ революціонномъ гнѣздѣ устроенъ складъ оружія для раздачи въ нужный моментъ захвата города. Вслѣдствіе этого онъ въ ночь со 2-го на 3-е декабря внезапно произвелъ памятную для самарцевъ „осаду" Пушкинскаго дома. Ее впослѣдствіи какой-то мѣстный художникъ даже запечатлѣлъ на полотнѣ, красовавшемся потомъ на стѣнѣ городского музея.

Все съ той же своей доблестной сотней и батальономъ бравыхъ пѣхотинцевъ подъ командой Баранова, Кременцовъ вечеромъ 2-го декабря внезапно появился подъ освѣщенными окнами Народнаго Дома, кишмя кишѣвшаго всякимъ революціоннымъ людомъ, быстро окружилъ его своими казаками и солдатами и потребовалъ немедленной сдачи ему всего хранившагося въ зданіи оружія. Переполохъ начался невѣроятный, стали раскрываться форточки, выбиваться оконныя рамы, и изъ всѣхъ отверстій открылась пальба... къ счастью, никто изъ осаждавшихъ не пострадалъ. Кременцовъ, главная мишень для стрѣлявшихъ, только посмѣивался надъ градомъ

пуль, свистѣвшихъ вокругъ него, и говорилъ полковнику Баранову: „Хороши стрѣлки, нечего сказать! а еще претендуютъ стать хозяевами Россіи!"... Въ концѣ концовъ ему надоѣло ждать, тѣмъ болѣе, что морозъ крѣпчалъ. Стояла лунная ночь. Надумалъ тогда казачій командиръ слѣдующую „военно-осадную хитрость — согрѣть своихъ молодцовъ, окружавшихъ домъ, и одновременно попугать засѣвшую тамъ „революціонную сволочь" (его выраженіе)... Данъ былъ приказъ развести вокругъ „осажденной крѣпости" костры. Спустя немного загорѣлась оригинальная иллюминація — весь Пушкинскій домъ очутился въ огненномъ кольцѣ... Изъ выбитыхъ оконъ послышались крики, стоны, вопли... Не на шутку испугалась „революціонная боевая дружина" дальнѣйшихъ Кременцовскихъ распоряженій...

Въ это время съ верховыми своими охранниками подъѣзжаетъ къ мѣсту осады, ни болѣе, ни менѣе, какъ самъ г-нъ Клафтонъ. Начальнически подходитъ къ Кременцову и приказываетъ немедленно убрать войска, при этомъ передаетъ подполковнику визитную карточку... губернатора Засядко. Кременцовъ ее разрываетъ и презрительно бросаетъ Клафтону: „Пусть-ка этотъ самый вашъ Засядко самъ ко мнѣ сюда заявится!" Повернувшись къ своимъ казачкамъ, онъ тутъ же крикнулъ: „Готовьте, молодцы, керосинъ!"... Пальба вскорѣ прекратилась и изъ нѣсколькихъ оконъ высунулись палки съ подвязанными бѣлыми платками. Пушкинскій Домъ сдался". Начался пропускъ осажденныхъ черезъ строй казаковъ, которымъ былъ данъ приказъ производить строжайшій обыскъ всѣхъ выходившихъ, включая и женщинъ. Въ результатѣ было отобрано и позже найдено еще внутри помѣщенія значительное количество огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, которымъ наполнили два большихъ фургона.

Описанное событіе произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на всю самарскую публику, почувствовавшую сразу, что не все еще потеряно, что въ городѣ существуетъ твердая правительственная сила, не поддавшаяся революціонному террору. Общее настроеніе сразу перемѣнилось. Въ революціонныхъ комитетахъ и кругахъ, очутившихся безъ пушекъ и безъ Народнаго Дома, возникла паника и зародилось разочарованіе. Въ здоровой части населенія, которая боялась носъ на улицу высунуть, проснулась бодрость и нѣкоторая увѣренность въ завтрашнемъ днѣ.

Кременцовъ сдѣлался героемъ дня. Онъ далъ первый толчекъ — за нимъ осмѣлѣли и другіе. Въ городѣ установился относительный порядокъ, поддерживаемый казачьими разъѣздами. Пальба и хулиганство прекратились... Можно было вновь спокойно ходить по улицамъ... Чувствовался поворотъ къ общему оздоровленію.

Въ это же время стала усиливаться дѣятельность образованнаго нами 18-го октября 1905 г. объединенія, — „Партіи Порядка" на началахъ манифеста 17 октября.

Наше объединеніе возникло изъ инстинктивнаго стремленія общими усиліями вступить въ борьбу съ начавшейся анархіей и, ввиду бездѣйствія власти, организовать самозащиту и возстановить нормальный порядокъ. Этому и были посвящены наши собранія, происходившія подъ моимъ предсѣдательствомъ въ помѣщеніи Дворянскаго Собранія. На нихъ сходилось множество стойкаго люда изъ мѣстнаго всесословнаго землевладѣльческаго, промышленнаго, торговаго и служебно-чиновнаго міра.

Все, что я довелъ до свѣдѣнія высшихъ сферъ въ Петербургѣ, было предварительно доложено мною и обсуждено на означенныхъ нашихъ собраніяхъ и единодушно одобрено. Объявленная нами борьба съ бездѣйствіемъ власти, ради возстановленія порядка, получила реальное осуществленіе въ видѣ увольненія Засядко и рѣшительныхъ дѣйствій Кременцова. На собранныя деньги наша партія посильно снабжала наиболѣе угрожаемыя помѣщичьи экономіи вооруженной охраной. Въ Самарской губерніи землевладѣніе въ огромномъ своемъ количествѣ находилось въ рукахъ лицъ, не состоявшихъ въ рядахъ нашего дворянства. Въ большинствѣ случаевъ это были бывшія казачьи семьи или разбогатѣвшіе крестьяне, какъ напримѣръ Михаилъ Дмитріевичъ Челышевъ, всегда съ особой гордостью подчеркивавшій свою принадлежность къ крестьянскому сословію... Эти землевладѣльцы, наравнѣ съ помѣщиками-дворянами, находились подъ угрозой поджоговъ и разбойничьихъ погромовъ. Между ними и нами — дворянами произошло естественное и тѣсное всесословное сближеніе.

Дѣятельность Партіи Порядка стала быстро распространяться за предѣлы города вглубь губерніи. Нами получался рядъ всевозможныхъ запросовъ, касавшихся не только организаціи охраны, но и сущности предполагаемой политической программы нашего объединенія. Мы сознавали своевременность такого чисто-политическаго самоопредѣленія. Для всѣхъ этихъ работъ необходимо было созданіе особаго исполнительно-руководящаго органа. Незадолго до моего отъѣзда въ столицу, на одномъ изъ собраній, онъ былъ избранъ, подъ наименованіемъ „Совѣта партіи". Въ составъ его вошли: я, въ качествѣ предсѣдателя, и затѣмъ члены: графъ А. Н. Толстой — уѣздный Предводитель, С. О. Лавровъ — бывшій предсѣдатель Самарской Губернской Земской Управы и Управляющій Государственными Имуществами, князь П. Д. Урусовъ — Управляющій отдѣленіемъ Государственнаго и Крестьянскаго Поземельнаго Банка, А. К. Ершовъ — Управляющій Самарскимъ отдѣленіемъ Государственнаго Банка, Т. А. Шишковъ — Непремѣнный членъ Губернскаго присутствія, Б. Н. Мухановъ — Непремѣнный членъ Воинскаго Губернскаго присутствія, С. Н. Постниковъ — Самарскій городской голова, Н. А. Самойловъ — присяжный повѣренный, С. А. Богушевскій — Непремѣнный членъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка, Д. С. Коссовичъ — профессоръ Московскаго сельскохозяйственнаго института, Л. С. Ажановъ — землевладѣлецъ, В. М. Сурошниковъ и И. Г. Курлинъ — зятья богатѣйшаго

человѣка въ губерніи Шихобалова и другіе.

Со временемъ, въ Совѣтъ былъ кооптированъ рядъ уѣздныхъ представителей, такъ какъ съ момента моего возвращенія въ Самару, у насъ завязались тѣсныя сношенія съ уѣздами, гдѣ стали образовываться наши филіалы.

Нашимъ объединеніемъ заинтересовались въ центрѣ двѣ партіи, только что тамъ народившіяся: Союзъ 17-го октября и Торгово-промышленная. На одномъ изъ собраній нашей партіи порядка было рѣшено держаться самостоятельно, не вступая въ составъ другихъ.

Передъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ политическая программа нашего объединенія была мною лишь намѣчена. Къ моему удивленію и досадѣ, въ мое отсутствіе программа была не только выработана и отпечатана, но кое-куда даже разослана. Подъ ней значились фамиліи всѣхъ членовъ Совѣта и моя, какъ предсѣдателя. Пришлось принять срочныя мѣры къ ея пересмотру и нѣкоторымъ поправкамъ. Переработанная такимъ образомъ программа нашего объединенія въ общемъ ближе всего подходила къ Союзу 17-го октября.

Дѣятельность Партіи Порядка быстро и сильно развивалась. Собранія привлекали такое множество народа, что зала нашего Дворянскаго Собранія, разсчитанная не болѣе, какъ на 150 человѣкъ, не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ присутствовать. Надо было въ городѣ подыскать соотвѣтствующее помѣщеніе, но это оказалось не легко. Городъ въ концѣ ноября и началѣ декабря находился подъ гнетомъ такого застращиванія со стороны революціонныхъ элементовъ, что никто изъ хозяевъ гостиницъ, клубовъ и другихъ собраній не рѣшался пускать къ себѣ людей, принадлежавшихъ къ такой организаціи, съ пресловутымъ Наумовымъ во главѣ. Улица, властвовавшая въ то время надъ самарцами, и крайняя лѣвая пресса провозгласили насъ „черносотенной" организаціей, подлежащей поголовному уничтоженію. Наконецъ, одна почтенная особа, да еще не русская, а лишь обрусѣлая нѣмка, здоровенная толстуха Альма Карловна, проявила по тому времени недюжинное гражданское мужество и предоставила мнѣ въ своей „Корниловской" гостиницѣ (одной изъ лучшихъ въ Самарѣ) обширную залу для устройства въ ней собранія, которое состоялось въ памятный для меня день — 6-го декабря 1905 года.

Время стояло исключительно тревожное. Если сама Самара, послѣ сбитія Кременцовымъ орудійныхъ замковъ и взятія имъ Пушкинскаго Дома, стала до извѣстной степени успокаиваться, то нельзя было этого сказать про наши всеобщія настроенія и опасенія за судьбу самого центра Россіи — Москвы, гдѣ, по доходившимъ до насъ слухамъ, революціонное возстаніе приняло грандіозный размѣръ и ожесточенный характеръ. Съ утра 6-го декабря по городу ходили самые мрачные толки даже о паденіи Первопрестольной, попавшей въ руки революціонеровъ. Всѣми стала овладѣвать зловѣщая паника...

Передъ самымъ входомъ въ Корниловскую гостиницу, гдѣ уже было огромное стеченіе публики, я вдругъ получаю пакетъ черезъ разсыльнаго отъ начальника почтово-телеграфной конторы. Вскрываю его на ходу и глазамъ своимъ не вѣрю: читаю только что протелеграфированное въ Самару агентское сообщеніе о рѣшительномъ подавленіи московскихъ безпорядковъ. Я быстро вбѣжалъ по лѣстницѣ въ биткомъ набитую залу, и первымъ долгомъ подѣлился съ собравшимися радостной вѣстью о разгромѣ Московскаго возстанія... Грянуло восторженное „ура", и всѣ запѣли „Боже Царя храни". Настроеніе сразу же создалось бодрое, приподнятое. Ко всему этому, выступилъ съ удивительно сказанной, сильной, патріотической рѣчью извѣстный всей Самарѣ проповѣдникъ, почтенный протоіерей Ястребовъ. Подъемъ получился небывалый, имѣвшій для меня и всей Партіи Порядка неожиданный результатъ.

Еще до поѣздки въ Петербургъ я рѣшилъ организовать во что бы то ни стало въ Самарѣ газетное предпріятіе, но нужны были средства. Меньше, чѣмъ съ 25.000 руб. и начинать такое дѣло было невозможно. Объ этомъ моемъ намѣреніи и о приблизительной смѣтѣ знали многіе наши партійные участники и всѣ члены Совѣта.

Когда, послѣ закрытія собранія, всѣ стали расходиться въ возбужденномъ и радостномъ настроеніи, ко мнѣ подходитъ группа лицъ, приглашающихъ меня пройти съ ними въ отдѣльную комнату. Тамъ они вручаютъ мнѣ только что собранныя ими 30.000 рублей для основанія періодическаго печатнаго органа Партіи Порядка. Можно себѣ представить тотъ неописуемый восторгъ, который меня охватилъ при полученіи столь щедраго дара, дававшаго мнѣ широкую возможность создать собственную газету для борьбы съ печатнымъ революціоннымъ зломъ.

Итакъ, 6-е декабря 1905 года стало днемъ основанія „Голоса Самары", который вышелъ 1-го января 1906 г. и сталъ органомъ Партіи Порядка. Почти десять лѣтъ, безъ всякой правительственной денежной субсидіи, просуществовала наша газета, отстаивая цѣлость и достоинство государственныхъ основъ и принциповъ, возвѣщенныхъ Манифестомъ 17-го октября. По времени своего появленія, какъ перваго трезваго провинціальнаго періодическаго изданія въ смуту 1905-1906 г. и по полной своей независимости, „Голосъ Самары" надо признать единственнымъ въ своемъ родѣ газетнымъ органомъ среди провинціальной прессы.

Весь декабрь 1905 г. былъ посвященъ нашимъ Совѣтомъ подготовкѣ къ выходу въ свѣтъ предположенной газеты. Мы выдѣлили немногочисленную группу, всецѣло отдавшуюся газетной издательской и редакціонной работѣ. Въ составъ ея вошли: Т. А. Шишковъ Б. Н. Мухановъ, С. А. Богушевскій и А. А. Шешловъ, а впослѣдствіи В. Н. Львовъ. Всѣ люди занятые, но они нашли время для идейнаго дѣла, имѣющаго большое общественное значеніе.

С. А. Богушевскій только что пріѣхалъ ихъ Петербурга, гдѣ долгое время состоялъ секретаремъ у К. Ѳ. Головина. Сво-

имъ внѣшнимъ обликомъ онъ был типичный польскій шляхтичъ, но по существу былъ ярымъ русскимъ націоналистомъ, убѣжденнымъ монархистомъ и стойкимъ консерваторомъ. Онъ горячо отстаивалъ возвѣщенный съ высоты престола правовой порядокъ. Онъ былъ несомнѣнно одаренной натурой, обладая выдающимися литературными и музыкальными способностями.

Сергѣй Александровичъ оказался незамѣнимымъ сотрудникомъ „Голоса Самары". Онъ ежедневно снабжалъ газету бойкими передовицами, статьями и фельетонами. Въ послѣдніе годы онъ сталъ и редакторомъ-издателемъ „Голоса".

Въ общемъ газета, несмотря на всяческій бойкотъ слѣва, изъ года въ годъ крѣпла и завоевала себѣ обширный кругъ подписчиковъ и читателей. Начавъ съ 3000, тиражъ „Голоса Самары" поднялся до 15000 экземпляровъ. Объявленія давали довольно солидный доходъ. Въ среднемъ, годовой расходъ газеты выражался въ суммѣ отъ 35 — 40 тысячъ рублей, доплачивать приходилось не болѣе 10 - 15000 руб. Перерасходъ охотно покрывался тѣми же лицами, которые проявили свое щедрое участіе при самомъ основаніи газеты.

Въ Петербургѣ мнѣ неоднократно предлагали финансировать наше изданіе. Съ необычайной настойчивостью, и я бы сказалъ, цинизмомъ, дѣйствовали въ началѣ 1906 года передъ выборами въ первую Государственную Думу двое товарищей Министра Вн. Дѣлъ — Сергѣй Ефимовичъ Крыжановскій и Владиміръ Іосифовичъ Гурко, о которыхъ, вѣроятно, мнѣ еще придется упомянуть въ послѣдующихъ моихъ воспоминаніяхъ. Здѣсь же считаю умѣстнымъ оговориться, что, вѣроятно, я продолжалъ бы изданіе „Голоса Самары" и дольше десяти лѣтъ, если бы въ послѣдній годъ его выхода не произошло одного обстоятельства, которое заставило меня, а за мной и другихъ, отойти отъ хорошо налаженнаго газетнаго дѣла. Связано это было съ личностью Владиміра Николаевича Львова, появившагося на самарскомъ небосклонѣ въ самый разгаръ смутнаго времени конца 1905 и начала 1906 года.

Несомнѣнно одаренный, а въ нѣкоторомъ смыслѣ даже талантливый, Львовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, проявлялъ временами въ личной жизни, а какъ впослѣдствіи оказалось, и въ общественно-государственной своей дѣятельности, рядъ странностей, заставлявшихъ предполагать въ немъ нѣкоторую даже дегенеративность. Несмотря на это, его исключительная способность быстро схватывать мысль, его умѣнье въ красивой и бойкой формѣ ее изложить, его даръ темпераментнаго краснорѣчія — все это заставило меня привлечь Львова въ ближайшіе сотрудники по партійной дѣятельности, а затѣмъ и по веденію газетнаго дѣла. Его яркія, талантливыя, публичныя выступленія въ собраніяхъ имѣли несомнѣнный успѣхъ и приносили дѣлу объединенія насущную пользу. Также хороши были его передовицы, полныя подъема, интереса и искренняго чувства.

Владиміръ Николаевичъ сначала казался мнѣ очень устойчивымъ въ своихъ консервативно-монархическихъ и православно-канонических убѣжденіяхъ. Я считалъ его даже излишне крайнимъ и фанатичнымъ ихъ исповѣдникомъ. Въ то время онъ преклонялся передъ идеаломъ византинизма, который онъ хотѣлъ видѣть и въ Россійской государственности и церковной структурѣ. Для него Царь былъ лицомъ, пріявшимъ свою власть отъ Бога черезъ посредство таинства миропомазанія. Поэтому самодержавіе должно было оставаться неприкосновеннымъ, также какъ и возглавленіе Государемъ Россійской Православной Церкви. Владиміръ Николаевичъ былъ довольно свѣдущъ по части исторіи русскаго православія. Въ свое время онъ настолько увлекался религіозными вопросами, что проходилъ курсъ наукъ въ Московской Духовной Академіи и мечталъ даже о монашествѣ. Какъ партійный газетный сотрудникъ, онъ талантливо и широко освѣщалъ вопросы церковно-религіознаго содержанія.

Будучи переизбранъ въ четвертую Государственную Думу, Львовъ сталъ замѣтно мѣняться, чѣмъ доставлялъ намъ, его прежнимъ друзьямъ, немало разочарованія. Въ концѣ концовъ, онъ совершенно перекинулся въ лагерь лицъ, оказавшихся, по моему глубокому убѣжденію, главными виновниками крушенія Царскаго Престола. Я говорю объ образованіи въ законодательныхъ палатахъ т. н. „прогрессивнаго блока", въ который Владиміръ Николаевичъ, съ присущей ему горячностью вступилъ. Затѣмъ, въ порядкѣ безудержнаго сдвига своихъ политическихъ принциповъ, онъ дошелъ до невѣроятныхъ выходокъ во время своего сотрудничества, въ качествѣ Оберъ-Прокурора св. Синода, въ печальной памяти Временномъ Правительствѣ. Прежній крайній государственникъ и церковникъ „византійскаго стиля" — Львовъ, при первомъ своемъ появленіи въ залѣ Синода , не нашелъ ничего лучшаго, какъ собственноручно, на глазахъ всего высшаго духовнаго синклита, выбросить изъ присутственнаго мѣста царское кресло со словами: „Я врагъ цезаре-папизма".

Съ первыхъ же лѣтъ нашего съ нимъ знакомства Владиміръ Николаевичъ казался мнѣ человѣкомъ болѣзненно-неуравновѣшеннымъ, но все же въ своихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ достаточно стойкимъ, въ силу чего мною всегда и поддерживалась его кандидатура, вплоть до переизбранія его въ 4-ю Думу. Но незадолго до войны 1914 года, мнѣ пришлось разочароваться въ немъ. Онъ оказался опредѣленно нервнобольнымъ человѣкомъ. Временами совершенно отсутствовали сдерживающіе центры въ его мышленіи, чувствованіяхъ и дѣйствіяхъ. Подъ вліяніемъ ряда условій его дѣятельности, какъ виднаго члена Государственной Думы, его новой столичной житейской обстановки, со всѣми ея соблазнами и неразборчивыми знакомствами, Владиміръ Николаевичъ отходилъ отъ своего прежняго русла и поддавался встрѣчавшимся на его пути искушеніямъ.

Въ смыслѣ неустойчивости его личной жизни и поведенія, я могъ бы привести рядъ примѣровъ, чисто анекдотическаго

содержанія, начавъ хотя бы съ того, что наканунѣ того какъ онъ собирался принять монашество, Владиміръ Николаевичъ пошелъ съ Маріей Алексѣевной Толстой подъ вѣнецъ. Но въ первые годы нашего сотрудничества въ общественныхъ дѣлахъ онъ былъ послѣдовательнымъ и твердымъ исповѣдникомъ своихъ принциповъ, пока съ нимъ не случился нижеслѣдующій казусъ. Послѣ своихъ перевыборовъ въ 4-ую Государственную Думу, Львовъ, очевидно, уже не довольствовался своей депутатской популярностью. Ему захотѣлось во что бы то ни стало добиться царскаго къ себѣ вниманія. У него зародились настойчивыя мечты о придворномъ мундирѣ...

Незадолго до Романовскихъ торжествъ, Владиміръ Николаевичъ въ одной изъ своихъ дружескихъ со мною бесѣдъ высказалъ намѣреніе поднести Государю свою фамильную икону, для чего онъ предполагалъ испросить Высочайшаго для себя пріема. Я замѣтилъ, что Его Величество подношеній отъ отдѣльныхъ лицъ не долюбливалъ и совѣтовалъ отказаться отъ этой мысли. Львовъ какъ-будто согласился со мною, но, очевидно, имъ владѣла засѣвшая въ его головѣ навязчивая мысль — добиться, подъ предлогомъ подношенія упомянутой иконы,* Высочайшаго пріема. Болѣе у насъ съ нимъ разговора по этому поводу не возникало. И вдругъ я узнаю, что Владиміръ Николаевичъ внезапно уѣхалъ въ Крымъ съ единственной цѣлью добиться осуществленія своего намѣренія.

Государь въ то время проживалъ въ Ливадійскомъ Дворцѣ и избѣгалъ пріемовъ, нарушавшихъ его отдыхъ. Львову пришлось преодолѣть не малыя хлопоты, чтобы испросить себѣ Высочайшую аудіенцію. Въ концѣ концовъ, она состоялась, но въ обстановкѣ, показавшейся болѣзненно-самолюбивому Владиміру Николаевичу въ высшей степени обидной.

Государь принялъ его, какъ и всѣхъ, стоя, выслушалъ пламенно произнесенную Львовымъ привѣтственную рѣчь, съ описаніемъ фамильной иконы, принялъ ее, милостиво поблагодарилъ, протянулъ ему на прощаніе руку, и этимъ и закончился Высочайшій пріемъ, о которомъ Львовъ такъ страстно мечталъ и отъ котораго столь многаго для себя ожидалъ. Въ дѣйствительности же, особаго Царскаго вниманія къ себѣ Владиміръ Николаевичъ не снискалъ и... придворнаго званія не получилъ.

Глубоко разочарованный Владиміръ Николаевичъ сразу же обнаружилъ всю неустойчивость своей натуры и изъ пламеннаго монархиста и поклонника Государя, онъ превратился въ открытаго его ненавистника.

Докатившись на своемъ новомъ пути до Оберъ-Прокурора въ Синодѣ Временнаго Правительства, Владиміръ Николаевичъ дошелъ до полнаго ренегатства. Его милая жена, моя кузина, рыхлая и добродушная Марія Алексѣевна, жало-

*Икона эта когда-то принадлежала его предку, написавшему гимнъ „Боже Царя храни".

валась мнѣ, что ея „Володя" совсѣмъ сталъ неузнаваемъ и страненъ въ своихъ поступкахъ. Какъ только онъ задѣлался Оберъ-Прокуроромъ, такъ, по ея словамъ, первое, что онъ сдѣлалъ — это снялъ со стѣны и куда-то запряталъ мой портретъ съ надписью, упоминавшей наше съ нимъ сотрудничество.

Встрѣчаясь въ медовые мѣсяцы своего министерскаго положенія со мною на Петроградскихъ улицахъ, преважно сидя въ бывшемъ царскомъ автомобилѣ, Львовъ демонстративно отъ меня отворачивался... И вдругъ, въ бытность нашу съ семьей въ Москвѣ, въ іюлѣ того же 1917 года, заходитъ къ намъ Марія Алексѣевна Львова и спрашиваетъ, приму ли я „ея Володю", который очень хочетъ со мною свидѣться. Я задумался, но старое взяло верхъ, и я рѣшилъ его принять.

Вечеромъ того же дня къ намъ на Новинскій бульваръ пожаловалъ самъ Оберъ-Прокуроръ, только-что возглавлявшій совершенное всѣмъ синодскимъ синклитомъ и многотысячнымъ народомъ паломничество въ Троице-Сергіевскую лавру.

Не стану подробно описывать нашей встрѣчи; не скрою лишь, что я принялъ своего бывшаго вѣрнаго сотрудника холодно. На этотъ разъ онъ показался мнѣ опредѣленно душевно-больнымъ человѣкомъ. Это сознаніе вызывало во мнѣ не только жалость къ нему, но и чувство страха за руководимое имъ вѣдомство. Сидя у меня, Владиміръ Николаевичъ ругательски ругалъ своихъ коллегъ по Временному Правительству, обрисовывая каждаго отдѣльно и всѣхъ вкупѣ въ ужасающихъ краскахъ.

Особенно доставалось Керенскому, что, впрочемъ, не помѣшало тому же Львову затѣять съ этимъ фатальнымъ для россійскихъ судебъ революціоннымъ фанфарономъ посредническое дѣло, нынѣ сдѣлавшееся достояніемъ исторіи и оказавшее столь роковое вліяніе на честнаго Корнилова и его намѣреніе спасти родину отъ революціонной разрухи.

Вернусь къ описанію обстоятельства, связаннаго съ личностью того же Львова, послужившаго причиной тому, что я и мои сотрудники отошли отъ изданія „Голоса Самары". Шелъ второй годъ Великой Европейской войны. Наша газета продолжала нести свою посильную службу. Въ Самарѣ происходилъ сборъ одежды и бѣлья для войсковыхъ частей, отправленныхъ на фронтъ изъ нашего города. Газета всячески содѣйствовала его успѣху.

Пріѣзжаетъ изъ Петрограда В. Н. Львовъ и заявляетъ, что его тетка графиня Мордвинова пожертвовала для нашей газеты 25.000 рублей и отдала эти деньги въ его, Львова, полное распоряженіе. Онъ предложилъ пріобрѣсти на нихъ усовершенствованныя печатныя машины, вмѣсто прежнихъ устарѣвшаго типа, и высказалъ еще рядъ предположеній по улучшенію общей постановки газетнаго изданія.

Повѣривъ Львову, я обрадовался щедрому дару. При участіи спеціалистовъ приступлено было къ обсужденію предложенныхъ Львовымъ мѣропріятій. Въ результатѣ, на упо-

мянутыя деньги былъ сдѣланъ рядъ новыхъ пріобрѣтеній.

Прошло нѣкоторое время и въ Петроградѣ совершенно случайно я заговорилъ съ однимъ изъ Самарскихъ депутатовъ о полученныхъ нами отъ графини Мордвиновой деньгахъ для „Голоса Самары". И вдругъ, къ немалому своему удивленію и еще большему негодованію, узнаю, что 25.000 рублей были получены Львовымъ не отъ его тетки, графини Мордвиновой, а были имъ испрошены для нашей газеты изъ правительственныхъ суммъ.

Моему возмущенію не было границъ. Деньги были почти полностью израсходованы. Не имѣя возможности вернуть ихъ, и не желая предавать гласности этотъ чудовищный обманъ, я потерялъ всякую охоту принимать участіе въ скомпрометированной правительственной подачкой газетѣ. Совмѣстно со своими ближайшими сотрудниками, я заявилъ о нашемъ выходѣ изъ состава пайщиковъ и руководителей „Голоса Самары", предложивъ все газетное дѣло взять въ свои руки самому Львову. Онъ отказался, и газета, существовавшая съ 1906 по 1915 годъ, была ликвидирована.

А какъ радовались мы всѣ, когда, раннимъ утромъ перваго января 1906 года, на улицахъ появились мальчишки съ новой, большого формата, газетой, подъ заглавіемъ „Голосъ Самары", которая въ тотъ же день была разослана по всей губерніи въ сотняхъ экземпляровъ на каждый уѣздъ. Торжеству нашему не было предѣловъ, несмотря даже на то, что самарскія улицы, въ особенности главная „Дворянская", къ вечеру были завалены кусками разорванной нашей газеты — въ этомъ проявленъ былъ знакъ вниманія къ нашему новому печатному изданію со стороны враждебнаго намъ лагеря.

Несмотря ни на что, дѣло не стало и пошло развиваться.

ЧАСТЬ VII

ОБЩЕПЕРЕДВОДИТЕЛЬСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ МОСКВѢ. ВЫБОРЫ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ. ВЕСНА И ЛѢТО ВЪ ИМѢНІИ. ВТОРОЙ СЪѢЗДЪ ВСЕРОССІЙСКАГО ОБЪЕДИНЕНІЯ ДВОРЯНЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. ПОЖАЛОВАНІЕ ПРИДВОРНАГО ЗВАНІЯ. ПРАЗДНИКИ ВЪ АРКАШОНѢ. НОВЫЙ 1907 ГОДЪ. ПОѢЗДКА ПО ЕВРОПѢ. ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ РОССІЮ. РОСПУСКЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. ПОѢЗДКА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ КО ДНЮ РОЖДЕНІЯ НАСЛѢДНИКА. ПЕРЕѢЗДЪ СЕМЬИ ВЪ САМАРУ. ПРЕДВЫБОРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. ТРЕТЬЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА. ПОЖАЛОВАНІЕ ЕГЕРМЕЙСТЕРСКАГО ЗВАНІЯ И ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ГОСУДАРЮ. ПЕРЕИЗБРАНІЕ ПРЕДВОДИТЕЛЕМЪ И УЧАСТІЕ ВЪ РАБОТѢ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНОЙ КОМИССІИ.

73

Въ началѣ января 1906 года княземъ П. Н. Трубецкимъ въ Москвѣ былъ созванъ Обще-Предводительскій Съѣздъ съ приглашеніемъ Губернских и Уѣздных Предводителей. Отъ Самарскаго дворянства намѣчены были, помимо меня, какъ Губернскаго Предводителя, еще Уѣздные Предводители: гр. А. Н. Толстой, А. М. Наумовъ, М. Д. Мордвиновъ и А. Н. Шелашниковъ.

Пріѣздъ нашъ въ Москву совпалъ со временемъ, послѣдовавшимъ послѣ только-что пережитыхъ Первопрестольной столицей бурныхъ событій декабрьскаго революціоннаго бунта, умѣло подавленнаго энергичной рукой адмирала Дубасова. Въ городѣ продолжало оставаться въ полной своей силѣ осадное положеніе, которое и мы всѣ на себѣ испытывали. Приходилось забираться рано вечеромъ къ себѣ домой въ гостиницу, въ силу объявленнаго запрета показываться на улицахъ послѣ 9 час. вечера. Остановились мы въ гостиницѣ „Дрезденъ".

Съѣздъ происходилъ въ одной изъ боковыхъ залъ Московскаго Дворянскаго Собранія. Онъ оказался во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно удачнымъ и, несмотря на смутное безвременье, привлекъ со всѣхъ концовъ дворянской Россіи до 120 участниковъ. Собравшимся было важно и интересно другъ съ другомъ свидѣться, чтобы обсудить рядъ серьезнѣйшихъ вопросовъ, возникшихъ въ связи съ Манифестомъ 17-го октября, съ намѣчавшейся дальнѣйшей земельной политикой правительства Витте, и связанъ съ вопросомъ о борьбѣ съ общей разрухой и происходившими почти повсемѣстно аграрными безпорядками.

На съѣздѣ дворяне со всѣхъ губерній Европейской Россіи перезнакомились и сблизились, можетъ быть, впервые за все время существованія предводительскаго института. Все, о

чемъ говорили и думали на мѣстахъ, теперь обобщалось, объединяя въ одинъ дружный и мощный хоръ голоса людей земли, явившихся по своему положенію отвѣтственными руководителями мѣстной уѣздной жизни, близко знавшихъ ея запросы, нужды и настроенія.

Само собой, не ради своихъ сословныхъ интересовъ съѣхались Предводители на пепелище только что потушеннаго московскаго революціоннаго пожарища, а исключительно во имя обще-государственной пользы, подобно тому, какъ вся ихъ мѣстная работа въ далекихъ углахъ провинціи всегда направлялась ко благу всего русскаго народа.

Въ такомъ же духѣ и предлагались къ обсужденію и разрѣшались вопросы на Московскомъ январскомъ съѣздѣ. Былъ выработанъ взглядъ на взаимоотношенія между Царской Властью и будущими выборными законодательными палатами.

По мнѣнію съѣзда, революціонная разруха, ослабляющая государственный организмъ, является такимъ исключительнымъ обстоятельствомъ, которое требуетъ проявленія сверху до низу объединенной, сильной и твердой власти.

Обсуждалась также ходившая по рукамъ докладная записка Министра Н. Н. Кутлера, поданная имъ въ Совѣтъ Министровъ, въ которой рекомендовались дополнительныя нарѣзки къ крестьянскимъ надѣламъ за счетъ помѣщичьихъ земель, подлежащихъ принудительному отобранію за опредѣленное вознагражденіе. На съѣздѣ къ запискѣ отнеслись отрицательно, исходя изъ принципа неприкосновенности собственности.

Было высказано пожеланіе съѣзда приступить къ скорѣйшей организаціи Всероссійскаго объединенія дворянскихъ обществъ въ лицѣ особо избранныхъ уполномоченныхъ на дворянскихъ собраніяхъ. Нѣкоторыя положенія вошли въ докладную вѣрноподданическую записку, которую было поручено представить на Высочайшее благоусмотрѣніе Московскому Губернскому Предводителю князю Петру Николаевичу Трубецкому, состоявшему за все время Съѣзда его предсѣдателемъ.

Занятія наши происходили съ ранняго утра и до вечера. Я участвовалъ въ цѣломъ рядѣ комиссій, редактировалъ нѣкоторыя резолюціи, выступалъ на общихъ собраніяхъ. Впервые пришлось мнѣ высказываться въ присутствіи представителей всѣхъ мѣстностей Россіи по вопросамъ высшей политики... Успѣхъ моихъ выступленій подтверждался самими собраніями и тѣмъ, что мнѣ говорили самарцы. Они же мнѣ сообщили, что въ предводительской средѣ въ то время много говорилось о Высочайшемъ пріемѣ 23 ноября 1905 года, и объ особомъ ко мнѣ благоволеніи Государя, которое Его Величество многимъ изъ представлявшихся послѣ меня Предводителямъ высказывалъ.

При закрытіи работъ на Съѣздѣ возникла мысль высказать благодарность адмиралу Дубасову, за энергичное усмиреніе московскаго возстанія. Какъ одинъ изъ членовъ депу-

таціи я, совмѣстно съ другими предводителями, былъ принятъ Дубасовымъ въ Генералъ-Губернаторскомъ домѣ и выступалъ съ благодарственной рѣчью, въ которой я, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: „Вамъ, адмиралъ, Государь ввѣрилъ замиравшее сердце Россіи — Москву... Въ Вашихъ мужественныхъ рукахъ оно снова забилось, а за нимъ сталъ оживать и весь Россійскій организмъ... Приносимъ Вамъ за то нашу горячую благодарность"... Дубасовъ былъ, видимо, тронутъ нашимъ вниманіемъ.

По окончаніи Съѣзда я отправился въ Петербургъ, главнымъ образомъ, съ цѣлью повидать Великаго Князя Николая Николаевича, какъ Предсѣдателя Комитета Государственной Обороны.

Положеніе въ Самарской губерніи продолжало оставаться чрезвычайно ненадежнымъ, ввиду отсутствія достаточнаго количества войскъ и охранной стражи. Самарское общество, подъ которымъ я разумѣлъ заинтересованныхъ въ охранѣ своего имущества, просило меня доложить въ столицѣ кому слѣдуетъ о необходимости скорѣйшаго усиленія мѣстнаго гарнизона и уѣздной стражи. Я рѣшилъ проѣхать въ Петербургъ и добиться доклада лицу, отъ котораго зависѣлъ весь успѣхъ самарскаго ходатайства.
войти.

Въ описываемое время Великій Князь Николай Николаевичъ занималъ принадлежавшій ему особнякъ на Михайловской площади, невдалекѣ отъ Европейской гостиницы. Дежурный адъютантъ, кн. Павелъ Борисовичъ Щербатовъ, быстро доложилъ обо мнѣ Великому Князю. Не прошло и четверти часа, какъ онъ меня пробелъ до кабинета и просилъ меня

Растворивъ дверь, я увидалъ передъ собою большую комнату, богато отдѣланную темнымъ деревомъ въ готическомъ стилѣ. Въ самомъ концѣ ея, у окна, помѣщался большой письменный столъ, за которымъ, лицомъ ко мнѣ, сидѣлъ Великій Князь, углубленный въ чтеніе кипы лежавшихъ передъ нимъ бумагъ. Я сдѣлалъ по направленію къ столу нѣсколько шаговъ, и вынужденъ былъ невольно остановиться... Передо мною вдругъ очутилась не собака, а огромное чудовище, злобными глазами на меня уставившееся. То былъ любимецъ Великаго Князя, колоссальныхъ размѣровъ густопсовый красавецъ борзой, типъ настоящаго волкодава, необычайной силы и злобности... Показывая на борзого рукой, я громко спросилъ Великаго Князя: „Ваше Императорское Высочество! Какъ прикажете поступить?" Николай Николаевичъ поднялъ голову, улыбнулся и привѣтливо сказалъ: „Не бойтесь! Идите!" и рѣзко крикнулъ собакѣ: „Тиранъ! мѣсто!" Борзой быстро послушался и куда-то за хозяйской фигурой спрятался. Великій Князь меня посадилъ въ концѣ стола и предожилъ приступить къ докладу.

Обрисовавъ революціонную разруху въ нашемъ Самарскомъ Поволжьѣ, изложивъ подробно всѣ событія, происхо-

дившія съ октября 1905 г. по январь 1906 г. въ самой Самарѣ, я не могъ умолчать о преступныхъ дѣйствіяхъ, допущенныхъ артиллерійской запасной бригадой. Я считалъ также своимъ долгомъ отмѣтить геройское и мужественное поведеніе вѣрнаго царской присягѣ подполковника Кременцова.

Великій Князь слушалъ меня съ неослабнымъ вниманіемъ, зорко въ меня всматриваясь. Докладывая ему, я не могъ не любоваться его молодцеватой выправкой и выраженіемъ его энергичнаго мужественнаго лица. Рѣдко задавая мнѣ дополнительные вопросы, Его Высочество далъ мнѣ время и возможность, не спѣша, все обстоятельно ему изложить, вплоть до заключительныхъ ходатайствъ объ усиленіи Самарскаго войскового гарнизона и комплекта уѣздной стражи.

Дослушавъ меня до конца, Великій Князь спросилъ, имѣется ли у меня по поводу всего сказаннаго докладная записка. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ попросилъ ему ее оставить. Я положилъ мой портфель на столъ и сталъ оттуда доставать нужную бумагу, но опять вынужденъ былъ остановиться... Откуда ни возьмись, около меня вновь очутился борзой, ростомъ выше стола, его громадная, сухая, мускулистая морда легла на мой портфель, рядомъ съ моими руками. Далеко не привѣтливо уставились на меня злые, кровью налитые глаза густопсоваго звѣря... Это произошло въ одно мгновенье, и также быстро просвисталъ надъ борзымъ хлыстъ его хозяина. Опять раздался окрикъ: „Мѣсто!".. Записка была вручена. Великій Князь поднялся во весь свой огромный ростъ, посмотрѣлъ на меня сверху внизъ и любезно мнѣ на прощанье сказалъ: „Благодарю за все выслушанное. Постараюсь сдѣлать возможное".

Результаты моего доклада Великому Князю оказались весьма существенными. Бунтовавшая артиллерійская бригада была раскассирована. Офицерскій составъ былъ преданъ суду. Въ Самару были присланы свѣжія войска и многочисленная стража, распредѣленная по уѣздамъ. Кременцовъ за отличіе произведенъ въ полковники и переведенъ въ лейбъ-казачій полкъ. Ему были сдѣланы въ Самарѣ торжественные проводы. Отъ землевладѣльцевъ и городскихъ собственниковъ, признательныхъ за его энергичную дѣятельность по охранѣ ихъ имуществъ, ему поднесена при особомъ адресѣ серебряная группа, изображавшая разлуку верхового казака со своей хозяйкой. Но, привыкшій къ простой дѣловой жизни, Кременцовъ не долго смогъ вынести столичную полковую гвардейскую обстановку, со всеми ея необычными для него условностями и праздными интригами. Вскорѣ ему, по его же просьбѣ, въ видѣ служебнаго повышенія, дали въ его родныхъ Оренбургскихъ степяхъ казачій полкъ, но не судьба была ему имъ долго командовать... На лѣтнихъ маневрахъ 1907 года Кременцовъ внезапно скончался отъ разрыва сердца.

Въ Петербургѣ я пробылъ не болѣе недѣли, причемъ неоднократно имѣлъ случай видѣться съ нѣкоторыми нашими дворянами, крупнѣйшими землевладѣльцами, постоянно проживавшими въ столицѣ и приходившими ко мнѣ, какъ къ своему Губернскому Предводителю.

Особенно часто заходилъ ко мнѣ симпатичный князь Платонъ Сергѣевичъ Оболенскій-Нелединскій-Мелецкій и заѣзжалъ за мной графъ А. А. Орловъ-Давыдовъ. Его интересовалъ вопросъ о вознагражденіи со стороны правительства за понесенные ими отъ аграрныхъ безпорядковъ убытки. Этихъ лицъ я ознакомилъ съ нашимъ Самарскимъ объединеніемъ, къ которому они примкнули и внесли нѣкоторыя денежныя суммы на газету и на наемъ охраны. Вопросъ о вознагражденіи я пообѣщалъ поставить на обсужденіе ближайшаго своего партійнаго и Дворянскаго Собраній.

Заѣхалъ я къ П. Н. Дурново, который мнѣ сообщилъ, что В. Г. Кондоиди назначенъ Членомъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ, чѣмъ онъ меня немало порадовалъ. Дурново напомнилъ нашъ разговоръ, имѣвшій мѣсто 24 ноября прошлаго 1905 года, по поводу Государева желанія о перемѣнѣ моей службы, и передалъ мнѣ, что онъ постарался Царю изложить въ точности мой отвѣтъ, который былъ принятъ благосклонно. Его Величество повелѣлъ Дурново внести меня въ первый очередной списокъ лицъ къ награжденію придворнымъ званіемъ.

Въ бытность мою въ Петербургѣ, я былъ освѣдомленъ о роли, которую сыграли три неразлучныхъ друга — гр. Гудовичъ, кн. Трубецкой и Стаховичъ — въ дѣлѣ преобразованія Государственнаго Совѣта и количества въ немъ дворянскихъ представителей. Благодаря органической ненависти Витте къ дворянству, дружбѣ съ нимъ Стаховича, податливости и мягкотѣлости остальныхъ двухъ — дворянское сословіе получило въ составѣ Верхней Законодательной Палаты представительство не отъ каждаго губернскаго общества, а всего лишь 18 мѣстъ.

На обратномъ пути я задержался ненадолго въ Москвѣ, гдѣ въ началѣ февраля, въ Славянскомъ Базарѣ, впервые собрался Всероссійскій съѣздъ партіи 17-го октября, т. н. „октябристовъ". Приглашались на него не только лица, вступившіе въ эту партію, но и всѣ ей сочувствовавшіе. Состоя руководителемъ своей Самарской партіи, во многихъ отношеніяхъ подходившей по своей программѣ къ октябристскому объединенію, я заинтересовался Московскимъ Съѣздомъ и рѣшилъ посѣтить его, чтобы побывать на впервые появившемся въ нашей странѣ публичномъ политическомъ собраніи.

Съѣздъ происходилъ въ извѣстной всѣмъ москвичамъ залѣ Славянскаго Базара, красиво отдѣланной въ русскомъ стилѣ. Немного опоздавъ къ началу, я вошелъ въ уже заполненное людьми помѣщеніе. У стѣны, на особомъ возвышеніи,

возсѣдалъ президіумъ Съѣзда. Предсѣдательствовалъ Александръ Ивановичъ Гучковъ. Шла длительная процедура переклички тѣхъ, кто уже зарегистрировался въ бюро съѣзда. Я явился на собраніе по личному приглашенію Гучкова, ввиду чего Самарская губернія при повѣркѣ полномочій была опущена.

По окончаніи регистраціи Гучковъ сообщилъ, что въ залѣ находится представитель Самарскаго объединенія, близкаго по своей программѣ къ союзу 17-го октября, и обратился къ присутствующимъ съ призывомъ привѣтствовать меня, какъ одного изъ первыхъ организаторовъ здороваго политическаго объединенія и основателя перваго за переживаемое лихолѣтіе трезваго печатнаго органа „Голосъ Самары".

Я былъ смущенъ неожиданно оказаннымъ мнѣ вниманіемъ, поблагодарилъ и заявилъ, что выслушанное мною привѣтствіе относится ко всѣмъ моимъ сотрудникамъ самарцамъ, проявившимъ политическую устойчивость и сознаніе долга передъ родиной. Я упомянулъ, что образовавшаяся въ Самарѣ Партія Порядка остается совершенно самостоятельной, несмотря на сходность нашихъ политическихъ программъ.

Съѣздъ продолжался нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ была просмотрѣна, пунктъ за пунктомъ, намѣченная программа партіи и обсуждена партійная тактика. Персональный составъ этого Съѣзда и общій ходъ его работъ произвели на меня самое благопріятное впечатлѣніе.

75

Возвращался я въ Самару по желѣзнодорожному пути, приведенному почти въ нормальный видъ, благодаря энергичнымъ мѣрамъ, принятымъ по всей восточной Сибирской магистрали (Москва — Иркутскъ) спеціальнымъ экспедиціоннымъ карательнымъ отрядомъ во главѣ съ ген. барономъ Меллеръ-Закомельскимъ. Пріятно было снова путешествовать въ чистыхъ вагонахъ, заходить на опрятныя станціи и чувствовать себя среди покоя и порядка...

Въ Самарѣ, змѣсто Засядко, появился временно исполнявшій обязанности Начальника Губерніи Вице-Губернаторъ Николай Николаевичъ Михайловъ, казанецъ по происхожденію. Онъ оказался полной бездарностью, да еще вдобавокъ трусомъ. Нерѣшительность его доводила меня до полнаго отчаянія. П. Н. Дурново съ января 1906 года снабдилъ губернаторовъ почти неограниченной репрессивной властью. Они получили право по личному своему усмотрѣнію высылать за предѣлы губерніи въ административномъ порядкѣ, безъ суда, сажать въ тюрьму, предавать военно-полевому суду и пр. Рѣдкій вечеръ проходилъ, чтобы Михайловъ не заѣзжалъ ко мнѣ, разстроенный и нервный, совѣтоваться относительно представленныхъ ему списковъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ противоправительственной революціонной дѣятельности. Каждый разъ я

просилъ меня оставить въ покоѣ, ссылаясь на то, что разсмотрѣніе подобныхъ списковъ составляетъ прерогативу губернатора. Несмотря на это, жалкій, терроризированный революціонерами, Михайловъ, продолжалъ меня донимать своими разспросами. Но вскорѣ назначили въ Самару Губернаторомъ Ивана Львовича Блока. Человѣкъ строгаго порядка и энергичный онъ внесъ давно желанное твердое направленіе въ губернскую жизнь. Къ глубокому сожалѣнію, этотъ образцовый администраторъ недолго правилъ Самарской губерніей. Лѣтомъ того же 1906 года онъ палъ жертвой террористическаго акта. Несмотря на крайне неблагопріятную политическую обстановку, на усиленное противодѣйствіе крайне оппозиціонной прессы и на угрозы подпольнаго террора, наше объединеніе непрерывно росло. Совѣтъ Партіи Порядка рѣшилъ использовать знаменательный въ исторіи развитія русской государственности день — 19 февраля — для созыва публичнаго партійнаго собранія, открытаго для всѣхъ желающихъ. Руководители нашего объединенія поставили себѣ задачей вызвать публичное состязаніе враждующихъ партій. Они разсчитывали одержать побѣду и тѣмъ самымъ усилить свой престижъ не только въ самомъ городѣ Самарѣ, но и во всей губерніи. Въ Самарѣ въ описываемое время образовалось двѣ политическихъ партіи: „Партія Порядка" и конституціонно-демократическая, или „кадетская".

19-го февраля въ помѣстительномъ залѣ Коммерческаго Собранія собралось множество народа. Я распорядился все помѣщеніе декорировать національными флажками и выставить два портрета: Царя-Освободителя Александра II и Государя Николая II. По этому поводу мнѣ высказывали всевозможныя опасливыя предупрежденія. За время осенней смуты 1905 года портреты Августѣйшихъ Особъ уцѣлѣли лишь въ Дворянскомъ Собраніи. Въ остальныхъ же присутственныхъ мѣстахъ они были обезображены или вовсе уничтожены. Но я упорно настаивалъ, что необходимо всенародно и твердо выразить, показать и исповѣдывать наше политическое credo. Его основой я считалъ объединеніе Царя съ народомъ. Я всталъ на свое предсѣдательское мѣсто и съ чувствомъ особаго подъема обратился къ собравшейся тысячеголовой массѣ съ моимъ вступительнымъ словомъ. Я указалъ на значеніе монархическаго начала въ исторической жизни Русскаго Государства. Указывая на оба Царскихъ портрета, я напомнилъ огромное значеніе Манифеста 19 февраля 1861 г., и дѣятельность самого Царя-Освободителя, провелъ параллель съ Манифестомъ 17-го октября 1905 года, который обновилъ и укрѣпилъ весь государственный организмъ, и выяснилъ всю важность реформы, дарованной нынѣ царствующимъ Государемъ. Александръ II освободилъ народъ, а Николай II призвалъ его себѣ на помощь для управленія страной. Я указалъ, что со стороны Монарха все возможное для насъ было сдѣлано, и мы должны Его отъ всего нашего русскаго вѣрноподданнаго сердца поблагодарить и употребить всѣ усилія, чтобы оправ-

дать выраженное намъ съ высоты Престола довѣріе. Закончилъ я призывомъ встать и провозгласить: „Да здравствуетъ Государь Императоръ!" Вся зала, какъ одинъ, поднялась — раздалось неумолчное, одушевленное „ура", а за нимъ полились мощные звуки гимна „Боже Царя храни". Послѣ многихъ мѣсяцевъ революціонной разрухи и террора впервые раздались они въ Самарѣ. Послѣ многократнаго общаго пѣнія гимна тотъ же импровизированный хоръ исполнилъ „Коль Славенъ". Вновь раздалось мощное и длительное „ура!" Я видѣлъ, какъ многіе изъ участвовавшихъ плакали отъ захватившаго ихъ патріотическаго чувства, которое они долгое время должны были въ себѣ таить. Здоровая потребность національной русской души нашла наконецъ себѣ выходъ и просторъ... Моя цѣль была достигнута... Счастливый, при единодушныхъ апплодисментахъ, я сѣлъ и предоставилъ слово слѣдующимъ докладчикамъ.

Очень хорошо, съ необычайнымъ подъемомъ говорилъ В. Н. Львовъ о значеніи народнаго представительства въ связи съ культомъ царизма. За нимъ выступилъ Т. А. Шишковъ, обстоятельно, спокойно и объективно изложившій, чѣмъ программа нашей партіи отличается отъ кадетской. С. А. Богушевскій произнесъ горячую рѣчь о необходимости въ данный моментъ широкаго объединенія здоровыхъ силъ страны. Наконецъ П. В. Кругликовъ подробно разъяснилъ собравшимся технику предстоявшихъ выборовъ.

По окончаніи докладовъ я предложилъ желающимъ задавать вопросы. Изъ заднихъ рядовъ послышался голосъ, запросившій меня, какъ наша партія смотритъ на допустимость смертной казни. Я отвѣтилъ, что тотъ, кто подыметъ мечъ на ближняго своего, подъ коимъ надо разумѣть и родину свою, тотъ долженъ отъ меча и погибнуть. Встрѣчено было мое краткое разъясненіе общимъ одобреніемъ присутствовавшихъ. Лишь въ тѣхъ же заднихъ рядахъ раздались свистки и негодующіе выкрики. Впослѣдствіи мой отвѣтъ послужилъ темой длительной травли меня въ крайней лѣвой прессѣ. Въ „Горчишникѣ", на видномъ мѣстѣ жирнымъ шрифтомъ печаталось объявленіе: „Продаются оптомъ и въ розницу орудія для смертной казни — просятъ обращаться къ Наумову, Дворянская улица, собственный домъ"...

Послѣ моего заключительнаго слова Собраніе 19-го февраля закончилось пѣніемъ родного гимна. Общее настроеніе было радостно-приподнятое. Участвующіе съ бодрыми и оживленными лицами подходили меня благодарить и пожелать намъ дальнѣйшихъ успѣховъ...

Но на томъ же собраніи произошло обстоятельство, имѣвшее для меня совершенно неожиданныя и пренепріятныя послѣдствія. Среди лицъ, пожелавшихъ по окончаніи засѣданія выразить мнѣ свои привѣтствія, оказался одинъ изъ сотрудниковъ „Волжскаго Слова", Самарской газеты лѣваго направленія. Онъ попросилъ меня, въ интересахъ болѣе точнаго составленія отчета о собраніи предоставить въ его временное распоряженіе лежавшій передо мною конспектный набросокъ моей вступительной рѣчи. Это были отдѣльные листочки, второпяхъ мною заполненные главными положеніями, о которыхъ я имѣлъ въ виду на собраніи доложить. Запись была сокращенная и неразборчивая. Отдавая сотруднику мои листки, я предупредилъ его, что врядъ ли онъ въ нихъ разберется и просилъ, во избѣжаніе недоразумѣній, прежде чѣмъ отдавать въ печать, прислать мнѣ составленный имъ отчетъ для просмотра, на что я получилъ отъ него любезный отвѣтъ и обѣщаніе исполнить мою просьбу. Послѣ этого сотрудникъ „Волжскаго Слова", забравъ листки, живо скрылся...

За свою довѣрчивость я былъ жестоко наказанъ: никакихъ корректуръ сдѣлать мнѣ не пришлось, конспектъ мой безслѣдно навсегда исчезъ. До самыхъ выборовъ въ Государственную Думу, почти полтора мѣсяца, въ „Волжскомъ Словѣ" изо дня въ день трепали мое имя самымъ неистовымъ образомъ, возстанавливая противъ меня, а въ моемъ лицѣ противъ Партіи Порядка, уличную толпу, губернское населеніе и мѣстную городскую думу, гдѣ гласнымъ состоялъ и редакторъ упомянутой газеты, присяжный повѣренный Вѣтровъ, неразборчивый на средства, находившійся на содержаніи подпольныхъ организацій.

На собраніи 19-го февраля въ моей вступительной рѣчи я сообщилъ въ краткихъ словахъ о высказанной мной благодарности адмиралу Дубасову за подавленіе московскихъ безпорядковъ. Въ конспектѣ моемъ было отмѣчено: „Дубасову благодарность отъ Самары". Сотрудникъ „Волжскаго Слова", приводя подробно мою рѣчь, приписалъ мнѣ, будто бы я благодарилъ адмирала Дубасова „отъ всего города Самары" и ссылался на имѣвшійся у него текстъ мною ему переданнаго конспекта.

Съ этого и началась газетная вакханалія. Не проходило дня, чтобы по моему адресу не появлялось громовой статьи съ требованіемъ „народнаго" надо мною суда. Городская Дума неоднократно собиралась для обсужденія этого „злободневнаго" вопроса... Все сводилось къ тому, что я публично себя выставилъ сторонникомъ „дубасовщины" и что посмѣлъ высказать этому тирану-адмиралу отъ „имени города Самары" благодарность за „пролитую имъ невинную кровь"! Какія у меня были на то полномочія? и т. д. Вся эта шумиха затѣяна была враждебнымъ лагеремъ ради предвыборной агитаціи и по соображеніямъ чисто-тактическаго свойства.

Вспоминаю этотъ періодъ времени не безъ тяжести, но и не безъ искренней признательности по отношенію къ моимъ друзьямъ и сотрудникамъ, у которыхъ я находилъ удивительно-душевную и твердую поддержку. Мои политическіе друзья и единомышленники выступали въ „Голосѣ Самары" въ рядѣ боевыхъ статей. Отъ имени Совѣта Партіи Порядка мнѣ былъ поднесенъ трогательно составленный адресъ, который придалъ мнѣ бодрости и силъ для дальнѣйшаго служенія интересамъ правового порядка.

Разумѣется, что съ окончаніемъ предвыборной кампаніи вся раздутая и представленная въ лживомъ свѣтѣ исторія съ благодарностью Дубасову затихла... Прошло нѣсколько лѣтъ, и та же Самарская Городская Дума стала восхвалять мои заслуги и выносила единогласныя резолюціи о награжденіи меня званіемъ почетнаго гражданина г. Самары, о помѣщеніи моего портрета въ городскомъ музеѣ и т. д. Воистину, — „Tempora mutantur et nos mutamur in illis!"

76

Въ двадцатыхъ числахъ того же февраля я рѣшилъ проѣхаться къ себѣ въ Головкинское имѣніе. Оттуда приходили тревожныя свѣдѣнія о настроеніяхъ среди крестьянъ. Они требовали себѣ прирѣзокъ изъ принадлежавшаго мнѣ пахотнаго участка, а также всевозможныхъ льготъ въ пользованіи моими лѣсными и луговыми угодьями. Желѣзнодорожное сообщеніе было еще плохо налажено. Пришлось ѣхать на лошадяхъ 200 верстъ. Въ общемъ дорога туда и обратно прошла благополучно, несмотря на то, что взбаломученная уѣздная жизнь далеко еще не успокоилась. Повсюду попадались признаки пронесшагося революціоннаго урагана... Особенно непріятно было встрѣчаться съ мѣстными обывателями нашего многопомѣщичьяго угла, между Озерками и Головкино. Вмѣсто прежняго вниманія, привѣтливыхъ поклоновъ и сворачиванія съ дороги, теперь на ихъ лицахъ явно проглядывало озлобленіе, а въ обращеніи подчеркнутая грубость по отношенію къ встрѣчному „барину".

Въ Головкинѣ я засталъ крайне подавленное настроеніе среди сосѣдей помѣщиковъ, а крестьянскій людъ, особенно молодежь, были въ очень возбужденномъ состояніи.

Радостно встрѣтились мы съ почтеннымъ моимъ „ангеломъ-хранителемъ", — И. П. Кошкинымъ. Я повѣдалъ ему до мельчайшихъ подробностей о моемъ ноябрьскомъ свиданіи съ Царемъ и обо всѣхъ столичныхъ и мѣстныхъ событіяхъ. Старикъ слушалъ и одобрительно кивалъ головой.

Въ Головкинѣ два обстоятельства требовали моего личнаго рѣшительнаго вмѣшательства. Прежде всего надо было покончить съ разыгравшимися аппетитами Головкинскихъ крестьянъ, пожелавшихъ отнять отъ меня любимый мой участокъ, а затѣмъ получить право даровой рубки, косьбы, охоты и рыбныхъ ловель, а также выгонъ на моихъ ближнихъ лугахъ.

За время моего отсутствія революціонно-аграрный нажимъ оказалъ свое воздѣйствіе даже на такихъ твердыхъ и крѣпкихъ помѣщиковъ, каковыми были мои ближайшіе сосѣди — двоюродные братья Павелъ и Николай Михайловичи Наумовы. Они согласились продать крестьянамъ часть своихъ угодій, чрезъ посредство Крестьянскаго Банка. Я рѣшилъ этого не дѣлать. Мое имѣніе во многомъ отличалось отъ угодій другихъ Наумовыхъ. Отчужденіе нарушило бы общій комплексъ и характеръ моего хозяйства. Какія-либо уступки при создавшейся бунтарской обстановкѣ ни къ чему толковому привести не могли. Настроеніе нашихъ крестьянъ было лихорадочно-возбужденнымъ Они были совершенно сбиты съ толку бродячими агитаторами... Основой ихъ претензій было не ихъ малоземелье или матеріальное неблагополучіе — ни на то, ни на другое Головкинскіе жители жаловаться не могли. Главнымъ образомъ это было стихійное пониманіе вещей, привитое общинному крестьянству всѣмъ ихъ историческимъ прошлымъ и подсказанное умѣлой противоклассовой пропагандой — толкованье земли, какъ объекта, подлежащаго общему пользованію... „Земля, что воздухъ или вода — должна всѣмъ одинаково принадлежать". Вотъ, что я лично слышалъ отъ Головкинскихъ крестьянъ въ описанный мной пріѣздъ. Къ этому прибавлялось, что все наше помѣщичье земельное, лѣсное, луговое и прочее богатство досталось намъ даромъ еще со временъ „баловавшей господъ" Царицы Екатерины Второй .. Поэтому, а также согласно объявленныхъ по Манифесту 17-го октября самимъ Государемъ Николаемъ II „свободъ", пришло, наконецъ, по мнѣнію крестьянъ, время „расквитаться" крестьянскому люду со своими помѣщиками, разобрать ихъ землю „по справедливости" и получить свободу пользованія лѣсомъ, травой, охотой, рыбными ловлями и выпасомъ на помѣщичьихъ угодьяхъ.

Всѣхъ этихъ бредней я наслушался на другой же день моего пріѣзда въ Головкино, когда съ ранняго утра набрался полонъ дворъ мужиковъ, бабъ и даже малыхъ ребятъ. Сошелъ я къ нимъ вплотную, вошелъ въ самую гущу собравшихся и сталъ всматриваться въ лица съ дѣтства знакомыхъ мнѣ крестьянъ. Сердце сжалось: вмѣсто прежняго добродушнаго и привѣтливаго выраженія, глаза ихъ горѣли непріязнью, даже озлобленіемъ.

Выслушавъ рѣчи выступавшихъ въ качествѣ „ораторей" нѣсколькихъ молодыхъ людей, впервые мною видѣнныхъ, я спокойно заявилъ, что разговаривать съ такой массой народа мнѣ трудно. Пусть выберутъ десятокъ головкинскихъ крестьянъ, которыхъ я просилъ потомъ зайти въ мою контору.

Черезъ нѣкоторое время человѣкъ около двадцати вошло въ мой конторскій кабинетъ, и къ большому своему удовлетворенію я увидѣлъ среди нихъ добрую половину своихъ яицкихъ сосѣдей — хорошихъ и разумныхъ хозяевъ. Ближайшей моей цѣлью было доказать и уяснить крестьянамъ, что дарового имущества, какъ объ этомъ „болтали", въ моемъ распоряженіи никакого не было. Я имъ поставилъ на видъ, что передача Головкинскаго имѣнія отъ отца въ мою собственность состоялась не безъ значительныхъ съ моей стороны затратъ. Я имъ далъ также понять, что если лѣсъ „на моихъ угодьяхъ росъ самъ собой", то такъ же, какъ и вся луговая трава; если рыба помимо моихъ заботъ водилась въ Волжской и озерной водѣ, — то за все это ежегодно мною, какъ и моими предка-

ми, платилось не малое количество разныхъ денежныхъ сословныхъ и земскихъ сборовъ, а также и государственного поземельнаго налога. Я показалъ имъ документы — окладные листы, квитанціи и пр., хранившіеся въ моей конторѣ.

Вмѣстѣ съ ними я дѣлалъ подсчеты, во что обошлась мнѣ и моему отцу каждая десятина земли, луговъ, лѣсовъ, а также право на рыбныя ловли. Крестьяне внимательно прислушивались къ моимъ словамъ и приглядывались къ предъявленнымъ доказательствамъ конторской отчетности. Въ концѣ концовъ стали раздаваться замѣчанія вродѣ: „Да"... „дѣйствительно"... „не больно даромъ"... „вишь, зря болтали"...

Я сказалъ собравшимся у меня въ кабинетѣ почтеннымъ мужикамъ, съ которыми я росъ и работалъ вмѣстѣ: „Вы знаете, старики, что свое имѣніе я получилъ отъ отца. Онъ всю свою жизнь хлопоталъ около своего любимаго хозяйства. И мнѣ завѣщалъ хранить его въ полной неприкосновенности. Для меня воля отца священна. Предупреждаю, что ни пяди своей земли я никому не уступлю — покончите сначала со мною, положите меня рядомъ съ отцомъ и тогда забирайте мое родное имущество!"... Послышались голоса: „Мы силой не желамъ!"... На што такъ говорить!"... „До грѣха не допустимъ!"

Пока мы въ конторѣ занимались разными справками и выкладками, стоявшая во дворѣ на холоду толпа стала расходиться. Къ концу нашихъ разговоровъ съ уполномоченными осталась ожидать сравнительно небольшая группа крестьянъ. Сказавъ бывшимъ со мною въ конторѣ лицамъ на прощанье: „Не обезсудьте, старики, за мое откровенное слово", я отправился къ себѣ домой, выжидая дальнѣйшихъ событій, но къ моему великому удовлетворенію болѣе никто ко мнѣ не обращался. Мое опредѣленное рѣшеніе стало извѣстно всему селу и дальнѣйшія попытки воздѣйствовать на меня отпали сами собой.

На почвѣ общаго революціоннаго возбужденія возникло еще другое дѣло. Оно касалось моихъ Головкинскихъ служащихъ. Мнѣ пришлось принять быстрыя и рѣшительныя мѣры. Не успѣлъ я пріѣхать въ Головкино, какъ въ тотъ же вечеръ ко мнѣ въ контору вваливается весь многочисленный штатъ моихъ служащихъ, и подается мнѣ „петиція" съ цѣлымъ рядомъ „требованій": объ увеличеніи всѣмъ жалованья на 25%, о сокращеніи часовъ работы, улучшеніи жилищныхъ помѣщеній и пр. Подобная демонстрація была сюрпризомъ не только для меня, но и для почтеннаго Кошкина и Божмина.

Сталъ я приглядываться къ лицамъ явившагося персонала, изъ котораго добрая половина перешла ко мнѣ еще отъ отца и служила намъ вѣрой и правдой не одинъ десятокъ лѣтъ. Замѣтилъ я между ними даже такихъ, какъ бывшаго садовника, престарѣлаго Павла Степановича, состоявшаго на службѣ еще со временъ крѣпостного права и доживавшаго въ качествѣ пенсіонера свой долгій вѣкъ въ нашей усадьбѣ. Скользнулъ я еще разъ глазами по этимъ знакомымъ, столь преданнымъ мнѣ ранѣе лицамъ, и замѣтилъ на большинствѣ изъ нихъ явные признаки смущенія. Очевидно, что и до Головкинской среды докатился революціонный валъ всесильнаго террора, державшаго въ цѣпкихъ рукахъ меньшинства застращенное большинство.

Положивъ петицію на столъ, я заявилъ, что никакихъ требованій я не исполню и никакого вмѣшательства въ дѣло управленія моимъ хозяйствомъ я не допущу. Затѣмъ я предупредилъ всѣхъ примкнувшихъ къ поданной мнѣ петиціи, что даю имъ сутки на размышленіе. „Завтра вечеромъ, — добавилъ я — въ этотъ же часъ, я приду въ контору и, если не послѣдуетъ со стороны моихъ служащихъ полнаго раскаянія, завтра же всѣ до одного, подписавшіе петицію, будутъ мною уволены безъ различія положенія и годовъ службы. Господь не безъ милости! Справлюсь и безъ васъ!"

Съ этими словами я вышелъ изъ конторы.

На слѣдующій день я производилъ обычный обходъ своего хозяйства, встрѣчался со служащими, замѣтилъ ихъ подчеркнутую привѣтливость, но ни съ кѣмъ о пресловутой „петиціи" не заговаривалъ, предоставивъ имъ самимъ расхлебывать заваренную кашу.

Вечеромъ въ назначенный часъ я появился въ своемъ конторскомъ кабинетѣ и былъ встрѣченъ тѣми же моими служащими, но съ инымъ настроеніемъ и заявленіемъ... Всѣ до одного стали горячо и искренно просить у меня прощенія — многіе со слезами на глазахъ... Тутъ же — конторѣ — ими были выданы мнѣ зачинщики: полевой объѣздчикъ Василій Половинкинъ, изъ Головкинскихъ крестьянъ, и помощникъ конторщика, юный Михаилъ Рѣзчиковъ, умный и дѣльный работникъ, взятый мною изъ Архангельской мастеровой семьи. Сконфуженные, оба сознались, что до моего пріѣзда попали подъ вліяніе пріѣхавшихъ изъ Симбирска агитаторовъ. Они имъ поручили составить и подать петицію. Противъ всѣхъ остальныхъ, я объявилъ обоихъ зачинщиковъ уволенными. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Головкина, я принялъ во вниманіе ихъ раскаяніе и обѣщаніе впредь слушаться лишь своего хозяина, и принялъ ихъ вновь на службу.

77

Поѣздка моя въ Головкино оказалась чрезвычайно полезной. Все болѣе или менѣе успокоилось и было вновь направлено по дѣловому руслу. Съ этимъ сознаніемъ я вернулся въ Самару, гдѣ въ нашей партіи и въ газетной редакціи шла кипучая работа по объединенію, которое должно было обезпечить побѣду нашимъ избранникамъ въ Государственную Думу.

Помимо этого на начало марта мною созывалось экстренное Дворянское Собраніе. Предстояло выбрать уполномоченныхъ на Всероссійскій Съѣздъ Объединеннаго Дворянства и

обсудить новый порядокъ операцій Крестьянскаго Банка по закупкамъ имѣній не за наличный денежный разсчетъ, а путемъ выдачи продавцамъ особыхъ 6% именныхъ государственныхъ обязательствъ. Это било по карманамъ нуждавшихся землевладѣльцевъ. Они теряли изрядную сумму при пониженной расцѣнкѣ Банкомъ ихъ имѣній, а сверхъ этого, терпѣли еще убытки при реализаціи выдаваемыхъ имъ, вмѣсто денегъ, процентныхъ обязательствъ, теряя при этомъ до 15% ихъ номинальной стоимости.

Дворянское Собраніе избрало уполномоченныхъ на Съѣздъ общедворянскаго объединенія и поручило мнѣ ходатайствовать предъ надлежащими столичными властями объ измѣненіи порядка, хотя бы въ смыслѣ принятія при реализаціи процентныхъ обязательствъ въ полной ихъ номинальной стоимости.

Съ половины февраля описываемаго года появился въ Самарѣ новый Губернаторъ Иванъ Львовичъ Блокъ, переведенный изъ Гродненской губерніи, гдѣ онъ использовалъ въ полной мѣрѣ циркуляръ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ объ образованіи на мѣстахъ общественныхъ комитетовъ охраны и порядка. Объ этомъ Иванъ Львовичъ мнѣ сообщилъ при первомъ же нашемъ знакомствѣ, отмѣтивъ оказанную этими организаціями исключительную для Гродненскаго населенія пользу. Считаю умѣстнымъ здѣсь оговориться, что въ самой Самарѣ съ „моими" комитетами обстояло слабо. Мѣсто комитетовъ силою вещей занялъ нашъ губернскій совѣтъ Партіи Порядка со своими уѣздными филіалами.

Блокъ былъ выдающимся, серьезнымъ работникомъ и превосходнымъ Губернаторомъ, соблюдавшимъ во всемъ законность и порядокъ. Требовательный къ самому себѣ, онъ былъ неумолимъ по отношенію къ своимъ подчиненнымъ. Получивъ запущенное наслѣдство, онъ быстро и рѣшительно принялся за дѣло его упорядоченія и оздоровленія. Въ Самарской административной жизни, съ появленіемъ Блока, произошелъ крутой поворотъ въ сторону законности и порядка, что многимъ пришлось не по вкусу.

Послѣ дворянскаго экстреннаго собранія я долженъ былъ спѣшно выѣхать въ Петербургъ для участія на первомъ Всероссійскомъ Съѣздѣ Объединеннаго Дворянства, который состоялся въ первыхъ числахъ марта въ помѣщеніи бывшаго Министерства Земледѣлія.

Въ описываемое время постъ Главноуправляющаго или Министра Земледѣлія * кратковременно занималъ членъ Государственнаго Совѣта Александръ Семеновичъ Стишинскій, умный, даровитый сановникъ крайняго консервативнаго

* Послѣднимъ по наименованію своему „Министромъ" былъ А. С. Ермоловъ, послѣ котораго Шванебахъ, Стишинскій, кн. Васильчиковъ и Кривошеинъ числились „Главноуправляющими". Лишь съ моимъ назначеніемъ, съ 1915 г., вновь было возстановлено наименованіе „Министръ".

направленія. Онъ согласился предоставить для съѣзда въ своемъ министерствѣ пріемную залу. Благодаря его любезности съѣздъ могъ начать и провести до конца свою работу въ спокойной обстановкѣ, исключавшей возможность какихъ-либо посягательствъ на ходъ занятій со стороны враждебно настроенныхъ противъ дворянства политическихъ и террористическихъ организацій.

Занятія съѣзда шли подъ предсѣдательствомъ единогласно избраннаго бывшаго Петербургскаго Губернскаго Предводителя, гофмейстера графа Алексѣя Александровича Бобринскаго, человѣка умнаго, выдержаннаго, обходительнаго, умѣвшаго сглаживать возникавшія тренія и недоразумѣнія.

Надо сказать, что первый день прошелъ неожиданно въ досадной обстановкѣ. Вмѣсто желаннаго объединенія съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи дворянъ, создалось настроеніе совершенно иного порядка съ признаками взаимной нетерпимости и явнаго раздора. Виновникомъ этого оказался прославившійся впослѣдствіи въ качествѣ народнаго трибуна и политическаго агитатора крайне-праваго направленія, курскій дворянинъ, Николай Евгеньевичъ Марковъ, болѣе извѣстный подъ думскимъ наименованіемъ „Маркова 2-го". Высокаго роста, онъ обладалъ незаурядной внѣшностью, голову несъ высоко и горделиво, въ разговорахъ былъ рѣзокъ и заносчивъ. Въ карихъ глазахъ его виднѣлась не столько рѣшимость и энергія, сколь упрямая непримиримость. Надо все жъ отдать ему справедливость, по своему, „Марковъ 2-ой" являлся человѣкомъ неглупымъ и незауряднымъ. Онъ несомнѣнно обладалъ даромъ краснорѣчія и отличался большимъ самообладаніемъ, не покидавшимъ его въ самой враждебной обстановкѣ.

Почти сразу послѣ открытія засѣданія Марковъ попросилъ у Предсѣдателя слова. Графъ Бобринскій не зналъ, о чемъ Курскій уполномоченный собирается сказать.

Марковъ выступилъ съ рѣзкой критикой дѣятельности Губернскихъ Предводителей Дворянства и въ грубыхъ выраженіяхъ обличалъ ихъ въ „предательствѣ по отношенію къ Царю, родинѣ и родному дворянству". Затѣмъ съ присущимъ ему пафосомъ и запальчивостью, курскій ораторъ сталъ восхвалять идею общедворянской организаціи, которая дастъ, по его мнѣнію, возможность „честно дѣйствовать помимо скомпрометировавшихъ себя и свое сословіе Губернскихъ Предводителей". Все это было сказано внезапно, скоро, коротко, а главное для всѣхъ неожиданно. Графъ Бобринскій спохватился лишь тогда, когда успѣли уже прозвучать тяжкія оскорбленія по адресу предводительскаго института.

Въ первый моментъ послѣ дикой Марковской выходки въ залѣ наступила мертвая тишина... Всѣ оцѣпенѣли... Я не выдержалъ и въ сильныхъ выраженіяхъ заявилъ свой протестъ противъ подобныхъ выступленій, вносящихъ губительную для общедворянскаго объединенія струю раздора. Въ рѣзкихъ словахъ высказалъ я свое возмущеніе поведеніемъ Курскаго

уполномоченнаго, явившагося на съѣздъ, какъ своего рода революціонеръ, возбуждающій собраніе противъ узаконеннаго и традиціей установленнаго авторитета — института предводителей. Я заявилъ, что ухожу со съѣзда и не вернусь, пока Марковъ не возьметъ обратно своихъ словъ и не извинится публично передъ всѣми нами, Предводителями. Я демонстративно покинулъ залу засѣданія. Вслѣдъ за мною вышли всѣ Губернскіе Предводители. Мы написали коллективный протестъ, и подали его графу Бобринскому, который, послѣ моего заявленія и ухода всѣхъ Губернскихъ Предводителей, объявилъ перерывъ занятій.

По возобновленіи засѣданія былъ заслушанъ текстъ нашего протеста, Марковъ поспѣшилъ извиниться, но, оправдываясь, онъ вновь допустилъ безтактность, сославшись на то, что онъ не хотѣлъ затрагивать всѣхъ Губернскихъ Предводителей, а имѣлъ въ виду лишь отмѣтить несоотвѣтствующую дѣятельность князя П. Н. Трубецкого и его присныхъ... При этихъ словахъ, успѣвшій освоиться со своимъ предсѣдательскимъ положеніемъ, графъ А. А. Бобринскій указалъ Маркову на недопустимость подобныхъ личныхъ выходокъ. Пришлось Курскому оратору опять взять свои слова обратно и опять извиниться.

Послѣ этого занятія съѣзда прошли въ спокойно-дѣловомъ порядкѣ. Даже самъ Марковъ вынужденъ былъ приспособить свое запальчивое нутро къ общей благовоспитанности и дисциплинированности.

Была выработана инструкція для Всероссійскаго Объединеннаго Дворянства, какъ постоянно дѣйствующаго въ странѣ общественнаго учрежденія. Былъ выбранъ исполнительный органъ — Совѣтъ Объединеннаго Дворянства. Въ составъ его входили всѣ Губернскіе Предводители и, кромѣ того, — члены, особо выбранные на съѣздѣ. Однимъ изъ нихъ оказался мой предшественникъ — А. А. Чемодуровъ.

Обсуждалось общее политическое положеніе страны въ связи съ Манифестомъ 17-го октября и роль дворянства по отношенію къ коронѣ и народному представительству. Заслушаны были пожеланія, касавшіяся служебно-общественной и хозяйственно-экономической дѣятельности дворянскаго сословія на мѣстахъ. Само собой разумѣется, что главный интересъ приковывалъ къ себѣ вопросъ о сохраненіи дворянскаго землевладѣнія, противъ котораго, съ несомнѣнной очевидностью, направлена была дѣятельность правительства Витте.

Пользуясь пребываніемъ своимъ въ столицѣ, я успѣлъ представиться Государю. Онъ, видимо, заинтересовался моими сообщеніями съ мѣстъ. Я доложилъ о явно несправедливой для землевладѣльцевъ новой закупочной политикѣ Крестьянскаго Поземельнаго Банка. Государь, этотъ разъ принявшій меня въ своемъ кабинетѣ, съ явнымъ сочувствіемъ отнесся къ моему докладу и высказалъ пожеланіе, чтобы я тотчасъ же по возвращеніи въ Петербургъ (представлялся я въ Царскомъ), получилъ свиданіе съ Министромъ Финансовъ

Иваномъ Павловичемъ Шиповымъ и изложилъ ему всѣ мои доводы и соображенія... "Скажите ему, — добавилъ Государь, подавая мнѣ на прощаніе руку, — что я всецѣло раздѣляю Ваше мнѣніе"...

Въ тотъ же день я былъ принятъ Шиповымъ въ его министерскомъ кабинетѣ. Я ему изложилъ то, что считалъ нужнымъ по поводу закупочныхъ операцій Крестьянскаго Банка. Иванъ Павловичъ слушалъ меня, глядя куда то въ сторону. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, слушавшаго лишь по нуждѣ.

Когда я кончилъ, онъ развелъ маленькими пухлыми ручками въ сторону и, склонивъ на бокъ свою румяную головку, пробормоталъ: „Ничего я сдѣлать не могу"... Вотъ и все, что я отъ него выслушалъ... Передавать же Шипову Государевы милостивые слова о сочувствіи моему предложенію у меня отпала всякая охота: передо мною сидѣлъ не самостоятельный руководитель финансовой политики страны, а слѣпой исполнитель велѣній всемогущаго въ то время Витте, задавшагося цѣлью подорвать цѣлость крупнаго землевладѣльческаго, въ особенности, дворянскаго класса...

Я воочію убѣдился въ правотѣ поговорки — „жалуетъ царь, да не милуетъ псарь"!...

Въ тотъ же мой пріѣздъ въ столицу пришлось мнѣ по нѣкоторымъ дѣламъ видѣться съ двумя товарищами Министра Внутреннихъ Дѣлъ — С. Е. Крыжановскимъ и В. І. Гурко. Съ первымъ я имелъ въ виду обсудить нѣкоторые вопросы по выборному производству. Дѣло въ томъ, что Губернскіе Предводители, согласно новымъ правиламъ, продолжали оставаться предсѣдателями губернскихъ избирательныхъ собраній. У меня возникъ цѣлый рядъ вопросовъ, связанныхъ съ исполненіемъ предстоявшей мнѣ отвѣтственной дѣятельности.

Сергѣй Ефимовичъ Крыжановскій былъ виднымъ, среднихъ лѣтъ, энергичнымъ мужчиной, установившимъ за собой въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ прочную репутацію исключительнаго по своимъ способностямъ работника. Онъ умѣлъ быстро схватывать и талантливо излагать на бумагѣ порученныя ему свыше заданія. Имъ одинаково скоропалительно были набросаны — сначала „Булыгинская", а за ней и „Виттевская" конституціи. Видимо, подобная работа вполнѣ соотвѣтствовала его природной безпринципности, перебросившей его изъ ярыхъ революціонеровъ въ молодости на самые верхи чиновной службы самодержавному Государю. Разговоръ у Крыжановскаго былъ нервный, краткій и сухо-дѣловой. Получивъ отъ него необходимыя разъясненія и указанія по части выборнаго производства, я собирался уже отъ него уходить, но былъ на нѣкоторое время имъ задержанъ памятнымъ для меня разговоромъ.

Сергѣй Ефимовичъ поинтересовался узнать, какія мѣры приняты были у насъ въ губерніи для проведенія въ выборщики желательнаго элемента. Я сообщилъ ему все, что нами было предпринято и, какъ на главное средство, указалъ на

издававшуюся нами газету „Голосъ Самары". Тогда Крыжановскій предложилъ мнѣ принять нѣкоторую сумму имѣвшихся въ распоряженіи Министра Внутреннихъ Дѣлъ денегъ — тысячъ 25 и больше — для поддержанія нашей прессы, а также на „непредвидѣнные расходы при производствѣ выборовъ". Я наотрѣзъ отъ этого отказался. Сергѣй Ефимовичъ покачалъ головой и самымъ циничнымъ образомъ посовѣтовалъ мнѣ слѣдовать установившимся въ заграничномъ конституціонномъ быту обычаямъ — путемъ подкупа достигать желательныхъ выборныхъ результатовъ. На это я ему отвѣтилъ: „Непривычно, да и не слѣдовало бы намъ, русскимъ людямъ, брать примѣръ съ гнилого Запада"...

У другого Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, В. І. Гурко, я былъ по дѣламъ нашего земства въ связи съ продовольственными операціями. Говорилъ Гурко хорошо и быстро, слегка въ носъ и с замѣтнымъ горловымъ оттѣнкомъ.

Сынъ фельдмаршала, героя Турецкой кампаніи, Владиміръ Іосифовичъ былъ человѣкомъ даровитымъ и умнымъ, быстро прошедшимъ іерархическую лѣстницу, вплоть до назначенія въ сравнительно молодые еще годы, Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. На этомъ посту его постигла вскорѣ послѣ моего съ нимъ знакомства памятная „Лидвалевская" исторія, превратившаяся, въ силу особо-возбужденнаго состоянія умовъ того времени, а также шума, поднятаго лѣвой прессой, въ грандіозный скандалъ. Столыпину, волей-неволей, пришлось пожертвовать своимъ сотрудникомъ и отдать его подъ судъ...

Казалось бы, что послѣ этого для Гурко должна была бы разъ навсегда закрыться дальнѣйшая служебно-политическая карьера, но, настойчивый и энергичный, онъ не сдался и сталъ вновь завоевывать себѣ доброе и видное имя по другому пути служебнаго стажа. Сначала онъ появлялся отъ Тверскихъ сословныхъ и земскихъ собраній на съѣздахъ Объединеннаго Дворянства, потомъ отъ своего же Тверского земства онъ попалъ въ члены Государственнаго Совѣта. Пылкій, увлекающійся и несомнѣнно свѣдущій по вопросамъ, связаннымъ съ земско-городскимъ хозяйствомъ, крестьянскимъ укладомъ и земельнымъ въ странѣ положеніемъ, Гурко былъ находчивымъ ораторомъ; про него можно было сказать, что онъ „за словомъ въ карманъ не полѣзетъ". Гурко отличался при своихъ выступленіяхъ рѣдкимъ самообладаніемъ, граничившимъ даже со своего рода мужествомъ. Онъ это показалъ въ своихъ боевыхъ рѣчахъ въ первой Думѣ по поводу аграрнаго законодательства.

Въ разговорѣ со мною, при первомъ нашемъ съ нимъ знакомствѣ Владиміръ Іосифовичъ проявилъ явный интересъ къ тому, что происходило у насъ на мѣстахъ, въ смыслѣ подготовки къ выборамъ въ Государственную Думу. Выслушавъ съ огромнымъ вниманіемъ мой докладъ о принятыхъ нами мѣрахъ и общихъ настроеніяхъ, Гурко, нервно перебирая пальцами по столу, отрывисто сказалъ: „Возьмите у насъ побольше денегъ — безъ нихъ при этихъ выборахъ, пожалуй, не обойтись... Умоляемъ васъ — дайте въ Думу хорошихъ людей!"

Вотъ что мнѣ, какъ будущему предсѣдателю самарскаго избирательнаго собранія, пришлось услышать изъ устъ обоихъ наиболѣе видныхъ руководителей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по поводу техники предстоявшихъ думскихъ выборовъ.

Помню, какъ тяжело переживалось мною циничное отношеніе столичныхъ верховъ при разговорахъ по поводу появленія на Божій свѣтъ давно желаннаго всей либеральной западнофильствовавшей Россіей ея „конституціоннаго" дѣтища.

Во время мартовскаго Всероссійскаго Общедворянскаго Съѣзда, отношенія между Губернскими Предводителями еще болѣе окрѣпли, превратились въ настоящее дружеское объединеніе. Сплотила насъ и возмутительная выходка Маркова.

Въ условіяхъ петербургской жизни, теряясь въ шумной столичной толпѣ, или находясь въ уютной обстановкѣ дружескихъ бесѣдъ съ моими милыми коллегами, я душой отдыхалъ отъ тяжкаго самарскаго гнета, отъ непрестанной газетной и уличной травли и неослабнаго подпольнаго террора. Тѣмъ не менѣе, мѣстное дѣло, которому я цѣликомъ себя отдалъ, неудержимо влекло меня вновь въ мою родную Самару, куда спѣшилъ вернуться съ окрѣпшими нервами и кучей столичныхъ впечатлѣній и интересныхъ для моихъ провинціальныхъ друзей новостей.

Впереди предстоялъ рядъ собраній не только мѣстнаго, но и общегосударственнаго значенія. Подходили выборы въ Государственную Думу. Въ то же время я долженъ былъ созвать два экстренныхъ собранія: дворянское — для избранія двухъ лицъ на Всероссійскій Съѣздъ для выборовъ отъ дворянской куріи 18 членовъ Государственнаго Совѣта. Другое собраніе — земское, для выбора одного члена въ Государственный Совѣтъ. Все это предстояло мнѣ, какъ предсѣдателю, провести в теченіе марта мѣсяца.

73

Въ уѣздахъ начались повсемѣстно предусмотренныя особыми правилами предвыборныя собранія, на составъ и дѣятельность которыхъ было обращено нашимъ партійнымъ совѣтомъ особое вниманіе. Въ „Голосѣ Самары" помѣщались соотвѣтствовавшія моменту воззванія къ населенію — съ призывомъ идти всѣмъ на выборы подъ флагомъ Партіи Порядка, на началахъ Манифеста 17-го октября. Разсылались изъ нашего губернскаго центра руководящія инструкціи въ уѣздные партійные отдѣлы. Однимъ словомъ, въ предѣлахъ возможнаго и допустимаго съ точки зрѣнія нашей совѣсти, было сдѣлано все.

Въ результатѣ нашихъ усилій мы достигли партійнаго объединенія почти всего землевладѣльческаго класса въ губерніи. Загадкой для насъ оставался составъ крестьянскихъ выборщиковъ. Слухи доходили разные: изъ однихъ мѣстъ намъ сообщали свѣдѣнія утѣшительныя, изъ другихъ, напротивъ — предупреждали о самомъ отчаянномъ составѣ выборщиковъ, съ преобладаніемъ лицъ, „геройски" отличившихся въ послѣднихъ погромахъ помѣщичьихъ усадебъ.

79

Наступилъ наконецъ лихорадочно ожидавшійся моментъ, когда всѣ 181 выборщика явились въ губернскій городъ за два дня до открытія мною губернскаго избирательнаго собранія. Къ тому времени я, по соображеніямъ чисто техническаго свойства, оффиціально сложилъ съ себя обязанности предсѣдателя Партіи Порядка и его совѣта, считая сохраненіе этихъ обязанностей несовмѣстимымъ съ предстоявшей мнѣ на губернскомъ избирательномъ собраніи ролью ея отвѣтственнаго руководителя. Впослѣдствіи, при выборномъ производствѣ въ остальныя три Думы, я считалъ долгомъ снимать свою кандидатуру даже въ выборщики, чтобъ занимать опять-таки совершенно независимую позицію предсѣдателя упомянутаго избирательнаго собранія.

Съѣзжавшихся со всѣхъ уѣздныхъ концовъ губерніи крестьянскихъ выборщиковъ не столько встрѣчали, сколько попросту перехватывали ловкіе агенты враждовавшей съ нами „кадетской" партіи, у которой въ этомъ отношеніи организація оказалась болѣе налаженной и дѣйствовала, какъ говорится, безъ всякаго „зазрѣнія совѣсти", въ духѣ отмѣченныхъ мною выше „министерскихъ" совѣтовъ.

Благодаря заботливости упомянутой партіи, для пріѣзжихъ крестьянъ-выборщиковъ были заранѣе взяты постоялые дворы, гдѣ имъ былъ обезпеченъ надлежащій комфортъ и нѣкоторый запасъ освѣжительныхъ напитковъ. Тамъ же шла раздача напечатанныхъ въ редакціи „Волжскаго Слова" назидательныхъ предвыборныхъ листовокъ, всецѣло направленныхъ противъ воззваній и программы Партіи Порядка — по кадетской терминологіи именовавшейся „партіей дворянъ и купцовъ". Вся лѣвая мѣстная печать была направлена къ тому, чтобы разжечь классовую вражду и возстановить „крестьянскую трудовую массу" противъ помѣщичьяго засилья". Со стороны той же „кадетской" партіи были пущены въ ходъ всѣ средства, чтобы забрать въ свои руки крестьянскихъ выборщиковъ. Ея лидеры отлично понимали, что, если произойдетъ серьезный расколъ въ крестьянской группѣ, численность коей достигала 101 человѣка, то побѣда перейдетъ къ нашей партіи, успѣвшей образовать сплоченный землевладѣльческій блокъ въ 75 выборщиковъ.

Съ нашей стороны, для заманиванія крестьянских пред-

ставителей, никакихъ мѣръ не предпринималось. Были только разосланы наши воззванія и номера „Голоса Самары", и то въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ адреса большинства съѣзжавшихся крестьянъ намъ были неизвѣстны; на путь же ловли, кормежки, спаиванія и подкупа мы не считали возможнымъ становиться.

За день до открытія губернскаго избирательнаго собранія мы рѣшили назначить предусмотрѣнное закономъ общее предвыборное собраніе всѣхъ съѣхавшихся выборщиковъ, о чемъ было оповѣщено во всѣхъ газетахъ и въ особыхъ уличныхъ объявленіяхъ. Иниціативу этого созыва взялъ я на себя, какъ ставропольскій выборщикъ, пригласивъ всѣхъ остальныхъ пожаловать въ зданіе Дворянскаго Собранія.

Пришлось мнѣ, между прочимъ, всесторонне обсудить вопросъ о мѣстѣ для означеннаго собранія. Въ концѣ концовъ я остановился на Дворянскомъ Домѣ, какъ на ноиболѣе безопасномъ мѣстѣ.

Я продолжалъ получать множество угрожающихъ предостереженій террористическаго содержанія. Силою вещей, съ ними приходилось считаться. Устраивая предвыборное собраніе у себя въ Дворянскомъ Домѣ, я могъ принять мѣры предупредительнаго характера, за другія же городскія помѣщенія ручаться было невозможно.

Въ назначенный часъ и день зала Дворянскаго Собранія сплошь заполнилась всевозможными людьми, добрая половина которыхъ имѣла (— да проститъ меня великій создатель Октябрьской конституціи! —) не столько мужицкій, сколько опредѣленно разбойничій видъ. Противно было видѣть, какъ между ними шныряли и явно передъ ними заискивали записные „народные либералы" — изъ разряда разорившихся или во-время успѣвшихъ черезъ Крестьянскій Банкъ распродать свои земли. Эти типы всѣмъ собравшимся въ залѣ земельнымъ общиникамъ, давно и исторически отравленнымъ мечтой о желанномъ „черномъ передѣлѣ", беззастѣнчиво и нагло расточали сладкорѣчивыя обѣщанія — поднять, если они попадутъ въ Государственную Думу, — вопросъ о справедливой разверсткѣ помѣщичьихъ, казенныхъ и удѣльныхъ земель среди крестьянскаго населенія. Наиболѣе замѣтенъ былъ въ этой роли дворянинъ, землевладѣлецъ Д. Д. Протопоповъ.

Собравшіеся, тѣсно размѣстившись въ нашемъ небольшомъ залѣ, удостоили меня избраніемъ въ предсѣдатели. Это могло быть сочтено за благопріятный признакъ. Открывъ засѣданіе, я выступилъ съ привѣтственной рѣчью, указалъ на важность предстоявшихъ выборовъ и призывалъ всѣхъ къ дѣловому дружному объединенію. Слова мои вызвали общее одобреніе. Настроеніе стало создаваться мирное, если можно такъ выразиться — благоразумное, что совершенно не входило въ разсчетъ кадетскихъ лидеровъ.

Послѣ меня выступилъ съ обстоятельной, спокойно сказанной рѣчью Т. А. Шишковъ, выяснившій собравшимся ос-

новы предлагаемаго Партіей Порядка объединенія. Его ясное изложеніе немало импонировало крестьянамъ, которые внимательно прислушивались, и стали все смѣлѣе выкрикивать: „Правильно!"

Кадеты не на шутку заволновались, стали между собой перешептываться и начали произносить рѣчи. Первымъ заговорилъ матерый земецъ, всюду и всегда злобно протестующій, В. А. Племянниковъ. За нимъ выступилъ Протопоповъ, позволившій себѣ, очевидно въ чисто провокаціонныхъ цѣляхъ, рядъ лживыхъ выкриковъ по адресу Партіи Порядка. Онъ съ апломбомъ заявилъ, что ихъ конституціонно-демократическая партія является единственной, которая открыто и честно готова въ Государственной Думѣ отстаивать интересы крестьянскаго населенія, „обездоленнаго помѣщичьимъ засильемъ". Все это было высказано въ приподнятомъ, вызывающемъ тонѣ. Протопоповъ сталъ дѣлать рѣзкіе выпады противъ правительства, „проливающаго невинную кровь возставшихъ за свободу гражданъ, объявляющаго цѣлые округа на военномъ положеніи, для того, чтобы безъ суда разстрѣливать мирное населеніе"... Тутъ я его остановилъ, указавъ на неумѣстность извращенія фактовъ и выставленія въ односторонне-претенціозномъ видѣ того самаго правительства, которое нынѣ все дѣлаетъ для привлеченія къ законодательной работѣ народныхъ представителей.

Начали выступать ораторы обѣихъ партій. Рѣчи стали принимать острый и страстный политическій характеръ. Особенно запечатлѣлось въ моей памяти выступленіе одного выборщика отъ Николаевскаго уѣзда г. Родзевича, служившаго въ Удѣльномъ Вѣдомствѣ, съ которымъ на этомъ собраніи я впервые познакомился. Родзевичъ былъ несомнѣнно „Божьей милостью" одаренный ораторъ, съ прекрасной дикціей, удивительно ясно и логично умѣвшій излагать свои мысли. Онъ говорилъ безъ паѳоса, просто, красиво, но каждое слово какъ бы вколачивалъ въ головы зачарованныхъ имъ слушателей.

Выступая на нашемъ предвыборномъ собраніи, онъ сразу объявилъ, что является убѣжденнымъ сторонникомъ Партіи Порядка и противникомъ конституціонно-демократовъ, въ особенности, послѣ только что выслушаннаго имъ „самовосхваленія" одного изъ ихъ лидеровъ г. Протопопова, рѣчь котораго Родзевичъ раскритиковалъ со всей силой своего выдающагося ораторскаго таланта. То былъ немилосердный по логичности разборъ протопоповскихъ митинговыхъ выкриковъ, отъ которыхъ живого мѣста не осталось.

Впечатлѣніе получилось въ залѣ огромное. Кадеты вновь заволновались... Надо было имъ дѣйствовать болѣе рѣшительно, иначе крестьянство уйдетъ изъ ихъ .рукъ. Нежданонегаданно тотъ же Родзевичъ имъ помогъ; онъ всталъ на защиту поносимаго Протопоповымъ правительства. Родзевичъ заявилъ, что, по его мнѣнію, власть обязана оберегать мирное населеніе отъ преступныхъ и вредныхъ элементовъ, вро-

дѣ „убійцы Машки Спиридоновой" и ей подобныхъ.

При этихъ словахъ поднялась такая буря, стали раздаваться такіе неистовые вопли со стороны кадетскихъ сторонниковъ, что мой предсѣдательскій звонокъ оказался безсиленъ. Сигналъ былъ данъ, чтобы сорвать неблагопріятно складывавшееся для нихъ собраніе. Кадетскіе лидеры вскакивали со своихъ мѣстъ, кричали на всю залу „Намъ здѣсь не мѣсто! Позорно слушать подобныя рѣчи! Крестьяне, идите за нами — вашими дѣйствительными защитниками"... и пр. Въ залѣ начался такой безпорядокъ, что я вынужденъ былъ закрыть засѣданіе, объявивъ продолженіе его на слѣдующій день, въ канунъ открытія Губернскаго Избирательнаго Собранія.

Карта наша оказалась бита... Не мытьемъ, такъ катаньемъ кадеты добились своего, скомкавъ удачно начатое нами предвыборное объединеніе.

За послѣднія сутки кадетская агентура приняла самыя беззастѣнчивыя мѣры, чтобы отвлечь крестьянство отъ объявленнаго мною продолженія предвыборнаго собранія.

Наканунѣ выборовъ кто-то изъ кадетскихъ лидеровъ устроилъ предвыборное собраніе въ одномъ изъ второразрядныхъ трактирныхъ заведеній, куда — кого калачемъ, а кого и силкомъ — кадетскіе „молодцы" заманивали растерянныхъ мужичковъ-выборщиковъ. Были, невдалекѣ отъ Дома Дворянства, разставлены спеціальные люди, распространявшіе слухъ, что я запретилъ пускать въ него въ этотъ день крестьянскихъ представителей, которымъ предлагали идти на кадетское собраніе въ упомянутый трактиръ, гдѣ все было заготовлено для „приличнаго" угощенія.

Однимъ словомъ, за эти сутки кадеты по-своему сумѣли такъ обработать крестьянскую сотню выборщиковъ, что въ день выборовъ всѣ они, за исключеніемъ небольшой группы, отдали свои шары за кадетскій списокъ, и нашъ землевладѣльческій блокъ, численностью въ 75 человѣкъ, несмотря на присоединеніе къ нему десятка еще другихъ лицъ, оказался въ меньшинствѣ. Въ среднемъ, кадетско-крестьянскій списокъ прошелъ противъ нашего большинствомъ лишь 10 шаровъ. Въ него вошли три интеллигента и десять человѣкъ, принадлежавшихъ къ крестьянскому сословію *. Въ число первыхъ попали Протопоповъ и докторъ Крыловъ, оба впослѣдствіи участвовавшіе въ подписаніи выборгскаго воззванія.

Разумѣется, побѣдители торжествовали и во всѣ колокола звонили по поводу пораженія нашей партіи. Въ отвѣтъ была помѣщена въ „Голосѣ Самары" превосходная статья, подъ заголовкомъ „Побѣдителей не судятъ" — на которую не смогла реагировать даже кадетско-подпольное „Волжское Слово"...

*** На Самарскую губернію, согласно узаконенному расписанію, полагалось избраніе тринадцати членовъ Государственной Думы.**

79

23-го марта, послѣ безсонной ночи, проведеной мною у постели моей жены, къ утру разрѣшившейся дочкой Пашенькой, мнѣ пришлось предсѣдательствовать на экстренномъ земскомъ собраніи, созванномъ для избранія члена Государственнаго Совѣта. Гласные раскололись на два численно-равныхъ лагеря: — половина стояла за „кадета Николая Александровича Шишкова, другая часть — тоже за Шишкова, но Тихона Андреевича — члена нашей партіи. Въ результатѣ, первый прошелъ всего лишь однимъ голосомъ, по поводу котораго Тихонъ Андреевичъ въ тотъ же день покаялся мнѣ въ своемъ неуместномъ благородствѣ: этотъ одинъ шаръ, рѣшившій участь выборовъ, былъ имъ положенъ направо своему противнику.

Тотчасъ же вслѣдъ за земскимъ, пришлось провести экстренное дворянское собраніе, на которомъ въ выборщики на столичный избирательный съѣздъ попали двое наиболѣе уважаемыхъ нашихъ дворянъ: бывшій Губернскій Предводитель Дворянства А. А. Чемодуровъ и бывшій уѣздный Бугурусланскій Предводитель Дворянства А. Н. Карамзинъ.

Въ началѣ собранія дворяне высказали единодушное желаніе послать меня на Петербургскій съѣздъ, хотя я еще не достигъ требуемаго по закону возраста — 40 лѣтъ. Собраніе срочной телеграммой попросило у Министра Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшенія допустить избраніе меня въ выборщики. Изъ Петербурга,разумѣется, послѣдовалъ отказъ, послѣ чего и были выбраны оба вышепоименованные лица. Конечно, я былъ глубоко тронутъ оказаннымъ мнѣ вниманіемъ.

Я рѣшилъ отправиться съ выборщиками въ Петербургъ, чтобы провести Чемодурова въ составъ тѣхъ восемнадцати, которые подлежали избранію отъ всероссійскаго съѣзда дворянскихъ выборщиковъ въ члены Государственнаго Совѣта. Помимо этого, у меня зародилось желаніе въ спѣшномъ порядкѣ подѣлиться моими впечатлѣніями о только что проведенныхъ выборахъ съ новымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ П. А. Столыпинымъ, къ которому я питалъ заочныя симпатіи, благодаря доходившимъ до меня слухамъ о его губернаторской дѣятельности ъъ Саратовѣ. Небезъинтересно мнѣ было также повидать Ивана Логгиновича Горемыкина, только что смѣнившаго гр. С. Ю. Витте на посту Предсѣдателя Совѣта Министровъ.

Собраніе, состоявшее изъ сотни выборщиковъ — дворянскихъ представителей со всей Россіи, происходило въ парадной рамкѣ столичнаго Дворянскаго Собранія. Это была картина импозантная. Пользуясь дружескими отношеніями съ княземъ П. Н. Трубецкимъ, продолжавшимъ играть видную роль въ дворянской средѣ, я настойчиво совѣтовалъ внести въ списокъ 18-ти кандидатовъ въ Государственный Совѣтъ А. А. Чемодурова, мотивируя тѣмъ, что отъ дворянства восточныхъ приволжскихъ губерній другого въ спискѣ никого

не значилось. Въ результатѣ выборы прошли для Чемодурова благопріятно, и наше самарское самолюбіе было полностью удовлетворено.

Въ томъ же корпусѣ Зимняго Дворца, гдѣ обиталъ раньше Витте, принялъ меня старикъ почтеннаго вида, съ характерными сѣдыми бакенами, Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ, весь какъ бы сотканный изъ медлительныхъ думъ и движеній. Онъ не любилъ говорить, но слушалъ со вниманіемъ, не спуская съ меня большихъ свѣтло-голубыхъ, ясныхъ глазъ. Что бы ни говорили мнѣ про него, особенно впослѣдствіи, но я къ Горемыкину относился съ глубокимъ уваженіемъ еще съ первыхъ шаговъ своей помѣстной службы, благодаря составленному имъ классическому руководству по крестьянскому законоположенію. Горемыкинъ являлся носителемъ опредѣленной твердой государственной идеи; это былъ настоящій мужъ совѣта, умудренный долгимъ опытомъ и знаніемъ государственной жизни и управленія. Съ нимъ можно было не соглашаться, но не уважать его было грѣшно.

Мы коснулись общей характеристики положенія вещей въ нашей провинціи и состоявшихся выборовъ... Въ концѣ концовъ рѣчь свелась къ тому же простому секрету управленія — необходимости твердой, сильной власти снизу доверху... Прощаясь со мной и проводивъ меня до двери, старикъ, въ то время еще бодрый, несмотря на его замѣтную сутулость, сказалъ, обводя рукой свой кабинетъ: „Плохо будетъ, если Вы услышите, что меня отсюда выживаютъ!"...

Новый Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, П. А. Столыпинъ, жилъ на казенной дачѣ на островахъ. Петръ Аркадьевичъ сразу же произвелъ на меня самое обаятельное впечатлѣніе. Вся его внѣшность была незаурядная: видный ростъ, привѣтливое обхожденіе, открытое лицо, каріе, дышавшіе правдой и энергіей глаза, — все это вмѣстѣ взятое, выдавало искренность и благородство его натуры.

Встрѣтилъ меня Столыпинъ не только привѣтливо, но тепло и дружески, наговоривъ мнѣ немало лестнаго про мою дѣятельность въ Самарѣ, о которой онъ слышалъ въ бытность саратовскимъ губернаторомъ. Мы заговорили о выборахъ, о нашей партійной дѣятельности, о невозможности проводить желательныхъ кандидатовъ при существовавшемъ выборномъ производствѣ. Основной его дефектъ — излишняя централизація всей губернской выборной схемы. Сотни выборщиковъ съѣзжались изъ своихъ отдаленныхъ угловъ въ губернскій центръ. Совершенно не зная другъ друга, они въ какіе-нибудь дня два должны избрать изъ своей среды достойныхъ депутатовъ. Само собой разумѣется, что крестьянскіе выборщики шли за тѣми, кто умѣлъ беззастѣнчиво подыгрываться подъ ихъ шкурныя вожделѣнія...

Я воспользовался случаемъ, чтобы развернуть передъ умнымъ и симпатичнымъ Министромъ мой идеалъ земскаго народнаго представительства. Вскорѣ, однако, мы оба признали, что объ этомъ теперь нечего и говорить. Приходи-

лось лишь думать, какъ лучше справиться съ полученнымъ отъ Витте наслѣдіемъ.

Вышелъ я отъ Петра Аркадьевича очарованный не только его обаятельной личностью, но вдумчивымъ вниманіемъ высшаго администратора къ нашимъ мѣстнымъ нуждамъ. Между прочимъ, Столыпинъ предложилъ значительно усилить въ нашей губерніи отряды стражниковъ.

Въ бытность мою въ Петербургѣ я узналъ, что назначеніе Петра Аркадьевича Министромъ состоялось по иниціативѣ и настоянію Ивана Логгиновича Горемыкина.

80

Наступила весна. 27-го апрѣля 1906 года произошло торжественное открытіе Государственной Думы, а за ней преобразованнаго Государственнаго Совѣта. Я провелъ всю весну и лѣто безвыѣздно у себя на Волгѣ, большею частью въ Головкинскомъ имѣніи.

Хотя настроеніе сельскаго населенія еще не совсѣмъ успокоилось, тѣмъ не менѣе, въ Головкинѣ мы могли жить безъ особой опаски. Само собой разумѣется, мною были приняты всѣ мѣры для усиленія охраны. Вся служившая у меня на конюшняхъ многочисленная молодежь была снабжена винтовками. Онѣ хранились подъ вѣдѣніемъ преданнаго мнѣ кучера Гаврилы, который руководилъ учебными занятіями съ конюхами по стрѣльбѣ и окарауливанію. Благодаря этимъ мѣрамъ, у меня былъ собственный охранный отрядъ изъ десяти человѣкъ, поочередно безпрерывно дежурившихъ въ нашей усадьбѣ.

Помимо этого, губернская администрація распорядилась, черезъ посредство ставропольскаго исправника, держать вблизи моей усадьбы усиленный отрядъ стражниковъ, набиравшихся изъ лучшихъ запасныхъ кавалерійскихъ частей. Распоряженіе это послѣдовало послѣ того, какъ раннимъ лѣтомъ 1906 года въ Самарѣ былъ убитъ террористами Губернаторъ И. Л. Блокъ. Я былъ у себя въ Головкинѣ и въ одинъ и тотъ же день я получилъ телеграфное сообщеніе объ убійствѣ Начальника Губерніи и другую депешу, безъ подписи, въ которой значилось: „завтракали у Губернатора, пообѣдаемъ у васъ". Я сталъ собираться въ Самару на похороны Блока, но на другой же день появились у меня: сначала нашъ исправникъ, милѣйшій Агатицкій, а за нимъ — мой самарскій довѣренный, преданнѣйшій А. Д. Мещеряковъ, съ письмомъ отъ секретаря дворянства В. А. Сергина. Всѣ они въ одинъ голосъ умоляли меня отложить мое намѣреніе ѣхать въ Самару, которая за послѣднее время превратилась въ гнѣздо революціонеровъ-террористовъ. Этому содѣйствовала близость расположеннаго на противоположномъ симбирскомъ берегу, села Рождественна, гдѣ въ то время была штабъ-квартира преступныхъ организацій.

Исправникъ предъявилъ мнѣ жандармскія данныя, изъ которыхъ явствовало, что совмѣстно съ покушеніемъ на Блока, готовилось и покушеніе на меня. Полученная мною телеграмма о „завтракѣ у Губернатора и обѣдѣ у меня", очевидно, исходила изъ той же организаціи. Что же касается Мещерякова и Сергина, то оба они дѣйствовали лишь на основаніи тѣхъ упорныхъ слуховъ о готовившемся на меня покушеніи, которые циркулировали по городу. Пришлось подчиниться голосу благоразумія, и собою зря не рисковать. Поѣздку на похороны Блока я отмѣнилъ.

Благодаря всѣмъ этимъ событіямъ, я оказался въ собственномъ своемъ имѣніи буквально со всѣхъ сторонъ окруженнымъ безчисленнымъ количествомъ стражниковъ. Куда ни сунешься — по хозяйству, въ лѣсъ, въ поле или луга, на охотѣ — всюду, бывало, наткнешься на молодцеватаго, въ форму одѣтаго верхача-стражника. Внезапно выскочитъ изъ своей кустарниковой засады и, съ рукой у козырька, меня привѣтствуетъ: „Здравія желаю, Ваше Превосходительство!" Приходилось съ этимъ мириться, но пріятнаго было мало: привычнаго деревенскаго покоя я въ то время лишился... Лишь одна моя яхточка „Сирена" по-прежнему меня выручала и доставляла истинное наслажденіе и идеальный отдыхъ. Катаемся, бывало, на быстроходномъ нашемъ пароходикѣ съ семейными или съ добрыми друзьями по волжскому простору, гдѣ ни бомбиста, ни стражника не встрѣтишь, и на время вновь свободно вздохнешь и возстановишь свои издерганные нервы.

Величайшимъ духовнымъ и физическимъ благомъ оказалась для меня поѣздка лѣтомъ того же 1906 года въ Саровъ, куда я надумалъ отправиться по двумъ причинамъ. Прежде всего мы съ женой, передъ появленіемъ нашего первенца-сына Александра, усердно молились преподобному о. Серафиму Саровскому о ниспосланіи намъ этой благодати. Наше горячее желаніе исполнилось, и естественно зародилась у насъ мысль совершить паломничество въ Саровскую обитель и отслужить тамъ благодарственный молебенъ у мѣста вѣчнаго упокоенія преподобнаго старца. Помимо этого, ранней весной въ Самарѣ, какъ разъ въ великопостный періодъ обычнаго моего говѣнія, предвыборная политическая борьба приняла столь ожесточенный характеръ, разбушевавшійся партійный водоворотъ такъ разыгрался, что въ него втянуты были не только свѣтскіе люди, но почти все самарское духовенство, включая даже древнихъ протоіерейныхъ соборныхъ старцевъ, изъ которыхъ одинъ, съ виду елейный, о. Лаврскій, оказался завзятымъ „идейнымъ кадетомъ".

Откровенно говоря, у меня, въ то время виднаго партійнаго руководителя, сердце не лежало идти къ кому-либо изъ нихъ на исповѣдь. Самарскаго духовенства я еще не успѣлъ близко узнать и опасался возможныхъ по тому времени случайностей при исполненіи таинства покаянія, которыя могли бы нарушить благоговѣйно-религіозное настроеніе вѣрую-

щаго человѣка. Позже возникло у меня непреодолимое желаніе попасть именно въ тихую Саровскую обитель, гдѣ — мнѣ казалось — я могъ найти наилучшую обстановку для желаннаго отдыха и духовнаго передъ Господомъ Богомъ самоочищенія...

Лѣтомъ того же 1906 года, въ одну изъ многочисленныхъ поѣздокъ между Головкинымъ и Самарой, куда мнѣ все же приходилось наѣзжать, я плылъ вверхъ по Волгѣ. Передъ высадкой на симбирской пристани, надумалъ я продолжить, не сходя съ парохода, свое путешествіе до Нижняго, оттуда дальше, до тихаго Сарова. Жену я изъ Симбирска увѣдомилъ телеграммой.

На превосходномъ „Самолетскомъ" пароходѣ, со всѣмъ его уютомъ и комфортомъ, я наслаждался почти двухсуточнымъ путешествіемъ вдоль живописнѣйшихъ береговъ красавицы Волги, съ обычными — гдѣ краткими, гдѣ болѣе продолжительными остановками.

Послѣ Казани пароходъ останавливался лишь у праваго, нагорнаго, берега, сначала около живописно расположеннаго на склонѣ засаженной садами горы Свіяжска, основаннаго при устьѣ рѣки; именемъ ея названъ и самъ городъ; затѣмъ приставали мы къ г. Васильсурску, славившемуся своими янтарными сурскими стерлядями. Дальше подходилъ нашъ пароходъ къ г. Козьмодемьянску, съ его знаменитыми орѣховыми палками-дубинками, обычно закупавшимися безъ всякой нужды проѣзжавшими пароходными туристами, и, наконецъ, проплывя мимо красиво расположеннаго на луговой сторонѣ стариннаго Макарьевскаго монастыря, мы причалили, среди безчисленнаго количества баржей, буксировъ и легкихъ пароходовъ, къ конечной своей пристани у Нижняго Новгорода.

Ранѣе мнѣ никогда не приходилось осматривать Нижній, — все спѣшилъ. Въ этотъ же разъ въ моемъ распоряженіи было нѣсколько свободныхъ часовъ, и я ихъ использовалъ на осмотръ интереснаго во многихъ отношеніяхъ города.

Въ общемъ, Нижній Новгородъ произвелъ на меня чрезвычайно сильное впечатлѣніе своей исключительной красотой, своей стариной, полуразрушенными кремлевскими стѣнами, съ ихъ сторожевыми башнями и памятникомъ. Все напоминало русское прошлое, государственное строительство, тотъ подъемъ и всесословное объединеніе, отъ котораго пошло знаменитое нижегородское ополченіе, спасшее страну отъ лихолѣтья XVII вѣка. Все это особенно ясно мною тогда сознавалось и чутко переживалось, въ связи съ происходившими на Святой Руси сложными политическими событіями, очевидцемъ и участникомъ которыхъ мнѣ самому довелось быть въ описываемое время.

Изъ Нижняго до г. Арзамаса я проѣхалъ по желѣзной дорогѣ, проложенной въ большей своей части вдоль рѣки Оки и живописнѣйшей, довольно плотно заселенной, плодородной ея долины, на которой посѣвы чередовались съ превосходными лугами и раздольными пастбищами. Дорога для меня прошла незамѣтно, такъ какъ я, не отрываясь, жадно всматривался въ новыя коренныя русскія мѣста, со всѣмъ ихъ сельскимъ привольемъ, природной красотой и историческими воспоминаніями.

Пришлось въ Арзамасѣ заночевать, чтобы на другое утро выѣхать по направленію къ Сарову. Нашлась приличная гостиница Колесова, гдѣ подали сытный, превосходный ужинъ, состоявшій изъ сочной яичницы и молодыхъ тетеревовъ, зажаренныхъ въ сметанѣ.

Со мною согласился путешествовать встрѣтившійся на пароходѣ двоюродный братъ моей жены — Иванъ Петровичъ Ушковъ. Раннимъ утромъ, въ рессорной колымагѣ четверикомъ, выѣхали мы изъ Арзамаса и направились по невѣроятно колеистой и тряской дорогѣ въ длинный путь, сначала на Дивѣево, и дальше — въ Саровскую пустынь.

Переѣхавъ съ шумомъ и трескомъ по городскому бревенчатому мосту, мы спустились въ ровную лощину, представлявшую изъ себя сплошное колыхавшееся море спѣющей ржи, съ каждымъ мгновеніемъ все ярче освѣщаемое огненно-золотистыми лучами восходившаго солнца. Было чудное, ясное утро. Предстоялъ жаркій день. Привычныя лошади бодро встряхивались, стараясь не попадать на ходу въ глубочайшія колеи. Спутникъ мой сразу же задремалъ; я же, ненасытный и жадный до новыхъ мѣстъ, почти всю дорогу глазъ не смыкалъ и ко всему присматривался съ огромнымъ интересомъ.

Проѣхавъ 5-6 верстъ, я случайно замѣтилъ боковую тѣнь, падавшую отъ нашего экипажа, и къ своему удивленію вдругъ увидалъ, что какой-то субъектъ проворно копошился на задкѣ тарантаса, гдѣ былъ привязанъ нашъ багажъ. Крикнувъ ямщику остановиться, я быстро и какъ разъ во-время выскочилъ: пропусти я еще нѣсколько минутъ, намъ, вѣроятно, пришлось бы разстаться навсегда съ нашими вещами. Дорожному бандиту не удалось докончить свое предпріятіе: онъ только что успѣлъ обрѣзать багажныя веревки, какъ ему пришлось быстро юркнуть въ гущу придорожной высокой ржи. По словамъ ямщика, подобные случаи нерѣдко бывали въ этихъ мѣстахъ. Воришкѣ легко было юркнуть въ ржаное поле, разстилавшееся на добрый десятокъ верстъ.

Мы проѣхали около шести селъ и деревень. Судя по крытымъ крѣпкимъ тесомъ избамъ, съ узорчатыми „полотенчиками", сходившимися на верхнемъ конькѣ передняго ихъ фасада, по изобилію виднѣвшихся на гумнахъ хлѣбныхъ запасовъ, это были хозяйственно-зажиточныя селенія.

Наконецъ, среди обширныхъ полей, на фонѣ вдалекѣ виднѣвшагося лѣса, показался Дивѣевъ монастырь, съ бѣлокаменнымъ величественнымъ соборомъ и огромной колокольней. Онъ былъ окруженъ высокой бѣлой оградой. Вблизи высилась высокая вѣтряная мельница.

Все въ Дивѣевѣ носило печать удивительной чистоты, начиная съ гостиницы, гдѣ мы остановились, и кончая самыми отдаленными уголками монастырскаго обиталища. О внутреннемъ благолѣпіи всѣхъ церквей и самого собора и говорить нечего — все блестѣло и сіяло, благодаря неусыпнымъ заботамъ многочисленныхъ монашекъ, славившихся своимъ благочестіемъ и трудолюбіемъ.

Исключительный интересъ представляла собою художественная иконописная мастерская. Я восторгался ихъ работой. Расположенный приблизительно въ десяти верстахъ отъ Сарова, Дивѣевскій монастырь благоговѣйно хранилъ память преподобнаго Серафима. Домикъ, въ которомъ святой отецъ спасался много лѣтъ въ глуши саровскаго лѣса; камень, на которомъ онъ 1000 дней и ночей молился; его одежда, вериги, шапочка и, наконецъ, сама чудотворная икона „Умиленія Божьей Матери", которую преподобный всю жизнь имѣлъ предъ собой, — все это свято хранилось въ Дивѣевѣ, служа предметомъ поклоненія многочисленныхъ паломниковъ. Чтилась въ обители и „тропочка" — узенькая дорожка вдоль канавки, по которой монахини должны были по уставу, въ память преподобнаго Серафима, ежедневно медленно проходить, читая Богородичныя молитвы.

Обойдя всѣ упомянутыя святыни, и пробывъ на вечерней и утренней церковной службѣ, поразившей насъ своимъ чиннымъ и тихимъ благолѣпіемъ, мы отправились далѣе въ Саровъ, пересѣкая часто попадавшіеся овраги съ перелѣсками, проѣзжая мимо бывшихъ барскихъ усадебъ, частью запущенныхъ и забитыхъ, частью превращенныхъ въ школы или земскія больницы.

За полчаса до въѣзда нашего въ саровскій дремучій боръ, пространствомъ чуть ли не въ 25.000 десятинъ, мы переѣхали нижегородскую границу и очутились въ предѣлахъ Темниковскаго уѣзда Тамбовской губерніи. Верстъ около пяти ѣхали подъ вѣковыми соснами, вдыхая ихъ живительный ароматъ. Дорога была плохая, нашъ допотопный, т. н. рессорный, экипажъ неистово скрипѣлъ и дребезжалъ, немилосердно насъ подбрасывая по проросшимъ черезъ дорогу корневищамъ. Мы нетерпѣливо досаждали нашему ямщику разспросами „Скоро ли наконецъ Саровъ?" — и получали одинъ и тотъ же меланхолическій отвѣтъ: — „Вотъ до прогалины доѣдемъ, тогда и монастырь окажетъ"... Вотъ выѣхали мы на давно жданную прогалину, гдѣ перекрещивались двѣ лѣсныя дороги. Ямщикъ вытянулъ руку съ надѣтымъ на нее кнутомъ и брякнулъ: „Вонъ Саровъ-отъ!"

При этихъ словахъ мы оба живо приподнялись и въ одинъ голосъ ахнули... Сквозь узкій, высокій, темно-зеленый корридоръ увидали мы незабываемую чудесную картину. Въ дремучемъ лѣсу, въ грандіозной лѣсной рамѣ, передъ нашими глазами вырисовалась волшебная панорама цѣлой группы златоглавыхъ церквей и колоколенъ... Не успѣли мы вдоволь налюбоваться этимъ сказочнымъ — на подобіе Китежъ-града

— видѣніемъ, какъ ямщикъ нашъ лѣниво стеганулъ своихъ притомившихся лошадей. Снова все задернулось сплошной хвойной завѣсой...

Спустя еще немного, мы выѣхали изъ темнаго лѣса на свѣтлый просторъ веселой долины рѣчки Саровки, на возвышенномъ берегу которой высился во всей своей красѣ, во всемъ своемъ величіи, широко раскинувшійся, многолюдный и многохозяйственный, старинный монастырь.

У главныхъ его входныхъ воротъ, имѣвшихъ видъ широкой колокольни съ башенными часами наверху, расположенъ былъ рядъ многоэтажныхъ гостиницъ. Къ одной изъ нихъ насъ подвезли, и мы были встрѣчены гостиничнымъ чернобородымъ, услужливымъ монахомъ и молодымъ служкой. Намъ былъ отведенъ большой, низкій номеръ, подъ сводами, съ росписнымъ потолкомъ и голубыми, звѣздочками выкрашенными стѣнами. Вскорѣ на столѣ появился кипящій самоваръ и монастырская ѣда. Насъ предупредили, что ежели она намъ не по вкусу, то въ Саровѣ имѣется для пріѣзжающихъ особый ресторанъ съ разнообразнымъ меню. Само собой, мы предпочли простой монастырскій столъ, состоявшій изъ отличныхъ щей, разныхъ похлебокъ, кашъ, жаренаго картофеля, бѣлыхъ грибовъ и пр., что же касается ржаного хлѣба, то я нигдѣ такого вкуснаго не ѣдалъ.

Пройдя главныя ворота, мы очутились въ самомъ центрѣ монастырской обители, застроенной по окраинамъ безпрерывнымъ рядомъ монашескихъ келій, а въ серединѣ — цѣлой группой церквей. Соборъ возвышался въ глубинѣ двороваго пространства и представлялъ собою старинное, красивое, величественное зданіе, въ стилѣ итальянскаго ренессанса, съ богатымъ внутреннимъ убранствомъ и превосходнымъ, тонкой рѣзьбы, вызолоченнымъ иконостасомъ. Въ правой половинѣ собора, въ серебряномъ гробу, подъ массивнымъ изъ того же металла сдѣланнымъ навѣсомъ, поддерживавшимся четырьмя витыми колонками, покоились мощи преподобнаго Серафима, всего лишь годъ тому назадъ открытыя въ присутствіи Государя и другихъ Августѣйшихъ Особъ. Надъ священнымъ прахомъ Саровскаго чудотворца день и ночь теплились сотни лампадъ. Впослѣдствіи мы присоединили и нашу семейную лампаду, работы Оловянишникова. Слѣва отъ собора стояла, среди другихъ построекъ, небольшая церковка въ честь св. Зосимы и Савватія, явившихся преподобному Серафиму во время его діаконскаго служенія, извѣстная своимъ деревяннымъ рѣзнымъ иконостасомъ, художественно исполненнымъ самимъ Саровскимъ Святителемъ.

Во дворѣ и въ соборѣ мы встрѣтили массу богомольцевъ — мужчинъ, женщинъ, дѣтей, здоровыхъ и больныхъ, горожанъ и деревенскихъ. Намъ хотѣлось прежде всего приложиться къ основной святынѣ Саровской обители — къ мощамъ преподобнаго Серафима и около нихъ помолиться за себя и за всѣхъ своихъ семейныхъ. Пришлось еще многое претерпѣть, прежде чѣмъ удалось этого достигнуть. Въ то же

время мы оказались очевидцами слѣдующей сцены: одновременно съ нами пріѣхалъ изъ Петербурга небезызвѣстный редакторъ-издатель „Колокола" В. М. Скворцовъ, состоявшій чиновникомъ особыхъ порученій при Св. Синодѣ. Онъ былъ торжественно принятъ монастырской администраціей въ особыхъ, т. н. „губернаторскихъ", апартаментахъ (въ которыхъ въ послѣдующіе годы и меня заставляли останавливаться). Окруженный кольцомъ полицейскихъ, Скворцовъ вошелъ въ соборъ, и тутъ, на нашихъ глазахъ, началось то безобразіе, которое меня до глубины души возмутило. Двое полицейскихъ своими здоровенными ручищами, не безъ содѣйствія шашекъ, стали расчищать „Его Превосходительству" путь среди лицъ, благоговѣйно стоявшихъ и молившихся передъ мощами преподобнаго старца. Подъ соборными сводами, вблизи столь чтимой народной святыни, раздалась солдатская ругань и стоны побитыхъ. Зато цѣль д. с. с. Скворцова была достигнута — его быстро довели до раки, гдѣ онъ торжественно приложился, окруженный безотлучно сопровождавшими его полицейскими стражниками, которые предварительно за шиворотъ оттаскивали отъ столичнаго генерала паломниковъ, издалека пришедшихъ къ святому мѣсту. Эта недостойная сцена меня въ сильной степени возмутила. Не мало усилій пришлось мнѣ надъ собою употребить, чтобы не дать проявиться вспыхнувшему во мнѣ озлобленію противъ синодскаго чиновника, допустившаго столь грубое неуваженіе къ благоговѣйному настроенію собравшагося у чтимой святыни вѣрующаго люда.

Въ Саровѣ было болѣе людно, шумно, житейски сложнѣе, чемъ въ тихомъ, скромномъ Дивѣевѣ. Недаромъ говорилось, что тѣло Святителя покоится въ Саровѣ, но душа его незримо пребываетъ въ Дивѣевѣ.

Въ первый мой пріѣздъ, какъ и во всѣ слѣдующія мои ежегодныя посѣщенія Саровской обители, я прошелъ пѣшкомъ вдоль рѣчки Саровки по лѣсной дорожкѣ, сначала до „ближней", а затѣмъ и до „дальней" пустынки, гдѣ въ полномъ одиночествѣ годами проживалъ преподобный Серафимъ, гдѣ онъ, среди дремучаго бора, спасался въ непрестанномъ молитвенномъ общеніи съ Всевышнимъ...

Около первой пустынки билъ источникъ, которымъ пользовался въ свое время святой старецъ, и который считался цѣлебнымъ. Паломники искали въ немъ врачеванія отъ разныхъ своихъ болѣзней. Мнѣ передавали о многихъ случаяхъ чудесныхъ исцѣленій. За послѣднее время около источника были выстроены обширныя зданія со специальными душами. Бросалась въ глаза неумѣстная вывѣска на ихъ фасадѣ: „дворянскія бани".

Церковныя службы въ Саровѣ были длительныя. Совершались онѣ по строгой уставности монастырскаго чина.

Обойдя за день лѣсныя пустынки и искупавшись въ цѣлебномъ источникѣ, я шелъ ко всенощной, заканчивавшейся около 8 часовъ вечера, ложился, а къ двумъ часамъ утра

вновь приходилъ въ темный, лишь мѣстами освѣщенный восковыми свѣчами и лампадками, соборъ. Во время ночной службы народу бывало немного. Вдоль стѣнъ недвижимо стояли мрачныя, черныя фигуры монаховъ, съ четками въ рукахъ и съ прикрытыми клобуками головами. На этихъ ночныхъ службахъ, продолжавшихся до разсвѣта, я изъ года въ годъ отдавался сосредоточенному молитвенному настроенію, которое помогало моей совѣсти подводить итогъ всему, что я дѣлалъ за истекшій годъ и способствовало моему духовному очищенію и обновленію. Тотчасъ послѣ ночной заутрени начиналась ранняя обѣдня, во время которой я исповѣдывался, обычно у о. іеромонаха Руфима, и затѣмъ пріобщался Св. Таинъ. Въ 9 часовъ утра я возвращался домой и принимался за сборы въ обратную дорогу въ Самару, тѣмъ же путемъ — на Арзамасъ и Нижній.

Съ 1906 года и до войны 1914 года я каждое лѣто посѣщалъ Дивѣево и Саровъ, употребляя на всю поѣздку не свыше десяти дней, являвшихся для меня настоящимъ отдыхомъ, необходимымъ для подкрѣпленія моихъ жизненныхъ силъ.

81

Вернувшись въ серединѣ лѣта 1906 года изъ Сарова, я засталъ въ Самарѣ общественные круги и всю губернскую администрацію въ крайне тревожномъ настроеніи. Первая Дума Высочайшимъ Указомъ 8 іюля была распущена. На другой день состоялся въ Выборгѣ пресловутый съѣздъ всѣхъ оппозиціонныхъ думскихъ элементовъ, и было выпущено извѣстное воззваніе къ населенію Россійской Имперіи, призывавшее не платить налоговъ и не давать въ армію рекрутовъ. Горемыкинъ былъ смѣщенъ. Невольно вспомнились мнѣ по этому поводу его опасливыя предостереженія. Замѣнилъ его П. А. Столыпинъ. Носились всюду недобрые слухи.

Въ самой Самарѣ чувствовалась среди всѣхъ обывателей крайняя тревога. Послѣ убійства Блока губерніей временно управлялъ Вице-Губернаторъ Иванъ Францевичъ Кошко, бывшій непремѣннымъ членомъ Новгородскаго Губернскаго Присутствія. Онъ оказался человѣкомъ податливымъ, бездарнымъ и ко всему этому, еще взбалмошнымъ.

Налаженный Блокомъ порядокъ и безпощадный по отношенію къ его нарушителямъ режимъ сталъ быстро разваливаться. Мѣры борьбы съ усиливавшимися террористическими организаціями Кошко принималъ слишкомъ слабыя и осторожныя, несмотря на имѣвшіяся въ его распоряженіи очевидныя данныя, на основаніи которыхъ слѣдовало бы самымъ рѣшительнымъ образомъ пресѣчь зловредную работу тайныхъ политическихъ группировокъ, гнѣздившихся, главнымъ образомъ, въ селѣ Рождественнѣ. Недаромъ управляющій имѣніемъ М. К. Ушкова, П. С. Степановъ, самъ при-

надлежавшій къ крайней лѣвой самарской либеральной партіи и поддерживавшій средствами своего хозяина газету „Волжское Слово", обивалъ губернаторскіе пороги, настойчиво прося защиты и охраны отъ возможныхъ террористическихъ эксцессовъ со стороны рождественскихъ „говарищей". По выраженію самого нехрабраго г. Кошко, Самара находилась „на вулканѣ". Многіе степенные самарцы стали разъѣзжаться, большей частью направляясь въ Оренбургъ. Мои друзья и единомышленники горячо совѣтывали мнѣ семью мою на предстоящую зиму въ Самару не перевозить.

Подошелъ августъ и, 12-го числа этого мѣсяца, разнеслась страшная вѣсть о произведеномъ покушеніи на жизнь Столыпина, жившаго въ то время на своей лѣтней министерской дачѣ на Аптекарскомъ островѣ. Чудомъ спасся самъ Петръ Аркадьевичъ, но пострадали его семейные. Среди посѣтителей и служащихъ было много жертвъ, въ томъ числѣ и мой близкій другъ А. А. Воронинъ. Событіе это побудило меня отправить семью временно, до возможнаго общаго политическаго успокоенія, за-границу. По совѣту знакомыхъ, мы рѣшили устроиться на зиму въ Аркашонѣ. Мама, проживавшая все лѣто съ нами въ Головкинѣ, надумала на зиму вновь переѣхать въ Казань, къ Ольгѣ Наумовой.

Къ этому же времени надо отнести и другое мое рѣшеніе — продать, черезъ посредство Крестьянскаго Банка, Бугульминское имѣніе „Софьевку". Рѣшеніе это подсказывалось создавшимся положеніемъ вещей, въ связи съ аграрными безпорядками, общимъ настроеніемъ деревенскихъ массъ, неустойчивостью всей государственной политики, дальностью самого имѣнія и дѣйствительной нуждой въ землѣ всѣхъ окрестныхъ крестьянъ, сидѣвшихъ на дарственномъ или т. н. „нищенскомъ" надѣлѣ.

Въ половинѣ сентября того же 1906 года я повезъ за-границу всю свою семью, состоявшую въ то время изъ жены, четырехъ дочерей и сына.

Добравшись до Аркашона, я нашелъ отличную помѣстительную дачу, пробылъ недѣли двѣ и вынужденъ былъ покинуть семью и вернуться обратно въ Россію къ своимъ отвѣтственнымъ дѣламъ. До сихъ поръ вспоминается мнѣ необычайная тяжесть нашей разлуки съ Анютой, которая всѣмъ своимъ помысломъ и сердцемъ ясно сознавала ожидавшую меня въ Самарѣ тяжелую и несомнѣнно опасную обстановку.

Этой стороны моей службы мы съ женой въ нашихъ разговорахъ никогда не касались, несмотря на то, что Анюта, въ свою очередь, получала отъ тѣхъ же террористическихъ организацій письма самаго возмутительнаго содержанія.

Анюта удивительно стойко и мужественно переживала тревожные годы направленныхъ противъ меня террористическихъ угрозъ. Прощаясь, мы не знали, увидимся ли снова. Я спѣшилъ обратно въ Самару, чтобъ не подавать повода моимъ явнымъ и тайнымъ политическимъ врагамъ торжествовать свою побѣду надъ яко-бы скрывшимся, подъ вліяніемъ террора, главнымъ противникомъ.

Проѣзжая въ вагонѣ изъ Самары до Аркашона и обратно, пересѣкая такимъ образомъ всю Европу съ крайняго востока до конечнаго западнаго ея пункта, я всматривался въ земледѣльческія картины мелькавшихъ мимо моихъ оконъ странъ: Франціи, Бельгіи, Германіи и своей родной Россіи.

Впечатлѣніе вынесъ я тогда отъ всего видѣннаго, долженъ сознаться, для моего національнаго самолюбія мало утѣшительное. Слишкомъ ярко и рѣзко бросалась въ глаза разница между культурной, благоустроенной и сытой земледѣльческой Европой и нашей, хотя и святой, но неряшливой и сравнительно нищей, общинной Русью, съ ея неизмѣннымъ „авось да небось", мужицкой косностью и климатическими невзгодами...

Въ Петербургѣ я пробылъ лишь отъ поѣзда до поѣзда, перемѣнивъ вагонъ „Нордъ-экспресса" на удобное комфортабельное купэ въ превосходномъ спальномъ вагонѣ сибирскаго поѣзда, приходившаго на вторыя сутки въ Самару. Весь путь съ одного края Европы до другого я продѣлывалъ въ четверо сутокъ.

Въ Петербургѣ я успѣлъ кое-кого повидать и учесть настроеніе, сводившееся главнымъ образомъ, къ усиліямъ правительства подготовить въ странѣ почву для возможно благопріятныхъ выборовъ во Вторую Государственную Думу. Особой разборчивости въ средствахъ для этого придерживаться въ виду не имѣлось... Очевидно, взгляды Крыжановскихъ одерживали верхъ.

Въ Самарѣ я засталъ новаго губернатора — камергера Владиміра Васильевича Якунина, только что къ намъ назначеннаго изъ Херсонской губерніи. Наконецъ, нашелся человѣкъ, обитавшій обычно въ шумной и веселой Одессѣ, который, проживъ и проигравъ все свое и женино состояніе, очутился лицомъ къ лицу передъ роковой жизненной дилеммой: „быть или не быть!" По совѣту своихъ друзей онъ разрѣшилъ этотъ вопросъ путемъ принятія губернаторской должности въ одной изъ опаснѣйшихъ губерній того времени — Самарской.

Владиміръ Васильевичъ имѣлъ довольно представительную внѣшность, особенно когда онъ облекался въ придворную или губернаторскую форму, но въ деловомъ отношеніи онъ былъ правителемъ совершенно несвѣдущимъ, всецѣло пользовавшимся при исполненіи своихъ обязанностей совѣтами и подсказами своихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Полицмейстеръ Критскій, съ первыхъ же дней, сумѣлъ войти въ особое довѣріе къ новому начальнику. Онъ далъ Якунину понять, что, показываясь вмѣстѣ съ нимъ, Критскимъ, онъ избѣгнетъ всякихъ случайностей террористическаго характера. Въ началѣ самарской службы, Якунина можно было видѣть на улицѣ или на оффиціальныхъ публичныхъ собраніяхъ лишь въ сопровожденіи хитраго и ловкаго полицмейстера, сумѣвшаго стяжать популярность не только въ Клиф-

тоновскихъ кружкахъ, но и глубже — въ средѣ самихъ активныхъ террористовъ.

Во всякомъ случаѣ, не ему и не губернатору Якунину Самара обязана была своимъ политическимъ оздоровленіемъ и разгромомъ рождественскаго террористическаго центра, а исключительно энергіи и неустрашимой дѣятельности самарской жандармеріи. Во главѣ ея стоялъ доблестный полковникъ Бобровъ. Онъ сильно не ладилъ съ губернаторомъ изъ-за его безтактной болтливости и опредѣленно ненавидѣлъ полицмейстера, подозрѣвая его во всемъ томъ, о чемъ было мною выше о немъ упомянуто.

Бобровъ былъ назначенъ Столыпинымъ, и, благодаря своимъ отлично подобраннымъ сотрудникамъ, въ короткій срокъ сумѣлъ разобраться въ революціонномъ самарскомъ подпольѣ. Результатъ сказался быстро. За годъ онъ уничтожилъ всѣ террористическія организаціи. Такъ что Якунинъ могъ не безъ гордости доносить въ своихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ о своей блестящей губернаторской дѣятельности, искоренившей революціонную смуту и терроръ.

А на долю дѣйствительнаго защитника Самары судьба выпала иная. Въ концѣ 1907 года, на Дворянской улицѣ, въ Боброва былъ сдѣланъ изъ-за угла выстрѣлъ. Доблестный жандармскій полковникъ былъ убитъ на мѣстѣ. Но съ его смертью энергично начатая имъ работа по очищенію Самарскаго края отъ преступнаго революціоннаго элемента не прекратилась. Бобровъ оставилъ послѣ себя хорошо организованныхъ и умѣло подобранныхъ сотрудниковъ, которые и продолжали въ „Бобровскомъ" духѣ свою энергичную дѣятельность. Они дали возможность лояльнымъ элементамъ снова вернуться къ обычнымъ дѣламъ и спокойно жить въ родныхъ мѣстахъ.

Вернусь къ характеристикѣ Якунина, съ которымъ мнѣ пришлось болѣе двухъ лѣтъ имѣть непосредственныя служебныя отношенія. Можетъ быть Владиміръ Васильевичъ и обладалъ когда-то нѣкоторой благовоспитанностью, но за послѣднее время своей разгульной жизни онъ ее, несомнѣнно, утерялъ. Попавъ ненарокомъ въ губернаторы, онъ старался казаться начальникомъ-джентельменомъ. Это ему плохо удавалось: то, пригласивъ къ себѣ на обѣдъ, самъ отъ него уѣдетъ на охоту, то при оффиціальномъ пріемѣ почтенныхъ общественныхъ дѣятелей, начнетъ съ ними чрезмѣрно балагурить, или „по-извозщичьи" на нихъ кричать, то въ пріятной компаніи, за бутылкой добраго вина, онъ изъ самарскаго Губернатора превратится въ бурнаго и въ нѣкоторыхъ смыслахъ, страстнаго одессита. Владиміръ Васильевичъ вообще отличался крайней несдержанностью. По натурѣ своей онъ былъ игрокъ. Это проглядывало въ немъ во всемъ его обиходѣ, даже служебномъ. Этимъ я объяснялъ себѣ и его личное ко мнѣ отношеніе. Якунинъ никакъ не могъ примириться съ моей популярностью въ общественныхъ кругахъ г. Самары и губерніи, и втайнѣ старался „бить мою карту".

Но неудачно, что его немало раздражало. Внѣшнѣ онъ былъ со мною всегда любезенъ, даже претендовалъ на нѣкоторую дружескую интимность, особенно, когда его акціи, какъ губернатора, въ Петербургѣ стояли довольно низко. Но я, съ самаго же начала нашей совмѣстной службы, относился къ нему съ большой осторожностью и не безъ предубѣжденія. Въ его ближайшемъ окруженіи было много лицъ, относительно которыхъ у меня не безъ основанія составилось опредѣленно отрицательное мнѣніе. Они, каждый по своему, использовали слабыя стороны губернатора въ своихъ собственныхъ интересахъ и во вредъ общему дѣлу.

Якунинъ былъ женатъ на богатой одесситкѣ, милой и простодушной Варварѣ Ѳедоровнѣ, которую онъ, какъ и самого себя, своими азартными играми въ Монте-Карло и въ одесскихъ клубахъ, разорилъ, но превратилъ ее совершенно неожиданно въ губернаторшу. Взаимоотношенія супруговъ Якуниныхъ были невѣроятныя, но намъ всѣмъ пришлось къ нимъ привыкать, даже къ ихъ непринужденному между собою переругиванію въ присутствіи приглашенныхъ ими гостей. Въ концѣ концовъ милѣйшая Варвара Ѳедоровна не выдержала и изъ Самары сбѣжала къ себѣ на югъ, въ Одессу, а распущенность Якунина, къ концу второго года его самарскаго губернаторства, стала принимать такія формы, что, не безъ моего нѣкотораго содѣйствія, состоялся переводъ его отъ насъ въ Екатеринославскую губернію, гдѣ онъ продолжалъ вести себя самымъ невѣроятнымъ образомъ.

82

По возвращеніи моемъ изъ за-границы я засталъ наше газетное дѣло въ полномъ расцвѣтѣ, благодаря приглашенію въ качествѣ редактора „Голоса Самары" опытнаго журналиста и публициста г. Янчевецкаго. Впереди, въ связи съ новой предвыборной кампаніей, предстояла усиленная редакціонная работа, оказавшаяся непосильной для лицъ, занятыхъ службой въ другихъ губернскихъ учрежденіяхъ. Шишковъ, Мухановъ и Богушевскій продолжали оставаться членами редакціоннаго бюро, но лишь въ качествѣ сотрудниковъ Янчевецкаго, явившагося главнымъ руководителемъ газеты и отвѣтственнымъ ея работникомъ.

Помимо массы всякихъ засѣданій и разборки текущихъ дѣлъ, мнѣ пришлось въ описываемый періодъ цѣлыми недѣлями просиживать въ качествѣ „сословнаго представителя" на разбирательствахъ саратовской Судебной Палаты безчисленнаго количества политическихъ дѣлъ, возникшихъ за послѣдніе смутные 1905-1906 года. Въ большинствѣ случаевъ виновные привлекались по статьѣ Уголовнаго Уложенія, говорившей о принадлежности къ противоправительственнымъ политическимъ обществамъ и организаціямъ. Но попадалось также много дѣлъ, связанныхъ съ преступленіями террори-

стическаго характера.

Вспоминается мнѣ одно необычное совпаденіе. Слушалось Саратовской Судебной Палатой крупное террористическое дѣло. На скамьѣ подсудимыхъ появились озлобленныя, лохматыя, звѣроподобныя физіономіи революціонеровъ. На столѣ передъ нами разложены были вещественныя доказательства — нѣсколько взрывчатыхъ бомбъ... При осмотрѣ ихъ, на одной изъ нихъ я прочелъ выгравированную надпись: „Наумову".

Надо сказать, что въ октябрѣ и ноябрѣ 1906 года террористическія организаціи были еще въ полной силѣ. Бобровъ до нихъ только началъ добираться. Засѣданія Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей (губернскаго предводителя, городского головы и волостного старшины) носили тревожный характеръ. Рѣдкое утро мы не получали подметныхъ писемъ устрашающаго содержанія, которые на многихъ участниковъ засѣданій несомнѣнно дѣйствовали угнетающе.

Первоначальный составъ выѣздной сессіи Саратовской Судебной Палаты находился подъ вліяніемъ террористическаго застращиванія. Меня возмущало подобное состояніе моихъ судейскихъ коллегъ, я настаивалъ на очевидной виновности привлеченныхъ политическихъ преступниковъ, а малодушествовавшіе чины Палаты въ большинствѣ случаевъ стояли за оправдательные приговоры.

Въ началѣ 1907 года Саратовская Палата была въ личномъ своемъ составѣ кореннымъ образомъ обновлена. Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ Николай Алексѣевичъ Чебышевъ, человѣкъ твердый и безбоязненный, съ которымъ было пріятно сотрудничать. При немъ идея законности и справедливаго возмездія совершенно вытѣснила чувство страха передъ терроромъ...

Участію моему въ засѣданіяхъ Судебной Палаты я придавалъ очень серьезное значеніе. Это отнимало у меня немало времени, но я только въ исключительныхъ случаяхъ обращался къ кому-либо изъ своихъ предводителей съ просьбой меня замѣщать. Съ 1905 — 1908 г.г., приходилось участвовать почти сплошь въ дѣлахъ чисто-политической окраски. Также немало встрѣчалось судебныхъ разбирательствъ по преступленіямъ служебно-должностного характера. Присутствіе въ совѣщательной комнатѣ при обсужденіи итоговъ судебнаго слѣдствія, наряду съ чинами судебнаго вѣдомства, представителей мѣстной сословной и городской общественности вносило несомнѣнно живую струю.

При всемъ моемъ уваженіи къ членамъ Саратовской Судебной Палаты, къ ихъ высокому положенію, долголѣтнему опыту и почтенному возрасту — я не могъ не замѣчать ихъ казеннаго отношенія къ дѣлу...

Въ высшей степени живымъ, отзывчивымъ и энергичнымъ судебнымъ чиномъ, выгодно отличавшимся въ этомъ отношеніи отъ остальныхъ своихъ коллегъ, являлся Н. А. Чебышевъ, относившійся къ каждому дѣлу съ неослабнымъ интересомъ, но были и такіе члены Палаты, которые проявляли во время засѣданій склонность не только къ легкой дремѣ, но и къ глубокому сонному забытью, нерѣдко сопровождавшемуся сочнымъ храпомъ къ немалому отчаянію предсѣдательствовавшаго Чебышева.

Въ этихъ судебныхъ разбирательствахъ я лично рѣдко себя замѣщалъ кѣмъ-либо изъ своихъ коллегъ-предводителей, также почти безсмѣнно участвовалъ одинъ и тотъ же представитель отъ мѣстнаго городского самоуправленія. Что же касается волостныхъ старшинъ, то составъ ихъ постоянно мѣнялся, и за много лѣтъ моего предводительства мнѣ пришлось перезнакомиться на сессіяхъ Судебной Палаты почти со всѣми волостными представителями Самарскаго уѣзда. Объ ихъ участіи въ нашихъ совмѣстныхъ работахъ я долженъ отозваться съ самой положительной стороны. Старшины, за рѣдкими исключеніями, относились къ своимъ судебнымъ обязанностямъ вдумчиво, держали себя степенно, съ полнымъ достоинствомъ и совершенно независимо.

83

Мнѣ приходилось дѣлить мое время между мѣстной работой и участіемъ на всевозможныхъ столичныхъ съѣздахъ и собраніяхъ. Время было исключительно нервное, общество испытывало крайне напряженное состояніе, ввиду наступившей въ странѣ совершенно новой для нея политической обстановки. На мѣстахъ и въ центрѣ нарастало непреодолимое стремленіе къ взаимному общенію и поддержкѣ.

Происходившіе ранѣе въ Петербургѣ землевладѣльческіе съѣзды, реагировавшіе на аграрные безпорядки конца 1905 года и земельную правительственную политику начала 1906 года, прекратили свое самостоятельное существованіе со времени образовавшагося въ мартѣ того же 1906 года Всероссійскаго Дворянскаго объединенія. Послѣднее по существу своему было тоже землевладѣльческимъ, и оно всемѣрно отстаивало свое собственническое и культурное raison d'être отъ натиска проповѣдниковъ аграрнаго анархизма.

Въ концѣ зимы 1906 года былъ созванъ второй съѣздъ Всероссійскаго Объединеннаго Дворянства, подъ засѣданія котораго Предсѣдатель Совѣта графъ А. А. Бобринскій любезно предложилъ свой старинный особнякъ на Галерной, являвшійся интереснѣйшимъ памятникомъ прошлыхъ вѣковъ и представлявшій собою рѣдкостный и цѣннѣйшій музей.

На этомъ съѣздѣ мнѣ пришлось выступать неоднократно по злободневнымъ политическимъ вопросамъ.

Анализируя производство выборовъ въ Думу, я познакомилъ слушателей съ условіями прошедшей въ Самарѣ избирательной кампаніи въ первую Государственную Думу и указалъ на рядъ существенныхъ дефектовъ, главнымъ образомъ,

невозможность при наличіи даннаго законоположенія достигать при выборахъ сознательности.

На томъ же съѣздѣ я горячо протестовалъ противъ земельной политики правительства, которое, при изданіи ноябрьскаго Манифеста 1905 года, однимъ взмахомъ пера уничтожило труды, вложенные, главнымъ образомъ, Удѣльнымъ Вѣдомствомъ въ дѣло интенсификаціи аграрной культуры.

Съѣздъ отнесся къ моимъ выступленіямъ внимательно и не скупился выражать мнѣ знаки одобренія. Это было время моихъ публичныхъ успѣховъ, въ результатѣ чего я бывалъ заваленъ приглашеніями къ разнымъ виднымъ лицамъ изъ сановнаго и высшаго аристократическаго столичнаго міра.

Въ тотъ же пріѣздъ мой въ Петербургъ я посѣтилъ человѣка изъ совершенно иного міра и своеобразной профессіи, вызванной къ жизни переживаемой революціонной эпохой.

Я говорю о бывшемъ военномъ инженерѣ Авенирѣ Авенировичѣ Чемерзинѣ, изобрѣтателѣ непроницаемыхъ натѣльныхъ панцырей. Слухъ объ его изобрѣтеніи быстро распространился среди всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. Посыпались со всѣхъ сторонъ заказы и Чемерзинъ заготовлялъ тѣлоспасительные костюмы всѣмъ, начиная съ рядового жандарма и кончая самимъ Столыпинымъ. Молва объ этихъ панцыряхъ докатилась въ свое время и до Самары. Передъ отъѣздомъ нашимъ заграницу, жена взяла съ меня слово, что я обзаведусь такимъ панцыремъ.

А. А. Чемерзинъ принялъ меня въ небольшомъ кабинетѣ, уставленномъ всевозможными экзотическими украшеніями. Завязался у насъ необычный разговоръ; Чемерзинъ сталъ меня разспрашивать, какого свойства смертоноснаго покушенія я для себя ожидаю? Отъ этого зависитъ выборъ того или другого панцыря. Онъ предложилъ мнѣ пройти въ сосѣднюю комнату и разложилъ передо мною цѣлую коллекцію изготовленныхъ имъ тканей и панцырей. Пристально глядя на меня темными глазами, показавшимися мнѣ фатальными, онъ спросилъ: „Чего же Вы, Ваше Превосходительство, для себя ожидаете? Револьвернаго выстрѣла или разрывной бомбы?"

Сначала я былъ въ полной нерѣшительности, что отвѣтить, потомъ заявилъ, что можно ждать всяческихъ сюрпризовъ... Тогда Чемерзинъ объяснилъ, что противъ разрывныхъ бомбъ у него имѣлась специальная непроницаемая обмундировка. Она защищаетъ всѣ члены, даже голову, т. к. въ шляпу кладется особая подкладка.

При этомъ онъ раскрылъ шкафъ и показалъ на висѣвшую тамъ арматуру въ человѣческій ростъ. „Вотъ, полюбуйтесь. Это только что исполненный мною заказъ для П. А. Столыпина... Стоимость его 15.000 рублей".

Чемерзинъ развернулъ цѣлую градацію своихъ панцырей, начиная съ самыхъ дешевыхъ, грубыхъ и тяжелыхъ латъ въ 1000 рублей, непроницаемыхъ лишь для револьверныхъ пуль слабаго калибра, и кончая арматурой въ 20.000 рублей. Я соображалъ:... „пожалѣешь лишнюю тысячу и живъ не останешься!" А рядомъ въ выжидательной позѣ стоялъ въ образѣ Чемерзина своего рода Мефистофель-искуситель. Наконецъ, жребій былъ брошенъ. Мой выборъ палъ на грудной и спинной панцырь и на небольщую пластинку, вкладывавшуюся въ ручной портфель. Въ особой комнатѣ я испробовалъ непроницаемость выбранныхъ мною предметовъ, стрѣляя въ нихъ изъ нагана на разстояніи десяти шаговъ. Каждый разъ пуля отскакивала, оставляя лишь на ткани небольшое вдавленное углубленіе. Я уплатилъ за все 5.000 рублей. Панцыря я никогда не надѣвалъ, а пластинку долго вкладывалъ въ свой портфель, съ которымъ никогда вплоть до 1908 года, т. е. до года полнаго политическаго успокоенія, не разставался. При пріемѣ просителей я обычно держалъ свой защитный портфель подъ лѣвой рукой, противъ сердца, съ разсчетомъ — въ случаѣ нужды успѣю спрятать за нимъ свою голову, а правой рукой обезоружить террориста. Само собой, я отлично сознавалъ, что Вемерзинское изобрѣтеніе не гарантируетъ полной безопасности жизни. Убійство фонъ деръ Лауница явилось показательнымъ тому подтвержденіемъ. Генералъ носилъ подъ формой Чемерзинскую аммуницію, даже непроницаемую подкладку на фуражкѣ. Но убійца, можетъ быть освѣдомленный объ этомъ, сходя съ парадной лѣстницы сзади Лауница, приставилъ дуло своего револьвера къ единственно беззащитному мѣсту у головного мозжечка и спустилъ курокъ... Генералъ былъ убитъ на мѣстѣ... Но все же, пріобрѣтая Чемерзинскія прикрытія, я поступалъ согласно правилу — „береженаго и Богъ бережетъ".

84

6-го декабря 1906 года состоялось пожалованіе меня придворнымъ званіемъ. Но еще за нѣсколько дней до означеннаго числа я совершенно случайно узналъ объ этомъ радостномъ для меня событіи. Какъ то, въ началѣ декабря, мы съ М. Д. Мордвиновымъ рѣшили пойти вечеромъ въ Панаевскій театръ, гдѣ ставилась „Веселая Вдова". Наши мѣста оказались рядомъ съ генераломъ А. А. Мосоловымъ, управлявшимъ канцеляріей Министра Двора. Увидѣвъ меня, онъ любезно поздоровался и, продолжая трясти мою руку, привѣтливо-многозначительно сталъ меня съ чѣмъ то поздравлять. Увидавъ мое недоумѣніе, Мосоловъ мнѣ на ухо шепнулъ: „Шестого будете камергеромъ!"... Радости моей не было предѣловъ... Съ тѣхъ поръ „Веселая Вдова" стала для меня вдвойнѣ излюбленной опереттой.

Вступая на должность Губернскаго Предводителя, я былъ далекъ отъ какихъ-либо честолюбивыхъ помысловъ, а тѣмъ болѣе мечтаній о придворныхъ званіяхъ. Все это пришло само собой, не по моимъ проискамъ, а по личному желанію самого Государя, о чемъ мнѣ Дурново и говорилъ.

Въ связи съ этимъ исключительно радостнымъ для меня

событіемъ, въ моей памяти встаетъ одна мелочь, о которой хочется сказать, какъ о курьезномъ совпаденіи. 5-го декабря вечеромъ я спѣшилъ къ себѣ въ Европейскую гостиницу, и нещадно понукалъ извозчика... Передъ самымъ поворотомъ съ Невскаго къ гостиницѣ, немного не доѣзжая до городской думы, мой извозчикъ вдругъ останавливается... Окончательно выведенный изъ терпѣнія, я принялся во всю бранить лѣниваго возницу. Извозчикъ преспокойно ко мнѣ оборачивается и говоритъ: „Что же, баринъ?! Отъ свово счастья желашь отказываться?!" Я его спросилъ: „Въ чемъ дѣло?" Онъ показалъ кнутовищемъ на мостовую. На снѣгу, освѣщенномъ электричествомъ, я увидалъ большую конскую подкову... Разсмѣявшись, я быстро ее подобралъ. Черезъ нѣсколько минутъ, у Европейской, мой благожелательный возница получилъ отъ меня цѣлковый на чай. Я притащилъ съ собой въ номеръ свое объемистое „счастье", положилъ его на столъ, а рядомъ лежалъ пакетъ. Вскрываю его и читаю оффиціальный указъ о состоявшемся Высочайшемъ пожалованіи меня въ званіе камергера Двора Его Императорскаго Величества... Изъ подковы я сдѣлалъ рамку съ соотвѣтствующими выгравированными надписями, вставилъ въ нее мой портретъ въ камергерскомъ маломъ мундирѣ и преподнесъ женѣ.

85

Изъ Петербурга я выѣхалъ на праздники прямо къ своимъ въ Аркашонъ. Засталъ я всѣхъ въ отличномъ видѣ, бодрыми и веселыми. Встрѣча была радостной, и я съ милыми моими дѣтишками самъ, какъ маленькій, бѣгалъ и рѣзвился, бывая съ ними то на лѣсныхъ прогулкахъ, то катаясь на лодкѣ или маленькихъ моторныхъ суденышкахъ, выплывая иногда въ хорошую погоду даже на далекій океанскій просторъ. Любили мы бродить во время отлива по пляжу и собирать на немъ раковины необычайнаго разнообразія.

Къ глубокому моему огорченію, болѣе двухъ недѣль я не могъ оставаться со своей семьей. Надо было спѣшить обратно въ Россію. Въ январѣ предстоялъ рядъ губернскихъ собраній, близился срокъ Думскихъ выборовъ. Пришлось передъ самымъ Новымъ Годомъ со своими разставаться... Впереди ожидала меня все та же полная неизвѣстность. Время продолжало оставаться тревожнымъ и неопредѣленнымъ. Помню, какъ въ послѣдній вечеръ передъ разлукой, я забрался въ уютную дѣтскую комнатку и сѣлъ въ уголокъ, любуясь милыми нашими птенчиками. Внутри меня происходила сложная душевная и мучительная работа — борьба между чувствомъ мужа и отца, съ одной стороны, и сознаніемъ взятаго на себя отвѣтственнаго долга — съ другой... Но разлука была неизбѣжна.

На другой день я выѣхалъ обратно. Новый 1907-й Годъ я встрѣтилъ уже въ Россіи, въ полномъ одиночествѣ въ своемъ

купэ. Разложивъ передъ собою кожаный складной дорожный альбомъ со вложенными въ немъ фотографіями моихъ семейныхъ, я мысленно привѣтствовалъ ихъ съ наступающимъ Новымъ Годомъ и, какъ умѣлъ, помолился Всевышнему.

Общее настроеніе въ Самарѣ было очень напряженнымъ. И въ городѣ и въ губерніи всѣ помыслы были заняты предстоящими выборами во вторую Государственную Думу, открытіе которой намѣчалось на начало марта. Въ уѣздныхъ центрахъ происходили избирательныя собранія. Мѣстная пресса всѣхъ направленій реагировала на выборы, заполняя газетные столбцы громовыми статьями и широковѣщательными призывами къ населенію... Вѣрное себѣ „Волжское Слово" вновь принялось обливать помоями „господскій помѣщичій" классъ, натравливая противъ него „трудящіеся" элементы. Нашъ „Голосъ Самары" тоже работалъ полнымъ ходомъ подъ умѣлымъ руководствомъ Янчевецкаго, который въ противовѣсъ „Слову" велъ полемику въ рамкахъ профессіональнаго приличія. Общихъ собраній Партія Порядка со времени первыхъ Думскихъ выборовъ болѣе не устраивала. Мы достигли сплоченія землевладѣльческихъ представителей губерніи. Для насъ важно было эту групповую и партійную солидарность поддержать и сохранить для слѣдующихъ выборовъ, на что и было обращено главное наше вниманіе.

Въ тайникахъ губернаторской канцеляріи тоже происходило замѣтное оживленіе подъ вліяніемъ получавшихся изъ Петербурга всевозможныхъ наставленій и циркулярныхъ распоряженій, касавшихся выборнаго производства. Въ столичныхъ верхахъ употребляли всѣ усилія обезвредить существовавшее Положеніе о выборахъ. Съ этой цѣлью Столыпинъ рѣшилъ усилить авторитетъ Сената и, опираясь на его соотвѣтственныя разъясненія, удалять изъ состава уѣздныхъ выборщиковъ нежелательные элементы. Процедура была установлена слѣдующая: въ какомъ-либо уѣздѣ въ число выборщиковъ попадаетъ субъектъ съ сомнительнымъ политическимъ прошлымъ. Губернаторъ объ этомъ лицѣ срочно сообщаетъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Столыпинъ, въ свою очередь, препровождалъ въ экстренномъ порядкѣ полученныя отъ губернатора свѣдѣнія въ распоряженіе Сената, при соотвѣтствующемъ своемъ мнѣніи. Сенатъ, „принявъ всѣ данныя въ соображеніе", немедленно „разъяснялъ" предложенныя на его разсмотрѣніе права даннаго лица. Обычно, по каждому подобному случаю издавался особый указъ, согласно которому произведенные выборы даннаго лица считались недѣйствительными, и его, какъ незаконно избраннаго, изъ списка выборщиковъ исключали. Подобнымъ „разъясненіями" Петербургъ разсчитывалъ подобрать болѣе или менѣе желательный составъ выборщиковъ. Сыпались эти „разъясненія" по всему лицу Великой Руси въ превеликомъ множествѣ, роняя достоинство Сената и, наканунѣ самыхъ выборовъ, возстановляя общественное мнѣніе противъ власти.

Февральское Губернское Избирательное Собраніе прошло

у насъ въ условіяхъ исключительно сложныхъ и тревожныхъ.

Въ день его открытія, я пригласилъ выборщиковъ къ 11 часамъ дня въ Соборъ на молебствіе. Служба затянулась; пришлось еще выслушивать пространную напутственную рѣчь преосвященнаго Константина. И вдругъ, среди всеобщей тишины я услыхалъ сзади себя торопливо приближавшіеся ко мнѣ шаги и звяканіе шпоръ. Меня почему то обуяло недоброе предчувствіе. Обернувшись, я увидалъ вытянувшагося передо мною въ почтительной позѣ полицмейстера Критскаго. Онъ шопотомъ доложилъ, что посланъ срочно ко мнѣ Губернаторомъ для передачи экстренно-важнаго пакета, касающегося выборовъ. Онъ вручилъ мнѣ бумагу, оказавшуюся срочной телеграммой на имя Начальника Губерніи за подписью Оберъ-Прокурора Правительствующаго Сената. Въ ней „разъяснялось" избраніе двухъ выборщиковъ отъ Самарскаго уѣзда: Кундурушкина и Макарова. Въ депешѣ сообщалось объ исключеніи обоихъ изъ списка выборщиковъ.

Обѣжавъ глазами всѣхъ присутствовавшихъ въ Соборѣ, я само собой ни того, ни другого среди нихъ не нашелъ по вполнѣ понятной причинѣ: народникъ-писатель, земскій сельскій учитель Самарскаго уѣзда, Кундурушкинъ, и служащій въ статистико-оцѣночномъ отдѣленіи Губернскаго Земства Макаровъ, были представителями крайнихъ лѣвыхъ и, конечно, чуждались религіозныхъ обрядовъ.

Въ моей головѣ быстро и ясно встала сложность чреватаго возможными послѣдствіями заданія — удалить изъ помѣщенія Избирательнаго Собранія лицъ, разъясненныхъ Сенатомъ за полчаса до открытія выборовъ. По всѣмъ вѣроятіямъ они уже успѣли проникнуть въ залу Дворянскаго Дома.

Я, согласно закона, долженъ былъ открыть собраніе въ 12 часовъ. Было безъ десяти минутъ двѣнадцать часовъ, когда я вошелъ въ переднюю Собранія, гдѣ стояли секретари, провѣрявшіе выборщиковъ. Я первымъ долгомъ спросилъ — пропущены ли въ залу Собранія Кундурушкинъ и Макаровъ? Оказалось, что оба, по предъявленіи ими надлежащихъ документовъ, преспокойно прошли въ залу. Съ пресловутой Сенатской телеграммой въ рукѣ я вошелъ въ присутственную залу, нашелъ обоихъ „разъясненныхъ" выборщиковъ, и предъявилъ имъ полученный мною документъ. Я просилъ ихъ удалиться согласно требованію Выборнаго Положенія. Кундурушкинъ и Макаровъ категорически отказались подчиниться. Сразу же вокругъ насъ создалась напряженная атмосфера и стали раздаваться шумные возгласы протеста...

Посмотрѣвъ на часы и увидавъ, что стрѣлка близится къ 12 часамъ, я вынужденъ былъ, не входя въ дальнѣйшія пререканія, занять предсѣдательское мѣсто и объявить засѣданіе Губернскаго Избирательнаго Собранія открытымъ.

Прочтя собравшимся выборщикамъ, какъ того требовалъ законъ, надлежащія статьи выборнаго производства, я приступилъ къ провѣркѣ лицъ, явившихся на Собраніе, начавъ со старшаго Самарскаго уѣзда, въ спискѣ котораго какъ разъ

значились Кундурушкинъ и Макаровъ. Доведя до свѣдѣнія Собранія содержаніе только что полученной мною телеграммы за подписью Оберъ-Прокурора Правительствующаго Сената, я заявилъ, что ввиду состоявшагося Сенатскаго разъясненія я вынужденъ Кундурушкина и Макарова вычеркнуть изъ выборщиковъ и считать ихъ, согласно буквѣ закона, людьми „посторонними", присутствіе которыхъ на Избирательномъ Собраніи безусловно недопустимо и можетъ служить основаніемъ для отмѣны всего выборнаго производства.

Послѣ моихъ словъ въ залѣ поднялся невѣроятный шумъ и стали раздаваться выкрики протеста. Съ трудомъ удалось на время успокоить разбушевавшееся Собраніе, но не убѣдить лицъ, настаивавшихъ на томъ, что телеграмму нельзя признать за имѣвшій законную силу Сенатскій Указъ.

Положеніе мое, какъ предсѣдателя, осложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что нигдѣ въ наскоро-сфабрикованномъ въ Петербургскихъ канцеляріяхъ Выборномъ Положеніи никакихъ указаній не имѣлось о правахъ и обязанностяхъ предсѣдателя Избирательнаго Собранія. Межъ тѣмъ, при создавшейся обстановкѣ, я предчувствовалъ, что безъ примѣненія предсѣдательскихъ репрессій для возстановленія порядка, я не смогу довести собраніе до конца.

Чтобы дать себѣ возможность обдумать это осложненіе и успокоить разволновавшихся выборщиковъ, я объявилъ перерывъ, попросивъ всѣхъ оставаться въ залѣ, двери которой, согласно закона, на все время избирательнаго процесса должны быть запертыми. Я подошелъ къ „разъясненнымъ" выборщикамъ, и въ спокойной и привѣтливой формѣ я принялся съ ними вмѣстѣ обсуждать создавшееся положеніе вещей. Я убѣждалъ ихъ учесть два основныхъ обстоятельства: какъ предсѣдатель, я долженъ исполнить Сенатскій Указъ. Оставить исключенныхъ изъ списковъ, слѣдовательно „постороннихъ" лицъ въ залѣ Избирательнаго Собранія сдѣлало бы выборы недѣйствительными.

Вокругъ насъ столпились выборщики. Они внимательно прислушивались къ нашимъ переговорамъ, начинавшимъ принимать спокойный и мирный характеръ. Уже слышались одобрительныя по моему адресу замѣчанія. Былъ моментъ, когда мнѣ казалось, что Кундурушкинъ съ Макаровымъ готовы были сдаться на мои доводы и уговоры... Но вдругъ въ залѣ снова возникъ шумъ, раздались негодующіе возгласы. Сначала я не понялъ въ чемъ дѣло, но взглянувъ въ окна, я уразумѣлъ причину общаго возмущенія. Вокругъ Дворянскаго Дома гарцовали Кубанскіе казаки въ своихъ красныхъ бешметахъ, съ пиками и шашками. Весь Дворянскій Домъ оказался ими оцѣпленнымъ. Ярости „лѣвыхъ" участниковъ Собранія не было предѣловъ, „правые" же уставились на меня съ недоумѣніемъ. Никому въ голову не могло придти, что подобная казачья демонстрація произошла помимо моего желанія и распоряженія. А это именно такъ и было...

Я сразу догадался, что это была наглая выдумка Якунина.

Нѣсколько мгновеній стоялъ я безмолвно среди неистовствовашихъ выборщиковъ, до глубины души возмущенный провокаціонными дѣйствіями Губернатора. Стараясь казаться спокойнымъ, я рѣшилъ дѣйствовать... Выходъ изъ создавшагося положенія представлялся для меня единственный. Я поднялъ руку и просилъ дать мнѣ возможность высказаться. Стало тихо и я обратился къ выборщикамъ со слѣдующими словами: „Господа! Появленіе казаковъ явилось одинаковой неожиданностью для васъ и для меня. Кто меня хорошо знаетъ, тотъ мнѣ въ этомъ на слово повѣритъ, а остальныхъ я прошу со мною вмѣстѣ подойти къ телефону и присутствовать при моихъ переговорахъ съ Начальникомъ Губерніи, по единоличному распоряженію котораго — надо думать — очутились вокругъ насъ казачьи отряды"....

Въ залѣ наступила тишина. Сопровождаемый толпой выборщиковъ, я прошелъ въ свой кабинетъ, взялъ телефонную трубку и просилъ соединить меня съ Губернаторомъ. Вскорѣ послышался его хрипловатый голосъ. Разговоръ былъ краткій. Воспроизвожу его дословно.

—„Съ Вами говоритъ Предсѣдатель Губернскаго Избирательнаго Собранія, Губернскій Предводитель Дворянства. Прошу объяснить, по чьему распоряженію помѣщеніе, гдѣ только что открыто было мною Избирательное Собраніе, оказалось оцѣпленнымъ казачьими отрядами?" Отвѣтъ послѣдовалъ: „Это я приказалъ... А что?!"... Тогда я въ присутствіи всѣхъ окружавшихъ меня выборщиковъ заявилъ Якунину слѣдующее: „Въ интересахъ огражденія порядка занятій предсѣдательствуемаго мною Губернскаго Избирательнаго Собранія — я требую отъ Вашего Превосходительства немедленной отмѣны даннаго Вами распоряженія и отозванія всѣхъ казачьихъ отрядовъ, окружающихъ зданіе Дворянскаго Дома. Предупреждаю, что, если мое требованіе Вами не будетъ въ точности исполнено, я вынужденъ буду срочно телеграфировать Министру Внутреннихъ Дѣлъ о Вашихъ дѣйствіяхъ, по всѣмъ признакамъ носящихъ провокаціонный характеръ".

Раздалось какое-то мычаніе, но я трубку повѣсилъ. Вскорѣ красные кубанцы съ нашего горизонта исчезли, но все же Якунинъ успѣлъ достигнуть своего...

По возобновленіи засѣданія, я снова обратился къ Кундурушкину и Макарову съ требованіемъ покинуть присутственное мѣсто, повторивъ ранѣе высказанные мною мотивы. Но всѣ наши, какъ бы налаживавшіеся въ началѣ перерыва переговоры были забыты, а успокоенная было толпа, при видѣ красной казачьей формы, съ новой силой ожесточилась... Возникли вновь страстныя пренія и опять со всѣхъ сторонъ стали раздаваться неистовые крики. Во время перерыва я уже намѣтилъ себѣ опредѣленный планъ дѣйствій, въ соотвѣтствіи съ правами предсѣдателя, предусмотрѣнными Земскимъ Положеніемъ. Я рѣшилъ твердо ихъ придерживаться, но въ душѣ ругалъ столичное законодательное безголовье, упустившее изъ вида при выработкѣ правилъ выборнаго производства

нормировать права и обязанности предсѣдателей избирательныхъ собраній. Мои друзья досаждали мнѣ своими совѣтами, но я предпочелъ твердо держаться Земскаго Положенія, которое держалъ передъ собой. Выходъ изъ создавшагося труднаго положенія казался мнѣ единственнымъ — закрыть избирательное собраніе и на слѣдующій день возобновить его, принявъ всѣ мѣры для недопущенія въ присутственное помѣщеніе обоихъ исключенныхъ выборщиковъ. На этотъ путь я силою обстоятельствъ вынужденъ былъ встать.

Послѣ тщетныхъ моихъ настояній, замѣчаній и звонковъ я, ссылаясь на статью предсѣдательскихъ правъ земскаго Положенія, предупредилъ собравшихся, что, ввиду упорнаго нежеланія Кундурушкина и Макарова подчиниться моимъ законнымъ требованіямъ, я буду вынужденъ обратиться за содѣйствіемъ полицейскихъ чиновъ.

При этихъ словахъ на собраніи поднялся еще большій шумъ. Сборной мужицкой толпой дирижировали, главнымъ образомъ, кадетскіе лидеры. Они объединились не только съ крестьянами, но и съ представителями соціалъ-демократической и даже соціалъ-революціонной партій. Я попросилъ находящагося около меня гр. А. Н. Толстого вызвать нарядъ полиціи, дежурившій около нашего помѣщенія.

Трудно описать, что произошло въ залѣ Собранія и какъ были встрѣчены вызванные мною полицейскіе чины, во главѣ съ Критскимъ, видимо, крайне заинтригованнымъ всѣмъ происшедшимъ. Въ залѣ стоялъ гулъ голосовъ и грохотъ стульевъ о паркетный полъ...

Показавъ рукой на Кундурушкина и Макарова, я именемъ закона приказалъ вывести ихъ изъ зала Собранія. Распоряженіе это оказалось неисполнимо, такъ какъ на защиту этихъ лицъ выступилъ отрядъ выборщиковъ съ засученными рукавами и здоровенными кулаками, готовыхъ оказать нешуточное сопротивленіе полицейскимъ...

Тогда я, согласно статьи Земскаго Положенія, объявилъ Собраніе закрытымъ, въ силу чего уже не было необходимости въ примѣненіи насильственныхъ мѣръ для удаленія разъясненныхъ Сенатомъ „лицъ". Не покидая своего предсѣдательскаго мѣста, я предупредилъ озадаченныхъ закрытіемъ Собранія выборщиковъ, что обо всемъ происшедшемъ мною будетъ тотчасъ же послана срочная телеграмма на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ, съ просьбой прислать мнѣ немедленныя указанія на то, допустимо ли возобновленіе Избирательнаго Собранія на слѣдующій день. Въ случаѣ положительнаго разрѣшенія, я обѣщалъ помѣстить надлежащее объявленіе въ утреннихъ выпускахъ издававшихся въ Самарѣ газетъ и вывѣсить его при входѣ въ Дворянское Собраніе.

Въ необычной обстановкѣ пришлось мнѣ въ моемъ предводительскомъ кабинетѣ составлять Столыпину многословную депешу, исключительно отвѣтственнаго содержанія. Около меня неотступно находился многочисленный кружокъ выборщиковъ, среди которыхъ, наряду съ преданными друзьями, обрѣ-

тались и мои злые недруги. Тѣ и другіе недоумѣвали, что же будетъ дальше. Несмотря на вопросы и совѣты, мнѣ все же удалось сказать въ телеграммѣ Столыпину все, что я считалъ для хода дѣла нужнымъ и важнымъ.

Интереснѣе всего, что въ томъ же кабинетѣ, за отдѣльнымъ столомъ собралась многочисленная группа моихъ недоброжелателей во главѣ съ двумя Новоузенцами: Пустовойтовымъ и Павломъ Никитичемъ Поповымъ. Первый мнилъ себя соціалъ-демократомъ, а второй примыкалъ къ крайнимъ лѣвымъ кадетамъ. Оба состояли въ губернскихъ гласныхъ, отличаясь большой горячностью и склонностью къ многорѣчивымъ спорамъ. Дома у себя, въ Новоузенскомъ уѣздѣ, среди своихъ обширныхъ степныхъ хозяйствъ, тотъ и другой были премилыми радушными людьми, крѣпкими собственниками и лояльными гражданами. Такими я знавалъ ихъ въ былое время, когда по земской моей службѣ приходилось наѣзжать въ ихъ родной край. Въ данной же обстановкѣ преддумской выборной горячки они казались вышибленными изъ своей обычной дѣловой колеи и были совершенно неузнаваемы.

Возглавляемая высокимъ, здоровеннымъ, громогласнымъ Пустовойтовымъ и толстенькимъ, шумливымъ Поповымъ, расположившаяся вблизи меня группа лѣвыхъ выборщиковъ тоже занялась коллективнымъ писаніемъ. Они составляли жалобу въ будущую Государственную Думу на дѣйствія предсѣдателя Избирательнаго Собранія. Они такъ громко выражали свое негодованіе противъ меня, сопровождали свое писательство такими нелестными по моему адресу эпитетами, ясно долетавшими до моихъ ушей, что мѣшали мнѣ составлять телеграмму. Въ концѣ концовъ телеграмма Столыпину была послана...

Вернувшись часовъ въ шесть вечера къ себѣ домой, я почувствовалъ всю тяжесть и утомительность проведеннаго дня. Со мною неразлучно оставались мои ближайшіе друзья — Т. А. Шишковъ и Б. Н. Мухановъ. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали отвѣта Столыпина. Онъ пришелъ въ два часа пополуночи въ видѣ шифрованной телеграммы. Шифра никто изъ насъ не зналъ. Пришлось его по городу разыскивать. Въ концѣ концовъ нашли шифръ у Правителя губернаторской канцеляріи Благовѣствова, котораго я немедленно къ себѣ вызвалъ, а также и Непремѣннаго Члена Губернскаго по Земскимъ и Городскимъ дѣламъ присутствія П. В. Кругликова, въ рукахъ котораго сосредоточены были дѣла по выборамъ въ Государственную Думу. Они тотчасъ же охотно отозвались на мою просьбу пріѣхать ко мнѣ, несмотря на необычный ночной часъ.

Отъ Кругликова я узналъ еще одну подробность, всѣхъ насъ возмутившую. Оказалось, что сенатская депеша „разъяснявшая" Кундурушкина и Макарова, была Кругликовымъ получена въ день открытія Избирательнаго Собранія сравнительно рано, — въ 9 часовъ утра. Онъ, показавъ ее губернатору, хотѣлъ немедленно передать мнѣ, чтобы я успѣлъ не

допустить исключенныхъ изъ списка выборщиковъ въ залу Собранія. Губернаторъ потребовалъ, чтобы депеша осталась у него, обѣщая ее во-время мнѣ доставить. Въ результатѣ, сенатское распоряженіе было вручено мнѣ за полчаса до открытія Собранія, да еще во время церковной службы въ Соборѣ.

Когда телеграмма Столыпина еще расшифровывалась, часовъ около четырехъ утра, нежданно появляется въ моемъ кабинетѣ полицмейстеръ Критскій.

„Не готовится ли со стороны моихъ „доброжелателей" еще новая какая-нибудь провокаціонная каверза?" — подумалъ я. Извинившись, Критскій отвелъ меня въ сосѣднюю библіотеку и сообщилъ, что получилъ изъ „достовѣрныхъ" источниковъ свѣдѣнія о готовившемся на меня покушеніи, если я не уступлю требованіямъ части выборщиковъ допустить Кундурушкина съ Макаровымъ къ участію на Избирательномъ Собраніи. Онъ „счелъ своимъ долгомъ" предупредить меня объ ожидавшей меня неминуемой опасности.

Слушалъ я его молча, съ чувствомъ внутренняго возмущенія. Когда онъ кончилъ свой докладъ, я спросилъ: „Это все?" Смѣтливый Критскій, по выраженію моей болѣе чѣмъ непривѣтливой физіономіи, счелъ за лучшее скорѣе отъ меня испариться.

П. А. Столыпинъ всецѣло одобрилъ мои дѣйствія, разрѣшилъ продолжить прерванные выборы. Читаю дальше и глазамъ своимъ не вѣрю, — въ томъ крайнемъ случаѣ, если я окажусь не въ состояніи отстранить исключенныхъ выборщиковъ отъ участія въ Избирательномъ Собраніи, Министръ даетъ мнѣ разрѣшеніе приступить къ производству выборовъ, не стѣсняясь ихъ присутствіемъ въ залѣ засѣданія... Невѣроятно, но это такъ!

То было первое мое скорбное разочарованіе въ Столыпинѣ, доселѣ казавшимся мнѣ образцомъ твердости и неуклонности въ осуществленіи законности и порядка!

Взявъ слово съ присутствовавшихъ, что они умолчатъ о заключительной части Столыпинской депеши, я отправилъ своихъ друзей Шишкова и Муханова въ газетныя редакціи съ просьбой помѣстить обѣщанныя объявленія объ Избирательномъ Собраніи.

Съ ранняго утра принялъ я рѣшительныя мѣры для недопущенія Кодурушкина съ Макаровымъ въ Домъ Дворянства, на парадныхъ дверяхъ котораго съ 8 часовъ утра появилось объявленіе объ открытіи въ 12 часовъ дня Собранія. Пѣшкомъ благополучно дошелъ я до Дворянскаго Дома, расположеннаго въ противоположномъ концѣ города, и съ 10 часовъ утра сталъ лично слѣдить за приходящими въ мою канцелярію лицами, вытребовавъ черезъ Губернатора усиленный нарядъ наружной полиціи.

Предупрежденный полицмейстеромъ, я могъ ожидать чуть-ли не неминуемой своей гибели... въ дѣйствительности же произошло слѣдующее: около 11 часовъ дня появляется до-

вольно многочисленная компанія выборщиковъ, съ Пустовойтовымъ во главѣ, и проситъ, чтобы я ихъ принялъ. Вошли въ кабинетъ эти лица, привѣтливо поклонились и Пустовойтовъ торжественно заявляетъ, что по внезапной болѣзни ни Кундурушкинъ, ни Макаровъ на сегодняшнее Избирательное Собраніе придти „никакъ" не могутъ... Вотъ чѣмъ кончилось ночное предупрежденіе г. Критскаго!...

Собраніе было мною открыто ровно въ 12 часовъ. Прошло оно быстро и въ смыслѣ лишь самого процесса выборнаго производства — благополучно, но далеко неблагопріятно въ отношеніи полученныхъ результатовъ.

Какъ на примѣръ того, какіе люди попали въ составъ избранныхъ во вторую Думу депутатовъ, могу указать хотя бы на крестьянина Бугурусланскаго уѣзда — кузнеца Абрамова, который былъ извѣстенъ А. Н. Карамзину, какъ отъявленный пропойца и „непутевый" человѣкъ... На другой день послѣ выборовъ я долженъ былъ всѣхъ только что избранныхъ членовъ Государственной Думы подробно опрашивать, согласно особой инструкціи, по цѣлому ряду вопросовъ: о мѣстѣ постояннаго ихъ жительства, о возрастѣ, профессіи и т. п. Имѣлась также графа о принадлежности депутата къ той или другой политической партіи.

Сижу я у себя дома въ предводительскомъ кабинетѣ и принимаю по очереди „народныхъ представителей", въ томъ числѣ Абрамова, здоровеннаго, лохматаго, неграмотнаго мужика, съ распухшей отъ пьянства и драки злобной физіономіей. Вошелъ сей типъ, исподлобья глядя осовѣлыми глазами, въ кабинетъ и не зналъ — стоять ли ему или развалиться на кожаномъ креслѣ? Сидѣвшій сзади меня на диванѣ Карамзинъ, при видѣ Абрамова, не выдержалъ и невольно пробурчалъ: „И этакая скотина — туда же лѣзетъ въ Государственную Думу!" Я сдѣлалъ знакъ почтенному Александру Николаевичу, чтобы онъ себя сдерживалъ, и сталъ предлагать стоявшему передо мною необычайному „депутату" требуемые вопросы. Отвѣты получались невнятные, больше слышалось какое-то мычаніе, и лишь услыхавъ заданный мною вопросъ: къ какой политической партіи онъ принадлежитъ? косматая фигура Абрамова сразу ожила. Послышался немедленный и внятный отвѣтъ: „Бомбист!" и тутъ же вслѣдъ, изъ устъ все того же возмущеннаго Карамзина, раздалась по адресу „народнаго депутата" основательная и понятная для деревенскаго русскаго обитателя брань... Въ этотъ разъ я Александра Николаевича не останавливалъ — въ душѣ я былъ съ нимъ согласенъ: „бомбистъ" другого отношенія къ себѣ не заслуживалъ...

Тяжко было это все видѣть и переживать. Закрадывались смутныя предчувствія о неминуемыхъ гибельныхъ послѣдствіяхъ для бѣдной нашей родины отъ подобныхъ ея будущихъ хозяевъ и руководителей. Въ довершеніе моихъ невеселыхъ впечатлѣній отъ состава избранныхъ депутатовъ, я вынужденъ былъ также опрашивать только-что избраннаго члена Государственной Думы, моего стараго знакомаго, бывшаго инспектора народныхъ училищъ В. Г. Архангельскаго.

Этотъ господинъ не безъ самодовольной гордости, не глядя мнѣ прямо въ глаза, заявилъ о своей принадлежности къ социалъ-революціонной партіи. Невольно при этомъ вставала несообразность положенія. Съ одной стороны, — приходилось мнѣ участвовать въ особомъ присутствіи Судебныхъ Палатъ и приговаривать къ лишенію правъ и ссылкѣ въ Сибирь за принадлежность къ противоправительственнымъ политическимъ партіямъ, а съ другой, по долгу, я былъ вынужденъ съ господами типа Архангельскаго разговаривать не какъ съ преступнымъ элементомъ, а какъ съ людьми „высшаго порядка", лично неприкосновенными, приглашаемыми по новой конституціи къ отправленію высшихъ государственныхъ обязанностей — къ управленію всей Россійской Имперіей. Временами меня подобныя мысли преслѣдовали, какъ кошмаръ...

Попавъ въ первый разъ въ зданіе Таврическаго Дворца, я случайно забрелъ въ одинъ изъ безконечныхъ его корридоровъ и, какъ вкопанный , остановился передъ дверью, надъ которой красовалась большая вывѣска съ надписью: „Соціалъ-демократическая партія"...

Взяло меня тогда тяжкое раздумье: къ чему, спрашивается, происходятъ въ Самарѣ всѣ эти безконечныя утомительныя судебныя разбирательства политическихъ дѣлъ, въ большинствѣ случаевъ все по поводу тѣхъ же соціалъ-демократовъ и ихъ партіи, легально признанныхъ въ стѣнахъ столичнаго дворца, гдѣ вершатся судьбы отечества?!

Въ ту же компанію свѣже-избранныхъ депутатовъ попали оба мои жалобщика — Пустовойтовъ и Пав. Поповъ. Съ ихъ стороны я удостоился совершенно неожиданнаго вниманія. Вечеромъ, послѣ выборовъ, въ самарскомъ Коммерческомъ собраніи, избранные депутаты, совмѣстно съ ихъ избирателями, устроили настоящій „пиръ горой". Въ то же время мои друзья уговорили меня провести вечеръ съ ними. Въ отдѣльномъ кабинетѣ гостиницы „Россія" человѣкъ тридцать нашихъ единомышленниковъ скромно ужинали и мирно бесѣдовали, дѣлясь выборными впечатлѣніями.

Было довольно поздно, когда вошелъ къ намъ хозяинъ гостиницы и попросилъ меня выйти въ корридоръ, гдѣ ожидала меня какая-то депутація. Къ моему удивленію это были Пустовойтовъ и Поповъ, делегированные отъ праздновавшей свою побѣду компаніи съ порученіемъ выразить мнѣ отъ лица ихъ всѣхъ чувства глубокаго уваженія и преклоненія передъ моей стойкостью, а также высказать сожалѣніе, что я не принадлежу къ ихъ партійному блоку... Делегаты, изливающіе свои общественныя ко мнѣ симпатіи, обрѣтались въ замѣтно приподнятомъ настроеніи, создавшемся подъ вліяніемъ не однѣхъ только политическихъ страстей и побѣдоносныхъ переживаній... А вѣдь извѣстно — русскій человѣкъ въ подобномъ положеніи готовъ и съ заклятыми своими врагами цѣловаться... Во всякомъ случаѣ, я ихъ поблагодарилъ, но отъ объятій уклонился.

По окончании повсемѣстныхъ по Россіи думскихъ выборовъ, давшихъ въ общемъ своемъ итогѣ неблагопріятный результатъ, Губернскіе Предводители Дворянства, руководившіе Избирательными Собраніями, рѣшили собраться въ Москвѣ на Съѣздъ, съ цѣлью обмѣняться впечатлѣніями, вынесенными отъ всего выборнаго производства.

Оказалось, что почти аналогичный съ Самарой случай произошелъ въ Курскѣ, гдѣ гр. Доррeръ очутился лицомъ къ лицу съ необходимостью изъять изъ присутственнаго помѣщенія проникшихъ въ него „разъясненныхъ", передъ самымъ моментомъ открытія Собранія, выборщиковъ.

Единодушно было поддержано мое настойчивое заявленіе о необходимости возбудить передъ Правительствомъ, отъ имени Предсѣдателей Губернскихъ Избирательныхъ Собраній, коллективное ходатайство, чтобы ихъ права и обязанности были точнѣе опредѣлены закономъ.

Съѣздъ поручилъ А. Д. Самарину, только что избранному Московскимъ Губернскимъ Предводителемъ, и мнѣ войти въ непосредственные переговоры съ П. А. Столыпинымъ по поводу этого ходатайства.

Въ Петербургѣ мы съ Самаринымъ сумѣли убѣдить Столыпина въ необходимости изданія дополнительнаго законоположенія, о которомъ говорено было на Предводительскомъ Съѣздѣ. При выборахъ въ третью и четвертую Думу, Предсѣдатели Избирательныхъ Собраній уже могли твердо базироваться на ясной инструкціи.

Столыпинъ интересовался ходомъ Самарскихъ выборовъ. Онъ заставилъ меня ему пересказать все до мельчайшихъ подробностей и подѣлиться моими соображеніями по поводу общаго положенія дѣлъ на мѣстахъ, въ связи съ дѣйствовавшей избирательной системой. По своей губерніи я ему доказалъ, что при наличіи тѣсно сплоченнаго землевладѣльческаго блока въ 75 человѣкъ и значительнаго перевѣса крестьянскихъ выборщиковъ въ 101 человѣкъ, результатъ выборовъ всегда будетъ находиться въ рукахъ крестьянскихъ выборщиковъ. Но они, съѣзжаясь на 2 -3 дня изъ своихъ отдаленныхъ угловъ въ губернскій центръ и другъ друга совершенно не зная, быстро подпадаютъ подъ вліяніе ловкихъ, ничѣмъ не стѣснявшихся агитаторовъ, готовыхъ своими двухдневными обѣщаніями вскружить головы, всецѣло занятыя единственными помыслами и вожделѣніями — о земельныхъ нарѣзкахъ... Указывалъ я также Столыпину на всю абсурдность ставки законодателя на некультурное „мужичье" большинство въ дѣлѣ конструированія народнаго представительства, призываемаго Царемъ себѣ на помощь по управленію огромной и сложной страной. Между тѣмъ это большинство не всегда способно толково разбираться даже въ своихъ малыхъ волостныхъ дѣлахъ.

Я откровенно повѣдалъ Столыпину тяжелыя впечатлѣнія,

вынесенныя мною отъ состава избирательныхъ собраній, крестьянскій элементъ которыхъ, на мой взглядъ, отнюдь не могъ быть названъ достойнымъ и вѣрнымъ представительствомъ почтеннаго, хозяйственно-дѣлового сельскаго населенія, а скорѣе являлъ собой случайный подборъ деревенскихъ обывателей, по той или другой причинѣ вышибленныхъ изъ колеи нормальнаго земледѣльческаго труда.

Высказавъ сомнѣніе въ работоспособности только-что избранной Думы, я не скрылъ своихъ опасеній по поводу предстоявшей совмѣстной съ ней дѣятельности Царскаго Правительства, предвидя неизбѣжныя серьезныя осложненія, выходъ изъ которыхъ мнѣ представлялся единственный: прежде всего подтвердить незыблемую Царскую волю о сохраненіи народнаго представительства, но одновременно — принять срочныя мѣры къ коренному измѣненію созданныхъ графомъ Витте формъ таковаго, замѣнивъ ихъ иными, болѣе соотвѣтствующими духу и всему историческому государственному укладу Россіи.

Увлекшись своей излюбленной темой, я нарисовалъ Петру Аркадьевичу схему того, на мой взглядъ желаннаго, народнаго представительства, которое должно было бы явиться въ результатѣ широко реформированнаго земства и организаціи волостного всесословнаго земства. Мы смогли бы привлечь къ государственной творческой работѣ лучшія земскія народныя силы, достигнувъ въ выборномъ производствѣ главнаго — сознательности.

Выслушавъ меня, Столыпинъ съ печалью въ голосѣ промолвилъ: „Все это, можетъ быть, вѣрно, но въ жизнь провести теперь невозможно!"...

Получивъ отъ Петра Аркадьевича разрѣшеніе на отпускъ, я съ радостью бросился въ вагонъ и покатилъ вновь черезъ всю Европу къ своимъ, въ Аркашонъ, даже не дождавшись открытія второй Государственной Думы, состоявшагося 6-го марта. Изъ газетъ я потомъ узналъ, что 18-го того же мѣсяца состоялась извѣстная декларація Столыпинымъ правительственной программы, сразу выдвинувшая его въ первые ряды смѣлыхъ и стойкихъ государственныхъ дѣятелей и ораторовъ „Божьей милостію".

Счастье нашего семейнаго свиданія было безпредѣльно. Засталъ я всѣхъ въ отличномъ видѣ: очевидно Аркашонскій воздухъ и климатъ оказали на нихъ самое благотворное вліяніе. Привезъ я имъ благую вѣсть, обрадовавъ всѣхъ, что къ маю можно будетъ намъ вернуться къ себѣ на Волгу, гдѣ все стало замѣтно успокаиваться.

Самъ же я рѣшилъ, вмѣсто того, чтобы сидѣть въ Аркашонѣ, воспользоваться случаемъ и хотя бы наскоро объѣхать нѣкоторыя заграничныя страны и мѣста, о которыхъ я давно мечталъ и до которыхъ добраться было въ прошлой моей дѣловой обстановкѣ совершенно невозможно. Теперь я имѣлъ до отъѣзда нашего въ Россію почти два мѣсяца въ своемъ распоряженіи. Это и навело меня на мысль, вмѣстѣ съ

Анютой, оставивъ дѣтей подъ присмотромъ милѣйшей мадамъ Дюбюрге, отправиться въ давно желанное путешествіе, главнымъ образомъ въ Италію.

Быстро мелькнули Бордо, Марсель, Ницца, гдѣ мы рѣшили пробыть нѣсколько дней, чтобы повидаться съ К. К. Ушковымъ.

Катаясь по Ривьерѣ, не разъ проѣзжали мы мимо нашей „медовой" резиденціи — гостиницы „Ривьера-Паласъ; мы вспоминали наше прошлое, столь памятное для насъ, молодоженное пребываніе на Котъ-д-Азюръ и перебирали пестрый калейдоскопъ пронесшихся съ тѣхъ поръ событій. Много пришлось за это время пережить тяжелаго, но немало Господь посылалъ намъ и утѣшительнаго...

Изъ Ривьеры мы тронулись въ давно манившую насъ Италію. Побывали въ древней Генуѣ, провели двѣ недѣли въ Римѣ видѣли Неаполь и Помпею, остановились во Флоренціи. Послѣднимъ этапомъ объѣзда Италии была сказочная Венеція. Побывали мы въ Швейцаріи, разъѣзжали три дня по этой живописнѣйшей странѣ. Пожили въ Лозаннѣ, переѣхали въ Женеву. Но здѣсь, въ конечномъ пунктѣ нашего путешествія, счастье намъ измѣнило во всѣхъ отношеніяхъ: погода превратилась въ хмурую и дождливую, такъ что не только не удалось полюбоваться бѣлоснѣжной вершиной Монблана, но охоты не было носъ изъ отеля высовывать. Вдобавокъ въ Женевѣ насъ ожидала тревожная вѣсть изъ Аркашона отъ мадамъ Дюбюрге. Внезапно серьезно заболѣла наша старшая дочь Марія. Мы поспѣшили выѣхать изъ Женевы прямо домой къ своимъ въ Аркашонъ, черезъ Ліонъ и Бордо.

Дома мы застали больную Манечку на пути полнаго выздоровленія. Срокъ моего отпуска кончался и, распростившись съ гостепріимнымъ Аркашономъ, мы тронулись обратно въ родную нашу Россію, по которой всѣ, отъ мала до велика, успѣли стосковаться, включительно до самой мадамъ Дюбюрге, открыто неблагосклонно отзывавшейся о своей „республиканской" родинѣ.

Въ Парижѣ мы посѣщали вдвоемъ съ Анютой городскія достопримѣчательности и музеи..

Особенно яркое впечатлѣніе на меня тогда произвелъ осмотръ музея „Карнавалэ", гдѣ была собрана обстановка, отражавшая историческую эпоху „Великой" французской революціи 1789 года. При посѣщеніи его всплывали въ памяти не успѣвшие еще остыть впечатлѣнія россійскаго революціоннаго лихолѣтія 1905 — 1906 г.г. Сердце сжималось при видѣ ужасовъ народнаго стихійнаго злобства и непостоянства. Судьба Россіи мерещилась мнѣ въ недобромъ, мрачномъ свѣтѣ! Выходя изъ стариннаго каменнаго портала музея, я обратился къ женѣ со словами: „Спаси, Господи, и помилуй нашу родину отъ ужаса всего, нами видѣннаго!"...

Несказанно рады были всѣ мои русскому храму на рю Дарю и православному богослуженію, по которому всѣ они стосковались за время пребыванія въ Аркашонѣ. Стояла великолѣпная погода. Весенній сезонъ былъ въ разгарѣ. Ежедневно подавалось намъ открытое помѣстительное ландо, и мы со всѣми нашими, по-парижски разодѣтыми, милыми, розовенькими дѣтками совершали прогулки по Буа де Булонь и ближайшимъ его окрестностямъ.

Наступилъ день нашего отъѣзда изъ привѣтливаго и наряднаго Парижа. Не безъ радости размѣстились мы съ семьей и прислугой въ удобные спальные вагоны Нордъ-Экспресса и, быстростремительно прорѣзавъ востокъ Франціи, клочекъ Бельгии и всю сѣверную полосу Германской Имперіи, на вторыя сутки очутились къ общему нашему восторгу въ предѣлахъ родной земли.

87

Несмотря на кратковременность нашей остановки въ сѣверной столицѣ, которую необходимо было сдѣлать ради дѣтей, замотавшихся на быстроходномъ и длинномъ желѣзнодорожномъ пути, — я успѣлъ убѣдиться, что въ общественныхъ и служебныхъ сферахъ Петербурга царитъ тревога въ силу изо дня на день усиливавшагося разлада между Правительствомъ и Государственной Думой. Всѣ законопроекты, проведенные Столыпинымъ въ промежутокъ между первой и второй Думой въ порядкѣ 87 ст. Осн. Зак., народными представителями отвергались. Правительственныя выступленія вызывали ожесточенную критику оппозиціонно - настроенныхъ депутатовъ. Всѣ ощущали ненормальность создавшагося положенія вещей, невозможность творческой государственной планомѣрной работы и необходимость, такъ или иначе, прекратить столь вредное для общаго политическаго настроенія страны взаимное треніе между Правительствомъ Царя и созданнымъ по Его велѣнію народнымъ представительствомъ.

Пришлось мнѣ услыхать и о готовившемся, къ счастью предупрежденномъ, покушеніи на Государя и Его Августѣйшую семью, на Великаго Князя Николая Николаевича и Столыпина.

Въ общемъ, покинулъ я столицу съ тяжелымъ сердцемъ и невеселыми думами. Я рѣшилъ, тотчасъ же по возвращеніи въ Самару, собрать всѣхъ своихъ предводителей и депутатовъ для совмѣстнаго обсужденія того, что слышалъ и видѣлъ въ Петербургѣ.

Семью свою я водворилъ въ Головкинѣ, гдѣ ихъ со слезами радости встрѣтила моя старушка-мать, самъ же я поспѣшилъ въ Самару къ застоявшимся безъ меня сословно-общественнымъ дѣламъ и заботамъ, — тѣмъ болѣе, что не успѣлъ я пріѣхать къ себѣ въ имѣніе, какъ получилъ отъ Управляющаго Самарскимъ отдѣленіемъ Дворянскаго и Крестьянскаго Банковъ, князя П. Д. Урусова, срочный вызовъ въ Самару по дѣлу, связанному съ ликвидаціонной дѣятельностью Крестьянскаго Поземельнаго Банка.

Возвращеніе мое изъ заграницы совпало съ пріѣздомъ въ Самару особой комиссіи, сформированной центральнымъ вѣдомствомъ упомянутаго Банка, которой поручено было приступить къ усиленной скупкѣ въ Самарской губерніи помѣщичьихъ земель и перепродажи ихъ, на льготныхъ условіяхъ, крестьянскому населенію. Во главѣ комиссіи стоялъ Степанъ Степановичъ Хрипуновъ, оказавшійся человѣкомъ разсудительнымъ и въ общественномъ смыслѣ сговорчивымъ.

Живой, отзывчивый и успѣвшій „осамариться" Урусовъ, принимая по своему служебному положенію самое близкое участіе въ дѣятельности Хрипуновской комиссіи, съ болью въ сердцѣ усмотрѣлъ въ общемъ ликвидаціонномъ спискѣ помѣщичьихъ имѣній родовую Аксаковскую вотчину при с. Знаменскомъ, въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, прославленную ея бывшимъ владѣльцемъ — Сергѣемъ Тимофеевичемъ Аксаковымъ въ его классической „Семейной Хроникѣ". Вотчина эта, со всей ея, столь художественно описанной имъ усадьбой, водяной мельницей, прудомъ и рыбными садками, перешла впослѣдствіи въ собственность къ родному брату знаменитаго писателя, Аркадію Тимофеевичу, приходя мало-по-малу въ полное запустеніе. Въ такомъ видѣ она и была предложена потомками Аксакова Хрипуновской комиссіи для продажи ее общему ликвидаціонному фонду. Князь Урусовъ рѣшилъ оказать Самарскому дворянству услугу и просилъ Хрипунова обождать съ ликвидаціей „Знаменскаго" до моего возвращенія изъ заграницы.

Благодаря иниціативѣ Петра Дмитріевича и любезности Степана Степановича мнѣ удалось во время изъять Аксаковскую вотчину изъ общей ликвидаціонной спѣшки. Пришлось въ спѣшномъ порядкѣ обсудить на собраніи Предводителей и Депутатовъ вопросъ о возбужденіи передъ надлежащими инстанціями ходатайства по поводу передачи изъ общаго ликвидаціоннаго фонда въ собственность Самарскаго дворянства части Аксаковской вотчины, заключавшей въ себѣ усадьбу съ прилегавшими къ ней прудомъ, водяной мельницей, многодесятиннымъ паркомъ и другими угодьями — всего около 100 десятинъ. Цѣль этого пріобрѣтенія сводилась къ сохраненію и возможному возстановленію „Знаменской" усадьбы въ томъ видѣ, какъ она изображена въ „Семейной Хроникѣ". Имѣлось также въ виду основать въ означенной усадьбѣ ремесленно-техническое училище, имени С. Т. Аксакова, для обученія въ немъ дѣтей мѣстнаго крестьянскаго населенія. Представители нашего дворянства поручили мнѣ выхлопотать тѣ платежныя льготы, которыя по банковскимъ правиламъ предоставлялись при подобныхъ сдѣлкахъ крестьянскому сословію.

Я вынужденъ былъ созвать экстренное Губернское Дворянское Собраніе для окончательнаго рѣшенія вопроса о пріобрѣтеніи Аксаковской усадьбы. Одновременно, на томъ же собраніи, я предложилъ на его утвержденіе докладъ объ ознаменованіи избавленія Августѣйшей семьи отъ грозившей ей опасности. Я предлагалъ соорудить икону-складень и поднести ее Царской Семьѣ въ день рожденія Наслѣдника Цесаревича (30-го іюля).

Получивъ единодушное одобреніе со стороны дворянскаго общества по обоимъ моимъ докладамъ, я вновь поѣхалъ въ Петербургъ.

Сопровождалъ меня въ этотъ разъ М. Д. Мордвиновъ. Онъ оказывалъ мнѣ немалые услуги въ моихъ хлопотахъ, благодаря своимъ столичнымъ знакомствамъ, свѣтской общительности и необыкновенному рвенію къ дѣлу сохраненія въ рукахъ дворянства Аксаковской усадьбы. По его иниціативѣ появился въ „Новомъ Времени" рядъ бойкихъ статей, привѣтствовавшихъ постановленіе Самарскаго дворянства объ огражденіи родовой вотчины творца „Семейной Хроники" отъ общаго ликвидаціоннаго распыленія.

Министръ Финансовъ, Владиміръ Николаевичъ Коковцевъ, къ которому намъ пришлось обратиться за содѣйствіемъ, встрѣтилъ насъ внѣшне привѣтливо, но по существу нашего ходатайства не только холодно, но опредѣленно отрицательно. Небольшого роста, аккуратно скроенный, Владиміръ Николаевичъ имѣлъ обликъ дѣловитаго, сильно занятаго сановника. Выраженіе его узкаго продолговатаго лица, обрамленнаго русой съ легкой просѣдью бородкой, было далеко не привѣтливымъ. Его круглые сѣроватые глаза, расположенные подъ высокимъ красивымъ лбомъ, ясно говорили, что лучше было бы, если бы мы его, большого государственнаго дѣльца, не безпокоили по „пустякамъ"... Волнуясь, то краснѣя, то блѣднѣя, Коковцевъ намъ категорически заявилъ, что, „при существованіи законодательныхъ палатъ", онъ, какъ Министръ, не находитъ возможнымъ удовлетворить ходатайство Самарскаго дворянства относительно льготъ по покупкѣ Аксаковской усадьбы. Противъ самаго пріобрѣтенія онъ, само собой, никакихъ препятствій не видитъ.

Тогда пришла намъ съ Мордвиновымъ мысль — связать устройство въ Аксаковской усадебной землѣ ремесленной школы съ просвѣтительной дѣятельностью сравнительно недавно возникшаго общества — „Попечительство о трудовой помощи", принятаго Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной подъ свое Августѣйшее покровительство. Но по наведеннымъ справкамъ, къ немалому нашему огорченію, оказалось, что Попечительство оказываетъ помощь только крестьянскому населенію. Евреиновъ, завѣдывающій дѣлами общества, предупредилъ насъ, что на совмѣстную работу съ дворянствомъ, хотя бы направленную къ интересамъ мѣстнаго населенія, намъ разсчитывать невозможно.

„Развѣ только, — улыбнувшись, добавилъ онъ, — если сама Августѣйшая Покровительница соизволила бы дать на то свое согласіе"...

Слова эти крѣпко запали мнѣ на умъ. Въ тотъ же день я направился къ графу Гендрикову, состоявшему при особѣ Ея Величества, повѣдалъ ему всѣ свои мечты и планы и попросилъ дать мнѣ возможность обо всемъ лично доложить Импе-

ратрицѣ.

Элегантный, чрезвычайно привѣтливый, съ красивымъ, тонкимъ лицомъ истаго аристократа, графъ Гендриковъ удивительно участливо отнесся къ моей просьбѣ и обѣщалъ въ срочномъ порядкѣ устроить мнѣ аудіенцію у Государыни. И дѣйствительно — черезъ два дня я былъ принятъ Ея Величествомъ и милостиво выслушанъ. Я доложилъ, что Самарское дворянство испрашиваетъ у Трудовой Помощи содѣйствія не для себя, а для того же крестьянскаго населенія, и что наше сословное общество предлагаетъ свои услуги Попечительству лишь въ видѣ дѣлового своего сотрудничества. Государыня очень привѣтливо, на русскомъ языкѣ, съ легкимъ, чуть замѣтнымъ акцентомъ, мнѣ отвѣтила:

„Передайте Самарскому дворянству, что я буду рада работать вмѣстѣ съ нимъ въ дѣлѣ оказанія трудовой помощи мѣстному населенію".*

Горячо поблагодаривъ Императрицу за оказанную нашему сословному обществу милость, я, прежде всего, подѣлился своей радостью съ Мордвиновымъ, а затѣмъ поспѣшилъ найти Евреинова, чтобы передать ему о результатѣ моего доклада Государынѣ. Немало изумившись подобному неожиданному обороту дѣла, Владиміръ Дмитріевичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, любезно пообѣщалъ въ будущемъ всяческое содѣйствіе нашимъ планамъ.

Исполнилъ я и порученіе, касавшееся сооруженія иконы-складня, которую намъ предстояло поднести царской семьѣ 30-го іюля. Неоцѣнимую услугу оказалъ мнѣ живой и привѣтливый довѣренный извѣстной по изготовленію церковной утвари фирмы „Бр. Оловянишниковыхъ" — Николай Константиновичъ Окуневъ. На него мнѣ указалъ знатокъ старинной художественной иконописи, комендантъ Царскосельскаго Дворца, князь Михаилъ Сергѣевичъ Путятинъ.

Въ то время у Оловянишниковыхъ работалъ молодой художникъ Вашковъ — высокій, статный, „русскій" красавецъ, съ копной чудныхъ каштановыхъ кудрей на головѣ и удивительно привѣтливыми, темно-карими, умными глазами. Ученикъ геніальнаго Виктора Михайловича Васнецова, Вашковъ въ свои произведенія вкладывалъ столько и природнаго и унаслѣдованнаго отъ своего великаго учителя, вкуса и знанія, что оловянишниковскія издѣлія завоевали исключительное къ себѣ вниманіе знатоковъ церковной старины и художественной иконописи.

Намъ съ Мордвиновымъ Вашковъ представилъ рядъ эскизовъ рамки для складня, и мы выбрали одинъ, наиболѣе, по нашему мнѣнію, подходившій къ простымъ и строгимъ очертаніямъ древняго „истаго" православія. Что же касается самыхъ иконъ, то Окуневъ просилъ насъ не безпокоиться,

*Слова эти впослѣдствіи были выгравированы на золотой доскѣ, которая была помѣщена въ залѣ пріобрѣтенной въ томъ же 1907 году Самарскимъ дворянствомъ Аксаковской Знаменской усадьбы.

обѣщавъ найти, если не въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, у хорошо извѣстныхъ ему антикваровъ и коллекціонеровъ, стариннаго письма, изображеніе трехъ святителей: св. Николая, св. Царицы Александры и св. Алексія.

Благодаря Вашкову, мы съ Мордвиновымъ имѣли случай познакомиться съ самимъ Васнецовымъ и побывать въ его небольшомъ, но оригинально выстроенномъ и въ „Васнецовскомъ" стилѣ отдѣланномъ уютномъ особнячкѣ.

Не успѣли мы вдоволь налюбоваться на эскизы и картины своеобразной кисти геніальнаго художника, въ особенности, на огромную картину, изображавшую русскаго богатыря, въѣхавшаго на своемъ могучемъ конѣ на холмъ и смотрѣвшаго съ него вдаль изъ-подъ прикрывшей лобъ ладони, какъ передъ нами появился самъ знаменитый хозяинъ, съ привѣтливой улыбкой на немолодомъ, подвижническаго типа, лицѣ. Скромный и тихій Викторъ Михайловичъ сразу ожилъ, какъ только рѣчь зашла о близкомъ его творчеству дѣлѣ. Разсматривая эскизы складня и говоря объ иконахъ, Васнецовъ имѣлъ строгій, сосредоточенный видъ. Къ своему бывшему ученику, Вашкову, онъ обращался на „ты", но подъ личиной требовательнаго учителя чувствовалось отеческое расположеніе.

88

Во время пребыванія въ Петербургѣ я не могъ не замѣтить крайне тревожнаго настроенія въ правящихъ и общественныхъ сферахъ. Отношенія между правительствомъ и Государственной Думой дошли до послѣдней степени взаимной нетерпимости. Въ столичномъ воздухѣ нависли сгустившіяся грозовыя тучи. Изъ устъ въ уста передавались слухи о раскрытіи заговора пятидесяти пяти членовъ Государственной Думы соціалъ-демократической партіи, имѣвшаго цѣлью ниспровергнуть государственный строй, и о готовившихся, въ связи съ этимъ, со стороны правительста рѣшительныхъ мѣрахъ.

Не успѣлъ я вернуться въ Самару, какъ, 3-го іюня, страна была оповѣщена Высочайшимъ Манифестомъ и Указомъ о роспускѣ Государственной Думы и о созывѣ послѣдующей Думы на 1-е ноября 1907 года по новому выборному закону. Тогда же опубликовано было положеніе о выборахъ въ третью Думу, составленное все тѣмъ же присяжнымъ творцомъ всяческихъ конституціонныхъ новеллъ, С. Е. Крыжановскимъ, и все въ тѣхъ же условіяхъ лихорадочной неосмотрительной спѣшки.

Вѣсть объ этихъ Высочайшихъ распоряженіяхъ исключительной важности была принята въ Самарѣ, какъ и вездѣ, спокойно. Какъ разъ въ день ихъ обнародованія у меня происходило собраніе предводителей и депутатовъ, отнесшихся къ этому государственно-политическому событію съ должнымъ сознаніемъ всего того огромнаго значенія, которое оно

должно было имѣть для послѣдующихъ выборовъ въ новую Думу.

Въ тотъ же день я уѣзжалъ въ свое Головкинское имѣніе. На пароходѣ я былъ смущенъ безтактностью провожавшаго меня, въ числѣ другихъ моихъ дворянъ-сослуживцевъ, Вл. Н. Львова. Въ обширной пароходной рубкѣ, въ присутствіи многочисленной посторонней публики, онъ вдругъ потребовалъ бутылку шампанскаго, и съ бокаломъ въ рукѣ, радостно, восторженно началъ во всеуслышаніе восхвалять указы „Самодержца" о роспускѣ „негодной" Думы и объ избирательной реформѣ... Не только мнѣ, но и всѣмъ присутствовавшимъ показалась крайне неумѣстной подобная выходка несдержаннаго Львова.

Въ іюлѣ я, вмѣстѣ съ дворянской депутаціей, вновь долженъ былъ отправляться въ Петербургъ для поднесенія 30-го іюля царской семьѣ складня.

Пріѣхали мы шестеро въ Петербургъ за нѣсколько дней до 30-го іюля. Заказанный складень по своему художественному исполненію и вставленнымъ стариннымъ, замѣчательнаго письма, иконамъ, дѣйствительно представлялъ исключительную, чисто-музейную цѣнность.. Это былъ подарокъ, достойный быть поднесеннымъ православному русскому Царю.

Получивъ изъ Церемоніальной части Министерства Двора увѣдомленіе о пріемѣ нашей депутаціи Ихъ Величествами въ одиннадцать съ половиной часовъ дня въ Петергофскомъ Дворцѣ, мы были одновременно извѣщены секретаремъ Столыпина о приглашеніи имъ всѣхъ насъ къ нему въ Елагинскій Дворецъ, на утро 29-го іюля.

Всемогущій въ то время Петръ Аркадьевичъ встрѣтилъ насъ добрымъ словомъ и чарующей улыбкой. Онъ провелъ насъ черезъ свой кабинетъ въ сосѣднюю просторную гостиную, съ видомъ на огромный паркъ съ его вѣковыми „Петровскими" дубами. Разсадивъ насъ вокругъ себя, Столыпинъ привѣтствовалъ доброе пожеланіе самарскаго дворянства поднести въ переживаемыя тяжелыя времена глубоко вѣрующей Августѣйшей Семьѣ икону-складень. Затѣмъ онъ перешелъ на то положеніе, которое создалось въ нашей губерніи, въ связи съ измѣненіями избирательнаго закона, а также разспрашивалъ про ходъ землеустроительныхъ работъ на мѣстахъ. Держалъ онъ себя чрезвычайно просто и велъ съ нами оживленную бесѣду, видимо, пользуясь рѣдкимъ случаемъ переговорить со свѣжими, только что пріѣхавшими изъ волжской провинціи, мѣстными людьми.

Отпуская насъ, Петръ Аркадьевичъ благодарилъ за посѣщеніе и за все то интересное, что ему пришлось отъ насъ узнать. Тепло простившись съ нами, онъ подвелъ насъ къ террасѣ и. указывая рукой на огромные кудрявые дубы, окружавшіе дворецъ, сказалъ: „Эти могучія деревья посажены рукой Великаго Петра, находившаго на все время! Вотъ съ кого мы должны брать примѣръ!"

Очарованные его пріемомъ, самарцы, довольные и удовлетворенные, вышли изъ бѣлокаменнаго Елагина Дворца, въ сопровожденіи Товарища Министра, милѣйшаго и добрѣйшаго Александра Ивановича Лыкошина, считавшагося однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ Премьеръ-Министру.

Лыкошинъ короталъ свой вѣкъ въ провинціи, служилъ одно время земскимъ начальникомъ, и вдругъ, по капризу затѣйницы-судьбы и желанію Столыпина, — попалъ къ нему въ „товарищи". Встрѣчаясь съ нимъ впослѣдствіи довольно часто по дѣламъ службы и на разныхъ засѣданіяхъ, гдѣ ему приходилось замѣнять иногда Министра въ качествѣ предсѣдателя, я никакъ не могъ понять, почему милѣйшій Александръ Ивановичъ могъ получить столь отвѣтственное назначеніе. Единственное объясненіе я находилъ въ томъ, что для Столыпина Лыкошинъ былъ необходимъ, какъ прирожденный оптимистъ, видѣвшій и расцѣнивавшій все въ розовомъ свѣтѣ. Очевидно, блаженнодушный Александръ Ивановичъ служилъ для Петра Аркадьевича нѣкотораго рода бромистымъ успокоительнымъ средствомъ въ минуты его служебныхъ затрудненій или гнетущихъ отвѣтственныхъ думъ... Другого объясненія для его высоко-бюрократическаго положенія я найти никакъ не могъ... Сужу я это отчасти по слѣдующему случаю:

Послѣ одного изъ бурныхъ засѣданій Совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, на которомъ особенно остро обсуждался вопросъ объ уѣздной реформѣ и объ измѣненіи института уѣздныхъ предводителей, мнѣ пришлось сидѣть на обѣдѣ, дававшемся участниками упомянутаго Совѣта въ честь П. А. Столыпина, причемъ мое мѣсто оказалось между премьеромъ и Лыкошинымъ. Мнѣ было не весело. Я усталъ, а главное, находился подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ доклада Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по поводу намѣченныхъ уѣздныхъ реформъ, противъ котораго горячо выступалъ въ этотъ день на засѣданіи подъ предсѣдательствомъ Лыкошина. Послѣдній, замѣтивъ мое „необѣденное" настроеніе, сталъ мнѣ надоѣдать разспросами. Я не выдержалъ и откровенно сознался, что радоваться не приходится, когда стоишь лицомъ къ лицу съ такими необдуманными реформами, какъ только что заслушанные доклады о реорганизаціи всего уѣзднаго административнаго уклада, включая и предводительскій институтъ... Лыкошинъ тогда налилъ мнѣ и себѣ вина, чокнулся, и добродушно посмѣиваясь, шепнулъ мнѣ на ухо:

— Выпьемте-ка, дорогой Александръ Николаевичъ, за россійскую „Улиту"! Нечего Вамъ себя раньше времени безпокоить! Когда-то еще эта улита до насъ доѣдетъ?!"

Александръ Ивановичъ оказался правъ — улита со своей уѣздной реформой такъ до насъ и не доползла, а потомъ все на святой Руси перевернулось вверхъ дномъ.

Въ послѣдній разъ я съ Лыкошинымъ встрѣтился въ Петроградѣ въ 1917 году, послѣ февральской революціи, на

Морской, когда уличная толпа разгуливала съ красными бантами на груди, сдирая съ вывѣсокъ бывшихъ поставщиковъ Августѣйшихъ особъ гербы и императорскія короны. Александръ Ианович былъ въ старенькой енотовой шубѣ, и весь ушелъ въ поднятый мѣховой воротникъ. Стояла еще мартовская стужа. Перекинувшись нѣсколькими фразами по поводу свалившагося на головы россійскихъ обывателей лихолѣтья, мы пожали другъ другу на прощанье руки. Александръ Ивановичъ голосомъ добренькой нянюшки бросилъ мнѣ совѣтъ: „По нынѣшнимъ временамъ надо хорошенько притулиться... да! именно незамѣтно притулиться!" И съ этими словами Лыкошинъ поддернулъ свою шубенку и ушелъ всей своей сѣдой шершавой головенкой въ енотовый поднятый воротникъ...

Вернусь къ прерванному разсказу. Вышли мы всѣ отъ Столыпина съ Лыкошинымъ, жившимъ невдалекѣ отъ Елагинскаго дворца и пригласившимъ насъ къ себѣ выпить по стакану чаю. Бѣдному Александру Ивановичу не пришлось осуществить это благое намѣреніе. Приведя насъ къ себѣ, онъ забѣгалъ по своей дачкѣ и все звалъ какую-то „тетю Катю", у которой хранились всѣ ключи. Ея не оказалось. Нашъ товарищъ министра, съ растеряннымъ видомъ и растопыренными руками, сталъ извиняться, что ничѣмъ не можетъ насъ угостить, такъ какъ „тетя Катя" исчезла, а съ ней и всѣ ключи. Мы поспѣшили поблагодарить за любезное приглашеніе и, откланявшись, отправились по домамъ. Нерѣдко потомъ вспоминали мы неудавшееся чаепитіе у милѣйшаго Лыкошина, котораго съ тѣхъ поръ между собой не иначе стали называть, какъ „тетей Катей".

89

Утромъ, 30-го іюля, наша депутація въ придворныхъ экипажахъ была торжественно перевезена съ вокзала до Петергофскаго дворца. Всѣ мы еле сдерживали охватившее насъ, и съ каждымъ мгновеніемъ усиливавшееся волненіе. Вся окружавшая насъ обстановка — красота Петергофскаго парка, видъ дворца и внутренняя его придворная парадность — все заполняло наши сердца чувствомъ особаго восхищенія. По счастливой случайности намъ, самарцамъ, удалось во внутреннихъ аппартаментахъ видѣть необычайную сцену. Въ одной изъ боковыхъ парадныхъ комнатъ только что завершился торжественный пріемъ казачьей части, удостоившейся Высочайшей милости: Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ назначенъ ея шефомъ. По этому случаю особая казачья депутація поднесла своему малолѣтнему Шефу полное обмундированіе. Пріостановившись на нѣсколько мгновеній около открытыхъ дверей, мы оказались счастливыми очевидцами рѣдкаго зрѣлища — молодцеватаго вида, рослый казачій атаманъ, осторожно, стоя на колѣняхъ, старался нацѣпить на крохотную фигурку своего очаровательнаго трехлѣтняго Августѣйшаго Шефа миніатюрнаго размѣра „боевую казацкую шашку".

Приглашенные дежурнымъ флигель-адъютантомъ въ обширную комнату, смежную съ кабинетомъ Государя, мы были предупреждены, что Ихъ Величества черезъ нѣсколько минутъ изволятъ къ нашей депутаціи выйти. Вставши въ рядъ, мы размѣстились въ такомъ порядкѣ: я, какъ Губернскій Предводитель, въ серединѣ, съ раскрытымъ складнемъ въ рукахъ. Въ качествѣ ближайшихъ моихъ ассистентовъ около меня встали Уѣздные Предводители двухъ старшихъ уѣздовъ — Самарскаго и Ставропольскаго, остальные — рядомъ съ ними.

Вскорѣ двери кабинета раскрылись, и къ намъ медленно стали подходить Государь и Государыня Александра Ѳеодоровна съ Наслѣдникомъ на рукахъ. Когда Августѣйшія Особы остановились въ нѣсколькихъ шагахъ передъ нашей депутаціей, я, отъ лица самарскаго дворянства, повергъ къ стопамъ Ихъ Величествъ чувства вѣрноподданнической преданности и поздравилъ съ высокоторжественнымъ днемъ рожденія Наслѣдника Цесаревича, носящаго имя великаго святителя Алексѣя, особо почитаемаго самарскимъ неселеніемъ. Въ краткомъ словѣ я доложилъ Августѣйшей Семьѣ исторію возникновенія у нашего дворянства мысли о поднесеніи иконы-складня и закончилъ обращеніемъ къ Вѣнценоснымъ Родителямъ Августѣйшаго новорожденнаго съ просьбой милостиво принять отъ самарскаго дворянства складень и разрѣшить намъ благословить имъ Наслѣдника Россійскаго Императорскаго престола.

Послѣ моихъ словъ, Ихъ Величества подошли ко мнѣ и, благоговѣйно перекрестясь, приложились ко всѣмъ тремъ иконамъ складня. Государыня спустила на полъ Цесаревича и промолвила: „Благословите!" Вставъ на колѣни, я троекратно крестообразно провелъ складнемъ надъ кудрявой темной головкой Наслѣдника, далъ ему приложиться, и затѣмъ складень Государь принялъ на свои руки. Его Величеству благоугодно было высказать горячую и искреннюю благодарность самарскому дворянству, оказавшему въ переживаемое тяжелое время своей Царской Семьѣ необходимую молитвенную поддержку. Закончилъ Государь свое обращеніе къ намъ слѣдующими словами: „Передайте самарскому дворянству, что отнынѣ сей священный для насъ складень всегда и вездѣ будетъ сопутствовать нашему сыну". Послѣ этихъ словъ, Его Величество передалъ складень Государынѣ и подошелъ вновь къ намъ, каждому подавая руку на прощанье и со всѣми милостиво бесѣдуя. Описанное торжество прошло при исключительной обстановкѣ взаимной искренности и задушевности; у нѣкоторыхъ изъ насъ на глазахъ не разъ появлялись слезы счастья и умиленія.

Настала пора намъ уходить. Мы столпились въ прихожей, ожидая посадки въ придворные экипажи, какъ вдругъ меня вызываютъ обратно во дворецъ, въ аппартаменты Государыни.

Оказывается, Ея Величество вспомнила мой докладъ по поводу Аксаковской вотчины и пожелала лично меня разспро-о ходѣ заинтересовавшаго ее дѣла.

Доложивъ Императрицѣ о печальномъ результатѣ моего ходатайства передъ Министромъ Финансовъ въ прошлый мой пріѣздъ въ столицу, я сказалъ, что ввиду его отказа удовлетворить нашу просьбу о льготѣ при покупкѣ Аксаковской усадьбы, самарскому дворянству непосильно подобное пріобрѣтеніе. Вѣроятнѣе всего, что, къ глубокому нашему сожалѣнію, не придется намъ сохранить родовую усадьбу С. Т. Аксакова и устроить въ ней для мѣстнаго крестьянства ремесленное обученіе.

При этихъ словахъ Гсударыня вся вспыхнула и энергичнымъ голосомъ сказала: „Это такъ нельзя оставить! Поѣзжайте немедленно къ Александру Сергѣевичу Танѣеву! Все будетъ сдѣлано. — Не безпокойтесь!" При этихъ словахъ она подошла къ телефону, и вскорѣ послышался ея твердымъ голосомъ высказанный Танѣеу приказъ: „Сейчасъ у Васъ будетъ Наумовъ — Самарскій Губернскій Предводитель Дворянства. Сдѣлайте все, какъ онъ вамъ передастъ!" Послѣ этого она съ привѣтливой улыбкой протянула мнѣ на прощанье руку, и пріемъ мой окончился.

Покинувъ своихъ земляковъ, я тотчасъ же поспѣшилъ заѣхать къ жившему невдалекѣ, въ томъ же Петергофѣ, оберъ-гофмейстеру А. С. Танѣеву, занявшему близкій къ Ихъ Величествамъ постъ Главноуправляющаго собственной Его Величества Канцеляріей, и одновременно состоявшему особо довѣреннымъ лицомъ по всѣмъ дѣламъ, касавшимся вѣдомствъ, находившихся подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Өеодоровны — въ томъ числѣ и по Трудовой Помощи.

Танѣевъ слылъ за умнаго, но хитраго и малообщительнаго царедворца, знатока и страстнаго любителя серьезной музыки. Встрѣтилъ онъ меня болѣе чѣмъ холодно, съ первыхъ же словъ упрекнувъ меня, что я позволилъ себѣ безпокоить Ея Величество, съ нимъ не переговоривъ.

Давъ раскраснѣвшемуся отъ жары и волненія сановнику слегка отойти, я постарался кратко изложить существо дѣла, оттѣнивъ, что личнаго въ немъ нѣтъ ничего, и что все сводится къ спасенію усадьбы автора „Семейной Хроники", и что для подобной исключительной цѣли, казалось бы, Крестьянскому Банку слѣдовало пойти навстрѣчу самарскому дворянству.

Танѣевъ, видимо, заинтересовался нашимъ дѣломъ и изъ нетерпимаго превратился въ любезнаго, обѣщавъ все возможное сдѣлать въ интересахъ „благихъ и просвѣтительныхъ" заданій самарскаго дворянства.

Подношеніе складня и то, что Государыня милостиво вспомнила о майскомъ моемъ ей докладѣ — имѣло совершенно неожиданный для меня и радостный для всего нашего дворянства результатъ. Министерство Финансовъ предоставило самарскому дворянству возможность пріобрѣсти стодесятинный усадебный участокъ бывшей Аксаковской вотчины на тѣхъ же льготныхъ условіяхъ.

Самарское дворянство сдѣлалось собственникомъ родовой старинной усадьбы, принадлежавшей Сергѣю Тимофеевичу Аксакову. Я немедленно предпринялъ шаги для возвращенія въ Аксаковскую усадьбу мебели, картинъ, книгъ и пр., которые за время моихъ хлопотъ мѣстные крестьяне успѣли тѣмъ или другимъ способомъ получить изъ рукъ банковскихъ прикащиковъ. Разыскали мы у псаломщика большой акварельный портретъ Сергѣя Тимофеевича въ старинной рамѣ карельской березы, представлявшій собою исключительную историческую цѣнность.

Первымъ уполномоченнымъ отъ дворянства по управленію упомянутой вотчиной явился М. Д. Мордвиновъ, энергично принявшійся за исполненіе возложенныхъ на него обязанностей. Онъ нашелъ дѣльнаго прикащика съ незаурядной практической смекалкой. Благодаря умѣлому хозяйственному распорядку, управленіе Аксаковской вотчиной велось экономно и даже прибыльно, благодаря мельницѣ.

Годъ спустя послѣ покупки, вся усадьба, со всѣми прилегавшими къ ней угодьями, совершенно преобразилась. Обширный домъ вновь имѣлъ жилой превосходный видъ. Окружавшій его паркъ былъ вычищенъ; прудки востановлены; водяная мельница заработала полнымъ ходомъ. Огороды и незначительные хлѣбные посѣвы были образцовые. Невдалекѣ отъ самой усадьбы, фасадомъ на церковную площадь, красовалось новое большое одноэтажное, но широко раскинутое, зданіе, подъ зеленой желѣзной крышей, съ цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ службъ и построекъ. На фронтонѣ главнаго фасада значилось: „Учебно-ремесленная мастерская Попечительства о Трудовой Помощи имени С. Т. Аксакова". Въ этомъ прекрасно оборудованномъ зданіи было все нужное для теоретическаго и практическаго обученія крестьянской молодежи ремесламъ — главнымъ образомъ, столярно-кузнечно-слесарному. Въ Аксаковскую ремесленную школу стекалась масса ребятъ. По окончаніи курса, они нарасхватъ приглашались въ качествѣ машинистовъ, монтеровъ и пр.

Года два спустя послѣ открытія мастерской издѣлія учениковъ были выставлены мною въ Петербургѣ на Всероссійской кустарной выставкѣ. Чистота и художественность этихъ работъ привлекали общее вниманіе. Я не забуду, съ какимъ интересомъ Императрица Александра Өеодоровна остановилась около нашей скромной витринки и какъ была довольна принять отъ своего дѣтища — Аксаковской ремесленной мастерской — подарокъ отъ учениковъ Наслѣднику: крошечный, великолѣпно сдѣланный стальной плужокъ, со всѣми мельчайшими его принадлежностями.

Открытіе возстановленной усадьбы „Аксаковской Самарскаго дворянства вотчины" собрало въ Аксаковскую вотчину почти все губернское дворянство. Началось оно съ церков-

голѣтіемъ, духовой оркестръ пожарной команды заигралъ гимнъ „Боже Царя храни". Послѣ него многотысячная толпа долго кричала ура.

Я, стоя на крыльцѣ школы, обратился къ присутствовавшимъ съ краткой рѣчью. Я разсказалъ возникновеніе Аксаковской вотчины и закончилъ свое обращеніе къ высокимъ гостямъ, къ дворянству и крестьянству такъ: „Пусть на этомъ историческомъ мѣстѣ, гдѣ проживалъ великій бытописатель Земли Русской — Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ, — сольются сердцемъ и умомъ коренныя сословія нашей родины — дворянство и крестьянство, спаянныя общей Христовой вѣрой, преданностью Царю и любовью къ родной матери-землѣ!"

До конца торжества всеобщае одушвленіе и искренняя восторженность не покидали присутствовавшихъ. На память объ описанномъ мною днѣ былъ составленъ превосходный альбомъ для поднесенія Августѣйшей Попечительницѣ.

30-го іюля самарскіе дворяне ежегодно съѣзжались подъ кровъ „Аксаковскаго" дома для взаимныхъ встрѣчъ и дѣловыхъ бесѣдъ

Самарское дворянство было вправѣ гордиться своимъ дѣтищемъ, тѣмъ, что ему удалось исполнить культурную задачу и въ то же время принести практическую пользу краю и крестьянскому неселенію. Большевистская стихія, вѣроятно, не пощадила Аксаковскій культурный уголокъ и все смела въ общую „коммунистическую" загаженную кучу... Прощай навѣкъ все прошлое творческое, свѣтозарное... свободное!

Къ осени 1907 года мы всей семьей переѣхали въ Самару, и на этотъ разъ съ нами была и моя мать, прожившая предшествовавшія двѣ зимы въ Казани, у вдовы Ольги Наумовой.

ціи. Отношеніе къ намъ самарскаго общества не оставляло желать лучшаго.

Съ переѣздомъ въ городъ, я весь отдался подготовкѣ выборовъ въ третью Государственную Думу, конечно, не забывая о текущихъ сословныхъ дѣлахъ. На очереди стояло два вопроса, требовавшихъ срочнаго разрѣшенія — открытіе зданія дворянскаго пансіона и приведеніе въ порядокъ финансоваго положенія самарскаго дворянства.

Неоднократно бывая въ столицѣ, я успѣлъ все подготовить въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, чтобы вмѣсто узко-сословнаго и дорого стоющаго дворянству пансіона-пріюта, открыть въ губернскомъ центрѣ общесословную гимназію. Въ ней, на средства, уже предоставленныя мнѣ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, учреждались 60 стипендій для неимущихъ дворянъ. Министерство установило штаты и необходимыя смѣты.

Зданіе было передано мною городу, и съ 1908 года вторая гимназія, впослѣдствіи, въ дни Романовскаго юбилея 1913-го года, переименованная въ Романовскую, была торжественно открыта, и стала отлично функціонировать, при большомъ наплывѣ учениковъ и подъ руководствомъ умѣло подобраннаго учительскаго персонала, съ директоромъ Розовымъ во главѣ. До конца существованія Россійской Имперіи я состоялъ почетнымъ попечителемъ этого средне-учебнаго заведенія, содѣйствовалъ оборудованію библіотеки и учебно-показательныхъ кабинетовъ.

Что касается до улучшенія финансоваго положенія самарскаго дворянства, то я обратилъ вниманіе на невѣроятно возросшую еще до меня недоимочную задолженность дворянъ сословной кассѣ. Къ своему удивленію, я замѣтилъ, что главная масса недоимокъ числилась не за мелкопомѣстными бѣдными дворянами, а за многоземельными экономіями, принадлежавшими извѣстнымъ по своему богатству и положенію

лялись этими господами безъ всякаго вниманія. Провѣряя книги, я находилъ задолженность по нѣкотрымъ экономіямъ, доходившую до 25.000 рублей. Напоминанія дворянской канцеляріи не достигали своей цѣли. Принудительныя мѣры взысканія почему-то никогда не примѣнялись.

Не лучше обстояло и съ тѣми многоземельными дворянами, которые хотя и проживали въ своей губерніи, но по тѣмъ или другимъ причинамъ, больше по природной россійской „халатности", также не расплачивались аккуратно со своей сословной кассой.

Финансовое положеніе было настолько печальное, что временами не хватало на оплату служащимъ. Я рѣшилъ, прежде чѣмъ говорить о повышеніи имущественнаго сословнаго налога, приступить къ радикальнымъ мѣрамъ взысканія недоимокъ и понужденія сословныхъ плательщиковъ къ исправному внесенію денежныхъ повинностей.

Осенью того же 1907 года, я предложилъ экстренному дворянскому собранію нижеслѣдующій планъ упорядоченія недоимочнаго вопроса: возложить на собраніе предводителей и депутатовъ обязанность детальнаго просмотра недоимочныхъ списковъ, съ обозначеніемъ противъ каждаго недоимщика его платежеспособности. Послѣ этого, каждый дворянинъ Самарской губерніи, признанный платежеспособнымъ, извѣщался особымъ письмомъ о причитавшейся съ него недоимкѣ, и приглашался внести ее къ указанному въ письмѣ сроку. Въ случаѣ неуплаты, эта сумма будетъ взыскана съ него принудительнымъ порядкомъ.

Дворянское собраніе единодушно согласилось съ моимъ докладомъ. Я приступилъ къ его осуществленію на практикѣ. Списки были тщательно просмотрѣны, произведены соотвѣтствующія отмѣтки; письма, за моей подписью, разосланы по губерніи. Дворянамъ, которые обычно проживали за предѣлами губерніи, выслали дубликаты по мѣсту ихъ жительства. Эффектъ получился полный. Въ короткій срокъ недоимка была погашена на двѣ трети. Принудительный же порядокъ взысканія пришлось примѣнить лишь въ богатѣйшемъ имѣніи Роопа, гдѣ управляющій счелъ мое посланіе за ничего не значившую „бумажку". Но когда явилась полиція, стали описывать имущество и накладывать печати, вся сумма — 25 тысячъ рублей — была тотчасъ же внесена полностью.

Ко всему этому, мною было заведено правило, что каждый дворянинъ, вступавшій въ составъ собранія г.г. предводителей и депутатовъ, тотчасъ же по своемъ избраніи, погашалъ до копѣйки свои недоимки.

Положеніе нашей дворянской кассы сразу же стало не только благополучнымъ, но и опредѣленно блестящимъ, о чемъ слухъ распространился далеко за предѣлы Самарской губерніи.

91

Видоизмѣненное указомъ 3 іюня Положеніе о выборахъ несомнѣнно имѣло въ Самарской губерніи рѣшающее вліяніе. Вмѣсто прежняго общаго числа выборщиковъ въ 181 человѣкъ, по новому расписанію полагалось на нашу губернію всего лишь 131; сокращеніе на 50 человѣкъ произведено было за счетъ крестьянской куріи. Въ силу этого, землевладѣльческое ядро, которое по-прежнему являлось цѣльной, согласованной и компактной группой, передъ выборами въ 3-ю Думу состояло изъ тѣхъ же 75 человѣкъ — партіиныхъ единомышленниковъ. При новомъ положеніи вещей и при общемъ количествѣ выборщиковъ въ 131 человѣкъ, эти 75 человѣкъ, конечно, доминировали. Исходъ выборовъ самарскихъ депутатовъ цѣликомъ зависѣлъ отъ означеннаго ядра, печатнымъ органомъ котораго оставался все тотъ же нашъ „Голосъ Самары".

Благодаря всему этому, предвыборная наша дѣятельность очень облегчалась, и газета имѣла лишь цѣлью поддерживать прежнее наше партійное объединеніе.

Самъ я, какъ и ранѣе, отказался идти въ выборщики, а значитъ и отъ кандидатуры въ Государственную Думу. Это придавало мнѣ, какъ предсѣдателю Губернскаго Избирательнаго Собранія, еще большую независимость.

Выборы прошли спокойно и быстро, благодаря ранѣе составленному списку и сплоченности нашей былой партіи порядка, уже начинавшей именоваться „октябристской".

Лучше всѣхъ прошелъ въ члены Государственной Думы бывшій предсѣдатель Самарской Губернской Земской Управы — Сергѣй Осиповичъ Лавровъ. Къ сожалѣнію, переѣхавъ въ Петербургъ, онъ захворалъ и вскорѣ скончался.

Вмѣстѣ съ нимъ былъ избранъ Владиміръ Николаевичъ Львовъ.

Одновременно съ ними былъ избранъ инспекторъ Народныхъ Училищъ по Самарскому уѣзду Иванъ Семеновичъ Клюжевъ. Онъ пріобрѣлъ себѣ въ законодательной палатѣ довольно популярное имя своими выступленіями по вопросамъ народнаго образованія.

Самой красочной и видной фигурой изъ самарцевъ, избранныхъ въ 3-ю Государственную Думу, оказался Михаилъ Дмитріевичъ Челышевъ. Сынъ самарскаго маляра, Михаилъ Дмитріевичъ продолжилъ дѣло своего отца и значительно его расширилъ, превратился въ состоятельнаго домовладѣльца и коммерсанта, но называлъ себя крестьяниномъ и званіемъ этимъ очень гордился. Огромнаго роста, широкоплечій, прекрасно сложенный, съ красивой, чисто-русской внѣшностью, Челышевъ носилъ длиннополую, хорошо сшитую поддевку и высокіе сапоги, и невольно обращалъ на себя всеобщее вниманіе своимъ мощнымъ молодцеватымъ обликомъ и громкимъ обрывистымъ говоромъ.

Сильный физически, Михаилъ Дмитріевичъ обладалъ не-

дюжинной энергіей и большимъ честолюбіемъ. Говорилъ онъ быстро, порывисто, громко, съ большимъ всегда подъемомъ и временами — красиво. Конькомъ всѣхъ его публичныхъ выступленій являлась безпощадная борьба съ народнымъ пьянствомъ.

Въ пару къ Челышеву по росту и дородству былъ другой самарскій избранникъ — бугульминскій крупный землевладѣлецъ, врачъ — Николай Васильевичъ Ждановъ, тоже ходившій неизмѣнно въ русскомъ костюмѣ и претендовавшій на обликъ національнаго демократическаго героя.

Въ Таврическомъ Дворцѣ Николай Васильевичъ тонулъ въ депутатской массѣ, оставался незамѣтнымъ, изрѣдка и безцвѣтно выступая съ думской трибуны и работая въ нѣкоторыхъ незначительныхъ комиссіяхъ.

Дѣльными членами Государственной Думы оказались новоузенскій врачъ, симпатичный и толковый Александръ Ивановичъ Новиковъ, а также бузулучанинъ — хмурый, но сердечный и дѣльный Александръ Ивановичъ Ковзанъ, бывшій одно время уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Остальные избранники Самарской губерніи — Степанъ Герасимовичъ Киселевъ, Алексѣй Никитичъ Поповъ, Николай Ивановичъ Роттермель — ничѣмъ себя не проявили, но были всѣ людьми достойными всяческаго уваженія.

Проводивъ нашихъ избранниковъ въ столицу, ко дню открытія Третьей Государственной Думы (1-го ноября 1907 г.), я въ теченіе зимняго сезона 1907 - 1908 г. былъ пріобщенъ къ участію въ интереснѣйшихъ работахъ по обсужденію цѣлаго ряда государственныхъ реформъ исключительной важности.

Дѣло въ томъ, что П. А. Столыпинъ, задавшись цѣлью внести эти реформы въ 3-ю Государственную Думу, имѣлъ въ виду предварительно ихъ всесторонне обсудить въ болѣе спокойной и вмѣстѣ съ тѣмъ, авторитетной, коллегіальной обстановкѣ, для чего онъ создалъ особое т. н. „преддумье", оффиціально именовавшееся „Совѣтомъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства", состоявшимъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

Сначала этотъ Совѣтъ состоялъ исключительно изъ назначенныхъ самимъ Министромъ лицъ. Впослѣдствіи въ его составъ вошли лица, избранныя Губернскими земскими собраніями, но кромѣ того пополнялся онъ и по назначенію самого Министра. Мое участіе въ Совѣтѣ состоялось по вызову меня Столыпинымъ, а впослѣдствіи я былъ избираемъ Губернскимъ земскимъ собраніемъ.

Со смертью Столыпина, дѣятельность этого Совѣта совершенно заглохла. При немъ же она протекала чрезвычайно живо и интересно, наряду даже съ законодательными палатами, приковывая къ себѣ всеобщее вниманіе.

Столыпинъ предсѣдательствовалъ въ исключительныхъ случаяхъ. Обычно его замѣняли Крыжановскій или Лыкошинъ. Дѣлами Совѣта завѣдывалъ милѣйшій Михаилъ Владиміровичъ Иславинъ, впослѣдствіи занявшій постъ Новгородскаго Губернатора.

Надо отдать справедливость Столыпину, что мысль его объ учрежденіи „преддумья" была разумной и несомнѣнно полезной для вѣдомственныхъ составителей законопроектовъ. Заготовлявшійся въ министерскихъ канцеляріяхъ матеріалъ обсуждался всесторонне и вдумчиво на многолюдныхъ собраніяхъ Совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, куда приглашался цвѣтъ провинціи служилой и выборной. Наряду съ Губернаторами, въ засѣданіяхъ участвовали Губернскіе Предводители Дворянства, Предсѣдатели Земскихъ Управъ, особо избранные представители Земских Собраній, непремѣнные члены Губернскихъ Присутствій, Городскіе Головы и т. п. Помимо нихъ на совѣтскихъ засѣданіяхъ постоянно присутствовали представители вѣдомствъ, авторы и докладчики проектовъ, вродѣ небезызвѣстнаго Гурлянда, Литвинова, Анциферова и другихъ.

Открытіе каждой сессіи, обычно продолжавшейся 2 — 3 недѣли, обставлялось довольно торжественно. Столыпинъ самъ произносилъ обстоятельную программную рѣчь. Затѣмъ занятія шли въ порядкѣ комиссіонныхъ засѣданій вперемежку съ общими Собраніями; происходившими обычно подъ умѣлымъ руководствомъ смышленаго Крыжановскаго и рѣже подъ невѣроятно слабымъ предсѣдательствомъ великаго путаника блаженнодушнаго Лыкошина.

Въ первую же сессію на обсужденіе Совѣта былъ представленъ чрезвычайно обильный матерьялъ; онъ затрагивалъ весь мѣстный административный укладъ. Съ лихорадочной поспѣшностью въ Совѣтъ вносились многочисленные законопроекты одинъ другого значительнѣе и серьезнѣе. Сначала предложена была нашему разсмотрѣнію реформа волостного и поселковаго управленія въ связи съ наболѣвшимъ вопросомъ о мелкой земской единицѣ. Не успѣли мы въ немъ хорошенько разобраться, какъ на обсужденіе Совѣта поступили обширныя вѣдомственныя докладныя записки по переустройству губернскаго и уѣзднаго административнаго положенія, затрагивавшаго такіе капитальные вопросы, какъ коренное измѣненіе предводительскаго института. Вслѣдъ за этимъ также поспѣшно на разсмотрѣніе Совѣта поступили обширные законопроекты по реформѣ всего земскаго и городского положенія.

Лично на меня вся эта спѣшка и необычайное обиліе намѣченныхъ Столыпинскимъ правительствомъ коренныхъ реформъ производили впечатлѣніе чего-то хаотическаго, ненормальнаго. Бросалось въ глаза отсутствіе обдуманнаго, систематизированнаго плана реформированія стараго порядка. Напримѣръ, предлагалось сначала самостоятельно рѣшить задачу реорганизаціи волости, а года черезъ два намъ предлагаютъ вновь пересмотрѣть волостной вопросъ въ связи уже съ общей реформой Земскаго Положенія. Для меня вся эта куча законопроектовъ съ модными лозунгами и наименованіями

представлялась въ такомъ видѣ: за время революціоннаго лихолѣтія 1905 —1907 г.г. страна наша серьезно и опасно заболѣла. Ради спасенія государственнаго организма консиліумъ врачей придумывалъ рядъ цѣлительныхъ снадобій. Принявъ изъ рукъ Дурново простое кровеочистительное средство, Россія ожила и стала поправляться. Все, что во время ея острой хвори было ей прописано, при Столыпинѣ стали ей, бѣдной, совать насильно въ ротъ, когда надо было особенно бережно и осторожно относиться къ выздоравливавшему организму.

Была допущена еще одна серьезная ошибка при сочинительствѣ всѣхъ этихъ широкихъ и безсистемныхъ заданій. Въ основу законопроектовъ клали предположеніе, что, благодаря начатымъ землеустроительнымъ работамъ, появилась крѣпкая, мелкая, крестьянская собственность. Это было сплошное недомысліе, основанное на вѣдомственныхъ столичныхъ догадкахъ, а не на дѣйствительности. Я неоднократно высказывалъ самому Столыпину, что ни въ коемъ случаѣ нельзя считать всѣхъ этихъ мелкихъ, новоиспеченныхъ на бумагѣ, индивидуалистовъ за сознательныхъ хозяевъ-собственниковъ. Ихъ много значилось по оффиціальной статистикѣ, но качественно огромное большинство ихъ продолжало пребывать въ состояніи закоренѣлыхъ общинниковъ.

Показательнымъ примѣромъ служили мои новые сосѣди, — мелкіе хуторяне, разселившіеся на отведенной въ ихъ собственность бывшей казенной землѣ, граничившей съ моимъ „Подстепнымъ полемъ". Неоднократно, проѣзжая верхомъ по своимъ посѣвамъ, я видѣлъ, какъ на нихъ паслись коровы новыхъ хуторянъ. На мои упреки и просьбы не пускать скотъ на мои угодья, эти новоиспеченные собственники отвѣчали характерными словами: „Не замай, Александръ Николаевичъ! Пусть скотина наша по твоимъ озимямъ попасется! Много ли тебѣ отъ сего убудетъ! Слава Те, Господи, — добра у тебя всякаго много, да и полей не мало!"

При этихъ условіяхъ говорить о „спѣлыхъ" мелкихъ собственникахъ было рано. Между тѣмъ, сфабрикованные въ министерскихъ канцеляріяхъ проекты серьезнѣйшихъ реформъ, въ особенности по реорганизаціи волостного и поселковаго управленія, исходили изъ предположенія, что наша „Матушка-Россія" за какіе-нибудь два года успѣла преобразиться изъ общинной въ страну сознательныхъ собственниковъ съ кадромъ „крѣпкихъ" и „сильныхъ" хозяевъ, на которыхъ столь охотно стремился опереться Столыпинъ.

Проекты отличались еще существеннымъ недостаткомъ: въ нихъ недоставало той необходимой гибкости, которая требовалась для огромной и сложной Имперіи. Для такой страны слѣдовало бы вырабатывать опредѣленную общую схему реформы, но съ возможностью измѣненій въ зависимости отъ примѣненія въ той или другой мѣстности разнохарактернаго государства. Въ этомъ отношеніи законодательная работа шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія по урегулированію правового строя освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости крестьянскаго сословія, выгодно отличалась отъ спѣшнаго Столыпинскаго творчества.

Въ самомъ началѣ намъ было предложено высказаться по существу вопросовъ, внесенныхъ на наше разсмотрѣніе, въ первую голову о реформѣ волостного и поселковаго управленія. Мнѣнія членовъ Совѣта рѣзко раздѣлились на два лагеря: одни горячо привѣтствовали предложенныя реформы; другіе же высказывались за большую осторожность, приводя соображенія, сходныя съ моими. Къ числу первыхъ принадлежали Губернаторы и прочіе вѣдомственные чины, къ противоположной группѣ — представители земской и сословной общественности. Само собой, я не дѣлаю рѣзкаго различія между тѣми и другими. Среди губернаторовъ, какъ и среди общественныхъ дѣятелей, были лица, свободно примыкавшіе по своимъ убѣжденіямъ къ той или иной группѣ. Такіе Губернаторы, какъ Саратовскій — гр. Сергѣй Сергѣевичъ Татищевъ, Тверской — Н. Г. фонъ Бюнтингъ или Московскій — Владиміръ Өедоровичъ Джунковскій — держали себя совершенно независимо и позволяли себѣ высказываться часто вразрѣзъ съ правительственными предложеніями.

Самъ Столыпинъ чрезвычайно ревниво относился къ своимъ предположеніямъ и докладамъ, принимая каждое принципіальное возраженіе какъ бы за личную себѣ обиду. Не забуду его словъ, сказанныхъ мнѣ на Общемъ Собраніи, послѣ выраженнаго мною пожеланія о необходимости, прежде чѣмъ детально разсматривать реформу волостного и поселковаго управленія, намѣтить схему всѣхъ имѣвшихся у Правительства въ виду реформъ по реорганизаціи мѣстнаго административнаго уклада. Моему предложенію общаго характера о важности установленія планомѣрности предстоявшихъ занятій, Столыпинъ придалъ совершенно иное значеніе, усмотрѣвъ въ немъ какъ бы нежеланіе принять его волостную реформу... „Вы хотите, въ новомъ, столь важномъ дѣлѣ, сразу же рогатки ставить!.." — сказалъ онъ. Но я оказался правъ, — тогда когда приступили к обсужденію другихъ реформъ, въ частности, земской, пришлось работу по волостному и поселковому управленію вновь всю пересматривать.

Нетерпимость Столыпина къ инакомыслящимъ съ особенной силой проявилась въ послѣдующія сессіи 1908 — 1909 г.г. при разсмотрѣніи губернской, главнымъ же образомъ — уѣздной административной реорганизаціи, затрагивавшей основу и сущность Предводительскаго института.

Темпераментный и властный, Петръ Аркадьевичъ, ранѣе самъ служившій въ Гроднѣ предводителемъ по назначенію, соблазнился законодательной схемой, предложенной ему ловкимъ и умнымъ Гурляндомъ и клонившейся къ установленію въ имперскомъ административномъ строѣ полнѣйшей централизаціи и неограниченной надъ всѣми вѣдомственными подчиненными единоличной власти Министра.

В угоду этой идеѣ въ означенномъ законопроектѣ умалялся губернаторскій престижъ, главнымъ же образомъ въ корнѣ

мѣнялся характеръ службы Уѣздныхъ Предводителей Дворянства, отправлявшихъ предсѣдательскія обязанности въ цѣломъ рядѣ уѣздныхъ учрежденій. Дѣлали они это не ради матеріальной заинтересованности (ихъ служба казной не оплачивалась), а изъ сознанія долга передъ родиной и отвѣтственности передъ закономъ. Самостоятельные въ обстановкѣ мѣстной провинціальной своей службы, Предводители отвѣчали за свою дѣятельность только передъ Правительствующимъ Сенатомъ.

Узаконенная еще Великой Екатериной относительная независимость Предводительскаго института, представляла собою въ общемъ административномъ строѣ государства какъ бы общественный прослой. Институтъ предводителей до извѣстной степени гарантировалъ уѣздное населеніе отъ возможныхъ своевольныхъ эксцессовъ со стороны губернскаго начальства. Само собой разумѣется, что онъ для послѣдняго являлся какъ бы „бѣльмомъ на глазу". Неоднократно въ чиновномъ Петербургѣ подымался вопросъ объ искорененіи подобнаго административно-бытового „пережитка".

Въ такомъ духѣ была составлена докладная записка Гурляндомъ, очевидно, мало заинтересованнымъ въ сохраненіи для Россіи ея здороваго прошлаго. Въ доказательство необходимости насажденія въ уѣздахъ настоящихъ чиновныхъ начальниковъ, которые всецѣло зависѣли бы отъ Губернаторовъ, въ означенной запискѣ приводился подсчетъ количества дней, когда Предводители манкировали своими служебными обязанностями. На вопросъ одного изъ членовъ Совѣта — откуда явилась у докладчика (Гурлянда) подобная статистика, Гурляндъ, не смущаясь, сослался на донесенія съ мѣстъ исправниковъ.

Заключительное предложеніе министерскаго проекта сводилось къ тому, чтобы должность Уѣздныхъ Предводителей сохранить, но присоединить къ ихъ сословной службѣ еще обязанности Начальниковъ Уѣздовъ, установить имъ соотвѣтствующее казенное жалованье, подчинить ихъ всецѣло Губернатору, а, въ конечномъ итогѣ, — единоличной власти Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

По поводу заслушаннаго доклада возникли длительныя и страстныя пренія. Вся наша предводительская корпорація, въ составъ которой входили такія лица, какъ А. Д. Самаринъ, кн. Н. Б. Щербатовъ, кн. П. П. Голицынъ, кн. И. А. Куракинъ, С. Е. Бразоль и др., горячо протестовала противъ намѣренія Столыпина „купить" институтъ предводителей, и тѣмъ самымъ превратить его въ послушный бюрократическій механизмъ. Всѣ мы указывали на историческія заслуги предводительскаго персонала передъ родиной, которой они служили „не за страхъ, а за совѣсть"... Мы доказывали, что населеніе, въ случаѣ нужды, обращалось къ намъ съ довѣріемъ.

Въ преніяхъ по уѣздной реформѣ вся губернаторская группа, за исключеніемъ графа Татищева и Джунковскаго, горячо поддерживала правительственный законопроектъ. Къ

нашей предводительской позиціи, или скорѣе оппозиціи, примкнуло большинство представителей общественности.

Пришлось и мнѣ встать на защиту любимаго мною института предводителей, въ жизненность и полезность котораго я твердо вѣрилъ. Я такъ волновался, что выступленія мои вылились въ сплошной ожесточенный протестъ противъ покушенія Столыпина на цѣлость этой исторической и важной дворянской организаціи. Почти дословно вспоминаются мнѣ мои горячія слова: „Вы, Петръ Аркадьевичъ, бросили вызовъ Предводителямъ. Мы поднимаемъ брошенную Вами перчатку и просимъ выступить на честный бой съ открытымъ забраломъ! Мы требуемъ произвести оцѣнку нашей предводительской дѣятельности не по секретнымъ доносамъ исправниковъ, изобличающихъ предводительскій абсентеизмъ, а путемъ установленія сенаторской ревизіи". Въ пространной рѣчи я обрисовалъ желательную постановку подобной ревизіи, которая явилась бы на мѣстахъ лучшей гарантіей для успѣшной работы губернской администраціи и предводительскаго персонала.

Я указалъ, что однимъ изъ основныхъ условій правильности функціонированія административнаго аппарата является установленіе надъ нимъ контроля, который могъ бы гарантировать осуществленіе правового порядка, и справедливую оцѣнку отправленія служебнымъ персоналомъ своихъ обязанностей.

Контроль слѣдовало бы возложить на особый „Инспекторскій" отдѣлъ Правительствующаго Сената, возстановивъ, такимъ образомъ, до извѣстной степени, былое значеніе Петровскаго дѣтища.

Вмѣсто того, чтобы быть событіями чрезвычайными, ревизіи превратились бы въ постоянный органъ правительственнаго управленія.

Предложенный мною проектъ нашелъ горячую поддержку среди моихъ коллегъ по сословной и общественно-земской работѣ. Впослѣдствіи онъ мною былъ детально разработанъ и доложенъ Государю въ бытность мою министромъ. Его Величество горячо одобрилъ мои предположенія по реорганизаціи государственнаго контроля, но о проведеніи въ жизнь подобной мѣры можно было думать лишь по окончаніи войны...

Послѣ длительныхъ дебатовъ, затянувшихся на добрую недѣлю, наступилъ, наконецъ, рѣшительный день баллотировки правительственнаго законопроекта объ уѣздной реформѣ. Среди высшихъ вѣдомственныхъ чиновъ происходило волненіе. У нихъ не было увѣренности въ успѣхѣ. По распоряженію Столыпина были приняты чрезвычайныя мѣры, немало насъ, Предводителей, возмутившія: по телефону вызывались департаментскіе чины для участія въ предстоявшемъ голосованіи... Но, несмотря на все это, законопроектъ, исходившій изъ Столыпинскаго вѣдомства, на баллотировкѣ провалился. Предводители уцѣлѣли!

Не забуду проявленную тогда Предсѣдателемъ крайнюю

несдержанность. Раздосадованный и гнѣвный, Петръ Аркадьевичъ поспѣшилъ покинуть залу засѣданій, ни съ кѣмъ не простившись и сдѣлавъ угрожающій жестъ по нашему адресу....

Итакъ, послѣ многодневныхъ преній и волнующихъ переживаній, удалось, несмотря на всѣ усилія нашихъ враговъ, отстоять жизненность и достоинство предводительскаго института. Довольные одержанной побѣдой, мы, губернскіе предводители, рѣшили въ тотъ же вечеръ вмѣстѣ пообѣдать и обсудить дальнѣйшую позицію и линію поведенія въ связи съ проявленнымъ темпераментнымъ упорствомъ самого Столыпина. Его авторское самолюбіе, видимо, было очень задѣто.

За обѣдомъ мы рѣшили продолжать начатое дѣло отстаиванія предводительскаго института и намѣтили А. Д. Самарина и меня въ качествѣ своихъ уполномоченныхъ. Намъ поручено было еще разъ лично обратиться къ министру съ убѣдительной просьбой отказаться отъ поддержки законопроекта объ уѣздной реформѣ въ Гурляндовской редакціи. Мы съ Самаринымъ относились къ возлагаемой на насъ миссіи довольно скептически, учитывая нравъ и окруженіе Столыпина, о чемъ и предупреждали своихъ коллегъ. Но послѣдніе настаивали на необходимости принятія всѣхъ доступныхъ нашему сословію мѣръ для своевременнаго и настойчиваго дальнѣйшаго воздѣйствія на главу правительства.

Наши предчувствія оправдались: Столыпинъ принялъ Самарина и меня болѣе чѣмъ холодно. Не давъ намъ даже докончить, онъ, сильно ударивъ своей здоровой рукой по столу, внѣ себя отъ охватившаго его гнѣва, возбужденнымъ голосомъ выкрикнулъ: „Всѣ ваши доводы для меня неубѣдительны, и вся удачно сложившаяся для васъ баллотировка для меня необязательна! Я сдѣлаю такъ, какъ мнѣ это нужно... Больше вамъ скажу: или я и моя реформа, или я все брошу, и оставайтесь вы всѣ съ вашими мнѣніями!..." Мы оба замолчали...

Обидно и досадно было видѣть большого государственнаго дѣятеля, охваченнаго мелочнымъ самолюбіемъ, безудержно поддавшагося минутной горячности, и высказывавшаго по сравнительно незначительному поводу необдуманныя угрозы, даже вплоть до отставки. Видя его волненіе, мы рѣшили откланяться и уйти.

Я долженъ оговориться, что подобный случай рѣзкаго расхожденія въ мнѣніяхъ былъ за все время существованія столыпинскаго „преддумья" единственный. Въ общемъ, работа въ Совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства протекала въ обстановкѣ сравнительно мирнаго сотрудничества и взаимной привѣтливости. Даже традиціонно враждебныя группы, — съ одной стороны губернаторы, съ другой губернскіе предводители, — и тѣ въ стѣнахъ „преддумья" были въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Столыпинъ для съѣзжавщихся членовъ Совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, устраивалъ оживленные рауты и обѣды, на что мы отвѣчали тѣмъ же.

Съ печально-роковымъ уходомъ незабвеннаго Петра Аркадьевича въ вѣчный міръ, всѣ потуги его преемниковъ продолжать начатое имъ дѣло ни къ чему не привели. Мало-помалу, дѣятельность Совѣта стала ослабѣвать и скоро совершенно замерла.

Заступившій мѣсто Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Николай Алексѣевичъ Маклаковъ, все дѣло нашего „преддумскаго" объединенія свелъ на нѣтъ, чему не мало способствовало то, что милѣйшій Иславинъ былъ смѣщенъ и замѣненъ нѣкіимъ Скаржинскимъ. Маклаковъ извлекъ его изъ нѣдръ черниговской губернской бюрократіи. Скаржинскій былъ полнѣйшей противоположностью привѣтливому и благовоспитанному Михаилу Владиміровичу.

Новый управляющій дѣлами Совѣта встрѣтилъ насъ пренебрежительно, свысока, еле подавая намъ костлявую холодную руку. Этотъ, проявленный черниговскимъ выскочкой, провинціальный снобизмъ произвелъ на насъ столь отталкивающее впечатлѣніе ,что всѣ мы, губернскіе предводители, да и многіе остальные наши сочлены, рѣшли съ Маклаковскимъ ставленникомъ оборвать всякія отношенія. Но вскорѣ намъ уже не къ чему стало встрѣчаться съ этимъ непріятнымъ типомъ, такъ какъ Совѣтъ отошелъ въ область преданія.

Прошло съ тѣхъ поръ немало времени. Разразилась революція, все вверхъ дномъ поставившая. Разбушевавшаяся стихія кого смела, кого по сторонамъ разметала, а кого вынесла со своего мутнаго дна на самую поверхность. Среди послѣднихъ очутился и Скаржинскій, нынѣ состоящій однимъ изъ главныхъ дѣятелей т. н. Высшаго Монархическаго Совѣта.

92

Къ концу 1907 года, когда стала функціонировать третья Государственная Дума, мнѣ, благодаря безпрерывному участію моему въ разныхъ совѣщаніяхъ и съѣздахъ, приходилось часто наѣзжать въ столицу. Я всегда бывалъ радъ приходу ко мнѣ въ Европейскую гостиницу моихъ земляковъ — самарскихъ депутатовъ.

Впослѣдствіи, особенно послѣ избранія меня въ Государственный Совѣтъ, установился у самарцевъ даже обычай періодически собираться у меня въ номерѣ для обсужденія вопросовъ, касавшихся нашего Самарскаго края и требовавшихъ разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ. Подобныя собранія именовались у насъ „земляческими" и происходили подъ моимъ предсѣдательствомъ за время существованія третьей Думы.

Послѣ одного изъ засѣданій Общедворянскаго Съѣзда, еще въ декабрѣ 1907 года, мы возвращались по домамъ вмѣстѣ съ шуриномъ Петра Аркадьевича, членомъ Государственнаго Совѣта по выборамъ, Алексѣемъ Борисовичемъ Нейд-

гардтомъ. Это былъ человѣкъ неглупый, обстоятельный и разсудительный. Столыпинъ считался съ его мнѣніемъ, а временами цѣликомъ находился подъ его вліяніемъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ Нейдгардтъ занялъ самостоятельную и, благодаря близости къ всемогущему тогда премьеру, видную позицію, образовавъ свою партію „праваго центра", которую многіе называли просто „Нейдгардтской", а нѣкоторые, болѣе смѣлые на языкъ, „партіей шурина".

Подъѣзжая къ Европейской гостиницѣ, Алексѣй Борисовичъ своимъ ровнымъ, нѣсколько меланхоличнымъ голосомъ мнѣ вдругъ сообщаетъ, что онъ на дняхъ случайно, на столѣ у Столыпина, видѣлъ мою фамилію въ числѣ лицъ, награждаемыхъ къ Новому Году придворнымъ чиномъ... „Поздравляю Васъ со скорымъ гофмейстерствомъ... Вы рады?" Для меня подобная вѣсть явилась совершенной неожиданностью. Я всего лишь годъ носилъ свой камергерскій мундиръ, и думать о дальнѣйшемъ повышеніи мнѣ въ голову не приходило. Разговорившись на эту тему, я, пользуясь нашими дружескими отношеніями, высказалъ Нейдгардту сожалѣніе, что Петръ Аркадьевичъ меня не представляетъ въ егермейстеры. Это званіе больше подходило бы ко мнѣ, какъ страстному охотнику, чѣмъ гофмейстерство. Нейдгардтъ, улыбнувшись, промолвилъ: „Почемъ знать, — на свѣтѣ все бываетъ: возможно, что и егермейстерскія шпоры отъ васъ не уйдутъ!"

Случайный этотъ разговоръ я припомнилъ, когда, наканунѣ Новаго 1908 года, я получилъ въ Самарѣ оффиціальное поздравительное сообщеніе отъ Петра Аркадьевича Столыпина объ особой Высочайшей милости — пожалованіи меня въ должность Егермейстера Двора Его Императорскаго Величества. Само собой, подобное высокое награжденіе меня глубоко порадовало, но и смутило. За истекшій годъ я неоднократно хлопоталъ о пожалованіи придворными наградами моихъ ближайшихъ сослуживцевъ — графа А. Н. Толстого и М. Д. Мордвинова. Мои ходатайства оставались еще безрезультатны, а самъ я неожиданно получилъ внѣочередное придворное повышеніе. Мнѣ стало легче, когда оба эти лица, въ томъ же 1908 году, 6-го декабря, получили графъ Толстой камеръ-юнкерство, а Мордвиновъ, къ его великой радости, давно желанный камергерскій ключъ.

Я не случайно сказалъ Нейдгардту, что желалъ бы, вмѣсто гофмейстерства, имѣть егермейстерскій чинъ. Онъ соотвѣтствовалъ традиціямъ служилаго наумовскаго рода, представители котораго въ большинствѣ случаевъ значились по документамъ „сокольничими". Недаромъ наумовскій гербъ носилъ охотничьи эмблемы: оленя и три стрѣлы. Что же касается меня самого, то Царево пожалованіе меня въ егермейстеры соотвѣтственно освящало и какъ бы узаконяло мою врожденную страсть къ вольной природѣ и лихой охотѣ...

Помню свое первое представленіе Государю въ новой

элегантной егермейстерской формѣ. Выслушавъ съ привѣтливой улыбкой мою горячую благодарность за высокую милость, Его Величество, отойдя отъ меня шага на два назадъ, осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и промолвилъ: „Красивая форма! Я радъ, что Вы ее надѣли!"...

Трудно себѣ представить, какое горделивое счастье доставило мнѣ право именоваться вторымъ чиномъ Двора и носить дѣйствительно нарядное полувоеннаго образца егермейстерское одѣяніе съ лосинами, ботфортами, шпорами и пр. Вѣдь мнѣ было всего лишь 39 лѣтъ!

93

Чѣмъ ближе время подходило къ лѣту 1908 года, тѣмъ усиленнѣе приходилось мнѣ подготавливаться къ іюньскому очередному дворянскому Губернскому Собранію. Мною былъ составленъ обширный докладъ, обнимавшій собою дѣятельность сословныхъ учрежденій за истекшее трехлѣтіе моего предводительства съ 1905 г. по 1908 г., въ теченіе котораго удалось провести въ жизнь немало различныхъ мѣропріятій, касавшихся „пользъ и нуждъ" не только одного дворянскаго сословія, но и всего мѣстнаго населенія.

Дворянское Собраніе прошло единодушно, и моя работа получила всеобщее одобреніе. Переизбраніе меня Губернскимъ Предводителемъ на новое трехлѣтіе доставило мнѣ глубокое нравственное удовлетвореніе. „Черныхъ" шаровъ было всего только два. Послѣ выборовъ дворяне поднесли мнѣ адресъ и постановили отпечатать за общественный счетъ мой отчетный докладъ. Мнѣ былъ устроенъ обѣдъ, носившій задушевный характеръ и объединившій нашихъ дворянъ въ одну сплоченную дружную семью. Ихъ довѣріе и сочувствіе создавало для меня обстановку исключительно благопріятную для продолженія дальнѣйшей моей выборной работы.

Сдавъ благополучно свой предводительскій экзаменъ, остальную часть лѣта и начало осени я цѣликомъ посвятилъ головкинскому хозяйству, гдѣ, несмотря на мои частыя и длительныя вынужденныя отлучки, все шло полнымъ нормальнымъ ходомъ, благодаря моимъ сотрудникамъ Кошкину и Божмину.

Мои поѣздки въ Петербургъ продолжались. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ я имѣлъ случай бесѣдовать по поводу самарскихъ землеустроительныхъ работъ съ Главноуправляющимъ Земледѣлія и Землеустройства, Александромъ Васильевичемъ Кривощеинымъ. Онъ горячо интересовался всѣмъ ходомъ подвѣдомственныхъ ему дѣлъ въ Имперіи. Не безъ горделиваго торжества „Самарца" я сообщилъ ему, что у насъ въ области землеустройства открыта своего рода „Америка" Въ Самарской губерніи удачно разрѣшили т. н. внутринадѣльную земельную разверстку въ селеніи, гдѣ ранѣе существо-

вало общинное землепользованіе.

Я очень интересовался землеустроительнымъ дѣломъ, и у себя въ Самарѣ старался не пропускать ни одного засѣданія Губернской Землеустроительной Комиссіи, дѣятельность которой представляла собою на мой взглядъ исключительно серьезное значеніе не только для крестьянскаго хозяйства, но и для политическаго настроенія всего сельскаго населенія.

Губернскія Комиссіи являлись высшими кассаціонными инстанціями по обжалованію постановленій Уѣздныхъ Землеустроительныхъ Коллегій. Для деревни, для крестьянскаго обихода то или другое устроеніе земли являлось самымъ насущнымъ дѣломъ. Чѣмъ обстоятельнѣе и справедливѣе протекали занятія въ землеустроительныхъ комиссіяхъ, тѣмъ вѣрнѣе обезпечивался миръ и дѣловой порядокъ въ деревнѣ. Землеустроительная работа, производившаяся въ означенныхъ комиссіяхъ, была основнымъ регуляторомъ настроенія деревенскихъ массъ.

Подборъ непремѣнныхъ членовъ Уѣздныхъ и Губернской Землеустроительныхъ Комиссій по Самарской губерніи являлся безусловно удачнымъ. Губернскимъ членомъ состоялъ П. Ѳ. Дурасовъ, землевладѣлецъ Бугурусланскаго уѣзда, человѣкъ рѣдкой работоспособности и исключительнаго знанія крестьянскаго земельнаго уклада.

На одномъ изъ засѣданій Землеустроительной Губернской Комиссіи Дурасовымъ было доложено дѣло необычайно меня заинтересовавшее. Впервые пришлось встрѣтить на практикѣ удачное разрѣшеніе вопроса, до сихъ поръ представлявшаго для землеустроителей непреодолимыя затрудненія. Найденъ былъ способъ произвести внутреннюю разверстку общинной земли, причемъ такъ искусно, что населеніе приняло ее съ чувствомъ единодушнаго удовлетворенія.

Разверстка эта была совершена въ многолюдномъ селеніи „Питерка" Новоузенскаго уѣзда въ слѣдующемъ порядкѣ: вся общинная надѣльная земля была сельскимъ сходомъ расцѣнена и распредѣлена по качеству на пять категорій или „разрядовъ". На томъ же сходѣ выбрали комиссію изъ пяти членовъ питерскаго сельскаго общества, которой было поручено, при содѣйствіи землемѣра, разбить надѣльную землю на „столбы", съ нарѣзкой въ каждомъ изъ нихъ особыхъ земельныхъ участковъ, пространственно различныхъ, въ зависимости отъ качества почвы. Была составлена подробная карта нарѣзокъ. Населенію Питерки было предложено вынимать жребій, согласно которому онъ получалъ тотъ или другой земельный участокъ въ личную собственность. Величина этого участка зависѣла отъ качества почвы. Если по жребію выпадалъ участокъ плохой земли, расцѣненной по послѣднему, пятому разряду, то онъ включалъ въ себя количество земли въ пять разъ большее, чѣмъ участокъ первой категоріи, съ наилучшими почвенными качествами.

Землеустройство на земляхъ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ проходило въ условіяхъ сравнительно легкихъ,

землемѣрамъ, какъ и чертежникамъ, предоставлялся просторъ для разверстки свободныхъ земельныхъ массивовъ подъ обособленные собственническіе участки.

Совершенно иное являла собою работа по перераспредѣленію крестьянской общинной земли, въ духѣ „Столыпинской" реформы. До удачнаго „Питерскаго" разрѣшенія, наша землеустроительная практика никакъ не могла съ подобной работою справиться. Докладъ о землеустроительной разверсткѣ въ с. Питеркѣ произвелъ на меня столь сильное впечатлѣніе, что, при свиданіи съ Кривошеинымъ, я не могъ не подѣлиться съ нимъ отраднымъ „Питерскимъ" результатомъ.

Александръ Васильевичъ Кривошеинъ въ молодости началъ со скромнаго заработка домашняго репетитора въ московскомъ домѣ Морозовской семьи, а потомъ быстро прошелъ служебный стажъ, вплоть до министерскаго поста. Александръ Васильевичъ являлъ собою типъ энергичнаго, настойчиваго и умно-смѣтливаго дѣльца. Онъ былъ въ дѣйствительности „кузнецомъ" своего житейски-служебнаго счастья. Онъ обладалъ способностью быстро разбираться въ окружавшей его обстановкѣ, извлекать изъ нея все наиболѣе для себя полезное и подбирать себѣ талантливыхъ, дѣльныхъ сотрудниковъ. Послѣднее качество является однимъ изъ основныхъ условій успѣха для всякаго отвѣтственнаго государственнаго дѣятеля.

Кривошеинъ съ неослабнымъ интересомъ выслушалъ мое сообщеніе о питерской внутринадѣльной разверсткѣ, назвалъ ее „открытіемъ Америки" и, прощаясь со мною, просилъ меня столь же обстоятельно доложить объ этомъ Государю. „Его Величеству, — добавилъ онъ, — все это необходимо знать. Считаю, что вы лучше меня ознакомите Его со всѣми подробностями исключительнаго по интересу и значенію дѣла". Кривошеинъ взялся самъ устроить мнѣ Высочайшій пріемъ, и дня черезъ два я удостоился счастья быть принятымъ Государемъ въ его царскосельскомъ кабинетѣ.

Его Величеству благоугодно было съ большимъ вниманіемъ выслушать мой докладъ. По Его желанію я на блокнотѣ Его письменнаго стола графически изобразилъ всю схему произведенной общинной разверстки.

Вскорѣ послѣ этого, въ особомъ руководствѣ, выпущенномъ Вѣдомствомъ Земледѣлія и Землеустройства, было помѣщено, въ видѣ образца внутринадѣльныхъ землеустроительныхъ работъ, подробное описаніе всего дѣла Питерской разверстки, съ приложеніемъ ея плана.

ЧАСТЬ VIII

1909 ГОДЪ. ИЗБРАНІЕ МЕНЯ САМАРСКИМЪ ЗЕМСТВОМЪ ВЪ ЧЛЕНЫ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА. ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ ПРАВУЮ ГРУППУ. ПАРТІЙНОЕ ПОДРАЗДѢЛЕНІЕ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГРУППА. ПОРЯДОКЪ ЗАНЯТІЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА. РОЛЬ КОМИССІИ. МОИ ДОКЛАДЫ О ЗЕРНОХРАНИЛИЩАХЪ И КРЕДИТНЫХЪ ТОВАРИЩЕСТВАХЪ. КОМИССІИ: ЗЕМЕЛЬНАЯ И СУДЕБНАЯ. МАРІИНСКІЙ ДВОРЕЦЪ. ЗАЛА ЗАСѢДАНІЙ. МОИ СОСѢДИ. ПРЕЗИДІУМЪ. ОБЩІЯ СОБРАНІЯ. ХАРАКТЕРИСТИКА НѢКОТОРЫХЪ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА. ПЕРЕМѢНА ВЪ ОТНОШЕНІЯХЪ КО МНѢ СТОЛЫПИНА. ЧЕСТВОВАНІЕ 30 АПРѢЛЯ 1909 ГОДА САМАРСКИМЪ ДВОРЯНСТВОМЪ ПАМЯТИ СЕРГѢЯ ТИМОФЕЕВИЧА АКСАКОВА. 1910 ГОДЪ. КОНЧИНА БРАТА НИКОЛАЯ. БЕРДЯНСКЪ. ЗАПАДНОЕ ЗЕМСТВО. ПРОВАЛЪ ЗАКОНОПРОЕКТА. ПОВЕДЕНІЕ СТОЛЫПИНА. ЕГО „КОНДИЦІИ". ПОѢЗДКА ВЪ КРЫМЪ. ПОКУПКА „ГУРЗУВИТТЫ". НАСТРОЕНІЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХЪ СФЕРЪ. ВСЕРОССІЙСКІЙ НАЦІОНАЛЬНЫЙ КЛУБЪ. КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ОБОЛЕНСКІЙ. ИМПЕРАТОРСКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО. ПРИНЦЕССА ЕЛЕНА ГЕОРГІЕВНА САКСЕНЪ-АЛЬТЕНБУРГСКАЯ. ПРІѢЗДЪ СТОЛЫПИНА И КРИВОШЕИНА ВЪ САМАРУ ДЛЯ ОСМОТРА ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХЪ РАБОТЪ. ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОР С. П. БѢЛЕЦКІЙ. ГУБЕРНАТОРЪ В. Н. ПРОТАСЬЕВЪ. ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРЪ ФОНЪ-ВИТТЕ. 1911 ГОДЪ. ОЧЕРЕДНОЕ ДВОРЯНСКОЕ СОБРАНІЕ. МОИ ПЕРЕВЫБОРЫ. В. М. ШОШИНЪ. НОВЫЕ УѢЗДНЫЕ ПРЕДВОДИТЕЛИ. РАУТЪ ДВОРЯНСТВА ВЪ ЧЕСТЬ ВОИНСКИХЪ ЧИНОВЪ САМАРСКАГО ГАРНИЗОНА. ГЕНЕРАЛЪ ГЕРНГРОССЪ. ОЧЕРЕДНОЕ ЗЕМСКОЕ СОБРАНІЕ. РОЖДЕНІЕ СЫНА НИКОЛАЯ. ДОБРОЕ ОТНОШЕНІЕ САМАРСКАГО ОБЩЕСТВА. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ. Л. С. АРЖАНОВЪ. МИЛОСТИВЫЙ ПРІЕМЪ У ГОСУДАРЯ. ВЫЗДОРОВѢВШІЙ НАСЛѢДНИКЪ. САМАРСКІЯ ХОДАТАЙСТВА. ВЗАИМООТНОШЕНІЯ СТОЛЫПИНА И КОКОВЦОВА. ПОСТРОЙКА ГОЛОВКИНСКОЙ МЕЛЬНИЦЫ. БОЛѢЗНЬ ПАШЕНЬКИ. 1912 ГОДЪ. НОВЫЙ СОСТАВЪ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ. МОЕ ПЕРЕИЗБРАНІЕ ВЪ ЧЛЕНЫ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА. ПРАВЫЙ ЦЕНТРЪ. БАРОНЪ В. В. МЕЛЛЕРЪ-ЗАКОМЕЛЬСКІЙ. ВЗАИМООТНОШЕНІЯ МЕЖДУ ДВУМЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМИ ПАЛАТАМИ. ТРЕВОЖНЫЯ НАСТРОЕНІЯ СТОЛИЧНЫХЪ КРУГОВЪ. БЕСѢДА СЪ М. Г. АКИМОВЫМЪ. ПОѢЗДКА ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА ВЪ КРОНШТАДТЪ. Я. А. УШАКОВЪ. ЗАВЕРШЕНІЕ МЕЛЬНИЧНОЙ ПОСТРОЙКИ. ОБСУЖДЕНІЕ ДВОРЯНСКИМИ ОРГАНИЗАЦІЯМИ СПОСОБОВЪ ЮБИЛЕЙНЫХЪ ЧЕСТВОВАНІЙ. ОТКРЫТІЕ ВЪ МОСКВѢ ПАМЯТНИКА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III. РАУТЪ ВЪ ДВОРЯНСКОМЪ ИНСТИТУТѢ. БОРОДИНСКІЙ ЮБИЛЕЙ. БАНКЕТЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ АНГЛІЙСКОМЪ КЛУБѢ. ОПИСАНІЕ ТОРЖЕСТВА. ПОДНЕСЕНІЕ ГОСУДАРЮ ДВОРЯНСКАГО СТЯГА. ВЫБОРЫ ВЪ ЧЕТВЕРТУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ. ПАГУБНАЯ ПОЛИТИКА ХАРУЗИНА И САБЛЕРА. РАСКОЛЪ СРЕДИ САМАРЦЕВЪ. НЕБЛАГОПРІЯТНЫЙ ПРОЦЕССЪ ВЫБОРОВЪ. СМѢШАННЫЙ БЛОКЪ. ОСВЯЩЕНІЕ И ОТКРЫТІЕ ГОЛОВКИНСКОЙ МЕЛЬНИЦЫ. 1913 ГОДЪ. ПРАЗДНОВАНІЕ ТРЕХСОТЛѢТІЯ ДОМА РОМАНОВЫХЪ. ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТОРЖЕСТВА. МОСКОВСКІЕ ЮБИЛЕЙНЫЕ ДНИ. РАСЦВѢТЪ МОИХЪ ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ ДѢЛЪ. УСПѢХЪ МУКОМОЛЬНАГО ПРОИЗВОДСТВА. ДУМЫ О ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВѢ. КН. А. А. ЩЕРБАТОВЪ. 1914 ГОДЪ. ЗЕМСКІЙ ЮБИЛЕЙ. ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТОРЖЕСТВА. ОЧЕРЕДНОЕ ДВОРЯНСКОЕ СОБРАНІЕ. МОИ ПЕРЕВЫБОРЫ. НАМѢРЕНІЕ ПЕРЕСЕЛИТЬСЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. ДОМЪ ФОНЪ ДЕРВИЗЪ. ГАДАЛКА. ЛЕЧЕНІЕ ВЪ ВИШИ. ПОКУПКА ДОМА. А. П. СТРУКОВЪ. НАШИ РАСХОЖДЕНІЯ ВО ВЗГЛЯДАХЪ НА СОСЛОВНЫЯ ДѢЛА. САРАЕВСКОЕ УБІЙСТВО. ПОСПѢШНЫЙ ВОЗВРАТЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. ПРОВЕДЕНІЕ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ ЗАКОНОПРОЕКТА ОБЪ ОТКРЫТІИ ВЪ САМАРѢ ПОЛИТЕХНИКУМА.

94

Начавшійся 1909 годъ оказался исключительнымъ въ моей жизни. Въ январскую сессію Самарское Губернское Земское Собраніе почтило меня единодушнымъ избраніемъ въ члены Государственнаго Совѣта, вмѣсто отказавшагося А. Н. Карамзина.

Передо мной открывалось широкое поле дѣятельности. Попадая по выборамъ въ Государственный Совѣтъ, я осуществлялъ завѣтную свою мечту —установленія живой связи центра съ провинціей. Но я идеализировалъ структуру такого объединенія правящихъ верховъ съ нуждами деревни. Въ моемъ воображеніи она больше соотвѣтствовала историческому строю нашего государства. Бурное лихолѣтье 1905 года оказалось сильнѣе моихъ „мечтаній", изъ-за которыхъ до революціи 1905 года меня причисляли къ лагерю „свободомыслящихъ". Послѣ Виттевскаго „конституціоннаго" акта 17-го октября, я превратился въ убѣжденнаго консерватора. Но мой консерватизмъ не надо понимать въ смыслѣ реакціоннаго возстановленія самодержавно-бюрократическа-

го режима, — я считалъ, что ради установленнаго Октябрьскимъ Манифестомъ конституціоннаго порядка, надо дѣйствовать осторожно, безъ дальнѣйшихъ неосмотрительныхъ попытокъ его расширенія. Приходилось пока довольствоваться тѣмъ, въ значительной степени неопредѣленнымъ и для россійскаго бытового уклада необычнымъ, что далъ намъ поспѣшно созданный актъ 17-го октября.

Необходимо было предоставить государственному организму нѣкоторое время, чтобы онъ смогъ безболѣзненно переработать произведенную надъ нимъ операцію, и принять всѣ мѣры къ соединенію здоровыхъ элементовъ прошлаго съ сутью и формой новыхъ конституціонныхъ основъ.

Всѣ эти соображенія были высказаны мною Земскому Собранію, которое единодушно одобрило ихъ, давъ мнѣ полную свободу дѣйствій въ области предстоявшей мнѣ законодательной дѣятельности и политическаго самоопредѣленія. Тѣ же мотивы легли въ основу моего поведенія въ Государственномъ Совѣтѣ. Руководствуясь ими, я рѣшилъ примкнуть къ консервативной „правой группѣ", не взирая ни на какіе упреки и ожесточенныя нападки со стороны нѣкоторыхъ моихъ бывшихъ политическихъ единомышленниковъ, какъ напримѣръ — Н. А. Хомякова, по своему благодушію успѣвшаго послѣ 1905 года сильно „сдвинуться влѣво", и въ особенности П. А. Столыпина. Онъ признался, что никакъ не ожидалъ, что я вступлю въ группу, возглавленную „опороченнымъ всѣмъ его прошлымъ" П. Н. Дурново, и что онъ, Столыпинъ, былъ твердо увѣренъ, что въ стѣнахъ Маріинскаго Дворца я буду сотрудничать съ его шуриномъ, А. Б. Нейдгардтомъ. Всѣ мои принципіальныя соображенія встрѣчали въ Петербургѣ въ большинствѣ случаевъ лишь снисходительную улыбку. Въ столицѣ, захваченной законодательной горячкой, все группировалось скорѣе на учетѣ личностей, а не на идейныхъ основахъ, не успѣвшихъ еще въ достаточной степени выкристаллизироваться.

Въ то время, какъ въ нижней законодательной палатѣ возникъ цѣлый рядъ политическихъ фракцій, въ Государственномъ Совѣтѣ организовались всего лишь три основныя группы: правая, центръ и лѣвая, т. н. „академическая".

Послѣ реформы 1906 года, общее количество лицъ, носившихъ званіе членовъ Государственнаго Совѣта, равнялось приблизительно 250 - 260. Изъ нихъ къ присутствованію въ высшемъ законодательномъ учрежденіи полагалось до 200 членовъ, подраздѣлявшихся — на сто лицъ по Высочайшему назначенію, и остальныя сто — по выборамъ отъ разныхъ общественныхъ и сословныхъ группировокъ.

За то время, что мнѣ пришлось участвовать въ Государственномъ Совѣтѣ, съ 1909 по 1916 годъ, — 200 членовъ распредѣлилось по партійнымъ группамъ приблизительно такъ: на „правую" группу приходилось около 80 человѣкъ, на „академическую" — 15, „независимыхъ" — около 5-ти. Остальные 100 включались въ „центръ. Къ нему примыкалъ „правый центръ", сохранявшій полную самостоятельность. Группу эту основалъ и возглавлялъ Алексѣй Борисовичъ Нейдгардтъ. Объединенныя имъ лица обычно такъ и именовались „Нейдгардтцами". Несмотря на свою относительную малочисленность, они играли немаловажную роль въ судьбѣ цѣлаго ряда постановленій Государственнаго Совѣта, нерѣдко являясь при баллотировочномъ производствѣ рѣшающимъ факторомъ, въ зависимости отъ того, съ какой изъ двухъ основныхъ группъ эти „Нейдгардтцы" голосовали. Это придавало имъ вѣсъ въ законодательной жизни Государственнаго Совѣта, особенно, когда Столыпинъ былъ у власти. Это была своего рода законодательная его „опричина", предназначенная поддерживать всѣ вносимые имъ проекты. Это было одной изъ причинъ, удерживавшихъ меня вступать въ составъ „Нейдгардтцевъ", несмотря на мои личныя симпатіи ко многимъ изъ нихъ, включая самого Алексѣя Борисовича. Среди нихъ были въ то время близкіе мои друзья и коллеги.

Центръ, въ чистомъ своемъ видѣ, безъ Нейдгардтцевъ, возглавлялся княземъ Петромъ Николаевичемъ Трубецкимъ и включалъ въ себя членовъ Государственнаго Совѣта, выбранныхъ отъ Царства Польскаго. Среди нихъ былъ талантливый ораторъ Игнатій Альбертовичъ Шебеко; острый, умный старикъ Корвинъ-Круковскій; родовитый и изысканно любезный гр. Вельепольскій; скромный Скирмунтъ; угрюмый Лопацинскій и черненькій, небольшой Мештровичъ.

Центръ объединялъ въ себѣ и всю группу „Прибалтійцевъ", перешедшихъ въ 1910 году отъ Нейдгардта къ Трубецкому, послѣ образованія въ Петербургѣ „Національнаго" Клуба. Представители ихъ были не особенно словоохотливы, но все же въ нужныхъ случаяхъ они выступали съ разумными и всегда лояльными рѣчами — баронъ Деллинсгаузенъ, баронъ Пилларъ-фонъ-Пильхау, графъ Рейтернъ, баронъ Нолькенъ, графъ Паленъ и фонъ-Экеспаррэ.

Въ центръ входила почти вся торгово-промышленная группа съ горнымъ инженеромъ Николаемъ Степановичемъ Авдаковымъ во главѣ. Въ ней участвовали извѣстные москвичи — Григорій Александровичъ Крестовниковъ, Н. Ф. фонъ-Дитмаръ, Ф. В. Стахѣевъ, Ф. А. Ивановъ и др.

Числились въ центрѣ человѣкъ десять, избранныхъ отъ земствъ. Остальные члены центральной группы принадлежали къ категоріи Высочайше назначенныхъ членовъ, занимавшихъ ранѣе отвѣтственные посты высшихъ сановниковъ, какъ напримѣръ, Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ, В. И. Тимирязевъ, братья князья Александръ и Алексѣй Дмитріевичи Оболенскіе, П. М. фонъ-Кауфманъ-Туркестанскій и др. Къ Центру принадлежалъ также въ качествѣ назначеннаго короной извѣстный профессоръ Н. С. Таганцевъ.

Въ „Академическую" группу входили члены Государственнаго Совѣта, выбранные отъ профессуры: умный и краснорѣчивый М. М. Ковалевскій; Д. Д. Гриммъ; часто и неудачно выступавшій И. Х. Озеровъ; живой Васильевъ; Багалей и нѣ-

сколько другихъ.

Особнякомъ стояли такія лица, какъ графъ С. Ю. Витте, А. Ф. Кони и нѣкоторыя другія, значившіяся по списку въ числѣ „независимыхъ".

Академическая группа состояла, главнымъ образомъ, изъ профессоровъ и отличалась „академичностью", а не обще-государственной практичностью. Это была оппозиція ко всему, что шло отъ правительства, включая и порядокъ, установившійся послѣ манифеста 17 октября. Они мечтали о большемъ, имѣя въ своемъ составѣ приверженцевъ лѣваго крыла „кадетской" и даже нѣкоторыхъ лицъ, примыкавшихъ къ соціалъ-демократической партіи.

Восьмидесятиголовый „центръ", возглавленный княземъ Трубецкимъ, если взять его безъ праваго подотдѣла — „Нейдгардтцевъ", представлялъ собою чрезвычайно разнохарактерный составъ. Это были лица, не объединенные общимъ національнымъ „русскимъ" настроеніемъ, а скорѣе собраніе разнородныхъ „россійскихъ" національностей, несомнѣнно въ глубинѣ своей стремившихся къ сепаратизму, несмотря на внѣшнія выраженія лояльности. Всѣхъ ихъ — поляковъ и прибалтійцевъ — умѣлъ вести по приблизительно одному руслу большой тактикъ въ дѣлѣ объединенія и предсѣдательствованія, мягкій, уступчивый и довольно безпринципный князь П. Н. Трубецкой. Онъ норовилъ законодательную работу своей группы вести въ соотвѣтствіи съ господствовавшими въ Таврическомъ Дворцѣ настроеніями. Общее политическое направленіе, преобладавшее въ означенной группѣ, можно назвать „октябристскимъ".

Благодаря совершенной новизнѣ законодательныхъ учрежденій, лица, вступавшія въ ихъ составъ, не могли съ достаточной ясностью и должнымъ сознаніемъ отнестись къ своей законодательной работѣ. Первоначальныя группировки скорѣе создавались въ зависимости отъ господствовавшихъ въ данный моментъ общественныхъ настроеній или отъ персональныхъ качествъ того или другого лица, объединявшаго вокругъ себя членовъ палаты.

Я рѣшилъ сохранить нѣкоторую долю своей аполитичной самостоятельности и ни въ какія группы цѣликомъ не вступать. Но я съ самаго начала „примкнулъ" къ правому объединенію, какъ опредѣленно консервативному.

Я исходилъ изъ слѣдующихъ соображеній: то, что было дано странѣ по манифесту 17 октября, я считалъ, несмотря на весь мой до-октябрьскій либерализмъ, не только достаточнымъ для россійскаго народнаго представительства, но, по сравненію съ моими прежними „мечтаніями", даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чрезмѣрнымъ.

Всѣ мои стремленія въ области законодательныхъ улучшеній сводились къ сознанію необходимости принять соотвѣтствующія новшества въ исторически-преемственной связи со всѣмъ цѣннымъ и здоровымъ, что имѣлось въ прошломъ экономически - соціальномъ укладѣ нашей страны.

Мое участіе въ работѣ Совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства показало мнѣ, съ какой неосмотрительностью заготовлялись правительственные законопрокеты, затрагивавшіе самую основу помѣстнаго уклада и вмѣстѣ съ тѣмъ, нарушавшіе связь съ цѣнными, жизнеспособными элементами дореформеннаго государственнаго бытія.

Само собой разумѣется, не реакціи я искалъ, а „здороваго" консерватизма и всесторонняго государственнаго прогресса. Передъ вступленіемъ моимъ въ правую группу, многіе включая Столыпина, запугивали меня ея реакціонностью, главнымъ образомъ указывая на Петра Николаевича Дурново, ея предсѣдателя. Я же оцѣнивалъ этого человѣка совершенно иначе, по тѣмъ личнымъ впечатлѣніямъ, которыя я вынесъ въ памятный періодъ пронесшагося надъ страной революціоннаго урагана 1905 - 1906 г.г. и которыя убѣдили меня не въ реакціонности Дурново, а въ его практической разумности, государственной прозорливости и опытности.

Я ничего не зналъ о прошломъ Петра Николаевича, о его якобы одіозномъ поведеніи, какъ директора департамента полиціи въ царствованіе Императора Александра III. Объ этомъ я услыхалъ лишь впослѣдствіи отъ лицъ, ссылавшихся на его поведеніе, въ объясненіе своего къ нему отрицательнаго отношенія. Тотъ же П. А. Столыпинъ не стѣснялся при мнѣ отзываться о своемъ предшественникѣ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ въ крайне неблагосклонныхъ выраженіяхъ, совершенно упуская изъ виду тотъ несомнѣнный фактъ, что не будь до него государственно - сообразительнаго и рѣшительнаго Дурново, не было бы и его самого. Но я въ своей оцѣнкѣ лидера многочисленной правой группы членовъ Государственнаго Совѣта придерживался исключительно моихъ личныхъ впечатлѣній и считалъ ихъ для себя совершенно опредѣленными. Въ лицѣ Петра Николаевича, выдающагося государственнаго практика, я имѣлъ извѣстный авторитетъ, во всякомъ случаѣ болѣе ощутительный и въ государственномъ смыслѣ интересный, чѣмъ представлялъ собой компромиссный и неопредѣленный кн. П. Н. Трубецкой.

Слишкомъ живы еще были у меня воспоминанія о Дурново, какъ объ единственномъ, опредѣленно-рѣшительномъ человѣкѣ, своими энергичными дѣйствіями спасшемъ гибельное положеніе вещей въ Россіи въ концѣ 1905 года. „Я человѣкъ дѣйствія, — слышали мы въ то время его разумныя, полныя государственнаго смысла и значенія слова, — говорю прямо и стою за крайнюю строгость, ибо считаю, что въ настоящее время это единственный путь. Только строгостью можно теперь достигнуть успокоенія, а затѣмъ въ отношеніи арміи нужны серьезныя мѣры."

Въ бытность мою членомъ Государственнаго Совѣта приходилось не разъ сталкиваться съ Петромъ Николаевичемъ и подолгу съ нимъ бесѣдовать по поводу общаго положенія государства, текущихъ законодательныхъ работъ, группо-выхъ соотношеній и на отвлеченныя политическія темы.

Вспоминаю одну откровенно имъ высказанную мысль, характеризующую его политическую идеологію. „Меня — говорилъ Петръ Николаевичъ — всѣ считаютъ за заядлаго монархиста, реакціоннаго защитника самодержавія, неисправимаго „мракобѣса"... и не предполагаютъ, что я, можетъ быть, по своимъ взглядамъ являюсь самымъ убѣжденнымъ республиканцемъ, ибо я, на самомъ дѣлѣ, считаю наиболѣе идеальнымъ для всякаго народа такое положеніе вещей, когда населеніе можетъ имѣть во главѣ управленія имъ же самимъ избраннаго достойнѣйшаго гражданина президентомъ. Для нѣкоторыхъ странъ подобный идеалъ, по тѣмъ или другимъ счастливымъ условіямъ, становится доступенъ. Этого ни въ коемъ случаѣ нельзя сказать про нашу обширнѣйшую и разнохарактерную Россійскую Имперію, гдѣ по чисто-практическимъ соображеніямъ техника управленія и цѣльность требуетъ наличія исторически-сложившагося царскаго стяга. Не станетъ его — распадется Россія. Таковъ неминуемый законъ природы Россійской государственности"...

Всѣмъ извѣстна поданная тѣмъ же Дурново Государю Николаю II въ февралѣ 1914 года записка, въ которой онъ, со свойственной ему прозорливостью, предсказалъ, какъ разыграется война Россіи съ Германіей, если таковая возникнетъ. „Въ случаѣ неуспѣха — писалъ онъ — начнется соціальная революція, — черный передѣлъ и общій раздѣлъ всѣхъ цѣнностей и имуществъ. Побѣжденная армія, лишившаяся надежнаго кадроваго состава, окажется слишкомъ деморализованною, чтобы послужить оплотомъ законности и порядка. Законодательныя учрежденія и лишенныя авторитета въ глазахъ народа оппозиціонно-интеллигентскія партіи будутъ не въ силахъ сдержать народныя волны, ими же поднятыя, и Россія будетъ ввергнута въ безпросвѣтную анархію, исходъ которой не поддается предвидѣнію"...

Какъ руководитель правой группы Государственнаго Совѣта, Петръ Николаевичъ чрезвычайно терпимо относился ко всѣмъ высказывавшимся подъ его предсѣдательствомъ мнѣніямъ. Помню, какъ я убѣждалъ его поддержать въ Государственномъ Совѣтѣ нашъ проектъ учрежденія въ Самарѣ Политехническаго Института, который встрѣчалъ большія возраженія и услыхалъ его краткій отвѣтъ: „Вѣрю въ Вашу вѣру! Да будетъ такъ!"... И Самарскій Политехникумъ увидѣлъ свѣтъ.

Несмотря на всякіе „закулисные" пересуды объ его прошломъ, Петръ Николаевичъ пользовался среди огромнаго большинства своихъ сочленовъ по Государственному Совѣту безусловнымъ уваженіемъ и съ его мнѣніемъ всѣ считались. Когда же въ 1910 году, въ связи съ исторіей Западнаго Земства, Дурново палъ жертвой мстительности Столыпина, и вмѣстѣ съ В. Ѳ. Треповымъ, подвергся насильственному „отпуску", то на вокзальные проводы его заграницу съѣхался чуть ли не весь составъ Государственнаго Совѣта съ М. М. Ковалевскимъ и другими „академистами" включительно.

Въ правой группѣ приблизительно половина членовъ были по Высочайшему назначенію, остальные были выборные, въ числѣ которыхъ почти всѣ представители отъ духовенства: грузный, горячій и громогласный архіепископъ Варшавскій Николай; умный, сдержанный и симпатичный архіепископъ Новгородскій Арсеній, смиренный епископъ Вологодскій Никонъ и энергичный протоіерей Буткевичъ. Въ означенной группѣ также состояло большинство избранниковъ отъ дворянства (А. П. Струковъ, А. А. Нарышкинъ, В. И. Карповъ, князь В. М. Урусовъ, В. П. Мещериновъ, А. И. Мосоловъ, князь А. Н. Лобановъ-Ростовскій, князь А. М. Эристовъ и др.) и немало земскихъ представителей — отъ Тамбовскаго земства — В. М. Андреевскій, Псковскаго — С. И. Зубчаниновъ, Курскаго — М. Я. Говоруха-Отрокъ, Бессарабскаго — Д. Н. Семиградовъ, Симбирскаго — В. Н. Поливановъ, Рязанскаго — В. А. Дращусовъ, Саратовскаго — графъ Д. А. Олсуфьевъ и др. Послѣдній меня особенно горячо привѣтствовалъ, какъ своего сочлена по группѣ, всецѣло сочувствуя всѣмъ моимъ идеологическимъ взглядамъ и также отстаивая необходимость образованія опредѣленной, консервативной, но не реакціонной партіи.

Среди членовъ правой группы по назначенію было значительное число высшихъ военныхъ и морскихъ чиновъ: Н. Н. Сухотинъ, Ф. Ф. Палицынъ, Редигеръ, Селивановъ, Пантелѣевъ, Чихачевъ, Бирилевъ, Воеводскій и другіе, а также рядъ лицъ, занимавшихъ ранѣе отвѣтственныя гражданскія должности, какъ — А. С. Стишинскій, Н. А. Звѣревъ, П. П. Кобылинскій, Н. Н. Шрейберъ, И. А. Зиновьевъ, князь Голицынъ-Муравлинъ и др., а также и тѣ, кто въ своей общественной дѣятельности имѣлъ за собой заслуги (С. С. Бехтѣевъ, графъ С. Д. Шереметьевъ, Н. А. Хвостовъ, С. Н. Гербель и др.).

Политическое настроеніе этихъ назначенныхъ членовъ во многихъ отношеніяхъ не совпадало съ тѣми принципами и побужденіями, съ которыми я вступалъ въ составъ членовъ Государственнаго Совѣта, и руководствуясь которыми, я рѣшилъ примкнуть къ правой ихъ группѣ.

Въ ея составѣ было немало сановниковъ, членовъ и дореформеннаго Государственнаго Совѣта. Для нихъ новая обстановка ихъ дѣятельности была столь необычной, что трудно было имъ привыкать и приспосабливаться къ новому порядку ихъ службы и положенія. Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ нихъ смотрѣли на народное представительство и, въ частности, на низшую законодательную палату, какъ на неизбѣжное зло, явившееся въ результатѣ проявленной въ 1905 году слабости правительства.

Нѣкоторые не могли мириться съ самимъ ходомъ работъ въ Государственной Думѣ съ точки зрѣнія допущенія ряда погрѣшностей редакціоннаго свойства въ законодательномъ матеріалѣ, который передавался затѣмъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Къ такимъ лицамъ принадлежалъ выдающійся стилистъ устнаго и письменнаго родного слова

Александръ Семеновичъ Стишинскій, прошедшій основательную школу „Государственной Канцеляріи", по праву славившейся образцовой постановкой редакціоннаго изложенія всѣхъ составлявшихся въ ея нѣдрахъ законопроектовъ. Стишинскій являлся въ Государственномъ Совѣтѣ однимъ изъ лучшихъ ораторовъ, ясно, точно и обстоятельно излагавшихъ свои соображенія и выводы по цѣлому ряду государственныхъ вопросовъ или по порученнымъ ему докладамъ отъ комиссій.

Другіе члены Государственнаго Совѣта изъ той же группы, какъ напримѣръ, точный и строгій законникъ Петръ Петровичъ Кобылинскій, тоже не удовлетворялись получавшимся изъ Государственной Думы матеріаломъ, находили его недостаточно обоснованнымъ и обработаннымъ. Въ настроеніи всѣхъ этихъ лицъ чувствовалось нѣкоторое недовѣріе къ новому учрежденію, выражавшееся въ чрезвычайно осмотрительномъ обращеніи съ передававшимися на ихъ разсмотрѣніе Думскими законопроектами. Въ этомъ отношеніи, между прочимъ, ясно сказывалось расхожденіе означенной группы съ „центромъ", проявлявшимъ большую уступчивость и компромиссность, ради достиженія возможной согласованности въ работахъ обѣихъ палатъ.

Эти настроенія правыхъ членовъ Государственнаго Совѣта по назначенію внѣшне, въ какой-либо ясно выраженной „реакціонной формѣ", не выражались, чему немало способствовалъ предсѣдательствовавшій на всѣхъ групповыхъ засѣданіяхъ Дурново, который вносилъ сдерживающій и умѣренный тонъ, допуская лишь дѣловую критику предлагавшихся къ обсужденію законопроектовъ.

Для подобной критики представлялось немало поводовъ, ввиду появленія на законодательномъ рынкѣ Столыпинскихъ многочисленныхъ реформъ.

Я былъ далекъ отъ сановнаго міра, составлявшаго добрую половину правой группы, но по нѣкоторымъ законопроектамъ, подчасъ неосмотрительно реформировавшимъ мѣстный провинціальный укладъ, я вынужденъ бывалъ высказываться такъ же, какъ мнѣ приходилось ранѣе, на засѣданіяхъ „преддумья", и невольно оказывался солидарнымъ со своими сочленами въ правой группѣ по назначенію.

Въ общемъ, съ перваго же полугодія моего участія въ работахъ Государственнаго Совѣта, я чувствовалъ себя роднѣе и ближе со своими „выборными" коллегами, и въ особенности — съ земскими избранниками.

Одно время я усиленно пропагандировалъ идею образованія особой земской группы, но мысль эта оказалась неосуществимой, и вмѣсто нея, образовалась чисто-дѣловая, безпартійная группировка членовъ Государственнаго Совѣта, т. н. „экономическая", которая сразу же завоевала себѣ симпатіи. Первоначально она функціонировала подъ предсѣдательствомъ одного изъ ея иниціаторовъ Сергѣя Сергѣевича Бехтѣева, извѣстнаго земскаго дѣятеля, экономиста, создателя Елецкаго элеватора и автора ряда учено-беллетристическихъ трудовъ.

Подъ его предсѣдательствомъ экономическая группа, въ началѣ состоявшая изъ правыхъ, разрабатывала вопросы, имѣвшіе существенное значеніе для экономическаго уклада страны. По нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось достигнуть реальныхъ результатовъ, какъ напримѣръ, по вопросамъ финансированія со стороны правительства мелкихъ кредитныхъ учрежденій, расширенія сѣти зернохранищъ, упорядоченія функціонированія товарныхъ складовъ и др.

Означенная группа стала привлекать вниманіе и другихъ членовъ Государственнаго Совѣта, не только „правыхъ", но и принадлежавшихъ къ „центру", лидеръ котораго князь П. Н. Трубецкой, высказалъ пожеланіе принять участіе въ нашихъ работахъ. Мы согласились на подобное, желательное во всѣхъ отношеніяхъ, сотрудничество. Когда Бехтѣевъ отказался, экономическая группа избрала своимъ предсѣдателемъ князя Трубецкого, но послѣдній не сумѣлъ ее удержать на высотѣ чисто дѣловой организаціи, допустивъ въ нашемъ объединеніи проявленія нѣсколько партійнаго характера.

Мало-по-малу, экономическая группа распалась, и члены ея распылились по тѣмъ же тремъ основнымъ группамъ — „правыхъ", „центръ" и „академистовъ".

Основная работа въ Совѣтѣ сосредотачивалась въ рядѣ особыхъ комиссій избиравшихся на общихъ собраніяхъ и предварительно обсуждавшихъ законопроекты, заслуживавшіе особаго вниманія Совѣта и требовавшіе по своей сложности подготовительной разработки. Годовой государственный бюджетъ проходилъ черезъ особую финансовую комиссію, гдѣ весь смѣтный матеріалъ распредѣлялся между ея членами, являвшимися впослѣдствіи на общихъ собраніяхъ докладчиками — каждый по своему отдѣлу. Разумѣется, финансовая комиссія, избиравшаяся на весь операціонный годъ, имѣла первенствующее значеніе въ дѣятельности Государственнаго Совѣта, являясь регуляторомъ всей жизни государства.

На годовой срокъ избирались также комиссіи законодательныхъ предположеній, личнаго состава и внутренняго распорядка. Помимо этихъ „постоянныхъ", избирались также и комиссіи временнаго характера, для разсмотрѣнія какого-либо отдѣльнаго законодательнаго акта.

Процедура выборовъ во всѣ эти комиссіи распадалась на двѣ стадіи: сначала избирались кандидаты изъ четырехъ партійныхъ группъ. Имена кандидатовъ вписывались на небольшія печатныя карточки, окрашенныя въ особые для каждой группы цвѣта. Карточки эти разсылались всѣмъ членамъ Государственнаго Совѣта. Затѣмъ члены Государственнаго Совѣта, на общихъ засѣданіяхъ, клали упомянутыя карточки въ баллотировочные ящики, послѣ чего происходилъ ихъ подсчетъ.

Отъ каждой партійной группы попадало въ комиссію число членовъ, пропорціональное ея количественному соста-

ву. Внѣ принадлежности къ той или другой партійной группировкѣ, попасть въ комиссію было дѣломъ немыслимымъ, межъ тѣмъ работа этихъ комиссій обычно предопредѣляла судьбу рѣшеній Государственнаго Совѣта. Конечно, изрѣдка, безпартійныя общеизвѣстныя имена, какъ напримѣръ А. Ф. Кони, проводились въ комиссіи тѣми или другими группами, но подобные случаи представляли собой исключенія.

Благодаря моему участію въ „правой" группѣ, въ первое мое трехлѣтіе (1909 - 1912 г.г.) меня почти безпрерывно избирали въ рядъ комиссій, занятія въ которыхъ представляли для меня огромный интересъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, отнимали массу времени и создавали трудное для меня положеніе, ввиду совмѣщенія мною обязанностей члена Государственнаго Совѣта съ должностью Губернскаго Предводителя. Кромѣ этого, въ 1909 - 1911 г.г., я продолжалъ числиться членомъ Совѣта по Дѣламъ Мѣстнаго Хозяйства, гдѣ работа шла своимъ чередомъ.

При моихъ неоднократныхъ перевыборахъ въ Предводители и въ члены Государственнаго Совѣта, я указывалъ дворянству и земству на трудность подобнаго совмѣстительства. Я просилъ меня освободить отъ одной изъ должностей, но всѣ мои доводы ни къ чему не приводили. Съ такимъ ненормальнымъ положеніемъ пришлось мнѣ мириться вплоть до назначенія меня въ 1915 году Министромъ.

Мое первое, очень робкое выступленіе въ Государственномъ Совѣтѣ произошло въ немногочисленной по своему составу комиссіи „по товарнымъ окладамъ". Ея предсѣдатель — умный и уравновѣшенный членъ Государственнаго Совѣта по назначенію — баронъ Э. Ф. Гэйнингенъ фонъ Гюне былъ привѣтливымъ руководителемъ нашихъ занятій, далекимъ отъ излишней формалистики. Благодаря ему, рамки переданнаго на наше разсмотрѣніе законопроекта раздвинулись и затронули общіе интересы всего сельскохозяйственнаго производства въ странѣ.

Когда выяснилось, что въ понятіе товарныхъ складовъ входятъ также и зернохранилища (элеваторы), я вытребовалъ изъ Бугурусланскаго уѣзднаго земства всѣ данныя по постановкѣ и дѣятельности существовавшихъ въ уѣздѣ зернохранилищъ, которыя зарекомендовали себя съ наилучшей стороны.

Въ этомъ отношеніи Бугурусланское земство, благодаря энергіи и дѣловитости одного изъ своихъ предсѣдателей — Н. Д. Брандта, проявило исключительную иниціативу, покрывъ уѣздъ въ наиболѣе людныхъ его пунктахъ и около желѣзнодорожныхъ станцій сѣтью небольшихъ элеваторовъ американскаго типа. Въ нихъ производилась очистка и осушка зерна, и выдавались варранты. * На основаніи бугурусланскаго опыта, я составилъ подробный докладъ и внесъ его въ

*** Накладныя на сданное зерно, которыя давали возможность получать подъ него кредитъ.**

нашу комиссію, очень имъ заинтересовавшуюся. Вопросъ объ элеваторахъ далъ толчокъ къ образованію „экономической" группы.

Впослѣдствіи въ то же „экономическое" объединеніе мною были представлены соображенія о необходимости развитія сельскихъ кредитныхъ товариществъ. Основаніемъ этого моего доклада послужилъ обширный матеріалъ, любезно предоставленный мнѣ управляющимъ Самарскимъ отдѣленіемъ Государственнаго Банка А. К. Ершовымъ.

Настаивая на желательности устройства въ земледѣльческихъ районахъ Россіи правильно организованной сѣти зернохранилищъ и настойчивой необходимости широкаго развитія доступныхъ всей толщѣ сельскаго населенія кредитныхъ товариществъ, я стоялъ за срочное осуществленіе этихъ мѣропріятій по нижеслѣдующимъ соображеніямъ: разумно раскинутая по всей земледѣльческой странѣ сѣть мелкихъ зернохранилищъ дала бы широкую возможность производителямъ хлѣба сохранить урожай въ наилучшихъ условіяхъ, гарантирующихъ его отъ возможной порчи и убыли, и реализовать его нормально, минуя недобросовѣстныхъ посредниковъ и выжидая выгодное настроеніе рынка.

Помимо этого правильная сѣть элеваторовъ и отборъ зерна при ежегодномъ хлѣбномъ экспортѣ въ среднемъ около милліарда пудовъ, должна была благопріятно отразиться на общей цифрѣ русскаго торговаго международнаго баланса и на хлѣбныхъ сдѣлкахъ, производившихся на міровыхъ хлѣбныхъ биржахъ Лондона, Кенигсберга и др. Такимъ образомъ поднялась бы и кредитоспособность государства.

Мое конкретное предложеніе по данному вопросу сводилось къ тому, чтобы понудить правительство установить наиболѣе подходящій типъ мелкихъ и крупныхъ зернохранилищъ и приступить, въ возможно близкомъ будущемъ, къ осуществленію этой важной для хлѣбнаго хозяйства Россіи мѣры, при содѣйствіи всѣхъ наличныхъ въ странѣ земствъ.

Предложеніе мое встрѣтило горячую поддержку не только со стороны комиссіи и „экономическаго" объединенія, но и многихъ членовъ Государственнаго Совѣта. Заговорила о немъ и пресса. Въ самомъ Министерствѣ Финансовъ стало проявляться нѣкоторое „движеніе воды". Но не въ мѣру осторожный рутинеръ В. Н. Коковцовъ, добросовѣстный хранитель денежной казны, все свелъ къ постройкѣ въ 3 — 4 крупныхъ губернскихъ центрахъ (между прочимъ — въ г. Самарѣ) огромныхъ, дорого стоившихъ элеваторовъ. Эти грандіозныя зданія, украшенныя государственными гербами, никакой пользы для отдаленнаго отъ города крестьянскаго люда не приносили. Этимъ все и ограничилось...

Что касается развитія въ деревнѣ кредитныхъ операцій, то мое близкое знакомство съ ихъ дѣятельностью въ Самарской губерніи убѣдило меня въ приносимой ими большой пользѣ мѣстному населенію.

Это избавляло крестьянъ отъ гнета мѣстныхъ ростовщи-

ковъ-„кулаковъ". Я употребляю это слово въ прежнемъ его понятіи, когда „кулакъ" дѣйствительно выжималъ своимъ безпощаднымъ кулакомъ всѣ соки изъ деревенской бѣдноты.

И уставъ кредитныхъ товариществъ и финансированіе ихъ были тоже поставлены раціонально, безъ оттѣнка благотворительности свыше, разсчитывая лишь на собственное умѣнье правильно вести дѣло. Въ нашей губерніи кредитныя товарищества изъ года въ годъ все глубже пускали прочные корни, пріучая крестьянъ къ индивидуальной отвѣтственности, порядку и общественной дисциплинѣ.

Убѣжденнымъ сторонникомъ необходимости всяческаго содѣйствія со стороны правительства распространенію по лицу всей деревенской Россіи кредитныхъ товариществъ являлся также управляющій Самарскимъ отдѣленіемъ Государственнаго Банка, умный и чуткій ко всякой здоровой общественности А. К. Ершовъ. Немало онъ въ свое время возмущался тѣмъ отрицательнымъ отношеніемъ, которое проявлялъ Петербургъ къ дѣлу финансированія и размноженія упомянутыхъ кредитныхъ учрежденій, причемъ основной причиной подобнаго отношенія служила не оцѣнка по существу дѣятельности этихъ учрежденій, а предвзятый недовѣрчивый взглядъ столичныхъ бюрократическихъ верховъ на наемный персоналъ, потребный для веденія въ деревняхъ всей счетоводственной части въ кредитныхъ товариществахъ. Высказывались опасенія, что въ составъ подобныхъ служащихъ смогутъ проникнуть нежелательные въ политическомъ отношеніи элементы, губительнымъ образомъ вліяющіе на деревенскія настроенія. На это приходилось лишь опасливымъ верхамъ совѣтовать одно — сорганизовать надлежащимъ образомъ особую правительственную, со стороны Государственнаго Банка, инспекцію, которая одновременно съ общимъ контролемъ надъ дѣятельностью финансируемыхъ имъ кредитныхъ учрежденій принимала бы соотвѣтствующія мѣры къ недопущенію въ ихъ составъ вредныхъ для государственнаго покоя элементовъ.

Еще въ самомъ началѣ нашего „экономическаго" объединенія въ Государственномъ Совѣтѣ удалось достигнуть нѣкотораго реальнаго результата въ дѣлѣ болѣе широкаго финансированія кредитныхъ товариществъ. Особо делегированная по этому поводу отъ имени экономической группы депутація въ лицѣ С. С. Бехтѣева, В. И. Карпова и меня, какъ докладчика, была любезно принята Управляющимъ Государственнымъ Банкомъ Сергѣемъ Ивановичемъ Тимащевымъ, человѣкомъ умнымъ и прогрессивно-настроеннымъ. Онъ охотно пошелъ навстрѣчу этой необходимой государственной мѣрѣ. Благодаря ему, былъ отпущенъ на кредитныя товарищества дополнительный кредитъ — 8 милліоновъ рублей.

Со временемъ Министерство Финансовъ перемѣнило свой осторожно-опасливый взглядъ на болѣе широкій и разумно-государственный; въ результатѣ, число кредитныхъ товариществъ изъ года въ годъ стало увеличиваться съ неимовѣрной быстротой, распространяясь даже на самыя отдаленныя деревни. Это, совмѣстно съ меліоративной дѣятельностью земствъ, очень способствовало улучшенію крестьянскаго хозяйства.

Занятія въ нѣкоторыхъ комиссіяхъ, въ которыхъ приходилось мнѣ участвовать, временами носили столь напряженный характеръ, что прерывать ихъ, хотя бы на краткое время, не представлялось возможности. Особенно памятны для меня занятія въ двухъ комиссіяхъ — „земельной" и „судебной". Та и другая по своему многочисленному составу превосходили всѣ комиссіи, когда-либо существовавшія въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ первую было избрано до 60 человѣкъ, а на ея первоначальныя засѣданія, когда обсуждались общія принципіальныя положенія законопроекта, слушать приходилъ чуть ли не весь Государственный Совѣтъ. Предсѣдателемъ комиссіи былъ избранъ князь П. Н. Трубецкой, руководившій ходомъ занятій мягко, но расплывчато.

Сначала комиссія приступила къ преніямъ по общему вопросу предложенной Столыпинымъ реформы крестьянскаго землепользованія. Чтобы дать понятіе, какъ затянулись эти общія пренія, укажу, что по записи пожелавшихъ высказаться членовъ комиссіи, среди которыхъ я значился по порядку двадцатымъ, очередь говорить дошла до меня лишь черезъ полтора мѣсяца, несмотря на то, что засѣданія комиссіи происходили не менѣе двухъ разъ въ недѣлю.

Бывшій Министръ Земледѣлія, Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ, одинъ занялъ своей безконечной рѣчью почти полныхъ два засѣданія. Этотъ широко образованный, чрезвычайно добрый человѣкъ напоминалъ скорѣе профессора какихъ-либо агрикультурныхъ наукъ, чѣмъ государственнаго дѣятеля-практика. Его выступленія отличались излишней отвлеченностью и крайне длительнымъ изложеніемъ.

Со стороны правыхъ однимъ изъ первыхъ говорилъ, съ трудомъ подыскивая и произнося слова, почтенный, душевно-милый, но нудный въ своихъ выступленіяхъ, Александръ Алексѣевичъ Нарышкинъ, съ большими, карими, привѣтливыми глазами и выдающимся толстымъ носомъ, какъ бы созданнымъ Творцомъ, чтобы воспринимать частыя „понюшки" нюхательнаго табаку изъ старинной золотой табакерки, которую Александръ Алексѣевичъ все время вертѣлъ въ своихъ сухихъ старческихъ пальцахъ. Нарышкинъ отличался рѣдкимъ хладнокровіемъ и невозмутимостью. Однажды, на одномъ изъ совѣщаній обще-дворянскаго съѣзда горячій В. І. Гурко сталъ неистово нападать на Александра Алексѣевича. Не встрѣчая съ его стороны возраженій, онъ себя все сильнѣе взвинчивалъ и дошелъ въ своемъ словоизверженіи до послѣдней степени кипѣнія. Потомъ замолкъ, вопросительно уставившись своими воспаленными глазами и всей своей взъерошенной фигурой на совершенно безучастно сидѣвшаго противъ него за столомъ Нарышкина, который время отъ времени втягивалъ въ свой объемистый носъ ароматный табачекъ. Произо-

шла пауза. Всѣ ждали отъ медлительнаго Нарышкина колкой отповѣди, на что остроумный старикъ бывалъ иногда гораздъ. Вмѣсто этого, поигрывая своей любимой табакеркой, съ застывшимъ спокойнымъ лицомъ, Нарышкинъ, еле цѣдя сквозь зубы, проговорилъ въ назидательномъ тонѣ: „Милый мой Владиміръ Іосифовичъ! А я вѣдь Васъ помню еще въ такомъ возрастѣ, когда Вы подъ столомъ моимъ бѣгали!"... Гурко вскочилъ и убѣжалъ, а Нарышкинъ, покачавъ головой, промолвилъ ему вслѣдъ: „Горячій юноша!...

Съ большимъ подъемомъ выступалъ присяжный ораторъ „правыхъ" А. С. Стишинскій. Пространно и отвлеченно, въ формѣ подлинныхъ лекцій, излагали свои мысли профессора: грузный Ковалевскій, мрачный Мануиловъ и нервный Озеровъ. Какъ всегда интересно говорилъ Анатолій Ѳедоровичъ Кони, съ которымъ мнѣ на засѣданіяхъ земельной комиссіи пришлось ближе познакомиться. Привѣтливый и общительный, Анатолій Ѳедоровичъ поражалъ удивительной чуткостью и одухотворенностью. Въ его немощномъ тѣлѣ съ исключительной силой проявлялся бодрый и свѣтлый духъ.

Центральной фигурой, окруженный почетомъ и уваженіемъ, являлся въ земельной комиссіи участникъ работъ по освобожденію крестьянъ въ 60-хъ годахъ, маститый, согбенный старецъ съ пышной серебристой шевелюрой и сѣдыми баками, обрамлявшими бритое умное лицо — Петръ Петровичъ Семеновъ Тянь-Шаньскій. Онъ открылъ общія пренія заявленіемъ, сказаннымъ имъ съ удивительнымъ для его преклонныхъ лѣтъ подъемомъ и ясной дикціей. На блѣдномъ выразительномъ лицѣ свѣтились небольшіе каріе, по юному сверкающіе глаза.

Петръ Петровичъ чрезвычайно красочно обрисовалъ всю исторію образованія крестьянскаго землепользованія, какъ участникъ законодательнаго творчества эпохи Александра II. Привѣтствуя Столыпинскую реформу, онъ назвалъ ее вѣнцомъ заложеннаго почти полъ вѣка тому назадъ великаго историческаго зданія.. Поднявъ свои старческія трясущіеся руки, дрогнувшимъ голосомъ, со слезами на глазахъ, маститый ветеранъ великой освободительной реформы закончилъ свою рѣчь трогательными словами: „Доживъ до счастливаго момента, когда на Руси крестьянское землепользованіе вводится, наконецъ, въ должное и предуказанное ему еще въ прошлыхъ комитетскихъ нашихъ работахъ русло, я могу лишь сказать: Нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ!"... Восьмидесятилѣтній старикъ опустился въ свое кресло. Въ залѣ воцарилась сначала почтительная тишина, затѣмъ со всѣхъ сторонъ раздались шумныя и горячія привѣтствія.

Споры въ земельной комиссіи происходили не по существу Столыпинской реформы, которую всѣ признавали необходимой, какъ послѣдовательное завершеніе крестьянской освободительной реформы, но лишь о способахъ ея проведенія. Столыпинъ предлагалъ измѣнить крестьянское землепользованіе, раскрѣпостивъ надѣльныхъ собственниковъ отъ общинной кабалы, превративъ ихъ въ хозяевъ-собственниковъ, и сдѣлать это путемъ рѣшительныхъ принудительныхъ мѣръ. Онъ встрѣтилъ широкое сочувствіе общества, прессы и большинства Государственной Думы. Всѣ сознавали тогда своевременность подобной аграрной политики правительства, и въ Столыпинскомъ тонѣ приказа усматривали вѣрный залогъ успѣха для быстраго поворота всего крестьянскаго сельскохозяйственнаго уклада на путь цвѣтущаго благополучія.

А на способъ проведенія на практикѣ упомянутой аграрной реформы многіе изъ болѣе осторожныхъ аграрныхъ политиковъ смотрѣли иначе. Они сознавали ея своевременность и необходимость, но полагали, что всякая крутая, да еще принудительная ломка крестьянскаго хозяйства и быта, — представляется съ точки зрѣнія общаго экономическаго порядка и государственной пользы — безусловно нежелательной. Противники „Столыпинскаго" способа дѣйствій предлагали провести сложное по своей обстановкѣ и огромное по своимъ послѣдствіямъ дѣло раскрѣпощенія общиннаго землепользованія — не „наказомъ", а „показомъ", иначе говоря не путемъ принудительныхъ приказовъ, а предоставленіемъ разумныхъ льготныхъ и поощрительныхъ мѣръ содѣйствовать постепенному переходу крестьянъ-общинниковъ къ личному землепользованію.

Къ группѣ „постепеновцевъ", рѣшительно возстававшихъ противъ Столыпинской „принудительности", принадлежалъ и я по ряду соображеній, основанныхъ на всемъ моемъ прошломъ служебно-житейскомъ опытѣ.

Столыпинъ, съ присущимъ ему темпераментомъ, горячо отстаивалъ занятую имъ позицію, совершенно неправильно приписывая своимъ оппонентамъ несочувствіе самой сущности задуманной имъ реформы. Нашъ совѣтъ — дѣйствовать не „наказомъ", а „показомъ", Петръ Аркадьевичъ принималъ за полнѣйшій съ нашей стороны отказъ поддержать по существу внесенный имъ законопроектъ.

Затянувшіяся по общему вопросу пренія не обошлись безъ довольно таки смѣхотворнаго курьеза. Однимъ изъ предпослѣднихъ ораторовъ записался членъ Государственнаго Совѣта по выборамъ отъ пензенскаго земства, Владиміръ Александровичъ Бутлеровъ. Владѣлецъ обширныхъ помѣстій и лѣсовъ, славившійся своимъ образцовымъ хозяйствомъ и унаслѣдовавшій отъ своего отца, ученаго химика, страсть къ пчеловодству, Владиміръ Александровичъ отличался невозмутимостью, молчаливостью и философски спокойнымъ отношеніемъ къ окружающему его міру. Въ земельной комиссіи уже не менѣе двухъ мѣсяцевъ продолжалось словоговореніе о томъ, какъ проводить въ странѣ земельную реформу. Всѣ устали. Мягкотѣлый и нерѣшительный князь Трубецкой все тянулъ эти засѣданія. Оставалось еще человѣкъ пять — шесть желавшихъ говорить. Настроеніе становилось довольно кислое, у многихъ нервное. Стала проявляться раздражительность. И вотъ, при подобной обстановкѣ, Трубецкой от-

крываетъ чуть ли не двадцатое по счету засѣданіе и устало объявляетъ: „слово принадлежитъ Владиміру Александровичу Бутлерову". Послѣдній сидѣлъ рядомъ со мною. Послѣ обращенія къ нему предсѣдателя, онъ продолжалъ невозмутимо сидѣть и, уставившись куда-то въ пространство своими невинно-голубыми глазами, молчалъ. Трубецкой снова повторилъ свое къ нему обращеніе. Владиміръ Александровичъ сидитъ все въ той же застывшей позѣ, что-то, видимо, обдумываетъ... Послышались громкіе голоса: „Владиміръ Александровичъ! Вамъ говорить!" Бутлеровъ, какъ бы очнувшись отъ кратковременнаго летаргическаго сна, обычнымъ своимъ невозмутимымъ голосомъ заявляетъ:

— Да что, господа, мнѣ говорить?! Все сказано и пересказано. Сижу я и думаю: собрались господа въ столицѣ и занимаются безконечными словопреніями, а мужички продолжаютъ нести на своихъ плечахъ все то же тяжкое общинное бремя, которое давно бы слѣдовало съ нихъ снять!... По моему мнѣнію — настало время прекратить наши безцѣльные споры и скорѣе приступить къ настоящему дѣлу... Наши занятія напоминаютъ мнѣ средневѣковые безконечные ученые диспуты по поводу того, — тутъ Бутлеровъ сдѣлалъ паузу и, обведя своими дѣтскими глазами присутствовавшихъ, отчетливо досказалъ, — былъ ли у Адама пупъ или нѣтъ?

Съ этими словами Вадиміръ Александровичъ замолкъ. Въ комиссіи наступила мертвая тишина. У сидѣвшихъ членовъ былъ видъ такой — какъ будто всѣ они чѣмъ-то поперхнулись... Прошло мгновенье, и залъ огласился всеобщимъ неудержимымъ хохотомъ. Всѣ, безъ всякаго предсѣдательскаго объявленія о перерывѣ, повскакали со своихъ мѣстъ, другъ съ другомъ сходились, какъ школьники хлопали другъ друга по плечу и хохотали до слезъ, до упада... Бутлеровъ же продолжалъ сидѣть неподвижно, потомъ обернулся ко мнѣ и промолвилъ:

— Надъ чѣмъ смѣются?! вѣдь надъ самими собой!.. А мнѣ такъ плакать впору! Удивительна психологія людей!

Послѣ происшедшаго инцидента, настроеніе комиссіи сразу измѣнилось. Начать съ того, что по возобновленіи занятій послѣ „Бутлеровскаго перерыва" всѣ оставшіеся ораторы отъ слова отказались, и присутствовавшіе потребовали отъ Трубецкого перехода къ баллотировочной завершительной стадіи затянувшихся занятій! „Довольно! Договорились до Адама!"

Въ концѣ концовъ, Столыпинская редакція была до нѣкоторой степени смягчена и принята на общемъ собраніи.

Не могу также не вспомнить ходъ работъ въ другой, тоже многочисленной, комиссіи, т. н. „судебной", принявшей къ своему разсмотрѣнію законопроектъ, переданный изъ Государственной Думы. Докладчикомъ по нему въ комиссіи выступалъ Министръ Юстиціи Иванъ Григорьевичъ Щегловитовъ.

Будучи несомнѣнно умнымъ, знающимъ юристомъ и талантливымъ ораторомъ, Щегловитовъ выказалъ впослѣдствіи партійную нетерпимость и личную пристрастность, неблагопріятно отозвавшіяся на его популярности.

Внесенный и доложенный имъ законопроектъ затрагивалъ вопросъ о Волостномъ Судѣ, который реформой Столыпинскаго правительства совершенно исключался изъ намѣченной схемы единаго и однообразнаго судебнаго государственнаго аппарата. Государственная Дума съ этимъ согласилась.

По этому поводу въ нашей судебной комиссіи возникли ожесточенныя принципіальныя пренія, въ которыхъ пришлось и мнѣ принять участіе наряду съ моими единомышленниками, отстаивавшими жизненную необходимость сохраненія близкаго и понятнаго для крестьянъ суда, требовавшаго не отмѣны, а лишь его дальнѣйшаго упорядоченія. Въ комиссіи указывали, что пора, наконецъ, руководящему государственному центру прекратить расшатывающую политику прежнихъ лѣтъ, когда въ деревнѣ производилась безпрестанная ломка ея хозяйственно-правового уклада, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ временныхъ господствовавшихъ настроеній правящихъ верховъ. Такъ, послѣ мировыхъ посредниковъ былъ установленъ мировой институтъ и крестьянскія административныя присутствія, оказавшіяся въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неудовлетворительными. Вмѣсто ихъ упорядоченія, все уничтожается и замѣняется Земскими Начальниками, причемъ вводится въ расширенномъ видѣ волостная судебная инстанція, которая имѣла всѣ данныя для проявленія своей полезной дѣятельности и жизнеспособности. Но наступило опять-таки новое вѣяніе и въ результатѣ — вмѣсто усовершенствованія въ соотвѣтствіи съ тѣми или другими его положительными и отрицательными качествами, институтъ волостного суда полностью уничтожается. Само собой мы всѣ — сторонники его сохраненія, отнюдь не отстаивали волостного суда во всей его неприкосновенности и признавали необходимость существенныхъ его измѣненій, подсказанныхъ самой жизнью и судебной практикой.

На засѣданіяхъ судебной комиссіи все время присутствовали Щегловитовъ, какъ докладчикъ и Столыпинъ, какъ глава правительства. Всѣмъ участникамъ комиссіонныхъ занятій казалось довольно страннымъ поведеніе Премьера, ни разу не выступившаго по принципіальному вопросу о сохраненіи Волостного Суда и предоставлявшаго всю тяжесть защиты правительственнаго законопроекта одному Министру Юстиціи. Вскорѣ, впрочемъ, выяснилась причина Столыпинскаго молчанія. Насталъ моментъ, когда Петру Аркадьевичу, ввиду непосредственно къ нему лично обращеннаго запроса нѣкоторыхъ участниковъ комиссіи, необходимо было гласно высказаться по поводу возникшаго спорнаго вопроса.

Къ всеобщему изумленію, и явному неудовольствію докладчика, Столыпинъ высказался, какъ идейный сторонникъ сохраненія института Волостного Суда. Въ комиссіи произош-

ло немалое замѣшательство, а мы не скрывали нашего торжества.

Возвращаясь послѣ этого памятнаго засѣданія вмѣстѣ съ А. Б. Нейдгардтомъ, я отъ него узналъ причину неожиданнаго для всѣхъ противоправительственнаго выступленія Столыпина. Оказалось, что Петръ Аркадьевичъ, еще на засѣданіяхъ Совѣта Министровъ, все время высказывался за желательность сохраненія Волостного Суда, но остался въ меньшинствѣ. Вотъ почему въ комиссіи онъ молчалъ, какъ премьеръ, а когда его спросили о его личныхъ взглядахъ, онъ повторилъ то, что говорилъ на засѣданіи Совѣта Министровъ.

Комиссія, а за ней и общее собраніе Государственнаго Совѣта высказались за сохраненіе Волостного Суда. Между обѣими законодательными палатами произошло коренное расхожденіе, въ силу чего законопроектъ залежался въ разныхъ согласительныхъ и иныхъ предварительныхъ инстанціяхъ, пока, въ концѣ концовъ, государственная жизнь страны не была вовлечена въ общій безудержный революціонный водоворотъ 1917 года.

95

Общія засѣданія Государственнаго Совѣта обычно собирались два раза въ недѣлю въ особо пристроенномъ къ Маріинскому Дворцу обширномъ помѣщеніи, спеціально приспособленномъ и богато оборудованномъ для занятій высшей законодательной палаты. Пристройка эта представляла собою грандіозную, подъ бѣлый мраморъ отдѣланную залу, съ куполообразнымъ стеклояннымъ потолкомъ, единственнымъ источникомъ дневного освѣщенія. Для ораторовъ была высокая трибуна. За ней возвышалось мѣсто для президіума, гдѣ сидѣли: предсѣдатель, справа отъ него — его товарищъ, а слѣва — Государственный Секретарь со своимъ штатомъ. Подъ трибуной, въ особой нишѣ, работали дежурные чины и стенографистки, прикомандированныя къ государственной канцеляріи.

Справа отъ президіума была помѣстительная правительственная ложа, съ креслами для министровъ и ихъ товарищей.

Съ обоихъ боковъ мѣстъ президіума имѣлись двери, ведшія во внутренніе превосходно обставленные аппартаменты, предназначенные для занятій предсѣдателей, министровъ и государственнаго секретаря. Надъ всѣмъ предсѣдательскимъ мѣстомъ, въ особой нишѣ, виднѣлся, художественно высѣченный изъ бѣлаго мрамора, бюстъ Государя Императора Николая II. Выше, у края потолочнаго купола, на самомъ видномъ мѣстѣ бѣлой отполированной стѣны, красовалась знаменитая картина Рѣпина, изображавшая засѣданіе дореформеннаго Государственнаго Совѣта.

Въ верхней части залы были устроены съ трехъ сторонъ особые хоры — для представителей прессы, для служебныхъ

чиновъ и для публики. Внизу, подъ боковыми хорами, помѣщались отдѣланныя въ видѣ театральныхъ ложъ, съ драпировками и мягкими сидѣніями, особыя ниши, предназначенныя на случай посѣщенія засѣданій Государственнаго Совѣта Августѣйшими Особами или иными лицами, заслуживавшими исключительнаго къ нимъ вниманія и почета. За все время моего пребыванія въ Государственномъ Совѣтѣ, въ этихъ ложахъ я лишь разъ видѣлъ Великаго Князя Николая Михайловича. Довольно часто изъ-за ихъ тяжелыхъ бордовыхъ портьеръ выглядывала старческая, красивая, съ большой серебристой бородой, физіономія „назначеннаго", но не „присутствовавшаго" члена Государственнаго Совѣта, Оберъ-Гофмейстера Высочайшаго Двора князя Рѣпнина, бывшаго Кіевскаго Губернскаго Предводителя Дворянства.

Въ партерѣ, гдѣ сидѣли члены Государственнаго Совѣта, были устроены длинные дугообразно-расположенные столы, разсѣченные проходами, радіусами сходившіеся къ трибунѣ. Вдоль столовъ разставлено было до двухсотъ солидныхъ, обитыхъ бордовымъ бархатомъ палисандровыхъ креселъ — столь мягкихъ, глубокихъ и комфортабельныхъ, что во время нудныхъ, ни уму, ни сердцу не говорившихъ выступленій нѣкоторыхъ „горе-ораторовъ", эти удобныя сѣдалища помогали не только лицамъ преклоннаго возраста, но и нашему брату — „сороколѣтней молодежи", предаваться безмятежной сладкой дремѣ.

Благодаря мягкому ковру и общему сдержанному порядку, традиціонно унаслѣдованному отъ былого высокосановнаго учрежденія, въ огромной залѣ царствовала всегда удивительная тишина, соотвѣтствовавшая всей парадной величавости обстановки.

Въ этомъ отношеніи, на общихъ собраніяхъ обѣихъ законодательныхъ палатъ замѣчалась огромная разница. Недаромъ среди „хоровой" публики, падкой на всякія сенсаціи и бурныя сцены, раздавались голоса, что въ то время, какъ въ Таврическомъ дворцѣ чувствовалось кипѣніе „страстей", явно шла лихорадочная работа мысли, ощущалась „сама жизнь", въ Маріинскомъ царила „скука и мертвящій покой"... На нашихъ обыденныхъ засѣданіяхъ публики всегда бывало мало, только въ исключительныхъ случаяхъ, когда ожидался рѣдкій для Государственнаго Совѣта „боевой" день, или готовилось интересное правительственное выступленіе, — хоры заполнялись „степенной" публикой, и появлялась учтивая, сухая фигура завзятаго царедворца, пристава Государственнаго Совѣта, Церемоніймейстера Высочайшаго Двора, милѣйшаго Константина Николаевича Гирса, сына извѣстнаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ прошлаго царствованія.

За все время моего пребыванія въ Государственномъ Совѣтѣ я не помню случая, чтобы порядокъ былъ чѣмъ-нибудь нарушенъ. Если собраніе не одобряло то или другое ораторское выступленіе, въ залѣ продолжала царить все та же степенная тишина. Несочувствіе слушателей выражалось лишь

уходомъ ихъ по неслышному ковру въ сосѣдніе „кулуары". Все заканчивалось безмолвной забаллотировкой. Когда ораторы производили на аудиторію положительное впечатлѣніе, „благопристойная" обстановка „Высокаго Собранія" опять-таки ничѣмъ не нарушалась, лишь изрѣдка раздавался въ стѣнахъ величавой залы одобрительный гулъ голосовъ, сдержанно бормотавшихъ: „браво, браво"... конечно, безъ всякихъ апплодисментовъ.

Отдѣльныхъ замѣчаний „съ мѣстъ", тѣмъ болѣе выкриковъ на подобіе „думскихъ", не бывало. Одинъ лишь мой сосѣдъ — Курскій земскій избранникъ, Михаилъ Яковлевичъ Говоруха-Отрокъ былъ неисправимъ, нерѣдко вслухъ своимъ гортаннымъ говоромъ выражалъ по поводу того или другого выступавшаго оратора односложныя замѣчанія, не лишенныя хохлацкаго остроумія. Это произносилось какъ-бы про себя, все же отдѣльные звуки, исходившіе изъ громкихъ устъ Говорухи, сидѣвшаго со мною на самыхъ отдаленныхъ отъ президіума креслахъ т. н. „Камчатки", очевидно доходили до чуткихъ ушей предсѣдательствовавшаго Акимова и вызывали съ его стороны неодобрительно-нахмуренные взоры, направленные на наши головы. Сидѣвшій же передъ Говорухой членъ Государственнаго Совѣта по назначенію, бывшій Товарищъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Алексѣй Петровичъ Роговичъ, весь сотканный изъ „свѣтскихъ приличій" и сознанія своей сановной важности, чрезвычайно болѣзненно реагировалъ на подобныя выходки, съ озлобленнымъ видомъ на него оборачиваясь и нервно весь подергиваясь отъ его „неблагопристойностей".

96

Предсѣдателемъ Общихъ Собраній Государственнаго Совѣта состоялъ въ описываемое мною время Михаилъ Григорьевичъ Акимовъ, бывшій Министръ Юстиціи, приходившійся роднымъ братомъ Алексѣю Григорьевичу, служившему одно время въ Самарской губерніи Николаевскимъ уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства.

Низенькаго роста, сильно сутулый, съ лысой, неправильной формы, головой и невзрачнымъ желчнымъ лицомъ, Михаилъ Григорьевичъ имѣлъ болѣзненный и угрюмый видъ, страдалъ печенью и безсонницей, смотрѣлъ исподлобья, обращался со всѣми не только непривѣтливо, но даже въ грубовато-недовольномъ тонѣ. При всемъ томъ, онъ былъ рѣдко порядочнымъ, правдивымъ, несомнѣнно умнымъ и, несмотря на всю свою кажущуюся внѣшность, добрымъ и сердечнымъ человѣкомъ.

Засѣданія Михаилъ Григорьевичъ велъ строго, съ неукоснительнымъ соблюденіемъ Наказа, преніями руководилъ властно, но безпристрастно, формулировалъ предлагавшіяся имъ на баллотировку заключенія ясно и понятно. Многорѣ-

чивые ораторы, которые любили съ трибуны по-пусту распространяться въ ущербъ времени и дѣлу, бывали недовольны взыскательнымъ руководителемъ, не стѣснявшемся останавливать ихъ, направляя по нужному руслу возникавшія пренія. Но ходъ занятій, благодаря подобному предсѣдательствованію, выигрывалъ. Этого нельзя было сказать про его преемника, мягкаго, уступчиваго Анатолія Николаевича Куломзина, который резюмировалъ расплывчато и неопредѣленно.

За все время существованія преобразованнаго Государственнаго Совѣта Товарищемъ его Предсѣдателя безсмѣнно состоялъ Иванъ Яковлевичъ Голубевъ, обладавшій изумительной освѣдомленностью въ области всего законодательнаго дѣлопроизводства въ Государственномъ Совѣтѣ.

Голосъ Ивана Яковлевича былъ низко-гортанный, довольно тусклый, но дикція превосходная. Говорилъ онъ обстоятельно и дѣловито, точно формулировалъ предсѣдательское резюмэ и неоднократно выручалъ своевременными подсказами своего старшаго коллегу по профессіи — Анатолія Николаевича Куломзина. Знатокъ своего дѣла, умный, уравновѣшенный и находчивый, Голубевъ являлся незамѣнимой и коренной силою президіума и пользовался уваженіемъ всѣхъ членовъ Палаты.

Дѣлопроизводство Государственнаго Совѣта велось Государственной Канцеляріей, во главѣ которой стоялъ Государственный Секретарь, всегда присутствовавшій на общихъ засѣданіяхъ рядомъ съ предсѣдателемъ и слѣдившій за всѣмъ ходомъ происходившихъ занятій.

При моемъ вступленіи въ Государственный Совѣтъ, эту отвѣтственную должность занималъ Александръ Александровичъ Макаровъ. Его вызвалъ изъ провинціи П. А. Столыпинъ, который его близко узналъ и оцѣнилъ въ бытность свою губернаторомъ въ Саратовѣ, гдѣ Макаровъ несъ обязанности прокурора Судебной Палаты.

Происходя изъ почтенной купеческой семьи, Макаровъ отличался исключительной работоспособностью и педантичной точностью. Благодаря своему врожденному благородству и высокой порядочности въ служебной и частной жизни, онъ быстро завоевалъ всеобщія симпатіи.

Начавъ столичную службу при Столыпинѣ въ качествѣ Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Александръ Александровичъ затѣмъ получилъ постъ Государственнаго Секретаря. Послѣ же кіевскаго злодѣянія 5-го сентября 1911 года, когда премьерство перешло къ В. Н. Коковцову, Макаровъ былъ поставленъ во главѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Какъ министръ, Александръ Александровичъ неоднократно выступалъ въ Государственной Думѣ, гдѣ однажды произнесъ крылатыя слова, подхваченныя россійскими обывателями каждымъ по своему: „Такъ было, такъ будетъ!"...

Но съ уходомъ Макарова изъ Государственной Канцеляріи его замѣнилъ на должности Государственнаго Секретаря бывшій товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, острый и

рѣдкій по своимъ способностямъ дѣлецъ С. Е. Крыжановскій, остававшійся на этомъ посту до революціи.

97

Главная работа Государственнаго Совѣта происходила въ его комиссіяхъ, откуда въ подготовленномъ и разработанномъ видѣ, матеріалъ поступалъ на разсмотрѣніе общихъ его собраній, на которыхъ выступали избранные комиссіями докладчики. Затѣмъ открывались общія пренія. Если законопроектъ былъ заурядный, то заслушавъ докладчика и заключенія комиссій, собранія этимъ ограничивались, обычно съ ними соглашаясь. По нѣкоторымъ же вопросамъ особой государственной важности, или когда въ самихъ комиссіяхъ, какъ напримѣръ, въ земельной и судебной, мнѣнія рѣзко расходились, пренія Государственнаго Совѣта принимали болѣе оживленный характеръ, вызывая разностороннія обсужденія и выступленія ораторовъ, принадлежавшихъ къ разнымъ группамъ.

Среди „правыхъ" — общепризнаннымъ искусникомъ по части произнесенія рѣчей считался не безъ основанія А. С. Стишинскій, говорившій всегда вдумчиво, обстоятельно, логично и мѣстами съ замѣтнымъ подъемомъ, за что заслужилъ отъ злоязычнаго моего сосѣда Говорухи наименованіе „эротическаго" оратора...

Самъ Петръ Николаевичъ Дурново выступалъ рѣдко и лишь въ крайнихъ случаяхъ. Говорилъ онъ тихо, размѣренно кратко, взвѣшивая каждое слово. Государственный Совѣтъ слушалъ его всегда съ особымъ вниманіемъ. Также лишь въ необходимыхъ случаяхъ дѣловито высказывались профессоръ Герье — милый, привѣтливый старикъ, и нѣкоторые изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ — выборныхъ коллегъ: бывшій Екатеринославскій Губернскій Предводитель Дворянства. Гофмейстеръ Высочайшаго Двора Ананій Петровичъ Струковъ, тульскій дворянинъ Алексѣй Ивановичъ Мосоловъ, упоминавшіеся мною ранѣе Викторъ Ивановичъ Карповъ и А. А. Нарышкинъ.

Ананій Петровичъ Струковъ по изысканно-элегантной внѣшности, по всей выдержкѣ и корректности въ обращеніи, представлялъ собою настоящаго „барина" — помѣстнаго аристократа въ наилучшемъ смыслѣ этого слова, со всѣмъ присущимъ подобному лицу благороднымъ образомъ мыслей и ореоломъ высокой порядочности. Недаромъ онъ, послѣ ухода гр. А. А. Бобринскаго былъ выбранъ Предсѣдателемъ Всероссійскаго Дворянскаго Объединенія. Выступалъ Ананій Петровичъ въ Общихъ Собраніяхъ рѣдко, но всегда искренно и дѣльно. Тоже можно сказать и про его земляка, В. И. Карпова, работавшаго въ финансовой комиссіи и являвшагося по многимъ вопросамъ докладчикомъ, ясно, громко и обстоятельно

излагавшимъ сущность дѣла.

Еще рѣже, но столь же дѣловито и мѣстами горячо, высказывался съ трибуны высокій, красивый, моложавый Алексѣй Ивановичъ Мосоловъ, извѣстный Тульскій общественный дѣятель, служившій ранѣе въ Конной Гвардіи. Рѣдко, но серьезно и внушительно выступали медлительный А. А. Нарышкинъ и темпераментный князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ, обладавшій даромъ слова, но пропитанный особой нетерпимостью ко всѣмъ инакомыслившимъ.

Насколько рѣдки бывали выступленія вышеперечисленныхъ лицъ, настолько часто ораторствовали съ каѳедры Государственнаго Совѣта члены правой группы — С. С. Бехтѣевъ, П. П. Кобылинскій, Д. И. Пихно, Н. А. Звѣревъ, В. К. Саблеръ или Н. Н. Шрейберъ. Изъ нихъ лучше всего излагали свои мысли худенькій и умный Пихно, редакторъ-издатель „Кіевлянина" и мой былой профессоръ Московскаго Университета — Николай Андреевичъ Звѣревъ. Тучнаго Саблера я не любилъ за слащавость его рѣчей.

Но кого никто не переносилъ въ залѣ засѣданій, начиная съ предсѣдателя Акимова и кончая нами, рядовыми членами, такъ это князя Д. П. Голицына-Муравлина, князя А. Н. Лобанова-Ростовскаго и, въ особенности, къ немалому раздраженію Акимова, залѣзавшаго на каѳедру — Я. Н. Офросимова.

Большой, упитанный и представительный князь Дмитрій Петровичъ Голицынъ-Муравлинъ, извѣстный беллетристъ-романистъ и завѣдывавшій до своего назначенія въ Государственный Совѣтъ учрежденіями Императрицы Маріи, несомнѣнно обладалъ даромъ слова, но черезчуръ злоупотреблялъ витіевато-составленными и къ дѣлу не относившимися цвѣтистыми фразами, разными мудреными метафорами, съ явной претензіей бить на эффектъ, самъ прислушивался къ своему краснорѣчію и имъ видимо наслаждался. А члены Государственнаго Совѣта, одинъ за другимъ, спѣшили въ кулуары, убѣгая отъ патетическихъ, но малосодержательныхъ рѣчей сіятельнаго романиста.

Князь Алексѣй Николаевичъ Лобановъ-Ростовскій, выбранный отъ дворянства, имѣлъ огромное состояніе и не мало добрыхъ личныхъ качествъ. Но онъ любилъ донимать собраніе своими излишними разсужденіями салоннаго жанра, и имѣлъ видъ человѣка, рѣшившагося съ высоты трибуны любезно „занимать" г.г. членовъ Государственнаго Совѣта, какъ своихъ добрыхъ друзей или званыхъ гостей.

Но превыше всѣхъ досаждалъ своимъ „зудомъ" говорить чуть ли не по каждому вопросу, Витебскій представитель, до необычайности скучно-нудный, Яковъ Никандровичъ Офросимовъ. Каждый разъ, что онъ просилъ слова, это вызывало у Акимова глухое рычаніе. При появленіи витебскаго „горе-оратора" на кафедрѣ, зала собранія быстро пустѣла.

Въ средѣ „Нейдгардтцевъ" выдающихся ораторовъ не было, но всѣ выступавшіе изъ ихъ группировки. начиная съ ихъ обстоятельнаго лидера, обычно пользовались вниманіемъ

собранія. Любилъ я прислушиваться къ искреннему и горячему слову графа Өедора Алексѣевича Уварова.

Чаще всего отъ „праваго центра" на трибунѣ появлялись — Владиміръ Өедоровичъ Дейтрихъ, бывшій помощникъ Финляндскаго Генералъ-Губернатора, и Александръ Петровичъ Никольскій, занимавшій ранѣе постъ Главноуправляющаго Землѣдѣлія и Землеустройства.

Предсѣдатель группы „центра", князь Петръ Николаевичъ Трубецкой, рѣдко подымался на кафедру. Говорить хорошо онъ не умѣлъ и обычно ограничивался необходимыми замѣчаніями и предложеніями. Лучшимъ ораторомъ руководимой имъ группы являлся умный, превосходно владѣвшій даромъ слова, элегантный по внѣшности и крайне выдержанный въ обхожденіи, польскій представитель Игнатій Альбертовичъ Шебеко.

Дѣловито, но нѣсколько сухо, говорилъ бывшій Министръ Юстиціи, Сергѣй Сергѣевичъ Манухинъ, замѣнившій впослѣдствіи князя Трубецкого въ качествѣ предсѣдателя „центра".

Съ необычайнымъ азартомъ и торопливостью выступалъ профессоръ Николай Степановичъ Таганцевъ. Солидно и величаво высказывался съ высоты государственной трибуны сановитый Петръ Михайловичъ Кауфманъ-Туркестанскій. Умно, но бездушно цѣдилъ сквозь зубы высокій, сухой по виду и по свойству всей своей разсчетливой натуры, Василій Ивановичъ Тимирязевъ — бывшій Министръ Торговли.

Не безъ интереса прислушивались къ простоватымъ по формѣ изложенія, но содержательнымъ выступленіямъ Предсѣдателя Московскаго Биржевого Комитета, симпатичнаго и умнаго Григорія Александровича Крестовникова. Важно выступалъ предсѣдатель торгово-промышленной группы инженеръ Николай Степановичъ Авдаковъ.

Вспоминаю высокую, слегка согбенную, но замѣтную фигуру Витте. Онъ одиноко расхаживалъ по кулуарамъ, съ видомъ опальнаго сановника, который при всякомъ удобномъ случаѣ напоминалъ всѣмъ о славномъ своемъ быломъ и безпощадно критиковалъ все настоящее. Случалось, что и онъ, какъ бы нехотя, подымался на трибуну, и при общемъ вниманіи, своимъ глухимъ голосомъ давалъ ѣдкіе совѣты одіозному для него Столыпинскому правительству. Въ общемъ, его выступленія производили скорѣе жалкое впечатлѣніе. Былой руководитель всей государственной жизни Имперіи, творецъ Портсмутскаго мира и россійской конституціи, казался уставшимъ, выдохшимся, „бывшимъ" человѣкомъ, выдающіяся способности котораго были всецѣло поглощены недовольствомъ и злобой противъ всего окружающаго. Всѣ невольно сторонились отъ его непривѣтливой и „фатальной", какъ многіе говорили, костлявой фигуры.

Съ неослабнымъ вниманіемъ всегда выслушивали выступленія остраго и интереснаго А. Ф. Кони, проповѣдника высшаго гуманизма и строгой законности.

Витте и Кони принадлежали къ „безпартійнымъ", также какъ популярный въ дореформенную эпоху своими краснорѣчивыми выкликами о „свободахъ" бывшій Орловскій Губернскій Предводитель Дворянства — Михаилъ Александровичъ Стаховичъ — въ описываемое время занявшій позицію умолкшаго пѣвца... Лишь изрѣдка раздавался его слегка гнусавый голосъ, слабо отзывавшійся въ умахъ, тѣмъ болѣе — сердцахъ уравновѣшенныхъ слушателей Маріинскаго Дворца.

Осталось мнѣ еще сказать нѣсколько словъ объ ораторскихъ силахъ лѣвой „академической" группы. Въ первую голову, конечно, вспоминаются громогласныя и многорѣчивыя выступленія несомнѣнно талантливаго Максима Максимовича Ковалевскаго, чрезвычайно увлекавшагося въ своемъ краснорѣчіи. Бывали нерѣдко случаи, когда сидѣвшій надъ ораторствовавшимъ Максимомъ Максимовичемъ предсѣдатель, хмурый Акимовъ, не выдерживалъ и прерывалъ разглагольствовавшаго во всю силу своихъ объемистыхъ легкихъ профессора.

Въ общемъ, въ рѣчахъ „академистовъ" Государственный Совѣтъ практическаго для дѣла государственнаго управленія мало что находилъ, несмотря на частыя съ ихъ стороны попытки увлечь собраніе своими краснорѣчивыми выступленіями.

Лично я выступалъ только въ комиссіяхъ и лишь однажды, „задѣтый за живое", я попросилъ слова, причемъ, вопреки запрету предсѣдателя, я успѣлъ высказаться съ мѣста, за что подвергся ворчливому замѣчанію раздражительнаго Акимова.

Случилось такъ, что графъ Д. А. Олсуфьевъ въ одной изъ своихъ рѣчей по поводу землеустроительныхъ работъ, сослался на данныя, сообщенныя ему мною, назвавъ и мою фамилію. Присутствовавшій при этомъ П. А. Столыпинъ выступилъ съ обширными объясненіями и возраженіями. Коснувшись Олсуфьевской рѣчи, онъ горячо протестовалъ противъ высказанныхъ имъ выводовъ, не заслуживавшихъ, по его мнѣнію, серьезнаго со стороны „Высокаго Собранія" вниманія, „хотя бы на томъ основаніи, что таковые являлись въ итогѣ цифровыхъ данныхъ, исходившихъ изъ совершенно частнаго, неоффиціальнаго источника"...

Между тѣмъ, сообщенный мною графу Олсуфьеву цифровой матеріалъ я взялъ именно изъ оффиціальнаго правительственнаго учрежденія, — изъ Самарской Губернской Землеустроительной Комиссіи. Послѣ словъ Столыпина по поводу сомнительности сообщенныхъ мною Олсуфьеву цифровыхъ свѣдѣній, послѣдній вскочилъ и, оглянувшись на меня, сидѣвшаго по своему обыкновенію сзади всѣхъ, сталъ дѣлать недоумѣвающіе жесты, показывая рукой на Столыпина. Многіе изъ членовъ Государственнаго Совѣта тоже стали оборачиваться въ мою сторону. Я всѣмъ своимъ нутромъ почувствовалъ, что молчать далѣе нельзя, и что я обязанъ немедленно, во всеуслышаніе, выступить съ опроверженіемъ

Столыпинскаго, касавшагося меня, заявленія. Я всталъ и выразилъ желаніе „высказать нѣсколько словъ по личному вопросу"...

Предсѣдатель мнѣ это разрѣшилъ. Я собирался говорить съ мѣста, но не успѣлъ раскрыть рта, какъ Акимовъ потребовалъ, чтобы я взошелъ на кафедру. Идти черезъ огромную залу, торжественно подыматься на высокую трибуну ради десятка словъ, мнѣ казалось столь неумѣстнымъ, что я сталъ просить предсѣдателя предоставить мнѣ возможность кратко высказаться съ мѣста. Онъ былъ неумолимъ... Тогда я, возвысивъ голосъ и стоя за своимъ кресломъ, успѣлъ во всеуслышаніе заявить, что, вопреки предположеніямъ Министра, всѣ цифровыя данныя, сообщенныя мною графу Олсуфьеву, взяты цѣликомъ изъ подвѣдомственнаго ему же, Столыпину, Губернскаго Самарскаго учрежденія, и могутъ быть мною предъявлены собранію по первому требованію. Сказано это было кратко и громко. Мои слова всѣ въ залѣ явственно услыхали, несмотря на вторившій мнѣ ворчливый голосъ не на шутку разсердившагося предсѣдателя. Но болѣе всего раздраженъ былъ противъ меня самъ виновникъ моего немногорѣчиваго протеста — Столыпинъ. Онъ рѣзко измѣнился въ лицѣ и вскорѣ быстро покинулъ засѣданіе.

Надо сказать, что насколько ранѣе — до моихъ выступленій въ Совѣтѣ по Дѣламъ Мѣстнаго Хозяйства съ откровенной критикой волостной и, въ особенности, уѣздной реформы и до моего вступленія въ правую группу Государственнаго Совѣта, Петръ Аркадьевичъ относился ко мнѣ тепло и внимательно, настолько потомъ онъ замѣтно не только охладѣлъ ко мнѣ, но сталъ выказывать явную недоброжелательность.

Осталась у меня въ памяти одна необычная бесѣда съ М. Г. Акимовымъ. Онъ какъ-то разъ откровенно разговорился со мною и, къ немалому моему изумленію, сообщилъ слѣдующій фактъ: Въ одномъ изъ своихъ думскихъ выступленій Столыпинъ вскользь сослался на то, что „на своемъ пути преобразованія сельской России онъ немало встрѣчаетъ препятствій со стороны нѣкоторыхъ членовъ Верхней Палаты".. Заинтересованный этимъ намекомъ, Акимовъ, при ближайшей встрѣчѣ съ премьеромъ, просилъ откровенно указать, кого разумѣлъ онъ подъ этими „нѣкоторыми" членами Государственнаго Совѣта. Столыпинъ тогда назвалъ въ первую голову мою фамилію, причемъ позволилъ себѣ сказать, будто Наумовъ, „пользуясь благоволѣніемъ къ нему Государя, своей отрицательной критикой вносимыхъ имъ, Столыпинымъ, законопроектовъ по реорганизаціи мѣстнаго управленія оказываетъ на высшія сферы чрезвычайно неблагопріятное вліяніе"...

Съ тяжелымъ сердцемъ выслушалъ я этотъ разсказъ Михаила Григорьевича, усмотрѣвъ въ немъ лишь все болѣе и болѣе развивавшіеся у Столыпина за послѣдній періодъ его властвованія острые признаки болѣзненно-взвинченнаго самолюбія. Моя совѣсть оставалась совершенно спокойной. Я

никогда и въ помыслахъ не имѣлъ возстанавливать Государя противъ необходимости улучшенія помѣстнаго и административно-правового и хозяйственнаго уклада, а иногда высказывалъ Его Величеству, въ сдержанной формѣ, свои взгляды, которые мною открыто исповѣдывались на засѣданіяхъ „преддумья".

Личности Столыпина я никогда въ разговорахъ съ Государемъ не касался. Мы съ Акимовымъ при дальнѣйшей нашей откровенной бесѣдѣ искали объясненіе обидному для меня поведенію Столыпина, къ которому лично я, несмотря ни на что, былъ всегда искренно расположенъ, или въ томъ, что Его Величество не въ соотвѣтствующемъ смыслѣ понялъ мои замѣчанія по поводу осуществленія мѣстныхъ реформъ, или въ томъ особомъ приподнято-нервномъ состояніи крайней пристрастности и нетерпимости, которое предсѣдатель Совѣта Министровъ за послѣднее время обнаруживалъ при встрѣчавшейся на его „властномъ" пути критикѣ. Особенно рѣзко это настроеніе проявилось въ мартѣ 1910 года, при обсужденіе въ Государственномъ Совѣтѣ законопроекта о введеніи „Западнаго земства". Но прежде чѣмъ объ этомъ говорить, я не могу не отмѣтить въ своихъ записяхъ одного памятнаго событія, происшедшаго въ жизни Самарскаго дворянства въ 1909 году и связаннаго съ пятидесятилѣтіемъ кончины Сергѣя Тимофеевича Аксакова.

98

Знаменитый авторъ „Семейной Хроники" являлся въ свое время владѣльцемъ земельныхъ имуществъ, которыя позже отошли изъ Уфимской въ новообразованную въ серединѣ прошлаго столѣтія Самарскую губернію. Все прямое потомство Сергѣя Тимофеевича было внесено въ родословныя книги Самарскаго дворянства. Его сынъ, Григорій Сергѣевичъ, былъ одно время Самарскимъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства, а родные внуки — Сергѣй и Ольга, дѣти Григорія Сергѣевича, продолжали и въ описываемые мною годы благополучно проживать въ своихъ Бугурусланскихъ и Бузулукскихъ родовыхъ имѣніяхъ.

Григорія Сергѣевича Аксакова я не засталъ въ живыхъ и помню лишь его портретъ, висѣвшій среди портретовъ его коллегъ, въ кабинетѣ Самарскаго Губернскаго Предводителя Дворянства. Память Григорій Сергѣевичъ по себѣ оставилъ самую добрую. Привѣтливый, доступный и участливый, онъ отличался ровнымъ со всѣми обращеніемъ и спокойной разсудительностью. Умъ и дѣловитость перешли отъ него къ дочери — Ольгѣ Григорьевнѣ, а спокойствіе и ровность къ сыну — Сергѣю.

Ольга Григорьевна была не замужемъ. Она отличалась необычайной живостью, неизсякаемой энергіей и вела жизнь завзятаго сельскаго хозяина и предпріимчиваго дѣльца. Про-

живая обычно у себя въ имѣніи около станціи Самаро-Златоустовской желѣзной дороги „Аксаково", гдѣ завѣдывала своимъ большимъ кумысо-лѣчебнымъ заведеніемъ, Ольга Григорьевна довольно часто показывалась въ Самарѣ и бывала занята съ утра до вечера нескончаемыми хлопотами по „дѣламъ", видимо, требовавшимъ самыхъ добрыхъ отношеній съ мѣстными банковскими заправилами.

Иного склада и нрава былъ ея братъ Сергѣй. Во всей его безжизненной фигурѣ и странномъ притупленномъ выраженіи его неподвижнаго лица чувствовалось что-то болѣзненное. Бѣдный Сергѣй Григорьевичъ, дѣйствительно, съ ранняго дѣтства страдалъ припадками падучей болѣзни. Сергѣй Григорьевичъ обычно проживалъ въ своемъ имѣніи, рѣдко посѣщалъ губернскій городъ, но аккуратно участвовалъ на дворянскихъ собраніяхъ. Онъ былъ человѣкъ не только не глупый, но до извѣстной степени даже одаренный, недурно владѣвшій перомъ и не мало читавшій, но все это у бѣднаго Сергѣя Григорьевича скрывалось подъ спудомъ его нервно-подавленной психики.

Возникшую у меня мысль чѣмъ-либо отмѣтить въ губерніи и среди дворянства пятидесятилѣтіе со дня кончины Сергѣя Тимофеевича Аксакова, какъ нашего содворянина, поддержали всѣ мои коллеги по депутатскому столу. Программа предположеннаго культурно-сословнаго торжества была одобрена экстреннымъ Дворянскимъ Собраніемъ и осуществлена 30 апрѣля 1909 года — въ день кончины великаго русскаго бытописателя.

Чествованіе его памяти происходило въ зданіи Самарскаго Дворянства, куда въ означенный день съѣхалось изъ дальнихъ уѣздовъ и прибыло изъ самаго города Самары множество дворянъ со своими семейными и особо приглашенной публикой, съ Губернаторомъ во главѣ. Въ присутствіи всѣхъ этихъ лицъ и представителей Аксаковской семьи, въ залѣ, убранной тропическими растеніями и цвѣточными гирляндами, у подножья большого портрета Сергѣя Тимофеевича, произнесенъ былъ рядъ рѣчей и докладовъ, посвященныхъ писателю и его значенію для русской культуры. Я доложилъ о томъ, что было предпринято Самарскимъ Дворянствомъ для сохраненія родовой Аксаковской вотчины и для устройства при ней образцовой ремесленной народной школы имени писателя. Я довелъ до свѣдѣнія собранія послѣднее, пріуроченное къ пятидесятилѣтію, постановленіе нашего дворянства объ основаніи „Аксаковскаго Музея", гдѣ предполагалось собирать все то, что такъ или иначе, связано было съ именемъ Сергѣя Тимофеевича. Это сообщеніе вызвало шумное одобреніе.

Подъ музей дворянство рѣшило отвести комнату въ верхнемъ этажѣ Собранія. Благодаря щедрому дару внуковъ писателя, сразу было заложено цѣнное основаніе музею. Ольга Григорьевна Аксакова передала въ собственность музея богатую коллекцію собственноручныхъ писемъ ея знаменитаго дѣда, хранившихся у нея послѣ смерти ея отца. Первоначально ихъ было 318, и затѣмъ дополнительно было отъ нея же получено еще около ста подлинниковъ.

Сергѣй Григорьевичъ пожертвовалъ нѣсколько предметовъ очень цѣнныхъ: диванъ, принадлежавшій Сергѣю Тимофеевичу, на которомъ обычно отдыхалъ наѣзжавшій гостить къ нему Н. В. Гоголь, старинной работы деревянную шкатулку со всевозможными внутренними ящичками и секретными отдѣленіями, служившую любимой игрушкой „Багрова внука" въ дни Уфимскаго его пребыванія и, наконецъ, принадлежности для уженья, какимъ-то чудомъ сохранившіяся со временъ старика — дѣда Аксакова. Стѣны музея были украшены его старинными масляными и акварельными портретами, а также и портретами нѣкоторыхъ его семейныхъ, тоже полученными мною изъ рукъ Ольги и Сергѣя Аксаковыхъ. Они присутствовали на чествованіи памяти ихъ славнаго дѣда, и я отъ имени всего дворянства горячо поблагодарилъ ихъ за цѣнныя пожертвованія.

Торжество завершилось концертнымъ отдѣленіемъ, гдѣ была исполнена талантливо сочиненная Я. Я. Карклинымъ спеціально для описываемаго дня музыкальная хоровая ода „Слава Аксакову".

Съ началомъ Великой Европейской войны 1914 года, въ помѣщеніи „Аксаковскаго Музея" былъ мною открытъ новый отдѣлъ для собиранія всего, что касалось Самарскихъ дворянъ, которые сражались въ рядахъ нашей арміи. Въ этотъ отдѣлъ направлялись письма съ фронта, разныя походныя вещи, принадлежности боевыхъ снаряженій, захваченныя съ поля битвъ. Ввиду значительнаго накопленія рукописей и предметовъ этого военнаго отдѣла, я имѣлъ намѣреніе впослѣдствіи отвести, рядомъ съ Аксаковскимъ музеемъ, особое помѣщеніе, но обстоятельства оторвали меня отъ предводительскаго служенія, а затѣмъ революціонное лихолѣтье не только не дало возможности продолжить начатое, но уничтожило все съ трудомъ накопленное.

99

10-го февраля 1910 года, въ бытность мою въ Петербургѣ, я получилъ скорбную вѣсть о внезапной кончинѣ въ г. Бердянскѣ брата моего Николая. Пришлось бросить всѣ занятія и спѣшить черезъ всю Россію, съ сѣвера на югъ, чтобы успѣть отдать послѣдній долгъ близкому человѣку и посильно утѣшить его осиротѣвшую семью.

Нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ братъ Николай вернулся въ Россію изъ Иркутска, облюбовалъ для своего проживанія чистенькій, уютный городокъ Бердянскъ на Азовскомъ побережьѣ, купилъ тамъ небольшой домикъ-особнякъ съ садикомъ, и поселился тамъ со своей супругой Катей и двумя черненькими, какъ жучки, малышами-сыно-

вьями Сережей и Колей.

Подорванное всѣмъ прошлымъ здоровье брата леченію плохо поддавалось. Изъ года въ годъ припадки грудной жабы учащались. Въ концѣ концовъ, 10-го февраля 1910 года, жизнь бѣднаго Николая навсегда оборвалась. Я засталъ его въ гробу. Похоронили его на загородномъ бердянскомъ кладбищѣ, расположенномъ на прибрежной горѣ, съ которой открывался превосходный видъ на городъ, утопавшій въ зелени, и на далекій морской просторъ.

Благодаря содѣйствію близкаго друга покойнаго брата, симпатичного г. Фуки, мѣстнаго коммерсанта средней руки, мнѣ удалось быстро привести въ порядокъ дѣла брата, установить опеку и посильно успокоить осиротѣвшихъ семейныхъ. Впослѣдствіи Фуки фактически несъ всѣ опекунскія обязанности и слѣдилъ за воспитаніемъ и обученіемъ обоихъ мальчиковъ въ мѣстной гимназіи.

Прошли тихія времена, настали грозныя, революціонныя. Мать умерла. Племянники мои, Сергѣй и Николай, превратились въ взрослыхъ юношей. Междоусобная, „бѣло-красная", братоубійственная война вовлекла ихъ въ свой ужасный водоворотъ. Старшій — Сергѣй оказался въ бѣлой Добровольческой арміи и прошелъ съ ней весь ея крестный путь, вплоть до Галлиполи и Бизерты. Впослѣдствіи мнѣ удалось ему помочь и водворить его въ Загребѣ, гдѣ онъ принялся усердно за службу въ россійскомъ консульствѣ и пріобрѣлъ довѣріе у начальства и кліентовъ. Другой мой племянникъ — Николай, остался въ Совдепіи и, по слухамъ, служилъ въ рядахъ Красной арміи. О немъ ни Сергѣй, ни я ничего не знаемъ.

100

Въ мартѣ мѣсяцѣ того же 1910 года, по возвращеніи моемъ изъ Бердянска, въ жизни законодательныхъ палатъ произошло изъ ряда вонъ выходящее событіе. Въ неземскихъ сѣверо- и юго-западныхъ окраинныхъ губерніяхъ, по существовавшему временному законоположенію, представители въ Государственный Совѣтъ избирались не отъ земскихъ собраній, а отъ особыхъ съѣздовъ землевладѣльцевъ. При первыхъ выборахъ, въ ихъ составъ, за единичными исключеніями, попали лица не русской національности, а польскаго происхожденія, образовавшія в группѣ „центра" т. н. „Польское коло".

По этому поводу среди мѣстныхъ русскихъ землевладѣльческихъ круговъ, обойденныхъ этими выборами, зародилось серьезное недовольство, которое вылилось въ представленномъ Д. И. Пихно Государственному Совѣту законопроектѣ, видоизмѣнявшемъ избирательный порядокъ въ смыслѣ, благопріятномъ для русскихъ землевладѣльцевъ западныхъ губерній.

При обсужденіи этого вопроса въ Общемъ Собраніи, Столыпинъ высказался противъ принятія проекта Пихно, сославшись на то, что существующій порядокъ выборовъ въ западныхъ губерніяхъ носитъ лишь временный характеръ, и что, съ введеніемъ въ нихъ Земскаго Положенія, избраніе членовъ Государственнаго Совѣта будетъ производиться въ нормальныхъ условіяхъ на земскихъ собраніяхъ. Столыпинъ добавилъ, что законопроектъ о введеніи Земскаго Положенія въ сѣверо- и юго-западныхъ губерніяхъ будетъ имъ внесенъ въ ближайшемъ будущемъ.

Государственный Совѣтъ предложеніе Пихно отклонилъ. Вскорѣ правительство дѣйствительно внесло въ Государственную Думу обширный законопроектъ о введеніи особаго Земскаго Положенія для упомянутыхъ окраинныхъ губерній. Онъ былъ составленъ въ высшей степени тенденціозно, съ явной предвзятой мыслью отстранить польское и крестьянское населеніе, предоставивъ преимущественныя избирательныя права исключительно лишь крупнымъ русскимъ землевладѣльцамъ.

Однимъ словомъ, въ этомъ не столько искусно, сколько грубо-искусственно сфабрикованномъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ законопроектѣ, безцеремонно и безтактно выявились похвальные по существу, но не ладные по способу ихъ осуществленія, основные идеологическіе принципы, которые сверхъ всякой мѣры „захлестывали" Столыпинскій умъ и нравъ въ послѣдній періодъ его управленія: т. е. служеніе русскому „національному" дѣлу и т. н. „ставка на сильныхъ".

„Нейдгардтцы", само собой, предприняли все для благополучнаго прохожденія законопроекта въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ Нижней Палатѣ онъ былъ одобренъ незначительнымъ большинствомъ голосовъ, но въ Государственномъ Совѣтѣ, даже въ группѣ „центра", обычно склонной согласовать свои рѣшенія съ Думой, не нашлось достаточно лицъ для поддержки его на общемъ собраніи. Ихъ удержали общія соображенія, касавшіяся самаго существа предложеннаго Правительствомъ выборнаго порядка, который могъ вызвать острую національную вражду между русскими и поляками.

Что касается „правой" группы, то большинство ея членовъ тоже баллотировало противъ „Столыпинскаго" западнаго земства, частью по тѣмъ же соображеніямъ, частью же по мотивамъ высшей государственной политики, считая введеніе земскихъ учрежденій въ окраинныхъ западныхъ губерніяхъ, ввиду ихъ исключительнаго положенія, нераціональнымъ.

Въ общемъ итогѣ, при голосованіи въ Верхней Палатѣ означеннаго законопроекта, получился полный провалъ, и Столыпинъ тотчасъ же подалъ Государю Императору прошеніе объ отставкѣ, причемъ оговорилъ, что онъ можетъ остаться на своемъ посту, если встрѣтитъ со стороны Его Величества поддержку, въ смыслѣ немедленнаго проведенія въ жизнь западнаго земства въ томъ видѣ, какъ онъ его спроектировалъ, не взирая на отрицательное голосованіе въ Госу-

дарственномъ Совѣтѣ.

Первое время Государь отнесся къ заявленію своего Премьера какъ бы безразлично и уговаривать Столыпина оставаться въ его должности не сталъ. Еще въ предшествовавшемъ 1909 году, послѣ того, какъ Его Величествомъ не было утверждено голосованіе обѣихъ законодательныхъ палатъ, которыя, вопреки прямого смысла основныхъ законовъ, разсматривали штаты Морского Генеральнаго Штаба, Столыпинъ былъ поставленъ въ крайне неловкое передъ Короной положеніе и вынужденъ просить у Государя отставки. Но тогда Его Величество его удержалъ, и тѣмъ выявилъ свое прощеніе Петру Аркадьевичу за допущенную служебную ошибку принципіальнаго значенія. Въ данномъ же случаѣ, Столыпинскій жестъ протеста противъ голосованія Верхней Палаты не вызвалъ со стороны Государя того же сочувствія. Если-бъ не энергичное вмѣшательство Великихъ Князей Николая и Александра Михайловичей, а, въ концѣ концовъ, и самой вдовствующей Императрицы Маріи Өеодоровны, настаивавшихъ передъ Государемъ на необходимости во что бы то ни стало оставить Столыпина на занимаемомъ имъ посту, отставка послѣдняго была бы принята. Возможно, что это отозвалось бы положительно на дальнѣйшей карьерѣ и дѣятельности Петра Аркадьевича, который смогъ бы во всемъ объемѣ сохранить свой авторитетъ и ореолъ для послѣдующей своей государственной дѣятельности.

Но событія, къ сожалѣнію, приняли совершенно иной оборотъ. Подъ натискомъ упорныхъ совѣтовъ вышеупомянутыхъ Августѣйшихъ лицъ, связывавшихъ съ личностью Столыпина цѣлость государственнаго порядка и политическое оздоровленіе страны, Государь измѣнилъ свое первоначальное отношеніе къ прошенію Премьера объ отставкѣ, и настойчиво просилъ Петра Аркадьевича оставаться на своемъ посту.

Досадно вспоминать, до чего эгоистически-безтактно и въ государственномъ отношеніи неразумно Столыпинъ, не сумѣвшій справиться съ охватившими его мстительными личными чувствами, отнесся къ милостивому настроенію уступчиваго Государя.

Поведенію Премьера немало содѣйствовалъ его ближайшій совѣтникъ — Алексѣй Борисовичъ Нейдгардтъ, отъ котораго въ дни „торга" Столыпина съ Государемъ я слышалъ обо всѣхъ подробностяхъ переговоровъ въ Царскомъ и о настроеніяхъ близкой ему Столыпинской среды.

Видя создавшуюся въ высшихъ сферахъ благопріятную для него обстановку, Петръ Аркадьевичъ ее использовалъ, чтобы поставить Государю рядъ условій, при наличіи которыхъ онъ соглашался оставаться на посту Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Первымъ условіемъ былъ немедленный роспускъ обѣихъ законодательныхъ палатъ срокомъ на три дня, чтобы въ этотъ промежутокъ времени, въ порядкѣ 87 ст. Основныхъ Законовъ, ввести въ дѣйствіе свой проектъ За-

паднаго Земства. Слѣдующимъ условіемъ Столыпина явилось то, что онъ предъявилъ Его Величеству свое требованіе о немедленномъ увольненіи въ отпускъ до 1 января 1911 года двухъ членовъ Государственнаго Совѣта — Петра Николаевича Дурново и Владиміра Өеодоровича Трепова, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ наибольшихъ противъ себя интригахъ, въ частности, противъ внесеннаго имъ земскаго законопроекта.

Переговоры Царя съ Премьеромъ, или „кризисъ власти", какъ тогда говорили, тянулись довольно долго — почти цѣлую недѣлю. Въ концѣ концовъ, Государь уступилъ, и оба упомянутыя условія, ультимативно предъявленныя Столыпинымъ, были исполнены, ошеломивъ своей необычностью и явной безцеремонностью рѣшительно всѣхъ — „отъ мала до велика"... Для самого же Петра Аркадьевича произведенный имъ „надломъ" надъ Царской волей и убѣжденіями большинства членовъ Верхней Палаты оказался той „Пирровой побѣдой", послѣ которой начался закатъ его славы, служебнаго успѣха, благоволенія къ нему высшихъ сферъ и уваженія рядовыхъ государственныхъ политическихъ дѣятелей.

Правда, Столыпинъ остался у власти, но какою цѣной?! Выторгованныя у Государя „кондиціи" носили, по мнѣнію большинства здравомыслящихъ людей, характеръ несомнѣннаго злоупотребленія Высочайше дарованной конституціонностью, какъ примѣненія исключительнаго положенія по 87 ст. Основныхъ Законовъ къ насильственному проведенію въ жизнь законопроекта далеко не первостепенной и не исключительной важности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣ же условія, предъявленныя Столыпинымъ, укрывшимся за спиной Государя, явились въ его рукахъ грубымъ издѣвательствомъ надъ лицами, носившими высокое званіе членовъ Законодательной Палаты, когда ихъ по Государеву указу выпроводили изъ стѣнъ Маріинскаго Дворца въ непрошенный отпускъ.

Въ результатѣ создалось совершенно неожиданное и очевидно для самого создателя всѣхъ этихъ пертурбацій никакъ непредвидѣнное общественное настроеніе. Столыпинъ, подвергшій двухъ своихъ главныхъ недруговъ, двухъ членовъ Государственнаго Совѣта, Высочайшему остракизму, достигъ того, что провожать одного изъ нихъ — наиболѣе ему ненавистнаго — Петра Николаевича Дурново на заграничный вокзалъ съѣхался чуть ли не весь Государственный Совѣтъ и масса думскихъ депутатовъ отъ всѣхъ политическихъ группъ, за исключеніемъ, конечно, „Нейдгардтцевъ".

Покидавшему столицу и вмѣстѣ съ ней Верхнюю Палату, „опальному" лидеру правыхъ устроены были внушительные сочувственные проводы. Ему поднесли иконы, были произнесены напутственныя рѣчи, раздавшіяся даже изъ устъ „академистовъ".

Несмотря на двадцать лѣтъ, истекшихъ послѣ описываемаго событія, съ поразительной ясностью встаетъ въ моей памяти моментъ, когда Самарскіе депутаты, въ день роспуска Палатъ, сошлись у меня въ номерѣ Европейской гостиницы

на „экстренное" земляческое собраніе, для обмѣна мнѣніями и впечатлѣніями по поводу свершившагося столь неожиданно для всѣхъ „Столыпинскаго самосуда".

Входили въ этотъ разъ мои земляки ко мнѣ не съ обычнымъ жизнерадостнымъ видомъ и бодрыми привѣтствіями, но съ угрюмымъ обликомъ людей, чѣмъ-то пришибленныхъ и сконфуженныхъ. Молча пришли Самарцы и безмолвно расѣлись за круглый столъ, за которымъ во время нашихъ земляческихъ бесѣдъ мы обычно усиленно занимались чаепитіемъ.

Разговоръ не вязался. Всѣмъ было не по себѣ. Раздавались отрывочныя незначущія фразы. Никто, видимо, не хотѣлъ затронуть свѣже-нанесенной всѣмъ намъ, участникамъ законодательныхъ работъ, глубокой и обидной для нашего личнаго и государственнаго самолюбія раны. Всѣ точно старались умалчивать о прискорбномъ поведеніи лица, къ которому наше землячество до тѣхъ поръ питало чувства глубочайшаго уваженія. Внутри насъ, какъ потомъ оказалось, одновременно зародилось жуткое чувство стыда за все происшедшее, за того же Столыпина, который пошелъ на столь позорный для него шагъ, и наконецъ, за насъ самихъ, превращенныхъ имъ въ какихъ-то жалкихъ провинившихся школьниковъ, на три дня выгнанныхъ изъ училища.

Въ качествѣ обычнаго предсѣдателя нашихъ земляческихъ собраній, я собирался затронуть злободневный вопросъ, но ни я самъ, ни мои земляки не были въ состояніи хладнокровно говорить о „Столыпинскихъ" дѣйствіяхъ. Слишкомъ мы всѣ были охвачены чувствомъ полной растерянности передъ столь безцеремоннымъ экспериментомъ надъ новымъ конституціоннымъ строемъ. Всѣ находились подъ гнетомъ возмущенія и разочарованія въ личности отвѣтственнаго руководителя правительственной политикой. Одинъ изъ присутствовавшихъ чуть не со слезами на глазахъ воскликнулъ: „когда подумаешь, что изъ-за какого-то ничтожнаго законопроекта прихлопнули только что зародившіяся на Руси государственныя законодательныя учрежденія, какъ послѣднихъ мальчишекъ повыгнали изъ нихъ почтенныхъ государственныхъ мужей?! Стыдно за былого Столыпина за наше опороченное званіе... за Россію! Хочется отъ всего этого позорнаго кошмара куда-то скрыться".

Понуро и молча, Самарцы быстро, одинъ за другимъ, разошлись съ нашей необычной „экстренной" бесѣды...

Я, какъ говорится, — „мѣста себѣ не находилъ". Ощущалъ, гдѣ бы ни появлялся, какую-то несвойственную мнѣ неловкость.

Оставаться въ Петербургѣ было тошно, ѣхать въ Самару того хуже. Я рѣшилъ отвести душу поѣздкой на Крымское побережье, гдѣ я лѣтъ десять не былъ. Черезъ двое сутокъ я очутился въ залитомъ благодатнымъ солнцемъ Севастополѣ, гдѣ, благодаря любезному содѣйствію адмирала Бострема, я провелъ нѣсколько интереснѣйшихъ дней, осматривая но-

выя крѣпостныя сооруженія, подробно знакомясь съ судами черноморскаго флота, и впервые имѣя возможность близко видѣть только-что зарождавшееся у насъ военно-авіаціонное дѣло.

Изъ Севастополя, по дорогѣ въ Ялту, я заѣхалъ въ памятный для меня во многихъ отношеніяхъ Форосъ, потомъ, не торопясь, объѣхалъ за двѣ недѣли всѣ мои излюбленныя мѣста вдоль шоссейнаго пути на Ялту, гдѣ я остановился на нѣсколько дней, намѣтивъ изъ нея прямо направиться въ обратный путь на Севастополь - Петербургъ.

Не успѣлъ я занять отведенный мнѣ въ гостиницѣ „Россія" номеръ, какъ, вмѣстѣ съ багажомъ, появился передо мной плотный, съ типичной мясистой физіономіей и карими большими, смышлеными глазами татаринъ, оказавшійся по профессіи комиссіонеромъ. Пришелъ этотъ „Асанъ" не только развлекать меня разными городскими новостями и сплетнями: онъ имѣлъ также въ виду заинтересовать меня своими предложеніями покупки „знаменитыхъ" дачъ по „небывало-дешевой" цѣнѣ. Дѣлать было мнѣ нечего, и я охотно согласился на совмѣстныя съ нимъ поѣздки по разнымъ направленіямъ Ялтинскихъ живописныхъ окрестностей.

Между прочимъ, было мною также осмотрѣно чудное прибрежное имѣніе „Селямъ" съ пляжемъ, набережной, превосходнымъ домомъ, подваломъ и большимъ пространствомъ подъ великолѣпно содержавшимися винградниками, принадлежавшее графу С. В. Орлову-Давыдову и продававшееся въ то время сравнительно за безцѣнокъ. Вообще цѣны тогда стояли низкія, и лишь въ послѣдующіе годы начался ихъ бѣшеный подъемъ, благодаря усилившемуся наплыву пріѣзжавшихъ изъ Россіи лицъ, желавшихъ пріобрѣтать участки на Крымскомъ побережьѣ. Къ этому же времени относятся частые наѣзды изъ сѣверной резиденціи въ благодатную Ливадію Государя со всей Его Августѣйшей Семьей, что также привлекало столичныхъ жителей, спѣшившихъ селиться вокругъ Ялтинскаго района.

Объѣзжая на автомобилѣ съ словоохотливымъ Асаномъ живописное побережье, подъ предлогомъ осмотра рекомендуемыхъ имъ дачъ, мы однажды заѣхали въ Гурзуфъ, который мнѣ и ранѣе всегда очень нравился и около котораго по ту сторону т. н. „Генуэзской скалы" татаринъ обѣщалъ показать мнѣ что-то „особенное"...

Онъ привезъ меня на продававшуюся дачу подъ названіемъ „Гурзувитта". Расположенная у подножья Генуэзской скалы, бывшей крѣпости, примыкавшая широкимъ собственнымъ пляжемъ непосредственно къ морю, она меня такъ очаровала, что я долго не могъ сойти съ балкона помѣстительнаго двухэтажнаго дома, и не сводилъ восхищеннаго взора съ открывшейся передъ моими глазами изумительной панорамы.

Подошелъ сосѣдъ „Гурзувитты, Дмитрій Ивановичъ Первушинъ, который близко принималъ къ сердцу вопросъ объ

ея продажѣ, будучи заинтересованъ имѣть у себя подъ бокомъ подходящаго для него „добраго” сосѣда.

Въ Ялту я вернулся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ „Гурзувитты”. Цѣна, запрошенная съ меня за нее, показалась мнѣ столь баснословно низкой, что на слѣдующее же утро я передалъ Асану свое рѣшеніе эту дачу пріобрѣсти. Хозяйка „Гурзувитты” — курская помѣщица княгиня Кавкасидзе — съ продажей торопилась. Да и у меня время было на исходѣ. Я послалъ ей срочную телеграмму о моемъ рѣшеніи. Цѣна была объявлена 45.000 рублей за все — за домъ, службы, землю (около полуторы десятины) съ большимъ пляжемъ, виноградниками и прочими насажденіями. Главное же удобство для меня состояло въ томъ, что, купивъ „Гурзувитту”, я для себя не создавалъ никакихъ новыхъ хлопотъ. Домъ былъ исправенъ, весь обставленъ хорошей мебелью, всѣ жизненныя удобства были тоже налицо, благодаря близости Гурзуфскаго курорта (церковь, почта, телеграфъ, врачебная помощь, базаръ, извощики и пр.). Я далъ приказъ нашему московскому довѣренному произвести съ владѣлицей разсчетъ и совершить нотаріальную сдѣлку на имя моей жены. Я надумалъ сдѣлать ей къ Пасхѣ пріятный сюрпризъ, преподнеся ей, вмѣсто краснаго яичка, крымскую дачу „Гурзувитту”.

Нежданно, негаданно — въ результатѣ Столыпинскаго „разгона” г.г. россійскихъ законодателей, — я пріобрѣлъ въ Крыму небольшое, но исключительное по своей красотѣ и цѣнное по своему мѣстоположенію имѣньице, вблизи двухъ южнобережныхъ извѣстныхъ курортовъ — Гурзуфа и Суукъ-су, осуществивъ тѣмъ самымъ завѣтную и давнюю нашу съ Анютой мечту.

Ставъ хозяиномъ „Гурзувитты”, я обработалъ свой участокъ и имѣлъ въ виду въ дальнѣйшемъ приступить къ пере стройкѣ дачи. Европейская война этому помѣшала, и „Гурзувитта” осталась такой, какъ я ее засталъ въ 1910 году. Она оказалась для всей многочисленной нашей семьи, въ тяжкое революціонное лихолѣтье 1917 - 1920 г.г., незамѣнимымъ кровомъ. Она дала намъ домашній уютъ и хлѣбъ насущный, въ видѣ обильныхъ плодовыхъ и огородныхъ урожаевъ, которые насъ питали во времена полнаго нашего матеріальнаго оскудѣнія.

„Гурзувитта” оказалась тѣмъ послѣднимъ небольшимъ, но драгоцѣннымъ кусочкомъ родной русской земли, за который мы цѣпко держались, пока девятый валъ безудержной революціонной стихіи не смылъ всѣхъ насъ, выкинувъ сначала въ Стамбулъ, а затѣмъ перекинувъ наши бѣженскія тѣла на югъ далекой Франціи..

101

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, я засталъ занятія въ обѣихъ законодательныхъ палатахъ какъ бы нормально наладившимися. Но это была одна видимость. Во всѣхъ сферахъ государственно-общественной жизни столицы, даже среди правительственныхъ круговъ, ощущался надломъ, реакція послѣ всѣми пережитаго остраго нервнаго подъема.

Настроеніе у большинства моихъ коллегъ и думскихъ депутатовъ наблюдалось подавленное, вялое и малодѣятельное. Во взаимоотношеніяхъ Государственнаго Совѣта, Думы и правительства чувствовалась нѣкоторая натянутость. Самъ виновникъ трехдневнаго разгона законодательныхъ палатъ тоже утерялъ свою былую позицію безспорнаго моральнаго авторитета... Западное земство было введено, Дурново съ Треповымъ удалены, палаты вновь собраны..., но прежняго Столыпина въ Россіи не стало. Сознаніе это сдѣлалось общимъ. Имъ проникся, видимо, и самъ Государь, замѣтно измѣнившійся въ своемъ отношеніи къ Премьеру послѣ вынужденнаго согласія на пресловутыя „кондиціи”.

Ставка на „національность”, въ томъ видѣ,какъ она была проявлена Столыпинымъ, когда онъ насильно провелъ въ жизнь законопроектъ о Западномъ земствѣ, на мой взглядъ, имѣла совершенно обратное дѣйствіе и не способствовала поддержанію національной мощи Россійской Имперіи.

Вмѣсто того, чтобы взять въ свои властныя руки иниціативу всемѣрнаго содѣйствія въ дѣлѣ ознакомленія разноплеменнаго населенія страны съ положительными свойствами и исторпческпмп заслугамп русскаго народа, который сумѣлъ создать вокругъ себя обширное россійское государство; вмѣсто того, чтобы употребить всѣ усилія для сближенія всѣхъ народовъ Имперіи съ господствующимъ русскимъ народомъ, путемъ насажденія между ними взаимнаго уваженія и постепеннаго созданія народности общероссійской, Столыпинъ дѣйствовалъ насильственно, грубо, прямолинейно, какъ проводилъ въ жизнь свою земельную политику — „приказомъ”, а не „показомъ”. Онъ задался мыслью — „национализировать” страну, „навязывая” все „русское”, какъ въ области переустройства общиннаго землепользованія „приказывалъ” всѣмъ сразу превращаться въ индивидуалистовъ-собственниковъ, упуская изъ виду народное мудрое изрѣченіе, что „насильно милъ не будешь”.

Большинство Государственной Думы третьяго созыва принимало Столыпинскія воззрѣнія и мѣропріятія. Параллельно съ „Нейдгардтской” группой Государственнаго Совѣта, въ Думѣ образовалась „Національная” партія, привлекшая къ себѣ часть депутатовъ, ранѣе входившихъ въ составъ „правой” думской группы, а также нѣкоторое количество перешедшихъ „октябристовъ”.

Главнымъ основателемъ и вдохновителемъ этой новопоявившейся партіи, оффиціальнымъ предсѣдателемъ которой числился депутатъ Балашевъ, былъ членъ Государственной Думы отъ Бессарабской губерніи — Павелъ Николаевичъ Крупенскій. Павелъ Николаевичъ отличался необычайной живостью, энергіей и изобрѣтательностью. Онъ первый разузна-

валъ свѣжія новости и сплетни. Въ случаѣ парламентскихъ осложненій онъ былъ посредникомъ при всяческихъ согласительныхъ комбинаціяхъ и переговорахъ. Павелъ Николаевичъ считался „Думскимъ церемоніймейстеромъ" и во время баллотировочныхъ процедуръ незамѣнимымъ счетчикомъ шаровъ, не имѣвшимъ себѣ равныхъ по ловкости и быстротѣ костлявыхъ проворныхъ рукъ.

Образовавшаяся въ 1909 году „Національная" думская группа, куда перешелъ отъ „октябристовъ" одинъ изъ нашихъ Самарскихъ депутатовъ — В. Н. Львовъ, являлась основной опорой правительственной политики временъ Столыпинскаго премьерства, а ихъ лидеръ — Крупенскій служилъ лицомъ, черезъ посредство котораго Столыпинъ получалъ подробную информацію обо всемъ, что думалось, говорилось и творилось въ стѣнахъ Таврическаго Дворца. Роль означенной партіи, такъ же, какъ и „Нейдгардтцевъ" въ Верхней Палатѣ, особенно ярко обозначилась въ связи съ проваломъ въ Государственномъ Совѣтѣ законопроекта о Западномъ Земствѣ.

Къ этому же времени надо отнести увяданіе одного общественнаго учрежденія, возникшаго въ самомъ началѣ 1910 года на почвѣ проявлявшагося въ обществѣ подъема того „національнаго духа", который, къ сожалѣнію, понимался тогда каждымъ по своему. Въ этомъ и крылась основная причина недолговѣчности упомянутаго учрежденія, носившаго названіе „Всероссійскаго Національнаго Клуба", — онъ просуществовалъ не болѣе года.

Въ числѣ учредителей и старшинъ этого клуба былъ членъ Государственнаго Совѣта князь Борисъ Александровичъ Васильчиковъ, князь Павелъ Павловичъ Голицынъ, членъ Государственнаго Совѣта и Новгородскій Губернскій Предводитель Дворянства, Алексѣй Борисовичъ Нейдгардтъ, Павелъ Николаевичъ Крупенскій и другіе — всего двѣнадцать человѣкъ, среди которыхъ значилось и мое имя.

Предсѣдателемъ Совѣта Старшинъ состоялъ князь Васильчиковъ, а замѣстителемъ его былъ князь П. П. Голицынъ. Клубъ занималъ великолѣпное помѣщеніе на Литейномъ проспектѣ, въ богатомъ особнякѣ, принадлежавшемъ Шталмейстеру Павлу Владиміровичу Родзянко, родному брату Предсѣдателя Государственной Думы. Въ основу дѣятельности возникшаго учрежденія было положено стремленіе объединить всѣхъ лицъ, сочувствовавшихъ дѣлу укрѣпленія и развитія національнаго самосознанія въ населеніи Россіи. Въ первую голову, было принято рѣшеніе всемѣрно содѣйствовать широкому распространенію всѣхъ свѣденій объ исторіи образованія и роста россійской государственности.

Я внесъ въ Совѣтѣ Старшинъ предложеніе объ организаціи при содѣйствіи клуба и мѣстной сословной земской общественности „Національныхъ Университетовъ", въ противовѣсъ „Народнымъ Университетамъ". Они стали неудержимо размножаться по всей Имперіи и въ большинствѣ случаевъ

являлись очагами антигосударственной пропаганды. Я считалъ дѣломъ первостепенной государственной важности приступить къ широкому ознакомленію народныхъ массъ съ отечествовѣдѣніемъ, съ главными историческими этапами образованія россійской государственности и съ доблестными страницами жизни русскаго народа, имѣвшаго право гордиться своими славными подвигами и геройскими заслугами.

Необходимо было возможно скорѣе вырвать темный и неосвѣдомленный о своей родинѣ народъ изъ рукъ лицъ, которыя ради своихъ узкихъ партійныхъ политическихъ цѣлей, представляли ему и его самого и его оффиціальныхъ руководителей въ ложномъ свѣтѣ, сгущая краски, подтасовывая факты, развращая народную душу и заглушая національное самосознаніе. Изъ всего прошлаго русской исторіи эти революціонные воспитатели и профессора выбирали, тенденціозно компилировали и подносили для поученія слушателей „Народныхъ Университетовъ" все то отрицательное, что можетъ быть и происходило, но при безпристрастной оцѣнкѣ историческаго прошлаго русскаго государства — исключительной и преобладающей роли играть ни въ коемъ случаѣ не могло. Темныя стороны чередовались съ событіями, которыми вправѣ была бы гордиться наша родина, да и любая западно-европейская страна. Въ цѣляхъ возстановленія въ народѣ здороваго національнаго чувства и подъема, я предложилъ организацію, подъ именемъ „Національныхъ Университетовъ", общедоступныхъ просвѣтительныхъ разсадниковъ.

Подобное ознакомленіе послужило бы дѣйствительно и прочнымъ средствомъ къ насажденію среди самихъ русскихъ сознанія ихъ національнаго величія, а для инородческихъ племенъ оно могло бы вызвать уваженіе къ основному государственному русскому ядру, которое въ концѣ концовъ должно было перейти въ общероссійское или общеимперское національное сознаніе. Это и было бы тѣмъ „показомъ", а не насильственнымъ „наказомъ" — „любить Россію", которое отличало насъ отъ „націоналистовъ" моднаго покроя, размножившихся, какъ грибы, въ послѣдніе годы Столыпинскаго премьерства.

Моя идея встрѣтила среди Старшинъ Клуба общее сочувствіе. Мною предполагалось дѣло это поставить на широкую и прочную ногу. Я имѣлъ въ виду привлечь многочисленный кадръ выдающихся лекторовъ, при содѣйствіи которыхъ намѣчалась выработка систематическаго плана отечествовѣдѣнія въ самомъ разностороннемъ его пониманіи и освѣщеніи.

Предполагалось также для большей завлекательности и наглядности использовать театральныя учрежденія, главнымъ образомъ, обширныя сцены народныхъ театровъ, и поставить серію пьесъ историческаго содержанія.

Въ тѣхъ же цѣляхъ, я предложилъ использовать новѣйшее могучее средство образовательнаго и моральнаго воз-

дѣйствія на людскія массы — величайшее парижское изобрѣтеніе бр. Люмьеръ — синематографъ. Я поднялъ также вопросъ о монополизации синематографа для его использованія въ цѣляхъ отечествовѣдѣнія и народнаго воспитанія.

Къ немалому сожалѣнію, всѣмъ этимъ предположеніямъ не суждено было осуществиться изъ-за разномыслія въ пониманіи „націонализаціи Россіи", которое съ особой силой обострилось послѣ перипетій, связанныхъ съ исторіей Столыпинскаго Западнаго Земства.

Ко всему этому присоединился фактъ принятія, далеко не единогласнаго, въ составъ старшинъ Національнаго Клуба извѣстнаго Нововременскаго талантливаго публициста М. О. Меньшикова. Онъ тотчасъ же разразился обширной цинично-боевой газетной статьей, въ духѣ крайней непримиримости ко всему инородческому, съ призывомъ къ „насильственной" въ спѣшномъ порядкѣ „націонализаціи" Имперіи.

Эффектъ этой статьи получился самый неожиданный для націоналистовъ Столыпинскаго толка и, конечно, крайне печальный по своимъ послѣдствіямъ. На другой же день послѣ Меньшиковскаго „національнаго приказнаго выкрика", въ томъ же „Новомъ Времени", появилось письмо за подписью всѣхъ членовъ Государственнаго Совѣта изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ (бар. Деллинсгаузена, гр. Рейтерна и др.), высказывавшихъ свое возмущеніе по поводу вызывающаго содержанія статьи Меньшикова и заявившихъ о своемъ выходѣ изъ партіи „праваго центра" Государственнаго Совѣта, возглавляемой Алексѣемъ Борисовичемъ Нейдгардтомъ. Они пояснили, что не могутъ оставаться участниками въ той политической группировкѣ, гдѣ предсѣдателемъ является лицо, входящее въ составъ Совѣта Старшинъ того Всероссійскаго Національнаго Клуба, гдѣ числится и Меньшиковъ.

Само собой, „зоологическій" націонализмъ рьянаго Нововременскаго публициста пришелся также не по вкусу многимъ изъ учредителей Клуба. Безтактное, и въ государственно-россійскомъ отношеніи неразумное, выступленіе Меньшикова послужило какъ-бы провокаціоннымъ средствомъ для выявленія взглядовъ клубныхъ старшинъ на дѣло развитія національнаго народнаго самосознанія и общеимперскаго объединенія страны. Обнаружился непримиримый расколъ. Руководители Совѣта — князья Васильчиковъ и Голицынъ придерживались компромиссныхъ теченій. Изъ старшинъ наиболѣе идейные люди стали одинъ за другимъ выходить. Не прошло и года, какъ большое, живое и разумно-государственное начинаніе совершенно распылилось и заглохло навсегда. Межъ тѣмъ въ начальный — если можно такъ выразиться — „до Меньшиковскій" періодъ расцвѣта жизни клуба, великолѣпный особнякъ на Литейномъ проспектѣ привлекалъ къ себѣ множество столичнаго люда, принадлежавшаго большей частью къ законодательнымъ и правящимъ сферамъ, сходившагося въ обширномъ, богато отдѣланномъ помѣщеніи для дружескихъ собесѣдованій, а иногда и для того, чтобы послушать хорошую музыку.

102

Бывая въ Петербургѣ я пользовался широкимъ гостепріимствомъ члена Государственнаго Совѣта князя Александра Дмитріевича Оболенскаго, и не разъ проводилъ въ его домѣ интересные вечера,обычно заполненные музыкальными номерами съ чрезвычайно разнообразной программой, вплоть до выступленія сохранившихся еще на нашемъ далекомъ сѣверѣ гусляровъ.

Князь А. Д. Оболенскій былъ товарищемъ предсѣдателя Императорскаго Музыкальнаго Общества, предсѣдательницей котораго состояла Ея Высочество принцесса Елена Георгіевна Саксенъ-Альтенбургская. Волею судебъ и мнѣ впослѣдствіи пришлось принимать участіе въ засѣданіяхъ управленія Общества, которыя обычно происходили въ Каменоостровскомъ Дворцѣ Ея Высочества, богато обставленномъ мебелью и бронзой въ стилѣ „Ампиръ" исключительной красоты и музейной цѣнности. Одноэтажный и широко раскинутый среди роскошныхъ цвѣтниковъ и обширнаго сада, дворецъ этотъ былъ резиденціей Императора Александра Перваго во время Наполеоновскаго нашествія и мѣстомъ его пребыванія въ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ изъ столицы на югъ, въ Таганрогъ.

Высокая, статная, съ красивыми тонкими чертами выразительнаго породистаго лица, принцесса Елена Георгіевна отличалась привѣтливостью, простотой и скромностью въ обращеніи со всѣми ее окружавшими. Чуткая и одаренная, она съ рѣдкимъ тактомъ и искреннимъ воодушевленіемъ объединяла вокругъ себя выдающіяся музыкальныя силы столицы. Происходившія подъ ея высокимъ предсѣдательствомъ засѣданія Императорскаго Музыкальнаго Общества отличались большимъ подъемомъ и дѣловитостью.

Помимо Оболенскаго ближайшими сотрудниками принцессы являлись другой членъ Государственнаго Совѣта Василій Ивановичъ Тимирязевъ и братья Сомовы, видные музыкальные меценаты, создавшіе у себя въ г. Воронежѣ музыкальную школу, превращенную впослѣдствіи въ консерваторію.

Въ Самарѣ тоже въ періодъ 1907 - 1910 г.г. были основаны сначала музыкальные классы, которыми руководилъ талантливый артистъ Яковъ Яковлевичъ Карклинъ, обладавшій превосходнымъ теноромъ и солиднымъ музыкальнымъ образованіемъ. Со временемъ, эти классы превратились въ многолюдную школу, директоромъ которой онъ продолжалъ состоять. Одновременно въ Самарѣ было открыто отдѣленіе Императорскаго Музыкальнаго Общества, предсѣдателемъ котораго избрали меня, въ силу чего я могъ присутствовать на правахъ члена на засѣданіяхъ столичнаго Главнаго Управ-

ленія. Какъ въ Воронежѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Россіи, включая Самару, предположено было музыкальныя школы постепенно преобразовывать въ консерваторіи, но война 1914 года помѣшала этому осуществиться.

Въ 1910 году правительство особенно усердно подгоняло землеустроительныя работы. Это была главнѣйшая ставка самого Столыпина и мѣрило заслугъ всего провинціальнаго вѣдомственнаго люда, создававшаго на успѣшности этихъ мѣръ служебную себѣ карьеру.

Въ томъ же году состоялся торжественный объѣздъ П. А. Столыпинымъ, совмѣстно съ А. В. Кривошеинымъ, наиболѣе выдвинувшихся по количеству работъ землеустроительныхъ районовъ.

Въ первой половинѣ сентября оба Министра посѣтили также наше Среднее Поволжье, заѣхали сначала въ Симбирскъ, а затѣмъ, между десятымъ и четырнадцатымъ сентября, высадились въ Самарѣ, гдѣ встрѣчены были многочисленными мѣстными депутаціями, включая представителей нашего дворянства и земства.

Во все время своего краткаго пребыванія въ Самарѣ Столыпинъ съ Кривошеинымъ имѣли своей резиденціей путейскій пароходъ, на которомъ они приплыли съ верховьевъ Волги. Въ его же просторной рубкѣ состоялся пріемъ всѣхъ самарскихъ должностныхъ лицъ и депутацій.

Среди цѣлаго ряда докладовъ, Столыпину была представлена записка отъ Самарскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія по поводу дѣятельности Крестьянскаго Банка, Управляющій котораго С. С. Хрипуновъ тутъ же присутствовалъ. Самарскіе землевладѣльцы считали необходимымъ обратить вниманіе высшаго начальства на крайне небрежное отношеніе агентовъ банка къ оцѣнкѣ земли въ предлагавшихся имѣніяхъ. Приведенный въ запискѣ рядъ цифровыхъ данныхъ съ достаточной наглядностью указывалъ на явное несоотвѣтствіе этихъ оцѣнокъ съ дѣйствительной стоимостью земли.

Я возбудилъ, въ присутствіи столь рѣдкихъ для нашей отдаленной провинціи высоко-сановныхъ гостей, вопросъ о сооруженіи въ Самарѣ Политехническаго Института, и къ своему удивленію узналъ, что въ столичныхъ сферахъ начатое мною дѣло затормозилось, вслѣдствіе присланной въ Петербургъ, черезъ Губернатора Якунина, докладной записки Городского Головы Челышева. Онъ настаивалъ на открытіи въ г. Самарѣ не Политехникума, а Коммерческаго Института. Къ запискѣ Городского Головы было приложено заключеніе губернатора, подчеркивавшаго неблагопріятное положеніе финансовъ въ Самарскомъ земствѣ и въ городѣ, въ силу чего Губернаторъ поддерживалъ предложеніе Челышева.

Будучи близко знакомъ съ состояніемъ мѣстныхъ земскихъ финансовъ, я, не стѣсняясь присутствіемъ въ рубкѣ Якунина съ Челышевымъ, не могъ не высказать Столыпину своего глубочайшаго возмущенія по поводу поданной ему вышеупомянутой записки и, въ особенности, по поводу заключенія Губернатора, совершенно не соотвѣтствовавшаго дѣйствительному положенію вещей.

Для меня представлялось яснымъ, что вся эта подпольная дѣятельность Городского Головы и губернскаго начальства направлена была къ тому чтобы помѣшать осуществленію большого просвѣтительнаго и практически-полезнаго начинанія, возникшаго по моей иниціативѣ и единодушно поддержаннаго земствами, не только Самарскимъ, но и всего Приволжскаго и Пріуральскаго края.

Столыпинъ, объѣзжая въ сопровожденіи Кривошеина городъ, заѣхалъ, между прочимъ, ко мнѣ и любовался нашимъ домомъ. Около него, незадолго до пріѣзда Министровъ, была закончена постройка обширнаго каменнаго зданія для отдѣленій Крестьянскаго и Дворянскаго Банковъ.. Я сильно досадовалъ на это непредвидѣнное и уродливое сосѣдство, совсѣмъ не гармонировавшее съ красивымъ очертаніемъ нашего особняка. Недаромъ Столыпинъ, отойдя съ Кривошеинымъ и Хрипуновымъ на противоположную сторону улицы, и показывая на эти два смежныя зданія далъ имъ такое сравненіе: „Чистокровная арабская лошадь и вьючный верблюдъ".

Министры оказали честь и нашему Дворянскому Собранію, посѣтили его, подробно все осматривали, интересовались выставленными въ витринѣ Высочайшими телеграммами. Особое вниманіе ихъ привлекло содержаніе той, гдѣ Государь отмѣчалъ значеніе начатаго въ странѣ землеустройства. Ко всему, что они увидали въ Дворянскомъ Домѣ, они отнеслись съ чрезвычайнымъ любопытствомъ.

Министры зашли въ Аксаковскій музей, гдѣ расписались въ книгѣ почетныхъ посѣтителей. Передъ тѣмъ какъ покинуть зданіе Дворянства, Столыпинъ и Кривошеинъ высказали мнѣ свое искреннее удовлетвореніе отъ всего ими видѣннаго, заявивъ, что посѣщеніе ими нашего Дворянскаго Дома оставило у нихъ самое лучшее впечатлѣніе. Столыпинъ добавилъ: „Самарскій Дворянскій Домъ имѣетъ характеръ совершенно домашняго уюта... въ немъ чувствуешь себя „so gemuetlich"!... Прощаясь со мной, Петръ Аркадьевичъ промолвилъ памятныя для меня слова: „Искренне сожалѣю, что не имѣю чести состоять Самарскимъ дворяниномъ"...

Городъ Самара Министровъ мало интересовалъ. Все свое время они использовали на объезды окрестныхъ селеній, съ цѣлью видѣть на мѣстахъ результаты землеустроительныхъ работъ. Не только въ Самарской губерніи, но и въ сосѣднихъ съ ней мѣстностяхъ обоимъ Министрамъ показывались благодѣтельныя результаты новоизданнаго землеустроительнаго закона на встрѣчавшіеся на пути хутора и поселки. Они представляли изъ себя образцовыя хозяйства, видимо превосходно оборудованныя, полныя „изобилія плодовъ земныхъ" и всяческаго экономическаго благополучія.

Мнѣ разсказывали, какъ въ Симбирской губерніи Столы-

пину, проѣзжавшему однажды по степной, песчаной мѣстности, пришлось вдругъ натолкнуться на рядъ ново-выстроенныхъ хуторовъ, около которыхъ на привязи держался многоголовый разнообразный скотъ, наглядно говорившій о хозяйскихъ достаткахъ новоселовъ, и, при видѣ этой картины, несообразной съ голой, скудной окружавшей природой, Петръ Аркадьевичъ не выдержалъ и задалъ сопровождавшему его Симбирскому Губернатору вопросъ, сдѣлавшійся потомъ достояніемъ мѣстныхъ служилыхъ круговъ: „Не по Потемкинскому ли способу создались всѣ эти новенькіе хутора?" Подобная мысль могла зародиться у Столыпина не безъ основанія, такъ какъ во многихъ мѣстахъ, при демонстрированіи заѣзжимъ Министрамъ хуторскихъ заселеній, бутафорія играла не малую роль.

Не обошлось безъ этого также и въ Самарскомъ уѣздѣ. Закончивъ свой объѣздъ, Столыпинъ подѣлился со мною своими восторженными впечатлѣніями, но просилъ меня откровенно высказать свое мнѣніе по поводу усмотрѣннаго имъ хозяйственнаго благополучія видѣнныхъ имъ хуторовъ — являлось ли оно дѣйствительно таковымъ, или лишь кажущимся и спеціально для министерскаго пріѣзда подстроеннымъ? Въ нелегкое положеніе меня тогда поставилъ Петръ Аркадьевичъ, — съ одной стороны, до меня доходили слухи о готовившейся инсценировкѣ „хуторскихъ достиженій", а съ другой, — я не могъ „подводить" своего ближайшаго сословнаго сослуживца — Самарскаго Уѣзднаго Предводителя... Въ своемъ отвѣтѣ Столыпину я сослался на свою полную неосвѣдомленность въ этом дѣлѣ.

Результатомъ объѣзда Самарскихъ хуторовъ явилось назначеніе Самарскаго Уѣзднаго Предводителя, графа А. Н. Толстого, сопровождавшаго Министровъ въ качествѣ Предсѣдателя Самарской Уѣздной Землеустроительной Комиссіи, — С. Петербургскимъ Вице-Губернаторомъ...

Вспоминая прошлое — ловлю себя на былыхъ своихъ мысляхъ, сводившихся къ тому, что подобные торжественные наѣзды Министров ни по краткости времени, ни по характеру и способу осмотра землеустроительныхъ работъ, серьезной пользы по существу приносить не могли ни дѣлу, ни его исполнителямъ, ни самимъ Министрамъ.

103

Въ 1910 году на фонѣ самарской жизни появилось новое служебное лицо, получившее спустя нѣсколько лѣтъ всероссійскую извѣстность. Однажды Губернаторъ Якунинъ мнѣ телефонируетъ, что вмѣсто получившаго повышеніе Кошко, на должность Самарскаго вице-губернатора — „присылабтъ мнѣ — хрипло и недовольно прозвучалъ въ телефонную трубку Якунинскій голосъ, — какого-то Бѣлецкаго... Какъ слышно —

это юркій типъ изъ лавочи князя Мещерскаго"... Вскорѣ является ко мнѣ съ оффиціальнымъ визитомъ мужчина въ форменномъ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, вице-губернаторскомъ сюртукѣ, съ Владимірскимъ крестикомъ въ петличкѣ.

Быстро, на цыпочкахъ, подойдя ко мнѣ, съ слегка наклоненной на бокъ головой и дѣланной „масляной" улыбкой во всю ширь толстой простоватой физіономіи, — господинъ этотъ, гнусаво шепелявя, пробормоталъ: „Честь имѣю представиться вашему превосходительству — вновь назначенный Самарскій вице-губернаторъ, Степанъ Петровичъ Бѣлецкій"... Послѣ чего, приподнявъ локоть, с особымъ — ему, вѣроятно, казавшимся свѣтскимъ, изяществомъ, онъ принялъ мою руку, но не пожалъ ее, какъ обычно полагается въ этихъ случаяхъ, а лишь почтительно всунулъ въ мою ладонь свои толстые потные пальцы, украшенные многочисленными перстеньками довольно базарнаго вида... Впечатлѣніе получилось у меня пренепріятное, и вообще къ новому „вицу" зародилось у меня тогда опредѣленное недовѣріе.

Дальнѣйшая манера, съ которой Бѣлецкій держалъ себя, усугубила мое первое впечатлѣніе... Обиліе комплиментовъ по моему адресу, подобострастный тонъ, заискивающая улыбочка, отталкивающее выраженіе хитро-прищуренныхъ, бѣгающихъ глазъ — все заставляло держать себя съ Бѣлецкимъ осторожно.

На службѣ Степанъ Петровичъ проявилъ себя недюжиннымъ работникомъ, способнымъ быстро оріентироваться въ самыхъ сложныхъ вопросахъ. Должностное усердіе его не знало границъ — онъ готовъ былъ ночами просиживать за срочными дѣлами...

Съ самаго же начала своего вице-губернаторства Бѣлецкій выказалъ особые таланты и исключительное дарованіе въ области полицейскаго сыска. Освѣдомленность его про мельчайшія детали житейской обстановки лицъ, принадлежавшихъ къ виднымъ слоямъ губернскаго и городского Самарскаго общества, была воистину изумительная. При этомъ, для достиженія своихъ личныхъ цѣлей или служебныхъ выгодъ Степанъ Петровичъ ни передъ чѣмъ не останавливался и былъ готовъ сдѣлать все, чтобы угодить нужнымъ ему лицамъ, для которыхъ въ его лексиконѣ слова „нѣтъ" не существовало.

Уроженецъ юга, Степанъ Петровичъ прошелъ нелегкій путь, постепенно подымаясь по чиновничьей іерархической лѣстницѣ, пока, наконецъ, не добрался до вице-губернаторства, чему, какъ было слышно, способствовалъ не столько Столыпинъ, сколь пресловутый кн. Мещерскій, почему-то принявшій живое участіе въ судьбѣ Бѣлецкаго. Вліяніе этого сіятельнаго „дѣйствительнаго тайнаго" совѣтника проявлено было не только при назначеніи Степана Петровича въ Самару, но оно же сказалось вскорѣ и въ послѣдующей его карьерѣ, придавъ послѣдней совершенно необычный и неожиданный характеръ.

Надо сказать, что, по заведенному порядку, Начальники губерній предоставляли своимъ вице-губернаторамъ въ ихъ полное распоряженіе и руководство Губернскія Правленія, сосредотачивавшія въ себѣ завѣдываніе всей полицейской частью въ губерніи. Такимъ же образомъ было поступлено и съ Бѣлецкимъ.

Вскорѣ Якунинъ уѣхалъ въ отпускъ, и временно все управленіе губерніей перешло къ Вице-Губернатору.

Мѣсяца черезъ полтора возвращается въ Самару В. В. Якунинъ, и на другой же день заѣзжаетъ ко мнѣ въ полной ярости. По его словамъ, замѣщавшій его Бѣлецкій натворилъ ему кучу непріятностей по управленію губерніей, главнымъ образомъ, въ Губернскомъ Правленіи, гдѣ израсходовалъ всѣ кредиты по содержанію полицейскихъ штатовъ. „Это не Вице-Губернаторъ, а чортъ его знаетъ что, — кипѣлъ красный, какъ ракъ, Якунинъ, — я ему задамъ! (При этомъ сыпались херсонскія отборныя ругательства, мало чѣмъ отличавшіяся отъ поволжскихъ). Столыпину я уже послалъ донесеніе, отъ котораго Бѣлецкому не поздоровится! Такому господину нѣтъ мѣста въ нашихъ рядахъ. Я отъ него отобралъ завѣдываніе Губернскимъ Правленіемъ!"

Въ тотъ же день заѣзжаетъ ко мнѣ Бѣлецкій и битый часъ разсказываетъ мнѣ, какъ онъ хорошо распоряжался въ отсутствіе Якунина, и какой черной неблагодарностью послѣдній за все это ему отплатилъ. Закончилъ Степанъ Петровичъ тѣмъ, что, предвидя, въ силу происшедшихъ у него съ Якунинымъ недоразумѣній, возможность оставленія имъ государственной службы, онъ обращается ко мнѣ, какъ человѣку, имѣющему многочисленныя знакомства и связи въ крупныхъ московскихъ промышленно-коммерческихъ сферахъ, — за совѣтомъ и помощью на случай, если ему придется искать мѣсто на частной службѣ. Я Бѣлецкому отвѣтилъ успокоительно, высказавъ надежду, что ему удастся съ Якунинымъ все уладить „по-хорошему" и мысль объ оставленіи государственной службы откинуть въ сторону. Такъ и случилось. Все завершилось между губернаторомъ и его „вицомъ" не только „по-хорошему", но прямо-таки невѣроятно-чудесно, а для всѣхъ насъ, и въ особенности для Якунина, совершенно неожиданно.

Ровно черезъ три мѣсяца послѣ описанной размолвки, тотъ же самый Якунинъ, доносившій столичному начальству о непригодности Бѣлецкаго для несенія служебныхъ обязанностей, особливо по завѣдыванію губернской полиціей, вынужденъ былъ торжественно провожать на самарскомъ вокзалѣ того же Бѣлецкаго, получившаго вдругъ назначеніе на постъ вице-директора Департамента Полиціи.

Лицо, признанное Губернаторомъ неспособнымъ, даже вреднымъ, для завѣдыванія полицейской частью въ губерніи, было призвано столичной властью къ высшему руководству той же полиціей, но уже цѣлой Россійской Имперіи. Слово князя Мещерскаго оказалось рѣшающимъ, что не помѣшало Бѣлецкому позже, въ угоду „Столыпинскимъ сферамъ" и ради дальнѣйшихъ своихъ служебныхъ успѣховъ, отвернуться отъ прежняго своего сіятельнаго покровителя. Тотъ, конечно, не остался у Бѣлецкаго въ долгу и цѣлый годъ безпощадно поносилъ его въ своемъ „Гражданинѣ".

Но Бѣлецкому подобная травля со стороны Мещерскаго въ то время (1911 г.) была выгодна, и вскорѣ онъ сумѣлъ занять видный и отвѣтственный постъ Директора Департамента Полиціи, и на немъ развернулъ свои исключительныя способности по части сыска, а также по собиранію подробнѣйшихъ свѣденій о всѣхъ событіяхъ государственной и столичной жизни, включая даже интимную дворцовую обстановку.

Здѣсь столкнулся Бѣлецкій съ фатальной личностью Григорія Распутина и, по свойству своей безпринципной натуры, оказался удобнымъ прислужникомъ этого грязнаго проходимца. Отсюда началась новая эра дальнѣйшей головокружительной карьеры бывшаго мелкаго провинціальнаго чиновника. Посыпались награды и новыя назначенія. Бѣлецкій становится Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, болѣе вліятельнымъ, чѣмъ самъ Министръ Алексѣй Николаевичъ Хвостовъ.

Одно время, въ 1915 году, въ нѣкоторыхъ столичныхъ кругахъ говорили даже о возможности назначенія его Министромъ... Но судьба положила этому предѣлъ, и звѣзда Бѣлецкаго померкла. Скандальный разрывъ съ Хвостовымъ навлекъ косвенную опалу на самого Степана Петровича. Онъ уже долженъ былъ получить генералъ-губернаторство въ Иркутскѣ, но, вмѣсто этого, былъ назначенъ состоять при Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ для исполненія разныхъ порученій. Конецъ Бѣлецкаго былъ трагиченъ: въ 1918 году онъ былъ звѣрски замученъ и разстрѣлянъ большевиками.

Въ томъ же году, вскорѣ послѣ проводовъ Бѣлецкаго въ Петербургъ, Якунинъ тоже покинулъ нашу губернію, будучи переведенъ въ Екатеринославъ. Владиміръ Васильевичъ всегда тяготѣлъ къ своему родному югу, и въ этомъ отношеніи особенно настойчиво дѣйствовала его супруга — симпатичная, но черезчуръ прямодушная Варвара Өедоровна, которая, не дождавшись желаннаго перевода, одна переѣхала въ свою родную Одессу, откуда бомбардировала своего супруга письмами, требуя, чтобы онъ болѣе энергично хлопоталъ въ Петербургѣ.

По этому поводу произошло одно обстоятельство, характеризующее не только Бѣлецкаго, въ то время занимавшаго уже постъ Директора Департамента Полиціи, но до извѣстной степени всю ту обстановку, въ которой протекала дѣятельность Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Незадолго до перевода своего изъ Самары въ Екатеринославъ, Якунинъ пріѣхалъ въ Петербургъ и зашелъ ко мнѣ въ Европейскую гостиницу, видимо чѣмъ-то сильно разстроенный. Оказывается: онъ только что былъ на пріемѣ у Мини-

стра Внутреннихъ Дѣлъ, Столыпина, который, послѣ ряда дѣловыхъ вопросовъ, отпуская его отъ себя, указалъ ему, чтобы онъ посовѣтовалъ своей супругѣ быть болѣе деликатной въ оцѣнкѣ лицъ, занимающихъ отвѣтственныя высшія служебныя должности. При этомъ Столыпинъ показалъ Якунину письмо его жены, писанное изъ Одессы въ Самару. Оно лежало на письменномъ столѣ, очевидно, заранѣе кѣмъ-то Столыпину доставленное для его начальническаго вразумлѣнія. Въ этомъ письмѣ милѣйшая Варвара Ѳедоровна, далекая отъ мысли, что чьи-либо чужіе глаза, тѣмъ болѣе Столыпинскіе, прочтутъ писанныя ею къ мужу строки — настаивала на срочной необходимости ему ѣхать въ столицу и добиваться перевода на югъ. Въ этомъ злосчастномъ письмѣ Варвары Ѳедоровны было такое мѣсто: „Убѣди ты, наконецъ, этого упрямаго осла — Столыпина, что это тебѣ во всѣхъ отношеніяхъ необходимо!"...

Нелегко было мнѣ все это выслушать. Я не такъ жалѣлъ Якунина, какъ скорбѣлъ за того „большого" Столыпина, позволившаго себѣ совершить такой несоотвѣтствующій его чистому нутру и достоинству, ни съ чѣмъ несообразный поступокъ. Якунинъ былъ убѣжденъ, что письмо его жены попало къ Столыпину при посредствѣ непріязненно къ нему настроеннаго Бѣлецкаго, который успѣлъ организовать въ своемъ департаментѣ „черный кабинетъ", для самой широкой и безцеремонной перлюстраціи всей имперской корреспонденціи.

Вскорѣ послѣ Якунинскаго посѣщенія я случайно встрѣчаюсь съ Бѣлецкимъ. Пользуясь нашимъ давнимъ знакомствомъ по Самарѣ, сталъ я, какъ бы изъ любопытства, его разспрашивать про порядки руководимаго имъ департамента и, между прочимъ, спросилъ, практикуется ли въ его вѣдомствѣ перлюстрація корреспонденціи и въ какомъ размѣрѣ? Бѣлецкій, не переставая умильно улыбаться во всю свою мясистую непрезентабельную физіономію, сталъ мнѣ на ухо нашептывать „дружескія" признанія, что перлюстрація въ дѣйствительности существуетъ, и что безъ нея полицейское вѣдомство не можетъ обходиться по соображеніямъ государственной безопасности, но дѣло это поставлено имъ крайне осмотрительно и ведется строго конфиденціально...

Разговоръ нашъ долженъ былъ почему-то прерваться, и я поторопился съ Степаномъ Петровичемъ проститься. Не успѣлъ я отойти отъ него, какъ вскорѣ ощутилъ у своего локтя чью-то руку. Оборачиваюсь и вижу около себя противную улыбку Бѣлецкаго. Онъ торопливо шепталъ мнѣ на ухо:

— По поводу нашего разговора, беру на себя смѣлость предупредить вас, дорогой Александръ Николаевичъ, чтобы вы в своей перепискѣ съ вашей супругой, глубокоуважаемой Анной Константиновной, были насколько возможно осторожны! Береженаго Богъ бережетъ!.. Хи!..хи!..

Не безъ чувства гадливости скинулъ я со своего локтя прицѣпившуюся руку Директора полиціи. Не успѣлъ я опомниться, какъ Бѣлецкаго и слѣдъ простылъ... Что я думалъ и

чувствовалъ — предоставляю угадать самому читателю.*

Въ Самарѣ Якунина на губернаторскомъ посту замѣнилъ Николай Васильевичъ Протасьевъ, переведенный съ той же должности изъ Олонецкой губерніи. Съ личностью и службой почтеннаго и умнаго Николая Васильевича, пробывшаго въ Самарѣ съ 1910 по 1915 годъ, связаны у меня наилучшія воспоминанія. Весь его внѣшній благообразный обликъ соотвѣтствовалъ его моральнымъ качествамъ. За десять лѣтъ моего Губернскаго Предводительства (1905 - 1915 г. г.) впервые я видѣлъ около себя на отвѣтственномъ и передовомъ губернскомъ посту достойнѣйшее служебное лицо, съ которымъ пріятно было имѣть дѣло, благодаря его природной порядочности, благовоспитанности и уравновѣшенности.

Усердный службистъ, превосходно знакомый съ сущностью и техникой управленія. Николай Васильевичъ всегда относился къ исполненію своихъ сложныхъ и разнообразныхъ обязанностей съ одинаковымъ вниманіемъ и неослабнымъ интересомъ. Какъ предсѣдатель на многочисленныхъ губернскихъ засѣданіяхъ, проявлялъ большую выдержку, всестороннюю освѣдомленность и привѣтливую ровность. Говорилъ Протасьевъ связно, толково, звучно и красиво. Единственно, что ставилось ему нѣкоторыми его недоброжелателями (у кого ихъ нѣтъ?!) какъ бы въ нѣкоторую вину — это то, что Николай Васильевичъ, будучи по свойству своего характера человѣкомъ добродушнымъ и жизнерадостнымъ, въ обществѣ нерѣдко проявлялъ излишнюю веселость, не стѣсняясь отъ всей души заливаться громкимъ хохотомъ. Мнѣ же, какъ и большинству самарскаго общества, непосредственность новаго губернатора казалось вполнѣ естественной.

Вмѣсто Бѣлецкаго въ Самару былъ присланъ новый Вице-Губернаторъ — симпатичный, благовоспитанный, но въ административныхъ дѣлахъ абсолютно ничего не смыслившій, прибалтійскій нѣмецъ — Рудольфъ Эвальдовичъ фонъ-Витте.

Въ общемъ, благодаря разумному содѣйствію привѣтливаго Протасьева и установившимся добрымъ отношеніямъ съ представителями мѣстнаго земства, города и дворянства, добрѣйшій и безобиднѣйшій фонъ-Витте мало-по-малу втянулся въ отправленіе своихъ служебныхъ обязанностей и несъ ихъ старательно и аккуратно.

---

* На стр. 427 тома V „Паденіе Царскаго Режима" (Госуд. Издательство, Москва 1926 г.) имѣются нижеслѣдующія показанія бывшаго Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ С. Е. Крыжановскаго: „Перлюстрація писемъ съ давиихъ поръ была, къ сожалѣнію (лично я относился къ этому брезгливо), предметомъ занимательнаго чтенія для Министерства Внутреинихъ Дѣлъ... Столыпинъ ставилъ подъ надзоръ даже своихъ родственниковъ... Отсюда н выросло нездоровое любопытство къ чужой перепискѣ, которое было, къ сожалѣнію, прн Столыпинѣ".

103 .

1911 годъ начался съ открытія очередного Губернскаго Дворянскаго Собранія, впервые въ жизни Самарскаго дворянства созваннаго не лѣтомъ, а зимой.

Основнымъ предметомъ обсужденія былъ мой докладъ объ исполненіи постановленій очередного и ряда экстренныхъ собраній за истекшее трехлѣтіе, и о томъ, что было предпринято мною, какъ Губернскимъ Предводителемъ. Дополнительно мною было представлено на благоусмотрѣніе Собранія нѣсколько другихъ докладовъ, включая сообщеніе о дѣятельности объединенной всероссійской дворянской организаціи.

Мною былъ также представленъ Собранію отчетъ о финансовомъ положеніи Самарскаго Губернскаго дворянскаго общества, который указывалъ на чрезвычайно благопріятное состояніе сословной кассы. Недоимки были почти полностью собраны, и денежная наличность позволила мнѣ предложить Собранію приступить къ нѣкоторому ремонту городского дворянскаго зданія, съ цѣлью его расширенія.

Дѣло въ томъ, что съ образованіемъ въ верхнемъ его этажѣ „Аксаковскаго" музея, помѣщеніе, предназначавшееся подъ квартиру Губернскаго Предводителя, являлось далеко недостаточнымъ. Было необходимо надстроить верхній этажъ, чтобы предоставить семейному Предводителю рядъ удобныхъ жилыхъ комнатъ. Я дѣйствовалъ не для себя, такъ какъ жилъ въ своемъ домѣ, а исключительно для своихъ преемниковъ, которымъ пришлось бы пользоваться квартирой въ Домѣ Дворянства. Спустя годъ надстройка была закончена, и впослѣдствіи, при моемъ еще предводительствѣ, во время Великой Европейской войны 1914 года, была использована нашимъ дворянствомъ для устройства въ ней обширнаго лазарета.

Очередное дворянское собраніе 1911 года прошло спокойно, дружно и дѣловито. Всѣ доклады мои были утверждены, и мой отчетъ удостоился, по примѣру прошлаго раза, особаго вниманія со стороны дворянъ, постановившихъ, за счетъ общества, его отпечатать и разослать участникамъ Собранія.

Наступилъ день выборовъ — сначала прошли уѣздные, а за ними насталъ моментъ избранія Губернскаго Предводителя. Надо сказать, что еще задолго до Собранія сложилось у меня рѣшеніе отойти от предводительства и сосредоточиться на широкой, полной захватывающаго интереса, работѣ въ Верхней Законодательной Палатѣ. Совмѣщеніе должности Губернскаго Предводителя и члена Государственнаго Совѣта было болѣе чѣмъ затруднительнымъ. Одна должность приковывала къ провинціальной работѣ, другая — требовала полной сосредоточенности на работѣ въ государственномъ масштабѣ. Меня влекла къ себѣ послѣдняя, тѣмъ болѣе, что въ губерніи все было налажено достаточно твердо. Единственно, что меня безпокоило — это отсутствіе человѣка, которому бы я смогъ

съ легкимъ сердцемъ передать свое наслѣдіе... Обстоятельство это — надо думать — учитывалось и самимъ Собраніемъ. Несмотря на мое указаніе на несовмѣстимость предводительской службы съ дѣятельностью члена Государственнаго Совѣта, дворяне все же настояли на моемъ переизбраніи, причемъ въ этотъ разъ мнѣ былъ положенъ только одинъ „черный" шаръ...

Въ результатѣ выборовъ въ личномъ составѣ сословныхъ уѣздныхъ должностныхъ лицъ произошли значительныя перемѣны. Такъ, въ Самарскомъ уѣздѣ, вмѣсто перешедшаго на коронную службу въ качествѣ Петербургскаго Вице-Губернатора графа Александра Николаевича Толстого, Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства былъ избранъ его братъ графъ Мстиславъ Николаевичъ.

Самарскій уѣздъ, въ виду малочисленности прибывшихъ на очередное Дворянское Собраніе 1911 года дворянъ, оказался для выборовъ его Предводителя „несамостоятельнымъ", въ силу чего мнѣ предстояло этотъ уѣздъ присоединить къ Ставропольскому, но среди дворянъ послѣдняго по поводу кандидатуры графа Мстислава Толстого возникли серьезныя сомнѣнія, основанныя на слухахъ объ его легкомысленномъ поведеніи. Только настойчивые уговоры его брата, Александра Толстого, заставили меня помочь ему пройти въ Предводители.

Мнѣ это удалось. Графъ М. Н. Толстой былъ выбранъ Самарскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ, но на другой же день мнѣ пришлось раскаяваться въ оказанной ему мною поддержкѣ.

Вечеромъ послѣ избранія Предводителей состоялся въ Домѣ Дворянства многолюдный раутъ, устроенный въ честь всего офицерскаго состава вновь прибывшихъ въ Самару воинскихъ частей. Подъ утро, когда съ этого раута гости и хозяева стали разъѣзжаться по домамъ, Толстой, подобравъ себѣ удалую молодежь, включая нѣкоторыхъ Александрійскихъ гусаръ, отправился заканчивать пиршество въ гостиницѣ и тамъ же изъ-за чего то сцѣпился съ лихимъ корнетомъ княземъ Аваловымъ. Тотчасъ же между ними произошла дуэль. Въ результатѣ князь Аваловъ лишился мизинца, а у графа Толстого была отсѣчена часть уха.

Въ концѣ январскаго очередного Губернскаго Дворянскаго Собранія 1911 года, въ Домѣ нашего дворянства состоялся парадный многолюдный раутъ, устроенный мною въ честь офицерскаго состава прибывшихъ къ намъ войсковыхъ частей, ранѣе стоявшихъ въ Варшавскомъ округѣ. Въ Самару переведено было нѣсколько пѣхотныхъ полковъ. Однимъ изъ нихъ командовалъ полковникъ Лавръ Георгіевичъ Корниловъ, прославившійся во время Европейской войны своей выдающейся храбростью и ставшій затѣмъ во главѣ противобольшевистскаго бѣлаго добровольческаго движенія. Вмѣстѣ съ многочисленной пѣхотой, въ Самару пришли пѣшія и конныя

артиллерійскія части. Появился также у насъ блестящій кавалерійскій полкъ — „безсмертные" Александрійскіе гусары, имѣвшіе своимъ Августѣйшимъ шефомъ Императрицу Александру Ѳеодоровну.

Самара заполнилась многочисленнымъ офицерствомъ всякихъ чиновъ и наименованій, встрѣченныхъ городомъ и всѣмъ губернскимъ обществомъ съ чрезвычайнымъ радушіемъ и гостепріимствомъ.

Въ связи съ приходомъ значительнаго количества войскъ, на долю городского самоуправленія выпало немало хлопотъ по оборудованію казарменныхъ помѣщеній подъ постой чуть ли не 16.000 нижнихъ воинскихъ чиновъ. Въ спѣшномъ порядкѣ были выстроены каменныя казармы на окраинѣ города, невдалекѣ отъ „Молоканскаго" сада.

Офицерство размѣстилось по частнымъ квартирамъ и быстро перезнакомилось съ самарскими семьями.

Старшимъ чиномъ среди новоприбывшаго офицерства состоялъ командиръ корпуса, заслуженный боевой генералъ Александръ Алексѣевичъ Гернгроссъ, — герой Японской войны, сразу же завоевавшій среди самарцевъ всеобщія симпатіи, благодаря своей свѣтской общительности, веселому нраву, простотѣ въ обхожденіи и радушной привѣтливости. Высокаго роста, стройный, съ пріятнымъ лицомъ — Гернгроссъ всегда имѣлъ бодрый и жизнерадостный видъ. Онъ былъ одинаково интереснымъ собесѣдникомъ и въ свѣтскихъ гостиныхъ, и въ компаніи веселыхъ сотрапезниковъ. Любо-дорого, бывало, смотрѣть на этого лихого боевого генерала, когда онъ появлялся во главѣ своихъ штабныхъ и строевыхъ офицерскихъ чиновъ. Его молодецкая грудь была увѣшана боевыми орденами; какихъ только не было у него знаковъ отличія, включая бѣлаго Георгія и золотого Георгіевскаго оружія. Держалъ онъ себя молодцевато и говорилъ отрывисто, слегка сиповатымъ голосомъ.

Гернгроссъ былъ человѣкъ прямой, высказывался открыто, ненавидѣлъ ложь и интригу. Въ этомъ отношеніи онъ являлся ярымъ противникомъ генерала Сандецкаго, занимавшаго въ то время должность Командующаго Казанскимъ Военнымъ Округомъ, которымъ онъ управлялъ, руководствуясь секретными донесеніями своихъ секретныхъ агентовъ. Гернгроссъ это зналъ, и за это Сандецкаго всѣми силами души ненавидѣлъ.

Лѣтомъ 1912 года, въ день освященія лагерныхъ помѣщеній, расположенныхъ невдалекѣ отъ Самары, въ просторной палаткѣ былъ сервированъ рядъ столовъ. Послѣ торжественнаго молебствія за ними размѣстилось многочисленное офицерство и нѣкоторые приглашенные. Къ этому дню изъ Казани подъѣхалъ и генералъ Сандецкій. Его посадили рядомъ съ архіереемъ Константиномъ. Слѣва отъ Сандецкаго — меня; я былъ въ лѣтней егермейстерской формѣ. Рядомъ со мной сидѣлъ генералъ Гернгроссъ, который всячески сторонился Командующаго Округомъ.

Торжественный тостъ за здравіе Государя Императора былъ провозглашенъ Сандецкимъ. Раздалось дружное офицерское „ура". Военный оркестръ исполнилъ гимнъ. Потомъ всѣ вновь усѣлись и стали ожидать дальнѣйшихъ тостовъ — въ первую голову, за присутствовавшаго старшаго чина — Командующаго Округомъ. Время шло, никто ничего не возглашалъ... Водворилось неловкое выжидательное молчаніе.

Сидя между Сандецкимъ и Гернгроссомъ, которому полагалось провозгласить всѣми ожидаемый тостъ, я видѣлъ, что взоры всего офицерства были направлены въ сторону моего сосѣда слѣва. Онъ продолжалъ угрюмо молчать и усиленно вливать въ себя стоявшіе передъ нимъ напитки. Я напомнилъ Гернгроссу о необходимости немедленно провозгласить тостъ за Сандецкаго, на что генералъ недовольнымъ голосомъ мнѣ буркнулъ: „Да, да! надо!"... и съ этими словами онъ быстро всталъ во весь свой высокій ростъ, выпрямился, нервно мотнулъ головой, поднялъ бокалъ и рѣзкимъ голосомъ выкрикнулъ: „Г.г. офицеры!... Рыба съ головы пахнетъ!... За здравіе Командующаго Округомъ генерала Сандецкаго!" Быстро сѣлъ и демонстративно отставилъ въ сторону свой нетронутый полный бокалъ...

Можно себѣ представить, что послѣ подобнаго тоста среди присутствовавшихъ произошло! Блѣдный какъ полотно, Сандецкій покинулъ лагерное торжество. Владыка, никого не успѣвъ благословить, поспѣшилъ отъ „людской суеты" поскорѣе скрыться въ свою архипастырскую обитель. Мы, „особо приглашенные", сочли за лучшее тоже поторопиться отойти въ сторону. Такой инцидентъ требовалъ спеціальнаго корпоративнаго обсужденія и разрѣшенія...

Въ результатѣ, генералъ Гернгроссъ вынужденъ былъ покинуть Самару. При объявленіи войны 1914 года онъ вновь сталъ во главѣ боевого корпуса. Что же касается Сандецкаго, то онъ недолго удержался на посту Командующаго Казанскимъ Округомъ, и былъ назначенъ членомъ Военнаго Совѣта.

104

Вернусь къ описанію дворянскаго раута. Итакъ, вечеромъ, послѣ закрытія Очередного Губернскаго Дворянскаго Собранія, мною былъ приглашенъ отъ лица нашего сословнаго общества весь офицерскій составъ прибывшихъ въ Самару воинскихъ частей.

Въ ярко освѣщенную залу Дворянскаго Собранія, гдѣ въ ожиданіи званыхъ гостей, уже собрались Самарскіе дворяне съ Предводителями во главѣ, стали входить приглашенные, — сначала Губернаторъ Протасьевъ, за нимъ генералитетъ: Корпусный командиръ Гернгроссъ, начальникъ штаба Трегубовъ,

начальникъ Кавалерійской дивизіи Новиковъ и др..

Поздоровавшись съ хозяевами Собранія, они встали у портрета царствовавшаго Императора и образовали съ подошедшими къ нимъ предводителями особую группу, къ которой, подъ бравурные звуки военно-оркестровой музыки, стали попарно подходить, со своими командирами во главѣ, разодѣтые въ парадные мундиры — молодцеватые Александрійскіе гусары, за ними — конные и пѣшіе артиллеристы, и послѣ нихъ — офицеры пѣхотныхъ полковъ. Всѣхъ ихъ мнѣ, какъ Губернскому Предводителю, поочередно представлялъ генералъ Гернгроссъ.

Вскорѣ наша сравнительно небольшая зала оказалась переполненной блестящимъ офицерствомъ. Явилось болѣе 300 человѣкъ, такъ что и смежныя съ залой гостиныя были заняты.

Было разнесено шампанское. Я провозгласилъ тостъ за драгоцѣнное здравіе Государя Императора, встрѣченный долго несмолкавшимъ „ура". Раздалось общее воодушевленное пѣніе народнаго гимна подъ аккомпаниментъ военнаго оркестра. Восторженно былъ принятъ мой послѣдующій тостъ за здравіе Государыни Императрицы Александры Θеодоровны, — Августѣйшаго Шефа Александрійскаго полка. Затѣмъ я горячо привѣтствовалъ все офицерство, на что генералъ Гернгроссъ въ задушевныхъ словахъ выразилъ отъ лица всѣхъ войсковыхъ частей Самарскаго гарнизона искреннюю благодарность Самарскому дворянству за оказанное теплое гостепріимство.

Присутствующіе, въ единомъ порывѣ безпредѣльной любви къ Царю и Родинѣ, рѣшили послать черезъ мое посредство телеграмму Государю Императору съ выраженіемъ вѣрноподданическихъ чувствъ. На слѣдующій же день воспослѣдовалъ телеграфный милостивый Высочайшій отвѣтъ, который мною въ особой рамкѣ былъ затѣмъ поднесенъ Самарскому Гарнизонному Собранію.

Раутъ прошелъ парадно, дружно и съ большимъ подъемомъ. Происходило своего рода „братаніе" мѣстнаго общества съ новоприбывшими представителями славной Императорской Россійской Арміи, которые почувствовали себя на далекой сторонѣ въ уютной и привѣтливо-радушной обстановкѣ. Подобному настроенію немало способствовали наши дворяне, принимавшіе съ чисто-русскимъ помѣщичьимъ хлѣбосольствомъ дорогихъ гостей. Прислуга еле поспѣвала разносить всевозможные прохладительные напитки.

Мнѣ хочется упомянуть въ связи съ описаніемъ военно-дворянскаго раута объ одномъ курьезѣ. Надо сказать, что въ Самарѣ подобныя многолюдныя — въ нѣсколько сотенъ человѣкъ — собранія случались рѣдко, и доставать для такого количества людей посуду представлялось дѣломъ довольно затруднительнымъ... Но буфетчикъ Куликовъ все умѣлъ устраивать быстро и безукоризненно. Передъ заздравнымъ царскимъ тостомъ шампанское было разнесено Куликовской ар-

міей во-время и проворно. Здравица въ честь Государя была мною произнесена и всѣ 400 человѣкъ подняли свои бокалы, присоединивъ свои голоса къ восторженному „ура". Но тутъ произошло нѣчто ни мною, ни моимъ талантливымъ Куликовымъ совершенно непредвидѣнное. Милѣйшій Николай Васильевичъ Протасьевъ, будучи, какъ Губернаторъ, у всѣхъ на виду, выпивъ до дна изъ бокала, взялъ да и звякнулъ его потомъ о полъ. Примѣръ Губернатора оказался заразителенъ: начался безпощадный бой бокаловъ... Появилась круглая и смертельно поблѣднѣвшая физіономія маленькаго толстенькаго Куликова. Онъ дрожащимъ шопотомъ мнѣ на ухо торопливо доложилъ: „Бокаловъ больше достать сейчасъ никакъ нельзя... Какъ прикажете поступить? — „Замѣните стаканами" — былъ мой, тоже шопотомъ данный, отвѣтъ.

Догадливость и расторопность Куликова одержали верхъ надъ случившейся бѣдой: быстро зальный паркетъ былъ очищенъ отъ груды осколковъ и въ рукахъ участниковъ раута оказалась снова цѣльная посуда, правда, иного формата и объема, что, впрочемъ — не помѣшало дальнѣйшему пріятному времяпрепровожденію.

Въ самый разгаръ общаго веселья и начавшагося „братанія" гостей съ хозяевами, генералъ Гернгроссъ въ одной изъ комнатъ лицомъ къ лицу сталкивается съ Предсѣдателемъ Бугумильской Земской Управы — милѣйшимъ и толстѣйшимъ Петромъ Петровичемъ Дмитріевымъ, представлявшимъ изъ себя десятипудовую человѣческую глыбу... Чудовищная толщина не мѣшала этому благодушнѣйшему человѣку быть у себя добрымъ хозяиномъ и вести свои и общественныя дѣла тихо и хозяйственно. Не прочь бывалъ онъ и повеселиться въ средѣ своихъ добрыхъ знакомыхъ, что выражалось у него въ склонности къ русскимъ мотивамъ, главнымъ образомъ плясовымъ, и хоть рѣдко, но бывали случаи, когда расходившійся Петръ Петровичъ, подъ звуки „Камаринскаго", проявлялъ даже намѣреніе присѣдать, что обычно сопровождалось нѣкоторымъ нарушеніемъ его костюма...

Встрѣтивъ Петра Петровича, успѣвшаго за нѣсколько часовъ въ достаточной степени „разомлѣть", Гернгроссъ растопырилъ свои длинныя руки и воскликнулъ: „Вотъ такъ мужчина! Вотъ это такъ настоящая черноземная русская сила!.. Дай тебя обнять, мать сыра-родная земля!" И съ этими словами генералъ распахнулъ виднѣвшуюся изъ-подъ незастегнутаго дворянскаго мундира рубашку и припалъ къ объемистой груди Бугульминскаго колосса. Расчувствовавшійся Петр Петровичъ, въ свою очередь, крѣпко прижалъ къ своимъ тѣлесамъ стройнаго Гернгросса, воспылавшаго къ нему острой страстью россійскаго патріота...

Утромъ, послѣ раута, Гернгроссъ долженъ былъ появиться по служебному дѣлу въ парадной формѣ, при всѣхъ своихъ орденахъ... Денщикъ его сбился съ ногъ въ поискахъ одной недостававшей звѣзды съ мечами. Въ тотъ же часъ Бугуль-

минскій Предсѣдатель, проснувшись, почувствовалъ, что его что то колетъ... Запустивъ подъ рубашку свою увѣсистую лапу, онъ, къ своему изумленію, вытащилъ блестящій, но колючій предметъ, оказавшійся Гернгроссовской звѣздой.

Въ то же утро другой Бузулукскій дворянинъ, чрезмѣрно переутомившійся отъ отправленія своихъ хозяйскихъ обязанностей во время раута, — былъ найденъ мирно заснувшимъ... въ Аксаковскомъ музеѣ на „Гоголевскомъ" диванѣ...

Словомъ, раутъ сошелъ удачно — весело и дружно. Сразу же послѣ него между офицерствомъ и мѣстнымъ обществомъ установились наилучшія отношенія, продолжавшіяся до тѣхъ поръ, пока объявленная въ іюлѣ 1914 года война не заставила всѣ войсковыя части срочно покинуть нашу Самару... какъ оказалось, — навсегда!

Январскій раутъ для меня былъ сопряженъ съ немалыми хлопотами и повлекъ за собой нѣкоторыя испытанія.

Офицеры пожелали отплатить нашему дворянству за гостепріимство. Въ качествѣ старшаго сословнаго представителя, я бывалъ вынужденъ принимать рядъ приглашеній. Особенно памятенъ мнѣ банкетъ, устроенный въ мою честь офицерствомъ Александрійскаго гусарскаго полка... Во время завтрака была принесена объемистая чаша, изображавшая собою человѣческій черепъ и вмѣщавшая изрядное количество шампанскаго, какъ мнѣ потомъ говорили — до двухъ бутылокъ.

Старшій офицеръ принялъ эту чашу и торжественно, в сопровожденіи всѣхъ остальныхъ участниковъ завтрака, поднесъ ее мнѣ... Растерявшись при видѣ цѣлаго колодца шипѣвшей влаги, я сдѣлалъ нѣсколько глотковъ, любезно раскланялся и собирался почти полную мертвую голову вернуть командиру полка. Онъ ее отъ меня не принялъ, а сталъ нараспѣвъ настойчиво повторять: „Пей до дна, пей до дна!" Слова эти подхватили всѣ офицеры. Я пытался передать тяжелую чашу то одному, то другому изъ тѣснымъ кольцомъ окружавшихъ меня офицеровъ... Но всѣ мои старанія оставались тщетны! Я хотѣлъ поставить чашу на полъ, но г. г. офицеры продолжали твердить все то же „Пей до дна, пей до дна!.. Конца этому не предвидѣлось: былъ моментъ, когда я не на шутку пришелъ въ состояніе нѣкотораго нескрытаго озлобленія противъ подобнаго насилія. Но обстановка не мѣнялась! Гусары безпощадно повторяли свое: „Пей до дна, пей до дна!"... Не видя конца подобной своеобразной „Демьяновой ухѣ" я, понадѣявшись на свои силы, рѣшилъ рискнуть и исполнить гусарскую „традицію"... Мысленно благословясь, я осушилъ „Петровскій" кубокъ до дна — при общемъ ликованіи гусаръ. Не успѣлъ я это продѣлать, какъ хлѣбосольные хозяева меня подхватили, и нѣкоторое время я проколыхался въ воздухѣ, подбрасываемый мускулистыми офицерскими руками.. Однимъ словомъ — не мало претерпѣлъ я на этомъ памятномъ банкетѣ во имя моего дворянскаго представительства, но все же до конца поддержалъ честь и достоинство нашего сословія.

Оцѣнивъ мою стойкость, гусары отмѣтили мою „молодцеватость", единодушно провозгласивъ меня „почетнымъ" своимъ „корнетомъ"...

Но долженъ признаться, что высокій почетный титулъ мнѣ дался нелегко. Пусть лихіе Александрійцы на меня не претендуютъ, если я имъ теперь сознаюсь, что послѣ всего вышеописаннаго я до смерти боялся приглашеній на ихъ „почетные" завтраки!..

105

Вслѣдъ за дворянскимъ, открылось очередное Губернское Земское Собраніе, продолжавшееся обычно двѣ недѣли и прошедшее въ условіяхъ чисто дѣлового разсмотрѣнія мѣстныхъ общественныхъ пользъ и нуждъ. Политикой больше не занимались. Страсти прошлыхъ лѣтъ, казалось, основательно улеглись...

Собраніе это мнѣ осталось памятнымъ отчасти потому, что наканунѣ его закрытія въ моей семейной жизни произошло одно немаловажное событіе. Раннимъ утромъ 31 января 1911 года появилось у насъ въ семьѣ крошечное новорожденное существо, вскорѣ нареченное Николаемъ, въ честь его дѣда и моего отца. Изстрадавшаяся Анюта ослабѣвшимъ голосомъ спросила: — Кто? — Отвѣтъ послѣдовалъ: — Сынъ... — Лицо ея просвѣтлѣло, и она съ счастливой улыбкой успокоилась. Съ крестинами поспѣшили, справивъ ихъ 2-го февраля, ввиду того что двоюродный мой братъ Николай Михайловичъ Наумовъ, охотно согласившійся быть воспріемникомъ новорожденнаго, торопился послѣ Земскаго Собранія къ себѣ въ Головкино. Крестной пожелала быть моя мать, проживавшая въ то время въ Самарѣ вмѣстѣ съ нами.

Какъ и всѣхъ нашихъ дѣтокъ, Анюта сама выкормила своего младшаго и... послѣдняго ребенка. Его сначала нянчила наша нянька Екатерина, потомъ онъ поступилъ въ распоряженіе бонны — англичанки миссъ Блантъ. Миссъ Блантъ оставалась при своемъ „Кола" во все время войны и начавшейся революціи 1917 года, когда пришлось со всей нашей семьей переѣхать лѣтомъ на жительство въ Крымъ.

Въ Крыму пришлось съ ней разстаться за невозможностью ее содержать послѣ конфискаціи въ 1918 году большевиками всѣхъ нашихъ денежныхъ средствъ.

У бѣднаго нашего Николая позднее дѣтство, начиная съ 1918 года, прошло въ условіяхъ сначала тяжелаго революціоннаго окруженія, эвакуаціонныхъ мытарствъ по Новороссійскамъ и Стамбуламъ, и завершилось бѣженскимъ существованіемъ на южномъ побережьѣ Франціи. Пришлось ему пройти черезъ цѣлый калейдоскопъ разноязычныхъ школъ: ходилъ онъ одно время въ Константинополѣ во французскую школу Доминиканцевъ (1920 — 1921 г.г.); затѣмъ недѣли двѣ послѣ

щалъ въ Афинахъ такого же типа училище (1921 г.); послѣ обучался въ Ниццѣ въ школѣ „Массена" (1922 — 1924 г.г.). Съ 1924 г. мы его помѣстили въ англійскій колледжъ Мистера Дэйвиса въ Истбурнѣ, гдѣ Коля окончилъ курсъ наукъ, получивъ за спортивныя побѣды цѣлую коллекцію призовъ въ видѣ всевозможныхъ кубковъ. Въ 1928 г. онъ поступилъ въ Королевскую Земледѣльческую школу въ Сейренсестеръ. Но въ 1929 году, въ силу постигшей насъ финансовой катастрофы (по винѣ нашего Лондонскаго довѣреннаго Ампенова), пришлось Николая взять изъ англійскаго училища и перевести въ Ниццу. Сейчасъ онъ живетъ съ нами, и работаетъ у архитектора Леблана, подготовляясь къ заинтересовавшей его профессіи... „Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ!" Наканунѣ разразившейся въ 1917 году революціи, я все сдѣлалъ, чтобы обезпечить нашихъ дѣтей: каждой изъ дочерей былъ отложенъ капиталъ въ 350.000 рублей, а оба сына должны были въ будущемъ получить по чудному имѣнію. И вотъ, вмѣсто всего этого, — старшій сынъ въ Бразиліи служитъ въ кофейной конторѣ, а Николай готовится въ архитекторы!...

106

Перевыборы въ Губернскіе Предводители измѣнили мой планъ переѣхать съ семьей въ Петербургъ

Рѣшеніе наше не покидать Самару встрѣчено было всѣмъ губернскимъ и городскимъ обществомъ съ нескрываемой радостью, да и намъ самимъ тяжело было бы разставаться съ насиженнымъ мѣстомъ, съ обширнымъ кругомъ нашихъ друзей и добрыхъ знакомыхъ, которые выказывали намъ чувства живѣйшей симпатіи, и посильно, а иногда очень энергично, сотрудничали съ нами въ нашей съ женой общественной дѣятельности.

Въ Самарѣ была крайняя необходимость устроить дѣтскую больницу. Жена, какъ предсѣдательница Ольгинской Общины, выразила согласіе взяться за это дѣло, и обратилась съ воззваніемъ придти на помощь средствами для осуществленія этого большого общественнаго начинанія. Наступила Пасха, и въ числѣ другихъ праздничныхъ визитеровъ приходитъ къ намъ извѣстный самарскій старожилъ, богачъ и благотворитель — Лаврентій Семеновичъ Аржановъ. Посидѣвъ у жены въ гостиной, онъ передъ уходомъ вручаетъ ей пакетъ и говоритъ: „Вотъ Вамъ, Анна Константиновна, вмѣсто краснаго яичка!... Если не хватитъ — скажите! Всегда къ Вашимъ услугамъ!" Съ этими словами Лаврентій Семеновичъ откланялся и вышелъ. Жена вынимаетъ изъ оставленнаго Аржановымъ пакета записку и при ней банковскій чекъ. На запискѣ значилось: „Прошу принять на постройку дѣтской больницы прилагаемую при семъ сумму". На чекѣ стояла цифра — 500.000 рублей! Года черезъ два, рядомъ съ помѣщеніемъ Ольгинской

Общины, была открыта въ великолѣпно оборудованномъ обширномъ зданіи превосходная дѣтская больница, давшая докторскому персоналу возможность примѣнять къ леченію дѣтскихъ болѣзней послѣднія усовершенствованія врачебной техники.

Въ этой больницѣ намъ впослѣдствіи пришлось помѣстить сына Александра, заболѣвшаго скарлатиной — страшной болѣзнью, особо безпощадной въ нашемъ близкомъ семейномъ кругу: отъ нея погибъ младшій братъ жены — Александръ; на всю жизнь была изуродована бѣдная наша дочь Пашенька, и эта же роковая болѣзнь отняла отъ насъ незабвенную нашу старшую дочь Марію въ періодъ ея молодыхъ цвѣтущихъ лѣтъ!... Благодаря безупречному уходу и внимательному врачебному присмотру нашъ мальчикъ Саша былъ спасенъ и счастливо избѣгъ всѣхъ обычныхъ послѣскарлатинныхъ послѣдствій.

Не могу не отмѣтить, что обѣщанія почтеннаго Лаврентія Семеновича не остались пустымъ звукомъ; Аржановъ для завершенія оборудованія дѣтской больницы добавилъ впослѣдствіи еще столько же, что въ общемъ итогѣ составило милліонъ рублей, переданныхъ женѣ, какъ Предсѣдательницѣ Краснокрестной „Ольгинской" Общины.

Разумѣется, что такія исключительныя по своей щедрости пожертвованія были единичными случаями, но Самарскіе жители къ организаціямъ просвѣтительно-благотворительнаго характера, въ которыхъ участвовала моя жена, относились всегда съ особымъ сочувствіемъ и щедрой матеріальной отзывчивостью. Благотворительные базары, „чашки чая", танцовальные вечера, концерты и спектакли — все это въ зимніе сезоны послѣ самарскаго успокоенія проходило обычно при содѣйствіи Анны Константиновны, которой помогали и дамы и мужчины.

Особой энергіей отличалась въ этомъ отношеніи бодрая тѣломъ и духомъ Варвара Вадимовна Осоргина — незамѣнимый членъ всяческихъ общественныхъ дамскихъ организацій, и въ особенности — Ольгинской Общины Краснаго Креста. Не могу не помянуть добрымъ словомъ выдающихся самарскихъ дамъ-патронессъ: губернаторшу Анну Васильевну Протасьеву, дѣловитую Надежду Васильевну Батюшкову и всѣхъ, кто охотно и любовно содѣйствовалъ женѣ въ ея благотворительной дѣятельности. Возраставшая изъ года въ годъ популярность Анюты въ Самарскомъ обществѣ имѣла непосредственнымъ своимъ результатомъ тѣ значительные денежные или вещевые сборы, которые обычно получались въ итогѣ устраиваемыхъ ею благотворительныхъ зрѣлищъ или раутовъ.

107

Спустя нѣкоторое время послѣ Дворянскаго и Земскаго Собраній, я вынужденъ былъ вернуться въ Петербургъ для участія въ занятіяхъ Государственнаго Совѣта.

Какъ вновь переизбранному Губернскому Предводителю, мнѣ полагалось представиться Государю. Въ этотъ разъ Его Величество оказалъ мнѣ, очевидно, въ силу переизбранія меня на третье трехлѣтіе, особо милостивое вниманіе, удостоивъ меня подробными разспросами по поводу моей частной семейной жизни. Узнавъ, что у меня имѣется сынъ Александръ, являвшійся по годамъ сверстникомъ Наслѣдника Цесаревича, Государь поинтересовался нашими родительскими видами по поводу его будущаго воспитанія. Въ то время нашему Сашѣ не было еще и 7 лѣтъ; при немъ состояли почтенная мадамъ Дюбюргэ и молодой англичанинъ — мистеръ Мартинъ. Что же касается его будущаго, то я откровенно сознался Его Величеству, что мы пока объ этомъ не думали и еще ничего опредѣленнаго не имѣли въ виду... Въ отвѣтъ на это Государь нѣкоторое время помолчалъ, какъ бы что-то про себя обдумывая, затѣмъ, вскинувъ на меня свои большіе привѣтливые глаза, промолвилъ: „Хотите, я Вашего сына зачислю въ Пажескій Корпусъ?" Меня подобное неожиданное обращеніе Его Величества застигло совершенно врасплохъ, и я сразу ничего даже не смогъ отвѣтить... Государь между тѣмъ добавилъ: „Вашъ сынъ Александръ будетъ моимъ кандидатомъ!" — Спохватившись, я поспѣшилъ поблагодарить за оказанную мнѣ и моему сыну милость и честь...

Отпуская меня, Его Величество произнесъ памятныя слова, которыя я немедленно переслалъ въ письмѣ женѣ въ Самару съ тѣмъ, чтобы она ихъ нашему сыну прочла и передала на вѣчное храненіе. Его Величеству благоугодно было мнѣ сказать слѣдующее: „Передайте вашему сыну, зачисляемому нынѣ въ списки воспитанниковъ Пажескаго Корпуса, чтобы онъ такъ же достойно служилъ своему Царю и Отечеству, какъ его отецъ!" Съ этими словами Его Величество протянулъ мнѣ руку...

Почти до слезъ растроганный, я собирался покинуть Государевъ кабинетъ, какъ вдругъ вспомнилъ обѣщаніе, данное мною въ пріемной комнатѣ моимъ друзьямъ предводителямъ — полтавскому — князю Н. Б. Щербатову и курскому — князю Л. И. Дондукову-Изъѣдинову — испросить разрѣшенія у Его Величества представиться Наслѣднику Цесаревичу. Въ то время вся страна была взволнована тревожными слухами объ остромъ заболѣваніи Его Императорскаго Высочества Алексѣя Николаевича, хотя по послѣднимъ свѣдѣніямъ онъ уже былъ на положеніи выздоровѣвшаго.

Но въ насъ троихъ зародилось непреодолимое желаніе увидать Его Высочество собственными своими глазами, узнать правду. По старшинству службы и чина полагалось мнѣ первому идти на пріемъ къ Государю, поэтому на меня возложили миссію — исходатайствовать у Его Величества разрѣшеніе представиться Цесаревичу. Государь охотно согласился и поручилъ своему дежурному адъютанту всѣхъ насъ, троихъ Предводителей, проводить къ Его Императорскому Высочеству.

Пройдя длиннѣйшій дворцовый корридоръ, мы были впущены въ одну изъ боковыхъ комнатъ, куда вскорѣ вслѣдъ за нами, въ сопровожденіи того же флигель-адъютанта, не вошелъ, а скорѣе ворвался съ ногъ до головы запорошенный снѣгомъ, раскраснѣвшійся, темноокій, очаровательный мальчикъ — счастье и надёжа монархической Россіи... Одѣтый въ черный, отороченный сѣрой мерлушкой полушубочекъ, въ валенкахъ и въ свѣтлой барашковой шапочкѣ на темнокудрой головкѣ, Наслѣдникъ появился передъ нами весь запыхавшійся, только что оторванный отъ своихъ любимыхъ занятій въ паркѣ, гдѣ онъ со своимъ дядькой, матросомъ Деревенько, ежедневно расчищалъ дѣтской лопаткой дорожки отъ снѣга.* На видъ здоровенькій, бодрый и нервно-подвижной, Его Высочество произвелъ на насъ самое радостное, чарующее впечатлѣніе... Отъ сердца нашего отлегло то чувство щемящаго страха за будущее, которое мало-по-малу невольно закрадывалось у всѣхъ русскихъ людей изъ-за настойчивыхъ слуховъ про роковую болѣзнь — гемофилію — Наслѣдника Императорскаго Россійскаго Престола.

Видимо не съ особой охотой попавшій по вызову своего отца съ вольнаго воздуха въ душную комнату, и увидавъ передъ собой трехъ большихъ, незнакомыхъ, въ мундиры разодѣтыхъ людей, маленькій Алексѣй Николаевичъ прислонился къ стѣнкѣ и сталъ насъ исподлобья, не особено привѣтливо, разглядывать, какъ бы спрашивая, что намъ отъ него нужно?!... А намъ только одного и хотѣлось — имѣть счастье, хоть на одно мгновенье, увидать передъ собой царственнаго отрока и воочію убѣдиться въ его выздоровленіи... Поочередно представившись, мы поблагодарили Наслѣдника за оказанную намъ милость и пожелали ему добраго здоровья. Все это Его Высочество терпѣливо выслушалъ. Когда же мы кончили, онъ быстро повернулся къ стоявшему около него флигель-адъютанту и заявилъ, что хочетъ вернуться обратно въ паркъ, причемъ намъ бросилъ: „Хотите посмотрѣть, какъ я снѣгъ чищу?" Съ этими словами Наслѣдникъ стремглавъ выскочилъ изъ комнаты въ корридоръ, куда и мы поспѣшили выйти, но Его Высочество уже успѣлъ скрыться.

Довольные всѣмъ видѣннымъ, мы отправились по домамъ, счастливые сознаніемъ, что можемъ сообщить всѣмъ и каж-

---

* Въ описанномъ здѣсь видѣ имѣлись общераспространенные фотографіи Наслѣдника Цесаревича, изображеннаго среди зимняго ландшафта Царскосельскаго парка въ полушубочкѣ и съ лопаткой въ рукахъ.

дому добрыя вѣсти о состоянiи здоровья Наслѣдника Россiйскаго Престола.

Спустя нѣкоторое время, мы, трое Предводителей, были осчастливлены совершенно для насъ неожиданной милостью со стороны Государя, приславшаго каждому изъ насъ превосходно исполненный фотографическiй, большого формата, поясной портретъ Его Императорскаго Высочества Алексѣя Николаевича въ формѣ Императорскихъ стрѣлковъ. На каждомъ Наслѣдникъ собственноручно, твердымъ яснымъ почеркомъ начерталъ: „Алексѣй". Не знаю, какъ поступили мои коллеги, я же счелъ своимъ долгомъ портретъ этотъ, въ соотвѣтствующей рамкѣ, передать въ распоряженiе Самарскаго Дворянства, и повѣсить его въ залѣ нашего собранiя.

108

Въ первой половинѣ 1911 года мнѣ удалось, въ бытность мою въ столицѣ, провести рядъ самарскихъ ходатайствъ, возбужденныхъ мѣстными общественными органами, главнымъ образомъ касавшихся городского благоустройства. Я содѣйствовалъ скорѣйшему проведенiю въ Самарѣ канализацiонныхъ работъ, инициаторомъ которыхъ являлся умный и энергичный владѣлецъ Жигулевскаго пивовареннаго завода фонъ Вакано, представившiй городу превосходно разработанный спецiалистами планъ, и необходимые чертежи, для осуществленiя сѣти городской канализацiи. Это полезное начинанiе тормозилъ городской голова Челышевъ, дѣйствовавшiй подъ влiянiемъ личной непрiязни къ Вакано. Вотъ почему горожане обратились ко мнѣ, прося моего содѣйствiя оздоровленiю родного города.

Затѣмъ, мнѣ удалось тогда же добиться отъ Главнаго Управленiя Государственныхъ Имуществъ уступки Городскому Самарскому Управленiю участка казенной земли, примыкавшей къ городской чертѣ. Самара разрасталась съ исключительной быстротой. Полученiе пустопорожняго обширнаго земельнаго участка явилось для города дѣломъ немаловажнымъ.

Одновременно, я продолжалъ хлопотать объ устройствѣ въ Самарѣ Политехническаго Института, но и тутъ мѣшалъ Челышевъ, которому, очевидно, какъ человѣку властному и крайне честолюбивому, казалось досаднымъ, что инициатива основанiя въ Самарѣ высшаго учебнаго заведенiя исходила не отъ него. Волей неволей пришлось мнѣ сдѣлать нѣкоторыя усилiя, чтобы отстранить его. Благодаря боевымъ статьямъ „Голоса Самары" и поддержкѣ большинства городского общества, это мнѣ вскорѣ удалось. На мѣсто Челышева, былъ избранъ Самарскимъ городскимъ головой П. Е. Пермяковъ — искреннiй сторонникъ какъ проведенiя городской канализацiи, такъ и устройства въ Самарѣ Политехникума.

Съ Пермяковымъ мы быстро нашли общiй языкъ, и въ

томъ же 1911 году былъ образованъ подъ моимъ предсѣдательствомъ особый комитетъ по устройству въ Самарѣ Политехникума съ двумя отдѣленiями — коммерческимъ и сельскохозяйственнымъ. Въ комитетъ вошли представители города и земства.

По просьбѣ города и земства, я принялъ также на себя хлопоты передъ Министромъ Финансовъ о скорѣйшемъ преобразованiи Самарскаго отдѣленiя Государственнаго Банка въ контору. Дѣло это говорило само за себя. Самара росла и ширилась. Ея крупные торговые обороты вызывали усиленную дѣятельность мѣстнаго отдѣленiя Государственнаго Банка, далеко превышавшую закономъ предусмотренные для него предѣлы.

Для богатаго и обширнаго Самарскаго района ощущалась настойчивая необходимость въ расширенiи кредитныхъ операцiй Государственнаго Банка и установленiи коллегiальнаго органа управленiя и таковой же отвѣтственности вмѣсто единоличной. По буквѣ закона этого можно было достичь лишь при условiи превращенiя отдѣленiя Государственнаго Банка въ т. н. его „контору", которыхъ въ Европейской Россiи того времени насчитывалось всего лишь шесть. На подобное преобразованiе требовалось согласiе Министра Финансовъ, и сопряжено это было съ особыми смѣтными ассигнованiями.

Получивъ отъ управляющаго Самарскимъ отдѣленiемъ Государственнаго Банка А. К. Ершова подробнѣйщiя цифровыя данныя и соображенiя, я, на основанiи ихъ, составилъ докладную записку, съ которой познакомилъ, прежде всего, П. А. Столыпина, какъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Между нами произошелъ разговоръ, характерный для тѣхъ крайне натянутыхъ личныхъ отношенiй, которыя создались между Столыпинымъ и Министромъ Финансовъ, В. Н. Коковцовымъ.

— Съ тѣмъ, что я прочелъ въ вашей докладной запискѣ, я совершенно согласенъ, — сказалъ мнѣ тогда П. А. Столыпинъ. — Само собой разумѣется, вамъ предстоитъ съ нею ознакомить Министра Финансовъ.... Но предупреждаю васъ: ни слова не говорите Коковцову о томъ, что эта записка была мною просмотрѣна, а тѣмъ болѣе — одобрена. Если вы объ этомъ обмолвитесь — погубите все ваше дѣло!..

О такомъ отношенiи Коковцова къ Столыпину въ то время много говорилось въ законодательныхъ сферахъ и въ столичномъ обществѣ.

Само собой, Столыпинское предупрежденiе я принялъ во вниманiе, когда пришлось быть у Министра Финансовъ въ его служебномъ кабинетѣ и излагать ему сущность самарскаго ходатайства. Коковцовъ, часто проводя рукой по своему слегка раскраснѣвшемуся лицу, и глядя на меня мало привѣтливыми глазами, молча выслушалъ меня и затѣмъ, вмѣсто обсужденiя дѣла по существу, задалъ вдругъ вопросъ, показавшiйся мнѣ во всѣхъ отношенiяхъ неумѣстнымъ, и для Мини-

стра — достаточно безтактнымъ — Скажите, Александръ Николаевичъ! Вы, вѣроятно, съ Управляющимъ Самарскимъ отдѣленіемъ Государственнаго Банка Ершовымъ находитесь въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ? — Вы правы, — отвѣтилъ я, — съ глубокоуважаемымъ А. К. Ершовымъ я, какъ и всѣ самарцы, нахожусь въ наилучшихъ отношеніяхъ! Но; мнѣ кажется, что для того или другого рѣшенія Вашимъ Высокопревосходительствомъ возбужденнаго нами ходатайства имѣютъ первостепенное значеніе не наши съ Ершовымъ отношенія, а тѣ цифровыя данныя, которыя сами за себя говорятъ.

Я привелъ справку, удостовѣрявшую, что Харьковская контора по своимъ оборотамъ стояла ниже Самарскаго отдѣленія.

Коковцовъ мнѣ ничего опредѣленнаго не сказалъ, а спустя нѣкоторое время мы, къ немалому нашему удивленію и даже возмущенію, узнали, что Ершову, пробывшему на службѣ въ Самарѣ болѣе 15 лѣтъ и зарекомендовавшему себя съ наилучшей стороны, предложено было покинуть Самарское отдѣленіе и перевестись въ другое.

Пришлось мнѣ поднять на ноги все, что могло такъ или иначе воздѣйствовать на Коковцова, очевидно посмотрѣвшаго на самарское ходатайство, какъ на мѣру, служившую исключительно для личныхъ выгодъ почтеннаго Ершова. Всѣ самарскіе депутаты сплотились на защиту Александра Константиновича, въ кулуарах Таврическаго Дворца по поводу дѣйствій Министра Финансовъ поднялся шумъ. Дѣйствовалъ и я среди своихъ коллегъ. Въ концѣ концовъ, удалось-таки и Ершова отстоять, и добиться того, что Самарское отдѣленіе было преобразовано въ контору Государственнаго Банка, главнымъ директоромъ которой былъ утвержденъ все тотъ же дѣльный Александръ Константиновичъ.

Весной 1911 года Самарская Городская Дума единогласнымъ своимъ постановленіемъ удостоила меня высокой чести — меня избрали почетнымъ гражданиномъ города Самары, а портретъ мой постановили повѣсить въ городскомъ музеѣ.

Тою же весною мы съ женой успѣли недѣли на двѣ съѣздить въ нашу крымскую очаровательную Гурзувитту, гдѣ на горно-морскомъ просторѣ мы оба съ наслажденіемъ отдохнули, свободные отъ обычно окружавшей насъ житейско-дѣловой суеты...

Лѣтомъ 1911 года мнѣ приходилось, какъ и прежде, бывать довольно часто по своимъ служебнымъ дѣламъ въ губернскомъ городѣ, но большею частью я оставался въ Головкинѣ, гдѣ у меня были начаты давно задуманныя работы по постройкѣ большой вальцовой мельницы промышленнаго типа.

Въ первую голову возникалъ вопросъ о выборѣ надлежащаго мѣста для постройки новой многоэтажной мельницы, отвѣчающей современнымъ требованіямъ производства и рынка. Вставалъ вопросъ — изъ какого матеріала строить

новое обширное зданіе, чтобы соблюсти наибольшую хозяйственную выгоду и прочность. Совѣты слышались со всѣхъ сторонъ разные. Счастливый случай натолкнулъ меня въ 1910 году на одну, въ техническомъ отношеніи совершенно новую и мною еще никогда невиданную, самарскую постройку, сыгравшую для меня роль окончательнаго и рѣшающаго совѣтчика. Я обратилъ вниманіе на пристанскій амбаръ для склада всяческаго груза, принадлежавшій пароходной транспортной компаніи „Н. В. Мѣшковъ и Ко". Ихъ амбаръ былъ выстроенъ одной петербургской фирмой по новѣйшей системѣ — соединенія желѣзо-бетона съ т. н. пустотѣлыми кирпичами. Легкость, простота и прочность этого сооруженія невольно бросались въ глаза.

Я вступилъ въ дѣловую переписку съ Петербургской фирмой, лично переговорилъ съ ея главнымъ представителемъ. Къ зимѣ 1910-1911 года, я окончательно вопросъ этотъ рѣшилъ, заказавъ соотвѣтствующіе чертежи, и сдалъ всѣ работы рекомендованному мнѣ той же фирмой подрядчику Кузнецову.

Весной 1911 года началась горячая работа по заготовкѣ всего необходимаго для лѣтнихъ строительныхъ работъ. Прибыли изъ Петербурга мастера, свозился на пристань нужный матеріалъ; приступлено было къ производству пустотѣлыхъ кирпичей. Съ уходомъ внешней „полой" воды, выбрано было мѣсто подъ мельничное зданіе и приступлено было на немъ къ выемкѣ земли подъ фундаментъ.

Предпринятое мною желѣзобетонное строительство протекало для меня нелегко. Новизна строительной техники вызывала во мнѣ сомнѣнія и тревогу за успѣхъ предпринятаго дѣла. Надо было имѣть немало устойчивой увѣренности, чтобы идти противъ общаго теченія, создавшагося вокругъ меня не только въ понятіяхъ мѣстнаго крестьянства, но и среди моихъ родныхъ и сосѣдей. Всѣ настойчиво уговаривали меня не затрачивать значительный капиталъ на „безумное", какъ всѣ говорили, новшество... Окрестные мужички сходились „глазѣть" на невиданныя работы и „промежъ себя балакали", „жалѣя" барина, до той поры казавшагося имъ какъ бы разумнымъ, а нынѣ „вродѣ какъ бы съ ума спятившаго", „бросавшаго въ песокъ да въ воду" видимо лишнія свои денежки!..

Особенно много пришлось моему самолюбію переносить прямыхъ и заглазныхъ, часто насмѣшливыхъ, выпадовъ противъ моего начинанія въ первый строительный сезонъ, приходившійся именно на лѣто 1911 года. Земляныя работы по приготовленію обширной площади подъ основаніе мельничнаго корпуса уходили на изрядную глубину (свыше 24 четвертей — 14 фут.). На мѣстѣ выемки оказались сильнѣйщіе родники, безпощадно мѣшавшіе работѣ, въ особенности бетонированію днища и боковъ мельничнаго фундамента. Все это опытные мастера преодолѣли, но, повторяю, съ этого труднаго начала и до благополучнаго конца предпринятая работа стоила

мнѣ немало тревогъ и испытаній.

Прошло два года, и тѣ же люди, въ особенности многочисленные сосѣди-мужички, ставшие вѣрными кліентами нововыстроенной мельницы, на много верстъ красовавшейся днемъ и ночью, благодаря своему яркому электрическому освѣщенію, держали между собою про меня иную рѣчь, частенько выспрашивая у меня, откуда я такой „умственной" постройкѣ научился?!

Тѣмъ же лѣтомъ 1911 года пронеслась надъ Головкинымъ небывалая буря, надломившая, къ величайшему нашему огорченію верхушку садовой великанши — многовѣковой красавицы пихты... Это было какъ бы предупрежденіемъ, что на нашу семью надвигается большое испытаніе. На слѣдующій день младшая наша дочь Пашенька заболѣла скарлатиной въ невѣроятно тяжелой и затяжной формѣ, приковавшей бѣдную дѣвочку почти на 2½ мѣсяца къ постелькѣ и не пощадившей ни одного ея органа — скарлатинозный ядъ постепенно затрагивалъ у нея уши, горло, легкія, сердце, почки и, наконецъ, бросился на мозгъ... Два раза приносили для нея гробъ, искусно сколоченный изъ головкинскаго дуба давнишнимъ нашимъ служащимъ плотникомъ Игнатіемъ. Бѣдная наша Пашенька казалась всѣмъ, даже доктору и нашему духовнику, уже отошедшей въ иной міръ.

Въ послѣдній разъ, когда батюшка о. Александръ читалъ надъ ней, уже совсѣмъ похолодѣвшей, отходную молитву, Пашенька, къ его изумленію, вдругъ медленно подняла скелетообразную прозрачную ручку, довела ее до образка св. Пантелеймона, висѣвшаго сбоку у ея постельки, и глубоко вздохнула. Съ этого момента жизнь стала постепенно къ ней возвращаться. Чудомъ уцѣлѣвшая, но въ конецъ изстрадавшаяся дѣвочка поправилась, но жестокая болѣзнь на всю ея послѣдующую жизнь оставила тяжкіе слѣды. Организмъ бѣдной Пашеньки, ранѣе бывшій въ полномъ смыслѣ цвѣтущимъ, оказался въ корень подорваннымъ. Пришлось приставить къ ней сестру милосердія, показывать ее извѣстнымъ спеціалистамъ заграницей и въ Москвѣ.

Разразившаяся въ 1917 г. революція насъ съ Пашенькой, оставшейся въ силу необходимости въ Москвѣ, разъединила до 1924 года, когда при энергичномъ содѣйствіи доброй Магдалины Ивановны Турицыной удалось Пашеньку вывезти изъ Совѣтской Россіи. Пашенькино леченіе пришлось приспособить къ домашней обстановкѣ нашего Ниццскаго бѣженскаго пребыванія. Чувствуетъ она себя значительно здоровѣе.

109

Вернувшись въ Петербургъ къ началу осенней сессіи занятій Государственнаго Совѣта, я засталъ въ личномъ составѣ правящихъ верховъ значительную перемѣну, явившуюся

въ результатѣ убійства 5 сентября 1911 года П. А. Столыпина. Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ былъ назначенъ В. Н. Коковцовъ, а Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ — А. А. Макаровъ.

Въ столичныхъ руководящихъ кругахъ обдумывали рядъ юбилейныхъ чествованій. Въ 1912 году было столѣтіе Бородинской битвы; въ 1813 году — Романовскія торжества, и въ 1914 году — пятидесятилѣтіе открытія земскихъ учрежденій. Въ предвидѣніи всѣхъ этихъ празднествъ учреждались повсемѣстно, главнымъ образомъ, въ столичныхъ центрахъ, организаціонные подготовительные комитеты.

Въ Самарѣ вопросъ о чествованіи земскаго юбилея былъ внесенъ на очередное Губернское Земское Собраніе 1912 года. Постановили образовать подъ моимъ предсѣдательствомъ „юбилейный" комитетъ, однимъ изъ заданій котораго было устройство въ 1915 году въ Самарѣ юбилейной земской выставки. Самарская Городская Дума отвела для нея превосходное мѣсто на живописномъ волжскомъ берегу. За два года усиленной работы комитета подготовили разнообразнѣйшій выставочный матеріалъ. Разразившаяся война смела всѣ наши расчеты и работы.

На томъ же очередномъ Губернскомъ Земскомъ Собраніи 1912 года произошло мое избраніе въ члены Государственнаго Совѣта. Оно состоялось послѣ моего доклада въ пленарномъ частномъ совѣщаніи губернскихъ гласныхъ о моей дѣятельности въ стѣнахъ Маріинскаго Дворца за истекшее трехлѣтіе. Я обрисовалъ своимъ землякамъ подробную картину политической жизни страны за упомянутый періодъ времени, далъ характеристику партійнымъ группировкамъ членовъ законодательныхъ палатъ, и обрисовалъ занятую мною независимую, чисто земско-дѣловую позицію. Въ концѣ доклада я указалъ, что трудно разбивать свое время между мѣстной общественной работой и столичной.

Несмотря на это, самарцы все же заставили меня вновь войти въ составъ законодателей Верхней Палаты.

Вернувшись съ возобновленными полномочіями подъ крышу величественнаго Маріинскаго Дворца, я предпочелъ заявить себя внѣпартійнымъ, не примкнувъ ни къ одной изъ политическихъ группировокъ, и лишь года два спустя вступивъ въ т. н. „правый центръ". Подобное внѣпартійное состояніе являлось серьезнымъ препятствіемъ для избранія меня въ разныя подготовительныя комиссіи. Но опытъ истекшаго трехлѣтія мнѣ показалъ затрудненія, которыя приходилось испытывать въ комиссіонныхъ работахъ, благодаря совмѣщенію съ должностью Губернскаго Предводителя. Я счелъ себя вынужденнымъ отстраниться отъ сотрудничества въ комиссіонныхъ занятіяхъ, требовавшихъ сосредоточеннаго и безпрерывнаго къ себѣ вниманія. Къ тому же, съ уходомъ П. Н. Дурново, характеръ правой группы, въ которой я числился, значительно измѣнился къ худшему. Вмѣсто Петра Ни-

колаевича, вносившаго въ настроеніе руководимой имъ группы сдерживающее начало и умѣвшаго находить по многимъ законодательнымъ вопросамъ общій языкъ съ инакомыслящими коллегами, — предсѣдателемъ „правыхъ" выбранъ былъ Петръ Петровичъ Кобылинскій — человѣкъ неглупый, но узкій, сухой и крайне нетерпимый. Съ уходомъ Дурново стало замѣтно ощущаться отсутствіе согласованности во взглядахъ и выступленіяхъ членовъ правой группы, которая ранѣе вліяла на общій ходъ занятій Верхней Палаты.

Ослабленіе авторитетности правой группы стало особенно замѣтнымъ съ 1912 года, что не могло не отразиться самымъ выгоднымъ образомъ на усиленіи „центра" и его праваго крыла, т. н. „Нейдгардтцевъ". Властное и яркое управленіе и законодательное творчество Столыпина трагически оборвалось. Правый центръ, по-прежнему возглавляемый Нейдгардтомъ, не могъ уже больше называться „партіей шурина" и не являлся группой, имѣющей цѣлью во что бы то ни стало поддерживать законопроекты, исходившіе отъ Правительства.

Съ другой стороны, правый центръ, дѣятельность котораго базировалась на твердомъ исповѣдываніи консервативныхъ началъ и разумной согласованности ихъ съ современными требованіями государственной жизни, являлся серьезнымъ регуляторомъ въ общемъ ходѣ законодательныхъ работъ, выказавъ впослѣдствіи достаточную стойкость въ противоборствѣ образовавшемуся съ 1915 года т. н. „Прогрессивному блоку". Надо отдать должное мученически погибшему при большевистскомъ погромѣ Нейдгардту, который послѣ кончины Столыпина, продолжалъ руководить „правымъ центромъ" съ большимъ тактомъ и достоинствомъ.

Въ описываемое время „центръ" Верхней Палаты сталъ возглавляться членомъ Государственнаго Совѣта, избраннымъ петербургскимъ земствомъ, барономъ Владиміромъ Владиміровичемъ Меллер-Закомельскимъ. Бывшій конногвардеецъ, Владиміръ Владиміровичъ, выйдя изъ полка, весь отдался земской работѣ, и благодаря своему природному уму быстро завоевалъ симпатіи своихъ земцевъ, избиравшихъ его нѣсколько трехлѣтій подрядъ предсѣдателемъ Губернской Земской Управы. Я познакомился съ Меллеромъ на первыхъ засѣданіяхъ Совѣта по Дѣламъ Мѣстнаго Хозяйства, гдѣ онъ сразу занялъ видное положеніе, какъ незаурядный ораторъ и предсѣдатель одной изъ серьезнѣйшихъ комиссій.

Направленія Владиміръ Владиміровичъ былъ „передового", смѣло поддерживалъ реформы, хотя онѣ не всегда отвѣчали дѣйствительной потребности и не хранили связи съ цѣннымъ и здоровымъ прошлымъ. Насколько я могъ замѣтить, онъ отличался крайней нетерпимостью къ былому самодержавному строю и къ его пережиткамъ. Это побудило его вступить въ группу членовъ Законодательныхъ Палатъ, образовавшихъ предреволюціонный прогрессивный блокъ. Въ

качествѣ предсѣдателя центра, Владиміръ Владиміровичъ пользовался значительнымъ авторитетомъ, и сама дѣятельность этого вліятельнаго центра при немъ отличалась особой энергіей.

Взаимоотношенія между обѣими законодательными палатами въ описываемое мною время оставляли многаго желать. Рѣдкій законопроектъ проходилъ гладко, не возбуждая треній. Дѣятельность Государственной Думы, полномочія которой кончались въ 1912 году, усиленно рекламировалась столичной „передовой" прессой. Думѣ ставился въ заслугу ростъ экономическаго благополучія страны. Та же пресса неустанно подчеркивала якобы ненормальныя взаимоотношенія обѣихъ законодательныхъ палатъ. Россійскому обывателю настойчиво прививалась мысль, что Государственный Совѣтъ принимаетъ всѣ мѣры, чтобы препятствовать продуктивности думской работы.

Между тѣмъ, не мало законопроектовъ, поступавшихъ изъ Государственной Думы, требовало серьезныхъ исправленій. Встрѣчавшіяся въ нѣкоторыхъ думскихъ постановленіяхъ крайности, нерѣдко подсказанныя тѣми или другими соображеніями чисто идеологическаго характера, въ интересахъ государства, сглаживались въ Верхней Палатѣ, гдѣ въ большей своей части сидѣли люди значительнаго государственнаго опыта, руководствовавшіеся въ своихъ рѣшеніяхъ скорѣе велѣніемъ разсудка, чѣмъ подсказомъ одного чувства.

Вспоминается мнѣ одинъ мимолетный, но характерный разговоръ между мною и А. И. Гучковымъ, случившійся въ самый разгаръ междупалатныхъ споровъ по поводу одного земскаго законопроекта.

— Александръ Ивановичъ! — обращаюсь я къ лидеру октябристовъ: — почему вы проектируете ввести столь многочисленное представительство отъ одной только крестьянской куріи?

— Было бы о чемъ торговаться съ вами! — отвѣтилъ, посмѣиваясь, Гучковъ, — Государственный Совѣтъ набавитъ, тогда и мы сбавимъ — иначе съ вами не сладишь!" И вотъ эту-то своего рода „торговлю" предвыборная пресса ставила въ вину Верховной Палатѣ, обзывая ее тормазомъ думской работы, упуская изъ виду тѣ преднамѣренные „торговые" запросы, о которыхъ столь цинично повѣдалъ мнѣ популярнѣйшій депутатъ третьей Думы.

Въ томъ же 1912 году, подъ конецъ существованія третьей Думы, произошли замѣтныя перегруппировки въ политическихъ партіяхъ. Послѣ убійства Столыпина, „націоналисты" несомнѣнно утеряли былое свое вліяніе на общій ходъ думскихъ работъ, и, одновременно, стала усиливаться новообразовавшаяся группа т. н. „прогрессистовъ".

Несмотря на видимое полное умиротвореніе политическихъ страстей, кипѣвшихъ въ эпоху революціи 1905-1907 г.г., и на какъ будто нормально наладившуюся въ Россіи жизнь;

несмотря на нѣкоторую даже предпраздничную приподнятость настроенія среди правительственныхъ сферъ и части населенія, въ связи съ предстоящими юбилейными торжествами, среди лицъ, близко стоявшихъ къ трону и къ верхамъ государственнаго управленія, сказывалась подавленность и тревога. Болѣзнь Наслѣдника, нервность Императрицы, безхарактерность Государя, появленіе Распутина, безсистемность общей политики — все это заставляло честныхъ и серьезныхъ государственныхъ людей не безъ волненія задумываться о положеніи вещей и не безъ опаски смотрѣть на неопредѣленное будущее...

Настроенія эти, главнымъ образомъ, нарастали среди лицъ консервативнаго направленія, не видѣвшихъ предѣла неопредѣленности политики, вызываемой болѣзненной неустойчивостью характера Государя.

Установленный съ высоты престола 17-го октября 1905 года представительный образъ правленія, по мѣрѣ возстановленія въ странѣ внѣшняго порядка, сдѣлался объектомъ жестокой критики, исходившей изъ двухъ противоположныхъ политическихъ лагерей — отъ крайнихъ правыхъ, вообще враждебно настроенныхъ противъ какого-либо народоправства и считавшихъ его несовмѣстимымъ съ царскимъ самодержавіемъ, и лѣвыхъ группировокъ, отрицательно относившихся къ Государственной Думѣ послѣ Столыпинскаго іюньскаго coup d'Etat.

Борьбу противъ означенныхъ теченій приходилось вести членамъ законодательныхъ палатъ, принадлежавшимъ къ „умѣреннымъ" партіямъ. Въ этомъ отношеніи Дума третьяго созыва оказалась безусловно на должной высотѣ. Въ ней выдвинулось работоспособное большинство, изъ дѣятелей умѣреннаго направленія, безусловно лояльныхъ къ коронѣ. Въ цѣляхъ упроченія новаго порядка государственнаго управленія, чрезвычайно важно было бы, чтобы с высоты престола къ дѣятельности „законопослушной", какъ ее тогда называли, третьей Думы было проявлено, въ той или другой формѣ, опредѣленно выраженное довѣріе. Подобное отношеніе со стороны короны къ юному народному представительству упрочило бы довѣріе послѣдняго къ Царю. Его безпрерывно подрывали всевозможные слухи, которыми жили столичные политическіе салоны того времени. Царь жилъ не одиноко, но онъ держался вдали отъ думскихъ дѣятелей той консервативно-умѣренной категоріи, о которыхъ я говорю. Вокругъ престола толпились люди, которые вносили въ дворцовую атмосферу духъ нездоровой критики въ отношеніи далекой отъ придворной жизни Государственной Думы. Среди нихъ было не мало приверженцевъ крайне правыхъ. Они настойчиво напоминали слабовольному Государю, даровавшему странѣ народное представительство, что онъ долженъ ревниво оберегать свои незыблемыя самодержавныя права и не выпускать вожжей изъ своихъ рукъ... Со всѣми этими лицами, какъ и со всѣми, Его Величество держалъ себя ласково и мягко. Въ результатѣ, подобные совѣтчики, въ разговорахъ съ друзьями и знакомыми, неосторожно и безтактно приписывали Государю собственныя мнѣнія и намѣренія. Это порождало безконечные вредные толки, доходившіе до стѣнъ Таврическаго и Маріинскаго Дворцовъ.

Въ сознаніи столичнаго общества и законодательныхъ сферъ создавалось несуразное представленіе, что Царь, самъ вызвавшій къ жизни народное представительство, относится къ нему не только безъ искренняго довѣрія, но съ явной осторожностью и скрытымъ недоброжелательствомъ... Въ столичныхъ верхахъ и въ болѣе широкихъ кругахъ, нарастали нездоровыя противорѣчивыя настроенія. Популярность Государя падала, люди умѣренные даже въ депутатской средѣ переходили въ лагерь оппозиціи. Все это не могло не отразиться на ходѣ выборовъ въ четвертую Думу. Въ общемъ получалась безотрадная картина чего-то туманнаго, недоговореннаго и неопредѣленнаго. Огромная россійская машина был пущена въ ходъ, но рельсъ впереди было не видно.

— Мы находимся въ тупикѣ, — какъ-то сказалъ мнѣ вернувшійся изъ своей заграничной ссылки П. Н. Дурново, — боюсь, что изъ него мы всѣ, съ Царемъ вмѣстѣ, не сумѣемъ выбраться!..

Въ такихъ же мрачныхъ краскахъ охарактеризовалъ мнѣ создавшееся въ странѣ положеніе вещей, зашедшій однажды ко мнѣ въ Европейскую гостиницу, Предсѣдатель Государственнаго Совѣта М. Г. Акимовъ. Для меня это былъ рѣдкій и интересный гость.

Послѣ безжалостнаго революціоннаго урагана и эвакуаціонныхъ мытарствъ, изъ всего что у меня накапливалось въ мирное время въ видѣ записей до 1915 года,* какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ и сейчасъ лежитъ передъ моими глазами сѣренькій листокъ почтовой бумаги. Съ лѣвой его стороны изображенъ миніатюрный силуэтъ памятника Петру Первому, подъ нимъ отпечатано: „Grand Hôtel d'Europe". Бесѣдуя съ М. Г. Акимовымъ, я на этомъ листикѣ карандашомъ вкратцѣ набрасывалъ нашъ разговоръ.

Просматривая теперь эту запись, помѣченную 10-мъ іюня 1912 года, я постараюсь воспроизвести то, что пришлось мнѣ услышать отъ почтеннаго Михаила Григорьевича.

Онъ началъ съ того, что откровенно жаловался на невыразимо тяжелыя испытанія, павшія на его голову не только въ силу общаго нерадостнаго политическаго настроенія, но и вслѣдствіе его чисто личныхъ тревогъ. Онъ страдалъ въ то время упорной, изнурительной безсонницей и въ то же время мучился тревогой за судьбу тяжко больной дочери.

Согбенный, съ изможденнымъ лицомъ, на которомъ ли-

---

* Съ 1915 года и за всѣ послѣдующіе года у меня имѣются повседневныя записи.

хорадочнымъ огнемъ горѣли каріе небольшие глаза, Михаилъ Григорьевичъ обратился съ убѣдительной просьбой ко мнѣ, какъ Самарскому Губернскому Предводителю Дворянства, предпринять на мѣстахъ все возможное, чтобы на предстоявшихъ въ 1912 году выборахъ провести въ четвертую Государственную Думу дѣйствительно достойныхъ, способныхъ и твердыхъ людей. При этомъ Акимовъ пояснилъ: — дайте намъ депутатовъ консервативно-настроенныхъ, но умѣренныхъ... Отъ крайнихъ правыхъ никому — ни намъ, ни самому Царю — житья нѣтъ!...

Перейдя затѣмъ къ оцѣнкѣ дѣятельности законодательныхъ палатъ, Акимовъ съ особымъ ожесточеніемъ отзывался о лицахъ и группировкахъ, которыя рѣшали вопросы не по существу дѣла, а исключительно во имя торжества своихъ идей или партійныхъ программъ.

— Подобный образъ дѣйствій господъ законодателей нашей съ вами Верхней Палаты — проворчалъ недовольнымъ голосомъ Михаилъ Григорьевичъ — превращаетъ временами само учрежденіе въ нѣкотораго рода „трущобу" (подлинное его выраженіе), изъ которой иногда всѣми силами души хочется выбраться...

Между прочимъ, также не какъ государственнаго практика, а какъ идейнаго дѣятеля, выставлялъ Акимовъ члена Государственнаго Совѣта Манухина (бывшій Министръ Юстиціи), которому было Высочайше поручено обслѣдовать дѣло о безпорядкахъ на Ленскихъ пріискахъ. Руководимый лишь соображеніями человѣческой гуманности, а не государственной необходимости, онъ по мнѣнію Акимова, представилъ все дѣло въ неправильномъ освѣщеніи.

Въ общемъ, Михаилъ Григорьевичъ откровенно мнѣ признался, что, будучи сторонникомъ идеи народнаго представительства, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаетъ, какъ самую форму, въ которую Витте облекъ россійскую конституцію, такъ и способъ выборовъ въ законодательныя палаты далеко не соотвѣтствовавшими соціально-бытовымъ условіямъ и потребностямъ Россійской Имперіи. На этомъ вопросѣ мы съ нимъ идейно сошлись, и Акимовъ всецѣло присоединился къ моему мнѣнію о цѣлесообразности введенія въ России принципа сессіонности законодательныхъ работъ и принятія въ основу россійскаго народнаго представительства прототипа земскихъ учрежденій.

Разговоръ нашъ коснулся затѣмъ наболѣвшаго у всѣхъ насъ вопроса — общаго неустойчиваго положенія страны, которое обуславливалось прежде всего личностью Государя Николая Александровича...

— Государь нашъ — это олицетвореніе полнѣйшей неопредѣленности. Совершенно не знаешь и не угадаешь, что будетъ завтра! — вотъ тѣ подлинныя слова Михаила Григорьевича, которыя я тогда же занесъ себѣ на память. Но этимъ мой собесѣдникъ не ограничился.

Будучи довольно часто вызываемъ Его Величествомъ, и самъ нерѣдко пользуясь своимъ высокимъ званіемъ статсъ-секретаря, Акимовъ могъ ближе другихъ распознавать характеръ своего Государя. Онъ говорилъ, что при всей видимой податливости и мягкости, Его Величество временами обнаруживалъ неожиданную самостоятельность, въ иныхъ случаяхъ производящую впечатлѣніе упрямства. Когда Михаилу Григорьевичу, какъ Предсѣдателю, приходилось передъ Новымъ Годомъ представлять на Высочайшее утвержденіе списокъ членовъ Государственнаго Совѣта по назначенію, намѣченныхъ къ „присутствованію", нерѣдко Государь не соглашался съ представляемыми списками, настаивая на внесеніи въ него его кандидатовъ, вопреки откровеннаго мнѣнія о нихъ высокосановнаго докладчика...

Вообще Акимовъ смотрѣлъ на личность Государя и на все его ближайшее окруженіе чрезвычайно пессимистично. Съ ужасомъ онъ говорилъ о вновь усиливавшемся вліяніи князя Мещерскаго и съ отвращеніемъ отзывался о Распутинѣ. По его словамъ — среди столичныхъ государственныхъ дѣятелей не разъ возникалъ вопросъ о томъ, какъ обезопасить тронъ отъ случайныхъ закулисныхъ вліяній и образовать вокругъ него особый Верховный Совѣтъ (на подобіе японскаго), или учредить при особѣ Государя Николая II должность личнаго секретаря. Но все это оставалось въ области однѣхъ лишь предположеній, отчасти потому, что затронутый вопросъ встрѣчалъ рядъ чрезвычайныхъ затрудненій для своего разрѣшенія — отчасти и потому, что изъ устъ самого самодержца трудно было услышать по этому поводу какой-либо опредѣленный взглядъ и отвѣтъ.

— Переживаемъ мы — закончилъ хмурый Акимовъ свою затянувшуюся со мной бесѣду — тяжкое переходное время! Одинъ Богъ знаетъ, къ чему это Россію приведетъ?!.. Мое дѣло старое — мой конецъ не за горами, а вотъ вамъ, молодымъ людямъ, предстоитъ, вѣроятно, еще многое увидѣть!.. Дай Богъ, чтобы все обошлось благополучно!

Слова эти оказались пророческими: Михаилъ Григорьевичъ Акимовъ вскорѣ отъ насъ отошелъ въ вѣчность, а мы, бывшіе „молодые люди", сдѣлавшись нынѣ „бѣженскими старцами", на самомъ дѣлѣ дождались такого, чего нашимъ старикамъ и во снѣ не снилось.

110

Записанная мною бесѣда съ Михаиломъ Григорьевичемъ Акимовымъ происходила незадолго до закрытія сессіи Государственнаго Совѣта передъ нашимъ лѣтнимъ т. н. „вакатомъ". Къ тому же времени надо отнести интереснѣйшую поѣздку членовъ Верхней Палаты въ Кронштадтъ и его окрестности. Поѣздка эта состоялась по приглашенію Морского и

Военнаго Министровъ чтобы предоставить членамъ Государственнаго Совѣта возможность произвести осмотръ Балтійскаго флота и всей системы только-что законченныхъ крѣпостныхъ загражденій.

Въ одинъ изъ солнечныхъ іюньскихъ дней около сотни собравшихся моихъ коллегъ, во главѣ съ президіумомъ, въ лицѣ Акимова, Голубева и Крыжановскаго, расположились на палубѣ помѣстительной нарядной яхты и съ наслажденіемъ поплыли по невиданному мною до сихъ поръ сначала Невскому, а затѣмъ — полурѣчному, полуморскому руслу... Проходя сквозь строй всевозможныхъ судовъ и строительныхъ доковъ, встрѣчая на пути множество дымившихъ пароходовъ разнаго типа и національностей, каждый изъ насъ, навѣрное, подумалъ про себя о Великомъ Петрѣ и его знаменитомъ окнѣ въ Европу...

Выбравшись на просторъ морского залива, на отдаленномъ фонѣ котораго ясно обозначался Кронштадтъ съ доминирующимъ надъ нимъ туманнымъ силуэтомъ огромнаго собора, почтенные законодатели, обвѣваемые теплымъ, влажнымъ бризомъ, не безъ удовольствія чувствовали себя на свободѣ, внѣ обычныхъ стѣнъ своего Маріинскаго Дворца и, разбившись на кучки весело бесѣдующихъ между собою людей, имѣли въ общемъ видъ скорѣе беззаботныхъ и жизнерадостныхъ экскурсантовъ, чѣмъ отягощенныхъ государственными заботами членовъ законодательной палаты.

Въ Кронштадтѣ члены Государственнаго Совѣта были радушно встрѣчены всѣмъ морскимъ и крѣпостнымъ начальствомъ, во главѣ съ небольшимъ невзрачнымъ адмираломъ Виренъ и виднымъ красавцемъ — генераломъ Артамоновымъ.

Прежде всего, мы направились въ Соборъ св. Николая — — сравнительно недавно сооруженный въ центрѣ главной и обширной городской площади. Художественная внутренняя отдѣлка храма выдержана въ древне-православномъ Васнецовско-Нестеровскомъ стилѣ. Но меня и моихъ спутниковъ поразило несоотвѣтствіе лика Спасителя, изображеннаго на купольной надъиконостасной стѣнѣ съ остальной обстановкой храма. Очертанія этой стѣнной иконы казались чудовищно велики. Колоссальныхъ размѣровъ черно-смуглое лицо Христа, съ огромными, мрачными и враждебными глазами, давило на входившихъ въ храмъ.

Осмотръ флота и крѣпостныхъ укрѣпленій занялъ у насъ почти цѣлый день. Впечатлѣніе вынесли мы отъ всего нами видѣннаго самое отрадное. Чувствовалась творческая свѣжая инициатива, энергичная исполнительность, бросалась въ глаза дисциплина и образцовый порядокъ. Между прочимъ, мнѣ впервые пришлось стоять вблизи 12-тидюймоваго крѣпостного орудія во время стрѣльбы. Послѣ осмотра Кронштадта и ближайшихъ защитныхъ огражденій, намъ предложили проѣхаться на дальнія крѣпостныя позиціи, расположенныя съ обѣихъ сторонъ залива. Ихъ оборудованіе было только что

закончено. При осмотрѣ укрѣпленій, сооруженныхъ на финляндскомъ берегу (т. н. фортъ „цно"), гдѣ только что были установлены на особыхъ бетонныхъ площадкахъ громадныя 12-тидюймовыя орудія, было рѣшено, по соглашенію крѣпостного начальства съ высокосановными посѣтителями, выпустить изъ новыхъ орудій два снаряда. Кое-кого изъ насъ успѣли объ этомъ предупредить, нѣкоторые же узнали лишь тогда, когда отъ неожиданнаго выстрѣла и отъ страшнаго сотрясенія воздуха попадали на землю...

Закончилась наша поучительная Кронштадская поѣздка скромнымъ банкетомъ, въ нашу честь устроеннымъ въ морскомъ собраніи, на что недѣли двѣ спустя мы отвѣтили тѣмъ же въ Европейской гостиницѣ, гдѣ, по порученію моихъ коллегъ, мнѣ пришлось сорганизовать все необходимое для вечерняго пріема Кронштадтскихъ властей. Въ нарядномъ ресторанном залѣ былъ устроенъ ужинъ, на которомъ участвовало свыше 100 человѣкъ, послѣ чего бесѣда членовъ Верхней Палаты съ приглашенными почетными гостями затянулась далеко за полночь, отличаясь искренней задушевностью.

111

По закрытіи въ концѣ іюня 1912 г. сессіи Государственнаго Совѣта, я поспѣшилъ къ себѣ въ Самарскую губернію, гдѣ, кромѣ общественныхъ сословныхъ дѣлъ, меня ожидала большая работа. Надо было достроить мельницу.

Послѣ того, какъ удалось справиться съ постройкой фундамента для мельничнаго корпуса, верхніе его этажи стали быстро воздвигаться одинъ за другимъ, такъ что къ осени 1912 года весь многоэтажный каркасъ зданія съ крышей, въ видѣ тонкаго, тоже желѣзобетоннаго, перекрытія, стоялъ готовымъ.

Пятиэтажное зданіе получилось на рѣдкость красивое, легкое и стройное. Старая мельница была мною снесена послѣ того, какъ всѣ работы по постройкѣ новой были закончены. Нелегко было мнѣ разламывать бревенчатые вѣнцы заслуженной нашей съ отцомъ былой кормилицы.

112

Въ концѣ 1911-го года и въ началѣ 1912-го Губернскіе Предводители Дворянства неоднократно собирались обычно въ великолѣпныхъ аппартаментахъ столичнаго Предводителя, гостепріимнаго свѣтлѣйшаго князя И. Н. Салтыкова, для обсужденія вопроса объ участіи Дворянства въ предстоящихъ въ 1912 и 1913 годахъ юбилейныхъ торжествахъ.

По временамъ среди насъ возникали страстныя пренія. Дѣло въ томъ, что было двѣ параллельныхъ сословно-дворян-

скихъ организаціи: періодическіе съѣзды Губернскихъ Предводителей и возникшее въ 1906 году Всероссійское Обще-Дворянское Объединеніе, съ постояннымъ его органомъ — Совѣтомъ, въ которомъ, кромѣ избранныхъ членовъ ex officio участвовали Губернскіе Предводители дворянскихъ обществъ, примкнувшихъ къ упомянутому объединенію. На столичные съѣзды, происходившіе въ 1912 году по поводу юбилейныхъ торжествъ, Петербургскій Предводитель приглашалъ всѣхъ Губернскихъ Предводителей, какъ выборныхъ, такъ и служившихъ по назначенію (въ западно-окраинныхъ губерніяхъ), включая старшихъ сословныхъ представителей Прибалтійскихъ и Кавказскихъ губерній. Само собой разумѣется, что въ дѣлѣ общероссійскаго чествованія Бородинскаго юбилея, а тѣмъ болѣе трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ, дворянство не могло остаться въ сторонѣ. Возникъ цѣлый рядъ всевозможныхъ проектовъ относительно формы нашего участія въ предстоявшихъ юбилейныхъ торжествахъ. Со стороны Совѣта Объединеннаго Дворянства были предприняты нѣкоторые шаги, чтобы инищіативу общедворянскаго участія въ Романовскомъ юбилеѣ взять въ свои руки. Но это не встрѣчало среди россійскаго дворянства общаго сочувствія, въ силу того, что хотя къ объединенной сословной организаціи и примкнуло подавляющее большинство дворянскихъ обществъ русскихъ губерній, но все же оставалось около десятка дворянскихъ собраній, которыя отъ подобнаго присоединенія воздержались.

Исходя изъ того повелительнаго соображенія, что на упомянутыхъ торжествахъ всероссійское дворянство должно выступить съ единымъ лицомъ, члены всѣхъ предводительскихъ съѣздовъ, происходившихъ въ 1912 году, пришли въ концѣ концовъ къ единодушному рѣшенію — принять на себя всѣ подготовительныя организаціонныя работы по участію въ юбилеяхъ 1912 и 1913 годовъ. Совѣту Объединеннаго Дворянства пришлось подчиниться единогласному постановленію всѣхъ россійскихъ Губернскихъ Предводителей.

Среди разнообразныхъ мнѣній о томъ, въ какой формѣ должно выразиться наше участіе, наибольшій интересъ и вниманіе къ себѣ возбудили два проекта — Самаринскій и мой. Первый предлагалъ поднести Ихъ Величествамъ драгоцѣнный ларецъ съ вложенной въ немъ особой грамотой въ видѣ свитка древняго письма. Я предлагалъ соорудить художественный стягъ въ видѣ стариннаго знамени -„прапора", какъ эмблемы сословнаго объединенія вокругъ Верховнаго Царственнаго Вождя. Послѣ длительныхъ, часто страстныхъ обсужденій, пришли къ примирительному рѣшенію — принять оба предложенія съ тѣмъ, чтобы поднесеніе стяга пріурочить къ чествованію Бородинскаго юбилея 1912 года, а ларца — къ майскимъ Романовскимъ торжествамъ 1913 года.

Выполненіе заказовъ было возложено на Самарина и меня.

Я рекомендовалъ фирму „Братьевъ Оловянишниковыхъ", гдѣ тѣ же люди — Вашковъ и Окуневъ — при содѣйствіи талантливаго В. М. Васнецова, охотно взялись за исполненіе исключительно интереснаго для нихъ общедворянскаго заказа.

Лѣтомъ 1912 года мнѣ, какъ Губернскому Предводителю, пришлось участвовать въ Москвѣ въ двухъ торжествахъ.

Сначала состоялось открытіе памятника императору Александру III, сооруженнаго на берегу Москвы-рѣки на одномъ изъ угловъ огромной площади, на которой высился знаменитый Храмъ Христа Спасителя. Открытіе означеннаго памятника происходило въ присутствіи Августѣйшихъ Царствовавшихъ Особъ и при огромномъ стеченіи служилыхъ людей всѣхъ ранговъ и наименованій, начиная съ приближенныхъ къ трону сановниковъ и кончая волостными и сельскими должностными лицами.

Весь церемоніалъ прошелъ благополучно и закончился парадомъ войскъ, проходившихъ вдоль рѣчного берега, мимо царскаго мѣста, у подножія памятника. Самъ памятникъ возбудилъ немалые толки, далеко не въ пользу его творца. Въ тяжеловѣсной фигурѣ Государя Александра III, расѣвшейся на тронѣ, съ короной на головѣ и царскими регаліями въ обѣихъ рукахъ, была неестественность, натянутость и грубая аляповатость. Многимъ не нравилось также мѣсто, выбранное подъ памятникъ — сравнительно глухой закоулокъ, причемъ, ради того, чтобы обратить Императора лицомъ къ московскому Кремлю, всю царскую фигуру повернули спиной къ величественному Храму Спасителя.

Пользуясь присутствіемъ въ Москвѣ Царствующихъ Особъ, Московское дворянство устроило въ Ихъ честь, въ обширномъ зданіи Дворянскаго Института для дѣвицъ, имени Александра III, раутъ, оставившій на всѣхъ приглашенныхъ, въ частности, и на меня, незабываемое впечатлѣніе. Институтъ расположенъ былъ вблизи „Красныхъ Воротъ". Это былъ четырехугольный солидный корпусъ, когда-то служившій дворцомъ Императрицы Анны Іоанновны. Внутри былъ большой палисадникъ, обрамленный со всѣхъ четырехъ сторонъ крытыми галлереями съ изящными легкими колонками.

Послѣ блестящаго концертнаго отдѣленія, гдѣ исполнительницами были институтки, приглашенные перешли въ палисадникъ, превращенный въ благоухающій цвѣтникъ, поражавшій изобиліемъ и изумительнымъ подборомъ великолѣпныхъ растеній. Галлереи были разукрашены легкими цвѣточными гирляндами. Все мѣсто, столь удачно отведенное Московскимъ Дворянствомъ подъ пріемъ Высочайшихъ Особъ, представляло изъ себя цвѣточное плато, богатѣйшее по количеству и подбору растеній.

Особенно красиво было отдѣлано Царское мѣсто, тоже окруженное гирляндами, но изъ однѣхъ рѣдчайшихъ по формѣ и окраскѣ орхидей. Августѣйшимъ Особамъ былъ сервированъ „русскій чай" съ серебрянымъ самоваромъ. Къ этому сто-

лу почереди подводились всѣ приглашенные. Самаринъ ихъ представлялъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ. По ту и другую сторону Царскаго стола, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, были разставлены для гостей столы, ломившіеся подъ тяжестью прохладительныхъ напитковъ и необычайнаго разнообразія всевозможныхъ вкусныхъ съѣдобныхъ приманокъ, на изобрѣтеніе которыхъ столь горазда была въ свое время наша матушка-Москва.

На этомъ многолюдномъ и радушномъ пріемѣ, для котораго мобилизовано было все дворянское московское общество — не только мужской, но и женскій его элементъ — цвѣтъ людской красоты и благовоспитанности переплетался съ богатствомъ садовой природы; волны аромата цвѣтовъ перемѣшивались съ легкими струйками прянаго запаха тончайшихъ духовъ. Вниманіе и хлѣбосольство родовитыхъ хозяевъ счастливо соединялось съ обаятельнымъ обхожденіемъ Вѣнценосныхъ Гостей. Недаромъ у участниковъ этого исключительнаго по своей парадности и красотѣ празднества осталось воспоминаніе о немъ, какъ о нѣкоемъ „парадизѣ". Умѣстность подобнаго наименованія оправдывалась еще и тѣмъ, что среди угощавшихъ хозяевъ мелькали, во всѣхъ отношеніяхъ очаровательныя, институтки. Онѣ съ милой улыбкой подводили зачарованнаго гостя къ воистину „райскимъ" угощеньямъ.

Если къ этому добавить, что все двухчасовое пребываніе на раутѣ протекало подъ аккомпаниментъ лучшихъ оркестровъ и отборнѣйшихъ московскихъ хоровъ, — то всякому понятно станетъ, почему въ „неземной" обстановкѣ этого „парадиза" я съ превеликой неохотой разговаривалъ на серьезныя „земныя" темы, удовлетворяя любопытство присутствовавшаго на раутѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ А. А. Макарова по поводу предстоявшихъ выборовъ въ четвертую Государственную Думу.

Опредѣленнаго я ничего не могъ ему сообщить, въ силу перемѣны въ общественныхъ настроеніяхъ. Объ одномъ я умолялъ Макарова: никого изъ правительственныхъ агитаторовъ къ намъ въ Самару не присылать, во избѣжаніе лишнихъ осложненій въ нашей предвыборной работѣ. Я высказалъ Министру эту просьбу въ самой настойчивой и категорической формѣ, послѣ того, какъ я отъ него услыхалъ, что Товарищъ Министра Харузинъ собирался командировать для агитаціонныхъ цѣлей нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ въ этой области извѣстный опытъ. Для Самары, по словамъ Макарова, намѣчался пресловутый „черносотенецъ" Пеликанъ. Очевидно, мое заявленіе Министру не осталось безъ слѣда — благодареніе Богу, эта южная птица къ намъ въ Самарскій край передъ выборами не прилетала...

113

Другое торжество, привлекшее въ Москву со всѣхъ концовъ Россіи массу воинскаго и гражданскаго служилаго люда, связано было со столѣтнимъ юбилеемъ Бородинскаго сраженія и приурочено было ко дню знаменитой битвы, къ 26-му августа.

Съѣхавшіеся въ Бѣлокаменную наканунѣ означеннаго дня Губернскіе Предводители были приглашены старшинами Англійскаго Клуба на парадный вечерній банкетъ въ старинномъ красномъ особнякѣ на Тверской, съ его типичнымъ фасадомъ Александровскихъ временъ и спокойно-дремлющими львами на воротахъ.

Несмотря на множество приглашенныхъ лицъ и многочисленныхъ хозяевъ, мы свободно размѣщались въ просторныхъ покояхъ громаднаго помѣщенія. Большинство участниковъ этого памятнаго банкета предпочитало провести вечеръ въ превосходномъ клубномъ саду, среди вѣковыхъ тѣнистыхъ аллей вперемежку съ нарядными благоухавшими цвѣточными клумбами. Огромный съ колоннами балконъ, такъ же какъ и самый садъ, былъ эффектно освѣщенъ цѣлой паутиной электрическихъ гирляндъ. Все имѣло уютный и таинственно-привлекательный видъ.

Само собой, я предпочелъ со своими друзьями устроиться за однимъ изъ симпатичныхъ столиковъ подъ липами, гдѣ мы и обѣдали въ чарующей обстановкѣ чуднаго августовскаго вечера, съ наслажденіемъ лакомясь изумительнымъ кулинарнымъ мастерствомъ прославленной на всю Москву клубной кухни.

Благодаря исключительной привѣтливости и радушію, съ которыми приглашенные были встрѣчены хозяевами клуба, ихъ чисто-московскому широкому хлѣбосольству и умѣнью принять, мы чувствовали себя въ совершенно домашней уютной помѣщичьей обстановкѣ добраго стараго времени. Прислуга въ парадныхъ кафтанахъ предлагала обѣдавшимъ неисчерпаемый запасъ рѣдчайшихъ яствъ и винъ знаменитыхъ марокъ, не говоря уже о шампанскомъ, разливавшемся рѣкой по просторной клубной усадьбѣ.

Въ теченіе всего вечера играли лучшіе московскіе оркестры, а на центральномъ балконѣ былъ раскинутъ цыганскій таборъ, гдѣ были собраны лучшіе пѣвцы и пѣвицы Яра, Стрѣльны и Всесвятскаго.

Во время обѣда, сервированнаго частью внутри клубнаго го помѣщенія, вдругъ наступила всеобщая тишина. Съ балкона раздался звучный призывъ поднять бокалы за драгоцѣнное здравіе Государя Императора. Со всѣхъ концовъ раздалось неумолчное „ура" и послышались мощные звуки народнаго гимна, исполненнаго всѣми наличными силами приглашенныхъ оркестровъ и хоровъ...

Неохотно покидали мы Англійскій Клубъ, но надо было

настырѣ.

Отъ монастыря къ Бородинскому памятнику прослѣдовалъ крестный ходъ. Возглавлялъ его Московскій митрополитъ, окруженный сонмомъ духовенства въ блестящихъ парчевыхъ облаченіяхъ. Лѣсъ хоругвей горѣлъ на солнцѣ. Хоругвеносцы, въ своихъ парадныхъ съ золотыми кистями и бахромой кафтанахъ, несли чудотворную икону Смоленской Божьей Матери, которая была водружена въ Царской походной палаткѣ-церкви. Въ крестномъ ходу шли Августѣйшія Особы и огромныя толпы народа.

Просторное поле, окружавшее высившійся на холмѣ Бородинскій памятникъ, было сплошь заполнено войсками, выстроенными четырехугольникомъ, въ центрѣ котораго, у подножья обелиска, виднѣлся Государь Императоръ съ Августѣйшимъ Семействомъ и придворными.

Послѣ торжественнаго молебствія, Его Величество, на конѣ, въ сопровожденіи членовъ семьи, слѣдовавшихъ сзади Государя въ помѣстительной открытой коляскѣ, запряженной à la Daumont, объѣзжалъ войска. Довольно долго длившійся объѣздъ производилъ сильное впечатлѣніе величіемъ общаго зрѣлища и внушительностью военной мощи.

Стоя рядомъ съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазоновымъ, и переживая въ то время, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ, славянскія волненія изъ-за разгорѣвшейся на Балканахъ Болгаро-Сербской войны, я спросилъ своего сосѣда: „Какое Ваше мнѣніе относительно вмѣшательства Россіи въ Балканскія событія?.. Посмотрите на эти войска! Развѣ это не мощь?!" На это Сазоновъ, склонившись ко мнѣ, сказалъ на ухо: Это только, увы, одна лишь видимость. На дняхъ меня опредѣленно предупредили, что мы еще не готовы!" Досадно было мнѣ это слышать — особенно при видѣ блестящаго Бородинскаго парада, но... пришлось Сазонову по-

тузіазмъ народныхъ массъ, который проявился, когда царская чета показалась на Красномъ Крыльцѣ Кремлевскаго Дворца.

Вечеромъ состоялся блестящій пріемъ Высочайшихъ Особъ московскимъ дворянствомъ. Зданіе Дворянскаго Собранія было роскошно декорировано, а внутренніе аппартаменты буквально утопали въ цвѣтахъ и тропическихъ растеніяхъ. При звукахъ народнаго гимна Августѣйшіе Гости были встрѣчены московскимъ дворянствомъ въ лицѣ всего предводительскаго и депутатскаго персонала, послѣ чего Его Величество обходилъ собравшихся дворянъ и милостиво бесѣдовалъ съ группой губернскихъ предводителей, явившихся на раутъ по любезному приглашенію того же московскаго дворянства. Ихъ Величества заняли приготовленное для нихъ мѣсто на эстрадѣ, гдѣ имъ былъ сервированъ чай. Тотчасъ же въ залѣ раздались въ соединенномъ исполненіи оркестра и хора мощные звуки извѣстной увертюры Чайковскаго „1812-й годъ", геніально сочетавшей въ себѣ разнохарактерныя музыкальныя темы двухъ народныхъ гимновъ — французской „Марсельезы" и русскаго „Боже Царя храни".

По выслушанію увертюры открылось шествіе губернскихъ Предводителей Дворянства; они попарно слѣдовали за своими столичными коллегами, которые торжественно несли сооруженный всероссійскимъ дворянствомъ драгоцѣнный древнерусскій стягъ. Подойдя къ эстрадѣ, къ краю которой вышелъ имъ навстрѣчу Государь, Предводители образовали у ногъ своего Верховнаго Вождя внушительный по численности и парадности полукругъ, въ центрѣ котораго стояли С. Петербургскій Предводитель свѣтлѣйшій князь И. Н. Салтыковъ и рядомъ съ нимъ Московскій — А. Д. Самаринъ. Послѣдній произнесъ горячую прочувствованную рѣчь, отъ имени всего дворянства Имперіи просилъ Его Величество принять священ-

единодушнымъ, долго несмолкавшимъ „ура" и многократнымъ исполненiемъ народнаго гимна.

Описанный мною церемонiалъ поднесенiя Царю дворянствомъ стяга прошелъ съ огромнымъ подъемомъ и необычайно торжественно. На всѣхъ участниковъ дворянскаго раута, въ частности на насъ самихъ, на предводителей, онъ произвелъ незабываемое впечатлѣнiе.

Не скрою, — мнѣ лично отрадно было тогда выслушать изъ устъ нашего старѣйшины, Пензенскаго Предводителя Д. К. Гевлича, слова признательности за поданную мною мысль о сооруженiи дворянскаго стяга. Послѣ поднесенiя онъ хранился нѣкоторое время въ собственномъ Государевомъ кабинетѣ, а затѣмъ былъ водруженъ въ Ѳедоровскомъ Царскосельскомъ Соборѣ, рядомъ съ мѣстомъ, отведеннымъ для Ихъ Величествъ.

Въ послѣдующiе дни, 28-го и 29-го августа, Ихъ Величества посѣщали чествованiя, которыя имъ устраивали разныя городскiя учрежденiя и учебныя заведенiя, и присутствовали на парадѣ войскъ, происходившемъ на Ходынскомъ полѣ. 30-го того же мѣсяца они отбыли въ Петербургъ.

114

Въ 1912-мъ году происходили выборы въ четвертую и послѣднюю Государственную Думу. На ихъ результатахъ самымъ отрицательнымъ образомъ отразились два основныхъ неблагопрiятныхъ фактора.

Въ столичныхъ руководящихъ сферахъ было рѣшено пойти по пути самаго безцеремоннаго воздѣйствiя на ходъ предстоявшей избирательной кампанiи. По соглашенiю Министра Внутреннихъ дѣлъ Макарова и, главнымъ образомъ его Товарища — Харузина, съ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода Саблеромъ, на мѣста въ провинцiю стали разсылаться Губернаторамъ и Архiереямъ кипы всевозможныхъ инструкцiй, сочиненныхъ въ тиши столичныхъ канцелярiй людьми, далеко стоявшими отъ житейской дѣйствительности и отъ подлинныхъ общественныхъ настроенiй того времени.

Нашъ губернаторъ Протасьевъ, будучи со мною въ наилучшихъ отношенiяхъ, по полученiи петербургскихъ руководящихъ новеллъ, спѣшилъ со мной совѣтоваться, благодаря чему я въ предвыборное время находился въ курсѣ всей этой зловредной столичной политики, ставившей не столько губернатора, сколько всѣхъ насъ, отвѣтственныхъ руководителей предстоявшаго выборнаго производства, въ исключительно тяжелое положенiе.

Въ Самарской губернiи, какъ, вѣроятно, помнятъ читатели, еще съ осени 1905 года, сплотился сильный землевладѣльческiй и собственническiй блокъ, который, безъ всякаго правительственнаго подсказа, тѣмъ болѣе, помощи, въ 1907 году при выборахъ въ третью Думу, послалъ въ нее безусловно благонадежныхъ и достойныхъ представителей. Общественная самодѣятельность, проявленная самарскимъ обществомъ имѣвшая своимъ выразителемъ серьезный печатный органъ — „Голосъ Самары", за пять лѣтъ существованiя третьей Думы оставалась все той же, и въ перiодъ предвыборной кампанiи 1912 года не нуждалась ни въ какихъ закулисныхъ директивахъ, тѣмъ болѣе — „Харузинскихъ", лишенныхъ знанiя мѣстныхъ выборныхъ условiй. Они причиняли нашей право-умѣренной партiи лишь огромный моральный ущербъ. Все, что пачками пересылалось изъ Петербурга въ Самару для поддержки и усиленiя „правительственныхъ" кандидатовъ, для мѣстнаго общества не оставалось секретомъ и только давало пищу всяческимъ слухамъ и пересудамъ, и служило цѣннымъ матерiаломъ для боевыхъ статей въ лѣвой прессѣ. Для нее это былъ козырь для дискредитированiя правыхъ самарскихъ группировокъ.

Вмѣшательство Петербурга въ общiй ходъ предвыборной кампанiи доходило временами до невѣроятной безцеремонности. Однажды Протасьевъ показалъ мнѣ распоряженiе того же Товарища Министра Харузина, по которому возлагалось на губернатора образованiе среди самарскихъ обывателей особой предвыборной группировки. Именуясь „безпартiйной", она должна была задаться цѣлью избрать въ Думу лицъ, на которыхъ „царское правительства могло бы всецѣло положиться"... Помню, какъ Протасьевъ по этому поводу нервничалъ, сознавая всю фактическую неосуществимость подобныхъ министерскихъ распоряженiй. Но какъ должностное лицо, онъ вынужденъ былъ приступить къ образованiю въ Самарѣ порученной ему „правительственной безпартiйной" группы; конечно, всѣ попытки его въ этомъ отношенiи ни къ чему не привели и лишь осложнили предвыборныя настроенiя самарскихъ политическихъ „круговъ".

Харузинскiя распоряженiя, также какъ и Саблеровскiя инструкцiи архiереямъ — поощрять прохожденiе духовенства въ число выборщиковъ, а затѣмъ и въ депутаты, въ сильнѣйшей степени мѣшали нашей дѣятельности въ дѣлѣ объединенiя вокругъ прежняго нашего лозунга — борьбы съ врагами государственнаго порядка. Сама власть сверху вносила извѣстную безпорядочность въ область нашего политическаго самоопредѣленiя и общественно-государственной самодѣятельности. Въ силу всего этого, оппозицiонность къ правящимъ верхамъ усиливалась даже среди тѣхъ, кто при выборахъ въ третью Думу принадлежалъ къ сплоченному право-умѣренному блоку Партiи Порядка.

Еще и другой факторъ оказалъ существенное влiянiе на ходъ выборовъ въ четвертую Думу. Въ третьей Думѣ самарскiе депутаты, избранные въ 1907 году по списку Партiи Порядка, къ концу своихъ полномочiй стали проявлять нѣкоторыя между собой разногласiя, и къ концу пятаго года своей

депутатской жизни разошлись по разнымъ думскимъ группировкамъ. Большинство оставалось въ составѣ октябристовъ, но нѣкоторые вступили въ ряды націоналистовъ или прогрессистовъ.

Это не могло не отразиться на ходѣ выборовъ въ Думу четвертаго созыва. Тотъ преобладавшій надъ общимъ числомъ выборщиковъ (131) умѣренно-правый блокъ въ 75 человѣкъ, который сыгралъ рѣщающую роль при выборахъ въ третью Думу, въ 1912 году далъ замѣтную трещину. Приходилось настойчиво думать о спайкѣ. Такія, напримѣръ, лица, какъ А. И. Новиковъ и В. Н. Львовъ, прошедшіе въ 1907 году въ депутаты въ полномъ съ нами политическомъ согласіи по нашему списку, въ 1912 году уже чинили намъ всяческія препятствія. Вокругъ каждаго изъ нихъ образовывались обособленныя группы, выставлявшія сепаратныя условія для составленія избирательныхъ списковъ.

Итакъ, съ одной стороны, — столичное безтактное и грубо-неразумное вмѣшательство въ мѣстную предвыборную жизнь, а съ другой — расколъ среди представителей бывшаго партійнаго блока — вотъ два главныхъ отрицательныхъ фактора, чрезвычайно осложнившихъ избирательную кампанію 1912 года. Приходилось дѣлать большія усилія, путемъ безпрерывныхъ частныхъ и общихъ совѣщаній и черезъ посредство ряда газетныхъ статей въ „Голосѣ Самары", чтобы вновь сплачивать нашъ расколовшійся первоначальный избирательный блокъ.

Учитывая всю запутанность и трудность предвыборнаго настроенія, я рѣшилъ широко поставить вопросъ о составленіи списка кандидатовъ. Я разбилъ всѣхъ политически-мыслящихъ людей на двѣ основныя группы: тѣ, кто при данной конституціи готовъ идти въ законодательную палату для государственной положительно-творческой работы, и тѣ, кто шли въ депутаты, чтобы взрывать существующій представительный строй, и черезъ учредительное собраніе создать новый образъ правленія, имъ однимъ угодный. Къ первымъ я причислялъ умѣренно-правыя группировки, включая „націоналистовъ", „октябристовъ", „прогрессистовъ" и даже правое крыло кадетской партіи. Ко вторымъ — все то, что было лѣвѣе перечисленныхъ группъ. Подобное подраздѣленіе давало мнѣ возможность говорить общимъ языкомъ съ Львовымъ, съ Новиковымъ, со всѣми, кто одинаково съ ними мыслили. Въ томъ же духѣ мы вели серьезно-вдумчивую газетную агитацію въ „Голосѣ Самары" и такимъ образомъ предотвратили распадъ нашего объединенія вокругъ партіи порядка и не дали восторжествовать на выборахъ лѣво-кадетской партіи со всѣми ея присными...

Ко времени прибытія въ губернскій городъ со всѣхъ концовъ обширнаго Самарскаго края избранныхъ выборщиковъ, губернаторъ Протасьевъ получилъ срочныя распоряженія все того же неугомоннаго „выборнаго вредителя" — Товарища

Министра Харузина и показалъ ихъ мнѣ. Согласно этому приказу, Губернаторъ долженъ былъ озаботиться наймомъ комнатъ въ гостиницахъ для размѣщенія въ нихъ выборщиковъ и установленія за ними особой слѣжки, дабы предотвратить зловредное вліяніе антиправительственныхъ политическихъ партій.

Само собой, я былъ до крайности возмущенъ всей этой „Харузовщиной", въ которой я, не безъ основанія видѣлъ сугубое препятствіе для достиженія намѣченной цѣли уменьшить оппозиціонныя настроенія. Съ моими доводами и уговорами Протасьевъ, по существу, вполнѣ соглашался, но вмѣстѣ съ тѣмъ откровенно сознавался, что какія-нибудь мѣры въ преподанномъ ему сверху духѣ онъ, по обязанностямъ службы, долженъ предпринять. Въ результатѣ вотъ что получилось. Большинство выборщиковъ по пріѣздѣ въ Самару, заѣзжали ко мнѣ и расписывались въ книгѣ, или оставляли свои карточки. Отдавая имъ всѣмъ визиты, я заѣхалъ въ „Сарептскіе" номера, которые, какъ я потомъ узналъ, были сняты по приказу Петербурга подъ постой выборщиковъ. Войдя въ переднюю, натыкаюсь на довольно прилично одѣтаго господина. Не видя никого изъ прислуги и не имѣя возможности знать всѣхъ выборщиковъ въ лицо, я обратился къ нему съ вопросомъ, не состоитъ ли онъ въ числѣ выборщиковъ и какъ его фамилія? На это господинъ этотъ, смущенно улыбнувшись и предварительно вокругъ себя оглянувшись, мнѣ тихимъ голосомъ сообщаетъ, что онъ служитъ въ охранкѣ и командированъ начальствомъ для „слѣжки" за выборщиками... Вернувшись опрометью домой, я соединился по телефону съ Протасьевымъ и уже не убѣждалъ его, а потребовалъ немедленнаго устраненія такихъ „шпиковъ", пока не поздно, и пока подобное неслыханное безобразіе не получило публичной огласки.

Одинъ изъ ставропольскихъ выборщиковъ, сосѣдъ мой по Головкину, Старомайнскій мукомолъ и торговецъ, Васильевъ, остановившійся сначала въ Сарептскихъ номерахъ, почему-то рѣшилъ на другой день переѣхать въ другую гостиницу. Онъ потребовалъ счетъ. Каково же было его удивленіе, когда хозяинъ номеровъ съ умильной, но многозначительной улыбкой, ему заявилъ, что всѣ его постояльцы выборщики впущены имъ въ его номера даромъ... „Какъ такъ?!" съ недоумѣніемъ вопросилъ почтенный Васильевъ, на что несдержанный на языкъ, словоохотливый хозяинъ объяснилъ, что Правительство само рѣшило заплатить за выборщиковъ. Пришедшій въ немалое смущеніе Васильевъ бросился ко мнѣ. „При этихъ условіяхъ врядъ ли возможно добраго исхода ожидать отъ нашихъ выборовъ!" — не безъ горечи признался мнѣ разволновавшійся Васильевъ.

Онъ былъ правъ, но переубѣждать Протасьева было уже поздно. Вотъ при какой неблагопріятной обстановкѣ пришлось мнѣ открывать губернское избирательное собраніе для производства выборовъ въ четвертую Думу.

Выборы протекали въ тяжелыхъ условіяхъ несогласованности выборщиковъ въ отношеніи составленія единаго опредѣленнаго списка кандидатовъ. Лишь одинъ, выставленный мною кандидатъ отъ землевладѣльческой куріи — Алексѣй Михайловичъ Наумовъ — прошелъ абсолютнымъ большинствомъ. Всѣ остальные были избраны относительнымъ количествомъ шаровъ. Выборы затянулись на двое сутокъ. Нашъ прежній блокъ, насчитывавшій при выборахъ въ третью Думу 75 человѣкъ, не сохранился. Оппозиціонно-кадетскія группы тоже не имѣли абсолютнаго большинства. На вторыя сутки выборщики, не видя другого исхода изъ создавшагося тупика, рѣшили сойтись на составленіи смѣшаннаго списка, куда, наряду съ умѣренно-правымъ элементомъ, были введены кандидаты, принадлежавшіе къ умѣренно-лѣвымъ группировкамъ (или къ правымъ кадетамъ). Для выработки означеннаго списка пришлось объявить довольно длительный перерывъ, во время котораго большинство выборщиковъ собралось въ одну изъ комнатъ въ верхнемъ этажѣ Дворянскаго Дома. Тамъ состоялось у нихъ совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Дмитрія Яковлевича Слободчикова. Установивъ единый списокъ, выборщики стали выходить изъ конспиративной комнаты, предварительно произнеся во всеуслышаніе клятву, что будутъ вписывать кандидатовъ и класть имъ „направо", согласно состоявшемуся сговору.

Только благодаря этому смѣшанному совѣщанію удалось въ концѣ концовъ выбрать отъ Самарской губерніи положенное число членовъ Государственной Думы (13). Перемѣна, по сравненію съ предшествовавшимъ составомъ депутатовъ, произошла значительная. Изъ бывшихъ членовъ третьей Думы переизбранными оказались лишь В. Н. Львовъ, И. С. Клюжевъ и А. И. Новиковъ. Знаменитый „апостолъ трезвости" Челышевъ былъ забаллотированъ. Въ число депутатовъ попало двое тихихъ и немудрыхъ священниковъ и двое правыхъ кадетъ (Гладышъ и Позняковъ). Нѣкоторые прошли совершенно случайно до сговора; такимъ „фуксовикомъ" можно считать Н. Н. Рычкова. Въ общемъ же, всѣ избранники отвѣчали намѣченной мною характеристикѣ, — они готовы были при существующемъ строѣ народнаго представительства искренне и честно работать...

До сихъ поръ тяжело вспоминаются эти два утомительнѣйшихъ дня, проведенные мною, какъ предсѣдателемъ Губернскаго Избирательнаго Собранія, за безпрерывными баллотировками, подсчетами, переговорами, безконечными совѣщаніями и примирительными увѣщеваніями.. На фонѣ нудной и напряженной картины вспоминаются и забавныя подробности. Иванъ Семеновичъ Клюжевъ, любившій озадачивать своихъ собесѣдниковъ витіеватостью своихъ выраженій, на вопросъ одного изъ выборщикавъ, будетъ ли онъ класть шаръ за избраніе А. Н. Попова, не внесеннаго въ установленный на совѣщаніи списокъ, торжественно отвѣтилъ:

— Какъ это можно?! Вѣдь рѣшено было Попова въ списокъ не вносить! Развѣ я могу противъ данной мною клятвы поступить?! Знайте! Меня еще бабушка съ дисциплиной родила! Да-съ! Имѣйте это въ виду!...

115

1912 годъ увѣнчался въ моей хозяйственной жизни радостнымъ событіемъ: къ концу декабря всѣ работы по оборудованію моей новой огромной вальцовой мельницы были полностью закончены. Головкинская администрація ожидала хозяина, чтобы освятить ее и приступить къ началу давно желаннаго размола. Встрѣтивъ праздникъ Рождества Христова въ Самарѣ среди своихъ, я отправился въ Головкино, гдѣ наканунѣ Новаго 1913 года произошло торжественное освященіе мельницы.

Событія этого, какъ оказалось, съ немалымъ нетерпѣніемъ ожидали не только одни Головкинскіе, но и всѣ окрестные крестьяне. Къ этому дню, вокругъ красиво возвышавшагося среди снѣжныхъ равнинъ стройнаго мельничнаго зданія, собралась масса деревенскаго люда. По окончаніи молебствія, они съ необычайнымъ любопытствомъ обходили внутреннее помѣщеніе выстроеннаго на ихъ глазахъ „чудного", по ихъ мнѣнію, желѣзобетоннаго корпуса.

По окончаніи церковнаго служенія, я всталъ на центральной площадкѣ, на которой были установлены всѣ четыре вальца и обѣ пары жернововъ, и по телефону далъ приказъ въ машинное отдѣленіе пустить въ ходъ машину. Раздался мелодичный трехтонный свистокъ, оповѣстившій на всю далекую округу о началѣ жизни моего дѣтища. Запыхтѣлъ паровикъ, забурлила шлюзовая вода, завертѣлся могучій трансмиссіонный металлическій валъ. Зашевелилось все сложное и разнообразное, чѣмъ должна была жить свѣтлая и нарядная красавица-мельница.

Стоя среди ровно загудѣвшихъ вальцовъ, я не вѣрилъ своему счастью, мысленно переносясь къ памяти моего незабвеннаго родителя, столь тоже любившаго мукомольное дѣло. Передо мною на бетонной стѣнѣ виднѣлась только-что водруженная металлическая доска, съ выгравированной на ней краткой исторіей мельничной постройки, а надъ ней висѣлъ превосходно исполненный Дивѣевскими монашенками образъ, изображающій преподобнаго Серафима Саровскаго, размалывающаго муку ручнымъ жерновомъ.

Работа сразу пошла съ исключительнымъ успѣхомъ. Крестьяне мнѣ, шутя, говорили, что „бабьё" ихъ, провѣдавъ про Головкинскую „вальцовку", проходу имъ не давали, требуя скорѣйшаго привоза имъ „бѣлой" муки. Благодаря доброкачественности работы, количество крестьянскаго помола зсе росло, и это приносило мнѣ немалый доходъ.

Начало мельничной работы сопровождалось святочными увеселеніями. Ихъ устраивали служащіе и деревенская молодежь. Рѣдкій вечеръ не заявлялась въ переднюю Головкинскаго дома веселая ряженая молодежь съ гармонистами и балалаечниками. Главнымъ вдохновителемъ и организаторомъ всѣхъ этихъ рождественскихъ домодѣльныхъ маскарадовъ являлся мой кучеръ Гаврила Мироновъ, спеціалистъ по части устройства разнообразныхъ представленій съ „жестокими" куплетами и лихимъ пѣніемъ. Особеннымъ оживленіемъ отличался вечеръ, устроенный подъ самый Новый годъ. Веселая ватага, наряженная, главнымъ образомъ, въ вывороченные наизнанку тулупы, не только заполонила всю нашу прихожую, но попросила позволенія пройти въ залу, гдѣ подъ аккомпаниментъ своего импровизированнаго оркестра, съ необычайнымъ подъемомъ исполняла разнохарактерные танцы, вперемежку съ разудалымъ хоровымъ пѣніемъ и забавнымъ театральнымъ „интермеццо"...

При видѣ этого захватывающаго деревенскаго веселья, явнаго общаго довольства и самыхъ искреннихъ довѣрчиво-задушевныхъ отношеній между служащимъ и сельскимъ людомъ съ ихъ „бариномъ" — мыслимо ли было предполагать, что черезъ какіе-нибудь пять лѣтъ все это коренным образомъ измѣнится, что хозяинъ Головкинскаго дома не только не сможетъ принимать у себя деревенскихъ ряженыхъ гостей, но и самъ будетъ лишенъ возможности жить въ своей родной вѣковой усадьбѣ!..

116

Наиболѣе яркимъ и памятнымъ событіемъ въ 1913 году, несомнѣнно, явилось всенародное празднованіе по всей имперіи трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ.

Къ этому юбилейному торжеству за годъ впередъ шла повсемѣстная усиленная подготовка, сосредоточенная, главнымъ образомъ, въ обѣихъ столицахъ. Чествованіе 21 февраля — дня избранія на царство Михаила Θеодоровича Романова, рѣшено было отпраздновать въ Петербургѣ, а майскіе дни, соотвѣтствовавшіе времени въѣзда молодого Царя Михаила въ 1613 году въ Москву, — должны были быть проведены въ Москвѣ.

Вспоминая Романовскіе юбилейные дни, прошедшіе всюду съ огромнымъ подъемомъ, я не буду задаваться цѣлью подробно описывать все то, что пришлось мнѣ видѣть въ далекомъ прошломъ, въ качествѣ участника происходившихъ въ Петербургѣ и Москвѣ торжественныхъ придворныхъ церемоніаловъ, обѣдовъ, баловъ и пр. Ограничусь лишь тѣми общими впечатлѣніями, которыя остались въ моей памяти отъ такого важнаго событія въ жизни Россійскаго государства — трехсотлѣтія династіи Дома Романовыхъ.

Прежде всего отмѣчу необычайную красочность и богатство всей обстановки юбилейныхъ торжествъ, и то, что все многотысячное представительство Россійскихъ служилыхъ людей и общественныхъ дѣятелей, собравшееся со всѣхъ концовъ Имперіи для участія въ Романовскомъ празднованіи, отличалось безукоризненной лояльностью и проявляло по отношенію къ Вѣнценосному Представителю царствовавшей династіи чувства беззавѣтной вѣрноподданности. Завѣренія въ этомъ раздавались, какъ изъ устъ предсѣдателей законодательныхъ палатъ и высшихъ правительственныхъ мѣстъ, такъ равно и представителей всѣхъ государственныхъ сословій, включая крестьянство. Въ этомъ тогда чувствовалась главная сила и основное значеніе происходившихъ торжествъ.

Вспоминается мнѣ по этому поводу разсказъ одного изъ участниковъ юбилейныхъ празднествъ, происходившихъ въ Высочайшемъ присутствіи въ Костромѣ, наканунѣ прибытія Ихъ Величествъ въ Москву. Когда, послѣ торжественнаго молебствія, Государь съ Государыней и Августѣйшимъ семействомъ вышли къ народу, и столпившаяся у подножія возвышеннаго царскаго павильона многотысячная масса городского и сельскаго люда благоговѣйно, при видѣ своего Помазанника Божьяго, какъ одинъ человѣкъ опустилась на колѣни и запѣла „Боже Царя храни", — одинъ изъ иностранныхъ атташе, находившійся въ свитѣ Государя, громко воскликнулъ: — Какая сила! Какое единство народнаго чувства! Всѣ наши конституціи ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ!

Костромское чествованіе, въ связи съ Ярославскимъ и Нижегородскимъ, видимо, отразилось самымъ благопріятнымъ образомъ на Царствовавшихъ Особахъ. Можетъ быть этому надо приписать замѣтную разницу въ выраженіи лица Государя и въ его обхожденіи на февральскомъ юбилейномъ пріемѣ въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Москвѣ на майскихъ торжествахъ, послѣ костромской поѣздки. Въ февралѣ Его Величество имѣлъ озабоченно-усталый видъ, а въ маѣ отъ него вѣяло довольствомъ и жизнерадостностью.

Въ Петербургѣ оффиціальное юбилейное празднованіе происходило съ 21-го по 24-е февраля. Оно открылось торжественнымъ богослуженіемъ въ Казанскомъ Соборѣ въ присутствіи Государя, обѣихъ Императрицъ и всѣхъ представителей Дома Романовыхъ.

Днемъ того же 21-го февраля состоялся въ одной изъ залъ Зимняго Дворца пріемъ поздравленій Августѣйшими Особами отъ высшихъ чиновъ Имперіи, — Сената, Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Предсѣдатель послѣдней, Камергеръ Родзянко, тотъ самый Родзянко, который четыре года спустя съ такимъ преступнымъ легкомысліемъ сломалъ о свою мясистую колѣнку Государевъ стягъ — въ горячей и, казалось, искренней тогда рѣчи, увѣрялъ Царя въ „беззавѣтной" своей и обще-думской преданности и вѣрности.

22-го февраля происходило поздравленіе Высочайшихъ

Особъ съѣхавшимися въ столицу провинціальными депутаціями. Онѣ погруппно проходили изъ Николаевскаго дворцоваго зала въ т. н. „концертный", гдѣ находился Государь въ окруженіи обѣихъ Императрицъ и всего своего Августѣйшаго Семейства. Около Государыни Александры Ѳеодоровны, на рукахъ у громаднаго чернобородаго красавца-конвойца, сидѣлъ страдавшій болѣзнью ногъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, вызывавшій чувство жалости и тревоги. Рядомъ съ ихъ Величествами находились всѣ Великіе Князья и Великія Княгини, нѣкоторые Министры и лица ближайшей Государевой Свиты. Самъ Государь, будучи заслоненъ нѣкоторыми лицами своего многочисленнаго окруженія, стоялъ нѣсколько въ отдаленіи отъ проходившихъ мимо него депутацій, лишь издали знакомясь съ ними по докладу стоявшаго рядомъ Министра Маклакова.

Это „прохожденіе" съѣхавшихся на юбилей со всѣхъ концовъ Имперіи депутатовъ ,оставило на многихъ изъ нихъ неблагопріятное впечатлѣніе. На самомъ дѣлѣ — если вся оффиціально-придворная, традиціями установленная, часть должна была носить характеръ строго-выдержаннаго, если не холоднаго, церемоніала, то было ошибкой вставлять послѣдующую часть — общеніе Царя съ представителями его народа — въ тѣ же рамки сухого бездушнаго обряда. Между тѣмъ, чиновные формалисты, со своимъ излишнимъ церемоніаломъ, именно на этотъ путь натолкнули Романовыхъ въ этотъ исключительный для нихъ день.

Занявъ мѣсто среди депутаціи отъ Самарскаго дворянства и возглавляя ее, какъ Губернскій Предводитель, я сталъ, вмѣстѣ съ двумя своими сочленами А. А. Чемодуровымъ и А. Н. Карамзинымъ, медленно двигаться впередъ, въ общемъ шествіи длиннѣйшей цѣпи дворянскихъ депутацій отъ всѣхъ губерній. Вслѣдъ за дворянствомъ, шло въ томъ же алфавитномъ порядкѣ представительство земствъ, городскихъ учрежденій, биржевыхъ комитетовъ и др.

Вся эта внушительная вереница сословно-народныхъ избранниковъ, изъ которыхъ огромное большинство, можетъ быть, единственный разъ въ своей жизни имѣли счастье видѣть своего Царя, должна была, согласно церемоніалу, „прослѣдовать" мимо того мѣста, гдѣ столпилось ближайшее придворное окруженіе. Изъ-за нихъ многіе изъ депутатовъ даже не успѣвали хорошенько разсмотрѣть Царствовавшаго Представителя Романовскаго Дома. Такъ, по крайней мѣрѣ, случилось съ однимъ изъ членовъ нашей дворянской депутаціи — почтеннымъ А. А. Чемодуровымъ. Послѣ того какъ мы по порядку уже отошли отъ царскаго мѣстонахожденія, онъ меня вдругъ спрашиваетъ: — Скажите, Александръ Николаевичъ, когда мы проходили и отвѣшивали поклоны, самъ-то (т. е. Государь) тутъ былъ или нѣтъ?

Многіе находились въ состояніи такого же недоумѣнія и ощущали то же чувство досадной неудовлетворенности. Пріѣхать за тысячу верстъ съ тѣмъ, чтобы продефилировать въ качествѣ какихъ-то статистовъ, безъ возможности обмѣняться хоть словомъ съ обожаемымъ Монархомъ и служа лишь для вящей показной импозантности выработаннаго чинами придворнаго вѣдомства церемоніала. Зато всѣ его участники получили тамъ же во дворцѣ раздававшіеся юбилейные, довольно красивые, нагрудные значки съ Романовскимъ гербомъ.

Ярко встаютъ въ моей памяти вечерніе часы того же дня, 22-го февраля, проведенные мною въ фееричнo-торжественной обстановкѣ Маріинскаго Императорскаго театра, гдѣ, въ присутствіи Высочайшихъ Особъ; шла опера „Жизнь за Царя". Залитый свѣтомъ залъ, заполненный сверху до низу блестящей, парадно разодѣтой публикой, представлялъ собою невиданную мною до тѣхъ поръ картину нарядности и богатства. Роскошные туалеты декольтированныхъ дамъ; ихъ сверкавшія всѣми цвѣтами радуги драгоцѣнныя украшенія своеобразной гирляндой окаймляли ярусы ложъ. Золотомъ расшитые придворные кафтаны; красочные гвардейскіе мундиры; необычайная приподнятость настроенія, придававшая молодымъ лицамъ еще большую свѣжесть и привлекательность, а старымъ оживленіе, которое возвращало ихъ къ невозвратному прошлому — все это создавало въ громадномъ голубовато-золоченомъ залѣ Императорскаго театра гармоничную, исключительно торжественную парадность.

Сдержанный говоръ внезапно смолкъ. Раздался народный гимнъ. Всѣ встали, повернувшись лицомъ къ царской ложѣ, гдѣ появились Ихъ Величества.

Послѣ гимна и восторженнаго „ура" полились классическіе звуки безсмертной увертюры Глинки. Занавесъ взвился. На сценѣ показались знакомыя лица, послышались знакомыя русской душѣ чарующія мелодіи.

Я сидѣлъ въ партерѣ, въ сравнительно близкомъ разстояніи отъ Императорской ложи, и въ тѣхъ мѣстахъ Глинковской оперы, гдѣ съ особой яркостью выявлялась самоотверженная любовь русскаго человѣка къ „Богомъ данному" ему Царю и которыя на представленіяхъ „Жизни за Царя" даже въ обычныхъ условіяхъ овладѣвали умомъ и волей русскаго патріота, я, вмѣстѣ съ другими, переживалъ исключительные, почти до слезъ доходившіе, моменты душевнаго подъема.

Закончился спектакль появленіемъ на сценѣ всѣхъ артистовъ и многочисленнаго хора. Они, подъ аккомпаниментъ мощнаго опернаго оркестра, много разъ исполнили народный гимнъ, прерываемый единодушнымъ „ура". До сихъ поръ въ моемъ воображеніи рисуются царственные облики Ихъ Императорскихъ Величествъ, когда они, передъ отбытіемъ, стояли у золоченаго барьера ложи и милостиво отвѣчали поклонами на восторженныя привѣтствія своихъ вѣрноподданныхъ.

На слѣдующій день, 23-го февраля, утромъ, Ихъ Величества принимали представителей сельскаго и инородческаго на-

селенія Россійской Имперіи. Вечеромъ, въ Высочайшемъ присутствіи, въ роскошно убранныхъ цвѣтами залахъ С. Петербургскаго дворянства, состоялся блестящій балъ, собравшій весь многотысячный цвѣтъ столичнаго общества. Ихъ Величества встрѣчены были Петербургскимъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства, свѣтлѣйшимъ княземъ И. Н. Салтыковымъ, поднесшимъ Государю хлѣбъ-соль и привѣтствовавшимъ царственныхъ особъ превосходно сказанной рѣчью.

Балъ открылся „польскимъ" изъ оперы „Жизнь за Царя". Въ первой парѣ шелъ Его Величество съ супругой Петербургскаго Уѣзднаго Предводителя В. А. Сомовой,* за ними слѣдовали Вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна съ свѣтлѣйшимъ княземъ Салтыковымъ, и наконецъ, въ третьей парѣ шествовала Государыня Александра Ѳеодоровна съ Уѣзднымъ Предводителемъ С. М. Сомовымъ. Потомъ танцовали вальсъ, мазурку, кадрили, и балъ завершился многофигурнымъ котильономъ. Тутъ же, на балу, Его Величество, передъ своимъ отбытіемъ, наградилъ св. князя Салтыкова, какъ Губернскаго Предводителя Петербургскаго Дворянства, чиномъ генерала, зачисливъ его въ свою Свиту.

Вспоминается мнѣ также та парадность, вѣрнѣе, то великолѣпіе, которымъ обставленъ былъ грандіозный юбилейный обѣдъ, состоявшійся вечеромъ 24-го февраля въ залахъ Зимняго Дворца (Георгіевскомъ, Гербовомъ, Александровскомъ и др.).

Высочайшій выходъ, прослѣдовавшій черезъ всѣ эти обширные аппартаменты до того мѣста, гдѣ сервированъ былъ царскій столъ, отличался особой торжественностью. Дворцовая, поражавшая своимъ величіемъ, обстановка; яркая нарядность многочисленныхъ приглашенныхъ, русскія платья придворныхъ дамъ, то что гостей принимали Хозяева Земли Русской — все это вмѣстѣ взятое, создавало у всѣхъ приглашенныхъ къ царскому столу воистину праздничное настроеніе. Не говоря уже объ изобиліи и кулинарной изысканности обѣденныхъ блюдъ.

Этимъ закончился циклъ Петербургскихъ Романовскихъ торжествъ.

Переходя къ описанію майскихъ юбилейныхъ дней, проведенныхъ мною въ Москвѣ, я прежде всего вспоминаю сильнѣйшее впечатлѣніе, которое произвело на меня появленіе Ихъ Величествъ 24-го мая у Спасскихъ Воротъ и дальнѣйшій проѣздъ царской семьи до Кремлевскаго Дворца.

Высочайшій въѣздъ въ Святая Святыхъ Россійскаго государства происходилъ въ исключительной обстановкѣ. Не Петрозъ столичный градъ, со всѣми его сравнительно недавно выстроенными грандіозными соборами и дворцами, а Москва, съ ея Кремлемъ и исконными святынями, служила фономъ для въѣзда Россійскаго Императора — Николая Александровича Романова со всей его Августѣйшей Семьей, триста лѣтъ спустя послѣ вступленія въ то же Московское святилище юнаго Михаила Ѳеодоровича, чье воцареніе положило конецъ великой смутѣ.

Этотъ историческій московскій фонъ Высочайшаго въѣзда; мѣста, освященныя вѣками; златоглавыя кремлевскія церкви, около которыхъ остановился царскій кортежъ; этотъ гармоничный гулъ московскихъ колоколовъ и торжественная встрѣча Вѣнценосныхъ Романовыхъ у вратъ Успенскаго собора Митрополитомъ въ окруженіи блиставшаго парчей духовенства — все придавало особое значеніе видѣнному мною торжеству и усугубляло силу общаго впечатлѣнія.

Наша дворянская депутація, состоявшая изъ меня и еще двухъ Уѣздныхъ Предводителей — графа М. Н. Толстого и С. А. Сосновскаго, была помѣщена церемоніальными распорядителями въ рядѣ другихъ сословныхъ и иныхъ представителей, расположенныхъ вдоль окраины площади, между дворцомъ и Спасскими воротами. Стоя спиной къ Москвѣ-рѣкѣ, мы могли любоваться всѣмъ происходившимъ. Передъ нашими глазами, во всемъ своемъ величіи и самобытной красотѣ вставалъ угловой массивъ Кремлевскихъ святынь, во главѣ съ возвышавшейся надъ Москвой колокольней Ивана Великаго.

Вечеромъ, въ день прибытія Ихъ Величествъ, пришлось быть очевидцемъ необычайно эффектнаго зрѣлища — грандіозной иллюминаціи всей Бѣлокаменной и, въ особенности, Кремля. Во всѣ дни пребыванія Августѣйшихъ Особъ въ Москвѣ стояла превосходная погода.

На слѣдующій день, т. е. 25-го мая, въ Кремлѣ состоялся торжественный Высочайшій выходъ въ Успенскій Соборъ, сопровождавшійся „краснымъ" звономъ всѣхъ „сорока сороковъ" московскихъ церквей.

При началѣ шествія, въ дворцовой Георгіевской залѣ, Его Величеству благоугодно было принять отъ находившейся тамъ дворянской депутаціи, включавшей въ себѣ всѣхъ Губернскихъ Предводителей, подношеніе — вѣрноподданническую отъ Всероссійскаго дворянства „харатейную" грамоту, въ художественномъ ларцѣ, который такъ же, какъ и грамота, былъ воспроизведенъ въ строгомъ стилѣ XVII вѣка. Грамота была написана на тонкомъ пергаментѣ. Это былъ отдѣланный золотомъ и аквамаринами свитокъ, съ привѣшенными къ нижней его части печатями 50 дворянскихъ губерній. Изъ нихъ двѣ, столичныя, были изъ золота, а остальныя изъ драгоцѣнныхъ уральскихъ камней. Ларецъ былъ изъ литого серебра, изумительно тонко и художественно отдѣланный эмалью и уральскими „самоцвѣтами; по бокамъ виднѣлись изображенія Царя Михаила Ѳеодоровича и его родителей, а на верху, надъ крышкой ларца, красовался Романовскій гербъ въ видѣ крылатаго грифа съ мечомъ и щитомъ въ лапахъ.

Уже во время празднованія Бородинскаго юбилея появ-

леніе Высочайшихъ Особъ восторженно встрѣчалось стоявшимъ на Кремлевской площади народомъ. Но при выходѣ 25-го мая 1913 года Ихъ Величествъ въ сопровожденіи Августѣйшихъ дѣтей изъ Большого Дворца на Красное Крыльцо, я былъ очевидцемъ незабываемой картины еще большаго патріотическаго воодушевленія, захватившаго заполнявшую Кремль и всю Красную площадь народную массу. Сотни тысячъ голосовъ неумолчно повторяли русское „ура", чередовавшееся съ пѣніемъ гимна, оркестровой музыкой и безпрерывнымъ колокольнымъ перезвономъ. Такое всенародное восторженное выраженіе любовныхъ вѣрноподданническихъ чувствъ къ своему Монарху вызывало на лицахъ Государя и Государыни радостное, довольное выраженіе, которое соотвѣтствовало общему праздничному настроенію.

Послѣдующіе дни прошли у Ихъ Величествъ въ объѣздахъ и осмотрахъ всего того, что, такъ или иначе, имѣло связь съ юбилейнымъ чествованіемъ Романовскаго Дома. Безпрерывно представлялись всевозможныя депутаціи. Въ залахъ Большого Кремлевскаго Дворца былъ устроенъ въ Высочайшемъ присутствіи юбилейный парадный обѣдъ. Наканунѣ отбытія изъ Первопрестольной, Ихъ Величества присутствовали на блестящемъ вечернемъ раутѣ, данномъ въ честь Высочайшихъ гостей московскимъ дворянствомъ, причемъ А. Д. Самаринъ былъ пожалованъ Государемъ званіемъ Члена Государственнаго Совѣта и награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени.

На слѣдующій день послѣ дворянскаго раута, всѣ мы, Губернскіе Предводители, совмѣстно съ представителями московскаго дворянства, были осчастливлены особымъ вниманіемъ Государя, пригласившаго насъ къ себѣ на завтракъ, сервированный въ одной изъ залъ Кремлевскаго дворца, выходившей на открытый огромный балконъ-террасу, съ поразительнымъ видомъ на Замоскворѣчье.

Нельзя забыть того неотразимаго обаянія, которое исходило отъ нашего удивительно привѣтливаго Державнаго Хозяина. Простота, ласка и вниманіе, съ одной стороны, трогательная задушевность, съ другой — вотъ что видѣли и ощущали мы въ тотъ счастливый часъ, который провели въ обществѣ нашего Государя... Но время безжалостно шло. Его Величество, видимо, спѣшилъ. Государь пригласилъ насъ на балконъ, чтобъ полюбоваться на прощанье исключительнымъ по красотѣ видомъ... У меня зародилось непреодолимое желаніе навсегда запечатлѣть время, проведенное съ Царемъ на кремлевской, ярко освѣщенной майскимъ солнцемъ, террасѣ... Трудно было ожидать, что когда-нибудь повторится подобный счастливый выпавшій на нашу долю часъ. Я подѣлился своей мечтой съ Самаринымъ, облеченнымъ уже въ Анненскую ленту, но онъ отъ этой мысли отмахнулся, какъ отъ несбыточной... Въ это время Государь проходилъ около меня и, пріостановившись, поднялъ на меня свои чарующіе глаза...

Я не выдержалъ и, поддавшись захватившему меня желанію запечатлѣть наше столь счастливое общеніе съ Царемъ, откровенно обратился къ Его Величеству съ просьбой разрѣшить снять общую фотографическую группу на этомъ балконѣ. Къ несказанной моей и всеобщей радости, Государь изволилъ охотно согласиться, только попросилъ поспѣшить, ввиду предстоявшего ему отбытія въ Петербургъ... Быстро появился придворный фотографъ. Раскинутъ былъ на балконѣ огромный коверъ, Государь занялъ центральное мѣсто, а мы — одни сѣли вокругъ своего Державнаго хозяина, другіе встали сзади и сбоковъ, а нѣкоторые устроились у ногъ Его Величества.

Судьбѣ было угодно, чтобы эта группа — единственная изъ всей моей былой многочисленной коллекціи служебныхъ снимковъ — оказалась теперь при мнѣ, красуясь на видномъ мѣстѣ моего бѣженскаго обиталища. Я переснялъ ее съ фотографіи, хранившейся у П. А. Демидова, бывшаго Волынскаго Губернскаго Предводителя, давняго обитателя Ниццы и собственника дачи, гдѣ много его вещей уцѣлѣло отъ революціоннаго погрома послѣднихъ лѣтъ.

Ежедневно, глядя на эту памятную группу, участники коей, начиная съ Царя-мученика, почти всѣ отошли въ иной міръ, я мысленно переношусь въ отдаленныя времена счастливой нашей россійской жизни, съ ея здоровой творческой общественной работой и пріятной службой, которая временами давала возможность переживать такіе незабываемые моменты, какъ тѣ, которые я только что занесъ въ свои воспоминанія.

117

Въ моей частной жизни 1913-й годъ явился временемъ наибольшаго расцвѣта моихъ хозяйственныхъ начинаній. Дѣла торгово-промышленныхъ предпріятій, въ которыхъ состояла пайщицей моя жена (главнымъ образомъ, Товарищества „Преемникъ А. Губкина — А. Кузнецовъ и Ко"), тоже находились въ блестящемъ положеніи. Приходилось намъ тогда лишь Бога благодарить за всѣ удачи, которыя выпадали на нашу долю.

Особенно радовала меня работа новой Головкинской вальцовой мельницы, которая сразу же за первое полугодіе 1913 года дала ощутительные результаты, полное удовлетвореніе моему дѣловому самолюбію. Она оправдала мои матеріальныя затраты и немалыя личныя хлопоты.

Убѣдившись, что мукомольный механизмъ налаженъ, я принялся осуществлять давно задуманное мною торгово-промышленное дѣло.

Проживая подолгу въ Петербургѣ, я свелъ знакомство съ главными дѣятелями Калашниковской хлѣбной биржи, среди которыхъ особое вниманіе обратилъ я на пользовавших-

ся всеобщимъ уваженіемъ спеціалистовъ по мучной торговлѣ — братьевъ Мельниковыхъ.

Я намѣтилъ себѣ цѣлью весь мучной продуктъ, заготовлявшійся за зиму на Головкинской мельницѣ, по вешней водѣ сплавлять со своей пристани по Маріинской системѣ прямо въ Петербургъ. Въ лицѣ Мельниковыхъ я встрѣтилъ дѣльныхъ и энергичныхъ помощниковъ. Получивъ отъ меня мучныя пробы моего Головкинскаго производства, и отмѣтивъ на биржѣ ихъ доброкачественность, они сразу же дали мнѣ солидный заказъ съ доставкой къ концу мая 1913 года. Они взяли на себя всѣ хлопоты по водному транспортированію закупленной партіи съ моей Головкинской до самой Калашниковской пристани, расположенной на берегу Невы, невдалекѣ отъ Александро-Невской Лавры.

Заключивъ съ ними контрактъ въ началѣ 1913 года, я поспѣшилъ закупить у своихъ сосѣдей нѣсколько партій ржи, которыя и пустилъ, въ дополненіе къ своей, полнымъ ходомъ на размолъ. Къ веснѣ у меня образовалось нужное количество муки, которая вверхъ по Волгѣ, а затѣмъ по Маріинскому каналу была доставлена до самой Калашниковской пристани.

Не безъ нѣкоторой гордости расхаживалъ я по палубѣ разгружавшейся у набережной Невы помѣстительной баржи и смотрѣлъ, какъ изъ ея трюма вытаскивали, заполненные Головкинской мукой мѣшки съ клеймомъ, изображавшимъ мои инициалы въ видѣ оригинальной монограммы.

Вся партія въ 75.000 пудовъ была продана за наличный разсчетъ, давшій мнѣ солидную чистую выручку. На Калашниковской биржѣ всѣ хвалили мою муку и просили доставлять возможно большее количество подобнаго продукта. „Ваше клеймо — заявляли мнѣ биржевые авторитеты — себя зарекомендовало съ наилучшей стороны. Сколько ни пришлете товара съ этимъ клеймомъ, сбытъ ему всегда гарантированъ... Держитесь только одинаковаго качества!...”

Первый успѣхъ меня окрылилъ, и осенью 1913 года я скупилъ крупныя партіи ржи у окрестныхъ помѣщиковъ. Для качества вальцоваго размола огромное значеніе играетъ сортъ зерна, въ данномъ случаѣ — ржи. Въ этомъ отношеніи наша Головкинская округа, благодаря своей илисто-черноземной почвѣ, всегда отличалась исключительной доброкачественностью ржаного зерна, и я, не стѣсняясь въ цѣнѣ, закупалъ у своихъ сосѣдей то, что было мнѣ нужно.

При партіяхъ въ 25 — 50 и болѣе тысячъ пудовъ лишняя копѣйка за пудъ зерна имѣетъ для продавца и покупателя значеніе, но я свободнѣе другихъ могъ ее „наддавать”, благодаря большой экономіи въ доставкѣ моего товара.

Въ то время, какъ мои конкуренты должны были нести рядъ накладныхъ „пристанскихъ” расходовъ, или оплачивать провозъ муки по желѣзнодорожному пути, у меня все это сводилось къ использованію природныхъ преимуществъ. Въ результатѣ, получалась огромная разница: мнѣ стоилъ отъ Головкина до Петербурга провозъ пуда муки, вмѣстѣ со страховкой и причаломъ у Калашниковской пристани — 17 копѣекъ, а бр. Марковымъ, направлявшимъ свой товаръ изъ посада Мелекесса въ тотъ же Петербургъ по желѣзной дорогѣ, транспортъ пуда муки обходился въ 35 коп.! Ясное дѣло, что имъ конкурировать со мной въ этомъ отношеніи было трудно.

За зиму 1913 - 1914 г.г. мною было заготовлено на Головкинской мельницѣ около 250.000 пудовъ продажной муки, да почти такое же количество было размолото крестьянской „мірщины”, съ которой набрано было т. н. „лопаточнаго” сбора въ мою пользу свыше 25.000 пуд. зерна. Послѣ объявленія войны мельница стала работать на интендантство, доброкачественно и регулярно исполняя получавшіеся заказы.

Закончу я свои воспоминанія о моей новой мельницѣ коротенькой справкой. За $2\frac{1}{2}$ года своей работы (1913, — 1915 г.г.) мельница эта полностью себя окупила, давая ежегодно въ среднемъ до 50.000 рублей чистаго дохода. Рабочій сезонъ 1915 — 1916 г.г. закончился почти той же доходной цифрой, а съ конца 1917 года мое родное хозяйственное дѣтище, а съ нимъ и все остальное мое Головкинское имущество, какъ извѣстно, пошли на удовлетвореніе хищныхъ инстинктовъ, по выраженію печальной памяти Керенскаго, — „взбунтовавшихся рабовъ...”

118

Чѣмъ ближе подходилъ къ концу описываемый мною 1913 годъ, тѣмъ все больше и чаще я сталъ задумываться по поводу своей предводительской службы. Въ январѣ 1914 года истекало третье трехлѣтіе моей выборной должности, прошедшей вначалѣ въ исключительно тяжелой обстановкѣ революціоннаго лихолѣтія, потребовавшаго съ моей стороны не мало силъ для борьбы съ дѣятельностью антигосударственныхъ элементовъ.

Затѣмъ времена перемѣнились. Наступило успокоеніе бушевавшихъ людскихъ страстей. Провинціальная жизнь потекла по обычному своему руслу, не требуя ни особаго напряженія воли, ни особыхъ затратъ ума и энергіи, тѣмъ болѣе — какихъ-либо гражданскихъ подвиговъ. Сословныя дѣла въ губерніи за послѣдній періодъ моей службы тоже были налажены успѣшно и не вызывали необходимости частыхъ экстренныхъ собраній. Финансы были упорядочены, дворянскія учрежденія — гимназія, женскій пансіонъ и Аксаковская вотчина — функціонировали отлично. Однимъ словомъ, къ 1913 году мѣстная моя дѣятельность, какъ Губернскаго Предводителя, стала мало-по-малу укладываться въ рамки спокойно-размѣренной работы, потерявшей для меня часть интереса, который я переживалъ въ періодъ острой политической борьбы и творческаго упорядоченія сословныхъ дѣлъ.

Послѣ выборовъ въ четвертую Думу и завершивъ свое представительство на Романовскихъ торжествахъ, я сталъ замѣтно для самого себя тяготиться сравнительно мелочной обстановкой предводительской службы. Меня неудержимо тянуло къ болѣе отвѣтственному и широкому дѣлу, иначе говоря, — къ возможности цѣликомъ сосредоточиться на работѣ по другой выборной моей должности какъ Члена Государственнаго Совѣта.

Мысль оставить предводительство и ликвидировать самарское мое пребываніе приходила мнѣ въ голову и ранѣе. Теперь же она овладѣвала мною все чаще и настойчивѣе, тѣмъ болѣе, что дѣти подрастали и для насъ, родителей, вставалъ очередной вопросъ объ ихъ дальнѣйшемъ обученіи. Особенно заботилъ насъ старшій мальчикъ. Самъ Государь какъ бы подсказалъ ему будущую военную карьеру, и маленькій Сашурка уже преважно носилъ на своей головѣ пажескую фуражку съ краснымъ околышемъ и офицерской кокардой. Но для того, чтобы помѣстить его въ Пажескій корпусъ, надо было и намъ самимъ переѣхать въ сѣверную столицу.

Однако, я не могъ устраивать свою жизнь только по своему хотѣнію; слишкомъ крѣпко былъ я связанъ узами тѣснѣйшей дружбы со своими дворянами и земцами.

Когда я заговаривалъ о своемъ уходѣ изъ предводителей, я всегда слышалъ одинъ и тотъ же вопросъ: „Кто же будетъ вашимъ преемникомъ?" Смущалъ этотъ вопросъ не однихъ моихъ друзей, но и меня самого.

Были среди Самарскаго дворянства люди несомнѣнно достойные занимать эту должность, которымъ я съ легкимъ сердцемъ передалъ бы свои полномочія; но всѣ они, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, отъ этого уклонялись. А тотъ кандидатъ, который явно обнаруживалъ страстное стремленіе попасть на „предводительный" престолъ, не встрѣчалъ среди самарцевъ сочувствія. Такимъ лицомъ былъ Самарскій Уѣздный Предводитель графъ Мстиславъ Николаевичъ Толстой — человѣкъ неглупый и съ общественной жилкой, но чрезвычайно несдержанный, обуреваемый страстями, что не соотвѣтствовало занимаемой имъ должности. При всей моей симпатіи къ нему, какъ къ частному человѣку, я не могъ допустить, чтобы „Стива" Толстой сталъ представителемъ дворянъ всей нашей губерніи.

Какъ ни какъ, а за мое долголѣтнее пребываніе Губернскимъ Предводителемъ, мнѣ удалось на многочисленныхъ всероссійскихъ сословныхъ собраніяхъ и съѣздахъ не только хранить достоинство нашего дворянскаго общества, но и установить его престижъ среди прочихъ дворянствъ Россіи. Ясное дѣло, что передавать въ первыя попавшіяся руки, тѣмъ болѣе — не твердыя все, за много лѣтъ заработанное наслѣдіе, мнѣ не хотѣлось...

Судьба въ концѣ концовъ какъ бы сжалилась надо мною, и незадолго до очередного январскаго Губернскаго Дворянскаго Собранія 1914 года на самарскомъ горизонтѣ впервые появился молодой, статный и красивый князь Александръ Александровичъ Щербатовъ,, крупный мѣстный землевладѣлецъ, сынъ извѣстнаго московскаго старожила и предсѣдателя Сельскохозяйственнаго Общества князя Александра Григорьевича, передавшаго сыну цензовыя полномочія и довѣренность по управленію обширнымъ своимъ имѣніемъ, расположеннымъ на грани Самарскаго и Николаевскаго уѣздовъ.

Молодой Щербатовъ, по своему происхожденію, по рѣдко-изящной и породистой внѣшности и исключительнымъ душевнымъ качествамъ, былъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, природный аристократъ. При первой же нашей съ нимъ встрѣчѣ, я его отъ души полюбилъ и былъ несказанно обрадованъ, услыхавъ про его рѣшеніе „сѣсть на землю" и заняться общественными дѣлами.

Простота и искренность, съ которыми молодой князь излагалъ свои мысли, его горячая заинтересованность мѣстнымъ земскимъ и сословнымъ дѣломъ, усугубляли то прекрасное впечатлѣніе, которое производилъ на меня весь его благородный обликъ. Я сразу подумалъ: — Вотъ идеальный для меня преемникъ!.." Но онъ только что появился среди самарцевъ и, несмотря на общія симпатіи, которыя онъ быстро успѣлъ завоевать среди мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, выставлять его кандидатуру на губернскій постъ представлялось преждевременнымъ. Предварительно я рѣшилъ на предстоявшемъ собраніи провести его въ Николаевскіе Уѣздные Предводители съ тѣмъ, чтобы на послѣдующее трехлѣтіе имѣть его своимъ Губернскимъ Предводителемъ. Подобная перспектива меня успокаивала. Я рѣшилъ даже пожертвовать собою еще на одно трехлѣтіе и вновь баллотироваться въ январѣ 1914 года въ Предводители, съ тѣмъ, чтобы потомъ, въ 1917 году, изъ рукъ въ руки передать свои губернскія полномочія достойнѣйшему своему замѣстителю.

Начало 1914-го года совпало съ участіемъ моимъ въ качествѣ предсѣдателя особо избранной земской депутаціи отъ Самарскаго земства въ юбилейныхъ торжествахъ, происходившихъ въ Петербургѣ съ 7 - 11 января по поводу пятидесятилѣтія существованія Земскихъ Учрежденій.

Начались земскія торжества съ церковныхъ богослуженій. Сначала была отслужена панихида въ Петропавловскомъ Соборѣ по Царѣ Александрѣ II, какъ основателѣ Россійскаго Земства, съ возложеніемъ на его мраморную надгробную плиту серебрянаго вѣнка въ видѣ пальмовой вѣтви отъ всѣхъ Земствъ Имперіи. Затѣмъ отслужили молебствіе въ Казанскомъ Соборѣ.

8-го января 1914-го года въ залахъ Зимняго Дворца состоялся Высочайшій пріемъ представителей юбилейной земской депутаціи, поднесшей Ихъ Величествамъ, отъ лица всѣхъ земствъ Россіи, хлѣбъ-соль на роскошномъ серебряномъ блюдѣ, а Наслѣднику Цесаревичу — особый подарокъ, художест-

венно исполненный кустарями московскаго земства, миніатюрный деревянный хуторокъ.

Начиная съ 8-го января и до 11-го января, происходилъ безпрерывный рядъ торжественныхъ собраній и оффиціальныхъ раутовъ — то въ сравнительно скромныхъ помѣщеніяхъ Земскихъ Управъ, то въ пріемныхъ аппартаментахъ зданія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, то въ великолѣпно убранныхъ парадныхъ залахъ Петербургскаго Дворянскаго Собранія, гдѣ Его Величество вновь удостоилъ своимъ милостивымъ вниманіемъ земскихъ людей, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ обширной страны.

На всѣхъ этихъ юбилейныхъ празднествахъ среди многочисленныхъ земскихъ представителей ощущалась необыкновенная приподнятость настроенія, безусловно лишеннаго какой-либо политической окраски, тѣмъ болѣе оппозиціонности... Всѣ искренне и горячо выражали Державному Хозяину чувства вѣрноподданической Ему преданности и любви, на что каждый разъ изъ устъ Государя слышался высокомилостивый отвѣтъ, съ изъявленіемъ благодарности и надежды на энергичное сотрудничество земскихъ людей въ общемъ строительствѣ государственнаго благополучія Россіи.

Чествованіе пятидесятилѣтія Земскихъ Учрежденій закончило циклъ юбилейныхъ торжествъ 1912 - 1914 годовъ. Мысленно обнимая ихъ общую картину и сопоставляя ихъ съ послѣдующимъ ходомъ россійской государственной жизни, приходишь невольно къ неутѣшительному выводу объ измѣнчивости людскихъ настроеній и непостоянствѣ народныхъ симпатій...

Вся та монархическая „беззавѣтная преданность", проявленіе которой Царь съ Царицей видѣли и слышали вокругъ себя въ обстановкѣ юбилейныхъ торжествъ, которое еще сильнѣе и шире повторилось при объявленіи и начальномъ періодѣ Великой войны 1914-го года, все это въ 1917 году не только рѣзко, но роковымъ образомъ превратилось въ совершенно противоположное настроеніе. Тысячи разъ упоминавшіяся въ обращеніяхъ къ Ихъ Величествамъ слова „беззавѣтная преданность" замѣнились беззавѣтнымъ... предательствомъ. Говорю „предательствомъ" потому, что исходило оно не отъ группъ, и ранѣе враждебныхъ престолу царскому, а отъ того вѣрноподданнически законо-послушнаго элемента, который по своему положенію и данной присягѣ долженъ былъ бы служить наиболѣе надежной опорой Россійскаго Императорскаго Трона.

Въ февральскіе дни вспыхнувшаго въ 1917 году въ Петроградѣ военнаго бунта, Предсѣдатель Государственной Думы, подъ вліяніемъ политиканствовашихъ столичныхъ сферъ, очевидно, забылъ про сказанныя имъ своему Императору отъ лица всей Государственной Думы въ дни Романовскихъ празднествъ слова, въ которыхъ онъ торжественно признавалъ тождество интересовъ Царя и русскаго народа... Заставляя Го-

сударя Николая Александровича отречься отъ Престола, Родзянко, можетъ быть, и самъ того не вѣдая, принесъ въ жертву интересы стомилліоннаго русскаго народа и десятимилліонной Императорской арміи въ угоду сравнительно небольшой кучкѣ политикановъ, которые изъ-за деревьевъ не видали могучей громады лѣса.

Вслѣдъ за Родзянко и его политическимъ окруженіемъ, началось чисто стихійное отступничество отъ Царя всего, что ранѣе считалось наиболѣе вѣрноподданымъ и близкимъ къ „священной особѣ Государя" элементомъ... Начиная съ членовъ Императорскаго Дома, большинства свитскихъ и придворныхъ, и кончая находившимися въ столицѣ запасными гвардейскими частями, — всѣ спѣшили отрекаться отъ вѣрности и „беззавѣтной преданности"...

За послѣднее время царствованія Императора Николая Александровича, несомнѣнно, было немало причинъ и поводовъ для недовольства тѣхъ или другихъ слоевъ населенія. Все же то, что произошло такъ стремительно въ отношеніи къ Царю его наиболѣе видныхъ и близкихъ сотрудниковъ, а за ними и остальной массы „вѣрноподданныхъ" — остается для меня и по сіе время загадочно-необъяснимымъ. Явленіе это приходится отнести къ области массоваго психоза, который въ исторіи человѣчества нерѣдко служилъ причиною фатальнаго непостоянства народныхъ массъ.

Все же я считаю, что главные виновники, создавшіе атмосферу стихійной ненависти къ личности Царя, несутъ тяжкую историческую отвѣтственность передъ былой русской государственностью и всѣмъ русскимъ народомъ. Невзирая на исключительно сложное время, въ которомъ, въ началѣ 1917-го года, находилась Россія, готовившаяся произвести послѣднее рѣшающее усиліе для доведенія затянувшейся безпримѣрнотяжкой войны до побѣднаго конца, вдохновители переворота, съ Родзянко во главѣ, слѣпо, съ общегосударственной точки зрѣнія преступно-легкомысленно, поддались царившей въ столицѣ общей нервности, подогрѣваемой личной враждебностью Александра Гучкова къ Государю, безотвѣтственнымъ фразерствомъ Милюкова и думскими выкриками истеричнаго Пуришкевича. Народная и боевая фронтовая масса отъ всего этого нараставшаго губительнаго политическаго экстаза, въ огромномъ своемъ большинствѣ, вначалѣ стояла въ сторонѣ...

Недавнія юбилейныя завѣренія, что въ минуту государственной опасности думцы, какъ и всѣ русскіе люди, всѣмъ пожертвуютъ для блага Царя и Родины, еще въ началѣ 1916-го года, при посѣщеніи Государемъ Таврическаго Дворца, повторялъ и Родзянко, а въ самый критическій моментъ жизни государства все это привело къ неожиданному для русской арміи и народа концу. Изъ рукъ довѣрчиваго Царя узкіе, бездарные политиканы, якобы во имя блага русскаго народа, исторгли Императорскій стягъ, подъ сѣнью котораго народъ

и войско сплачивались съ ихъ Вѣнценоснымъ Верховнымъ Вождемъ.

Царя въ Россіи не стало. Его вскорѣ замѣнилъ соціалъ-революцонный фанфаронъ Керенскій, съ краснымъ флажкомъ, вмѣсто царскаго знамени, и общипаннымъ орленкомъ, вмѣсто Государственнаго Всероссійскаго герба. Обезглавленной страной завладѣла сатанинская рать большевистскихъ заправилъ. А мы, лишенные родины и кровнаго добра, вкупѣ съ палачами россійскаго царизма, испытываемъ всѣ прелести бѣженскаго существованія. Проживая съ 1918 по 1920 годъ въ Крыму, нерѣдко слышалъ я изъ устъ деревенскихъ обывателей знаменательныя слова:

— Не народъ, — говорили они, —уничтожилъ Царя, а господа, — съ чѣмъ приходилось невольно соглашаться.

119

Отбывъ земскія юбилейныя торжества, я вынужденъ былъ спѣшно вернуться въ Самару къ открытію Дворянскаго Губернскаго очередного собранія, на которомъ я былъ по-прежнему дружно переизбранъ Губернскимъ Предводителемъ на новое, четвертое по счету, трехлѣтіе, оказавшееся для меня не только послѣднимъ, но и, до истеченія его срока, прерваннымъ. Въ ноябрѣ 1915 года послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи меня Министромъ Земледѣлія, и мнѣ пришлось сложить мои предводительскія полномочія.

На дворянскомъ собраніи былъ единогласно избранъ въ Николаевскомъ уѣздѣ князь А. А. Щербатовъ, который съ необыкновенной горячностью весь отдался работѣ предводителя.

Въ своей расцѣнкѣ Щербатова я не ошибся: князь оказался во всѣхъ отношеніяхъ идеальнымъ Уѣзднымъ Предводителемъ. Онъ умѣлъ одинаково просто и дѣловито говорить со всѣми слоями населенія руководимаго имъ уѣзда, вникалъ во всѣ детали общественно-хозяйственной жизни, и вскорѣ пріобрѣлъ въ своемъ уѣздѣ всеобщую симпатію.

На этомъ январскомъ очередномъ собраніи, на которомъ, между прочимъ, мнѣ впервые пришлось появиться среди своихъ дворянъ при звѣздѣ и Станиславской лентѣ, было постановлено, въ честь трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ, наименовать Самарскій дворянскій женскій пансіонъ-пріютъ и основанную нашимъ дворянствомъ вторую Самарскую мужскую гимназію — „Романовскими".

Тотчасъ же вслѣдъ за дворянскимъ было проведено мною Губернское Земское Собраніе, на которомъ надо было окончательно установить порядокъ празднованія въ Самарѣ земскаго юбилея, приходившагося на нашу губернію въ слѣдующемъ 1915 году, на который было отнесено и открытіе юбилейной земской выставки.

Оба упомянутыя собранія отняли у меня около мѣсяца времени. Шелъ уже февраль. Открывалась въ г. Симбирскѣ „сборная" ярмарка. Необходимо было спѣшить въ Головкино, гдѣ хозяйственные, главнымъ образомъ мельничные, обороты принимали широкіе размеры и требовали моего личнаго присутствія. Поэтому, по окончаніи Самарскихъ общественныхъ дѣлъ, я поспѣшилъ въ Симбирскъ, гдѣ, благодаря ярмарочному времени, я нашелъ въ сборѣ всѣхъ нужныхъ мнѣ лицъ.

Наладивъ и обновивъ административно-хозяйственный аппаратъ, я долженъ былъ изъ Головкина спѣшить въ Петербургъ для участія въ занятіяхъ Государственнаго Совѣта.

Отсутствуя, временами подолгу, изъ столицы, я естественно терялъ необходимую связь съ дѣятельностью, происходившей въ стѣнахъ Маріинскаго Дворца и требовавшей постояннаго участія не только на общихъ собраніяхъ Государственнаго Совѣта, но и въ его комиссіяхъ. Въ результатѣ такого ненормальнаго положенія вещей, я сталъ замѣчать за собою не столько охлажденіе къ законодательной дѣятельности, а скорѣе сознаніе вынужденной отчужденности отъ моихъ коллегъ, имѣвшихъ возможность непрерывно заниматься отвѣтственнымъ дѣломъ широкаго государственнаго значенія. Рѣдко появляясь между ними, и участвуя лишь въ общихъ баллотировкахъ, я чувствовалъ себя какъ бы въ сторонѣ отъ общей дѣловой жизни верхней палаты, и это сознаніе начинало меня серьезно угнетать...

Появленіе на самарскомъ горизонтѣ князя А. А. Щербатова, развязывало мнѣ, наконецъ, руки и давало возможность разсчитывать въ ближайшемъ будущемъ на болѣе благопріятныя условія для участія моего въ работахъ Государственнаго Совѣта.

Въ связи съ этимъ возникалъ довольно сложный вопросъ о переѣздѣ въ Петербургъ моей семьи. Я лично жилъ въ столицѣ въ покойой и беззаботной обстановкѣ гостиничнаго комфорта, но я счелъ своевременнымъ ознакомиться съ условіями петербургской семейно-домашней жизни, разузнать о наймѣ квартиръ и не торопясь присматриваться къ домамъ, главнымъ образомъ — къ особнякамъ.

Расторопный комиссіонеръ, маленькій, черненькій А. Н. Аграновъ устроилъ мнѣ осмотръ дома на Англійской набережной около Николаевскаго моста. Это былъ двухэтажный, съ мезаниномъ, особнякъ, принадлежавшій супругѣ С. П. фонъ-Дервизъ. Раньше онъ сдавался въ наемъ бельгійской миссіи, а затѣмъ Великому Князю Петру Николаевичу.

Обойдя всѣ удивительно симпатичныя по размѣрамъ и съ большимъ вкусомъ отдѣланныя комнаты, я сразу же заинтересовался. Домъ, по своей внутренней распланировкѣ, представлялъ для моей многочисленной семьи и меня самого большія удобства.

Особенно меня прельстилъ видъ съ балкона на Неву и на

простиравшуюся по обѣ ея стороны чарующую даль... При взглядѣ на полноводную рѣку, глазамъ представлялся съ одной стороны рядъ стройныхъ зданій, растянувшихся вдоль величественной набережной. Виднѣлся Зимній Дворецъ, Петропавловскій шпицъ, оригинальные контуры Василеостровскихъ общественно-государственныхъ строеній. Съ другой стороны балкона раскрывалась родная для моего волжскаго сердца картина причаленныхъ вдоль широкой красавицы-Невы всевозможныхъ судовъ и пароходовъ, вокругъ которыхъ сновали моторные катера. Почти рядомъ съ Дервизовскимъ домомъ, выдѣлялась своими фигурными очертаніями нарядная Царская пристань. Какъ разъ въ моментъ моего выхода на балконъ около нея стояла блестѣвшая на солнышкѣ Императорская яхта.

Тогда же я познакомился съ хозяйкой особняка — симпатичной Любовью Александровной фон-Дервизъ и ея почтенной матерью — небольшой, еще бодрой и видимо хозяйственно-смышленой старушкой. Я попросилъ у хозяекъ разрѣшеніе на повторныя посѣщенія ихъ особняка для болѣе детальнаго съ нимъ ознакомленія, а главное, чтобы осмотрѣть его съ женой, пріѣзда которой изъ Самары я ожидалъ со дня на день.

Чѣмъ чаще я бывалъ въ этомъ домѣ, носившемъ на себѣ отпечатокъ строгаго аристократическаго вкуса, тѣмъ сильнѣе я имъ очаровывался, и тѣмъ крѣпче я осваивался съ мыслью въ немъ окончательно обосноваться. Мнѣ все въ немъ нравилось, начиная съ художественной отдѣлки изъ орѣха и моренаго дуба нѣкоторыхъ его комнатъ, элегантно убранной въ стилѣ Людовика 15-го гостиной, съ вдѣланными въ ея стѣнахъ большими пано кисти Айвазовскаго, и кончая близостью Невы и всей ея судоходной жизни. Послѣднее обстоятельство, кажется, превалировало надъ всѣми остальными привлекательными сторонами Дервизовскаго особняка: вѣдь съ самаго дѣтства я обожалъ водную стихію и всегда искалъ ея близости.

Было начало мая, когда пріѣхала въ Петербургъ жена, и я первымъ долгомъ поспѣшилъ показать ей Дервизовскій особнякъ. Стояла чудная погода. Рѣдко показывавшееся на обычно туманно-облачномъ небѣ сѣверной столицы солнышко заливало въ тотъ день яркимъ свѣтомъ могучую Неву, придавая особую красочную парадность вытянувшимся въ многоверстныя линіи ея стройнымъ, наряднымъ и разноименнымъ „набережнымъ"...

Для завершенія обхода Дервизовскаго особняка, я провелъ Анюту изъ гостиной на балконъ и показалъ на развернувшійся передъ ней чудесный по шири и красотѣ своей видъ.

Мы тогда же рѣшили пріобрѣсти столь понравившійся намъ обоимъ Дервизовскій особнякъ. Агранову было поручено приступить къ переговорамъ съ владѣльцами, а своего земляка — самарскаго депутата А. И. Ковзана, хозяйственность котораго была мнѣ хорошо извѣстна, я просилъ взять

на себя трудъ, совмѣстно съ архитекторомъ, обстоятельно осмотрѣть все продаваемое имущество и о результатѣ подобнаго обслѣдованія сообщить мнѣ по возможности незамедлительно.

Самъ я вынужденъ былъ покинуть столицу и спѣшно выѣхать для леченія въ Виши, куда меня настойчивымъ образомъ высылалъ мой врачъ Щуровскій. Но передъ этимъ со мной произошло курьезное происшествіе. Я проходилъ по Гороховой улицѣ и на одной изъ домовыхъ дверей я случайно глазами наткнулся на небольшую металлическую дощечку съ надписью: „Гадалка-Хиромантка". Совершенно неожиданно для самого себя, въ первый и единственный разъ въ моей жизни, я очутился въ пріемной профессіоналки-гадалки, куда меня проводила отворившая „парадную" дверь среднихъ лѣтъ скромнаго вида прислужница. Когда я очутился одинъ въ этой необычной для меня обстановкѣ — я вдругъ почувствовалъ такой стыдъ за свое мальчишески-легкомысленное поведеніе, что вскочилъ и опрометью бросился къ выходной двери. Но передъ ней, откуда ни возьмись очутилась немолодая женщина съ удивительно симпатичной привѣтливой физіономіей, сохранившей слѣды былой незаурядной красоты.

Улыбнувшись мнѣ, гадалка провела меня въ небольшую комнатку, посадила меня около себя, противъ оконнаго свѣта, сначала пристально всматривалась въ мое лицо и затѣмъ взяла мои обѣ руки ладонями кверху, а черезъ нѣкоторое время твердымъ и увѣреннымъ голосомъ промолвила: „Ваша жизнь была полна немалыхъ волненій. Берегите себя. Совѣтую самымъ срочнымъ образомъ обратить вниманіе на свое здоровье. Вамъ слѣдуетъ начать серьезное леченіе — боюсь за состояніе вашего сердца и печени. Впереди вамъ предстоятъ немалыя испытанія и огромные труды, но имя ваше будетъ извѣстно по всей странѣ. Избѣгайте лести и всяческихъ соблазновъ. Остерегайтесь совѣтовъ и въ особенности одного. Свою подпись давайте съ большой осмотрительностью. Да хранитъ васъ Господь!"... Вотъ все, что я отъ хиромантки выслушалъ и къ ея пророчествамъ и совѣтамъ отнесся опредѣленно скептически...

Но впослѣдствіи ея слова воскресали въ моей памяти. Они совпадали со многимъ, что мнѣ на моемъ жизненномъ пути пришлось испытать.

Весь трехнедѣльный курсъ леченія въ многолюдномъ и превосходно оборудованномъ курортѣ прошелъ для меня быстро и незамѣтно, благодаря строго размѣренной врачебнымъ режимомъ жизни, проходившей между утренними гимнастическими сеансами, славившимися въ Виши массажами „sous l'eau" и многократнымъ въ теченіе дня питьемъ воды изъ всемірно-извѣстныхъ источниковъ: „Hôpital", „Grande Grille" и „Chomel".

Въ общемъ, пребываніе наше въ Виши оставило по себѣ наилучшее воспоминаніе. Дѣйствительно, курорт этотъ мож-

но было назвать во всѣхъ отношеніяхъ образцово-благоустроеннымъ.

Проживали мы въ „Карлтонѣ" — одной изъ лучшихъ гостиницъ, въ которой остановилась также семья Струковыхъ, состоявшая изъ отца, Ананія Петровича, — члена Государственнаго Совѣта, его супруги — Ольги Александровны и младшей ихъ дочери Александры, или „Дины", какъ звали ее родители.

Часто видаясь съ Ананіемъ Петровичемъ и бесѣдуя съ нимъ на разныя темы, я, за сравнительно краткій періодъ нашего совмѣстнаго съ нимъ пребыванія на курортѣ, вынужденъ былъ во многомъ измѣнить свой взглядъ на него, ранѣе казавшагося мнѣ холоднымъ и излишне-сдержаннымъ человѣкомъ. Подъ замкнутой, и даже слегка какъ бы надменной, внѣшностью, у Струкова оказалось доброе отзывчивое сердце, преисполненное самымъ благожелательнымъ отношеніемъ къ тѣмъ, кого онъ ближе зналъ.

Узнавъ, что мы остановились выборомъ на Дервизовскомъ особнякѣ, хорошо ему извѣстномъ, Струковъ горячо привѣтствовалъ наше рѣшеніе, считая это имущество во всѣхъ отношеніяхъ цѣннымъ и подходящимъ для нашей столичной жизни.

Изъ Петербурга я получилъ отъ Ковзана и архитектора наилучшіе отзывы о состояніи продаваемаго имущества, и это, въ связи съ тѣмъ, что я слышалъ отъ Струкова, побудило меня телеграфировать нашему довѣренному, чтобы онъ скорѣе оформилъ запродажную и внесъ продавщицѣ задатокъ. Спѣшное мое распоряженіе Ананій Петровичъ одобрилъ, такъ какъ считалъ продажную цѣну, 425.000 руб., низкой. По его мнѣнію возможно было опасаться перекупки этого имущества другими лицами за болѣе высокую плату.

Такимъ образомъ, пребываніе наше въ Виши ознаменовалось крупнымъ для насъ событіемъ — пріобрѣтеніемъ извѣстнаго многимъ петербуржцамъ чуднаго Дервизовскаго особняка со всей почти его обстановкой и помѣстительнымъ подваломъ, заполненнымъ рѣдкимъ ассортиментомъ превосходныхъ винъ.

Телеграфное извѣщеніе Семенова о совершеніи запродажной сдѣлки застало насъ еще въ Виши. Устроили мы по этому поводу совмѣстно со Струковыми скромный семейный фестиваль, на которомъ Ананій Петровичъ мнѣ, къ немалому моему удивленію, предсказалъ мою министерскую будущность. Я объ этомъ вспомнилъ, лишь когда сталъ именоваться министромъ..

Пишу — „къ немалому моему удивленію" потому, что до нашего со Струковымъ болѣе близкаго взаимнаго ознакомленія въ условіяхъ курортнаго общенія, я предполагалъ, что у него скорѣе отрицательное мнѣніе обо мнѣ, въ силу прошлыхъ съ нимъ расхожденій во взглядахъ по нѣкоторымъ вопросамъ сословнаго характера

Особенно остро сказалось наше разномысліе и проявилось его ко мнѣ недружелюбное отношеніе, когда мною была подана въ Совѣтъ Объединеннаго Дворянства, въ то время собиравшійся уже подъ предсѣдательствомъ Струкова, докладная записка, въ которой я предлагалъ возбудить вопросъ о нѣкоторомъ измѣненіи порядка возбужденія ходатайствъ о Высочайшемъ пожалованіи званія потомственнаго дворянства. Я настаивалъ на предоставленіи иниціативы также Собранію г. г. Предводителей и Депутатовъ. Близко зная мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, они могли бы лицъ не дворянскаго происхожденія въ воздаяніе особыхъ заслугъ предлагать въ качествѣ своихъ кандидатовъ на Высочайшее усмотрѣніе, ходатайствуя передъ Его Величествомъ о пожалованіи имъ дворянскаго достоинства.

Мнѣ не разъ приходила въ голову эта мысль послѣ благополучнаго исхода революціоннаго лихолѣтья 1905-1906 г.г., когда на фонѣ Самарской взбаламученной жизни многіе мѣстные землевладѣльцы не дворяне вели себя такъ доблестно, проявили столько самоотверженнаго патріотизма и гражданскаго мужества, что всѣмъ намъ, мѣстнымъ дворянамъ, работавшимъ бокъ о бокъ съ упомянутыми иносословными лицами, хотѣлось включить ихъ въ свою корпоративную семью. Вопросъ этотъ нерѣдко поднимался за нашимъ депутатскимъ столомъ, но какъ это ни странно — Екатерининскій законъ давалъ Собранію Предводителей и Депутатовъ всѣ права на возбужденіе вопроса объ исключеніи дворянина изъ даннаго дворянскаго общества, но не допускалъ возможности ходатайствовать передъ Верховной Властью о пожалованіи дворянскимъ званіемъ того или другого изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ хотя бы единогласно признаннаго всѣми предводителями и депутатами достойнымъ подобнаго Высочайшаго награжденія. Межъ тѣмъ, на мой взглядъ и по мнѣнію моихъ сотрудниковъ, нужны были радикальныя мѣры для поддержанія и укрѣпленія сословія. Начать съ того, что тѣ два милліона десятинъ земли, которые являлись основой сословнаго обложенія при образованіи Самарской губерніи, къ 1905 году убавились на половину, а послѣ революціонныхъ лѣтъ 1905-1906, со всѣми ихъ аграрными ужасами, послѣдующей дѣятельности Крестьянскаго Банка и вообще всей антидворянской финансово-земельной политикой Витте — въ распоряженіи самарскаго сословнаго общества оставалось не болѣе полумилліона десятинъ. Я, какъ и всѣ мои сотрудники, заинтересованъ былъ не только приливомъ свѣжихъ энергичныхъ личныхъ силъ въ нашу дворянскую среду, но и включеніемъ земельныхъ угодій новопожалованныхъ Высочайшей властью дворянъ въ общій составъ означеннаго фонда, являвшагося основнымъ источникомъ сословныхъ сборовъ. Если бы на верху были приняты во вниманіе выдающіяся заслуги многихъ изъ тѣхъ самарцевъ - не дворянъ, о которыхъ я въ своихъ запискахъ упоминалъ, если бы Верховной Властью имъ было пожаловано дворянское званіе, — наше самарскіе сослов-

ное общество пріобрѣло бы въ свою среду не только дѣльныхъ сочленовъ, но и значительную площадь ихъ земельнаго имущества, столь необходимую для поддержанія дѣятельности мѣстныхъ дворянскихъ учрежденій.

Надо сказать, что среди общероссійскаго сословнаго представительства я встрѣтилъ широкое сочувствіе, и къ моей подписи присоединилось немало авторитетныхъ дворянскихъ именъ. Но въ то же время противъ меня горячо ополчились инакомыслившіе дворяне, среди которыхъ главными моими противниками оказались: мой же самарецъ и предшественникъ по предводительству А. А. Чемодуровъ и самъ Предсѣдатель Совѣта А. П. Струковъ, бросившій мнѣ однажды такую фразу:

— Вы вашимъ проектомъ хотите взорвать не только священный для насъ государственный консерватизмъ, но затрагиваете даже сущность прерогативъ Верховной Власти, которой по основнымъ законамъ принадлежитъ исключительное право единолично рѣшать вопросъ о возведеніи въ дворянское достоинство...

Когда же я ему и его единомышленникамъ принимался доказывать, что я отнюдь не имѣлъ въ виду чѣмъ-либо умалять полноту власти короны, а намѣревался лишь придти на помощь самому Государю въ дѣлѣ распознанія лицъ, дѣйствительно заслуживающихъ быть награжденными по Его Высочайшему соизволенію дворянскимъ достоинствомъ, — Струковъ отъ меня сердито отворачивался и жаловался на меня Чемодурову: — Какъ вы допускаете выборы такого либеральнаго Предводителя?! — На что почтенный мой предшественникъ, нервно скидывая пенснэ со своей широкой переносицы, вздыхалъ и приговаривалъ: — Всему виной его молодость! Охъ, эта молодость!

Помимо этого, тотъ же Ананій Петровичъ, будучи взыскательнымъ и, пожалуй, до извѣстной степени нетерпимымъ политическимъ дѣятелемъ, видимо, плохо переваривалъ мой отходъ отъ его правой группы къ правому центру.

Все это вмѣстѣ взятое создавало во мнѣ увѣренность, что Струковъ, по своимъ политическимъ взглядамъ, врядъ ли могъ относиться къ моей общественно-государственной дѣятельности благожелательно. И вдругъ, въ Виши, послѣ частыхъ нашихъ откровенныхъ собесѣдованій, я услыхалъ отъ сдержаннаго Ананія Петровича слова, которыя привели меня въ нѣкоторое смущеніе и удивленіе... Сущность этихъ словъ сводилась къ тому, что, по убѣжденію Струкова, въ будущемъ меня ожидаетъ видная государственная дѣятельность...

120

Мнѣ оставалось продѣлать въ Виши послѣдній массажъ и допить положенное количество лечебной воды, послѣ чего мы собирались провести еще недѣлю въ Остендэ, какъ вдругъ въ газетахъ появилось сенсаціонное сообщеніе объ убійствѣ 15-го іюня въ Сараевѣ Наслѣдника Австрійской короны, Эрцгерцога Франца-Фердинанда.

Вѣсть эта, какъ громомъ всѣхъ поразила, а насъ, русскихъ, заставила сильно призадуматься. Слово „война" еще не было произнесено, но думы о ней, несомнѣнно, у большинства курортной публики возникали.

Лично же у меня зародилось тогда настолько опредѣленное предчувствіе, что я еле кончилъ курсъ леченія, твердо рѣшивъ срочно вернуться къ себѣ на родину и тамъ ожидать дальнѣйшихъ событій.

Я оказался правъ, а многіе русскіе, смотрѣвшіе болѣе оптимистично на послѣдствія сараевскаго убійства, за это поплатились, испытавъ тяжесть плѣна или рядъ непріятныхъ осложненій, включая круговое обратное путешествіе домой, въ Россію, черезъ сѣверныя страны.

20-го іюня мы съ женой съ облегченнымъ сердцемъ перевалили германо-россійскую границу, на которой бросались въ глаза общая нервность и необычныя строгости при осмотрѣ багажа. Стоявшая въ то время знойная удушливая погода и окутывавшая нашъ поѣздъ ѣдкая мгла отъ горѣвшихъ почти по всему пути торфяныхъ болотъ соотвѣтствовали нашему угнетенному настроенію, растущему сознанію неизбѣжности тяжкихъ осложненій.

Но въ груди каждаго изъ насъ еще теплилась надежда на возможность мирнаго разрѣшенія прискорбнаго сараевскаго инцидента. Утромъ, 21-го іюня, мы добрались, наконецъ, до сѣверной столицы и нашей Европейской гостиницы, гдѣ у меня имѣлся постоянный номеръ.

Первымъ долгомъ, я принялся разбирать накопившуюся почту. Мнѣ бросилась въ глаза повѣстка, извѣщавшая о созывѣ на 21-ое іюня, какъ разъ на день нашего пріѣзда, Общаго Собранія Государственнаго Совѣта. Однимъ изъ вопросовъ, стоявшихъ на повѣсткѣ, былъ докладъ Финансовой Комиссіи по поводу открытія въ Самарѣ Политехническаго Института.

Прочтя это, я, какъ ужаленный, вскочилъ, смылъ и стряхнулъ съ себя дорожную пыль и бросился опрометью въ Маріинскій Дворецъ.

Не успѣлъ я подняться по парадной лѣстницѣ, какъ навстрѣчу мнѣ попался Филиппъ Антоновичъ Ивановъ — выборный членъ Верхней Палаты отъ группъ уральскихъ горнопромышленниковъ. Онъ, одновременно со мною, возбудилъ ходатайство объ открытіи высшаго учебнаго заведенія въ его родномъ Екатеринбургѣ. Судьба этого ходатайства была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ разсмотрѣніемъ дѣла объ основаніи въ Самарѣ Политехникума. Ивановъ искренне обрадовался моему возвращенію . Часа черезъ два должны были слушаться въ Общемъ Собраніи заключенія Финансовой Комис-

сіи по интересовавшимъ насъ вопросамъ, составленныя, по его словамъ, въ отрицательномъ смыслѣ.

Ф. А. Ивановъ былъ незаурядный членъ Государственнаго Совѣта. Въ ранней молодости — простой горнорабочій на уральскихъ пріискахъ, выдвинувшійся потомъ въ разрядъ приказщиковъ, затѣмъ — довѣренныхъ, Ивановъ использовалъ щедрость своего патрона, и на его счетъ отправился въ Германію, а затѣмъ въ Англію, гдѣ окончилъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи по горно-инженерной спеціальности. Вернувшись обратно къ себѣ на Уралъ, Ивановъ занялъ мѣсто главнаго директора-распорядителя, а потомъ сталъ крупнымъ участникомъ ряда горнопромышленныхъ предпріятій.

Отъ Иванова я узналъ, что главнымъ виновникомъ провала нашихъ ходатайствъ являлся мой бывшій профессоръ Н. А. Звѣревъ, съ которымъ заодно дѣйствовали бывшій Министръ Народнаго Просвѣщенія А. Н. Шварцъ и вся, входившая въ составъ Финансовой Комиссіи, группа правыхъ. Мотивъ ихъ противодѣйствія заключался въ боязни новыхъ разсадниковъ революціонной молодежи.

По словамъ Иванова, передававшаго мнѣ всѣ эти подробности, странную роль игралъ при обсужденіи нашихъ ходатайствъ и бывшій Министръ Торговли В. И. Тимирязевъ, все время поддакивавшій выступленіямъ г.г. Звѣревыхъ и Ко. Это оказало рѣшающее вліяніе на баллотировку.

— Если бы Тимирязевъ сталъ за насъ — добавилъ съ горечью въ голосѣ Ивановъ, — дѣло было бы выиграно!... Разъ вы здѣсь, прибѣгнемъ общими усиліями къ послѣднему спасительному для насъ средству: уговоримъ членовъ Финансовой Комиссіи, главнымъ же образомъ — ея Предсѣдателя, почтеннаго фонъ-Экеспарре, и В. А. Тимирязева — отложить обсужденіе нашихъ ходатайствъ до слѣдующаго засѣданія.

Я бросился искать среди своихъ коллегъ нужныхъ мнѣ лицъ, и столкнулся съ П. Н. Дурново, съ которымъ мнѣ удалось обстоятельно переговорить. Видимо, я, въ концѣ концовъ, сумѣлъ убѣдить его въ необходимости для нашего хлѣбнаго Поволжья имѣть свѣдущихъ спеціалистовъ по агрономіи и коммерціи, и въ цѣлесообразности децентрализаціи высшихъ учебныхъ заведеній въ провинціальные города, ради огражденія молодежи отъ всяческихъ столичныхъ, въ томъ числѣ и революціонныхъ соблазновъ. Заручившись согласіемъ столь авторитетнаго члена группы правыхъ, какимъ являлся Дурново, я сталъ смѣло говорить съ Тимирязевымъ и Экеспарре.

Услыхавъ, что Дурново склоненъ меня поддержать, Предсѣдатель Финансовой Комиссіи обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе. Онъ рѣшилъ переговорить съ докладчикомъ Шварцемъ и предсѣдательствовавшимъ на Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта И. Я. Голубевымъ.

За всѣми этими дѣловыми бесѣдами прошло немало времени, и, усѣвшись, въ концѣ концовъ, на свое кресло, я сталъ съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ожидать исхода моихъ горячихъ и настойчивыхъ уговоровъ. Наконецъ, на кафедру поднимается Шварцъ и обращается къ собранію съ просьбой отложить вопросъ объ открытіи въ Самарѣ Политехническаго Института до ближайшаго засѣданія. Члены собранія на это согласились.

Внѣ себя отъ радости, я поспѣшилъ горячо поблагодарить отзывчиваго Экеспарре, который меня просилъ въ тотъ же день придти на засѣданіе Финансовой Комиссіи, для участія въ обсужденіи вопроса, связаннаго съ открытіемъ въ Самарѣ Политехническаго Института. Вечеромъ я, въ качествѣ „особо приглашеннаго Предсѣдателемъ свѣдущаго лица", сидѣлъ среди членовъ Финансовой Комиссіи въ одной изъ боковыхъ залъ Маріинскаго Дворца.

Послѣ докладчика, объяснившаго, что обсужденіе самарскаго ходатайства было отложено, чтобы выслушать отъ представителя Самарскаго Земства все относившееся къ этому дѣлу, первымъ попросилъ слово бывшій мой профессоръ Звѣревъ, ранѣе, въ стѣнахъ университета, проповѣдывавшій торжество свободы человѣческаго духа, нынѣ же явившійся идейнымъ и упорнымъ его гасителемъ. Въ горячихъ выраженіяхъ Николай Андреевичъ убѣждалъ держаться ранѣе состоявшагося постановленія Финансовой Комиссіи, и высказывалъ соображенія, уже извѣстныя по прежнимъ его выступленіямъ.

Послѣ него, съ разрѣшенія Предсѣдателя, я приступилъ къ обстоятельному докладу Комиссіи объ устройствѣ Политехникума въ Самарѣ, какъ центрѣ обширной области юго-восточнаго Поволжья. Давъ подробную историческую справку о возникновеніи этого ходатайства, я ознакомилъ Комиссію съ прохожденіемъ этого дѣла черезъ всѣ общественныя учрежденія (земскія, городскія, биржевые комитеты и др.), не только одной Самарской, но и многихъ смежныхъ съ ней губерній. Я указалъ на то, что сорганизованный въ Самарѣ комитетъ все необходимое для начала работъ подготовилъ — средства собраны, мѣсто городомъ отведено, строительный матеріалъ пожертвованъ, и нужно только постановленіе Государственнаго Совѣта. Я упомянулъ и о значеніи децентрализаціи высшаго образованія для огражденія молодежи отъ вредныхъ политическихъ вліяній.

Послѣ меня сталъ говорить В. И. Тимирязевъ. Къ немалому изумленію своихъ коллегъ, онъ выступилъ на защиту открытія въ Самарѣ Политехникума. Со всѣхъ сторонъ послышались голоса: — Да вѣдь вы были противъ!.. Особенно горячился Звѣревъ, громко протестовавшій противъ выступленія своего сочлена, кореннымъ образомъ измѣнившаго свое отношеніе къ дебатируемому вопросу... Мнѣ хорошо запомнились слова, сказанныя Тимирязевымъ:

— На то я и человѣкъ, чтобы умѣть прислушиваться и отзывчиво относиться къ дѣлу. Среди насъ сегодня сидитъ членъ Государственнаго Совѣта Наумовъ — единственный представитель Самарскаго Поволжья... Ранѣе его съ нами не было.

Александръ Николаевичъ далъ намъ рядъ новыхъ существенныхъ и интересныхъ данныхъ, въ корнѣ измѣнившихъ мой прежній взглядъ на обсуждаемый вопросъ. Выслушавъ его, я обращаюсь теперь съ настойчивой просьбой къ достоуважаемымъ моимъ сочленамъ въ самомъ срочномъ порядкѣ принять предложенный на наше разсмотрѣніе законопроектъ.

Въ результатѣ — Финансовая Комиссія внушительнымъ большинствомъ голосовъ высказалась за удовлетвореніе ходатайства объ открытіи въ Самарѣ Политехническаго Института.

Благодаря любезному содѣйствію Предсѣдателя Комиссіи и Товарища Предсѣдателя Государственнаго Совѣта Голубева, обсужденіе законопроекта о Самарскомъ Политехникумѣ было внесено на повѣстку Общаго Собранія на 24-е того же іюня. Докладчикъ Шварцъ взошелъ на кафедру и сообщилъ заключеніе по нему Финансовой Комиссіи.

— Угодно согласиться? — спросилъ Голубевъ: — Возраженій нѣтъ? — Собраніе отвѣтило молчаніемъ... — Принято! — безстрастнымъ своимъ голосомъ провозгласилъ Иванъ Яковлевичъ...

Это одно „принято" — вызвало во мнѣ такую бурю восторга, что я не вытерпѣлъ и поспѣшилъ въ телеграфное отдѣленіе Дворца и отправилъ радостную вѣсть своимъ самарскимъ землякамъ. Произошло большое для нашего родного Поволжья событіе — наконецъ-то Самара дождалась высшаго учебнаго заведенія того типа, который наиболѣе ей былъ нуженъ. Агрономія и коммерція — это родныя сестры, находящіяся въ условіяхъ Самарскаго хлѣбороднаго района въ самомъ тѣсномъ и непосредственномъ между собою общеніи. Научиться въ количественномъ и качественномъ отношеніи наилучшимъ образомъ производить зерновой продуктъ, умѣть его превращать въ наиболѣе цѣнный и ходкій товаръ (муку, спиртъ, крахмалъ и т. п.) — это одна часть заданія высшаго учебнаго института. Другая — естественно дополняла первую и состояла въ изученіи наиболѣе разумныхъ и выгодныхъ способовъ использованія добытыхъ хлѣбныхъ продуктовъ, какъ на мѣстномъ, такъ и на міровомъ рынкѣ. Лишь правильно поставленная коммерція можетъ вознаграждать агрономическія усилія и затраты.

Увы! — этому большому и благому дѣлу, отвѣчавшему горячему желанію населенія наиболѣе богатой хлѣбной области Волжскаго бассейна не удалось осуществиться. Черезъ мѣсяцъ спустя вспыхнула Великая Европейская война, цѣликомъ захватившая всѣ людскіе помыслы и средства... Самарскому Политехникуму такъ и не суждено было появиться на Божій свѣтъ — его мѣсто, какъ слышно, занялъ какой-то коммунистическій „Вузъ"...

Тотчасъ же по возвращеніи моемъ изъ заграницы, я успѣлъ окончательно оформить покупку на имя моей жены дома Л. А. фонъ-Дервизъ и полностью выплатилъ ей всѣ 425.000

рублей, для чего я распорядился реализовать принадлежавшую женѣ государственную 4% ренту на 300.000 рублей, по цѣнѣ 94 за 100 номинальныхъ. Прошло нѣсколько недѣль и та же самая рента при началѣ военныхъ дѣйствій котировалась на биржѣ 74 и ниже...

Послѣ завершенія сдѣлки, продавщица Любовь Александровна Дервизъ просила предоставить возможность ей и всѣмъ ея семейнымъ остаться въ прежнемъ ихъ особнякѣ еще на одинъ годъ за опредѣленную плату, на что мы охотно согласились.

Приходилось торопиться къ себѣ въ Головкино, гдѣ мы болѣе двухъ мѣсяцевъ отсутствовали, и гдѣ безъ насъ сиротствовали семья и хозяйство.

ЧАСТЬ IX

(1914 — 1915)

МАНИФЕСТЪ 20-го ІЮЛЯ (СТ. СТ.) 1914 ГОДА О ВОЙНѢ СЪ ГЕРМАНІЕЙ. ОТНОШЕНІЕ НАСЕЛЕНІЯ. КРАСНОКРЕСТНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. КНЯЗЬ Г. Е. ЛЬВОВЪ. ЛАЗАРЕТНЫЙ БЫТЪ И НАСТРОЕНІЯ. ПРИСЫЛКА ВЪ САМАРУ БОЛЬНЫХЪ ПЛѢННЫХЪ ТУРОКЪ. 1915 ГОДЪ. ПРІѢЗДЪ ВЪ Г. САМАРУ ПРИНЦА А. Г. ОЛЬДЕНБУРГСКАГО. САМАРСКІЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ КОМИТЕТЪ. ОТКРЫТІЕ 17 ЯНВАРЯ СЕССІЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. ВСТРѢЧИ. БЕСѢДА СЪ С. Д. САЗОНОВЫМЪ. РАУТЪ У ИВ. ЛОГ. ГОРЕМЫКИНА. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ ПО ХЛѢБНЫМЪ ЗАГОТОВКАМЪ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГРУППА ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА. ПРІЕМЪ У ПРИНЦА А. Г. ОЛЬДЕНБУРГСКАГО. ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ КРАСНАГО КРЕСТА. ГР. А. Д. И М. Ѳ. ШЕРЕМЕТЕВЫ. ДОКЛАДЫ О НАРОДНОЙ МУЗЫКѢ И СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХЪ КАССАХЪ. МИНИСТРЪ ФИНАНСОВЪ П. Л. БАРКЪ. МИНИСТРЪ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ Н. А. МАКЛАКОВЪ. ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ. СТОЛИЧНЫЯ СПЛЕТНИ. ТИФОЗНАЯ ЭПИДЕМІЯ ВЪ САМАРѢ. ЮБИЛЕЙНОЕ ЗЕМСКОЕ СОБРАНІЕ. ОТЕЦЪ И СЫНЪ ЩЕРБАТОВЫ — ИХЪ ПОСЛѢДНЯЯ ВСТРѢЧА. РЯДЪ СМЕРТЕЙ. СЕМЬЯ ПОЛИВАНОВЫХЪ И ИХЪ ИМѢНІЯ. ЗНАКОМСТВО НИКОЛАЯ ПОЛИВАНОВА СЪ НАШЕЙ ДОЧЕРЬЮ МАРІЕЙ И ИХЪ ПОМОЛВКА. ЗАБОЛѢВАНІЕ СЫНА АЛЕКСАНДРА. ОПЕКА НАДЪ ДѢТЬМИ БРАТА НИКОЛАЯ. ОРГАНИЗАЦІЯ ВЪ САМАРѢ РЕЗЕРВОВЪ ВОЕННЫХЪ САНИТАРОВЪ И ОБОЗОВЪ. БЛАГОДАРНОСТЬ ВДОВСТВУЮЩЕЙ ИМПЕРАТРИЦЫ. ПРОВОДЫ ГУБЕРНАТОРА ПРОТАСЬЕВА. ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРЪ КНЯЗЬ С. В. ГОРЧАКОВЪ И НОВЫЙ МИНИСТРЪ КНЯЗЬ Н. Б. ЩЕРБАТОВЪ. ВРАЖДЕБНОСТЬ КО ВСЕМУ НѢМЕЦКОМУ. ОТКРЫТІЕ 19 ІЮЛЯ СЕССІЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХЪ ПАЛАТЪ. А. Н. КУЛОМЗИНЪ. УГНЕТЕННЫЯ НАСТРОЕНІЯ. ПАНИЧЕСКІЕ СЛУХИ. КРИТИКА ГРАФА В. Н. КОКОВЦОВА. ДОКЛАДЫ МИНИСТРОВЪ: А. А. ПОЛИВАНОВА И С. Д. САЗОНОВА. МНѢНІЯ ГЕНЕРАЛОВЪ ПАЛИЦЫНА И ДЖУНКОВСКАГО, САМАРИНА, ВАРУНЪ-СЕКРЕТА И ДР. ПИСЬМО А. П. СТРУКОВА. КНЯЗЬ Н. П. УРУСОВЪ О ГАЛИЦІЙСКОМЪ ФРОНТѢ. НАРАСТАНІЕ ВСЕОБЩАГО НЕДОВОЛЬСТВА. ОБРАЗОВАНІЕ ВЕРХОВНОЙ СЛѢДСТВЕННОЙ КОМИССІИ И ВСЛѢДЪ ЗА НЕЙ ОСОБЫХЪ СОВѢЩАНІЙ. СМѢНА ВЕРХОВНАГО КОМАНДОВАНІЯ. ПИСЬМО СЪ ПРОТЕСТОМЪ МИНИСТРОВЪ. ЗАСѢДАНІЕ 16 СЕНТЯБРЯ СОВѢТА МИНИСТРОВЪ ПОДЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВОМЪ ГОСУДАРЯ. УВОЛЬНЕНІЕ КНЯЗЯ Н. Б. ЩЕРБАТОВА И А. Д. САМАРИНА. ВЫСОЧАЙШЕЕ НАЗНАЧЕНІЕ МЕНЯ 1 АВГУСТА ВЪ СОСТАВЪ ВЕРХОВНОЙ СЛѢДСТВЕННОЙ КОМИССІИ. ЕЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРЕДСѢДАТЕЛЬ — ГЕНЕРАЛЪ ПЕТРОВЪ. ЧЛЕНЫ: И. Я. ГОЛУБЕВЪ, ГЕНЕРАЛЪ ПАНТЕЛѢЕВЪ, СЕНАТОРЪ ПОСНИКОВЪ, ГРАФЪ В. А. БОБРИНСКІЙ И С. Т. ВАРУНЪ-СЕКРЕТЪ. ДѢЛО БЫВШАГО ВОЕННАГО МИНИСТРА СУХОМЛИНОВА. БЛОКЪ „ОБЩЕСТВЕННИКОВЪ". РАСПРЕДѢЛЕНІЕ И ПОРЯДОКЪ СЛѢДСТВЕННЫХЪ РАБОТЪ. ПЕРЕИЗБРАНІЕ МЕНЯ 20 СЕНТЯБРЯ САМАРСКИМЪ ЗЕМСТВОМЪ ВЪ ЧЛЕНЫ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА. ОБСЛѢДОВАНІЕ МНОЮ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ АРТИЛЛЕРІЙСКИХЪ ЗАВОДОВЪ. ЦАРИЦЫНСКІЙ ЗАВОДЪ. ИСТОРІЯ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНІЯ. СЕНСАЦІОННЫЯ РАЗОБЛАЧЕНІЯ ГЕНЕРАЛА А. А. МАНИКОВСКАГО. МОРСКОЙ МИНИСТРЪ И. К. ГРИГОРОВИЧЪ. РОЛЬ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ГЕНЕРАЛА ПЕТРОВА. КОНЕЧНАЯ СУДЬБА НАЧАТАГО МНОЮ СЛѢДСТВІЯ. ОБЩІЕ ВЫВОДЫ.

121

Вся наша съ женой поѣздка изъ Петербурга до родного Головкинскаго гнѣзда проходила въ той же безотрадной обстановкѣ мглы и сплошной гари, которая сопровождала насъ и при путешествіи отъ Германской границы до Невской столицы. Тусклое закопченое солнце, невѣроятно удушливая жара отъ продолжительно стоявшей засухи, дѣйствовали на насъ самымъ угнетающимъ образомъ. Даже, спускаясь изъ Нижняго по Волгѣ, мы не ощущали обычной свѣжести и чистоты воздуха, горѣли уже не торфяные болота, а необозримыя, окружавшія Волжскій бассейнъ, лѣсныя пространства... Казалось, что вся Россія горитъ... Сердце сжималось все сильнѣе отъ предчувствія чего-то неизбѣжнаго, рокового, по мѣрѣ разраставшихся политическихъ осложненій на Балканахъ — особенно послѣ вызывающей по своему грубо-ультимативному содержанію Австрійской ноты, предъявленной 10-го іюля Сербскому Правительству.

Тревожные слухи вскорѣ уступили мѣсто указамъ о мобилизаціяхъ — сначала частичной, а 18-го іюля — всеобщей. Война становилась уже не призракомъ, а страшной дѣйствительностью, воспринятой, впрочемъ, всѣми русскими людьми съ чувствомъ несомнѣннаго удовлетворенія. Слишкомъ великъ былъ позоръ, который причиненъ былъ нашимъ братьямъ-славянамъ оскорбительными для чести Сербской Державы австрійскими требованіями.

18-го числа того же іюля на сцену выступила Германія, дѣйствовавшая по указкѣ неуравновѣшеннаго и самонадѣян-

наго Вильгельма. Его ультимативное предложеніе Русскому Правительству пріостановить военныя мѣры и отмѣнить указъ объ общей мобилизаціи въ указанный имъ срокъ до 12 ч. дня 19-го іюля — Государь не принялъ. Тогда Германія объявила Россіи войну.

20-го іюля былъ опубликованъ Высочайшій манифестъ, вызвавшій среди всѣхъ слоевъ населенія необъятной Россійской Имперіи огромный патріотическій подъемъ.

Повсемѣстно — не только въ губернскихъ, но и въ уѣздныхъ городахъ, также и во многихъ селахъ, происходили грандіозныя народныя манифестаціи и торжественныя уличныя шествія съ національными флагами и портретами Государя. Въ самой же столицѣ собравшаяся передъ Зимнимъ Дворцомъ многотысячная толпа, при появленіи Ихъ Величествъ на балконѣ, какъ одинъ человѣкъ пала на колѣни, оглашая воздухъ воодушевленными кликами „ура" и пѣніемъ „Боже Царя храни"...

Вслѣдъ за этимъ изданъ былъ указъ о назначеніи Великаго Князя Николая Николаевича главнокомандующимъ всей боевой Императорской Арміи.

Мобилизація прошла съ исключительнымъ и, какъ оказалось, совершенно неожиданнымъ для нашихъ враговъ успѣхомъ. Затронувъ всѣ слои россійскаго населенія, она въ нашихъ местахъ отразилась, главнымъ образомъ, на контингентѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ разгарѣ полевой уборки — т. н. „страдной поры". Не мало оказалось призванныхъ среди гласныхъ и дворянства. Даже 53-лѣтній двоюродный мой братъ П. М. Наумовъ вынужденъ былъ облечься въ форму военнаго врача. Общій патріотическій подъемъ, охватившій страну, вызвалъ рядъ добровольческихъ поступленій, въ большинствѣ случаевъ среди интеллигенціи.

Трогательностью и торжественностью отличались проводы Самарскаго гарнизона.

Рядъ экстренныхъ Губернскихъ Собраній и засѣданій открывшихся 26-го іюля сессій обѣихъ законодательныхъ палатъ, тоже прошли въ условіяхъ исключительнаго патріотическаго воодушевленія, съ выраженіемъ горячихъ вѣрноподданическихъ чувствъ и завѣреній въ готовности жертвовать для защиты отечества достояніемъ и жизнью...

Одновременно съ началомъ открытія военныхъ дѣйствій, правительству пришлось спѣшно озаботиться организаціей врачебной помощи какъ на театрѣ боевыхъ операцій, такъ и въ тылу, гдѣ подъ флагомъ Краснаго Креста раскинута была по всей Россіи широкая сѣть лазаретовъ для больныхъ и раненыхъ воиновъ.

Руководство всей тыловой дѣятельностью Краснаго Креста было поручено Александру Дмитріевичу Самарину. Встрѣтившись со мною на открытіи экстренной іюльской сессіи Государственнаго Совѣта, онъ обратился ко мнѣ съ просьбой помочь ему въ возложенномъ на него отвѣтственномъ дѣлѣ. Я

согласился, и Самаринъ передовѣрилъ мнѣ общее завѣдываніе Краснокрестными организаціями во всей восточной области Европейской Россіи.

Съ самаго начала дѣятельность моя въ качествѣ Главноуполномоченнаго огромнаго тылового района протекала въ условіяхъ, чрезвычайно неблагопріятныхъ. Полномочія, которыя были мнѣ предоставлены по наспѣхъ выработаннымъ инструкціямъ, не заключали въ себѣ точныхъ указаній относительно взаимоотношеній моихъ съ высшими административными чинами губерній, находившихся въ моемъ вѣденіи, а также съ мѣстными общественными, земскими и городскими учрежденіями. Даже самыя границы упомянутой „восточной области Европейской Россіи, гдѣ должна была протекать моя дѣятельность, не были опредѣленно установлены, и чуть ли не каждый мѣсяцъ подвергались измѣненіямъ.

Фактически дѣло удавалось наладить лишь благодаря добрымъ отношеніямъ, установившимся у меня съ лицами и учрежденіями, при любезномъ содѣйствіи которыхъ надо было осуществлять возложенныя на меня краснокрестныя заданія.

Надо отдать справедливость, какъ земства, такъ и города, отнеслись къ дѣлу съ исключительной отзывчивостью и энергіей. Въ какіе-нибудь три - четыре месяца въ одной Самарѣ земствомъ были выстроены и превосходно оборудованы десять деревянныхъ лазаретныхъ помѣщеній, въ дополненіе къ больницамъ — земскимъ, городскимъ и частнымъ, ранѣе существовавшимъ въ городѣ.

Надо имѣть въ виду, что Самара являлась центральнымъ узловымъ пунктомъ, на которомъ временами происходило значительное скопленіе привезеннаго со всѣхъ фронтовъ искалѣченнаго войной несчастнаго люда. Часть раненыхъ привозили въ Самару по Волгѣ, часть присылали по Сызранскому желѣзнодорожному пути. Въ Самарѣ производилась пересадка больныхъ и раненыхъ воиновъ съ судовъ въ вагоны для дальнѣйшей отправки ихъ по Златоустовскому или Оренбургскому направленію, и обратно. Изъ вагоновъ ихъ высаживали и помѣщали на суда, для отправки въ другія мѣста по Волгѣ и для размѣщенія въ лазаретахъ, устроенныхъ приволжскими земствами, городами и селеніями.

Съ 1914 - 1915 г. г. времени ушло не мало. Я теперь не могу привести точныхъ цифръ. Но дѣятельность мѣстныхъ общественныхъ учрежденій и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ была полна самоотверженія.

Въ моемъ кабинетѣ висѣла большая карта Восточнаго Приволжья, со всѣмъ Камскимъ бассейномъ, на которой я отмѣчалъ краснокрестными флажками пункты, извѣщавшіе меня объ открытіи у нихъ лазаретныхъ помѣщеній. Задолго до конца навигаціоннаго періода, иначе говоря — еще въ сентябрѣ 1914 года, карта эта, въ особенности по рѣчнымъ и желѣзнодорожнымъ развѣтвленіямъ, была сплошь испещрена такими значками...

Война оказалась безпримѣрной, какъ въ отношенiи количества бойцовъ, такъ и въ смыслѣ жестокости способовъ ея веденiя. Лазареты стали быстро заполняться. Работа закипѣла во всю. Завѣдыванiе чрезмѣрно обширной областью оказалось для меня невыполнимымъ. Еле хватало силъ и времени справляться съ однимъ Самарскимъ Приволжскимъ округомъ, съ которымъ тѣсно были связаны губернiи Уфимская и Оренбургская. Въ этихъ рамкахъ мое руководство и наблюденiе, какъ Краснокрестнаго Главноуполномоченнаго еще могло быть осуществлено. Я попросилъ Самарина ограничить мой районъ тремя губернiями: Самарской, Уфимской и Оренбургской. Онъ на это согласился.

Осенью 1914 года, въ Москвѣ возникли двѣ общественныя организацiи — Всероссiйскiй Общеземскiй и Городской Союзы. Они сразу же заняли въ странѣ видное положенiе, благодаря предоставленiю имъ Правительствомъ значительныхъ денежныхъ ассигновокъ. Дѣятельность этихъ организацiй, сконцентрировавшихъ вокругъ себя земскую и городскую „интеллигенцiю" либерально-оппозицiоннаго уклона, и возглавленныхъ небезызвѣстными общественными дѣятелями того же толка — кн. Г. Е. Львовымъ и М. В. Челноковымъ, — была направлена на удовлетворенiе тѣхъ же нуждъ, которыя были предметомъ заботъ краснокрестныхъ организацiй. Союзы возбудили ходатайство о полученiи ими права дѣйствовать подъ тѣмъ же флагомъ Краснаго Креста, на что правительство отвѣтило согласiемъ.

Въ результатѣ, какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу, Земскiй и Городской Союзы стали работать параллельно съ основными учрежденiями Краснаго Креста, а мѣстные земства и города, ранѣе дѣйствовашiе подъ руководствомъ краснокрестныхъ уполномоченныхъ, стали мало-по-малу отходить отъ первоначальной своей связи съ Главнымъ Управленiемъ Краснаго Креста и примыкать къ возникшимъ объединенiямъ — общеземскому и общегородскому.

Подобное положенiе вещей не могло способствовать успѣху общаго дѣла и не облегчало моей работы, какъ отвѣтственнаго руководителя всей краснокрестной дѣятельностью завѣдываемаго мною района. По цѣлому ряду срочныхъ вопросовъ, связанныхъ съ функцiонированiемъ земскихъ и городскихъ лазаретовъ, приходилось обращаться за справками и указанiями то къ Главноуполномоченному Самарину, то къ предсѣдателямъ Земскаго или Городского Союзовъ.

Не могу не вспомнить одного случая, въ достаточной степени характеризующаго нынѣ историческую личность князя Георгiя Евгеньевича Львова, какъ управителя въ описываемое время только общеземской организацiи, а спустя два года, уже всей бывшей Россiйской Имперiи.

Въ одинъ изъ проѣздовъ черезъ Москву, зимой 1914-1915 г.г., мнѣ понадобилось, ради выясненiя цѣлаго ряда серьезнѣйшихъ вопросовъ по земской лазаретной дѣятельности, лично повидать кн. Львова.

Обширное помѣщенiе было биткомъ набито. Среди общей сутолоки и шумнаго гула голосовъ, вперемежку с трескотней пищущихъ машинъ, меня провели въ предсѣдательскiй кабинетъ, въ который вскорѣ же за мной не вошелъ, а скорѣе вбѣжалъ, самъ князь Георгiй Евгеньевичъ Львовъ, имѣвшiй видъ въ конецъ замотаннаго человѣка.

Предупредительно извинившись, что за массой дѣлъ онъ не располагаетъ достаточнымъ досугомъ, князь попросилъ меня изложить все то, что представлялось необходимымъ для совмѣстнаго нашего съ нимъ обсужденiя и разрѣшенiя. Къ сожалѣнiю, мнѣ этого не удалось сдѣлать, такъ какъ ежеминутно къ намъ врывались какiе-то взъерошенные типы съ разными бумажками и запросами... Бумажки эти Львовъ, не глядя, подписывалъ, а на устные вопросы лишь всплескивалъ руками и бросалъ своимъ истомленнымъ голосомъ: — Дѣлайте, что хотите!.. Вѣдь даны же вамъ общiя указанiя!.. — Въ довершенiе всего, въ нашу комнату ввалилась многолюдная „делегацiя", которая въ самой безцеремонной формѣ потребовала, чтобы несчастный Львовъ, совмѣстно съ ними, отправился куда-то по срочному для нихъ дѣлу.

Еще разъ передо мной извинившись, князь, безпомощно разведя руками, мнѣ заявилъ: — Вы видите, какъ меня треплютъ! Дорогой Александръ Николаевичъ! Я весь къ вашимъ услугамъ, и распоряжайтесь отъ моего имени какъ только вамъ для дѣла представляется нужнымъ.. Если вамъ необходимо, чтобъ я немедленно преподалъ для вашего района тѣ или другiя инструктивныя указанiя, не откажите сдѣлать это сейчасъ же сами... Садитесь за мой столъ... Напишите, что нужно, а телеграмму отправитъ мой курьеръ. Меня же простите — я вынужденъ васъ покинуть... Отъ души желаю вамъ всяческаго успѣха!... — Съ этими словами князь, пожавъ мнѣ наскоро руку, устремился къ выходу. Я остановилъ его и поспѣшно спросилъ: — Кто же подпишетъ составленную мною для Самары телеграмму? — Возьмите, да и поставьте сами подъ нею мою подпись! — послышался быстрый отвѣтъ: — Повторяю, я заранѣе согласенъ на все, что вами въ телеграммѣ будетъ изложено!.. — Черезъ секунду кабинетъ опустѣлъ.

Оставшсь въ одиночествѣ, я не скоро пришелъ въ себя отъ его словъ и вообще отъ всего поведенiя человѣка, стоявшаго во главѣ огромной всероссiйской организацiи...

Вѣроятно, не мнѣ первому и не мнѣ послѣднему Львовъ давалъ право подписывать его фамилiю подъ оффицiально-дѣловыми бумагами, содержанiе коихъ ему не было извѣстно. Подобное невѣроятно-легкомысленное отношенiе князя къ значенiю и достоинству своей предсѣдательской подписи, въ связи со всѣмъ тѣмъ, что происходило на моихъ глазахъ въ его кабинетѣ, — сразу же заставило меня подумать объ этомъ почему-то стяжавшимъ себѣ немалую популярность общественномъ дѣятелѣ, какъ о человѣкѣ опредѣленно неспособ-

номъ нести обязанности отвѣтственнаго управителя.

Тогда же у меня создалось убѣжденіе, что за спиной подобнаго предсѣдателя самозванно народившагося Общеземскаго Союза, во всѣхъ дѣлахъ, намѣреніяхъ и отчетности долженъ царствовать сильнѣйшій произволъ, партійное засилье и безграничный денежный хаосъ. Впослѣдствіи мои предвидѣнія, къ глубокому сожалѣнію, полностью оправдались.

Не добившись при личномъ моемъ свиданіи съ Львовымъ никакого толка, и само собой отказавшись отъ мысли воспользоваться его совѣтомъ, я рѣшилъ впредь дѣйствовать совершенно самостоятельно, держась лишь общей линіи съ А. Д. Самаринымъ, съ которымъ у меня въ нашей совмѣстной работѣ по Красному Кресту установился полнѣйшій контактъ.

Подѣлившись съ нимъ своими впечатлѣніями о князѣ Львовѣ, я услыхалъ отъ Александра Дмитріевича подтвержденіе моей оцѣнки этого дѣятеля, волею судебъ, года черезъ два послѣ описаннаго мною съ нимъ свиданія, сыгравшаго въ исторіи Россійской государственной жизни роковую губительную роль.

Быстро разраставшійся кругъ военныхъ операцій; образованіе четырехъ боевыхъ фронтовъ; безпрерывно увеличивавшійся контингентъ раненыхъ и больныхъ воиновъ; параллельная дѣятельность разнообразныхъ краснокрестныхъ учрежденій, требовавшихъ большой между собою согласованности — все это вызывало повелительную необходимость въ образованіи сильной и авторитетной объединяющей власти, для общаго руководства всѣмъ военно-санитарнымъ дѣломъ, какъ на фронтѣ, такъ и на всемъ огромномъ пространствѣ Имперіи.

Власть эта по Высочайшему повелѣнію была вскорѣ создана и ввѣрена въ руки опытнаго и рѣшительнаго борца съ народными эпидемическими бѣдствіями. Одно имя принца Александра Петровича Ольденбургскаго заставило сразу „подтянуться" всѣхъ дѣятелей, ему подвѣдомственныхъ.

Всѣмъ извѣстно было основное свойство горячаго и прямолинейнаго принца — никого и ничего не щадить на пути достиженія успѣха въ принятомъ на себя государственномъ дѣлѣ. Его Высочеству были даны диктаторскія полномочія, а на мѣстахъ непосредственными его агентами являлись начальники губерній, съ которыми мнѣ, какъ краснокрестному уполномоченному, приходилось ближе всего считаться, какъ съ инстанціей, располагавшей наибольшей властью и наиболѣе оффиціально-авторитетной.

Съ этого момента насталъ періодъ постояннаго и не всегда для дѣла полезнаго вмѣшательства высшей губернской администраціи въ жизнь и распорядки краснокрестныхъ учрежденій. Губернаторомъ въ Самарѣ былъ въ то время Н. В. Протасьевъ, о которомъ я ранѣе отозвался, какъ о человѣкѣ пріятномъ, покладистомъ и благожелательномъ. Вице-Губернаторомъ, послѣ фонъ-Витте, былъ назначенъ къ намъ князь Сергѣй Васильевичъ Горчаковъ, бывшій морякъ, чуть не погибшій въ Цусимскомъ бою, и служившій затѣмъ въ Курской губерніи Уѣзднымъ Пердводителемъ.

Князь Сергѣй Васильевичъ былъ слабо подготовленъ для несенія возложенныхъ на него Министромъ Маклаковымъ вице-губернаторскихъ обязанностей, но обладалъ зато иными привлекательными качествами, отчасти личными, частью унаслѣдованными имъ отъ былой офицерской, да еще морской, службы, благодаря которымъ онъ быстро снискалъ къ себѣ общія симпатіи самарскаго общества, въ особенности, среди мѣстнаго дворянства. Лично я князя, несмотря на нѣкоторыя его слабости и недостатки (а у кого ихъ нѣтъ?!), сердечно полюбилъ и посильно старался содѣйствовать его служебной жизни.

Въ лицѣ Протасьева и князя Горчакова я имѣлъ безусловно доброжелательныхъ сотрудниковъ, чего, къ сожалѣнію, нельзя было сказать про Лялина, ими же уполномоченнаго для наблюденія за дѣятельностью врачебно-санитарныхъ учрежденій въ губерніи. Онъ оказался пренепріятымъ и заносчивымъ чиновникомъ, способнымъ обо всемъ доносить начальству въ превратномъ и пристрастномъ видѣ. Въ жизни нашихъ краснокрестныхъ учрежденій, дотолѣ спокойно-дѣловой, настала прискорбная пора всевозможныхъ осложненій чисто личнаго характера. Въ концѣ концовъ, пришлось обратиться съ просьбой къ Протасьеву о замѣнѣ Лялина болѣе подходящимъ лицомъ. У общеземской организаціи былъ тоже свой особый мѣстный уполномоченный — нашъ самарскій дворянинъ Н. А. Самойловъ. Это былъ работникъ чрезвычайно толковый и энергичный, съ которымъ у меня установились наилучшія дѣловыя связи, а Лялинъ позволялъ себѣ распускать о немъ всевозможныя инсинуаціи.

Дѣло, которому мы всѣ цѣликомъ себя отдавали, являлось само по себѣ настолько серьезнымъ и идейно-возвышеннымъ, что безпрестанныя мелочныя личныя придирки чиновныхъ ничтожествъ, подобныхъ Лялину, въ сильнѣйшей степени раздражали самоотверженныхъ краснокрестныхъ работниковъ и создавали нервное настроеніе, далеко не въ пользу мѣстной администраціи. Съ этимъ нельзя было не считаться.

По мѣрѣ того, какъ война затягивалась и выяснялись явные недостатки въ ея веденіи, замѣтно возрастало общее недовольство. Оно зарождалось, съ одной стороны, на почвѣ всенародной нервной подавленнои неудовлетвореииости, вызванными боевыми неудачами, а съ другой — подъ вліяніемъ зловредныхъ слуховъ, стремившихся использовать тяжкое для Россіи время въ цѣляхъ дискредитированія власти и всего государственнаго порядка.

Въ этомъ отношеніи лазаретная жизнь представляла для агитаторской дѣятельности исключительно благопріятную обстановку. Послѣ кровопролитнѣйшихъ боевъ, сопровождавшихся массовыми газовыми отравленіями, поѣзда еле успѣвали развозить по тыловымъ линіямъ тысячи искалѣченныхъ

жертвъ. Всѣ заготовленныя лазаретныя помѣщенія очень быстро были до послѣдней койки заполнены ранеными и больными воинами. Вся первоначально оборудованная ихъ сѣть, также какъ и сформированные въ началѣ войны кадры врачебнаго персонала, оказались далеко недостаточными для удовлетворенія потребностей страшной дѣйствительности. Приходилось въ самомъ срочномъ порядкѣ увеличивать количество мѣстъ пріемки для безпрерывно присылаемыхъ со всѣхъ четырехъ фронтовъ мучениковъ воинскаго долга, и въ то же время, такъ же наспѣхъ, пополнять и контингентъ врачей, фельдшеровъ и сестеръ милосердія. Въ медицинскомъ составѣ также съ начала войны происходила убыль и на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, а главнымъ образомъ, въ результатѣ всевозможныхъ эпидемическихъ заболѣваній и общаго переутомленія.

Пополненіе это приходилось производить почти безъ всякаго разбора и брать всѣхъ, кого мало-мальски можно было использовать для удовлетворенія острой нужды во врачебно-санитарномъ персоналѣ. При этихъ условіяхъ въ лазаретную среду стали незамѣтно проникать элементы, которые пользовались лазаретными палатами, какъ своего рода аудиторіями, заполненными людьми, не только физически потерпѣвшими отъ ужасовъ войны, но которыхъ въ большинствѣ случаевъ эти ужасы ожесточили. Они съ жадностью впитывали осторожныя по формѣ, вкрадчивыя, но ядовитыя проповѣди о вредѣ царизма, о классовомъ неравенствѣ, о помѣщичьемъ засиліи и пр. Въ дополненіе къ словеснымъ поученіямъ, въ палатахъ тайно раздавались нелегальныя брошюрки, которыя, украдкой отъ начальства, читали вслухъ больнымъ ихъ грамотные товарищи.

Я близко познакомился съ лазаретнымъ бытомъ, не столько какъ руководитель всей дѣятельностью краснокрестныхъ учрежденій въ обширномъ Приволжскомъ районѣ, сколько благодаря непосредственному завѣдыванію устроеннымъ мною въ домѣ дворянства нашимъ лазаретомъ. Онъ содержался на частныя средства графа Голенищева-Кутузова, мои и нѣкоторыхъ лицъ, а также на средства самарскаго дворянства. Незадолго до войны я сдѣлалъ пристройку къ верхнему этажу дворянскаго дома. Я размѣстилъ въ немъ до двадцати коекъ для выздоравливавшихъ послѣ операціи воиновъ, которые поступали ко мнѣ изъ самарскихъ хирургическихъ лечебницъ. Для нихъ было отведено три смежныхъ комнаты, а черезъ корридоръ была обширная столовая, ванная и комната сестры милосердія. Пища готовилась въ общей кухнѣ, расположенной въ нижнемъ этажѣ зданія и обслуживавшей, наряду съ лазаретомъ, дворянскій женскій интернатъ.

Ближайшей моей сотрудницей по завѣдыванію дворянскимъ лазаретомъ была почтенная Софья Ѳедоровна Дурасова, состоявшая во все время моего предводительства начальницей интерната.

Софья Ѳедоровна принадлежала къ славному Бугурусланскому роду Дурасовыхъ, приходясь родною сестрой Петру Ѳедоровичу Дурасову — выдающемуся самарскому дѣятелю по землеустройству.

Дѣловитая, ровная и вмѣстѣ съ тѣмъ, энергично-настойчивая, Софья Ѳедоровна была идеальной и мудрой наставницей ввѣренной ея попеченію дворянской женской молодежи. Столь же добросовѣстно она отнеслась и къ новымъ своимъ обязанностямъ по хозяйственному завѣдыванію дворянскимъ лазаретомъ. Совмѣстно съ приглашенной мною сестрой милосердія Илларіоновой, откомандированной въ мое распоряженіе Ольгинской общиной, Софья Ѳедоровна вела порученное ей дѣло безукоризненно и пользовалась со стороны больныхъ большимъ уваженіемъ.

Ежедневно бывая въ своемъ лазаретѣ и интересуясь всѣмъ происходившимъ въ его стѣнахъ, я не могъ не видѣть, какъ охотно, даже жадно, слѣдили мои больные, грамотные и неграмотные, за всѣмъ, что касалось хода военныхъ дѣйствій, политики, государственной жизни и, въ частности, устроенія деревни и общекрестьянскаго земельнаго благополучія.

Для больныхъ и ихъ развлеченія заведены были шахматы, собрана была библіотека, предлагались газеты. Въ столовой стоялъ грамофонъ; но все это ихъ сравнительно мало интересовало. Ихъ тянуло къ живымъ собесѣдованіямъ на широкія темы, среди которыхъ видное мѣсто занималъ вопросъ о причинахъ возникновенія настоящей войны и объ явныхъ недочетахъ нашего военнаго снабженія, которыхъ отъ нихъ скрыть было нельзя. Почти ежедневно, иногда подолгу, приходилось засиживаться съ моими лазаретными друзьями, посильно удовлетворяя ихъ любознательность. Дѣлалъ я это очень охотно, благодаря ихъ явной довѣрчивости ко мнѣ и моимъ словамъ, которая выражалась на окружавшихъ меня простыхъ и привѣтливыхъ лицахъ.

Въ то же время въ моей головѣ иногда зарождалась жуткая мысль, о роли, которую лазареты могутъ сыграть въ жизни и психикѣ милліоновъ людей, какъ своего рода народныя аудиторіи. Это страшное, что мнѣ въ то время мерещилось, впослѣдствіи сбылось. Не сразу, не въ начальный періодъ войны, когда всѣ находились еще подъ воздѣйствіемъ неостывшаго патріотическаго подъема, а приблизительно годъ спустя, когда эти чувства смѣнились иными настроеніями.

Съ конца 1915 года — вотъ когда стала замѣтно измѣняться общая картина лазаретной жизни, какъ въ отношеніи состава медицинскаго персонала, такъ и въ смыслѣ настроеній раненыхъ и больныхъ воиновъ. Среди первыхъ, въ особенности въ учрежденіяхъ, содержавшихся за счетъ Всероссійскихъ Общеземскаго и Городского Союзовъ, пріютилось не мало агитаторовъ, что же касается больныхъ, переполнявшихъ лазареты, то вмѣсто прежняго привѣтливаго радушія и открытаго довѣрчиваго отношенія, въ нихъ стали проявляться при-

знаки явной разочарованности и затаеннаго озлобленія. Это было результатомъ двухъ основныхъ факторовъ: военныхъ неудачъ, главнымъ образомъ лѣтняго отступленія нашихъ войскъ изъ Галиціи и Польши, и — тлетворной лазаретной пропаганды, борьба съ которой представлялась дѣломъ почти недостижимымъ въ силу исключительно благопріятныхъ для нея условій.

122

Несмотря на усиленный притокъ осенью 1914 года въ Самару раненыхъ, въ то время все же еще удавалось ихъ благополучно размѣщать по имѣвшимся въ моемъ распоряженіи больницамъ и лазаретамъ, въ крайнемъ случаѣ — переправлять ихъ въ дальніе пункты по желѣзнодорожнымъ развѣтвленіямъ на Уфу и Оренбургъ. Но наканунѣ 1915 года Самару совершенно неожиданно постигло тяжкое бѣдствіе, серьезно повліявшее на установившійся ходъ работы мѣстныхъ Краснокрестныхъ учрежденій.

Начавшаяся 20-го октября 1914 года война съ Турціей, сосредоточившись въ районѣ Кавказской пограничной полосы, постепенно стала принимать серьезные размѣры, расширяя зону своихъ дѣйствій и сопровождаясь одно время блестящими успѣхами русскаго оружія съ массовыми захватами въ плѣнъ турецкихъ частей. Среди плѣнныхъ вспыхнули жестокія эпидеміи сыпного тифа и холеры. Несмотря на это, по распоряженію властей приступлено было къ спѣшной эвакуаціи накопившагося въ Закавказьи огромнаго контингента плѣнныхъ турокъ. По чьему-то великому и преступному недомыслію, было рѣшено разсылать по главнымъ россійскимъ желѣзнодорожнымъ артеріямъ, разнося такимъ образомъ по всей странѣ эпидемическую заразу.

Подобная участь постигла и несчастную нашу Самару, какъ центральную узловую станцію большого желѣзнодорожнаго пути. На рождественскіе праздники и подъ самый новый 1915-й годъ въ Самару стали подходить одинъ поѣздъ за другимъ, съ вагонами, переполненными плѣнными турками, почти поголовно больными тифомъ или холерой. При разгрузкѣ же ихъ на станціи случалось, что рядомъ съ несчастными людьми, полуживыми отъ холода, голода и болѣзней, лежали трупы ихъ закоченѣвшихъ земляковъ.

Нельзя забыть того ужасающаго впечатлѣнія, которое мы съ губернаторомъ Протасьевымъ однажды испытали, присутствуя при разгрузкѣ вагоновъ, подошедшихъ къ Самарскому вокзалу, съ турками, взятыми въ плѣнъ послѣ Сарыкамышскихъ боевъ.

Отперевъ у перваго вагона засовы и раздвинувъ дверь, мы отшатнулись въ сторону, такъ какъ изъ раскрытаго вагона вывалилось на насъ нѣсколько труповъ со сведенными конечностями и страшнымъ выраженіемъ открытыхъ омертвѣлыхъ глазъ. Ихъ чуть живые спутники по вагону мало чѣмъ отъ нихъ отличались. Большинство лежало безъ сознанія въ тифозномъ бреду, мучилось въ холерныхъ корчахъ, или сгорало отъ гангрены. Ихъ чудомъ уцѣлѣвшіе земляки, въ самомъ жалкомъ видѣ, ютились по угламъ. Нѣкоторые вагоны представляли собой сплошныя мертвецкія. Тому, что я сейчасъ пишу, многіе могутъ не повѣрить, но все это такъ въ дѣйствительности и было. Присылка подобныхъ „мертвых" поѣздовъ, какъ мы ихъ печально прозвали, застала насъ, „Самарцевъ", положительно врасплохъ. На станціи временами скапливалась такая масса привезенныхъ „вагонныхъ мертвецовъ", что губернская администрація не успѣвала ихъ предавать землѣ, и ей приходилось нанимать на городской окраинѣ особые дворы, гдѣ турецкіе трупы складывались въ огромные, страшные штабели. Ихъ обливали керосиномъ и затѣмъ сжигали на мѣстѣ. Останки зарывали въ земляныя глубокія ямы на особомъ кладбищѣ.

Что же касается больныхъ турокъ, доставленныхъ къ намъ еще живыми, то съ ними было немало тяжелыхъ хлопотъ, въ силу того, что самарскіе лазареты уже ранѣе были переполнены людьми, пострадавшими на западныхъ фронтахъ. Для присланныхъ съ Кавказа заразныхъ турокъ, ради изоляціи, приходилось подыскивать частные особняки, гдѣ-либо въ сторонѣ отъ городского центра. Появленіе этихъ больныхъ повлекло за собой, какъ неизбѣжное слѣдствіе безпощадной эпидемической заразы, значительныя потери среди врачебнаго и ухаживающаго персонала.

Въ связи съ этими тяжкими для Самары событіями, вспоминается мнѣ мимолетный пріѣздъ, или скорѣе — заѣздъ, въ нашъ городъ, въ началѣ января 1915 года самого принца Александра Петровича Ольденбургскаго, котораго мнѣ тогда впервые пришлось видѣть, и наблюдать незаурядныя манеры Верховнаго Санитарнаго Начальника.

Только наканунѣ получилъ губернаторъ телеграфное извѣщеніе о прибытіи къ намъ, въ 10 час. вечера, 10-го января 1915 года* Его Императорскаго Высочества, возвращавшагося съ Кавказа и имѣвшаго цѣлью объѣхать всѣ наиболѣе важные пункты, обслуживавшіе врачебно-санитарную помощь разосланнымъ изъ Закавказья плѣннымъ туркамъ. Извѣщеніе это вызвало среди самарцевъ немалую суматоху и подѣйствовало на мѣстный начальствующій персоналъ настолько панически, что люди стали въ нѣкоторомъ родѣ неузнаваемы...

И Губернаторъ и другіе губернскіе чины, вѣдомства которыхъ, казалось бы, никакого отношенія къ принцу не имѣли, впали въ подавленное настроеніе, ожидая чего-то рокового, стихійнаго...

---

* Съ 1915-го года мои воспоминанія будутъ вестись по повседневнымъ записямъ сохранившихся съ этого времени моихъ дневниковъ.

Все спѣшно, лихорадочно приводилось въ порядокъ; въ теченіе чуть ли не всей ночи и остававшагося дня, усердно изготавливался представителями разновѣдомственныхъ санитарно-лечебныхъ учрежденій общій рапортъ Его Высочеству.

Насталъ часъ указаннаго въ депешѣ прибытія спеціальнаго поѣзда Верховнаго Начальника Санитарной части. Былъ январскій морозный день. Стояла отвратительная погода. Метель неистово бушевала, все занося снѣгомъ на своемъ пути. Въ вечерней мглѣ мелькнули два еле примѣтныхъ огня. Шипя и пыхтя, сплошь облѣпленный ледяными сосульками, паровозъ медленно проползъ мимо насъ, въ послѣдній разъ глубоко вздохнулъ и остановился.

Поѣздъ былъ небольшой. Изъ дверки передняго вагона вышло нѣсколько человѣкъ, въ ихъ числѣ былъ бывшій Петербургскій Губернскій Предводитель, графъ В. В. Гудовичъ, состоявшій въ распоряженіи принца. Мы обрадовались другъ другу и поспѣшили пройти въ пріемную вокзальную комнату, чтобъ наскоро переговорить о предстоявшемъ пріемѣ у Его Высочества. По словамъ Гудовича, принцъ пріѣхалъ спеціально для того, чтобы устроить на Самарскомъ пунктѣ все необходимое для осмотра пересылаемыхъ изъ Закавказья огромныхъ партій плѣнныхъ турокъ, которыхъ придется размѣстить по больницамъ.

— Его это дѣло очень нервируетъ, — спѣшилъ пояснить Гудовичъ.— Не дай Богъ, если принцъ отъ васъ, а въ особенности отъ губернатора, получит уклончивый отвѣтъ. Плохо вамъ придется... Совѣтую идти самымъ рѣшительнымъ образомъ ему навстрѣчу — тогда обойдется.

Съ этими словами графъ торопливо направился къ вагону Его Высочества.

Дверь вагона, наконецъ, растворилась, и моложавый стройный господинъ, одѣтый въ смѣшанную краснокрестно-придворную форму, оказавшийся графомъ Сюзоръ, пригласилъ всѣхъ насъ въ вагонъ. Первымъ поднялся сильно волновавшійся Протасьевъ; за нимъ, въ егермейстерскомъ зимнемъ пальто, съ краснокрестной повязкой на рукѣ, вошелъ я. За нами потянулся рядъ высшихъ губернскихъ чиновъ и общественныхъ дѣятелей, имѣвшихъ непосредственную связь съ врачебно-санитарной организаціей. Въ общемъ, въ небольшой вагонный салонъ вошло человѣкъ восемь и двое или трое изъ свиты Его Высочества.

Въ дальнемъ углу этого салона стоялъ, прислонившись къ стѣнкѣ, скрестивъ на груди руки, довольно высокаго роста, крупнаго тѣлосложенія человѣкъ, одѣтый въ генералъ-адъютантскую, цвѣта хаки, однобортную тужурку, съ георгіевскимъ крестомъ въ петличкѣ. Всѣ мы тотчасъ же догадались, что стоимъ передъ самимъ принцемъ. При видѣ насъ, онъ отрывисто бросилъ — Здравствуйте... Прошу сѣсть.. и при этомъ показалъ на стоявшую вдоль вагонныхъ стѣнъ скудную мебель.

Быстро опустившись на свое кресло, Его Высочество обратился къ стоявшему впереди всѣхъ Протасьеву, не успѣвшему даже, какъ полагалось, отрапортовать Августѣйшей Особѣ, и, показывая на рядомъ съ нимъ стоявшій стулъ, еще рѣзче пробурчалъ: — Да садитесь же — говорятъ вамъ!..

Я подтолкнулъ растерявшагося Николая Васильевича на указанный стулъ и самъ усѣлся около него.

Лицо принца, довольно ярко освѣщенное небольшой электрической потолочной люстрой, находилось отъ меня такъ близко, что я его могъ отлично разсмотрѣть. Несмотря на нѣсколько грубоватыя очертанія, оно производило скорѣе расплагающее къ себѣ впечатлѣніе. Въ общемъ, Его Высочество, несмотря на свои преклонныя лѣта, выглядѣлъ бравымъ генераломъ, видимо бодро переносившимъ свою хлопотливую и безпокойную службу.

— Я заѣхалъ въ Самару, — тотчасъ же обратился принцъ къ намъ, — съ тѣмъ, чтобы предупредить васъ, какъ Начальника Губерніи, — Его Высочество зорко уставился на близко къ нему сидѣвшаго Протасьева, который подъ этимъ диктаторскимъ взоромъ всѣмъ своимъ большимъ туловищемъ качнулся въ мою сторону, — васъ и весь здѣшній врачебно-санитарный персоналъ, что изъ Закавказья началась эвакуація значительныхъ отрядовъ плѣнныхъ турокъ — численностью до 40.000 человѣкъ, среди которыхъ стала свирѣпствовать эпидемія тифа и холеры. Главнѣйшее направленіе этой отправки намѣчено по Сызрано-Самаро-Златоустовской магистрали. По пути будетъ организована фильтрація перевозимыхъ плѣнныхъ, чтобы отдѣлить больныхъ и размѣстить ихъ въ военныхъ госпиталяхъ, расположенныхъ вдоль желѣзнодорожныхъ линій. Пятую по счету фильтрацію мы съ профессоромъ Чистяковымъ (при этомъ онъ указалъ на профессора) намѣтили устроить въ Самарѣ. Мнѣ необходимо здѣсь въ срочномъ порядкѣ организовать помѣщеніе для дневной обсерваціи пересылаемыхъ турецкихъ партій... Имѣется у васъ такое помѣщеніе? — рѣзко обратился принцъ Ольденбургскій съ этимъ вопросомъ къ губернатору...

— Разрѣшите, Ваше Императорское Высочество, — несмѣлымъ голосомъ промолвилъ Протасьевъ, — доложить объ общемъ положеніи всего врачебно-санитарнаго дѣла во ввѣренной мнѣ губерніи и представить на Ваше Августѣйшее благовоззрѣніе составленный по сему особый рапортъ...

Съ этими словами Николай Васильевичъ собирался трясущимися руками раскрыть свой портфель, но его благимъ намѣреніямъ не суждено было осуществиться. Со стороны принца раздался нервный окрикъ: — Никакихъ рапортовъ мнѣ вашихъ не нужно, а прошу отвѣтить на мой вопросъ — есть у васъ то помѣщеніе, о которомъ я спрашиваю?

Наступило мертвое молчаніе, словно зловѣщее затишье передъ страшной грозой... Доносилось лишь неистовое завываніе метели. Мнѣ показалось, что вагонъ затрясся. На самомъ

дѣлѣ это было нервное трепетаніе навалившагося на меня всѣмъ своимъ корпусомъ несчастнаго Губернатора. Онъ очутился въ самомъ отчаянномъ положеніи, ибо помѣщенія, котораго отъ него требовалъ принцъ, въ его распоряженіи не имѣлось, а отвѣтить грозному Верховному Санитарному Начальнику словомъ „нѣтъ" Протасьевъ не рѣшался...

Долженъ сознаться, что я, вмѣстѣ съ нимъ, переживалъ жуткія минуты — тѣмъ болѣе, что лицо принца замѣтно побагровѣло, и его налившіеся кровью глаза не предвѣщали ничего добраго... Вдругъ у меня блеснула счастливая мысль. Это было нашимъ чудеснымъ спасеніемъ. Пока мы ждали поѣзда принца, Начальникъ Самаро-Златоустовской желѣзной дороги повелъ насъ съ губернаторомъ посмотрѣть только что выстроенный рядомъ съ вокзаломъ превосходный и огромный товарный пакгаузъ, предназначенный для склада и храненія привозимыхъ изъ Туркестанскихъ краевъ фруктовъ.

Побуждаемый единственнымъ желаніемъ выйти изъ положенія, оказавшагося не лучше „губернаторскаго", вѣрнѣе, для всѣхъ сквернаго, я рѣшился, на вторично заданный грознымъ принцемъ вопросъ, дать за губернатора короткій отвѣтъ: — Помѣщеніе есть, Ваше Высочество! — при этихъ словахъ, вздрогнувшій и быстро обернувшійся въ мою сторону, Губернаторъ окончательно меня придавилъ... Послышался внушительный голосъ принца: — Кто говоритъ? — Еле выглядывая изъ-за Губернатора, я назвалъ себя и, неожиданно для всѣхъ, тутъ же указалъ Его Высочеству на нововыстроенный вокзальный пакгаузъ, какъ на зданіе, по своему мѣстонахожденію и по размѣрамъ, подходящее для обсерваціоннаго пункта.

Особенно былъ озадаченъ моимъ заявленіемъ Начальникъ дороги, которому я, подъ прикрытіемъ внушительной губернаторской персоны, дѣлалъ руками и глазами жесты, чтобы онъ сидѣлъ смирно. Его Высочество быстро всталъ, отрывисто бросивъ въ мою сторону: — Вотъ это дѣло!.. Сейчасъ же покажите мнѣ это помѣщеніе!..

Онъ ушелъ въ свое купэ и тотчасъ же вернулся, одѣтый въ военнаго покроя полушубокъ, и сталъ всѣхъ торопить идти съ нимъ на осмотръ.

Въ тѣ нѣсколько минутъ, что принцъ отсутствовалъ, вокругъ меня произошло нѣчто невообразимое. Въ одно ухо я слышалъ упреки Начальника дороги; въ другое — сыпались похвалы и благодарности моихъ коллегъ, которыхъ я спасъ отъ грозившей опасности. Гудовичъ, подойдя ко мнѣ, дружески сказалъ: — Молодецъ!.. а то худо было бы!..

Стремительный осмотръ пакгауза, при свѣтѣ электрическихъ фонарей, далъ самый благопріятный результатъ. Принцъ, посовѣтовавшись со своими сотрудниками, нашелъ предложенное помѣщеніе вполнѣ подходящимъ, и тутъ же предложилъ Губернатору приступить къ его оборудованію, причемъ далъ совѣтъ пустыя стѣны забрать двумя рядами толстаго картона. Повеселѣвшій принцъ сдѣлался неузнаваемъ — со всѣми сталъ любезно и привѣтливо бесѣдовать, пересыпая свой отрывистый разговоръ всевозможными шутками. Онъ даже успѣлъ съ нами подѣлиться нѣкоторыми своими фронтовыми впечатлѣніями, съ торжествомъ сообщивъ, что „двѣ недѣли какъ нѣмецкія гранаты не рвутся, и мѣди въ Германіи не хватаетъ"...

Въ то же время мнѣ удалось о многомъ поразспросить графа Гудовича. Отъ него я узналъ опечалившія меня свѣдѣнія про положеніе на Кавказскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, гдѣ русскія молодецкія войска совершали необычайно удалые подвиги, но въ сферѣ высшаго командованія отсутствовало, по его мнѣнію, твердое руководительство, и — по его выраженію — „ощущалась сплошная билиберда"... Прощаясь, я умолялъ Гудовича всячески воздѣйствовать на принца, чтобы заставить его уразумѣть всю чудовищность распоряженія о разсылкѣ по всей матушкѣ Руси больныхъ турокъ, повсемѣстно заражавшихъ тыловыя области.

Позже Его Высочество, видимо, самъ осозналъ допущенную имъ ошибку. Онъ былъ способенъ отмѣнять свои собственныя распоряженія также стремительно, какъ и ихъ отдавать. Во всякомъ случаѣ, этотъ страшный турецкій притокъ человѣческихъ страданій и людской заразы со временемъ прекратился, и Самара могла свободнѣе вздохнуть.

Не убоявшійся погоды, которая замѣтно стала стихать, какъ бы въ унисонъ съ перемѣной общаго настроенія, принцъ Ольденбургскій, обладавшій недюжинной энергіей, успѣлъ осмотрѣть только-что устроенный нашимъ земствомъ одиннадцатый т. н. сортировочный лазаретъ, отъ котораго пришелъ въ восторгъ. Въ общемъ, его заѣздъ въ Самару, продолжавшійся не болѣе двухъ съ половиной часовъ, произвелъ какъ на принца, такъ и на насъ, самарцевъ, самое благопріятное впечатлѣніе. Одинъ лишь Начальникъ Самаро-Златоустовской дороги не могъ мнѣ простить неожиданный для него „подвохъ"... Поѣздъ Его Высочества отбылъ изъ Самары въ Пензу.

Послѣ отъѣзда принца, началась горячая работа по приспособленію спасительнаго пакгауза подъ обсерваціонный пунктъ. Приступлено было и къ подыскиванію помѣщеній подъ заразныя больницы. Со всѣмъ этимъ надо было спѣшить, такъ какъ въ Самару приходило до четырехъ поѣздовъ въ день, набитыхъ несчастными плѣнными.

123

Съ поздней осени 1914 года къ намъ съ фронта стали поступать невеселыя письма солдатиковъ — уроженцевъ Самарской губерніи, а также принадлежавшихъ къ тѣмъ войсковымъ частямъ, которыя до войны стояли въ городѣ Самарѣ. Судя по ихъ сообщеніямъ, съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ приближе-

нія суроваго зимняго времени, положеніе ихъ на позиціяхъ становилось все тяжелѣе и вызывало съ ихъ стороны рядъ жалобъ на недостатокъ теплой одежи, обуви, бѣлья и пр...

Доходившій до насъ голосъ нашихъ кровныхъ защитниковъ, претерпѣвавшихъ тягости „окопнаго" существованія въ осеннее ненастье, позже и въ зимнюю стужу, — не могъ остаться безъ живого и горячаго отклика. Въ концѣ 1914 года въ Самарѣ сорганизовался многочисленный „Объединенный Комитетъ" изъ представителей рѣшительно всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, всяческихъ частныхъ организацій и мѣстныхъ кружковъ. Въ него входили лица, принадлежавшія ко всѣмъ слоямъ и профессіямъ городского населенія. Комитетъ этотъ, избравшій меня своимъ Предсѣдателемъ, поставилъ себѣ цѣлью организовать на самыхъ широкихъ началахъ не только въ городѣ, но и по всей губерніи, сборъ всего, что могло бы пригодиться нашимъ воинамъ. Надо отдать справедливость самарскому обществу, оно проявило въ то время рѣдкое единодушіе и исключительную отзывчивость. Самарцы все это исполняли съ необычайнымъ подъемомъ.

Не могу при этомъ не отмѣтить здѣсь заслугъ многихъ сотрудниковъ „Объединеннаго Комитета", прежде всего такихъ лицъ, какъ докторъ И. А. Аристовъ и предсѣдатель биржевого комитета В. Н. Башкировъ.

Городской врачъ Аристовъ былъ чрезвычайно популярнымъ самарскимъ старожиломъ и незауряднымъ организаторомъ. Благодаря его исключительной энергіи и превосходному знанію города, начавшійся въ Самарѣ съ осени сборъ одежды, теплой обуви, шерстяного бѣлья, нѣкоторыхъ питательныхъ продуктовъ и денегъ, сразу же принялъ организованный характеръ и, при горячемъ сочувствіи горожанъ, проходилъ съ исключительнымъ успѣхомъ. Бывали дни, когда сборы по всему городу производилъ самъ Аристовъ съ многочисленными своими сотрудниками. Населеніе о нихъ оповѣщалось заранѣе. Въ газетахъ печатались воззванія. По улицамъ расклеивали огромныя афиши съ нагляднымъ изображеніемъ положенія солдатъ въ окопахъ и призывомъ жертвовать все, что можетъ его смягчить. Плакаты того же содержанія прикрѣплялись къ фургонамъ, въ которыхъ Аристовъ со своими помощниками устраивали торжественныя процессіи по всему городу, останавливаясь на людныхъ площадяхъ или уличныхъ перекресткахъ и горячо призывая населеніе откликнуться, кто чѣмъ можетъ, на помощь героямъ — защитникамъ отечества. Бывали случаи, что изъ магазиновъ выносили цѣлыя кипы всяческаго носильнаго платья, бѣлья, обуви, разнихъ продуктовъ и т. п. Особенно успѣшны бывали подобныя уличныя процессіи, устраиваемыя комитетомъ передъ большими праздниками (Рождества Христова или Пасхи).

Владиміръ Николаевичъ Башкировъ появился въ Самарѣ сравнительно недавно и быстро съ ней сроднился. Энергичный, общительный, съ недюжинной смекалкой, Владиміръ Николаевичъ съ перваго же нашего съ нимъ знакомства мнѣ очень понравился. Не безъ нѣкотораго моего содѣйствія онъ, несмотря на свою молодость и недавнее появленіе въ Самарѣ, былъ избранъ, незадолго до войны, Предсѣдателемъ Биржевого Комитета. На этой должности онъ сразу же проявилъ себя въ качествѣ выдающагося дѣльца, Со временемъ, онъ доказалъ свои недюжинныя способности на отвѣтственной должности Самарскаго районнаго уполномоченнаго по заготовкѣ для военнаго вѣдомства хлѣбныхъ продуктовъ. Въ бытность мою Министромъ я далъ ему еще болѣе широкія права въ той же продовольственной области. При Временномъ Правительствѣ Башкировъ состоялъ недолгое время Товарищемъ Министра — сначала при Шингаревѣ и затѣмъ при Пошехоновѣ, завѣдуя все той же продовольственной частью.

Въ октябрѣ 1917 года, Владиміръ Николаевичъ, черезъ Сибирь и Японію, перебрался въ Америку, гдѣ, не зная языка, сумѣлъ въ Нью-Іоркѣ быстро оріентироваться и открыть хлѣбную контору: „Нью-Іоркъ — Самара Корпорейшенъ".

Благодаря Башкирову, Объединенный Комитетъ получилъ для склада пожертвованныхъ вещей превосходное обширное помѣщеніе Самарской Биржи, куда свозились цѣлыя горы вещей. Все это тамъ же сортировалось многочисленными добровольцами.

Наряду съ вещевымъ сборомъ, приходилось обращаться къ населенію съ призывомъ о денежныхъ пожертвованіяхъ, которыя шли главнымъ образомъ на пріобрѣтеніе тѣхъ предметовъ, въ которыхъ на фронтахъ была острая нужда, и которые почему-либо не поступали къ намъ на склады, и на подарки къ праздникамъ. Деньги нужны были и на покрытіе неизбѣжныхъ расходовъ по Комитету.

Параллельно съ дѣятельностью Комитета, въ Самарѣ образовался многочисленный дамскій кружокъ, задавшійся цѣлью изъ пожертвованнаго матерьяла шить солдатское бѣлье и одежду. Работа эта, привлекшая массу сотрудницъ изъ всѣхъ слоевъ общества, производилась въ двухъ мѣстахъ: часть кружка, подъ руководствомъ губернаторши — энергичной Анны Васильевны Протасьевой, собиралась на губернаторской квартирѣ; остальныя объединялись вокругъ моей жены Анны Константиновны, и собирались въ домѣ Дворянства, гдѣ имъ была предоставлена обширная зала съ удобными столами для кройки.

Заготовленныя дамскимъ кружкомъ бѣльевыя и прочія вещи передавались въ распоряженіе Объединеннаго Комитета, гдѣ ихъ тщательно упаковывали. Уполномоченные Комитетомъ лица сопровождали посылаемый въ армію грузъ и довозили его до частей, которымъ онъ предназначался. Это давало жертвователямъ увѣренность, что вещи будутъ доставлены по назначенію. Періодическіе отчеты о вещевыхъ и денежныхъ поступленіяхъ помѣщались во всѣхъ самар-

скихъ газетахъ, забывшихъ на время войны свои былыя политическія распри.

Благодаря установившейся живой связи нашей отдаленной тыловой Самары съ фронтомъ у меня скопилась обширная солдатская корреспонденція исключительнаго историческаго интереса. Въ этихъ письмахъ изъ арміи, наряду съ благодарностью за посылки, попадалось не мало описаній, касавшихся боевого быта ихъ авторовъ. Вся эта литература мною бережно хранилась съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи ее, наряду съ отчетностью о дѣятельности Объединеннаго Комитета, помѣстить въ музей Великой Европейской войны, который я имѣлъ въ виду основать при Дворянскомъ Домѣ.

Помимо дѣятельности, направленной на оказаніе матерьяльной помощи самарскимъ воинамъ, Объединенный Комитетъ имѣлъ также значеніе, какъ показатель того единодушія и общаго патріотическаго подъема, которыми въ первый годъ великой войны были охвачены всѣ русскіе люди безъ различія служебнаго положенія, сословной своей принадлежности, занятій и даже политическаго направленія.

124

1915-му году суждено было въ моей жизни занять исключительное мѣсто: съ конца мая этого года я сталъ получать рядъ назначеній одно другого для меня неожиданнѣе и значительнѣе...

Началось съ порученія, возложеннаго на меня Главнымъ Управленіемъ Россійскаго Общества Краснаго Креста, приступить къ организаціи въ Самарѣ резервовъ военныхъ санитаровъ и военно-санитарныхъ обозовъ; 1-го августа состоялось Высочайшее назначеніе меня въ составъ Верховной Слѣдственной Комиссіи, а 10-го ноября того же памятнаго для меня года я былъ вынужденъ, по настойчивой волѣ Государя, принять постъ Министра Земледѣлія и одновременно должность Предсѣдателя Особаго Продовольственнаго Совѣщанія.

Всѣ эти назначенія сопряжены были съ крайне срочными и частью чрезвычайно сложными заданіями, всецѣло связанными съ исключительными условіями военнаго времени.

До принятія мною двухъ послѣднихъ назначеній, я могъ еще сравнительно свободно располагать своимъ временемъ, распредѣляя его между столичными служебными дѣлами, мѣстными самарскими и своими хозяйственными въ Головкинѣ и Симбирскѣ.

Самое распредѣленіе моего времени обычно носило характеръ лихорадочной спѣшки, и нерѣдко производилось по телеграфнымъ, подчасъ совершенно неожиданнымъ распоряженіямъ...

Часто наѣзжая въ Москву и Петербургъ, я имѣлъ обыкновеніе, прежде, чѣмъ приниматься за какія-либо дѣла, заѣзжать въ Москвѣ къ Иверской часовнѣ и затѣмъ къ чудотворной иконѣ Божьей Матери „Нечаянной Радости"; въ Петербургѣ — я заходилъ сначала въ сосѣднюю съ Европейской гостиницей часовенку на Невскомъ, а потомъ направлялся въ Александро-Невскую Лавру, гдѣ около серебряной гробницы св. Александра Невскаго любилъ обдумывать предстоящую мнѣ дѣятельность. Нерѣдко посѣщалъ я и домикъ Петра Великаго на Петербургской сторонѣ, въ которомъ помѣщалась величайшая Петербургская святыня — икона Нерукотвореннаго Спаса съ надписью наверху: „Сердце царево въ руцѣхъ Божіихъ".

Пріѣхавъ 16-го января въ Петроградъ, мы съ женой на другой же день утромъ побывали въ Александро-Невской Лаврѣ, гдѣ намъ хотѣлось посѣтить многочисленныя свѣжія могилы убитыхъ на поляхъ брани офицеровъ.

Обходя многочисленные ряды жертвъ воинскаго долга, мы набрели и на надгробный памятникъ знакомой намъ четы Богдановичей — престарѣлаго генерала Евгенія Васильевича и его супруги — Александры Викторовны.

Я зналъ старика — Евгенія Васильевича, обычно одѣтаго въ генеральскую форму Императорскихъ Стрѣлковъ, еще зрячимъ. Впослѣдствіи онъ потерялъ зрѣніе, но это не мѣшало ему по-прежнему вести интересныя — полныя юмора и остроумія бесѣды, захватывавшія какъ его воспоминанія, такъ и самыя современныя и злободневныя темы. Несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, Богдановичъ бодро переносилъ безконечные у него пріемы.

Худой, весь серебристо-бѣлый, съ типичной внѣшностью былого военнаго временъ Императора Александра Второго, имя котораго онъ благоговѣйно чтилъ, благодаря своимъ многочисленнымъ друзьямъ и сохранившейся незаурядной памяти, былъ всегда въ курсѣ всѣхъ столичныхъ дѣлъ и новостей, до интимно-придворныхъ включительно.. Незадолго до своей смерти онъ написалъ Его Величеству откровенное письмо, въ которомъ предостерегалъ его противъ гибельнаго вліянія Распутина и умолялъ Государя разъ навсегда удалить его изъ столицы. Отвѣта на это письмо старикъ не получилъ. Въ настоящее время большевиками изданы оставшіяся послѣ Александры Викторовны ея записи, представляющія собой немалый историческій интересъ.

17-го января 1915 года состоялось открытіе сессіи Государственнаго Совѣта, сопровождавшееся патріотическими рѣчами двухъ почтенныхъ старцевъ: предсѣдательствовавшаго И. Я. Голубева и Предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина. Вслѣдъ за этимъ раздалось весьма скромное „ура" и затѣмъ приступлено было къ дѣловымъ занятіямъ.

Послѣ сравнительно долгаго перерыва я радъ былъ по-

встрѣчаться со своими коллегами, со многими изъ которыхъ за послѣдніе годы пришлось близко сойтись и подружиться. При окончаніи моихъ полномочій перваго выборнаго трехлѣтія, когда я было рѣшилъ въ составъ членовъ Государственнаго Совѣта вновь не баллотироваться, я получилъ отъ многихъ изъ нихъ на память фотографическія карточки съ трогательными, дружескими надписями. Десятка три этихъ, дорогихъ для меня, изображеній красовались въ особой рамѣ на видномъ мѣстѣ моего самарскаго кабинета.

Встрѣтившись теперь, мы спѣшили поговорить о томъ, что каждаго изъ насъ интересовало. Алексѣй Борисовичъ Нейдгардтъ звалъ въ свою группу; А. П. Струковъ разспрашивалъ про новокупленный домъ Дервиза; А. Д. Самаринъ велъ рѣчь о дѣлахъ Краснаго Креста и не скупился на лестные отзывы о самарскихъ нашихъ распорядкахъ; Предсѣдатель Главнаго Управленія Краснаго Креста интересовался общимъ положеніемъ на мѣстахъ подвѣдомственныхъ ему учрежденій; А. С. Стишинскій жаловался на „засиліе польскаго вопроса", называя переживаемый страной политическій періодъ не иначе, какъ „польской болѣзнью".

Отъ Сергѣя Дмитріевича Сазонова я выслушалъ обстоятельную сводку общаго положенія дѣлъ на фронтѣ и въ тылу. Война, по его мнѣнію, должна была затянуться по крайне мѣрѣ еще на цѣлый годъ. Сергѣй Дмитріевичъ очень жаловался на недостатокъ воинскаго снабженія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣчалъ, что настроеніе въ арміи и населеніи, въ общемъ, удивительно бодрое и стойкое. Боялся онъ за Англію... „Безъ нея — пояснилъ Сазоновъ — немыслимо было бы намъ воевать. Въ этомъ отношеніи намъ очень помогла грубая и глупая нѣмецкая дипломатія, толкнувшая Англію въ нашъ союзъ... Италія и Румынія — государства измѣнчивыя, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ концѣ концовъ, тоже вступятъ въ наше тройственное согласіе. Греція примкнетъ къ нему, если ей дадутъ часть Малой Азіи. Что же касается Болгаріи, то народъ къ намъ очень расположенъ, зато правящіе и интеллигентные верхи, въ особенности — самъ Царь, отвратительны!"...

Переходя къ характеристикѣ Петроградскаго общества, Сазоновъ отмѣтилъ устойчивое настроеніе своихъ коллегъ и правящихъ верховъ. Исключеніями, по его мнѣнію, являлся державшій свои капиталы въ Германіи Витте и нѣкоторые изъ личныхъ его знакомыхъ, — вродѣ князя Алексѣя Дмитріевича Оболенскаго, графа Д. А. Олсуфьева и нѣкоторыхъ другихъ. „Большой это грѣхъ съ ихъ стороны" — такими словами закончилъ Сазоновъ нашу бесѣду.

Насколько тихо и блѣдно прошло открытіе сессіи Верхней Палаты, настолько восторженно и воодушевленно начались 27-го того же января занятія Государственной Думы въ присутствіи всего Совѣта Министровъ и массы собравшейся на хорахъ публики. Предсѣдатель Думы, М. В. Родзянко, сказалъ превосходную, полную бодраго патріотизма, вступительную рѣчь съ призывомъ думцамъ и всему населенію встать на защиту отечества.

Вызванный этой рѣчью общій подъемъ проявился съ еще большей силой послѣ выступленія Министра Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазонова, говорившаго на близкую русскимъ сердцамъ тему о необходимости осуществить завѣтную мечту — освободить братьевъ-славянъ отъ рабскаго угнетенія и получить въ наши руки ключи отъ Босфора. На долю оратора выпала рѣдкая по своей внушительности овація, какъ со стороны депутатовъ, такъ и отъ всей присутствовавшей публики.

Выступавшій за нимъ Милюковъ и нѣкоторые другіе депутаты горячо привѣтствовали слова Сазонова. Рѣзкимъ диссонансомъ прозвучалъ лишь истеричный выкрикъ Керенскаго, вызвавшій единодушные, громкіе и возмущенные протесты...

Работа законодательныхъ палатъ главнымъ образомъ была сосредоточена на прохожденіи государственныхъ смѣтъ и разсмотрѣніи экстренныхъ расходовъ, сопряженныхъ съ потребностями военнаго времени.

Сессія Государственнаго Совѣта закончилась 30 января. Въ тотъ же день, вечеромъ, члены обѣихъ законодательныхъ палатъ получили приглашеніе на раутъ, устроенный Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ Ив. Л. Горемыкинымъ въ его новомъ казенномъ особнякѣ на Моховой.

Раутъ отличался многолюдствомъ и большимъ оживленіемъ. На немъ мнѣ впервые пришлось столкнуться съ Григоріемъ Вячеславовичемъ Глинкой — моимъ впослѣдствіи ближайшимъ помощникомъ по руководству продовольственнымъ снабженіемъ Имперіи, а въ то время завѣдывающимъ Переселенческимъ Управленіемъ, и приглашеннымъ А. В. Кривошеинымъ въ качествѣ сотрудника по хлѣбнымъ заготовкамъ.

Глинка сразу показался мнѣ заносчивымъ и упрямымъ чиновникомъ, много о себѣ думавшимъ, но мало еще смыслившимъ въ хлѣбныхъ операціяхъ. Мы заспорили о системѣ хлѣбныхъ заготовокъ. переубѣдить его мнѣ не удалось. Нашъ споръ былъ перенесенъ за общій столъ Особаго Совѣщанія, открывшагося вскорѣ послѣ прекращенія занятій Государственнаго Совѣта.

Засѣданія этого спеціальнаго совѣщанія начались 3-го февраля и собрали со всѣхъ концовъ Россіи массу земскихъ дѣятелей, въ числѣ которыхъ участвовалъ и я, по уполномочію своего земскаго собранія. Засѣданія проходили то подъ путаннымъ предсѣдательствомъ неустойчиваго Глинки, то подъ руководствомъ самого Кривошеина, проявлявшаго въ своихъ отношеніяхъ къ участникамъ совѣщанія много личнаго пристрастія, а въ резюмированіи заключительныхъ постановленій немало уклончивости и расплывчатости.

Основнымъ вопросомъ, возбуждавшимъ наиболѣе ожив-

ленныя пренія являлся правительственный проектъ объ установленіи права реквизиціи хлѣбныхъ запасовъ и опредѣленія самихъ реквизиціонныхъ цѣнъ. Возбуждались также вопросы объ упорядоченіи хлѣбныхъ перегрузокъ въ Н. Новгородѣ и Самарѣ, о прекращеніи вывоза хлѣбныхъ продуктовъ черезъ Финляндію въ Швецію и др. По послѣднему вопросу Кривошеинъ пояснилъ, что шведская граница необходима для провоза черезъ нее въ Россію предметовъ воинскаго снабженія исключительной важности, въ силу правила — „do ut des" — приходится шведскую границу оставить открытою для вывоза черезъ нее русскаго хлѣба.

Совершенно неожиданно для меня на этихъ засѣданіяхъ мнѣ пришлось устроить одно немаловажное дѣло, касавшееся уже моихъ личныхъ хозяйственныхъ интересовъ. Я встрѣтился на совѣщаніяхъ съ Н. Ф. Бѣляковымъ, уполномоченнымъ по закупкѣ для военнаго вѣдомства хлѣбовъ въ Симбирскомъ районѣ, въ составъ котораго входила сѣверная часть нашего Ставропольскаго уѣзда, слѣдовательно и Головкинское мое имѣніе. Онъ предложилъ мнѣ продать Военному Вѣдомству съ моей мельницы значительную партію ржаной муки по цѣнѣ — 1 р. 25 коп. за пудъ. Я предложеніе принялъ.

Наше совѣщаніе, съ участіемъ представителей земской Россіи, вызвано было продовольственными требованіями многолюдныхъ военныхъ фронтовъ, сосредоточившихъ на своихъ оперативныхъ линіяхъ болѣе десятка милліоновъ бойцовъ, а также сознаніемъ правившихъ верховъ, что начатую, безпримѣрно-жестокую, войну придется вести долго.

Вопросъ провольствія арміи и нѣкоторыхъ тыловыхъ мѣстностей уже съ января 1915 года привлекъ къ себѣ вниманіе не только различныхъ вѣдомствъ, но и болѣе широкихъ общественныхъ и законодательныхъ круговъ, гдѣ правильную постановку снабженія ставили въ прямую связь съ общимъ положеніемъ сельскаго хозяйства въ Имперіи. Вотъ почему, одновременно съ образованіемъ чисто-техническаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ А. В. Кривошеина, въ Государственномъ Совѣтѣ образовалась многочисленная группа лицъ, поставившихъ себѣ цѣлью выясненіе вопросовъ экономическаго и сельскохозяйственнаго значенія. Группа эта, однимъ изъ учредителей которой состоялъ и я, собралась впервые 23-го января, выбравъ своимъ предсѣдателемъ Алексѣя Сергѣевича Ермолова. Засѣданія ея представляли несомнѣнно значительный интересъ. На нихъ обсуждались животрепещущіе вопросы, въ связи съ грозными событіями, нарушившими нормальную хозяйственную жизнь государства. На засѣданіяхъ этихъ былъ рѣшенъ рядъ вопросовъ чрезвычайно существенныхъ. Однако Голубевъ, предсѣдательствовавшій тогда на общихъ собраніяхъ Государственнаго Совѣта, уклонился отъ внесенія пожеланій экономической группы на разсмотрѣніе Верхней Палаты, и предупредилъ, что на обсужденіе въ общихъ засѣданіяхъ онъ будетъ вносить лишь предложенія, исходящія отъ

Финансовой Комиссіи. Въ силу этого, приходилось работу экономической группы передавать предварительно на заключеніе этой комиссіи, обычно очень занятой. Съ закрытіемъ же сессіи Государственнаго Совѣта дѣятельность экономической группы окончательно замерла.

Впослѣдствіи, съ осени того же 1915 года, обстоятельства заставили болѣе серьезно заняться вопросомъ продовольственнаго снабженія не только одной арміи, но отчасти и тыловой Россіи и въ спѣшномъ порядкѣ образовать спеціальное учрежденіе — Особое Продовольственное Совѣщаніе, — съ которымъ мнѣ, въ качествѣ его Предсѣдателя, суждено было близко ознакомиться.

Ко мнѣ въ Петроградъ, какъ только я туда пріѣхалъ, стали поступать изъ Самары телеграммы самаго отчаяннаго содержанія о положеніи военно-санитарнаго дѣла, въ связи съ переполненіемъ Самарскаго желѣзнодорожнаго узла поѣздами, привозившими съ турецкаго фронта огромное количество заразныхъ больныхъ. Ко всему этому, въ той же Самарѣ возникли досадныя тренія между сестрами милосердія, принадлежавшими къ мѣстной „Ольгинской" общинѣ и откомандированными изъ Петроградской „Георгіевской" общины — тренія, принявшія въ мое отсутствіе серьезный и для дѣла недопустимый характеръ.

Я счелъ своимъ долгомъ лично повидать принца Ольденбургскаго и ходатайствовать передъ нимъ о прекращеніи присылки съ Кавказа поѣздовъ въ Самару, не имѣвшую болѣе никакой возможности размѣщать заразно-больныхъ турокъ.

Его Высочество принялъ меня у себя во дворцѣ, утромъ, 27-го января. Встрѣтившіе меня графъ Гудовичъ и графъ Сюзоръ предупредили, что принцъ не въ духѣ и чего-либо благопріятнаго для меня ожидать было трудно. Вскорѣ меня ввели въ квадратную, сравнительно небольшую, комнату въ нижнемъ этажѣ. Въ одномъ ея углу ожидалъ меня принцъ Александръ Георгіевичъ. Лицо его ничего добраго не предвѣщало. Въ другомъ углу стояла огромная клѣтка съ невѣроятно крикливымъ бѣлымъ какаду; въ третьемъ — лежалъ его любимый пудель, а изъ четвертаго вошли мы с Гудовичемъ. Въ комнатѣ — по всей видимости — проходной, не было никакой мебели, кромѣ стола и деревяннаго диванчика, какіе обычно ставятся въ переднихъ. Принцъ подошелъ, поздоровался за руку и, бросивъ: „Что вамъ нужно?" — сталъ ходить изъ одного угла въ другой, что-то про себя ворчливо бормоча, и одновременно бросая мнѣ отрывочная фразы, содержаніе которыхъ было трудно уловить, главнымъ образомъ, изъ-за неистоваго крика его пернатаго друга.

Принцъ, занятый собственными мыслями, вѣроятно, лишь наполовину слышалъ то, что я ему говорилъ. Послѣ четверти часа подобнаго разговора я рѣшилъ освободить чѣмъ-то разстроеннаго принца и прекратить дальнѣйшую непроизводительную трату времени...

Я замолкъ и затѣмъ нѣсколько разъ повторилъ мелькавшему передо мной Августѣйшему хозяину слова прощальнаго привѣтствія. Наконецъ Его Высочество остановился вплотную противъ меня и произнесъ своимъ обрывистымъ рѣзкимъ голосомъ: „Поѣзжайте на мѣсто и разберитесь!... Я приму свои мѣры!"... Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, сопровождаемый криками попугая и лаемъ пуделя...

И въ самомъ дѣлѣ, Его Высочествомъ мѣры были приняты и притомъ самыя для насъ отрадныя: эвакуація турецкихъ больныхъ въ Самару прекратилась... Предсказанія Гудовича не сбылись.

Этимъ мои „хожденія" по самарскимъ военно-санитарнымъ дѣламъ не ограничились. Всюду, гдѣ только могъ, я выступалъ не только съ настойчивыми просьбами, но прямо-таки съ требованіями придти на помощь Самарѣ въ смыслѣ обезпеченія города достаточнымъ количествомъ военныхъ госпиталей и оборудованіемъ спеціальной больницы для заразныхъ больныхъ. Эти заявленія я дѣлалъ на засѣданіяхъ Главнаго Управленія Краснаго Креста, на которыхъ, кромѣ Предсѣдателя А. А. Ильина, человѣка въ высшей степени отзывчиваго и мягкаго, но находившагося всецѣло въ рукахъ своего секретаря — умнаго и дѣловитаго Чаманскаго, присутствовали обычно такія медицинскія свѣтила, какъ профессоръ Сиротининъ, профессоръ фонъ-Анрепъ, а также Л. Н. Малиновскій, Зиновьевъ и др. По тому же поводу неоднократно говорилъ я и съ Военнымъ Министромъ. Приходилось быть невольно очевидцемъ междувѣдомственной неразберихи по военно-санитарнымъ вопросамъ между Главнымъ Управленіемъ Краснаго Креста и Военнымъ Министерствомъ.

Наконецъ, не иначе какъ съ Божьей помощью, удалось мнѣ добиться правительственной ассигновки въ 170.000 руб. на оборудованіе въ Самарѣ военнаго госпиталя, чѣмъ до извѣстной степени благополучно разрѣшался одинъ изъ наболѣвшихъ вопросовъ въ нашемъ Приволжскомъ краѣ.

Благодаря содѣйствію Н. Н. Анцыферова — Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, устроилъ я также для Самарскаго земства, на льготныхъ условіяхъ, правительственный заемъ для того же лазаретнаго дѣла.

Что же касается столкновенія между сестрами Ольгинской и Георгіевской общинъ, то я не ограничился сношеніями съ однимъ Главнымъ Управленіемъ Краснаго Креста, а обратился непосредственно къ самой Предсѣдательницѣ Георгіевской общины — графинѣ Марьѣ Өедоровнѣ Шереметевой, супругѣ извѣстнаго музыкальнаго мецената и дѣятеля, графа Александра Дмитріевича,обитавшаго въ своемъ чудномъ особнякѣ на Французской набережной.

Чрезвычайно любезные и радушные, графъ и графиня Шереметевы оставили во мнѣ наилучшіе воспоминанія. Я всегда восхищался музейной обстановкой ихъ богатѣйшаго дома и проводилъ преинтересные часы, бесѣдуя съ графомъ Александромъ Дмитріевичемъ на излюбленныя его темы о постановкѣ музыкальнаго образованія и объ упорядоченіи православнаго церковнаго пѣнія. Его мечтой было добиться введенія въ нашихъ храмахъ органа, въ дополненіе къ хоровому пѣнію.

Благодаря энергичному вмѣшательству графини, мнѣ удалось быстро достичь полнаго умиротворенія возникшихъ въ Самарѣ между сестрами недоразумѣній.

Знакомство мое съ графомъ А. Д. Шереметевымъ и собесѣдованія наши съ нимъ по музыкальнымъ вопросамъ побудили меня, въ то же январское пребываніе мое въ столицѣ, принять участіе на одномъ изъ засѣданій дирекціи Императорскаго Музыкальнаго Общества, происходившемъ въ залѣ Консерваторіи, подъ предсѣдательствомъ Ея Высочества принцессы Елены Георгіевны Саксенъ-Альтенбургской.

Я задался цѣлью убѣдить дирекцію принять въ свое вѣдѣніе и подъ свое высшее руководство дѣло изученія, развитія и насажденія въ странѣ народной музыки. На засѣданіи присутствовали В. И. Тимирязевъ, Глазуновъ, Ипполитовъ-Ивановъ, братья Сомовы и др. Я указалъ на необходимость заполнять зимній деревенскій досугъ, который обычно употреблялся сельской молодежью на развлеченія грубо-чувственнаго порядка, сопровождавшіяся обильнымъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ. Послѣ объявленія войны 1914 года, винныя лавки, по Высочайшему указу, были закрыты. Наступилъ благопріятный моментъ использовать мудрое Царское распоряженіе съ тѣмъ, чтобы народныя духовныя потребности направить по пути болѣе возвышеннаго, облагораживающаго порядка. Въ этомъ отношеніи, музыка должна была, по моему разумѣнію, занять первенствующее положеніе. Собираніе и распространеніе народныхъ мелодій — въ противовѣсъ пошлымъ частушкамъ; содѣйствіе образованію хоровъ и сельскихъ оркестровъ; привлеченіе къ этому дѣлу мѣстныхъ общественныхъ организацій и отдѣльныхъ лицъ — все это могло бы взять на себя Императорское Музыкальное Общество. Предложеніе мое было встрѣчено сочувственно, и мнѣ было поручено составить записку, которую я вскорѣ передалъ нашей Августѣйшей Предсѣдательницѣ.

Хочу сказать нѣсколько словъ и о другомъ моемъ докладѣ, имѣвшемъ связь съ прекращеніемъ продажи водки, благодаря которому у деревенскаго люда стали накапливаться значительныя денежныя сбереженія. Правительству, нуждавшемуся въ огромныхъ оборотныхъ средствахъ, слѣдовало это использовать и въ то же время придти на выручку самому сельскому люду, не знавшему гдѣ хранить свои сбереженія. Въ обширной Самарской губерніи города съ казначействами и сберегательными кассами находились въ такомъ отдаленіи отъ большинства селеній, что крестьянамъ въ голову не приходило держать свои сбереженія.

Сама собой вставала мысль о необходимости указать деревенскимъ жителямъ, для помѣщенія денежныхъ излишковъ,

какія-либо учрежденія, заслуживавшія ихъ полнаго довѣрія. Этой цѣли могли бы служить волостныя правленія и кредитныя товарищества, при которыхъ правительство могло открыть по всей странѣ сѣть мелкихъ сберегательныхъ кассъ.

Въ Петроградѣ я возбуждалъ этогъ вопросъ тамъ, гдѣ только представлялась мнѣ возможность и находилъ всеобщее сочувствіе, завершившееся тѣмъ, что Министръ Финансовъ Петръ Львовичъ Баркъ въ день моего отъѣзда изъ столицы, 11-го февраля, принялъ отъ меня спеціально для него составленную по этому поводу записку и обѣщалъ воспользоваться ею для всесторонняго выясненія моего предложенія.

Съ Петромъ Львовичемъ, въ концѣ того же 1915 года, мнѣ пришлось сотрудничать въ Совѣтѣ Министровъ. Въ томъ, какъ онъ принималъ посѣтителей въ своемъ министерскомъ кабинетѣ, въ его мягкой готовности выслушать, сказывалось не чиновное прошлое, а долголѣтняя школа частной банковской службы, пріучавшей людей къ привѣтливому обращенію со своей кліентурой.

Въ концѣ пріема у насъ зашелъ разговоръ относительно финансовой конференціи державъ тройственнаго согласія, которая засѣдала въ Парижѣ и въ которой, наряду с Министрами Финансовъ: Франціи - Рибо и Англіи - Ллойдъ Джорджемъ, участвовалъ и Петръ Львовичъ Баркъ, лишь недавно вернувшійся изъ-за границы. О своихъ общихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ отъ этого Парижскаго совѣщанія, Петръ Львовичъ выразился въ слѣдующихъ выраженіяхъ: — Конференція наша прошла лучше, чѣмъ я ожидалъ...

Приходилось мнѣ по своимъ дѣламъ бесѣдовать и съ другими Министрами, между прочимъ, съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Николаемъ Алексѣевичемъ Маклаковымъ — вертлявымъ, говорливымъ субъектомъ. Сообщилъ онъ мнѣ въ первую голову, что въ Самару слѣдуетъ ожидать пріѣзда Государя (чего на самомъ дѣлѣ не было), а затѣмъ, что выборовъ въ Государственную Думу пятаго созыва не будетъ до окончанія войны.

Коснувшись вопроса объ использованіи военноплѣнныхъ, какъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, Маклаковъ пояснилъ, что этимъ дѣломъ занята спеціально образованная комиссія, подъ предсѣдательствомъ А. В. Кривошеина. Упомянувъ это имя, мой собесѣдникъ не могъ воздержаться, чтобы не наговорить цѣлый ворохъ недоброжелательныхъ о немъ отзывовъ, ставя Кривошеину въ вину, главнымъ образомъ, его „заигрываніе" съ общественными элементами. Тутъ Маклаковъ разразился самой ожесточенной критикой по адресу общеземскихъ и городскихъ организацій...

Излишняя говорливость Министра отвлекла насъ отъ обсужденія тѣхъ существенныхъ вопросовъ, ради которыхъ я пошелъ къ нему на пріемъ. Совершенно въ такомъ же положеніи очутился нашъ Губернаторъ Н. В. Протасьевъ, пріѣхавшій изъ Самары спеціально для разрѣшенія ряда серьезнѣйшихъ служебныхъ дѣлъ. Явившись къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Протасьевъ вынужденъ былъ выслушивать болѣе получаса безпрерывную болтовню Николая Алексѣевича, распространявшагося на излюбленныя свои темы — о вредѣ общественныхъ организацій, о непозволительномъ „заигрываньи" все того же Кривошеина съ общественными дѣятелями и т. п.. Въ результатѣ, бѣдный Протасьевъ такъ и не успѣлъ ничего толкомъ доложить своему Министру.

Съ именемъ Н. А. Маклакова связано было всѣмъ тогда извѣстное принципіальное расхожденіе Министровъ по поводу польскаго вопроса. Сочиненное С. Д. Сазоновымъ, всецѣло одобренное Вел. Кн. Николаемъ Николаевичемъ, воззваніе было спѣшно отпечатано и въ массовомъ количествѣ распространено. Въ собравшемся послѣ этого засѣданіи Совѣта Министровъ раздался горячій протестъ со стороны Н. А. Маклакова, И. Г. Щегловитова и В. К. Саблера. Среди министровъ обнаружился рѣзкій расколъ. Протестанты, возглавляемые Н. А. Маклаковымъ, начали, въ противовѣсъ воззванію Великаго Князя Николая Николаевича, сочинять свои обращенія и рѣшенія относительно участи Польши. Они собирались у члена Государственнаго Совѣта Б. В. Штюрмера, въ домѣ котораго съ особымъ успѣхомъ культивировались всевозможныя сплетни, включая слухъ о зарождавшейся будто бы у Государя ревности къ популярности Великаго Князя Николая Николаевича.

Вообще, несмотря на исключительное военное напряженіе, героически переносимое десяткомъ милліоновъ людей на фронтахъ, въ петроградскихъ клубахъ и салонахъ занимались плетеньемъ всяческихъ закулисныхъ, въ большинствѣ случаевъ, вздорныхъ слуховъ. Сплетни эти никого рѣшительно не щадили, начиная съ военнаго командованія и придворныхъ круговъ, и кончая Августѣйшимъ Семействомъ. Все служило предметомъ легкомысленныхъ или пристрастныхъ толковъ, необоснованныхъ догадокъ и просто пикантныхъ салонныхъ выдумокъ, забавлявшихъ великосвѣтскія сферы, но въ то же время постепенно отравлявшихъ мозгъ и душу народа.

А тѣ, кто побывали на фронтѣ, разсказывали, что несмотря на вопіющій недостатокъ воинскаго снаряженія, тамъ люди безстрашно и стойко творили великое и святое дѣло, съ полнымъ самоотверженіемъ и твердымъ сознаніемъ исполняли свой долгъ передъ родиной.

125.

Закончивъ свои дѣла въ столицѣ и получивъ изъ Сената, 7-го февраля, давно жданную мною „жалованную Государемъ Императоромъ грамоту" на внесеніе Наумовскаго рода въ шестую часть родословыхъ книгъ Самарскаго дворянства, я поспѣшилъ выѣхать 11-го февраля къ себѣ въ Головкино съ

тѣмъ, чтобы, наладивъ тамъ все необходимое для усиленія мельничнаго производства, успѣть прибыть въ Самару къ открытію 28-го февраля Губернскаго Земскаго Собранія...

По пріѣздѣ въ городъ, мнѣ пришлось сразу же окунуться въ лихорадочную работу — главнымъ образомъ, по краснокрестнымъ дѣламъ... „Семьи своей не вижу" — так значится моя запись въ дневникѣ. Въ Самарѣ я засталъ чрезвычайно подавленное настроеніе, вызванное безудержно развивавшейся въ городѣ тифозной эпидеміей. Турецкая зараза сдѣлала свое дѣло: медицинскій и лазаретный персоналъ я нашелъ на половину больнымъ сыпнымъ тифомъ, многихъ изъ былыхъ моихъ сотрудниковъ я уже не засталъ въ живыхъ.

На собранномъ у Губернатора спеціальномъ совѣщаніи о мѣрахъ борьбы съ распространявшейся эпидеміей, я замѣтилъ полную растерянность, переутомленіе и извѣстную долю паники, охватившей самарцевъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ пришлось мнѣ открывать юбилейное наше Земское Собраніе, задуманное года два тому назадъ, когда никому въ голову не могло придти, въ какой необычно тяжкой, даже мрачной обстановкѣ придется намъ встрѣчать знаменательный день пятидесятилѣтняго существованія Самарскихъ Земскихъ Учрежденій.

Несмотря на все, Губернская Земская Управа сдѣлала все возможное, чтобы придать юбилейному нашему собранію характеръ нѣкоторой парадности и торжественности. При его открытіи, были, послѣ благолѣпнаго церковнаго служенія, произнесены привѣтственныя рѣчи. Я, въ моемъ вступительномъ словѣ, охарактеризовалъ пятидесятилѣтнюю дѣятельность родного Самарскаго земства, подвелъ внушительные итоги, которыми Самарское земство, безспорно, въ правѣ было гордиться. Вечеромъ этого же юбилейнаго дня, Губернская Управа устроила въ новомъ просторномъ помѣщеніи на Саратовской улицѣ многолюдный раутъ, съ приглашеніемъ всѣхъ участниковъ Земскаго Собранія и ихъ сотрудниковъ, въ лицѣ земскихъ служащихъ по найму. Раутъ этотъ прошелъ чрезвычайно оживленно. Раздавались искренне-звучавшія рѣчи на земско-общественныя темы, произнесенъ былъ рядъ горячихъ привѣтствій по адресу наиболѣе популярныхъ и авторитетныхъ земцевъ. Этотъ вечеръ далъ возможность многимъ изъ насъ, хотя бы на короткій срокъ, отойти отъ повседневной неприглядной обстановки самарской дѣйствительности.

Послѣ перваго дня, всецѣло посвященнаго юбилейному чествованію, Губернское Собраніе, продолжавшееся до 7-го марта, было занято разсмотрѣніемъ вопросовъ, служившихъ обычнымъ предметомъ обсужденія на ежегодныхъ очередныхъ сессіяхъ.

Впервые участвовашій на собраніи, въ качествѣ Николаевскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства, князь А. А. Щербатовъ, въ своихъ выступленіяхъ проявилъ незаурядную темпераментность и придалъ возникшимъ одно время на собраніи

преніямъ не малую долю страстности. Предсѣдатель Губернской Управы К. Н. Иньковъ, обычно спокойный и уравновѣшенный, даже завелъ вдругъ со мною рѣчь о своемъ выходѣ со службы. Все это произошло изъ за отрицательнаго отношенія князя Щербатова къ предложенію Самарской Губернской Земской Управы о присоединеніи Самарскаго земства къ общеземской организаціи, возглавляемой княземъ Г. Е. Львовымъ. Въ концѣ концовъ удалось обѣ стороны примирить, выработавъ пріемлемую для большинства гласныхъ редакцію объ установленіи не полной, а лишь нѣкоторой условной связи нашего земства съ Львовской организаціей.

Мнѣ пришлось опять экстренно выѣхать въ столицу на общедворянскій съѣздъ. Поѣздка эта мнѣ памятна потому, что, проведя въ вагонѣ полторы сутокъ въ сообществѣ живого и милаго Щербатова, на московской станціи я познакомился съ его отцомъ — извѣстнымъ московскимъ магнатомъ, предсѣдателемъ Московскаго сельскохозяйственнаго Общества, княземъ Александромъ Григорьевичемъ Щербатовымъ, пріѣхавшимъ на Николаевскій вокзалъ повидать своего сына.

Во время войны князь, совмѣстно со своей супругой, соорудилъ на свои средства спеціальный врачебно-санитарный поѣздъ и былъ цѣликомъ поглощенъ краснокрестной дѣятельностью по оказанію помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. — Я состою у жены министромъ финансовъ и интендантомъ,— съ довольной улыбкой пояснилъ мнѣ князь. Онъ быстро пересказалъ цѣлый калейдоскопъ своихъ яркихъ впечатлѣній о томъ, что ему пришлось перевидать во время своихъ безпрестанныхъ поѣздокъ въ самую глубь боевыхъ фронтовъ.

Интересовался и подробно разспрашивалъ меня маститый князь-отецъ про дѣятельность своего сына въ нашей губерніи, все время не сводя своихъ добрыхъ карихъ глазъ съ лица молодого Щербатова.

Трогательно было видѣть ихъ вмѣстѣ, такихъ большихъ, могучихъ, красивыхъ, видимо безгранично другъ друга любившихъ и получившихъ, наконецъ, возможность встрѣтиться, благодаря счастливому одновременному прибытію въ Москву поѣздовъ: краснокрестнаго Щербатовскаго и нашего самарскаго...

Но пути Божіи неисповѣдимы! Встрѣча отца со своимъ сыномъ 9-го марта оказалась въ ихъ жизни послѣдней...

Въ Петроградѣ молодой князь со мной почти ежедневно видѣлся, но черезъ недѣлю, въ день моего отъѣзда обратно въ Самару, сидя у меня въ Европейской гостиницѣ, показался мнѣ опредѣленно больнымъ. Онъ жаловался на сильнѣйшую головную боль, у него начинался жаръ... Въ Самарѣ, 5-го апрѣля, я получаю телеграмму съ роковой вѣстью — о кончинѣ милаго моего Николаевскаго Предводителя князя А. А. Щербатова. Онъ, повидимому, выѣхалъ со мной въ Петербургъ уже больной брюшнымъ тифомъ.

Тяжко было мнѣ переносить неожиданную утрату чело-

зя Александра Григорьевича Щербатова!.. На протяжени менѣе чѣмъ одного мѣсяца отъ насъ отошли въ иной лучшій міръ отецъ и сынъ Щербатовы, являвшіеся по всему своему высокому душевному складу „лучшими изъ равныхъ", тѣми подлинными аристократами, память о которыхъ должна бережно храниться.

Той же весной 1915 года, отошли въ міръ иной и другія лица, съ которыми у меня связаны были наилучшія воспоминанія, не только по совмѣстной нашей службѣ, но и по близкимъ дружескимъ, частью родственнымъ отношеніямъ.

Еще въ сравнительно молодыхъ годахъ, неожиданно для всѣхъ его знавшихъ, 30-го марта скончался графъ Сергѣй Сергѣевичъ Татищевъ, служившій одно время Саратовскимъ Губернаторомъ и затѣмъ занимавшій постъ Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

18-го апрѣля скончался мой предшественникъ — бывшій Самарскій Губернскій Предводитель Дворянства А. А. Чемодуровъ, а приблизительно черезъ недѣлю послѣ его смерти, до меня дошла скорбная вѣсть о кончинѣ въ Петроградѣ отъ апендицита Симбирскаго Губернскаго Предводителя Дворянства — Владиміра Николаевича Поливанова, женатаго на моей троюродной сестрѣ Маріи Николаевнѣ Языковой. Владиміръ Николаевичъ былъ крупнымъ землевладѣльцемъ Симбирской губерніи. Обстоятельный и серьезный хозяинъ, онъ обычно проживалъ въ своемъ излюбленномъ имѣніи „Акшуатъ" Корсунскаго уѣзда Симбирской губерніи. Вокругъ своей усадьбы онъ развелъ на 500 десятинъ хвойнаго лѣса, за что неоднократно удостаивался получать высшія преміи. Любитель-ботаникъ, цѣнитель всякаго рода художественныхъ произведеній, и основательный знатокъ археологіи, Владиміръ Николаевичъ превратилъ свою Акшуатскую усадьбу въ рѣдкое по красотѣ мѣсто. Въ одномъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ

шее, что даютъ природа и люди, какъ сами по себѣ, такъ и въ ихъ гармоничномъ взаимодѣйствіи... Спасибо за пріютъ, красоту и ласку"...

Набрасывая эти слова, я былъ далекъ отъ мысли, что въ томъ же Акшуатѣ мнѣ придется, почти годъ спустя, прожить нѣсколько дней въ качествѣ тестя молодого хозяина, старшаго сына Владиміра Николаевича — Николая.

Случилось это слѣдующимъ образомъ. У родителей Поливановыхъ было трое дѣтей — два сына и дочь Людмила. Старшій, Николай, воспитывался въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія. По окончаніи курса, онъ былъ причисленъ къ Государственной Канцеляріи, а послѣ смерти отца сталъ заниматься всѣми наслѣдственными дѣлами. Красивый, стройный, Николай Поливановъ превосходно владѣлъ перомъ, проявляя несомнѣнныя музыкальныя способности; вообще обладалъ Языковской одаренностью. Въ концѣ мая 1915 года онъ совершенно неожиданно появился въ Головкинѣ, куда мы успѣли всей семьей переѣхать изъ Самары. Онъ пробылъ въ моей семьѣ дня два, одинъ ушелъ на осмотръ его имѣнія „Грязнухи", расположеннаго отъ насъ въ 12 верстахъ. Остальное время онъ съ моими семейными катался , гулялъ, игралъ въ теннисъ. Вечеромъ молодежь образовывала свою доморощенную капеллу, дирижеромъ ея состоялъ нашъ гость. Онъ наигрывалъ на роялѣ и распѣвалъ, совмѣстно съ тремя нашими дочками, русскія пѣсни.

Старшей, Маріи, было въ то время 16 лѣтъ. Стройная, хорошенькая, съ большой русою косой и очаровательнымъ румянымъ лицомъ доброй русской дѣвушки, Маничка, видимо, сразу же пришлась по душѣ тоже обаятельному молодому сосѣду. Съ этого начался хорошій, чистый и радостный романъ молодыхъ людей, встрѣчи которыхъ проходили въ простой, но жизнерадостной и здоровой обстановкѣ деревенскаго помѣ-

ленномъ мѣстѣ, гдѣ сходились двѣ тѣнистыя аллеи изъ старыхъ акацій, представлявшихъ собою рядъ глухихъ туннелей.

Николай Поливановъ, съ перваго же своего посѣщенія, былъ очарованъ нашимъ головкинскимъ привольемъ и семейнымъ бытомъ. Въ началѣ іюля онъ прибылъ въ Головкино, вмѣстѣ со своей матерью. Въ этотъ разъ визитъ его имѣлъ серьезныя послѣдствія...

Послѣ двухъ дней ихъ пребыванія, заполненныхъ деревенскими развлеченіями и визитами по сосѣдямъ, 4-го іюля, М. Н. Поливанова изъявила желаніе со мною съ глазу на глазъ переговорить. Мы прошли съ ней въ кабинетъ. Моя кузина сразу же заговорила о своемъ сынѣ и нашей Манющѣ. По ея словамъ, ея Николай отъ всей души полюбилъ нашу старшую дочь и заявилъ матери о своемъ намѣреніи сдѣлать ей предложеніе. Въ результатѣ нашей интимной родительской бесѣды, оба мы перекрестились и рѣшили благословить нашихъ дѣтей на будущую ихъ брачную жизнь.

Вечеромъ Коля съ Маней вышли въ садъ. За ними вслѣдъ пошли мы втроемъ: жена, Маня Поливанова и я. Стояла дивная іюльская лунная ночь. Пройдя липовую аллею, мы вышли на просторъ обширной теннисной площадки, залитой яркимъ свѣтомъ полной луны. Остановившись около разросшагося на краю площадки большого сирен еваго куста, посаженнаго моей матерью въ годъ нашей свадьбы, мы увидали приближавшихся къ намъ молодыхъ людей. Подойдя къ намъ, они опустились на колѣни и просили ихъ благословить. Исполнивъ ихъ просьбу, мы всѣ другъ съ другомъ обнялись. Милый нашъ взрослый ребенокъ, наивная и взволнованная шестнадцатилѣтняя Маничка, приникнувъ ко мнѣ, тихо прошептала: — Какъ же папочка?! Вѣдь ты не хотѣлъ меня раньше двадцати лѣтъ замужъ отдавать?! — На это я смогъ ей лишь также таинственно шепнуть: — Такой женихъ нашелся, что пришлось раньше согласиться!..

Радостные и веселые вернулись мы всѣ изъ сада въ домъ и прошли прямо на половину бабушки — моей матери, которой поспѣшили повѣдать о совершившемся великомъ семейномъ событіи.

На другой день состоялось оффиціальное объявленіе о помолвкѣ. Торжественно былъ отслуженъ молебенъ, послѣ чего о. Александръ благословилъ нареченныхъ старинной нашей семейной иконой. Это было настоящее всеобщее торжество. Старыхъ и юныхъ, хозяевъ и гостей, господъ и служащихъ — всѣхъ охватило радостно-возбужденное настроеніе при видѣ молодого счастья, сіявшаго на милыхъ родныхъ лицахъ обаятельныхъ обрученныхъ Николая и Маріи.

Послѣ параднаго обѣда съ аршинными стерлядями и традиціоннымъ шампанскимъ, всѣ тронулись въ путь — сначала на разукрашенныхъ ленточками нарядныхъ тройкахъ до Княгиньки, а съ „плота" и до Симбирска на дивной нашей яхточкѣ „Сиренѣ", тоже разрядившейся въ цвѣточныя гирлянды и

флажки. По пути мы остановились около волжскаго нагорнаго берега въ томъ его мѣстѣ, гдѣ виднѣлся Соловецкій монастырь, расположенный въ живописнѣйшей лѣсистой мѣстности. Помолившись, мы тронулись въ дальнѣйшее плаваніе, завершившееся пріѣздомъ на Симбирскую пристань и пересадкой съ „Сирены" на большой волжскій пароходъ „Боярыня", на которомъ мы на слѣдующее утро прибыли съ нареченной нашей молодой парочкой въ Самару.

Черезъ годъ въ Головкинѣ состоялась ихъ свадьба, съ которой связаны у всѣхъ насъ, чудомъ уцѣлѣвшихъ отъ послѣдующихъ революціонныхъ погромовъ, лишь самыя свѣтлыя и дорогія воспоминанія.

Упомяну еще объ одномъ случившимся той же весной 1915 года событіи, но уже далеко не радостнаго свойства, заставившемъ насъ съ женой перенести много тревоги. 29-го марта заболѣлъ нашъ старшій сынъ Александръ страшной, роковой для нашей семьи, болѣзнью — скарлатиной, которая раньше изуродовала нашу бѣдную Пашеньку. Пришлось Александра поспѣшно отдѣлить отъ остальныхъ дѣтей. Мы его помѣстили въ нововыстроенную дѣтскую больницу, но вскорѣ же послѣ его отправки заболѣлъ младшій, Николай, а затѣмъ и дочь Ольга. Къ великому нашему счастью, болѣзнь ихъ оказалась обычной простудой, а Александръ сталъ постепенно выздоравливать, безъ какихъ-либо скарлатинозныхъ осложненій, и быстро окрѣпъ.

Наряду съ заботами о своей многочисленной семьѣ, въ первую половину описываемаго 1915 года, пришлось мнѣ хлопотать по устройству дѣлъ дѣтей моего покойнаго брата Николая, которыя, послѣ кончины 1-го декабря 1914 года ихъ матери, остались круглыми сиротами.

Мнѣ пришлось взять опеку на себя, но фактически они были на попеченіи сердечнаго и заботливаго воспитателя Фуки. Мальчики — Сергѣй и Николай въ матеріальномъ отношеніи были мною достаточно обезпечены, такъ что они могли безбѣдно существовать и проходить учебный курсъ въ Бердянскомъ реальномъ училищѣ. Я собирался изъ Бердянска ихъ перевести поближе къ себѣ и помѣстить въ Симбирскій кадетскій корпусъ. Но неожиданныя мои назначенія въ концѣ лѣта 1915 года, на исключительно отвѣтственныя должности, вынудили почти на цѣлый годъ — съ августа 15 го года по конецъ іюля 16-го года — отойти отъ личныхъ и семейныхъ дѣлъ.

Затѣмъ наступила тяжелая полоса моей жизни, когда пришлось неотступно присутствовать при тяжкой болѣзни моей бѣдной матери, скончавшейся 11-го января 1917 года. Февральская революція смѣшала всѣ наши дѣловыя и смѣтныя предположенія, а большевистскій переворотъ ихъ всѣ начисто смелъ... Одно время слѣдъ обоихъ мальчиковъ былъ совершенно потерянъ; но разъ, въ Крыму, неожиданно явился ко мнѣ привлекательнаго вида худенькій молодой брюнетъ въ

формѣ Деникинскаго добровольца, съ солдатскимъ Георгіемъ на груди. Оказалось, что это мой старшій племянникъ Сергѣй.

126

Несмотря на массу всяческихъ дѣлъ, сосредоточенныхъ главнымъ образомъ въ Самарѣ, раннею весной я все же смогъ удѣлить достаточно времени, чтобы присутствоват.въ Головкинѣ при пріемкѣ уполномоченными отъ Симбирскаго земства заготовленной на моей мельницѣ для военнаго вѣдомства муки. Не безъ горделиваго чувства любовался я на спѣшную погрузку моего мучного товара на двѣ огромныя баржи, и съ радостнымъ сознаніемъ достигнутаго мною успѣха въ мельничномъ дѣлѣ, смотрѣлъ я со своего любимаго головкинскаго балкона, какъ мощный буксиръ отводилъ до верху нагруженныя баржи по рѣчному „Уренскому" руслу на широкій просторъ волжскаго разлива.

Къ сожалѣнію, пребываніе въ родномъ моемъ имѣніи, гдѣ, наряду съ хозяйственными заботами, я всегда находилъ время наслаждаться всѣми охотничьими чарами головкинскаго приволья, часто прерывалось внезапнымъ вызовомъ меня иногда въ столицу, а чаще въ Самару, по дѣламъ сословнаго характера, но преимущественно въ связи съ дѣятельностью Краснокрестныхъ организацій Объединеннаго Комитета.

Въ нашихъ дворянскихъ дѣлахъ.въ то время приходилось, главное, заниматься устройствомъ сословной кассы взаимопомощи и разрѣшеніемъ т. н. „предводительскаго вопроса", значительно осложнившагося послѣ безвременной кончины князя А. А. Щербатова.

Что же касается дѣятельности Объединеннаго Комитета, то съ наступленіемъ весенняго тепла острота „окопной" солдатской нужды въ теплой одеждѣ отпала, собирали больше на табакъ и бѣлье.

Лазаретная жизнь стала тоже входить въ нѣкоторую норму, благодаря прекращенію Кавказской эвакуаціи. Оставалась насущная нужда въ локализаціи тифозныхъ заболѣваній въ губерніи, но это дѣло, въ силу распоряженій принца Ольденбургскаго, было сосредоточено въ рукахъ губернаторовъ.

Къ лѣту 1915 года я уже предвкушалъ для себя нѣкоторую свободу и намѣревался ею воспользоваться, чтобы, отчасти ради своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, а больше — для собственнаго отдыха, засѣсть на продолжительное время въ своемъ Головкинѣ. Вдругъ, 31-го мая, получаю изъ Петрограда телеграмму, за подписью Предсѣдателя Главнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста гофмейстера Ильина, извѣщавшаго, что, съ соизволенія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, на меня возлагается формированіе въ Самарѣ военныхъ санитаровъ и военно-санитарныхъ обозовъ для всѣхъ боевыхъ фронтовъ.

Пришлось бросить всякую мысль хотя бы о временномъ отдыхѣ и срочно выѣхать въ Самару, куда вскорѣ изъ Петрограда прибылъ специально командированный ко мнѣ Начальникъ мобилизаціоннаго отдѣла Главнаго Управленія Краснаго Креста Александръ Александровичъ Леманъ. Отъ него я узналъ, что въ Главномъ Управленіи Краснаго Креста возникъ вопросъ о необходимости перенести образованіе санитарныхъ резервовъ изъ столицы въ болѣе удобный пунктъ. Остановились на Самарѣ, какъ на большомъ узловомъ желѣзнодорожномъ и водномъ центрѣ, гдѣ было изобиліе продовольственныхъ и фуражныхъ продуктовъ, а также матеріала, нужнаго для оборудованія обознаго транспорта.

На томъ же засѣданіи, по предложенію предсѣдателя А. А. Ильина, было единогласно постановлено уполномочить для этого дѣла меня. Соотвѣтственный докладъ былъ представленъ Предсѣдательницѣ Россійскаго Общества Краснаго Креста Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Ея Величество соизволила его утвердить и въ результатѣ мною была получена вышеупомянутая телеграмма.

Приходилось приниматься за совершенно новое и немалое дѣло, требовавшее не только знанія мѣстныхъ условій, но и, главнымъ образомъ, быстрой распорядительности.

На мой естественный вопросъ, имѣлись ли въ распоряженіи Лемана какія-либо инструкціи, которыми я могъ бы руководствоваться, оказалось, что Главное Управленіе въ этомъ отношеніи рѣшительно ничего не сдѣлало. Все было предоставлено на наше съ Леманомъ усмотрѣніе. Мы съ нимъ тотчасъ же принялись за составленіе плана работы. За два дня пребыванія Александра Александровича въ Самарѣ не мало труда пришлось положить на изготовленіе основныхъ правилъ формированія, обученія и содержанія военно-медицинскихъ резервовъ, а также на подысканіе достойныхъ и расторопныхъ помощниковъ. Надо было также точно опредѣлить взаимоотношенія мои и моихъ гражданскихъ сотрудниковъ со всѣми военными властями, отъ которыхъ зависѣлъ отпускъ въ мое распоряженіе воинскихъ чиновъ для заполненія резервовъ. Это зависѣло, главнымъ образомъ, отъ воинскихъ начальниковъ, которымъ и были разосланы особые циркуляры, отъ имени Главнаго Управленія Краснаго Креста.

Я поспѣшилъ подобрать себѣ штатъ необходимыхъ сотрудниковъ. Мнѣ посчастливилось, съ согласія Протасьева, получить въ свое распоряженіе непремѣннаго члена Губернскаго по Воинскимъ дѣламъ Присутствія Ивана Александровича Сереброва — человѣка исключительной работоспособности, энергіи и хозяйственной смекалки. Благодаря ему и указаннымъ имъ помощникамъ, мнѣ удалось быстро и хорошо наладить дѣло съ наймомъ и устройствомъ въ городѣ помѣщеній для людей и лошадей, и получать изъ Бузулукскаго уѣзда все необходимое для оборудованія обозовъ, какъ то: конскую упряжь, повозки, носилки и пр.. Входя съ Серебро-

вымъ во всѣ хозяйственныя мелочи, я могъ быть спокоенъ за то, что мною потомъ отправлялось для нуждъ Военнаго Вѣдомства.

Пріемкой и обученіемъ людей завѣдывалъ приглашенный мною молодой и энергичный врачъ Ивановъ, а по лошадиной части у меня состоялъ на службѣ давній мой знакомый ветеринаръ, честный и преданный мнѣ работникъ, Николай Владиміровичъ Стржлковскій, занимавшій должность помощника Завѣдывающаго Ветеринарнымъ Отдѣломъ въ Самарской Губернской Земской Управѣ. На должность Начальника формируемаго мною военно-санитарнаго резерва поступилъ ко мнѣ боевой офицеръ, вынужденный изъ-за раненія временно покинуть фронтъ, — полковникъ горной артиллеріи Георгій Михайловичъ Фишеръ, оказавшійся разумнымъ командиромъ и незамѣнимымъ руководителемъ въ дѣлѣ обученія призваннаго въ резервы воинскаго состава.

Теоретическія занятія будущихъ военныхъ санитаровъ велись у нихъ въ казармѣ, а практическія происходили невдалекѣ отъ города, на берегу Волги, гдѣ санитаровъ учили, какъ подбирать раненыхъ на полѣ битвы, перевязывать ихъ, укладывать на носилки, переносить на рукахъ и т. п. Тамъ же были выстроены конюшни на 500 лошадей, ихъ тоже дрессировали для предстоявшей имъ боевой службы. Въ общемъ, обучаемыхъ было отъ 600 до 1000 человѣкъ. Проживали они въ заарендованныхъ мною у города и частныхъ лицъ помѣщеніяхъ, приспособленныхъ къ казарменному обиходу.

Всѣ мѣстныя учрежденія, власти и вообще самарцы, понимая трудность возложенныхъ на меня заданій и сознавая серьезность ихъ боевого значенія, всѣ, по мѣрѣ силъ, содѣйствовали моей новой, исключительной важности, работѣ. Благодаря этому, дѣло сразу же пошло настолько успѣшно, что 8-го іюля, въ день празднованія Казанской Божьей Матери, — мнѣ удалось устроить торжественные маневры первыхъ сформированныхъ и обученныхъ на Самарскомъ пунктѣ военно-санитарныхъ отрядовъ.

Стояла превосходная погода. Собралась вокругъ площади многотысячная толпа городскихъ обывателей, а въ центрѣ ея, окруженное выстроенными въ каре военными санитарами, одѣтыми въ новенькую форму, съ краснокрестной повязкой на рукавѣ, находилось резервное начальство и приглашенные мѣстные высшіе военные и гражданскіе чины. Послѣ торжественнаго молебствія передъ пожертвованной мною иконой Казанской Божьей Матери, раздалась команда, и вся наличная масса воинскихъ чиновъ резерва приготовилась къ маневрамъ, раздѣлившись на „раненыхъ" и „санитаровъ". Въ одно мгновенье все обширное пространство площади покрылось якобы жертвами сраженія. По данному сигналу, со всѣхъ сторонъ появились санитары съ носилками; застучали повозки, запряженныя крѣпкими самарскими и оренбургскими степняками. Все пришло въ движеніе, и присутствовавшіе

могли наглядно убѣдиться въ полной готовности самарскаго резерва къ отправкѣ его на дѣйствительныя поля битвъ. Послѣ окончанія маневровъ, когда молодцеватые военные санитары, по трубному сигналу, вновь выстроились въ центральный четырехугольникъ, зрители, сплошной стѣной окружавшіе площадь, не выдержали и стали выражать свой шумный восторгъ.

Ставъ въ ряды отправляемыхъ на фронтъ санитаровъ, я обратился къ нимъ съ напутственнымъ словомъ и благословилъ ихъ чествуемой 8-го іюля иконой. Раздалось воодушевленное „ура", оркестръ заигралъ народный гимнъ, поддержанный многотысячными голосами собравшихся на торжество самарцевъ. На другой день нашъ резервъ отправился въ далекій путь на боевое крещеніе.

Впослѣдствіи я имѣлъ счастье лично выслушать слова благодарности отъ Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны за организованное мною въ Самарѣ дѣло. Какъ выраженіе своей признательности, Вдовствующая Императрица наградила меня знакомъ отличія Краснаго Креста первой степени.

Начиная съ 8-го іюля 1915 года, черезъ Самарскій резервный пунктъ сталъ проходить безпрерывный рядъ теоретически и практически обученныхъ военно-санитарныхъ отрядовъ и полностью оборудованныхъ обозовъ. Были случаи, когда ко мнѣ обращались для сформированія подобныхъ отрядовъ нѣкоторые частные жертвователи, — такъ, напримѣръ, мнѣ пришлось направить на фронтъ военно-санитарный транспортъ имени артистки Долиной, оборудованный цѣликомъ на ея счетъ.

Былъ моментъ, когда Предсѣдатель Главнаго Управленія Краснаго Креста А. А. Ильинъ возымѣлъ намѣреніе кореннымъ образомъ нарушить весь строй моей жизни и убѣждалъ принять должность Главноуполномоченнаго Краснаго Креста на Сѣверо-Западномъ фронтѣ, но я категорически отказался, не имѣя возможности оборвать всю свою многостороннюю дѣятельность, требовавшую постояннаго моего руководства, и хотя протекавшую въ глубокомъ тылу, но тѣсно соприкасавшуюся съ нуждами военнаго времени.

127

Въ самую горячую пору моихъ организаціонныхъ работъ по формированію военно-санитарныхъ отрядовъ, пришлось намъ разстаться съ почтеннымъ и симпатичнымъ Губернаторомъ Н. В. Протасьевымъ, переведеннымъ, помимо его желанія, Министромъ Маклаковымъ, на ту же должность въ Харьковскую губернію, гдѣ Николаю Васильевичу вскорѣ суждено было погибнуть отъ тифа. Въ Самарѣ Протасьевъ всю зиму 1914-1915 г.г. чуть ли не ежедневно подвергался риску зара-

зиться заносимой съ Кавказа тифозной эпидеміей, отъ которой вокругъ него гибло не мало самарцевъ. Онъ уцѣлѣлъ, чтобы черезъ годъ, въ Харьковѣ, гдѣ никакой эпидеміи не существовало, оказаться жертвой именно этой жестокой болѣзни.

Безвременно скончавшійся Протасьевъ оставилъ среди всѣхъ лицъ, близко его знавшихъ, наилучшую по себѣ память. Такихъ сердечныхъ и отзывчивыхъ людей приходится рѣдко встрѣчать. Когда онъ, 20-го іюля, покинулъ Самару, мѣстное общество, и, въ частности, наше дворянство, устроило ему скромные, но искренне задушевные проводы.

Въ Самарѣ временно, въ качествѣ исполнявшаго обязанности Начальника Губерніи, замѣнилъ Протасьева князь Сергѣй Васильевичъ Горчаковъ. Ему сразу пришлось столкнуться съ оппозиціонно-настроенными элементами мѣстнаго общества. Среди нихъ отличался своей непримиримостью и рѣзкостью Управляющій отдѣленіемъ Азовско-Донского Банка, князь Кугушевъ (братъ Уфимскаго Губернскаго Предводителя Дворянства).

Въ Петроградѣ произошла тогда смѣна нѣкоторыхъ министровъ, и въ ихъ составѣ появилось двое моихъ добрыхъ друзей и бывшихъ коллегъ: на постъ Оберъ-Прокурора св. Синода былъ назначенъ Московскій Губернскій Предводитель Дворянства А. Д. Самаринъ, а Министра Внутреннихъ Дѣлъ Маклакова замѣнилъ бывшій Полтавскій Предводитель, князь Николай Борисовичъ Щербатовъ.

Въ столкновеніи князя Горчакова съ княземъ Кугушевымъ, князь Николай Борисовичъ имѣлъ неосторожность проявить досадную опрометчивость, изъ-за которой произошли нѣкоторыя непріятныя служебныя осложненія. Кугушевъ, оставшись недоволенъ нѣкоторыми распоряженіями князя Горчакова, послалъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ телеграмму, въ которой изложилъ жалобу на якобы незаконныя дѣйствія Губернатора, представивъ все дѣло въ совершенно неправильномъ свѣтѣ. Министръ, не снесясь предварительно съ Губернаторомъ и не потребовавъ отъ него объясненія, прислалъ ему по телеграфу строгій выговоръ, потребовавъ отмѣны сдѣланныхъ имъ распоряженій, которыя на совершенно законномъ основаніи были примѣнены княземъ Горчаковымъ къ князю Кугушеву, устраивавшему у себя въ Самарѣ недозволенныя въ то время публичныя собранія нелегализированныхъ политическихъ партій.

Возмущенный подобнымъ образомъ дѣйствій своего непосредственнаго начальника, стойкій и по натурѣ благородный князь Горчаковъ, несмотря на крайне стѣсненныя матеріальныя обстоятельства, рѣшилъ подать въ отставку. Предварительно пожелалъ переговорить со мною. Я въ это время былъ въ Петроградѣ.

Узнавъ отъ него всѣ подробности дѣла, я поспѣшилъ повидать Щербатова и ознакомить его съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Горячій, но отходчивый князь Николай Борисовичъ былъ смущенъ и признался въ допущенной имъ ошибкѣ, сославшись на невѣроятную сутолоку его новой служебной обстановки. Узнавъ, что князь Горчаковъ сейчасъ находится въ столицѣ, Щербатовъ просилъ его немедленно къ нему пріѣхать. Въ тотъ же день князь Сергѣй Васильевичъ былъ принятъ Министромъ и чрезвычайно имъ обласканъ. Всѣ распоряженія его, какъ исполняющаго обязанности Самарскаго Губернатора, были возстановлены, а жалоба Кугушева оставлена безъ послѣдствій. Горчаковъ больще объ отставкѣ не говорилъ и вернулся успокоенный въ Самару, гдѣ уже ходили упорные слухи о назначеніи къ намъ Губернаторомъ барона Гревеница.

Надо сказать, что съ самаго начала войны съ Германіей, среди всѣхъ слоевъ приволжскаго населенія — все „нѣмецкое" вызывало не только враждебныя чувства, но и дѣйствія. На всѣхъ общественныхъ собраніяхъ раздавались голоса о необходимости безпощадной борьбы съ „нѣмецкимъ засильемъ", которымъ по общему предположенію были отмѣчены мѣстности, заселенныя нѣмецкими колонистами. Болѣе пылкіе люди, въ родѣ Бузулукскаго Предсѣдателя Земской Управы Евграфа Андреевича Жданова, даже предлагали такія рѣшительныя мѣры, какъ скупить всѣ „нѣмецкія" земли и выслать колонистовъ за предѣлы государства. Нѣкоторые дворяне, какъ напримѣръ Баумгартенъ, отказывались отъ своихъ нѣмецкихъ фамилій и просили разрѣшенія присвоить себѣ иную „чисто-русскую". Таковы были настроенія среди самарскаго общества, когда до него докатился слухъ о назначеніи барона Гревеница въ Самару Губернаторомъ.

Пріѣхавъ изъ столицы, я былъ заваленъ поступавшими ко мнѣ со всѣхъ сторонъ ходатайствами всяческихъ совѣщаній, собраній и съѣздовъ, требовавшихъ отъ меня принятія самыхъ срочныхъ и энергичныхъ мѣръ къ недопущенію въ Самарскую губернію Начальника, носящаго нѣмецкую фамилію. Единодушіе и настойчивость, проявленныя въ этомъ дѣлѣ со стороны всего самарскаго населенія, казались столь внушительными, что мнѣ волей-неволей пришлось написать откровенное письмо Министру князю Щербатову, въ которомъ я дружески просилъ его принять во вниманіе самарскія настроенія. Въ отвѣтъ я получилъ отъ него по телеграфу лаконическую фразу: „Не безпокойтесь", которая сдѣлалась тотчасъ же общимъ достояніемъ и внесла значительное успокоеніе. А въ Самару Начальникомъ губерніи былъ назначенъ бездарный и безличный, но съ чисто русской фамиліей, С. Д. Евреиновъ, вскорѣ же замѣненный умнымъ и дѣльнымъ протеже А. Д. Самарина — Станкевичемъ.

128

Къ 19-му іюля — дню годовщины Великой Европейской войны, мнѣ пришлось поѣхать въ Петроградъ для участія въ засѣданіяхъ открывавшейся сессіи Государственнаго Совѣта.

Въ тотъ же день, утромъ, начались также занятія въ Государственной Думѣ, въ присутствіи многочисленной публики и всего наличнаго состава Совѣта Министровъ, среди которыхъ, къ немалому удовольствію, я увидалъ своихъ добрыхъ друзей — князя Николая Борисовича Щербатова и Александра Дмитріевича Самарина. Послѣдній во время своей службы на посту Оберъ-Прокурора св. Синода, продолжавшейся всего 2 мѣсяца и 20 дней, проживалъ въ Европейской гостиницѣ, гдѣ я постоянно останавливался. Мы съ нимъ чуть ли не ежедневно встрѣчались, и я былъ въ курсѣ его нелегкой служебной жизни, осложненной вмѣшательствомъ закулисной Распутинской клики въ дѣла Церкви.

Засѣданіе Верхней Палаты было открыто вечеромъ упомянутаго дня, подъ предсѣдательствомъ Статсъ-секретаря Анатолія Николаевича Куломзина, замѣнившаго собой скончавшагося М. Г. Акимова.

Онъ пользовался репутаціей умнаго человѣка, усидчиваго работника и знатока Азіатской Россіи. По своему характеру и политическимъ убѣжденіямъ, Куломзинъ значительно отличался отъ своего предшественника, проявлялъ въ обхожденіи съ людьми большую сдержанность и мягкость, а въ исповѣдываніи своихъ монархическихъ принциповъ — явную тенденцію къ упроченію въ странѣ конституціонализма. Но, къ сожалѣнію, въ качествѣ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта А. Н. Куломзинъ оставлялъ желать много лучшаго, допуская при веденіи засѣданій нѣкоторую безпорядочность, не слѣдя строго за сущностью происходившихъ преній, принимавшихъ поэтому нерѣдко крайне расплывчатый характеръ, и не умѣя съ достаточной ясностью формулировать свои заключительныя резюме и предложенія. Въ этомъ отношеніи приходилось невольно вспоминать былую технику предсѣдательствованія М. Г. Акимова, можетъ быть, болѣе рѣзкую и строгую, но для сути дѣла — несомнѣнно болѣе ясную и производительную.

Открытіе сессіи обѣихъ законодательныхъ Палатъ совпало съ чрезвычайно угнетеннымъ настроеніемъ ихъ членовъ, находившихся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ громадныхъ военныхъ потерь, общей растерянности и слабости на верху. Страхъ за будущее мелькалъ у всѣхъ въ головѣ и высказывался при разговорахъ. По городу упорно распространялись паническіе слухи о паденіи черезъ два-три мѣсяца Петрограда и готовившемся дворцовомъ переворотѣ. Говорили о замѣнѣ царствовавшаго Государя Николая Александровича Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, называли его племянника Романа Петровича его преемникомъ. Занятія Государственнаго Совѣта проходили вяло. Интересъ къ текущей дѣловой работѣ былъ заслоненъ иными помыслами, сводившимися къ одному основному всеобщему побужденію — такъ или иначе предотвратить надвигавшуюся катастрофу пораженія Россійскаго могущества.

Среди самихъ членовъ Государственнаго Совѣта замѣчалась повышенная нервность, дававшая о себѣ знать даже въ дѣлахъ внутренняго распорядка. Правую группу Верхней Палаты сталъ возглавлять „обаятельный" по обращенію, но въ серьезныхъ дѣловыхъ кругахъ мало авторитетный — графъ Алексѣй Александровичъ Бобринскій, вскорѣ перешедшій къ Штюрмеру, какъ его товарищъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Въ самой правой группѣ чувствовался замѣтный разладъ, побуждавшій нѣкоторыхъ изъ ея членовъ думать объ образованіи новой самостоятельной консервативной группы. Что же касается меня, то въ 1915 году я окончательно примкнулъ къ группѣ „праваго центра", продолжавшаго работать подъ предсѣдательствомъ того же спокойно-дѣлового Алексѣя Борисовича Нейдгардта, во время войны ставшаго во главѣ „Татьянинскаго" военно-благотворительнаго Комитета (имени Великой Княжны Татьяны Николаевны).

Однимъ изъ главныхъ предметовъ обсужденія законодательныхъ Палатъ въ описываемое время служилъ правительственный законопроектъ о введеніи подоходнаго налога. Вопросъ этотъ, отличавшійся необычайной сложностью, проходилъ рядъ предварительныхъ комиссіонныхъ инстанцій, и самый проектъ подвергался безпрестаннымъ видоизмѣненіямъ.

Надо сказать, что къ этому времени и въ области финансово-экономической жизни нашего государства стали проявляться чрезвычайно тревожные признаки. 3-го августа, на засѣданіи Финансовой Комиссіи, я былъ свидѣтелемъ безпощадной критики со стороны графа В. Н. Коковцова не только заслушанныхъ нами объясненій Министра Финансовъ П. Л. Барка. Въ концѣ концовъ, эта критика свелась къ ошеломившему всѣхъ насъ выводу. — Россія, — сказалъ разгоряченный и раскраснѣвшійся Коковцовъ, — находится наканунѣ экономическаго краха!..

Комиссія въ своихъ окончательныхъ постановленіяхъ оказалась вынужденной намѣтить рядъ экстренныхъ мѣръ, какъ то: 1) реализаціи внутреннихъ займовъ, 2) заключенія внѣшнихъ, 3) выпуска кредитокъ и пр..

На другой день, 4-го августа, въ стѣнахъ Маріинскаго Дворца состоялось закрытое засѣданіе Государственнаго Совѣта, на которомъ были заслушаны объясненія Военнаго Министра А. А. Поливанова и Министра Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазонова. Тотъ и другой своими докладами произвели на слушателей самое безотрадное и удручающее впечатлѣніе. Въ особенности тяжелую картину состоянія фронтовъ обрисовалъ Военный Министръ, отмѣтившій полное отсутствіе въ нашей арміи винтовокъ, снарядовъ и даже обученныхъ сол-

датъ, въ то время, какъ у нѣмцевъ во всемъ этомъ, по его словамъ, былъ избытокъ. — Людей у насъ имѣется даже излишекъ, но обучать ихъ нечѣмъ, — весь подергиваясь, закончилъ свои объясненія Поливановъ: — Воинскаго снабженія возможно ожидать не ранѣе поздней осени, а пока, войну приходится вести путемъ разумныхъ отступленій и оборонительныхъ дѣйствій... Насъ, впрочемъ, можетъ еще спасти осенняя грязь да зимній снѣгъ!..

Сазоновъ знакомилъ членовъ Государственнаго Совѣта съ положеніемъ дѣлъ на Балканахъ, гдѣ, по его словамъ никакого согласія между Сербіей и Болгаріей, такъ же, какъ и съ Греціей, ожидать нельзя.

Всюду, и съ кѣмъ бы ни случалось говорить, слышалось одно и то же: нареканія на непорядки въ Ставкѣ и на фронтахъ, недовольство слабостью и даже полнымъ бездѣйствіемъ Верховнаго Управленія.

Военный Министръ Поливановъ, на мой совѣтъ обратить вниманіе на отсутствіе надлежащаго надзора за дѣятельностью Самарскихъ военныхъ заводовъ, гдѣ несомнѣнно преобладалъ нѣмецкій элементъ среди служащихъ, и за состояніемъ такихъ важныхъ транспортныхъ пунктовъ, каковымъ являлся Сызранскій Волжскій мостъ, — откровенно заявилъ, что для упорядоченія надзора требуется немалое количество лицъ энергичныхъ и преданныхъ... межъ тѣмъ въ Военномъ Вѣдомствѣ — живыхъ такихъ чиновъ у насъ нѣтъ — промолвилъ съ горечью въ голосѣ Министръ — мертвыхъ же, сколько угодно! Вотъ почему на мѣстахъ сидятъ все больше „шляпы".

Извѣстный знатокъ военнаго дѣла генералъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Палицынъ, состоявшій до 1908 года Начальникомъ Генеральнаго Штаба, всегда самымъ отрицательнымъ образомъ отзывался о предшественникѣ Поливанова — В. А. Сухомлиновѣ, считая его легкомысленнымъ человѣкомъ. Тотъ же Палицынъ давалъ чрезвычайно пессимистическую характеристику всему высшему окруженію Государя. По этому поводу онъ говорилъ: — Слишкомъ много среди насъ равнодушія, котораго не должно быть въ государственныхъ людяхъ...

Другой генералъ, бывшій Московскій Губернаторъ, Владиміръ Ѳедоровичъ Джунковскій, состоявшій въ то время Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ князя Щербатова, 30-го іюля, въ разговорѣ со мною выразился такъ: — Мы катимся по наклонной плоскости! Наступило время сплошныхъ уступокъ... Нѣтъ твердой власти! Въ Государственной Думѣ всѣ признаки зарождающагося народовластія. Когда и кто ее распуститъ — никто не знаетъ!

Въ томъ же духѣ, въ разныхъ выраженіяхъ, слышалось отъ всѣхъ, съ кѣмъ приходилось сталкиваться въ столицѣ.

Тогда же состоялось засѣданіе Совѣта Объединеннаго Дворянства подъ предсѣдательствомъ А. П. Струкова, спеціально посвященное обсужденію всѣхъ обстоятельствъ, порождавшихъ политическое неблагополучіе страны. Одинъ

изъ его участниковъ, А. И. Мосоловъ, возбудилъ вопросъ о необходимости выразить со стороны дворянства протестъ противъ установившагося въ государствѣ безвластія и распущенности.

Нѣкоторыми членами Собранія было предложено уполномочить А. П. Струкова составить оффиціальное письмо на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ, въ которомъ долженъ быть высказанъ энергичный протестъ противъ нетерпимаго образа дѣйствій правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ указаны мѣры къ достиженію въ государствѣ политическаго покоя и твердаго порядка.

Предложеніе это, однако, не встрѣтило общаго сочувствія. Голоса раздѣлились. Къ числу лицъ, не совѣтывавшихъ вставать на путь оффиціальнаго сношенія съ Совѣтомъ Министровъ принадлежали В. И. Карповъ и я. Тѣмъ не менѣе, послѣ означеннаго засѣданія, А. П. Струковъ, не имѣя полномочій ни отъ Совѣта, ни тѣмъ болѣе отъ Съѣзда Объединеннаго Дворянства, письмо въ упомянутомъ выше смыслѣ Предсѣдателю Совѣта Министровъ все-таки послалъ. Какими-то судьбами содержаніе его стало извѣстно редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей" и было оглашено въ вечернемъ изданіи. Весь Петроградъ заговорилъ о недопустимомъ вторженіи дворянскаго сословія въ область высшаго управленія. Дѣло приняло чрезвычайно непріятный оборотъ, не столько для самого автора этого письма (его на послѣдующемъ Съѣздѣ Всероссійскаго Дворянства забаллотировали въ Предсѣдатели Совѣта), сколько для всей сословной объединенной организаціи, неповинно скомпрометированной въ глазахъ серьезныхъ круговъ столичнаго населенія.

Наряду съ недовольствомъ внутренней политикой, среди членовъ Законодательныхъ Палатъ раздавались выраженія ожесточеннаго возмущенія по поводу происходившихъ вопіющихъ непорядковъ въ Ставкѣ Главнокомандующаго и въ штабахъ командующихъ фронтами. Объ этомъ съ достаточной убѣдительностью говорятъ изданные тогдашнимъ помощникомъ управляющаго дѣлами Совѣта Министровъ Аркадіемъ Николаевичемъ Яхонтовымъ, записанные имъ журнальные протоколы засѣданій Совѣта Министровъ, происходившихъ въ августѣ 1915 года, на которыхъ обсуждалось безпорядочное и неумѣлое веденіе дѣлъ въ Ставкѣ Великаго Князя Николая Николаевича Начальникомъ его Штаба генераломъ Янушкевичемъ, которое грозило неминуемой катастрофой для общаго хода военныхъ дѣйствій.

Что же касается фронтовыхъ штабовъ, то по поводу одного изъ нихъ у меня сохранились записи, занесенныя въ мой дневникъ со словъ моего коллеги по предводительству и Государственному Совѣту, князя Николая Петровича Урусова, работавшаго въ Краснокрестныхъ организаціяхъ на юго-западномъ фронтѣ. Онъ сообщилъ мнѣ ужасающія свѣдѣнія о положеніи вещей въ оставленныхъ нами Галиціи, Польшѣ и

Волыни. По его словамъ, въ штабѣ командующаго юго-западнымъ фронтомъ генерала И. І. Иванова, въ гор. Бердичевѣ, всѣ впали въ непреодолимую панику и царила страшная растерянность; въ результатѣ вреднаго для дѣла многоначалія, давались несогласованныя распоряженія.

— Войско разгромлено — остались одни прапорщики... Лучше было бы сразу Варшаву сдать и этимъ сохранить надежный составъ арміи, — съ горечью говорилъ князь Урусовъ.

Какъ слѣдствіе пораженій, среди воинскихъ чиновъ сталъ замѣчаться общій упадокъ боевой бодрости, появились признаки явнаго отчаянія, и, наряду съ этимъ зарождалась моральная распущенность, сказывавшаяся, между прочимъ, въ отношеніяхъ къ флиртующимъ сестрамъ милосердія.

— Галичане, — продолжалъ князь Николай Петровичъ, — стали теперь нашими врагами. Передъ уходомъ изъ Галиціи русскія войска ее выжгли, затоптали, разграбили, народъ съ собой угнали, избивали даже ихъ войтовъ... Галичане озлоблены до крайности. Въ Россіи они содержатся въ невозможныхъ условіяхъ. Многіе изъ нихъ положительно брошены на произволъ судьбы...

Въ такомъ же духѣ передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія о покинутой русскими войсками Курляндской губерніи графъ Рейтернъ и многіе другіе изъ моихъ коллегъ и друзей, оказавшихся очевидцами тяжелыхъ сценъ поспѣшной эвакуаціи западныхъ и пограничныхъ областей Россіи, послѣ паденія Варшавы, Ковно, Бреста и Гродно.

Наиболѣе пессимистическую оцѣнку переживаемаго страной момента я слышалъ отъ члена Государственнаго Совѣта генерала Петрова, назначеннаго въ концѣ іюля Предсѣдателемъ Верховной Слѣдственной Комиссіи. — Мы живемъ на вулканѣ... — вотъ что нерѣдко вырывалось изъ устъ далеко не экспансивнаго, въ высшей степени сдержаннаго, сѣдобородаго старика.

Такъ же мрачно смотрѣлъ на россійскую дѣйствительность мой сожитель по гостиницѣ А. Д. Самаринъ. Однажды, въ августѣ мѣсяцѣ, онъ пришелъ ко мнѣ въ номеръ, молча усѣлся въ кресло, посмотрѣлъ на меня полузакрытыми скорбными глазами, и глухимъ, мрачнымъ голосомъ промолвилъ:

— Плохо!.. Безнадежно!.. Кругомъ страшныя интриги и полная разруха... Остается только молиться, чтобы Господь спасъ Россію!..

Тогда же пришлось мнѣ услыхать отъ одного изъ видныхъ и популярныхъ депутатовъ — Сергѣя Тимофеевича Варунъ-Секретъ, избраннаго старшимъ товарищемъ предсѣдателя Государственной Думы, высказанныя имъ многознаменательныя слова, являвшіяся выраженіемъ не его только единоличнаго мнѣнія, а отголоскомъ настроенія значительной части Думы:

Ковно не подѣйствовало — Горемыкинъ остался. Падетъ Двинскъ — будетъ премьеромъ А. И. Гучковъ... Настало теперь время говорить съ правительствомъ иначе. Такимъ типамъ отживающей Россіи, какимъ является Горемыкинъ, больше не должно быть мѣста!.. Революція близится — надо создать власть.. Дума не разойдется!..

Приблизительно въ то же время, очевидно, въ цѣляхъ, на которыя намекалъ Варунъ-Секретъ, стали собираться частныя совѣщанія, состоявшія изъ членовъ обѣихъ законодательныхъ Палатъ и положившія основаніе образованію группы объединившихся между собой членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, подъ наименованіемъ „прогрессивнаго блока".

Параллельно съ ростомъ среди законодательныхъ и общественныхъ столичныхъ круговъ недовольства всѣмъ, что происходило на фронтѣ и въ верхахъ тылового управленія, — въ самихъ войсковыхъ частяхъ и въ рабочихъ массахъ все сильнѣе и ярче начали проявляться грозные признаки ожесточеннаго гнѣва на „начальство" за неумѣлыя распоряженія, причинявшія огромныя потери въ людяхъ и въ территоріи. До насъ стали доходить недобрые слухи объ усиленномъ распространеніи въ солдатской средѣ соціально-аграрной пропаганды, способствовавшей еще большему ослабленію войскового духа. Что же касается до настроеній столичныхъ заводскихъ рабочихъ то по этому поводу состоявшій въ то время петроградскимъ Вице-Губернаторомъ, бывшій Самарскій Уѣздный Предводитель Дворянства, графъ А. Н. Толстой, передавалъ мнѣ факты тоже мало утѣшительные. Среди рабочаго люда стало явственно проявляться настроеніе ярко-оппозиціонное. При выборахъ представителей отъ рабочаго класса въ военно-промышленный комитетъ, открыто раздавались общіе возгласы: „Долой войну! Долой самодержавіе!"

Единственный человѣкъ, котораго я встрѣтилъ въ описываемое время, какъ бы равнодушно спокойно относившійся ко всѣмъ невзгодамъ государственной жизни, былъ престарѣлый Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ, продолжавшій сохранять благодушный обликъ и любившій, въ отвѣтъ на мрачныя сужденія, повторять все тѣ же успокоительныя слова: — Все это пустяки!..

Подобное отношеніе являлось несомнѣннымъ исключеніемъ на общемъ фонѣ скорби, гнетущаго страха и остраго недовольства, грозившаго перейти въ открытый всенародный гнѣвъ. Страшныя пораженія русскаго былого доблестнаго оружія требовали возмездія. Вопіющій недостатокъ воинскаго снаряженія; безпорядочность транспорта, въ связи съ продовольственными затрудненіями; утратившее свой авторитетъ штабное управленіе Верховнаго Главнокомандующаго; недобрые слухи о бывшемъ Военномъ Министрѣ Сухомлиновѣ, замѣшанномъ въ громкомъ шпіонажномъ дѣлѣ полковника Мясоѣдова, и вообще вся, создавшаяся къ августу мѣсяцу тревожная обстановка властно указывала на необходимость срочно найти выходъ изъ катастрофическаго положенія и принять

самыя энергичныя мѣры къ успокоенію народнаго недовольства и къ упорядоченію общаго хода дѣлъ, въ особенности сопряженныхъ съ обстоятельствами военно-боевого времени.

Въ половинѣ іюля 1915 года, на одномъ изъ засѣданій Государственной Думы, а затѣмъ и Государственнаго Совѣта, Военный Министръ Поливановъ выступилъ съ сенсаціоннымъ заявленіемъ о томъ, что, съ соизволенія Государя Императора, образуется Особая Верховная Слѣдственная Комиссія, въ цѣляхъ выясненія причинъ несвоевременнаго и недостаточнаго воинскаго снаряженія дѣйствующихъ армій. Заявленіе это вызвало единодушную поддержку обѣихъ Законодательныхъ Палатъ и произвело на ихъ членовъ, такъ же, какъ и на всю страну, глубокое и самое благотворное впечатлѣніе.. Былъ найденъ и своевременно открытъ клапанъ для выхода накипѣвшаго народнаго гнѣва. Высочайшій указъ объ образованіи означенной Комиссіи явился актомъ высокой государственной мудрости, сыгравшимъ значительную роль въ дѣлѣ умиротворенія общественныхъ настроеній и прекращенія распространявшихся тревожныхъ слуховъ.

Недѣли три спустя, во второй половинѣ августа, опубликовано было Высочайше утвержденное положеніе объ образованіи т. н. „Особыхъ Совѣщаній: 1) по оборонѣ, 2) по продовольствію, 3) по транспорту и 4) по топливу. Если учрежденіе Верховной Слѣдственной Комиссіи имѣло цѣлью выяснить дѣйствительныхъ виновниковъ прошлыхъ недочетовъ въ дѣлѣ воинскаго снаряженія, то въ основу образованія всѣхъ вышепоименованныхъ Особыхъ Совѣщаній было положено намѣреніе упорядочить на будущее время многосложныя дѣла первостепенной важности, отъ которыхъ въ огромной степени зависѣлъ успѣхъ русскаго оружія.

Какъ въ Слѣдственную Комиссію, такъ и въ Особыя Совѣщанія, ради ихъ авторитетности и большей освѣдомленности, наряду съ участіемъ въ нихъ служилаго чиновнаго элемента, были введены представители той или иной россійской общественности.

Приблизительно въ то же время, а именно 2-го августа, произошло чрезвычайно важное событіе въ области Главнаго Командованія всей дѣйствующей многомилліонной русской арміи. Его Императорское Величество Государь Николай Александровичъ рѣшилъ Верховное Командованіе взять непосредственно въ свои руки, а Великаго Князя Николая Николаевича назначить Главнокомандующимъ Кавказскимъ фронтомъ. Одновременно, съ должности Начальника Верховнаго штаба былъ смѣщенъ генералъ Янушкевичъ, уже давно вызывавшій всеобщее неодобреніе. Вмѣсто него, былъ назначенъ умный и знатокъ своего дѣла генералъ Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ.

Рѣшеніе Государя было подсказано его единоличнымъ желаніемъ быть фактически главой своей арміи. Его Величество сознавалъ неотложную необходимость смѣны и коренного обновленія всего штабного персонала въ Ставкѣ, о недостаткахъ котораго сами Министры ему безпрестанно докладывали въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Я далекъ отъ мысли, что Государь, взявъ на себя обязанности Великаго Князя Николая Николаевича, руководствовался соображеніями личнаго характера, какъ о томъ подъ сурдинку говорилось въ нѣкоторыхъ кружкахъ столичнаго общества. Я убѣжденъ, что Его Величество имѣлъ въ виду исключительно возстановленіе порядка въ командованіи и успѣхи россійскаго оружія. Благодаря способностямъ и усиліямъ генерала Алексѣева, Государь вскорѣ достигъ того и другого. Единство, согласованность и планомѣрность Верховнаго Командованія были возстановлены. Все подтянулось, и общій порядокъ штабной дѣятельности наладился. Въ результатѣ этихъ достиженій, русская армія смогла вновь проявлять свои доблестныя качества, заставивъ говорить о себѣ съ прежней похвалой...

Но вступленіе Его Величества въ обязанности Верховнаго Главнокомандующаго произошло при обстоятельствахъ, вызвавшихъ у обычно сдержаннаго и деликатнаго Государя рѣзкое надовольство, отозвавшееся впослѣдствіи на личномъ составѣ Совѣта Министровъ.

Дѣло въ томъ, что на почти ежедневныхъ засѣданіяхъ Министровъ, происходившихъ до 2-го августа, и отмѣченныхъ въ записяхъ А. Н. Яхонтова, происходила жестокая критика порядковъ и распоряженій имѣвшихъ мѣсто въ Верховномъ Штабѣ Великаго Князя Николая Николаевича. Когда же Государь пожелалъ положить этому предѣлъ, смѣнить негодный личный составъ Верховнаго Командованія, назначить, къ общему удовлетворенію, Начальникомъ Штаба генерала Алексѣева и замѣнить Великаго Князя своей Царственной Особой, то тѣ же Министры стали въ оппозицію къ Его Величеству и подали свой протестъ, убѣждая оставить Его Высочество Николая Николаевича, очевидно, со всѣмъ его окруженіемъ, на прежней его отвѣтственной должности.

Государь не внялъ совѣтамъ своихъ министровъ и свое намѣреніе осуществилъ. Нѣкоторыя подробности этого момента я имѣю въ своемъ распоряженіи. Со словъ А. Д. Самарина, состоявшаго въ числѣ протестантовъ, онѣ занесены въ мою записную книжку.

Въ концѣ августа министрами, за исключеніемъ И. Л. Горемыкина, А. А. Поливанова, И. К. Григоровича и А. А. Хвостова, былъ посланъ Его Величеству докладъ, въ которомъ лица, его подписавшія, высказались за нежелательность удаленія Великаго Князя Николая Николаевича и за сохраненіе, въ его лицѣ единства власти. Получивъ это посланіе, Его Величество распорядился вызвать всѣхъ г.г. Министровъ къ нему въ Верховную Ставку.

16-го сентября 1915 года состоялось экстренное засѣданіе Совѣта Министровъ, подъ предсѣдательствомъ самого Го-

сударя, который имѣлъ несвойственный ему безпокойный видъ и все время нервно подергивался. Войдя въ залу засѣданія, Его Величество обошелъ комнату, самъ закрылъ двери, холодно со всѣми поздоровался, сѣлъ на свое предсѣдательское мѣсто и пригласилъ всѣхъ послѣдовать его примѣру. Положивъ передъ собой исписанную небольшую бумажку, Государь сталъ въ повышенномъ тонѣ выражать по поводу полученнаго имъ отъ министровъ письменнаго протеста откровенное и сильное неудовольствіе. Свое обращеніе къ Совѣту Его Величество закончилъ слѣдующими словами:

— Ко мнѣ со всѣхъ концовъ Руси поступаютъ самыя горячія привѣтствія истинныхъ моихъ вѣрноподданныхъ... Полезно было бы вамъ, господа министры, побыть нѣкоторое время здѣсь на фронтѣ и освѣжить ваши мозги! Надѣюсь — впредь вы будете слѣдовать безпрекословно моимъ распоряженіямъ, а также указаніямъ Ивана Логгиновича Горемыкина, котораго я имѣю въ виду надолго оставить во главѣ Совѣта!

Послѣ этихъ словъ Государя, Горемыкинъ промолвилъ:

— Съ благоговѣніемъ выслушали мы слова Его Величества! Можетъ быть, теперь г.г. министры, подписавшие письмо, сами выскажутъ свои резоны...

Государь въ знакъ согласія кивнулъ головой, и одинъ за другимъ стали излагать свои мнѣнія — сначала А. В. Кривошеинъ, за нимъ князь Н. Б. Щербатовъ, А. Д. Самаринъ и С. Д. Сазоновъ. Прослушавъ ихъ, Его Величество всталъ и, объявивъ засѣданіе закрытымъ, удалился въ свои аппартаменты.

24-го сентября былъ уволенъ князь Н. Б. Щербатовъ, имѣвшій, помимо исторіи съ письмомъ, еще рядъ непріятныхъ столкновеній съ Горемыкинымъ по поводу недопущенія въ Ставку представителей происходившаго въ Москвѣ Съѣзда общественныхъ дѣятелей.

Въ тотъ же день — 24-го сентября, произошла отставка А. Д. Самарина, который на другое утро пришелъ ко мнѣ въ номеръ съ возгласомъ: — Поздравьте меня со свободой!, — причемъ онъ повѣдалъ мнѣ подробности своего увольненія. Днемъ 24-го сентября состоялся очередной его докладъ Государю, который былъ съ нимъ чрезвычайно любезенъ, разспрашивалъ про его семейныхъ, про службу въ Красномъ Крестѣ, про Дворянское Московское Собраніе, внимательно выслушалъ обстоятельное изложеніе Самаринымъ возбужденнаго имъ дѣла противъ Распутинскаго протеже — Варнавы, и затѣмъ милостиво его отпустилъ.

Вечеромъ того же дня шло засѣданіе Совѣта Министровъ, во время котораго приносятъ пакетъ на имя Предсѣдателя. Прочтя вложенную въ него бумагу, Горемыкинъ объявилъ перерывъ и удалился въ сосѣднюю комнату, позвавъ съ собою Самарина, которому сообщилъ содержаніе только-что полученнаго имъ отъ Государя письма. Въ немъ, между прочимъ, значилась слѣдующая фраза: „Не успѣлъ сказать Самарину — дружески передайте ему объ увольненіи отъ должности Оберъ-Прокурора св. Синода”... Сообщая мнѣ всѣ эти подробности, Александръ Дмитріевичъ добавилъ: „Во всей этой исторіи съ нашимъ протестомъ Горемыкинъ выказалъ себя хитрымъ и лживымъ царедворцемъ... Про того, кто послѣ меня займетъ вакантное мѣсто Оберъ-Прокурора, можно будетъ сказать: это защитникъ Варнавы и Распутина!”...

Замѣстившій Самарина А. Н. Волжинъ, вскорѣ послѣ своего назначенія, встрѣтясь со мною, повѣдалъ мнѣ о своемъ положеніи въ такихъ выраженіяхъ: „Трудно быть Оберъ-Прокуроромъ послѣ Самарина, который дѣйствовалъ черезчуръ прямолинейно — est modus in rebus!”... Все жъ надо сказать правду про преемника Александра Дмитріевича — распутинцемъ онъ не былъ...

Князя Щербатова замѣнилъ членъ Государственной Думы, бывшій Вологодскій и Нижегородскій Губернаторъ — Алексѣй Николаевичъ Хвостовъ, сынъ моего добраго знакомаго и коллеги — члена Государственнаго Совѣта Николая Алексѣевича Хвостова. Дѣятельности новаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ придется мнѣ неоднократно касаться въ послѣдующей части моихъ записей.

Результатъ министерскаго „протеста” этимъ не ограничился: произошли дальнѣйшія смѣны вѣдомственныхъ главъ, это коснулось Главнаго Управленія Земледѣлія и Землеустройства, переименованнаго въ октябрѣ 1915 года въ Министерство Земледѣлія, и затѣмъ Военнаго Управленія. Военный Министръ А. А. Поливановъ былъ впослѣдствіи замѣщенъ генераломъ Шуваевымъ. Но еще до этого, въ ноябрѣ 1915 года, уступая настойчивому желанію Государя, постъ Министра Земледѣлія, принадлежавшій А. В. Кривошеину, пришлось принять автору этихъ строкъ.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію этой исключительной эпохи моей жизни и работы, я долженъ вернуться нѣсколько назадъ и отмѣтить небезинтересный періодъ моей дѣятельности, связанный съ участіемъ моимъ въ занятіяхъ Верховной Слѣдственной Комиссіи.

129

Шелъ конецъ іюля и я намѣревался на нѣкоторое время съѣздить въ Самару, гдѣ ожидали меня служебныя срочныя дѣла, и хотя бы на нѣсколько дней побывать у себя въ Головкинѣ для осмотра своего хозяйства. Получивъ отъ любезнаго А. Н. Куломзина разрѣшеніе, я спѣшно приступилъ къ дорожнымъ сборамъ, стремясь, по возможности скорѣе, оставить мрачный и смрадный по настроеніямъ Петроградъ. Все мое нутро рвалось въ благодатную обстановку головкинскаго приволья и родного хозяйственнаго дѣла.

Наступило 29-ое іюля — канунъ моего отъѣзда. Рано утромъ въ моемъ номерѣ раздался телефонный звонокъ. Взявъ

трубку, я услышалъ голосъ князя Н. Б. Щербатова, желавшаго со мною переговорить по экстренному и важному дѣлу, для чего просилъ меня немедленно къ нему пріѣхать. Черезъ полчаса я сидѣлъ уже у Щербатова въ его лѣтнемъ министерскомъ кабинетѣ и видимо очень удивилъ моего стараго пріятеля своей бодростью и жизнерадостностью. Эти качества рѣдко встрѣчались у ставшаго хмурымъ и раздражительнымъ столичнаго обывателя. „Въ чемъ дѣло?! — невольно спросилъ меня князь Николай Борисовичъ — завидно на васъ смотрѣть! Какая причина вашего радостнаго настроенія?" — „Получилъ отпускъ! покидаю Вашъ унылый Петроградъ и ѣду во свояси на косьбу и жниво!" — отвѣтилъ я, продолжая весело улыбаться... И вдругъ услыхалъ отъ моего собесѣдника наставительныя слова: „Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ!" При этомъ милый князь подсѣлъ ближе ко мнѣ и, протягивая мнѣ руку, нѣсколько торжественно, но искренне и горячо сталъ поздравлять меня съ Высочайшимъ назначеніемъ на „ исключительно отвѣтственный постъ" члена только-что образованной Верховной Слѣдственной Комиссіи.

Онъ поспѣшилъ меня вкратцѣ познакомить съ сущностью и цѣлью этого новаго важнаго учрежденія и съ условіями моего назначенія.

Слушая все это, я переживалъ немало тяжкихъ думъ и сложныхъ душевныхъ испытаній... Неожиданное мое назначеніе въ такое важное по своимъ заданіямъ и значенію учрежденіе, меня совершенно выбило изъ колеи. Изъ веселаго и бодраго я превратился въ человѣка надломленнаго и какъ бы оцѣпенѣлъ на мгновенье подъ тяжестью внезапнаго рѣзкаго удара... „Что съ вами?! Вы страшно поблѣднѣли! Вамъ нездоровится?" — участливо и не безъ тревоги въ голосѣ спросилъ меня князь. Въ отвѣтъ я могъ только выговорить: „ Все пройдетъ — дайте только мнѣ опомниться!... А главное — помогите мнѣ найти выходъ изъ создавшагося положенія! Я не могу взяться за подобную работу — она выше моихъ силъ и пониманія! Я безусловно считаю себя вынужденнымъ отъ участія въ Верховной Слѣдственной Комиссіи уклониться — передайте это Государю!"... Тогда Щербатовъ сталъ горячо меня убѣждать въ полнѣйшей невозможности отказаться и привелъ рядъ вѣскихъ доводовъ.

Не стану ихъ перечислять, но въ результатѣ нашихъ долгихъ переговоровъ я понялъ, что при создавшейся обстановкѣ отказываться отъ работы въ Верховной Комиссіи я не вправѣ... Разставаясь съ Щербатовымъ, я все же не могъ не упрекнуть его и его коллегъ за то, что, не снесясь предварительно со мною и не заручившись моимъ согласіемъ, они представили на Высочайшее благоусмотрѣніе мою кандидатуру... Итакъ, всѣ мои планы и разсчеты на отпускъ канули въ Лету!

Далеко не въ томъ радужно-бодромъ настроеніи, въ которомъ я входилъ въ Щербатовскій кабинетъ, покинулъ я его и возвратился въ свой номеръ Европейской гостиницы, гдѣ

засталъ ожидавшаго меня среди разложенныхъ по комнатѣ чемодановъ Александра Дмитріевича Самарина. „Ну-съ, дорогой Александръ Николаевичъ! — встрѣтилъ онъ меня съ нѣсколько лукавой усмѣшкой — раскладывайте-ка снова всѣ ваши дорожныя вещи по мѣстамъ! Довольно вамъ кататься по Волгѣ-матушкѣ широкой! Посидите-ка и вы теперь съ нами грѣшными въ немиломъ Петроградѣ!" Съ этими совами Самаринъ меня крѣпко обнялъ и поздравилъ съ назначеніемъ. Отъ него я узналъ нѣкоторыя подробности о моей кандидатурѣ. Онъ мнѣ сообщилъ, что при обсужденіи Совѣтомъ Министровъ семичленнаго состава Верховной Комиссіи было рѣшено, наряду съ четырьмя лицами, состоявшими на государственной службѣ, пригласить троихъ представителей общественности, изъ которыхъ двое должны были принадлежать къ средѣ Думскихъ депутатовъ, а третій долженъ быть членомъ Государственнаго Совѣта.

По поводу послѣдней кандидатуры было сдѣлано два предложенія: часть Министровъ — Харитоновъ, Кривошеинъ, князь Щербатовъ и Самаринъ выдвинули мое имя, а другіе называли Тамбовскаго земскаго избранника — Владиміра Михайловича Андреевскаго. Въ концѣ концовъ Министры, съ Горемыкинымъ во главѣ, единогласно остановились на моей кандидатурѣ, и въ тотъ же день состоялся по этому поводу всеподданнѣйшій докладъ.

По словамъ Самарина, Государь, прочтя въ представленномъ Министрами спискѣ мою фамилію, выказалъ замѣтную радость, промолвивъ: „Я Наумова давно знаю, его цѣню и привыкъ ему вѣрить". Передавъ эти слова, Самаринъ еще разъ меня горячо привѣтствовалъ и, такъ же, какъ Щербатовъ, самымъ категорическимъ образомъ заявилъ, что я не имѣю права отказываться отъ работы въ Комиссіи, которая въ то время имѣла для всей страны крайне существенное значеніе, и дѣловое и моральное.

— И хотя — закончилъ Самаринъ свое обращеніе ко мнѣ — Горемыкинъ на нашемъ засѣданіи, обсуждавшемъ образованіе Верховной слѣдственной Комиссіи выразился въ томъ смыслѣ, что „Комиссія создается для декораціи, а Государь останется для истины", — мы, Министры, думаемъ иначе. По нашему разумѣнію, только благодаря этой комиссіи Его Величество и можетъ узнать подлинную „истину" о всѣхъ вопіющихъ непорядкахъ, отъ которыхъ страдаетъ наша армія. Вотъ почему, намѣчая кандидата, мы искали человѣка, который могъ бы реальнымъ образомъ оказать намѣченному, огромному по своимъ послѣдствіямъ, государственному дѣлу серьезное содѣйствіе. Подсказывая ваше имя, съ полнымъ удовлетвореніемъ принятое Его Величествомъ, Совѣтъ Министровъ разсчитываетъ объединить вокругъ него также довѣріе Россійской общественности"...

На другой день Военный Министръ, привѣтствуя мое назначеніе, подтвердилъ мнѣнія его коллегъ, что уклоняться отъ

этого важнаго дѣла мнѣ ни въ коемъ случаѣ нельзя. Когда я откровенно ему повѣдалъ свои сомнѣнія и тревоги, сказалъ, что въ дѣлѣ воинскаго снабженія я являюсь совершеннѣйшимъ профаномъ, Поливановъ сравнилъ мое будущее участіе въ занятіяхъ Верховной Слѣдственной Комиссіи съ положеніемъ присяжныхъ засѣдателей на судебныхъ засѣданіяхъ.

— За вами, Александръ Николаевичъ, — сказалъ онъ, — независимость и общественность. Техническое обслѣдованіе должно вестись спеціалистами. Предложенный ими на ваше разсмотреніе матеріалъ явится предметомъ вашего сужденія и окончательной расцѣнки вашего здраваго разсудка и совѣсти.

Перваго августа получено было отъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ оффиціальное извѣщеніе о моемъ назначеніи. Въ тотъ же день я не имѣлъ ни минуты покоя: все время было отнято у меня телефонными переговорами или личными посѣщеніями. Со всѣхъ сторонъ слышались привѣтствія, пожеланія и всевозможные разспросы по поводу будущей дѣятельности Комиссіи и моего въ ней участія. Особенно допекалъ меня цѣлый рой газетныхъ сотрудниковъ. Отъ нихъ приходилось мнѣ отмалчиваться. Несмотря на это, вышедшие номера газетъ были переполнены всяческими сенсаціонными свѣдѣніями, якобы полученными отъ меня, но въ которыхъ я былъ совершенно неповиненъ. Откуда-то на газетныхъ столбцахъ появились мои біографіи, даже — портреты. Все это до крайности меня нервировало и утомляло. Жизнь моя сбилась съ намѣченнаго пути... Пришлось забросить всѣ свои дѣла, связанныя съ многосторонней работой въ Самарѣ и, конечно, — съ Головкинскимъ роднымъ хозяйствомъ.

130

Учрежденіе, въ которомъ мнѣ предстояло принимать участіе и которое приковывало острое вниманіе всей страны, мечтавшей отплатить за обидныя для отечественнаго самолюбія пораженія, — именовалось „Верховная Слѣдственная Комиссія для всесторонняго разслѣдованія обстоятельствъ, послужившихъ причиной несвоевременнаго и недостаточнаго пополненія запасовъ военнаго снаряженія".

Составъ Комиссіи включалъ въ себѣ слѣдующихъ лицъ: Предсѣдатель — инженеръ-генералъ, членъ Государственнаго Совѣта Петровъ, члены — Товарищъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта Голубевъ; генералъ-адъютантъ членъ Государственнаго Совѣта Пантелѣевъ; сенаторъ Посниковъ; товарищъ предсѣдателя Государственной Думы Варунъ-Секретъ; членъ Государственной Думы графъ Владиміръ Алексѣевичъ Бобринскій и я, какъ выборный членъ Госудорственнаго Совѣта.

Коллегія, не считая Предсѣдателя, состояла изъ трехъ

членовъ, принадлежавшихъ къ чиновному классу и троихъ, представлявшихъ собою общественный элементъ. Генералъ-адъютантъ Пантелѣевъ являлся замѣстителемъ главы военнаго вѣдомства, а сенаторъ Посниковъ участвовалъ въ Комиссіи въ качествѣ представителя Министра Юстиціи.

Все дѣлопроизводство Комиссіи было сосредоточено въ особо образованной при ней многолюдной канцеляріи, во главѣ которой стоялъ Статсъ-Секретарь Государственнаго Совѣта Николай Өедоровичъ Дерюжинскій, имѣвшій своимъ ближайшимъ помощникомъ чиновника Государственной Канцеляріи Кизилбаша.

Помимо этого, въ зависимости отъ хода слѣдственнаго производства, въ распоряженіи каждаго изъ членовъ Верховной Комиссіи имѣлись особо прикомандированные секретари и спеціалисты, знакомые съ разнородными отраслями воинскаго снабженія. Все, что было въ этой области наиболѣе работоспособнаго, толковаго и энергичнаго, правительство предоставило къ услугамъ Верховной Комиссіи. Весь штатъ военно-слѣдственнаго персонала и прокурорскаго надзора, тоже являлся ближайшимъ сотрудникомъ упомянутаго учрежденія.

Засѣданія Верховной Комиссіи происходили въ одной изъ боковыхъ залъ Маріинскаго Дворца. Въ распоряженіе каждаго изъ ея членовъ для производства дознаній и допросовъ отводились въ томъ же зданіи отдѣльныя помѣщенія. Записи словесныхъ показаній велись особо прикомандированными для этого стенографистками, служившими въ Государственной Канцеляріи.

Предсѣдатель Комиссіи, генералъ Н. П. Петровъ, будучи весьма преклонныхъ лѣтъ, имѣлъ репутацію знающаго инженера и разсудительнаго военнаго сановника. Онъ держалъ себя чрезвычайно замкнуто и, состоя въ „центрѣ" Государственнаго Совѣта, принималъ участіе лишь въ комиссіонныхъ работахъ. Въ мою бытность въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ на общихъ засѣданіяхъ не выступалъ.

Занятіями Верховной Слѣдственной Комиссіи Петровъ руководилъ болѣе чѣмъ сдержанно и осторожно, не проявляя ни творческаго интереса къ порученному ему дѣлу, ни той предсѣдательской инициативы, которая всякой коллегіальной работѣ придаетъ необходимый подъемъ и полезную планомѣрность.

Заявленія по животрепещущему и злободневному вопросу того или другого члена Комиссіи встрѣчали обычно у предсѣдательствовавшаго Петрова или полное равнодушіе, или явное намѣреніе какъ-либо обойти остроту его разрѣшенія. Вспоминается мѣткая характеристика личности нашего предсѣдателя, которую однажды въ разговорѣ со мною далъ почтенный и остроумный Анатолій Федоровичъ Кони: „Генералъ Петровъ принадлежитъ къ тѣмъ „теплымъ" людямъ, о которыхъ сказано въ Апокалипсисѣ"... И дѣйствительно, въ нашей общей работѣ, за каждымъ шагомъ которой зорко слѣдила

вся Россія, генералъ Петровъ былъ ни „холоденъ", ни „горячъ"; онъ былъ именно „теплымъ" руководителемъ занятій Верховной Комиссіи и вносилъ въ нихъ струю того вреднаго для всякаго государственнаго дѣла „равнодушія", о которомъ мнѣ говорилъ генералъ О. О. Палицынъ, какъ объ основной причинѣ непорядковъ и неудачъ высшаго россійскаго управленія.

Необходимо впрочемъ оговориться, что подобная „теплота" у Петрова проявлялась лишь въ отношеніи къ самой сущности того исключительно отвѣтственнаго и многосторонняго дѣла, которое входило въ компетенцію Верховной Слѣдственной Комиссіи, а не въ веденіи имъ нашихъ засѣданій, которыя онъ проводилъ въ чрезвычайно рѣзкой и нетерпимой формѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по его мнѣнію, пренія принимали нежелательный характеръ... Онъ сообразовался не съ сущностью заданій Комиссіи, а скорѣе съ извѣстными одному Петрову или его закулисному, невѣдомому для насъ, вдохновителю, особыми цѣлями... На заявленіе нѣсколькихъ членовъ комиссіи о желательности предварительно намѣтить общій планъ и составить наказъ, точнѣе опредѣляющій права и обязанности какъ самаго учрежденія, такъ и его исполнителей, — генералъ Петровъ упорно отъ подобнаго предложенія уклонялся. Сначала откладывалъ, спустя два мѣсяца заявилъ, что установленіе наказа, въ виду того, что многія слѣдственныя дѣла уже закончились, — не представляется необходимымъ. Вся многосложная и исключительная по своей отвѣтственности работа носила характеръ крайне сбивчивый, расплывчатый, до извѣстной степени произвольный, чему, главнымъ образомъ, способствовалъ самъ предсѣдатель, дѣйствовавшій во всемъ „безнаказно" и поэтому — совершенно безнаказанно. Особенной хаотичностью отличались первыя засѣданія нашей комиссіи, на которыхъ каждый изъ насъ приглашался высказываться по вопросу общихъ заданій предстоявшихъ работъ. Генералъ Петровъ всячески запутывалъ наши пренія и обсужденія, проявляя явную тенденцію по возможности сокращать масштабъ слѣдственныхъ дознаній и направлять послѣднія въ сторону компромиссно-снисходительныхъ заключеній.

Опрашивая множество воинскихъ чиновъ и знакомясь съ обстановкой боевой фронтовой жизни, я натолкнулся на „обстоятельство", являвшееся одной изъ основныхъ причинъ „несвоевременнаго" и „неполнаго" воинскаго снаряженія нашихъ дѣйствующихъ армій и заключавшееся въ вопіющихъ непорядкахъ въ нашемъ транспортномъ дѣлѣ. Я счелъ своимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Верховной Комиссіи, большинство членовъ которой пришло къ убѣжденію о необходимости возбудить спеціальное слѣдственное производство по этому поводу. Но генералъ Петровъ наотрѣзъ отказался согласиться съ подобнымъ мнѣніемъ, почему-то сочтя, что транспортные непорядки не входятъ въ нашу компетенцію. Въ такомъ же духѣ дѣлалъ онъ мнѣ неоднократныя предостереженія по поводу обслѣдованія мною дѣятельности Царицынскаго завода, рекомендуя вести слѣдственное производство въ отношеніи заготовленія на упомянутомъ заводѣ пушекъ и снарядовъ лишь для полевой артиллеріи, и запрещая затрагивать снаряженіе Морского Вѣдомства. Всѣ эти замѣчанія, оговорки, предупрежденія и прочія проявленія предсѣдательской своей власти Петровъ обычно выражалъ въ несдержанной, а подчасъ, довольно рѣзкой формѣ, къ которой трудно было привыкнуть и на которую невольно приходилось реагировать въ столь же непримиримомъ тонѣ.

Съ первыхъ же засѣданій мы — трое „общественниковъ" (Варунъ-Секретъ, графъ Бобринскій и я) образовали тѣсно сплоченное ядро. Петрову нелегко было съ нами ладить, и во многихъ случаяхъ ему приходилось уступать. Особенно послѣ того, какъ на нашу сторону удалось привлечь сенатора Посникова. Въ общемъ ходѣ работъ Петровъ вынужденъ былъ считаться съ мнѣніемъ большинства членовъ Комиссіи — тѣмъ болѣе, что за результатомъ нашихъ занятій общество слѣдило съ неослабнымъ вниманіемъ и особымъ интересомъ.

Ближайшимъ сотрудникомъ генерала Петрова по веденію комиссіонныхъ засѣданій являлся товарищъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта Ив. Як. Голубевъ. Сдержанный, но обстоятельный и разсудительный, Иванъ Яковлевичъ служилъ своего рода регуляторомъ общей нашей работы, принимавшей иногда, не безъ вины предсѣдателя, безпорядочный характеръ. Но Голубевъ замѣтно остерегался высказывать свои заключенія въ опредѣленно-категорической формѣ, въ большинствѣ случаевъ предпочитая обходить острые вопросы, связанные съ обвиненіями персональнаго характера и склоняясь обычно на путь компромиссныхъ рѣшеній.

Представитель Военнаго Вѣдомства Генералъ-Адъютантъ А. И. Пантелѣевъ держалъ себя на нашихъ совмѣстныхъ занятіяхъ исключительно замкнуто и обособленно, замѣтно сторонясь „общественниковъ" и скептически относясь ко всѣмъ даннымъ, которыя компрометировали Военное Вѣдомство. Когда же нашему блоку, благодаря присоединенію къ намъ сенатора Посникова, удалось выдвинуть на очередь вопросъ о неотложной необходимости возбудить слѣдственное дознаніе по поводу дѣйствій бывшаго Военнаго Министра В. А. Сухомлинова, генералъ Пантелѣевъ, горячо ратовавшій противъ этого, демонстративно прекратилъ свои посѣщенія засѣданій Верховной Слѣдственной Комиссіи.

Что касается сенатора Посникова, то это былъ заслуженный судебный чинъ весьма преклонныхъ лѣтъ, тихій, скромный, глубоко-порядочный человѣкъ, имѣвшій гражданское мужество, подъ вліяніемъ убѣдительныхъ уговоровъ „общественниковъ", круто измѣнить свое первоначальное отношеніе къ Сухомлиновскому дѣлу. Благодаря его переходу въ нашъ лагерь и при его же ближайшемъ содѣйствіи, было немедленно приступлено къ производству обстоятельнаго раз-

слѣдованія дѣятельности Сухомлинова, какъ бывшаго Военнаго Министра, въ связи съ имѣвшимися данными о развитіи при немъ шпіонской организаціи.

Инициаторомъ, возбудившимъ этотъ вопросъ, былъ членъ Государственной Думы графъ Владиміръ Алексѣевичъ Бобринскій — человѣкъ искренній и честный, но чрезвычайно пылкій и не всегда уравновѣшенный.

Выступивъ на одномъ изъ начальныхъ нашихъ засѣданій съ горячей и рѣзкой рѣчью, наведшей панику на степенныхъ нашихъ сочленовъ изъ высшаго чиновнаго міра, графъ Владиміръ Алексѣевичъ настаивалъ на томъ, что Верховная Слѣдственная Комиссія должна откликнуться на наболѣвшій злободневный вопросъ, глубочайшимъ образомъ волновавшій всѣ слои русскаго общества и касавшійся дѣйствій бывшаго Военнаго Министра Сухомлинова. По циркулировавшимъ настойчивымъ слухамъ онъ былъ замѣшанъ въ содѣйствіи шпіонскимъ организаціямъ, которыя были одной изъ причинъ роковыхъ пораженій русскихъ армій на Галиційскомъ и Польскомъ фронтахъ.

Графъ Бобринскій не былъ „теплымъ", онъ отличался беззавѣтной „горячностью", которая не позволяла ему относиться къ работѣ съ размѣреннымъ „равнодушіемъ", а заставляла его отдаваться ей со всѣмъ пыломъ его отзывчивой и искренней души...

Съ самаго начала войны онъ вступилъ въ ряды гусаръ добровольцемъ, воочію увидалъ и испыталъ лично на себѣ всѣ вопіющіе недостатки боевыхъ распорядковъ и недочеты воинскаго снаряженія. Онъ оставилъ фронтъ и появился въ стѣнахъ Таврическаго Дворца, гдѣ со свойственной ему горячностью началъ всѣхъ и вся призывать на помощь родной арміи.

Разразившаяся скандальная „Мясоѣдовская" шпіонская исторія, заставившая широкіе общественные и законодательные круги заговорить о подозрительномъ поведеніи бывшаго Военнаго Министра Сухомлинова, подлила масла въ огонь и усилила народное недовольство. Графъ В. А. Бобринскій былъ совершенно правъ, настаивая передъ Верховной Слѣдственной Комиссіей на скорѣйшемъ раскрытіи закулисной дѣятельности шпіонскихъ организацій, по слухамъ, близко стоявшихъ къ семейному очагу Сухомлинова.

Предсѣдатель Комиссіи Петровъ хотѣлъ было уклониться отъ возбужденія этого вопроса, но встрѣтилъ столь горячую отповѣдь со стороны графа Бобринскаго, поддержаннаго Варунъ-Секретомъ и мною, что пришлось, волей-неволей, поставить Сухомлиновское дѣло на очередь ближайшаго разсмотрѣнія и обсужденія.

Вспоминается мнѣ, какъ графъ Владиміръ Алексѣевичъ, послѣ высказаннаго генераломъ Петровымъ сомнѣнія въ возможности для Комиссіи разсматривать Сухомлиновское дѣло, вспылилъ, вскочилъ, бросилъ на столъ неизмѣнную свою спутницу — насквозь прокопченую трубку и, закинувъ кверху свою коротко остриженную густоволосую голову, на все зало засѣданія громовымъ голосомъ прокричалъ: „Довольно съ насъ этихъ замалчиваній!... Дольше терпѣть мы отказываемся! Русскіе люди требуютъ правды! Многомилліонная молва называетъ Сухомлинова предателемъ и главнымъ виновникомъ всѣхъ нашихъ боевыхъ неудачъ... Игнорировать это преступно! Мы обязаны въ первую голову заняться этимъ дѣломъ, выяснивъ его во всемъ его объемѣ и во всей его безпощадной правдѣ. На насъ съ надеждой смотритъ вся страна! Преисполненное гнѣвомъ общество ожидаетъ, что наша работа приведетъ къ раскрытію преступныхъ дѣяній и къ должному наказанію виновныхъ... Если мы тотчасъ же не приступимъ къ разоблаченію всей Мясоѣдовщины и Сухомлиновщины, — я немедленно выхожу изъ состава Верховной Слѣдственной Комиссіи и всенародно оповѣщу о причинѣ моего ухода!"...

Графа Бобринскаго горячо поддержалъ Варунъ-Секретъ, принадлежавшій къ умѣренно-правой фракціи „Октябристовъ" и зарекомендовавшій себя въ дѣловыхъ общественныхъ и законодательныхъ сферахъ въ качествѣ серьезнаго, вдумчиваго и толковаго политическаго работника. Въ противоположность графу В. Бобринскому, онъ велъ себя обычно сдержанно и выступалъ въ спокойно-разсудительномъ тонѣ. Его мнѣнія и доводы отличались строгой обдуманностью и вѣской доказательностью. Такъ же, какъ Бобринскій, Варунъ-Секретъ стоялъ за немедленное принятіе къ разсмотрѣнію всего того матеріала, который могъ бы выяснить, насколько основательны распространившіеся по все странѣ тревожные слухи о преступной дѣятельности Сухомлинова.

Уклончивое поведеніе Предсѣдателя, явное желаніе генерала Пантелѣева во что бы то ни стало не допускать разслѣдованія дѣйствій бывшаго Военнаго Министра, сдержанность Голубева и первоначальная нерѣшительность сенатора Посникова — все это заставляло насъ троихъ, стоявшихъ за возбужденіе Сухомлиновскаго дѣла, дѣйствовать заодно, ради чего, наряду съ комиссіонными засѣданіями, у насъ происходили свои особыя частныя совѣщанія, имѣвшія мѣсто въ моемъ обширномъ, совершенно изолированномъ номерѣ Европейской гостиницы.

На этихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ по дѣлу Сухомлинова-Мясоѣдова мы изготовили для Верховной Комиссіи, какъ мы называли — „тяжелые артиллерійскіе снаряды". Сначала мы выступали словесно, а затѣмъ мы перешли на иной способъ изготовленія „снарядовъ" и стали подавать генералу Петрову отъ насъ троихъ письменныя „особыя мнѣнія". Они оказывали замѣтное воздѣйствіе на ходъ общихъ засѣданій и повліяли на судьбу возбужденнаго нами вопроса.

Для печати генералъ Петровъ давалъ столь краткія и неопредѣленныя свѣдѣнія о ходѣ работъ, что широкая публика

ничего изъ подобныхъ газетныхъ сообщеній понять не могла. Тѣмъ не менѣе, близкое къ участникамъ Верховной Комиссіи окруженіе, въ лицѣ членовъ обѣихъ законодательныхъ палатъ, а за ними и остальное столичное общество, силою вещей, было болѣе или менѣе въ курсѣ нашихъ засѣданій. Вопросъ о разслѣдованіи дѣятельности Сухомлинова тотчасъ же сталъ достояніемъ Петроградскихъ широкихъ круговъ и былъ встрѣченъ съ чувствомъ живѣйшей радости и удовлетворенія.

Слѣдственное производство о дѣятельности бывшаго Военнаго Министра Сухомлинова Верховной Комиссіей было возложено на двухъ лицъ — на сенатора Посникова и графа Бобринскаго. Никакихъ ограничительныхъ рамокъ для ихъ работы указано не было, и они дѣйствовали сообразуясь съ матеріаломъ, который встрѣчался во время слѣдствія.

Занятія, какъ самой Верховной Комиссіи, такъ и отдѣльныхъ ея членовъ, велись двумя способами: во-первыхъ путемъ ознакомленія съ письменными и документальными данными, которыя доставляли намъ разныя учрежденія и лица, во-вторыхъ черезъ опросы, производимые всей Комиссіей или отдѣльными ея членами. Иногда приходилось осматривать ревизуемыя учрежденія, ихъ помѣщенія или сейфы. Въ общемъ, — полномочія у Верховной Комиссіи были чрезвычайно широкія.

Первые шаги при ознакомленіи Верховной Комиссіи съ данными, касавшимися дѣятельности В. А. Сухомлинова, какъ Военнаго Министра, произвели на насъ чрезвычайно неблагопріятное впечатлѣніе, и сразу приковали къ себѣ напряженное вниманіе общественныхъ круговъ во всей странѣ. Недаромъ Верховная Комиссія среди публики нерѣдко именовалась — „Сухомлиновской"...

При ближайшемъ разсмотрѣніи имѣвшагося въ нашемъ распоряженіи матеріала, пришлось прежде всего убѣдиться въ томъ, что составленный къ 1-му января 1915 года генераломъ Сухомлиновымъ всеподданнѣйшій докладъ явнымъ образомъ не соотвѣтствовалъ дѣйствительному и всѣмъ извѣстному положенію вещей.

Обслѣдованное затѣмъ нами столь нашумѣвшее „Мясоѣдовское" дѣло въ достаточной степени компрометировало того же Сухомлинова, допускавшаго въ свой домъ и въ общество своей супруги Екатерины Викторовны, — лицъ въ родѣ Альтшуллера, Манусова и другихъ, которые, по свидѣтельству прокурора Жижина и судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Матвѣева, несомнѣнно принимали участіе въ интернаціональной шпіонской организаціи. Графъ Бобринскій представилъ Комиссіи составленную имъ, согласно документальнымъ даннымъ, карту Европы, на которой нанесена была вся сложная паутина шпіонской международной дѣятельности, распространявшей свои нити и на Петроградъ.

Видная и статная супруга Сухомлинова, урожденная Гашкевичъ, по первому мужу — Бутовичъ, пользуясь слабоволіемъ и рабской къ себѣ преданностью своего мужа, имѣла обыкновеніе окружать себя всякими подозрительными лицами и позволяла себѣ въ ихъ сообществѣ подслушивать происходившіе въ кабинетѣ ея мужа конфиденціальные вѣдомственные разговоры.

Я присутствовалъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ членовъ Верховной Слѣдственной Комиссіи при осмотрѣ аппартаментовъ, занимаемыхъ Военнымъ Министромъ. Намъ пришлось детально ознакомиться съ обстановкой и устройствомъ рабочаго его кабинета. Въ немъ, помимо двухъ дверей обычнаго формата, была еще третья, небольшая и еле замѣтная. Она была продѣлана въ стѣнѣ, невдалекѣ отъ письменнаго стола, и въ бытность Сухомлинова Министромъ всегда заставлялась высокими ширмами. Эта дверь вела непосредственно въ смежную съ кабинетомъ небольшую комнату, служившую для его супруги интимнымъ будуаромъ. Согласно показаніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, случалось, что во время пріема Сухомлиновымъ лицъ, являвшихся къ нему съ особо важными и секретными дѣлами, дверка за ширмами раскрывалась. Тогда находившіеся въ будуарѣ госпожа Сухомлинова и приближенныя къ ней лица, вродѣ Альтшуллеровъ, могли свободно слушать бесѣды и свѣдѣнія, которыя должны были носить характеръ строжайшей государственной тайны.

Принимая всѣ эти обстоятельства въ соображеніе, большинство членовъ нашей комиссіи не могло не усмотрѣть въ поведеніи Сухомлинова наличія съ его стороны „преступнаго бездѣйствія", въ смыслѣ непринятія имъ должныхъ мѣръ къ огражденію неприкосновенности ввѣряемыхъ ему, какъ Военному Министру, вѣдомственныхъ тайнъ исключительнаго государственнаго значенія. Въ этомъ отношеніи В. А. Сухомлиновъ представлялся нашей Комиссіи лицомъ, которое, можетъ быть и невольно, но несомнѣнно содѣйствовало успѣхамъ гибельнаго для русскаго оружія шпіонажа. Пишу „невольно", т. к. до сихъ поръ продолжаю оставаться при убѣжденіи, что Сухомлиновъ былъ далекъ отъ сознательнаго предательства своей родины. На мой взглядъ, онъ дѣйствовалъ скорѣе по природному своему легкомыслію и подъ воздѣйствіемъ для него неотразимыхъ чаръ властной, хитрой и настойчивой жены, заставлявшей мужа вращаться въ компрометировавшей его средѣ и добывать „всяческими" способами средства для ея, болѣе чѣмъ широкаго, образа жизни.

Верховной Комиссіи пришлось также, путемъ допроса ряда свѣдущихъ лицъ, освѣтить самую дѣятельность бывшаго Военнаго Министра. Данныя получились для него далеко не благопріятныя. Они указывали на рутинное веденіе дѣла и на проявленную съ его стороны въ области боевой подготовки крайнюю непредусмотрительность, граничившую съ „преступнымъ бездѣйствіемъ". Вообще — чѣмъ болѣе у Комиссіи накапливалось по поводу дѣятельности бывшаго главы Военнаго вѣдомства матеріала, тѣмъ яснѣе подтверждалась

умѣстность и необходимость возбужденія слѣдственнаго производства о дѣйствіяхъ Военнаго Министра В. А. Сухомлинова, оказавшихся одной изъ причинъ „несвоевременнаго и недостаточнаго пополненія запасовъ военнаго снаряженія".

Занятый своимъ непосредственнымъ сложнымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ, возложеннымъ на меня Верховной Комиссіей, а затѣмъ — съ ноября 1915 года — цѣликомъ захваченный громадой новыхъ обязанностей по должности Министра не столько Земледѣлія, сколько Продовольствія, я не могъ быть въ курсѣ всѣхъ деталей слѣдственнаго производства о Сухомлиновѣ, о которомъ докладывалось на общихъ засѣданіяхъ Комиссіи постольку, поскольку нашъ предсѣдатель, генералъ Петровъ, считалъ это необходимымъ и своевременнымъ. Но общее впечатлѣніе о немъ, когда я былъ членомъ Верховной Комиссіи, т. е. до ноября 1915 года, у меня сложилось слѣдующее: несомнѣнно, что въ своемъ военномъ вѣдомствѣ В. А. Сухомлиновъ оказался человѣкомъ мало энергичнымъ, компромиссньмъ, склоннымъ смотрѣть на многое сквозь „розовые очки", стараясь въ своихъ докладахъ Государю представлять не дѣйствительное положеніе вещей, а лишь то, что могло носить характеръ успокоительный и утѣшительный. Что же касается до его отношеній къ лицамъ, подозрѣваемымъ въ шпіонской дѣятельности и окружавшимъ его волевую супругу, то на мой взглядъ, Сухомлиновъ безусловно виноватъ, что допускалъ подобныхъ господъ въ свою казенную квартиру и находился съ ними въ тѣсномъ общеніи. Прямыхъ уликъ въ соучастіи Сухомлинова въ преступной шпіонажной организаціи при мнѣ не обнаруживалось, но по мнѣнію моему, такъ же, какъ и большинства членовъ Верховной Комиссіи, онъ, занимая постъ Военнаго Министра, да еще во время войны, обязанъ былъ строжайшимъ образомъ ограждать себя отъ всего, что могло компрометировать его, какъ хранителя государственныхъ тайнъ рѣшающаго стратегическаго значенія. Сухомлиновъ, съ присущимъ ему легкомысліемъ, забывалъ о своей присягѣ, о воинскомъ долгѣ и о занимаемой имъ высокой должности, которая возлагала на него исключительную отвѣтственность передъ родиной. Въ этомъ, по моему крайнему разумѣнію, и заключалась его основная вина.

По выходѣ моемъ изъ состава Верховной Комиссіи, слѣдственное производство о дѣйствіяхъ Сухомлинова продолжало находиться въ рукахъ тѣхъ же лицъ: графа В. А. Бобринскаго и Посникова. На основаніи ихъ заключительнаго доклада, Верховная Комиссія представила въ Государственный Совѣтъ свое постановленіе о необходимости возбудить противъ В. А. Сухомлинова уголовное преслѣдованіе, по обвиненію его въ противозаконномъ бездѣйствіи, превышеніи власти, служебныхъ подлогахъ, лихоимствѣ и государственной измѣнѣ.

10-го марта 1916 года послѣдовало опредѣленіе Перваго

Департамента Государственнаго Совѣта о назначеніи предварительнаго слѣдствія, которое было возложено на сенатора Кузьмина. 29-го апрѣля того же года, Сухомлиновъ былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, но въ октябрѣ былъ освобожденъ и переведенъ подъ домашній арестъ.

Послѣ февральской революціи 1917 года онъ былъ вновь арестованъ, и въ апрелѣ того же года былъ преданъ суду по обвиненію въ бездѣйствіи и превышеніи власти, въ государственной измѣнѣ и служебныхъ подлогахъ. Дѣло о немъ слушалось въ засѣданіи Правительствующаго Сената, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, и Сухомлиновъ былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ пожизненной каторгѣ.

Привлеченная тоже въ качествѣ обвиняемой его супруга, Екатерина Викторовна, судилась одновременно со своимъ мужемъ, но вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей была оправдана! Какимъ образомъ этой особѣ, являвшейся главной виновницей поведенія ея супруга, удалось выйти сухой изъ окружавшей ее темной воды, и какими судьбами посчастливилось Сухомлинову избѣгнуть суроваго наказанія, уцѣлѣть отъ большевиковъ и мирно прожить до 1920 года въ Зарубежьѣ — до сихъ поръ остается для меня неразрѣшимой загадкой!

131

Изъ имѣвшагося въ распоряженіи Комиссіи документальнаго матеріала, а также изъ показаній многочисленныхъ лицъ, близко освѣдомленныхъ о дѣйствительномъ положеніи воинскаго снабженія армій, Верховная Комиссія, въ первыхъ же своихъ засѣданіяхъ, пришла къ заключенію, что необходимо въ самомъ срочномъ порядкѣ приступить къ всестороннему разслѣдованію всего хода какъ русскаго нашего военно-заводского производства, такъ и исполненія огромныхъ заграничныхъ заказовъ по пополненію воинскаго снаряженія дѣйствующихъ армій. Особенно остро стоялъ вопросъ относительно винтовокъ. Недостатокъ ихъ ощущался не только въ тыловыхъ запасныхъ гарнизонахъ, гдѣ, при обученіи призванныхъ подъ ружье солдатъ, имъ, за неимѣніемъ винтовокъ, выдавали деревянныя палки, но и въ войсковыхъ частяхъ, которыя принимали непосредственное участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ, не хватало винтовокъ.

Комиссія также вскорѣ удостовѣрилась въ огромной, угрожающей нехваткѣ ружейныхъ патроновъ и артиллерійскихъ снарядовъ. Одинъ изъ наиболѣе компетентныхъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ генералъ Кузьминъ-Караваевъ, вызванный 11-го августа 1915 года въ Верховную Комиссію для допроса, произвелъ своими показаніями на всѣхъ присутствовавшихъ

самое удручающее впечатлѣніе. Характеризуя плохую освѣдомленность высшаго командованія о происходившемъ на боевыхъ фронтахъ, и отмѣчая гибельную для дѣла несогласованность общихъ распоряженій, Кузьминъ-Караваевъ довелъ до свѣдѣнія Комиссіи, что по имѣвшимся донесеніямъ съ фронтовъ, у русской артиллеріи въ данный моментъ имѣлось не болѣе двухъ снарядовъ на каждую пушку!..

Въ Комиссіи скопился огромный матеріалъ. Надо было спѣшить съ его разборомъ. Отдѣлъ по выясненію успѣшности заграничныхъ заказовъ (въ Америкѣ, Англіи, Франціи, Японіи и Швеціи) взялъ на себя нашъ сочленъ С. Т. Варунъ-Секретъ, одновременно занявшійся обслѣдованіемъ дѣятельности Тульскаго оружейнаго завода. Вопросъ о винтовочномъ снаряженіи принялъ къ своему разсмотрѣнію генералъ Пантелѣевъ, но вскорѣ передалъ его своему сочлену И. Я. Голубеву.

На мою долю выпала важная работа по обслѣдованію дѣятельности всѣхъ артиллерійскихъ заводовъ — двухъ Самарскихъ, Путиловскаго, Обуховскаго, Пермскихъ и Царицынскаго. Я самъ былъ въ этомъ виноватъ. На первыхъ засѣданіяхъ я выступилъ съ разоблаченіями, касавшимися отрицательныхъ сторонъ производства на Самарскихъ заводахъ: трубочномъ и Сергіевскомъ. Свѣдѣнія эти получены были мною на мѣстѣ, изъ источниковъ, казавшихся мнѣ достовѣрными. Я счелъ необходимымъ обратить на эти заводы вниманіе Верховной Слѣдственной Комиссіи. Заслушавъ мой докладъ, мои коллеги придали ему серьезное значеніе, и тутъ же постановили передать дѣятельность Самарскихъ заводовъ на мое обслѣдованіе. Впослѣдствіи къ нимъ были присоединены и остальные заводы.

Передъ нашей коллегіей и передо мною лично, при производствѣ моихъ обособленныхъ слѣдственныхъ дознаній, проходилъ многочисленный рядъ людей, принадлежавшихъ къ разнообразнымъ слоямъ и профессіямъ общественной и служилой среды. Начиная съ показаній простыхъ рабочихъ и кончая опросомъ Великихъ Князей, все шло на общее дѣло освѣщенія причинъ несвоевременнаго и недостаточнаго воинскаго снаряженія русской арміи.

Среди общей массы слѣдственнаго матеріала, наиболѣе интересными и вѣскими были показанія генераловъ: Михельсона, Маниковскаго, Смысловскаго и Дроздова.

Бывшій военный агентъ въ Берлинѣ, генералъ А. А. Михельсонъ своимъ обстоятельнымъ и обдуманнымъ докладомъ произвелъ на Верховную Комиссію сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ показалъ непростительную небрежность, проявленную Сухомлиновымъ въ дѣлѣ подготовки воинскаго снаряженія арміи. Съ цифрами въ рукахъ и ссылаясь на предъявленные имъ Комиссіи „Сборники вооруженныхъ силъ Германіи и Австріи", а также на свои своевременныя донесенія изъ Берлина въ Петербургъ, еще задолго до войны 1914 года, генералъ

Михельсонъ самымъ нагляднымъ образомъ доказалъ, насколько дѣятельность Сухомлинова не соотвѣтствовала всему тому, что надлежало дѣлать для боевой подготовки россійской арміи, и что онъ обязанъ былъ доводить до свѣдѣнія Государя въ своихъ всеподданѣйшихъ отчетахъ и докладахъ.

Огромное впечатлѣніе на Комиссію производили также неоднократныя показанія Начальника Главнаго Артиллерійскаго Управленія — умнаго и энергичнаго генерала А. А. Маниковскаго. Онъ сообщилъ немало интереснаго о положеніи дѣлъ съ нашими иностранными заказами и о постановкѣ воинскаго снаряженія въ Германіи.

Намѣченная до войны 1914 года Военнымъ Вѣдомствомъ, совмѣстно съ законодательными палатами, т. н. „Большая Программа Военнаго Министерства", предусматривавшая реорганизацію арміи и обезпеченіе ея всѣмъ необходимымъ, могла быть проведена полностью лишь къ 1917 году. Вспыхнувшая въ іюлѣ 1914 года война застала военное вѣдомство во многихъ отношеніяхъ неподготовленнымъ. Въ арміи не было ни тяжелой артиллеріи, ни достаточнаго количества броневыхъ автомобилей, ни авіаціи, ни тѣмъ болѣе — предметовъ техническаго снабженія — биноклей, телефонныхъ, телеграфныхъ принадлежностей и пр. Нехватало ни снарядовъ, ни патроновъ.

Съ первыхъ же мѣсяцевъ начавшейся войны, правительству, наряду съ принятіемъ мѣръ по усиленію отечественнаго производства, пришлось прибѣгнуть къ заграничнымъ заказамъ. При этомъ, у высшаго военнаго управленія, для осуществленія срочныхъ мѣропріятій, не было никакого плана. Не сумѣло оно использовать и общій энтузіазмъ, проявившійся въ началѣ войны, и выпустило изъ своихъ рукъ дѣло исключительной важности.

Въ результатѣ, вмѣсто планомѣрнаго единства дѣйствій въ области какъ военнаго снабженія, заготовлявшагося на отечественныхъ заводахъ, такъ и заказаннаго заграницей, наверху царило многоначаліе, кореннымъ образомъ тормозившее дѣло воинскаго снабженія. Наряду съ Военнымъ Вѣдомствомъ, дѣйствовали совершенно самостоятельно Всероссійскій Земскій и Городской Союзы, Военно-Промышленный Комитетъ, Красный Крестъ и другія организаціи, проявлявшія неумѣстное соревнованіе и вносившія немалую путаницу въ дѣло воинскаго снабженія.

Усиленіе дѣятельности существовавшихъ отечественныхъ заводовъ, при устройствѣ и оборудованіи которыхъ не была предусмотрѣна возможность срочнаго расширенія ихъ производительности, требовало времени. Что же касается частной нашей промышленности, то она вовсе не была приспособлена для обслуживанія военно-техническихъ нуждъ. Въ этомъ отношеніи Германія, по даннымъ, предоставленнымъ Верховной Комиссіи генераломъ Маниковскимъ, являлась несомнѣнно передовой и образцовой страной, гдѣ вся частная промышлен-

ность, въ случаѣ объявленія войны, была уже превосходно подготовлена къ мобилизаціи и могла немедленно приступить къ работѣ на нужды воинскаго снаряженія. Въ Германіи, еще въ мирное время, каждый, даже самый ничтожный, заводъ былъ у правительства на учетѣ. Для открытія его требовалось не только разрѣшеніе гражданскихъ властей, но и согласіе Военнаго Вѣдомства. Хозяева новаго предпріятія давали подписку, въ случаѣ объявленія войны, приступить къ заранѣе предуказанному имъ военно-техническому производству. Германская мобилизаціонная программа предусматривала, въ случаѣ объявленія войны, превращеніе въ больницы и лазареты помѣщеній, принадлежащихъ разнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ. Такая мобилизація не только арміи, но и всей страны, имѣла огромное значеніе и давала Германіи большія преимущества передъ Россіей. У насъ вопросъ о необходимости подобной планировки поднимался Мобилизаціоннымъ Отдѣломъ Генеральнаго Штаба, но каждый разъ отклонялся по соображеніямъ „соціально-экономическаго характера". По мнѣнію Совѣта Министровъ, переходъ заводскихъ предпріятій на новое производство могъ неблагопріятно отразиться на развитіи частной россійской промышленности въ мирое время (?!)...

Что касается заграничныхъ заказовъ, то осуществленіе ихъ отличалось также крайней хаотичностью. Заказы производились не только правительствомъ, но наряду съ нимъ, параллельно и самостоятельно, дѣйствовали многочисленныя организаціи, о которыхъ упоминалось мною ранѣе. Дѣло велось частью непосредственно съ оффиціальными представителями иностранныхъ державъ, а также и черезъ представителей частныхъ фирмъ, комиссіонеровъ и ловкихъ спекулянтовъ, заполнявшихъ въ тѣ времена петроградскія гостиницы, клубы, салоны и пріемныя вліятельныхъ столичныхъ сановниковъ. При общей спѣшкѣ, въ заказахъ не было ни планомѣрности, ни единства дѣйствій. Случалось, что одинъ и тотъ же предметъ воинскаго снаряженія получался разными заказчиками по несхожей цѣнѣ и разнаго качества.

До 1915 года, наши союзники Франція и Англія уклонялись отъ принятія нашихъ заказовъ, ссылаясь на собственные свои недочеты по снабженію арміи.

Въ тотъ же періодъ войны Японія предъявила совершенно непріемлемыя для Россіи цѣны на заказы. Такъ, одно время она соглашалась отпустить 700.000 винтовокъ, но хотѣла получить за это весь Сахалинъ. Только позже удалось русскому правительству пріобрѣсти отъ Японіи на болѣе или менѣе сходныхъ условіяхъ 400.000 ружей стараго образца.

Что касается Америки, то и тамъ дѣло съ заказами сложилось для Россіи крайне неблагополучно. Оказалось, что тотчасъ же послѣ открытія военныхъ дѣйствій все необходимое для воинскаго снаряженія было скуплено въ Соединенныхъ Штатахъ нѣмецкими организаціями, которыя своими

сѣтями опутали рѣшительно всѣ американскіе рынки. Лишь „удачныя кражи", какъ выразился генералъ Маниковскій случайно давали Россіи нѣкоторое количество винтовокъ. Подъ этими „кражами" онъ разумѣлъ комбинаціи, когда нѣмцами закупленныя партіи, на пути слѣдованія въ Европу, попадали въ русскіе порты.

Впослѣдствіи, послѣ образованія Особаго Совѣщанія по Оборонѣ, какъ отечественное производство, такъ и заграничные заказы удалось болѣе или менѣе наладить. Къ концу 1916 года всю матеріальную часть арміи удалось въ достаточной степени обезпечить. Но въ описываемое мною время, августъ-сентябрь 1915 г., все, что сообщали знатоки военно-техническаго дѣла, производило на членовъ Комиссіи самое безотрадное впечатлѣніе, усугубляемое доходившими до насъ печальными извѣстіями о колоссальныхъ потеряхъ боевыхъ запасовъ, въ результатѣ сдачи Ковно, Бреста и Гродно.

Наряду съ допросомъ лицъ, вносившихъ своими обстоятельными показаніями существенный вкладъ въ общій слѣдственный матеріалъ, подлежавшій обсужденію Верховной Комиссіи, приходилось выслушивать немало сужденій, для сути дѣла никакой пользы не приносившихъ и лишь осложнявшихъ слѣдственное производство.

Вспоминаю громовыя выступленія передъ Комиссіей важнаго по осанкѣ и грузнаго по объему Предсѣдателя Государственной Думы, Михаила Владиміровича Родзянко, когда онъ, стуча кулакомъ по столу, своимъ зычнымъ голосомъ требовалъ „всѣхъ и вся" предать суду. Родзянко, въ результатѣ своего появленія и поведенія передъ нашимъ трибуналомъ, достигалъ лишь одного — почтенные сѣдовласые наши сочлены изъ высшаго чиновнаго міра, послѣ грозныхъ выкриковъ предсѣдателя Государственной Думы, впадали въ превеликую панику, отъ которой они не скоро отходили.

Сплошь и рядомъ появлялись передъ нами лица, которыя давали показанія о хорошо имъ извѣстныхъ обстоятельствахъ такъ сдержанно и туманно, что было невозможно вывести изъ ихъ словъ точныя умозаключенія. Къ категоріи подобныхъ лицъ приходится причислить Великаго Князя Сергія Михойловича, бывшаго Военнаго Министра Редигера, небезъизвѣстнаго дѣятеля въ банковско-промышленныхъ кругахъ А. И. Путилова, Директора Департамента Полиціи Бѣлецкаго и нѣкоторыхъ другихъ

Перехожу къ воспоминаніямъ, связаннымъ съ исполненіемъ возложеннаго на меня Верховной Комиссіей порученія по обслѣдованію дѣятельности двухъ Самарскихъ заводовъ — трубочнаго и Сергіевскаго (порохового). Я долженъ сознаться, что приступилъ я къ нему далеко не съ легкимъ сердцемъ и не безъ опаски, ввиду моего полнаго незнакомства съ технической артиллерійской частью, а также въ силу необычной обстановки предстоявшей мнѣ работы.

Въ мое распоряженіе былъ откомандированъ военный

одно краткое, почти безъ всякой мотивировки изложенное, журнальное постановленіе Совѣта Министровъ, изъ коего было видно, что, по предложенію Морского Министра, рѣшено было, на особо выработонныхъ условіяхъ, сдать все дѣло постройки и оборудованія Царицынскаго завода англійской фирмѣ Виккерсъ и Ко. Допрошенный мною по поводу составленія означеннаго журнала, Управляющій дѣлами Совѣта Министровъ Иванъ Николаевичъ Ладыженскій не пролилъ никакого свѣта на мотивы сдачи завода фирмѣ Виккерса, которые по моимъ предположеніямъ должны были обсуждаться министрами. На мои вопросы онъ давалъ уклончивые отвѣты. О томъ, что конкурентомъ Крезо являлся Викерсъ и что правительство получало предложенія и отъ другихъ фирмъ, игнорированіе которыхъ казалось мнѣ совершенно непонятнымъ и требовавшимъ выясненія, я узналъ лишь отъ лицъ, которыхъ допрашивалъ. Ихъ показанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ носили исключительно сенсаціонный характеръ. Между прочимъ, мнѣ стало извѣстно, что въ то время какъ Крезо, для поддержки своихъ домогательствъ получить царицынскій заказъ, избралъ великокняжескіе аппартаменты Августѣйшей семьи Великаго Князя Владиміра Александровича, въ частности салонъ Е. В. Маріи Павловны, фирма Виккерса поспѣшила заручиться симпатіями стоявшаго во главѣ Артиллерійскаго Вѣдомства Великаго Князя Сергѣя Михайловича, не безъ участія въ этомъ лицъ его интимнаго окруженія.

Великій Князь Сергѣй Михайловичъ былъ у себя во дворцѣ, на Милліонной, опрошенъ Верховной Комиссіей по всѣмъ обстоятельствамъ, связаннымъ съ подначальнымъ ему Артиллерійскимъ Вѣдомствомъ. Опросъ продолжался болѣе трехъ часовъ. Отвѣты Его Высочества были крайне неопредѣленны и расплывчаты. Когда я коснулся постановки пушечнаго производства на Царицынскомъ заводѣ, въ связи съ вызывавшей общія нареканія дѣятельностью фирмы Виккерсъ, Великій Князь, съ тревожнымъ недоумѣніемъ на блѣдномъ лицѣ, поспѣшно спросилъ:

— А вы почемъ это знаете?

Послѣ этого онъ замолкъ, и какихъ-либо дальнѣйшихъ поясненій по царицынскому дѣлу я отъ него не получилъ. Позже, встрѣчая меня въ Ставкѣ, Его Высочество нѣсколько разъ пытался узнать отъ меня результаты моего обслѣдованія царицынскаго дѣла. Долженъ сказать, что наши съ нимъ встрѣчи и собесѣдованія производили не меня впечатлѣніе далеко не въ его пользу. Косвеннымъ образомъ они какъ бы подтверждали то, что мнѣ приходилось слышать въ бытность мою членомъ Верховной Комиссіи изъ устъ нѣкоторыхъ опрошенныхъ мною лицъ, по поводу неблаговидной заинтересованности въ дѣлѣ сдачи Царицынскаго завода фирмѣ Виккерсъ интимныхъ совѣтниковъ Его Высочества.

Когда мнѣ пришлось, по порученію Верховной Комиссіи, заняться обслѣдованіемъ дѣятельности Царицынскаго завода, то я узналъ отъ генерала Маниковскаго, что Военнымъ Вѣдомствомъ была уже послана въ Царицынъ особая комиссія, во главѣ съ генераломъ Дроздовымъ, для выясненія на мѣстѣ всѣхъ недочетовъ по исполненію артиллерійскихъ заказовъ. При этомъ Маниковскій присовокупилъ:

— Пусть Дроздовская комиссія обстоятельно все обслѣдуетъ и намъ доложитъ, послѣ чего мы увидимъ, слѣдуетъ ли намъ съ вами самимъ ѣхать въ Царицынъ...

Разговоръ этотъ происходилъ 26-го сентября, а 12-го октября я былъ увѣдомленъ о возвращеніи Дроздовской комиссіи въ Петроградъ.

По поводу добытыхъ ею результатовъ генералъ Маниковскій сообщилъ такія потрясающія данныя, что если бы они исходили не отъ Начальника Главнаго Артиллерійскаго Управленія, я бы имъ не придалъ значенія — настолько онѣ казались неправдоподобными. Генералъ указалъ, что работа Дроздовской комиссіи не могла дать существенныхъ и разоблачающихъ истинное положеніе вещей результатовъ, такъ какъ протекала въ крайне ненормальныхъ условіяхъ, будучи все время направляема и руководима директивами, исходившими отъ высшихъ инстанцій Морского Вѣдомства. Когда же я задалъ Маниковскому вопросъ, чѣмъ же можно объяснить подобное поведеніе Вѣдомства, которое, казалось бы, особенно чутко и строго должно было относиться къ недобросовѣстному исполненію Царицынскимъ заводомъ принятыхъ на себя заказовъ по морскому артиллерійскому снаряженію — я услыхалъ изъ устъ почтеннаго генерала, извѣстнаго своей честностью и прямотою, неожиданное сообщеніе, показавшееся мнѣ столь невѣроятнымъ, что я былъ до глубины души потрясенъ и смогъ лишь воскликнуть: „Быть этого не можетъ!"

Но дальнѣйшее обслѣдованіе заставило меня считаться съ тѣмъ, что говорилъ генералъ Маниковскій и о чемъ я, съ нелегкимъ сердцемъ, считаю себя обязаннымъ разсказать въ своихъ запискахъ. Обстоятельства, о которыхъ я сейчасъ скажу, имѣли, по мнѣнію многихъ государственныхъ дѣятелей, прямую связь съ назначеніемъ меня на министерскій постъ, что вынудило меня выйти изъ состава Верховной Слѣдственной Комиссіи.

Разоблаченія генерала Маниковскаго коснулись личности Морского Министра адмирала Ивана Константиновича Григоровича, пользовавшагося въ то время не только особымъ благоволеніемъ Государя Императора, но и всеобщей популярностью среди членовъ законодательныхъ палатъ, высшихъ вѣдомственныхъ сферъ и русскаго общества. Можно поэтому понять, почему услышанныя мною о немъ чудовищныя свѣдѣнія, не могли умѣститься въ моей головѣ, привыкшей съ уваженіемъ относиться къ личности Морского Министра. Сообщенныя мнѣ ген. Маниковскимъ данныя сводились въ главныхъ своихъ чертахъ къ слѣдующему: на борьбу фирмъ Крезо и Виккерсъ адмиралъ Григоровичъ по своему положенію могъ

имѣть большое вліяніе. Онъ оказалъ явное предпочтеніе англійской фирмѣ, которая, по постановленію Совѣта Министровъ, и получила въ свои руки все Царицынское дѣло, а за оказанную ей услугу якобы щедрымъ образомъ вознаградила И. К. Григоровича. Онъ получилъ объемистую пачку акцій Виккерса. Послѣ этого Виккерсъ приступилъ къ возведенію въ Царицынѣ пушечнаго завода, разсчитаннаго главнымъ образомъ на изготовленіе морского артиллерійскаго снаряженія. Въ своей дѣятельности означенная фирма съ самаго начала стала уклоняться отъ исполненія принятыхъ на себя передъ русскимъ правительствомъ обязательствъ въ срочности работъ, въ оборудованіи завода и въ исполненіи заказовъ. Но всѣ эти недочеты и неисправность Царицынской заводской администраціи, несмотря на явную ихъ недобросовѣстность, не вызывали со стороны заинтересованныхъ Вѣдомствъ никакихъ репрессій и оставались безнаказанными, вызывая лишь безконечную переписку между начальственными инстанціями Царицына и Петрограда...

Приступивъ къ выясненію положенія на Царицынскомъ заводѣ, я былъ вынужденъ заняться какъ сухопутной, такъ и морской артиллеріей... Между тѣмъ, — на всѣ запросы, обращенные мною къ Морскому Министру, я или вовсе не получалъ отвѣтовъ, или же до моей канцеляріи доходили свѣдѣнія въ крайне неудовлетворительномъ видѣ.

Самъ же адмиралъ Григоровичъ, встрѣтившись со мною однажды (13-го октября) въ колонной залѣ Маріинскаго Дворца, въ замѣтно раздраженномъ тонѣ задалъ мнѣ вдругъ вопросъ: „Что вы меня допекаете своими запросами? При чемъ тутъ мое Вѣдомство?!". Но послѣ такого непривѣтливаго ко мнѣ обращенія, адмиралъ въ дальнѣйшей нашей съ нимъ бесѣдѣ самъ въ краткихъ чертахъ обрисовалъ дѣятельность Царицынскаго завода. Его сообщеніе показалось мнѣ далеко не соотвѣтствовавшимъ всему тому, что мнѣ стало извѣстно изъ хорошо освѣдомленныхъ источниковъ. Тогда же я занесъ по этому поводу въ свою записную книжку: „Неужели все въ такомъ же превратномъ видѣ Государю докладывается?!"

Разговоръ съ адмираломъ Григоровичемъ произвелъ на меня крайне неблагопріятное впечатлѣніе, но и подзадорилъ меня. Я безповоротно рѣшилъ отправиться въ Царицынъ лично осмотрѣть пушечный заводъ. Генералъ А. А. Маниковскій, не менѣе меня заинтересованный въ правдивомъ освѣщеніи Царицынской „панамы", горячо поддержалъ мое намѣреніе, высказавъ пожеланіе ѣхать вмѣстѣ со мною. Дату нашего отъѣзда мы намѣтили на 25-ое октября.

Отъ того же генерала я узналъ еще одно обстоятельство, являвшееся какъ бы дополненіемъ получавшихся мною сенсаціонныхъ свѣдѣній объ адмиралѣ Григоровичѣ. По словамъ Маниковскаго, послѣ образованія Верховной Слѣдственной Комиссіи, адмиралъ будто бы всѣ имѣвшіяся Виккерсовскія акціи поспѣшилъ изъять изъ банковскихъ хранилищъ и отправить ихъ въ Америку черезъ содѣйствіе небезызвѣстнаго правительственнаго маклера по заключенію иностранныхъ заказовъ, Гинцбурга.

Сообщеніе это совпадало съ конфеденціальными показаніями только что назначеннаго Товарищемъ Министра Внутреннихъ дѣлъ С. П. Бѣлецкаго. Въ октябрѣ онъ заѣхалъ однажды ко мнѣ въ Маріинскій Дворецъ и съ обычнымъ своимъ заискивающимъ видомъ, пожелалъ сообщить мнѣ, какъ члену Верховной Комиссіи, ведущему обслѣдованіе Царицынскаго дѣла „нѣчто исключительно важное;" при этомъ онъ оговорился, что можетъ это сдѣлать лишь оставшись со мною наединѣ. Удаливъ изъ кабинета своихъ секретарей и стенографистокъ, я пригласилъ его приступить къ изложенію его секретныхъ данныхъ. Тогда Бѣлецкій сообщилъ мнѣ фактъ, который для выясненія дѣятельности Царицынскаго завода могъ сыграть исключительно важную роль.

Услыхалъ я отъ этого дошлаго господина слѣдующее: въ связи съ правительственными разлѣдованіями вѣдомственныхъ злоупотребленій, еще до образованія Верховной Слѣдственной Комиссіи, Бѣлецкій, стоявшій въ то время во главѣ Департамента Полиціи, по чьему-то распоряженію осматривалъ банковскіе сейфы. По его словамъ, въ одномъ изъ нихъ, принадлежавшемъ адмиралу Григоровичу, было найдено значительное количество акцій фирмы Виккерсъ и Ко... Придавая подобному заявленію оффиціальнаго лица, занимавшаго отвѣтственную должность по политическому сыску, особо серьезное значеніе, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, счелъ необходимымъ предупредить Бѣлецкаго, что основывать свое слѣдственное производство на анонимныхъ и секретно получаемыхъ данныхъ я не нахожу возможнымъ, и просилъ повторить свои показанія въ присутствіи моего секретаріата и съ занесеніемъ его словъ въ особый протоколъ.

Каково же было мое удивленіе и возмущеніе, когда Товарищъ Министра Бѣлецкій по поводу только что выслушанныхъ отъ него опредѣленныхъ свѣдѣній о томъ, что содержалось въ банковскомъ сейфѣ Григоровича, сталъ мнѣ объ этомъ фактѣ говорить, какъ о дошедшемъ до него слухѣ, вдобавокъ не провѣренномъ. Онъ ссылался на то, что не самъ производилъ осмотръ сейфовъ, а поручилъ это чиновнику, фамилію котораго забылъ. Вообще по дѣлу Царицынскаго завода онъ ничего опредѣленнаго сообщить не можетъ.

Въ такомъ видѣ моими стенографистками были запротоколированы повторныя показанія Бѣлецкаго, который по окончаніи своего уже оффиціальнаго передопроса, какъ ни въ чемъ не бывало, съ обычной подобострастной своей улыбочкой, откланялся и поспѣшилъ скрыться.

Вспоминая періодъ моихъ слѣдственныхъ работъ по Царицынскому дѣлу, не могу не отмѣтить одного факта, подѣйствовавшаго на меня самымъ угнетающимъ образомъ. На протяженіи не болѣе чѣмъ мѣсячнаго срока моего Царицынскаго

обслѣдованія (23 сентября — 25 октября) мнѣ пришлось два раза выслушать отъ Предсѣдателя Верховной Комиссіи предупрежденіе, что, ведя слѣдствіе по дѣлу Царицынскаго завода, я долженъ касаться лишь производства артиллерійскаго сухопутнаго снаряженія, отнюдь не затрагивая заказовъ Морского Вѣдомства. При этомъ генералъ Петровъ всякій разъ оговаривался, что предупрежденіе это онъ дѣлаетъ согласно указанію самого Государя, и вынужденъ былъ этому вѣрить, такъ какъ до меня доходили настойчивые слухи относительно того, что адмиралъ Григоровичъ неоднократно позволялъ себѣ жаловаться Его Величеству на мои дѣйствія, затрагивавшія якобы честь и достоинство ввѣреннаго ему Вѣдомства (?!).

Всѣ эти предупрежденія меня не только нервировали, но и въ достаточной степени озлобляли. Мои отвѣты на нихъ генералу Петрову обычно сводились къ одному и тому же: „Передайте Его Величеству, — говорилъ я — что я дѣйствую сообразно велѣніямъ своей совѣсти и во имя выясненія той правды, отъ которой зависитъ многое въ жизни Россійскаго Государства. Скажите также Государю, что на этомъ пути меня никто и ничто не остановитъ. Если же моя работа расцѣнивается отрицательно, то прошу меня уволить"...

Но увольненія моего изъ состава Комиссіи не послѣдовало, и я продолжалъ работать, нисколько не мѣняя ни объема, ни направленія моего слѣдственнаго производства. Само дѣло я старался вести возможно объективно, безпристрастно и согласно задуманному мною плану. Тѣ или другія личности, вродѣ окруженія Великаго Князя Сергѣя Михайловича или того же Григоровича, заставлявшія на пути моего Царицынскаго обслѣдованія обращать на себя мое вниманіе, ничуть не отвлекали меня отъ преслѣдованія намѣченныхъ мною для дѣятельности Верховной Комиссіи слѣдственныхъ заданій. Поскольку дѣйствія тѣхъ или другихъ лицъ — въ данномъ случаѣ, Морского Министра — могли приносить явный вредъ дѣлу воинскаго снабженія, я считалъ необходимымъ производить спеціальныя дознанія, что я имѣлъ въ виду предпринять относительно адмирала Григоровича.

Надо сказать, что послѣ обслѣдованія Самарскихъ заводовъ я вынужденъ былъ не только замѣнить состоявшаго при мнѣ полковника Орестова другимъ, болѣе подходящимъ, работникомъ, но и просить Комиссію откомандировать въ мое распоряженіе еще нѣсколькихъ лицъ. Просьба моя была уважена, и вскорѣ я могъ располагать свѣдущими и способными людьми и давать имъ порученія въ зависимости отъ хода слѣдственнаго производства.

Занявшись послѣ Самарскихъ заводовъ Царицынскимъ дѣломъ, я подобралъ себѣ особый штатъ сотрудниковъ, возглавивъ его дѣльнымъ и работоспособнымъ генераломъ Дроздовымъ. Что же касается до спеціальнаго обслѣдованія непонятной снисходительности Морского Вѣдомства и его главы къ неисправной дѣятельности Царицынскаго завода, то это дѣло

было мною возложено на военнаго слѣдователя Орлова, который охотно согласился помочь мнѣ въ этомъ отвѣтственномъ и деликатномъ дознаніи.

Наладивъ всѣ свои дѣла, мы съ генераломъ Маниковскимъ тронулись 25-го октября въ Царицынъ, но я до мѣста не доѣхалъ и, въ силу назначенія меня Министромъ, моя слѣдственная дѣятельность сразу оборвалась.

Не могу не вспомнить по этому поводу характерный разговоръ, происшедшій у меня съ Предсѣдателемъ Верховной Комиссіи генераломъ Петровымъ наканунѣ моего отъѣзда въ Царицынъ. Въ то время уже ходили настойчивые слухи о моемъ назначеніи на Министерскій постъ, вмѣсто уходившаго Кривошеина.

24-го октября, послѣ общаго засѣданія Верховной Комиссіи, на которомъ было одобрено мое рѣшеніе отправиться въ Царицынъ, генералъ Петровъ отзываетъ меня въ сторону, и у насъ съ нимъ происходитъ слѣдующій діалогъ:

— Согласно данному мнѣ Высочайшему порученію, считаю долгомъ передъ вашимъ отъѣздомъ въ Царицынъ еще разъ настойчиво вамъ посовѣтовать прекратить ваши слѣдственныя дознанія по поводу морскихъ артиллерійскихъ заказовъ"... —

— На это я опять отвѣчу, — сказалъ я, — что считаю совершенно немыслимымъ при расслѣдованіи дѣятельности Царицынскаго завода выдѣлить изъ общей массы морскіе заказы... Совѣтъ вашъ я исполнить отказываюсь и предпочитаю выйти изъ состава Верховной Комиссіи — такъ и передайте Его Величеству"...

— А вы слышали о предстоящемъ вашемъ назначеніи вмѣсто Кривошеина?

— Да, — отвѣтилъ я, — слышалъ, но этому не вѣрю...

— Напрасно, — съ злой усмѣшечкой замѣтилъ мнѣ на это Петровъ, — я убѣжденъ, что подобное высокое назначеніе васъ не минуетъ... Со своей же стороны, я вамъ по этому поводу могу лишь одно сказать — скатертью дорога!

При этихъ словахъ я вздрогнулъ и уставился на моего сѣдобородаго собесѣдника съ его хитрыми, прищуренными, небольшими глазками. Тогда же промелькнула въ моей головѣ мысль, нашедшая потомъ себѣ подтвержденіе у многихъ изъ моихъ близкихъ друзей и коллегъ... „Меня изъ Комиссіи выставляютъ"

Послѣднее предупрежденіе оказалось пророческимъ: Морское Вѣдомство оставлено было въ покоѣ, а все начатое мною Царицынское слѣдствіе, гдѣ были собраны огромные документальные и опросные матеріалы, послѣ моего выбытія изъ состава Верховной Комиссіи, было сначала передано графу В. А. Бобринскому, а мѣсяцъ спустя совершенно изъято изъ дѣлопроизводства, и неизвѣстно куда на вѣки сгинуло.

Заканчивая свои воспоминанія по поводу Царицынской моей эпопеи, я считаю своимъ долгомъ занести въ эти мои записи нѣкоторыя соображенія и выводы, являющіеся своего

рода итогомъ накопленныхъ за время моихъ слѣдственныхъ работъ впечатлѣній.

Прежде всего, несмотря на казавшуюся предоставленную мнѣ по положенію члена Верховной Комиссіи широту полномочій и самостоятельность дѣйствій, — работа моя протекала въ чрезвычайно неблагопріятныхъ условіяхъ, зависѣвшихъ отъ произвола отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ и создававшихъ величайшую помѣху именно для осуществленія того основного заданія, ради котораго была образована Комиссія. Работа моя оборвалась. Я не имѣлъ возможности провѣрить слухи, порочащіе Григоровича.

Съ именемъ адмирала, поскольку оно фигурировало въ Царицынскомъ слѣдственномъ производствѣ, — у меня связано немало тяжелыхъ воспоминаній. Слишкомъ это имя высоко расцѣнивалось русскимъ обществомъ, къ составу котораго я и себя причислялъ, — чтобъ безъ твердо провѣренныхъ основаній произнести надъ нимъ суровый приговоръ. Все, что я услыхалъ порочащаго личность Григоровича, я держалъ въ своемъ дѣлопроизводствѣ въ величайшей тайнѣ. Игнорировать эти данныя я не имѣлъ права и всѣми силами стремился обставить обслѣдованіе такъ, чтобы лишь при полученіи однихъ безспорныхъ доказательствъ возможно было публично высказать окончательное сужденіе о Морскомъ Министрѣ. Таковы были мои директивы генералу Дроздову и слѣдователю Орлову. Судьба слѣдственнаго производства читателю этихъ записокъ извѣстна: такъ и осталось невыясненнымъ, по чьему хотѣнію и велѣнію было прервано Царицынское разслѣдованіе, включая и вопросъ объ адмиралѣ Григоровичѣ.

Прошло съ тѣхъ поръ немало времени. Много всякой и чистой и мутной воды утекло въ общемъ водоворотѣ событій послѣ 1917 года... Революціонная стихія на своемъ безпощадномъ пути смыла все прежнее — доброе и злое... Не стало Россіи... Отошелъ недавно въ Ментонѣ въ иной, какъ говорятъ, лучшій міръ и бывшій Министръ Григоровичъ. Судьбѣ было угодно, чтобы я, какъ единственный изъ его бывшихъ коллегъ, проживавшій на французской Ривьерѣ, присутствовалъ на похоронахъ и проводилъ его прахъ на Ментонское кладбище.

На погребальной службѣ, въ небольшой, благолѣпно отдѣланной церковкѣ, стоя рядомъ съ покрытымъ Андреевскимъ флагомъ дубовымъ гробомъ, гдѣ лежали останки адмирала, я, молясь за его упокой, невольно переносился мыслями въ прошлое, и въ моей головѣ пронесся весь циклъ воспоминаній о покойномъ Иванѣ Константиновичѣ, включая столь волновавшій меня въ былое время неразгаданный вопросъ — былъ ли на самомъ дѣлѣ Григоровичъ лично причастенъ къ той Царицынской „заинтересованности?" Подъ вліяніемъ этихъ думъ, стоя у праха покойнаго адмирала и видя передъ собой церковный алтарь, за которымъ незримо присутствуетъ высшій нелицепріятный и всемилостивый Судія, я задался мыслью

самъ себѣ отвѣтить, имѣю ли я основаніе продолжать носить въ своемъ умѣ и сердцѣ ту долю подозрѣнія къ Ивану Константиновичу, которую невольно на меня навѣяли мои слѣдственныя работы по Царицынскому заводу?...

Одинъ за другимъ вставали факты, превратившіеся въ непрерывную послѣдовательную цѣпь соображеній... Съ одной стороны, вспомнились увѣренно звучавшія и столь поразившія меня, уличающія показанія такого авторитетнаго чина, какимъ являлся Начальникъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія генералъ Маниковскій; съ другой — странная снисходительность Морского Вѣдомства и его главы къ дѣятельности Царицынскаго завода и къ обнаружившимся тамъ дефектамъ; затѣмъ, чрезвычайно загадочное для меня отношеніе самого Григоровича ко мнѣ лично — сначала, рѣзко недружелюбное, а послѣ назначенія меня Министромъ ставшее очень любезнымъ; и наконецъ, — неожиданная судьба всего начатаго мною Царицынскаго слѣдствія, которое, послѣ моего выхода изъ Верховной Комиссіи, было предано полному забвенію. Съ другой стороны — отказъ Бѣлецкаго отъ первоначально данныхъ мнѣ показаній — единственныхъ, которыя могли бы служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ „заинтересованности" Григоровича въ сдачѣ Царицынскаго завода фирмѣ Виккерсъ. Все это не давало возможности его осужденія за то, что ему было приписано въ показаніяхъ генерала Маниковскаго. Не было случайно при допросѣ меня 4-го апрѣля 1917 года въ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи Временнаго Правительства я счелъ долгомъ уклониться отъ „категорическаго" указанія на адмирала Григоровича, какъ на лицо, особеннымъ образомъ „заинтересованное" въ судьбахъ Царицынскаго завода.

Приходили въ голову также нижеслѣдующія соображенія: первое время послѣ вспыхнувшей революціи и октябрьскаго большевистскаго переворота 1917 года И. К. Григоровичъ — оставался въ Петроградѣ, и лишь лѣтъ за пять до своей кончины, послѣдовавшей 5-го марта 1930 года, ему удалось выбраться изъ Совдепіи и обосноваться на югѣ Франціи, гдѣ онъ тихо проживалъ въ болѣе чѣмъ скромной комнаткѣ въ Ментонѣ, въ условіяхъ близко граничившихъ съ нищетой. Послѣднее обстоятельство, на мой взглядъ, являлось наиболѣе реальнымъ опроверженіемъ слуховъ о прикосновенности почтеннаго адмирала къ матеріальнымъ выгодамъ, якобы предоставленнымъ ему въ свое время фирмою Виккерсъ и Ко... Фабула о переводѣ Гинцбургомъ въ Америку значительнаго количества Виккерсовскихъ акцій, якобы принадлежавшихъ Григоровичу, также сама собой отпадала, при видѣ обнищавшаго бывшаго Морского Министра, ютившагося въ бѣдной обстановкѣ и зарабатывавшаго на свое пропитаніе продажей акварельныхъ рисунковъ собственнаго издѣлія...

Въ конечномъ итогѣ всѣхъ моихъ думъ и воспоминаній, связанныхъ съ личностью усопшаго Григоровича и явившихся какъ бы подведеніемъ прежнихъ моихъ съ нимъ служебно-

житейскихъ счетовъ, въ душѣ моей зародилось непреодолимое желаніе при прощаніи съ его прахомъ откинуть въ сторону всѣ былыя недобрыя о немъ мысли и возстановить въ своемъ умѣ и сердцѣ то представленіе объ его высокихъ личныхъ и служебныхъ достоинствахъ, которое существовало относительно послѣдняго Морского Министра Императорской Россіи среди всѣхъ слоевъ неселенія, начиная съ Царя и кончая рядовымъ матросомъ.

Думается, что душевный порывъ, натолкнувшій меня, при отданіи послѣдняго долга усопшему адмиралу, на примирительное къ нему отношеніе, былъ мнѣ подсказанъ свыше.

На дняхъ я услыхалъ отъ бывшаго помощника Управляющаго дѣлами Совѣта Министровъ, Аркадія Николаевича Яхонтова, нѣкоторыя интересныя данныя, подтверждающія и мои былыя сомнѣнія въ личной виновности Григоровича, и справедливость моихъ надгробныхъ о немъ думъ.

Вскорѣ послѣ появленія на Ривьерѣ вырвавшагося изъ Совдепіи адмирала, у Яхонтова былъ съ нимъ разговоръ, который въ прошломъ объяснястъ многое. Сильно состарившійся и одержимый серьезнымъ недугомъ Григоровичъ обрадовался встрѣчѣ съ человѣкомъ, котораго въ дореволюціонное время близко зналъ, и сталъ вспоминать былыя страницы своей службы, а также той тяжкой жизни, которую ему пришлось испытать послѣ большевистскаго переворота 1917 года. „Но самое горькое и невыносимое для меня — чуть не со слезами на глазахъ повѣдалъ Григоровичъ Яхонтову — было то, что, проживая въ Петроградѣ на положеніи простого смертнаго, я узналъ про себя, какъ бывшаго Морского Министра, невѣроятныя вещи — меня называли и воромъ и мошенникомъ, даже предателемъ!... Только тогда я понялъ, кѣмъ я былъ въ свое время, находясь на отвѣтственномъ министерскомъ посту, окруженъ и кому я довѣрялъ! Лишь тогда у меня на все открылись глаза и сознаніе это было для меня убійственнымъ!"...

134

7 ноября 1915 года я въ послѣдній разъ принималъ участіе въ засѣданіи Верховной Слѣдственной Комиссіи, Предсѣдатель которой генералъ Петровъ, объявивъ о моемъ назначеніи Министромъ Земледѣлія, привѣтствовалъ меня съ актомъ Высочайшаго довѣрія, къ чему присоединились всѣ мои коллеги и весь наличный составъ канцеляріи.

Участвовать въ работахъ Верховной Слѣдственной Комиссіи пришлось мнѣ не болѣе трехъ мѣсяцевъ (съ августа по ноябрь). Вмѣсто меня былъ назначенъ членъ Государственнаго Совѣта отъ Тамбовскаго земства — Владиміръ Михайловичъ Андреевскій.

Оглядываясь на прошлое, задаешься вопросомъ — какой же результатъ получился въ конечномъ итогѣ слѣдственныхъ

работъ Верховной Комиссіи, и смогла ли она оправдать возложенныя на нее Царемъ и обществомъ надежды? — Ранѣе я указалъ нѣкоторыя ея дефекты — безсистемность, отсутствіе наказа, предопредѣляющаго какъ самый ходъ работъ, такъ и взаимотношенія членовъ коллегіи между собой и къ служебному штату.

Въ силу этого во всей разносторонней дѣятельности Комиссіи слишкомъ много зависѣло отъ личныхъ качествъ и способовъ дѣйствія ея Предсѣдателя. Ему полагалось періодически представлять Государю доклады о ходѣ работъ Комиссіи съ приложеніемъ особыхъ записокъ, по наиболѣе существеннымъ ея постановленіямъ. Подобныя записки не всегда докладывались предварительно г.г. членамъ Комиссіи. Бывали случаи, когда по поводу редакціи и сущности нѣкоторыхъ изъ нихъ раздавались со стороны членовъ, даже такихъ сдержанныхъ, какъ И. Я. Голубевъ, протестующіе голоса. Но это мало смущало невозмутимаго по виду Петрова. Межъ тѣмъ практическій смыслъ слѣдственныхъ работъ Верховной Комиссіи, главнымъ образомъ, состоялъ въ принятіи тѣхъ или другихъ мѣръ по упорядоченію воинскаго снаряженія, которыя зависѣли не отъ обслѣдованій, а должны были явиться результатомъ всеподданнѣйшихъ докладовъ. Были, однако, и случаи, когда заинтересованное вѣдомство пользовалось данными слѣдствія и принимало соотвѣтственныя мѣры къ улучшенію снабженія. Такимъ образомъ было поступлено съ упорядоченіемъ дѣятельности Самарскихъ заводовъ послѣ моего о нихъ доклада.

Съ 1916 года дѣятельность Верховной Слѣдственной Комиссіи замѣтно стала ослабѣвать и, въ концѣ концовъ, совершенно заглохла. Ея мѣсто заняла мощная организація — Особое Совѣщаніе по Оборонѣ, спеціально вѣдавшее дѣломъ воинскаго снабженія и дѣйствовавшее столь успѣшно, что за одинъ 1916 годъ оно смогло преодолѣть всѣ былые недочеты и заготовить должное боевое снаряженіе для всей многомилліонной Императорскій Арміи.

Заканчивая циклъ своихъ воспоминаній, связанныхъ съ дѣятельностью Верховной Слѣдственой Комиссіи, я долженъ отмѣтить ту несомнѣно зачительную роль, которую сыграло названное учрежденіе въ дѣлѣ временнаго успокоенія общественныхъ тревожныхъ настроеній, грозившихъ въ іюлѣ — августѣ 1915 г. перейти въ опасное для государственнаго спокойствія состояніе всенароднаго озлобленія и гнѣва. Въ этомъ отношеніи Верховная Слѣдственная Комиссія оказала государству огромную услугу, предоставивъ власти возможность, въ болѣе или менѣе благопріятно-спокойной обстановкѣ, собраться съ силами и достигнуть добрыхъ результатовъ по боевой подготовкѣ русской арміи.

135

Согласно моему сговору съ генераломъ А. А. Маниковскимъ, мы должны были выѣхать изъ Петрограда въ Царицынъ 25-го октября.*

Передъ моимъ отъѣздомъ на вокзалъ, у меня въ номерѣ Европейской гостиницы состоялся обѣдъ съ самарцами — гр. А. Н. Толстымъ, Б. Н. Карамзинымъ и С. Д. Самаринымъ. Двое послѣднихъ были отъ самарскаго дворянства выборщиками и только-что принимали участіе въ Всероссійскомъ съѣздѣ, собранномъ для избранія членовъ Государственнаго Совѣта отъ дворянства. Наканунѣ дня моего отъѣзда выборы закончились, и пришедшіе ко мнѣ проститься земляки-самарцы передавали свои далеко не радостныя впечатлѣнія, которыя они въ теченіе ряда дней наблюдали на съѣздѣ.

Подъ вліяніемъ общей нервности и всевозможныхъ слуховъ, сословные выборщики отошли отъ прежнихъ обычаевъ, отличавшихся общей согласованностью и взаимной уступчивостью. Съ перваго же дня съѣзда обнаружился рѣзкій расколъ. Образовались двѣ непримиримыя группы, съ явнымъ преобладаніемъ лѣво-оппозиціоннаго теченія. Борьба шла между обѣими сторонами упорная и продолжительная. Въ концѣ концовъ, въ Верхнюю законодательную палату избраны были лица, выставленныя лѣвой группой (Менделѣевъ, Скадовскій и др.).

Во всякомъ случаѣ, дворянскіе выборы въ Государственный Совѣтъ, по всей своей обстановкѣ и результатамъ, явились показателемъ общаго тревожнаго настроенія, которое переживала страна въ описываемую эпоху.

Выѣхавъ 25-го октября изъ Петрограда, я имѣлъ въ виду заѣхать на нѣкоторое время къ своимъ въ Самару, побыть въ родномъ кругу и провести вмѣстѣ съ моей старушкой матерью день ея именинъ — 28-е октября. Къ заѣзду въ Самару принуждали меня также и неотложныя предводительскія дѣла.

Остановившись отъ поѣзда до поѣзда 26-го октября въ Москвѣ, я, какъ обычно, просмотрѣлъ съ довѣреннымъ А. А. Семеновымъ свои конторскія дѣла и повидался съ А. Д. Самаринымъ, съ которымъ откровенно поговорилъ насчетъ слуховъ о назначеніи меня Министромъ, вмѣсто Кривошеина. Самаринъ горячо одобрилъ мое безповоротное рѣшеніе отъ этой высокой, но по многимъ соображеніямъ тяжкой чести уклониться.

Въ Самару я пріѣхалъ въ ночь съ 27-го на 28-е октября, во второмъ часу утра. Съ радостнымъ чувствомъ попалъ я, наконецъ, въ родную обстановку нашего чуднаго и уютнаго дома. Несмотря на поздній часъ, меня встрѣтила обрадованная нашимъ свиданіемъ жена и милая моя старушка-мать.

* Всѣ даты, помѣченныя въ моихъ записяхъ, относятся къ старому стилю.

Войдя къ себѣ въ кабинетъ, я принялся пересказывать женѣ кое-какія столичныя новости. Передо мною, на письменномъ столѣ, лежала папка, куда обычно секретарь дворянства клалъ бумаги срочной важности. Прежде всего бросилась мне въ глаза лежавшая сверху нераспечатанная телеграмма. Продолжая бесѣдовать, я ее раскрылъ. Надо думать, что читая ее я сильно измѣнился въ лицѣ, такъ какъ жена съ тревогой въ голосѣ меня спросила: — Что случилось?!

Содержаніе депеши оказалось слѣдующее: „Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство возможно незамедлительно пожаловать Петроградъ. Статсъ-Секретарь Горемыкин". Для меня стало очевиднымъ, что подобный срочный вызовъ находится въ прямой связи съ настойчивыми слухами о моемъ назначеніи Министромъ.

Передавъ телеграмму женѣ, я долгое время сидѣлъ молча, охваченный вихремъ овладѣвшихъ мной думъ и чувствъ... Усѣвшись затѣмъ вмѣстѣ съ вѣрной моей спутницей, Анютой, на любимомъ угловомъ диванѣ, я разсказалъ ей столичные слухи о моемъ назначеніи Министромъ, и о тѣхъ невеселыхъ перспективахъ, которыя меня ожидали въ будущемъ. Закончилъ я нашу ночную бесѣду завѣреніемъ, что со своей стороны я предприму все возможное, чтобы избѣжать готовящейся мнѣ страшной участи.

Горемыкинская телеграмма круто измѣнила намѣченный мною порядокъ жизни и дѣйствій. О Царицынѣ нечего было и думать, такъ же, какъ и о желанномъ, хотя бы краткомъ отдыхѣ въ Самарѣ.

Проведя 28-е октября въ кругу своей семьи, гдѣ въ этотъ день праздновались двѣ именинницы — моя мать и дочь Пашенька, я вынужденъ былъ задержаться въ Самарѣ еще на однѣ сутки, въ силу цѣлаго ряда неотложныхъ служебно-общественныхъ дѣлъ.

Днемъ 29-го октября состоялось въ домѣ Дворянскаго Собранія скромное торжество освященія иконы, сооруженной самарскимъ дворянствомъ въ честь 300-лѣтняго юбилея царствованія Дома Романовыхъ, послѣ чего собравшіеся дворяне устроили частное совѣщаніе, на которомъ обсуждался рядъ вопросовъ, связанныхъ съ дѣятельностью мѣстныхъ общественныхъ организацій, работавшихъ на нужды военнаго времени. По этому поводу раздавались сѣтованія на то, что усилія Самарскаго военно-промышленнаго комитета не могли давать желательныхъ результатовъ изъ-за крайне неудовлетворительнаго состоянія путей сообщенія, причинявшаго постоянныя задержки въ доставкѣ нужнаго матеріала, а также вслѣдствіе неосвобожденія отъ воинскаго призыва необходимаго для работъ техническаго персонала.

На томъ же совѣщаніи нѣкоторыми дворянами былъ возбужденъ вопросъ, нервировавшій въ то время всѣхъ болѣе или менѣе мыслившихъ людей. Зашла рѣчь о роли Гр. Распутина въ близкихъ къ царской семьѣ сферахъ, о его вмѣшательствѣ

въ государственное управленіе, о слухахъ по поводу отстраненія Государя и замѣнѣ его Императрицей Александрой Ѳеодоровной въ качествѣ регентши и т. п. Надо сказать, что главнымъ виновникомъ, будоражившимъ самарское общество, являлся неудовлетворенный царскимъ вниманіемъ, болѣзненно неуравновѣшенный, В. Н. Львовъ, всякій разъ по пріѣздѣ своемъ въ Самару привозившій запасъ чудовищныхъ слуховъ. Пользуясь положеніемъ старшаго сословнаго избранника, я считалъ своимъ долгомъ посильно успокаивать взбудраженные умы своихъ дворянъ, убѣждая ихъ съ особой осмотрительностью относиться къ распространяемымъ по странѣ ложнымъ слухамъ. Я бралъ на себя смѣлость съ увѣренностью опровергать распускаемую клевету про Августѣйшую семью, т. к. былъ убѣжденъ въ примѣрной чистотѣ ихъ семейнаго уклада. Также не вѣрилъ я ни въ пораженческія настроенія, приписываемыя Государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, ни тѣмъ болѣе въ ея, якобы, вѣроломныя намѣренія предать Россію во вражьи руки.

Вліяніе Распутина на психику Императрицы несомнѣнно существовало. Съ этимъ фактомъ волей-неволей приходилось, съ тяжелымъ чувствомъ, считаться и бороться. Но бороться надлежало, конечно, не путемъ открытаго всенароднаго дискредитированія династическаго и монархическаго стяга, ослабляя его огромное объединяющее значеніе для цѣлости и мощи Имперіи, ея тыла и всего боевого фронта. Въ цѣляхъ этой борьбы, всему русскому обществу, и прежде всего — высшимъ петроградскимъ чиновнымъ кругамъ надлежало единодушно разоблачить сибирскаго проходимца въ глазахъ мистически настроенной царицы. Межъ тѣмъ, вмѣсто подобной борьбы, не мало лицъ, принадлежавшихъ къ столичному высшему обществу, подъ вліяніемъ своекорыстныхъ и честолюбивыхъ побужденій, не только не чуждались Распутина, но своимъ поведеніемъ упрочивали его положеніе. Распутинъ, въ нѣкоторой части столичнаго общества, встрѣчалъ не протестъ, а угодничество, что служило къ вящему его возвеличенію въ глазахъ Государыни, которая была признательна „сибирскому старцу" за врачеваніе ея любимаго сына. Положеніе Распутина создавало не довѣріе царицы, а безпринципный оппортунизмъ свѣтскаго общества. Вмѣсто того, чтобы открыто и смѣло всячески бойкотировать Распутина, общество, а за нимъ и вся страна, принялись грязью забрасывать безупречно чистую царскую семью, чернить и ломать національно-боевую скрѣпу всей Россійской Имперіи. Результаты налицо!

30-го октября я выѣхалъ изъ Самары обратно въ Петроградъ, напутствуемый своими многочисленными сословными и общественными сотрудниками и друзьями, съ которыми пришлось въ силу необходимости подѣлиться своими опасеніями по случаю экстреннаго вызова меня въ столицу, и отъ которыхъ я выслушалъ единодушный совѣтъ пойти навстрѣчу царскому выбору и желанію.

Утромъ, 1-го ноября, я былъ уже у себя въ номерѣ Европейской гостиницы, гдѣ меня ожидалъ чиновникъ, передавшій мнѣ приглашеніе И. Л. Горемыкина быть у него въ 2½ ч. дня. Утро у меня прошло въ безпрерывныхъ переговорахъ, личныхъ и по телефону, съ цѣлымъ рядомъ друзей, знакомыхъ и многочисленными газетными сотрудниками. Было ясно, что вопросъ о моемъ назначеніи на министерскій постъ сдѣлался извѣстенъ петроградскому обществу.

Повидался я съ моимъ двоюроднымъ братомъ, членомъ Государственной Думы А. М. Наумовымъ, сообщившимъ мнѣ, что слухъ о моемъ назначеніи встрѣченъ въ Таврическомъ Дворцѣ весьма благосклонно. Видѣлся я затѣмъ съ Алексѣемъ Борисовичемъ Нейдгардтомъ, предсѣдателемъ той группы членовъ Гогударственнаго Совѣта, къ которой я себя причислялъ. По обыкновенію спокойный, взвѣшивавшій каждое свое слово, Алексѣй Борисовичъ убѣждалъ меня принять предлагаемый постъ по ряду соображеній, изъ которыхъ самымъ существеннымъ, по его мнѣнію, было то, что я являлся практикомъ-сельскимъ хозяиномъ и опытнымъ земцемъ. Заканчивая свою бесѣду со мной, онъ сказалъ: — Такіе люди теперь для Россіи нужны. Судя по всему, какъ бы вы ни отговаривались, врядъ ли вамъ удастся вывернуться!...

Какъ разъ обратное выслушалъ я отъ А. Д. Самарина, который горячо настаивалъ, чтобы я отказался отъ должности Министра.

Въ условленный часъ я вошелъ въ кабинетъ къ И. Л. Горемыкину, который встрѣтилъ меня и провелъ всю нашу довольно длительную бесѣду чрезвычайно любезно и, я бы сказалъ, даже задушевно. Послѣ февральской революціи, А. Н. Хвастовъ, давая показанія въ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи, совсѣмъ иначе обрисовалъ этотъ разговоръ.

Сообщивъ объ уходѣ А. В. Кривошеина, Горемыкинъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

—Передъ отъѣздомъ на фронтъ Его Величеству благоугодно было поручить мнѣ передать вамъ его Высочайшую волю, чтобы вы приняли на себя освободившійся постъ Министра Земледѣлія. При этомъ я обязанъ довести до вашего свѣдѣнія, что кандидатура ваша исходитъ непосредственно отъ самого Государя Императора, слова коего привожу вамъ подлинныя: „Я Наумова хорошо знаю, и хочу видѣть его своимъ Министромъ".

Выслушавъ не безъ волненія сообщеніе Предсѣдателя Совѣта Министровъ, я обратился къ нему съ просьбой прежде всего довести до свѣдѣнія Его Величества мою вѣрноподданническую благодарность за оказанную честь и довѣріе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я горячо просилъ Горемыкина быть ходатаемъ за меня предъ лицомъ Государя, въ смыслѣ освобожденія меня отъ принятія предлагаемой должности. Основнымъ мотивомъ моего рѣшенія я выставилъ свою неподготовленность для принятія обязанностей Министра Земледѣлія, поставлен-

наго во главѣ продовольственнаго снабженія фронта и многихъ тыловыхъ областей Имперіи. Я настойчиво доказывалъ Горемыкину всю нежелательность назначенія лица, совершенно незнакомаго съ постановкой сложнаго и отвѣтственнаго дѣла, исключительной государственной важности. Было бы раціональнѣе поручить его лицу, преемственно связанному съ дѣятельностью уходящаго Кривошеина. Всякій новый человѣкъ, не стоявшій раньше близко къ имперской продовольственной организаціи неизбѣжно потратитъ немалое время для ознакомленія съ ней, что можетъ неблагопріятно отозваться прежде всего на общемъ ходѣ снабженія арміи. Помимо этого, я выразилъ Горемыкину желаніе свое довести до конца возложенное на меня Государемъ дѣло, тоже исключительно серьезнаго государственнаго значенія, — работу Верховной Слѣдственной Комиссіи.

Мое обращеніе къ престарѣлому Ивану Логгиновичу носило характеръ искренней просьбы. Онъ отнесся ко мнѣ тепло и задушевно. То, что пришлось мнѣ позже прочесть, какъ сказано выше, въ показаніяхы бывшего Министра Внутреннихъ Дѣлъ А. Н. Хвостова,* а также то, что,со словъ Хвостова, писала Государю Императрица Александра Ѳеодоровна по поводу моего отказа отъ назначенія — не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Въ своемъ письмѣ отъ 3-го ноября 1915 года за № 148** Государыня пишетъ слѣдующее:

„Повидимому старикъ (т. е. Горемыкинъ) предложилъ не въ любезной формѣ министерскій постъ Наумову, такъ что тотъ нашелъ себя вынужденнымъ отклонить предложеніе"...

Хвостовъ же въ своихъ показаніяхъ*** говоритъ такъ: „Я спросилъ Наумова, было ли ему какое-нибудь предложеніе. Онъ говоритъ: „Избави меня Богъ отъ всего этого: позвалъ меня Горемыкинъ, сѣлъ ко мнѣ почти спиной, и такъ предложилъ. Разъ мнѣ было въ такой формѣ предложено, этого довольно. Онъ сказалъ, что Государь поручилъ это передать, но отъ себя — никакихъ словъ приглашенія. Тогда я, конечно, отказался". Я почувствовалъ изъ этихъ словъ, что это отказъ неискренній, что форма предложенія Горемыкина его не удовлетворила, хотя онъ и говорилъ: „Хорошо, что такъ вышло, я не принялъ бы эту должность". Когда я пріѣхалъ въ Ставку и бывшій Императоръ подалъ мнѣ это письмо съ отказомъ

* Хвостовъ допрашивался въ Муравьевской Слѣдственной Комиссіи, образованной послѣ февральскаго переворота 1917 года.

** См.: „Письма Императрицы Александры Ѳеодоровны къ Императору Николаю II", томъ I, книгоиздательство „Слово", Берлинъ, 1922 г.)

*** См.: стр. 18, томъ VI, - „Паденіе Царскаго режима" — стенографическіе отчеты допросовъ и показаній, данныхъ въ 1917 году въ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи Временнаго Правительства. Редакція Щеголева. Государственное Издательство, Москва 1926 г. Ленинградъ.

Наумова, я ему сказалъ, что по моимъ свѣдѣніямъ Горемыкинъ къ нему сѣлъ спиной"...

Повторяю и утверждаю, что почтенный Иванъ Логгиновичъ не только не повернулъ мнѣ спину, но отнесся къ моему нелегкому положенію чрезвычайно отзывчиво и явно душевно!

Выслушавъ мои всѣ доводы, Предсѣдатель Совѣта Министровъ заявилъ, что въ данное время онъ лишенъ возможности лично видѣть Государя, находившагося на одномъ изъ западныхъ фронтовъ. Онъ просилъ меня написать Его Величеству письмо, въ которомъ онъ рекомендовалъ изложить то, что мною ему было только что сказано. Со своей стороны, старикъ обѣщалъ тоже написать Государю, прося удовлетворить мое ходатайство не давать мнѣ министерскаго поста.

Бесѣда наша съ Иваномъ Логгиновичемъ на этомъ не ограничилась. Задержавъ меня еще на нѣкоторое время и угощая меня чаемъ, онъ перешелъ на разныя животрепещущія темы, связанныя съ ходомъ военныхъ дѣйствій и политическимъ положеніемъ страны. Коснувшись личности Государя, онъ подчеркнулъ, что въ сношеніяхъ съ Его Величествомъ надлежало бы, по его мнѣнію, всегда считаться съ женственностью его характера.

Вызванный на откровенный разговоръ, я не могъ не подѣлиться съ почтеннымъ хозяиномъ нѣкоторыми своими соображеніями по поводу государственнаго управленія, въ основу котораго я клалъ сильную, согласованную въ своемъ единствѣ, власть. Параллельно съ этимъ, въ странѣ, сверху до низу, долженъ быть установленъ планомѣрный всесторонній контроль, въ лицѣ реформированнаго Сената. Коснулся я также роли земства, какъ желательной основы всего представительнаго строя государства... „Напишите-ка все это Государю!", — промолвилъ мнѣ своимъ тихимъ, но внушительнымъ голосомъ Горемыкинъ.

Вернувшись къ себѣ домой, я засталъ въ своемъ номерѣ А. Наумова и, кромѣ того, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ меня В. Н. Львова и гр. В. А. Бобринскаго которые, съ присущей имъ обоимъ горячностью, накинулись на меня съ уговорами — во что бы то ни стало отказаться отъ предложеннаго мнѣ портфеля, считая назначеніе на постъ Министра въ условіяхъ переживаемаго времени дѣломъ непопулярнымъ, и совѣтуя мнѣ „сохранить себя для будущаго'

Отъ изступленныхъ выкриковъ темпераментныхъ моихъ посѣтителей — Бобринскаго и Львова — въ номерѣ стоялъ невѣроятный шумъ, что, признаюсь, немало мѣшало мнѣ составлять письмо на имя Государя, которое должно было быть строго обдумано и обстоятельно изложено. Письмо это я обѣщалъ Горемыкину лично привезти часа черезъ два, чтобы его ему прочесть и съ особымъ курьеромъ отослать въ Ставку, къ Государю. Пришлось, несмотря на помѣхи, спѣшить. Въ концѣ концовъ, письмо было написано, и даже единодушно одобрено всѣми свидѣтелями моего творчества.

Въ своемъ письменномъ обращеніи къ Царю, я всеподданнѣйше просилъ освободить меня отъ принятія министерскаго поста, мотивируя свое ходатайство соображеніями, высказанными Горемыкину. Я прибавилъ, что вся прежняя моя служба и общественная дѣятельность проходили въ условіяхъ независимости и самостоятельности, которыя зиждились на довѣріи ко мнѣ моихъ мѣстныхъ избирателей. Я прошу Государя оставить меня въ привычной для меня обстановкѣ работы, гдѣ я смогу принести больше пользы, чѣмъ въ совершенно чуждой для меня средѣ высшей столичной бюрократіи.

Въ условленный часъ, я вновь посѣтилъ Горемыкина, который, прочтя мое письмо, его одобрилъ, присовокупивъ отъ себя: „Думаю, что Государь насиловать васъ не будетъ!"

Вечеромъ того же дня я былъ у А. В. Кривошеина, который, какъ онъ меня завѣрялъ, „жаждалъ" меня видѣть... Встрѣтивъ меня съ подчеркнутой любезностью, Александръ Васильевичъ сталъ горячо упрекать меня за мой отказъ, назвавъ при этомъ меня „единственно достойнымъ" замѣстителемъ по его вѣдомству... (какъ мнѣ потомъ стало извѣстно — тотъ же Александръ Васильевичъ проводилъ себѣ въ преемники Г. В. Глинку). Разставаясь со мной, Кривошеинъ бросилъ мнѣ памятную фразу: „ce qui est rémis n'est pas perdu!"...

Съ этого дня началось для меня выжидательно-„кошмарное" (такъ опредѣлилъ я его въ моемъ дневникѣ) время. Нескончаемые разспросы, вызовы, визиты, переговоры, безпрерывные телефонные звонки... Толчея людей, словъ и переживаній...

2-го ноября, словно золотыми обручами стянутый въ камергерскомъ мундирѣ, заѣзжаетъ ко мнѣ отъ Великой Княгини Маріи Павловны Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, съ пухлой, но плутовской физіономіей, жирный Алексѣй Николаевичъ Хвостовъ, просидѣвшій у меня не менѣе двухъ часовъ и успѣвшій наговорить мнѣ кучу всяческихъ придворныхъ сплетенъ, своихъ личныхъ соображеній и по моему адресу незаслуженныхъ комплиментовъ.

Еле помѣщаясь въ креслѣ, жестикулируя коротенькими ручками вокругъ своего объемистаго живота, Хвостовъ говорилъ красно, убаюкивая своего собесѣдника задушевной вкрадчивостью своего тона и голоса. Прежде чѣмъ приступить къ пересказу, хотя бы краткому, разговора моего съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, я долженъ здѣсь отмѣтить, что содержаніе нашей бесѣды, очевидно, легло въ основаніе той части показаній А. Н. Хвостова Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи 1917 г., которую я уже приводилъ выше, и которая абсолютно не соотвѣтствовала истинѣ.

Хвостовъ началъ съ того, что сталъ высказывать сожалѣніе по поводу моего отказа, и принялся настойчиво меня просить взять его обратно. Про Горемыкина и его поведеніе по отношенію ко мнѣ ни слова не било сказано. Надо сознаться, что особой охоты откровенничать съ сидѣвшимъ передо мною типомъ, симпатій къ которому я никогда не ощущалъ, у меня не было. Ограничился я лишь указаніемъ на мое безповоротное рѣшеніе не принимать министерскаго поста. При этомъ я невзначай обронилъ фразу, заставившую всю жирную, зажатую въ тѣсный раззолоченный мундиръ, фигуру моего собесѣдника заерзать. „Слишкомъ я дорожу, — сорвалось у меня съ языка, — своей независимостью и репутаціей, чтобы мѣнять все это на министерское званіе, назначенія на которое за послѣдніе времена вызываютъ въ обществѣ немало порочащихъ слуховъ"... Засопѣвъ и торопясь, Хвостовъ сталъ меня увѣрять, что мое назначеніе исходитъ непосредственно отъ Государя; что мое имя стоитъ внѣ всякихъ слуховъ и подозрѣній, и что, напротивъ, — мой отказъ „даетъ дорогу подлинному Распутинцу — Глинкѣ", товарищу Министра Земледѣлія, о кандидатурѣ котораго настойчиво, но неудачно, хлопоталъ Кривошеинъ. Что же касается Распутина, то онъ, Хвостовъ, пошелъ въ Министры, задавшись спеціальной цѣлью скорѣйшимъ образомъ этого лихого старца извести. Пока имъ — Хвостовымъ поручено кому слѣдуетъ „Гришку" всемѣрно „спаивать", а мѣсяца черезъ два этотъ „фатальный" человѣкъ будетъ „ликвидированъ". Въ своихъ циничныхъ признаніяхъ Хвостовъ не постѣснялся обрисовать воображаемую имъ обстановку намѣченнаго плана: Распутинъ, приглашенный имъ въ желѣзнодорожный вагонъ для совмѣстнаго путешествія, какъ бы нечаянно, на ходу, сваливается съ площадки вагона и... попадаетъ подъ колеса...

Смотрѣлъ я на раскрывавшаго передо мной свои тайные замыслы Министра Россійской Имперіи, слушалъ его циничную брехню и приходилъ въ ужасъ отъ той страшной дѣйствительности, которая окружаетъ тронъ и правитъ государствомъ!

Перескакивая затѣмъ съ одного вопроса на другой, обнаруживая при этомъ удивительную освѣдомленность обо всѣхъ даже мельчайшихъ, подробностяхъ столичной жизни, Хвостовъ закончилъ свой затянувшійся визитъ бахвальнымъ завѣреніемъ, что онъ, какъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, никакихъ революціонныхъ эксцессовъ не боится, ибо, по его мнѣнію, ни англійское, ни французское посольства этого въ Россіи не допустятъ!

Отъ посѣщенія Хвостова у меня осталось впечатлѣніе самое тяжелое. Въ моемъ дневникѣ помѣчено: „пройдоха". Держался я съ нимъ впослѣдствіи насторожѣ, съ опаской ему довѣряя и ограждаясь отъ его вѣдомственнаго вмѣшательства самымъ рѣшительнымъ образомъ.

136

Въ ожиданіи царскаго приговора по моему ходатайству, я оказался лицомъ, привлекшимъ всеобщее вниманіе. Оно

проявлялось по разному: одни меня за посланный Царю отказъ одобряли, другіе упрекали, но были и такіе добрые люди, которые меня попросту жалѣли.

Вспоминается мнѣ откровенный разговоръ съ Предсѣдателемъ Государственной Думы, М. В. Родзянко, который высказалъ мнѣ сожалѣніе по поводу моего отказа. Онъ указалъ на необычайно тяжелое положеніе, создавшееся въ странѣ вслѣдствіе отсутствія порядка въ снабженіи... „Вамъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдовало отказываться, — закончилъ Родзянко своимъ низко-басовымъ голосомъ, — время подошло для всѣхъ насъ жертвенное — надо спасать Россію!”...

Въ томъ же духѣ приходилось мнѣ слышать рѣчи и отъ другихъ лицъ, принадлежавшихъ къ различнымъ столичнымъ кругамъ. Многихъ тревожилъ не одинъ только вопросъ упорядоченія снабженія, но и общее политическое положеніе въ странѣ. Указывалось на распущенность тыла и на усиливавшееся революціонно-аграрное настроеніе среди солдатства. Видимо назрѣвала срочная необходимость принять предупредительныя мѣры.

Не могу не отмѣтить здѣсь одной моей встрѣчи въ стѣнахъ Маріинскаго Дворца съ человѣкомъ, видимо страстно мечтавшимъ попасть на высшій постъ. Черезъ годъ онъ достигъ своего желанія и, въ качествѣ Министра, сыгралъ въ послѣдній періодъ царствованія Государя Николая II роль роковую и историческую. Я говорю о симбирскомъ депутатѣ Александрѣ Дмитріевичѣ Протопоповѣ, который при встрѣчѣ со мной, сталъ меня слащавымъ голосомъ, пересыпая рѣчь французскими словечками, упрекать за посланный Царю отказъ. Съ неподдѣльной искренностью онъ восклицалъ: „Развѣ возможно отказываться идти въ Министры?!... Подумайте, дорогой Александръ Николаевичъ, — въ Министры?!”...

Приходилось выслушивать рѣчи, одобрявшіе мой образъ дѣйствія. Членъ Государственнаго Совѣта В. И. Карповъ и генералъ Маниковскій мнѣ прямо говорили, что назначеніе меня въ Министры непосредственно связано съ желаніемъ исключить меня изъ состава Верховной Слѣдственной Комиссіи. Эта версія одно время упорно циркулировала среди столичной прессы, мнѣ это лично передавалъ сотрудникъ „Русскаго Слова”.

Первой ласточкой, принесшей мнѣ вѣсть о царскомъ рѣшеніи, явился А. В. Кривошеинъ, заѣхавшій ко мнѣ днемъ 6-го ноября. Онъ сердечно меня обнялъ и сообщилъ о состоявшемся Высочайшемъ назначеніи моемъ на постъ Министра, вопреки моему отказу. Объ этомъ онъ только что по телефону узналъ отъ А. Н. Куломзина и поспѣшилъ меня поздравить. Просидѣвъ у меня довольно продолжительное время, Кривошеин успѣлъ дать болѣе или менѣе подробную характеристику всѣмъ своимъ бывшимъ вѣдомственнымъ подчиненнымъ —

моимъ будущимъ сотрудникамъ. При этомъ, разставаясь со мной, онъ настойчиво совѣтовалъ Глинку оставить въ качествѣ завѣдывающаго продовольствіемъ.

Но другой день, 7-го ноября, къ 2-мъ часамъ дня, меня вызвалъ къ себѣ Предсѣдатель Совѣта Министровъ Горемыкинъ, встрѣтившій меня слѣдующими словами: „Долженъ сообщить для васъ пренепріятную вѣсть — вашъ отказъ не принятъ. Государь назначилъ васъ Управляющимъ Министерствомъ Земледѣлія. Вотъ резолюція Его Величества”... И съ этими словами Иванъ Логгиновичъ передалъ мнѣ пакетъ, въ которомъ я нашелъ два письма, адресованныя на имя Государя — одно написанное мною, а другое — Горемыкинымъ. На лѣвомъ краю послѣдняго я увидалъ и прочелъ собственноручно начертанную резолюцію Государя. Въ ней говорилось, что изложенныя въ моемъ писмѣ основанія отказа являются, по мнѣнію Его Величества, подтвержденіемъ моихъ достоинствъ и моей честности. Въ силу этого соображенія, Государь еще болѣе убѣжденъ въ правильности своего выбора. Затѣмъ съ красной строчки было Его Величествомъ начертано: „Назначаю А. Н. Наумова Управляющимъ Министерствомъ Земледѣлія”. Мнѣ ясно вспоминается, какъ въ первый моментъ по прочтеніи Государевой резолюціи меня охватило чувство жуткаго отчаянія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, досаднаго недоумѣнія. Самъ собой напрашивался вопросъ: какъ можно назначать въ Министры человѣка противъ его желанія?! Немалое время я молчаливо обдумывалъ создавшееся положеніе. Внутри меня боролись два чувства — общечеловѣческій протестъ противъ насилія надъ свободной волей человѣка, и сознаніе долга и обязанностей вѣрноподданнаго монархиста. Послѣднее взяло верхъ и я сказалъ: „Вынужденъ подчиниться волѣ своего Государя”, на что Горемыкинъ въ свою очередь глухо добавилъ: „Что же дѣлать! — Будемъ теперь вмѣстѣ работать”...

Итакъ, то страшное, что до сихъ поръ мнѣ мерещилось точно чудовищный кошмаръ, стало безпощадной дѣйствительностью. Стихійная волна захлестнула меня, подхватила на свой бушующій гребень и понесла въ неизвѣстность. Немало силъ пришлось употребить, чтобы удержаться на ней и спасти не столько себя самого, сколько переданное мнѣ въ управленіе плохо оснащенное судно, до верху перегруженное „внѣвѣдомственнымъ” грузомъ. Вѣдь отъ Кривошеина ко мнѣ переходило не только Министерство Земледѣлія, но и колоссальное заданіе продовольственнаго снабженія.

Указъ о моемъ назначеніи былъ полученъ лишь 13-го ноября, послѣ чего я оффиціально вступилъ въ должность и принялъ въ свое завѣдываніе Министерство. Между объявленной мнѣ Горемыкинымъ Царской резолюціей и полученіемъ Высочайшаго указа, темпъ моей жизни принялъ совершенно лихорадочный оборотъ. Съ утра до ночи приходилось принимать массу людей, спѣшно знакомиться съ Министерствомъ, а главное съ продовольственнымъ дѣломъ и приспособляться

къ непривычнымъ условіямъ моего новаго служебнаго положенія.

Я распростился со своими сотрудниками по Слѣдственной Комиссіи.

Предсѣдатель Комиссіи, генералъ Петровъ, неожиданно сказалъ на прощанье теплое напутственное слово. Онъ высказалъ, между прочимъ, ту мысль, что русскому національному дѣлу и могуществу великій вредъ приноситъ не нѣмецкое засиліе, какъ о томъ принято теперь кричать, а „собственная наша русская лѣнь и равнодушіе"...

Мало толка усматривалъ Петровъ и въ образованіи „прогрессивнаго блока", по поводу котораго на томъ же „прощальномъ" засѣданіи С. Т. Варунъ-Секретъ мнѣ, между прочимъ, сказалъ, что, по его мнѣнію, программа, положенная въ основаніе этого объединенія, составлена такъ туманно и широко, что неизбѣжно вызоветъ рѣзкій расколъ. Въ программу блока требованіе отвѣтственнаго министерства еще не вошло, но, прибавилъ онъ, — за будущее ручаться нельзя и по окончаніи войны это требованіе всплыветъ во всей своей силѣ...

До полученія мною Высочайшаго Указа заходили ко мнѣ старшіе чины Министерства Земледѣлія съ цѣлью ознакомленія съ предстоявшими мнѣ отраслями управленія. Посѣтилъ меня также А. В. Кривошеинъ, со своимъ ближайшимъ сотрудникомъ Григоріемъ Вячеславовичемъ Глинкой. Они пробесѣдовали со мною цѣлый вечеръ о продовольствіи.

Съ образованіемъ осенью 1915 года „Особыхъ Совѣщаній", Министру Земледѣлія, по положенію Предсѣдателя Особаго Продовольственнаго Совѣщанія, естественно пришлось принять на себя все руководство и отвѣтственность по продовольствію дѣйствующихъ армій, а также и нѣкоторыхъ областей Имперіи. Размѣры этого снабженія изо-дня на-день ширились и завѣдываніе имъ осложнялось. Межъ тѣмъ само „Особое Продовольственное Совѣщаніе", по многочисленности и разнохарактерности состава, было учрежденіемъ мало приспособленнымъ для срочной выработки быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ для удовлетворенія неотложныхъ продовольственныхъ нуждъ. Означенное „Особое Совѣщаніе" представляло собою скорѣе подобіе небольшого парламента со всѣми присущими ему особенностями и недостатками...

Наряду съ подобнымъ многоголовымъ и громоздкимъ учрежденіемъ, ощущалась необходимость образовать особый дѣловой аппаратъ, который могъ бы разрабатывать и создавать планы и способы дѣйствій, представлять ихъ на обсужденіе и утвержденіе Особаго Совѣщанія, и проводилъ бы ихъ затѣмъ въ жизнь. Силою вещей подобнымъ аппаратомъ явилось само Министерство Земледѣлія.

Кривошеину пришлось откомандировать значительное количество своихъ чиновниковъ въ образованные при Министерствѣ Земледѣлія спеціальные отдѣлы, обслуживавшіе разнообразные продовольственныя потребности.

Главнымъ помощникомъ Кривошеина, руководившимъ продовольственной организаціей, являлся Григорій Вячеславовичъ Глинка. На равныхъ съ нимъ правахъ былъ другой членъ Совѣта Министровъ — Ленинъ. Онъ завѣдывалъ самостоятельно нѣкоторыми отраслями продовольствія — мясомъ, сѣномъ, маслами и др., а Глинка занимался зерновыми, мучными продуктами и сахаромъ. Онъ пользовался у Кривошеина нѣкоторымъ старшинствомъ, и въ нужныхъ случаяхъ замѣщалъ его на засѣданіяхъ Особаго Продовольственнаго Совѣщанія.

Надо отмѣтить, что продовольственная организація еще ни въ общемъ, ни тѣмъ болѣе въ деталяхъ, не была достаточно налажена . Изъ разговора съ Кривошеинымъ и Глинкой я вынесъ впечатлѣніе, что всѣ ихъ дѣйствія носили случайный характеръ, что у нихъ не было опредѣленно разработаннаго плана на будущее. Въ ихъ сужденіяхъ и разъясненіяхъ сказывались крайняя нервность и сбивчивость.

Сославшись на то, что въ дѣлѣ продовольствія арміи ближайшей задачей представляется необходимость установленія „конвенціоннаго соглашенія" распорядителей тылового транспорта съ начальниками желѣзнодорожнаго движенія въ военныхъ районахъ, Кривошеинъ сталъ затѣмъ путанно меня знакомить съ общими заданіями и дѣятельностью подвѣдомственныхъ ему продовольственныхъ организацій, все время обращаясь за справками къ Глинкѣ, который, со своей стороны, произвелъ на меня тогда самое безотрадное впечатлѣніе.

Опершись локтями въ колѣни и непривѣтливо глядя на меня исподлобья, Глинка съ видимой неохотой исполнялъ просьбу своего бывшаго принципала и давалъ мнѣ по самымъ животрепещущимъ вопросамъ туманныя и неутѣшительныя объясненія. Я, въ концѣ концовъ, не выдержалъ и высказалъ свое опасеніе за дальнѣйшій ходъ возложеннаго на Министра Земледѣлія продовольственнаго заданія.

Тогда изъ устъ Глинки, моего будущаго ближайшаго сотрудника, я наслышался такихъ неожиданныхъ малоутѣшительныхъ и паническихъ предсказаній, что не безъ явнаго недоумѣнія я воззрился на Кривошина, какъ бы мысленно его спрашивая: „Что это? — Правда, или же способъ запугиванія?" Чуткій Александръ Васильевичъ понялъ неумѣстность подобнаго выступленія своего сотрудника, котораго онъ мнѣ такъ рекомендовалъ. Онъ поспѣшилъ на выручку своего протеже и сталъ меня увѣрять, что ничего страшнаго впереди онъ не предвидитъ, и что все дѣло сводится собственно къ тому, чтобъ, „вмѣсто всякихъ измышленій, найти лишь дѣльнаго Министра Путей Сообщенія" (!)... Что же касается борьбы съ дороговизной, то по мнѣнію Кривошеина, самымъ существеннымъ въ этомъ вопросѣ являлось не то, по какой цѣнѣ добывать продукты, а лишь бы въ нихъ не ощущалось недостатка.

Мои продовольственные освѣдомители оставили удручающее впечатлѣніе отъ общаго положенія дѣла. Пришлось

употребить нѣкоторыя усилія, чтобы сохранить должную долю самообладанія и увѣренность, что можно преодолѣть неимовѣрныя трудности, которыя я предвидѣлъ въ предстоящей работѣ.

Совершенно иное впечатлѣніе вынесъ я отъ посѣщенія меня другимъ Товарищемъ Министра Земледѣлія — Александромъ Александровичемъ Риттихомъ, который руководилъ землеустройствомъ и имѣлъ въ своемъ распоряженіи департаменты земледѣлія, государственныхъ имуществъ, лѣсной и др.

Александръ Александровичъ Риттихъ держалъ себя сдержанно и производилъ на собесѣдника своимъ мягкимъ говоромъ крайне пріятное впечатлѣніе. Примѣрный, аккуратный и умный работникъ, Риттихъ отличался рѣдкой усидчивостью и необыкновенной исполнительностью. Всѣ его труды и доклады носили печать всесторонняго изученія и являлись образцомъ точности и ясности.

Характеръ у Риттиха былъ ровный, мягкій и даже нѣсколько „женственный". Долго оставаясь холостымъ и отдавшись цѣликомъ государственной службѣ, Александръ Александровичъ, благодаря своимъ выдающимся способностямъ и достоинствамъ, сталъ быстро подыматься по бюрократической лѣстницѣ, достигнувъ въ сравнительно молодые еще годы высокой должности, виднаго положенія, щедрыхъ наградъ и даже гофмейстерства.

— Риттихъ, какъ кокетливая женщина, любитъ, чтобъ его не забывали и поощряли; — повѣдалъ о немъ Кривошеинъ, сдавая мнѣ свою должность, — если вамъ удастся выхлопотать ему сенаторство, чего я не успѣлъ сдѣлать, вы доставите Риттиху большое удовлетвореніе, и онъ не останется у васъ въ долгу.

Воспользовавшись вскорѣ наступившимъ скромнымъ министерскимъ торжествомъ десятилѣтняго юбилея землеустроительныхъ работъ, тѣсно связанныхъ съ именемъ Риттиха, я у Государя исходатайствовалъ ему сенаторство. Но считаю умѣстнымъ оговориться, что Александръ Александровичъ, въ своемъ сотрудничествѣ со мною, проявлялъ одинаковое дѣловое усердіе какъ до, такъ и послѣ полученія имъ желаннаго сенаторства.

За все время моей совмѣстной съ нимъ службы, Риттихъ работалъ, какъ лучшій часовой механизмъ. На вѣрность, честность его и преданность дѣлу можно было всецѣло разсчитывать. Я не ошибусь, если его назову не только идеальнымъ службистомъ, но и сановнымъ джентльменомъ в полномъ смыслѣ слова.

Г. В. Глинка, несмотря но свои недюжинныя способности и несомнѣнную работоспособность, казался полнѣйшимъ антиподомъ внѣшнѣ и внутренно выдержанному Риттиху. Насколько послѣдній являлся незамѣнимымъ сотрудникомъ по своей уравновѣшенности и обдуманной опредѣленности своихъ дѣйствій и совѣтовъ, настолько Глинка вносилъ въ нашу работу

струю неувѣренности, постоянныхъ сомнѣній, колебаній и нервности. Послѣ Риттиховскихъ докладовъ, я чувствовалъ себя всегда удовлетвореннымъ и спокойнымъ, Глинка же въ нѣсколькихъ заключительныхъ словахъ, полныхъ сомнѣній въ собственныхъ же своихъ только что доложенныхъ выводахъ, все сводилъ на нѣтъ. Риттихъ являлся для меня своего рода успокоительнымъ бромомъ, а Глинка былъ своего рода испыніемъ. Риттихъ отличался всегда и во всѣхъ случаяхъ корректной сдержанностью и деликатностью, Глинка и въ этомъ отношеніи являлъ собой полную противоположность, оставаясь рабомъ свойственныхъ ему рѣзко смѣняющихся настроеній и крайней нервной возбудимости. Не даромъ хорошо знавшій его А. В. Кривошеинъ однажды, разоткровенничавшись, мнѣ замѣтилъ: — Не распускайте Глинку! Не давайте ходу его нахальству!

Черезъ день послѣ моего назначенія провелъ со мной вечеръ А. А. Риттихъ. Его привѣтливое благожелательное отношеніе ко мнѣ, его ясное и содержательное изложеніе всего того, что должно было знать Министру Земледѣлія, возбудило во мнѣ живой интересъ къ предстоящей мнѣ работѣ.. Въ довершеніе всего, я услыхалъ отъ него лестное и крайне отрадное для меня завѣреніе, что моя кандидатура въ Министры Земледѣлія была принята чинами вѣдомства съ чувствомъ полнаго удовлетворенія.

10-го ноября, совершенно неожиданно для себя, я вдругъ получаю отъ Ивана Логгиновича Горемыкина приглашеніе въ Маріинскій Дворецъ на засѣданіе Совѣта Министровъ, на которомъ я, за неполученіемъ еще оффиціальнаго указа о моемъ назначеніи, могъ участвовать лишь на правахъ „свѣдущаго лица по особому приглашенію Предсѣдателя Совѣта Министровъ".

О личномъ министерскомъ составѣ я скажу еще въ дальнѣйшемъ своемъ повѣствованіи, здѣсь же ограничусь лишь общими своими впечалѣніями. Принятъ я былъ всѣми Министрами очень благосклонно, въ особенности душевно привѣтствовалъ меня гр. П. Н. Игнатьевъ. Усѣвшись нѣсколько въ сторонѣ, я сталъ приглядываться и прислушиваться къ ходу занятій...

Первое впечатлѣніе отъ будущей моей коллегіи вынесъ я малоутѣшительное. Дѣло въ томъ, что на происходившемъ при мнѣ засѣданіи Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, занимавшій за присутственнымъ столомъ своимъ объемистымъ туловищемъ центральное мѣсто противъ предсѣдателя, неожиданно для всѣхъ, въ особенности для Министра Путей Сообщенія А. Ф. Трепова, заявилъ, что, съ соизволенія Государя Императора, онъ имѣетъ въ виду предпринять ревизію всего транспортнаго дѣла на югѣ Россіи. Согласно его, Хвостова, представленію, Его Величеству благоугодно было назначить ревизоромъ сенатора Дмитрія Борисовича Нейдгардта. Заявленіе Хвостова вызвало среди участниковъ засѣданія неописуе-

мый кавардакъ. Одинъ только И. Л. Горемыкинъ оставался, по своему обыкновенію наружно спокойнымъ. Что же касается Трепова, то тотъ, видимо забывъ, гдѣ и среди кого находится, красный, какъ ракъ, съ взъерошенной шевелюрой, сталъ отпускать такіе эпитеты и слова по адресу громко сопѣвшаго Хвостова, что я одно время не на шутку подумалъ — не лучше ли мнѣ, пока что, по добру по здорову убраться изъ этого „высокаго" учрежденія... Все же спокойный Горемыкинъ сумѣлъ скоро утишить бурю. Единодушно былъ высказанъ протестъ Хвостову и пожеланіе пріостановить приведеніе въ исполненіе намѣченной имъ ревизіи, впредь до выясненія ея необходимости на личномъ по этому поводу докладѣ Государю Министра Путей Сообщенія.

Придя домой, я долгое время не могъ придти въ себя отъ только-что разыгравшейся передъ моими глазами сцены въ Совѣтѣ Министровъ. Для моего будущаго участія въ немъ она предвѣщала мало утѣшительнаго. Произволъ отдѣльныхъ Министровъ, общая несогласованность, злоупотребленіе волей и именемъ Государя, явный расколъ среди самой коллегіи, отсутствіе сильнаго объединяющаго лица — все это оставило тяжелый осадокъ у меня на душѣ. „Машина не слаженная" — такъ отмѣчено въ дневникѣ мое первое впечатлѣніе о Совѣтѣ Министровъ.

Помимо всякихъ личныхъ переживаній, вызванныхъ коренной ломкой моей жизни и предстоявшей мнѣ огромной отвѣтственностью, въ эти дни приходилось мнѣ претерпѣвать невѣроятную надоѣдливость газетныхъ сотрудниковъ. Съ присущей имъ профессіональной настойчивостью, они съ утра до вечера досаждали мнѣ своими разспросами и „интервью", причемъ, несмотря на мое усердное корректированіе ихъ измышленій, все же немало появлялось въ газетахъ на мой счетъ кривотолковъ и просто лжи.

Чтобъ имѣть хотя бы нѣкоторое понятіе, въ какой сгущенной атмосферѣ всяческихъ слуховъ и нервной подавленности обрѣталось въ то время столичное высшее общество, я приведу нѣсколько характерныхъ бесѣдъ, имѣвшихъ мѣсто незадолго до полученія мною Высочайшаго Указа, и занесенныхъ въ мою записную книжку 1915 года.

Бывшій мой коллега по Предводительству и состоявшій въ 1915 году короткое время Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, князь Николай Борисовичъ Щербатовъ, завтракая у меня 10-го ноября сталъ разсказывать сначала о прошлой своей службѣ а затѣмъ перешелъ на характеристику лицъ, пользовавшихся въ то время наибольшимъ вліяніемъ въ высшихъ сферахъ, и закончилъ описаніемъ интимной жизни Августѣйшей семьи въ Царскомъ Селѣ и огромнаго вліянія тамъ „Гришки".

Пользуясь нашими добрыми отношеніями, я неоднократно пытался его прерывать, высказывая ему сомнѣнія по поводу его „достовѣрныхъ свѣдѣній". Онъ горячился и на нихъ настаивалъ. Завершилъ князь Николай Борисовичъ свои, безжалостно бичевавшіе мои нервы, разсказы конфиденціальнымъ сообщеніемъ, что въ Царскомъ, несомнѣнно, нарастаетъ опасность дворцоваго переворота и что Государь съ недовѣріемъ и опаской сталъ относиться даже къ собственному своему конвою... „Страшное впечатлѣніе" — значится въ моемъ дневникѣ 10-го ноября, въ день нашей съ Щербатовымъ бесѣды.

12-го ноября меня навѣстилъ бывшій товарищъ предсѣдателя Государственной Думы, состоявшій въ описываемое время Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, князь Владиміръ Михайловичъ Волконскій. Съ нимъ у меня съ давнихъ поръ установились самыя близкія и дружескія отношенія. Онъ привѣтствовалъ мое назначеніе Министромъ. Зашелъ онъ, чтобы сговориться о дальнѣйшей совмѣстной работѣ и способахъ оздоровленія создавшагося ненормальнаго положенія. Коснувшись личности чрезмѣрно мягкаго и податливаго Государя, Волконскій, будучи по своимъ связямъ и положенію въ курсѣ всего происходившаго въ сферахъ, близко стоявшихъ къ Царской семьѣ, высказалъ свое убѣжденіе, что наиболѣе вреднымъ лицомъ въ царскомъ окруженіи является дворцовый комендантъ генералъ Воейковъ. Человѣкъ неглупый, но наглый, онъ пользовался своимъ огромнымъ вліяніемъ на Государя исключительно для собственной выгоды. Впослѣдствіи я самъ могъ убѣдиться, что онъ справедливо оцѣнилъ дворцоваго коменданта. По мнѣнію Волконскаго, слѣдовало бы принять мѣры, чтобы отстранить отъ Его Величества этого безпринципнаго оппортуниста. Связь Царской семьи съ сибирскимъ старцемъ поддерживалась не безъ его помощи.

Затронули мы съ кн. Владиміромъ Михайловичемъ близкую и дорогую для насъ тему объ отношеніи Государя къ законодательнымъ Палатамъ, въ частности, — къ Государственной Думѣ. Мы оба были убѣждены въ необходимости возможно большаго сближенія Царя съ народными избранниками и установленія между ними взаимнаго ознакомленія и довѣрія. По отзыву Волконскаго этому всячески препятствовалъ все тотъ же ревниво оберегавшій „своего" Царя отъ постороннихъ вліяній генералъ Воейковъ.

Мы протянули другъ другу руки и рѣшили дѣйствовать вмѣстѣ въ желательномъ для насъ обоихъ направленіи. Перейдя затѣмъ къ характеристикѣ вѣдомства, однимъ изъ высшихъ чиновъ котораго онъ самъ состоялъ, Владиміръ Михайловичъ далъ мнѣ понять, какъ ему трудно сотрудничать съ такимъ начальникомъ, какъ Хвостовъ, котораго не иначе именовалъ, какъ типичнѣйшимъ „Хлестаковымъ".

Приблизительно въ тѣ же дни видѣлся я съ бывшимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Александромъ Григорьевичемъ Булыгинымъ, который всегда казался такимъ благодушнымъ, мирнымъ, уравновѣшеннымъ... Но и отъ него я выслушалъ немало горькихъ свѣдѣній, усугублявшихъ мое и безъ того подавленное настроеніе. Почтенный сановникъ очень былъ опечаленъ тѣмъ, что между двумя Императрицами — Вдов-

что его вліяніе замѣчается даже въ области Верховнаго Управленія.

Далекій отъ жизни высшихъ правившихъ круговъ, я былъ совершенно чуждъ какого-либо общенія съ вліятельными политическими салонами, тѣмъ болѣе — съ окруженіями Распутиныхъ, Андрониковыхъ, Мещерскихъ и имъ подобныхъ, — столичную жизнь знавалъ лишь съ чисто дѣловой ея стороны, участвуя въ занятіяхъ Государственнаго Совѣта, а въ послѣднее время въ работѣ Верховной Комиссіи...

Но въ періодъ моей министерской дѣятельности, я волей неволей очутился лицомъ къ лицу со служебной обстановкой, тѣсно соприкасавшейся съ тѣми высокими сферами, о которыхъ въ то время распускались по всей странѣ столь злостные слухи.

13-го ноября былъ полученъ, наконецъ, Высочайшій Указъ о назначеніи меня Управляющимъ Министерствомъ Земледѣлія (Министромъ я былъ утвержденъ 1 января 1916 г.) съ оставленіемъ меня Членомъ Государственнаго Совѣта по выборамъ отъ земства (небывалая комбинація) и съ освобожденіемъ меня отъ должности Самарскаго Губернскаго Предводителя Дворянства. Съ нелегкимъ сердцемъ пришлось разставаться съ моимъ предводительствомъ, съ которымъ за нѣсколько трехлѣтій я успѣлъ сродниться и которое я горячо любилъ, отдавая ему много силъ и умѣнья!

Утромъ, въ день полученія Указа, меня посѣтилъ Управляющій канцеляріей Министра Земледѣлія камергеръ Иванъ Ивановичъ Тхоржевскій. Онъ произвелъ на меня самое благопріятное впечатлѣніе своей поразительной освѣдомленностью въ дѣлахъ Министерства, толковостью, умѣньемъ излагать свои мысли, чуткостью и, наконецъ, самой манерой держать себя, указывавшей на большую выдержку и природную благовоспитанность. Превосходно владѣвшій

занностей. Вмѣстѣ съ Тхоржевскимъ, я направился для пріемки дѣлъ въ Министерство Земледѣлія, расположенное въ наиболѣе видной и красивой части столицы — на просторной Маріинской площади, въ центрѣ которой высился изумительный по своимъ изящнымъ очертаніямъ памятникъ Императору Николаю Первому. Съ одной стороны площадь примыкала къ грандіозному зданію Маріинскаго Дворца. Напротивъ дворца, въ сравнительномъ отдаленіи, возвышался Исаакіевскій соборъ, а съ двухъ остальныхъ боковъ площади были расположены, одинъ противъ другого, два обширныхъ трехэтажныхъ корпуса въ стилѣ итальянскаго реннесанса. Оба эти зданія были заняты Министерствомъ Земледѣлія. Въ одномъ изъ нихъ, налѣво отъ Маріинскаго Дворца, помѣщались аппартаменты, предназначавшіеся Министру. Часть ихъ составляла казенную квартиру съ обширной пріемной залой и огромнымъ служебнымъ кабинетомъ, носившемъ наименованіе „зеленаго", или „Ермоловскаго", по имени бывшаго Министра Ермолова. Его кабинетъ былъ отдѣланъ въ зеленыхъ тонахъ и обставленъ огромными, до потолка, библіотечными шкафами.

Раньше Уиравляющіе Вѣдомствомъ Земледѣлія пользовались этой квартирой, но предшественникъ мой, А. В. Кривошеинъ, вступивъ въ должность, остался въ своей частной квартирѣ, а въ министерскомъ зданіи занималъ лишь служебный кабинетъ и пріемную залу, предоставивъ остальныя комнаты подъ разные вѣдомственные отдѣлы. Такъ же поступилъ и я, продолжая жить въ своемъ обычномъ номерѣ Европейской гостиницы.

Встрѣчали и провожали посѣтителей Министерства Земледѣлія два швейцара, — почтенные, другъ на друга похожіе, бѣлобородые старички, удивительно привѣтливые и симпатичные. У дверей министерскаго кабинета поочередно дежурили два курьера, находившіеся въ личномъ распоряженіи гла-

явшій въ должности личнаго секретаря Министра Станиславъ Антоновичъ Загорскій — молодой еще, привѣтливый человѣкъ. Выдержанный, смѣтливый и дисциплинированный Станиславъ Антоновичъ, съ первыхъ же шаговъ зарекомендовалъ себя съ наилучшей стороны, и я съ нимъ не разставался до конца своей министерской дѣятельности.

Попавъ впервые въ качествѣ Министра въ „Ермоловскій" кабинетъ, я не безъ волненія усѣлся за „служебный" письменный столъ, обязанный своимъ появленіемъ все тому же А. С. Ермолову и представлявшій собою цѣлое сооруженіе съ невѣроятной по размѣрамъ зеленой суконной покрышкой и безчисленнымъ количествомъ всевозможныхъ внутреннихъ ящиковъ и полокъ.

За этимъ столомъ, въ описываемый мною день 13-го ноября, состоялся первый докладъ Товарища Министра А. А. Риттиха, который ознакомилъ меня съ порядкомъ использованія конфискованныхъ на западныхъ окраинахъ нѣмецкихъ земель. Мнѣ предстояло по этому поводу высказаться въ Совѣтѣ Министровъ въ тотъ же день. Благодаря толковому и обстоятельному разъясненію Риттиха, я могъ быстро схватить сущность предстоявшаго мнѣ доклада. Въ 3 часа дня въ одной изъ боковыхъ залъ Маріинскаго Дворца, гдѣ ранѣе мнѣ приходилось сидѣть на собраніяхъ правой группы членовъ Государственнаго Совѣта, я впервые принялъ участіе въ засѣданіи Совѣта Министровъ въ качествѣ равноправнаго его сочлена. И сразу же пришлось выступить съ обширнымъ заключеніемъ по немаловажному вопросу объ использованіи конфискованныхъ нѣмецкихъ земель.

Вопросъ этотъ возбудилъ въ Совѣтѣ Министровъ острыя пренія. Въ концѣ концовъ получилось два противоположныя предложенія. Одни стояли за то, чтобы конфискованныя земли предоставить въ распоряженіе Поземельнаго Крестьянскаго Банка. Это мнѣніе отстаивалъ Министръ Финансовъ Баркъ, нашедшій себѣ поддержку въ большинствѣ своихъ коллегъ, включая Горемыкина. Противъ подобнаго взгляда мнѣ пришлось горячо возражать по чисто практическимъ соображеніямъ. Дѣло въ томъ, что порядокъ продажи земель Поземельнымъ Крестьянскимъ Банкомъ могъ причинить рядъ трудностей. Конфискованныя нѣмецкія владѣнія были расположены вдоль западныхъ фронтовыхъ районовъ, и заключали въ себѣ значительное количество удобной пахотной и луговой земли. Ее можно было сразу использовать для засѣва хлѣбными и луговыми злаками. Снятый съ этихъ земель урожай могъ быть доставленъ непосредственно на фронтъ. Это было очень важно, ввиду крайне неудовлетворительнаго состоянія транспорта. Слѣдовательно было выгодно скорѣе передать земли землепашцамъ.

Между тѣмъ, при нормальномъ порядкѣ Крестьянскаго Банка, съ его публикаціями, торгами, обжалованіями — передача земель отъ Банка въ руки новыхъ собственниковъ по нашимъ съ Риттихомъ подсчетамъ, могла бы состояться только черезъ 11 мѣсяцевъ. Вотъ почему было необходимо образовать спеціальное учрежденіе для спѣшной передачи конфискованныхъ земель въ нужныя руки, въ цѣляхъ немедленной ихъ эксплуатаціи.

Всѣ эти соображенія мнѣ предварительно доложилъ А. А. Риттихъ. Я съ нимъ всецѣло согласился и счелъ долгомъ на засѣданіи Совѣта Министровъ выступить горячо въ ихъ защиту. Ко мнѣ присоединились: Министръ Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазоновъ, Министръ Путей Сообщенія А. Ф. Треповъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія гр. П. Н. Игнатьевъ и Морской Министръ Григоровичъ. Въ журналъ засѣданія занесено было не только постановленіе большинства членовъ Совѣта, но по нашему предложенію также и мнѣніе меньшинства. Согласно установленнаго порядка, мнѣніе меньшинства могло быть представлено на благоусмотрѣніе Его Величества, причемъ докладъ объ этомъ Государю былъ возложенъ моими единомышленниками на меня.

Дѣло это является для меня особо памятнымъ въ силу неожиданнаго его разрѣшенія, воочію убѣдившаго меня въ крайнемъ непостоянствѣ взглядовъ и рѣшеній Государя. 20-го ноября я лично доложилъ Его Величеству всѣ обстоятельства и соображенія, касающіяся порядка использованія конфискованныхъ нѣмецкихъ земель. Государю благоугодно было мнѣ высказать не только полное согласіе съ мнѣніемъ меньшинства, но Его Величество горячо поблагодарилъ меня за докладъ и предложеніе, идущее навстрѣчу срочнымъ продовольственнымъ нуждамъ арміи. Бывшіе послѣ меня на докладѣ у Государя Министры Баркъ и гр. Игнатьевъ передавали мнѣ потомъ, что Государь вполнѣ опредѣленно всталъ на сторону меньшинства, даже поручилъ Министру Финансовъ немедленно приступить къ разработкѣ намѣченнаго меньшинствомъ плана.

Каково же было мое удивленіе, когда недѣли двѣ спустя, на одномъ изъ засѣданій Совѣта Министровъ, я услышалъ изъ устъ Управляющаго Дѣлами Совѣта И. Н. Ладыженскаго, докладывавшаго перечень утвержденныхъ Его Величествомъ журналовъ Совѣта, что по вопросу о порядкѣ использованія конфискованныхъ нѣмецкихъ земель Государю угодно было утвердить мнѣніе... большинства! Какъ мнѣ потомъ передавали, въ этомъ направленіи воздѣйствовалъ на Государя, главнымъ образомъ, Горемыкинъ. Случай этотъ болѣзненно отозвался тогда на всей моей вѣрноподданнической психикѣ. Явное проявленіе неустойчивости взглядовъ и рѣшеній Государя, съ которымъ я столкнулся на первыхъ же шагахъ моей министерской дѣятельности, не могло не отразиться на всемъ послѣдующемъ моемъ къ нему отношеніи. Будучи сердечно расположенъ къ личности моего Государя, я вмѣстѣ съ тѣмъ невольно бывалъ вынужденъ съ чувствомъ нѣкотораго недо-

вѣрія относиться къ его словамъ и обѣщаніямъ, остерегаясь всецѣло на нихъ полагаться, и въ отвѣтственной министерской работѣ разсчитывая лишь на собственныя свои силы.

137

Коллегами моими по Совѣту Министровъ въ ноябрѣ 1915 года были слѣдующія лица: Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ былъ И. Л. Горемыкин. Военнымъ Министромъ — генералъ А. А. Поливановъ, Морскимъ — адмиралъ И. К. Григоровичъ, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ — Алексѣй Николаевичъ Хвостовъ, Иностранныхъ Дѣлъ — С. Д. Сазоновъ, Финансовъ — П. Л. Баркъ, Юстиціи — Александръ Алексѣевичъ Хвостовъ, Путей Сообщенія — А. Ф. Треповъ, Народнаго Просвѣщенія — графъ П. Н. Игнатьевъ, Торговли и Промышленности — князь В. Н. Шаховской, Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода состоялъ А. Н. Волжинъ и Государственнымъ Контролеромъ былъ П. А. Харитоновъ. Постъ Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ занималъ Генералъ-Адъютантъ графъ В. Б. Фредериксъ, лично на засѣданіяхъ никогда не присутствовавшій и въ нужныхъ случаяхъ присылавшій участвовать на нихъ своихъ замѣстителей.

Горемыкинъ въ роли Предсѣдателя Совѣта Министровъ казался мнѣ всегда лицомъ, относившимся къ исполненію своихъ обязанностей, хотя и безупречно корректно, но безъ необходимаго воодушевленія и подъема. Причиной тому были, съ одной стороны, преклонные годы Горемыкина, затратившаго много силъ и энергіи на долголѣтнее служеніе родинѣ; съ другой — новая „конституціонная" обстановка, въ которой пришлось работать за послѣдніе годы своей дѣятельности семидесятилѣтнему Ивану Логгиновичу. Представитель высшей бюрократіи былого самодержавнаго строя, онъ болѣе чѣмъ недовѣрчиво относился къ новымъ законодателямъ, къ народнымъ предствителямъ, засѣдавшимъ въ Таврическомъ Дворцѣ.

Горемыкинъ былъ скупъ на слова. Въ Совѣтѣ Министровъ, Иванъ Логгиновичъ производилъ не меня впечатлѣніе человѣка, который готовъ внимательно слушать пренія, но вмѣстѣ съ тѣмъ думаетъ про себя свою собственную думушку. Думушкой этой онъ дѣлился лишь съ однимъ своимъ Государемъ, настраивая Его Величество слѣдовать его, Горемыкина, взглядамъ и совѣтамъ. Такъ случалось множество разъ за время моего участія въ занятіяхъ Совѣта Министровъ.

Вступилъ я въ отправленіе министерскихъ обязанностей въ періодъ, когда законодательныя учрежденія не функціонировали и работали одни лишь постоянныя комиссіи (бюджетная, финансовая и др.). Продовольственное дѣло съ особой остротой привлекало вниманіе русскаго общества, въ особенности членовъ законодательныхъ палатъ.

О дѣловой работѣ Особаго Продовольственнаго Совѣщанія была освѣдомлена лишь небольшая группа членовъ Государственнаго Совѣта и Думы. Пресса освѣщала ходъ продовольственной кампаніи недостоточно полно, временами распускала не всегда провѣренные, но зато сенсаціонные слухи, заставляя публику еще болѣе нервно относиться къ самой существенной и отвѣтственной по тому времени области правительственной дѣятельности.

Вскорѣ по вступленіи моемъ на постъ Министра, я пришелъ къ убѣжденію, что чѣмъ скорѣе будутъ созваны законодательныя палаты, тѣмъ лучше. Во мнѣ заговорила усвоенная за много лѣтъ общественной дѣятельности привычка работать совмѣстно съ земскими и сословными собраніями.

Не разъ приходила мнѣ въ голову аналогія съ тѣмъ временемъ, когда приходилось мнѣ дѣлать доклады земскимъ и дворянскимъ собраніямъ.

На мой взглядъ открытіе законодательныхъ палатъ отвѣчало бы общему желанію ихъ членовъ. Они настойчиво высказывались за необходимость скорѣйшаго возобновленія дѣятельности палатъ, для совмѣстнаго съ правительствомъ обсужденія наиболѣе жгучихъ государственныхъ вопросовъ. На первомъ мѣстѣ, конечно, стояли задачи государственной обороны и связаннаго съ ней снабженія арміи и страны, которое всецѣло зависѣло отъ состоянія имперскаго транспорта и запаса топлива.

Установленный „конституціонный" порядокъ требовалъ безотлагательнаго созыва Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, для разсмотрѣнія и утвержденія бюджета. А сѣдовласый, неизмѣнно спокойный, но какъ бы согбенный подъ тяжестью своей отвѣтственности Горемыкинъ, несмотря на нервное, выжидательное настроеніе законодательныхъ Палатъ и всего столичнаго общества, не взирая на вызывающія статьи серьезной прессы, продолжалъ безмолвствовать. На вопросы нѣкоторыхъ Министровъ, изъ числа которыхъ я, пожалуй, являлся наиболѣе нетерпѣливымъ, будутъ ли созваны Государственный Совѣтъ и Дума и когда — Предсѣдатель Совѣта Министровъ невозмутимо отвѣчалъ: — Все зависитъ отъ воли Его Величества... Но мнѣ опредѣленно говорили, что убѣжденный „антидумецъ" Горемыкинъ эту волю направлялъ по пути, если не полнаго отказа отъ созыва Палатъ, то, во всякомъ случаѣ, возможно дольшей его отсрочки.

Въ январѣ 1916 года событія и настроенія приняли такой оборотъ, что долѣе нельзя было терпѣть „кунктаторство" Горемыкина. Необходимо было, съ высоты престола, рѣшительно и опредѣленно сказать, считаетъ ли Государь для блага родины нужнымъ созвать законодательныя Палаты, или Его Величество признаетъ это несвоевременнымъ... Необходимо было то или иное рѣшеніе объявить странѣ во всеуслышаніе. Наряду съ лицами, бывшими противъ созыва Государственной Думы, было въ окруженіи Государя не мало людей, горячо

настаивавшихъ на созывѣ. Послѣдняя группа одержала верхъ. Въ концѣ января 1916 года, Горемыкинъ былъ замѣненъ Штюрмеромъ, которому свыше было вмѣнено въ обязанность приступить къ немедленному созыву и открытію дѣятельности законодательныхъ Палатъ.

138

Я долженъ отмѣтить, что роль Предсѣдателя Совѣта Министровъ была не изъ легкихъ, въ силу самой его структуры. Дѣло въ томъ, что Министры назначались самимъ Государемъ и выбирались имъ изъ служилой чиновной и общественной среды, благодаря личному знакомству или по рекомендаціи лицъ, пользовавшихся особымъ довѣріемъ Его Величества. Предсѣдатель Совѣта при назначеніяхъ Министровъ почти никакой роли не игралъ. Сплошь и рядомъ случалось, что министры назначались даже вопреки представленіямъ и желаніямъ премьера. Лишь такія сильныя лица, какъ Витте и Столыпинъ, проводили въ составъ своего кабинета нѣкоторыхъ министровъ по своему усмотрѣнію. Въ результатѣ получалось, несомнѣнно, ненормальное положеніе для жизни и дѣятельности высшаго административнаго учрежденія въ Имперіи, коллегіальность котораго принимала нерѣдко несоотвѣтствовавшія этому понятію форму и направленіе.

Я не берусь судить объ обстановкѣ въ Совѣтѣ Министровъ при Витте или Столыпинѣ. Это были люди волевые, настойчиво проводившіе свою политику. То, что мнѣ пришлось видѣть и испытывать въ нашей министерской коллегіи при такихъ предсѣдателяхъ, какъ потерявшій вкусъ къ энергичной работѣ Горемыкинъ и послѣ него бездарный, пошлый распутинскій угодникъ Штюрмеръ, — представляло собой далеко не отрадную картину. Засѣдавшіе за общимъ присутственнымъ столомъ, расположеннымъ въ величественной боковой залѣ Маріинскаго Дворца, члены кабинета представляли собою группу лицъ, лишь механически соединенныхъ другъ съ другомъ, въ силу занимаемыхъ ими министерскихъ постовъ. Среди нихъ не было общности взглядовъ; ихъ не связывало единство заранѣе выработанной программы дѣйствій и, наконецъ, ихъ не объединяло авторитетное руководство сильнаго духомъ и творческимъ государственнымъ умомъ предсѣдателя, а ходъ коллегіальнаго управленія во многихъ случаяхъ зависѣлъ отъ воздѣйствія на Государя того или другого отдѣльнаго министра.

Кромѣ того, многое творилось помимо министерской коллегіи. Такія главы вѣдомствъ, какъ Поливановъ, Григоровичъ или Сазоновъ, дѣйствовали, почти исключительно считаясь лишь съ директивами, исходившими отъ Государя Императора. Нѣкоторые же ихъ коллеги, вродѣ Алексѣя Николаевича Хвостова, по свойству своего безцеремоннаго характера, дѣйствовали также „самодержавно“, сплошь и рядомъ игнорируя существованіе Совѣта Министровъ и злоупотребляя именемъ Его Величества.

Вся эта неналаженность учрежденія, въ которомъ мнѣ пришлось принимать участіе съ ноября 1915 по іюль 1916 года, и ненормальность котораго особенно сказалась при премьерствѣ печальной памяти Штюрмера, была мною, между прочимъ, совершенно откровенно обрисована и доложена самому Государю въ Могилевской Ставкѣ.

Въ первый разъ это произошло 15-го іюня 1916 года, когда Его Величество, позвавъ меня послѣ завтрака къ себѣ въ кабинетъ, предложилъ ознакомиться съ только что поданной ему генераломъ Алексѣевымъ запиской объ установленіи единой военной диктатуры надъ фронтомъ и тыломъ. Вторично я доложилъ объ этомъ 28-го того же іюня, когда я взялъ на себя смѣлость, подавая прошеніе объ увольненіи меня съ министерскаго поста, высказать Его Величеству рядъ совѣтовъ, какъ упорядочить высшее государственное управленіе. Въ обоихъ случаяхъ я проводилъ ту мысль, что, въ интересахъ дѣла, Государю слѣдовало бы поручать составленіе кабинета одному лицу, именно Предсѣдателю Совѣта Министровъ, который, со своей стороны, представлялъ бы на утвержденіе Его Величества списокъ лицъ, намѣченныхъ имъ на министерскіе посты. Этимъ, по моему мнѣнію, достигалось бы больше единомыслія между членами Совѣта, и для Государя это было бы облегченіемъ. Ему оставалось бы только найти лицо, достойное отвѣтственнаго поста Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Положеніе послѣдняго должно было бы нѣсколько осложниться, но зато онъ могъ успѣшнѣе руководить ввѣренной ему коллегіей.

139

Остановлюсь нѣсколько на характеристикѣ тѣхъ г.г. Министровъ, которыхъ я засталъ при вступленіи моемъ въ ихъ среду.*

Военный Министръ, членъ Государственнаго Совѣта А. А. Поливановъ, несмотря на свой шестидесятилѣтній возрастъ, проявлялъ кипучую энергію и живую заинтересованность въ подвѣдомственномъ ему дѣлѣ. Окончившій двѣ военныя академіи и прошедшій серьезный служебный стажъ въ качествѣ Начальника Главнаго Штаба и помощника Военнаго Министра, Алексѣй Андреевичъ отличался не только профессіональной, но и всесторонней образованностью, обладая при этомъ

* О Министрѣ Императорскаго Двора графѣ Фредериксѣ будетъ мною сказано въ одной изъ послѣдующихъ частей моихъ воспоминаній.

выдающейся работоспособностью. Человѣкъ остраго природнаго ума, Поливановъ быстро завоевалъ горячія симпатіи высшихъ служилыхъ круговъ столицы и среди членовъ обѣихъ законодательныхъ палатъ. Его появленія на думской трибунѣ отмѣчались шумнымъ успѣхомъ. Его доклады въ комиссіяхъ Таврическаго Дворца выслушивались съ неослабнымъ вниманіемъ. За нѣсколько лѣтъ сотрудничества съ народными представителями Алексѣй Андреевичъ близко сошелся съ нѣкоторыми изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Государственной Думы, участвовавшихъ въ спеціальныхъ комиссіяхъ по государственной оборонѣ.

Тамъ же установилась у генерала Поливанова тѣсная дѣловая дружба съ Александромъ Ивановичемъ Гучковымъ, состоявшимъ продолжительное время главнымъ руководителемъ думскихъ работъ по разсмотрѣнію военныхъ вопросовъ. Дружба эта привела къ двумъ результатамъ: съ одной стороны, она отняла отъ генерала Поливанова симпатіи Государя, лично не расположеннаго къ Гучкову, съ другой, впослѣдствіи вовлекла Алексѣя Андреевича въ совмѣстную революціонную работу съ Гучковымъ, оказавшимся Военнымъ Министромъ Временнаго Правительства 1917 года. Работа эта завершилась полнѣйшей дезорганизаціей военной дисциплины и катастрофическимъ разложеніемъ всей, еще недавно славной, Императорской арміи.

Вспоминаю, какъ, въ началѣ марта 1917 года, Алексѣй Андреевичъ, въ стѣнахъ Маріинскаго Дворца, на мой вопросъ — правда ли, что онъ согласился, совмѣстно съ Гучковымъ, принять участіе въ переработкѣ на революціонныхъ началахъ воинскаго устава, генералъ Поливановъ, судорожно передернувшись, скороговоркой отвѣтилъ: — Что жъ подѣлаешь?! Надо дѣйствовать въ духѣ времени!.

Слова эти мнѣ впослѣдствіи припомнились, когда я, очутившись съ милліономъ мнѣ подобныхъ, въ зарубежномъ бѣженствѣ, услыхалъ, что бывшій мой коллега по Совѣту Министровъ, генералъ Поливановъ, послѣ большевистскаго переворота, пошелъ на службу къ Ленину, и при заключеніи мирнаго договора между большевиками и поляками, былъ экспертомъ по военнымъ вопросамъ со сторны совѣтскаго правительства.

Вскорѣ послѣ этого, Алексѣй Андреевичъ скончался. Разсказываютъ, что передъ смертью онъ завѣщалъ положить себя въ гробъ въ генеральскомъ мундирѣ, со всѣми пожалованными ему Государемъ отличіями.

Въ результатѣ сильной контузіи, лицо Алексѣя Андреевича было свернуто нѣсколько на бокъ, его часто всего передергивало, но въ дѣловыхъ выступленіяхъ и частныхъ бесѣдахъ его умѣніе заинтересовывать слушателей содержательностью мыслей и ихъ изложеніемъ заставляло забывать эти физическіе недостатки.

У него нерѣдко происходили тренія съ высшими сферами, которыя завершились въ 1916 году его отставкой. Послѣ этого, Поливановъ былъ настроенъ чрезвычайно оппозиціонно къ личности Государя, что, надо думать, и натолкнуло его на еще большую близость съ Гучковымъ. Оправдывать дѣятельность Поливанова при Временномъ Правительствѣ, а тѣмъ болѣе — при большевистскомъ, я, конечно, отказываюсь.

На посту Морского Министра я засталъ генералъ-адъютанта, члена Государственнаго Совѣта, адмирала Ивана Константиновича Григоровича, о которомъ я подробно говорилъ въ предшествующей части моихъ воспоминаній.

Высокаго роста, представительный, съ красивымъ, умнымъ и энергичнымъ лицомъ, обрамленнымъ сѣдоватой бородкой, Иванъ Константиновичъ имѣлъ за собой серьезный боевой стажъ съ Портъ-Артурской осадой включительно. Онъ превосходно зналъ морское дѣло и пользовался широкой популярностью и всеобщими симпатіями. Въ противоположность Поливанову, къ Григоровичу въ Царскомъ относились неизмѣнно не только благожелательно, но и съ явной любовью. Съ 1912 года и до дня февральскаго революціоннаго переворота 1917 года, Григоровичъ безпрерывно стоялъ во главѣ ввѣреннаго ему вѣдомства, оказавшись, такимъ образомъ, послѣднимъ Морскимъ Министромъ Имперіи.

Послѣ нашихъ „Царицынскихъ" перипетій, судьба снова свела насъ съ Иваномъ Константиновичемъ, усадивъ вмѣстѣ за общій присутственный министерскій столъ. Съ момента выхода моего изъ Верховной Слѣдственной Комиссіи и назначенія меня министромъ, Григоровичъ относился ко мнѣ подчеркнуто любезно, чего нельзя было сказать про его отношенія къ нѣкоторымъ другимъ моимъ коллегамъ, хотя бы къ А. Ф. Трепову или князю В. Н. Шаховскому, съ которыми на служебно-дѣловой почвѣ у нервнаго и вспыльчиваго адмирала нерѣдко происходили жестокія схватки....

Въ ноябрѣ 1915 года Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ былъ Сазоновъ.

Это былъ дипломатъ строго выдержанный, былой Европейской школы. Воспитанникъ привилегированнаго учебнаго заведенія — Императорскаго Александровскаго лицея, проведшій всю послѣдующую свою жизнь и службу сначала въ Петербургѣ, въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, а затѣмъ въ заграничныхъ посольствахъ, Сазоновъ, силою вещей, лишенъ былъ возможности узнать подлинную жизнь своей обширной родины. Тѣмъ не менѣе, онъ крѣпко и искренно любилъ Россію.

Для внѣшняго представительства, для русскаго престижа и сношеній съ иностранными державами такого ограниченнаго отечествовѣдѣнія для Министра Иностранныхъ Дѣлъ, можетъ быть, было и достаточно; но Сазоновъ, привлеченный на этотъ отвѣтственный и видный постъ своимъ свякомъ Столыпинымъ, первое время, вѣроятно, пользовался его авторитетными совѣтами. Въ итогѣ долголѣтняго пребыванія

въ нашемъ Лондонскомъ посольствѣ, Сазоновъ превратился въ убѣжденнаго англофила. Это не осталось безъ слѣда на его послѣдующей дипломатической дѣятельности, особенно въ бытность его Министромъ.

Въ памятные іюльскіе дни 1914 года, на долю Сергѣя Дмитріевича выпала исключительно отвѣтственная роль невольнаго и фатальнаго арбитра между двумя суверенами — взбалмошнымъ и задорнымъ Германскимъ Императоромъ и мягкимъ, мирнымъ, обычно колеблющимся нашимъ Царемъ.

Въ концѣ концовъ, страшная война разразилась. Послѣдствія ея оказались неисчислимы. О ней написаны цѣлые тома изслѣдованій и мемуаровъ. Сергѣй Дмитріевичъ Сазоновъ успѣлъ, къ счастью, незадолго до безвременной своей кончины, закончить свой нелегкій и всѣми ожидавшійся трудъ.

Германія до сихъ поръ упорно отрицаетъ, что она начала кровавую бойню 1914-1918 г.г. Сазоновъ, въ своихъ запискахъ, считаетъ Германію зачинщицей войны. Но и по его адресу стала раздаваться рѣзкая критика, и притомъ не только изъ нѣмецкаго лагеря... Пройдутъ года, улягутся страсти, изгладятся послѣдствія великихъ военныхъ потрясеній. Быть можетъ, когда-нибудь и обнаружится настоящая правда. А пока надо сказать, что Сергѣй Дмитріевичъ, будучи искреннимъ патріотомъ и честнымъ человѣкомъ, дѣйствовалъ въ предѣлахъ возможнаго такъ, какъ ему подсказывала его вѣрноподданническая совѣсть.

Довѣрчивое отношеніе къ нему высшихъ дипломатическихъ представителей союзныхъ державъ, т. н. „Антанты", нынѣ всѣмъ хорошо извѣстно, и объ этомъ распространяться мнѣ нечего, отмѣчу лишь, что и въ отечественной средѣ, особенно въ думскихъ кругахъ, Сергѣй Дмитріевичъ завоевалъ себѣ прочныя симпатіи, горячо проявлявшіяся при его появленіи на трибунѣ Таврическаго Дворца.

Сазоновъ, какъ дѣлали это и другіе Министры Иностранныхъ Дѣлъ, руководилъ иностранной политикой, придерживаясь, главнымъ образомъ, непосредственныхъ указаній самого Государя. Но бывало, что въ его портфелѣ накапливалось немало дѣлъ, по существу подлежавшихъ коллегіальному обсужденію Совѣта Министровъ. Здѣсь Сергѣй Дмитріевичъ, какъ, впрочемъ, и многіе изъ его коллегъ, своимъ поведеніемъ подтверждалъ мое мнѣніе о „неналаженности" Совѣта Министровъ. Бывали случаи, когда Сазоновъ, не сносясь съ другими заинтересованными вѣдомствами, сговаривался единолично съ предстаителями иностранныхъ державъ, и Совѣтъ Министровъ узнавалъ лишь постфактумъ о дѣйствіяхъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Переговоры о доставкѣ шведской стали для Румыніи, о снабженіи той же страны автомобильными принадлежностями, главнымъ образомъ, шинами и лошадьми, скупаемыми по вздутымъ цѣнамъ на россійскихъ ярмаркахъ — все это велось Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, помимо и безъ вѣдома другихъ Министерствъ.

Въ сношеніяхъ же со мною, какъ Предсѣдателемъ Особаго Продовольственнаго Совѣщанія, Сазоновъ допустилъ слѣдующій памятный для меня промахъ, въ которомъ, впрочемъ, онъ впослѣдствіи искренне раскаивался. Въ первой половинѣ апрѣля 1916 года, незадолго до открытія Волжской навигаціи, я былъ у Государя съ докладомъ, по окончаніи котораго Его Величество задалъ мнѣ вдругъ ошеломившій меня вопросъ:

— Почему вами до сихъ поръ не доставлены обѣщанныя партіи пшеницы въ Англію и Францію? Бывшій только что передъ вами съ докладомъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, — продолжалъ Государь, — довелъ до моего свѣдѣнія, что ввиду неисполненія русскимъ правительствомъ этихъ заказовъ, послы французскій и англійскій обращались къ нему, Сазонову, съ запросомъ и ожидаютъ скорѣйшаго отвѣта...

— Ваше Величество, — отвѣтилъ я не безъ смущенія, — долженъ сознаться, что объ этихъ заказахъ я слышу впервые. Мнѣ лично Министръ Сазоновъ никогда о какихъ-либо иностранныхъ продовольственныхъ заказахъ не говорилъ... Разрѣшите справиться и немедленно Вамъ послѣ этого доложить.

Вернувшись къ себѣ въ Министерство, я въ срочномъ порядкѣ сталъ наводить справки, но въ результатѣ оказалось, что ни о какихъ заказахъ для Франціи и Англіи въ подвѣдомственныхъ мнѣ учрежденіяхъ вопроса не поднималось. Я снесся лично съ Сазоновымъ и былъ немало изумленъ и изрядно раздосадованъ, узнавъ отъ него, что еще въ январѣ 1916 года къ нему обратились Бьюкененъ и Палеологъ съ просьбой уступить имъ партію русской пшеницы. Въ министерскомъ кабинетѣ Сазонова они втроемъ между собой условились, что въ Англію будетъ доставлено 15 милліоновъ пудовъ пшеницы, а во Францію — 25 милліоновъ.

Надо полагать, что этотъ хозяйственный сговоръ трехъ дипломатовъ такъ и почилъ въ стѣнахъ министерскаго зданія, что у Пѣвческаго моста...

— Отчего же вы, Сергѣй Дмитріевичъ, мнѣ тотчасъ объ этомъ не сообщили? — воскликнулъ я — вѣдь вы должны же были знать, что распредѣленіе продовольственныхъ запасовъ Имперіи лежитъ на моей отвѣтственности!..

Бѣдный Сазоновъ видимо былъ очень сконфуженъ и, сознавъ допущенную имъ и его вѣдомствомъ оплошность, обратился ко мнѣ съ горячей просьбой скорѣйшимъ образомъ выручить его изъ создавшагося передъ союзными державами непріятнаго положенія. Конечно, я пошелъ ему навстрѣчу, но полностью удовлетворить ходатайства союзниковъ все жъ было невозможно, такъ какъ всѣ хлѣбные и зерновые запасы были строго и точно распредѣлены для отечественнаго потребленія.

Въ концѣ концовъ, пришлось для этой цѣли использовать весенній волжскій транспортъ, направленный по Маріинской системѣ въ Петроградъ и Финляндію, и отъ него урвать

партію пшеницы въ 15 милліоновъ пудовъ. Я распорядился переслать ее воднымъ же путемъ въ Архангельскій портъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Англію и Францію. Вся эта партія, по соглашенію съ союзниками, была уступлена Франціи. Такъ, болѣе или менѣе благополучно завершился возникшій между мной и Сазоновымъ печальной памяти инцидентъ, въ свое время причинившій намъ обоимъ немало непріятностей, но нисколько не повліявшій на наши добрыя отношенія, которыя поддерживались, главнымъ образомъ, общностью нашихъ взглядовъ на тѣ или другіе государственные вопросы, обсуждаемые въ Совѣтѣ Министровъ.

Такіе случаи я считаю прежде всего слѣдствіемъ общей „неналаженности" Совѣта Министровъ. У его сочленовъ не было сознанія необходимости согласованно дѣйствовать въ интересахъ общаго государственнаго блага.

Бѣда была въ томъ, что большинство Министровъ имѣло только чисто бюрократическій стажъ. Мало кто изъ нихъ проходилъ черезъ службу на мѣстахъ, въ рядахъ сословныхъ, земскихъ или городскихъ должностныхъ лицъ. Межъ тѣмъ — общественная работа, помимо того, что она давала возможность знакомиться съ подлинной Россіей, обычно закладывала прочные и глубокіе корни навыка къ дѣловой солидарности.

Разразившаяся революція 1917 года Сергѣя Дмитріевича, какъ и многихъ насъ, оторвала отъ родныхъ насиженныхъ мѣстъ и отъ обычныхъ занятій. Послѣдніе годы своей жизни Сергѣй Дмитріевичъ прожилъ въ Ниццѣ, гдѣ скоропостижно скончался 11/25 декабря 1927 года. Похороненъ онъ на Ницскомъ русскомъ кладбищѣ „Кокадъ", невдалекѣ отъ могилки незабвенной нашей дочери Маріи. Его вдова, Анна Борисовна, передала мнѣ его фотографію съ надписью: „Покойный мой мужъ, послѣ посѣщенія виллы Волга",* писалъ мнѣ изъ Ниццы: Побольше бы такихъ людей, какъ Александръ Николаевичъ Наумовъ — не погибла бы наша родина. А. С. Февраль 1928 г. Версаль".

Спасибо покойному Сергѣю Дмитріевичу за добрыя слова, и да пребудетъ среди всѣхъ насъ о немъ свѣтлая память на вѣчныя времена.

Во главѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ стоялъ камергеръ Высочайшаго Двора Алексѣй Николаевичъ Хвостовъ. Послѣ ряда скандальныхъ разоблаченій, въ чемъ особенно усердствовалъ его же ближайшій помощникъ Бѣлецкій, Хвостову пришлось передать бразды правленія его „достойному" замѣстителю г-ну Штюрмеру.

Несмотря на свои чрезмѣрно объемистыя тѣлеса, уподоблявшія ихъ носителя надутому баллону, Хвостовъ отличался необычайной подвижностью, хлопотливостью и своеобразной энергіей, побуждавшей его всюду — даже туда, куда вовсе не слѣдовало, совать свой остренькій носикъ, еле видный на его

---

* гдѣ жили Наумовы.

жирной, краснощекой, бритой физіономіи.

Хвостовъ отъ природы не былъ обиженъ умомъ, иначе не могъ бы онъ въ молодые годы выдвинуться, стать губернаторомъ, затѣмъ попасть въ составъ депутатовъ Государственной Думы и занять тамъ видное положеніе лидера фракціи правыхъ. Но умъ Хвостова не былъ творческимъ и спокойнымъ руководителемъ мыслительныхъ способностей, а проявлялся въ изворотливости, неразборчиво направленной на удовлетвореніе честолюбивыхъ его стремленій. Хвостовъ былъ самый безцеремонный и безпокойный членъ Совѣта Министровъ. Онъ причинялъ въ нашей коллегіи не мало совершенно неожиданныхъ осложненій и бурныхъ сценъ. Хвостовъ то, вдругъ, на засѣданіяхъ сообщалъ о своемъ рѣшеніи приступить къ обревизованію транспорта, то хотѣлъ прибрать къ рукамъ все дѣло продовольственнаго снабженія Имперіи. Всѣ свои порывы забираться въ область постороннихъ ему вѣдомствъ онъ обычно обосновывалъ яко бы „соизволеніями Его Величества". Конечно, несмотря на всю хлесткость его поведенія и на безпрестанныя ссылки на авторитетъ Царя, Хвостову не удавалось сбить съ позиціи затронутыя его непрошеннымъ вмѣшательствомъ вѣдомства, — ни Треповъ, съ его транспортомъ, ни я, съ моимъ продовольствіемъ, такого произвольнаго вторженія Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ наши дѣла не допускали, но разговоровъ и шума вокругъ всего этого было немало.

Надо вообще сказать, что, ради достиженія своихъ цѣлей, Хвостовъ ни передъ чѣмъ не останавливался. Ему ничего не стоило наговаривать Государю своимъ вкрадчивымъ торопливымъ говоркомъ кучу всяческихъ совѣтовъ и собственныхъ измышленій, и въ то же время спускаться на дно столицы, шопоткомъ интимно бесѣдовать и сговариваться съ темными проходимцами, способными на авантюры самаго компрометирующаго свойства. На этомъ пути Хвостовъ, несмотря на всю свою природную изворотливость, въ концѣ концовъ, на смерть расшибся. Исторія съ Ржевскимъ и іеромонахомъ Иліодоромъ положила предѣлъ беззастѣнчивой дѣятельности этого Министра. Мученическій конецъ жизни Алексѣя Николаевича многое искупилъ въ его прошломъ: послѣ февральскаго переворота онъ былъ посаженъ въ крѣпость, а смѣнившая Временное Правительство большевистская власть его разстрѣляла.

Совершенно инымъ по внѣшности, такъ же, какъ и по внутреннимъ свойствамъ, являлся родной дядя Алексѣя Николаевича Хвостова — сенаторъ Александръ Алексѣевичъ Хвостовъ, занимавшій въ мое время постъ Министра Юстиціи. Средняго роста, худощавый, со смуглымъ пріятнымъ лицомъ, на которомъ особенно выдѣлялись большіе, красивые, каріе, прямо и честно смотрѣвшіе глаза, Александръ Алексѣевичъ былъ кристально чистымъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ и пользовался всеобщей любовью и уваженемъ. Скром-

ный и спокойно разсудительный, хотя и мало разговорчивый, Александръ Алексѣевичъ являлся достойнѣйшимъ хранителемъ правосудія и безупречнымъ замѣстителемъ „царскаго ока". Его всегда до крайности тяготило все то, что говорилось про министерскую дѣятельность его племянника, о которой и самъ онъ отзывался неодобрительно.

По натурѣ прямой и честный, Хвостовъ, какъ Министръ Юстиціи, мучился, когда распутинскіе круги подняли всѣхъ, чтобы во что бы то ни стало освободить изъ подъ тюремнаго ареста бывшаго Военнаго Министра В. А. Сухомлинова. Хвостовъ всѣми силами боролся противъ этихъ вліяній, но въ концѣ концовъ, не выдержалъ и ушелъ — сначала перемѣнилъ свое вѣдомство на Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, а затѣмъ, черезъ короткій промежутокъ времени, въ сентябрѣ 1916 года, окончательно ушелъ со службы. Незадолго до моего увольненія, Александръ Алексѣевичъ, еще будучи Министромъ Юстиціи, сообщилъ мнѣ съ огорченіемъ, что Сухомлинову тюремное заключеніе, вѣроятно, скоро будетъ замѣнено домашнимъ арестомъ.

— Думаю я это потому, — добавилъ Хвостовъ, — что, по свѣдѣніямъ полиціи, у распутнаго старца стала по ночамъ появляться супруга Сухомлинова...

Пророчество его оправдалось, но уже послѣ его ухода изъ судебнаго вѣдомства.

Александръ Алексѣевичъ страстно любилъ родину, свою Орловскую губернію, свой Елецкій уѣздъ. Видимо, эта любовь одержала верхъ даже тогда, когда большевистская лавина стала затоплять и его родныя мѣста. Несмотря ни на что, Хвостовъ остался у себя дома, никуда не бѣжалъ и отдался на произволъ судьбы. По доходившимъ до меня слухамъ, какимъ-то чудомъ большевики его не тронули, оставили въ живыхъ. Надолго ли?!

Во главѣ Финансоваго Вѣдомства былъ Петръ Львовичъ Баркъ, вскорѣ назначенный членомъ Государственнаго Совѣта и остававшійся на министерскомъ посту до февральскаго переворота 1917 года.

Онъ еще раньше прошелъ основательную практическую школу въ частныхъ банковскихъ, фондово-биржевыхъ и желѣзнодорожныхъ учрежденіяхъ и былъ всесторонне подготовленъ для завѣдыванія финансово-денежнымъ хозяйствомъ Россійской Имперіи. На его долю въ періодъ 1914-1917 г.г. выпала тяжкая задача находить источники для покрытія неисчислимыхъ и неудержимо разраставшихся колоссальныхъ расходовъ, связанныхъ съ обороной и нуждами военнаго времени. На одномъ изъ засѣданій Совѣта Министровъ, когда Военно-Морское вѣдомство предъявило къ Министерству Финансовъ еще новое требованіе необычно крупной даже и для того времени суммы, сидѣвшій рядомъ со мною Баркъ, при всей своей сдержанности, не могъ скрыть охватившаго его волненія. Онъ сталъ горячо доказывать всю непосильную для государственнаго фиска тяжесть подобнаго требованія. Но представители государственной обороны были неумолимы, и Барку пришлось, въ концѣ концовъ, подчиниться. Повернувшись ко мнѣ, раскраснѣвшійся отъ тревожныхъ переживаній Петръ Львовичъ своимъ нѣсколько гортаннымъ голосомъ бросилъ мнѣ памятную фразу: — Ну, какъ при такихъ обстоятельствахъ не сказать — après nous le déluge?!

„Déluge" этотъ дѣйствительно хлынулъ и затопилъ Россію, смывъ съ ея поверхности многое, въ томъ числѣ и насъ всѣхъ. Немало „бывшихъ" людей въ этомъ стихійномъ мутномъ потокѣ погибло, нѣкоторыя лица, правда, весьма немногія, сумѣли всплыть, выбраться на берегъ, хотя и на чужой, сумѣли быстро оправиться, окрѣпнуть и почти цѣликомъ возстановить свое прежнее личное благополучіе. Къ этой категоріи „счастливыхъ" бѣженцевъ надо причислить и бывшаго Министра Барка. Благодаря установившимся въ былое время финансово-банковскимъ связямъ, личнымъ способностямъ и практическому складу своего житейски-мудраго ума, онъ сумѣлъ такъ поставить себя въ Лондонскихъ высшихъ дѣловыхъ сферахъ, что въ нѣсколько лѣтъ сталъ главнымъ директоромъ распорядителемъ въ одномъ изъ крупнѣйшихъ банковъ на „Ломбардъ-Стритъ", получалъ солидное содержаніе и имѣлъ честь быть принятымъ англійскимъ королемъ, который далъ ему титулъ.

Въ памяти всплываютъ двѣ наиболѣе характерныя встрѣчи мои съ Баркомъ, происшедшія послѣ революціонныхъ событій 1917 года, — первая произошла во второй половинѣ 1918 года въ Крыму, въ Ялтѣ, когда мы съ нимъ дружески бесѣдовали за завтракомъ въ гостиницѣ „Россія".

Несмотря на всѣ ужасы пережитаго, Петръ Львовичъ казался попрежнему ровно-спокойнымъ человѣкомъ, не терявшимъ, видимо, надежды на лучшее будущее и на собственныя свои силы. Межъ тѣмъ, положеніе его было тогда не изъ легкихъ — Баркъ лишился всего и сильно бѣдствовалъ.

Когда зашла у насъ рѣчь, какого къ завтраку спросить вина, Петръ Львовичъ, привѣтливо улыбнувшись, промолвилъ:

— Для меня никакого! Бывшій министръ финансовъ долженъ сознаться, что у него нѣтъ лишнихъ денегъ даже на бутылку вина!

Вскорѣ Крымъ пришлось всѣмъ намъ покинуть. Проживая позже со своей семьей въ Ниццѣ, я вынужденъ бывалъ по дѣламъ ежегодно наѣзжать въ маѣ мѣсяцѣ въ Лондонъ, и почти каждый разъ видѣлся тамъ съ Баркомъ. Опишу послѣднюю нашу съ нимъ встрѣчу въ 1928 году, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ ялтинскаго завтрака. Дежурный курьеръ доложилъ обо мнѣ. Послѣ нѣкотораго ожиданія въ банковской роскошной пріемной, я былъ впущенъ въ большой свѣтлый кабинетъ, великолѣпно отдѣланный въ строго-англійскомъ стилѣ краснымъ деревомъ и уставленный массивной кожаной мебелью. Все кругомъ было чисто, тихо, богато и величественно. Изъ-за

солиднаго письменнаго стола поднялся ко мнѣ навстрѣчу элегантно, какъ только въ Лондонѣ это умѣютъ, одѣтый, попрежнему свѣжій, розовый, слегка посѣдѣвшій, по-прежнему привѣтливый Петръ Львовичъ, который тепло меня обнялъ, усадилъ рядомъ съ собой въ удобное кресло и сталъ дѣлиться своими лондонскими впечатлѣніями, ясно говорившими объ исключительномъ успѣхѣ на службѣ и въ жизни. Передо мной сидѣлъ человѣкъ, сумѣвшій возстановить почти полностью условія своей былой профессіональной дѣятельности, матеріальную обезпеченность и видное положеніе въ обществѣ.

На посту Министра Путей Сообщенія я засталъ члена Государственнаго Совѣта, сенатора егермейстера Высочайшаго Двора Александра Ѳеодоровича Трепова, впослѣдствіи, съ половины ноября по конецъ декабря 1916 года, состоявшаго Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ.

Треповъ былъ однимъ изъ наиболѣе темпераментныхъ и говорливыхъ членовъ Совѣта Министровъ. Онъ всегда принималъ самое горячее участіе въ обсужденіи многочисленныхъ дѣлъ, поступавшихъ отъ различныхъ вѣдомствъ. Александръ Ѳеодоровичъ имѣлъ обыкновеніе высказываться обстоятельно, въ непререкаемо-авторитетномъ тонѣ.

Треповъ, несомнѣнно, былъ человѣкомъ умнымъ, но умъ его зачастую принималъ, если можно такъ выразиться, безпокойное направленіе, подъ воздѣйствіемъ тѣхъ или другихъ побужденій, какъ меня увѣряли и какъ мнѣ самому потомъ казалось, больше личнаго характера. Съ самаго начала моего съ нимъ знакомства и дѣлового сотрудничества я убѣдился въ рѣзкомъ непостоянствѣ взглядовъ Трепова — свойствѣ совершенно недопустимомъ при веденіи какого бы то ни было общаго дѣла, тѣмъ болѣе государственнаго.

Вспоминается мнѣ поѣздка моя съ Треповымъ въ началѣ января 1916 года въ Царскую Ставку въ Могилевъ. На обратномъ пути въ Петроградъ, послѣ ряда засѣданій и совѣщаній съ представителями фронтовъ по поводу упорядоченія транспортнаго и продовольственнаго дѣла, мы съ Треповымъ до поздняго часа обсуждали и, въ концѣ концовъ, намѣтили опредѣленный общій планъ дѣйствій, который каждый изъ насъ долженъ былъ безъ замедленія проводить въ жизнь.

Каково же было мое удивленіе, когда на слѣдующее утро, за нѣсколько часовъ до столицы, мой секретарь, которому я сталъ диктовать мои распоряженія, въ полномъ соотвѣтствіи съ наканунѣ выработаннымъ съ Треповымъ планомъ, мнѣ, вдругъ, сообщаетъ, что онъ только что видѣлся съ состоявшимъ при Министрѣ Путей Сообщенія чиновникомъ, получившимъ отъ своего начальника совершенно иныя директивы. Я поспѣшилъ къ Трепову, который ѣхалъ въ сосѣднемъ вагонѣ, и къ немалому моему изумленію услыхалъ отъ Александра Ѳеодоровича, что онъ „за ночь передумалъ" и рѣшилъ дѣйствовать вопреки нашему сговору.

Вспоминая исключительно трудное мое положенія руководителя всѣмъ продовольственнымъ дѣломъ въ Имперіи, находившимся въ тѣсной зависимости отъ общаго состоянія транспорта и заранѣе вырабатываемыхъ маршрутныхъ расписаній поѣздовъ, я долженъ признаться, что избѣгалъ непостояннаго Трепова и старался непосредственно сноситься съ его ближайшимъ помощникомъ. Выдающійся знатокъ желѣзнодорожнаго дѣла, товарищъ министра Эдуардъ Брониславовичъ Кригеръ-Войновскій былъ человѣкъ точный, исполнительный, на него можно было всецѣло положиться. Именно благодаря ему, моя продовольственная организація, несмотря на всѣ затрудненія, функціонировала болѣе или менѣе нормально.

Все же надо отдать справедливость Трепову. Благодаря своему волевому характеру, способности быстро оріентироваться и удачному подбору своихъ ближайшихъ помощниковъ, онъ, при содѣйствіи ихъ, велъ свое нелегкое дѣло съ настойчивостью и энергіей, добиваясь сравнительно благопріятныхъ результатовъ. Существовавшее при немъ разстройство транспорта нельзя было цѣликомъ относить на счетъ дефектовъ его управленія Министерствомъ Путей Сообщенія. Разстройство это являлось однимъ изъ послѣдствій войны, принявшей непредвидѣнно гигантскіе размѣры.

Александръ Ѳеодоровичъ не любилъ сдаваться передъ наплывомъ трудныхъ обстоятельствъ, продолжая вести свое дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ проявлялъ недюжинныя способности дальновиднаго политика по части привлеченія на свою сторону симпатій нужныхъ для его популярности и устойчивости его служебнаго положенія людей. Въ этомъ отношеніи, внесенный имъ въ Государственную Думу смѣлый и грандіозный законопроектъ объ осуществленіи т. н. большой желѣзнодорожной программы сослужилъ Трепову немалую службу. Своими, хотя и отдаленными, но заманчивыми, перспективами, онъ заставилъ г.г. депутатовъ на время забыть о пресловутомъ наличномъ транспортномъ расстройствѣ.

Эту большую программу, какъ и многое въ своемъ вѣдомствѣ, Треповъ началъ проводить не съ предварительнаго коллегіальнаго обсужденія въ Совѣтѣ Министровъ, а путемъ единоличнаго доклада Государю, соизволившему планъ его одобрить. Послѣ этого Министръ Путей Сообщенія довелъ свой многообѣщающій для отечественнаго благоденствія проектъ до свѣдѣнія Совѣта Министровъ и тогда же поспѣшилъ внести на разсмотреніе думскихъ комиссій. Реклама получилась безусловно внушительная!

Помню, какъ вся эта несвоевременная въ военное время и чудовищная по своимъ размѣрамъ и денежнымъ затратамъ, затѣя Министра Путей Сообщенія, совершенно неожиданно свалилась на головы его коллегъ, въ частности, Министра Земледѣлія, мнѣніе котораго при опредѣленіи направленія намѣченныхъ путей запрошено не было. Узнавъ про треповскій

проектъ, я счелъ своимъ долгомъ тотчасъ же приступить къ выработкѣ желательнаго для нашего вѣдомства плана новыхъ желѣзнодорожныхъ путей, для обслуживанія плодородныхъ районовъ Россійской Имперіи. Спѣшно составленный проектъ Министерства Земледѣлія былъ немедленно мною доложенъ Государю и Совѣту Министровъ, а также внесенъ въ думскія комиссіи для согласованія его съ проектомъ Министерства Путей Сообщенія.

Умѣлъ Александръ Θедоровичъ по своему угождать и Государю. Позднею весной 1916 года, завтракая за царскимъ столомъ въ Могилевѣ, я не безъ удовольствія положилъ себѣ на тарелку кусокъ разварной à la russe великолѣпной аршинной стерляди и принялся ее съ наслажденіемъ вкушать, мысленно переносясь въ мои приволжскія палестины... Но вотъ я сталъ замѣчать неоднократно останавливавшіеся на мнѣ взгляды сидѣвшаго противъ меня Августѣйшаго хозяина, который, давъ мнѣ докончить лакомое блюдо, своимъ деликатнымъ и привѣтливымъ голосомъ меня спросилъ: — Понравилась вамъ рыба? Послѣ моего утвердительнаго отвѣта Государь добавилъ: — Это вѣдь ваша родная — волжская!...

Подошедшій ко мнѣ по окончаніи завтрака генералъ Воейковъ шепнулъ мнѣ на ухо: — Берите примѣръ съ Трепова — пріѣхалъ съ Волги и привезъ Царю въ презентъ диковинныхъ стерлядей!..

Отношенія Александра Θедоровича къ своимъ коллегамъ нельзя было назвать ровными и устойчивыми; онѣ скорѣе отличались порывистостью и непостоянствомъ. Ко мнѣ лично Треповъ сначала относился необыкновенно дружески, позволяя себѣ высказывать въ моемъ присутствіи самыя интимныя свои мысли и предположенія.

Не забуду, какъ въ описанную мною выше нашу совмѣстную поѣздку въ Могилевъ, въ первый же вечеръ, пришелъ Треповъ ко мнѣ въ вагонъ пить чай и, пользуясь тѣмъ, что мы одни, разоткровенничался во всю. Высказавъ по моему адресу свою превеликую симпатію, онъ сталъ настойчиво призывать меня содѣйствовать его плану обновленія Совѣта Министровъ, доказывая необходимость въ первую голову срочно удалить изъ его состава С. Д. Сазонова. На это я замѣтилъ ему: — Очевидно, вы, Александръ Θедоровичъ, хотите быть на положеніи премьера и задались цѣлью формировать угодный вамъ кабинетъ. Если это такъ, умоляю васъ, одновременно съ Сазоновымъ, вычеркните и меня съ занимаемой мною должности, за что я отъ глубины души буду вамъ признателенъ!.. При этихъ словахъ Треповъ, весь вспыхнувъ, нервно мнѣ отвѣтилъ: — Въ премьеры я не собираюсь, а хочу лишь улучшить составъ своихъ сочленовъ по Совѣту Министровъ, оставивъ въ немъ такихъ людей, какъ вы или какъ Александръ Алексѣевичъ Хвостовъ!

Надо думать, что тогда я своимъ намекомъ на премьерство затронулъ больное мѣсто Трепова, человѣка крайне честолюбиваго и, въ концѣ концовъ, достигшаго своей цѣли.

Долженъ сознаться, что, хотя относился ко мнѣ Александръ Θедоровичъ подчеркнуто-любезно, нерѣдко приглашалъ меня къ себѣ на обѣды и вызывалъ на откровенность, я какъ-то инстинктивно держалъ себя съ нимъ нѣсколько на сторожѣ, стараясь избѣгать интимныхъ съ нимъ собесѣдованій. Чѣмъ больше приходилось мнѣ съ нимъ сталкиваться и работать, тѣмъ яснѣе я замѣчалъ неискренность въ его поведеніи. Особенно ясно проявилъ онъ это въ памятный для меня день, 21-го іюня 1916 года, день безповоротнаго рѣшенія моего выйти въ отставку. Вспомнились мнѣ тогда неоднократныя предупрежденія А. В. Кривошеина относительно Трепова, котораго онъ не называлъ иначе, какъ „богомъ интриги", и совѣтовалъ мнѣ его всемѣрно опасаться.

Февральская революція 1917 года застала на посту Министра Путей Сообщенія Э. Б. Кригеръ-Войновскаго, замѣстившаго собою А. Θ. Трепова. Со словъ очевидца А. Н. Яхонтова, занимавшаго въ то время должность управляющаго канцеляріей Министра Путей Сообщенія, послѣ насильственной замѣны царскаго правительства революціоннымъ „Временнымъ" Правительствомъ, Треповъ, въ сопровожденіи своего брата Владиміра Θедоровича и А. В. Кривошеина, явился въ былое свое министерство съ намѣреніемъ предложить свои услуги вновь образовавшейся „народной" власти. Но поставленный Временнымъ Правительствомъ во главѣ вѣдомства Путей Сообщенія депутатъ Бубликовъ бывшему царскому министру въ этомъ отказалъ.

Свергнувшій Временное Правительство большевизмъ вынудилъ Александра Θедоровича Трепова уѣхать заграницу и поселиться въ Парижѣ, гдѣ онъ сумѣлъ устроить свою жизнь относительно благополучно. Онъ занялъ видное политическое положеніе въ бѣженской колоніи, какъ глава монархическаго объединенія и организовалъ довольно крупное акціонерное предпріятіе по желѣзо-бетонному строительству.

10-го ноября (н. с.) 1928 года Александръ Θедоровичъ заѣхалъ по дѣламъ въ Ниццу, гдѣ скоропостижно скончался на скамейкѣ желѣзнодорожнаго вокзала. Погребенъ онъ на русскомъ Ниццкомъ кладбищѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того, чье имя онъ произносилъ съ нескрываемой непріязнью и кого онъ ревностно мечталъ исключить изъ состава министровъ. Кончилась жизнь этихъ двухъ царскихъ министровъ, Трепова и Сазонова, и на мѣстѣ вѣчнаго упокоенія они оказались рядомъ.

Министромъ Народнаго Просвѣщенія состоялъ шталмейстеръ Двора Его Величества графъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ. Онъ завоевалъ себѣ въ широкихъ кругахъ общества большую популярность, какъ дѣятель либерально-гуманнаго направленія.

Доступный съ низшими, привѣтливый съ равными, графъ Игнатьевъ велъ себя на засѣданіяхъ Совѣта Министровъ сдер-

жанно, уклоняясь отъ острыхъ споровъ и рѣзкихъ выступленій. Это не значило, что графъ Павелъ Николаевичъ относился поверхностно и хладнокровно къ политическимъ событіямъ. Въ частномъ быту и внѣ оффиціальныхъ засѣданій, онъ былъ инымъ и видимо питалъ ко мнѣ добрыя, довѣрчивыя чувства. Не разъ, передъ засѣданіями Совѣта Министровъ, онъ заѣзжалъ ко мнѣ, или въ самомъ зданіи Маріинскаго Дворца отводилъ меня въ сторону, чтобы подѣлиться со мною своимъ горячимъ возмущеніемъ по поводу казавшагося ему непріемлемымъ того или другого проекта, внесеннаго на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ. Но стоило начаться засѣданію, какъ тотъ же Игнатьевъ, по свойству своего мягкаго характера, занималъ позицію не только сдержаннаго, но нерѣдко совершенно молчаливаго члена коллегіи, и мнѣніе его выяснялось лишь при окончательной баллотировкѣ.

Впрочемъ, на однмъ изъ засѣданій, когда Министру Народнаго Просвѣщенія было отказано въ прибавкѣ жалованья учителямъ, обиженный Игнатьевъ измѣнилъ своей обычной выдержкѣ и спокойствію и проявилъ ту горячность, которую я у него нерѣдко наблюдалъ въ частныхъ нашихъ разговорахъ. Считаю нужнымъ отмѣтить, что въ періодъ нашей совмѣстной съ нимъ службы, насъ съ Игнатьевымъ связывало одинаковое отношеніе ко многимъ вопросамъ государственнаго порядка (напримѣръ — къ вопросу о созывѣ законодательныхъ палатъ) и къ лицамъ, насъ окружавшимъ, хотя бы къ премьеру Штюрмеру. Разница между нами была, можетъ быть, та, что я, вѣроятно, казался менѣе сдержаннымъ, чѣмъ мой глубокоуважаемый коллега — Министръ Народнаго Просвѣщенія. Онъ, въ концѣ концовъ, послѣдовалъ моему примѣру, и за два мѣсяца до февральскихъ событій 1917 года вышелъ въ отставку, занявъ мѣсто А. А. Ильина, постъ предсѣдателя Главнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста.

Очутившись послѣ революціи въ Англіи, Игнатьевъ одно время занимался на фермѣ сельскимъ хозяйствомъ, а затѣмъ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ онъ и по сіе время благополучно проживаетъ, взявъ вновь въ свои руки руководство дѣлами уцѣлѣвшей старой организаціи Россійскаго Краснаго Креста.

Во главѣ вѣдомства Торговли и Промышленности состоялъ гофмейстеръ Высочайшаго Двора, князь Всеволодъ Николаевичъ Шаховской. Въ противовѣсъ графу Игнатьеву, этотъ Министръ, ни въ служебныхъ, ни тѣмъ болѣе въ законодательныхъ кругахъ, не сумѣлъ себѣ снискать прочныхъ симпатій и репутаціи серьезнаго дѣлового человѣка.

Князь Шаховской держалъ себя нервно и суетливо. На засѣданіяхъ Совѣта Министровъ любилъ по всѣмъ вопросамъ высказываться своимъ торопливымъ, слегка шепелявымъ говоркомъ. Его сужденія и предположенія рѣдко принимались его коллегами во вниманіе. Особенно не переваривалъ его адмиралъ Григоровичъ, не стѣснявшійся дѣлать ему довольно безцеремонныя замѣчанія. На общихъ собраніяхъ законодательныхъ палатъ князь Шаховской выступалъ лишь въ случаяхъ крайней необходимости, и къ нему тамъ относились достаточно недружелюбно.

Назначеніе на такую серьезную и отвѣтственную должность, какъ Министръ Россійской торговли, да еще и промышленности, такого легковѣснаго человѣка, какъ князь Шаховской, всегда представлялось мнѣ загадкой. Говорили, что въ этомъ назначеніи сыгралъ рѣшающую роль Великій Князь Александръ Михайловичъ, а Шаховской продолжалъ держаться на своемъ посту благодаря умѣнію угождать тѣмъ, отъ кого зависѣло его положеніе.

Немало испортилъ крови этотъ Министръ не только мнѣ, но и другимъ своимъ коллегамъ во время дѣловыхъ засѣданій „Совѣта пяти Министровъ", который образовался въ цѣляхъ болѣе удобнаго общенія лицъ, стоявшихъ во главѣ „Особыхъ Совѣщаній". Въ обстановкѣ этой срочной и серьезной работы князь Шаховской, вмѣсто вдумчиваго, строго-дѣлового разрѣшенія трудныхъ вопросовъ, сплошь и рядомъ позволялъ себѣ отдѣлываться шуточками и остротами, которыя потомъ не безъ возмущенія повторялись въ столичномъ обществѣ.

Когда на одномъ изъ этихъ засѣданій пришлось обратиться съ просьбой къ Министру Торговли и Промышлененности, какъ Предсѣдателю Особаго Совѣщанія по топливу, чтобы онъ въ самомъ срочномъ порядкѣ распорядился подать уголь изъ Донецкаго бассейна въ смежный южный районъ для поддержанія сахаро-рафинаднаго производства, Шаховской отнесся къ этому ходатайству отрицательно. Онъ привелъ рядъ причинъ, по нашимъ свѣдѣніямъ совершенно неосновательныхъ и недостовѣрныхъ, о чемъ мы ему тотчасъ же и заявили. Тогда Шаховской объявилъ, что, по его понятіямъ, сахаръ-рафинадъ для даннаго времени является предметомъ ненужной роскоши, и что для нуждъ арміи можно обойтись однимъ лишь сахарнымъ пескомъ. На это присутвовашіе на засѣданіи его сочлены не безъ основанія замѣтили, что русскій солдатъ привыкъ пить чай въ прикуску, и что желательно не лишать армію необходимаго продукта. Тогда Министръ Торговли, повернувъ свою глупо-улыбавшуюся физіономію къ возражавшимъ ему коллегамъ, не нашелъ ничего болѣе остроумнаго, какъ въ подтвержденіе своего капризнаго отказа дать слѣдующій мудрый государственнвй совѣтъ, вскорѣ обошедшій столичные не только салоны, но и переулки: „Пусть вмѣсто сахарныхъ кусковъ, солдатики подвяжутъ къ потолку мѣшки изъ марли съ насыпаннымъ въ нихъ сахарнымъ пескомъ и, вмѣсто прикуски, пусть по очереди посасываютъ ихъ съ чайкомъ"... Вообще, воспоминанія мои, связанныя съ именемъ Шаховского, какъ Предсѣдателя Особаго Совѣщанія по топливу, характеризуютъ его, какъ крайне нераспорядительнаго сотрудника. Нерѣдко онъ ставилъ мою продовольственную организацію въ очень тяжелое положеніе. Было время,

въ первой половинѣ 1916 года, когда, несмотря на обиліе зерноваго продукта въ юго-западномъ районѣ Россіи, всѣ расположенныя тамъ мельницы испытывали топливный кризисъ и были вынуждены употреблять, вмѣсто угля, солому, или стоять. Между тѣмъ, при правильномъ руководствѣ, можно было снабжать означенный районъ углемъ, въ изобиліи имѣвшимся въ Донецкомъ бассейнѣ, откуда доставка могла безостановочно производиться.

Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода состоялъ гофмейстеръ Высочайшаго Двора Александръ Николаевичъ Волжинъ.

Онъ велъ свое вѣдомство, стоявшее особнякомъ, спокойно и разсудительно, не принимая особо дѣятельнаго участія въ разрѣшеніи обще-государственныхъ вопросовъ.

Я всегда ставилъ въ особую заслугу почтенному Александру Николаевичу занятую имъ непримиримую позицію по отношенію къ Петроградскому Митрополиту Питириму, находившемуся, какъ извѣстно, въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Распутинымъ. Надо сказать, что Питиримъ былъ мнѣ лично хорошо знакомъ. Въ бытность мою Губернскимъ Предводителемъ Дворянства онъ завѣдывалъ нѣкоторое время Самарской епархіей.

Питиримъ церковную службу совершалъ съ замѣтнымъ пафосомъ, мало вяжущимся съ монашескимъ смиреніемъ. Онъ склоненъ былъ въ сношеніяхъ съ людьми проявлять неподобающій его сану темпераментъ.

Съ первыхъ шаговъ появленія его въ Самарѣ, Питиримъ оказывалъ мнѣ и дворянству усиленное вниманіе. Онъ благословилъ ввѣренное моему попеченію сословіе богато украшенной иконой, которую просилъ водрузить въ нашемъ Дворянскомъ Домѣ. Во время его дальнѣйшаго пребыванія въ Самарѣ, пришлось его ближе узнать и глубочайшимъ образомъ въ немъ разочароваться.

Разговорились мы однажды съ Питиримомъ по поводу личности и дѣятельности епископа Уфимскаго, Андрея, приходившагося мнѣ двоюроднымъ братомъ и открыто въ то время выступавшаго въ печати и въ своихъ громовыхъ проповѣдяхъ противъ распутиновщины.

Не зная о моемъ близкомъ родствѣ съ епископомъ Андреемъ, Питиримъ сталъ о немъ отзываться съ явной непріязнью, приписывая ему желаніе шумѣть противъ Распутина, чтобы создать себѣ популярность и на этомъ обосновать свою дальнѣйшую карьеру. При этомъ самарскій архіерей нравоучительно добавилъ, что, по его мнѣнію, никому изъ нихъ, епископовъ, не слѣдъ идти противъ Синодскихъ указовъ, каковы бы они ни были.

Всѣ эти разсужденія меня рѣзко оттолкнули отъ Питирима, который вскорѣ послѣ этого проявилъ себя во всей силѣ

своего мерзкаго угодничества передъ тобольскимъ „старцемъ". Это стало извѣстно совершенно случайно.

Спустя нѣкоторое время послѣ неудавшагося покушенія Гусевой на Григорія Распутина, пріѣзжаетъ ко мнѣ губернаторъ Протасьевъ и сообщаетъ, что начальникъ самарской почтово-телеграфной конторы привезъ ему копію телеграммы, посланной Питиримомъ въ Тобольскъ на имя грязнаго старца. Въ ней самарскій архіерей выразилъ свою искреннюю радость по случаю избавленія его, Распутина, отъ грозившей ему опасности и молилъ Господа сохранить его драгоцѣнное здравіе на многія лѣта. О содержаніи этой возмутительной телеграммы я счелъ долгомъ довести до свѣдѣнія своихъ сословныхъ сослуживцевъ, и мы всѣ единодушно рѣшили порвать послѣ этого всякія сношенія съ распутинскимъ молитвенникомъ и вернуть ему полученную отъ него икону.

Вскорѣ Питиримъ былъ назначенъ экзархомъ Грузіи, а затѣмъ — Петроградскимъ Митрополитомъ. Нашъ дворянскій уговоръ по отношенію къ нему я свято продолжалъ соблюдать: попавъ на службу въ столицу и присутствуя на оффиціальныхъ соборныхъ служеніяхъ, я никогда ни подъ благословеніе, ни для цѣлованія креста къ Питириму не подходилъ, чѣмъ, какъ мнѣ говорили, доводилъ Митрополита до состоянія бѣшеной злости. Опредѣленное отрицательное отношеніе къ распутинскимъ угодникамъ со стороны Волжина мнѣ было тѣмъ болѣе по душѣ, и я Александра Николаевича за это глубоко уважалъ.

Вскорѣ послѣ назначенія премьеромъ Штюрмера, состоявшаго въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ Питиримомъ и Распутинымъ, я однажды услыхалъ горячій разговоръ новаго предсѣдателя Совѣта Министровъ съ Александромъ Николаевичемъ Волжинымъ, который при видѣ меня воскликнулъ:

— Да вотъ спросите Александра Николаевича Наумова, что такое представляетъ изъ себя Питиримъ! Онъ его хорошо знаетъ!"... На обращенный ко мнѣ вопросъ Штюрмера, я поспѣшилъ отвѣтить слѣдующее: „Всякій часъ, что Православную Церковь возглавляетъ нечистый Питиримъ, — приноситъ ущербъ ея достоинству и вредъ ея паствѣ". Разумѣется, для Штюрмера моя характеристика была безразличной и недоказательной. Его интересовала не церковная, а иная дѣятельность Питирима, выгодная для Штюрмера, какъ премьера.

Волжинъ, вскорѣ послѣ моего ухода изъ Министровъ, тоже покинулъ службу, будучи назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Послѣ революціоннаго разгрома судьба насъ съ нимъ свела въ далекомъ зарубежьѣ, на южномъ берегу Франціи, въ Ниццѣ. Тамъ мы съ Александромъ Николаевичемъ сначала часто и дружески видѣлись, а затѣмъ та же капризная судьба захотѣла насъ разъединить на почвѣ церковнаго раскола. Я остался вѣренъ возглавленію Западно-Европейскихъ церквей Митрополитомъ Евлогіемъ, какъ іерархомъ, преемственно получившимъ свою власть отъ Патріарха Тихона, а бывшій

Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода почему-то предпочелъ пойти вслѣдъ Митрополита Антонія, совершенно произвольно, или скорѣе — революціонно, истолковавшаго отмѣненныя Патріархомъ Тихономъ постановленія Карловацкаго Собора 1921 года.

—о—

Осталось мнѣ сказать еще про послѣдняго сочлена Совѣта Министровъ — наиболѣе давняго, старшаго по службѣ и чинамъ, числившагося замѣстителемъ предсѣдателя Совѣта. Это былъ статсъ-секретарь Его Величества, членъ Государственнаго Совѣта и сенаторъ — Петръ Алексѣевичъ Харитоновъ, занимавшій постъ Государственнаго Контролера.

Петръ Алексѣевичъ былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся государственныхъ дѣятелей по своимъ способностямъ, разсудительности, опытности и огромной дѣловой подготовкѣ. Обладая даромъ точно, логично и обстоятельно излагать свои мысли какъ на словахъ, такъ, въ особенности, на бумагѣ, ровный, спокойный и вдумчивый — Харитоновъ являлся незамѣнимымъ сотрудникомъ въ разностороннихъ работахъ Совѣта Министровъ, находя всегда удачный и толковый совѣтъ и исходъ для благополучнаго разрѣшенія самаго запутаннаго и сложнаго вопроса. Недаромъ почтеннаго Петра Алексѣевича именовали „акушеромъ" за ту помощь, которую онъ оказывалъ въ трудныхъ случаяхъ появленія на Божій свѣтъ того или другого постановленія г.г. Министровъ. Въ 1916 г. его замѣнилъ членъ Государственнаго Совѣта Н. Н. Покровскій, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Вскорѣ послѣ этого, въ томъ же 1916 году, Петръ Алексѣевичъ Харитоновъ скончался.

140

13-го ноября 1915 года — въ день полученія Высочайшаго Указа о назначеніи меня Министромъ, я сразу приступилъ къ ознакомленію съ ближайшими моими сотрудниками по вѣдомству,

Въ составъ ввѣреннаго мнѣ Министерства въ обычное время входили департаменты: государственныхъ земельныхъ имуществъ, земледѣлія, лѣсной, переселенческое управленіе и отдѣлы: земельныхъ улучшеній, рыбный, сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики, огнестойкаго строительства, кустарный, художественно-музейный, Ученый Комитетъ, Совѣтъ Министра и канцелярія.

Каждое изъ названныхъ учрежденій подраздѣлялось, въ свою очередь, на рядъ болѣе мелкихъ подотдѣловъ, имѣвшихъ свое спеціальное назначеніе и наименованіе.

Помимо всѣхъ перечисленныхъ отраслей, въ компетенцію Министерства Земледѣлія, со времени образованія въ августѣ 1915 года Особаго Совѣщанія по Продовольствію, — вошла

огромная, чтобы не сказать безграничная, область продовольствія арміи, а отчасти и тыла.. Вмѣсто сконструированія особаго Министерства Снабженія, какъ въ экстренномъ порядкѣ организовали у себя всѣ воюющія Европейскія государства, — въ Россіи были образованы Особыя Совѣщанія — по оборонѣ, продовольствію, транспорту и топливу, во главѣ которыхъ стояли Министры: — Военный, Земледѣлія, Путей Сообщенія, Торговли и Промышленности. Въ результатѣ получилось раздробленіе многосложнаго дѣла снабженія арміи, требовавшаго по своему существу и заданію полнаго единства организаціи и дѣйствій. Въ то же время Министры, возглавившіе „Особыя Совѣщанія", оказались вынуждены употреблять свой служебный персоналъ для новыхъ задачъ, въ ущербъ интересамъ собственныхъ вѣдомствъ.

Министръ Земледѣлія, онъ же Предсѣдатель Особаго Совѣщанія по продовольствію, для этой послѣдней задачи не имѣлъ въ своемъ распоряженіи никакихъ спеціальныхъ ассигновокъ и особо откомандированныхъ ему лицъ. Силою вещей онъ вынужденъ былъ для этой цѣли использовать значительный штатъ состоявшихъ подъ его началомъ чиновниковъ, отрывая ихъ отъ прямыхъ вѣдомственныхъ обязанностей. О необходимости образовать особое Министерство Снабженія въ Россіи начали среди членовъ обѣихъ законодательныхъ палатъ раздаваться громкіе голоса лишь въ концѣ моей министерской работы, когда всѣ воочію убѣдились въ исключительной трудности и ненормальности создавшагося для меня положенія.

Директоромъ Департамента Государственныхъ Земельныхъ Имуществъ былъ давній вѣдомственный работникъ — Петръ Павловичъ Зубовскій, отличавшійся необыкновенной работоспособностью, точной исполнительностью и всесторонней освѣдомленностью. Онъ былъ знатокомъ и главнымъ руководителемъ всей землеустроительной дѣятельности въ Имперіи, будучи въ этомъ отношеніи незамѣнимымъ помощникомъ своего непосредственнаго начальника — товарища министра А. А. Риттиха.

Департаментъ Государственныхъ Имуществъ подраздѣлялся на рядъ подотдѣловъ, возглавлявшихся особыми вице-директорами (Сафоновъ, Забѣлло и др.), которые, благодаря примѣрному трудолюбію, ровности характера и, вмѣстѣ съ тѣмъ, справедливой требовательности ихъ ближайшаго начальника Зубовскаго, вели свое дѣло дружно и образцово.

Я любилъ выслушивать доклады почтеннаго Петра Павловича — все у него было заранѣе обстоятельно взвѣшено и обдумано. Говорилъ онъ тихимъ голосомъ, всегда спокойно, немногорѣчиво, но складно и вразумительно. Зубовскій цѣликомъ былъ человѣкомъ служебнаго долга и дѣла. Онъ всегда напоминалъ мнѣ моего незабвеннаго головкинскаго сотрудника, тоже человѣка долга и дѣла, Илью Петровича Кошкина. Такихъ достойныхъ работниковъ на людскомъ торжищѣ не

много можно было встрѣтить.

Не таковъ былъ Директоръ Департамена Земледѣлія — Дмитрій Яковлевичъ Слободчиковъ. При всей своей работоспособности, Дмитрій Яковлевичъ оставался въ столичной обстановкѣ все тѣмъ же неугомоннымъ искателемъ карьерныхъ благъ, какимъ онъ былъ и ранѣе, въ періодъ его самарской провинціальной службы. Какъ тогда, такъ и теперь, Слободчиковъ, очевидно, вслѣдствіе своего безпокойно-пронырливаго характера, не пользовался среди своихъ сослуживцевъ ни симпатіями, ни достаточнымъ авторитетомъ.

Во главѣ Лѣсного Департамента стоялъ сравнительно еще молодой, полный силъ, могучій, широкоплечій Николай Владиміровичъ Грудистовъ, съ первыхъ же своихъ докладовъ завоевавшій мои глубочайшія симпатіи. Со временемъ я провелъ его въ товарищи министра и имѣлъ въ виду оставить его на мѣсто Глинки.

Знатокъ своей лѣсной спеціальности, Грудистовъ обладалъ широкой иниціативой и отличался выдающейся работоспособностью и исполнительностью. Искренно преданный дѣлу, Николай Владиміровичъ былъ мощнымъ подсобнымъ устоемъ, на который можно было всецѣло положиться. Департаментъ свой Грудистовъ велъ образцово — у него во всемъ царствовалъ порядокъ, во всѣхъ дѣлахъ чувствовалась твердая рука. Лѣсную отрасль онъ любилъ безгранично. Въ этомъ отношеніи мы съ нимъ близко сходились, дружно и горячо обсуждая различныя мѣропріятія, касавшіяся нашихъ излюбленныхъ лѣсовъ.

Грудистовъ весь просіялъ, когда я согласился поѣхать съ нимъ осмотрѣть Лѣсной Институтъ и его питомникъ. Поѣздка наша состоялась въ солнечный весенній день (8-го мая 1916 года) и произвела на меня самое благопріятное впечатлѣніе. Удивительное радушіе, съ которымъ насъ встрѣтили не только профессорскій персоналъ, но и студенческая молодежь, превосходное зданіе, интереснѣйшій музей, богатѣйшіе лѣсные питомники — все это было отрадно видѣть и воочію убѣдиться въ огромномъ значеніи, которое имѣла высшая государственная школа для подготовки лѣсныхъ спеціалистовъ. Передъ отъѣздомъ изъ Института, я провелъ нѣкоторое время со студентами, съ которыми у меня завязались самые оживленные, лишенные всякой оффиціальной натянутости, разговоры. Къ немалому моему удивленію, при расставаніи, я отъ нихъ услыхалъ выраженіе горячей благодарности за посѣщеніе мною ихъ Института, въ стѣнахъ котораго, по ихъ словамъ, мой предшественникъ ни разу не бывалъ.

Въ Москвѣ мнѣ однажды тоже удалось, несмотря на обычное „некогда", навѣстить грудистовское хозяйство — могучій, сѣдой, сосновый заповѣдникъ въ „Погоно-Лосиной" казенной дачѣ, гдѣ имѣлась превосходно поставленная и оборудованная лѣсная школа.

Въ общемъ, Николай Владиміровичъ могъ по праву гордиться очевидными результатами своей дѣятельности. Когда ему пришлось въ срочномъ порядкѣ заняться заготовкой лѣсныхъ матеріаловъ для нуждъ военнаго времени, то и тутъ онъ проявилъ иниціативу, установилъ премировку для оплаты работъ, исполненныхъ въ извѣстные сроки, и достигъ блестящихъ результатовъ.

Риттихъ и Грудистовъ, связанные личной дружбой, являлись для меня основными, искренне преданными помощниками. Ихъ доброе ко мнѣ отношеніе и дѣльные, честные совѣта поддерживали меня во всѣхъ перипетіяхъ моей министерской дѣятельности.

Волею судебъ, уже въ условіяхъ послѣреволюціоннаго бѣженскаго моего „существованія", — я считаю, что до революціи 1917 года была у меня „жизнь", а послѣ началось одно лишь „существованіе" — я неожиданно встрѣтилъ моихъ былыхъ „товарищей" и друзей А. А. Риттиха и Н. В. Грудистова въ 1922 году въ Лондонѣ. Они служили въ банкѣ бр. Рябушинскихъ и казались удовлетворенными своимъ относительнымъ благополучіемъ. Къ несчастью, оно продолжалось недолго. Рябушинскіе разорились, банковское ихъ дѣло было ликвидировано, и оба они очутились въ тяжеломъ положеніи. Бѣдный Риттихъ въ 1930 году скончался отъ рака, а Грудистовъ, не находя примѣненія своимъ знаніямъ и энергіи, болѣе чемъ скромно живетъ въ туманномъ и чуждомъ ему Лондонѣ. Жутко становится на душѣ, когда подумаешь, сколько безжалостная революціонная стихія уничтожила и отбросила полезныхъ и творческихъ государственныхъ силъ, въ былые годы создавшихъ столько цѣнностей, а нынѣ прозябающихъ на чужбинѣ...

Во главѣ Переселенческаго Управленія, находившагося въ вѣдѣніи Товарища Министра Г. В. Глинки, я засталъ Геннадія Ѳедоровича Чиркина, сообразительнаго, хорошо освѣдомленнаго работника, серьезно интересовавшагося порученнымъ ему дѣломъ.

Надо отдать должное Глинкѣ, онъ положилъ много трудовъ на разумное разрѣшеніе и постановку переселенческаго вопроса, имѣвшаго, какъ извѣстно, для Россійской Имперіи огромное государственное значеніе. За свое долголѣтнее завѣдываніе Переселенческимъ Управленіемъ, Глинка успѣлъ достичь положительныхъ результатовъ и подготовить цѣлую школу спеціалистовъ по названной отрасли государственнаго управленія. Чиркинъ былъ однимъ изъ наиболѣе способныхъ его учениковъ, заслужившимъ не безъ основанія особое довѣріе своего учителя.

Я всегда особенно охотно принималъ въ своемъ кабинетѣ Чиркина, умѣвшаго своими обстоятельными и живыми докладами въ сильнѣйшей степени заинтересовать слушателя. Благодаря его ясному и планомѣрному изложенію, я успѣлъ быстро ознакомиться съ общимъ положеніемъ переселенческаго вопроса и общегосударственной переселенческой политики,

которая вызывала съ моей стороны полное сочувствіе и одобреніе.

Послѣ большевистскаго переворота 1917 года, новые хозяева оставили Чиркина на прежнемъ мѣстѣ. Онъ продолжалъ завѣдывать столь близко знакомымъ ему Переселенческимъ Управленіемъ.

Невольно въ голову приходятъ слѣдующія соображенія: если такихъ выдающихся по уму и дѣловитости „Чиркиныхъ" въ разныхъ вѣдомствахъ осталось не мало въ распоряженіи совдепской власти, то техника управленія у большевиковъ могла бы не худо наладиться. „Чиркины" это тѣ невидимые колесики часового механизма, скрытыя за циферблатомъ, которыя приводятъ въ движеніе часовыя стрѣлки. Такъ, думается мнѣ, обстоитъ дѣло и въ Россіи — циферблатъ нынѣ иной, а за нимъ работаютъ все тѣ же „Чиркины". Не отсюда ли произошла та, для многихъ до сихъ поръ непонятная, устойчивость государственнаго механизма огромной имперіи, которую удалось сохранить безграмотнымъ въ государственномъ отношеніи кремлевскимъ заправиламъ. Они унаслѣдовали не только „Ленинскіе завѣты", но и цѣннѣйшій внутренній механизмъ прежняго россійскаго государственнаго управленія?

Во главѣ Отдѣла Земельныхъ Улучшеній Министерства Земледѣлія находился многолѣтній вѣдомственный работникъ, князь Владиславъ Ивановичъ Масальскій. Въ его завѣдываніи находилась хозяйственная отрасль огромнаго масштаба и значенія. За послѣдніе годы, она, съ легкой руки Кривошеина, обращала на себя вниманіе законодательныхъ палатъ. Широкія вѣдомственныя заданія, направленныя на приведеніе Средне-Азіатскихъ обширныхъ степей, путемъ ихъ орошенія, въ земли, пригодныя для сельскохозяйственныхъ культуръ, встрѣчали въ Таврическомъ и Маріинскомъ дворцахъ самое благожелательное отношеніе. Благодаря этому бюджетъ Отдѣла Земельныхъ Улучшеній изъ года въ годъ разрастался и дѣятельность его вызывала всеобщій интересъ.

Такое же щедрое отношеніе законодательныхъ палатъ вызывало и развитіе меліоративнаго кредита, при содѣйствіи котораго упомянутый отдѣлъ Министерства Земледѣлія, въ области земельныхъ улучшеній, могъ способствовать проявленію частной инициативы. При этомъ, денежный вопросъ или, скорѣе, матеріальная заинтересованность тѣхъ или другихъ контрагентовъ Вѣдомства Земледѣлія, играли не малую роль. На этой почвѣ глубоко порядочному и безусловно честному князю Масальскому приходилось иногда испытывать служебныя осложненія довольно непріятнаго свойства.

Вспоминается мнѣ одинъ изъ первыхъ его докладовъ. Обстоятельно его изложивъ, князь Владиславъ Ивановичъ попросилъ меня дать ему указаніе, какъ поступить съ залежавшимся въ его дѣлопроизводствѣ ходатайствомъ небезызвѣстнаго въ закулисныхъ столичныхъ кругахъ князя Андроникова объ уступкѣ ему на концессіонныхъ началахъ значительной

площади государственной земли въ предѣлахъ Хивинской области, на которой производилось орошеніе, для разведенія хлопковой культуры. Имя князя Андроникова, котораго я лично не зналъ и никогда не видалъ, но о которомъ до меня доходили недобрыя вѣсти, заставило меня невольно насторожиться, и я попросилъ князя Масальскаго все дѣло объ андрониковской концессіи мнѣ представить для всесторонняго ознакомленія. Просмотрѣвъ его, я убѣдился, что безъ необходимыхъ дополнительныхъ справокъ и заключеній Туркестанскихъ властей дѣло это рѣшать нельзя. Я далъ приказъ затребовать всѣ нужныя свѣдѣнія съ мѣстъ. Въ то же время для меня стало ясно, что по поводу андрониковскихъ концессіонныхъ аппетитовъ происходитъ въ самихъ вѣдомственныхъ сферахъ — между княземъ Масальскимъ и Г. В. Глинкой — довольно острое расхожденіе во взглядахъ. Концессіи князю Андроникову получить такъ и не удалось, причемъ Глинка пробовалъ неоднократно мнѣ внушать, что Андрониковъ имѣетъ вліяніе на Масальскаго, въ чемъ убѣдить меня онъ такъ и не смогъ.

Разрѣшеніе меліоративныхъ кредитовъ сплошь и рядомъ ставило Завѣдывающаго Отдѣломъ Земельныхъ Улучшеній въ затруднительное положеніе. Претендентовъ оказывалось великое множество. Разбираться въ справедливости ихъ домогательствъ представлялось дѣломъ во многихъ случаяхъ нелегкимъ, а иногда и деликатнымъ.

Напримѣръ, появляется въ моемъ служебномъ кабинетѣ В. А. Маклаковъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ думскихъ депутатовъ, членъ оппозиціонно настроенной кадетской партіи, талантливый человѣкъ и выдающійся ораторъ, въ послѣреволюціонное время назначенный Временнымъ Правительствомъ на постъ Парижскаго посла.

Сославшись на то, что, по распоряженію А. В. Кривошеина, онъ пользовался меліоративнымъ кредитомъ для оборудованія въ подмосковномъ имѣньицѣ желѣзобетонной мельничной плотины, онъ просилъ снова оказать ему кредитъ въ 10.000 рублей для завершенія начатаго имъ показательно-меліоративнаго дѣла... Будучи самъ сельскимъ хозяиномъ и мельничнымъ строителемъ, я сталъ болѣе обстоятельно разспрашивать пришедшаго ко мнѣ думца, стараясь выяснить, насколько предпринятый имъ ремонтъ мельничной плотины можно подвести подъ понятіе меліоративныхъ работъ. Къ глубокому моему сожалѣнію, несмотря на все краснорѣчіе моего собесѣдника, я въ необходимости отпуска ему министерской ссуды сильно усомнился. Это повергло кадетскаго депутата въ раздраженіе, причемъ у него сорвалось такое замѣчаніе:

— Вашъ предшественникъ выдавалъ мнѣ просимыя суммы — почему же вы этого сдѣлать не хотите?!

Я отвѣтилъ, что Вѣдомствомъ Земледѣлія будетъ предпринято обслѣдованіе на мѣстѣ, и если окажется возможнымъ

признать производимыя мельничныя работы за мелиоратив-ныя, то кредитъ будетъ немедленно открытъ въ размѣрѣ, соот-вѣтствующемъ дѣйствительной надобности.

— Надѣюсь, — обратился я къ своему вліятельному про-сителю, — подобная постановка вопроса васъ, какъ члена Го-сударственной Думы, вполнѣ удовлетворяетъ?!

При этихъ словахъ, Маклаковъ, принадлежавшій къ пар-тіи, зорко и строго наблюдавшей за закономѣрностью дѣй-ствій правительства, — замѣтно недовольный результатомъ своего ходатайства, еле со мной простившись, быстрыми ша-гами удалился изъ кабинета, громко хлопнувъ дверью. Хуже всего, что, послѣ обслѣдованія на мѣстѣ, пришлось ему въ кредитѣ отказать.

Умный, осторожный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до болѣзненно-сти самолюбивый князь Масальскій, при помощи своихъ до-стойнвхъ помощниковъ — инженера Максимова и Флексера,* велъ свое дѣло превосходно. Одинъ изъ его подотдѣловъ об-служивалъ отвѣтственное дѣло, непосредственно связанное съ обороной. Подъ его началомъ формировались гидротехни-ческіе отряды, направлявшіеся на фронты. Имъ давали стра-тегическія заданія осушать или затоплять тѣ или другія мѣст-ности. Лица, входившіе въ названные отряды, числились на дѣйствительной военной службѣ. Благодаря этому, многіе, во избѣжаніе отбыванія воинской повинности на боевыхъ пози-ціяхъ, предпочитали записываться въ гидротехническія орга-низаціи Министерства Земледѣлія. Желающихъ оказалось из-рядное количество. Приходилось многимъ отказывать.

На этой почвѣ у князя Масальскаго возникало немало хлопотъ и непріятностей. Онъ получалъ массу писемъ и вся-ческихъ рекомендацій съ просьбами зачислить то или другое лицо въ списки гидротехниковъ. Нѣкоторыя видныя персоны обращались съ подобными ходатайствами непосредственно да-же ко мнѣ, но я ихъ направлялъ къ Масальскому. Получалъ я подобныя обращенія и отъ Петроградскаго Митрополита Питирима. Его письма я самолично и немедленно уничтожалъ. Съ такимъ же ходатайствомъ появился однажды въ моей ми-нистерской пріемной самъ Распутинъ.

Работы гидротехническихъ организацій мнѣ пришлось осмотрѣть въ районѣ западнаго фронта, въ окрестностяхъ Могилева. О дѣятельности этихъ отрядовъ до меня доходили самые благопріятные отзывы.

Въ своей дѣятельности князь Владиславъ Ивановичъ про-являлъ не только умъ и энергію, но и немало живѣйшаго къ ней интереса. По его настоянію я подробно осмотрѣлъ под-

---

* Давидъ Самуиловичъ Флексеръ являлся единичнымъ исключеніемъ среди многочисленнаго штата министерскихъ чиновниковъ — онъ былъ некрещеный еврей, дослужившійся, благодаря выдающимся своимъ спо-собностямъ и ревностной работѣ, до чина дѣйствительнаго статскаго со-вѣтника.

вѣдомственный ему превосходно обставленный музей, нагляд-но и детально знакомившій посѣтителя со всей сущностью торфяного дѣла и его производства. Въ музеѣ были отличныя карты, образцы почвъ и всѣ техническія изобрѣтенія и ма-шинныя приспособленія для выработки торфа. Подобная по-становка вѣдомственнаго учрежденія произвела на меня самое отрадное впечатлѣніе.

Во главѣ рыбнаго отдѣла стоялъ В. К. Бражниковъ. Это былъ человѣкъ, всесторонне изучившій свою спеціальность и превосходно освѣдомленный о положеніи всего огромнаго рыбнаго хозяйства въ Имперіи. Благодаря ему, я детально ознакомился съ цѣлымъ рядомъ научныхъ трудовъ по состоя-нію рыбнаго дѣла въ нашемъ многоводномъ отечествѣ, кото-рое по цѣнности добычи рыбы занимаетъ, послѣ С. А. С. Шта-товъ и Великобританіи, третье мѣсто на міровомъ рынкѣ.

Съ искреннимъ увлеченіемъ любящаго свое дѣло специа-листа, Бражниковъ всегда пользовался удобнымъ случаемъ, чтобы въ живой и интересной формѣ разъяснить мнѣ сущ-ность экспонатовъ, выставленныхъ въ помѣщеніи его рыбна-го отдѣла и добытыхъ въ результатѣ русскихъ научныхъ экспедицій. Изъ нихъ наиболѣе примѣчательными были — Астраханская и Каспійская. Этимъ общительный Бражниковъ не ограничивался. Онъ водилъ меня въ музей Академіи Наукъ, гдѣ продолжалъ давать мнѣ интереснѣйшія поясненія по по-воду экспонатовъ другихъ экспедицій. Изъ нихъ мнѣ запом-нились двѣ, въ научномъ отношеніи наиболѣе полно обстав-ленныя, „Баргузинская” и „Саянская”, имѣвшая между про-чимъ, цѣлью изучить мѣры по охраненію собольяго промысла.

Не могу не упомянуть здѣсь про одну исключительную по своему значенію услугу, которая была, въ бытность мою Министромъ, оказана отечественному рыбному хозяйству тѣмъ же Бражниковымъ, своевременно подсказавшимъ мнѣ мѣры въ огражденіе рыбоводнаго бассейна Тихаго Океана отъ хищническихъ поползновеній на него со стороны нашихъ жел-толицыхъ сосѣдей — юркихъ японцевъ.

Въ началѣ 1916 года Глинка подъ вѣдѣніемъ котораго былъ рыбный отдѣлъ, доложилъ мнѣ, что, по поводу пред-стоявшей сдачи съ торговъ на Дальнемъ Востокѣ рыбныхъ ловель, намѣчается между дипломатическими представителя-ми жадной Японіи и уступчивой Россіи предварительное со-глашеніе, идущее вразрѣзъ съ принятой по этому вопросу хозяйственно-экономической политикой Министерства Земле-дѣлія.

Мнѣ не удалось что-нибудь точно узнать по этому поводу въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. По совѣту Бражникова, 6-го февраля 1916 года, я рѣшился принять экстренныя и по-жалуй, не совсѣмъ обычныя, мѣры для предотвращенія воз-можнаго вмѣшательства постороннихъ вѣдомствъ въ нормаль-ный порядокъ, установленный практикой Министерства Земле-дѣлія, которое охраняло интересы россійскихъ предпринима-

телей въ ихъ отношеніяхъ съ японскими рыбопромышленниками. Для японцевъ, какъ участниковъ на предстоящихъ рыбныхъ дальневосточныхъ торгахъ, въ Бражниковскомъ отдѣлѣ были выработаны особыя цѣны. Ввиду необходимости срочной их доставки и ради соблюденія служебной тайны, онѣ были вложены въ „секретный" министерскій пакетъ и экстренно посланы, за мой личный счетъ, съ особо откомандированнымъ мною курьеромъ на Дальній Востокъ, для непосредственнаго врученія ихъ тамъ старшему представителю нашего вѣдомства.

Обошлась мнѣ эта посылка свыше 1000 рублей, но зато цѣли своей мы съ Бражниковымъ достигли, интересы нашихъ соотечественниковъ отъ беззастѣнчивыхъ аппетитовъ желтолицыхъ сосѣдей мы, наперекоръ мягкотѣлой уступчивости нашихъ дипломатическихъ представителей, оградили.

Отдѣломъ сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики завѣдывалъ Владиміръ Степановичъ Кошко. Въ Министерствѣ Земледѣлія онъ былъ своего рода юрисконсультомъ по всѣмъ вопросамъ экономическаго порядка, требовавшимъ всесторонняго обсужденія и разрѣшенія ихъ въ междувѣдомственныхъ совѣщаніяхъ.

При первомъ знакомствѣ онъ мнѣ показался далекимъ отъ жизни кабинетнымъ работникомъ, блуждающимъ въ академическихъ измышленіяхъ, но я вскорѣ былъ вынужденъ измѣнить мое мнѣніе. Умный и дѣльный, Кошко блестяще выполнилъ порученіе огромнаго практическаго значенія, возложенное мною на него ранней весною 1916 года. Это окончательно убѣдило меня, что онъ — выдающійся работникъ не только въ области теоретическаго мышленія, но и въ дѣлѣ хозяйственно-практическаго порядка...

Въ цѣляхъ эксплоатаціи конфискованныхъ нѣмецкихъ и австрійскихъ земельныхъ владѣній, расположенныхъ вдоль нашего западнаго и юго-западнаго фронтовъ, и ради скорѣйшей и ближайшей доставки для нуждъ арміи продовольственныхъ и фуражныхъ продуктовъ, мною съ ранней весны нѣмчена была спѣшная разработка и обсѣмененіе этихъ пустовавшихъ плодородныхъ земель. Дѣло это требовало исключительной энергіи, знанія и распорядительности со стороны лица, которому оно ввѣрялось. Кошко прекрасно справился съ порученной ему нелегкой задачей, и проявилъ выдающіяся административныя дарованія.

Съ нимъ у меня связаны также и иныя воспоминанія, относящіяся къ наиболѣе тяжкому періоду моего послѣреволюціоннаго существованія — ко времени нашей первой Крымской эвакуаціи, въ концѣ марта 1919 года, когда съ семьей, послѣ шестисуточнаго лежанія на грязномъ днищѣ кормового пароходнаго трюма, былъ выброшенъ на Новороссійской пристани безъ копѣйки денегъ и какого-либо пристанища. Не знаю, дойду ли я въ своихъ воспоминаніяхъ до описанія этихъ невыносимо тяжелыхъ дней нашихъ бѣженскихъ мытарствъ, но я

считаю необходимымъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, въ полной степени характеризующемъ доброту и благородство души бывшаго моего сослуживца Кошко.

Измученный физически и морально, вылѣзши изъ вонючаго пароходнаго трюма, побрелъ я въ утро Вербнаго Воскресенья (1919 г.) по набережной Новороссійскаго порта въ городъ, имѣя въ виду на послѣдніе оставшіеся гроши купить свѣчу и поставить ее къ образу въ Соборѣ. Всѣ мои помыслы тогда были направлены единственно на Божье милосердіе. И Небесный Хозяинъ нашей человѣческой судьбы на самомъ дѣлѣ эту желанную и спасительную помощь мнѣ ниспослалъ!

Случилось со мною не иначе какъ чудо. Отойдя сотню шаговъ отъ парохода, я вдругъ услыхалъ около себя голосъ, назвавшій мое имя и отчество. Я поднялъ голову и обернулся. Къ немалому моему изумленію я увидалъ знакомый обликъ бывшаго моего сотрудника Кошко.

Отъ неожиданности и радости мы въ первый моментъ не знали, что другъ другу сказать, но мой измученный и обтрепанный видъ заставилъ Кошко перваго заговорить и высказать соболѣзнующее предположеніе о выпавшей на мою долю очевидно тяжелой жизни. Изъ невеселыхъ разсказовъ онъ вскорѣ узналъ всю горькую обо мнѣ и моихъ несчастныхъ семейныхъ правду.

— Позвольте, дорогой Александръ Николаевичъ, — обратился тогда ко мнѣ задушевнымъ голосомъ Кошко,— въ память всего добраго, которое я отъ васъ всегда видѣлъ въ прошлой нашей совмѣстной работѣ, предложить вамъ теперь съ моей стороны нѣкоторую помощь. Я состою на службѣ у Рябушинскихъ въ качествѣ одного изъ руководителей Ростовскаго отдѣленія вринадлежащаго имъ Черноморскаго Банка. Сегодня же вамъ будетъ открытъ кредитъ въ здѣшнемъ Новороссійскомъ ихъ отдѣленіи в той суммѣ, которая можетъ васъ удовлетворить. Не откажите выразить мнѣ готовность оказывать вамъ посильную помощь!..

Мнѣ оставалось лишь со слезами благодарности крѣпко обнять достойнѣйшаго человѣка за оказанную мнѣ и моей семьѣ своевременную поддержку.

Случай этотъ крѣпко запечатлѣлся не только въ нашей съ женой памяти, но и въ памяти моихъ дѣтей. Въ тотъ же день они отъ меня узнали всѣ подробности. И если я сейчасъ еще разъ имъ объ этомъ напоминаю, то дѣлаю это для того, чтобъ закончить характеристику не только умнаго и образованнаго, но и благороднѣйшаго, христіански-настроеннаго Владиміра Степановича Кошко.

Въ Министерствѣ Земледѣлія былъ еще одинъ, сравнительно небольшой отдѣлъ сельскаго и огнестойкаго строительства, находившійся въ завѣдываніи двухъ дѣятельныхъ и способныхъ чиновниковъ, — Шилкина и Афанасенко.

Во время Европейской войны 1914 года отдѣлъ этотъ получилъ значительныя и широкія заданія — составить подроб-

ныя планировки и строительныя смѣты для населенныхъ мѣстъ, находившихся въ районахъ боевыхъ дѣйствій и подвергшихся полному или частичному разрушенію. Работа въ этомъ направленіи велась чрезвычайно интенсивно и представляла собой, въ нѣкоторомъ отношеніи, даже художественный интересъ, такъ какъ названный отдѣлъ періодически выпускалъ небольшія книжечки, превосходно изданные отчеты исполненныхъ работъ съ приложеніемъ отпечатанныхъ въ красках иллюстрированныхъ образцовъ проектируемыхъ разнаго типа построекъ, городскихъ улицъ и общихъ плановъ.

Этими изданіями Министерства всегда очень живо интересовался маленькій Наслѣдникъ Цесаревичъ, когда я ихъ иногда бралъ съ собой и представлялъ на просмотръ во время всеподданнѣйшихъ докладовъ Государю Императору.

Кустарный отдѣлъ, такъ же какъ и художественно-музейный, находились въ рукахъ членовъ Совѣта Министерства — Анрея Михайловича Тернэ и Адріана Викторовича Прахова.

Надо сказать, что Совѣтъ Министра Земледѣлія существовалъ только по имени. Въ бытность мою Министромъ, да и ранѣе, Совѣтъ роли никакой не игралъ и самая должность члена Совѣта являлась почетнымъ званіемъ, дававшимъ нѣкоторыя служебныя привилегіи и возможность, безъ всякаго дѣлового обремененія, получить генеральскій чинъ.

Такихъ членовъ Совѣта я засталъ несмѣтное количество, такъ же, какъ и лицъ, числившихся на министерской службѣ въ качествѣ чиновниковъ особыхъ порученій.

Встрѣчались, впрочемъ, среди нихъ и исключенія, хотя бы въ лицѣ упомянутыхъ мною выше такихъ членовъ Совѣта, какъ Кошко, Тернэ, Праховъ и нѣкоторыхъ другихъ.

Кустарнымъ отдѣломъ завѣдывалъ А. М. Тернэ. Кустарное дѣло въ Россіи представляло изъ себя чрезвычайно широкую и интересную отрасль народнаго труда, сравнительно еще мало обслѣдованную. Но при моемъ предшественникѣ она стала объектомъ особаго его вниманія и поощренія. Кривошеинъ сумѣлъ привлечь къ кустарямъ и сердца россійскихъ законодателей, которые щедро шли навстрѣчу его смѣтнымъ предположеніямъ на развитіе и укрѣпленіе кустарнаго производства.

Благодаря этому, при Кривошеинѣ стали насаждаться кустарныя школы, устраивались грандіозныя кустарныя выставки, экспонаты которыхъ нарасхватъ раскупались и вывозились за границу. Наконецъ, отъ моего предшественника досталось мнѣ въ наслѣдіе начатое имъ дѣло по организаціи особаго кустарнаго общества въ видѣ Всероссійскаго Главнаго Кустарнаго Комитета. Кривошеинъ заранѣе испросилъ согласія Государыни Александры Ѳеодоровны на принятіе упомянутаго Комитета подъ ея Августѣйшее покровительство въ качествѣ его Предсѣдательницы. Ея Величество охотно выразила на это свое согласіе и поручила Кривошеину представить ей всѣ соображенія, касавшіяся устава. Кривошеинъ на помощь себѣ взялъ члена Совѣта Андрея Михайловича Тернэ, съ которымъ

и приступилъ къ разработкѣ вопроса. Но Кривошеинъ не успѣлъ довести начатыхъ работъ до конца, и это довольно сложное дѣло перешло ко мнѣ, вмѣстѣ съ его главнымъ исполнителемъ, Тернэ.

Послѣдній былъ добросовѣстный, широко образованный работникъ и весьма симпатичный человѣкъ. Вскорѣ же послѣ вступленія моего въ должность, онъ мнѣ доложилъ о желаніи Императрицы Александры Ѳеодоровны получить на ея утвержденіе уставы проектируемыхъ кустарныхъ организацій. Желаніе Государыни было нами тотчасъ же удовлетворено. Уставы были лично мною представлены на благовоззрѣніе Ея Величества, у которой по кустарнымъ вопросамъ совѣтчицей была Варвара Петровна Шнейдеръ, завѣдывавшая школой народнаго искусства.

Однажды мы съ Тернэ посѣтили выставку работъ этой школы, куда принимались русскія дѣвушки изъ простонародья. Ихъ обучали въ теченіе трехъ лѣтъ не только всевозможнымъ отраслямъ кустарнаго художественнаго мастерства, но и пѣнію народныхъ пѣсенъ. Впечатлѣніе я вынесъ отъ всего видѣннаго на выставкѣ самое отрадное. На всѣхъ экспонатахъ лежала печать могучей силы русскаго таланта, которую школа сумѣла использовать и выявить во всей красѣ художественнаго народнаго генія.

Кустарный отдѣлъ ввѣреннаго мнѣ Министерства требовалъ немало расходовъ. Приходилось заниматься имъ вплотную и спѣшно, благодаря острому интересу, проявляемому къ нему Государыней, пожелавшей скорѣйшимъ образомъ завершить организацію Кустарнаго Комитета. Но съ теченіемъ времени, въ виду присущей Ея Величеству неврастеничности и находившаго на нее упадочнаго настроенія, ея интересъ къ кустарному начинанію сталъ замѣтно ослабѣвать, доходя подчасъ до полнаго индефферентизма.

Въ такія болѣзненныя полосы Императрица вообще избѣгала постороннихъ людей. Даже самъ А. С. Танѣевъ, наиболѣе приближенный къ Государынѣ сановникъ, въ эти періоды не находилъ возможнымъ своими докладами нарушать покой Ея Величества. Подобное положеніе вещей неминуемо должно было отразиться и на общемъ ходѣ нашихъ работъ, задержавъ на довольно длительное время окончательное оформленіе кустарныхъ организацій.

О докладахъ по этимъ дѣламъ Императрицѣ я еще упомяну въ одной изъ послѣдующихъ частей миохъ воспоминаній. Пока скажу нѣсколько словъ о другомъ также дѣятельномъ членѣ Совѣта Министра Земледѣлія — о почтенномъ семидесятилѣтнемъ Адріанѣ Викторовичѣ Праховѣ.

Человѣкъ чрезвычайно образованный, спеціализировавшійся на изученіи археологіи и музейно-художественныхъ цѣнностей, онъ служилъ намъ живой справочной энциклопедіей и былъ очень полезенъ въ дѣлѣ устройства музеевъ, въ области издательствъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ,

когда требовался совѣтъ или руководство чисто художественнаго порядка.

Послѣднимъ трудомъ Прахова для Министерства, своего рода памятникомъ его долголѣтней службы, было устройство, подъ его непосредственнымъ руководствомъ и по его собственнымъ рисункамъ, домашней церкви въ зданіи Министерства. Церковь была въ строго византійскомъ стилѣ. Особенно искусно и богато былъ изукрашенъ небольшой иконостасъ, весь покрытый мелко-кружевнымъ узоромъ.

Лично мнѣ съ Праховымъ почти не пришлось имѣть дѣла: вскорѣ послѣ вступленія моего въ должность, онъ сильно захворалъ, доктора его отправили на Крымское побережье, гдѣ я его, въ апрѣлѣ 1916 года, навѣстилъ и поздравилъ старика съ Высочайше пожалованной ему лентой Бѣлаго Орла. Черезъ мѣсяцъ его не стало.

141

Остановлюсь теперь на характеристикѣ начальствующихъ лицъ, поставленныхъ во главѣ того внѣвѣдомственнаго учрежденія, которое возникло въ связи съ образованіемъ „Особаго Совѣщанія по продовольствію".

А. В. Кривошеинъ раздѣлилъ продовольственное дѣло между двумя отдѣлами, и во главѣ каждаго поставилъ отдѣльнаго самостоятельнаго отвѣтственнаго руководителя. Я вскорѣ увидалъ, что мой предшественникъ сдѣлалъ организаціонную ошибку и попытался ее исправить и установить въ дѣлѣ продовольствія больше централизаціи и согласованности.

Пріобрѣтеніе и распредѣленіе зерновыхъ и мучныхъ продуктовъ, а также сахара, находилось въ распоряженіи Г. В. Глинки. Снабженіе мясомъ, рыбой, овощами, жирами, маслами и фуражемъ было ввѣрено члену Совѣта Сергѣю Николаевичу Ленину.

Личныя свойства этихъ двухъ лицъ вносили въ совмѣстную нашу дѣятельность немало осложненій.

Начать съ того, что Глинка и Ленинъ другъ друга не переваривали, избѣгали встрѣчъ, а тѣмъ болѣе разговоровъ. Между тѣмъ оба они служили одному общему дѣлу, которое должно было выполняться въ строго согласованномъ порядкѣ и по общему, заранѣе разработанному плану. Взаимная непріязнь моихъ помощниковъ доводила ихъ иногда до такого невмѣняемаго состоянія, что каждый изъ нихъ не стѣснялся при мнѣ выказывать злорадство въ случаяхъ допущенія его недругомъ какихъ-либо служебныхъ ошибокъ. Подобное положеніе вещей чрезвычайно тягостно отзывалось на мнѣ, на моей психикѣ и на сложномъ, грандіозномъ дѣлѣ продовольствія, которое почти цѣликомъ падало на мою голову. Я долженъ былъ среди хаоса не только разнорѣчивыхъ, но подчасъ и вовсе противорѣчивыхъ совѣтовъ моихъ ближайшихъ,

враждовавшихъ между собою, помощниковъ, самостоятельно обдумать для нихъ примирительную линію.

О Глинкѣ я уже писалъ, скажу нѣсколько словъ о С. Н. Ленинѣ. Это былъ человѣкъ непривѣтливый. Улыбки, тѣмъ болѣе, радостной, я на его лицѣ никогда не видалъ. Голосъ у Ленина былъ глухой и грубый.Говорилъ онъ то какъ бы нехотя, то съ большимъ пафосомъ. Выраженія употреблялъ чрезвычайно рѣзкія, производившія въ собраніи, особенно думскомъ, довольно внушительное впечатлѣніе. Ленинъ былъ преисполненъ необычайной самоувѣренности, чѣмъ рѣзко отличался отъ вѣчно сомнѣвавшагося въ самомъ себѣ Глинки. Самоувѣренность эта не всегда приносила пользу его сотрудникамъ и дѣлу, такъ какъ была основана не на фактахъ, а на пылкомъ воображени и самомнѣніи. Даже когда Ленинъ, по моему распоряженію, былъ отстраненъ отъ продовольственной должности, онъ, съ обычнымъ своимъ апломбомъ заявилъ, что среди моихъ подчиненныхъ онъ являлся единственнымъ вѣрнымъ и преданнымъ мнѣ человѣкомъ, который не боялся мнѣ говорить правду.

Своими докладами Ленинъ нерѣдко ставилъ меня, какъ главное отвѣтственное лицо по продовольствію, въ исключительно тяжелыя условія. Прогремѣвшая по всей странѣ исторія съ мяснымъ кризисомъ окончательно убѣдила меня въ зловредности ленинскихъ самоувѣренныхъ и недостовѣрныхъ докладовъ. Это положило предѣлъ моему долготерпѣнію.

Я назначилъ на его мѣсто обстоятельнаго, скромнаго земскаго работника Николая Александровича Мельникова, долго состоявшаго Предсѣдателемъ Казанской Губернской Земской Управы. Я воспользовался этимъ назначеніемъ, чтобы измѣнить и взаимоотношенія главныхъ служащихъ въ продовольственномъ Управленіи. То, чѣмъ завѣдывалъ Ленинъ, было передано Мельникову, котораго я подчинилъ Глинкѣ, какъ товарищу Министра, благодаря чему получилось единство управленія и отвѣтственности. Получалась согласованность и возможность нѣкоторой планомѣрности въ общей ихъ работѣ.

Не могу не коснуться дѣятельности двухъ главныхъ помощниковъ Г. В. Глинки, взятыхъ имъ изъ излюбленнаго Переселенческаго Управленія.

Всѣми зерновыми и мучными продуктами завѣдывалъ Николай Александровичъ Гавриловъ, а сахарнымъ снабженіемъ вѣдалъ Кириллъ Іосифовичъ Зайцевъ. Лучшій выборъ трудно было сдѣлать.

Гавриловъ былъ выдающимся по своимъ способностямъ и трудолюбію работникомъ. У него была свѣтлая математическая голова. Сложное дѣло снабженія онъ не только изучилъ, но и продумалъ опредѣленный планъ разраставшейся продовольственной кампаніи. Благодаря Николаю Александровичу, я могъ съ самаго начала моей министерской дѣя-

тельности быстро освоиться съ моими продовольственными обязанностями.. Я могъ твердо полагаться на Гаврилова на его планомѣрную устойчивость спокойную ровность въ работѣ острую практическую смекалку а главное на его преданность и честное ко мнѣ отношеніе.

Вообще роль и значеніе Гаврилова в ходѣ продовольственныхъ работъ я ставлю исключительно высоко. Скажу больше: если мнѣ съ честью удалось до конца моей службы исполнять возложенныя не меня обязанности по продовольствію, то этимъ я во многомъ обязанъ Гаврилову, денно и нощно безъ устали мнѣ помогавшему.

До конца моихъ дней я буду поминать добромъ неоцѣненную помощь, которая была мнѣ оказана даровитымъ Николаемъ Александровичемъ, въ періодъ, наиболѣе для меня трудной государственной дѣятельности...

Превосходнымъ работникомъ былъ и другой помощникъ Глинки — Кириллъ Іосифовичъ Зайцевъ, завѣдывавшій сахарнымъ снабженіемъ. Онъ выдѣлялся изъ остальной массы продовольственныхъ сотрудниковъ недюжинными способностями, быстрой сообразительностью, умѣньемъ излагать въ письменной и устной формѣ свои дѣловыя соображенія и заключенія. Всѣ эти качества и въ послѣреволюціонное время выдвинули его въ первые ряды бѣженскихъ зарубежныхъ интеллектуальныхъ силъ. Съ Зайцевымъ мы нерѣдко встрѣчались въ Франціи, гдѣ онъ играетъ болѣе или менѣе замѣтную роль въ качествѣ профессора въ нѣкоторыхъ заграничныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и редактора серьезной и интересной газеты „Россія и Славянство" (Издательство П. В. Струве).*

Были также помощники и у С. Н. Ленина, въ качествѣ завѣдующихъ особыми подъотдѣлами его обширнаго управленія. Фуражнымъ дѣломъ распоряжался Касьяновъ, мясомъ и прочими продуктами вѣдалъ Коваленко. Это тоже были добросовѣстные работники.

Осталось мнѣ сказать еще нѣсколько словъ относительно канцеляріи Министра Земледѣлія, которая въ общемъ ходѣ всей вѣдомственной жизни была какъ бы ея основнымъ мыслительнымъ и дѣйственнымъ центромъ, куда стекалась корреспонденція, откуда распоряженія главы вѣдомства расходились по всѣмъ разнообразнымъ отраслямъ подчиненнаго ему Министерства. Въ канцеляріи сосредоточены были сношенія Министра со всѣмъ внѣвѣдомственнымъ міромъ, начиная съ Государя Императора и кончая частными лицами.

Значительная роль выпадала на долю лицъ, стоявшихъ во главѣ этого учрежденія. Въ этомъ отношеніи мнѣ, полному новичку въ бюрократической области, посчастливилось, что

---

* Позже К. І. Зайцевъ принялъ монашество, подъ именемъ Константина. Нынѣ въ санѣ архимандрита онъ преподаетъ богословіе въ Духовной Академіи при Свято-Троицкомъ монастырѣ въ Джорданвилѣ въ США.

на должности Управляющаго Канцеляріей оказался симпатичный и даровитый Иванъ Ивановичъ Тхоржевскій. Благодаря ему, мнѣ удалось сравнительно быстро освоиться съ моимъ новымъ положеніемъ. При ближайшемъ содѣйствіи умнаго и чуткаго Ивана Ивановича я, до нѣкоторой степени, „научился быть Министромъ".

142

Условія работы моей министерской службы, въ силу присоединенія къ ней обязанностей по продовольствію, были не только исключительно тяжелыми, но и безусловно не нормальными. Дѣло не въ томъ, что за работой въ общемъ приходилось просиживать почти 18 часовъ въ сутки, а иногда и всю ночь проводить въ состояніи крайняго мозгового напряженія. Ненормальность моего министерскаго служебнаго бремени заключалась прежде всего въ „жуткой", какъ я выразился въ своей думской рѣчи 18-го февраля 1916 г., отвѣтственности передъ страной.

Размѣры продоволственнаго заданія были такъ велики, ростъ и острота продовольственныхъ потребностей такъ неудержимо увеличивались въ районахъ военныхъ дѣйствій, требуя столь срочныхъ мѣръ и распоряженій, что область эта цѣликомъ захватывала все мое вниманіе и время. Межъ тѣмъ, очередныя дѣла Министерства Земледѣлія тоже должны были идти и безотлагательно разрѣшаться. Выслушивались многочисленные доклады, происходили безконечные пріемы отдѣльныхъ лицъ и многочисленныхъ депутацій отъ земствъ, отъ разныхъ союзовъ, сельскохозяйственныхъ организацій, кустарей, овцеводовъ и всевозможныхъ объединеній, включая казачьи Кубанскія станицы, которыя поднесли мнѣ приговоръ своего войскового круга объ избраніи меня „почетнымъ старикомъ".

Совмѣстительство министерскихъ обязанностей съ должностью Предсѣдателя Особаго Продовольственнаго Совѣщанія значительно все осложняло. На пріемы являлись со всѣхъ концовъ Россіи люди, шкурно заинтересованные въ дѣлѣ продовольственныхъ и фуражныхъ поставокъ. Устраивали патетическія сцены чувствительныя помѣщицы, требующія освобожденія отъ реквизиціи ихъ „родныхъ коровушекъ". Даже самъ Владиміръ Николаевичъ Коковцовъ, въ то время уже графъ, побывалъ у Министра Земледѣлія и хлопоталъ объ избавленіи небольшого стада въ его Новгородскомъ имѣніи отъ реквизиціонной регистраціи.

Установленіе „твердыхъ" цѣнъ тоже вызвало появленіе въ моихъ служебныхъ аппартаментахъ просителей всѣхъ званій и ранговъ, донимавшихъ меня своекорыстными просьбами о предоставленіи каждому изъ нихъ тѣхъ или другихъ льготныхъ разсчетныхъ привилегій, вопреки установленнымъ Осо-

бым Совѣщаніемъ твердымъ цѣнамъ. Въ этомъ отношеніи особенно усердствовали г.г. сахарозаводчики, являвшіеся ко мнѣ и по одиночкѣ и цѣлыми депутаціями.

Долженъ не безъ горькаго чувства отмѣтить, что просители, заполнявшіе мою пріемную, производили на меня въ большинствѣ случаевъ тягостное впечатлѣніе. На фронтѣ армія проявляла подлинный героизмъ, а среди тыловыхъ обывателей, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые досаждали мнѣ своими „шкурными" просьбами, настроеніе было далеко не жертвенное и несовмѣстимое съ дѣйственнымъ патріотизмомъ. Досадно и больно бывало мнѣ выслушивать эти жалкія ламентаціи, и стыдно становилось за подобныхъ просителей. Видимо, миновали времена Мининыхъ!

Въ рѣчи, произнесенной мною въ Государственной Думѣ 18-го февраля 1916 года и касавшейся продовольственнаго положенія, я указалъ, что, наряду съ разраставшимися размѣрами закупочныхъ операцій, подъемъ патріотизма начала войны сталъ постепенно падать.

Появились, — сказалъ я, — патріоты въ кавычкахъ, пользующіеся растущей потребностью въ правительственной заготовкѣ продовольственныхъ продуктовъ для арміи, чтобы на нихъ безудержно набавлять цѣны... Наряду съ безпримѣрными подвигами нашей доблестной арміи, къ глубокому сожалѣнію, у насъ начинаетъ кое-гдѣ проявляться сѣрая, кислая, заплеснѣвелая обывательщина. На почвѣ переживаемаго сейчасъ исключительнаго времени разыгрываются всяческіе аппетиты...

Борясь съ ними, я и установилъ предѣльныя твердыя цѣны.

Пріемы производились обычно въ утренніе часы, частью въ моемъ служебномъ кабинетѣ, иногда въ общей залѣ. На пріемы эти сходилось временами столько народа, что приходилось на каждаго, хотя бы пріѣзжаго изъ дальней провинціи, удѣлять не болѣе нѣсколькихъ минутъ, что само собой должно было взаимно нервировать, какъ являвшагося къ Министру, такъ и сего послѣдняго...

Нерѣдко случалось, что за недостаткомъ времени, даже не удавалось съ каждымъ переговорить, и пріемъ ихъ откладывался до слѣдующаго раза. Для лицъ, имѣвшихъ срочную служебную необходимость, назначались дополнительные пріемы. Исключительной привилегіей пользовались члены законодательныхъ палатъ, имѣвшіе доступъ къ Министру во всякое время.

Очередные вѣдомственные доклады директоровъ департаментовъ или начальниковъ отдѣловъ ежедневно занимали не менѣе 4-5 часовъ. Много времени приходилось также удѣлять участію во всевозможныхъ засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ.

Особенно тяжелое положеніе создавалось для Министра Земледѣлія въ смыслѣ распредѣленія времени, когда открывались сессіи Законодательныхъ Палатъ. Приходилось бук-

вально разрываться на части между засѣданіями Совѣта Министровъ, Особаго Продовольственнаго Совѣщанія, всевозможныхъ комиссій, функціонировавшихъ при законодательныхъ палатахъ и, наконецъ, общими собраніями Государственной Думы и Совѣта. Не оставалось времени не только для отдыха, но и для обдумыванія своей работы.

Возьму къ примѣру краткую запись въ моемъ дневникѣ отъ 24-го марта 1916 г.: въ 1 ч. дня должно было быть мое выступленіе по ряду продовольственныхъ разъясненій въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ 2 часа дня въ Государственной Думѣ ила смѣта Министерства Земледѣлія, и въ тѣ же часы требовалось мое присутствіе на продовольственномъ совѣщаніи, экстренно собранномъ ввиду заявленія только что пріѣхавшаго изъ дѣйствующей арміи генералъ-интенданта Егорьева, о полнѣйшемъ отсутствіи мясныхъ продуктовъ на Западномъ фронтѣ. На это послѣднее совѣщаніе я послалъ своего Товарища Министра Глинку, а самъ, закончивъ утренній пріемъ докладовъ и разныхъ лицъ, отправился сначала въ Государственный Совѣтъ, затѣмъ въ Таврическій Дворецъ. Вернувшись изъ Государственной Думы къ семи часамъ вечера, я долженъ былъ спѣшить на экстренное засѣданіе Совѣта Министровъ, обсуждавшее вопросъ, близко касавшійся моей компетенціи — о поставкѣ Франціи 15 милліоновъ пудовъ зерна...

И такихъ дней въ моей министерской службѣ встрѣчалось немало! Въ своемъ дневникѣ я нерѣдко называлъ эту службу — „каторгой духа и мозга"...

При этомъ, занимаемое мною положеніе обязывало меня къ нѣкоторому представительству и соблюденію придворно-свѣтскихъ правилъ. Необходимо было представляться старшимъ членамъ Императорскаго Дома, дѣлать визиты лицамъ, занимавшимъ высшіе посты въ Имперіи, отвѣтные визиты многочисленнымъ лицамъ, которыя заѣзжали ко мнѣ по случаю моего назначенія на министерскій постъ.

Въ этомъ отношеніи меня очень выручалъ мой секретарь Загорскій, который садился въ мой автомобиль* и разъѣзжалъ по Петрограду, оставляя гдѣ нужно мои визитныя карточки. Но во многихъ случаяхъ я вынужденъ бывалъ самъ тратить долгіе часы на исполненіе визитныхъ повинностей.

143

Попутно скажу нѣсколько словъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною отъ посѣщенія нѣкоторыхъ членовъ Императорскаго Дома. Относительно же личныхъ докладовъ Ихъ Ве-

*Казеннаго автомобиля мнѣ, какъ Министру, не полагалось. Я пріобрѣлъ собственный.

личествамъ Государю Николаю Александровичу и Государынѣ Александрѣ Θеодоровнѣ я упомяну особо.

13-го ноября 1915 года былъ полученъ Высочайшій Указъ о моемъ назначеніи, а 25-го того же мѣсяца я счелъ своимъ долгомъ представиться Вдовствующей Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ въ ея обычной столичной резиденціи — Аничковомъ Дворцѣ

Встрѣченный престарѣлымъ княземъ Шервашидзе, я вскорѣ же былъ впущенъ въ кабинетъ Ея Величества, удостоившей меня чрезвычайно милостивымъ пріемомъ. Будучи, очевидно, въ курсѣ моего неудавшагося отказа отъ занятія министерской должности, она, съ чарующей улыбкой, высказала по этому поводу свое искреннее сожалѣніе, добавивъ: „Я такъ васъ понимаю!..“

Упомянувъ съ благодарностью о моей краснокрестной дѣятельности по подготовкѣ въ Самарѣ военно-санитарныхъ отрядовъ, Государыня перешла на злободневныя темы объ ужасахъ происходившей войны и страшномъ, небываломъ количествѣ человѣческихъ жертвъ и страданій. Ея разговоръ сводился, главнымъ образомъ, къ выраженію соболѣзнованія участи раненыхъ и разсказамъ объ ихъ лазаретной жизни. Ея сравнительно еще моложавое лицо, озаренное чудными глазами, выражало искреннюю и глубокую скорбь при упоминаніи о невыносимыхъ страданіяхъ раненыхъ.

Прервавъ внезапно свою рѣчь, Ея Величество придвинулась ко мнѣ и, пристально уставившись на меня полными внутренней тревоги глазами, волнующимся голосомъ спросила:

— Скажите правду — какія настроенія сейчасъ среди народныхъ массъ? Вы бываете въ провинціи и можете все это знать!...

Въ то время еще ничего угрожающаго для цѣлости государственнаго порядка не предвидѣлось, и я былъ совершенно искрененъ, когда сообщилъ Императрицѣ лишь сравнительно утѣшительныя свѣдѣнія. Ея Величество, видимо, нѣсколько успокоилась и, отпуская меня изъ своего кабинета, промолвила запечатлѣвшіяся въ моей памяти, какъ-бы пророческія слова:

— Хорошо, если все это такъ, но все же я страшно боюсь революціи!

Оказалось что чуткая сердцемъ Государыня Марія Θеодоровно предугадала грозное грядущее... Послѣднія ея слова я вспомнилъ съ особой остротой, когда, года полтора спустя пришлось мнѣ очутиться въ томъ же кабинетѣ гдѣ я былъ принятъ Ея Величествомъ но уже въ совершенно иной обстановкѣ. Въ немъ сидѣлъ мой самарскій землякъ В. Н. Башкировъ, состоявшій послѣ революцоннаго февральскаго переворота 1917 года на должности Товарища Министра въ особо созданномъ Временнымъ Правительствомъ Продовольственномъ Вѣдомствѣ, подъ которое новыми властителями отведено было все зданіе Аничкова Дворца. Предчувствія Вдовствующей Императрицы сбылись!

Представлялся я вскорѣ затѣмъ проживавшей въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ на Французской набережной Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ — вдовѣ Великаго Князя Владиміра Александровича. Сановитая, видимо, не мало пожившая, но сохранившая на своемъ полномъ, уже поблекшемъ, лицѣ черты былой породистой красоты, Великая Княгиня почему-то сосредоточила весь свой разговоръ со мной на обсужденіи продовольственныхъ вопросовъ, закончившійся совершенно неожиданно для меня тѣмъ, что Ея Высочество обратилась ко мнѣ съ просьбой также продовольственнаго свойства. Дѣло въ томъ, что на фронтахъ дѣйствовали обширныя военно-лазаретныя организаціи имени Великой Княгини Маріи Павловны, для которых Ея Высочество и имѣла въ виду получить отъ представлявшагося ей вновь назначеннаго Министра Земледѣлія, бывшаго въ то же время Министромъ продовольственнаго снабженія, нѣкоторыя существенныя для ея лазаретнаго обихода съѣдобно-питательныя блага.

Въ самой почтительной формѣ пришлось мнѣ отъ исполненія просьбы Августѣйшей хозяйки уклониться, по цѣлому ряду приведенныхъ ей вѣскихъ соображеній. Это, видимо, вызвало со стороны Великой Княгини нѣкоторое недовольство. Съ теченіемъ времени оно, однако, замѣнилось особо-милостивымъ ко мнѣ вниманіемъ, проявленнымъ Ея Императорскимъ Высочествомъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 6-го марта 1916 года Великой Княгиней былъ устроенъ великосвѣтскій благотворительный вечеръ, на который я, какъ Министръ, былъ также приглашенъ. Неотложныя дѣла заставили меня остаться дома, въ моемъ обычномъ номерѣ Европейской гостиницы. Я былъ очень занятъ, но по телефону меня неоднократно, по распоряженію Августѣйшей устроительницы, убѣждали пріѣхать на вечеръ. Я отказывался, такъ какъ не могъ оставить своихъ срочныхъ занятій.

Вдругъ, къ моему изумлѣнію, въ моемъ номерѣ появляется, состоявшій при особѣ Великой Княгини Маріи Павловны, сенаторъ Дмитрій Борисовичъ Нейдгардтъ. Извинившись за причиняемое безпокойство, онъ заявилъ, что командированъ Ея Высочествомъ спеціально съ цѣлью уговорить меня, хотя бы на самый краткій срокъ, „показаться“ на ея вечерѣ...

— Къ этому обязанъ вамъ добавить лишь одно, — разведя руками и нѣсколько сконфуженно улыбаясь, заявилъ Нейдгардтъ, — Великая Княгиня приказала мнѣ безъ васъ не возвращаться!

Пришлось бросить все, надѣть фракъ и нацѣпить звѣзду. То было начало моего „насильственнаго“ посѣщенія великокняжескаго благотворительнаго вечера, а финалъ его оказался таковъ: я былъ милостиво встрѣченъ и приглашенъ Ея Высочествомъ къ ея чайному столу, куда она прослѣдовала подъ руку со мной, несмотря на присутствіе цѣлаго сонма вы-

сокопоставленныхъ и сановныхъ звѣздъ первой величины. Для моей скромной фигуры создалось самое непредвидѣнное положеніе. Подойдя къ столу, Великая Княгиня заняла свое хозяйское мѣсто. Сзади насъ шелъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ Штюрмеръ, по праву своего высокаго ранга намѣревавшійся усѣсться рядомъ съ ней, но Ея Высочество его остановила рукой, указавъ мнѣ на сосѣднее съ ней мѣсто, а съ другой стороны посадила графа Владиміра Николаевича Коковцова, который, при видѣ происшедшей на его глазахъ сцены, нагнувшись за спиной Августѣйшей хозяйки, бросилъ мнѣ такое замѣчаніе: — Вотъ что значитъ быть моднымъ министромъ! — Этимъ онъ, очевидно, хотѣлъ намекнуть на раздававшіеся въ столичномъ обществѣ и прессѣ добрые обо мнѣ отзывы, вызванные моимъ выступленіемъ въ Государственной Думѣ 16-го февраля 1916 года.*

Слѣдствіемъ той же временной популярности, или „модности", какъ выразился Коковцовъ, явились также тѣ лестныя для меня привѣтствія, которыя пришлось мнѣ выслушать по поводу успѣха моего думскаго выступленія отъ нѣкоторыхъ Великихъ Князей — главнымъ образомъ отъ грузнаго, умнаго и образованнаго Николая Михайловича и его брата Георгія, только что вернувшагося изъ своей поѣздки въ Японію и очарованнаго государственнымъ механизмомъ этой страны, въ особенности, существованіемъ около монарха регулирующаго его дѣйствія учрежденія — „генро". Проѣхавъ весь Дальній Востокъ, Великій Князь Георгій Михайловичъ вынесъ впечатлѣніе о крайней напряженности работы мѣстныхъ общественныхъ и продовольственныхъ дѣятелей. Они нерѣдко высказывали Его Высочеству свое недовольство по поводу вредной медлительности столичныхъ властей.

Пришлось мнѣ посѣтить и третьяго ихъ брата Великаго Князя Сергѣя Михайловича, съ которымъ разговоръ все время велся вокругъ прошлыхъ моихъ работъ в Верховной Слѣдственной Комиссіи. Его Высочество поблагодарилъ меня за энергичную охрану Кавказскаго заповѣдника и охоты въ немъ, и высказалъ свои горестныя впечатлѣнія по поводу возникшаго новаго, непріятнаго, т. н. „братолюбовскаго" дѣла, которое компрометировало, до извѣстной степени, Великихъ Князей Бориса Владиміровича и, главнымъ обраомъ, Михаила Александровича.

Когда я представлялся Великому Князю Михаилу Александровичу, Его Императорское Высочество показался мнѣ по внѣшнему облику болѣзненнымъ, видимо, онъ находился въ состояніи крайней удрученности — всѣ его мысли и слова сводились къ высказанному имъ страху за будущее Россіи.

Изъ семьи „Владиміровичей" я засталъ лишь одного Великаго Князя Кирилла съ его супругой Викторіей Θеодоровной. Принятъ я былъ ими сухо-оффиціально. Разговоръ шелъ

* Текстъ этой рѣчи напечатанъ въ приложеніи.

на смѣшанномъ русско-французскомъ нарѣчіи. Великій Князь задавалъ мнѣ вопросы на русскомъ языкѣ, а Великая Княгиня говорила по-французски. Изъ ихъ Августѣйшихъ устъ раздавались общія фразы о войнѣ, русской мощи, петроградской неувѣренности и англійскихъ аппетитахъ. Впечатлѣніе вынесъ я о нихъ, какъ о людяхъ холодно-поверхностныхъ, далеко стоявшихъ отъ пульса правительственной жизни.

Сплошь и рядом я получалъ вызовы, всегда самые экстренные, да еще „по Высочайшему повелѣнію", къ милому моему сердцу, но взбалмошному старику Принцу А. П. Ольденбургскому, который меня заставлялъ часами его выслушивать о консервныхъ заготовкахъ, о значеніи для человѣческаго здоровья лимоннаго сока, о выработкѣ іода, о разведеніи кроликовъ и куръ, о способахъ уничтоженія вшей. А иногда сумбурный, но искренне увлекающійся, старикъ начиналъ читать цѣлыя лекціи о засухѣ и подборѣ растеній, ее выдерживающихъ... Въ послѣднее время я, вмѣсто себя, посылалъ къ нему С. Н. Ленина, с которым Принцъ сразу же поладилъ, видимо, сойдясь с нимъ на общей почвѣ самаго рьянаго фантазерства.

Несмотря на всю крайнюю напряженность моей министерской дѣятельности, я не могъ избѣгать оффиціальныхъ церемоніаловъ, званыхъ обѣдовъ и пріемовъ, которые происходили у премьра Горемыкина, потомъ Штюрмера, то у Министровъ: Сазонова, Барка и, чаще всего, у Трепова. Наиболѣе тонкіе въ гастрономическомъ отношеніи и парадно-изысканные, въ смыслѣ сервировки и обстановки, обѣды бывали у нашего Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Сазонова.

Изъ всѣхъ этихъ оффиціальныхъ трапезъ наиболѣе живо вспоминается мнѣ обѣдъ, устроенный 13-го мая 1916 года Предсѣдателем Совѣта Министровъ Штюрмеромъ. Для всѣхъ его участниковъ осталось совершенно непонятнымъ, по поводу чего и с какой цѣлью онъ былъ данъ.

Самый фактъ созыва многочисленныхъ гостей и гастрономическое обиліе всяческихъ дорогихъ яствъ и питей показались приглашеннымъ тогда лицамъ высшимъ проявленіемъ безтактности, въ силу полнѣйшаго несоотвѣтствія устроеннаго Штюрмеромъ лукулловскаго пиршества съ настроеніями военнаго времени и, тѣмъ болѣе, съ положеніемъ продовольственнаго столичнаго рынка, о которомъ въ то время высказывалось немало основательныхъ опасеній. Мнѣ, какъ Министру Продовольствія, пришлось въ тотъ же вечеръ, послѣ сытнаго премьерскаго банкета, давать его участникамъ нѣкоторыя поясненія по поводу продовольственныхъ затрудненій.

Не могу не разсказать еще нѣкоторыхъ подробностей этого памятнаго для меня штюрмеровскаго угощенія. Въ роскошномъ, еще Сипягинымъ отдѣланномъ, казенномъ помѣщеніи на Фонтанкѣ, въ помѣстительной круглой залѣ съ художественно выложеннымъ мозаично-паркетнымъ поломъ, среди кущъ разбросанныхъ вдоль стѣнъ тропическихъ расте-

ній, въ центрѣ былъ расположенъ грандіозныхъ размѣровъ, тоже круглый обѣденный столъ, богато сервированный и въ буквальномъ смыслѣ этого слова, ломившійся подъ тяжестью разставленнаго на немъ „до неприличія” изобильнаго количества всяческихъ самыхъ изысканныхъ закусокъ. Одной зернистой икры виднѣлись цѣлыя горы, чернѣвшія въ сверкающихъ граненымъ хрусталемъ объемистыхъ вазахъ. Между ними лежали во всей своей янтарной красотѣ цѣльныя рыбины лучшихъ россійскихъ балыковъ, вперемежку съ краснѣвшими въ видѣ яркихъ пятенъ на бѣлоснѣжной скатерти громадными заморскими лангустами и омарами. Не только я одинъ, но и всѣ, пришедшіе къ премьеру на званый обѣдъ, были до невѣроятія ошеломлены, при видѣ заготовленнаго для нихъ несвоевременнаго пиршества...

Усѣвшись же на свои мѣста и очутившись вплотную ко всей наставленной передъ нами гастрономической роскоши, гости, какъ мнѣ многіе изъ нихъ потомъ откровенно признавались, испытывали чувство неловкости, даже нѣкотораго рода стыда... Надо сказать, что къ Штюрмеру были приглашены не иностранцы, которымъ, можетъ быть, и полагалось временами „пускать пыль въ глаза”, а люди все свои — русскіе, Министры, или члены Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Они изо дня въ день живо обсуждали вопросы, связанные съ дѣломъ снабженія арміи и тыла, сплошь и рядомъ высказываясь за всеобщую бережливость въ жизни, за экономію въ расходованіи продовольственныхъ запасовъ... И вотъ, вдругъ — передъ ихъ глазами, въ квартирѣ главнѣйшаго руководителя политики Имперіи, происходитъ что-то совершенно несуразное, находящееся въ полномъ противорѣчіи со всѣмъ тономъ русской дѣловой жизни. У званыхъ Штюрмеромъ гостей создалось далеко не то впечатлѣніе, на которое этотъ бывшій церемоніальныхъ дѣлъ мастеръ, видимо, разсчитывалъ...

Меня посадили между Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта А. Н. Куломзинымъ и однимъ изъ лидеровъ правой фракціи Государственной Думы, острымъ, нервнымъ, страшно подвижнымъ и скороговорящимъ Владиміромъ Митрофановичемъ Пуришкевичемъ. Не успѣлъ онъ усѣсться около меня, какъ уже замоталъ своей голой головой, нервно заморгалъ небольшими воспаленными глазками и довольно громко, крикливымъ голосомъ, воскликнулъ, показывая костлявою рукой на высившіяся передъ нимъ груды всякой закусочной снѣди:

— Что это?! Реклама россійскаго продовольственнаго благополучія?! Зачѣмъ же тогда копья ломать изъ страха грядущаго голода,!..

А когда, одновременно съ пышной кулебякой и янтарной ухой, торжественно, по-придворному, разодѣтая прислуга стала разносить и разливать шампанское, обычно спокойный и уравновѣшенный Куломзинъ не выдержалъ и на ухо мнѣ промолвилъ:

— Долженъ вамъ сознаться, что все это пиршество мнѣ поперекъ горла встаетъ — не ко времени оно и не по карману... Не могу понять, для чего вся эта шумиха?!

Завершилась эта гастрономическая „шумиха”, по крайней мѣрѣ, для меня, совершенно неожиданнымъ образомъ. По окончаніи обѣда, за которымъ никакихъ тостовъ не было произнесено, всѣ его участники были приглашены спуститься въ обширный, расположенный въ нижнемъ этажѣ, кабинетъ, гдѣ было предложено кофе. Размѣстившись отдѣльными группами, съ чашками въ рукахъ, Штюрмеровскіе гости принялись между собой мирно бесѣдовать. Я вынужденъ былъ спѣшить домой, гдѣ меня ожидали все тѣ же срочныя продовольственныя дѣла. Не успѣлъ я подойти проститься къ хозяину, переходившему отъ одной группы къ другой, какъ онъ вдругъ во всеуслышаніе заявляетъ:

Господа! воспользуемся случаемъ, что среди насъ находится Министръ Земледѣлія и спросимъ его, какъ нынѣ обстоитъ все продовольственное дѣло въ странѣ, въ частности, — в нашей сѣверной столицѣ. Вопросъ злободневный, всѣхъ насъ глубоко волнующій!.. Дорогой Александръ Николаевичъ, не откажите удовлетворить наше любопытство!

Услышавъ подобный неумѣстный, какъ мнѣ показалось, хозяйскій призывъ, походившій скорѣе на своего рода вызовъ, я былъ имъ сильно возмущенъ. Во-первыхъ, потому, что о продовольственномъ положеніи всѣмъ присутствовавшимъ было и безъ того достаточно хорошо извѣстно, благодаря моимъ же неоднократнымъ выступленіямъ и разъясненіямъ. Во-вторыхъ, мнѣ положительно претило говорить о серьезныхъ продовольственныхъ затрудненіяхъ, въ обстановкѣ, гдѣ гости собрались сладко и мирно кейфовать послѣ сверхъобильнаго угощенія.

— Что, не ожидали? — густымъ баскомъ спросилъ, видимо, тоже озадаченный финаломъ Штюрмеровскаго пиршества Предсѣдатель Государственной Думы Михаилъ Владиміровичъ Родзянко.

Въ моей головѣ вдругъ мелькнула мысль: не имѣлъ ли въ виду всячески подкапывавшійся подъ меня тупой, но лукавый Штюрмеръ своимъ внезапнымъ запросомъ поймать меня врасплохъ и поставить нежелательнаго ему Министра въ явно затруднительное положеніе передъ избраннымъ обществомъ? Подъ вліяніемъ моего вообще недружелюбнаго чувства къ личности хозяина, съ языка моего сорвался озорной отвѣтъ, который многихъ изъ присутствовашихъ потѣшилъ,

— Послѣ вашего лукулловскаго угощенія, — сказалъ я стоявшему передо мной, какъ истуканъ, Штюрмеру, — страннымъ представляется мнѣ ваше любопытство относительно продовольственнаго положенія нашей столицы. Все то, что мы сейчасъ видѣли на вашемъ обѣденномъ столѣ — не есть ли лучшее доказательство полнаго благополучія нашей родины?!..

Среди присутствовавшихъ произошло нѣкоторое замѣшательство. Послышался смѣхъ. Раздались возгласы одобренія, и, въ концѣ концовъ, большинство находившихся въ кабинетѣ стало выражать мнѣ явное сочувствіе.

Былъ моментъ, когда я рѣшилъ этимъ лишь ограничиться и отправиться домой. Самъ Штюрмеръ, послѣ моей реплики, видимо, растерялся, почему-то надѣлъ на свою мясистую рыжую физіономію роговые очки и сталъ вокругъ себя растерянно оглядываться, какъ бы ища помощи.

Въ этотъ моментъ подходитъ вдругъ къ нему Коковцовъ и, сказав ему что-то на ухо, къ немалому моему изумлѣнію, заявляетъ, что онъ вполнѣ присоединяется къ мысли хозяина и былъ бы, со своей стороны, признателенъ, если бы я освѣтилъ нѣкоторые продовольственные вопросы. При этомъ графъ Владиміръ Николаевичъ, расположившись противъ меня на мягкомъ креслѣ и не давъ мнѣ что-либо ему отвѣтить, принялся по своему обыкновенію пространно и долго разглагольствовать на тему продовольственнаго снабженія.

Слушая его длиннѣйшія умствованія, въ нѣкоторомъ родѣ, даже нравоученія, я понялъ, что придется перейти на серьезно-дѣловой тонъ, тѣмъ болѣе, что Коковцовъ, умышленно или невзначай, но затронулъ мое дѣловое самолюбіе, упрекнувъ меня, что я, отвѣтственный руководитель организаціи продовольствія во всей Имперіи, игнорирую тѣ огромные зерновые запасы, которые лежатъ безъ употребленія въ обширныхъ сибирскихъ и средне-азіатскихъ районахъ...

Тутъ я не выдержалъ и рѣзко остановилъ Коковцова немало смутившимъ его замѣчаніемъ:

— Кто же въ этомъ виноватъ, какъ не вы сами, графъ! Если бы вы, въ свое время, рѣшительно поддержали финансированіе хотя бы того желѣзнодорожнаго пути, который проектировался для присоединенія к общей россійской сѣти обширной и плодоносной Акмолинской области, вашъ упрекъ продовольственному вѣдомству не имѣлъ бы нынѣ мѣста, и тѣ 300 милліоновъ пудовъ пшеницы, которые въ данное время гніютъ въ упомянутой области, сдѣлались бы достояніемъ потребителей Европейской Россіи...

Графъ Владиміръ Николаевичъ густо покраснѣлъ, посмотрѣлъ на часы и вскорѣ удалился, надолго сохранивъ противъ меня „зубъ".

А мнѣ пришлось продолжать мои продовольственныя разъясненія въ отвѣтъ на рядъ вопросовъ, которые мнѣ задавались со всѣхъ сторонъ, съ нелегкой руки Коковцова, послѣ его ухода. Затянувшуюся нашу бесѣду я закончилъ при общемъ одобреніи многочисленными слушателями моихъ основныхъ выводовъ. Они сводились къ необходимости упорядочить весь имперскій транспортъ и установить въ странѣ сильную объединяющую власть... Разставаясь со своей случайно образовавшейся аудиторіей, я посовѣтовалъ всѣмъ русскимъ людямъ другъ другу посильно помогать и „духа не угашать".

144

Хочу теперь также описать банкетъ, запечатлѣвшійся въ моей памяти, не столько въ силу многолюдства и торжественности его обстановки, а скорѣе, благодаря одному привходящему обстоятельству, которое довольно характерно выявило нѣкоторыя своеобразныя стороны франко-русскихъ симпатій...

3-го мая 1916 года, по случаю пребыванія въ Петроградѣ французскаго премьера Вивіани и Министра Снабженія Альбера Тома, Совѣтъ Министровъ и члены обѣихъ законодательныхъ палатъ организовали у Контана торжественный банкетъ. Его устроители имѣли въ виду не только чествовать пріѣзжихъ представителей правительства дружественной державы, но и отмѣтить исполнившееся 25-тилѣтіе существованія франко-русскаго союза.

Въ обширной, ослѣпительно залитой свѣтомъ и красивой декорированной растеніями залѣ, за параллельно разставленными обѣденными столами, размѣстились многочисленные участники банкета, съ французскими гостями, посаженными на центральномъ мѣстѣ. Угощеніе, начиная съ всевозможныхъ закусокъ и кончая изысканнымъ и обильнымъ меню, отличалось обычнымъ русскимъ хлѣбосольствомъ и непревзойденной гастрономической утонченностью извѣстнаго Контана. Наконецъ, появилось шампанское. Полились рѣчи — привѣтственныя и отвѣтныя. Пріятно и небезъинтересно было послушать признаннаго у себя на родинѣ за мастера слова — симпатичнаго по виду Вивіани, но особеннымъ блескомъ краснорѣчія отличился членъ Государственной Думы Василій Алексѣевичъ Маклаковъ, вызвавшій во всѣхъ насъ необыкновенно приподнятое настроеніе, закрѣпившееся поразительнымъ по красотѣ и силѣ неожиданнымъ выступленіемъ знаменитаго Шаляпина. Геніальный пѣвецъ сталъ на эстраду, и подъ аккомпаниментъ рояля съ необычайнымъ воодушевленіемъ исполнилъ французскій національный гимнъ — звучную Марсельезу, которую ему, по шумному и единодушному требованію зачарованныхъ его пѣніемъ слушателей пришлось не разъ повторить

Подъ впечатлѣніемъ талантливыхъ рѣчей и увлекательнаго Шаляпинскаго пѣнія всѣхъ присутствовавшихъ охватилъ восторженный подъемъ, завершившійся самымъ искреннимъ и пылкимъ дружественнымъ братаньемъ русскихъ хозяевъ съ французскими гостями.

Въ разгаръ такого настроенія, я вдругъ почувствовалъ прикосновеніе чьей-то сильной руки. Ко мнѣ подошелъ и видимо хотѣлъ меня обнять сіявшій и раскраснѣвшійся подъ

вліяніемъ общихъ патріотическихъ восторговъ — Вивіани.

— Какъ все это хорошо! Какая сила чувств у русскаго народа! — промолвилъ французскій премьеръ.

Взявъ затѣмъ меня подъ руку, онъ пошелъ со мной къ выходу. Банкетъ кончался, и гости уже стали покидать залу. Вивіани вдругъ пріостановился и все съ тою же широко сіяющей улыбкой задалъ мнѣ неожиданный вопросъ, заставившій меня сразу забыть всѣ чары, навѣянныя банкетомъ:

— Ну, а какъ же ваше превосходительство, насчетъ пшеничныхъ цѣнъ? — спросилъ меня французскій гость — Неужели такъ и не уступите пять копѣекъ съ пуда? Прошу васъ, пойдите намъ навстрѣчу и согласитесь въ концѣ концовъ на нашу просьбу!..

Я никакъ не ожидалъ такого заключенія нашего франко-русскаго братанья. Впечатлѣніе оно на меня произвело самое убійственное. Я отвѣтилъ французскому премьеру, что вести при данной обстановкѣ серьезно-дѣловые разговоры представляется для меня крайне затруднительнымъ. Во всякомъ случаѣ, мѣнять мною установленныя цѣны на пшеницу я ни въ коемъ случаѣ не намѣренъ.

— Я не хлѣбный торгашъ и спекулянтъ, — какъ русскій Министръ, я уступаю Франціи значительную партію зерна, въ которомъ мы сами остро сейчасъ нуждаемся. Русское правительство вамъ назначило справедливую цѣну по себѣстоимости. Никакой прибыли оно отъ васъ не получаетъ и торговаться не намѣрено.

При этихъ словахъ рука Вивіани меня покинула, привѣтливость замѣнилась холодкомъ. Мы разстались и больше никогда не встрѣчались.

Вотъ чѣмъ для меня разрѣшилась накаленная талантливыми выступленіями русскихъ краснорѣчивыхъ ораторовъ и геніальныхъ артистовъ атмосфера франко-русскаго любвеобильнаго братанія.

Хочу нѣсколько пояснить происхожденіе приведеннаго выше діалога нашего съ Вивіани — діалога, столь рѣзко нарушившаго банкетную восторженность. Я уже говорилъ о продовольственныхъ заказахъ, которые были произведены въ январѣ 1916 года англійскимъ и французскимъ послами черезъ посредство С. Д. Сазонова и о которыхъ я только позже узналъ непосредственно отъ Государя Императора. Какъ извѣстно читателю этихъ мемуаровъ, я смогъ удовлетворить просьбу Франціи и Англіи только лишь въ размѣрѣ 15 милліоновъ пудовъ пшеницы. Эта партія была мною перевезена весной съ волжскаго судоходнаго бассейна въ архангельскій портъ, для отправки ея далѣе во Францію. Цѣна этой пшеницы франко-Архангельскъ) по себестоимости получилась въ 2 р. 35 коп., являясь не только справедливо обоснованной, но въ условіяхъ того времени — болѣе чѣмъ умѣренной. Межъ тѣмъ, пріѣхавшіе въ маѣ 1916 года въ Петроградъ Вивіани и А. Тома, вмѣсто благодарности за отпускъ имъ зерна, изъ-за транспортныхъ затрудненій съ натяжкой добываемаго въ самой Россіи, принялись первымъ долгомъ торговаться, настойчиво прося сбавить „пятачекъ" съ пуда. Сначала они дѣйствовали черезъ Г. В. Глинку, а затѣмъ обращались лично ко мнѣ, но неизмѣнно получали отказъ. Неоднократно приходилось имъ давать понять, что Продовольственное Вѣдомство не можетъ произвольно повышать или сбавлять цѣны. Все-таки представитель французскаго правительства попытался, подъ шумокъ дружественныхъ тостовъ, уговорить русскаго министра „скинуть пятачекъ"...

Ставка Вивіани была проиграна. Но долженъ оговориться, что подобный оборотъ дѣла произошелъ лишь въ тотъ описанный моментъ. Затѣмъ французскіе гости уѣхали домой, пшеничная 15-тимилліонная партія отплыла по назначенію... Вскорѣ и я пересталъ быть Министромъ.

Разразилась дикая революція. Немало нашего брата — „бывшихъ людей" — очутилось въ эмиграціи. И вотъ, въ 1921 году, случайно встрѣтившись въ Парижѣ съ Глинкой, бывшимъ своимъ помоникомъ по продовольствію, я увидалъ въ его петличкѣ скромную розетку Почетнаго Легіона высокой степени. Это былъ знакъ признательности французскаго правительства за допущенную послѣ моего ухода изъ министровъ „пятачковую" уступку!

145

Этимъ я закончу бѣглый очеркъ всего того, что такъ или иначе могло быть подведено подъ понятіе „условій" моей министерской службы, которыя я въ самомъ началѣ предшествующаго отдѣла моего повѣствованія назвалъ не только тяжелыми, но и до нѣкоторой степени „ненормальными", и которыя, конечно, отражались на моей личной и семейной жизни.

По вступленіи моемъ въ должность Министра, я ни своему частному дѣлу, ни семьѣ, ни себѣ самому болѣе не принадлежалъ... Все — и время, и помыслы были поглощены служебными обязанностями, моя же собственная жизнь была силою вещей отброшена на задній планъ.

Просматривая свои повседневныя записи за время моей министерской службы, я со всей остротой вспоминаю тотъ тяжкій путь, который пришлось мнѣ продѣлать, лишившись своего родного угла, семьи, хозяйства и природнаго приволья... Безысходная тоска по всему этому — близкому и привычному — вотъ то, что красной нитью проходитъ въ этихъ замѣткахъ въ періодъ министерской страды. Недаромъ на страничкѣ моего дневника, помѣченной 28-мъ іюня 1916 года, большими буквами вписаны и подчеркнуты знаменательныя слова: „Отнынѣ не министръ — слава Господу"...

146

Въ апрѣлѣ 1916 года, иначе говоря, на шестомъ мѣсяцѣ моей министерской дѣятельности, я предпринялъ, съ соизволенія Его Величества двѣ поѣздки — сначала въ Самару, а затѣмъ на югъ, въ Таврическую губернію.

Стремясь на Пасху свидѣться со всѣми своими семейными, включая мою старушку мать, я выѣхалъ, 4-го апрѣля 1916 года, совмѣстно съ женой и дочерью Маріей, изъ Петрограда въ Самару. Мы остановились на день въ Москвѣ, гдѣ мнѣ необходимо было переговорить съ нѣкоторыми моими продовольственными агентами. Въ ихъ число входили въ провинціи всѣ годные для отправленія продовольственныхъ обязанностей. Губернаторы, градоначальники, мѣстные представители Министерства Земледѣлія и другихъ вѣдомствъ, предсѣдатели Земскихъ Управъ и частные люди всевозможныхъ профессій — всѣ они привлекались тогда на общую героическую работу по заготовкѣ, храненію и распредѣленію продовольственныхъ запасовъ для нуждъ арміи и тыла.

Въ Москвѣ меня встрѣтили мои многочисленные сотрудники, среди которыхъ находились: градоначальникъ генералъ Шебеко, съ его помощникомъ Барковымъ, инспекторъ по сельскому хозяйству М. С. Карповъ, предсѣдатель Московской Губернской Земской Управы А. Е. Грузиновъ и глава Московско-Казанской желѣзной дороги Н. К. фонъ-Меккъ, оказавшій мнѣ въ то время огромныя услуги.

Для прокормленія нашей дѣйствующей арміи, растянувшейся по всей западной границѣ Европейской Россіи, требовалось колоссальное количество мясного продукта. Довольствоваться однимъ свѣже-убойнымъ мясомъ, доставлявшимся изъ ближайшихъ районовъ Европейской Россіи, было нельзя. Необходимо было использовать и сибирскій скотъ. При вступленіи моемъ на министерскій постъ, не было никакихъ приспособленій для предохраненія отъ порчи мясныхъ тушъ, доставлявшихся изъ дальнихъ зауральскихъ мѣстъ на фронтовые распредѣлительные пункты — ни холодильныхъ складовъ, ни вагоновъ не было заготовлено.

Съ первыхъ же шаговъ моего ознакомленія съ постановкой государственнаго продовольственнаго снабженія, я увидалъ, что въ отношеніи мясного питанія безъ широкой организаціи холодильнаго дѣла обойтись немыслимо. При моемъ предшественникѣ Кривошеинѣ рѣчь о холодильникахъ заходила неоднократно, но дѣло дальше обсужденій въ комиссіяхъ не пошло. Сибирскій мясной цѣннѣйшій продуктъ при перевозкѣ продолжалъ гнить, а странѣ грозилъ мясной кризисъ.

Вотъ въ это именно время пришелъ мнѣ на помощь Николай Карловичъ фонъ-Меккъ. Онъ сразу же предоставилъ въ мое распоряженіе превосходно оборудованные желѣзнодорожные холодильники при Московской станціи и на нѣкоторыхъ другихъ узловыхъ центрахъ Московско-Казанской желѣзной дороги. Въ нѣсколько мѣсяцевъ Николай Карловичъ соорудилъ для Продовольственнаго Вѣдомства болѣе двадцати холодильниковъ въ наиболѣе важныхъ пунктахъ желѣзнодорожныхъ магистралей, соединявшихъ сибирскіе районы съ центральными и фронтовыми мѣстностями Европейской Россіи.

Николай Карловичъ былъ типичнымъ дѣльцомъ „американской" складки — рѣшительнымъ и разсчетливымъ. Ранѣе я его встрѣчалъ въ Москвѣ, въ семьѣ моего тестя, съ которымъ Меккъ очень дружилъ. Въ бытность мою Министромъ, я вспомнилъ о немъ, какъ о надежномъ практикѣ. Срочно вызвавъ его въ Петроградъ, объяснилъ всю остроту создавшагося положенія и попросилъ его своимъ опытомъ и энергіей оказать Россіи и арміи серьезную услугу. Николай Карловичъ меня выслушалъ, сказалъ — „дайте подумать" — и уѣхалъ къ себѣ въ Москву, откуда дня черезъ два я получилъ лаконическую телеграмму: „Согласенъ".

Выборъ мой оказался правильнымъ: благодаря этому выдающемуся дѣльцу, мясное продовольственное дѣло, поскольку оно связано было съ перевозкой, быстро было коренным образомъ упорядочено. Одновременно желѣзнодорожныя мастерскія стали выпускать значительное количество холодильныхъ вагоновъ. Нѣкоторые узлы дали до двадцати вагоновъ.

Пріѣхавъ 5-го апрѣля въ Москву, я тотчасъ же устроилъ въ отведенномъ мнѣ вокзальномъ аппартаментѣ продовольственное совѣщаніе съ встрѣтившими меня сотрудниками. Потомъ мы съ Меккомъ поѣхали осматривать уступленный имъ Вѣдомству Продовольствія желѣзнодорожный холодильникъ, попутно посѣтивъ и принадлежавшій нѣсколькимъ компаньонамъ - англичанамъ холодильникъ „Уніонъ".

Холодильникъ этотъ служилъ мѣстомъ склада мясныхъ тушъ, но только склада, а не храненія. Результаты использованія услугъ „Уніона" оказывались столь печальными, что объ этомъ учрежденіи москвичи не иначе отзывались, какъ о „скотскомъ кладбищѣ". И я изъ осмотра вынесъ самое отрицательное впечатлѣніе. Зато Мекковское холодильное хозяйство поразило меня своимъ благоустройствомъ, чистотой, дисциплиной и образцовымъ порядкомъ.

Но стоявшій около поѣздъ съ неразгруженнымъ сибирскимъ замороженнымъ мясомъ меня смутилъ. Меккъ, давая свои поясненія цѣликомъ винилъ Командующаго Московскимъ Военнымъ Округомъ генерала Мрозовскаго, упорно отказывавшагося разрѣшить нижнимъ воинскимъ чинамъ разгрузку мясныхъ поѣздовъ. Я рѣшилъ тогда же лично заѣхать къ Командующему Округомъ, съ цѣлью срочно устранить возникшія недоразумѣнія, приносившія значительный ущербъ всему ходу мясного снабженія.

Генералъ Мрозовскій принялъ меня сухо-оффиціально.

На мой вопросъ, почему онъ не даетъ въ распоряженіе московскихъ продовольственныхъ властей нижнихъ чиновъ для выгрузки изъ поѣздовъ въ холодильники мясныхъ тушъ, онъ недовольнымъ тономъ мнѣ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, нижніе воинскіе чины призваны на службу лишь для отправленія прямыхъ своихъ обязанностей, и ни въ коемъ случаѣ не должны исполнять постороннихъ работъ, воинскимъ уставомъ не предусмотрѣнныхъ. На это я возразилъ, что поступавшій въ московскій холодильникъ мясной запасъ предназначался, прежде всего для продовольствія войскъ ему же ввѣреннаго округа. Поэтому, за отсутствіемъ вольнонаемныхъ рабочихъ, моя мѣстная агентура вправѣ была обратиться за помощью именно къ нему, какъ высшему представителю военнаго командованія.

— Надѣюсь, — закончилъ я свое обращеніе къ генералу — на благоразуміе вашего высокопревосходительства и безотлагательное мнѣ содѣйствіе.

Мрозовскій, вмѣсто отвѣта, что-то про себя промычалъ, видимо оставаясь при прежнемъ своемъ рѣшеніи. Тогда я всталъ и объявилъ генералу, что въ качествѣ предсѣдателя Особаго Продовольственнаго Совѣщанія и въ силу присущихъ этой должности полномочій, я не только обращаюсь къ нему съ просьбой, но предъявляю къ нему требованіе о немедленномъ назначеніи нарядовъ нижнихъ воинскихъ чиновъ въ распоряженіе московскихъ продовольственныхъ властей, для исполненія срочныхъ работъ по разгрузкѣ мясныхъ поѣздовъ. Посмотрѣвъ на часы, я предупредилъ Мрозовскаго, что, если черезъ три часа послѣ нашего съ нимъ свиданія, мое требованіе останется неисполненнымъ, о его дѣйствіяхъ будетъ мною доведено до свѣдѣнія Государя. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, вечеромъ того же дня, я, къ немалому своему удовлетворенію, узналъ, что Мрозовскій, въ концѣ концовъ, сдался и нижніе чины приступили къ разгрузкѣ мясныхъ поѣздовъ. Съ тѣхъ поръ холодильники стали работать полнымъ ходомъ, давая возможность сохранять цѣнный питательный продуктъ и правильно его распредѣлять.

Не могу не отмѣтить, что сотрудничество мое съ Меккомъ было встрѣчено нѣкоторой частью русской прессы, со скворцовскимъ черносотеннымъ „Колоколомъ" во главѣ, чрезвычайно враждебно. Меня въ громовыхъ статьяхъ обличали въ сношеніяхъ съ нѣмцами, въ лицѣ „фонъ-Мекковъ". Одновременно, я получалъ доносы,имѣвшіе цѣлью всячески дискредитировать въ моихъ глазахъ Николая Карловича. Ко всему этому присоединилось недовольство дѣйствіями Мекка со стороны представителей Желѣзнодорожнаго Вѣдомства и даже моихъ собственныхъ сотрудниковъ.

Выдающаяся кипучая энергія, съ которой Николай Карловичъ доводилъ до конца начатыя имъ дѣла, и нѣсколько рѣзкая властность въ распоряженіяхъ — вотъ что вызывало неприязнь среди лицъ, которыя, не состоя у него на службѣ, были обязаны подчиняться ему, какъ моему довѣренному агенту.

Несмотря ни на что, я крѣпко держался сотрудничества съ Меккомъ, который оказалъ существенную помощь въ дѣлѣ упорядоченія мясного продовольствія. Не разъ приходилось мнѣ брать его подъ свою защиту противъ всѣхъ голословныхъ обвиненій, сводившихся къ тому, что позже, на большевистскомъ жаргонѣ, стало называться „вредительствомъ"... По странной ироніи судьбы, бѣдный Меккъ, заподозрѣнный въ подобномъ вредительствѣ большевиками, былъ ими безжалостно разстрѣлянъ.

Изъ Москвы въ Самару, куда я ѣхалъ съ женой и дочерью Маріей, насъ взялся сопровождать самъ хозяинъ Московско-Рязанской желѣзнодорожной линіи, Н. К. фонъ-Меккъ, съ которымъ мы дорогой вели дѣловые продовольственные разговоры. Онъ предложилъ нашей семнадцатилѣтней дочкѣ проѣхать вмѣстѣ съ нимъ одинъ перегонъ на паровозѣ. Само собой, наша жизнерадостная Манечка приняла это необычное приглашеніе съ восторгомъ, и отъ Коломны до Рязани, поддерживаемая Меккомъ, пронеслась она на качающемся паровозѣ, со скоростью 90 верстъ въ часъ.

6-го апрѣля я очутился въ своемъ родномъ самарскомъ домѣ, среди всѣхъ моихъ семейныхъ. Шла Страстная недѣля. Я разсчитывалъ эти великіе и святые дни провести среди близкой родни, въ молитвенной тиши и возможно полномъ душевномъ отдыхѣ. Но надеждамъ моимъ не суждено было осуществиться. Съ перваго же дня появленія моего въ Самарѣ, со всѣхъ сторонъ нашего Поволжья, стали досаждать мнѣ многочисленные представители администраціи и общественности, предъявляя рядъ вопросовъ, главнымъ образомъ, относительно мясныхъ заготовокъ.

Наканунѣ моего выѣзда изъ Петрограда состоялись постановленія Особаго Продовольственнаго Совѣщанія, близко затронувшія интересы какъ потребителей, такъ и поставщиковъ мяса. Установленный Особымъ Совѣщаніемъ рядъ запретительныхъ мѣръ вызывалъ на практикѣ немало недоразумѣній, требовавшихъ срочныхъ разъясненій и рѣшеній. Всѣмъ этимъ и суждено было мнѣ заняться, почти одному, безъ привычныхъ моихъ помощниковъ, оставшихся въ столицѣ. Долженъ, впрочемъ, оговориться, что самарскій Губернаторъ Станкевичъ и мѣстный представитель Министерства Земледѣлія князь Владиміръ Ивановичъ Сумбатовъ оказывали мнѣ серьезныя услуги и существенную помощь. Даже первый день Пасхи — и тотъ начался не въ праздничной обстановкѣ, такъ какъ надо было принять пріѣхавшихъ изъ Пензы земцевъ, во главѣ съ ихъ предсѣдателемъ Губернской Управы, княземъ Кугушевымъ, и все утро пробесѣдовать съ ними относительно установленія порядка закупки скота.

Почти ежедневныя засѣданія, пріемы, посѣщенія должно-

стныхъ лицъ и просто визиты отвлекали меня отъ родной домашней среды.

Погода стояла въ Самарѣ превосходная — весна была исключительно теплая и ранняя. 12-го апрѣля на Волгѣ уже появились первые пароходы. Не хотѣлось уходить съ любимаго балкона, съ котораго открывался чарующій видъ на родную даль, на Жигули, на могучій волжскій просторъ.

Въ четвергъ на Пасхальной недѣлѣ пришлось мнѣ съ великой грустью разстаться съ моимъ домашнимъ уютомъ, съ дорогой дряхлѣющей матерью и милыми дѣтками.

В поѣздѣ я глазъ не сводилъ съ мелькавшихъ передъ вагонными окнами весеннихъ полей и освободившихся изъ подъ снѣжнаго покрова озимыхъ всходовъ, превосходное состояніе которыхъ, отъ Волги и до самой Москвы, радовало мое, уже не столько хозяйственное, сколько если можно такъ выразиться „министерско-продовольственное" сердце.

Въ Петроградѣ я пробылъ всего трое сутокъ, изъ которыхъ одинъ день у меня ушелъ на докладъ Государю въ Царскомъ.

Съ разрѣшенія Его Величества, 19-го апрѣля я выѣхалъ на югъ Россіи, задавшись цѣлью лично ознакомиться съ положеніемъ посѣвно-продовольственнаго дѣла, и помимо этого, съ соизволенія обѣихъ Императрицъ, произвести осмотръ двухъ военныхъ госпиталей, сооруженныхъ по иниціативѣ Ихъ Величествъ на Крымскомъ побережьѣ.

Къ моей поѣздкѣ на югъ было также пріурочено освященіе „Мисхорской Санаторіи имени Статсъ-Секретаря Кривошеина", выстроенной и оборудованной на средства, собранныя Главнымъ Комитетомъ помощи призваннымъ на войну чинамъ Министерства Земледѣлія и ихъ семействамъ.

Со мной собралась проѣхаться в благодатный Крымъ жена, успѣвшая кончить въ Москвѣ всѣ необходимые переговоры по устройству нашей бѣдной больной Пашеньки въ санаторію. На вокзалѣ сошлись насъ проводить старшіе чины моего Министерства. Одинъ изъ нихъ, Директоръ Департамента Государственныхъ Земельныхъ Имуществъ, П. Н. Зубовскій, былъ мною приглашенъ для совмѣстной нашей поѣздки, какъ лицо, оказавшее въ качествѣ предсѣдателя Главнаго Комитета, выдающіяся услуги по сбору средствъ на сооруженіе Мисхорской санаторіи.

Умный и скромный Петръ Павловичъ оказался рѣдко-пріятнымъ спутникомъ и полезнымъ собесѣдникомъ. По мѣрѣ нашего продвиженія съ сѣвера на югъ, черезъ обширную и разнохарактерную страну, онъ давалъ мнѣ рядъ цѣнныхъ и интересныхъ справокъ по вопросамъ, касавшимся ввѣреннаго мнѣ Министерства. Помимо этого, Зубовскій, какъ опытный службистъ, облегчалъ мою поѣздку, умѣло подготовляя справочный матеріалъ для дѣловыхъ аудіенцій съ вѣдомственными и продовольственными чинами въ тѣхъ крупныхъ провинціальныхъ центрахъ, гдѣ нашему поѣзду предстояло останавливаться. Эти временныя секретарскія обязанности Петръ Павловичъ несъ изумительно пунктуально и толково.

За все время нашего путешествія намъ съ Зубовскимъ не много приходилось отдыхать. Мы то готовились къ пріему должностныхъ лицъ, то подводили итоги дѣловыхъ съ ними свиданій и сдѣланныхъ нами распоряженій.

Начиная съ Москвы и кончая Симферополемъ, съ промежуточными крупными станціями — Тулой, Орломъ, Курскомъ и Харьковомъ, — въ моемъ салонъ-вагонѣ перебывало множество всяческаго служилаго люда. Нѣкоторыхъ приходилось благодарить и одобрять, другихъ учить и понукать, а кому и просто дѣлать изрядный нагоняй. Къ послѣднимъ надо причислить Харьковскаго Губернатора князя Николая Леонидовича Оболенскаго, который, несмотря на все свое вкрадчивое краснорѣчіе, оказался далеко нераспорядительнымъ продовольственнымъ сотрудникомъ. Это ему не помѣшало, черезъ четыре мѣсяца послѣ нашего съ нимъ свиданія, попасть въ особый фаворъ къ Штюрмеру, который поставилъ его во главѣ придуманнаго имъ учрежденія, носившаго громкое названіе Комитета по борьбѣ съ дороговизной. Оно оказалось, въ силу существованія Особаго Продовольственнаго Совѣщанія, мертворожденнымъ.

Мои желѣзнодорожные разъѣзды изъ Петрограда въ Самарское Поволжье, а затѣмъ на югъ, черезъ всѣ наиболѣе хлѣбородныя губерніи — дали мнѣ возможность собственными глазами убѣдиться въ полномъ благополучіи какъ озимыхъ всходовъ, такъ и начатаго ярового сѣва.

Для меня было высшимъ наслажденіемъ и лучшимъ отдохновеніемъ — въ свободные отъ дѣлъ промежутки — усаживаться у открытой настежъ двери моего прицѣпленнаго къ поѣзду служебнаго вагона, любоваться видомъ необозримыхъ равнинъ и вдыхать полной грудью родной ароматъ свѣжей пашни и молодой весенней зелени.

Утромъ, 22-го апрѣля, въ Симферополѣ, нашъ салонъ-вагонъ заполнился массой желавшихъ представиться симферопольцевъ, во главѣ съ Таврическимъ Губернаторомъ Княжевичемъ. Моей женѣ былъ поднесенъ огромный букетъ великолѣпныхъ розъ.

Въ то же утро, на Симферопольскомъ вокзалѣ состоялось мое свиданіе съ А. В. Кривошеинымъ. Онъ работалъ на фронтѣ въ качествѣ Главноуполномоченнаго Краснаго Креста и пріѣхалъ въ Крымъ спеціально для присутствованія на торжествѣ открытія Мисхорской Санаторіи его имени. Одѣтый въ походную смѣшанную придворно-краснокрестную форму Александръ Васильевичъ имѣлъ довольно унылый и утомленный видъ. Попавъ въ среду своихъ прежнихъ долголѣтнихъ сотрудниковъ, Кривошеинъ, видимо, переживалъ всю тяжесть оторванности отъ своей былой кипучей и интересной дѣятельности.

Въ день нашего пріѣзда въ Симферополь мы съ Криво-

шеинымъ были приглашены мѣстными вѣдомственными чинами на завтракъ въ помѣщеніи Салгирской помологической станціи и школы Министерства Земледѣлія. Оба Министра — бывшій и настоящій — были посажены рядомъ за декорированный цвѣтами столъ и, разумѣется, явились центромъ вниманія многочисленныхъ участниковъ Салгирскаго скромнаго торжества. Губернаторъ Княжевичъ, начальникъ мѣстнаго Управленія Земледѣлія Н. Н. Ярцевъ и нѣкоторыя другія лица произнесли по нашему адресу горячія привѣтственныя рѣчи. Много было сказано о выдающейся, плодотворной дѣятельности прежняго главы Вѣдомства Земледѣлія, но не мало лестнаго пришлось выслушать и мнѣ.

Послѣ объѣзда и осмотра Симферопольскихъ вѣдомственныхъ учрежденій и интереснѣйшаго мѣстнаго земскаго музея, мы тронулись въ тотъ же день, 22-го апрѣля, на автомобиляхъ въ дальнѣйшій путь, вдоль удивительнаго Крымскаго побережья. Въ 8 часовъ вечера мы подъѣхали къ подъѣзду Министерской дачи, расположенной въ Императорскомъ Никитскомъ Саду, гдѣ насъ ожидала торжественная встрѣча.

Участвовалъ въ этой встрѣчѣ и ближайшій мой сотрудникъ Иванъ Ивановичъ Тхоржевскій. отдыхавшій въ Министерской дачѣ.

Какъ дѣти, радовались мы съ женой пріѣзду нашему въ благодатный Крымъ, въ царство яркаго солнца, горныхъ красотъ и бодрящаго морского воздуха. Насъ невольно потянуло въ нашу скромную, но чудесную Гурзувитту, но надо было считаться съ моимъ оффиціальнымъ положеніемъ и обязанностями.

Пришлось обосноваться на Министерской дачѣ, устраивать въ ней пріемы депутацій и отдѣльныхъ лицъ, приглашать почетныхъ гостей, мѣстныхъ или пріѣхавшихъ на торжество открытія Мисхорской Санаторіи. Изъ послѣднихъ вспоминаются мнѣ: болѣзненный и застѣнчивый Принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій, симпатичная чета князей Юсуповыхъ гр. Сумароковыхъ-Эльстонъ и удивительно милая и симпатичная, украшенная тремя георгіевскими медалями, графиня Е. В. Шувалова.

Всѣ эти лица, такъ же, какъ и масса другихъ прибрежныхъ крымскихъ обитателей, приняли участіе въ торжествѣ освященія и открытія грандіозной, только-что выстроенной изъ чудеснаго инкерманскаго камня, Мисхорской Санаторіи.

Торжество это, состоявшееся 23-го апрѣля — въ день тезоименитства Государыни Императрицы Александры Ѳедоровны, и носило весьма оживленный характеръ. Настроеніе у многочисленныхъ гостей создалось приподнятое, праздничное. Даже А. В. Кривошеинъ, по праву являвшійся центромъ всеобщаго вниманія, на время оживился и сталъ, какъ обычно, любезнымъ собесѣдникомъ. Вечеромъ того же дня, у меня, на Министерской дачѣ, данъ былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали А. В. Кривошеинъ, супруги Юсуповы, графиня Шувалова, Губернаторъ Княжевичъ и всѣ чины Вѣдомства Земледѣлія.

Министерская резиденція, въ которой мы пробыли съ вечера 22-го по утро 28-го апрѣля, расположена въ самой красивой и тщательно обработанной мѣстности крымскаго побережья, въ Императорскомъ Никитскомъ Саду, основанномъ еще въ 1812 году.

Среди пышныхъ цвѣтниковъ и роскошной южной растительности, на обширной ровной площади, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ морского берега, высилось красивое, каменное двухэтажное зданіе, украшенное стройными колоннами и балконами.

Намъ съ женой отведены были особые аппартаменты въ нижнемъ этажѣ, выходившіе на югъ и на море.

Въ первое утро, которое я встрѣтилъ въ Никитскомъ Саду, при восходѣ солнца, до моего слуха стали доноситься мелодичныя пѣсни моихъ любимыхъ черныхъ дроздовъ, съ ихъ переливчатыми звонкими посвистами. Было 6 часовъ утра. Я распахнулъ широкое окно, и сразу же былъ охваченъ живительной струей удивительнаго крымскаго прибрежнаго воздуха, насыщеннаго смолистымъ запахомъ весенней свѣжей хвои, ароматомъ безчисленныхъ цвѣтущихъ растеній и іодистымъ дуновеніемъ недальняго моря... Меня неотразимо потянуло на вольный просторъ. Наскоро одѣвшись, я вышелъ черезъ террасу прямо въ Никитскій паркъ. Все кругомъ цвѣло и благоухало... Акаціи, каштаны, „кровавыя" іудины деревья и фруктовыя насажденія, розы, глициніи, безчисленныя растенія — все это переливалось разнообразными яркими оттѣнками. Обстановка была воистину волшебная.

Никитскій Садъ по красотѣ мѣстоположенія, огромнымъ размѣрамъ и рѣдчайшимъ насажденіямъ, является однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ. Названіе свое онъ получилъ отъ наименованія примыкавшаго къ его границѣ татарскаго селенія: „Никита", расположеннаго къ востоку отъ Ялты и Массандры. Садъ раскинулся на 120 десятинахъ по склонамъ горъ, обращенныхъ на югъ, къ морю. Въ него входятъ магарачскіе виноградники и всевозможные питомники. Въ немъ культивировались полезныя и декоративныя растенія южно-европейской Россіи. Никитскій Садъ, съ Магарачскимъ винодѣліемъ и Училищемъ Садоводства, находился издавна въ вѣдѣніи Министерства Земледѣлія и являлся всегда предметомъ особыхъ его заботъ.

Само собой, я постарался ознакомиться съ постановкой многочисленныхъ отраслей его хозяйства. Я могъ удѣлять на это лишь утренніе часы, отъ 6 до 7 часовъ. Въ особенности заинтересовала меня широко развившаяся за послѣднее время культура лекарственныхъ растеній. Мнѣ были показаны превосходно укоренившіеся оливковые питомники, насажденія пробковыхъ дубовъ и опыты разведенія фисташковыхъ деревьевъ, путемъ прививокъ къ терпентиновымъ вѣтвямъ.

Успѣлъ я осмотрѣть интереснѣйшія лабораторіи и музеи,

зашелъ однажды и въ Магарачскій подвалъ, славившійся выпускомъ знаменитаго „Чернаго Муската" и хранившій въ своихъ подземельяхъ цѣннѣйшую коллекцію удивительныхъ по вкусу и аромату мускатовъ давнихъ годовъ.

Встрѣтился я въ этомъ подвалѣ съ моимъ учителемъ по винодѣлію, — С. Ѳ. Охрименко. Встрѣча наша носила не сухо-оффиціальный характеръ. Дружеская бесѣда подъ сводами подвала затянулась, благодаря дегустаціи чуднаго муската.

Дни пребыванія моего въ Крыму были заранѣе точно распредѣлены и ушли главнымъ образомъ на рядъ интереснѣйшихъ поѣздокъ на автомобиляхъ по окрестностямъ. Все жъ, одинъ вечеръ и послѣдующее утро намъ удалось съ женой побыть въ нашемъ уютномъ гнѣздышкѣ — милой и живописной Гурзевиттѣ. Встрѣтилъ насъ тамъ все тотъ же проворный Иванъ со своей женой-хохлушкой, предоставившій намъ и моимъ гостямъ (Тхоржевскому и Ярцеву) возможность пріятно и беззаботно использовать наше краткое пребываніе.

Неохотно разстались мы съ нашимъ небольшимъ, но очаровательнымъ Гурзуфскимъ имѣньицемъ. Далеки мы тогда были съ Анютой отъ мысли, что черезъ годъ съ небольшимъ намъ придется вернуться въ ту же Гурзувитту въ условіяхъ всероссійской революціонной смуты!

Благодаря великолѣпной погодѣ всѣ наши поѣздки, имѣвшія для меня серьезное служебное значеніе, носили, вмѣстѣ съ тѣмъ, характеръ пріятныхъ и чудныхъ прогулокъ, доставлявшихъ мнѣ огромное удовольствіе и возможность отдохнуть отъ суеты и тяжести столичной работы.

Сильныя машины, находившіяся въ распоряженіи мѣстныхъ министерскихъ чиновъ, быстро мчали насъ по крутымъ горнымъ дорогамъ. Мы могли въ теченіе сравнительно короткаго времени осматривать массу интереснаго и поучительнаго въ области предпринятыхъ Вѣдомствомъ техническихъ работъ большого хозяйственнаго значенія.

Такъ, за какихъ-нибудь два дня удалось посѣтить верхнія плоскогорья хребта Яйлы, у подножія грозной вершины Ай-Петри, гдѣ производились опыты по изслѣдованію выпасовъ, засаживались лѣсные питомники и приступлено было къ каптажированію горныхъ водныхъ истоковъ.

Осмотрѣли мы тогда же великолѣпно оборудованную метереологическую станцію на горѣ Шишко, съ которой раскрывался на все морское побережье изумительный по своей грандіозности видъ, и успѣли заѣхать въ горную здравницу Министерства Земледѣлія „Хизляръ", расположенную среди великолѣпнаго хвойнаго лѣса.

За эти же дни мы, слѣдуя по горно-лѣсному пути исключительной красоты, среди хаоса скалистыхъ нагроможденій и дикой чащи дѣвственныхъ хвойно-лиственныхъ древесныхъ насажденій, объѣхали обширныя земли Ялтинскаго казеннаго лѣсничества.

Служебныя экскурсіи чередовались съ заѣздами въ Ялту,

гдѣ приходилось принимать всевозможныя депутаціи. Необходимо было также исполнить порученія Императрицъ и осмотрѣть сооруженныя съ Ихъ соизволенія превосходныя и обширныя госпитали-санаторіи.

25-го апрѣля состоялась дальняя моя поѣздка въ имѣніе „Кучукъ-Узень", за Алуштой, принадлежавшее Таврическому Губернатору Николаю Антонидовичу Княжевичу. Встрѣтясь тамъ съ Кривошеинымъ, мы, вмѣстѣ съ нимъ и Княжевичемъ, отправились по отчаянной скалистой и пустынной дорогѣ въ отдаленнѣйшую мѣстность, именуемую „Туакъ", гдѣ предполагалось устроить здравницу. Встрѣтила насъ тамъ масса мѣстнаго люда, проявившаго по отношенію къ представителямъ царскаго правительства необычайный энтузіазмъ. Все это нынѣ вспоминается какъ отдаленный маловѣроятный сонъ!

Настало 28-е апрѣля — день, намѣченный для нашего отъѣзда изъ гостепріимнаго Никитскаго Сада.

Мы отбыли на автомобиляхъ по Ялтинскому шоссе, въ направленіи къ Алупкѣ и дальше на Байдары. Замелькали знакомые виды и мѣста. Подъѣхавъ къ Форосской церкви, мы съ Анютой зашли въ нее, истово помолились и долго затѣмъ не могли отвести глазъ отъ простиравшейся подъ „Красной Скалой" грандіозной перспективы, столь близкой нашему сердцу.

Въ Байдарахъ состоялась закладка мною лѣсного питомника, и затѣмъ мы были всѣ приглашены къ управляющему „Мордвиновскихъ" владѣній. Наскоро отдохнувъ и досыта перекусивъ вкусными чебуреками, сочными шашлыками, нѣжными форелями и прочими крымскими яствами, вплоть до свѣжей земляники, мы тронулись въ дальній путь черезъ Севастополь на Бахчисарай, гдѣ насъ встрѣтилъ Губернаторъ Княжевичъ, съ которымъ мы осмотрѣли древній ханскій дворецъ съ его воспѣтымъ Пушкинымъ „фонтаномъ слезъ".

Дальнѣйшая наша поѣздка оказалась исключительно интересной. Въ двухъ верстахъ отъ Бахчисарая расположена на вершинѣ скалы крѣпость XI вѣка, служившая убѣжищемъ хозарскихъ хановъ и носившая наименованіе Чуфутъ-Коле. Въ настоящее время, какъ сама крѣпость, такъ и весь городокъ заброшены. Это — печальныя груды развалинъ. Жившіе здѣсь ранѣе караимы почти всѣ переселились въ долину Бахчисарая. Въ Чуфутъ-Кале остался только свято охраняемый ими ихъ „молитвенный дворецъ", гдѣ принимали Августѣйшихъ Лицъ и особо почетныхъ гостей...

Вотъ къ этому-то зданію мы были подвезены и торжественно встрѣчены многочисленной депутаціей караимовъ, во главѣ съ ихъ „гахамомъ", которымъ въ то время состоялъ почтенный, свѣтски-образованный и видный чернобородый Шапшалъ. Тотчасъ по пріѣздѣ, мы съ женой и всѣ сопровождавшія меня лица, были приглашены гахамомъ въ ихъ храмъ, гдѣ было совершено краткое моленіе и состоялся обмѣнъ взаимныхъ привѣтствій. Послѣ, насъ повели осматривать вымер-

шій городъ, произведшій на насъ самое удручающее впечатлѣніе.

Зато послѣдующій завтракъ, предложенный намъ въ обширной пріемной залѣ молитвеннаго дворца, пестро, но красиво декорированной въ восточномъ вкусѣ, отвлекъ насъ отъ грустныхъ настроеній, навѣянныхъ печальнымъ видомъ разрушенныхъ и заброшенныхъ жилищъ.

Насъ всѣхъ усадили за широчайшій столъ, заставленный такимъ изобиліемъ всевозможныхъ караимскихъ блюдъ и, главнымъ образомъ, сладостей, котораго я никогда и нигдѣ болѣе въ своей жизни не встрѣчалъ, такъ же, какъ никогда не приходилось мнѣ вкушать такихъ рѣдкихъ яствъ, какъ каймакъ съ вареньемъ изъ лилій, и такихъ необычайно вкусныхъ сластей, какъ удивительно нѣжно приготовленныхъ пирожковъ съ медомъ и орѣхами и всякихъ сортовъ сочныхъ фруктовыхъ пастилъ... Хлѣбосольные хозяева зорко слѣдили, чтобы ихъ дорогіе гости непремѣнно попробовали всего, что красовалось на ихъ, заставленномъ угощеньемъ, трапезномъ столѣ.

Любезное вниманіе, искреннее радушіе и привѣтливое гостепріимство милыхъ и симпатичныхъ караимовъ, въ особенности — ихъ умнаго и интереснаго во всѣхъ отношеніяхъ гахама — Шапшала, мы очень оцѣнили, пока подъ окнами молитвеннаго дворца, гдѣ насъ принимали, на улицѣ не собралась изрядная толпа своего рода музыкантовъ, образовавшихъ оркестръ изъ духовыхъ инструментовъ, барабановъ и бубновъ. Всѣ они безумолчно исполняли, каждый по собственному наитію, импровизированные номера, которые сливались въ одинъ сплошной, коробившій все человѣческое нутро, разнозвучный ревъ, стонъ и грохотъ. Представители современнаго музыкальнаго творчества могли бы ему позавидовать. Мы были несказанно рады, когда, наконецъ, намъ удалось избавиться отъ этого оркестроваго кошмара и отправиться осматривать чрезвычайно интересную, разстилавшуюся внизу подъ Чуфутъ-Кале, т. н. Іосафатову долину.

Это было древнее мѣсто вѣчнаго упокоенія караимовъ, расположенное въ обширной ложбинѣ, среди отвѣсныхъ скалъ. Съ одной стороны былъ высѣченный въ горѣ пещерный городъ, а съ другой, тоже въ скалѣ, старинный, посѣщаемый многочисленными богомольцами, Успенскій монастырь.

Уже вечерѣло, когда мы очутились подъ низкими сводами пещернаго храма. Осматривая монашескія кельи, я случайно отдѣлился отъ своихъ спутниковъ и вышелъ на высѣченный въ скалѣ балконный выступъ. Передо мною разстилалась безлюдная, покрытая вечерними тѣнями, Іосафатова долина, нѣмая свидѣтельница былыхъ тысячелѣтій. Изъ-за скалы стала медленно показываться матово-блѣдная луна. Кругомъ стояла полнѣйшая тишина. Вдругъ откуда-то изъ горныхъ разщелинъ нѣсколько разъ раздался сычиный рѣзкій крикъ. Стало жутко, захотѣлось поскорѣе уйти изъ мрачнаго пещернаго обиталища. Но не успѣлъ я уйти съ балкона, какъ долину огласилъ мелодичный звукъ одинокаго монастырскаго колокола. Онъ эхомъ отозвался среди отвѣсныхъ скалъ и умиротворяюще подѣйствовалъ на мое настроеніе. Это внезапно прозвучавшее среди мертвой тишины Іосафатовой долины чередованіе зловѣщаго стона хищной ночной птицы и церковнаго благовѣста наводило на мысль о вѣчномъ соревнованіи въ мірѣ между тьмой и свѣтомъ, между добромъ и зломъ.

Поздно ночью добрались мы до Симферополя и опять устроились въ своемъ вагонѣ. Простившись съ многочисленными провожавшими насъ лицами, горячо поблагодаривъ всѣхъ симферопольцевъ, съ милымъ ихъ Губернаторомъ во главѣ, за ихъ гостепріимство и доброе отношеніе, мы съ женой отправились обратно въ Петроградъ. Надо было еще остановиться на сутки на станціи Ново-Алексѣевкѣ, чтобы осмотрѣть организуемый Министерствомъ Земледѣлія культурный землеустроительный центръ.

Въ Ново-Алексѣевкѣ я нашелъ иную обстановку, тамъ велись другія рѣчи, касавшіяся дѣлъ хозяйственныхъ, продовольственныхъ. Я началъ съ осмотра станціонныхъ продовольственныхъ амбаровъ. Сердце радовалось при видѣ кипучей дѣятельности вокругъ нихъ. Какъ разъ происходила ссыпка подвозимаго къ нимъ огромнаго количества ячменя и пшеницы превосходнаго качества. Тутъ же невдалекѣ шла пріемка земствомъ скота для арміи, и я не мало восхищался породами, поставлявшимися нѣкоторыми сельскохозяйственными экономіями, въ особенности — г.г. Фальцъ-Фейновъ, великолѣпными, откормленными, бѣлыми, длиннорогими животными, вѣсившими въ среднемъ по 36 пудовъ каждый.

Предпринятый мною въ тотъ же день объѣздъ Ново-Алексѣевскихъ окрестностей, гдѣ сосредоточились землеустроительныя работы, имѣлъ для меня захватывающій интересъ. Несмотря на дождливую погоду, на автомобильныхъ шинахъ съ цѣпями, мы съ П. П. Зубатовскимъ и мѣстными вѣдомственными чинами успѣли продѣлать многоверстный путь по проселочнымъ дорогамъ, знакомясь съ разнородными земельными разверстками, надѣлами и хуторскими заселеніями на внутринадѣльныхъ, казенныхъ и банковскихъ участкахъ.

Центромъ всѣхъ этихъ образцовыхъ землеустроительныхъ работъ служило многолюдное селеніе Павловское, гдѣ мѣстное населеніе устроило намъ не только торжественный, но и восторженный пріемъ.

Мы остановились невдалекѣ отъ церкви. Нашъ автомобиль былъ тотчасъ же окруженъ огромной толпой людей всѣхъ возрастовъ и обоего пола. Сотни дѣтскихъ рученокъ стали забрасывать насъ пучками свѣже-нарванныхъ полевыхъ цвѣтовъ. Лица обступившихъ насъ павловцевъ выражали привѣтливость, повидимому, искреннюю. Они радовались нашему пріѣзду, безумолчно оглашая воздухъ восторженными „ура". У паперти встрѣтилъ насъ священникъ и волостной

землеустроительныхъ достиженій и образцовыхъ хуторскихъ хозяйствъ. Вновь раздалось единодушное „ура", под возгласы котораго мы усѣлись въ автомобили и отправились дальше, любуясь чуднымъ видомъ полей и радуясь буйному росту озимой пшеницы.

По возвращеніи въ Ново-Алексѣевку, я осмотрѣлъ питомникъ и присутствовалъ при закладкѣ зданія для нашего вѣдомства. Потомъ былъ многолюдный обѣдъ, устроенный въ мою честь мѣстными чинами Министерства Земледѣлія и общественными дѣятелями, на которомъ пришлось выслушать не мало для меня лестнаго, можетъ быть, и не заслуженнаго, но пріятнаго и придавшаго мнѣ бодрости для моей нелегкой и отвѣтственной дѣятельности.

2-го мая я вернулся въ Петроградъ, гдѣ меня ожидала вся та сложная обстановка и работа, отъ которой я во время моихъ разъѣздовъ до нѣкоторой степени успѣлъ отойти и отдохнуть.

147

Возвращаясь къ обзору моей министерской дѣятельности, я хочу весь уцѣлѣвшій въ моихъ краткихъ записяхъ и немолодой памяти матеріалъ распредѣлить соотвѣтственно порядку разрѣшенія дѣлъ, подлежавшихъ моей компетенціи, какъ Министра Земледѣлія.

На первомъ мѣстѣ стоитъ обширная область вопросовъ, которые разрѣшались единоличной властью Министра.

Затѣмъ идетъ рядъ вѣдомственныхъ дѣлъ, требовавшихъ внесенія ихъ на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ.

Съ образованіемъ Особаго Совѣщанія по продовольствію, Министръ Земледѣлія, который состоялъ его предсѣда-

отдѣленіямъ, но адресованная непосредственно на имя Министра — представлялась ему на просмотръ управляющимъ канцеляріей ранѣе другихъ докладовъ.

Какъ полученіе дѣлъ, подлежавшихъ моему единоличному разсмотрѣнію и разрѣшенію, такъ и исполненіе моихъ по нимъ распоряженій проходило черезъ канцелярію Министра. Благодаря превосходному личному составу ея работниковъ, это было образцово поставленное, безукоризненно функціонировавшее учрежденіе.

Для разсмотрѣнія дѣлъ въ Совѣтѣ Министровъ существовалъ слѣдующій порядокъ: по каждому вопросу, касавшемуся компетенціи Вѣдомства Земледѣлія и подлежавшему коллегіальному обсужденію Совѣта Министровъ, канцелярія Министра собирала обстоятельныя справки, которыя представлялись главѣ Вѣдомства, какъ матеріалъ, на основаніи котораго онъ могъ на засѣданіи Совѣта знакомить своихъ коллегъ съ сущностью дѣла, отстаивать свою точку зрѣнія. Само собой разумѣется, что по болѣе сложнымъ вопросамъ Министру приходилось предварительно совѣщаться со своими сотрудниками, а не удовлетворяться письменными справками.

Очередныя засѣданія Совѣта Министровъ происходили въ зданіи Маріинскаго Дворца, обычно два раза въ недѣлю — по вторникамъ и пятницамъ. Начинались онѣ въ два часа дня и продолжались до 6 - 7 часовъ вечера. Въ обширномъ залѣ, украшенномъ огромными хрустальными люстрами и великолѣпнымъ малахитовымъ каминомъ, стоялъ покрытый краснымъ сукномъ присутственный столъ, за который усаживались во время засѣданій члены Совѣта Министровъ. Спиной къ камину сидѣлъ предсѣдатель Совѣта, по бокамъ его сидѣли Министры: Военный и Морской. Противъ него помѣщался управляющій дѣлами Совѣта Министровъ Иванъ Николаевичъ

установились сухо-оффиціальныя...

Иное долженъ я сказать про его помощника — Яхонтова, и по внѣшнимъ и по внутреннимъ своимъ качествамъ выгодно отличавшагося отъ своего старшаго сослуживца. Послѣреволюціонное наше съ Аркадіемъ Николаевичемъ совмѣстное проживаніе въ Ниццѣ позволило мнѣ его ближе узнать и еще болѣе оцѣнить, какъ человѣка не только умнаго и дѣловитаго, но и высоко-идейнаго, посвятившаго себя въ зарубежьѣ общественно-просвѣтительному дѣлу большого національно- государственнаго значенія. О дѣятельности Яхонтова, какъ руководителя русскаго лицея въ Ниццѣ, я имѣю въ виду сказать должное слово въ дальнѣйшихъ своихъ воспоминаніяхъ, когда дойду до описанія нашего бѣженскато существованія въ предѣлахъ пріютившей меня и мою семью гостепріимной Франціи.

Въ періодъ участія моего на „очередныхъ" засѣданіяхъ Совѣта Министровъ, во времена премьерства Ивана Логгиновича Горемыкина, т. е. до 20-го января 1916 года, наиболѣе тревожнымъ вопросомъ было снабженіе арміи и тыла.

Время переживалось тогда исключительно сложное и трудное. Государству приходилось напрягать всѣ силы для борьбы съ врагомъ. Положеніе воинскихъ заказовъ, продовольствіе, транспортъ, топливо, рабочій вопросъ, упорядоченіе желѣзнодорожной службы, — всѣ эти дѣла горячо обсуждались на очередныхъ засѣданіяхъ Совѣта Министровъ, и временами возбуждали довольно острыя пренія, иногда доводя участниковъ до состоянія крайняго возбужденія. Такъ, я уже отмѣчалъ проявленное на одномъ изъ подобныхъ засѣданій возмущеніе Министра Путей Сообщенія Трепова, по поводу вмѣшательства Министра Внутреннихъ Дѣлъ А. Н. Хвостова въ область его желѣзнодорожныхъ распорядковъ...

Такъ же рѣшительно я отстранилъ намѣреніе того же А. Н. Хвостова повліять на общій ходъ моей продовольственной политики. 17-го декабря мнѣ было доложено, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ написалъ предсѣдателю Совѣта Министровъ письмо, въ которомъ онъ, критикуя принятыя мною продовольственныя мѣры, предлагалъ свой собственный планъ снабженія, вносившій недопустимую двойственность въ дѣло высшаго продовольственнаго управленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я получилъ свѣдѣнія, что тѣмъ же Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ циркулярно внушалось подвѣдомственнымъ ему чинамъ, состоявшимъ на мѣстахъ и моими агентами по продовольствію, что эти послѣднія функціи они должны исполнять постольку, поскольку ихъ продовольственныя обязанности не встрѣчаютъ запрета со стороны его, Хвостова. Тогда же до меня, изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, дошли свѣдѣнія, что безпокойный Алексѣй Николаевичъ, желавшій всюду играть первенствующую роль, сталъ во время своихъ нерѣдкихъ докладовъ настраивать Государя противъ намѣчавшейся въ Министерствѣ Земледѣлія продовольственной кампаніи. Все это усугубляло мое, и безъ того крайне нелегкое, положеніе отвѣтственнаго руководителя дѣла имперскаго продовольствія. Я рѣшилъ самымъ срочнымъ образомъ и въ корнѣ пресѣчь вредное не столько для меня, сколько для дѣла, поведеніе моего коллеги. На одномъ изъ ближайшихъ очередныхъ засѣданій Совѣта Министровъ, я внесъ запросъ по всему вышеприведенному и просилъ Алексѣя Николаевича Хвостова дать свои разъясненія. Причемъ, со своей стороны, я счелъ долгомъ заявить, что въ такомъ государственно-важномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ продовольствіе фронтовъ и тыла, всякія постороннія вмѣшательства, тѣмъ болѣе, двойственность управленія, на мой взглядъ, совершенно недопустима.

Поэтому, — добавилъ я, — если Алексѣю Николаевичу угодно самому принимать активное участіе въ руководительствѣ продовольствіемъ и проводить въ жизнь свой собственный планъ продовольственной кампаніи, во многихъ отношеніяхъ отличающійся отъ того, который намѣчается Министромъ Земледѣлія, то пусть онъ — Хвостовъ и возьметъ все дѣло въ свои руки и встанетъ во главѣ Особаго Продовольственнаго Совѣщанія...

Я повторилъ, что ради успѣха продовольственной кампаніи необходимо соблюсти въ этой области полнѣйшее единство управленія и отвѣтственности.

— Одно изъ двухъ — закончилъ я свое обращеніе къ сидѣвшимъ вокругъ меня коллегамъ: — или Хвостовъ или я!

Послѣ этихъ моихъ словъ, А. Н. Хвостов поспѣшилъ заявить, что онъ не имѣлъ въ виду нарушать существовавшую продовольственную организацію, тѣмъ болѣе — „перехватывать продовольственную власть" въ свои руки. Совѣтъ Министровъ единодушно одобрилъ мои взгляды, и этимъ вся хвостовская продовольственная бравада благополучно завершилась, разъ навсегда освободивъ дальнѣйшую мою дѣятельность отъ назойливаго вмѣшательства „безпокойнаго" Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Вспоминаются мнѣ и другія „очередныя" засѣданія Совѣта, возбуждавшія немало острыхъ преній, какъ напримѣръ, по вопросу о разгрузкѣ населенія Петрограда. Эта мѣра была предложена мною изъ-за крайней затруднительности продвигать къ сѣверу необходимые продовольственные запасы. Она сводилась къ желательности эвакуаціи изъ Петрограда до 420.000 воинскихъ чиновъ, 150.000 бѣженцевъ и 50.000 раненыхъ.

Совѣтъ Министровъ принципіально пошелъ мнѣ навстрѣчу, но, къ глубокому сожалѣнію, къ реальному осуществленію моего плана приступлено не было.

Не говоря уже о продовольственныхъ затрудненіяхъ, самое наличіе огромнаго числа войсковыхъ частей, сконцентрированныхъ въ столичномъ городѣ, въ условіяхъ казарменнаго бездѣлья, представляло собой готовый матеріалъ для

разрушительныхъ идей, которыя легли въ основаніе февральскихъ революціонныхъ дней 1917 года. Если бы своевременно была осуществлена разгрузка столицы, а въ петроградскихъ казармахъ не было бы полумилліона призванныхъ изъ запаса воинскихъ чиновъ, возможно, что февраль, какъ и всѣ послѣдующіе мѣсяцы памятнаго года, прошли бы спокойно, и не было бы уличныхъ эксцессовъ, которые первоначально носили характеръ уличнаго бунта!

Не мало горячихъ разговоровъ происходило на засѣданіи Совѣта Министровъ 1-го декабря 1915 года, вокругъ вопроса, возбужденнаго А. Ѳ. Треповымъ — о необходимости срочнаго ассигнованія 62 милліоновъ рублей на прибавку жалованья желѣзнодорожнымъ служащимъ. На выдачу пришлось, въ концѣ концовъ, согласиться, ввиду категорическаго заявленія Министра Путей Сообщенія объ угрожающемъ для всего транспортнаго дѣла положеніи, въ случаѣ отклоненія его ходатайства.

Вспоминается мнѣ также та страстность преній, которая проявлена была со стороны нѣкоторыхъ Министровъ на очередномъ засѣданіи Совѣта, 15-го января 1916 года, на которомъ обсуждался рядъ вопросовъ, касавшихся общаго хода заграничныхъ воинскихъ заказовъ. Выяснилось, между прочимъ, что между Россіей и Японіей возникли тренія изъ-за нашей неаккуратности въ платежахъ за заказы. Со другой стороны, Англія опаздывала въ исполненіи нашихъ заказовъ и оказалась, по отношенію къ нашему государству, неладной союзницей. Это послужило предметомъ острыхъ препирательствъ между Баркомъ, нападавшимъ на Великобританское правительство, и Сазоновымъ, его отстаивавшимъ.

На томъ же засѣданіи Совѣта Министровъ былъ также поднятъ другой вопросъ чрезвычайной важности для сельскохозяйственной жизни страны, — о восполненіи убыли рабочей силы, необходимой для производства продовольственныхъ продуктовъ. Я предложилъ двѣ мѣры: 1) допущеніе въ Европейскую Россію „желтаго" труда (китайскихъ рабочихъ) и 2) предоставленіе для сельскохозяйственной уборки воинскихъ частей.

По поводу послѣдняго предложенія произошелъ слѣдующій памятный для меня инцидентъ, оставившій по себѣ крайне неблагопріятное впечатлѣніе, въ смыслѣ допущенія на засѣданіи высшаго государственнаго учрежденія безтактнаго отношенія къ особѣ Государя Императора. Засѣдавшій вмѣстѣ съ нами въ качествѣ замѣстителя Военнаго Министра, умный и видный по занимаемому имъ высокому положенію, генералъ Лукомскій принципіально высказался противъ моего предложенія объ использованіи для сельскохозяйственныхъ работъ расположенныхъ въ тылу и свободныхъ отъ занятій воинскихъ частей. Когда же я довелъ до свѣдѣнія Совѣта, что объ этой мѣрѣ пополненія рабочей силы мною доложено было Государю, и со стороны Его Величества я встрѣтилъ этому

полное сочувствіе, представитель Военнаго Вѣдомства, слегка ухмыльнувшись, замѣтилъ:

— То, что вы говорите, существа дѣла нисколько не мѣняетъ... Мало ли что Государь находитъ достойнымъ одобренія! Всѣмъ вамъ вѣдь извѣстна неустойчивость его взглядовъ. Если сегодня Его Величество такъ отозвался, это не значитъ, что завтра онъ не измѣнитъ своего рѣшенія!..

Пораженный подобнымъ отвѣтомъ, я взглянулъ на престарѣлаго Горемыкина, но тотъ, къ концу засѣданія сильно утомившійся, видимо, пропустилъ мимо своихъ ушей болѣе чѣмъ неумѣстную реплику представителя военнаго вѣдомства. Всѣ остальные Министры такъ же неодобрительно, какъ и я, отнеслись къ словамъ генерала. Въ результатѣ обѣ предложенныя мѣры были единодушно приняты.

Наряду с очередными, бывали также и экстренныя засѣданія Совѣта Министровъ, собиравшіяся въ обычномъ помѣщеніи Маріинскаго Дворца, или въ казенной квартирѣ Горемыкина на Моховой. Такъ, 19-го декабря 1915 года, Иванъ Логгиновичъ собралъ экстренно, у себя на дому, Министровъ, чтобы обсудить полученное имъ отъ Государя письмо, въ которомъ, между прочимъ, значилось:

„Познакомившись изъ повременной печати о неблагополучіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по продовольствію и топливу, поручаю срочно разсмотрѣть этотъ вопросъ в Совѣтѣ Министровъ"...

Это Высочайшее обращеніе къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ состоялось вскорѣ послѣ полученія Горемыкинымъ письма Министра Внутреннихъ Дѣлъ по поводу продовольственныхъ мѣръ, о которомъ мною упомянуто было выше, и которое послужило основаніемъ моего открытаго протеста противъ вмѣшательства А. Н. Хвостова въ область моего управленія. У моихъ коллегъ создалось впечатлѣніе, что письмо Его Величества Горемыкину было инспирировано тѣмъ же безпокойнымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Совѣтъ Министровъ, само собой, принялъ къ свѣдѣнію Высочайшее порученіе, но былъ безсиленъ что-либо предпринять по существу разрѣшенія продовольственнаго вопроса.

Я постарался использовать экстренное засѣданіе Совѣта Министровъ и провести въ жизнь одну необходимую мѣру, которая, на мой взглядъ, могла значительно облегчить и упорядочить продовольственное снабженіе арміи и тыла. Исходя изъ того соображенія, что продовольственный вопросъ находится въ тѣсной зависимости отъ потребностей воинскихъ частей и тылового гражданскаго населенія, а также отъ желѣзнодорожнаго транспорта и топлива, я предложилъ организовать для обсужденія всѣхъ мѣропріятій, связанныхъ со снабженіемъ, особый совѣтъ изъ Министровъ, непосредственно въ этомъ дѣлѣ заинтересованныхъ, а именно: 1) Военнаго, 2) Внутреннихъ Дѣлъ, 3) Путей Сообщенія, 4) Торговли и Промышленности и 5) Земледѣлія. Эти пять лицъ могли легче и болѣе

дѣловито сговориться между собой, вмѣсто того, чтобы разсуждать на сравнительно рѣдко происходившихъ общихъ засѣданіяхъ Совѣта Министровъ въ полномъ его составѣ. Подобное объединеніе главъ вѣдомствъ, одновременно состоявшихъ предсѣдателями „Особыхъ Совѣщаній", должно было оказать существенную пользу въ смыслѣ установленія большей согласованности и планомѣрности въ снабженіи. Предложеніе мое было принято. Съ 19-го декабря 1915 года, наряду съ обычными засѣданіями Совѣта Министровъ, стали, по мѣрѣ надобности, происходить „совѣщанія пяти министровъ", собиравшіяся сначала подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Трепова,а затѣмъ Б. В. Штюрмера, при которомъ, по настоянію думскихъ старѣйшинъ, съ Родзянко во главѣ, эти пятичленныя совѣщанія, приносившія дѣлу явную пользу, были прекращены.

Въ дѣятельности „Совѣта пяти министровъ" ревнители думскихъ прерогативъ стали усматривать опасную для авторитетности законодательныхъ учрежденій организацію, „клонящуюся къ диктатурѣ"(?!) На эту тему изъ устъ краснобаевъ Таврическаго Дворца полились громовыя хлесткія рѣчи. Родзянко, по свойству своего „глубокаго ума", сталъ вторить имъ басомъ, а пошлый оппортунистъ, безпринципный и лживый лицедѣй, Штюрмеръ, счелъ за благо угодить, въ душѣ ненавистной ему, Государственной Думѣ. Въ результатѣ, строго-дѣловая и чрезвычайно полезная для всего хода снабженія организація, не носившая въ себѣ никакихъ признаковъ „диктатуры", обречена была на закрытіе.

Вскорѣ послѣ описаннаго мною засѣданія, 26-го декабря 1915 года, И. Л. Горемыкинъ экстренно созвалъ Министровъ для обсужденія составленной Министромъ Финансовъ П. Л. Баркомъ обширной записки, вызванной исключительно тяжелымъ положеніемъ Россіи, втянутой въ грандіозную Европейскую войну. Баркъ пытался разрѣшить вопросы большой государственной важности, непосредственно связанные съ упорядоченіемъ финансоваго положенія, отъ котораго зависѣла дальнѣйшая судьба не только боевыхъ дѣйствій, но и всей государственной жизни нашей родины. Задолженность Россіи къ тому времени равнялась 28 милліардамъ золотыхъ рублей. Въ бюджетѣ предвидѣлись милліардные дефициты... Министръ Финансовъ въ своей обстоятельной запискѣ, вызвавшей со стороны всѣхъ Министровъ необычайно острый интересъ, совершенно правильно указывалъ, что для огражденія Россійскаго государства отъ обременительныхъ послѣдствій такой высокой задолженности, необходимо выработать и установить не одинъ только финансовый планъ, но и обще-экономическій, чтобы выявить къ жизни неисчислимыя естественныя богатства страны. Я поддержалъ докладчика и, со своей стороны, предложилъ для использованія нашихъ природныхъ богатствъ, наряду съ правительственными начинаніями, привлечь къ сотрудничеству частныхъ лицъ и предоставить боль-

шую свободу предпріимчивости и помѣщенія капиталовъ.

Помимо „очередныхъ" и „экстренныхъ" засѣданій Совѣта Министровъ, въ двухъ случаяхъ Горемыкинымъ были созваны особо-конфиденціальныя совѣщанія, изъ которыхъ одно имѣло мѣсто 11-го января 1916 года, а другое состоялось 16-го того же мѣсяца. На нихъ присутствовали только Министры, безъ участія даже кого-либо изъ управленія дѣлами Совѣта.

На первомъ „тайномъ" засѣданіи товарищъ Военнаго Министра генералъ А. С. Лукомскій доложилъ „дѣло Братолюбова", в свое время сильно нашумѣвшее въ столичныхъ высшихъ и законодательныхъ кругахъ.

Въ кипучей и нервно-суетливой атмосферѣ всевозможныхъ воинскихъ заказовъ, военно-техническихъ опытовъ и изобрѣтеній, вызванныхъ войной, въ петроградскомъ дѣловомъ мірѣ появлялось, наряду съ серьезными дѣльцами, немало проходимцевъ, умѣвшихъ въ общей суматохѣ военнаго времени удовлетворять свои аппетиты авантюристовъ. Къ такимъ типамъ принадлежалъ нѣкій Братолюбовъ, знакомившій всѣхъ, начиная съ простыхъ смертныхъ и кончая Августѣйшими Особами, со своимъ изобрѣтеніемъ — „горючей жидкостью". И я съ группой членовъ Государственнаго Совѣта посѣтилъ однажды „лабораторію" этого чудодѣя, который оказался высокимъ господиномъ, очень привѣтливымъ, даже обворожительнымъ въ обращеніи. Онъ обосновался со своей конторой и агентурой невдалекѣ отъ Народнаго Дома. Подъ желѣзной крышей помѣстительнаго сарая производилъ онъ свои сенсаціонные опыты: разливая по землѣ самовоспламеняющуюся жидкость, Братолюбовъ не скупился на широковѣщательныя поясненія рекламнаго свойства, увѣряя, что изобрѣтенная имъ жидкость во время военныхъ дѣйствій способна своимъ огнемъ остановить наступленіе противника.

Надо помнить, что настроеніе въ то время въ правящихъ и военныхъ кругахъ было крайнѣ напряженное и тревожное. Съ фронтовъ доходили вѣсти мало утѣшительныя. Раздавались рѣзкія жалобы на недостатокъ боевого снабженія. То, что во вражеской арміи примѣнялись небывалые технически-боевые способы борьбы, вродѣ удушливыхъ газовъ, усиливало общую растерянность. На верхахъ хватались за все, что, такъ или иначе, могло служить противодѣйствіемъ безпощадной разрушительной тактикѣ непріятеля. На этой почвѣ братолюбовская „горячая" затѣя и возымѣла быстрый успѣхъ, который далъ ловкому изобрѣтателю возможность попользоваться немалыми суммами. Но болѣе благоразумная и осторожная часть военнаго начальства, произведя рядъ серьезныхъ опытовъ, отнеслась къ братолюбовскому начинанію совершенно отрицательно, и сочла нужнымъ въ срочномъ порядкѣ его ликвидировать... „Тайное" засѣданіе Совѣта Министровъ 11-го января было собрано Горемыкинымъ именно въ цѣляхъ этой поспѣшной ликвидаціи. Проводить ее приходилось въ условіяхъ не совсѣмъ обычныхъ. Въ „братолюбовской исторіи" были за-

мѣшаны нѣкоторые члены Императорской фамиліи, главнымъ образомъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Изобрѣтатель „горючей жидкости", неувѣренный въ ея успѣхѣ у серьезныхъ знатоковъ военной техники, сталъ умѣло рекламировать свою находку въ кругу лицъ мало компетентныхъ, но за то имѣвшихъ доступъ къ Августѣйшимъ Особамъ. Братолюбовъ задался цѣлью провести въ жизнь свою затѣю не обычнымъ путемъ, черезъ спеціально созданныя авторитетныя учрежденія, вѣдавшія дѣломъ воинскаго снабженія, а при содѣйствіи отдѣльныхъ лицъ, имѣющихъ привиллегированное положеніе и вліяніе въ Царскомъ. Великій Князь Михаилъ Александровичъ, довѣрчивый по своей натурѣ, такъ увлекся братолюбовскимъ изобрѣтеніемъ и его рекламными заманчивыми перспективами, что, пользуясь близостью своей къ державному Брату, онъ, съ согласія Государя, за сравнительно короткое время переслалъ больше 20 своихъ рескриптовъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Въ каждомъ изъ нихъ упоминалось: „по волѣ Его Императорскаго Величества". Въ нихъ заключались распоряженія приступить къ немедленному изготовленію братолюбовской жидкости и отпустить для этого производства 150 милліоновъ рублей. При этомъ, все по тѣмъ же великокняжескимъ рескриптамъ и все такъ же, — съ соизволенія Государя, — Братолюбову, въ цѣляхъ содѣйствія наискорѣйшему исполненію сдѣланныхъ ему грандіозныхъ заказовъ, предоставлялись исключительныя привилегіи, вплоть до права реквизиціи по его усмотрѣнію частныхъ владѣній въ предѣлахъ столицы.

Обстоятельный докладъ дѣловитаго генерала А. С. Лукомскаго произвелъ на всѣхъ насъ самое удручающее впечатлѣніе и вызвалъ длительное обсужденіе, какъ найти наилучшій способъ для спокойнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, быстраго прекращенія братолюбовской шумихи, со всѣми ея великокняжескими рескриптами. Министры оказались вынуждены не только упоминаемую въ нихъ Высочайшую волю не исполнять, но употребить всѣ усилія, чтобы предотвратить ея осуществленіе. Въ этомъ отношеніи предложенія Военнаго Министра носили опредѣленный и рѣшительный характеръ. Онъ заявилъ, что необходимо откровенно доложить Государю о дѣйствительномъ положеніи вещей и просить его аннулировать всѣ изданныя по братолюбовскому дѣлу Высочайшія распоряженія. Совѣтъ Министровъ одобрилъ этотъ единственный путь ликвидаціи всѣхъ братолюбовскихъ происковъ. Военный Министръ, А. А. Поливановъ, отъ имени всего Совѣта Министровъ, явился съ докладомъ къ Государю, который благоразумно пошелъ навстрѣчу нашему единодушному рѣшенію.

Въ томъ же „тайномъ" засѣданіи Совѣта Министровъ 11-го января Горемыкинымъ былъ поднятъ вопросъ, который занялъ своимъ обсужденіемъ еще одно такое же конфиденціальное засѣданіе, имѣвшее мѣсто 16-го января.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ внесъ на наше разсмот-

рѣніе докладъ, касавшійся срока длительности созыва Государственной Думы. Горемыкинъ въ немъ высказался за необходимость устройства предварительнаго совѣщанія по этому поводу изъ представителей Правительства и обѣихъ законодательныхъ палатъ. Онъ доложилъ также проектъ обращенія Государя на случай открытія сессіи Государственной Думы. Докладъ этотъ вызвалъ чрезвычайно пространныя и горячія пренія, показавшія мнѣ — новичку среди высшихъ представителей власти — недовѣрчиво-непріязненное отношеніе, которое нѣкоторые изъ моихъ коллегъ питали къ законодателямъ Таврическаго Дворца.

Особенно рѣзко отзывался противъ сговоровъ съ думцами Баркъ. Онъ предлагалъ обойтись безъ всякихъ предварительныхъ совѣщаній съ представителями законодательныхъ палатъ, а просто издать Правительственный Указъ о созывѣ Государственной Думы съ непремѣннымъ упоминаніемъ продолжительности сессій. Я заявилъ протестъ, поддержанный С. Д. Сазоновымъ. Я указывалъ на необходимость созыва Государственной Думы безъ упоминанія какого-либо срока, и на желательность обсудить вопросъ о длительности сессіи въ особомъ совѣщаніи, какъ предлагалъ Горемыкинъ, т. е. съ представителями правительства и обѣихъ законодательныхъ палатъ. На это Баркъ и нѣкоторые другіе Министры въ пренебрежительно-непріязненномъ тонѣ замѣтили, что въ прошломъ всѣ подобныя мѣры разныхъ сговоровъ съ думцами были правительствомъ не одинъ разъ испытаны, но никогда ни къ чему положительному не приводили.

Долженъ сознаться, что впечатлѣніе отъ нашихъ преній я вынесъ тогда самое тяжелое, и будущее мое сотрудничество въ подобной обстановкѣ рисовалось мнѣ въ достаточно мрачныхъ краскахъ...

Возбужденный Горемыкинымъ вопросъ, обсуждавшійся въ двухъ „тайныхъ" засѣданіяхъ, въ концѣ концовъ большинствомъ голосовъ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, чтобы Государственную Думу собрать срокомъ на одинъ мѣсяцъ, съ 5-го февраля по 5-е марта. Надо сказать что на обоихъ этихъ засѣданіяхъ у большинства моихъ коллегъ помимо нѣкоторой непріязни къ Думѣ, проглядывало, какъ мнѣ казалось, еще и другое настроеніе. Я не иначе могу опредѣлить его, какъ состояніемъ невольной боязни думской критики правительственной дѣятельности. Это впечатлѣніе возникало у меня каждый разъ, когда то одинъ, то другой изъ членовъ Совѣта Министровъ высказывался за необходимость ограничить работу Думы возможно краткимъ срокомъ. Раздавались даже голоса за созывъ Думы всего лишь на десять дней. Въ то же время слышались пожеланія, чтобы въ Указѣ объ открытіи сессіи было предложено Государственной Думѣ заняться одной лишь бюджетной работой.

Возражая на это предложеніе, я замѣтилъ, что критика правительственной дѣятельности, главнымъ образомъ, можетъ

возникнуть именно при разсмотрѣніи бюджетныхъ предположеній, причемъ привелъ въ примѣръ Земскія собранія, гдѣ дѣятельность Управъ служила предметомъ безпощадной критики, обычно при прохожденіи смѣтныхъ докладовъ. Что же касается ограниченія до минимума времени думскихъ занятій, какъ мѣры, могущей оградить правительственную дѣятельность отъ думскихъ нападокъ, я замѣтилъ, что при желаніи „можно и въ три часа наговорить того, чего и въ три года не расхлебаешь"...

Въ концѣ своего обращенія къ членамъ Совѣта, я не постѣснялся поднять общій вопросъ о довѣріи правительства къ законодательнымъ палатамъ.

— Если вы искренне, — сказалъ я, — довѣряете имъ, вамъ ни срокъ, ни предметъ занятій не должны казаться опасными... Если же вы боитесь, — тогда не созывайте Думы совсѣмъ.*

Спокойно выслушивавшій всѣ происходившія въ обоихъ „тайныхъ" засѣданіяхъ пренія, престарѣлый нашъ Предсѣдатель внесъ свой первоначальный докладъ и болѣе ни въ какія разсужденія по затронутымъ имъ вопросамъ не вступалъ, предоставивъ членамъ Совѣта самимъ столковываться по дѣлу о возывѣ, столь мало привлекавшей его симпатію, Государственной Думы. Лишь однажды, когда Алексѣй Николаевичъ Хвостовъ, со свойственной ему циничной развязностью, сталъ разсказывать, что митрополитъ Питиримъ предпринимаетъ всѣ мѣры воздѣйствія на Царя и Царицу, чтобы законодательныя палаты не были созваны, Иванъ Логгиновичъ, съ присущимъ ему спокойствіемъ на это замѣтилъ:

— Питиримъ — Питиримомъ, а мы будемъ дѣйствовать своимъ чередомъ...

Но дѣйствовать почтенному старику суждено было недолго. 18-го января, во время вечерняго засѣданія Совѣта пяти Министровъ, разнесся слухъ, что Горемыкинъ получаетъ графство и покидаетъ свой постъ... „Очередная титулованная выставка", какъ выразился тогда про это одинъ изъ моихъ коллегъ, очевидно намекая про былыя пожалованія графствомъ Витте и Коковцова. На слѣдующій день слухъ былъ лишь частично подтвержденъ: Иванъ Логгиновичъ съ занимаемой имъ должности былъ уволенъ, но въ графское достоинство возведенъ не былъ. Въ этотъ день, на очередномъ засѣданіи Совѣта Министровъ, по окончаніи всѣхъ дѣлъ, Горемыкинъ, имѣвшій болѣе чѣмъ когда-либо утомленный видъ, обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ Министрамъ съ краткимъ, но прочувствованнымъ прощальнымъ словомъ, выразивъ надежду на сохраненіе и впредь установившихся у насъ съ нимъ добрыхъ отношеній. При этомъ онъ довелъ до наше-

* См. мои показанія, данныя въ 1917 году въ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи Временнаго Правительства — „Паденіе Царскаго Режима", томъ I. Госуд. Издательство. Ленинградъ 1925.

го свѣдѣнія, что указъ о созывѣ Государственной Думы Его Величествомъ не подписанъ, и вопросъ этотъ будетъ еще разъ обсуждатся съ новымъ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. А. Ѳ. Треповъ, отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ, высказалъ Ивану Логгиновичу теплое прощальное слово. Горемыкинъ, передъ своимъ уходомъ, довольно продолжительное время дружески бесѣдовалъ съ С. Д. Сазоновымъ, который мнѣ потомъ сообщилъ, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, гр. Коковцовъ ведетъ противъ него — Сазонова, самую ожесточенную кампанію.

Мнѣ было жаль разставаться съ почтеннымъ старикомъ, всегда относившимся ко мнѣ привѣтливо и ровно.

Послѣ того, какъ Иванъ Логгиновичъ покинулъ засѣданіе, мы, оставшіеся Министры, за исключеніемъ А. Н. Хвостова, долгое время еще не расходились, обсуждая столь внезапную отставку нашего Предсѣдателя. И вдругъ, откуда-то изъ присутственныхъ нѣдръ Маріинскаго Дворца, до насъ докатился невѣроятный слухъ о назначеніи на мѣсто Горемыкина, члена Государственнаго Совѣта Бориса Владиміровича Штюрмера. Мы были такъ ошеломлены подобной, показавшейся намъ совершенно несуразной новостью, что отмахнулись отъ нея, какъ отъ какого-то страшнаго кошмара, и разошлись по домамъ, будучи увѣрены въ полнѣйшей вздорности распущеннаго досужими озорниками „дикаго" слуха.

Но но слѣдующій день, 20-го января 1916 года, у всѣхъ въ рукахъ былъ Высочайшій Указъ объ увольненіи Горемыкина и о назначеніи на постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ Штюрмера.

Ужасъ и отчаяніе завладѣли всѣмъ моимъ существомъ — ужасъ за царскій престолъ и отчаяніе за предстоящее мнѣ сотрудничество съ лицомъ, которому я при встрѣчахъ неохотно подавалъ руку.

Долженъ сознаться, что при этомъ назначеніи у меня впервые возникъ настоящій жуткій страхъ за цѣлость россійскаго престола и за спокойствіе страны. Выборъ Государя явился вызовомъ не только антиправительственно настроенному, но и всему русскому обществу, благоразумно и лояльно относившемуся къ правящимъ верхамъ. Оправданія подобному поступку Государя найти было нельзя. Распутинское воздѣйствіе проявилось во всей своей наглости и наготѣ. Всѣмъ было извѣстно преклоненіе передъ „тобольскимъ старцемъ" вновь назначеннаго на постъ руководителя правительственнаго учрежденія Штюрмера. Фатальный для судебъ Россіи „Григорій Ефимовичъ" распоряжался имъ, какъ своимъ вѣрнымъ и исполнительнымъ агентомъ.

Штюрмеровское назначеніе тяжело легло на императорскую корону и бросило тѣнь на всю многолюдную служилую семью россійской государственной іерархіи. Моимъ первымъ побужденіемъ было — немедленно же отказаться отъ министерской должности, не входить въ служебное соприкоснове-

общества за рѣзкую демонстрацію не въ отношеніи ничтожнаго Штюрмера, а противъ личности самого Государя. Они говорили, что, въ условіяхъ военнаго времени, такая демонстрація, исходящая изъ консервативныхъ круговъ, могла бы усилить и безъ того крайне возбужденное общественное настроеніе. Мнѣ было указано на необходимость, несмотря ни на что, продолжать начатую мною работу по продовольствію арміи и тыла. Отъ правильной ея постановки зависѣлъ успѣхъ русскаго оружія и спокойствіе страны.

Въ концѣ концовъ, я вынужденъ былъ измѣнить первоначальное свое рѣшеніе и, стиснувъ зубы, остаться въ коллегіи, возглавленной нынѣ лицомъ, имя котораго уже нѣсколько времени вызывало непріязнь. Достаточно сказать, что, сравнительно незадолго до описываемаго времени, когда предполагалось дать Москвѣ городского голову по назначенію, кандидатура Б. В. Штюрмера на эту должность встрѣтила горячій протестъ со стороны бывшаго тогда премьеромъ В. Н. Коковцова, который привелъ цѣлый рядъ вѣскихъ соображеній противъ него. Тогда Штюрмеръ до занятія должности московскаго головы Его Величествомъ допущенъ не былъ. Прошло меньше двухъ лѣтъ, и тотъ же Штюрмеръ, признанный недостойнымъ встать во главѣ городского управленія, былъ призванъ взять въ свои негодныя руки высшую власть въ Имперіи.

Высокаго роста, прямой и неповоротливый, какъ столбъ, Штюрмеръ держалъ себя чрезвычайно важно-сановито, но при разговорахъ рѣчь велъ торопливо и часто въ заискивающемъ тонѣ. По всему, что приходилось мнѣ о Штюрмерѣ слышать и знать, его личныя качества далеко не соотвѣтствовали его величаво-импозантной внѣшности. Не отличался онъ ни широтой взглядовъ, ни прямотой дѣйствій, ни моральной устойчивостью. Вся его карьера прошла подъ знакомъ сплош-

старившійся, выдохшійся, потерявшій въ своемъ общеніи съ омерзительными подонками „Гришкиной" компаніи всякое представленіе о чести и совѣсти, Штюрмеръ все же, въ концѣ концовъ, задѣлался калифомъ на часъ, ошеломивъ всѣхъ и вся своимъ вступленіемъ на постъ премьера, да еще въ такой героическій и отвѣтственный для главнаго руководителя государственнымъ управленіемъ періодъ. Дальше мнѣ придется подробнѣе обрисовать неприглядную сторону личныхъ свойствъ и служебной дѣятельности новаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Пока не могу не привести здѣсь краткій, но мѣткій отзывъ о немъ одного изъ его ближайшихъ сотрудниковъ — князя Владиміра Михайловича Волконскаго, состоявшаго одно время Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

„Штюрмеръ, —по словамъ князя, — начиналъ свой рабочій день съ 6 часовъ утра и старательно весь день всѣхъ выслушивалъ, но къ вечеру изъ него все испарялось — его свободно можно сравнить съ особаго рода губкой, которую съ ранняго утра и до вечера намачивали, а тогда, когда приходилось ее выжимать, ни одной капли изъ нея было не выжать".

Возможно, что когда-то Штюрмеръ обладалъ и нормальной памятью, и достаточной смекалкой, но то, что онъ изъ себя представлялъ въ бытность его премьеромъ, давало полное право его называть субъектомъ, опредѣленно выжившимъ изъ ума. Лично мнѣ, напримѣръ, приходилось первое время чуть ли не ежедневно знакомить его съ продовольственнымъ положеніемъ страны и Петрограда, вдалбливая въ его объемистую голову однѣ и тѣ же цифры, которыя тутъ же изъ его памяти улетучивались.

Въ качествѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ Штюрмеръ производилъ впечатлѣніе напыщеннаго манекена, не способнаго ни на что реагировать, ни тѣмъ болѣе проявлять живое

нѣсколькими тысячами рублей для уплаты карточнаго долга. Само собой, съ моей стороны послѣдовалъ отказъ. Тогда Штюрмеръ-сынъ вынулъ револьверъ и заявилъ, что если я ему немедленно не выдамъ просимой суммы, онъ тутъ же у меня въ кабинетѣ застрѣлится. Я позвонилъ, вызвалъ дежурившаго у меня курьера и приказалъ ему предупредить всѣхъ въ домѣ, что сейчасъ раздастся выстрѣлъ. Послѣ этого я заявилъ сидѣвшему противъ меня рыженькому господину:

— Теперь дѣйствуйте — стрѣляйтесь!..

Какъ и слѣдовало ожидать, Штюрмеръ - сынъ угрозы своей не исполнилъ, а, впавъ въ истерику, былъ при помощи того же курьера изъятъ изъ предѣловъ моего дома. Этого, какъ говорили, мнѣ Штюрмеръ - отецъ простить никогда не могъ.

Итакъ, 20-го января 1916 года, почтенный и глубоко порядочный, всѣми уважаемый Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ, просвѣщенный сановникъ, создавшій себѣ прочное и всѣми уважаемое имя въ доконституціонныя времена, былъ замѣненъ Штюрмеромъ, котораго я, при всемъ желаніи, добромъ помянуть не въ силахъ, и съ которымъ мнѣ суждено было заканчивать мою тяжкую министерскую службу.

Для обрисовки личности новаго премьера очень характерны событія, которыми сопровождалось самое вступленіе его въ отправленіе высокихъ служебныхъ обязанностей. Начать съ того, что въ первый же пріемъ въ Царскомъ Штюрмеръ, надо думать, подъ давленіемъ той же „закулисной" клики, доложилъ Государю о желательности удаленія изъ состава министерской коллегіи двухъ лицъ, такъ какъ ему извѣстна ихъ излишняя симпатія къ общественнымъ элементамъ и ихъ неустойчивое исповѣдываніе настоящаго консерватизма. Лицами этими оказались: Министръ Народнаго Просвѣщенія — графъ П. Н. Игнатьевъ и Министръ Земледѣлія — Наумовъ. Государь, выслушавъ Штюрмера, съ неудовольствіемъ ему

общественной средѣ. По его словамъ, эта среда ему „хорошо знакома", „близка его сердцу" и „играетъ громадную роль въ жизни не только мѣстной, но и всего Россійскаго Государства"...

Пробылъ у меня новый премьеръ часа полтора, успѣлъ также коснуться вопроса о созывѣ Государственной Думы и внимательно выслушалъ мое мнѣніе о желательности довѣрчиваго отношенія къ Думѣ со стороны правительственныхъ круговъ. Разставаясь со мною, Штюрмеръ высказалъ свое полное сочувствіе моимъ словамъ и согласился съ выраженнымъ мной пожеланіемъ созвать Государственную Думу послѣ предварительнаго сговора правительства съ представителями обѣихъ законодательныхъ палатъ и безъ указанія на длительность сессіи.

Въ общемъ, вновь назначенный Предсѣдатель Совѣта Министровъ явно употреблялъ всѣ усилія, чтобы произвести на меня самое пріятное впечатлѣніе...

Но съ его визитомъ фатально, а можетъ быть и иначе какъ-то, совпало одно незаурядное происшествіе, о которомъ считаю небезъинтереснымъ болѣе подробно здѣсь разсказать. Только что Штюрмеръ изъ зданія моего Министерства ушелъ, какъ ко мнѣ въ кабинетъ съ нѣсколько взволнованнымъ видомъ приходитъ секретарь Загорскій, съ докладомъ о томъ, что только что по телефону просилъ меня принять его въ 5 часовъ дня „Григорій Ефимовичъ"..

— Какой такой Григорій Ефимовичъ?! — озадаченно спросилъ я секретаря, на что послѣдовалъ сначала отвѣтъ:

— Новыхъ...

И только уже послѣ этого Загорскій съ замѣтнымъ смущеніемъ рѣшился произнести настоящую фамилію этого Григорія Ефимовича. Меня передернуло.

— Передайте Распутину, — сказалъ я въ нѣсколько по-

не прочь бывали временами снисходить къ просьбамъ „тобольскаго старца", очевидно, придерживаясь житейскаго правила „не дразнить гусей", не возстанавливать противъ себя ни самого Распутина, ни слѣпо вѣрившихъ въ него обитателей Царскосельскаго Дворца. Меня предостерегали не только мои сотрудники, но и другіе доброжелатели, принадлежавшіе къ разнымъ слоямъ столичнаго общества. Всѣмъ я отвѣчалъ одно:

— Распутина не приму и чѣмъ скорѣе освобожусь отъ службы, тѣмъ лучше.

Но долженъ все же отмѣтить, что въ этотъ день впервые я съ болью въ сердцѣ осозналъ то огромное вліяніе, которымъ пользовался въ столичныхъ сферахъ негодный „старецъ Григорій", добиравшійся нынѣ и до моего покоя... „Бѣдная Россія" — кратко отмѣчено въ моемъ дневникѣ.

Наступилъ слѣдующій день — 22-е января. Съ 12 час. дня начался у меня обычный пріемъ лицъ и депутацій. Народу подошло много. По заранѣе одобреному мною списку, секретарь сталъ по очереди пропускать въ мой служебный кабинетъ лицъ, имѣвшихъ до меня дѣло. Представлялся мнѣ одинъ изъ начальниковъ Прибалтійскихъ губерній, когда вдругъ, безъ всякаго моего вызова, робко и съ крайне сконфуженнымъ видомъ, входитъ въ кабинетъ Загорскій. Извинившись передъ Губернаторомъ, я быстро подошелъ къ Станиславу Антоновичу и въ невольно рѣзкой формѣ спросилъ:

— Что это значитъ?! Какъ вы могли войти въ кабинетъ во время пріема безъ моего вызова? Что случилось?

Взволнованнымъ и чуть внятнымъ голосомъ секретарь пробормоталъ:

— Въ пріемную пришелъ Григорій Ефимовичъ и требуетъ, чтобы ваше высокопревосходительство его приняли тотчасъ.

„тобольскаго старца". Дѣйствительно, это былъ Распутинъ, котораго я, въ первый и единственный разъ въ своей жизни, имѣлъ случай видѣть и достаточно хорошо разсмотрѣть. Обходилъ я просителей въ сопровожденіи своего секретаря, который отбиралъ подаваемыя мнѣ заявленія и отмѣчалъ у себя мои распоряженія. При моемъ приближеніи къ Распутину, послѣдній все же всталъ и пристально уставился на меня своими воспаленными, слегка растаращенными и, надо сказать правду, отвратительными глазами, обычно именуемыми среди простонародья „безстыжими зѣнками". Передо мной стоялъ средняго роста, пожилой, простецкаго мужицкаго вида человѣкъ, съ жидкими, темнорусыми, подстриженными въ скобку волосами, напоминавшій сидѣльцевъ кабацкихъ заведеній былыхъ временъ, до монополіи. Его истасканная физіономія, обрамленная темной, висѣвшей мочалой, бородой, имѣла совершенно отталкивающее выраженіе. Особенно омерзительны были выглядывавшіе изъ темныхъ впадинъ глаза, которыми Распутинъ въ упоръ смотрѣлъ на меня, то расширяя, то суживая свои нечистыя „зѣнки". Мнѣ вспомнились росказни про будто бы присущую ему необыкновенную силу внушенія. Я рѣшилъ испытать эти чары на себѣ и, подойдя вплоть къ Распутину, съ вызовомъ принялъ глазами наиравленный на меня не просто пристальный, но напряженный его взглядъ. Но ничего, кромѣ отвращенія, я въ себѣ не ощутилъ.

— Что нужно? — спросилъ я его.

Трясущимися руками Распутинъ досталъ изъ-за пазухи своей поддевки лоскутокъ бумаги, который я поручилъ своему секретарю взять и прочесть. На бумажкѣ была изложена просьба зачислить какого-то студента въ гидротехническую организацію Министерства Земледѣлія. Приказавъ заявленіе это передать на разсмотрѣніе Мосальскаго, я вновь обратился къ Распутину съ вопросомъ, имѣется ли у него еще какая-ли-

жался еще на нѣкоторое время въ пріемной залѣ, а затѣмъ поспѣшилъ въ Маріинскій Дворецъ на засѣданіе Совѣта Министровъ.

Позже, со словъ очевидцевъ, я узналъ, что Распутинъ, спустившись со своей спутницей въ швейцарскую и накинувъ на себя соболью шубу, передъ уходомъ поднялъ кверху свой кулакъ и съ неистовой злобой потрясъ имъ въ воздухѣ. Затѣмъ онъ и дама поспѣшно усѣлись въ превосходный автомобиль и быстро скрылись изъ виду.

Стало мнѣ также извѣстно, что первымъ долгомъ послѣ посѣщенія моей пріемной, тобольскій старецъ направился въ Царское, съ жалобой на Министра Земледѣлія. Слухъ этотъ меня не только не омрачилъ, но въ сильной степени обрадовалъ... „Я въ восторгѣ" — записано по этому поводу у меня въ дневникѣ 23-го января 1916 года, — какъ будто послѣ удачной охоты!"

Не могу не отмѣтить здѣсь той для меня совершенно неожиданной обстановки, которая создалась вокругъ меня и моего имени, послѣ только что описаннаго распутинскаго появленія у меня. Отказъ принять и впустить къ себѣ въ кабинетъ вреднаго и мерзкаго „старца" казался мнѣ дѣломъ вполнѣ естественнымъ, даже обязательнымъ. Я былъ немало озадаченъ, когда, во всѣ послѣдующіе послѣ распутинскаго инцидента дни, ко мнѣ являлись не только отдѣльныя лица, но цѣлыя депутаціи отъ общественныхъ организацій, даже и отъ нѣкоторыхъ думскихъ партійныхъ группировокъ. Всѣ они привѣтствовали меня по поводу открыто выказаннаго мною опредѣленнаго отрицательнаго отношенія к заслуживающей всеобщаго презрѣнія личности „тобольскаго старца". Я получалъ въ томъ же духѣ составленныя груды письменныхъ привѣтствій. Съ утра до вечера раздавались нескончаемыя телефонныя восхваленія, как будто я совершилъ героическій подвигъ, проявилъ необычайное гражданское мужество. Даже почтенный мой коллега, Министръ Юстиціи — чистый и честный А. А. Хвостовъ мнѣ сказалъ:

— Я слышалъ, что вы Распутина не впустили къ себѣ въ кабинетъ. Я тоже его ненавижу, но тѣмъ не менѣе долженъ былъ въ этомъ отношеніи пойти на уступку.

Остались у меня также въ памяти по телефону сказанныя мнѣ на другой день послѣ появленія у меня Распутина слова всероссійскаго полицейскаго сыщика и всезнайки — Товарища Министра Бѣлецкаго:

— Жаловался и во Дворцѣ и намъ всѣмъ старецъ на непривѣтливый вашъ пріемъ, а въ концѣ мнѣ добавилъ: „все-таки видно, что Наумовъ баринъ".

Такъ или иначе, но съ тѣхъ поръ, послѣ непривѣтливаго моего пріема „старецъ Григорій" болѣе никогда и ничѣмъ моего покоя не нарушалъ, если, конечно, не считать, что съ того момента въ его окруженіи началась, какъ до меня доходили слухи, постепенная подготовка высокихъ сферъ къ мысли о желательности замѣнить Министра Наумова инымъ, болѣе подходящимъ лицомъ. Подобные слухи я искренне привѣтствовалъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, откровенно говоря, о нихъ скоро забывалъ, т. к. съ головой ушелъ въ дѣло продовольствія страны и фронта.

148

Во время премьерства Штюрмера засѣданія Совѣта Министровъ по прежнему подраздѣлялись на очередныя, обычно происходившія по вторникамъ и пятницамъ, и экстренныя, носившія характеръ особо конфиденціальныхъ совѣщаній.

Въ пятницу 22-го января 1916 года, какъ разъ въ день появленія въ моемъ Министерствѣ Распутина, я участвовалъ на засѣданіи Совѣта Министровъ, на которомъ впервые предсѣдательствовалъ Штюрмеръ. Долженъ сознаться, что результатомъ этого засѣданія я остался въ полной мѣрѣ удовлетвореннымъ. Обсуждался вопросъ о созывѣ законодательныхъ палатъ. Рѣшено было доложить Его Императорскому Величеству о желательности изданія по этому поводу указа безъ обозначенія въ немъ какого-либо опредѣленнаго срока. О длительности предстоявшихъ сессій имѣть особое совѣщаніе изъ представителей правительства и законодательныхъ учрежденій. „Моя побѣда!"... И на самомъ дѣлѣ — на протяженіи какихъ-нибудь 10 дней одни и тѣ же люди оказались способны заговорить на совсѣмъ другомъ языкѣ!

Очевидно, настойчивое воздѣйствіе на Царя нѣкоторыхъ лицъ, внушавшихъ Его Величеству о государственной необходимости созыва законодательныхъ палатъ, въ особенности Государственной Думы, при условіи открытаго къ нимъ довѣрія, — оказало рѣшающее вліяніе не только на судьбу самаго факта созыва, но и дальнѣйшаго пребыванія на посту премьера лица, опредѣленно подобному акту не сочувствовавшаго. Когда Горемыкинъ ушелъ въ отставку, редактированный при немъ проектъ указа о созывѣ Государственной Думы срокомъ на одинъ мѣсяцъ, Государемъ подписанъ не былъ. Покидая свой постъ Иванъ Логгиновичъ насъ предупредилъ, что вопросъ о созывѣ законодательныхъ палатъ, согласно желанію Государя, долженъ быть вновь пересмотрѣнъ при его замѣстителѣ. Этотъ пересмотръ состоялся на засѣданіи Совѣта Министровъ 22-го января. Новый премьеръ, внося на наше обсужденіе вопросъ о созывѣ Государственной Думы, со своей стороны, опредѣленно высказался въ томъ самомъ направленіи, которое мы съ Сазоновымъ отстаивали на первомъ „тайномъ" засѣданіи 11-го января. Тогда мы встрѣтили горячій протестъ со стороны большинства нашихъ коллегъ. Теперь же со стороны послѣднихъ послышались иныя пѣсни. Предложеніе Штюрмера встрѣтило, конечно, полнѣйшее сочувствіе представителей былого меньшинства, т. е. меня и Сазонова, и было скрѣп-

лено покорнымъ согласіемъ остальныхъ Министровъ, включая горячо протестовавшаго ранѣе противъ подобнаго созыва П. Л. Барка.

Итакъ, въ вопросѣ, имѣвшемъ въ общемъ ходѣ государственной жизни, несомнѣнно серьезное значеніе, замѣна Горемыкина Штюрмеромъ явилась какъ бы благопріятнымъ факторомъ для его разумнаго разрѣшенія. Однако, по моему убѣжденію, въ этомъ дѣлѣ взгляды новаго премьера никакой роли не играли. Штюрмеръ былъ человѣкъ прежде всего безпринципный, передъ „высокими" сферами рабски угодливый. Онъ надѣвалъ на себя личину то непримиримаго, то компромиснаго консерватора, въ зависимости отъ требованія обстановки и соображеній личной пользы... Не таковъ былъ почтенный Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ, — серьезный государственный сановникъ, съ огромнымъ административнымъ стажемъ, успѣвшій выработать и усвоить опредѣленные взгляды и принципы. Онъ жилъ ими и потому проводилъ ихъ въ своей служебной дѣятельности. Вопросъ иной, — насколько эти взгляды соотвѣтствовали данной эпохѣ государственной жизни и возможно ли было ихъ съ этой точки зрѣнія поддерживать, но Горемыкинъ, призывавшійся Государемъ въ ближайшіе сотрудники, говорилъ съ нимъ нелицепріятно, говорилъ „своимъ" языкомъ, отражавшимъ его собственныя, сложившіяся за многолѣтнее служеніе Царю и родинѣ, понятія о пользѣ и о нуждахъ россійскаго государства. Убѣжденный противникъ виттевскихъ законодательныхъ учрежденій, онъ себя такъ и велъ, стараясь при этомъ всѣми своими силами ограждать престижъ и полноту царской власти. Вопросъ о томъ или другомъ способѣ созыва Государственной Думы былъ всецѣло связанъ съ деликатной стороной взаимоотношеній между ней и царской властью. Въ силу важнѣйшихъ государственныхъ соображеній, именно въ описываемый моментъ, необходимо было съ высоты Престола открыто выявить искренне-довѣрчивое отношеніе Короны къ дѣятельности Государственной Думы. На этотъ путь Горемыкинъ, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, встать не могъ. Тогда Государю его фатальное „закулисное" окруженіе подсказало имя Штюрмера, хотя и принадлежавшаго къ крайне-правому партійному крылу Государственнаго Совѣта, но готоваго пойти на все, лишь бы достичь высшей степени его карьеры. Штюрмеръ былъ, можетъ быть, сильнѣе Горемыкина предубѣжденъ противъ всякихъ общественныхъ вмѣшательствъ въ область чиновничьихъ распорядковъ и въ глубинѣ своей мелочной и темной душонки относился еще болѣе враждебно къ существованію нижней палаты со всѣми ея злободневными запросами, но онъ, въ угоду создавшагося тогда царскаго настроенія и ради достиженія высокаго вліятельнаго поста, все жъ взялся быть глашатаемъ необходимости созыва Государственной Думы и съ высоты Престола открытаго къ ней выраженія довѣрія.

Такъ или иначе, но начало Штюрмеровскаго премьерства

казалось, съ моей точки зрѣнія, удачнымъ, до нѣкоторой степени даже примирило меня съ новымъ назначеніемъ. Но, увы, — подобное настроеніе продолжалось у меня недолго. Слѣдующее послѣ 22-го января очередное засѣданіе Совѣта Министровъ, имѣвшее мѣсто 26-го января, сразу же со всей остротой всколыхнуло во мнѣ все прежнее къ Штюрмеру непріязненно-гадливое отношеніе. И не безъ основанія.

Засѣданіе это было продолжительное, затянулось до 7 час. вечера. Стоявшіе на повѣсткѣ вопросы были, наконецъ, всѣ исчерпаны. Я собирался уходить, когда вдругъ Штюрмеръ, переговоривъ о чемъ-то съ Алексѣемъ Николаевичемъ Хвостовымъ, заявляетъ, что онъ имѣлъ въ виду предложить г.г. Министрамъ подписать составленный имъ проектъ журнала по одному экстренному дѣлу, не предусмотрѣнному дневной повѣсткой. Ограничившись этими словами, предсѣдатель Совѣта Министровъ передаетъ какой-то листъ сидѣвшему рядомъ съ нимъ Военному Министру А. А. Поливанову, который просмотрѣвъ содержаніе бумаги, былъ, видимо, немало смущенъ и, весь судорожно подергиваясь, сталъ что-то горячо объяснять Штюрмеру. Послѣдній, не теряя своего олимпійскаго величія, призвалъ къ себѣ на помощь А. Н. Хвостова, который, обѣжавъ вокругъ стола, всѣмъ своимъ баллонообразнымъ туловищемъ приникъ къ худощавой фигурѣ Поливанова и началъ что-то на ухо ему быстро и многозначительно доказывать. Съ превеликой нерѣшительностью и весь волнуясь, Военный Министръ въ концѣ концовъ взялъ перо и поставилъ на полученномъ отъ Штюрмера листѣ свою подпись.

Въ ожиданіи своей очереди, я вновь присѣлъ на свое мѣсто и спрашивалъ сосѣдей, въ чемъ дѣло и что это за журналъ? Но никто изъ нихъ отвѣта мнѣ дать не могъ — для всѣхъ заявленіе Штюрмера оказалось полнѣйшей неожиданностью. Межъ тѣмъ листъ продолжалъ переходить отъ одного Министра къ другому, постепенно заполняясь ихъ подписями, пока, наконецъ, дошелъ до моихъ рукъ.

Содержаніе проекта сверхпрограммнаго журнала было чрезвычайно кратко и сводилось къ ассигнованію въ безотчетное распоряженіе Предсѣдателя Совѣта Министровъ пяти миллюновъ рублей.

Первымъ моимъ побужденіемъ послѣ прочтенія этой бумаги, успѣвшей собрать болѣе половины министерскихъ подписей, было — бросить все и уйти подальше отъ создавшейся вокругъ меня обстановки, отъ вызывающе-пренебрежительнаго отношенія новаго премьера къ возглавляемому имъ коллегіальному учрежденію, членовъ котораго, Министровъ, онъ превращалъ въ безсловесныхъ пѣшекъ. Я положилъ журналъ обратно на столъ, не поставивъ своей подписи, и рѣшилъ покинуть засѣданіе. Но меня самымъ рѣшительнымъ образомъ остановили мои коллеги, убѣждавшіе меня не ставить ихъ моимъ демонстративнымъ уходомъ въ еще болѣе тяжелыя условія.

Тогда я обратился къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ съ вопросомъ, изъ какихъ суммъ онъ испрашиваетъ себѣ ассигновку и на какія цѣли? Вмѣсто отвѣта, Штюрмеръ подозвалъ къ себѣ А. Н. Хвостова и сталъ съ нимъ довольно продолжительное время перешептываться, послѣ чего изъ устъ нашего предсѣдателя послышался чрезвычайно туманный отвѣтъ, который окончательно подтвердилъ зародившееся у меня соображеніе въ полнѣйшей незаконности подобнаго акта. Имъ разрѣшалась передача въ руки Предсѣдателя Совѣта Министровъ крупной суммы не изъ т. н. „десятимилліоннаго фонда", находившагося въ безотчетномъ распоряженіи Верховной власти, а изъ общегосударственныхъ средствъ, расходованіе которыхъ требовало прежде всего санкціи со стороны законодательныхъ учрежденій и, сверхъ этого, подлежало установленному порядку отчетности передъ Государственнымъ Контролемъ. Заготовленный Штюрмеромъ, при несомнѣнномъ содѣйствіи А. Н. Хвостова, журналъ явно нарушалъ то и другое требованіе закона...

На мой вопросъ, на какой предметъ испрашивается пятимилліонное ассигнованіе, получился довольно своеобразный отвѣтъ:

„Подпишите немедленно предложенный вамъ журналъ, а поясненія даны будутъ потомъ".

Я указалъ на незаконность составленія даннаго журнала и на невозможность его утвержденія безъ упоминанія въ немъ, на какой предметъ пойдутъ ассигнуемыя денежныя суммы, и счелъ своимъ долгомъ отказаться отъ скрѣпленія его моей подписью.

Снова посовѣтовавшись съ Хвостовымъ, Штюрмеръ торжественно во всеуслышаніе заявилъ, что ассигнованіе ему въ безотчетное распоряженіе 5 милліоновъ рублей воспослѣдовало по Высочайшему повелѣнію, что проектъ этого журнала былъ въ свое время Его Императорскому Величеству доложенъ, и Государю благоугодно было повелѣть всѣмъ Министрамъ его подписать. Эти, сказанныя въ повышенномъ тонѣ слова, являвшіяся своего рода провокаціоннымъ вызовомъ по отношенію къ лицамъ, завѣдомо лояльно исполнявшимъ свои вѣрноподданническія обязанности, меня въ сильной степени возмутили. Послѣ минутнаго размышленія я заявилъ Штюрмеру:

— Если вы такъ ставите вопросъ, я, какъ вѣрноподданный своего Государя, подчиняюсь Высочайшему повелѣнію и журналъ, вами предложенный, подпишу, но оставлю за собой право доложить Его Величеству, при какихъ необычныхъ условіяхъ я эту подпись вынужденъ былъ вамъ дать...

Подписавъ, я быстро всталъ и ушелъ къ себѣ въ Министерство, находясь подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ поступка, впервые за всю мою служебную дѣятельность содѣяннаго, вопреки моимъ понятіямъ о долгѣ, чести, совѣсти и..., вмѣстѣ съ тѣмъ, — по Высочайшему повелѣнію!

Придя къ себѣ въ кабинетъ и оставшись на нѣкоторое время одинъ, я ощутилъ такой стыдъ, такую досаду за выраженное мною, въ концѣ концовъ, согласіе дать подпись и тѣмъ самымъ принять участіе въ явно беззаконномъ дѣлѣ, — что немедля же рѣшилъ дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ, чтобы не допустить Штюрмера до полученія вожделѣнныхъ пяти милліоновъ государственныхъ денегъ. Моимъ единомышленникомъ и энергичнымъ сотрудникомъ въ этомъ отношеніи оказался только что назначенный на постъ Государственнаго Контролера членъ Государственнаго Совѣта Николай Николаевичъ Покровскій, замѣнившій собою П. А. Харитонова и впервые принявшій участіе въ засѣданіи Совѣта Министровъ именно въ тотъ самый день, когда произошла описанная мною сцена съ подписями Штюрмеровскаго журнала.

Николай Николаевичъ пришелъ въ мой министерскій кабинетъ, усѣлся молча въ кресло, уперся длинными локтями въ свои колѣни и, опустивъ свою бритую голову, сталъ изъ стороны въ сторону ею безмолвно укоризненно поматывать.

— Ну, и компанія! — наконецъ глухимъ голосомъ промолвилъ новый Государственный Контролеръ, — угораздило же меня придти сегодня на это невѣроятное засѣданіе! Вотъ ужъ именно — первый блинъ да комомъ!

Обмѣнявшись другъ съ другомъ своими невеселыми впечатлѣніями, мы съ Покровскимъ условились самымъ энергичнымъ образомъ дѣйствовать противъ вызывающаго поведенія Штюрмера, который, съ первыхъ же шаговъ своего премьерства, позволилъ себѣ нарушить основные устои дѣятельности высшихъ государственныхъ учрежденій и затронуть достоинство служебнаго положенія Министровъ. Мы рѣшили протестовать непосредственно передъ лицомъ самого Государя — каждый по своему: Покровскій — по должности Государственнаго Контролера, заинтересованнаго въ соблюденіи установленнаго закономъ порядка по наблюденію за отчетностью въ расходованіи государственныхъ суммъ, а я — въ качествѣ рядового Министра, требующаго на правахъ члена Совѣта Министровъ, возстановленія нормальнаго порядка веденія дѣлъ въ высшемъ имперскомъ коллегіальномъ учрежденіи и должнаго со стороны его предсѣдателя уваженія къ Министрамъ..

Совмѣстные наши съ Покровскимъ шаги не остались безслѣдны. Черезъ три дня, на первомъ же очередномъ засѣданіи Совѣта Министровъ (29-го января), Штюрмеръ довелъ до нашего свѣдѣнія, что состоялось Высочайшее повелѣніе о подчиненіи ассигнуемыхъ въ распоряженіе предсѣдателя Совѣта Министровъ пяти милліоновъ рублей общему порядку государственнаго контроля. Спустя еще нѣсколько дней, намъ стало извѣстно, кто Штюрмеръ отказался отъ полученія этихъ злополучныхъ милліоновъ.

1-го февраля, обѣдая у Давыдовыхъ съ графомъ В. Н.

Коковцовымъ, я съ нимъ разговорился объ успѣвшей достаточно нашумѣть по всей столицѣ исторіи съ „штюрмеровской ассигновкой". Отъ него я узналъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ, разъяснившихъ мнѣ скрытыя цѣли, ради которыхъ премьеръ добивался этой ассигновки. Оказалось что въ этомъ предпріятіи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, претендовавшимъ на полученіе огромной суммы и побуждавшимъ Штюрмера къ составленію упомянутаго выше журнала и насильственному его утвержденію министерскими подписями, былъ никто иной, какъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ А. Н. Хвостовъ. Онъ въ то время имѣлъ на новаго премьера рѣшающее вліяніе и хотѣлъ, при его содѣйствіи, получить въ свое безотчетное распоряженіе огромную сумму, якобы для начала предвыборной агитаціи...

Дѣло въ томъ, что въ 1917 году полномочія депутатовъ четвертой Государственной Думы кончались, и, несмотря на затянувшіяся военныя дѣйствія, въ высшихъ административныхъ сферахъ не оставляли мысли о необходимости приступить къ подготовительнымъ работамъ для выборовъ въ пятую Государственную Думу. Дѣломъ этимъ особенно интересовался „безпокойный" А. Н. Хвостовъ, задавшійся цѣлью получить въ свои руки солидную сумму денегъ, пользуясь которой онъ хотѣлъ широко раскинуть сѣть право-правительственной предвыборной агитаціи, и даже пріобрѣсти у А. С. Суворина очень распространенный газетный органъ — „Новое Время". По словамъ графа Коковцова, со всей этой грандіозной затѣей Министръ Внутреннихъ Дѣлъ носился еще при И. Л. Горемыкинѣ, но послѣдній сй ходу не давалъ. Съ появленіемъ же у власти Штюрмера, Хвостовъ восторжествовалъ, и, вмѣстѣ съ послушнымъ ему тогда премьеромъ, успѣлъ быстро обойти мягкаго Царя.

Все же пятимилліонное предпріятіе „сорвалось"! Да и отношенія двухъ компаньоновъ — Штюрмера и Хвостова вскорѣ круто измѣнились. Въ чемъ-то они въ своемъ интимномъ закулисномъ кругу не поладили. Не прошло и мѣсяца, какъ Хвостовъ палъ. Его замѣнилъ на посту Министра Внутреннихъ Дѣлъ самъ премьеръ. Уже никто не могъ ему мѣшать идти рука объ руку съ его благодѣтелемъ и вдохновителемъ, Григоріемъ Распутинымъ. Даже начальника „чернаго" хвостовскаго кабинета, товарища министра внутренныхъ дѣлъ Бѣлецкаго, и того сослали въ далекій Иркутскъ на постъ генералъ-губернатора.

Вскорѣ послѣ увольненія Хвостова, для всѣхъ совершенно неожиданно, Военнаго Министра А. А. Поливанова замѣнили полевымъ интендантомъ генераломъ Дмитріемъ Савельевичемъ Шуваевымъ. Утромъ, 14-го марта 1916 года, я пріѣхалъ въ Могилевскую Ставку для всеподданнѣйшаго доклада и былъ приглашенъ генераломъ Алексѣевымъ въ офицерское собраніе къ завтраку, за которымъ мы принялись бесѣдовать на общія злободневныя темы — объ использованіи для сельскохозяйственныхъ нуждъ рабочихъ командъ, объ упорядоченіи и объединеніи фронтово-тыловыхъ распоряженій по продовольственному снабженію, объ условіяхъ примѣненія реквизицій и т. п. Вдругъ появляется въ дверяхъ знакомая намъ небольшая, плотная, одѣтая въ походную генеральскую форму, фигура главнаго полевого интенданта Шуваева. При видѣ насъ, онъ быстрыми шагами подошелъ къ нашему мѣсту, усѣлся по сосѣдству и, нагнувшись къ намъ, тихимъ взволнованнымъ голосомъ сообщилъ ошеломившую обоихъ насъ вѣсть — о только-что состоявшемся назначеніи его, Шуваева, Военнымъ Министромъ, вмѣсто Поливанова. Мы были такъ озадачены этой неожиданной новостью, что забыли даже выразить привѣтствіе почтенному старику, съ оказаннымъ ему царскимъ довѣріемъ и цѣликомъ отдались обсужденію судьбы, постигшей А. А. Поливанова, причинъ его увольненія и того, какъ можетъ отразиться подобное распоряженіе Государя на настроеніи правящихъ круговъ и, въ частности, — высшихъ военныхъ властей...

Правда, нерасположеніе Царя къ Поливанову было фактомъ общеизвѣстнымъ, но всѣ также знали, что Государь все же цѣнилъ исключительныя профессіональныя знанія, выдающуюся работоспособность и, наконецъ, несомнѣнную популярность военнаго министра. И вдругъ, въ разгарѣ военныхъ дѣйствій, когда со стороны главы Военнаго Министерства требовались особая опытность и освѣдомленность, вмѣсто умнаго, свѣдущаго руководителя военным вѣдомствомъ, къ которому законодательныя палаты относились съ явнымъ довѣріемъ, назначается генералъ, стоявшій въ сторонѣ отъ высшаго военнаго административнаго механизма, и въ силу свой прежней службы совершенно неавторитетный въ широкихъ военныхъ кругахъ. Всѣ знали почтеннаго Дмитрія Савельевича Шуваева, какъ свѣдущаго, опытнаго интенданта и безупречно-честнаго человѣка, но никому въ голову не могло придти считать его кандидатомъ на занятіе министерской должности — слишкомъ онъ казался умомъ и словомъ простоватъ...

Шуваевъ, съ виду похожій на пожилого мужика, свое интендантское дѣло велъ, не мудрствуя лукаво, но честно и чисто. За время своего пребыванія во главѣ этого вѣдомства, онъ успѣлъ его поставить внѣ обычныхъ подозрѣній въ взяточничествѣ и лихоимствѣ. Съ Шуваевымъ, до его назначенія на постъ Министра, приходилось мнѣ совмѣстно работать по продовольственному снабженію. Онъ мнѣ всегда казался человѣкомъ безхитростнымъ, простымъ, хотя недалекимъ, но благожелательнымъ и хозяйственнымъ. На засѣданіяхъ Особаго Продовольственнаго Совѣщанія онъ говорилъ отрывисто, нескладно, подчасъ и мало понятно, все время оговариваясь, что онъ привыкъ мыслить и дѣйствовать „по-солдатски" и неоднократно заставляя предсѣдателя переспрашивать, въ чемъ же сущность его предложеній. Въ этомъ отношеніи, какъ впрочемъ и во многомъ другомъ, Шуваевъ зна-

чительно разнился отъ лица, которое, по волѣ Монарха, онъ призванъ былъ замѣнить.

Нечего и говорить, что назначеніе Шуваева произвело на всѣхъ самое удручающее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что при увольненіи бывшему Военному Министру не было даже объявлено съ высоты престола обычной въ этихъ случаяхъ благодарности за его службу. Это не помѣшало Поливанову получать со всѣхъ сторонъ выраженія горячаго сочувствія въ постигшей его царской опалѣ, а заѣхавшій къ нему японскій посолъ позволилъ себѣ публично высказать отъ имени Японіи сожалѣніе по поводу его ухода съ министерскаго поста.

Вскорѣ послѣ своего увольненія, Поливановъ заѣхалъ ко мнѣ и откровенно подѣлился своими невеселыми думами и глубокимъ своимъ огорченіемъ по поводу обидныхъ для него условій его отставки. Онъ повѣдалъ тогда нѣкоторыя свои догадки по поводу причинъ столь явно отрицательнаго къ нему отношенія Государя. По его мнѣнію, въ этомъ дѣлѣ на царскую волю имѣла свое воздѣйствіе вся распутинская клика, въ связи съ докладомъ Поливанова по братолюбовской исторіи, въ которой, какъ я уже писалъ, не малую роль играли Великіе Князья Михаилъ Александровичъ и Борисъ Владиміровичъ.

Итакъ — съ начала премьерства Штюрмера до конца моей службы въ Совѣтѣ Министровъ произошли три перемѣны: на посту Государственнаго Контролера Харитонова замѣнилъ Покровскій; послѣ увольненія Алексѣя Николаевича Хвостова — обязанности Министра Внутреннихъ Дѣлъ принялъ на себя Штюрмеръ и наконецъ, вмѣсто А. А Поливанова, на должности Военнаго Министра очутился Шуваевъ.

149

Я уже указывалъ на основной недостатокъ работъ Совѣта Министровъ, вытекавшій, главнымъ образомъ, изъ отсутствія во главѣ названнаго коллегіальнаго учрежденія лица, которое бы могло съ достаточной авторитетностью объединять его участниковъ и вносить въ ихъ совмѣстныя занятія живую струю творческаго дѣлового подъема и руководства.

Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ не проявлялъ въ достаточной степени этихъ качествъ въ силу своего возраста, переутомленія и, какъ я выразился ранѣе, „потери вкуса" къ работѣ, которая послѣ виттевскихъ подсказокъ была направлена по пути, не соотвѣтствовавшему его доконституціоннымъ убѣжденіямъ. Но все же это былъ человѣкъ съ заслуженнымъ и чистымъ именемъ прежняго большого государственнаго работника. Поэтому, какіе бы дефекты почтенный Иванъ Логгиновичъ ни проявлялъ, какъ предсѣдатель, — все жъ чувство уваженія къ его личности у меня всегда оставалось.

Иное ощущеніе приходилось испытывать, когда Штюрмеръ возглавилъ Совѣтъ Министровъ. Помимо ранѣе установившейся за нимъ безславной репутаціи, онъ не преминулъ вскорѣ выказать на новомъ посту все убожество своихъ мыслительныхъ и душевныхъ свойствъ, хотя и старался внѣшне импонировать окружающимъ своей застывшей напыщенностью. Въ этомъ, надо думать, сказывался нѣкоторый отблескъ его прежней службы по придворно-церемоніальному вѣдомству.

Упоенный величіемъ своего высокаго положенія, сей церемоніальныхъ дѣлъ мастеръ десять дней спустя послѣ своего назначенія вдругъ по телефону меня предупреждаетъ, что онъ „имѣетъ въ виду" заѣхать ко мнѣ въ Министерство, и проситъ представить ему весь наличный составъ моихъ служащихъ... „Зачѣмъ вамъ это?!" — невольно вырвалось у меня съ языка. „Мнѣ необходимо — послышался отвѣтъ — какъ предсѣдателю Совѣта Министровъ, ознакомиться со служащимъ персоналомъ всѣхъ Министерствъ".

Пришлось уступить этой необычной фантазіи, и къ условленному часу вызвать въ залу Министерства всѣхъ старшихъ чиновъ моего вѣдомства. И вотъ явился къ намъ съ необыкновенно торжественнымъ видомъ премьеръ. Онъ преважно обошелъ всѣхъ собравшихся, свысока, снисходительно пожалъ каждому руку, затѣмъ всталъ въ середину залы, вынулъ изъ бокового вицмундирнаго кармана бумажку, насадилъ на свою безжизненную физіономію толстые роговые очки и въ начальническомъ тонѣ, но невнятно, прочиталъ не то привѣтствіе, не то своего рода наставленіе, послѣ чего, пробормотавъ по моему адресу слово не то одобренія, не то ободренія, еле нагнувшись, сдѣлалъ что-то вродѣ общаго поклона, и прослѣдовалъ обратно къ выходу.

Ту же комедію Штюрмеръ продѣлалъ и въ другихъ Министерствахъ. Впечатлѣніе отъ этихъ премьерскихъ церемоній у всѣхъ у насъ получилось не только смѣхотворное, но и достаточно удручающее. Мы сознавали, что своимъ поведеніемъ Штюрмеръ, передъ лицомъ многочисленныхъ чиновниковъ, способенъ былъ въ значительной степени дискредитировать достоинство не столько своей собственной персоны, сколь той высокой должности, которую онъ занималъ по выбору и волѣ Государя Императора.

Публичныя выступленія Штюрмера въ качествѣ предсѣдателя Совѣта Министровъ производили самое отрицательное впечатлѣніе. Изъ устъ этого „футлярнаго" субъекта исходило обычно что-то весьма невнятное и безжизненное. Присутствуя при подобныхъ выступленіяхъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ, невольно приходилось чувствовать безусловное умаленіе правительственнаго престижа.

Особенно рѣзко выявилась вся бездарность и непригодность Штюрмера, какъ публичнаго выразителя высшей правительственной политики, когда ему пришлось выступить отъ имени Совѣта Министровъ при открытіи занятій Государствен-

Его Величество, окруженный со всѣхъ сторонъ многочисленными депутатами, вмѣстѣ съ ними молился во время торжественнаго молебна. Моментъ этотъ навсегда запечатлѣлся въ моей памяти, такъ какъ онъ отвѣчалъ моему горячему тогда желанію добиться возможнаго сближенія Царя съ думскими работниками.

Надо сказать, что встрѣча Государя съ народными представителями, которыхъ возглавлялъ предсѣдатель Государственной Думы, отличалась чрезвычайнымъ патріотическимъ подъемомъ и подлинной задушевностью.

Родзянко сказалъ съ необычайнымъ воодушевленіемъ превосходную привѣтственную рѣчь, преисполненную любви и преданности Царю, даровавшему странѣ народное представительство, и заключавшую призывъ къ единенію всѣхъ силъ вокругъ Императорскаго Престола для защиты родины въ дни тяжкихъ боевыхъ испытаній.

Я стоялъ близко отъ Государя и видѣлъ, какъ Онъ еле сдерживалъ охватившее его волненіе. Послѣ привѣтственнаго слова предсѣдателя Государственной Думы, въ переполненной огромной залѣ наступило напряженное ожиданіе — всѣ взоры были направлены на Монарха.

Блѣдный, съ утомленнымъ лицомъ, Государь нѣсколько мгновеній стоялъ съ опущенной головой, какъ бы въ замѣшательствѣ, затѣмъ быстро поднялъ свой взоръ на стоявшаго передъ нимъ Родзянко, заглянулъ на дно своей фуражки, гдѣ лежалъ исписанный листокъ бумаги, и мѣрнымъ и яснымъ голосомъ произнесъ краткое слово благодарности за оказанный ему пріемъ и надежду на помощь ему и родинѣ со стороны народныхъ избранниковъ. Раздалось „ура" и при звукахъ народнаго гимна Государь покинулъ Таврическій Дворецъ.

Совѣтъ Министровъ въ полномъ составѣ остался въ Государственной Думѣ и присутствовалъ при открытіи засѣданія.

Завершилось засѣданіе пространной и претенціозной рѣчью депутата Шидловскаго, выступившаго съ декларацией отъ имени „прогрессивнаго блока". Выступленіе это, какъ мнѣ тогда говорили, находилось въ тѣсной связи съ посѣщеніемъ Государемъ Таврическаго Дворца и тѣми словами, которыя были сказаны Его Величествомъ въ отвѣтъ на привѣтственное обращеніе Родзянки.

Считаю умѣстнымъ здѣсь вкратцѣ коснуться того объединенія членовъ законодательныхъ палатъ, которому присвоено было наименованіе „Прогрессивнаго блока" и которое стало образовываться съ первой половины августа 1915 года.

Европейская война, принимавшая все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры, не могла, конечно, не отразиться на общемъ настроеніи населенія и, въ частности, его избанниковъ, входившихъ въ составъ законодательныхъ палатъ. Военныя неудачи первой половины 1915 года, обусловленныя частью слабой распорядительностью высшаго военнаго командованія, главнымъ же образомъ — недостаткомъ воинскаго снабженія; понесенныя страной за истекшій годъ огромныя жертвы людьми и матеріальными рессурсами; грозная неувѣренность въ будущемъ, и отсутствіе въ центрѣ живой, авторитетной и объединяющей правительственной власти — все это вмѣстѣ взятое, побудило смѣнить личный составъ верховнаго военнаго командованія, сорганизовать особыя учрежденія по упорядоченію всѣхъ видовъ снабженія арміи, и допустить къ совмѣстной съ правительствомъ работѣ по обслуживанью военныхъ нуждъ цѣлый рядъ общественныхъ организацій. Была образована Верховная Слѣдственная Комиссія для выясненія дефектовъ въ области воинскаго снабженія, явившаяся своего рода предохранительнымъ клапаномъ для накипѣвшаго народнаго недовольства. Къ тому же времени надо отнести и зародившуюся сначала среди депутатовъ Государственной Думы и

зунгами вновь народившагося объединенія, его заманчивыя патріотическія заданія, сдѣлали то, что въ „прогрессивный блокъ" стали вступать лица, въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ имѣвшія другъ съ другомъ мало общаго. Представители крайнихъ — правыхъ и лѣвыхъ думскихъ партій не вошли въ составъ означеннаго блока; всѣ же остальные, начиная съ умѣренныхъ „трудовиковъ" и лѣвыхъ „кадетъ", кончая правыми „октябристами" и даже „націоналистами" — смѣшались въ общую массу людей, задавшихся цѣлью создать объединеніе, способное спасти родину. Въ Государственномъ Совѣтѣ предсѣдатель группы „центра", баронъ В. В. Меллеръ-Закомельскій, тоже увлекся этой идеей. Вмѣстѣ со многими своими единомышленниками, въ томъ числѣ и гр. Д. А. Олсуфьевымъ, — онъ явился рьянымъ проповѣдникомъ необходимости образованія также и въ стѣнахъ Маріинскаго Дворца верхняго подъотдѣла спасительнаго думскаго блока. Къ нему охотно примкнула вся „академическая" группа Государственнаго Совѣта и лишь лица, принадлежавшія къ „правой" группировкѣ и весь „правый центръ", возглавляемый А. Б. Нейдгардтомъ, остались въ сторонѣ отъ этого прогрессивнаго объединенія. Вспоминается замѣчаніе одного изъ правыхъ острослововъ по поводу его образованія. „Ужасно звучитъ наименованіе этого моднаго блока; боюсь, какъ бы оно не привело нашу бѣдную родину къ общему прогрессивному параличу!"

Я уже говорилъ, что одинъ изъ видныхъ участниковъ образованія прогрессивнаго блока — Товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы, „октябристъ" — Сергѣй Тимофеевичъ Варунъ-Секретъ, указывалъ на чрезмѣрную широту и крайнюю неопредѣленность редакціи прогаммы блока, какъ на возможную причину недолговѣчности объединенія. Еще 8-го ноября 1915 года онъ убѣжденнымъ тономъ замѣтилъ,

нечнаго крушенія существующей власти и государственнаго строя.

Широко оповѣстивъ о своихъ патріотическихъ задачахъ, использовавъ благопріятно сложившуюся для ихъ агитаторской дѣятельности обстановку, слабость верховнаго управленія и неизбѣжность ошибокъ, — инициіаторы прогрессивнаго блока, они же и лидеры оппозиціонныхъ думскихъ партій, сумѣли взять „на поводокъ" слишкомъ податливыхъ представителей лояльно къ правительству относившихся думцевъ. Тѣмъ самымъ блокъ превратился во внушительную силу, съ которой не только приходилось считаться въ стѣнахъ законодательныхъ учрежденій, но къ которой стала прислушиваться и вся страна. Благодаря этому, роль прогрессивнаго блока, несмотря даже на образовавшіяся въ немъ за послѣдніе мѣсяцы существованія Государственной Думы трещины, въ политической исторіи Россіи въ конечный періодъ жизни Имперіи несомнѣнно была не только значительной, но безусловно рѣшающей.

Я позволяю себѣ такъ думать не безъ нѣкотораго основанія. На первыхъ же своихъ организаціонныхъ засѣданіяхъ, объединившись подъ лозунгомъ необходимости упорядочить власть, участники прогрессивнаго блока вскорѣ перешли къ вопросу о своевременности установленія въ россійскомъ государственномъ строѣ т. н. „отвѣтственнаго" министерства и перехода къ парламентскому образу правленія. Осенью 1915 года этотъ вопросъ многихъ занималъ и немало волновалъ, но въ концѣ концовъ встрѣтилъ многочисленную оппозицію среди самихъ членовъ прогрессивнаго блока.

Приведу по этому поводу занесенное въ мою книжку мнѣніе такого авторитетнаго государствовѣда, какимъ являлся членъ Государственнаго Совѣта Анатолій Ѳедоровичъ Кони, съ полнымъ убѣжденіемъ заявившаго мнѣ о безусловной не-

нымъ довѣріемъ"... Съ этого началось. Болѣе серьезныя и крупныя намѣренія его главарей, до конца существованія Государственной Думы оставались въ сферѣ конфиденціальныхъ переговоровъ. Рѣшаюсь объ этомъ писать на основаніи моихъ личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною при памятномъ разговорѣ съ нѣкоторыми думскими представителями, игравшими значительную роль въ жизни прогрессивнаго блока.

Вскорѣ послѣ моего думскаго выступленія 18-го февраля 1916 года, завершившагося шумными оваціями со стороны народныхъ представителей и вызвавшаго въ столичной прессѣ хвалебные по моему адресу отзывы, гдѣ меня именовали „министромъ общественнаго довѣрія", со мной пожелали свидѣться и конфиденціально переговорить нѣсколько человѣкъ, принадлежавшихъ къ заправиламъ прогрессивнаго блока. Въ числѣ ихъ находился мой землякъ — самарскій депутатъ, націоналистъ Владиміръ Николаевичъ Львовъ. Встрѣча состоялась въ моемъ номерѣ Европейской гостиницы и велась н на ту тему, чтобы я согласился вступить въ прогрессивный блокъ. При этомъ мнѣ было дано понять, что я принадлежу къ разряду тѣхъ лицъ, которыя думскимъ большинствомъ намѣчены для занятія министерскихъ должностей въ будущемъ кабинетѣ „общественнаго довѣрія"'. Помимо этого, въ ихъ словахъ, касавшихся общаго положенія вещей въ странѣ, я нѣсколько разъ уловилъ недоговоренные намеки на предположенное ими грядущее обновленіе верховнаго правительственнаго аппарата.

Прежде чѣмъ дать имъ тотъ или другой отвѣтъ, я рѣшилъ уточнить нашъ разговоръ и поставилъ имъ вопросъ ребромъ, что означали ихъ подготовительныя дѣйствія по подбору кабинета „общественнаго довѣрія", и какъ надо было понимать ихъ намѣреніе обновить верховную власть?... „Скажите правду! — не безъ волненія обратился я къ нимъ, — имѣетъ ли въ виду прогрессивный блокъ учинить государственный переворотъ?"... Отвѣтъ получился въ томъ смыслѣ, что они и ихъ единомышленники дѣйствительно задались цѣлью свергнуть съ престола „совершенно неспособнаго" для управленія страной Николая II, и само собой отстранить вмѣстѣ съ нимъ „Александру Ѳедоровну со всѣмъ ея Распутинскимъ окруженіемъ".

Надо сказать, что въ переговоры со мною вступили лица, ранѣе принадлежавшія къ лагерю стойкихъ и убѣжденныхъ монархистовъ. Поэтому я и спросилъ ихъ, разсчитываютъ ли они, послѣ учиненнаго ими дворцоваго переворота, сохранить для Россіи монархическій образъ правленія.. „Конечно, да!" — послышался твердый ихъ отвѣтъ. Тогда я задалъ имъ дальнѣйшій вопросъ: кого же они намѣтили возвести на царскій престолъ, вмѣсто свергнутаго Николая II? — „Ну, знаете! — къ немалому своему удивленію услышалъ я изъ устъ заговорщиковъ, — это вопросъ будущаго! Главное же, что предстоитъ намъ сдѣлать въ первую очередь — это очистить страну отъ безволія и распутиновщины!... А тамъ видно будетъ"...

Помню, съ какой горячностью я сталъ доказывать имъ всю безразсудность ихъ образа мыслей и намѣреній уничтожить Верховный Государственный Стягъ, имѣвшій для страны огромное значеніе въ смыслѣ объединенія обширной Россійской Имперіи и всей многомилліонной боевой арміи...

— Можно было бы васъ понять, — съ волненіемъ обратился я къ нимъ, — если бы вы, исторгнувъ этотъ стягъ изъ однѣхъ рукъ, незамедлительно передали бы его въ другія — лучшія, по вашему мнѣнію, руки... Но, если у васъ эти послѣднія еще не подысканы и опредѣленно не намѣчены — вы не имѣете права посягать на цѣлость и неприкосновенность лица, занимающаго священный Россійскій Императорскій Престолъ, да еще въ столь тяжкій, переживаемый нынѣ нашей родиной, моментъ!..

Въ конечномъ итогѣ, я идти съ ними по одному пути наотрѣзъ отказался и, несмотря на перспективы попасть въ участники „кабинета общественного довѣрія, самымъ категорическимъ образомъ отказался вступить въ прогрессивный блокъ.

Какъ извѣстно по нынѣ опубликованнымъ документамъ и даннымъ — основные руководители этого блока, не безъ ближайшаго участія А. И. Гучкова, шли твердымъ путемъ къ намѣченной цѣли, и въ концѣ концовъ достигли своего!.. То, чего я такъ боялся и о чемъ я заговорщиковъ изъ „прогрессивного блока" предупреждалъ, фатально случилось — съ престола царскаго Николай II былъ свергнутъ, и замѣститель ему найденъ не былъ. На верху огромной Имперіи и дѣйствующей арміи образовалась пустота. Ее заполнила революціонная стихія, низвергшая въ пропасть величіе, честь, достоинство и красу нашей родины, приведшая къ позорному Брестскому миру и большевистскому воцаренію, разметавшая въ концѣ концовъ всѣхъ насъ — какъ участниковъ, такъ и противниковъ „прогрессивнаго блока", по всѣмъ угламъ земного шара...

149

Вернусь къ думскому засѣданію 9-го февраля 1916 года. Слухъ о намѣреніи Государя лично прибыть на открытіе сессіи Государственной Думы быстро разнесся по Таврическому Дворцу, сдѣлался предметомъ самого живого обсужденія среди всѣхъ депутатскихъ партій. Со стороны огромнаго большинства членовъ Думы извѣстіе было встрѣчено съ чувствомъ самаго искренняго удовлетворенія, и лишь крайніе лѣвые отнеслись къ нему съ присущей имъ нетерпимостью, постановивъ, въ моментъ нахожденія Царя въ помѣщеніи Думы, демонстративно отсутствовать.

Что же касается многочисленныхъ сторонниковъ прогрессивнаго блока, то среди нихъ замѣчалось особое оживленіе

и приподнятое настроеніе, явившіяся въ результатѣ почему-то возникшей у многихъ изъ нихъ надежды, что Государственная Дума услышитъ изъ царственныхъ устъ давно желанную благую вѣсть о дарованіи странѣ кабинета „общественнаго довѣрія”... Вотъ почему съ такимъ радостнымъ воодушевленіемъ былъ встрѣченъ Государь огромнымъ большинствомъ думскихъ депутатовъ. И вотъ почему составленный въ тиши Царскосельскаго Дворца краткій и сдержанный отвѣтъ Его Величества на горячее привѣтствіе предсѣдателя Думы произвелъ на присутствовавшихъ такое расхолаживающее впечатлѣніе.

Немедленно послѣ проводовъ Государя, собралась руководящая головка прогрессивнаго блока, рѣшившая выпустить на трибуну Государственной Думы своего представителя, съ оглашеніемъ, въ противовѣсъ правительственной, „своей” декларации, которая и заслушана была, какъ ранѣе было упомянуто, послѣ горячо встрѣченныхъ всей думской залой патріотическихъ заявленій Министровъ — Поливанова, Григоровича и Сазонова.

Послѣ нихъ рѣзкимъ диссонансомъ прозвучала затяжная рѣчь одного изъ лидеровъ прогрессивнаго блока, октябриста Шидловскаго, сразу понизившаго общую восторженную приподнятость думскаго засѣданія и неблагопріятно подѣйствовавшая на настроеніе присутствовавшихъ среди публики представителей дружественныхъ иностранныхъ державъ...

Лично на меня выступленіе Шидловскаго произвело чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе не потому, что въ немъ слышалась критика правительственной дѣятельности, а потому, что декларація прогрессивнаго блока почти вся цѣликомъ сводилась лишь къ признанію полной несостоятельности правительственнаго аппарата и указанію на необходимость его замѣны другой властью, по понятію докладчика, болѣе соотвѣтствовавшей переживаемому страной моменту.

Въ результатѣ, давно желанное событіе — открытіе Государственной Думы, которое въ самомъ началѣ было осчастливлено исключительнымъ актомъ вниманія со стороны Монарха, лично на него явившагося, и которое, благодаря вдохновеннымъ рѣчамъ трехъ популярныхъ министровъ, проходило въ обстановкѣ всеобщаго патріотическаго воодушевленія, было совершенно неожиданно омрачено несвоевременнымъ, на мой взглядъ, выступленіемъ прогрессивнаго блока, болѣе иныхъ, завѣдомо противоправительственныхъ крайнихъ партій, подрывавшимъ въ періодъ тяжкаго боевого лихолѣтья не только pro domo sua, но и на всемъ международномъ политическомъ рынкѣ престижъ и могущество Россійской Державы.

150

Съ открытіемъ занятій законодательныхъ палатъ, въ силу

круто измѣнившагося темпа всей дѣловой государственной жизни страны, былъ также до извѣстной степени нарушенъ и обычный порядокъ созыва очередныхъ засѣданій Совѣта Министровъ, собиравшихся не въ опредѣленные дни, а по мѣрѣ возможности и накопленія дѣлъ. Въ этотъ періодъ экстренныя засѣданія участились, такъ какъ нерѣдко было необходимо срочно разсмотрѣть вопросы исключительной государственной важности, какъ, напримѣръ, законопроектъ о введеніи подоходнаго налога, горячимъ сторонникомъ котораго являлся Государственный Контролеръ Н. Н. Покровскій. Предложеніе Министра Путей Сообщенія Трепова о принятіи составленной имъ т. н. большой желѣзнодорожной строительной программы. Вопросъ объ образованіи особаго земельнаго фонда для надѣленія демобилизованныхъ нижнихъ чиновъ — участниковъ войны 1914 года. Проектъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о волостномъ земствѣ, а также цѣлая серія дѣлъ, возникавшихъ въ связи съ ходомъ военныхъ событій.

Во времена штюрмеровскаго премьерства, наряду съ экстренными засѣданіями, стали нерѣдко созываться еще особыя совѣщанія министровъ для заслушанія спеціальныхъ докладовъ представителей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которые завѣдывали Департаментомъ Полиціи. Сначала это дѣлалъ товарищъ министра Бѣлецкій, а затѣмъ его замѣститель Степановъ. Они обстоятельно и документально знакомили членовъ Совѣта Министровъ съ политическимъ настроеніемъ разныхъ слоевъ населенія, начиная съ рабочихъ и крестьянскихъ массъ, представителей интеллигенціи и общественности, включая думскихъ депутатовъ.

Съ нелегкимъ сердцемъ приходилось выслушивать донесенія докладчиковъ о появленіи въ странѣ грозныхъ симптомовъ того, что въ государственномъ организмѣ не все благополучно. То тамъ, то сямъ вспыхивали среди населенія безпорядки. Нѣсколько рабочихъ районовъ было охвачено забастовочнымъ движеніемъ, принявшимъ особо серьезный характеръ на Путиловскомъ заводѣ. Въ распоряженіе Департамента Полиціи поступали свѣдѣнія о быстромъ ростѣ среди нѣкоторыхъ общественно-столичныхъ, даже думскихъ, круговъ рѣзко-оппозиціонныхъ теченій, въ иныхъ случаяхъ уже выливавшихся въ опредѣленные планы рѣшительнаго государственнаго переворота.

Незадолго до ухода моего въ отставку, Штюрмеръ, помимо упомянутыхъ засѣданій, надумалъ собирать у себя на казенной квартирѣ особыя „тайныя” совѣщанія министровъ, для выработки способовъ не только „обеззреженія” но и значительнаго сокращенія, если не полной ликвидаціи, дѣятельности образовавшихся въ началѣ войны 1914 года военно-общественныхъ организацій — Всероссійскаго Союза Земствъ и Городовъ, а также и Военно-Промышленнаго Комитета.

Характеристику происходившихъ во времена штюрме-

ровскаго премьерства засѣданій Совѣта Министровъ можно свести къ одному основному положенію: дѣло велось подъ его руководствомъ не столько безлично, сколько безсистемно и безпринципно. Безличнымъ поведеніе самого Штюрмера нельзя было назвать по одному тому, что онъ, будучи совершенно неспособенъ единолично нести отвѣтственыя обязанности предсѣдателя Совѣта Министровъ, въ своей служебной дѣятельности нуждался постоянно въ подсказкѣ тѣхъ или другихъ лицъ, которыхъ онъ выбиралъ себѣ въ совѣтчики, по соображеніямъ не высшей политики или общегосударственной пользы, а исключительно — личной шкурной выгоды. Такъ, одно время Штюрмеръ цѣликомъ находился подъ вліяніемъ Алексѣя Николаевича Хвостова; затѣмъ имъ руководилъ Бѣлецкій, за нимъ — членъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ, нѣкій Гурляндъ, а за послѣдній періодъ нашей совмѣстной съ нимъ службы замѣтное на него воздѣйствіе оказывалъ стремившійся его замѣнить А. Ф. Треповъ. Но само собой, главнымъ закулиснымъ вдохновителемъ оставался все тотъ же тобольскій „старецъ" Распутинъ. Какъ мнѣ передавали, онъ ни одного дня не оставлялъ премьера въ покоѣ, инспирируя его то по телефону, то попросту вызывая его къ себѣ на домъ...

Въ качествѣ предсѣдателя Совѣта Министровъ, Штюрмеръ велъ лишь свою личную политику, проявляя интересъ къ разсматриваемымъ вопросамъ, поскольку то или другое ихъ рѣшеніе могло прійтись по вкусу лицамъ, которые могли такъ или иначе повліять на устойчивость его положенія, какъ премьера.

Тѣ дефекты веденія дѣлъ въ Совѣтѣ Министровъ, о которыхъ мною говорилось въ одной изъ предыдущихъ частей моихъ воспоминаній — при Штюрмерѣ стали выясняться еще острѣе. Вопросы даже наиболѣе въ государственномъ отношеніи значительные проходили въ обстановкѣ полнаго безразличія со стороны предсѣдательствующаго къ существу дѣла, при полномъ отсутствіи авторитетнаго объединяющаго руководства, явной безсистемности и случайности самыхъ рѣшеній.

Особенно смущало, а со временемъ и прямо возмущало меня, какъ Министра Земледѣлія, отношеніе не одного только Штюрмера, но и многихъ моихъ коллегъ къ вопросамъ, касавшимся основной области Россійскаго государственнаго существованія — сельскаго хозяйства, отъ состоянія котораго зависѣло все матеріальное благополучіе страны. Сплошь и рядомъ, на засѣданіяхъ Совѣта Министровъ приходилось сталкиваться или съ безразличнымъ отношеніемъ большинства моихъ сочленовъ къ интересамъ земледѣлія, или даже съ явнымъ непониманіемъ его значенія для всего государственнаго уклада нашей родины.

Начать съ того, что при выработкѣ правительственной декларации, происходившей наканунѣ открытія занятій законодательныхъ палатъ, я вынужденъ былъ заявить свой горячій протестъ противъ заслушаннаго ея проекта, въ которомъ ни одного слова не было упомянуто относительно хода и значенія дѣятельности Министерства Земледѣлія, занятаго въ то время и отвѣтственнымъ дѣломъ продовольствія арміи и тыла и поддержаніемъ сельскаго хозяйства на сколько-нибудь удовлетворительномъ уровнѣ. Между тѣмъ, въ проектѣ декларации, кстати сказать, средактированнымъ И. Н. Лодыженскимъ, цѣлый отдѣлъ былъ посвященъ широковѣщательнымъ заявленіямъ правительства о его намѣреніяхъ приступить къ выработкѣ энергичныхъ мѣръ для экономическаго возрожденія страны. Какъ будто его можно было достичь безъ поддержки и поощренія сельскохозяйственной промышленности!

То же самое повторилось и на другомъ экстренномъ засѣданіи Совѣта Министровъ, 20-го марта 1916 года, по поводу составленія и редактированія правительственной программы, которая должна была быть доложена на предстоявшей Парижской конференціи. И въ ней опущено было указаніе на первенствующее значеніе въ Россіи сельскаго хозяйства. По этому поводу я съ откровеннымъ укоромъ обратился къ своимъ коллегамъ и, въ частности, къ нашему предсѣдателю. Пришлось немало усилій употребить, чтобы измѣнить въ Совѣтѣ Министровъ подобное безразличное отношеніе къ основному источнику россійскаго хозяйственнаго благополучія.

Дѣло дошло до того, что по окончаніи засѣданія, я задержалъ Штюрмера и заявилъ ему о своемъ намѣреніи уйти изъ министровъ, если со стороны его и возглавляемой имъ коллегіи не воспослѣдуетъ коренной перемѣны во взглядахъ на сельское хозяйство въ Россіи и не будетъ проявлено къ нему больше благожелательности. Встрѣчено мое заявленіе было горячимъ завѣреніемъ премьера, что редакція правительственной докладной записки для Парижской конференціи, въ части, касающейся сельскаго хозяйства, безусловно будетъ передѣлана въ томъ духѣ и смыслѣ, какъ я настаивалъ на засѣданіи Совѣта Министровъ, и что въ будущемъ я могу всегда твердо разсчитывать на его, Штюрмера, поддержку.

Правительственная записка была затѣмъ дѣйствительно средактирована въ точномъ соотвѣтствіи съ тѣми данными и заключеніями, которыя были предварительно выработаны мною, совмѣстно съ членомъ Совѣта Министра Земледѣлія В. С. Кошко. Что же касается обѣщанія Штюрмера оказывать мнѣ и впредь твердую поддержку въ отстаиваніи интересовъ родного сельскаго хозяйства, то въ этомъ я былъ вскорѣ полностью разочарованъ. Во мнѣ поднялся новый приливъ возмущенія противъ тѣхъ моихъ коллегъ, которые не отдавали себѣ отчета въ значеніи сельскохозяйственнаго производства для устойчивости всего россійскаго государственнаго бытія.

Укажу хотя бы на судьбу одного вопроса, благопріятное разрѣшеніе котораго въ свое время вызвало съ моей стороны

немало заботъ и усилій, и даже волненій... Вскорѣ по вступленіи моемъ на должность Министра, я, при энергичномъ содѣйствіи товарища министра А. А. Риттиха, задался цѣлью мобилизовать возможно большее количество рабочей силы для нуждъ сельскаго хозяйства, за время войны потерявшаго огромное количество рукъ. Ради пополненія этой убыли, нами, начиная съ января 1916 года, приняты были всѣ возможныя мѣры для привлеченія въ распоряженіе Министерства Земледѣлія значительнаго контингента военноплѣнныхъ. Усилія наши, несмотря на рядъ препятствій, главнымъ образомъ, со стороны Военнаго Вѣдомства, въ концѣ концовъ, все же увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. Къ веснѣ 1916 года, обѣщавшаго быть урожайнымъ, въ нашемъ распоряженіи имѣлось свыше 350.000 человѣкъ военноплѣнныхъ, намѣченныхъ для распредѣленія по хлѣбороднымъ районамъ Европейской Россіи

Надо сказать, что спросъ на военноплѣнныхъ былъ въ то время огромный. Со всѣхъ краевъ землевладѣльческой Россіи получались самыя настойчивыя просьбы снабдить ихъ хозяйства рабочими руками. Законодательныя палаты горячо вторили этимъ голосамъ. Лишь среди носителей высшей правительственной власти эта острая нужда, требовавшая самого срочнаго и возможно полнаго своего удовлетворенія, не встрѣчала должнаго пониманія и отклика.

Случилось такъ, что 25-го марта — какъ разъ наканунѣ весенняго сѣва, собравшіеся на засѣданіе министры, пользуясь, очевидно, моимъ отсутствіемъ (въ тотъ день я долженъ былъ присутствовать въ Государственной Думѣ, разсматривавшей смѣту моего Вѣдомства), — уважили ходатайство Министра Торговли кн. Шаховского, потребовавшаго для работъ въ Донецко-угольномъ районѣ значительное количество военноплѣнныхъ, и рѣшили передать въ его распоряженіе 50.000 человѣкъ изъ контингента предназначеннаго для сельскохозяйственныхъ работъ. Объ этомъ постановленіи мнѣ тотчасъ же по телефону дали знать въ Таврическій Дворецъ. Немало этимъ возмущенный я вызвалъ къ себѣ Риттиха и поручилъ ему немедленно передать отъ моего имени предсѣдателю Совѣта Министровъ оффиціальную бумагу, написанную мною въ рѣзкой формѣ, и съ категорическимъ отказомъ подчиниться постановленію Совѣта Министровъ объ уступкѣ Министерствомъ Земледѣлія Министерству Торговли и Промышленности 50.000 военноплѣнныхъ. Угроза князя Шаховского жаловаться на Наумова Государю не подѣйствовала. Его Величество опредѣленно всталъ на мою сторону.

Приведу еще нѣсколько случаевъ безсистемнаго или, скорѣе, государственно-легкомысленнаго отношенія Совѣта Министровъ къ нѣкоторымъ вопросамъ, имѣвшимъ для страны несомнѣнно первостепенное значеніе.

Прежде всего, вспоминается мнѣ то тяжелое впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ засѣданія нашей коллегіи, завершившагося постановленіемъ большинства объ уничтоженіи т. н. „Совѣта пяти Министровъ". Вмѣсто него было рѣшено по всѣмъ дѣламъ военнаго характера собираться разъ въ недѣлю на спеціально созываемыя для сего пленарныя засѣданія, съ участіемъ всѣхъ министровъ. Это произошло въ угоду думскимъ вздорнымъ слухамъ и в корнѣ необоснованнымъ выкрикамъ о якобы нарождающейся министерской пятичленной диктатурѣ (?!). Штюрмеръ, очевидно, пожелалъ подладиться подъ тонъ думскихъ настроеній. Большинство министровъ пошло за нимъ, и такъ прекратилось существованіе во всѣхъ отношеніяхъ практически полезной организаціи, абсолютно ничего общаго съ политикой не имѣвшей. Долженъ еще отмѣтить, что постановленіе это состоялось 24-го мая 1916 года, слѣдовательно, болѣе чѣмъ за мѣсяцъ до моего ухода со службы. За все это время спеціальныхъ засѣданій Совѣта, съ участіемъ министровъ, по дѣламъ воинскаго снабженія ни разу не созывали.

Такъ же неосмотрительно и скоропалительно принято было Совѣтомъ Министровъ грандіозное по своимъ размѣрамъ и далеко не обработанное по существу предложеніе Министра Путей Сообщенія А. Ѳ. Трепова о внесеніи въ законодательныя палаты его проекта большой желѣзнодорожностроительной программы. Въ своемъ мѣстѣ я имѣлъ случай говорить объ этомъ проектѣ, какъ несогласованномъ съ общими потребностями страны и требовавшимъ въ тяжелый періодъ военнаго лихолѣтья колоссальныхъ денежныхъ затратъ (по 600 милліоновъ зол. рублей въ годъ, всего за пять лѣтъ — 3 милліарда золотыхъ рублей).

Къ сожалѣнію, при обсужденіи треповскаго предложенія, мой протестующій голосъ, настаивавшій на необходимости предварительной основательной его разработки, прозвучалъ одиноко. Предсѣдатель, по обыкновенію, представлялъ изъ себя подобіе окаменѣвшей фигуры буддійскаго божка, и весь ходъ обсужденія фактически велся самимъ творцомъ этой фантастической затѣи, въ рѣзко нетерпимомъ тонѣ, дававшемъ понять присутствующимъ министрамъ о неумѣстности ихъ замѣчаній, ввиду состоявшагося полнаго одобренія проекта со стороны самого Государя. Тѣмъ дѣло и кончилось, и Треповъ восторжествовалъ, и одинъ лишь я остался при особомъ мнѣніи, которое и было мною приложено къ журналу.

Одновременно, я не замедлилъ сдѣлать распоряженіе въ подвѣдомственномъ мнѣ Министерствѣ о разработкѣ и составленіи схемы тѣхъ желѣзнодорожныхъ магистралей, которыя представлялись для Россійской Имперіи жизненно необходимыми, въ цѣляхъ наиболѣе полной эксплоатаціи ея природныхъ богатствъ.

Благодаря энергичному содѣйствію товарища министра Грудистова, въ сравнительно короткій срокъ былъ изготовленъ спеціальный, тоже пятилѣтній, планъ желѣзнодорожнаго строительства, желательнаго для удовлетворенія тѣхъ ин-

тересовъ, защита которыхъ входила въ компетенцію Министерства Земледѣлія. Планъ этотъ былъ мною доложенъ Его Величеству, имъ одобренъ и препровожденъ затѣмъ по принадлежности, въ видѣ дополнительнаго регулятора къ проекту Трепова.

Все это происходило въ первой половинѣ іюня 1916 года. Въ концѣ того же мѣсяца занятія Государственной Думы были прекращены, и самъ я тогда же ушелъ со службы. Въ послѣдующій, конечный, періодъ Россійской Имперіи всемъ было не до треповскаго трехмилліарднаго строительства, и весь его головокружительный проектъ теперь можно разсматривать, какъ одинъ изъ историческихъ эпизодовъ, характеризующихъ не всегда правильный образъ дѣйствій былого Совѣта Министровъ.

Вспоминается мнѣ еще одинъ случай совершенно непредвидѣннаго рѣшенія, вынесеннаго все тѣмъ же высшимъ въ государствѣ учрежденіемъ. 3-го іюня 1916 года собрались на засѣданіе, чтобы обсудить поднятый мною еще во времена горемыкинскаго премьерства вопросъ о разгрузкѣ Петрограда. Предложеніе это было тогда единодушно поддержано какъ преСѣдателемъ совѣта, такъ и всѣми его членами. Однако, осуществленіе принятаго нами постановленія, къ сожалѣнію, было задержано, въ силу цѣлаго ряда соображеній Военнаго Вѣдомства.

Прошло немало времени. Продовольствіе перегруженнаго столичнаго центра, расположеннаго въ значительномъ отдаленіи отъ производительныхъ районовъ Имперіи, становилось все труднѣе. Совѣтъ Министровъ, по моему настоянію, имѣлъ въ виду вновь, и въ болѣе рѣшительной формѣ, поднять тотъ же вопросъ. Всѣ данныя были въ моемъ Министерствѣ тщательно разработаны, съ указаніемъ тѣхъ мѣръ, благодаря которымъ подобная операція должна была пройти совершенно безболѣзненно и безъ нарушенія интересовъ Военнаго Вѣдомства. Не успѣли члены Совѣта приступить къ обсужденію моего доклада, какъ Военный Министръ Шуваевъ выступаетъ съ неожиданнымъ заявленіемъ о томъ, что по вопросу о разгрузкѣ Петрограда состоялась Высочайшая резолюція „Этимъ дѣломъ не заниматься"... Среди министровъ произошло замѣшательство. Посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы: — какъ, да что, да почему,!.. Шуваевъ — человѣкъ простой и на слова въ достаточной степени скупой, — отвѣчалъ односложно, твердя все время одно и то же:

— Царь того не хочетъ!

Высказавъ по этому поводу мое искреннее недоумѣніе, такъ какъ мнѣ самому неоднократно приходилось на эту животрепещущую тему съ Его Величествомъ бесѣдовать, и Государь всегда охотно шелъ навстрѣчу нашему, еще при Горемыкинѣ состаявшемуся постановленію, — я, въ концѣ концовъ обратился къ Штюрмеру съ просьбой — отъ лица Совѣта Министровъ войти съ всеподданнѣйшим по этому поводу докладомъ и усердно просить Его Величество удовлетворить наше прежнее ходатайство. На это Шуваевъ вновь своимъ скрипуче-рѣзкимъ голосомъ, въ повышенномъ тонѣ, почти прокричалъ:

— Вы не имѣете права такъ поступать, разъ опредѣленно выражена воля Государя Императора — не касаться этого вопроса!

Пришлось тогда и мнѣ въ томъ же тонѣ указать почтенному, но недалекому старику на то, что долгъ всякаго вѣрноподданнаго министра повелѣваетъ говорить своему Монарху правду и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда государству грозитъ та или другая опасность.

— Положеніе съ продовольствіемъ Петрограда — заявилъ я — столь осложнено, что далѣе съ его разгрузкой медлить не приходится, и необходимо въ этой области стать на путь самыхъ срочныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Вотъ почему я повторяю и горячо прошу предсѣдателя внять моему голосу и исполнить передъ Государемъ нашъ общій долгъ...

Увы! Штюрмеръ, начиненный крикомъ Шуваева, остался глухъ къ моимъ словамъ. Большинство членов Совѣта отнеслось также болѣе чѣмъ хладнокровно ко всѣмъ моимъ доводамъ. Вопросъ былъ снятъ съ очереди и вновь повисъ въ воздухѣ. Почти восемь мѣсяцевъ спустя перегруженный Петроградъ сдѣлался центромъ продовольственныхъ безпорядковъ и очагомъ взбунтовавшейся полумилліонной арміи запасныхъ солдатъ.

Почемъ знать? — Если бы въ свое время военными властями были приняты тѣ мѣры по разгрузкѣ сѣверной столицы, которыя я дважды настойчиво рекомендовалъ Совѣту Министровъ, — нашу родину, можетъ быть, миновали бы тѣ грозныя событія, которыя разлились въ бушующее революціонное море, захлестнувшее въ своемъ мутномъ водоворотѣ былую россійскую государственность.

151

Перехожу къ обрисовкѣ техъ особыхъ тайныхъ совѣщаній министровъ, которыя Штюрмеръ началъ, съ начальныхъ чиселъ іюня 1916 года, устраивать у себя на казенной квартирѣ, на Фонтанкѣ, и которыя, по его словамъ, предназначались для обсужденія ряда вопросовъ, связанныхъ съ дѣятельностью Земскаго и Городского Союза, а также и Военно-Промышленнаго Комитета.

Первое подобное совѣщаніе, имѣвшее мѣсто 4-го іюня, неожиданно для меня, началось съ подробнѣйшаго доклада товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ Степанова о разраставшихся революціонныхъ теченіяхъ среди рабочихъ массъ на заводахъ, обслуживавшихъ воинское снабженіе. Все, мною тогда услышанное, произвело на меня чрезвычайно тяжелое

впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что изъ дальнѣйшихъ разсужденій участниковъ совѣщанія стала выясняться тенденція нѣкоторыхъ изъ нихъ связать развитіе революціонныхъ настроеній среди рабочаго люда съ антиправительственной пропагандой, исходившей, по слухамъ, отъ персонала Военно-Промышленныхъ Комитетовъ и Земско-Городского Союза.

На слѣдующихъ подобныхъ же засѣданіяхъ, между министрами рѣчь шла исключительно о дѣятельности названныхъ общественныхъ организацій, и пространно обсуждалось, какія взаимоотношенія слѣдуетъ центральному правительству съ ними установить. Дѣло въ томъ, что вообще къ описываемому мною времени взаимоотношенія эти чрезвычайно осложнились и носили крайне неопредѣленный, напряженный и, во всякомъ случаѣ, неискренній характеръ. Первой причиной, на мой взглядъ, являлось слѣдующее обстоятельство: условія веденія войны 1914 года поставили правительство въ необходимость сотрудничать съ патріотически въ то время настроенными общественными силами, которыя вскорѣ образовали Всероссійскій Земскій и Городской Союзъ и Военно-Промышленный Комитетъ.

Всѣ эти военно-общественныя учрежденія имѣли свои центральныя управленія и цѣлый рядъ мѣстныхъ подъотдѣловъ. Первыя двѣ организаціи сосредоточили свою дѣятельность подъ флагомъ Краснаго Креста, на обслуживаніи больныхъ и раненыхъ воиновъ, а Военно-Промышленный Комитетъ взялъ себѣ заданіемъ оказывать содѣйствіе изготовленію воинскаго снабженія, въ которомъ былъ большой недостатокъ.

Всѣмъ этимъ организаціямъ, съ момента ихъ появленія, правительство безпрепятственно, по первому ихъ требованію, выдавало крупныя денежныя ассигновки. По мѣрѣ развитія военныхъ дѣйствій, правительственныя субсидіи сами собой принимали все большіе размѣры, исчисляясь къ лѣту 1916 года въ многомилліонныхъ суммахъ. Правительство, вынужденное въ періодъ войны принять съ несомнѣнной признательностью сотрудничество общественныхъ силъ и выдавать ихъ организаціямъ на защиту отечества и заботу о раненыхъ крупныя денежныя средства, вмѣстѣ съ тѣмъ, допустило съ самаго же начала непростительную ошибку, не установивъ за расходованіемъ этихъ суммъ строгаго, точнаго и разумнаго контроля.

Подобную оплошность можно объяснить не только вѣяніемъ переживавшагося момента и настроеніями начала войны 1914 года, но и нѣкоторымъ излишнимъ преклоненіемъ передъ т. н. „общественностью" и чрезмѣрно щепетильно-деликатнымъ отношеніемъ къ ея представителямъ. Сужу потому, что съ первыхъ же шаговъ моей министерской службы, я самъ встрѣтился съ подобными взглядами моего ближайшаго помощника по продовольствію, очевидно, усвоенными имъ отъ своего бывшаго начальника А. В. Кривошеина. На мой вопросъ, какъ поставлено дѣло отчетности мѣстныхъ продовольственныхъ агентовъ, вербовавшихся моимъ предшественникомъ въ большинствѣ случаевъ изъ общественной среды, — я получилъ, въ видѣ нѣкотораго рода даже назиданія, немало удивившій меня отвѣтъ, что А. В. Кривошеинъ, приглашая къ сотрудничеству общественныхъ дѣятелей, никогда подобнымъ вопросомъ не задавался, всецѣло довѣряя ихъ добросовѣстности. На это послѣдовало мое разъясненіе, что во всѣхъ благоустроенныхъ сословныхъ, земскихъ, городскихъ и даже частныхъ общественныхъ организаціяхъ ревизія и отчетность являлись всегда основой всей ихъ служебно-хозяйственной дѣятельности. Я тогда же предложилъ подобный же порядокъ безотлагательно ввести для многочисленныхъ мѣстныхъ агентовъ Центральнаго Управленія Продовольственнаго Вѣдомства. Приходится думать, что взглядовъ Кривошеина держалось въ его время и правительство относительно отчетности правительственныхъ суммъ, расходуемыхъ въ громадномъ масштабѣ Всероссійскимъ Земскимъ и Городскимъ Союзами, а также Военно-Промышленнымъ Комитетомъ. Вслѣдствіе этой недопустимой нетребовательности, въ концѣ концовъ, какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ частяхъ русскаго общества стали зарождаться слухи, часто не въ пользу названныхъ общественныхъ учрежденій. Возникли подозрѣнія, что правительственныя средства ими опредѣленно расходуются на дѣло революціонной пропаганды, тѣмъ болѣе, что личный персоналъ, набиравшійся Союзами въ краснокрестные отряды и лазареты, подавалъ къ этому немало поводовъ.

Ввиду съ самаго начала неправильно допущенной постановки контроля и правительственнаго надзора за дѣятельностью означенныхъ организацій, провѣрить достовѣрность всѣхъ доходившихъ до властей свѣдѣній представлялось дѣломъ почти недостижимымъ. Между тѣмъ, недобрые слухи росли и ширились. Штюрмеръ, очевидно подстегнутый чьимъ-то вліятельнымъ подсказомъ, прибѣгнулъ къ созыву „тайныхъ министерскихъ совѣщаній", которыя, вмѣсто разумнаго упорядоченія дѣла, занялись, съ легкой руки ихъ руководителя, голословнымъ разслѣдованіемъ политической стороны дѣятельности Союзовъ и, главнымъ образомъ, Военно-Промышленнаго Комитета. Старались уловить связь между нимъ и возникновеніемъ среди заводскихъ рабочихъ революціонныхъ эксцессовъ. Однимъ изъ убѣжденнѣйшихъ партизановъ подобнаго образа дѣйствій являлся А. Ѳ. Треповъ. Онъ требовалъ не столько установленія строгаго надзора за дѣятельностью названныхъ организацій, сколько значительнаго сокращенія денежныхъ выдачъ.

На защиту дѣятельности общественныхъ организацій на первомъ же совѣщаніи всталъ Военный Министръ Шуваевъ. Въ своей своеобразной отрывистой рѣчи онъ отмѣтилъ несомнѣнную пользу, которую они приносятъ арміи и горячо отстаивалъ необходимость сохраненія ихъ организаціи во всемъ ихъ объемѣ. Въ томъ же смыслѣ, при поддержкѣ Сазонова,

главнымъ образомъ, самого Штюрмера. Онъ велъ съ представителями Союза и Комитета двойную игру: лично съ ними онъ былъ учтивъ и вѣжливъ, а за ихъ спиной велъ иную линію, направленную, при содѣйствіи нужныхъ ему „тайныхъ" министерскихъ совѣщаній, къ постепенной ликвидаціи военно-общественныхъ организацій.

Подневольное свое сотрудничество съ нашимъ премьеромъ я вскорѣ себѣ достаточно уяснилъ и рѣшилъ, послѣ третьяго „тайнаго" совѣщанія, къ нему на эти сборища больше не ходить. Надо принять во вниманіе, что за два года войны Земскій и Городской Союзы, также, какъ и Военно-Промышленный Комитетъ, успѣли проявить незаурядную творческую энергію и оказать неисчислимыя услуги, какъ въ области помощи раненымъ, такъ и по военному снабженію арміи. Въ глазахъ русскаго общества эти организаціи стали чрезвычайно популярными. Правительству, въ описываемый мною періодъ времени, слѣдовало бы относиться къ нимъ съ разумной осторожностью, и въ совмѣстной съ ними работѣ, также, какъ и въ области всѣхъ дѣловыхъ сношеній, дѣйствовать прямо и открыто.

Если, по тѣмъ или другимъ причинамъ, Правительство усмотрѣло въ дѣятельности названныхъ учрежденій нѣкоторый, вредный для общегосударственныхъ интересовъ, уклонъ — оно должно было вступить въ непосредственные переговоры съ общественными представителями и совмѣстно обсудить замѣченные дефекты. Между тѣмъ, вмѣсто такого, достойнаго сильной власти, образа дѣйствій, Штюрмеровское Правительство стало втихомолку созывать тайныя совѣщанія и стараться на нихъ сговариваться, не какъ наилучшимъ образомъ упорядочить совмѣстную съ общественными организаціями работу, столь необходимую для защиты родины, а какъ удобнѣе дѣятельность этихъ подсобныхъ учрежденій

секретаря и носившимъ чрезвычайно подходившую къ нему фамилію — „Фогель".

Какъ бы то ни было, но слухи о секретныхъ совѣщаніяхъ и о томъ, что на нихъ говорилось, стали широко циркулировать въ столичномъ обществѣ, частично, въ видѣ ясныхъ намековъ, попадая даже въ прессу и, конечно, усугубляя и безъ того крайне ненормальныя, напряженныя отношенія власти и руководителей общественныхъ организацій.

Для поясненія моего изложенія хочу коснуться моихъ личныхъ отношеній съ общественными организаціями. Будучи самъ давнимъ земскимъ дѣятелемъ и отдавая должное огромной для государства полезной работѣ названныхъ общественныхъ учрежденій, въ бытность мою Министромъ — не столько Земледѣлія, сколько продовольственнаго снабженія, — я могъ испытывать къ нимъ лишь искренне довѣрчивое отношеніе, и съ самаго начала моей службы всегда выражалъ представителямъ этихъ организацій полную готовность идти съ ними рука объ руку въ совмѣстной, связанной съ войной, работѣ.

Въ такомъ духѣ велъ я неоднократно разговоры съ княземъ Г. Е. Львовымъ и съ М. В. Челноковымъ. Я не стѣснялся имъ откровенно заявлять, что, если они искреннимъ образомъ готовы сотрудничать со мной, какъ Министромъ, безъ всякой затаенной мысли, что они хотятъ перехватить изъ нашихъ рукъ власть, — всегда буду радъ съ ними совмѣстно работать на общее благо нашей родины и за всякое содѣйствіе буду имъ горячо благодаренъ. Разъ на такое заявленіе я получилъ отвѣтъ, ставшій для меня болѣе понятнымъ только подъ конецъ моей министерской службы... „Въ вашей искренности, Александръ Николаевичъ, — замѣтили они мнѣ, — мы не сомнѣваемся, но искренно ли это со стороны правительства, въ составѣ котораго вы состоите?!"...* Вопросъ этотъ, въ свое

министровъ „страшныхъ для существованія отечества гидръ".

Для меня создавалось не только тяжелое, но и невыносимое положеніе, изъ котораго мнѣ необходимо было такъ или иначе выйти. Говоря съ общественными представителями на одномъ языкѣ и одновременно участвуя по своему положенію на Штюрмеровскихъ „тайныхъ" засѣданіяхъ, цѣль и сущность которыхъ стали всему обществу хорошо извѣстны, — я невольно на нѣкоторое время попалъ въ нелѣпое и несвойственное моимъ взглядамъ положеніе, будучи вынужденнымъ играть какъ бы двойственную роль.

Съ этимъ несноснымъ состояніемъ я рѣшилъ тогда же, въ двадцатыхъ числахъ іюня 1916 года, разъ навсегда покончить, и заявилъ Штюрмеру о своемъ отказѣ посѣщать его тайныя, всю душу мою возмущавшія, совѣщанія. Чтобы широко оповѣстить общественное мнѣніе о моихъ дѣйствительныхъ взглядахъ на значеніе и желательность совмѣстной съ правительствомъ государственной работы военно-общественныхъ организацій, — я рѣшилъ 24-го іюня принять газетныхъ сотрудниковъ и дать имъ по волнующему меня вопросу обстоятельное дѣловое интервью. На слѣдующій день оно появилось въ наиболѣе значительныхъ Петроградскихъ газетахъ („Рѣчь", „Новое Время", „Биржевыя Вѣдомости" и пр.) и произвело въ высшихъ сферахъ не малую сенсацію. Къ этому мнѣ еще придется вернуться, а пока коснусь того ненормальнаго положенія, въ которомъ высшіе представители власти находились по отношенію къ печатному слову, когда имъ приходилось помѣщать въ прессѣ оффиціальныя сообщенія.

По распоряженію Штюрмера на правительственныхъ верхахъ было образовано особое бюро, черезъ которое долженъ былъ проходить весь получаемый изъ всѣхъ правительственныхъ мѣстъ матерьялъ, подлежащій опубликованію въ повременной печати. Завѣдываніе этимъ бюро было возложено на всесильнаго въ то время Штюрмеровскаго временщика, члена Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Гурлянда — человѣка талантливаго и ловкаго, умѣвшаго устраивать себѣ и сохранять прочное положеніе при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Достаточно сказать, что вліяніе Гурлянда одинаково ощущалось какъ ранѣе при Столыпинѣ, такъ затѣмъ и при Штюрмерѣ.

Оказавшись во главѣ упомянутаго бюро, Гурляндъ явился тѣмъ центральнымъ лицомъ, черезъ руки котораго должна была проходить вся корреспонденція министровъ, предназначавшаяся къ направленію въ газетныя редакціи для опубликованія. Такая централизація представляла существенныя неудобства, лишая Министерства свободы своевременнаго печатнаго оповѣщенія и защиты и внося въ эту область элементъ личныхъ пристрастій, присущихъ всякому человѣку и, въ особенности, свойственныхъ Гурлянду. На этой почвѣ немало бывало у меня съ нимъ треній, доходившихъ до рѣзкихъ съ моей стороны по его адресу выпадовъ и вызывавшихъ круп-

ные на эту тему разговоры съ самимъ Штюрмеромъ.

Надо имѣть въ виду, что еще со временъ нашихъ встрѣчъ и совмѣстныхъ занятій на засѣданіяхъ Совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, Гурляндъ особыхъ симпатій ко мнѣ питать не имѣлъ основаній. Это отразилось на его отношеніяхъ къ требованіямъ моимъ, какъ Министра, помѣщать тѣ или другія вѣдомственныя замѣтки въ періодической печати.

Бывали случаи, что опроверженія мои, какъ предсѣдателя Особаго Продовольственнаго Совѣщанія, по своему содержанію исключительно важныя и срочныя, Гурляндъ подолгу задерживалъ. Они появлялись въ печати уже тогда, когда помѣщеніе ихъ теряло почти всякое значеніе.

Такъ, между прочимъ, поступилъ Гурляндъ съ моими требованіями срочно опубликовать мое вѣдомственное опроверженіе свѣдѣній относительно порчи въ холодильникахъ мяса и по поводу внесенія якобы мною въ Совѣтъ Министровъ предложенія объ ассигнованіи одиннадцати милліоновъ рублей на образованіе Государственнаго Земельнаго Фонда. Не могу попутно не остановиться, хотя бы вкратцѣ, на послѣднемъ обстоятельствѣ.

Среди прочихъ дѣлъ, доставшихся мнѣ въ наслѣдіе отъ Кривошеина, находился, въ совершенно сыромъ видѣ набросанный, проектъ объ образованіи особаго земельнаго фонда, который, по окончаніи Европейской войны, долженъ былъ быть распредѣленъ, въ видѣ Монаршаго вознагражденія, между демобилизованными нижними чинами. По порученію Совѣта Министровъ и съ соизволенія Государя, проектъ этотъ былъ переданъ мнѣ на разработку, къ чему я и приступилъ, пригласивъ въ качествѣ сотрудника А. А. Риттиха.

Вопросъ, обнимавшій какъ самое образованіе земельнаго фонда, такъ и предусмотрѣнную заранѣе царскую милость въ видѣ земельнаго вознагражденія милліоновъ участниковъ Великой войны, являлся чрезвычайно сложнымъ по трудности какъ въ отношеніи созданія фонда, такъ и будущаго его проведенія въ жизнь. Работа наша съ Риттихомъ происходила по возможности конфиденціально, во избѣжаніе преждевременныхъ кривотолковъ и чрезмѣрныхъ надеждъ всего фронтового люда на грядущее его земельное благополучіе. Такъ, никто, кромѣ нынѣ покойнаго А. А. Риттиха, не зналъ объ одной изъ мѣръ, которую я проектировалъ осуществить въ цѣляхъ образованія земельнаго фонда. Горе было бы мнѣ, если бы въ то время эти думы сдѣлались достояніемъ моихъ собратьевъ — крупныхъ землевладѣльцевъ! Имѣлъ же я въ виду, помимо пустопорожнихъ удобныхъ земель казенныхъ, удѣльныхъ путемъ меліораціи въ годное состояніе, присоединить къ государственному демобилизаціонному фонду принадлежащія частнымъ лицамъ земли, которыя самими владѣльцами хозяйственнымъ образомъ не обрабатывались, а сдавались въ арендное пользованіе. За эти земли владѣльцы должны

были получить вознагражденіе въ видѣ твердыхъ государственныхъ бумагъ, размѣры процентовъ съ которыхъ равнялись бы суммѣ ранѣе получавшейся ими арендной платы.

Повторяю, всѣми этими соображеніями мы съ Риттихомъ дѣлились пока исключительно лишь между собой. И вдругъ, въ день Благовѣщенія, 25-го марта 1916 года, въ „Новомъ Времени" появляется сенсаціонное сообщеніе о томъ, что Министръ Земледѣлія вноситъ въ Совѣтъ Министровъ предложеніе объ ассигнованіи одиннадцати милліоновъ рублей (!?) на образованіе Государственнаго Земельнаго Фонда, причемъ было добавлено, что подобный путь полученія означенной суммы, въ обходъ законодательныхъ учрежденій, Министръ избралъ во избѣжаніе пониженія его вѣдомственной смѣты. Можете себѣ представить наше съ Риттихомъ возмущеніе подобнымъ очереднымъ газетнымъ враньемъ, въ которомъ все, отъ начала до конца, являлось сплошнымъ вымысломъ, кромѣ, конечно, упоминанія о какомъ-то образующемся земельномъ фондѣ.

Въ цѣляхъ пресѣченія возможныхъ кривотолковъ вокругъ этого вопроса, мнѣ необходимо было въ срочномъ порядкѣ помѣстить въ прессѣ соотвѣтствующее опроверженіе. Оно и было въ тотъ же день отправлено въ монопольное бюро г-на Гурлянда. Прошли дни — и нигдѣ ничего. Лишь послѣ рѣзкаго воздѣйствія на самого премьера появилось въ одной изъ газетъ запоздалое мое сообщеніе.

Вотъ почему, въ интересахъ возстановленія истины и реабилитаціи своего имени въ глазахъ русскаго общества, я рѣшилъ оповѣстить о своемъ дѣйствительномъ отношеніи къ общественнымъ организаціямъ, путемъ непосредственной бесѣды съ серьезными газетными сотрудниками, минуя всяческія гурляндовскія преграды. Правда, въ то время я считалъ себя до извѣстной степени свободнымъ отъ оффиціальныхъ обязательствъ, да еще связанныхъ съ именемъ Штюрмера и его присныхъ. Я уходилъ въ отставку.

Заканчивая обзоръ дѣятельности Совѣта Министровъ въ періодъ штюрмеровскаго премьерства, я долженъ отмѣтить, что отношенія многихъ членовъ названнаго учрежденія къ законодательнымъ палатамъ, главнымъ образомъ, къ Государственной Думѣ, продолжало оставаться нѣсколько непріязненными, неискренними и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до извѣстной степени опасливыми, какими онѣ были и во времена Горемыкина. На этой почвѣ у меня, 21-го іюня 1916 года, произошло съ Штюрмеромъ, Треповымъ и княземъ Шаховскимъ рѣзкое столкновеніе, побудившее меня принять окончательное рѣшеніе покинуть министерскую должность. Но объ этомъ немаловажномъ для меня и всей моей дальнѣйшей жизни событіи,

такъ же, какъ о послѣднемъ моемъ участіи въ засѣданіи Совѣта Министровъ, имѣвщемъ мѣсто 28-го іюня 1916 года, въ Могилевѣ, въ Царской Ставкѣ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора, я имѣю въ виду написать особо въ одной изъ послѣдующихъ частей моихъ воспоминаній.

——ooOoo——

ЧАСТЬ X.
(1915 — 1916 годъ).

ОБЗОРЪ МОЕЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ, КАКЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОСОБАГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННАГО СОВѢЩАНІЯ. СЛУЖЕБНО-ДѢЛОВЫЯ ВЗАИМООТНОШЕНІЯ СЪ ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ СОВѢТОМЪ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМОЙ. ВЫСТУПЛЕНІЕ ВЪ ТАВРИЧЕСКОМЪ ДВОРЦѢ 18-ГО ФЕВРАЛЯ 1916 ГОДА. ЗАСѢДАНІЯ ДУМСКИХЪ КОМИССІЙ. ВЫСТУПЛЕНІЕ ВЪ МАРІИНСКОМЪ ДВОРЦѢ 21-ГО МАРТА 1916 ГОДА. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРІЕМЪ 20-ГО НОЯБРЯ 1916 ГОДА. ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА. ВСЕПОДДАННѢЙШІЕ ДОКЛАДЫ ВЪ ЦАРСК. СЕЛѢ. ПРИСУТСТВІЕ НА НИХЪ НАСЛѢДНИКА. ПОСѢЩЕНІЕ КІЕВА. САХАРОЗАВОДЧИКИ. ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТЪ. БЕРДИЧЕВСКОЕ СОВѢЩАНІЕ. ГЕНЕРАЛЪ Н. І. ИВАНОВЪ. ВСЕПОДДАННѢЙШІЕ ДОКЛАДЫ ВЪ ВЕРХОВНОЙ СТАВКѢ. МОГИЛЕВЪ. ОБСТАНОВКА, БЫТЪ ЦАРСКОЙ РЕЗИДЕНЦІИ. ОКРУЖЕНІЕ ГОСУДАРЯ. ГЕНЕРАЛЪ М. В. АЛЕКСѢЕВЪ. МИНИСТРЪ ДВОРА ГРАФЪ ФРЕДЕРИКСЪ. ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СЕРГІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ. ГЕНЕРАЛЪ ВОЕЙКОВЪ. ЕПИСКОПЪ КОНСТАНТИНЪ. НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ ВЪ МОГИЛЕВѢ. П. М. КАУФМАНЪ-ТУРКЕСТАНСКІЙ. ДЕНЬ ГОСУДАРЯ. АУДІЕНЦІЯ 15-ГО ІЮНЯ 1916 ГОДА. ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛА АЛЕКСѢЕВА. ГЛАВНѢЙШІЯ ТЕМЫ МОИХЪ ВСЕПОДДАНѢЙШИХЪ ДОКЛАДОВЪ. ОТНОШЕНІЕ КЪ НИМЪ ГОСУДАРЯ. ДОКЛАДЫ У ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ. МОЙ УХОДЪ ИЗЪ МИНИСТРОВЪ. ЗАПРОСЪ ЧЛЕНОВЪ ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЫ. СРЫВЪ ПРЕДПОЛОЖЕННАГО МОЕГО ВЫСТУПЛЕНІЯ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ 21 ІЮНЯ 1916 ГОДА. ПОВЕДЕНІЕ ШТЮРМЕРА И А. Ѳ. ТРЕПОВА. „СУТОЧНОЕ" ОБДУМЫВАНІЕ. БЕЗПОВОРОТНОЕ РѢШЕНІЕ. СЪѢЗДЪ МИНИСТРОВЪ 28-ГО ІЮНЯ ВЪ МОГИЛЕВѢ. НАГЛАЯ ЛОЖЬ ШТЮРМЕРА. ОТНОШЕНІЕ КЪ МОЕМУ УХОДУ ЧИНОВЪ ВЕРХОВНОЙ СТАВКИ. СОВѢЩАНІЕ ПОДЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВОМЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. ПОСЛѢДНЯЯ АУДІЕНЦІЯ У ГОСУДАРЯ. ОБРАТНЫЙ ОТЪѢЗДЪ ВЪ СТОЛИЦУ. ПЕРЕЖИВАНІЯ. ПОДПОЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ШТЮРМЕРА. ТРОГАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНІЕ ВѢДОМСТВЕННЫХЪ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХЪ СОТРУДНИКОВЪ. ПРОВОДЫ. ПРЕССА. ОТЪѢЗДЪ ВЪ ГОЛОВКИНО.

152

Переходя къ обзору моей дѣятельности въ качествѣ предсѣдателя Особаго Продовольственнаго Совѣщанія, я вынужденъ прежде всего оговориться, что такая внѣвѣдомственная функція Министра Земледѣлія, вызванная военными дѣйствіями 1914-1915 г.г., захватывала также безграничное поле срочной работы и связана была съ такой исключительной передъ страной и боевой арміей отвѣтственностью, что, силою вещей, приходилось отдавать ей все мое время и силы, само собой не безъ ущерба для моихъ прямыхъ обязанностей.

Сознаніе подобнаго осложненія предстоявшей мнѣ министерской дѣятельности послужило, между прочимъ, одной изъ основныхъ причинъ, побудившихъ меня заявить Государю о моемъ отказѣ принять предложенную мнѣ должность. Въ письмѣ отъ 1-го ноября 1915 года я Его Величеству это откровенно высказалъ. Когда же, въ концѣ концовъ, я вынужденъ былъ уступить настойчивому желанію Государя и принять въ свое завѣдываніе Министерство Земледѣлія, то я увидалъ, что та ужасающая обстановка, которую я встрѣтилъ въ унаслѣдованныхъ отъ Кривошеина продовольственныхъ дѣлахъ, превысила всѣ мои опасливыя предположенія. Только не оставлявшее меня все время моей службы сознаніе, что моя напряженная работа идетъ на пользу арміи и на защиту родины, до конца моихъ министерскихъ дней поддерживало во мнѣ необходимую энергію и выносливость.*

До 1914 года дѣло продовольственнаго снабженія въ Россіи находилось въ вѣдѣніи двухъ Министерствъ: Внутреннихъ Дѣлъ и Военнаго. Колебавшаяся политика петербургскихъ руководящихъ сферъ въ отношеніи постановки и регулировки продовольственнаго дѣла въ Имперіи проявлялась въ чередовавшейся передачѣ завѣдыванія продовольствіемъ то мѣстнымъ общественнымъ самоуправленіямъ (земствамъ, городамъ), то правительственнымъ учрежденіямъ и агентамъ (губернскимъ присутствіямъ, уѣзднымъ съѣздамъ, непремѣннымъ членамъ, земскимъ начальникамъ и др.). Въ недородные годы къ продовольственному дѣлу привлекалась вся мѣстная агентура Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, какъ выборная, такъ и чиновничья. Казалось бы, что за долгіе годы своего существованія Продовольственное Управленіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ могло пріобрѣсти и выработать соотвѣтствующую технику.

Продовольственнымъ **снабженіемъ воинскихъ частей вѣ-**

* Въ 1925 г., по иниціативѣ генерала А. С. Лукомскаго, былъ въ С. Ш. А. выпущенъ сборникъ „Русское Снабженіе въ Великую Войну". Въ немъ А. Н. Наумовъ помѣстилъ свою записку о продовольственномъ снабженіи Россіи въ военные годы. Настоящая глава основана на матеріалахъ, которые въ эту записку вошли.

дало Интендантское Управленіе Военнаго Министерства, которое къ 1914 году постепенно координировало свою дѣятельность по закупкамъ и заготовкамъ съ работой мѣстныхъ общественныхъ организацій (земствъ, городовъ, биржевыхъ комитетовъ и пр.), благодаря чему нѣкоторые недочеты прошлаго исчезли. Вѣдомства Внутреннихъ Дѣлъ и Военное дѣйствовали въ области продовольственнаго снабженія безъ заранѣе выработаннаго плана согласованія дѣятельности.

Первый же годъ войны (1914-1915 г.г.) указалъ на недостаточность и неустроенность снабженія, прежде всего арміи, а затѣмъ и населенія.

Въ іюлѣ и августѣ 1915 года былъ въ экстренномъ порядкѣ выработанъ и утвержденъ правительствомъ и законодательными палатами рядъ исключительныхъ мѣръ для снабженія арміи и страны. Общественныя силы Россіи были привлечены къ работѣ по ея оборонѣ и снабженію. Были созданы 17-го августа 1915 года Особыя Совѣщанія по оборонѣ, транспорту, топливу и продовольствію, съ широкими компетенціями и правами. Предсѣдателемъ послѣдняго состоялъ Министръ Земледѣлія.

Такимъ образомъ, фактически продовольствіе очутилось въ рукахъ Министерства Земледѣлія, которое никогда этимъ не занималось и не имѣло техническаго аппарата.

Я не буду вдаваться въ разъясненія того, какъ это случилось. Считаю лишь долгомъ отмѣтить, что въ ноябрѣ 1915 г., когда мнѣ пришлось подчиниться волѣ Государя и принять отъ А. В. Кривошеина Министерство Земледѣлія, я очутился передъ полнымъ хаосомъ рѣшеній, мнѣній и предположеній. Министерство, какъ продовольственный административный центръ, должно было быть наготовѣ во всякое время дня и ночи удовлетворять запросамъ и требованіямъ, разрѣшать сложные вопросы. Это придавало нежелательную нервность ежедневной текущей работѣ центральнаго аппарата.

Составъ Особаго Совѣщанія по продовольствію, которое призвано было играть роль руководящаго центра всей продовольственной политики фронта и тыла, былъ разнообразный и многолюдный.

Члены Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, представители Всероссійскихъ Земскаго и Городского Союзовъ; делегаты земствъ и городовъ, военно-промышленныхъ и биржевыхъ комитетовъ, всевозможныхъ профессіональныхъ союзовъ (мукомоловъ, сахарозаводчиковъ и др.); губернаторы, предсѣдатели Управъ; чины Министерства Земледѣлія, въ качествѣ уполномоченныхъ на мѣстахъ; вѣдомственные представители разныхъ центральныхъ управленій и пр. и пр. Всѣ они почти ежедневно засѣдали до позднихъ часовъ, обсуждали, спорили, голосовали, протестовали. Нѣкоторые вопросы (напр., о твердыхъ цѣнахъ) вызывали безконечно долгія страстныя пренія. Такая сложная обстановка мало способствовала спѣшной выработкѣ общаго плана продовольственнаго снабженія, безъ наличія котораго нельзя было дѣйствовать ни въ центрѣ, ни на мѣстахъ.

На этотъ основной дефектъ — отсутствіе плана снабженія было прежде всего обращено вниманіе законодательныхъ палатъ, по открытіи сессіи въ февралѣ 1916 года. Въ Государственную Думу внесенъ былъ по этому поводу запросъ. Депутаты, его подписавшіе, выступали съ упреками по адресу правительства, говоря, что оно не имѣло „за все время войны 1914-1915 г.г. ни опредѣленнаго плана, ни опредѣленной системы, ни опредѣленныхъ заданій"...*

По поводу означеннаго запроса, Министръ Земледѣлія, въ тотъ же день, далъ объясненія и сообщилъ, что Особое Продовольственное Совѣщаніе утвердило планъ закупки и распредѣленія продовольствія.

Я долженъ указать на отрицательныя условія, съ которыми пришлось встрѣтиться въ области ввѣренной мнѣ продовольственной дѣятельности и которыя отрицательно вліяли на осуществленіе намѣченнаго плана снабженія.

Начать съ того, что никакихъ цифровыхъ данныхъ по учету существовавшихъ въ странѣ запасовъ продуктовъ, даже первой необходимости, не было. Не имѣлось ни въ центрѣ, ни на мѣстахъ никакихъ статистическихъ данныхъ для подсчета производства и потребленія хлѣба, мяса и прочихъ продуктовъ. Разныя Министерства давали противорѣчивыя справки. По принятіи мною должности Министра, т. е., съ ноября мѣсяца 1915 года, пришлось приступить къ учету торговыхъ запасовъ и въ срочномъ порядкѣ произвести въ странѣ общую сельскохозяйственную перепись. Лишь благодаря этому удалось установить болѣе или менѣе планомѣрное отношеніе между производительными и потребительными районами, а также установить нѣкоторую согласованность между требованіями фронта и потребностями тыла.

Сначала имѣлось въ виду удовлетвореніе нуждъ только арміи. Это была болѣе или менѣе опредѣленная, до извѣстной степени поддающаяся учету, величина, но съ теченіемъ времени продовольственный нарядъ на продукты первой необходимости сталъ распространяться и на гражданское населеніе, что, конечно, очень расширило дѣятельность продовольственныхъ учрежденій.

Это вызвало значительное расширеніе закупочной операціи, что, въ свою очередь, повело за собой и спекуляцію и повышеніе цѣнъ на продукты первой необходимости. Пришлось прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ, чтобы оградить многомилліонную армію въ разгаръ боевыхъ дѣйствій отъ капризовъ рынка.

Одною изъ подобныхъ, наиболѣе рѣшительныхъ и успѣшныхъ, мѣръ было установленіе Особымъ Продовольственнымъ

---

* Засѣданіе Общаго Собранія Государственной Думы 18-го февраля 1916 года — слова депутата Дзюбинскаго и др.

Совѣщаніемъ „твердыхъ предѣльныхъ цѣнъ" на продукты первой необходимости. Это не устраняло частнаго товарообмѣна, но давало возможность въ нужный моментъ закупать достаточное количество продуктовъ.

Наряду съ этой мѣрой борьбы съ спекуляціей и дороговизной, нельзя не упомянуть и о другомъ, болѣе существенномъ и планомѣрномъ, мѣропріятіи, о заготовкѣ запасовъ для населенія. Это опять дѣлалось безъ заранѣе обдуманнаго плана.

Между тѣмъ, эти вопросы въ свое время должны были бы привлечь вниманіе правительства. Если взять нѣкоторыя цифры довоеннаго времени, мы увидимъ, что годовой сборъ главнѣйшихъ хлѣбовъ въ Россіи — рожь, пшеница, ячмень, кукуруза, овесъ — въ среднемъ за 1910-1913 г.г., доходилъ до четырехъ съ половиной милліардовъ пудовъ. С 1914 года и, въ особенности, съ 1915 года, началось сокращеніе, вызванное обстоятельствами военнаго времени, уменьшеніемъ рабочихъ рукъ, скота, посѣвной площади и пр. Но одновременно, въ тѣ же года, сталъ сокращаться вывозъ хлѣба заграницу Въ среднем, главнѣйшихъ хлѣбовъ вывозилось ежегодно заграницу до 680.000.000 пудовъ. т. е., около 15% общаго сбора. Почти весь этотъ вывозъ со времени войны оставался въ странѣ. Въ 1914 году мы вывезли 348.000.000 пудовъ. Въ 1915 году изъ 4.000.000.000 пудовъ сбора вывезено было лишь 31.000.000 пудовъ, слѣдовательно, свыше 3.900.000.000 пудовъ оставалось въ странѣ. Между тѣмъ, годовое потребленіе разныхъ хлѣбовъ въ арміи и населеніи составляло около 3.000.000.000 пудовъ, по нормѣ въ 21,3 пуд. на душу, считая въ томъ числѣ и семена. Такимъ путемъ, въ 1915-1916 г.г. до 900.000.000 пуд. избытка главнѣйшихъ хлѣбовъ могли идти на удовлетвореніе потребностей населенія. Хозяйственныя силы Россіи въ предвоенный періодъ времени были огромны. При умѣломъ ихъ использованіи, ихъ хватило бы и на длительную войну. Но для этого надлежало правительству своевременно разработать планъ заготовокъ, учета, храненія и распредѣленія нашихъ хлѣбныхъ запасовъ. Вмѣсто этого, Министерству Земледѣлія пришлось въ разгаръ войны дѣлать случайныя, поспѣшныя закупки, въ размѣрахъ, не соотвѣтствующихъ ни объему самихъ потребностей, ни размѣрамъ имѣвшихся запасовъ.

За первые мѣсяцы моей министерской дѣятельности удалось заготовить только около 30.000.000 пудовъ, переданныхъ городамъ и земствамъ — въ первую очередь, для столицъ, затѣмъ для прочихъ нуждающихся мѣстностей. Продовольственныхъ ссудъ этимъ же учрежденіемъ выдано было 18.500.000 рублей.

Вопросомъ чрезвычайной важности являлось также мясное питаніе арміи и населенія, тѣсно связанное съ положеніемъ отечественнаго скотоводства.

Если наши хлѣбные запасы были обильны и при правильной постановкѣ даже неистощимы, то въ обратномъ положеніи было въ Россіи скотоводство, ибо и въ нормальное время наша страна была, по сравненію съ другими государствами, бѣдна домашнимъ скотомъ.

На всю необъятную территорію Имперіи въ 1913 году было всего 52.400.000 головъ рогатаго скота. Ежегодно естественный приростъ давалъ около 9.000.000 головъ. Это приблизительно было годовое потребленіе населенія. Съ началомъ войны питаніе армій потребовало усиленнаго притока мяса, и въ населеніи потребленіе мяса увеличилось, главнымъ образомъ, благодаря прекращенію пьянства.

За годъ армія потребила до 5.000.000 головъ, что вмѣстѣ съ потребленіемъ мирнаго населенія составляетъ внушительную цифру въ 14.000.000 головъ. Эвакуація ряда Западныхъ губерній была сопряжена съ потерей для хозяйства страны не менѣе чѣмъ 4.000.000 головъ, частью оставленныхъ въ занятомъ непріятелемъ районѣ, частью павшихъ. Въ общемъ, за годъ было израсходовано болѣе 18.000.000 головъ, т. е. сверхъ нормальнаго прироста было взято изъ стадъ болѣе 9.000.000 головъ. Остававшіяся 43.000.000, считая и Сибирь, должны были дать предположительно до 7.000.000 головъ нормальнаго прироста. Между тѣмъ, армія и населеніе предъявляло спросъ на 14.000.000 головъ. Приходилось опять уменьшать капиталъ основного стада на 7.000.000 головъ, или, какъ это и было сдѣлано, сокращать размѣры мясного питанія въ первую очередь тыла, а затѣмъ и фронта.

При этихъ условіяхъ было необходимо имѣть цѣлесообразный планъ заготовокъ, храненія и распредѣленія мясныхъ запасовъ. Къ глубокому сожалѣнію, вступивъ въ Министерство, я встрѣтилъ дѣловую растерянность, благія предначертанія, успокоительныя надежды и полное отсутствіе заранѣе обдуманнаго практическаго плана. Скотъ пропадалъ въ пути и на стоянкахъ. Заготовленное мясо портилось. Холодильниковъ не было, учета скота никакого!

Вопросъ о холодильникахъ — основная мѣра для сохраненія мясныхъ заготовокъ — мѣсяцами безрезультатно обсуждался. Лишь прервавъ всѣ эти переговоры и обратившись непосредственно за содѣйствіемъ къ энергичному и компетентному Н. К. фонъ-Мекку, я смогъ въ короткій срокъ оборудовать свыше 20 холодильниковъ, устроенныхъ на узловыхъ станціяхъ и пристаняхъ, гдѣ можно было производить скупку и заготовку мясныхъ запасовъ.

Благодаря срочному оборудованію холодильниковъ, Министерству Земледѣлія удалось къ веснѣ 1916 года въ значительной степени упорядочить храненіе мясныхъ запасовъ. Къ этому времени Вѣдомство смогло болѣе точно учесть, путемъ продѣланной имъ сельскохозяйственной переписи и подсчету земствъ, общее количество мясного запаса, установивъ болѣе правильное взаимоотношеніе между районами потребленія и производства, упорядочивъ организацію закупокъ и распредѣленія.

Для продовольственнаго снабженія арміи и населенія факторомъ исключительной важности является единство дѣйствій.

Какіе бы планы ни создавались, ихъ основная сила заключается всегда въ ихъ внутренней согласованности и цѣлокупности, при наличіи единства дѣйствій ихъ исполнителей.

При разрозненности дѣйствій и усилій отпадаетъ и та полнота отвѣтственности, которая является непремѣннымъ условіемъ всякой здоровой постановки дѣла.

Съ первыхъ же шаговъ моей продовольственной дѣятельности, я встрѣтилъ ту разрозненность дѣйствій учрежденій и лицъ, которая въ корень подрывала текущую работу и ослабляла энергію для предстоящей. Для достиженія необходимаго единства пришлось приступить къ соотвѣтствующимъ мѣрамъ:

Согласовать дѣятельность гражданскаго продовольственнаго аппарата съ распоряженіями Военнаго Вѣдомства. Всякое промедленіе въ упорядоченіи ихъ взимоотношеній грозило дѣлу продовольствія какъ арміи, такъ и населенія. Я вступилъ въ должность Министра Земледѣлія 10-го ноября 1915 г., а 23-го того же ноября, согласно моему докладу, состоялось Высочайшее Повелѣніе, обращенное къ начальникамъ продовольствія фронтовъ, согласно которому они въ закупкѣ и распредѣленіи продуктовъ обязаны были дѣйствовать въ полной согласованности съ моими распоряженіями. Затѣмъ получено отъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго согласіе на привлеченіе къ поставкамъ скота на армію земствъ тѣхъ губерній, которыя входили въ районъ театра войны. Всѣ эти переписки и распоряженія помогали дѣлу лишь относительно. Необходимо было активное и авторитетное личное посредничество, которое до извѣстной степени я налаживалъ въ моихъ поѣздкахъ на фронтъ и непосредственныхъ переговорахъ съ высшими военными чинами на фронтѣ.

Потребность въ подобномъ посредничествѣ признавалась и въ Ставкѣ. 15-го іюня 1916 года Начальникъ Штаба генералъ М. В. Алексѣевъ подалъ Государю записку о необходимости болѣе полной согласованности дѣйствій тыловыхъ и фронтовыхъ организацій въ дѣлѣ продовольствія арміи и населенія и возглавленія его особымъ лицомъ съ диктаторскими плномочіями. Этотъ проектъ не встрѣтилъ сочувствія въ ближайшемъ окруженіи Государя, который не имѣлъ рѣшимости провести его единолично. На засѣданіи Совѣта Министровъ, 28-го іюня 1916 года, подъ предсѣдательствомъ Государя, онъ только высказалъ пожеланіе, чтобы всѣ руководящія центральныя вѣдомства и лица, въ связи съ условіями переживаемаго страной исключительнаго момента, напрягли всѣ свои силы на благо Родины и объединились ради выполненія общаго патріотическаго подвига.

Въ дѣятельности гражданскихъ учрежденій, вѣдавшихъ продовольствіемъ, я также засталъ растерянность и разобщенность. Продовольствіе находилось въ непосредственной связи и зависимости отъ транспорта и топлива. Необходимо было установить согласованность между образованными 17-го августа 1915 года Особыми Совѣщаніями по продовольствію, по перевозкамъ и по топливу. Въ нихъ принимали участіе Министры: Военный, Путей Сообщенія, Торговли и Промышленности, Земледѣлія и Внутреннихъ Дѣлъ. Образованіе 19-го декабря 1915 года этого „Малаго Совѣта пяти Министровъ" дало возможность приходить быстро и согласованно къ безотлагательнымъ рѣшеніямъ. Судьба „Совѣта пяти Министровъ" извѣстна. Онъ былъ почему-то признанъ нѣкоторыми группами законодательныхъ палатъ нарушающимъ ихъ компетенцію и „основныя" права. Поднятъ былъ вокругъ этого вопроса немалый шумъ. Непримиримую позицію противъ „Малаго Совѣта" занялъ Родзянко - предсѣдатель Государственной Думы. Бывшій въ то время премьеромъ Штюрмеръ пошелъ ему навстрѣчу и прекратилъ совѣщанія пяти министровъ.

Касаясь „единства дѣйствій", не могу не вспомнить того положенія вещей, которое создалось при формированіи въ августѣ 1915 года новаго продовольственнаго аппарата. Вѣдомству Земледѣлія понадобились огромные кадры уполномоченныхъ по продовольствію на мѣстахъ. Губернаторы, непремѣнные члены всяческихъ присутствій различныхъ вѣдомствъ, представители земствъ, городовъ, биржевыхъ комитетовъ и пр. и пр. — всѣ были спѣшно привлечены къ дѣлу завѣдыванія продовольствіемъ на мѣстахъ. Много потребовалось времени и силъ, чтобы весь этотъ разнохарактерный составъ привлечь къ общему образу мыслей и дѣйствій. Бывали случаи, когда высшіе губернскіе чины другихъ вѣдомствъ предостерегали своихъ непосредственныхъ подчиненныхъ, что они могутъ исполнять продовольственныя порученія лишь постольку, поскольку это соотвѣтствуетъ взглядамъ и веленіямъ ихъ прямого начальства.

Но, въ концѣ концовъ, удавалось придти къ положительнымъ результатамъ въ смыслѣ координаціи дѣйствій помѣстной агентуры въ интересахъ важнѣйшаго общаго дѣла.

Исключительное, часто рѣшающее значеніе въ общемъ ходѣ закупокъ и доставокъ продовольствія имѣлъ транспортъ. Затрудненія въ перевозкѣ создавали недостатокъ продовольствія въ одной мѣстности, въ то время, какъ другія страдали отъ низкихъ цѣнъ и невозможности сбыта продуктовъ.

Наиболѣе разительный примѣръ подобнаго ненормальнаго распредѣленія запасовъ представляла собою отрѣзанная отъ желѣзнодорожной сѣти Акмолинская область, гдѣ въ одномъ Кокчетавскомъ уѣздѣ имѣлись стомилліонные запасы пшеницы, которыми можно было бы обезпечить года на два чуть ли не всю Европейскую Россію. Однако, пшеницу невозможно было сбыть даже по 40 коп. за пудъ. Между тѣмъ, если бы до войны была проведена Южная Сибирская магистраль,

работѣ, въ центрѣ и на мѣстахъ, нашихъ агентовъ по продовольствiю, о чемъ я имѣлъ возможность заявить во всеуслышанiе съ трибуны Государственной Думы въ моей рѣчи, сказанной въ отвѣтъ на вопросы по поводу снабженiя (18-го февраля 1916 г.). Какъ тогда, такъ и теперь, я не могу не отозваться объ этихъ труженикахъ иначе, какъ о людяхъ, полныхъ сознанiя всей важности возложеннаго на нихъ дѣла и огромной своей отвѣтственности передъ Россiей. Только благодаря ихъ беззавѣтной и самоотверженной работѣ и общему патрiотическому подъему, который ощущался и проявлялся въ странѣ въ первые годы Великой Европейской войны, возможно было совершить колоссальную работу снабженiя.

На основанiи всего изложеннаго, суммирую главнѣйшiе недостатки въ постановкѣ продовольственнаго снабженiя армiи и населенiя:

1) Отсутствiе къ моменту объявленiя войны 1914 года спецiальнаго Имперскаго Вѣдомства, компетенцiя котораго обнимала бы всю многогранную и сложно-хозяйственную область продовольственнаго снабженiя, какъ въ мирное время, такъ и на случай возникновенiя войны.

2) Вмѣсто объединенiя, исправленiй и приспособленiй къ условiямъ военнаго времени ранѣе существовавшихъ отдѣльныхъ продовольственныхъ организацiй, въ разгаръ военныхъ дѣйствiй была создана новая продовольственная организацiя, и къ ней привлечены учрежденiя и лица, не имѣвшiя въ этомъ дѣлѣ ни навыка, ни знанiй.

3) Отсутствiе плана продовольственнаго снабженiя, какъ въ отношенiи самого объема заданiй, такъ и въ смыслѣ техники его исполненiя. Трудность его разработки и составленiя, ввиду исключительно неблагопрiятныхъ для этого условiй.

4) Отсутствiе учета запасовъ продовольственныхъ продуктовъ первой необходимости. Ненормальныя условiя хра-

это можетъ оказаться ... аппарата снабженія. Ввиду этого, я и высказываю соображенія, какъ, согласно моему пониманію, должно было быть налажено снабженіе во время войны.

Начать съ того, что налажено оно должно быть не во время войны, а заблаговременно, какъ всесторонне обдуманный общегосударственный планъ, какъ заранѣе заготовляется спеціалистами планъ военной мобилизаціи. Послѣдній приводится въ исполненіе въ случаяхъ открытія военныхъ дѣйствій. Такому же неукоснительному осуществленію подлежитъ и продовольственный планъ.

Вся послѣдующая исполнительная дѣятельность по примѣненію его въ жизни должна быть сосредоточена въ спеціально для сего созданномъ, ЕДИНОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ ВѢДОМСТВѢ, располагающемъ широкой организаціей на мѣстахъ, опытнымъ персоналомъ и необходимыми средствами.

Подходящимъ для завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, учрежденіемъ и въ мирное, и въ военное время я бы считалъ Министерство Земледѣлія, съ особымъ отдѣломъ и наименованіемъ всего вѣдомства МИНИСТЕРСТВО ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И ПРОДОВОЛЬСТВІЯ.

Я исхожу изъ слѣдующихъ соображеній: земледѣліе, до 1914 года, давало намъ свыше 2/3 нашего народнаго богатства, — не менѣе девяти милліардовъ зол. рублей, при общей годовой производительности Имперіи въ пятнадцать милліардовъ зол. рублей. Земледѣліе составляло основу общаго благополучія и народнаго богатства. Этимъ подсказывается и первенствующая роль въ государственной жизни аппарата управленія земледѣліемъ. Въ рукахъ этого единаго вѣдомства должно быть наблюденіе за производствомъ продуктовъ и содѣйствіе сельскому хозяйству, но и учетъ запасовъ, должное храненіе таковыхъ и, наконецъ, въ нужныхъ случаяхъ — пріобрѣтеніе и распредѣленіе ихъ. Всѣ эти отрасли единаго хо-

жденному плану дѣйствій, разсчитанному на мирное время, а также и плану спеціально-мобилизаціоннаго характера на случай возникновенія военныхъ дѣйствій.

Покинулъ я свою министерскую службу въ іюлѣ 1916 года. Одновременно съ этимъ, само собой, пришлось отойти и отъ руководства Продовольственнымъ Вѣдомствомъ. О подробностяхъ моего ухода изъ министровъ я имѣю въ виду подѣлиться воспоминаніями въ послѣдующей части моихъ записокъ. Здѣсь же не могу не указать на то, что къ моменту оставленія мною должности, всѣ боевые фронты, такъ же, какъ и тыловые наиболѣе нуждавшіеся въ продовольственномъ снабженіи районы были обезпечены продуктами первой необходимости на полныхъ три мѣсяца, о чемъ, 28-го іюня 1916 года, въ день, когда я подалъ въ отставку въ Могилевской ставкѣ, въ присутствіи самого Государя, публично заявили представители военнаго командованія — генералы Алексѣевъ, Ронжинъ и др., и при этомъ выразили свою признательность. Надо сказать, по тогдашнему времени, обезпечить продовольствіе фронта на три мѣсяца было дѣломъ далеко не малымъ. Въ этомъ отношеніи мой преемникъ оказался въ значительно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ я. Принимая должность министра, я не только не имѣлъ въ своемъ распоряженіи трехмѣсячнаго продовольственнаго обезпеченія арміи и тыла, но съ первыхъ же часовъ своей дѣятельности я вынужденъ былъ въ самомъ спѣшномъ порядкѣ предпринимать продовольственныя мѣры на ближайшіе три дня, чтобы удовлетворить потребность арміи.

Цѣликомъ отдавшись въ періодъ съ ноября 1915 по іюль 1916 года трудной и отвѣтственной работѣ, до извѣстной степени осиливъ всю громаду продовольственныхъ трудностей и намѣтивъ основные пути дальнѣйшаго снабженія, я отошелъ отъ этого великаго патріотическаго дѣла, съ трудомъ, съ сожалѣніемъ, я оказался вынужденъ оборвать свою продовольственную дѣятельность, вслѣдствіе сложившихся у меня служебныхъ отношеній съ тѣми сочленами по Совѣту Министровъ, отъ содѣйствія которыхъ во многомъ зависѣлъ успѣхъ моей работы. Пришлось уйти не отъ дѣла, а отъ людей...

153

Съ установленіемъ въ государственной жизни Россійской Имперіи двухъ законодательныхъ палатъ, дѣятельность каждаго министерства стала предметомъ ближайшаго разсмотрѣнія названныхъ учрежденій въ смыслѣ учета итоговъ и утвержденія смѣтныхъ предположеній.

Принятіе мною должности Министра Земледѣлія совпало съ періодомъ, когда законодательныя палаты не засѣдали, и среди министровъ велась рѣчь объ ихъ созывѣ. 9-го февраля 1916 года состоялось одновременное открытіе какъ Государственной Думы, такъ и Государственнаго Совѣта, и съ той поры вся моя вѣдомственно-продовольственная дѣятельность, почти до самого конца моей министерской службы, проходила при совмѣстныхъ нашихъ занятіяхъ съ обѣими законодательными палатами, роспускъ которыхъ (въ концѣ іюня 1916 года) предшествовалъ лишь на нѣсколько дней принятію Государемъ моей отставки (28-го того же іюня).

Среди членовъ Государственнаго Совѣта были группы, мнѣ близко и хорошо знакомыя, въ силу долголѣтняго моего пребыванія въ ихъ составѣ, въ качествѣ избранника Самарскаго Губернскаго Земства. Какъ Министру Земледѣлія, мнѣ впервые довелось встрѣтиться съ моими прежними коллегами, 30-го ноября 1915 года, на засѣданіи Финансовой Комиссіи, разсматривавшей смѣту моего вѣдомства. Теплое привѣтствіе, съ которымъ обратились ко мнѣ передъ началомъ нашихъ совмѣстныхъ работъ участники означеннаго засѣданія, и то благожелательное отношеніе, которое съ ихъ стороны было проявлено при обсужденіи министерской смѣты, произвели на меня глубоко отрадное и бодрящее впечатлѣніе. Члены верхней палаты авансомъ выразили мнѣ столь нужныя и цѣнныя для меня въ началѣ новой дѣятельности довѣріе и поддержку.

Въ иныхъ условіяхъ пришлось мнѣ вступить на путь моего дѣлового общенія съ членами другой законодательной палаты, дѣятельность которой протекала въ стѣнахъ Таврическаго Дворца. Надо принять во вниманіе, что до вступленія моего въ составъ правительства, я лично знавалъ многихъ членовъ Государственной Думы, принадлежавшихъ, главнымъ образомъ, къ категоріи земскихъ и сословно-дворянскихъ общественныхъ дѣятелей, съ которыми въ былое время приходилось не разъ сталкиваться на всевозможныхъ съѣздахъ. Помимо этого, неоднократно, до назначенія меня Министромъ, посѣщая думскія засѣданія, я успѣлъ свести довольно многочисленныя знакомства съ депутатами различныхъ партійныхъ группировокъ. Но я отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что для большинства депутатовъ мое имя, какъ вновь назначеннаго Министра, да еще послѣ популярнаго среди думцевъ Кривошеина, являлось не только мало за себя говорившимъ, но по вполнѣ понятнымъ причинамъ, вызывавшимъ скорѣе скептически-осторожное къ себѣ отношеніе. Правда, худыхъ слуховъ имя мое въ кулуарахъ Государственной Думы не порождало. Этимъ я въ значительной степени обязанъ своимъ друзьямъ-самарцамъ, которые всегда распространяли среди своихъ думскихъ сочленовъ самые добрые обо мнѣ отзывы. Все же, въ Думѣ, по отношенію ко мнѣ чувствовалось настроеніе выжидательное. Я это ясно сознавалъ и съ нетерпѣніемъ готовился предстать на судьбище того учрежденія, безъ содѣйствія котораго считалъ невозможнымъ успѣшно проводить въ жизнь возложенное на меня продовольственное заданіе.

Въ жизни человѣческой, какъ бы ни складывалась она въ общемъ благополучно и даже счастливо, неизбѣжно встрѣчаются незадачи, однѣ болѣе ощутительныя, другія менѣе прискорбныя. Одной изъ подобныхъ житейскихъ невзгодъ, показавшейся мнѣ острой и досадной, явилось одно обстоятельство, случившееся какъ разъ наканунѣ моего перваго выступленія въ качествѣ Министра Земледѣлія передъ членами Государственной Думы.

На вторникъ, 8-го декабря 1915 года, было назначено засѣданіе думской бюджетной комиссіи, гдѣ должны были разсматриваться два отдѣла смѣты Министерства Земледѣлія: по Переселенческому Управленію и по Департаменту Земледѣлія. Хотя Министру и предоставлялось право, вмѣсто себя, командировать въ комиссію одного изъ высшихъ представителей его вѣдомства, но я безповоротно рѣшилъ лично явиться на упомянутое засѣданіе, чтобы установить съ членами Думы первое дѣловое знакомство. Объ этомъ моемъ намѣреніи въ Таврическомъ Дворцѣ уже знали. Но случилось такъ, что съ воскресенья, 6-го декабря, я слегъ въ постель въ сильнѣйшей инфлуэнціи. Утромъ, 8-го декабря, я уже собирался предупредить кого слѣдуетъ, что не могу прибыть въ комиссію, какъ вдругъ въ утреннемъ выпускѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей", въ отдѣлѣ хроники, читаю нѣсколько строкъ и глазамъ своимъ не вѣрю.

На видномъ мѣстѣ значилось: „Въ понедѣльникъ, 7-го декабря, Министръ Земледѣлія А. Н. Наумовъ выѣзжалъ съ всеподданѣйшимъ докладомъ въ Царское Село".

Въ другое время такая, довольно обычная въ газетной практикѣ, неточность могла пройти незамѣченной, но въ данный моментъ для меня лично положеніе создалось чрезвычайно сложное, досадное, даже острое. Я рѣшилъ выйти изъ него немедленно, хотя и довольно рискованно.

Въ головѣ моей пронеслась мысль: что могутъ подумать члены Государственной Думы о новомъ Министрѣ Земледѣлія, который наканунѣ выѣзжалъ въ Царское, а явиться затѣмъ въ Государственную Думу не пожелалъ? Я считалъ, что всякая самая правдивая версія о моей болѣзни могла вызвать среди думскихъ круговъ досужіе кривотолки, обидные для моего самолюбія. Для газетныхъ опроверженій времени не было. Оставалось одно — забыть докторскіе запреты, вылѣзть изъ постели, одѣться и, несмотря на жаръ и охрипшее горло, ѣхать въ Таврическій Дворецъ. Это я и рѣшилъ сдѣлать.

Въ Государственной Думѣ меня, очевидно, ждали. Къ предупрежденіямъ ранѣе меня пріѣхавшаго на засѣданіе А. А. Риттиха о серьезности моего заболѣванія собравшіеся члены бюджетной комиссіи отнеслись явно недовѣрчиво и указывали ему на газетную замѣтку о моемъ вчерашнемъ посѣщеніи Царя...

Появленіе мое было ими встрѣчено съ нескрываемымъ удовлетвореніемъ. На засѣданіе бюджетной комиссіи подошло

множество думцевъ, даже изъ среды тѣхъ, которые в числѣ членовъ комиссіи не состояли, и которые пришли изъ чувства одного лишь любопытства — посмотрѣть и послушать новаго Министра. Но слушать послѣдняго почти не пришлось, такъ какъ, при первыхъ же попыткахъ говорить, глава Вѣдомства оказался совершенно безъ голоса, и вообще весь его внѣшній обликъ долженъ былъ всѣхъ убѣдить въ достовѣрности словъ Риттиха о томъ, что я не шутя боленъ. Все же удалось со смѣтой Переселенческаго Управленія благополучно покончить, послѣ чего сами думцы посовѣтовали мнѣ, ввиду моего явно болѣзненнаго состоянія, вернуться домой. Предсѣдатель комиссіи, отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ, высказалъ мнѣ признательность за мой пріѣздъ въ Государственную Думу. Такимъ образомъ, правда не безъ изряднаго риска, но дѣло свое я исполнилъ. Въ общемъ, все сошло благополучно — ухудшенія въ состояніи моего здоровья не послѣдовало, а отношенія ко мнѣ думскихъ дѣятелей съ тѣхъ поръ установились въ достаточной степени благожелательныя. Это не помѣшало многочисленной группѣ депутатовъ, принадлежавшихъ къ различнымъ политическимъ партіямъ, начиная съ соціалъ-демократовъ и кончая правыми октябристами, предъявить 9-го февраля, при открытіи сессіи Государственной Думы, не столько ко мнѣ единолично, сколько въ моемъ лицѣ всему правительству, запросъ по поводу состоянія сельскаго хозяйства, въ связи съ сокращеніемъ посѣвовъ и положеніемъ продовольственнаго вопроса.

Надо сказать, что предъявленіе упомянутаго запроса въ первые же дни начавшихся въ Государственной Думѣ занятій я искренне привѣтствовалъ. Запросъ этотъ давалъ мнѣ возможность въ собраніи членовъ Государственной Думы или „государственныхъ гласныхъ", какъ я ихъ мысленно называлъ, обстоятельно и откровенно высказаться по поводу той отвѣтственной дѣятельности, которой я въ теченіе трехъ мѣсяцевъ цѣликомъ себя отдавалъ, и успѣшность которой я ставилъ въ зависимость отъ содѣйствія мнѣ всѣхъ наличныхъ общественно-государственныхъ силъ страны.

Открытіе Государственной Думы состоялось 9-го февраля, и уже на слѣдующій день въ стѣнахъ многолюдной залы Таврическаго Дворца стали раздаваться горячіе и нервные голоса только что собравшихся со всѣхъ концовъ Имперіи думскихъ депутатовъ, подчеркивавшіе серьезность положенія сельскаго хозяйства, въ связи съ нуждами военнаго времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они обращали вниманіе правительства на необходимость срочныхъ мѣръ для поддержанія экономической мощи страны, какъ залога боевой сопротивляемости арміи.

Съ особенной силой и страстностью объ этомъ говорилось 18-го февраля, въ день, когда въ общемъ собраніи Государственной Думы заслушаны были заявленія, внесенныя въ порядкѣ ст. 40 Учрежденія Государственной Думы: 1) „За

подписью 31 члена Государственной Думы объ обращенiи къ Министрамъ Земледѣлія и Внутреннихъ Дѣлъ за разъясненіями по поводу принятія мѣръ противъ сокращенія посѣвовъ" и 2) „За подписью 32 членовъ Государственной Думы объ обращенiи къ предсѣдателю Совѣта Министровъ и Министру Земледѣлія за разъясненіями по вопросу объ обезпеченiи населенія продуктами питанія".

Засѣданіе 18-го февраля происходило подъ предсѣдательствомъ С. Т. Варунъ-Секрета.* Въ залѣ Таврическаго Дворца собрался въ этотъ день не только наличный комплектъ думскихъ депутатовъ, но и многочисленная публика,заполнявшая хоры. По обоимъ запросамъ Совѣтъ Министровъ поручилъ мнѣ дать разъясненія, о чемъ я былъ увѣдомленъ всего лишь за сутки до думскаго засѣданія. Пришлось въ спѣшномъ порядкѣ мобилизовать моихъ сотрудниковъ для подготовки нужныхъ справокъ, и самому намѣтить схему моего выступленія. Его основное заданіе высказано въ нѣсколькихъ словахъ, занесенныхъ въ мой дневникъ 16-го февраля 1916 года. „...Вечеромъ работалъ надъ сущностью и характеромъ моего выступленія — надо и правду сказать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ, чтобы нѣмцы поняли нашу силу"...

Утромъ, 18-го февраля, не безъ внутренняго волненія, занялъ я мѣсто въ министерской ложѣ думской залы, въ ожиданiи одного изъ серьезнѣйшихъ моментовъ моей жизни — перваго публичнаго выступленія передъ россійской законодательной палатой, иначе говоря — передъ всѣмъ русскимъ народомъ, по вопросамъ исключительнаго государственнаго значенія, отъ правильнаго разрѣшенія которыхъ въ немалой степени зависѣла самая судьба нашего отечества.

Полученное мною отъ А. В. Кривошеина продовольственное наслѣдіе, какъ извѣстно, представляло собой мало обработанный матеріалъ, ставившій огромныя заданія. За три мѣсяца моей министерской работы, въ этой области обозначился рядъ достиженій, которыя я хотѣлъ какъ можно скорѣе довести до свѣдѣнія русскаго общества въ лицѣ членовъ законодательныхъ палатъ. Съ другой стороны, депутаты, цѣлыхъ полгода не будучи у дѣлъ и собравшись, наконецъ, въ Таврическомъ Дворцѣ, съ естественнымъ интересомъ и нескрываемымъ нетерпѣніемъ пожелали приступить къ выясненію положенія сельскаго хозяйства, которое являлось основой государственнаго благополучія Россіи. Отсюда происходила та нервная напряженность, которая при открытіи ощущалась не только мною, какъ представителемъ правительства, но одновременно проявлялась и у думскихъ депутатовъ, и на хорахъ въ публикѣ. Недаромъ предсѣдательствовавшій Варунъ-Секретъ, отложивъ рядъ другихъ дѣлъ, значившихся на повѣсткѣ дня, предложилъ въ первую голову приступить к обсужденію предъявленныхъ запросовъ о положенiи отечественнаго сельскаго хозяйства и продовольствія.

* См. въ „Приложенiи". Стенографическій отчетъ засѣданія Государственной Думы 18-го февраля 1916 года.

Всходившіе на каѳедру одинъ за другимъ члены Государственной Думы — „трудовикъ" Дзюбинскій „октябристы" гр. Капнистъ 1-й, Неклюдовъ и др. — въ своихъ обстоятельныхъ и темпераментныхъ рѣчахъ не преминули указать на рядъ дефектовъ, допущенныхъ раньше правительствомъ въ области сельскохозяйственной и продовольственной дѣятельности. Они запрашивали правительство, какія мѣры оно предполагаетъ принять во избѣжаніе въ дальнѣйшемъ нарушенія правильнаго хода всего экономическаго положенія страны, а въ особенности, сельскаго хозяйства.

Само собой разумѣется, что я былъ чрезвычайно заинтересованъ въ этихъ преніяхъ и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ словамъ думцевъ. Долженъ сознаться, что высказанные ими упреки и сомнѣнія я почти цѣликомъ раздѣлялъ, находилъ ихъ отвѣчавшими дѣйствительности и въ переживаемый моментъ безусловно умѣстными. Члены Государственной Думы жаждали скорѣе узнать подлинную правду о положенiи земледѣлія, этой основной базы хозяйственнаго благополучія страны, а представитель правительства, съ своей стороны, стремился подѣлиться съ народными избранниками тѣми данными, которыя были имъ собраны въ результатѣ его трехмѣсячной напряженной работы.

— Общество слишкомъ мало ознакомлено — сказалъ въ своей рѣчи гр. Капнистъ 1-й, — съ тѣмъ, что сдѣлало и что предполагаетъ сдѣлать правительство для того, чтобы въ этомъ году не было тѣхъ же препятствій, которыя сельскому хозяйству пришлось встрѣтить въ прошломъ".*

Все, что я тогда выслушалъ отъ депутатовъ, въ общемъ соотвѣтствовало моимъ впечатлѣніямъ, которыя я вынесъ о положенiи продовольственнаго и сельскохозяйственнаго дѣла въ странѣ, при первоначальномъ моемъ ознакомленiи съ полученнымъ отъ Кривошеина наслѣдіемъ. Какъ мнѣ было мысленно не согласиться с заявленіемъ депутата Дзюбинскаго:

— Правительственныя власти не имѣютъ ни опредѣленнаго плана, ни опредѣленной системы, ни опредѣленныхъ заданій. Всѣ мѣры, принимаемыя ими, принимаются совершенно разрозненно, по тѣмъ или другимъ вѣдомствамъ, не имѣя опредѣленной цѣли и опредѣленнаго плана. Кромѣ того, правительственные чины, принимая тѣ или другія мѣры, не всегда обосновываются на мѣстныхъ общественныхъ организаціяхъ, иногда совершенно ихъ игнорируютъ...

И дальше: — обратите вниманіе, напримѣръ, на гибель многомилліоннаго количества скота, реквизированнаго на западной границѣ. Вѣдь этотъ скотъ, которой могъ бы служить

* Всѣ помѣщенныя мною здѣсь слова депутатовъ, такъ же, какъ и приводимыя мною ниже выдержки изъ моей рѣчи, взяты мною изъ стенографическаго отчета засѣданія Государственной Думы 18-го февраля 1916 года.

основой во многихъ мѣстахъ для дальнѣйшаго благополучія, онъ почти весь погибъ и растраченъ.

При послѣднихъ словахъ мнѣ невольно припомнился первый день моей службы, когда я, въ грудѣ штабныхъ депешъ, полученныхъ мною съ фронта, читалъ о гибели на юго-западномъ фронтѣ полутора милліоновъ головъ бѣженскаго скота!..

Рядъ членовъ Государственной Думы затронули въ своихъ рѣчахъ другой вопросъ, также, съ самаго начала моей продовольственной дѣятельности, причинявшій мнѣ не мало осложненій и требовавшій принятія ряда срочныхъ мѣръ для его разрѣшенія... Такъ, депутатъ Харьковской губерніи Неклюдовъ заявилъ:

— Гр. Капнистъ въ своей рѣчи указалъ на то, что въ области продовольствія населенія были нѣкоторые недочеты, объясняющіеся отчасти, а можетъ быть, даже въ значительной мѣрѣ, двоевластіемъ: съ одной стороны, военныя власти работали, съ другой стороны, Министерство Земледѣлія, и согласованности между дѣйствіями этихъ властей не наблюдалось. Со своей стороны, долженъ и я отмѣтить, что двоевластіе, отсутствіе единой власти, обнаружилось не только на фронтѣ и въ центральномъ правительствѣ, но и въ самомъ центрѣ: такъ, въ то время, когда мы наблюдаемъ планомѣрную работу Министерства Земледѣлія, мы видимъ нѣкоторый натискъ въ области продовольствія со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ...

И дальше: — совершенно аналогичнымъ является провозглашеніе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ лозунга борьбы съ дороговизной. Въ то время, когда въ Министерствѣ Земледѣлія идетъ планомѣрная работа, обсуждается вопросъ обезпеченія населенія продовольственными продуктами во всемъ его цѣломъ, въ это время другое вѣдомство выхватываетъ одинъ уголокъ этого крупнаго государственнаго вопроса и urbi et orbi оповѣщаетъ о необходимости борьбы съ дороговизной всѣми зависящими средствами...

Все это „Хвостовское" вмѣшательство въ свое время было мною въ достаточной мѣрѣ болѣзненно лично пережито и, какъ я уже упоминалъ, съ большими усиліями устранено.

Горячо привѣтствовалъ я мысленно и на мой взглядъ вѣрныя слова, исходившія изъ устъ того же Неклюдова:

— Мы не только должны въ настоящее время бичевать тѣ органы центральнаго управленія, которыя не способствуютъ продовольствію, а, наоборотъ, мѣшаютъ продовольствію населенія. Мы должны сказать нѣсколько словъ и по своему собственному адресу, по адресу самого населенія. Господа, мнѣ часто приходится пріѣзжать въ Петроградъ по дѣламъ, и я всегда уѣзжаю изъ него съ большой радостью — настолько здѣсь противно, настолько противны люди въ Петроградѣ, въ большихъ городахъ: никто ничего не дѣлаетъ, всѣ сплетничаютъ, всѣ недовольны и всѣ требуютъ, чтобы ихъ хорошо питали, чтобы былъ полный комфортъ, но сами палецъ о палецъ не ударятъ. Проведите нѣкоторую параллель. Тамъ на фронтѣ вы видите бодрыхъ людей, они испытываютъ страшную тяготу, но они всѣ бодры, ихъ настроеніе ярко-патріотично. А кто больше всѣхъ брюзжитъ и кто требуетъ, чтобъ его хорошо кормили? Посмотрите, какъ набились столицы людьми, — никогда столько людей не было — сколько праздношатающейся толпы ходитъ по Невскому, сколько развелось здѣсь театровъ поганыхъ, и все кишмя кишитъ. Господа, мы должны воевать всѣ сейчасъ. Преступленіе со стороны народа, который не оказываетъ поддержки своимъ войскамъ и скопляется въ крупныхъ центрахъ, въ которые ничего не ввезешь, и требует, чтобы его кормили...

Съ величайшимъ сочувствіемъ отнесся я къ предложенію гр. Капниста обратиться отъ имени Государственной Думы ко всему сельскому населенію Россіи съ твердымъ призывомъ, что надо, чтобы засѣяны были наши нивы, надо, чтобы продукты были предоставлены государству, чтобъ государство и впредь могло снабжать обильно нашу армію идущую къ побѣдѣ...

Радостнымъ откликомъ отозвались въ моемъ сердцѣ глубоко патріотическія слова того же гр. Капниста, находившіяся въ полномъ соотвѣтствіи съ моими собственными заданіями по поводу характера предстоявшаго мнѣ выступленія.

— Пусть же знаетъ Германія — воскликнулъ онъ — уменьшающая ежедневно свои раціоны, что наша страна, несмотря на всѣ внутренніе непорядки во время войны, закаляется, какъ сталь, богатѣетъ, живетъ трезвой, спокойной и достойной жизнью въ самыхъ народныхъ глубинахъ...

Надо сказать, что за тѣ сутки, когда я готовился къ выступленію въ Государственной Думѣ, пришлось мнѣ передумать и пережить немало тревожныхъ мыслей и острыхъ ощущеній. Благодаря исключительному подъему многочисленныхъ сотрудниковъ, мнѣ удалось за сравнительно недолгое время многое упорядочить и наладить, но все же общее положеніе какъ сельскаго хозяйства, такъ и продовольственнаго снабженія, далеко еще не было благоустроено и требовало со стороны правительства принятія дальнѣйшихъ срочныхъ мѣръ для его улучшенія. Обо всемъ этомъ мнѣ, какъ представителю правительства, надо было сказать съ думской трибуны громко и откровенно, сознаваясь въ прошлыхъ ошибкахъ, указывая на мѣры ихъ исправленія, намѣчая планъ на будущее. Обдумывая схему и сущность своего выступленія, я рѣшилъ выйти на судъ страны, въ лицѣ ея народныхъ избранниковъ, съ открытымъ забраломъ, взявъ тяжесть прошлыхъ недочетовъ на себя и сохранивъ въ полной неприкосновенности престижъ моего предшественника. Въ то же время я хотѣлъ построить мою рѣчь, которая и по общимъ условіямъ и по содержанію должна была носить характеръ нѣкотораго рода правительственной декларации, такъ, чтобы враждовавшія съ нами страны отнюдь не могли бы усмотрѣть какихъ бы

то ни было признаковъ умаленія экономической и боевой мощи Россіи.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ соображеній, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ исключительную отвѣтственность предстоявшаго мнѣ выступленія, предвидя также неизбѣжность ожидавшей меня думской критики, которая мнѣ, въ моемъ воображеніи, представлялась безпощадной, я провелъ канунъ памятнаго мнѣ 18-го февраля въ крайне нервномъ состояніи, и въ такомъ же настроеніи продолжалъ обрѣтаться, когда занялъ свое мѣсто въ министерской ложѣ. Но, по мѣрѣ того, какъ я прислушивался къ рѣчамъ выступавшихъ ораторовъ, столь отвѣчавшихъ моимъ личнымъ помысламъ и взглядамъ, настроеніе мое прояснялось, начала нарастать увѣренность въ томъ, что съ сидѣвшими передо мною членами Государственной Думы я могу найти нужный, общій языкъ, который въ прошломъ меня никогда не покидалъ въ моей совмѣстной съ общественными дѣятелями работѣ.

Взойдя на думскую трибуну. я искренно привѣтствовалъ членовъ Государственной Думы по поводу того, что вопросъ о поддержаніи отечественнаго земледѣлія, какъ основы могущества Россіи, они поставили своей первой очередной задачей...

— Вступая въ ряды министровъ, — сказалъ я, — я прежде всего, исповѣдывалъ одно, — что то или другое состояніе тыла должно отражаться соотвѣтствующимъ образомъ на настроеніи нашей доблестной арміи. (Голоса: —„Правильно!"). Я считаю, господа, что связь тыла и арміи въ настоящее время такова, что, надо сказать — въ настоящее время происходитъ борьба не армій, а народовъ. (Голоса: „вѣрно!"). Господа, малѣйшее нарушеніе этой органической связи несомнѣнно отзывается на успѣхахъ нашего доблестнаго оружія, и придти на помощь дѣлу упорядоченія этой связи — наша святая обязанность.

Здѣсь многими лицами говорилось объ этомъ, — со многимъ изъ того, что было сказано по отношенію учета общаго настроенія, я долженъ согласиться. Такъ вотъ, если мы примемъ во вниманіе, господа, что Вѣдомству Земледѣлія поручено дѣло продовольствія арміи, которое потомъ разрослось въ продовольствіе тыла и населенія; если вы учтете, что Вѣдомство Земледѣлія должно обезпечить дѣйствительно добычу продуктовъ, не только въ данный моментъ, но и на будущее, то передъ вами предстанетъ картина огромной, я скажу — жуткой отвѣтственности Вѣдомства Земледѣлія.

Вступленіе свое я закончилъ слѣдующими словами:

— Я, изстари, съ университетской скамьи — общественный земскій дѣятель, и не могу себѣ представить правительства одинокимъ. Я никогда отвѣтственности не боялся, но всегда искалъ искренняго дѣлового сотрудничества. Помогите, господа, мнѣ вашей критикой, но критикой содѣйствующей, а не обособленной. (Милюковъ — Вы одиноки въ правительствѣ!") ...

Въ дальнѣйшей своей пространной рѣчи, изобиловавшей многочисленными документальными и цифровыми справками, я посильно старался дать исчерпывающія объясненія по всѣмъ вопросамъ, затронутымъ въ Думскомъ ко мнѣ обращеніи. Данныя, приведенныя въ моемъ выступленіи, я почти полностью упомянулъ въ той части моихъ записокъ, гдѣ я касался постановки въ Имперіи всего дѣла продовольственнаго снабженія и моей дѣятельности, какъ предсѣдателя Особаго Продовольственнаго Совѣщанія.

Здѣсь я ограничусь лишь упоминаніемъ одной подробности, связанной съ моимъ первымъ публичнымъ выступленіемъ въ Таврическомъ Дворцѣ, воспоминаніе о которомъ и понынѣ является для меня однимъ изъ наиболѣе свѣтлыхъ и радостныхъ въ моей жизни моментовъ.

Рѣчь моя продолжалась около двухъ часовъ, и по мѣрѣ того, какъ я излагалъ свои данныя, доводы и заключенія, я чувствовалъ, что невидимая связь между мною и думской аудиторіей становилась все крѣпче и тѣснѣе. Слова мои нерѣдко прерывались одобрительными и сочувственными возгласами, въ концѣ моей рѣчи превратившимися въ сплошную по моему адресу овацію. Позволю себѣ здѣсь точно привести, согласно имѣющейся у меня подъ руками думской стенограммы отъ 18-го февраля 1916 года, заключительную часть моей рѣчи

— Возвращаясь, господа, къ мѣрамъ, принимаемымъ для обезпеченія производства продуктовъ, я свидѣтельствую, что я обычно всемѣрно прибѣгаю къ содѣйствію мѣстныхъ общественныхъ организацій, въ частности, близкой сердцу и пониманію моему, — земской средѣ. Въ этомъ отношеніи я могу привести только тѣ слова изъ моего циркуляра, гдѣ я говорилъ, что „считаю долгомъ обратиться къ земствамъ съ усерднѣйшей просьбой внести въ столь важное для сельской Россіи дѣло свою энергію, свой дѣловой опытъ, будучи убѣжденъ, что въ сложной области мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ нуждъ земства ближе всего освѣдомлены и потому найдутъ наиболѣе жизненные способы къ успѣшному использованію того состава рабочей силы, который привлеченъ для посильнаго удовлетворенія этихъ нуждъ". Я считаю, что общность работы Министерства Земледѣлія съ мѣстными общественными организаціями есть фундаментъ, на которомъ можно осуществить огромнѣйшую задачу, возложенную на вѣдомство. Внѣ этого общенія я не мыслю совершенно работать. Я долженъ засвидѣтельствовать здѣсь, въ Государственной Думѣ, что тѣ сотрудники, которыхъ я получилъ изъ министерства А. В. Кривошеина, работаютъ съ полнымъ сознаніемъ всей важности ихъ дѣла и исторической отвѣтственности передъ страной. Работа ихъ беззавѣтна. Работу всѣхъ лицъ на мѣстахъ я называю не иначе, какъ самоотверженной работой. Но если вся эта могу-

чая сила, всѣ эти, такъ сказать, дѣловыя пружины, которыя облегли всю Россію, если онѣ сольются съ мѣстными общественными силами, то я думаю что въ этомъ единеніи мы, господа, безусловно побѣдимъ того врага, который имѣетъ главную, основную ставку на нашей разобщенности и на нашей дезорганизаціи. (Бурныя рукоплесканія слѣва и въ центрѣ). Потому, господа, ваше обращеніе къ населенію, хотя бы въ томъ видѣ, какъ здѣсь я о немъ слышалъ, я глубоко привѣтствую. Если бы можно было возстановить то сознаніе, которое проявилось въ первые мѣсяцы войны! Я выросъ, господа, съ крестьянами, и, вѣроятно, тамъ и останусь со временемъ, но я не узнавалъ многихъ, настолько они сознательно относятся къ моменту, переживаемому страной (рукоплесканія и голоса: „Правильно!"), настолько это война среди нихъ популярна. Если, господа, въ настоящее время война приняла затяжную форму, то я боюсь, что этотъ подъемъ начинаетъ кое-гдѣ остывать. Вѣдь это кое-гдѣ замѣчается. Господа! помогите оживить эту страшную мощь нашей страны. Помогите въ этомъ отношеніи, путемъ единства дѣйствій возстановить нашу старую пословицу: „міръ — великъ человѣкъ"! (Бурныя и продолжительныя рукоплесканія въ центрѣ, слѣва и справа).

Послѣ моей рѣчи былъ объявленъ перерывъ, въ самомъ началѣ котораго ко мнѣ в т. наз. „министерскій павильонъ" Таврическаго Дворца пришли лидеры многочисленныхъ думскихъ партій (за исключеніемъ крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ), среди которыъ вспоминается мнѣ Н. Н. Львовъ, А. И, Шингаревъ, И. Н. Ефремовъ и др., съ выраженіемъ горячихъ привѣтствій и поздравленій по поводу моего выступленія. Они пригласили меня вмѣстѣ съ ними позавтракать и, когда я появился въ Думской столовой, заполненной сидѣвшими за столами депутатами, послѣдніе всѣ встали и вновь принялись мнѣ единодушно апплодировать.

Присутствовавшій во все время моего выступленія и послѣдующей оваціи товарищъ министра А. А. Риттихъ, крѣпко пожавъ мнѣ руку, промолвилъ:

— Такого восторженнаго пріема я не запомню... и Столыпина такъ не принимали!...

Долженъ сознаться, что подобное счастье выпало на мою долю совершенно для меня неожиданно. По правдѣ сказать, подготовляясь къ своему выступленію, я ждалъ обратнаго! Пріятно мнѣ было также и то, что весь мой тріумфъ прошелъ на глазахъ присутствовавшей на хорахъ жены моей Анны.

Въ два часа дня того же 18-го февраля, я долженъ былъ поспѣшить въ Государственный Совѣтъ, гдѣ предполагалось поименное голосованіе законопроекта чрезвычайной важности — о подоходномъ налогѣ, и гдѣ многіе изъ моихъ друзей и сочленовъ тоже горячо меня привѣтствовали съ успѣхомъ и „удачнымъ", какъ они выразились, „крещеніемъ". Министръ Финансовъ П. Л. Баркъ, единственный изъ моихъ коллегъ, присутствовашій вмѣстѣ со мной на утреннемъ думскомъ засѣданіи 18-го февраля, послѣ моего выступленія замтилъ:

— Ну, и ловко же вы съумѣли перебросить мостъ въ Таврическій Дворецъ!..

Слова эти меня въ то время немало покоробили, такъ какъ, говоря съ думской трибуны, я ни о какихъ „мостахъ" заранѣе не загадывалъ, а лишь искренно желалъ дѣлового, тѣснаго сотрудничества съ народными представителями. Долженъ сознаться, что я былъ несказанно счастливъ и до глубины души удовлетворенъ, когда почувствовалъ, что слушатели мои поняли меня такъ, какъ я этого хотѣлъ. Если этотъ „мостъ", о которомъ мнѣ Баркъ намекалъ, оказался на самомъ дѣлѣ перекинутымъ между мною и Думой, то это послужило лишь общему отечественному благу.

Послѣ февральскаго моего выступленія, у меня съ депутатской средой установилась прочная связь, основанная на взаимномъ довѣріи. Благодаря этому, несмотря на случавшіяся впослѣдствіи въ области продовольственнаго снабженія осложненія, я, до конца моихъ министерскихъ полномочій, встрѣчалъ со стороны думскихъ дѣловыхъ круговъ самое благожелательное отношеніе къ себѣ и къ руководимому мною вѣдомству.

Благодаря депутатскимъ отзывамъ, а, главное — газетнымъ восхваленіямъ, моя рѣчь создала мнѣ тогда значительную популярность. Недаромъ гр. В. Н. Коковцовъ называлъ меня „моднымъ Министромъ", а С. Д. Сазоновъ, устроивъ у себя на слѣдующій день, послѣ моего думскаго выступленія, парадный завтракъ, за столомъ, во всеуслышаніе, сталъ восхвалять мою, какъ онъ выразился — „выдающуюся" рѣчь и поднялъ бокалъ за то, чтобы въ скорѣйшемъ времени увидѣть меня Россійскимъ премьеромъ.

Въ тотъ же день, 19-го февраля, на засѣданіи Совѣта Министровъ, я былъ встрѣченъ всеобщими привѣтствіями. Одинъ лишь Штюрмеръ не принялъ въ этомъ участія, продолжалъ оставаться напыщенно-безсловеснымъ истуканомъ. Послѣ моего думскаго успѣха, его нерасположеніе ко мнѣ усилилось. Ежедневно мой секретарь Загорскій приносилъ мнѣ по утрамъ цѣлыя кипы не только русскихъ, но и заграничныхъ газетныхъ вырѣзокъ, касавшихся моей Думской рѣчи. Особенно цѣннымъ и лестнымъ для меня отзывомъ показалась мнѣ статья, написанная обо мнѣ бывшимъ Министромъ Земледѣлія А. С. Ермоловымъ и помѣщенная въ номерѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей" отъ 21-го февраля 1916 года. Впослѣдствіи Загорскій всѣ эти многочисленныя вырѣзки сброшюровалъ въ особый объемистый томъ — третій по счету. Два другихъ онъ составилъ изъ газетныхъ замѣтокъ и статей, посвященныхъ мнѣ по поводу сначала назначенія моего в министры, а потомъ ухода со службы. Вся эта для меня исторически-интересная литература сдѣлалась, какъ и все остальное былое, достояніемъ революціонной стихіи, вѣроятно, ее не пощадившей.

Выступленіе мое въ общемъ собраніи Государственной Думы, 18-го февраля 1916 года, осталось единственнымъ. Въ остальное время пребыванія моего Министромъ, мнѣ приходилось участвовать лишь въ думскихъ комиссіонныхъ работахъ, главнымъ образомъ — на засѣданіяхъ такъ называемой соединенной Военно-продовольственной и сельскохозяйственной комиссіи. Это давало мнѣ возможность держать членовъ законодательной палаты въ курсѣ всѣхъ моихъ продовольственныхъ распоряженій и постановленій руководимаго мною Особаго Совѣщанія. Довольно часто созываемыя засѣданія комиссій отличались многолюдствомъ и проходили въ обстановкѣ общаго интереса и серьезнаго отношенія къ дѣлу. Иногда, впрочемъ, приходилось выслушивать и иныя рѣчи, произносившіяся не столько ради содѣйствія моей сложной и отвѣтственной работѣ, сколько во имя узко-партійныхъ директивъ оппозиціонно къ правительству настроенныхъ думскихъ политическихъ группировокъ.

Вспоминается мнѣ слѣдующій эпизодъ: на одномъ изъ засѣданій „соединенной комиссіи", на которой обсуждался рядъ предпринятыхъ мною мѣръ, саратовскій депутатъ Масленниковъ, въ то время принадлежавшій къ лѣвому крылу „кадетской" партіи, а нынѣ состоящій в числѣ крайнихъ правыхъ „бѣженскихъ" монархистовъ, — долго и горячо старался доказать абсурдность какъ ему казалось, правительственной продовольственной политики. Свои выводы онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ основывалъ на совершенно голословныхъ данныхъ. Рѣчь эта, произнесенная съ немалымъ пафосомъ, въ силу бездоказательности и явной подтасовки фактовъ, успѣха не имѣла. Съ моей стороны она вызвала немногословную, но рѣзкую отповѣдь.

По окончаніи засѣданія, вдругъ подходитъ ко мнѣ сей самый Масленниковъ и, дождавшись момента, когда онъ смогъ остаться со мною наединѣ, въ заискивающемъ тонѣ говоритъ мнѣ слѣдующее:

— Ваше высокопревосходительство, дорогой Александръ Николаевичъ! Признаюсь, что рѣчь свою я произнесъ по долгу принадлежности къ оппозиціонной партіи... Ради Бога, не претендуйте на меня за нее... Имѣйте въ виду, что я прежде всего являюсь вашимъ искреннимъ поклонникомъ и доброжелателемъ!

Повернуть ему спину и скорѣе отойти — вотъ все, что оставалось мнѣ сдѣлать въ отвѣтъ на признаніе моего своеобразнаго „доброжелателя"...

Но бывать въ Думскихъ комиссіяхъ я считалъ для себя необходимымъ, ради сохраненія живой дѣловой связи съ депутатами, которые стремились быть въ курсѣ продовольственнаго и хозяйственнаго положенія въ странѣ, и видимо не довольствовались сравнительно немногочисленнымъ своимъ представительствомъ въ Особомъ Совѣщеніи. Надо думать, что благодаря подобнымъ совмѣстнымъ нашимъ занятіямъ въ

упомянутыхъ комиссіяхъ, Государственная Дума сочла возможнымъ ограничиться однимъ тѣмъ засѣданіем общаго собранія 18-го февраля 1916 года, которое посвящено было заслушанію предъявленныхъ мнѣ запросовъ по продовольствію. Палата, видимо, вполнѣ удовлетворилась моими разъясненіями. Въ комиссіяхъ, со стороны большинства думскихъ депутатовъ, я видѣл лишь самое благожелательное къ себѣ отношеніе. Въ Государственной Думѣ благопріятно проходили и ею утверждались всѣ дѣла моего Вѣдомства, включая и годовую смѣту Министерства Земледѣлія, быстро разсмотрѣнную и одобренную на двухъ послѣдовавшихъ одно за другимъ засѣданіяхъ — 23-го и 24-го марта 1916 года.

154

Переходя къ воспоминаніямъ о моихъ служебныхъ дѣловыхъ отношеніяхъ съ Верхней Палатой, долженъ прежде всего отмѣтить, что, хотя члены Государственнаго Совѣта, по сравненію съ законодателями Таврическаго Дворца, обычно отличались въ своихъ мнѣніяхъ и выступленіяхъ большей сдержанностью и уравновѣшенностью, но въ описываемое тревожное время замѣтно и среди нихъ проявлялась повышенная нервность, отражавшаяся на общемъ характерѣ занятій и самомъ ихъ поведеніи. Недаромъ думскія оппозиціонныя теченія, приведшія въ 1915 году къ образованію Прогрессивнаго блока, нашли живой откликъ и среди нѣкоторой части законодателей Маріинскаго Дворца, поддавшихся вліянію упадочныхъ настроеній столичнаго общества и не мало способствовавшихъ своими, въ государственномъ смыслѣ необдуманными, дѣйствіями еще большему развалу правившаго центра.

Я не буду говорить о моихъ выступленіяхъ, какъ Министра Земледѣлія, и о прохожденіи въ Государственномъ Совѣтѣ смѣтныхъ предположеній моего Министерства. Въ этомъ отношеніи для меня, какъ Министра, все обстояло болѣе чѣмъ благополучно, и эта область моей дѣятельности не вызывала никакихъ осложненій. Въ иныхъ условіяхъ приходилось мнѣ имѣть дѣло съ Верхней Палатой по вопросамъ, касавшимся моей дѣятельности, какъ предсѣдателя Особаго Продовольственнаго Совѣщанія.

Сначала Государственный Совѣтъ не принялъ столь близко къ сердцу всѣ эти жизненные, продовольственные и хозяйственные вопросы, какъ то сдѣлала Государственная Дума. Мнѣ казалось, что верхняя палата довольствуется сообщеніями объ общемъ ходѣ продовольственной работы, которыя она могла получать отъ членовъ Государственнаго Совѣта, участвовавшихъ въ засѣданіяхъ Особаго Совѣщанія. Но видимо думскій примѣръ оказался заразителенъ. Въ первой половинѣ марта мѣсяца 1916 года, среди группы членовъ Государственнаго Совѣта, возникло намѣреніе затребовать отъ Министра

Земледѣлія разъясненій по тѣмъ же вопросамъ, по которымъ онъ недавно уже высказался въ Государственной Думѣ.

Долженъ сознаться, что, получивъ этотъ запросъ за подписью 52 членовъ верхней палаты, я мысленно немало на этихъ лицъ попенялъ за, какъ мнѣ показалось, безцѣльность ихъ выступленія. Больше того, что я сказалъ съ Думской трибуны, сообщить членамъ Государственнаго Совѣта въ то время я не имѣлъ возможности. Значительное большинство моихъ коллегъ по верхней палатѣ въ этомъ отношеніи были одного мнѣнія со мною, въ чемъ они мнѣ откровенно признались 21-го марта 1916 года, въ день, намѣченный для моего выступленія.

Въ этотъ день состоялся мой дебютъ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, засѣданіе котораго, по соображеніямъ высшей политики и военно-стратегическаго порядка, предсѣдателемъ было объявлено закрытымъ. Главными застрѣльщиками обращеннаго ко мнѣ запроса являлись: кн. Н. В. Щербатовъ, незадолго до того избранный въ предсѣдатели Всероссійской Сельскохозяйственной Палаты и спѣшившій, видимо, такъ или иначе проявить свою новую роль радѣтеля интересовъ отечественнаго сельскаго хозяйства; Владиміръ Іосифовичъ Гурко, человѣкъ, по складу своего характера вообще безпокойный, да при этомъ немало тосковавшій объ утраченной имъ власти и положеніи; Уфимскій земскій избранникъ гр. А. П. Толстой, выступавшій по совершенно аналогичнымъ побужденіямъ, какъ и Саратовскій думскій депутатъ Масленниковъ; проф. Иванъ Христофоровичъ Озеровъ, всегда готовый, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, преподавать аудиторіи свои излюбленные академическіе совѣты по части упорядоченія финансово-экономическаго положенія страны, и еще нѣкоторые другіе.

Какъ самъ запросъ, изложенный тенденціозно, такъ и рѣчи, не носили характера серьезной дѣловой заинтересованности, а скорѣе били на показной эффектъ, больше отличаясь пустымъ фразерствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ явной неосвѣдомленностью о дѣйствительномъ положеніи вещей.

Въ особенности возмутилъ меня Гурко, бросившій на всю залу засѣданія такую фразу:

— Всѣ какъ будто работаютъ, что-то дѣлаютъ!.. а возъ и нынѣ тамъ!.. Нѣтъ! видно подгнило все въ нашемъ государствѣ!..

И подобныя хлесткія фразы говорили люди, толкомъ не интересовавшіеся всей той огромной работой, которой были заняты не только лучшія столичныя вѣдомственныя силы, но и многочисленные, разбросанные по всей странѣ, лучшіе представители мѣстной власти и общественности.

За пять мѣсяцевъ моего управленія Министерствомъ Земледѣлія и продовольственнымъ снабженіемъ, я никого изъ выступавшихъ ораторовъ въ будничной рабочей обстановкѣ подвѣдомственныхъ мнѣ отдѣловъ не встрѣчалъ, какъ ни съ кѣмъ изъ нихъ на злободневныя темы по сельскому хозяйству и продовольствію не имѣлъ случая когда-либо серьезно и обстоятельно бесѣдовать. Видимо, въ обычное время это ихъ мало интересовало. Въ составъ членовъ Особаго Продовольственнаго Совѣщанія эти лица также не входили.

Усталый, сидѣлъ я на своемъ министерскомъ мѣстѣ, слушалъ эти цвѣтистыя, громкія фразы, являвшіяся вызовомъ и кровной обидой для многочисленныхъ самоотверженныхъ работниковъ продовольствія, моихъ сотрудниковъ. Невольно я спрашивалъ себя: къ чему вся эта крикливая шумиха? Какую цѣль преслѣдуютъ голословные вопли людей, не потрудившихся даже болѣе обстоятельно ознакомиться съ тѣмъ, о чемъ они съ такимъ вызывающимъ апломбомъ позволяли себѣ говорить?! Выводъ складывался у меня какъ бы самъ собой далеко не въ пользу выступавшихъ со своими хлесткими рѣчами инціаторовъ предъявленнаго мнѣ запроса.

Съ нелегкимъ сердцемъ и не остывшимъ возмущеніемъ, въ особенности противъ Гурко, поднялся я на каѳедру и приступилъ къ своей „правительственной" отповѣди. Въ начальной части своего выступленія я, въ силу необходимости, вынужденъ былъ держаться лишь строго дѣловыхъ рамокъ изложенія, изобиловавшаго цѣлымъ рядомъ всевозможныхъ цифровыхъ выкладокъ и вѣдомственныхъ справокъ. Но, мало по малу, переходя къ общимъ соображеніямъ и выводамъ, я сталъ отвѣчать на то, что говорили затронувшіе мое вѣдомственное самолюбіе ораторы. Дойдя до оцѣнки выступленія В. І. Гурко, я почувствовалъ, что больше сдерживать себя не могу, и со всей силой накипѣвшаго во мнѣ гнѣва обрушился на того, кто посмѣлъ во всеуслышаніе произнести относительно государственнаго вопроса наглую ложь, будто „возъ" продовольственной работы „и нынѣ тамъ". Слова эти я подвергъ безпощадной критикѣ, я опровергъ ихъ рядомъ неоспоримыхъ фактическихъ данныхъ, я бросилъ жестокій укоръ какъ самому Гурко, такъ и его единомышленникамъ, которые, вмѣсто активнаго сотрудничества съ патріотами, которые самоотверженно трудятся надъ государственнымъ дѣломъ огромнаго значенія, занимаются голословной критикой. Это не только не содѣйствуетъ общей работѣ, но подрываетъ энергію и силы ея участниковъ.

— Если бы вы, — закончил я свою рѣчь, обратившись непосредственно къ сидѣвшему внизу въ одномъ изъ первыхъ рядовъ Гурко, — хотя бы разъ сами зашли въ продовольственный отдѣлъ Министерства и пожелали узнать дѣйствительное положеніе вещей, вѣроятно вы убѣдились бы, что этотъ колоссальный государственный „возъ" нынѣ не стоитъ, а, правда — медленно, но вѣрно движется въ нужномъ направленіи! Настало время, когда я призываю всѣхъ себѣ на помощь, и было бы достойно каждаго россійскаго гражданина посильно помочь везти со всѣми нами этотъ необходимый для государственнаго благополучія „возъ"! Но, конечно, это было бы куда тяжелѣе, чѣмъ здѣсь говорить красныя словца!..

Рѣчь моя вызвала въ стѣнахъ Маріинскаго Дворца необычайное явленіе: со всѣхъ сторонъ раздались шумныя одобренія и даже... долго не смолкавшія рукоплесканія. Ко мнѣ тотчасъ подошли многочисленные мои сочлены. Они протягивали мнѣ руки и привѣтствовали съ успѣхомъ моего выступленія. А Гурко послѣ заключительныхъ моихъ словъ, видимо не на шутку взбѣшенный, сорвался со своего мѣста, что-то началъ по моему адресу кричать и стремительно бросился ко мнѣ, но былъ тотчасъ же остановленъ плотной стѣной обступившихъ меня членовъ Государственнаго Совѣта.

Этимъ завершилось мое единственное выступленіе въ Общемъ Собраніи Верхней Палаты. Вторично я долженъ былъ съ каѳедры Государственнаго Совѣта говорить спустя ровно три мѣсяца — 21-го іюня, но по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, выступленіе это не состоялось, послуживъ, между прочимъ, поводомъ ухода моего съ министерскаго поста. Объ этомъ я дальше разскажу подробнѣе. Здѣсь же считаю умѣстнымъ отмѣтить, что насколько необоснованнымъ казался мнѣ запросъ, на который я вынужденъ былъ давать разъясненія въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта 21-го марта, настолько же намѣченное на 21-е іюня выступленіе передъ членами верхней палаты представлялось мнѣ желательнымъ и необходимымъ. Не случайно съ этимъ несостоявшимся моимъ выступленіемъ оказалась въ непосредственной связи дальнѣйшая участь моей министерской службы.

155

Моя прошлая министерская дѣятельность обязывала меня входить въ непосредственныя сношенія съ Государемъ Императоромъ, иногда и съ Государыней Александрой Ѳеодоровной. Я хочу возстановить въ своей памяти нѣкоторыя подробности Высочайшаго пріема, который воспослѣдовалъ послѣ указа о моемъ назначеніи министромъ, и на коорый я возлагалъ послѣднюю надежду освободиться отъ столь неожиданно выпавшей на мою долю высокой и почетной, но представлявшейся мнѣ невыносимо тяжкой участи.

Я уже упоминалъ, что 1-го ноября 1915 года я заявилъ И. Л. Горемыкину о своемъ отказѣ принять министерскій постъ. Я стремился лично объ этомъ доложить Государю, но Его Величество былъ на фронтѣ. Пришлось, по совѣту того же Горемыкина, послать о своемъ отказѣ Государю письмо, въ отвѣтъ на которое послѣдовала Высочайшая резолюція о моемъ назначеніи.

Въ половинѣ ноября 1915 года, когда Государь возвратился въ Царское, 20-го ноября, я получилъ возможность явиться къ Его Величеству и снова высказать то, что въ письменной формѣ успѣха не имѣло. Стоялъ чудный, яркій зимній день. Проѣзжая съ вокзала во дворецъ, я любовался снѣгомъ занесеннымъ и солнцемъ залитымъ Царскимъ Селомъ, съ наслажденіемъ вдыхалъ морозный прозрачно-чистый воздухъ, такъ отличавшійся отъ испареній туманнаго, дымомъ закопченнаго Петрограда. Это придало мнѣ бодрости.

Государя я давно не видалъ. Его Величество привѣтливо принялъ меня въ своемъ свѣтломъ, знакомомъ мнѣ, кабинетѣ. Онъ имѣлъ замѣтно утомленный видъ и показался мнѣ на много лѣтъ постарѣвшимъ. Я поспѣшилъ выразить Государю мою вѣрноподданническую признательность за оказанное мнѣ милостивое довѣріе и высокую честь. Въ отвѣтъ на это Его Величество, лестно обо мнѣ отозвавшись, поинтересовался узнать подробности моего вступленія въ должность и мои первыя служебныя впечатлѣнія.

Я отвѣтилъ на предложенные мнѣ вопросы и постарался использовать данную мнѣ аудіенцію, чтобы изложить, почему меня надо освободить отъ министерскихъ обязанностей. Горячо и съ полной искренностью старался я убѣдить Государя въ основательности моихъ доводовъ, сводившихся къ несовмѣстимости должности Министра Земледѣлія и предсѣдателя Особаго Продовольственнаго Совѣщанія. Я повторилъ въ еще болѣе ясной и подробно мотивированной формѣ то, что было изложено 1-го ноября, въ представленномъ черезъ Горемыкина всеподданѣйшемъ моемъ письмѣ. Въ дополненіе я рѣшился высказать Государю еще рядъ соображеній, и откровенно сказалъ, что министерскія назначенія послѣдняго времени порождаютъ столичные слухи, которые компрометируютъ доброе имя лицъ, призываемыхъ къ власти. При этихъ словахъ, ранѣе спокойно слушавшій меня, Государь какъ бы очнулся, нервно одернулся и, вскинувъ голову, рѣзко мнѣ замѣтилъ:

— Васъ назначилъ... я..!

Все же я не преминулъ напомнить Его Величеству что всей моей прошлой общественной и служебной дѣятельностью я не былъ подготовленъ къ занятію министерской должности, о которой я никогда не помышлялъ.

— Въ этомъ отношеніи, — продолжалъ я свои признанія Государю, — вѣроятно, я рѣзко отличаюсь отъ всѣхъ тѣхъ служилыхъ лицъ, которыя заранѣе намѣчаютъ себѣ высокую сановную карьеру, усиленно подготовляясь къ ней и заблаговременно подбирая себѣ нужныхъ помощниковъ...

— Ну, по этой части — вновь прервалъ меня Государь — вамъ нечего безпокоиться! Отъ вашего предшественника къ вамъ переходитъ хорошо подобранная группа сотрудниковъ... А. В. Кривошеинъ былъ умѣлый антрепренеръ!..

Кромѣ этихъ двухъ замѣчаній, Государь все послѣдующее время аудіенціи слушалъ меня молча, часто пристально въ меня всматриваясь и, какъ мнѣ казалось, сочувственно относясь ко всѣмъ моимъ соображеніямъ, и во мнѣ, по мѣрѣ того, какъ я говорилъ, росла уверенность въ конечномъ успѣхѣ моего ходатайства. Но, когда, исчерпавъ свои доводы, я за-

молчалъ, Государь, протягивая мнѣ на прощанье руку промолвилъ:

— Я васъ цѣню и привѣтствую, какъ хозяина-практика и живого человѣка...

Сдѣлавъ затѣмъ небольшую паузу и привычнымъ своимъ жестомъ нервно одернувшись, Его Величество рѣшительнымъ тономъ добавилъ:

— Прошу васъ бывать у меня съ докладами, такъ же, какъ приходилъ ко мнѣ Кривошеинъ, — по понедѣльникамъ. Желаю вамъ отъ души полнаго успѣха и разсчитывайте на мою помощь...

Признаюсь откровенно, подобнымъ оборотомъ дѣла я былъ немало озадаченъ, такъ какъ ожидалъ другого. Послѣ заключительныхъ словъ Государя мнѣ осталось лишь откланяться и подчиниться волѣ моего Монарха. Не успѣлъ я дойти до выходной двери, какъ Его Величество бросилъ мнѣ въ догонку:

— Не забудьте мнѣ въ срочномъ порядкѣ подать докладъ объ освобожденіи васъ отъ участія въ Верховной Слѣдственной Комиссіи.

Обласканный, но и разочарованный, покинулъ я Царскосельскій Дворецъ, чтобы сразу приняться за исполненіе новыхъ министерскихъ обязанностей.

Черезъ два дня, въ понедѣльникъ, 23-го ноября, состоялся мой очередной докладъ Государю. Невольно, со всей остротой и въ мельчайшихъ подробностяхъ, припомнился мнѣ первый мой пріемъ у Его Величества, имѣвшій мѣсто ровно десять лѣтъ тому назадъ и происходившій въ наиболѣе острый періодъ аграрно-революціоннаго броженія 1905 года. Иная была тогда обстановка и иныя были въ то время рѣчи.

Мой выѣздъ въ Царское Село съ первымъ, въ качествѣ Министра, всеподданнѣйшимъ докладомъ, отмѣченъ въ моей памяти однимъ обстоятельствомъ, не лишеннымъ своего рода фатальности. Войдя въ министерскій вагонъ, я нашелъ другого, уже сидѣвшаго тамъ, министра — адмирала Григоровича. При видѣ меня, онъ сдѣлалъ радостный жестъ и въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ привѣтствовалъ мое появленіе съ министерскимъ портфелемъ въ рукахъ. „Какая иронія судьбы!" — записалъ я въ моемъ дневникѣ. Дѣйствительно, вмѣсто поѣздки въ качествѣ члена Верховной Слѣдственной Комиссіи въ Царицынъ, для немало смущавшей всѣхъ заинтересованныхъ лицъ ревизіи дѣятельности пушечнаго завода; я попадаю въ царскосельскій вагонъ и какъ только что назначенный министръ, ѣду къ Царю съ первымъ министерскимъ докладомъ, въ которомъ ходатайствую отъ освобожденія меня отъ обязанностей члена Верховной Слѣдственной Комиссіи. Первый, кого я по дорогѣ встрѣчаю, был Морской Министръ — глава именно того вѣдомства, отношеніе котораго къ созданію и дѣятельности Царицынскаго завода вызывало съ моей стороны рядъ серьезныхъ недоумѣній.

Въ день моего перваго министерскаго доклада въ Царскомъ — на представленномъ мною всеподданѣйшемъ ходатайствѣ объ исключеніи меня изъ состава Верховной Слѣдственной Комиссіи Государь собственоручно начерталъ резолюцію: „Согласенъ". Такимъ образомъ я былъ освобожденъ отъ своихъ слѣдственныхъ полномочій и обязанностей. Черезъ часъ послѣ пріема меня Государемъ, я очутился вновь вдвоемъ съ адмираломъ Григоровичемъ, съ которымъ мы принялись мирно и интересно бесѣдовать за завтракомъ, обычно предлагаемымъ пріѣзжимъ изъ столицы министрамъ въ одномъ изъ служебныхъ аппартаментовъ Царскосельскаго Дворца. Наши съ Иваномъ Константиновичемъ совмѣстныя поѣздки и такіе же оживленные завтраки повторялись во всѣ послѣдующіе пріемные наши царскосельскіе „понедѣльники".

Первый мой министерскій докладъ прошелъ въ обстановкѣ исключительно привѣтливаго и задушевно-теплаго ко мнѣ отношенія Его Величества. Неоднократно приходилось мнѣ и ранѣе бывать в Царскосельскомъ Государевомъ кабинетѣ, причемъ Августѣйшій Хозяинъ принималъ меня обычно стоя у ближайшаго отъ входной двери огромнаго окна.

Въ этотъ же разъ, когда я впервые появился въ качествѣ Министра-докладчика, я былъ Его Величествомъ приглашенъ присѣсть къ обширному, глаголемъ расположенному, письменному его столу. Прежде чѣмъ приступить къ своему докладу, я обратилъ вниманіе на впервые замѣченный мною на груди Государя скромно бѣлѣвшій эмалевый крестъ Георгія Побѣдоносца, недавно имъ надѣтый и, видимо, доставлявшій Его Величеству чувство радостнаго удовлетворенія. На мое привѣтствіе съ подобнымъ высокимъ боевымъ отличіемъ Государь Николай Александровичъ, закуривъ папироску, сталъ совершенно запросто, по-домашнему, но съ замѣтнымъ оживленіемъ дѣлиться своими впечатлѣніями по поводу всего имъ видѣннаго во время фронтовыхъ поѣздокъ и при посѣщеніи боевыхъ позицій. Его Величество неоднократно отмѣчалъ то удовольствіе, которое ему доставляло всеобщее воодушевленіе и патріотическій подъемъ въ войскѣ и населеніи. Съ необычайнымъ жаромъ бесѣдуя на эту тему, Государь какъ бы весь переродился, сталъ бодрымъ и жизнерадостнымъ, замѣтно помолодѣлъ...

Не могло быть сомнѣнія, что достоинство Россіи и судьба ея защитницы, Императорской Арміи, стояли для него превыше всего!.. „Займемся же теперь нашимъ дѣломъ", - наконецъ, прервалъ Его Величество самъ себя и предложилъ мнѣ приступить къ докладу. Основной его частью была сводка унаслѣдованнаго мною отъ Кривошеина продовольственнаго дѣла и перечисленіе намѣченныхъ мною въ этой области мѣропріятій.

Продовольственные вопросы занимали во всѣхъ всеподданнѣйшихъ моихъ докладахъ первенствующее мѣсто. Его Величество ими всегда особенно интересовался и заставлялъ

меня держать его въ курсѣ всѣхъ работъ и постановленій Особаго Продовольственнаго Совѣщанія. Чисто вѣдомственныя дѣла, обычно представляемыя Министромъ на Монаршее благовоззрѣніе, по вполнѣ естественнымъ причинамъ, должны были отходить на задній планъ, кромѣ тѣхъ мѣропріятій Министерства Земледѣлія, которыя, будучи органически связаны опять-таки съ продовольственнымъ снабженіемъ арміи и тыла, принимались въ цѣляхъ поддержанія отечественнаго сельскаго хозяйства. Война, довольствіе арміи и спокойствіе тыла — вотъ что тогда въ первую голову являлось предметами всеобщихъ заботъ.

Излагать свои очередныя дѣла старался я сжато и кратко, но все же докладъ мой затянулся на довольно продолжительное время, въ теченіе котораго Его Величество, не прерывая, слушалъ меня съ напряженнымъ вниманіемъ. Въ заключеніе онъ одобрилъ всѣ мои плановыя предначертанія и обѣщалъ распорядиться объ удовлетвореніи моего ходатайства по поводу принятія немедленныхъ мѣръ для установленія въ продовольственной области согласованности дѣйствій фронтовыхъ властей съ моими распоряженіями.

Закончивъ свой докладъ, я тотчасъ же принялся складывать въ портфель свои дѣловыя бумаги, чтобъ немедленно откланяться и покинуть кабинетъ, но Государь меня еще надолго задержалъ своими разспросами про мою семью. Узнавъ о предстоящей свадьбѣ моей старшей дочери, онъ пожелалъ узнать нѣкоторыя подробности о семействѣ Поливановыхъ. Его Величество сталъ мнѣ задавать еще цѣлый рядъ вопросовъ, касавшихся моего головкинскаго имѣнія и веденія его хозяйства, одновременно разспрашивая про Самарскую губернію, со времени ея образованія и о настроеніяхъ мѣстнаго приволжскаго населенія. По этому поводу припомнились слышанныя мною въ Головкинѣ осенью 1915 года и запечатлѣвшіяся въ моей памяти по своей глубокой потріотичности слова одного чердаклинскаго* мужичка, который на мое привѣтствіе — „Какъ здраствуешь?" — бодрымъ голосомъ простецки мнѣ отвѣтилъ - „Ничего, Лександръ Миколаевичъ, живемъ помаленьку! Вотъ, двое моихъ сыновей съ нѣмцами дерутся, а придетъ нужда — и самъ на царскую службу пойду!" Этотъ діалогъ съ чердаклинскимъ мужичкомъ я не преминулъ пересказать Государю, который, выслушавъ его, какъ бы весь просвѣтлѣлъ и еле слышно промолвилъ: „Спасибо имъ"... Отпуская меня, Его Величество пригласилъ, буде по ходу дѣлъ потребуется, бывать съ докладами въ Могилевской Ставкѣ и пожелалъ мнѣ въ дальнѣйшей работѣ полнаго успѣха.

Не могу здѣсь не отмѣтить, что первый мой министерскій докладъ произвелъ на меня неизгладимое впечатлѣніе. Онъ прошелъ въ условіяхъ удивительной простоты, искренней привѣтливости и теплой задушевности. Принятіе мною министерскаго поста отозвалось въ то время на всемъ моемъ самочувствіи чрезвычайно угнетающимъ образомъ, но тотъ сердечный, ласковый пріемъ и чарующая манера обращенія со своими Министрами, которое я встрѣтилъ со стороны моего Монарха, заставили меня забыть о трудностяхъ моего новаго положенія и воодушевиться искреннимъ желаніемъ посильно придти на помощь Его Императорскому Величеству въ его огромномъ дѣлѣ государственнаго управленія.

* Селеніе Чердаклы находится въ 25 верстахъ отъ с. Головкина.

Послѣ нѣкотораго перерыва, во время котораго мы съ адмираломъ Григоровичемъ успѣли позавтракать, я былъ приглашенъ въ томъ же Царскосельскомъ Дворцѣ на пріемъ къ Государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Мнѣ показалось, что съ тѣхъ поръ, какъ я ее не видалъ, она замѣтно осунулась и похудѣла. Представляясь ей въ качествѣ вновь назначеннаго Министра, я удостоился отъ Ея Величества выслушать нѣсколько милостивыхъ замѣчаній, отмѣчавшихъ мою „дѣловую опытность" и „близкое знакомство съ деревней".

Принимая меня, Императрица пригласила меня сѣсть къ ея рабочему столу и сразу же перешла къ обсужденію живо интересовавшаго ее вопроса объ организаціи Всероссійскаго Кустарнаго Комитета. Въ противоположность Государю, Императрица не ограничивалась задаваніемъ однихъ вопросовъ. Она сама на довольно правильномъ русскомъ языкѣ старалась меня ввести въ курсъ дѣла, которому она придавала серьезное государственное значеніе, и съ которымъ она просила меня спѣшно и обстоятельно ознакомиться, представивъ ей мои соображенія соотвѣтственно съ ея резолюціями, ранѣе начертанными на докладахъ моего предшественника. Въ общемъ пріемъ мой продолжался недолго. Отпуская меня, Государыня пожелала мнѣ полнаго успѣха въ предстоящей дѣятельности.

Впечатлѣніе я вынесъ отъ этого пріема самое отрадное. Императрица была привѣтлива и искренне благожелательна. Въ особенности мнѣ понравился ея живой, серьезный дѣловой интересъ. Говорила она сжато, но умно и властно. Постороннихъ вещей она не касалась, о нихъ не спрашивала, почти исключительно придерживаясь волновавшей ее темы объ упорядоченіи и процвѣтаніи русской кустарной промышленности.

Не могу не разсказать нѣкоторыя подробности о слѣдующемъ моемъ всеподданѣйшемъ докладѣ, имѣвшемъ мѣсто 23-го декабря 1915 года и ознаменовавшемся совершенно неожиданнымъ для меня обстоятельствомъ. Надо сказать, что въ утренніе часы „пріемныхъ" для меня „понедѣльниковъ", совмѣстныхъ съ Морскимъ Министромъ, очередь докладовъ соблюдалась всегда одна и та же — сначала у Государя бывалъ Адмиралъ Григоровичъ, а за нимъ слѣдовалъ мой докладъ. Такъ было и въ этотъ разъ, но въ упомянутый день, вмѣстѣ съ Морскимъ Министромъ, были приняты Начальникъ Штаба адмиралъ Русинъ и генералъ Вильчковскій, только что вернувшіеся изъ заграничной командировки и вызванные

въ Царское для личныхъ всеподданѣйшихъ докладовъ.

До пріема ихъ Государемъ, я встрѣтилъ ихъ въ министерскомъ вагонѣ на пути въ Царское Село и имѣлъ съ ними чрезвычайно интересную бесѣду. Русинъ и Вильчковскій успѣли подѣлиться со мной своими заграничными впечатлѣніями, сводившимися къ слѣдующимъ выводамъ. По ихъ словамъ, общее настроеніе во Франціи въ то время было удивительно бодрымъ и повсюду наблюдалась поразительная дисциплина. Перейдя къ оцѣнкѣ флотовъ, сначала англійскаго, адмиралъ Русинъ отнесся къ нему явно отрицательно, усматривая основной его недостатокъ въ томъ, что все командованіе сосредоточено было въ Лондонѣ.

Что же касается нѣмецкаго флота, то Русинъ отозвался о немъ, какъ объ организаціи относительно новой, еще не успѣвшей пріобрѣсти ни нужнаго навыка, ни должныхъ традицій.

Необычайный интересъ представляли изъ себя показанные Русинымъ съ Вильчковскимъ фотографическіе снимки, сдѣланные французскими авіаторами съ нѣмецкихъ боевыхъ позицій и затѣмъ искусно увеличенные. Ясность и детальность этихъ фотографій были изумительны. На нихъ можно было даже разсмотрѣть проволочныя загражденія и было рельефно обозначено расположеніе батарей, какъ дѣйствующихъ, такъ и обманныхъ; около послѣднихъ на означенныхъ снимкахъ не было видно проложенныхъ тропинокъ, и не было замѣтно лучей, обычно исходившихъ изъ дѣйствующихъ батарей при обстрѣлѣ.

Пріемъ Государемъ адмирала Григоровича, совмѣстно съ Русинымъ и Вильчковскимъ, оказался чрезвычайно продолжительнымъ, затянувшимся болѣе чѣмъ на полтора часа, такъ что мнѣ пришлось войти въ Государевъ кабинетъ лишь въ 12 ч. и 30 м. дня. Докладъ предстояло мнѣ сдѣлать длинный, такъ какъ, въ силу моей затянувшейся болѣзни, я не смогъ быть въ очередные пріемные дни у Государя.

Только что я приступилъ къ дѣловому докладу, какъ вдругъ одна изъ дверей, соединявшая кабинетъ съ внутренними аппартаментами, тихо растворилась и въ ней, къ моему изумленію и радости, показался Наслѣдникъ, одѣтый въ солдатскую цвѣта хакки форму. Его Императорское Высочество я давно не видалъ и былъ пріятно удивленъ. Онъ значительно выросъ, возмужалъ, нисколько не хромалъ, выглядѣлъ совершенно здоровымъ, удивительно красивымъ мальчикомъ. Правильныя и привлекательныя черты его нѣсколько смуглаго лица теперь рѣзче обозначались и гармонировали съ чарующимъ выраженіемъ большихъ, темно-карихъ, умныхъ, прекрасныхъ его глазъ.

Подойдя на цыпочкахъ къ отцу, Наслѣдникъ ему на ухо сказалъ: „Тамъ всѣ тебя ждутъ къ завтраку". Я всталъ и поклонился Его Высочеству, послѣ чего Наслѣдникъ подошелъ ко мнѣ, протянулъ мнѣ свою ручку и затѣмъ вернулся къ отцу.

Государь предложилъ мнѣ продолжить начатый докладъ, я сталъ излагать его, а передо мной была незабываемая картина, — два дорогихъ для русскаго сердца существа, — Государь — отецъ съ прислоненной къ его щекѣ темно-кудрой головкой его сына — Наслѣдника. Всю послѣдующую часть доклада я провелъ въ особо приподнятомъ, радужномъ настроеніи. На меня смотрѣли не только обаятельные глаза Царя, но рядомъ съ ними еще и другая пара подобныхъ же, лишь съ дѣтскимъ выраженіемъ, глазъ милаго отрока — Цесаревича. Это счастье не одинъ разъ выпадало на мою долю. Надо было видѣть, какъ радовался всегда самъ Государь приходу своего горячо любимаго сына, который, припавъ къ отцовской щекѣ своимъ очаровательнымъ личикомъ, внимательно прислушивался къ разговору Царя съ его министромъ.

Помню, какъ однажды (18-го января 1916 г.) я докладывалъ Государю о дѣятельности отдѣла сельскаго строительства, на обязанности котораго было популяризировать практическія свѣдѣнія о сельскомъ строительствѣ въ особыхъ брошюркахъ. Онѣ были превосходно изданы съ чертежами, планчиками и картинками, отпечатанными въ краскахъ. Изданіе это Его Величеству чрезвычайно понравилось, и онъ какъ бы про себя замѣтилъ: „Ихъ надо показать Алексѣю Николаевичу". Вскорѣ пришелъ Наслѣдникъ и Государь поспѣшилъ передать ему эти книжки. Алексѣй Николаевичъ сейчасъ же забралъ ихъ себѣ, разложилъ на диванѣ и принялся ихъ со вниманіемъ разсматривать, нерѣдко обращаясь ко мнѣ за разъясненіями. Само собой, Его Высочество больше всего занимали раскрашенныя картинки домиковъ и домашнихъ животныхъ. Съ той поры Наслѣдникъ сталъ проявлять ко мнѣ явное расположеніе. При дальнѣйшихъ нашихъ встрѣчахъ въ Могилевской Ставкѣ нерѣдко онъ удостаивалъ меня своимъ вниманіемъ, разспрашивалъ про Волгу, про моихъ семейныхъ, про нашу жизнь. Его особенно интересовало, что дѣлаетъ его сверстникъ, мой старшій сынъ Александръ. Не безъ явной зависти выслушивалъ милый Августѣйшій собесѣдникъ мои разсказы о томъ, какъ нашъ сынъ научился недурно ѣздить верхомъ, грести на лодкѣ, какъ удачно онъ въ нашей купальнѣ рыбачилъ... „Какой онъ счастливый!"— съ грустью въ голосѣ говорилъ Царственный отрокъ, — „а мнѣ все это строго запрещаютъ!" При этихъ словахъ сердце сжималось жалостью къ бѣдному мальчику, и невольно западалъ въ душу суевѣрный страхъ за его будущее!

156

Въ бытность мою министромъ, я побывалъ у Государя не болѣе двадцати разъ, изъ которыхъ въ семнадцати случаяхъ являлся къ Его Величеству со своими служебными докладами. Государь большей частью меня принималъ въ Царскосель-

скомъ Дворцѣ, но пять разъ я выѣзжалъ всеподданѣйше докладывать въ Могилевскую Ставку.

Я не буду останавливаться на описанiи подробностей моихъ Царскосельскихъ докладовъ, каждаго въ отдѣльности. Объ общемъ ихъ характерѣ я скажу нѣсколько ниже. Доклады обычно протекали въ болѣе или менѣе одинаковыхъ условiяхъ, — все тѣ же понедѣльники и утреннiе часы, та же прiемная, въ которой приходилось нерѣдко подолгу бесѣдовать съ лицами изъ ближайшаго царскаго окруженiя; тотъ же Государевъ кабинетъ съ его глаголеобразнымъ письменнымъ столомъ. Единственно, что иногда нарушало порядокъ Царскосельскихъ докладовъ — это — всегда радостное, какъ для Государя, такъ и для его министра, — появленiе въ отцовскомъ кабинетѣ Наслѣдника Цесаревича.

Не такъ обстояло дѣло съ Могилевскими докладами. Начать съ того, что самая форма одежды для прiѣзжавшихъ въ Ставку министровъ была иная, чѣмъ для обычныхъ Царскосельскихъ прiемовъ. Вицмундирный фракъ замѣнялся для Могилева походной формой, представлявшей собою для министровъ нѣкоторое подобiе одежды участниковъ дѣйствующей армiи. Военнаго покроя „френчъ" цвѣта „хакки", шашка, высокiе сапоги со шпорами — все это придавало министрамъ въ нѣкоторомъ смыслѣ боевой видъ. Только плечевые жгуты, вмѣсто погонъ, да гражданская кокарда на форменной фуражкѣ выдавали, что мы штатскiе тыловые чины. Могилевскiе доклады происходили всегда въ разные, особо назначенные Государемъ дни и часы. Всѣ прiѣзжавшiе въ Ставку министры обычно приглашались къ Высочайшимъ трапезамъ, къ завтраку или обѣду, за которымъ приходилось встрѣчаться съ рядомъ новыхъ лицъ, не считая постоянныхъ ихъ участниковъ свитскихъ, или проживавшихъ въ Могилевѣ представителей военныхъ миссiй союзныхъ державъ. Помимо этого, лично для меня, какъ Министра Земледѣлiя, состоявшаго одновременно Предсѣдателемъ Особаго Продовольственнаго Совѣщанiя, каждая поѣздка въ Верховную Ставку, сопровождалась дѣловыми свиданiями съ многочисленными гражданскими и военными властями, осмотромъ мѣстныхъ вѣдомственныхъ учрежденiй, иногда даже заѣздами въ штабные центры дѣйствующихъ фронтовъ.

Первую свою поѣздку въ Могилевъ я предпринялъ въ началѣ января 1916 года, не столько въ силу накопившихся для всеподданѣйшаго доклада дѣлъ, сколько вслѣдствiе необходимости скорѣйшимъ образомъ разрѣшить на мѣстѣ рядъ сложнѣйшихъ продовольственныхъ вопросовъ, возникшихъ частью въ центрѣ сахарнаго производства — Кiевѣ, частью въ районѣ юго-западнаго фронта.

Считаю небезинтереснимъ остановиться болѣе подробно на описанiи моихъ докладовъ въ Ставкѣ. Тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мои Могилевскiя аудiенцiи у Государя носили исключительный характеръ.

Выѣхавъ 3-го января въ сопровожденiи С. Н. Ленина и Н. А. Гаврилова изъ Петрограда, я на другой день использовалъ свой проѣздъ черезъ Москву для свиданiя съ съѣхавшимися со всѣхъ концовъ Россiи представителями Губернскихъ земствъ, которые были моими уполномоченными по продовольственнымъ операцiямъ. Этотъ съѣздъ, созванный для обсужденiя цѣлаго ряда основныхъ вопросовъ, касавшихся прiобрѣтенiя и распредѣленiя продуктовъ питанiя первой необходимости, засѣдалъ въ зданiи Московской Губернской Земской Управы, куда я въ сопровожденiи ея Предсѣдателя А. Е. Грузинова, проѣхалъ прямо съ вокзала. Подъ моимъ предсѣдательствомъ состоялось совѣщанiе по наиболѣе животрепещущимъ продовольственнымъ вопросамъ. Съ многими изъ присутствовавшихъ я былъ раньше знакомъ по прошлымъ всероссiйскимъ съѣздамъ. Говорить съ ними мнѣ было легко. Я самъ принадлежалъ къ этой родной мнѣ земской средѣ. Закрывая наше совѣщанiе, я обратился къ участникамъ Съѣзда съ горячимъ призывомъ протянуть мнѣ руку помощи для преодолѣнiя огромнаго государственнаго дѣла, требовавшаго всеобщаго энаргичнаго сотрудничества. Мои слова нашли единодушный откликъ среди участниковъ съѣзда и они обѣщали оказать мнѣ полное содѣйствiе для выполненiя намѣченныхъ мною продовольственныхъ заданiй...

Вспоминая прошлое, могу засвидѣтельствовать, что эти земскiе дѣятели, большинство изъ которыхъ состояло предсѣдателями Губернскихъ Управъ, крѣпко сдержали данное ими слово: — продовольственное ихъ сотрудничество нельзя иначе назвать, какъ работой самоотверженной, преисполненной любовью къ родинѣ и сознанiемъ важности принятой ими на себя отвѣтственности.

Не могу не привести одинъ фактъ, въ достаточной степени характеризующiй жертвенно-идейное отношенiе земскихъ людей того времени къ общей нашей работѣ. Въ возмѣщенiе расходовъ, вызываемыхъ исполненiемъ продовольственныхъ обязанностей, я предложилъ земскимъ уполномоченнымъ по продовольствiю суточное вознагражденiе въ размѣрѣ десяти рублей, на что отъ всѣхъ нихъ получилъ рѣшительный отказъ.

Черезъ годъ съ небольшимъ картина рѣзко измѣнилась. При Временномъ Правительствѣ въ составъ продовольственныхъ уполномоченныхъ влились иныя силы, и въ ихъ настроенiи свершился крутой переломъ. Въ концѣ марта 1917 года Товарищъ Министра Продовольствiя, мой землякъ — самарецъ В. Н. Башкировъ привелъ мнѣ въ примѣръ такую параллель: въ бытность мою Министромъ, на работу продовольственныхъ организацiй въ Самарскомъ районѣ никакихъ правительственныхъ денежныхъ ассигновокъ не отпускалось. При Временномъ же Правительствѣ на одинъ означенный районъ на оплату продовольственныхъ учрежденiй предположено было выдавать до 11 миллiоновъ рублей. Въ результатѣ, накладные расходы по заготовкѣ продовольственныхъ продуктовъ за

годъ со времени моего ухода изъ Министровъ выросли на 100 и болѣе процентовъ.

Вечеромъ, 4 янв., я выѣхалъ изъ Москвы черезъ Орелъ и Курскъ, гдѣ принималъ продовольственные доклады отъ Предсѣдателей Губернскихъ Земскихъ Управъ: умнаго С. Н. Маслова и обстоятельнаго К. А. Раппа. На слѣдующій день, къ четыремъ часамъ дня, я прибылъ въ Кіевъ, гдѣ былъ встрѣченъ многочисленной группой мѣстныхъ чиновъ, во главѣ съ Кіевскимъ губернаторомъ гр. А. Н. Игнатьевымъ и предсѣдателемъ Кіевской Губернской Земской Управы М. А. Суковкинымъ. Въ парадныхъ комнатахъ Кіевскаго вокзала, гдѣ состоялся общій пріемъ, находились губернаторы Таврическій и Бессарабскій, чины Министерства Земледѣлія, нѣсколько депутацій и рядъ уполномоченныхъ по продовольствію Кіевской, Волынской, Подольской и другихъ смежныхъ губерній. Города Кіева мнѣ не пришлось увидать. Прямо съ вокзала въ закрытомъ автомобилѣ меня увезли на обѣдъ къ мѣстному Губернатору, послѣ котораго я долженъ былъ спѣшить на два засѣданія, сначала — областного съѣзда сахарозаводчиковъ, а затѣмъ — продовольственнаго совѣщанія, закончившагося лишь къ 11-ти часамъ вечера. Въ томъ же автомобилѣ меня доставили на вокзалъ, гдѣ я принялъ еще нѣсколькихъ лицъ, а въ 12 часовъ ночи я выѣхалъ изъ Кіева по направленію къ г. Бердичеву, гдѣ находилось центральное Управленіе Штаба Юго-Западнаго фронта.

На послѣднихъ двухъ засѣданіяхъ въ Кіевѣ настроеніе было нервное и напряженное, вслѣдствіе, съ одной стороны, чрезмѣрныхъ своекорыстныхъ требованій сахарозаводчиковъ, а съ другой, крайне натянутыхъ отношеній, создавшихся у продовольственныхъ работниковъ Кіевскаго района съ представителями главнаго командованія Юго-Западнаго фронта.

Первое, что пришлось выслушать отъ явившагося ко мнѣ въ вагонъ предсѣдателя Кіевской Губернской Земской Управы Суковкина, былъ его отказъ отъ обязанностей продовольственнаго уполномоченнаго. Онъ считалъ невозможнымъ имѣть дѣло съ грубымъ и чрезмѣрно придирчивымъ Начальникомъ Штаба Юго-Западнаго фронта, ген. Мавринымъ. Его заявленіе отражало общее мнѣніе и настроеніе всѣхъ мѣстныхъ моихъ сотрудниковъ по закупкѣ продовольственныхъ продуктовъ. Пришлось немало усилій употребить, чтобъ их умиротворить. Подѣйствовало, главнымъ образомъ, мое обѣщаніе упорядочить сложившіяся ненормальныя отношенія путемъ моихъ переговоровъ какъ съ Главнокомандующимъ Юго-Западной арміей, генераломъ Н. І. Ивановымъ, такъ и съ самимъ генераломъ Мавринымъ.

Что касается съѣзда сахарозаводчиковъ, то, откровенно говоря, онъ произвелъ на меня довольно расхолаживающее впечатлѣніе. Надо сказать, что на этотъ съѣздъ собрались почти всѣ наиболѣе извѣстные и крупные сахарозаводчики: графы Бобринскіе, гр. Мусинъ-Пушкинъ, Бродскій, Харитоненко и др. Представляя мнѣ участниковъ съѣзда, М. А. Суковкинъ обратилъ мое вниманіе на скромно себя державшаго молодого человѣка, съ бритымъ и довольно выразительнымъ лицомъ американскаго типа, изъ выдающихся дѣятелей послѣдняго времени. Это былъ М. И. Терещенко, впослѣдствіи вступившій въ составъ революціоннаго Временнаго Правительства въ качествѣ его перваго Министра Финансовъ.

Стремясь въ продовольственной политикѣ установить плановое единство управленія, я, естественно, имѣлъ въ виду подобное же единство и въ области снабжнія арміи и населенія сахаромъ, регулируя изъ центра его заготовку, оплату и распредѣленіе. Въ этихъ цѣляхъ рѣшено было въ Кіевѣ, являвшемся средоточіемъ всего россійскаго сахарнаго производства, организовать особое учрежденіе, которое служило бы мѣстнымъ филіаломъ центральнаго общеимперскаго продовольственнаго органа по сахарному снабженію. Этотъ планъ Министерство Земледѣлія выработало въ полномъ согласіи съ Особымъ Продовольственнымъ Совѣщаніемъ. Но онъ пришелся многимъ крупнымъ вліятельнымъ сахарозаводчикамъ далеко не по вкусу, такъ какъ ставилъ для ихъ все разыгрывавшихся аппетитовъ твердыя преграды. Вотъ почему на Кіевскомъ съѣздѣ г.г. сахарозаводчики стали сначала несмѣло, а затѣмъ и болѣе рьяно выступать съ критикой принятыхъ мною мѣръ, которыя они объявляли стѣснительными для производства и сбыта сахара, а также убыточными для его производителей. Одинъ изъ участниковъ съѣзда, крупный сахарозаводчикъ Бродскій, позволилъ себѣ сдѣлать намекъ на то, что всѣ означенныя мѣропріятія принимались исключительно лишь въ цѣляхъ предоставленія правительству удобствъ по надзору за сахарнымъ производствомъ и его учету. Въ своей отвѣтной рѣчи я высказалъ по этому поводу рѣзкій протестъ, сославшись на рядъ данныхъ, съ достаточной убѣдительностью показывавшихъ, что намѣченныя мною мѣры проводились въ жизнь въ интересахъ всего населенія. Въ концѣ концовъ, съѣздъ присоединился къ нашему проекту общеимперской централизаціи всего дѣла сахарнаго снабженія и образованія въ Кіевѣ особаго въ этихъ цѣляхъ распорядительнаго бюро.

Вопросы, обсуждавшіеся на обоихъ кіевскихъ съѣздахъ, такъ живо затрагивали ихъ участниковъ, что часть ихъ просили позволенія выѣхать со мною изъ Кіева съ тѣмъ, чтобъ въ вагонѣ еще выяснить нѣкоторыя детали нашихъ злободневныхъ продовольственныхъ дѣлъ. Наши вагонныя собесѣдованія затянулись до двухъ съ половиной часовъ утра.

6-го января, въ 10 утра, мы подъѣхали къ Бердичеву. Надо сказать, что изъ самого Петрограда въ моемъ поѣздѣ, но въ отдѣльномъ своемъ служебномъ вагонѣ, ѣхалъ Министръ Путей Сообщенія А. Ѳ. Треповъ, у котораго по пути велись свои вѣдомственные разговоры съ подначальными ему лицами. Ему по дѣламъ транспорта надо было повидать представителей Главнаго Командованія Юго-Западнаго фронта. На Берди-

чевскомъ вокзалѣ насъ встрѣтилъ генералъ-адъютантъ Н. І. Ивановъ, генералъ Мавринъ, членъ Государственнаго Совѣта С. Н. Гербель, состоявшій въ то время моимъ Главноуполномоченнымъ въ юго-западномъ районѣ, Волынскій и Подольскій губернаторы и рядъ вѣдомственныхъ чиновъ.

Первый, кто вошелъ ко мнѣ въ вагонъ — былъ Гербель, съ которымъ меня связывала давняя и прочная дружба. Изъ его словъ я понялъ, какая невѣроятно тяжелая обстановка создалась въ отношеніяхъ представителей центральнаго Продовольственнаго Вѣдомства съ штабнымъ командованіемъ, допускавшимъ въ сношеніяхъ съ нашей агентурой ничѣмъ неоправдываемую рѣзкость, придирчивость и нервировавшую раздражительность. Особенной грубостью и дѣловой нетерпимостью отличался Начальникъ Штаба генералъ Мавринъ.

Вскорѣ, вслѣдъ за Гербелемъ, вошли ко мнѣ въ вагонъ Главнокомандующій Юго-Западной арміей генералъ адъютантъ Николай Іудовичъ Ивановъ, въ сопровожденіи генерала Маврина. Выше средняго роста, плотный, съ широкимъ, чисто русскимъ лицомъ, обрамленнымъ большой, темно-русой, съ сильной просѣдью, густой бородой, Ивановъ, одѣтый въ походную генеральскую форму, съ двумя Георгіями на груди, оказался собесѣдникомъ мало разговорчивымъ, явно чѣмъ-то разстроеннымъ. Онъ обо всемъ отзывался крайне пессимистически. Оба — Ивановъ и Мавринъ — были явно переутомлены, неохотно отвѣчая на мои вопросы о ходѣ боевыхъ дѣйствій. Когда я спросилъ о возможности наступленія нашей арміи, Ивановъ мрачно промолчалъ, а генералъ Мавринъ только рукой махнулъ.

Въ тотъ же день, 6-го января, въ небольшой комнатѣ Главнокомандующаго состоялось многолюдное совѣщаніе по вопросамъ, связаннымъ съ продовольствіемъ и съ желѣзнодорожнымъ транспортомъ. Участвовало на этомъ совѣщаніи нѣсколько генераловъ съ Н. І. Ивановымъ во главѣ, два Министра (Треповъ и я), С. Н. Гербель, С. Н. Ленинъ, главный полевой интендантъ генералъ Д. С. Шуваевъ и рядъ офицеровъ военнаго штаба.

Съ первыхъ же словъ опредѣлилось коренное расхожденіе во взглядахъ на постановку продовольственно-транспортнаго дѣла между представителями Главнаго Командованія Юго-Западнымъ фронтомъ и всѣми нами, руководителями министерской работы въ центрѣ. Генералъ Ивановъ, поддерживаемый рѣзкими выступленіями генерала Маврина, съ необычайнымъ упорствомъ отстаивалъ свою точку зрѣнія, сводившуюся къ необходимости въ дѣлѣ продовольственнаго снабженія признать за всей примыкавшей къ Юго-Западному фронту областью Россіи полную районную автономію. Иначе говоря, генералъ Ивановъ имѣлъ въ виду совершенно отрѣзать отъ остальной Россіи и другихъ фронтовъ всю плодороднѣйшую юго-западную окраину, съ ея богатыми запасами и предстоявшимъ урожаемъ. Все изобиліе продуктовъ этой области онъ предлагалъ направлять на нужды его фронта.

Всѣ наши доводы о явной несправедливости и нецѣлесообразности подобнаго требованія оказались безуспѣшны. Рядъ ясныхъ цифровыхъ выкладокъ, говорившихъ объ избыткѣ въ указанной области продовольственныхъ запасовъ, что въ ней, сверхъ того, что нужно для питанія юго-западной арміи есть излишки, которыми надо воспользоваться для продовольствованія остальныхъ фронтовыхъ и тыловыхъ мѣстностей Россіи, не переубѣдили генерала Иванова и его единомышленниковъ.

Затянувшіяся пренія, которыя велись въ крайне нервномъ и приподнятомъ тонѣ, заставили въ концѣ концовъ меня самымъ категорическимъ образомъ заявить, что я, какъ отвѣтственный руководитель всего общеимперскаго продовольственнаго снабженія, обязанъ заботиться не только объ одномъ Юго-Западномъ фронтѣ, но обо всей дѣйствующей арміи. Я ни въ коемъ случаѣ не могу согласиться съ точкой зрѣнія представителей Главнаго Командованія Юго-Западной арміи и безповоротно остаюсь при убѣжденіи, что необходимо сохранить общее руководство всѣмъ дѣломъ продовольственнаго снабженія за центральнымъ вѣдомствомъ, которому должно подчиняться и Главное Командованіе Юго-Западнаго фронта. Имѣя въ этомъ отношеніи поддержку Министра Путей сообщенія Трепова, генерала Шуваева и Главноуполномоченнаго по продовольствію Гербеля, я предупредилъ генерала Иванова, что своей политики мѣнять я не намѣренъ, о чемъ, а также о встрѣченномъ въ Бердичеве на этотъ счетъ разномысліи — сочту долгомъ довести до свѣдѣнія Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Мое заявленіе положило конецъ нашимъ спорамъ. Совѣщаніе было закрыто. Оно оставило среди насъ тяжелое впечатлѣніе, но дѣлу принесло несомнѣнную и существенную пользу: Ставка подтвердила представителямъ Главнаго Командованія Юго-Западнымъ фронтомъ необходимость согласовывать ихъ продовольственную дѣятельность съ распоряженіями, исходившими изъ столичнаго руководящаго Центра. Благодаря этому, взаимоотношенія Петроградскаго вѣдомства и всей его мѣстной продовольственной агентуры съ военными чинами Юго-Западнаго фронта пришли въ нормальный порядокъ.

Отъѣздъ изъ Бердичева состоялся вечеромъ того же 6-го января, а на другой день, въ два съ половиной часа пополудни, мы были въ Могилевѣ. Я принялъ тамъ Губернатора Пильца и чиновъ моего вѣдомства и поспѣшилъ, передъ назначеннымъ мнѣ на 4 часа дня всеподданѣйшимъ докладомъ, повидать Начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генерала Михаила Васильевича Алексѣева, съ которымъ мнѣ необходимо было предварительно переговорить о цѣломъ рядѣ продовольственныхъ дѣлъ.

Съ вокзала я поѣхалъ на автомобилѣ по длинной невзрач-

ной улицѣ, съ сѣренькими домишками, до просторной площади, окруженной бѣлыми каменными солидными зданіями. Слѣва возвышался многоглавый соборъ. Противъ него, на краю спуска къ Днѣпру, стояли почти рядомъ два бѣлыхъ дома: первый — поменьше, а за нимъ — болѣе видный и помѣстительный, одной стороной примыкавшій къ обширному саду.

Въ первомъ домѣ помѣщался штабъ Верховнаго Главнокомандующаго и его начальникъ генералъ Алексѣевъ. Въ большомъ домѣ, ранѣе служившемъ квартирой губернатора, проживалъ со своей свитой Государь. Около параднаго крыльца стоялъ военный караулъ и дежурили конвойцы.

Генералъ Алексѣевъ принялъ меня въ сравнительно небольшой, узкой комнатѣ, почти цѣликомъ занятой большимъ длиннымъ столомъ, на которомъ была разложена подробная карта всѣхъ фронтовъ и боевыхъ позицій. Какъ потомъ я узналъ, въ этой комнатѣ, ежедневно, по утрамъ, происходили занятія Верховнаго Главнокомандующаго съ его Начальникомъ Штаба, который по картѣ объяснялъ Его Величеству весь ходъ происходившихъ боевыхъ дѣйствій. Меня встрѣтилъ средняго роста, худощавый, скромный на видъ генералъ, въ походной формѣ, съ Георгіемъ на шеѣ. Усадивъ меня около письменнаго стола, Михаилъ Васильевичъ принялся меня разспрашивать про общее положеніе продовольственнаго дѣла и предупредилъ, что отъ этой области зависитъ многое для успѣшнаго веденія войны. Я видѣлъ передъ собой человѣка съ некрасивымъ, но умнымъ лицомъ. Изъ-за очковъ смотрѣли на меня сѣрые проницательные глаза. Алексѣевъ выглядѣлъ усталымъ, но не нервнымъ. Онъ спокойно и обстоятельно обсуждалъ возникавшие вопросы

Объ общемъ положеніи военныхъ дѣйствій Михаилъ Васильевичъ избѣгалъ говорить. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка вдумчиваго, знающаго и толковаго. Первоначально привѣтливостью онъ не отличался, но впослѣдствіи, когда у насъ установился прочный дѣловой контактъ, Михаилъ Васильевичъ сталъ относиться ко мнѣ съ явнымъ радушіемъ и искренней благожелательностью.

Окончивъ переговоры, я отъ генерала Алексѣева прямо направился въ сосѣдній, бывшій губернаторскій, домъ, называвшійся нынѣ „дворцомъ". Пройдя сквозь строй военнаго караула, раздѣлся въ небольшой нижней передней, поднялся по скромно убранной лѣстницѣ во второй этажъ и вошелъ въ залу, служившую пріемной для лицъ, ожидавшихъ царской аудіенціи

Это была сравнительно небольшая комната съ бѣлыми стѣнами, паркетнымъ поломъ, нѣсколькими выходившими на площадь окнами. Обставлена она была чрезвычайно просто. Десятка два стульевъ вдоль стѣнъ и рояль, слѣва отъ входа — вотъ и все, что въ ней находилось. Въ залѣ имѣлись три двери: одна выходила на парадную лѣстницу, другая соединялась со столовой, а третья вела въ кабинетъ Государя.

Ждать пришлось мнѣ недолго. Его Величество встрѣтилъ меня съ присущей ему ласковой привѣтливостью, усадилъ противъ себя за свой небольшой письменный столъ и предложилъ приступить къ докладу. Поблагодаривъ за полученныя мною къ Новому Году Высочайшія награды, я перешелъ къ подробному изложенію всего хода налаженнаго мною продовольственнаго снабженія и дальнѣйшихъ мѣръ, которыя были намѣчены, согласно выработанному мною, совмѣстно съ Особымъ Совѣщаніемъ, плану дѣйствій. Въ видѣ иллюстрацій, мною были представлены на благовоззрѣніе Государя составленныя моими сотрудниками интересныя картограммы, гдѣ было отчетливо указано имѣвшееся въ странѣ количество всякаго рода продовольственныхъ запасовъ. Не преминулъ я также указать на ту пользу, которую приноситъ „Советъ пяти министровъ", какъ столичный центръ, объединяющій представителей всѣхъ вѣдомствъ, такъ или иначе обслуживавшихъ продовольственное снабженіе. На мой взглядъ такое же объединеніе повсемѣстно въ провинціи явилось бы въ высокой степени желательной мѣрой, къ осуществленію которой я имѣлъ въ виду немедленно приступить. Его Величество все мною доложенное полностью одобрилъ, поблагодарилъ меня за мою работу и обѣщалъ оказывать во всѣхъ моихъ начинаніяхъ твердую поддержку и защиту отъ возможныхъ, какъ Государь выразился, — „постороннихъ помѣхъ и вмѣшательствъ.

Покончивъ съ продовольственными дѣлами, я перешелъ къ изложенію своего ходатайства о разрѣшеніи использовать въ случаяхъ, когда представится тому возможность, свободныя тыловыя войсковыя части для сельскохозяйственныхъ работъ въ періодъ ихъ наибольшей рабочей спѣшки, хотя бы для уборки предстоявшаго урожая. Его Величество далъ мнѣ на это свое принципіальное согласіе, послѣ чего сталъ мнѣ задавать вопросы, интересуясь знать мое мнѣніе относительно общаго экономическаго положенія нашего отечества, въ связи съ предстоявшей въ Парижѣ конференціей по финансово-экономическимъ вопросамъ. Государь неоднократно высказывалъ опасеніе относительно возраставшей задолженности Россіи, доходившей въ описываемое время до 330 милліардовъ золотыхъ рублей, включая займы на войну 1914 года. Въ этомъ отношеніи я счелъ возможнымъ всемѣрно успокаивать Государя. Я утверждалъ, что подобная цифра задолженности, сама по себѣ, несомнѣнно, значительная, не представляется страшной при неисчерпаемыхъ природныхъ богатствахъ Россіи. Но при непремѣнномъ условіи однако, чтобъ использованіе этихъ богатствъ въ цѣляхъ финансово-экономическаго возрожденія Россіи шло по заранѣе разработанному и всесторонне обдуманному плану. Подобный имперскій планъ долженъ быть намѣченъ на много лѣтъ впередъ, какъ для внутренняго государственнаго устроенія, такъ и для установленія

внѣшней Россійской политики. Тутъ Его Величество прервалъ меня замѣчаніемъ, немало меня удивившимъ: „лишь бы на Алексѣеву жизнь хватило"...

Передъ уходомъ изъ кабинета, я вспомнилъ данное мною въ Кіевѣ обѣщаніе специально прибывшей ко мнѣ съ юга депутаци, представить Государю отъ имени винодѣловъ и виноградарей ходатайство о разрѣшеніи населенію употреблять виноградныя вина умѣренной крѣпости. Мотивомъ подобнаго своего обращенія къ Его Величеству просители выставляли то обстоятельство, что послѣ изданнаго при объявленіи войны 1914 года Высочайшаго указа о запрещеніи продажи спиртныхъ напитковъ винодѣліе, а съ нимъ вмѣстѣ и виноградарство, были поставлены въ условія, грозившія полной гибелью этой цѣннѣйшей, съ такимъ трудомъ насаждавшейся, культуры. Въ означенномъ ходатайствѣ былъ приведенъ рядъ авторитетныхъ медицинскихъ справокъ, доказывавшихъ несомнѣнную пользу умѣреннаго употребленія винограднаго вина. Доложивъ объ этомъ ходатайствѣ, я счелъ долгомъ заявить Государю, что со своей стороны я всецѣло къ нему присоединяюсь, въ силу чего просилъ его удовлетворить. Его Величество выразилъ на это свое согласіе, отмѣтивъ, что запретительный указъ имѣлъ въ виду лишь употребленіе водки и другихъ крѣпкихъ напитковъ. Это разрѣшеніе вскорѣ послѣдовало и было, конечно, восторженно встрѣчено на югѣ Россіи, гдѣ населеніе было заинтересовано сохраненіемъ виноградной культуры.

Приглашенный на обѣдъ къ Высочайшему столу, я поспѣшилъ использовать оставшееся мнѣ до семи съ половиной часовъ вечера время, чтобы посѣтить проживавшаго въ нижнемъ этажѣ резиденціи Государя Министра Двора графа Владиміра Борисовича Фредерикса и еще разъ повидать генерала Алексѣева.

Графъ Владиміръ Борисовичъ занималъ, какъ и всѣ свитскіе, чрезвычайно скромное помѣщеніе. Все въ его комнатѣ имѣло видъ чего-то временнаго, неуютнаго, и самъ Министръ одѣтъ былъ въ необычную для него походную, цвѣта хакки, генеральскую форму. Несмотря на свой почти восьмидесятилѣтній возрастъ, графъ Фредериксъ держался прямо, молодцевато несъ свою красивую, съ большими пушистыми усами, сѣдую голову. Бесѣдуя съ нимъ, глядя въ его голубые, ясные, привѣтливые глаза, в чувствовалъ около себя морально чистаго, душевнаго человѣка, честнаго и преданнаго слугу своего Державнаго хозяина.

Съ первыхъ же его привѣтственныхъ словъ и разспросовъ графъ Владиміръ Борисовичъ завоевалъ мою искреннюю симпатію, меня потянуло именно къ нему, а не кому другому откровенно высказаться по одному наболѣвшему вопросу, занимавшему въ то время умы и сердца многихъ государственныхъ дѣятелей.

Графъ Фредериксъ, искренне любившій своего монарха

и принимавшій близко къ сердцу всѣ невзгоды военнаго лихолѣтья, сталъ мнѣ высказывать свои опасенія по поводу начинавшихъ возникать въ тылу настроеній, по его мнѣнію чреватыхъ возможностью грядущихъ, еще худшихъ, осложненій. Почтенный старикъ закончилъ свои невеселыя думы вопросомъ: „Что вы по этому поводу скажете?" Свой отвѣтъ я построилъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы откровенно высказать человѣку близкому къ Государю мое убѣжденіе въ необходимости, прежде всего, въ скорѣйшемъ времени созвать законодательныя палаты, и принять всѣ мѣры для установленія наилучшихъ отношеній между Государемъ и народными представителями въ лицѣ Государственной Думы. Министръ съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ моимъ словамъ и, пожимая мнѣ на прощанье руку, промолвилъ: „Вы, пожалуй, правы... Хорошо, если бы вы сами обо всемъ этомъ доложили Государю"... Въ ближайшій же январскій мой докладъ въ Царскомъ пожеланіе графа Фредерикса сбылось.

Наступилъ часъ обѣда. Въ пріемной залѣ, въ ожиданіи выхода Государя, собралось человѣкъ двадцать, среди которыхъ выдѣлялся своимъ ростомъ Великій Князь Сергій Михайловичъ. Тутъ же находились лица изъ ближайшаго Государева окруженія съ графомъ Фредериксомъ во главѣ, а также представители всѣхъ пяти союзныхъ военныхъ миссій — Франціи, Англіи, Италіи, Бельгіи и Сербіи. Наконецъ А. Ф. Треповъ, генералъ Алексѣевъ, помощникъ Военнаго Министра генералъ Бѣляевъ и нѣсколько генераловъ, прикомандированныхъ къ Ставкѣ.

Простота и радушіе — вотъ что бросалось въ глаза каждому, кто попадалъ въ число приглашенныхъ въ Могилевѣ къ Высочайшимъ трапезамъ. Самый „дворецъ" представлялъ собой скромное зданіе стариннаго помѣщичьяго типа. Все въ немъ казалось уютнымъ и похожимъ на обыденную домашнюю обстановку.

Царственный хозяинъ этого временнаго могилевскаго обиталища усугублялъ общее впечатлѣніе теплой привѣтливости, создавая вокругъ себя настроеніе полной непринужденности и задушевности, которое передавалось приглашеннымъ, какъ только они вступали, вслѣдъ за Государемъ, въ обширную столовую. где въ сторонкѣ у стѣны, какъ и полагалось для старо-помѣщичьяго быта, виднѣлся небольшой столикъ съ закусками и граненымъ графинчикомъ водки. Обычно Государь становился около столика сбоку и предлагалъ гостямъ приступить къ закускѣ.

Со мною, когда я впервые попалъ въ Могилевскую обстановку царской трапезы, случился слѣдующій казусъ. Подходя въ общей группѣ къ закусочному столу, я очутился далеко не въ первыхъ рядахъ и, съ любопытствомъ присматривался къ новой и крайне интересной для меня обстановкѣ. Разумѣется, я слѣдилъ съ особымъ вниманіемъ за всѣмъ, что говорилъ и какъ себя велъ въ домашнемъ быту Государь. Пока я сто-

ялъ позади нѣсколькихъ лицъ въ ожиданіи свободнаго доступа къ закусочному столику, я замѣтилъ неоднократно останавливавшіеся на мнѣ пристальные взгляды Его Величества. Я въ то время, по своей неопытности, особаго значенія этому придавать не имѣлъ никакого основанія, пока ко мнѣ не подошелъ Министръ Двора. Онъ тихо мнѣ сказалъ: „Подходите же скорѣй къ Государюь Его Величество васъ къ себѣ вызываетъ!"... Оказывается, у Государя была особая манера отличать того или другого изъ своихъ гостей, выражавшаяся въ томъ, что особымъ пристально-привѣтливымъ взглядомъ онъ приглашалъ это лицо приблизиться къ нему. Тогда Его Величество предлагалъ ему рюмку водки и самъ съ нимъ выпивалъ. Послушавшись графа Фредерикса, я выдвинулся впередъ. Государь, подозвавъ меня ближе къ себѣ спросилъ, пью ли я водку, причемъ напитокъ этотъ онъ назвалъ „челышевкой", сославшись, что такъ научилъ его П. А. Столыпинъ... „Вѣдь Челышевъ былъ Вашъ Самарскій?"... спросилъ, привѣтливо посмѣиваясь, Государь. Въ томъ же веселомъ духѣ Его Величество продолжалъ нѣкоторое время бесѣдовать со мной, одновременно попросту, какъ подобаетъ доброму хозяину, рекомендуя мнѣ брать ту или другую стоявшую передъ нами закуску.

Послѣ рюмки водки за закусочнымъ столомъ, всѣ разсаживались за общій большой столъ, просто и скромно сервированный Въ центрѣ его, лицомъ къ окнамъ, помѣщался Державный Хозяинъ — всегда ровный, со всѣми привѣтливый, умѣвшій всякому сказать ласковое слово.

Меня посадили почти противъ Государя между военными атташе: сухимъ, усатымъ англичаниномъ и стройнымъ, красивымъ итальянцемъ, оказавшимся чрезвычайно милымъ и разговорчивымъ собесѣдникомъ. Одно его курьезное замѣчаніе я даже привелъ въ своей думской рѣчи 18-го февраля 1916 года. Я разказалъ ему, какія колоссальныя партіи мясныхъ, мучныхъ и прочихъ продуктовъ приходилось ежедневно доставлять на нашу многомилліонную армію. Мой итальянецъ, всплеснувъ руками, воскликнулъ: „Да вѣдь надо быть своего рода Микелемъ Анджело, чтобы творить подобную работу!"...

Меню царскихъ трапезъ отличалось крайней простотой — завтракъ изъ двухъ блюдъ, обѣдъ изъ трехъ, включая сладкое. Ѣда состояла изъ чисто-русскихъ кушаній. Подавались часто щи, селянки, похлебки, уха, разныя каши и пр. На ряду съ винами, разливался удивительно вкусный бѣлый сухарный квасъ, а генералъ Воейковъ не разставался со своей „Кувака" (усиленно рекламируемая имъ самая обыкновенная вода изъ его имѣнія...).

Государь за ѣдой обычно выпивалъ одну большую рюмку излюбленной своей мадеры. Послѣ поданнаго кофе вынималъ папиросу, вставлялъ ее въ изогнутый небольшой янтарный мундштучекъ и предлагалъ всѣмъ курить.

Въ описываемый первый мой пріѣздъ въ Ставку, опять-таки по своей неопытности и незнанію установившагося этикета, я позволилъ себѣ поступокъ, заставившій нѣкоторыхъ свитскихъ лицъ, вродѣ Воейкова, отзываться потомъ обо мнѣ, какъ о небывало „вольномъ" въ своемъ поведеніи министрѣ, а престарѣлаго графа Фредерикса обратиться ко мнѣ съ чрезвычайно деликатнымъ, но все же предупрежденіемъ.

Дѣло въ томъ, что я былъ очень озабоченъ обезпеченіемъ сельскаго хозяйства рабочей силой, о чемъ и упомянулъ въ своемъ всеподданѣйшемъ докладѣ. Въ тотъ же день въ Могилевѣ былъ съ докладомъ у Государя замѣщавшій Военнаго Министра генералъ Бѣляевъ. Я былъ до чрезвычайности заинтересованъ тѣмъ, чтобъ Государь ему сообщилъ о своемъ согласіи на использованіе тыловыхъ воинскихъ частей для сельскохозяйственныхъ работъ. Безпокоило меня также, что, при распредѣленіи между вѣдомствами военноплѣнныхъ рабочихъ генералъ Бѣляевъ убѣдитъ Государя большую ихъ часть передать въ распоряженіе военнаго вѣдомства, а не для сельскихъ работъ. По окончаніи обѣда, всѣ вышли изъ столовой въ залу, и Государь, обходя всѣхъ находившихся въ т. н. „серклѣ", остановился нѣсколько дольше около генерала Бѣляева, который что-то горячо Его Величеству докладывалъ. По доходившимъ до моего слуха отрывочнымъ словамъ, мнѣ казалось, что дѣло идетъ о рабочемъ вопросѣ. Далекій отъ мысли, что въ такихъ случаяхъ есть придворный этикетъ, я рѣшился тотчасъ же послѣ Бѣляева подойти къ Его Величеству и ему напомнить о томъ огромномъ жизненномъ значеніи, которое имѣло правильное разрѣшеніе рабочаго вопроса для сельскаго хозяйства. Я позволилъ себѣ еще разъ почтительно попросить Государя заступиться за Вѣдомство Земледѣлія при распредѣленіи рабочихъ рукъ.

— Простите, Ваше Величество, мою назойливость! — закончилъ я свое обращеніе къ Государю.

Его Величество мнѣ ласково замѣтилъ: — Не по личному же вы хлопочете дѣлу, а для общаго блага!

На что я отвѣтилъ: — Я, Государь, никогда по личнымъ дѣламъ Васъ не безпокоилъ, и впредь о нихъ отъ меня вы не услышите!..

Его Величество привѣтливо улыбнулся и кивнулъ головой. Вскорѣ Государь, обойдя всѣхъ, сдѣлалъ общій поклонъ и удалился къ себѣ въ кабинетъ.

Около парадной лѣстницы, ко мнѣ подошелъ графъ Фредериксъ и любезно, привѣтливо мнѣ замѣтилъ:

— Въ случаяхъ необходимости, предпочтительнѣе имѣть у Его Величества разрѣшеніе на дополнительный докладъ, чѣмъ обращаться къ нему съ дѣловыми вопросами во время его прощальнаго обхода „Cercle". Самъ Государь — добавилъ графъ — никогда вамъ объ этомъ по своей деликатности не скажетъ, но я знаю, что онъ подобныхъ обращеній не долюбливаетъ, о чемъ я рѣшилъ васъ дружески предупредить.

Этимъ нѣсколько неожиданнымъ, но, какъ потомъ оказалось, благопріятно повліявшимъ на судьбу озабочивавшаго меня рабочаго вопроса, обстоятельствомъ, завершился мой первый всеподданнѣйшій докладъ въ Ставкѣ. Посѣтивъ передъ отъѣздомъ Могилевскаго епископа Константина, бывшаго нашего Самарскаго архипастыря, въ 12 часовъ ночи, съ экстреннымъ поѣздомъ, выѣхалъ я обратно въ Петроградъ.

Вторичная моя поѣздка въ Могилевъ, состоявшаяся 14-го марта 1916 года, совпала съ періодомъ происходившихъ на западныхъ фронтахъ крупныхъ боевыхъ операцій. Среди обитателей Ставки въ то время чувствовалось напряженно-нервное настроеніе, не столь замѣтное у всегда сдержаннаго Государя, сколько у геенерала Алексѣева, который, несмотря на приходившія съ фронтовъ сравнительно благопріятныя вѣсти, имѣлъ чрезвычайно озабоченный видъ и отличался сугубой неразговорчивостью.

Въ тотъ же мой пріѣздъ въ Ставку произошло неожиданное для всѣхъ увольненіе съ поста Военнаго Министра Поливанова и замѣна его Шуваевымъ, о чемъ было мною въ этихъ записяхъ разсказано ранѣе.

14-го марта, пріѣхавъ въ Ставку, я въ тотъ же день, въ шесть часовъ вечера былъ у Государя съ докладомъ, затянувшимся почти до самаго обѣда и прошедшимъ въ условіяхъ все того же ласково-привѣтливаго ко мнѣ со стороны Его Величества отношенія.

Приглашенный къ Высочайшему обѣду, я предварительно успѣлъ на нѣкоторое время зайти къ дворцовому коменданту генералу Владиміру Николаевичу Воейкову, позвавшему меня къ себѣ переговорить о своихъ „хозяйственныхъ" дѣлахъ.

Занималъ онъ въ томъ же нижнемъ этажѣ Могилевскаго „дворца", гдѣ помѣщался и Министръ Двора, небольшой скромно, на походную ногу обставленный аппартаментъ, состоявшій изъ двухъ узенькихъ комнатъ, раздѣленныхъ тонкой перегородкой. Въ одной изъ нихъ помѣщался пріемный кабинетикъ, а въ другой стояла кровать и рядомъ съ ней ванная.

Средняго роста, упитанный, съ розоватой бритой физіономіей В. Н. Воейковъ имѣлъ цвѣтущій видъ не столько жизнерадостный, сколько самодовольный.

Я уже приводилъ его характеристику со словъ князя Владиміра Михайловича Волконскаго, который считалъ его самымъ вреднымъ лицомъ въ окруженіи Государя. Въ такомъ же свѣтѣ выставлялъ мнѣ его состоявшій при Ставкѣ протопресвитеръ Шавельскій, не разъ намекавшій на то, что на совѣсти Воейкова лежалъ великій грѣхъ попустительства въ дѣлѣ сближенія царской семьи съ фатальнымъ „старцемъ" Распутинымъ. Не столь прозрачно, въ болѣе неопредѣленныхъ выраженіяхъ, мнѣ о томъ же говорилъ гр. Фредериксъ, на дочери котораго былъ женатъ ген. Воейковъ.

Всякій разъ, какъ я попадалъ въ Ставку, само собой, я вынужденъ бывалъ сталкиваться съ дворцовымъ комендантомъ. На меня онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, заинтересованнаго лишь устройствомъ собственныхъ дѣлъ, или служебныхъ, или касавшихся его матерьяльнаго благополучія.

Пригласивъ меня къ себѣ, Воейковъ принялся тотчасъ же говорить о своей знаменитой водѣ „Кувакѣ", въ распространеніи которой онъ просилъ меня, какъ Министра Земледѣлія и Продовольствія, оказать ему возможное содѣйствіе. То же повторялось и въ послѣдующіе мои пріѣзды въ Могилевъ. Онъ бралъ меня обычно подъ руку, высказывалъ мнѣ всякіе комплименты, а разговоръ сводился къ той или другой просьбѣ по „хозяйственной части": то ему нужно было сѣмена добыть, то заводскихъ производителей достать, то выписать для его имѣнія тракторы и т. п.. Это не мѣшало Воейкову распускать про меня недобрые слухи и дѣлать все возможное, чтобы отвратить отъ меня расположеніе Государя.

Изучивъ до мельчайшихъ подробностей натуру Государя, и слѣдя въ интересахъ собственнаго своего служебнаго благополучія за каждымъ его шагомъ, Воейковъ ревниво относился ко всѣмъ новымъ симпатіямъ Его Величества, въ частности, и ко мнѣ. Стоило Государю назначить меня Министромъ и тѣмъ самымъ приблизить къ себѣ, какъ Воейковъ принялся за свою обычную тактику, разсчитанную на особенныя свойства хорошо изученнаго имъ характера Царя, — слабовольнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣзненно самолюбиваго, чутко оберегавшаго свою дѣловую самостоятельность...

Если Его Величеству, послѣ моего доклада, бывало, заблагоразсудится въ кругу своихъ приближенныхъ высказаться по поводу желательнаго разрѣшенія того или другого государственнаго вопроса, тотчасъ же Воейковъ, въ осторожной, но достигавшей своей цѣли, формѣ, намекалъ, что высказанное Его Величествомъ мнѣніе, видимо, сложилось вслѣдствіе только что состоявшагося доклада новаго Министра Наумова. Получалось желанное дѣйствіе. Государь замолкалъ, но былъ невольно возстановленъ противъ того, о комъ говорили, какъ о лицѣ, на него повліявшемъ.

Навѣрное знаю, что такъ было съ моими совѣтами Государю, направленными на сближеніе его съ членами законодательныхъ палатъ. Одно лишь энергичное въ этомъ смыслѣ воздѣйствіе на Его Величество, проявленное, какъ я слышалъ, въ концѣ января 1916 года со стороны графа Фредерикса, принесло хоть временно желанный результатъ. Дѣйствуя такъ, Воейковъ руководился соображеніями не государственнаго порядка, а исключительно эгоистическаго свойства, оберегая свое служебное положеніе и близость къ Престолу.

Коснувшись характристики личности дворцоваго коменданта, не могу не упомянуть и про то, что по поводу его послѣдняго фатально-гибельнаго воздѣйствія на Государя я слышалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ нынѣ покойнаго герцога Николая Николаевича Лейхтенбергскаго, состоявшаго въ

роковые дни конца царствованія Николая Александровича дежурнымъ при особѣ Его Величества.

Въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ приближенныхъ въ то время лицъ, герцогъ Лейхтенбергскій горячо настаивалъ на томъ, чтобы немедленно послѣ полученія изъ столицы свѣдѣній о начавшемся солдатскомъ бунтѣ — вытребовать съ сѣверо-западнаго фронта доблестную стрѣлковую часть и направить ее въ Петроградъ для усмиренія мятежа. Государь склонялся къ этому рѣшенію. Вдругъ генералъ Воейковъ сталъ высказывать Его Величеству свои сомнѣнія по этому поводу, обронивъ такую фразу: „Если вы, Ваше Величество, снимете эту часть съ фронта, да вдругъ случится послѣ этого прорывъ вражескихъ войскъ, что скажетъ тогда исторія?! Не понесете ли вы, Государь, тогда за это тяжкую роковую отвѣтственность?!" Этого было достаточно, чтобъ Его Величество раздумалъ и отмѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе... Черезъ сутки схватились за генерала Иванова, но было уже поздно!..

Пріѣхавъ въ Ставку 14-го марта, я имѣлъ у Государя въ тотъ же день докладъ и пробылъ въ Могилевѣ еще весь послѣдующій день, проведенный мною, если не считать пребыванія моего во Дворцѣ за Высочайшимъ завтракомъ, въ занятіяхъ съ моими вѣдомственными чинами. Я остался не особенно доволенъ осмотромъ и ревизіей Могилевскаго Управленія Министерства Земледѣлія, находившагося въ рукахъ плохенькаго и устарѣвшаго начальника — Чанцева.

Мое неожиданное появленіе въ стѣнахъ подвѣдомственнаго мнѣ мѣстнаго Управленія произвело среди его чиновъ всеобщій переполохъ. Оказалось, что въ этомъ Управленіи не нашлось даже картъ на нѣкоторыя недвижимыя государственныя имущества мѣстнаго округа. Пришлось съ его начальствомъ серьезно говорить и вскорѣ заняться обновленіемъ Управленія.

Слѣдующій мой пріѣздъ въ Ставку состоялся 20-го мая — въ дни успѣшныхъ боевыхъ дѣйствій нашей арміи на Юго-Западномъ фронтѣ. Русскія войска побѣдоносно шли на Черновицы, забирая на своемъ доблестномъ пути десятки тысячъ плѣнныхъ. Общее настроеніе въ Ставкѣ, сравнительно съ прежнимъ, я нашелъ болѣе бодрымъ и увѣреннымъ, да и самъ генералъ Алексѣевъ казался значительно спокойнѣе, проявляя не только большую общительность, но даже привѣтливость.

Въ шесть съ половиной часовъ вечера я былъ съ докладомъ у Государя, котораго я послѣ своей апрѣльской Крымской поѣздки еще не имѣлъ случая видѣть. Я счелъ своимъ долгомъ познакомить Его Величество съ наиболѣе въ государственномъ отношеніи интересными впечатлѣніями, которыя я вынесъ изъ посѣщенія мною юга Россіи. Положеніе продовольственнаго снабженія; состояніе посѣвовъ и общіе виды на урожай; результаты землеустроительной дѣятельности въ южныхъ земледѣльческихъ районахъ — обо всемъ этомъ я старался обстоятельно доложить Его Величеству. Государь неоднократно прерывалъ меня вопросами, касавшимися не дѣловой стороны моего служебнаго объѣзда, а скорѣе представлявшими для него интересъ съ точки зрѣнія выясненія житейски-бытовыхъ мелочей. Напримѣръ, когда я развертывалъ передъ моимъ Августѣйшимъ слушателемъ общую картину землеустроительныхъ работъ и успѣшныхъ ихъ достиженій, которую я наблюдалъ при объѣздѣ земледѣльческихъ районовъ при селеніяхъ Новоалексѣевкѣ и Павловскомъ, Его Величество, года два тому назадъ лично посѣтившій тѣ же самыя мѣста, сталъ меня подробнѣйшимъ образомъ разспрашивать, какъ меня тамъ принимали, сколько встрѣчало народа, служили ли молебенъ, звонили ли въ колокола, какая была погода, были ли дѣти, цвѣты и пр., оставляя въ сторонѣ серьезно-дѣловую часть моего доклада

Долженъ сознаться, что подобное отношеніе Государя къ вопросамъ существеннаго государственнаго значенія произвело на меня въ то время самое расхолаживающее впечатлѣніе. Вообще, въ мой пріѣздъ 20-го мая 1916 г. для меня съ особой ясностью выявилась одна характерная черта Государя, которую я объясняю общимъ нервнымъ переутомленіемъ, явившимся въ результатѣ всѣхъ невзгодъ, сопровождавшихъ его царствованіе и тѣхъ необычайныхъ осложненій, которыя встрѣтились на пути его управленія съ начала войны 1914 года. Подобно неврастенику, у котораго спокойное состояніе сохраняется лишь до тѣхъ поръ, пока не касаются какихъ-то наболѣвшихъ местъ, Государь, видимо переутомившійся подъ гнетомъ сложнѣйшихъ государственныхъ думъ и непосильной отвѣтственности, инстинктивно искалъ спокойствія, предпочиталъ во время докладовъ говорить и думать о болѣе пріятномъ и легкомъ, чѣмъ выслушивать и обсуждать что-либо злободневно-дѣловое, трудно разрѣшимое, волнующее.

Случилось такъ, что въ означенный мой пріѣздъ я считалъ себя вынужденнымъ во всеподданѣйшемъ своемъ докладѣ затронуть одинъ острый вопросъ, касавшійся общей постановки продовольственнаго снабженія, требовавшій срочнаго разрѣшенія именно со стороны Верховнаго Правителя государства. Послѣ вступительной части моего доклада, я довелъ до свѣдѣнія Государя о ненормальности тѣхъ условій, при которыхъ я вынужденъ былъ вести дѣло продовольственнаго снабженія арміи и тыла.

Хотя въ Петроградѣ и былъ созданъ, въ свое время, особый Совѣтъ изъ пяти министровъ для совмѣстнаго обсужденія и принятія согласительныхъ мѣръ, касавшихся дѣла снабженія, тѣмъ не менѣе, остро чувствовалось отсутствіе сильной, объединяющей всѣ отрасли снабженія, власти, безъ которой, по моему мнѣнію, невозможно было достичь настоящаго упорядоченія продовольственнаго дѣла. Не касаясь лицъ, я фактически обрисовалъ положеніе и сталъ выяснять Государю вредъ, происходившій изъ-за отсутствія должной согласован-

ности въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Какъ одинъ изъ примѣровъ, я сослался на слѣдующій фактъ исключительно вслѣдствіе полнѣйшей нераспорядительности надлежащих властей, несмотря на изобиліе угольнаго запаса в Донецкомъ бассейнѣ, мельницы и сахаро-рафинадные заводы южной России стояли изъ-за отсутствія топлива. Мои горячія настоянія о предоставленіи для нихъ Донецкаго топлива при содѣйствіи черноморскаго транспорта оставались безъ результата. Время шло, и на югѣ положеніе съ продовольствіемъ начало сильно ухудшаться. Такія затрудненія, въ силу все той же полнѣйшей зависимости продовольствія отъ транспорта и топлива, приходилось мнѣ встрѣчать и во многихъ другихъ случаяхъ. Обо всемъ этомъ я счелъ долгомъ доложить Государю.

Съ нелегкимъ чувствомъ докладывалъ я обо всемъ этомъ Царю. Для меня это былъ остро-наболѣвшій вопросъ. А, главное, Государь моимъ сообщеніемъ былъ видимо встревоженъ и, какъ мнѣ показалось, — даже недоволенъ... Раза два во время моего доклада Его Величество порывисто вставалъ, отходилъ къ окну, усиленно курилъ и нѣкоторое время тамъ стоялъ, какъ бы желая уйти отъ непріятныхъ вѣстей. Потомъ онъ вновь возвращался на свое мѣсто. Я все продолжалъ говорить. Государь ни разу не прервалъ меня и дослушалъ до конца. Тогда его обычно привѣтливый взглядъ сталъ строгимъ. Онъ ударилъ кулакомъ по столу и въ рѣзкомъ, повелительномъ тонѣ вдругъ воскликнулъ:

—Да скажите всѣмъ этимъ министрамъ отъ моего имени, чтобъ они дѣйствовали въ полномъ согласіи съ вами!..

На это я не выдержалъ, и со своей стороны заявилъ:

— Ваше Величество! не мнѣ это надо говорить, а вамъ самимъ слѣдуетъ всѣхъ насъ объединить!..

Государь замолкъ. Быстро охватившій его гнѣвъ отошелъ. Вскинувъ на меня свои по-прежнему спокойно-привѣтливые глаза, онъ тихо промолвилъ:

— Ну, займемся дальше! Какія еще у вас дѣла остались?..

Въ дальнѣйшей части моего доклада на очереди стояли другіе вопросы, тоже въ достаточной степени злободневные и требовавшіе верховной санкціи: распредѣленіе военноплѣнныхъ, число которыхъ, благодаря успѣшнымъ дѣйствіямъ Юго-Западной арміи съ каждымъ днемъ увеличивалось, и использованіе для сельскохозяйственныхъ работъ свободныхъ тыловыхъ воинскихъ частей.

При обсужденіи и разрѣшеніи обоихъ этихъ вопросовъ, я продолжалъ встрѣчать со стороны не только военнаго, но и другихъ вѣдомствъ рядъ досадныхъ препятствій, пагубно отзывавшихся на заданіяхъ Министерства Земледѣлія, которое стремилось своевременно помочь срочнымъ сельскохозяйственнымъ работамъ. Я рѣшилъ вновь обратиться къ Государю съ горячимъ ходатайствомъ взять на себя защиту нашего сельскаго хозяйства, которое служитъ опорой, придаетъ силу сопротивленію россійской арміи. Государь слушалъ меня теперь

спокойно, обѣщалъ исполнить мою просьбу, такъ же благосклонно отнесся къ остальной части моего болѣе чѣмъ полуторачасового доклада, послѣ котораго Его Величество прослѣдовалъ вмѣстѣ со мной прямо на обѣдъ въ столовую.

Среди приглашенныхъ къ Высочайшему столу я встрѣтилъ тогда предсѣдателя Государственнаго Совѣта Анатолія Николаевича Куломзина и бывшаго Главнокомандующаго Юго-Западной арміей генералъ-адъютанта Николая Іудовича Иванова, замѣненнаго генераломъ Брусиловымъ и прикомандированнаго въ Ставкѣ къ Особѣ Его Величества.

Обѣдъ мнѣ этотъ памятенъ тѣмъ, что сидѣвшій около меня А. Н. Куломзинъ мнѣ сообщилъ одно меня касавшееся обстоятельство, цѣликомъ занесенное въ тотъ же вечеръ въ мою записную книжку.

— Государь — сказалъ мнѣ Куломзинъ — всѣ уши мнѣ прожужжалъ про васъ, всячески всегда васъ восхваляя, и все, бывало, хотѣлъ назначить васъ въ Государственный Совѣтъ, а я всегда былъ противъ этого, опасаясь, какой, въ случаѣ вашего назначенія, будетъ исходъ новыхъ самарскихъ выборовъ на ваше мѣсто. И вотъ, въ концѣ концовъ, Государь успокоился, назначивъ васъ Министромъ!..

Въ Ставкѣ я пробылъ и весь слѣдующій день, 21-го мая. Съ ранняго утра, въ сопровожденіи начальника мѣстныхъ гидротехническихъ организацій Кожевникова, объѣхалъ я дальнія окрестности Могилева, гдѣ чинами Министерства Земледѣлія производились разнаго рода, связанныя съ фронтомъ, гидротехническія работы, буреніе артезіанскихъ колодцевъ, окопка, осушка траншей и пр.

Погода стояла чудная. Майское яркое солнце согрѣвало и вызывало къ жизни всѣ могучіе соки отходившей отъ зимней стужи земли, свѣтло-изумруднымъ цвѣтомъ окрашивая свѣжую зелень и щедро украшая окрестные лѣса ароматною маслянистой вешнею листвой...

Спустившись съ городской площади, на которой красовался освѣщенный ранними лучами восходящаго солнца многоглавый соборъ и бѣлѣлъ скромный царскій временный „дворецъ", я былъ очарованъ общимъ видомъ на блестѣвшій, извилистый Днѣпръ и простиравшееся за нимъ живописное лѣсисто-луговое зарѣчье. Переѣзжая по мосту черезъ Днѣпръ, Кожевниковъ обратилъ мое вниманіе на открывшуюся съ моста красочную панораму рѣчного городского побережья. Къ нему примыкалъ покрытый хвойно-лиственнымъ паркомъ склонъ холма, на верху котораго ярко выдѣлялось бѣлое строеніе „дворца", съ развѣвавшимся надъ нимъ царскимъ штандартомъ. У берега, подъ самымъ паркомъ, виднѣлась цѣлая лодочная флотилія. Оказалось, что гребной спортъ являлся однимъ изъ любимѣйшихъ развлеченій Государя.

Скоро мы, по живописнымъ дорогамъ Заднѣпровья, подъѣхали къ довольно обширной полянѣ, уставленной рядомъ артиллерійскихъ орудій особаго устройства, спеціально при-

способленныхъ для защиты Могилевской резиденціи Государя, на случай налета непріятельскихъ аэроплановъ. Нашъ осмотръ гидротехническихъ работъ произвелъ на меня самое благопріятное впечатлѣніе, и я отъ души поблагодарилъ за нихъ моего симпатичнаго спутника.

По возвращеніи нашемъ въ Могилевъ и до Высочайшаго завтрака, на который я получилъ приглашеніе, у меня оставалось еще около часа времени, и я имъ воспользовался, чтобы навѣстить проживавшаго за городомъ на своей архіерейской дачѣ сердечно почитаемаго мною епископа Константина. Происходя изъ купеческой почтенной семьи, бывшій Самарскій, нынѣ Могилевскій, владыка былъ человѣкъ прекрасныхъ душевныхъ качествъ. Между нами еще съ Самары установились теплыя и сердечныя отношенія. Въ Самарѣ основной связью между нами служила тѣсная и многолѣтняя дружба между моей матерью и родительницей епископа Костантина — милой и не по годамъ еще бодрой Августой Варсонофьевной.

Могилевская архіерейская дача представляла изъ себя изумительное мѣсто по красотѣ мѣстоположенія, а въ особенности по богатству своей мощной растительности. Такихъ вѣковыхъ шапкообразныхъ липъ, развѣсистыхъ кедровъ и толстоствольныхъ грандіозныхъ туй я, кажется, нигдѣ не встрѣчалъ. Съ просторнаго балкона помѣстительной дачи открывался превосходный видъ на Днѣпровскую даль, а вокругъ зданія находилась широкая лужайка для цвѣточныхъ клумбъ.

Владыка Константинъ говорилъ пріятнымъ, мягкимъ, слегка картавымъ голосомъ. У него были добрые, привѣтливые сѣро-голубоватые глаза. Вся повадка его была тихая, скромная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушительная и представительная. Служилъ онъ превосходно, проповѣди говорилъ ясно и умно. Я радъ былъ найти епископа Константина въ Могилевѣ, гдѣ иной разъ приходилось переживать довольно острыя настроенія, которыми мнѣ было легко дѣлиться съ душевно любимымъ Архипастыремъ. Какая участь постигла его въ безбожной Совдепіи, мнѣ неизвѣстно. Но могу себѣ представить, какъ скорбѣлъ чистый сердцемъ владыка Константинъ обо всемъ, что принесло нашей родинѣ сатанинско-мрачное лихолѣтье.

Зайдя передъ Высочайшимъ завтракомъ къ себѣ въ вагонъ, я къ удивленію своему засталъ въ немъ только-что пріѣхавшаго въ Ставку Штюрмера, который сталъ разспрашивать меня про могилевскія новости и про то, былъ ли у меня съ Царемъ разговоръ о моемъ уходѣ изъ министровъ.

Дѣло въ томъ, что наканунѣ моего отъѣзда изъ столицы въ Ставку, я, въ силу цѣлаго ряда причинъ, имѣлъ серьезное намѣреніе на докладѣ у Государя поднять вопросъ объ оставленіи мною министерской службы. Премьеръ былъ объ этомъ освѣдомленъ. Вотъ почему этотъ господинъ, лелѣявшій мечту скорѣйшимъ образомъ освободить себя отъ моего присутствія въ Совѣтѣ Министровъ, живо интересовался результатомъ моего вчерашняго всеподданнѣйшаго доклада. Узнавъ отъ меня, что я пока раздумалъ заявлять Государю о своемъ уходѣ, мой рыжій собесѣдникъ раскрылъ ротъ въ видѣ буквы „о", издалъ носомъ какой-то неопредѣленный звукъ и затѣмъ, какъ и подобало лживому ханжѣ, перекрестился, пробурчавъ:

— Ну и слава Богу, что не рѣшились!..

Я сталъ при немъ торопливо переодѣваться, чтобы ѣхать во дворецъ на завтракъ, на который, къ моему немалому недоумѣнію и его замѣтному огорченію, премьеръ приглашенія не удостоился.

Впервые въ этотъ день встрѣтилъ я въ Ставкѣ отпущеннаго къ отцу на побывку Наслѣдника Цесаревича, который за завтракомъ былъ посаженъ между Государемъ и генераломъ Н. І. Ивановымъ, игравшимъ около царственнаго отрока роль „дядьки".

Бросилась мнѣ прежде всего въ глаза рѣзкая перемѣна въ поведеніи двѣнадцатилѣтняго Цесаревича въ обстановкѣ Могилевскаго домашняго быта, по сравненію съ тѣмъ, какъ онъ велъ себя въ отцовскомъ царскосельскомъ кабинетѣ. Изъ тихаго, спокойнаго, внимательно слушавшаго министерскіе доклады мальчика, какимъ онъ мнѣ представлялся при встрѣчахъ нашихъ въ столичной царской резиденціи, въ Могилевѣ Наслѣдникъ превращался въ отчаяннаго озорника, который шалилъ даже за столомъ, подъ бокомъ у своего добряка-отца. Еще прежде чѣмъ мы усѣлись за завтракъ, я своимъ глазамъ не повѣрилъ, увидавъ, какъ Наслѣдникъ, наклонивъ впередъ свою головку и разбѣжавшись по залѣ, со всего размаху налетѣлъ на добродушнаго толстяка, бельгійскаго военнаго агента и сталъ съ хохотомъ похлопывать ладонями по мягкимъ округлостямъ своей жертвы. Правда, мнѣ говорили, что подобныя продѣлки Алексѣй Николаевичъ позволялъ себѣ лишь въ отношеніи этого симпатичнаго бельгійца, который съ милой снисходительностью относился къ озорству по дѣтски привязавшагося къ нему Наслѣдника.

Сидѣлъ я за завтракомъ противъ Алексѣя Николаевича, рядомъ съ его любимцемъ — бельгійскимъ атташе, котораго Его Высочество не оставлялъ въ покоѣ даже за столомъ, все время поддразнивая его, строя ему всевозможныя гримасы. Въ концѣ концовъ, когда подали сладкое блюдо, онъ крикнулъ мнѣ: „Не давайте ему!".. На что, разведя руками, я Наслѣднику шутя отвѣтилъ: „Вынужденъ ослушаться Вашего Высочества!" При этомъ я невольно перевелъ свой взглядъ на Государя, который, вмѣсто того, чтобы сдерживать своего расшалившагося сына, только улыбался счастливой улыбкой и до конца завтрака предоставилъ ему полную свободу. Пользуясь этимъ, Алексѣй Николаевичъ не переставалъ продѣлывать рядъ дѣтски-невинныхъ, но какъ мнѣ казалось, неподобающихъ въ данной обстановкѣ шалостей. Со стороны сидѣвшаго вдали отъ своего воспитанника гувернера Жильяра онѣ вызывали укоризненные взоры и жесты. А въ то же время

на лицѣ генерала Воейкова, сидѣвшаго почти рядомъ съ гувернеромъ, выражалось явное сочувствіе Цсаревичу.

Однимъ изъ любимыхъ его занятій во время завтрака являлось выскабливаніе ножикомъ государственнаго герба, изображеннаго на лежавшихъ передъ каждымъ приборомъ небольшихъ картонныхъ меню. Каждый разъ, когда мнѣ приходилось видѣть Наслѣдника въ Могилевѣ за обѣденнымъ столомъ, Его Высочество всегда съ удивительной настойчивостью занимался уничтоженіемъ государственной эмблемы. Это мелочь, но теперь и она вспоминается какъ что-то роковое.

Наслѣдникъ то переглядывался съ сидѣвшими за столомъ лицами, то перешептывался съ ген. Ивановымъ, который неоднократно что-то назидательно шепталъ на ухо юному шалуну. Однихъ онъ дарилъ привѣтливой, чарующей улыбкой, а другимъ строилъ невѣроятныя гримасы. Особенно щедро преподносилъ ихъ бѣдному Жильяру, издали грозившему ему пальцемъ. Однимъ изъ обычныхъ застольныхъ развлеченій Алексѣя Николаевича было также переливаніе въ свой стаканъ напитковъ, разлитыхъ для его сосѣдей, иначе говоря, для Государя и генерала Иванова. Это продѣлывалось потихоньку, въ то время, когда Государь и генералъ Ивановъ отвлекались разговоромъ. Учинивъ подобное опустошеніе сосѣднихъ стакановъ и рюмокъ, Алексѣй Николаевичъ на время притихалъ, лукаво на всѣхъ оглядывался, выжидалъ момента, когда отецъ или сѣдобородый генералъ возьмутся за свои пустыя рюмки и можно будетъ расхохотаться. Желанный моментъ, наконецъ, наступалъ, и Цесаревичъ приходилъ въ неистовый восторгъ. При этомъ его сосѣдъ справа продолжалъ все такъ же благодушно улыбаться, а сидѣвшій слѣва Ивановъ принимался вновь что-то нашептывать ему на ухо.

Мнѣ Наслѣдникъ гримасъ не строилъ, относился ко мнѣ привѣтливо, а генералъ Ивановъ, съ которымъ мы послѣ завтрака ближе познакомились, продѣлавъ вмѣстѣ большую прогулку, меня не мало обрадовалъ, сообщивъ мнѣ, что Наслѣдникъ Цесаревичъ питаетъ ко мнѣ самую горячую симпатію.

Заканчивая свои воспоминанія о Высочайшемъ завтракѣ 21-го мая 1916 года, я не могу не привести здѣсь того, что въ тотъ же день занесъ въ мою записную книжку:

„Вставъ по окончаніи завтрака изъ-за стола, Государь, прежде чѣмъ прослѣдовать въ залу для обхода „серкля", вдругъ подходитъ прямо ко мнѣ и говоритъ: „благодарю васъ за самоотверженную работу... Все, что вы мнѣ вчера докладывали, будетъ исполнено".

Въ тотъ же день я былъ приглашенъ къ тремъ съ половиной часамъ дня къ великому князю Сергію Михайловичу, который въ бесѣдѣ со мной по поводу снабженія указывалъ на отсутствіе необходимой централизаціи этого дѣла даже въ сферѣ военно-фронтового хозяйства. Его Высочество передалъ мнѣ то отрицательное впечатлѣніе, которое произвела

наша постановка воинскаго снабженія на пріѣзжавшаго въ Россію французскаго министра Альбера Тома. По словамъ великаго князя, — „онъ такъ и не добился толкомъ, кто же, въ концѣ концовъ, въ Россіи является подлиннымъ руководителемъ военнаго снабженія арміи. Генералъ Маниковскій отсылалъ его къ генералу Бѣляеву, Бѣляевъ — къ генералу Алексѣеву, а послѣдній направлялъ французскаго министра къ генералу Жилинскому, находившемуся въ Париже(!)"...

Въ описываемое мною время, въ Ставкѣ постоянно находился, въ качествѣ Главноуполномоченнаго Краснаго Креста, состоявшій при Верховномъ Главнокомандущемъ членъ Государственнаго Совѣта оберъ-гофмейстеръ Петръ Михайловичъ Кауфманъ-Туркестанскій, съ которымъ я былъ знакомъ еще съ того времени, когда онъ былъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, и затѣмъ, по совмѣстному участію въ работахъ Верхней Законодательной Палаты. Высокаго роста, прямо державшійся, представительный старикъ, съ импозантной внѣшностью истаго патріарха, Петръ Михайловичъ отличался удивительнымъ спокойствіемъ, огромной выдержкой и дѣловой уравновѣшенностью. Честный, умный и благородный, онъ велъ себя скромно, но, будучи искренно преданъ царю, вмѣстѣ съ тѣмъ, являлся однимъ изъ тѣхъ, кто старался направлять Государеву волю въ русло отечественной пользы и народной правды. Послѣ назначенія меня Министромъ, Петръ Михайловичъ явно сталъ проявлять ко мнѣ особую симпатію, перешедшую затѣмъ въ душевно-дружескія отношенія, длившіяся до дня его кончины въ эмигрантскомъ зарубежьѣ.

21-го мая, въ четыре съ половиной часа дня, я сѣлъ въ свой вагонъ, чтобы ѣхать обратно въ столицу. По сосѣдству со мной оказался въ поѣздѣ также направлявшійся въ Петроградъ и Кауфманъ. Онъ вскорѣ зашелъ ко мнѣ, и, подъ мягкій гулъ вагонныхъ колесъ, мы весь вечеръ, до поздней ночи, говорили обо всемъ, что волновало сердца всѣхъ мало-мальски мыслившихъ и любившихъ свою родину русскихъ людей.

Перебирая всякія злободневныя политическія и общегосударственныя темы, мы стали обсуждать одинъ, особо нервировавшій русское общество, фактъ, — возглавленія высшаго въ странѣ административнаго учрежденія позорнѣйшей и бездарнѣйшей личностью Штюрмера. Всецѣло сходясь со мной въ расцѣнкѣ нашего „горе-премьера", Кауфманъ подыскивалъ ему замѣстителя, сталъ долго, но безуспѣшно перебирать всѣхъ видныхъ государственныхъ дѣятелей, которыхъ онъ давно и близко лично зналъ. Его обезкураживало слѣдующее соображеніе: по его понятію, подходящимъ для несенія обязанностей предсѣдателя Совѣта Министровъ долженъ быть человѣкъ энергичный, полный силъ и знаній, въ достаточной степени властный и способный вокругъ себя объединить людей, необходимыхъ для достиженія опредѣленныхъ государственныхъ задачъ.

— Но подобное лицо... ну, скажемъ, хотя бы вы, — про-

молвилъ, вскинувъ на меня сквозь пенснэ большіе вдумчивые глаза, Кауфманъ — по моему твердому убѣжденію, никогда у власти оставаться долго не сможетъ, по той простой причинѣ, что этому всегда будутъ служить непреодолимымъ препятствіемъ личныя свойства самого Государя, слабовольнаго по натурѣ, но одновременно ревниво относящагося ко всѣмъ, кто начинаетъ пріобрѣтать явную популярность и авторитетъ.

Отъ этихъ сужденій Петръ Михайловичъ перешелъ къ болѣе детальной обрисовкѣ личности нашего Государя и къ интереснымъ для меня подробностямъ о томъ, какъ занимался Его Величество, и какъ онъ проводилъ свой день въ Могилевѣ. По отзыву Кауфмана, Государь, въ общемъ, занимался немного у генерала Алексѣева в его штабномъ рабочемъ кабинетѣ. Его Величество ежедневно, съ 11 час. и до 12½ ч. дня, знакомился съ ходомъ военныхъ событій, послѣ чего возвращался къ себѣ во дворецъ и принималъ доклады до завтрака, который подавался въ 1½ ч. дня. Въ 2½ ч. дня обычно совершались при участіи тѣхъ или другихъ лицъ свиты прогулки на автомобилѣ по окрестностям Могилева. Остановившись въ какой-нибудь излюбленной, большей частью лѣсной, мѣстности, Государь выходилъ изъ машины и немного гулялъ пѣшкомъ. Иногда эти прогулки замѣнялись катаньемъ на лодкѣ. Обычно Его Величество садился на весла, а за руль брался адмиралъ Ниловъ. Къ 6½ час. вечера всѣ возвращались во дворецъ. Съ этого часа и до обѣда, подававшагося къ 8 час. веч., у Государя происходилъ пріемъ докладовъ. Вскорѣ послѣ обѣда, на четверть часа заходилъ къ Царю въ кабинетъ со своимъ спеціальнымъ докладомъ Министръ Двора гр. Фредериксъ. Затѣмъ Государь игралъ въ домино или бесѣдовалъ съ наиболѣе приближенными лицами, какъ Воейковъ, Ниловъ, Нарышкинъ, гр. Мордвиновъ. Отъ 10 — 11 час. веч. подавался чай, послѣ котораго Его Величество у себя въ кабинетѣ просматривалъ нужныя бумаги, а въ 12 ч. веч. всѣ расходились спать.

Осталось также у меня въ памяти изъ нашего съ Кауфманомъ длительнаго и интереснаго вагоннаго разговора одно обстоятельство, лично меня близко касавшееся и до нѣкоторой степени ознакомившее меня съ подробностями назначенія моего на министерскій постъ.

По словамъ П. М. Кауфмана, осенью 1915 г., послѣ отставки Министровъ А. Д. Самарина и кн. Н. Б. Щербатова, въ ближайшемъ къ Царю окруженіи создалась увѣренность въ необходимости срочно сгладить то неблагопріятное впечатлѣніе, которое произвело въ широкихъ дворянскихъ и общественныхъ кругахъ исключеніе изъ Министровъ двухъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, бывшихъ Губернскихъ Предводителей Дворянства. Вотъ почему, при обсужденіи кандидата, который долженъ былъ замѣнить уходившаго Кривошеина, Государю подсказали остановиться выборомъ на комъ-либо изъ той же дворянской и общественной среды, къ которой

принадлежали Самаринъ и кн. Щербатовъ. Когда Его Величеству былъ представленъ списокъ такихъ кандидатовъ, ему благоугодно было остановить свой выборъ на мнѣ.

157

Въ четвертый разъ пришлось попасть мнѣ въ Могилевъ 14-го іюня 1916 г. и пробыть въ немъ весь послѣдующій день.

Первый, кого я встрѣтилъ по пріѣздѣ на вокзалъ, былъ Министръ Народнаго Просвѣщенія гр. П. Н. Игнатьевъ. Онъ возвращался въ столицу, но успѣлъ подѣлиться со мной нѣкоторыми свѣжими могилевскими впечатлѣніями, включая яко бы непрочность положенія нашихъ общихъ коллегъ — Трепова, Шуваева и даже самого Штюрмера. Впрочемъ къ подобнымъ сообщеніямъ за восемь мѣсяцевъ министерскаго пребыванія было мнѣ не привыкать стать, вслѣдствіе царившаго на верхахъ непостоянства во взглядахъ и настроеніяхъ.

Днемъ 14-го числа я провелъ много времени у генерала Алексѣева, съ которымъ необходимо было договориться по цѣлому ряду неотложныхъ продовольственныхъ дѣлъ. Изъ разговоровъ съ нимъ выяснилось его опредѣленное недовольство нерѣшительной дѣятельностью генерала Куропаткина, вызывающимъ поведеніемъ Министра Трепова и, въ особенности, отношеніемъ къ нему Штюрмера. Генералъ Алексѣевъ не скрывалъ своей сильнѣйшей къ нему непріязни. Коснувшись побѣдоноснаго наступленія генерала Брусилова, Михаилъ Васильевичъ сказалъ, что это только начальная стадія ожидающихъ русскую армію огромныхъ событій. Этимъ онъ ограничился, видимо не желая давать мнѣ какія-либо болѣе подробныя разъясненія военно-стратегическаго характера.

Приглашенный къ Высочайшему обѣду, я засталъ его накрытымъ въ саду на длинномъ столѣ, разставленномъ въ громадной военно-походной палаткѣ, одна сторона которой, обращенная къ парку, была оставлена открытой.

Его Величество неоднократно удостаивалъ меня милостивой бесѣдой, а послѣ обѣда позвалъ меня въ необычное время для доклада къ себѣ въ кабинетъ. Я ушелъ изъ него по окончаніи совмѣстныхъ съ Государемъ занятій только около 11 часовъ вечера.

Затянулся мой докладъ въ силу множества вопросовъ, накопившихся вслѣдствіе изо дня на день осложнявшагося продовольственнаго положенія, - моей основной министерской дѣятельности. Въ моемъ майскомъ всеподданѣйшемъ докладѣ, я призывалъ Государя принять самыя срочныя мѣры для большей согласованности между Министрами въ области снабженія. Но, несмотря на лично данное мнѣ тогда Государемъ обѣщаніе означенную просьбу исполнить, не только не было въ этомъ направленіи что-либо предпринято, но вскорѣ же (24-го мая) былъ даже уничтоженъ столь полезный

малый „Совѣтъ пяти министровъ".

Между тѣмъ, общія нехватки въ продовольствіи продолжали неуклонно увеличиваться, дѣло снабженія разросталось съ угрожающей быстротой, принимая грандіозные общеимперскіе размѣры, вынуждая продовольственное вѣдомство принимать строгія регулирующія мѣры и тѣмъ самымъ причиняя населенію необычныя житейскія осложненія. На этой почвѣ стало возникать въ широкихъ общественныхъ кругахъ недовольство и даже опасеніе за близкое будущее. Со всѣмъ этимъ Правительству необходимо было считаться и сдѣлать усиліе, чтобы сообща преодолѣть очередныя тяжкія и отвѣтственныя задачи. Межъ тѣмъ подобнаго согласованія и общаго подъема среди членовъ правительства того времени не было, все шло вразбродъ, а во глевѣ стояло лицо бездарное, выдохшееся, помышлявшее лишь о своихъ личныхъ интересахъ.

Попавъ снова въ Ставку, я счелъ своимъ долгомъ безъ утайки обрисовать Государю полную картину общаго положеніе продовольствія и съ прежней, если не съ большей, горячностью ходатайствовать передъ Верховнымъ вождемъ Россіи о необходимости координировать дѣйствія министровъ.

Въ этотъ разъ Государь выслушивалъ меня болѣе терпѣливо и наружно спокойно. Онъ только усиленно курилъ и нервнымъ движеніемъ слегка вскидывалъ голову. Ничѣмъ не отозвавшись на мой горячій призывъ, Его Величество совершенно неожиданно перевелъ разговоръ на тему о перспективахъ дальнѣйшаго веденія войны и объ устроеніи государственныхъ дѣлъ послѣ ея окончанія. По этому поводу Государь пожелалъ знать мое мнѣніе. Я вынужденъ былъ откровенно сознаться что ничего готоваго и конкретнаго я въ данную минуту предложить Его Величеству не могъ, но что считаю для правительства необходимымъ приступить къ немедленной разработкѣ широкаго плана, который обнималъ бы какъ періодъ продолженія войны, такъ и весь послѣдующій послѣ ея прекращенія періодъ.

Въ дальнѣйшемъ Государь поинтересовался моимъ мнѣніемъ по поводу настойчивыхъ и разнорѣчивыхъ слуховъ, которые шли съ Дальняго Востока, о вредномъ для русскихъ интересовъ чрезмѣрномъ вліяніи японцевъ, даже ихъ явномъ будто бы засиліи. На это я только посовѣтовалъ Государю вызвать Пріамурскаго Генералъ-Губернотора Гондатти, который, будучи знатокомъ дальневосточныхъ дѣлъ, лучше могъ бы всесторонне освѣтить затронутый Его Величествомъ вопросъ.

На этомъ закончилась моя дѣловая аудіенція у Государя. Я всталъ, не получивъ отвѣта на наиболѣе существенный для меня вопросъ.о согласованіи министерскихъ дѣйствій, и предъ уходомъ не могъ удержаться, чтобы вновь не напомнить Его Величеству въ самыхъ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ о крайней затруднительности вести дальнѣйшую продовольственную кампанію, если не будутъ созданы для этого соотвѣтствующія условія, о которыхъ я за послѣднее время неоднократно докладывалъ. Подойдя ко мнѣ, Государь, вмѣсто отвѣта, взволнованннымъ голосомъ промолвилъ

— Горячо и сердечно благодарю за вашу всю работу... Знаю, что вы служите только для родины и ради моей просьбы.

Съ этими словами Его Величество меня обнялъ и поцѣловалъ... Случилось это столь неожиданно и такъ глубоко меня тронуло, что, не желая выдавать чуть ли не до слезъ охватившаго меня волненія, я поспѣшно удалился изъ кабинета Государя и стремительно бросился въ ожидавшій меня автомобиль, чтобы скорѣе вернуться къ себѣ въ вагонъ и въ одиночествѣ справиться съ нахлынувшими чувствами.

На другой день, съ ранняго утра, въ сопровожденіи своихъ вѣдомственныхъ чиновъ, среди которыхъ находился пріѣхавшій со мной изъ Петрограда И. И. Тхоржевскій, я объѣхалъ на автомобилѣ дальнія окрестности Могилева, расположенныя во фронтовой зонѣ, гдѣ земля была изрыта глубокими окопами, защищенными проволочными загражденіями или грудами срубленнаго лѣса.

Закончивъ свой объѣздъ осмотромъ вагоновъ-холодильниковъ, я поспѣшилъ вернуться въ Могилевъ къ Высочайшему завтраку, который былъ сервированъ въ той же помѣстительной садовой палаткѣ. Стояла великолѣпная лѣтняя погода, которая соотвѣтствовала общему оживленію сидѣвшихъ за столомъ лицъ и, въ особенности, успѣвшаго замѣтно загорѣть на Могилевскомъ просторѣ черноглазаго красавчика-Наслѣдника, продолжавшаго продѣлывать за столомъ всѣ свои обычныя шалости.

Еще до того, какъ усѣсться за завтракъ, Алексѣй Николаевичъ не преминулъ затѣять своеобразную игру съ обычнымъ объектомъ своихъ мальчишескихъ выходокъ — бельгійскимъ военнымъ атташе, стоявшимъ около большого круглаго бассейна. Юный шалунъ подкрадывался и бросалъ въ воду большой резиновый мячъ, съ разсчетомъ обдать брызгами своего толстаго любимца, что ему не разъ и удавалось.

Приходъ Государя положилъ предѣлъ дальнѣйшимъ поползновеніямъ Наслѣдника повторять подобные эксперименты. Его Высочество попрежнему былъ за завтракомъ водворенъ между отцомъ и генераломъ Ивановымъ.

Мнѣ пришлось сидѣть какъ разъ противъ раскраснѣвшагося отъ бѣготни Алексѣя Николаевича, забросавшаго меня оживленными разпросами про мою родную Волгу, про наше деревенское житье, и о томъ, какъ проводитъ дни его сверстникъ — нашъ сынъ Александръ.. Сидѣвшій рядомъ съ нимъ Государь прислушивался къ нашему разговору и часто любовно взглядывалъ на своего обожаемаго сына.

По окончаніи завтрака, Его Величество подошелъ ко мнѣ и просилъ меня зайти къ нему въ кабинетъ, предупредивъ, что онъ имѣетъ намѣреніе посовѣтоваться со мной по одному

весьма серьезному дѣлу, Сообщивъ объ этомъ, Государь отошелъ къ другимъ гостямъ. Я былъ очень смущенъ столь необычнымъ ко мнѣ обращеніемъ Государя. Подошедшій ко мнѣ о. Шавельскій усилилъ мое волненіе. Узнавъ объ экстренномъ царскомъ приглашеніи, онъ высказалъ предположеніе объ ожидавшемся, по слухамъ въ Ставкѣ, высшемъ моемъ назначеніи... Не успѣлъ я при этихъ словахъ воскликнуть: „Спаси меня Господи и помилуй!" — какъ Государь вновь ко мнѣ подошелъ и, взявъ подъ руку, повелъ меня къ себѣ.

По дорогѣ, взглянувъ на продолжавшаго рѣзвиться сына, Его Величество пріостановился и вдругъ задалъ мнѣ вопросъ:

— Что вы скажете объ Алексѣе Николаевичѣ? — Государь любилъ нерѣдко такъ именовать своего Наслѣдника.

Разумѣется, ничего, кромѣ самыхъ восторженныхъ отзывовъ, я не могъ сказать Его Величеству про мальчика, котораго я горячо либилъ. Но все же я взялъ на себя смѣлость не скрыть что мнѣ думается, что Государь черезчуръ его балуетъ и даетъ слишкомъ много воли его шалостямъ. На это Его Величество мнѣ изволилъ сказать;

— Я это самъ сознаю... Но пусть Алексѣй здѣсь рѣзвится и отдыхаетъ, а то „тамъ" слишкомъ строго его держатъ!..

Очевидно, подъ словомъ „тамъ" Государь разумѣлъ петергофскую резиденцію Императрицы Александры Өеодоровны...

Войдя со мною вмѣстѣ въ свой кабинетъ, Его Величество досталъ изъ письменнаго стола отпечатанную на машинкѣ, довольно объемистую, сброшюрованную тетрадь, оказавшуюся докладной запиской, составленной генераломъ Алексѣевымъ и поданной имъ Государю утромъ того же 15-го іюня. Передавая ее мнѣ, Его Величество просилъ тутъ же у него въ кабинетѣ съ ней познакомиться и высказать затѣмъ свое мнѣніе. Государь предложилъ мнѣ стоявшее около дивана кресло; а самъ усѣлся за свой письменный столъ и, закуривъ папиросу, принялся что-то писать. Въ кабинетѣ воцарилась тишина. Царь и его министръ были заняты каждый своимъ дѣломъ. До сихъ поръ я живо помню то ощущеніе особой близости къ моему монарху, которое испытывалъ я тогда, сидя довольно долго въ сравнительно небольшой комнатѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Два раза Государь вставалъ и подходилъ ко мнѣ, справляясь о результатѣ моего чтенія. Я отвѣчалъ, что я еще не успѣлъ записку до конца прочесть. Его Величество вновь усаживалъ меня въ кресло, а самъ возвращался къ своему столу.

Подробно и обстоятельно составленная докладная записка Алексѣева, помѣченная имъ 15-мъ іюня 1916 года, касалась самаго существеннаго и больного вопроса государственнаго управленія военнаго времени, именно отсутствія въ этомъ управленіи сильной, объединяющей и твердой руководящей власти. Генералъ Алексѣевъ, въ подтвержденіе этого, приводилъ рядъ фактическихъ данныхъ и цифровыхъ справокъ, указывавшихъ на значительные дефекты транспорта, не отвѣчавшаго потребностямъ воинского снабженія и нуждамъ населенія. Считаясь съ исключительными условіями переживаемаго лихолѣтья, Начальникъ Штаба предлагалъ учредить въ Имперіи особую должность верховнаго министра съ диктаторскими полномочіями, который сосредоточилъ бы въ себѣ всю руководящую власть въ Имперіи, цѣликомъ направивъ ее на дѣло государственной обороны.

Закончивъ просмотръ записки и обдумывая свое заключене, я смотрѣлъ на сидѣвшаго сбоку отъ меня, занятаго своей работой, Государя и подумалъ: „Какая же роль при Алексѣевскомъ верховномъ министрѣ выпадетъ на долю Россійскаго Императора? Еще если бы Царь, создавъ эту новую должность, пожелалъ бы отойти отъ Верховнаго командованія. Но этого, по всѣмъ вѣроятіямъ, ожидать отъ него нельзя. Тогда, какъ же возможно — сказалъ я мысленно себѣ — допустить, чтобы рядомъ съ полновластнымъ законнымъ Императоромъ оказался новый всесильный глава той же Имперіи, которому, по диктаторскому статуту, въ иныхъ случаяхъ, долженъ былъ бы подчиняться самъ Верховный Главнокомандующій Россійской арміей?!

Мои размышленія прервалъ обернувшійся ко мнѣ Государь. Увидавъ, что я закончилъ просмотръ Алексѣевской записки, онъ предложилъ мнѣ занять противъ себя мѣсто за его письменнымъ столомъ и обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

Записку генерала Алексѣева я сегодня утромъ прочиталъ. Она касается столь важнаго вопроса и предусматриваетъ такую серьезную ломку существующаго порядка управленія, что я имѣю въ виду затронутый въ ней вопросъ обсудить на особомъ совѣщаніи въ Ставкѣ, съ участіемъ всѣхъ г.г. министровъ. Но предварительно мнѣ интересно объ этомъ переговорить съ нѣкоторыми лицами, мнѣнія которыхъ я цѣню. Вамъ первому я предложилъ ознакомиться съ этой запиской, и прошу васъ откровенно дать мнѣ свой отзывъ.

Въ своемъ отвѣтѣ Государю я прежде всего отмѣтилъ, что генералъ Алексѣевъ совершенно правильно указывалъ на отсутствіе въ области верховного управленія сильной, единой руководящей власти, о чемъ я самъ неоднократно имѣлъ случай докладывать Его Величеству. Затѣмъ я счелъ долгомъ обратить вниманіе Государя также и на то, что самый способъ устраненія этого дефекта, рекомендуемый Алексѣевымъ, мною одобренъ быть не можетъ по нижеслѣдующимъ соображеніямъ: самый фактъ учрежденія новой должности верховнаго министра съ особыми полномочіями по государственной оборонѣ, на мой взглядъ, являлся несовмѣстимымъ съ отправленіемъ Государемъ Императоромъ обязанностей Верховнаго Главнокомандующаго, который, по мысли генерала Алексѣева, долженъ былъ бы во многихъ случаяхъ подчиняться распоряженіямъ верховнаго диктатора по оборонѣ. По моему мнѣ-

нію, — въ цѣляхъ установленія объединяющей сильной власти, которая согласовывала бы весь механизмъ высшаго государственнаго управленія, не слѣдовало бы прибѣгать къ учрежденію новой должности, которая явилась бы только лишней надстройкой надъ и безъ того громоздкимъ зданіемъ многоголовой іерархіи. Но, если на то была бы твердая воля самого Государя — возможно, съ вѣрнымъ успѣхомъ, достичь желаннаго результата путемъ упорядоченія существующаго административнаго аппарата. Продолжая оставаться на посту Верховнаго Главнокомандующаго, Государь могъ бы всю полноту власти сохранить въ своихъ рукахъ, имѣя своими ближайшими помощниками по управленію всей фронтовой областью — своего Начальника Штаба, а по завѣдыванію имперскимъ тыломъ — предсѣдателя Совѣта Министровъ. Все сводилось бы лишь къ соотвѣтствующей регламентаціи и подбору достойныхъ для занятія означенныхъ должностей лицъ.

— Само собой разумѣется, — добавилъ я, — предложеніе генерала Алексѣева было бы не только умѣстнымъ, но и необходимымъ, если бы Вы, Ваше Величество, рѣшились оставить нынѣ занимаемый Вами постъ Верховнаго Главнокомандующаго...

При этихъ словахъ Государь весь выпрямился и сдѣлалъ рѣзкій отрицательный жестъ.

Помолчавъ нѣкоторое время, какъ бы обдумывая все, мною изложенное, Его Величество, ничего не сказавъ по существу моего отзыва о запискѣ, вдругъ задалъ сильно смутившій меня вопросъ:

— А какъ бы вы думали — кого можно было бы назначить на проектируемый генераломъ Алексѣевымъ постъ Верховнаго Министра?

— Ваше Величество, — отвѣтилъ я, — подобная должность въ моей головѣ, повторяю, совершенно не вяжется съ Вашимъ пребываніемъ на посту Верховнаго Главнокомандующаго. Разрѣшите на заданный Вами вопросъ отъ отвѣта уклониться!..

Но Государь, видимо, настойчиво задался мыслью продолжать со мной разговоръ въ томъ же направленіи. Въ нѣсколько, какъ мнѣ показалось, насмѣшливомъ тонѣ онъ спросилъ:

— Ну, а все же, какъ вы полагаете — на постъ такого верховнаго министра, можетъ быть, слѣдовало бы пригласить кого-либо изъ видных общественныхъ дѣятелей? Хотя бы, скажемъ, предсѣдателя Государственной Думы Родзянко?

— Я промолчалъ, считая такіе вопросы, послѣ моего предшествующаго заявленія общаго характера, безполезными. Тогда выраженіе лица Государ измѣнилось. Онъ снова, уже серьезно, задалъ мнѣ вопросъ:

— Если не изъ общественныхъ дѣятелей, то, можетъ быть, изъ выдающихся государственныхъ сановниковъ? Какого вы мнѣнія, напримѣръ, о Коковцове?

Тутъ я не выдержалъ и не безъ нѣкоторой доли удивленія переспросилъ: — Коковцова?! Развѣ Вы, Государь, не были въ свое время освѣдомлены, какую, при всѣхъ своихъ талантахъ, далеко не объединяющую роль игралъ Владиміръ Николаевичъ въ кабинетѣ Столыпина?!..

Его Величество, кивнувъ въ знакъ согласія головой, тихимъ голосомъ, какъ бы про себя, произнесъ: — Да! Коковцовъ слишкомъ ужъ чиновникъ...

Видя, что Государь все еще продолжалъ настойчиво интересоваться занявшимъ его мысли разговоромъ, я рѣшился высказаться въ томъ смыслѣ, что, если ужъ задаваться намѣреніемъ подыскивать на создаваемую генераломъ Алексѣевымъ верховную должность подходящее лицо, то слѣдовало бы его искать въ средѣ, наиболѣе близкой къ Царствующему Дому и особо почитаемой въ народныхъ массахъ. Тутъ Государь прервалъ меня быстрымъ вопросомъ:

— Вы хотите сказать — кого-либо изъ Великихъ Князей? — и затѣмъ, не дожидаясь моего отвѣта, улыбнувшись, воскликнулъ:

Не назначить ли на эту должность принца Александра Петровича Ольденбургскаго? — Но тутъ же спохватившись, какъ бы про себя, промолвилъ:

— Хорошій человѣкъ, но правильно его называютъ — „сумбуръ-пашей"!

Тогда я снова напомнилъ Государю высказанную ранѣе свою точку зрѣнія и добавилъ, что вмѣсто подыскиванія лица на проектируемую генераломъ Алексѣевымъ должность, лучше было бы, если Его Величество рѣшилъ бы твердо стать на предложенный мною путь, осуществивъ желательную для управленія страной объединяющую сильную власть въ самомъ себѣ при содѣйствіи двухъ помощниковъ: по военной части — генералъ Алексѣевъ, по гражданской области — предсѣдатель Совѣта Министровъ. При этомъ я съ полной откровенностью заявилъ Государю, что нынѣшній премьеръ достойнымъ помощникомъ быть ему не можетъ. Подъ предсѣдательствомъ Штюрмера Совѣтъ Министровъ останется необъединеннымъ.

Не преминулъ я попутно высказаться по поводу необходимости реформированія вообще всей структуры составленія министерскаго кабинета. Я указалъ на желательность, чтобъ приглашеніе лицъ на министерскіе посты исходило отъ предсѣдателя Совѣта Министровъ, котораго назначаетъ Государь, и который списокъ намѣченныхъ имъ кандидатовъ на министерскія должности представлял бы Его Величеству на утвержденіе. Такой премьеръ, облеченный Императоромъ всей полнотой власти, могъ бы объединить гражданскихъ чиновниковъ въ тылу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ руководствомъ Императора, дѣйствовать въ полномъ контактѣ съ другимъ помощникомъ Государя, вѣдавшимъ военными дѣлами.

— Ну, хорошо! — внимательно выслушавъ меня, сказалъ Государь, — кого же вы могли бы рекомендовать мнѣ въ ка-

чествѣ такого Предсѣдателя Совѣта Министровъ, о которомъ вы говорите?... Вы сами были бы согласны занять этотъ постъ?" Подобнаго оборота нашихъ переговоровъ я никакъ не ожидалъ и не безъ смущенія, но твердымъ голосомъ заявилъ Его Величеству: „Совѣтуя Вамъ, Государь, замѣнить неподходящаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ болѣе достойнымъ, я въ мысляхъ не имѣлъ говорить о себѣ. Въ отвѣтъ на Вашъ вопросъ, я считаю своимъ долгомъ Вашему Величеству доложить, что на этотъ постъ по цѣлому ряду причинъ и соображеній я идти не могу"... „Тогда кого же?!" — съ тревогой въ голосѣ спросилъ Государь. „Дайте подумать, Ваше Величество!" — тихо отвѣтилъ я и съ этими словами, положивъ на столъ записку Алексѣева, я всталъ съ намѣреніемъ откланяться и покинуть кабинетъ, но Государь меня задержалъ, задавъ рядъ вопросовъ, касавшихся общаго положенія въ странѣ.

Я сказалъ, что народный патріотическій подъемъ въ отношеніи войны еще не совсѣмъ остылъ. Однако, я счелъ нужнымъ предупредить Государя о несомнѣнномъ ростѣ безпокойства, даже недовольства, которыя замѣчались не только среди общественныхъ круговъ, но и въ самой народной толщѣ, въ результатѣ неустойчиваго состоянія внутренней политики и усиленія безотвѣтственныхъ „закулисныхъ" вліяній...

Тутъ Его Величество меня быстро прервалъ вопросомъ, что я намѣревался дѣлать въ ближайшемъ будущемъ. Я подѣлился съ Государемъ моей неувѣренностью, ѣхать ли мнѣ въ двадцатыхъ числахъ іюня на Волынь для осмотра многомиліоннаго вѣдомственнаго хозяйства, заведеннаго мною на конфискованныхъ нѣмецкихъ земляхъ, или оставаться въ столицѣ, выжидая момента моего выступленія въ Государственномъ Совѣтѣ съ разъясненіями по предъявленнымъ мнѣ вопросамъ.

Узнавъ отъ Его Величества, что закрытіе сессіи Верхней Палаты предположено на 21-е или 22-е іюня, я высказался за необходимость остаться въ Петроградѣ, ввиду желательности передъ закрытіемъ сессіи Государственнаго Совѣта выяснить то, что безпокоило членовъ высшаго законодательнаго учрежденія. Государь съ этимъ вполнѣ согласился, добавивъ на прощанье, что чѣмъ скорѣе я съ Государственнымъ Совѣтомъ договорюсь, тѣмъ лучше...

— Въ этомъ дѣлѣ — замѣтилъ онъ, — всякое промедленіе — смерти подобно!..

Послѣ этихъ словъ Его Величество, приблизившись ко мнѣ, взял мою руку и крѣпко ее пожалъ, поблагодаривъ за все, мною ему высказанное.

Вечеромъ того же 15-го іюня, на Могилевскомъ вокзалѣ, среди другихъ провожавшихъ лицъ, я встрѣтилъ о. Шавельскаго, который, подойдя ко мнѣ, тихонько задалъ вопросъ:

— Ну какъ? Чѣмъ кончилось? Можно васъ поздравить?

— Если съ тѣмъ, — отвѣтилъ я, — о чемъ вы сегодня утромъ мнѣ говорили — нѣтъ.

— Какъ жаль! — промолвилъ о. протоіерей, а всѣ такъ надѣялись!...

На другое утро я былъ въ Петроградѣ.

Почти полмѣсяца спустя я вновь попалъ въ Могилевъ, чтобъ участвовать на экстренно созванномъ тамъ совѣщаніи Министровъ, послѣ котораго я былъ принятъ Государемъ. Въ послѣдній разъ... На Высочайшей аудіенціи 28-го іюня 1916 года рѣшена была моя служебная участь. Въ этотъ памятный для меня день я покинулъ Верховную Ставку, освобожденный отъ министерскихъ обязанностей. Объ этомъ моментѣ моей жизни я имѣю въ виду сказать болѣе или менѣе подробно въ послѣдующей части моихъ воспоминаній. Теперь же, обозрѣвая всѣ мои всеподданнѣйшіе доклады за восемь мѣсяцевъ министерской дѣятельности, я хотѣлъ бы отмѣтить главнѣйшія темы, которыхъ больше всего приходилось касаться при моихъ свиданіяхъ съ Государемъ.

Надо имѣть въ виду, что министерская моя работа протекала въ наибольшій разгаръ военныхъ событій 1915-1916 г.г., вотъ почему во всѣхъ своихъ всеподданѣйшихъ докладахъ я прежде всего говорилъ о положеніи съ продовольственнымъ снабженіемъ арміи и тыла, подробно знакомилъ Государя съ дѣятельностью Особаго Продовольственнаго Совѣщанія.

Докладывалъ я Его Величеству о мѣрахъ, принимавшихся Министерствомъ Земледѣлія для поддержанія отечественнаго сельскаго хозяйства.

Приходилось мнѣ касаться чисто земельныхъ вопросовъ, землеустроительныхъ работъ, а также образованія демобилизаціоннаго земельнаго фонда.

Само собой разумѣется, въ каждый докладъ входили мелкія вѣдомственыя дѣла, — разныя пенсіи, пособія, награды, служебныя перемѣщенія, назначенія и т. п., которыя надо было представить на утвержденіе или благоусмотрѣніе Государя.

Помимо продовольствнныхъ и чисто вѣдомственныхъ дѣлъ мнѣ приходилось при докладахъ Его Величеству затрагивать вопросы общеполитическіе, имѣвшіе государственное значеніе. Такъ, въ 1916 году, я горячо настаивалъ предъ Государемъ на скорѣйшемъ созывѣ Государственной Думы и довѣрчивомъ къ ней отношеніи, и непрестанно говорилъ о необходимости сближенія Царя съ народными представителями.

Государь, искренне любившій свой народъ, въ силу условій своего воспитанія и всего установленнаго царскаго быта, мало его зналъ и былъ далекъ отъ провинціальной служилой и общественной среды. Онъ видимо искалъ случая, чтобы ближе съ этимъ отдаленнымъ отъ него государственнымъ элементомъ знакомиться, но, вслѣдствіе нѣкоторыхъ свойствъ его натуры, это желаніе носило характеръ нѣсколько случайный, усугубляло лишь его природную нерѣшительность и порождало въ немъ мучительныя колебанія. Но я, за все время пребыванія моего на посту министра, всегда являлся открытымъ

сторонникомъ идеи сближенія Государя съ избранными въ законодательныя палаты представителями россійскаго населенія.

Приходилось объ этомъ лично высказывать Его Величеству и совѣтовать періодически собирать у себя во дворцѣ наиболѣе видныхъ и для дѣла полезныхъ членовъ обѣихъ законодательныхъ палатъ, принадлежащихъ къ различнымъ политическимъ группировкамъ, причемъ я бралъ на себя смѣлость ссылаться на то соображеніе, что добрая половина думцевъ, и еще большая часть членовъ Государственнаго Совѣта, имѣютъ одинаковые со мной монархическіе взгляды и такъ же преданы Престолу.

— Всякое довѣріе, — говорилъ я Государю — вызываетъ взаимное довѣріе. Проявленный Вашимъ Величествомъ благой почимъ сблизиться съ законодательно-общественной средой вызвалъ бы большую сплоченность среди вѣрнаго престолу ядра россійскихъ депутатовъ, а въ остальныхъ уменьшилъ бы оппозиціонное настроеніе.

Въ томъ же духѣ я, при всякомъ удобномъ случаѣ, старался настраивать многихъ лицъ, принадлежавшихъ къ ближайшему церскому окруженію. Пріѣзжая въ Могилевъ, я откровенно говорилъ съ Министромъ Двора гр. В. Б. Фредериксомъ и съ оберъ-гофмаршаломъ гр. П. К. Бенкендорфомъ, болѣе другихъ чутко относившимся къ политической жизни Россіи и всецѣло соглашавшимся съ моими взглядами и совѣтами... Единственно, съ кѣмъ я избѣгалъ говорить на эту тему, — это былъ генералъ Воейковъ. Онъ не вызывалъ во мнѣ довѣрія и, как мнѣ всегда казалось, старался всячески оберегать „его" Государя отъ чьего-либо вліянія.

Наряду съ вопросомъ сближенія Царя съ законодательной средой я въ своихъ докладахъ постоянно напоминалъ Его Величеству о необходимости вести государственное управленіе согласно всесторонне обдуманному плану, намѣченному на много лѣтъ впередъ. Такимъ образомъ установилась бы здоровая преемственность въ правительственныхъ заданіяхъ и распоряженіяхъ, природныя богатства страны должнымъ образомъ были бы использованы и устойчивость самого государства обезпечена.

Упомяну еще объ одномъ злободневномъ вопросѣ, который давалъ о себѣ знать на каждомъ шагу моей отвѣтственной продовольственной работы и которымъ я неоднократно, но, увы, безрезультатно досаждалъ Его Величеству. Это былъ вопросъ о необходимости установленія въ странѣ сильной, твердой власти которая должна была объединить и согласовать дѣйствія высшихъ руководителей отдѣльныхъ центральныхъ вѣдомствъ, для наиболѣе успѣшнаго преодолѣнія труднѣйшихъ задачъ государственнаго управленія того времени. Къ послѣднимъ, въ первую голову, относилось общеимперское снабженіе включая въ него всю многогранную продовольственную область. По фатальному стеченію обстоятельствъ, разрѣшеніе не разъ возбуждавшагося мною упомянутаго вопроса встрѣчало непреодолимыя препятствія, прежде всего, со стороны Верховнаго Главы государства, органически не обладавшаго подобнымъ даромъ объединенія, и въ то же время, по свойству своего характера не допускавшаго другихъ до этого.

Подводя итогъ всѣмъ своимъ всеподданнѣйшимъ докладамъ, хочется задать самому себѣ вопросъ — какое же отношеніе къ нимъ проявлялъ самъ Государь? Долженъ отмѣтить, что за рѣдкими исключеніями, о которыхъ мною уже упоминалось и которыя я приписывалъ нервности Государя, обычно онъ проявлялъ при докладахъ удивительную привѣтливость, полную благожелательность и необычайную деликатность. Простой и душевно-отзывчивый въ обхожденіи, внимательный не только къ докладываемому дѣлу, но и къ личности самого докладчика, Государь обнаруживалъ одну характерную черту, въ обыденной житейской обстановкѣ мало замѣтную, но невольно бросавшуюся въ глаза въ условіяхъ выполненія Россійскимъ Императоромъ своихъ высокихъ и отвѣтственныхъ обязанностей. Обладая несомнѣннымъ умомъ, острой памятью, не малой долей чуткости и любознательности, Николай Александровичъ всѣ эти свои природныя свойства направлялъ скорѣе на усвоеніе вещей, если можно такъ выразиться, мелочного порядка, а къ государственнымъ вопросамъ широкопринципіальнаго значенія относился поверхностно. Его мысли, вопросы, замѣчанія, какъ я ихъ вспоминаю, въ большинствѣ случаевъ, отличались относительной узостью, недостаточной серьезностью ихъ содержанія. Въ нашихъ разговорахъ на общеполитическія темы, Государь не проявлялъ глубины и широты государственно-мыслительнаго размаха, который такъ хотѣлось чувствовать въ Верховномъ Правителѣ огромной Россійской Имперіи. „Лишь бы на Алексѣеву жизнь хватило"... — такъ реагировалъ Его Величество на мой совѣтъ выработать для Россіи планъ государственнаго строительства на многіе десятки лѣтъ впередъ. Обычно при докладахъ Государь не вступалъ ни въ какія пререканія. Я не помню случая, когда съ его стороны не воспослѣдовало бы на мои представленія согласія. Благодаря этому, обстановка, при которой протекали дѣловыя аудіенціи, для докладчика была исключительно благопріятной, способствуя его спокойствію и безпрепятственному изложенію вопроса. Но эта обстановка имѣла и обратную свою сторону для дѣятельности докладывавшаго министра, не всегда имѣвшаго возможность твердо полагаться на данное благожелательнымъ и мягкимъ Царемъ обѣщаніе или выраженное имъ согласіе. Легко поддающійся вліянію, Государь былъ способенъ ихъ быстро и остро измѣнять или даже вовсе отмѣнять.

Въ общемъ, приходится съ несомнѣнностью удостовѣрить, что чрезмѣрно мягкій Государь, обычно, проявлялъ отличительное свойство своего характера, которое считалось общепризнаннымъ его недостаткомъ и было принято называть его

слабоволіемъ. Но я считаю своимъ святымъ долгомъ отмѣтить передъ памятью нынѣ въ вѣчность отошедшаго Царя-мученика, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ проявлялъ въ своихъ поступкахъ и убѣжденіяхъ удивительную стойкость и настойчивость. Сошлюсь на личное мое впечатлѣніе. Въ результатѣ моихъ горячихъ и убѣдительныхъ просьбъ къ Государю освободить меня отъ назначенія въ министры, Его Величество меня долго выслушивалъ, но оставался при своемъ. Мнѣ пришлось подчиниться и приняться за работу. Это примѣръ частнаго порядка. Но у всѣхъ у насъ, у всего мыслящаго міра, имѣются неопровержимыя доказательства исторической доблестной стойкости духа Россійскаго Императора Николая II, до самой своей мученической кончины оставшагося, несмотря ни на что, вѣрнымъ своимъ союзникамъ...

Иное, чѣмъ Государь, впечатлѣніе производила при докладахъ Императрица Александра Ѳеодоровна, у которой мнѣ пришлось быть всего лишь дважды. Въ обоихъ случаяхъ разговоръ велся исключительно относительно организаціонныхъ работъ по образованію Всероссійскаго Кустарнаго Общества и Комитета. Насколько Его Величество проявлялъ къ своему министру-докладчику снисходительно-деликатное отношеніе, никогда почти не прерывая его изложенія, и во всемъ съ нимъ обычно соглашаясь, настолько Государыня, имѣя передъ собой листокъ, исписанный заранѣе намѣченными вопросами, производила докладчику своего рода строгій экзаменъ. Не довольствуясь отвѣтами, она часто переспрашивала, заставляла уточнять докладываемыя данныя, нерѣдко вступала въ споръ, доказывая правоту высказываемыхъ ею взглядовъ и намѣреній. Въ общемъ Ея Величество проявляла удивительную дѣловую заинтересованность, такую же настойчивость въ достиженіи намѣченныхъ ею цѣлей и несомнѣнную властность.

Надо сказать, что послѣ того, какъ я, 22-го января 1916 года, выгналъ изъ своей министерской пріемной тобольскаго проходимца Распутина, отношеніе Императрицы Александры Ѳеодоровны ко мнѣ рѣзко измѣнилось. Я въ этомъ убѣдился при встрѣчахъ съ Ея Величествомъ 31-го марта 1916 года на торжествѣ освященія церкви въ школѣ народнаго искусства, и 9-го іюня, на засѣданіи Верховнаго Совѣта въ малахитовомъ залѣ Зимняго Дворца. Въ томъ и другомъ случаѣ, похудѣвшая, вся въ себѣ замкнутая, Императрица, вмѣсто прежней привѣтливости, выказала по отношенію ко мнѣ подчеркнутое невниманіе и явное нерасположеніе.

На докладѣ 24-го іюня встрѣченъ я былъ Ея Величествомъ чрезвычайно сухо. Ко всему этому, у насъ произошелъ при обсужденіи вопроса о кустарныхъ инструкторахъ настолько крупный споръ, что Государыня въ сильнѣйшей степени на меня разсердилась, оставшись, видимо, всѣмъ моимъ докладомъ крайне недовольна. Расхожденіе въ нашихъ взглядахъ

произошло по слѣдующему поводу: коснувшись общей постановки кустарнаго дѣла въ Россіи, Государыня замѣтила, что для надлежащаго его упорядоченія и развитія необходимо организовать особый институтъ кустарей-инструкторовъ, которыхъ желательно было бы пригласить откуда-либо изъ заграницы. Привѣтствуя мысль Ея Величества о пользѣ инструктированія россійскаго кустарнаго производства, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволилъ себѣ высказать сомнѣніе въ томъ, что иностранные инструктора смогутъ дать толчокъ для развитія и улучшенія чисто-русскаго народнаго производства, успѣвшаго пріобрѣсти широкую и почетную извѣстность не только на отчественномъ, но и на міровомъ рынкѣ. О крупныхъ достиженіяхъ нашего кустарнаго дѣла можно было судить по художественнымъ экспонатамъ Всероссійской кустарной выставки. Помимо этого, въ распоряженіи Министерства Земледѣлія имѣлись многочисленные альбомы фотографій цѣлаго ряда кустарныхъ издѣлій, по которымъ также возможно было воочію убѣдиться въ высокихъ достоинствахъ и извѣстной законченности русскаго кустарнаго искусства. Руководясь этими соображеніями, я просилъ Императрицу предоставить мнѣ возможность организовать кадры инструкторовъ изъ среды наиболѣе талантливыхъ отечественныхъ кустарей. Въ подтвержденіе своего ходатайства, я указалъ и на то, что иностранные руководители могутъ внести въ кустарное русское производство черты, чуждыя русскому стилю и обезличить національный характеръ этой отрасли нашей отечественной промышленности.

Съ явнымъ нетерпѣніемъ, волнуясь, слушала меня Императрица и властно прервала меня памятнымъ мнѣ замѣчаніемъ:

— Для русскихъ рабочихъ нуженъ образованный инструкторъ, котораго можно найти лишь гдѣ-либо заграницей, хотя бы въ Швейцаріи. Россія — страна дикая и невѣжественная!

— Ваше Величество, — съ невольной горячностью отозвался я на это, — если Вы настаиваете, лучше замѣните меня кѣмъ-либо другимъ, такъ какъ на предлагаемый вами путь я ни въ коемъ случаѣ встать не могу.

Государыня, разсерженная, с красными пятнами на лицѣ, порывисто встала и, не подавая мнѣ руки, дала понять, что докладъ мой оконченъ. Послѣ этого Императрицу Александру Ѳеодоровну я больше никогда не встрѣчалъ.

Возвратившись 1-го іюня изъ Ставки въ Петроградъ, я тотчасъ же былъ увѣдомленъ моимъ замѣстителемъ, Товарищемъ Министра Риттихомъ, о томъ, что Совѣтъ Министровъ рѣшилъ разъясненія на предъявленный членами Государственнаго Совѣта запросъ правительству о положеніи продовольственнаго дѣла въ связи съ транспортными затрудненіями возложить на меня и поставить на повѣстку Общаго собранія того же 21-го іюня.

Надо сказать, что еще недѣли за три до этого въ стѣнахъ

Маріинскаго Дворца стали раздаваться голоса о необходимости открыто обсудить на Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта рядъ продовольственныхъ вопросовъ, вызывавшихъ въ то время не только въ законодательныхъ сферахъ, но и среди всего русскаго общества особо острый къ себѣ интересъ, въ силу неудержимо разроставшихся продовольственныхъ операцій и осложненій въ транспортѣ, а, слѣдовательно, и въ самомъ снабженіи. Еще 2-го іюня члены законодательныхъ палатъ, участвовавшіе въ занятіяхъ Особаго Продовольственнаго Совѣщанія, имѣли со мной длительный и серьезный разговоръ о необходимости скорѣйшаго реформированія Министерства Земледѣлія, въ смыслѣ облегченія его работъ по продовольственному снабженію. Одни стояли за полное отдѣленіе отъ него продовольственныхъ функцій и передачу ихъ въ особое Министерство. Другіе высказывались за учрежденіе при Министерствѣ Земледѣлія спеціальнаго штата служащихъ по продовольствію, возглавляемаго добавочнымъ третьимъ товарищемъ министра.

Въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта отъ имени сельскохозяйственной группы выступилъ князь Николай Борисовичъ Щербатовъ. Онъ указывалъ, что необходимо придти на помощь перегруженному Министерству Земледѣлія, дѣятельность котораго, не безъ явнаго ущерба для интересовъ отечественнаго сельскаго хозяйства, почти цѣликомъ нынѣ направлена на обслуживаніе внѣвѣдомственнаго безгранично огромнаго дѣла продовольственнаго снабженія.

Въ переговорахъ съ тѣмъ же Щербатовымъ, а также съ нѣкоторыми другими членами Государственнаго Совѣта (кн. А. Д. Голицынымъ, В. И. Карповымъ, С. С. Крымъ и др.), которые впослѣдствіи подписали правительству запросъ о положеніи продовольствія въ связи съ состояніемъ транспорта, выяснилось, что всѣ ихъ выступленія были направлены къ оказанію мнѣ поддержки въ непосильной для меня одного борьбѣ съ моими коллегами въ правительствѣ за интересы отечественнаго сельскаго хозяйства. Члены законодательныхъ палатъ не могли не отдавать себѣ отчета въ напряженіи, которое приходилось мнѣ, Министру Земледѣлія, переносить, вслѣдствіе полнаго безразличія почти всѣхъ министровъ къ интересамъ сельскохозяйственнаго производства и промышленности.

Возможно, что, помимо вышесказанныхъ соображеній общаго характера, положенныхъ въ основаніе запроса, предъявленнаго скорѣе мнѣ, а не всему правительству, нѣкоторые члены верховной палаты изъ числа крупныхъ землевладѣльцевъ и сахарозаводчиковъ, имѣли затаенное намѣреніе добиться смягченія, или даже полной отмѣны, тѣхъ принятыхъ мною строго регулировавшихъ мѣръ, благодаря которымъ возможно было центральному продовольственному органу болѣе или менѣе планомѣрно удовлетворять потребности многомилліонной боевой арміи.

Откровенно говоря, самъ я былъ далекъ отъ мысли встрѣ-

титься съ подобной оппозиціей при выступленіи моемъ на Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, намѣченномъ на 21-е іюня, а тѣмъ болѣе предполагать, какъ мнѣ нѣкоторые намекали, что возбужденный тридцатью членами верхней палаты запросъ былъ направленъ лично противъ меня, съ цѣлью „свалить" меня съ министерскаго поста. Лица, подписавшія этотъ запросъ, являлись если не моими друзьями, то во всякомъ случаѣ и не врагами. У меня не было никакихъ рѣшительно основаній не вѣрить тому, что они мнѣ говорили.

Что же касается самаго факта представленія правительству запроса, то я лично былъ этому искренне радъ. Это давало мнѣ случай подробно ознакомиться съ ходомъ продовольственной кампаніи и съ тѣми результатами, которыхъ удалось достичь за восемь мѣсяцевъ примѣненія опредѣленной продовольственной политики. Мое открытое выступленіе по всѣмъ этимъ вопросамъ состоялось всего лишь одинъ разъ — 18-го февраля 1916 года, въ Государственной Думѣ. Мартовская моя рѣчь по продовольствію произнесена была въ закрытомъ засѣданіи Государственнаго Совѣта. Вотъ почему я былъ живо заинтересованъ въ возможности въ открытомъ засѣданіи законодательнаго учрежденія освѣдомить все россійское населеніе о нашихъ достиженіяхъ въ продовольственной области и пресѣчь распространеніе вяческихъ кривотолковъ.

Узнавъ 15-го іюня отъ Государя о предположенномъ перерывѣ занятій въ верхней палатѣ съ 21-го или 22-го іюня, я придавалъ особое значеніе своему выступленію именно передъ самымъ роспускомъ Государственнаго Совѣта, съ тѣмъ, чтобы съ его членами, до ихъ разъѣзда изъ столицы, договориться по основнымъ продовольственнымъ вопросамъ. Недаромъ, въ аудіенціи 15-го іюня, Государь, по поводу моего намѣренія выступить въ Государственном Совѣтѣ, отозвался, что необходимо этимъ послѣднимъ моментомъ сессіи верховной палаты воспользоваться, и что для меня всякое въ этомъ отношеніи промедленіе — „смерти подобно"...

Немногихъ оставшихся у меня дней для подготовки мнѣ было совершенно достаточно. Къ 21-му іюня я чувствовалъ себя въ полной мѣрѣ готовымъ выступить въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта и встрѣтить любую дѣловую критику, которой я въ своей дѣятельности никогда не боялся и всегда привѣтствовалъ въ интересахъ работы въ ввѣренномъ мнѣ сложномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ.

Нѣкотораго рода предварительными репетиціями для моего публичного выступленія служили происходившія въ промежутокъ между моимъ возвращеніемъ изъ Ставки въ столицу засѣданія особой экономической комиссіи, занятія которой шли подъ предсѣдательствомъ гр. В. Н. Коковцова, гдѣ всесторонне освѣщались тѣ же злободневные продовольственные вопросы.

Главные мои оппоненты — кн. Н. Б. Щербатовъ, кн. А. Д.

Голицынъ, проф. И. Х. Озеровъ, полякъ Мейштовичъ и др. обрушивались на введенную мною систему „твердыхъ цѣнъ". Приходилось въ этой комиссіи выступать часто и подолгу, и каждый разъ все больше убѣждаться въ правильности и цѣлесообразности принятаго плана снабженія. Получалось впечатлѣніе, что, вѣроятно, и предстоявшее мнѣ выступленіе на Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта будетъ успѣшнымъ.

Наконецъ, наступило 21-е число. Утромъ у себя я достаточно наволновался, но при входѣ въ зданіе Маріинскаго Дворца взялъ себя въ руки и успокоился. Съ тяжелымъ портфелемъ, начиненнымъ всяческими вѣдомственными справками, поднялся я по парадной лѣстницѣ, и только что вступилъ въ широкій вестибюль-коридоръ, какъ ко мнѣ подходитъ, очевидно, поджидавшій меня, Министръ князь Шаховской и, взявъ меня подъ руку, своимъ слегка шепелявымъ говоркомъ вопрошаетъ:

— Вы собираетесь выступать?

— Да, князь, какъ же не выступать, разъ дѣло касается самаго жизненнаго вопроса страны?

Въ отвѣтъ на это, Шаховской мнѣ заявляетъ, что предсѣдатель Совѣта Министровъ проситъ меня къ нему зайти.

Посмотрѣвъ на часы, я замѣтилъ Шаховскому, что времени передъ началомъ засѣданія Государственнаго Совѣта, на повѣсткѣ котораго первымъ значился предъявленный правительству запросъ, оставалось не болѣе четверти часа, и что поэтому я вынужденъ отказаться отъ бесѣды съ премьеромъ. Шаховской отвѣтилъ, что переговоры эти имѣютъ непосредственное отношеніе именно къ предполагамому моему выступленію въ Государственномъ Совѣтѣ, и что Штюрмеръ, Треповъ и онъ, Шаховской, убѣдительно просятъ прежде чѣмъ идти въ залу засѣданій, дать возможность предварительно со мной обсудить вопросъ крайней важности. Я согласился.

Войдя въ комнату, расположенную за залой засѣданія Совѣта Министровъ, я засталъ въ ней сидѣвшаго за большимъ круглымъ столомъ Штюрмера и рядомъ съ нимъ Министра А. Ѳ. Трепова. Холодно встрѣченный, я поспѣшилъ своихъ коллегъ предупредить, что въ моемъ распоряженіи имѣлось не болѣе десяти минутъ, и затѣмъ обратился къ премьеру съ вопросомъ: — Въ чемъ дѣло?

— У васъ сегодня какой-то вопросъ предстоитъ въ Государственномъ Совѣтѣ? — небрежно цѣдя сквозь зубы, спросилъ меня величаво возсѣдавшій на широкомъ креслѣ „ампиръ" Штюрмеръ.

— Не какой-то вопросъ , — еле сдерживая свое возмущеніе, отвѣтилъ я, — а очень серьезный и существенный вопросъ о продовольствіи, въ томъ числѣ вопросъ о твердыхъ цѣнахъ, отстаивать который придется самымъ энергичнымъ образомъ. Если это все, что вамъ угодно было знать, то я извиняюсь и ухожу — меня въ залѣ ждутъ...

— Такъ что вы считаете, что вамъ необходимо сегодня выступить? — вновь въ томъ же тонѣ бросилъ мнѣ вопросъ Штюрмеръ.

— Да, выступленіе мое необходимо, не говоря уже о томъ, что оно было предметомъ обсужденія на Совѣтѣ Министровъ, и вы же сами всѣ меня на него уполномочили.

— А вотъ теперь нѣкоторые министры находятъ, — нѣсколько возвышая голосъ, замѣтилъ Штюрмеръ, — что при сложившихся обстоятельствахъ, иначе говоря, наканунѣ роспуска верхней палаты, всякое правительственное выступленіе въ Общемъ Собраніи можетъ повлечь нежелательныя послѣдствія и нарушить наладившіяся между ними добрыя взаимныя отношенія...

„Я съ вами не могу согласиться, — въ отвѣтъ замѣтилъ я, — такъ какъ не представляю себѣ возможности подобныя отношенія налаживать путемъ замалчиванія"... „Однако же, — невозмутимо постарался мнѣ объяснить мудрый премьеръ, — вы сами должны знать, въ какихъ благопріятныхъ условіяхъ Правительству удалось распустить Думу, съ которой у насъ, въ концѣ концовъ, установились наилучшія отношенія, напоминающіе собой не иначе, какъ настоящую симфонію"... „Будучи не менѣе васъ музыкантомъ, — перебилъ я его, — позволяю себѣ съ вами не согласиться. Взаимоотношенія Правительства съ Думой, применяясь къ вашей терминологіи, я тоже не иначе могу назвать, какъ сплошной какофоніей... Что же касается даннаго положенія вещей и моего выступленія въ Государственномъ Совѣтѣ по вопросу, поставленному сегодня на повѣстку дня, то заявляю вамъ и здесь стоящимъ г.г. министрамъ, что отказъ Правительства отъ дачи разъясненій по нему можетъ быть сочтенъ или за оскорбленіе, наносимое высшему законодательному учрежденію, или за признаніе Правительствомъ собственнаго своего безсилія. Ни на тотъ, ни на другой путь вставать я не намѣренъ, тѣмъ болѣе, что для ввѣреннаго мнѣ продовольственнаго дѣла необходимо установить твердый контактъ между обѣими законодательными палатами, и тотъ планъ снабженія, который разрабатывался при содѣйствіи Государственной Думы, я желалъ бы сдѣлать предметомъ широкаго обсужденія въ Государственномъ Совѣтѣ и надѣюсь со стороны послѣдняго встрѣтить одобреніе моимъ дійствіямъ... Лишь при содѣйствіи общихъ усилій Правительства и обѣихъ палатъ возможно добиться желаннаго успѣха!"... „Я съ вами, — заявилъ Штюрмеръ, — совершенно несогласенъ и думаю, что А. Ѳ. Треповъ и кн. Шаховской ко мнѣ тоже присоединятся"... Удобно устроившійся въ глубокомъ мягкомъ креслѣ, Александръ Ѳеодоровичъ, оказавшійся, какъ мнѣ потомъ передавали, иниціаторомъ столь неожиданно подстроеннаго „срыва" моего выступленія, спокойно-наивнымъ голосомъ промолвилъ:

— Съ вами я вполнѣ согласенъ, Борисъ Владиміровичъ, и думаю, что необходимо было бы сейчасъ выступить кому-

либо, — вамъ (обращаясь къ Штюрмеру) — или вамъ, Александръ Николаевичъ, съ заявленіемъ о томъ, что всѣ разъясненія по предъявленному намъ запросу мы дадимъ осенью...

— Да, да, вотъ то-то и есть, — поспѣшно забормоталъ премьеръ, — тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, у васъ еще не все подготовлено.

— Въ смыслѣ подготовки, — возразилъ я, — все, что возможно и нужно было, мною сдѣлано.

— Но... увѣрены ли вы, — продолжалъ изводить меня своими мелочно-придирчивыми вопросами премьеръ, — что, выступивъ сегодня въ Государственномъ Собраніи, вы заручитесь симпатіями большинства?

— Еле сдерживаясь отъ охватившаго меня возмущенія, я рѣзко отвѣтилъ:

— Увѣренность въ достаточной подготовкѣ для сегодняшняго моего выступленія и въ правильности образа моихъ дѣйствій у меня имѣется, но самоувѣреннымъ я не былъ никогда, почему на вашъ вопросъ я не отвѣчу...

— Вотъ видите! — съ несвойственной ему горячностью воскликнулъ весь какъ бы оживившійся Штюрмеръ: — Если у васъ самого нѣтъ увѣренности въ успѣшномъ исходѣ вашего выступленія, тогда можно ожидать при роспускѣ верхней палаты, что между ней и правительствомъ можетъ образоваться нѣкотораго рода нежелательный осадокъ!...

Выслушивая подобныя возмутительныя замѣчанія, я убѣждался въ невозможности продолжать нести свои обязанности, въ окруженіи людей или убогихъ въ государственномъ смыслѣ, или попросту интриговавшими противъ меня. Я все же сдѣлалъ послѣднее усиліе, чтобы сдержаться, и еще разъ попробовалъ изложить сидѣвшимъ со мной министрамъ крайнюю необходимость именно передъ самымъ закрытіемъ сессіи Государственнаго Совѣта выступить съ рядомъ разъясненій, цѣнныхъ для общаго продовольственнаго дѣла. Это имѣло значеніе и острый интересъ не только для законодательныхъ учрежденій, но и для всей страны именно въ данный переживаемый моментъ. Къ осени же 1916 г. это явилось бы уже анахронизмомъ, терявшимъ всякій смыслъ для удовлетворенія текущихъ запросовъ дня.

— Вы не имѣете права — не безъ горячности закончилъ я, — лишать меня возможности именно сегодня, передъ роспускомъ Государственнаго Совѣта, договориться съ его членами по поводу насущныхъ нуждъ страны такъ, какъ я это сдѣлалъ въ Государственной Думѣ. Меня на это уполномочилъ Совѣтъ Министровъ, а васъ всего трое, и вы чините мнѣ препятствіе... Немало времени ушло на пустые съ вами разговоры — въ залѣ меня давно ждутъ!

— Ну, тогда и выступайте одни, если вы такъ того хотите! Но не отъ имени всего правительства! — послышался въ непріязненно ироническомъ тонѣ сказанный отвѣтъ Штюрмера, встрѣтившій, видимо, сочувствіе Трепова и Шаховского. Это положило предѣлъ и моему долготерпѣнію и тому издѣвательству, которое чувствовалось въ придирчивыхъ замѣчаніяхъ Штюрмера.

— Разъ это такъ ставится, я, само собой, отказываюсь выступать! — вставая, заявилъ я. — Но отказываюсь также и отъ совмѣстной съ вами работы!..

— Что вы говорите, дорогой Александръ Николаевичъ! — заволновался Штюрмеръ, многозначительно переглянувшись съ невозмутимо сидѣвшимъ Треповымъ. — Развѣ можно по пустяшному поводу создавать серьезный конфликтъ?!

— Для меня это не пустяшный поводъ, а вопросъ успѣшности всего дѣла и моего служебнаго самолюбія. Своихъ словъ я не беру назадъ и прошу лишь довести до свѣдѣнія Государя, что при создавшейся обстановкѣ я слагаю съ себя всякую отвѣтственность за веденіе ввѣреннаго мнѣ огромнаго государственнаго дѣла. А разъ это такъ, то я вынужденъ сложить съ себя и обязанности Министра Земледѣлія. Примите, господинъ предсѣдатель Совѣта Министровъ, мой портфель. — Съ этими словами я бросилъ по лакированной поверхности раздѣлявшаго насъ стола свой увѣсистый портфель съ такой силой, что онъ въ одно мгновенье очутился передъ величественно возсѣдавшей фигурой Штюрмера... — И пусть Его Величество передастъ его кому слѣдуетъ!..

Въ это время въ комнату вошелъ Министр Юстиціи А. А. Хвостовъ, къ которому Штюрмеръ, Треповъ и Шаховской тотчасъ же подошли и, сильно жестикулируя, стали что-то горячо говорить. Я же, послѣ моихъ заключительныхъ словъ, быстро отошелъ къ окну и, прислонившись къ стеклу, старался преодолѣть захватившее меня сильнѣйшее чувство не только гнѣва, но и отвращенія къ людямъ, проявившимъ всю ничтожность своего государственнаго пониманія и всю силу своей мелочности.

Ранѣе въ моей министерской службѣ я не мало претерпѣвалъ и отъ Штюрмера, и отъ Шаховского, но Треповъ впервые проявилъ себя такимъ, какимъ мнѣ его всегда изображалъ Кривошеинъ. Только теперь открылись у меня глаза на Александра Өедоровича, как на человѣка скрытно, но умно дѣйствовавщаго, сообразно своимъ личнымъ эгоистическимъ честолюбивымъ цѣлямъ. Мнѣ потомъ говорили, что Треповъ, добиваясь премьерства, былъ встревоженъ отношеніемъ ко мнѣ Государя во время моего послѣдняго пріѣзда въ Ставку, и рѣшилъ принять мѣры къ моему устраненію. Приглядѣвшись за много мѣсяцевъ нашей совмѣстной службы къ моему образу дѣйствій и характеру, Треповъ намѣтилъ вѣрный шахматный ходъ, преградивъ мнѣ путь къ моему выступленію 21-го іюня въ Государственнімъ Совѣтѣ. Начинивъ безпринципнаго Штюрмера и самъ оставаясь какъ бы въ сторонѣ, Треповъ добился своего: уязвленный въ моемъ служебно-дѣловомъ самолюбіи, я выбылъ изъ ряда возможныхъ его конкурентовъ.

Узнавъ про случившееся, Хвостовъ быстро подошелъ ко

мнѣ вмѣстѣ съ Штюрмеромъ, и сталъ меня уговаривать успокоиться и взять свое рѣшеніе обратно.

— Когда все отъ меня узнаете, — сказалъ я симпатичному Хвостову, — вѣроятно, вы тогда мой поступокъ хорошо поймете и оправдаете!

— Что же теперь дѣлать?! — съ какой-то безпомощностью вопросилъ всѣхъ присутствовавшихъ премьеръ...

— Пойдите къ Предсѣдателю Государственнаго Совѣта и попросите снять съ повѣстки предъявленный правительству запросъ, — сказалъ я ему.

Обрадовавшись удачному разрѣшенію создавшагося положенія, Штюрмеръ съ несвойственной ему живостью скрылся изъ комнаты и поспѣшилъ исполнить мой совѣтъ.

Долго еще упрашивал меня милѣйшій Хвостовъ „сложить гнѣвъ на милость", и я даже пошелъ ему на нѣкоторую уступку, пообѣщавъ отложить исполненіе своего намѣренія еще на однѣ сутки. Сговорившись на этомъ, мы съ нимъ вышли въ общіе кулуары Маріинскаго Дворца, гдѣ столпилась масса разбившихся на группы и горячо о чемъ-то толковавшихъ между собой членовъ Государственнаго Совѣта.

Когда, по просьбѣ Штюрмера, предсѣдательствовавшій на общемъ собраніи И. Я. Голубевъ объявилъ о снятіи съ повѣстки дня обсужденія предъявленнаго правительству запроса о продовольствіи и транспортѣ, въ залѣ произошло необычное для верхней палаты волненіе среди ея членовъ, завершившееся перерывомъ занятій.

При нашемъ съ Хвостовымъ появленіи въ кулуарахъ, всѣ направились ко мнѣ, окружили меня тѣснымъ кольцомъ и забросали вопросами о причинахъ моего отказа появиться на общемъ собраніи для дачи разъясненій. Пришлось передать моимъ коллегамъ, что произошло у меня съ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Мое столкновеніе со Штюрмеромъ вызвало негодующіе возгласы по адресу послѣдняго и, видимо, общее сочувствіе къ моему образу мыслей и дѣйствій.

Во время моего оживленнаго разговора съ окружавшими меня членами Государственнаго Совѣта, появляется около меня, протолкавшись сквозь ихъ тѣсный строй, Алексѣй Борисовичъ Нейдгардтъ, съ моимъ портфелемъ въ рукахъ. Передавая его мнѣ, предсѣдатель праваго центра къ числу членовъ котораго я въ то время принадлежалъ, просилъ этотъ портфель взять обратно и еще разъ хорошенько подумать, прежде чѣмъ его оставлять.

Въ кулуарахъ образовалось частное совѣщаніе членовъ Государственнаго Совѣта, которые рѣшили потребовать отъ Голубева, чтобъ онъ вновь поставилъ на повѣстку снятый имъ по заявленію премьера запросъ. Пришлось Ивану Яковлевичу уступить, и на послѣдовавшемъ засѣданіи Государственнаго Совѣта было постановлено запросъ этотъ принять и сдать въ особую комиссію на предварительное разсмотрѣніе. На засѣданіи этомъ на правительственныхъ мѣстахъ было пусто...

Я покинулъ зданіе дворца и, въ сильнѣйшей степени удрученный всѣмъ случившимся, пришелъ въ свой министерскій кабинетъ, гдѣ долго не могъ опомниться отъ возмутительнаго поведенія, которое проявили по отношенію ко мнѣ участники памятнаго для меня Штюрмеровскаго совѣщанія...

Мои невеселыя думы были прерваны приходомъ ко мнѣ двухъ лицъ — бывшихъ Министровъ ввѣреннаго мнѣ вѣдомства Земледѣлія А. С. Ермолова и кн. В. А. Васильчикова. Они посѣтили меня и отъ себя лично и по уполномочію членовъ Государственнаго Совѣта, сочувствовавшихъ моему положенію и образу дѣйствій. Тотъ и другой выразили надежду, что я, во имя блага Родины и въ интересахъ ввѣреннаго мнѣ дѣла, сочту возможнымъ измѣнить свое рѣшеніе и не покину занимаемый мною министерскій постъ...

Оставивъ себѣ суточный срокъ для обдумыванія своей служебной участи, я постарался за это время возможно хладнокровнѣе взвѣсить въ умѣ всѣ обстоятельства, сопровождавшія мою сравнительно недолгую, но полную непосильнаго труда и моральныхъ испытаній службу, а также тѣ условія, которыя создались вокругъ меня при исполненіи огромной работы по продовольствію.

Стали вставать въ памяти подробности моего насильственнаго назначенія въ Министры и вся послѣдующая служебная дѣятельность, протекавшая въ непривычной для меня обстановкѣ и полной оторванности отъ прежнихъ условій моей общественной работы. Премьерство старика Горемыкина, при которомъ такъ ясно обозначилось принципіальное мое расхожденіе съ моими коллегами министрами во взглядахъ на законодательныя палаты и сотрудничество съ ними, замѣна почтеннаго сановника Горемыкина безпринципнымъ распутинскимъ угодникомъ Штюрмеромъ, тотчасъ же вынудившая меня заявить Государю объ уходѣ моемъ изъ министровъ; невыносимый въ дѣловомъ и моральномъ отношеніи періодъ Штюрмеровскаго премьерства; тяжкая обстановка работы по продовольственному снабженію, всецѣло зависѣвшая отъ распорядительности и согласованности чиновъ разныхъ вѣдомствъ; обидное пренебреженіе Совѣта Министровъ къ интересамъ отечественнаго сельскаго хозяйства, не разъ заставлявшее меня предупреждать Штюрмера о невозможности при этихъ условіяхъ вести ввѣренное мнѣ дѣло, отсутствіе на верху управленія страной твердой, авторитетной и объединяющей власти, на которую, въ случаѣ нужды, можно было бы опереться. Все это промелькнуло тогда въ моей головѣ и наталкивало на мысль подвести итогъ тѣмъ усиліямъ духа и воли, которыя пришлось затратить на преодолѣніе встрѣчавшихся на моемъ служебномъ пути треній и затрудненій.

Въ то же время, не безъ чувства нѣкотораго удовлетворенія, я отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что въ дѣловой борьбѣ я выходилъ побѣдителемъ, и въ основномъ моемъ дѣлѣ — продовольственномъ, достигъ крупныхъ результатовъ. Это созна-

ніе въ значительной степени давало мнѣ свободу въ моихъ мысляхъ объ оставленіи министерскаго поста. При достигнутыхъ результатахъ, когда всѣ фронты были на три мѣсяца впередъ обезпечены продовольствіемъ, никто не дерзнулъ бы сказать, что я покидаю свой постъ, не справившись съ дѣломъ.

Съ другой стороны, достигнутый мною съ такими усиліями результатъ причинялъ мнѣ искреннюю печаль. Грустно было думать, что придется покинуть дѣло, тѣсно связанное съ нашей дѣйствующей арміей, дѣло, которому за восемь мѣсяцевъ напряженной работы я отдалъ столько силъ, и съ которымъ я всѣмъ умомъ и всѣмъ сердцемъ сжился.

За тѣ памятные двадцать четыре часа, которые я себѣ оставилъ для обдумыванія вопроса объ уходѣ изъ министровъ, я неоднократно себя ловилъ на чувствѣ глубокаго сожалѣнія, что придется выпустить изъ своихъ рукъ значительно налаженное мною важное государственное дѣло продовольственнаго снабженія арміи и тыла. Но я сознавалъ, что если мнѣ удавалось до сихъ поръ преодолѣвать встрѣчавшіяся чисто-дѣловыя затрудненія, то это не значитъ, что я могу съ такимъ же успѣхомъ бороться противъ начавшагося на меня натиска чисто личнаго характера. Въ общемъ ходѣ моей служебной работы, въ особенности, въ конечномъ ея періодѣ, именно это обстоятельство стало наиболѣе тяжело отзываться на моихъ нервахъ, на моей энергіи и работоспособности.

Еще послѣ февральскаго моего выступленія въ Государственной Думѣ, чуткій А. В. Кривошеинъ меня предупреждалъ о зародившейся вокругъ меня „людской зависти" и добавилъ, что „сколько было у васъ ранѣе друзей, столько же послѣ вашего успѣха окажется и злыхъ недруговъ". Изъ числа послѣднихъ, съ момента появленія его у власти и до самаго конца моего министерскаго пребыванія, былъ Штюрмеръ. На первомъ же своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ онъ посовѣтовалъ Государю исключить меня изъ состава министровъ.

Послѣ того какъ я выгналъ „тобольскаго старца" нерасположеніе ко мнѣ премьера встрѣтило сочувствіе и поддержку въ распутинскихъ кругахъ. Это придало Штюрмеру большую смѣлость въ борьбѣ противъ меня, и тѣмъ еще сильнѣе осложняло мое и безъ того нелегкое положеніе. Въ послѣдній же пріодъ нашей съ нимъ совмѣстной службы, премьеръ, видимо, заручился поддержкой стремившагося его замѣнить А. Ѳ. Трепова и нѣкоторыхъ другихъ господъ вродѣ князя Шаховского. Этотъ періодъ оказался для меня наиболѣе тяжкимъ и невыносимымъ. Неоднократно я заявлялъ Штюрмеру о невозможности продолжать свою работу, прося объ этомъ довести до свѣдѣнія Государя, но премьеръ отказывался исполнить мою просьбу, ссылаясь на нежеланіе безпокоить Особу Его Величества въ такія трудныя времена. Въ разговорахъ со мною, Штюрмеръ мало-по-малу оставлялъ свою прежнюю манеру подлаживанья ко мнѣ, якобы сочувствуя моей былой земско-общественной работѣ, и сталъ смѣлѣе открыто

упрекать меня въ принадлежности къ этой средѣ, ставя мнѣ въ вину мою очевидную на его взглядъ неподготовленность для дѣлъ высшаго государственнаго порядка...

Надо сказать, что тому настроенію, которому Кривошеинъ далъ наименованіе „людской зависти", способствовали еще два фактора: пресса и столичные слухи.

Дѣло въ томъ что многочисленныя газетныя статьи и замѣтки, помѣщавшіяся по поводу моей министерской работы, носили въ общемъ характеръ чрезвычайно для меня благопріятный, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже открыто хвалебный, ставя мое имя въ ряды выдающихся, по ихъ отзывамъ, министровъ, желательныхъ для состава кабинета „общественнаго довѣрія". Подобныя восхваленія создавали мнѣ въ широкихъ кругахъ русскаго общества популярность, въ то же самое время, среди сравнительно немногочисленной, но вліятельной въ „сферахъ" группы моихъ недруговъ, значительно усиливая и обостряя мою непопулярность.

Послѣднихъ особенно раздражали непрекращавшіеся столичные слухи обо мнѣ, какъ о кандидатѣ на „высшее назначеніе".

Возможно, что подъ воздѣйствіемъ этихъ слуховъ А. Ѳ. Треповъ завелъ со мной 10-го іюня задушевную бесѣду, намекая на то, что я, видимо, чрезмѣрно переутомленъ и тягощусь продовольственной дѣятельностью, что будто бы я даже кому-то откровенно высказывалъ свои сомнѣнія по поводу успѣшности дальнѣйшаго веденія дѣла, подъ конецъ невиннымъ тономъ, какъ бы невзначай, заявивъ, что все дѣло продовольственнаго снабженія намѣревается взять себѣ самъ Штюрмеръ.

Выслушавъ всѣ эти сказки, я преспокойно замѣтилъ Трепову, что пусть Штюрмеръ и займется моимъ дѣломъ, такъ какъ все равно я имѣю въ виду Государю заявить о своемъ уходѣ. Видимо не ожидавшій подобнаго оборота нашего разговора, Треповъ сначала нѣсколько опѣшилъ, а затѣмъ принялся усиленно меня просить „не вмѣшивать его во всю эту исторію", и сталъ увѣрять меня, что „мною тамъ (въ Ставкѣ) довольны"... Какъ значится въ моемъ дневникѣ, „я махнулъ рукой — настолько мнѣ противна вся обстановка работы"...

На слѣдующій день, 11-го іюня, въ 4 часа дня, въ мой служебный кабинетъ вновь появляется тотъ же Треповъ. Согласно моей записи, онъ принялся „уговаривать меня не отказываться отъ портфеля и на него не ссылаться въ Ставкѣ". Свое обращеніе ко мнѣ онъ закончилъ просьбой: — „Обѣщайте мнѣ хотя бы на мѣсяцъ не подымать этого разговора"... Далѣе значится: — „Я согласился"... Но, какъ извѣстно, обѣщаніе свое я вынужденъ былъ нарушить 21-го іюня въ условіяхъ, мною подробно описанныхъ выше...

Надо думать, что обстоятельства, сопровождавшія мое посѣщеніе Ставки 14-15 іюня и проявленное в эти дни ко мнѣ особое вниманіе Государя не остались незамѣченными зорко наблюдавшимъ за настроеніемъ въ „верхахъ" Треповымъ, ко-

торый счелъ тогда нужнымъ нѣсколько ускорить приведеніе своего плана въ исполненіе, остановившись на умно обставленномъ и мѣткомъ шахматномъ ходѣ устраненія моей „фигуры" съ доски его карьеристической игры. Учиненный имъ въ сообществѣ премьера Штюрмера и послушнаго ему Шаховского „срывъ" моего выступленія въ Государственномъ Совѣтѣ воочію убѣдилъ меня въ невозможности долѣе терпѣть изо дня на день усиливавшійся натискъ со стороны моихъ ближайшихъ коллегъ, очевидно, задавшихся опредѣленной цѣлью разъ навсегда меня отстранить.

Теперь мнѣ предстояло рѣшить, возможна ли для меня дальнѣйшая борьба съ подобными людьми, отъ которыхъ въ значительной степени зависѣлъ успѣхъ моей продовольственной дѣятельности, органически связанной съ ходомъ транспорта и состояніемъ топлива, а также съ общей согласованностью дѣйствій и распорядковъ другихъ министерствъ.

Отдавая должное добрымъ отношеніямъ, которыя у меня сложились съ законодательными учрежденіями, съ представителями военно-общественныхъ организацій, со всѣмъ земскимъ людомъ и моимъ вѣдомственнымъ персоналомъ, я все же ясно отдавал себѣ отчетъ, что для успѣшнаго продолженія моей дѣятельности я зависѣлъ отъ нѣкоторыхъ высшихъ моихъ сослуживцевъ, которые были способны во всякій моментъ моей работы вкладывать „палки въ колеса" и тормозить мои и многочисленныхъ моихъ сотрудниковъ усилія.

Невольно самъ собой вставалъ вопросъ — если бъ даже удалось мнѣ „претерпѣть" столь нагло учиненный надо мной „срывъ" 21-го іюня и продолжать работу, какая могла быть для меня гарантія, что со стороны все той же, противъ меня настроенной, кучки министровъ, имѣвшихъ большое вліяніе на общее дѣло имперскаго снабженія, не смогутъ повторяться и въ дальнѣйшемъ подобные эксперименты надъ моимъ служебнымъ самолюбіемъ?! — Отвѣтъ получался у меня одинъ: гарантіи никакой нѣтъ, и защиты искать не у кого. Государь для этого слишкомъ слабъ и неустойчивъ. Премьеръ — мой врагъ, является олицетвореніемъ лжи. Что же касается законодательныхъ, общественныхъ и прочихъ сферъ, то всѣ онѣ въ этомъ отношеніи стояли слишкомъ далеко отъ насъ. Выводъ складывался одинъ: употреблять оставшіяся силы не столькс на продолженіе отвѣтственной работы, сколько на борьбу съ моими „вредителями". представлялось мнѣ дѣломъ безцѣльнымъ и невыносимымъ. Помимо этого я не допускалъ мысли о возможности испытывать повтореніе наглыхъ выходокъ, вродѣ того, что я пережилъ 21-го іюня, а возможность эта, при существовавшихъ условіяхъ, отнюдь не исключалась.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ размышленій, къ утру 22-го іюня я пришелъ къ безповоротному рѣшенію — выйти въ отставку.

Первымъ, съ кѣмъ мнѣ пришлось этимъ рѣшеніемъ подѣлиться, оказался заѣхавшій ко мнѣ въ то утро, всегда душевно

ко мнѣ относившійся, министръ гр. П. Н. Игнатьевъ, всецѣло одобрившій мои мысли, дѣйствія и намѣренія.

Дружески съ нимъ разставшись, я отправился съ оффиціальнымъ визитомъ къ предсѣдателю Совѣта Министровъ, которому тотчасъ же заявилъ о своемъ окончательномъ и всесторонне обдуманномъ рѣшеніи покинуть службу, о чемъ и просилъ довести до свѣдѣнія Государя Императора. Штюрмеръ сталъ повторять свои избитыя фразы о томъ, что въ тяжкія времена нельзя безпокоить Его Величество, бормоталъ успокоительные совѣты и пошлые комплименты и, въ концѣ концовъ, упрекнулъ меня, что я способенъ слишкомъ близко къ сердцу принимать всякій пустякъ. Тутъ я вновь не выдержалъ и, отбросивъ всякую оффиціальность, наговорилъ въ глаза этом горе-премьеру всю о немъ правду, которая за много времени накипѣла въ моемъ нутрѣ, и закончилъ подтвержденіемъ своего ухода изъ состава министровъ. Покинулъ я кабинетъ предсѣдателя Совѣта Министровъ, не простившись съ его хозяиномъ и оставивъ послѣдняго въ положеніи нѣкоего истукана, съ разинутымъ ртомъ и растопыренными руками.

Въ этотъ же день состоялся по Высочайшему Указу роспускъ Государственнаго Совѣта, и отъ имени Государя было объявлено министрамъ о вызовѣ ихъ на 28-е іюня въ Верховную Ставку на экстренное совѣщаніе.

Въ промежутокъ времени, оставшійся до выѣзда моего въ Могилевъ, произошли два наиболѣе значительныхъ въ моей служебной дѣятельности событія: докладъ 24-го іюня Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ, и 25-го того же мѣсяца появленіе въ столичной прессѣ моего интервью по поводу отношенія моего къ дѣятельности военно-общественныхъ организацій.

Мои откровенныя, высказынныя черезъ печать, слова вызвали въ обществѣ сенсацію. Многіе мнѣ выражали горячее сочувствіе. Другіе принимали еще болѣе рѣшительныя и срочныя мѣры, чтобы изъять меня изъ состава правительства.

27-го іюня весь Совѣтъ Министровъ, почти въ полномъ составѣ, за исключеніемъ его предсѣдателя и адмирала Григоровича, выѣхавшихъ въ Ставку за сутки раньше, занялъ спеціальный поѣздъ, который долженъ былъ насъ доставить въ Могилевъ. Что предстояло обсуждать на совѣщаніи, никто изъ министровъ точно не зналъ, каждый высказывалъ лишь свои личныя предположенія. Впрочемъ, подобная неосвѣдомленность членовъ высшаго коллегіальнаго органа управленія была довольно обычнымъ явленіемъ въ нашей министерской службѣ, лишній разъ подтверждая отсутствіе во главѣ Совѣта Министровъ полновластнаго и авторитетнаго лица, которое смотрѣло бы на отправленіе высокихъ обязанностей премьера не съ точки зрѣнія лишь формально-бездушнаго ихъ исполненія, а вкладывая въ свою дѣятельность живую, творческую струю.

Дорогой мнѣ хотѣлось оставаться одному съ моими нелегкими и сложными думами, которыя все сильнѣе меня одолѣвали, по мѣрѣ приближенія къ цѣли нашего путешествія, гдѣ, какъ я предчувствовалъ, найдется разрѣшеніе моей дальнѣйшей служебной участи. Только къ вечеру, въ день нашего отъѣзда, пришлось выйти изъ моего вагоннаго отдѣленія и, по приглашенію Министра Трепова, принять участіе въ торжественномъ и великолѣпно обставленномъ въ его дорожномъ салонѣ обѣдѣ, который онъ почему-то для насъ устроилъ. Со мной лично хлѣбосолъ-хозяинъ казался подчеркнуто любезнымъ.

На слѣдующій день, 28-го іюня, въ 10 час. утра, поѣздъ нашъ прибылъ въ Могилевъ, и мы, министры, сочли нужнымъ тотчасъ же зайти въ стоявшій невдалекѣ на запасномъ пути служебный вагонъ, въ которомъ помѣщался предсѣдатель Совѣта Министровъ.

Усадивъ всѣхъ пришедшихъ къ нему въ своемъ помѣстительномъ салонѣ, Штюрмеръ, на рядъ заданныхъ ему вопросовъ о цѣли и сущности созываемаго Государемъ совѣщанія, отдѣлывался лишь краткими отвѣтами неопредѣленнаго содержанія, тѣмъ самымъ ставя всѣхъ насъ въ обидно-глупое положеніе. Точно и ясно узнали мы отъ нашего премьера лишь то, что экстренное совѣщаніе назначено на 28-е число, въ 6 часовъ вечера, и что къ этому часу всѣ министры должны быть въ сборѣ, въ домѣ, служившемъ резиденціей Его Величеству.

Предъ тѣмъ, какъ отъ премьера разойтись, я обратился, въ присутствіи нѣкоторыхъ изъ своихъ коллегъ, къ Штюрмеру съ вопросомъ — доложилъ ли онъ Государю о моей отставкѣ? На что получился немало удивившій меня отрицательный отвѣтъ, все съ той же оговоркой, что „сейчасъ не время безпокоить Государя”.

— Тогда придется мнѣ самому объ этомъ доложить, — замѣтилъ я, — ради чего не откажите исходатайствовать особую у Его Величества для меня аудіенцію...

Премьеръ пробормоталъ: „Какъ хотите!”: но при этомъ обѣщалъ „все возможное” для этого сдѣлать...

Разставшись съ Штюрмеромъ, я направился къ своему вагону, гдѣ столкнулся съ генераломъ Алексѣевымъ, который меня искалъ. Онъ былъ, видимо, чѣмъ-то разстроенъ и тотчасъ же задалъ мнѣ вопросъ, правда ли, что я изъ министровъ ухожу и почему я это дѣлаю? Отвѣтилъ Алексѣеву утвердительно и спросилъ, откуда могъ генералъ о моемъ рѣшеніи услыхать. И вотъ тогда я узнаю о возмутительномъ и невѣроятномъ обстоятельствѣ, завершившемъ въ моихъ глазахъ характеристику лживой личности премьера. Онъ, по какимъ-то своимъ соображеніямъ, только что во всеуслышаніе сказалъ мнѣ неправду по поводу моей просьбы объ отставкѣ. Оказывается, что, по словамъ генерала Алексѣева, вся Ставка была взволнована вечернимъ полуторачасовымъ докладомъ Штюрмера Государю, имѣвшимъ мѣсто въ предшествовавшій нашему пріѣзду день, 27-го іюня.

Этотъ докладъ, какъ мнѣ передалъ Алексѣевъ, сводился къ тому, что Штюрмеръ убѣждалъ Его Величество въ необходимости спѣшно удалить съ должности Министра Земледѣлія Наумова, который, по завѣренію премьера, сталъ дѣйствовать совершенно вразрѣзъ съ политическими воззрѣніями всего остальнаго Совѣта Министровъ, проявлялъ полную и вредную въ государственномъ отношеніи независимость въ сужденіяхъ и стремился играть роль продовольственнаго диктатора. Штюрмеръ этимъ, по словамъ Алексѣева, не удовольствовался и началъ увѣрять Царя, что Наумовъ человѣкъ неуравновѣшенный, которому нуженъ не столько отдыхъ, сколько серьезное леченіе всей его явно расшатанной нервной системы... При этихъ словахъ я невольно про себя улыбнулся, вспоминая, чего отъ меня наслушался премьеръ при нашемъ послѣднемъ свиданіи 22-го іюня, и въ какомъ перепуганно-жалкомъ видѣ я его тогда оставилъ!..

Сообщивъ мнѣ содержаніе Штюрмеровскаго доклада, сущность котораго въ тотъ же вечеръ 28 іюня стала извѣстна ближайшимъ къ Государю лицамъ, Михаилъ Васильевичъ принялся меня усиленно уговаривать, не обращая вниманія на личность премьера, оставить всякіе помыслы объ отставкѣ и продолжать свою большую работу.

— Мыслимое ли дѣло вамъ теперь уходить! Горячо сталъ мнѣ доказывать почтенный генералъ. — Только-что у насъ съ вами налажено, намѣчено и другъ къ другу мы привыкли!.. Развѣ теперь время все разстраивать?! Придетъ вмѣсто васъ новый человѣкъ, неизвѣстно, что будетъ, а время стоитъ тревожное.

Нелегко было мнѣ выслушивать горячій призывъ большого, сильнаго военнаго работника, который только въ тотъ моментъ не сталъ скрывать своего полнаго одобренія сотрудничеству со мной.

— Вотъ увижу, какъ и что придется мнѣ съ Царемъ говорить, — сказалъ я Михаилу Васильевичу, который продолжалъ меня убѣждать измѣнить мое рѣшеніе, разставаясь, крѣпко меня обнялъ и расцѣловалъ.

Пользуясь свободнымъ временемъ, я надумалъ навѣстить архіепископа Константина, съ которымъ передъ наступавшимъ рѣшительнымъ моментомъ захотѣлось мнѣ всю свою наболѣвшую душу отвести... И дѣйствительно, чистый сердцемъ и любовно ко мнѣ относившійся владыка, подробно выслушавъ все, что меня за послѣднее время такъ волновало, успокоилъ меня и благословилъ встать на путь принятаго мною рѣшенія, оговорившись, чтобы противъ воли Государя не идти.

Ободренный его совѣтомъ, я отправился въ Могилевскій, знакомый мнѣ, „дворецъ”, гдѣ встрѣтился сначала съ Великимъ Княземъ Сергіемъ Михайловичемъ, а затѣмъ съ гр. Фредериксомъ. Они подтвердили все то, что было мнѣ ген. Алексѣевымъ сообщено по поводу Штюрмеровскаго обо мнѣ до-

клада, выразили искреннее сожалѣніе по поводу слуховъ о моемъ уходѣ и стали горячо совѣтовать не покидать службу, вызывавшую, по ихъ словамъ, въ Ставкѣ всеобщее одобреніе.

Вторично встрѣтившійся со мной ген. Алексѣевъ, къ тому, что онъ успѣлъ мнѣ утромъ передать, добавилъ, что, судя по нѣкоторымъ слухамъ, наряду со Штюрмеровскими на меня наговорами, за послѣднее время, по выраженію генерала, „изъ Царскаго шла усиленная артиллерійская подготовка", намекая на получавшіяся Государемъ обо мнѣ письма Императрицы.*

Мало-помалу министры и особо приглашенныя на совѣщаніе лица стали собираться въ залѣ Могилевскаго „дворца", гдѣ, вдоль оконъ, былъ разставленъ длинный присутственный столъ.

Незадолго до объявленнаго часа засѣданія, подходитъ ко мнѣ Министръ Двора и говоритъ: „Штюрмеръ просилъ, чтобы я вамъ устроилъ аудіенцію, но Государь, видимо, къ этому не расположенъ", замѣтивъ мнѣ: „Штюрмеръ вѣдь все сказалъ про Наумова... Что же еще ему нужно?".

Сообщеніе это произвело на меня крайне тягостное впечатлѣніе, но я рѣшилъ не сдаваться и добиться того, чего такъ всѣмъ своимъ помысломъ желалъ.

Въ это время изъ входной съ лѣстницы двери показался напыщенный премьеръ. Разговаривая съ Министромъ Сазоновымъ, онъ всталъ около окна, невдалекѣ отъ входа въ Государевъ кабинетъ. Всѣ находившіеся въ залѣ говорили между собой вполголоса, съ минуты на минуту ожидая Высочайшаго выхода. При видѣ Штюрмера, который утромъ мнѣ такъ нагло солгалъ, я сразу ощутилъ такой порывъ возмущенія, что, на мигъ забывши все вокругъ себя, я быстро подошелъ къ премьеру и въ присутствіи Сазонова сказалъ:

— Когда простой обыватель говоритъ неправду, его называютъ извѣстнымъ именемъ, но когда лицо, облеченное исключительными полномочіями, занимающее такой высокій постъ, какъ Ваше Высокопревосходительство, говоритъ неправду, какъ его тогда приходится называть?!..

Весь побагровѣвшій Штюрмеръ отъ меня быстро отпрянулъ, и въ тотъ же моментъ Сазоновъ громко произнесъ: „Государь" — При этомъ словѣ я опомнился и увидалъ появившагося изъ своего кабинета Государя, который подошелъ сначала къ премьеру, а затѣмъ, поочередно обойдя всѣхъ насъ, занялъ за присутственнымъ столомъ предсѣдательское мѣсто. Съ приходомъ Государя, моя вспышка улеглась, и я вновь сталъ хозяиномъ своей воли и дѣйствій... Думать же о томъ, что произошло, не было ни времени ни мѣста, да и не хотѣлось — слишкомъ противенъ мнѣ былъ человѣкъ, которому я нанесъ оскорбленіе, на мой взглядъ, заслуженное имъ.

* Изданныя письма Императрицы къ Государю подтверждаютъ этотъ слухъ.

Ровно въ 6 час. вечера Его Величество объявилъ экстренное совѣщаніе открытымъ. Помимо министровъ, въ засѣданіи участвовали начальники тѣхъ или другихъ отдѣловъ высшаго военно-фронтового управленія, во главѣ съ Начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, ген. Алексѣевымъ. Народу собралось много, столъ былъ небольшой, такъ что сидѣть пришлось въ необычайной тѣснотѣ, плечомъ къ плечу съ сосѣдями, не имѣя возможности удобно расположить портфель и разбираться въ его содержимомъ. Мое мѣсто приходилось нѣсколько наискосокъ противъ сидѣвшаго въ центрѣ стола Государя, около котораго расположился Предсѣдатель Совѣта Министровъ, за все время засѣданія не проронившій ни одного слова.

Тотчасъ по открытіи засѣданія, Его Величество взялъ въ руки небольшой исписанный листъ бумаги и сталъ читать свое обращеніе къ присутствовавшимъ членамъ совѣщанія, указавъ, прежде всего, на то, что Россіи нынѣ приходится переживать исключительно-тяжелыя времена въ силу затянувшейся войны и цѣлаго ряда осложненій, возникшихъ въ результатѣ транспортныхъ затрудненій, недостатка въ топливѣ и воинскомъ снабженіи (о продовольствіи Государь не упоминалъ).

Далѣе, Его Величество обратилъ вниманіе Совѣщанія на то, что въ наступившія трудныя времена всѣ наличныя силы государства должны проявить не только наибольшее напряженіе, но и возможно полную согласованность своихъ дѣйствій, ради доведенія начатой страшной борьбы до успѣшнаго конца...

„Межъ тѣмъ, — прочелъ дальше Государь, — къ глубокому моему сожалѣнію подобной согласованности я не усматриваю въ дѣятельности даже того высшаго въ государствѣ учрежденія, именуемаго Совѣтомъ Министровъ, которое должно было бы служить образцомъ для другихъ правительственныхъ организацій, и въ которомъ, за послѣднее время, вмѣсто согласованнаго единства дѣйствій его членовъ, замѣчаются лишь крайне нежелательныя между ними тренія и разногласія. Подобное положеніе вещей я признаю для дѣла недопустимымъ, и прошу впредь его всячески избѣгать"...

При этихъ словахъ, сидѣвшій близко отъ премьера и какъ разъ противъ меня, гр. П. Н. Игнатьевъ, слегка откинувшись назадъ, сталъ дѣлать мнѣ выразительные знаки, намекавшіе на то, что царскій упрекъ о министерскихъ разногласіяхъ подсказанъ Штюрмеромъ и направленъ по моему адресу...

Затѣмъ Государь задалъ нѣсколько вопросовъ, касавшихся постановки дѣла съ транспортомъ, послѣ чего перешелъ къ обсужденію дѣятельности организацій, связанныхъ съ добычей и снабженіемъ топлива. На разсмотрѣніе всѣхъ этихъ вопросовъ ушло довольно продолжительное время, и лишь по окончаніи ихъ выясненія, Его Величество поинтересовался узнать общее положеніе съ продовольствіемъ во фронтовыхъ областяхъ, на что лица, спеціально вѣдавшія этой ча-

стью, отозвались въ крайне благопріятномъ для меня смыслѣ. Ген. Ронжинъ, указавъ на меня, во всеуслышаніе заявилъ, что, благодаря исключительно энергичной дѣятельности центральнаго продовольственнаго вѣдомства, всѣ боевые фронты нынѣ обезпечены продовольствіемъ больше чемъ на три мѣсяца впередъ.

При этихъ словахъ Государь вскинулъ не меня глаза, но быстро ихъ вновь отвелъ, предложивъ послѣ нѣкоторой паузы перейти къ обсужденію вопроса, связаннаго съ поданной 15-го іюня докладной запиской генерала Алексѣева объ учрежденіи Верховнаго Министерства по оборонѣ.

Вопросъ этотъ прошелъ въ томъ направленіи, какъ я о немъ докладывал Его Величеству 15-го іюня. Въ этомъ отношеніи я нашелъ себѣ горячую поддержку въ лицѣ А. Ѳ. Трепова, который заявилъ, что — „у насъ есть председатель Совѣта Министровъ — пускай онъ возметъ въ свои руки все управленіе и пускай всѣхъ объединяетъ". Совѣщаніе съ этимъ мнѣніемъ согласилось и вынесло постановленіе въ такомъ духѣ.. Мѣха обновили, но негодное вино въ нихъ осталось то же. Должность премьера усилили, но Штюрмеръ остался тѣмъ же.

По окончаніи засѣданія, я былъ сначала въ нѣкоторой нерѣшительности — подчиниться ли мнѣ тому, что мнѣ сказалъ Министръ Двора, или же, вопреки этому, немало огорчившему меня заявленію, рѣшиться самому обратиться къ Государю съ просьбой разрѣшить въ послѣдній разъ къ нему явиться съ докладомъ

Дѣло въ томъ, что, съ одной стороны, все, что я узналъ по пріѣздѣ моемъ въ Ставку, говорило за вѣроятность моего ухода изъ министровъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я всемъ сердцемъ стремился прежде, чѣмъ покинуть свой пост и министерскую работу, еще разъ повидать своего Царя и лично ему высказать всю правду о своемъ рѣшеніи. Я не могъ допустить мысли, чтобы у Государя, всегда столь милостиво и искренне-душевно ко мнѣ относившагося, напослѣдокъ осталось обо мнѣ впечатлѣніе, навязанное ему пристрастнымъ и лживымъ Штюрмеромъ. Совѣсть моя, какъ относительно моей работы, такъ и передъ Царемъ была чиста. Я продолжалъ, не глядя ни на что, Государя любить и всей душой порывался съ нимъ по-хорошему разстаться, откровенно, какъ на духу, повѣдать, что вынуждало меня покинуть министерскій постъ.

Побуждаемый подобными мыслями, я быстро приблизился къ Его Величеству, разговаривавшему съ Сазоновымъ и Хвостовымъ. Вставъ сзади нихъ и посмотрѣвъ на Государя, я рѣшилъ просить о предоставленіи мнѣ желанной аудіенціи лишь въ томъ случаѣ, если Его Величество на меня попрежнему взглянетъ своимъ привѣтливо-добрымъ взглядомъ. И этотъ счастливый для меня моментъ вскорѣ же наступилъ. Отвѣтъ получился добрый и милостивый. Пріемъ Государь мнѣ назначилъ въ тотъ же вечеръ, въ 9¼ час., послѣ обѣда, на который всѣ участники состоявшагося Совѣщанія получили Высочайшее приглашеніе. Великая тяжесть отъ сердца у меня отлегла — все обѣденное и послѣдующее до моего пріема время я чувствовалъ себя радостно и легко. Въ такомъ настроеніи я, въ назначенный часъ, вошелъ въ столь знакомый мнѣ скромный кабинетъ Государя.

Посаженный на свое обычное за письменнымъ столомъ мѣсто, я попросилъ у Его Величества разрѣшенія изложить ему откровенно все, что я считалъ нужнымъ для правдиваго освѣщенія происшедшихъ за послѣднее время исключительныхъ обстоятельствъ. Вкратцѣ напомнивъ Его Величеству ходъ пройденной мной продовольственной работы съ ея планами и достиженіями — работы, являвшейся основной осью моей министерской дѣятельности, я счелъ нужнымъ еще разъ обратить вниманіе Государя на главнѣйшія встрѣчавшіяся въ этой дѣятельности затрудненія, которыя происходили въ силу органической ея зависимости отъ распорядковъ въ другихъ министерствахъ. Послѣ этого, я перешелъ къ описанію обстоятельствъ моего вынужденнаго отказа отъ выступленія отъ имени правительства на Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта 21-го іюня.

Его Величество внимательно меня выслушалъ и, пристально на меня посмотрѣвъ, нѣкоторое время сидѣлъ молча, какъ бы о чемъ-то раздумывая, ни словомъ не обмолвившись по поводу происшедшаго у меня конфликта съ премьеромъ...

— Какъ ваше здоровье? — вдругъ вопрошаетъ меня Государь.. Невольно вспомнился мнѣ разсказъ генерала Алексѣева о Штюрмеровскомъ докладѣ Царю, гдѣ, видимо, немало было говорено о расшатанности моихъ нервовъ. Я отвѣтилъ Его Величеству, что здоровье мое зависѣло отъ общихъ условій моей крайне напряженной дѣятельности...

— Думается мнѣ, — откровенно отвѣтилъ я Царю, — что если бъ Ваше Императорское Величество соблаговолили создавшуюся вокругъ меня и извѣстную Вамъ нынѣ обстановку измѣнить въ такомъ направленіи, чтобы я могъ болѣе свободно и попрежнему продуктивно работать, я былъ бы въ силахъ снова съ той же энергіей вести свое во многомъ уже налаженное дѣло. Въ противномъ случаѣ, я окажусь не въ состояніи съ должной пользой продолжать свою дѣятельность, и тогда я почтительно просилъ бы меня отъ занимаемой должности освободить.

Государь довольно продолжительное время, видимо, что-то про себя обдумывая, молчалъ и усиленно курилъ. Затѣмъ тихимъ, слегка волнующимся голосомъ промолвилъ:

— Трудно мнѣ съ вами разстаться, ввиду вашей выдающейся дѣятельности и моего къ вамъ искренняго расположенія, но я самъ вижу, какъ тяжело вамъ при создавшихся условіяхъ работать. Мѣнять же эту обстановку я сейчасъ не могу... не имѣю въ виду. Между тѣмъ, я привыкъ къ вашимъ совѣтамъ и вашему сотрудничеству... Желалъ бы и впредь съ вами вмѣстѣ работать. — Сдѣлавъ небольшую паузу, Государь въ бо-

лёе рѣшительномъ тонѣ мнѣ заявляетъ: — Отъ министерской должности я васъ освобождаю и назначаю васъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ вы будете тоже полезны...

На это я замѣтилъ: — Ваше Величество! Да вѣдь я и теперь состою членомъ Государственнаго Совѣта по выборамъ! — А я — послышалось въ отвѣтъ — хочу, чтобы вы тамъ состояли по моему назначенію!

Подобный оборотъ дѣла съ моимъ уходомъ въ отставку оказался для меня совершенно непредвидѣннымъ, причинившимъ мнѣ впослѣдствіи немало осложненій во взаимоотношеніяхъ съ моими выборщиками, а также въ области собственной моей идеологіи и вынужденныхъ рѣшеній, о чемъ, вѣроятно, придется сказать нѣсколько ниже.

Объявивъ о моемъ назначеніи, Его Величество поднялся со своего мѣста, обошелъ вокругъ стола и подойдя ко мнѣ со словами благодарности за всю мою прежнюю службу, меня вдругъ обнялъ и поцѣловалъ. Сильно взволнованный подобнымъ трогательнымъ отношеніемъ ко мнѣ Государя и сознавая, что можетъ быть, въ послѣдній разъ я вижу своего Монарха, которому привыкъ говорить правду и котораго я, за время своей министерской службы, всегда стремился во имя общаго государственнаго блага направлять на путь сближенія съ здоровой общественной средой, я рѣшился еще разъ передъ окончательнымъ своимъ уходомъ изъ министровъ высказать Его Величеству искренній по тому же поводу совѣтъ, послѣ чего глубоко поклонился ему и вышелъ изъ кабинета.

Проходя по залѣ по направленію къ парадной лѣстницѣ, я услыхалъ сзади себя чьи-то шаги. Обернувшись, — къ немалому своему изумленію, увидалъ шедшаго ко мнѣ Государя. Пріостановившись у выходной двери, я всталъ лицомъ къ подходившему Николаю Александровичу, который, вплоть приблизившись ко мнѣ, взялъ обѣими руками меня за плечи, приподнялъ свою голову и съ замѣтно влажными отъ слезъ глазами меня вновь поцѣловалъ. Я самъ въ этотъ моментъ готовъ былъ расплакаться и, еле сдерживая подступавшія къ горлу слезы, успѣлъ лишь промолвить:

„Благодарю васъ, и какъ Государя... и какъ человѣка!"

Съ этими словами я быстро вышелъ и, сѣвъ въ автомобиль, направился къ вокзалу

Это былъ послѣдній разъ, что я видѣлся и говорилъ съ Государемъ Императоромъ. Его царственный незабываемый обликъ до сей поры встаетъ въ моей памяти такимъ, какимъ онъ мнѣ представился при прощальномъ послѣднемъ его появленіи в Могилевской залѣ. Грусть на блѣдномъ усталомъ лицѣ, слезы на рѣсницахъ прекрасныхъ, но далекихъ отъ міра житейскаго глазъ, что-то неизъяснимо свѣтлое и, вмѣстѣ съ темъ, фатально-покорное во всей повадкѣ и фигурѣ — вотъ то, что рисуется въ моемъ воображеніи, когда вспоминаешь послѣдняго Монарха Россіи. Хотѣлось бы навсегда запечатлѣть память о немъ не въ видѣ обыденнаго житейскаго портрета, а какъ иконный обликъ многострадальнаго Царя-Мученика.

Вернувшись послѣ описанной аудіенціи къ себѣ въ вагонъ, я засталъ тамъ немало своихъ, нынѣ уже „бывшихъ" коллегъ, которые не безъ нетерпѣнія поджидали моего возвращенія, интересуясь узнать о результатѣ моихъ съ царемъ переговоровъ. Вѣсть о моемъ уходѣ произвела среди нихъ волненіе. Отношеніе къ этому событію съ ихъ стороны проявлено было разное: одни одобряли и даже завидовали выпавшей на мою долю свободѣ, другіе, напротивъ, упрекали меня за мой поступокъ. Были и такіе, которые просто молчали, не высказываясь ни въ ту, ни въ другую сторону. Но то, что мною въ этотъ вечеръ занесено въ мой дневникъ, являлось для меня, очевидно, наиболѣе въ этомъ отношніи значительнымъ: „Гр. Игнатьевъ сказалъ министрамъ: вы не понимаете, кого мы лишаемся въ лицѣ Александра Николаевича, — живой связи съ Государственной Думой!" — Это я считалъ для себя наивысшей похвалой!..

Въ ту же нашу совмѣстную поѣздку обратно въ столицу, гр. Игнатьевъ, на предложеніе ѣхавшаго съ нами въ одномъ поѣздѣ премьера перенять отъ меня должность Министра Земледѣлія, заявилъ: — Отпустите меня соъсѣмъ изъ вашего кабинета,- но замѣнить А. Н. Наумова никогда не соглашусь!.

Только очутившись одинъ въ своемъ вагонномъ отдѣленіи, я осозналъ весь тотъ огромный житейскій сдвигъ, который совершился въ краткій вечерній часъ моей могилевской аудіенціи. Впереди меня ждала свобода отъ страшной сложности министерской работы, отъ никогда не покидавшихъ меня мучительныхъ думъ о жуткой передъ страной отвѣтственности. Этому всему наступалъ конецъ, впереди все было какъ будто бы просто и легко. Но это лишь такъ казалось. Внутри меня зарождались сложныя думы, чувствованія и предположенія, сплетавшіяся вокругъ одного ощущенія. Теперь, когда осуществилось мое желаніе, и я больше не былъ министромъ, становилось до боли въ сердцѣ жаль разставаться съ труднымъ, но большимъ потріотическимъ и ставшимъ близкимъ мнѣ дѣломъ продовольствія нашей доблестной арміи и роднего населенія. Сколько было вложено въ него моихъ усилій и заботъ!..

И снова вихремъ въ головѣ закружился рядъ мыслей и вопросовъ, не дававшихъ мнѣ покоя всю ночь и все утро 29-го числа, пока ко мнѣ, въ мой вагонъ, не заявился Штюрмеръ, одинъ видъ котораго меня сразу отрезвилъ и выбилъ изъ головы всѣ мои сожалѣнія. Вотъ когда почувствовалъ я все счастье полученной свободы, осознавъ, что отнынѣ ни съ нимъ, ни съ кѣмъ другимъ изъ его невыносимаго для меня сообщества я ничѣмъ больше не связанъ! При одной этой мысли я былъ готовъ забыть обо всемъ другомъ...

Какъ оказалось, пожелалъ меня видѣть премьеръ, чтобы поздравить съ назначеніемъ въ Государственный Совѣтъ.

Этотъ своеобразный господинъ со мной былъ милъ и привѣтливъ, какъ будто между нами ничего не произошло! Не мало времени отнялъ онъ у меня своими разспросами по продовольственному дѣлу, стараясь получить подсобныя свѣдѣнія о личномъ персоналѣ, обслуживавшемъ эту область и интересуясь сущностью намѣченныхъ мною мѣропріятій. Мнѣ невольно въ голову пришло, не собирается ли Штюрмеръ на самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ однажды объ этомъ обмолвился Треповъ, всю продовольственную область взять въ свои дряхлыя и негодныя руки?!.. При этой мысли мнѣ стало жутко, и я прекратилъ съ премьеромъ разговоръ на эту тему. Вскорѣ мы прибыли въ столицу и разстались, чтобы никогда съ нимъ больше не встрѣчаться.

Вѣсть о моемъ уходѣ произвела своей неожиданностью на всѣхъ вѣдомственныхъ моихъ сотрудниковъ „ошеломляющее", какъ значится въ моемъ дневникѣ, впечатлѣніе. Долженъ сознаться, не безъ грусти приходилось мнѣ разставаться съ людьми, съ которыми у меня сложились наилучшія отношенія, не только дѣловыя, но личныя.

Въ Петроградѣ меня ожидалъ невѣроятный сюрпризъ: Штюрмеръ, соединявшій въ то время въ своей персонѣ не только обязанности премьера, но и должность Министра Внутреннихъ Дѣлъ, находясь 28-го іюня въ Могилевѣ, вмѣстѣ со всѣми нами, министрами, въ Ставкѣ, и ни единымъ словомъ со мной, какъ Предсѣдателемъ Особаго Продовольственнаго Совѣщанія, не обмолвившись, имѣлъ у Государя спеціальный докладъ о предположенной имъ коренной реформѣ всего продовольственнаго снабженія и о передачѣ изъ Министерства Земледѣлія въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ всѣхъ операцій по борьбѣ съ дороговизной и всей остальной, неразрывно связанной съ этимъ вопросомъ, продовольственной организаціи.Означенный докладъ Штюрмера былъ изготовленъ въ тайникахъ его канцелярій, въ Совѣтѣ Министровъ не обсуждался, и мы о немъ узнали лишь послѣ нашего возвращенія въ столицу, куда Штюрмеръ уже вызвалъ Харьковскаго Губернатора кн. Н. Л. Оболенскаго, назначивъ его товарищемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ по борьбѣ съ дороговизной. Этотъ кн. Н. Л. Оболенскій принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ изъ моихъ продовольственныхъ уполномоченныхъ, дѣйствія которыхъ оставляли многаго желать. Ни я, ни мои ближайшіе помощники не были освѣдомлены о подробностяхъ Штюрмеровской реформы продовольственнаго дѣла, вплоть до 1-го іюля, когда вдругъ была получена на это число повѣстка, съ вызовомъ меня на экстренное засѣданіе Совѣта Министровъ для обсужденія вопроса объ организаціи особаго комитета по борьбѣ съ дороговизной. Я, какъ получившій отъ Государя отпускъ, да еще покидающій министерскій постъ, заявилъ по телефону Штюрмеру о своемъ отказѣ при-

быть на засѣданіе, обѣщавъ, вмѣсто себя послать на него Товарища Министра Глинку...

Я, конечно, былъ сильно позмущенъ всей этой подпольной и вредоносной дѣятельностью Штюрмера, которая лишній разъ убѣдила меня въ своевременности моего ухода. Я понялъ и причину той живой заинтересованности къ продовольственному дѣлу, которую проявилъ премьеръ при обратной нашей поѣздкѣ 29-го іюня изъ Ставки въ столицу.

Изъ всей предпринятой Штюрмеромъ затѣи я ничего добраго для дѣла не ожидалъ, предвидя на почвѣ подобнаго вторженія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ налаженную продовольственную организацію только еще большія затрудненія въ работѣ Особого Продовольственнаго Совѣщанія. Мои предположенія оправдались, и все это рекламное Штюрмеровское новшество, включая и Оболенскаго, потерпѣло полное фіаско...

Вернувшись изъ Ставки въ Петроградъ, я поспѣшилъ, согласно разрѣшенію Государя, сдать должность своему обычному замѣстителю А. А. Риттиху, такъ какъ собирался уѣхать къ себѣ на Волгу 1-го іюля. Свадьба нашей дочери Маріи была назначена въ с. Головкинѣ на шестое, о чемъ зналъ и самъ Государь, разрѣшившій мнѣ немедленно же взять отпускъ, не ожидая назначенія преемника на оставляемый мною постъ.

Несмотря на высказанный при этомъ Его Величеству мой совѣтъ, какъ можно скорѣе назначить новаго Министра, имѣя въ виду спѣшность продовольственныхъ работъ, я былъ замѣщенъ гр. Бобринскимъ только спустя почти цѣлый мѣсяцъ. Это дало поводъ Штюрмеру распространять слухъ, что о мѣсячной отсрочкѣ замѣны меня другимъ лицомъ я самъ ходатайствовалъ передъ Его Величествомъ, въ разсчетѣ получить за этотъ срокъ свое министерское жалованье. Объ этой сплетнѣ потомъ разсказывали мнѣ предсѣдатель Государственнаго Совѣта А. Н. Куломзинъ, кн. В. М. Волконскій и многіе другіе, въ томъ числѣ А. А. Риттихъ, который съ моего согласія помѣстилъ въ газетахъ замѣтку о томъ, что іюльское свое жалованье Министръ Земледѣлія передалъ на нужды министерской церкви. Тотъ же милѣйшій Александръ Александровичъ, до глубины души возмущенный Штюрмеровскими обо мнѣ сплетнями, совѣтовалъ тогда оповѣстить газетныя редакціи также и о томъ, что, передъ уходомъ изъ министровъ, я, 1-го іюля, возвратилъ Государственному Казначейству тѣ шесть тысячъ рублей, которые министрамъ были выданы изъ 10-тимилліоннаго фонда, по случаю дороговизны жизни. Я попросилъ Риттиха этого не дѣлать.

За два дня, что мнѣ пришлось еще пробыть въ столицѣ, послѣ возвращенія моего изъ Ставки и до отъѣзда въ Голов-

кино, на положеніи „уходящаго министра", мои сотрудники, министерскіе и продовольственные, проявили столько единодушія въ выраженіи мнѣ симпатіи и сожалѣнія объ моемъ уходѣ, что я былъ тронутъ до глубины души, и до сихъ поръ не могу вспомнить о нихъ безъ чувства искренней имъ всѣмъ признательности.

Особенно запечатлѣлись въ моей памяти тѣ теплыя проводы, которыя, спустя почти мѣсяцъ (2-го августа) послѣ оставленія мною должности, были мнѣ устроены всѣми моими бывшими сослуживцами по Министерству Земледѣлія и сотрудниками по управленію дѣлами Особаго Продовольственнаго Совѣщанія.

Тридцать пять чиновъ бывшаго моего вѣдомства чествовали меня у Донона обѣдомъ, на которомъ было произнесено по моему адресу столько добраго и хорошаго, что этотъ моментъ является и понынѣ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ воспоминаній моей жизни и лучшей наградой за время моей министерской службы. Особо прочувствованныя рѣчи сказаны были тремя товарищами министра, а также Кошко и Чиркинымъ. Называли меня, какъ отмѣчено въ моемъ дневникѣ, — и „богатыремъ", и „Микулой Селяниновичемъ" и „свѣтлымъ мощнымъ рыцаремъ", отмѣчали установившееся между мной и моими подчиненными „полное взаимное пониманіе и сердечное объединеніе"...

И. И. Тхоржевскій, вѣрный своему таланту, сказалъ вызвавшій общее одобреніе, нынѣ имъ самимъ для меня возстановленный, экспромтъ такого содержанія:

Изъ скромной норки „Трехугольной"*
Вернувшись въ вашъ широкій кругъ,
Радъ подхватить я рифмой вольной,
Что прозой высказалъ мой другъ.**

Трудясь — и страстно, и серьезно, —
Вы были пламеннымъ бойцомъ!
Царю служили честно, грозно,
Съ открытымъ сердцемъ и лицомъ.

И, забывая грани службы,
Мы, рядовые, шлемъ вамъ вслѣдъ
Дань благодарности и дружбы,
Дань уваженья — и привѣтъ!

Закончилось это чествованіе поднесеніемъ мнѣ двухъ адресовъ: отъ чиновъ Министерства Земледѣлія и отъ служащихъ въ Управленіи Особаго Продовольственнаго Совѣщанія.

* Въ то время Тхоржевскій состоялъ на частной службѣ въ Обществѣ „Треугольникъ".
** А. А. Риттихъ.

Копія послѣдняго какимъ-то чудомъ* въ моихъ бумагахъ уцѣлѣла. Считаю умѣстнымъ текстъ полностью воспроизвести:

„Древній мудрецъ задалъ вопросъ молодому знаменитому современнику: „Вотъ передъ тобой три жребія жизни: первый — богатство Креза, второй — любовь красивѣйшей въ мірѣ женщины, съ которой въ красотѣ не могла бы поспорить сама прекрасная Елена, и третій — гусли-самогуды. Отъ тебя зависитъ выбрать любое. Блестящій юноша выбралъ послѣднее. Излишнее богатство сдѣлаетъ меня зависимымъ; красивѣйшая женщина состарится, и красота ея пропадетъ, а гусли-самогуды — это чудное напряженіе нервовъ, которое, творя въ области мысли, всегда доставитъ высочайшее наслажденіе человѣку, приближая его къ божеству.

„Съ незапамятныхъ временъ человѣчество живетъ, представляя собой разновидности, изъ которыхъ каждая сдѣлала выборъ между этими тремя жребіями, названными древнимъ мудрецомъ.

„Золото увлекло за собой огромную массу сильныхъ порою, но тупыхъ людей, женская красота поработила другихъ, и лишь немногіе взяли себѣ гусли-самогуды.

„Однако, все человѣчество, во всѣ времена, прислушивалось къ чарующимъ звукамъ этихъ гуслей, и подъ ихъ ритмъ слагалась сама жизнь. Въ особые же моменты даже звонъ золота не въ силахъ былъ оторвать человѣчество отъ ихъ музыки, и красивѣйшая женщина плакала порою, наслаждаясь ихъ дивной мелодіей.

„И никогда еще съ тѣхъ поръ, какъ создался міръ, властные звуки гуслей-самогудовъ не были слышны такъ далеко, когда почта, телеграфъ, телефонъ и печатный листъ разносятъ ихъ повсюду, и никакое разстояніе не можетъ уменьшить ихъ обаянія и силы.

„Завиденъ жребій гусляра-пѣвца. Но чѣмъ могущественнѣе его пѣснь, тѣмъ отчаяннѣе врагъ стремится порвать струны божественныхъ гуслей, и невѣдомыя силы усѣиваютъ терніями и шипами путь гусляра.

„Какъ восточная сказочница Шехеразада, онъ долженъ напрягать всѣ силы своего ума и воли, чтобы звуками гуслей-самогудовъ развѣять власть этихъ темныхъ силъ...

„Безъ колебаній сравнивая Васъ, глубокоуважаемый Александръ Николаевичъ, съ благороднѣйшимъ юношей, избравшимъ творческую мысль своимъ жребіемъ жизни и, являясь свидѣтелями удивительной силы свободнаго духа, проявленной Вами въ переживаемый моментъ на пользу великой родины и на благо всего русскаго народа, мои товарищи по служ-

* Всѣ подлинные адреса, фотографическія группы и пр. хранились послѣ революціоннаго большевистскаго переворота 1917 года у моего московскаго довѣреннаго Алексѣя Алексѣевича Семенова, о которомъ съ 1929 г. нѣтъ никакихъ извѣстій. Слухъ дошелъ, что бѣдный старикъ, заключенный большевиками въ тюрьму въ 1930 году, отдалъ Господу Богу свою душу.

бѣ въ Управленіи дѣлами Особаго Продовольственнаго Совѣщанія уполномочили меня передать Вамъ душевный привѣтъ и выраженіе истиннаго восторга, что судьбѣ было угодно дать намъ возможность участвовать съ Вами въ Вашей благородной и плодотворной работѣ. Если правда, что даромъ ничего не дается, судьба жертвъ искупительныхъ проситъ, то мы еще болѣе вѣримъ также пророческимъ словамъ поэта: чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче, чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ.

„Желая успѣха въ дальнѣйшихъ трудахъ Вашихъ, которыхъ отъ Васъ попрежнему будетъ ждать страна, мы позволяемъ себѣ просить Васъ и въ дальнѣйшей Вашей дѣятельности вспомнить иногда ту малую семью, которая зовется Управленіемъ дѣлами Особаго Совѣщанія. Она была допущена быть къ Вамъ близкой и сохранитъ о Васъ самую свѣтлую память, какъ о прекрасномъ человѣкѣ, „который дѣлъ своихъ цѣною злата не взвѣшивалъ, не продавалъ, не ухищрялся противъ брата и на врага не клеветалъ".

2 августа 1916 года. А. Петровъ (слѣд. подписи).

До отъѣзда 1-го іюля изъ Петрограда я, съ помощью моего секретаря, срочно разбиралъ груду накопившихся бумагъ и въ то же время отбивался отъ осаждавшихъ меня многочисленныхъ газетныхъ интервьюеровъ, которымъ я категорически отказывался что-либо сообщать о причинахъ моего ухода. Несмотря на это, они умудрялись заполнять длиннѣйшіе газетные столбцы своими редакціонными соображеніями и предположеніями.

Изъ этихъ статей мой секретарь Загорскій сброшюровалъ цѣлый объемистый альбомъ, представлявшій для меня несомнѣнный интересъ. При этомъ, весь этотъ газетный матерьялъ, касавшійся моей отставки и оцѣнки моей министерской дѣятельности, былъ, въ общемъ, для меня весьма благопріятнымъ.

Изо всей массы газетныхъ отголосковъ чудомъ уцѣлѣли и имѣются у меня подъ руками нѣкоторыя вырѣзки, случайно попавшія среди немногочисленныхъ бумагъ, захваченныхъ мною при спѣшной эвакуаціи изъ Крыма.

Я привожу наиболѣе интересныя изъ нихъ.

Въ номерѣ отъ 1-го іюля 1916 года, въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ въ Россіи газетъ, „Русское Слово", жирнымъ шрифтомъ отпечатанъ заголовокъ: „Уходъ А. Н. Наумова, Министра Земледѣлія".

— „Въ Государственной Думѣ А. Н. Наумовъ встрѣчалъ къ себѣ, наравнѣ съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія гр. П. Н. Игнатьевымъ, очень благожелательное отношеніе, которое нѣсколько разъ проявлялось особенно ярко при выступленіи А. Н. Наумова съ думской трибуны. За послѣднее время много говорили о недовольствѣ А. Н. Наумовымъ и его тактикой въ примѣненіи твердыхъ цѣнъ на продукты со стороны вліятельныхъ аграрныхъ круговъ, въ частности аграріевъ Государственнаго Совѣта......

Слѣдующія двѣ вырѣзки, судя по шрифту, повидимому, принадлежатъ „Утру Россіи" и „Русскимъ Вѣдомостямъ".

Въ первой говорится: — „Уходящій Министръ Земледѣлія проявилъ себя за всѣ семь мѣсяцевъ своего пребыванія во главѣ „зеленаго вѣдомства" человѣкомъ того традиціоннаго такта, который сталъ своего рода обязательствомъ для преемниковъ Статсъ-Секретаря Кривошеина. А. Н. Наумовъ не упускалъ ни единаго случая, чтобы не подчеркнуть своего доброжелательнаго отношенія къ сотрудничеству съ общественными силами. У всѣхъ въ памяти добрыя взаимоотношенія, создавшіяся между Министромъ и Государственной Думой. Членъ Государственнаго Совѣта по избранію Самарскаго земства являлся въ составѣ кабинета Б. В. Штюрмера, по существу, едва ли не единственнымъ общественнымъ элементомъ. Сейчасъ, понятно, неподходящій моментъ подводить оцѣнку дѣловымъ качествамъ уходящаго Министра и опредѣлять, въ какой мѣрѣ плодотворнымъ было сотрудничество въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ дѣятелей типа А. Н. Наумова и Г. В. Глинки. Но надо признать, что, каковы бы ни были личныя качества и личная энергія любого Министра Зеледѣлія, у него нѣтъ и не могло быть ни той полноты власти, ни того авторитетнаго исполнительнаго аппарата на мѣстахъ, безъ котораго дѣятельность завѣдывающаго продовольственнымъ дѣломъ Имперіи заранѣе обрекалась на неуспѣхъ. Сознавалъ это, по слухамъ, и самъ А. Н. Наумовъ, выдвигая проектъ созданія особаго Министерства Снабженія страны всѣми необходимыми продуктами за исключеніемъ предметовъ военнаго снаряженія"...

Въ послѣдней, имѣющейся въ моемъ распоряженіи, газетной вырѣзкѣ значится: — „Уходъ Министра Земледѣлія А. Н. Наумова не является неожиданностью и не случайно совпадаетъ какъ разъ съ тѣмъ моментомъ, когда въ правительственных кругах вновь усиленно заговорили о необходимости начать борьбу съ общественными силами и союзами, работающими на защиту страны. Далекій отъ тенденцій либерализма, — достаточно вспомнить, что онъ входитъ въ группу правыхъ Государственнаго Совѣта, — бывшій Министръ Земледѣлія являлся все же въ кабинетѣ Штюрмера представителемъ, хоть и не ярко выраженной, но общественной струи. Съ печальныхъ дней весны прошлого года было сдѣлано нѣсколько попытокъ влить эти струи въ чисто-бюрократическія воды. Но опыты эти неизмѣнно терпѣли крушеніе, и уходъ А. Н. Наумова, это ликвидація чуть ли не послѣдняго такого опыта. Недавно, за нѣсколько дней до отставки А. Н. Наумова, въ печати появилась бесѣда съ нимъ на злободневную тему о роли общественности. Сопоставленіе высказанныхъ въ этой бесѣдѣ взглядовъ съ послѣдними выступленіями оффиціальныхъ и правыхъ офи-

ціозныхъ сферъ очень ярко подчеркиваетъ изолированность Наумова среди кабинетскаго большинства.

Министръ Земледѣлія, человѣкъ съ почтеннымъ общественнымъ стажемъ и одинъ изъ немногихъ русскихъ министровъ, успѣвшихъ завоевать извѣстное довѣріе нашей палаты народныхъ представителей, рѣзко подчеркнулъ въ своей бесѣдѣ, что, по его убѣжденію, правительству, безъ поддержки общественныхъ организацій, не справиться съ продовольственнымъ кризисомъ. Поэтому, по мнѣнію Министра, необходимо установить довѣрчивыя отношенія сотрудничества правительственныхъ органовъ. И установленіе подобныхъ отношеній, по убѣжденію г. Наумова, вполнѣ возможно, но для этого необходимо, чтобы правительство отказалось отъ своей политики недовѣрія къ органамъ самоуправленія и общественнымъ организаціямъ. Разъ только подозрѣнія исчезнутъ, сговориться той и другой сторонамъ будетъ не трудно. Совершенно очевидно, что подобная декларація Министра Земледѣлія рѣзко противорѣчитъ всему курсу политики г. Штюрмера, который идетъ послѣдовательно по стопамъ г. Хвостова и стремится окончательно взять продовольственное дѣло въ руки Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Вновь возродился классическій проектъ накормить Россію „досыта" путемъ губернаторскихъ и градоначальническихъ обязательныхъ постановленій, опирающихся на твердую и нигдѣ не стѣсненную власть губернской администраціи. Губернаторъ еще разъ является понацеей отъ всѣхъ бѣдъ дороговизны и разстройства внутренней жизни страны. Г. Штюрмеръ остался, такимъ образомъ, вѣрнымъ исконной бюрократической традиціи: ни событія войны, ни опытъ прошлаго не научили его и его единомышленниковъ справа ничему! Впрочемъ, г. Штюрмеръ не одинокъ въ своихъ разногласіяхъ съ бывшимъ Министромъ Земледѣлія. Противъ г. Наумова говоритъ не только бюрократическая традиція, но и стоящая за спиной сильныхъ міра сего россійская плутократія. Продовольственной политикой г. Наумова, и особенно его твердыми цѣнами, оказались весьма недовольны гг. землевладѣльцы и торговые люди, которые еще недавно на съѣздѣ подняли такой дружный шумъ противъ „стѣсненій" русской коммерціи и внушали г. Наумову и его вѣдомству столь любезныя имъ мысли насчетъ „свободы:, торговли и прочихъ „свободъ" по части наживы и эксплуатаціи обывателя. Въ интересныхъ разъясненіяхъ Министерства Земледѣлія дана была у насъ вчера картина борьбы вѣдомства со спекуляціей сахарозаводчиковъ, вскрывающая весьма любопытныя отношенія изъ области „сахарнаго" патріотизма. Гг. сахарозаводчики, не менѣе гг. торговцевъ и русскихъ аграріевъ, имѣютъ всѣ основанія быть недовольными Министромъ Земледѣлія. И, несмотря на то, что твердыя цѣны г. Наумова были установлены къ явной выгодѣ гг. сахарныхъ и иныхъ спекулянтовъ, непомѣрные аппетиты мародеровъ тыла заставили ихъ всѣми правдами и неправдами вести борьбу съ твердыми цѣнами.

Вся совокупность указанныхъ обстоятельствъ придаетъ уходу г. Наумова крупный общественный интересъ. Г. Наумовъ пришелся со своими общественными симпатіями не ко двору чисто-бюрократическаго кабинета, не угоденъ оказался онъ и тѣмъ, кто, не взирая не бѣдствія войны, не можетъ поставить интересы родины выше интересовъ своего кармана и самой беззастѣнчивой наживы, и Министру Земледѣлія пришлось очистить свой постъ"...

Въ томъ же номерѣ московской газеты „Русское Слово" отъ 1-го іюля 1916 года, гдѣ были высказаны редакціонныя мысли и предположенія по поводу моего ухода изъ Министровъ, напечатана статья, озаглавленная: „Министерство Земледѣлія и продовольственное дѣло", дающая общую картину „положенія продовольственнаго дѣла въ Имперіи и дѣятельности въ этой области Министерства Земледѣлія".

Происхожденіе этой статьи было таково: лишенный возможности 21-го іюня, съ трибуны Государственнаго Совѣта, познакомить его членовъ и все русское общество съ общей постановкой продовольственнаго дѣла въ странѣ, съ уже достигнутыми въ этой области результатами и намѣченнымъ дальнѣйшимъ планомъ снабженія, я рѣшилъ то, что я имѣлъ намѣреніе публично сказать въ открытомъ засѣданіи Общаго Собранія верхней палаты, сообщить, въ краткомъ конспективномъ видѣ, редакціямъ наиболѣе авторитетныхъ и распространенныхъ въ Россіи газетъ, и передъ выѣздомъ моимъ на могилевское экстренное совѣщаніе 28-го іюня, далъ журналистамъ интервью.

Вернувшись 29-го того же мѣсяца въ Петроградъ, ввиду ухода моего со службы, я счелъ неудобнымъ, чтобы это интервью было помѣщено отъ моего лица, какъ Министра, вслѣдствіе чего, черезъ посредство Н. А. Гаврилова, я принялъ къ тому мѣры. Редакціи согласились напечатать полученныя ими данныя не отъ моего имени, а какъ добытыя изъ „освѣдомленныхъ источниковъ Министерства Земледѣлія".

1-го іюля во всѣхъ наиболѣе видныхъ петроградскихъ и московскихъ органахъ періодической печати появилось то, что я считаю небезынтереснымъ помѣстить теперь въ моихъ воспоминаніяхъ, пользуясь уцѣлѣвшей газетной вырѣзкой изъ „Русскаго Слова". Все то, что въ копіи съ нея будетъ помѣщено мною здѣсь, появилось одновременно въ томъ же самомъ видѣ во всѣхъ остальныхъ крупныхъ русскихъ газетахъ, чему я былъ несказанно радъ, такъ какъ, хотя и косвеннымъ путемъ, но все же до нѣкоторой степени добился своего, оповѣстивъ urbi et orbi о положительныхъ результатахъ моей продовольственной дѣятельности, и тѣмъ самымъ далъ всей странѣ отчетъ о моей министерской службѣ.

Помѣщенныя 1-го іюля 1916 года во многихъ газетахъ данныя о положеніи продовольственнаго дѣла достаточно ясно и доказательно говорятъ, насколько несвоевременнымъ и

неумѣстнымъ являлся конфиденціально обставленный всеподданѣйшій докладъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Штюрмера о ломкѣ всей, установленной мною, совмѣстно съ Особымъ Совѣщаніемъ, системы продовольственнаго снабженія и проектъ передачи послѣдняго въ завѣдываніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Воспроизвожу здѣсь точную копію имѣющейся въ моемъ распоряженіи газетной вырѣзки изъ „Русскаго Слова" отъ 1-го іюля 1916 года:

„Министерство Земледѣлія и продовольственное дѣло"

„Одинъ изъ главныхъ руководителей вѣдомства Министерства Земледѣлія, въ бесѣдѣ съ нашимъ корреспондентомъ, сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія о положеніи продовольственнаго дѣла въ Имперіи въ настоящее время и о дѣятельности въ этой области Министерства Земледѣлія.

Запасы хлѣба. — По общему вопросу, естественно интересующему всю Имперію, о состояніи продовольственнаго дѣла могу заявить, — сказалъ нашъ собесѣдникъ, — что хлѣба въ Имперіи имѣется совершенно достаточное количество, которое обезпечиваетъ въ полной мѣрѣ потребности арміи и населенія. Отъ урожая прошедшаго года, который исчисляется приблизительно въ 4 миллиарда 300 милліоновъ пудовъ, за удовлетвореніемъ потребностей населенія въ хлѣбѣ въ 3½ миллиарда пудовъ, остатокъ составляетъ около 800 милліоновъ пудовъ. Отъ урожая прошлыхъ лѣтъ осталось около 500 милліоновъ пудовъ. Такимъ образомъ, всего, ко времени сбора урожая текущаго года, остатокъ хлѣба въ Имперіи можетъ быть опредѣленъ въ 1.300.000.000 пудовъ. Заготовка Министерства Земледѣлія для арміи и населенія изъ урожаевъ послѣднихъ двухъ лѣтъ составляетъ до 800 милліоновъ пудовъ. Если даже допустить, что эти 800 милліоновъ пудовъ хлѣба должны быть цѣликомъ отнесены за счетъ вызваннаго войной увеличенія потребленія хлѣба въ Имперіи, то и тогда свободный остатокъ хлѣба составитъ не менѣе 500 милліоновъ пудовъ.

Собираемыя Министерствомъ Земледѣлія свѣдѣнія о состояніи посѣвовъ позволяютъ надѣяться, что урожай текущаго года будетъ выше средняго, т. е., во всякомъ случаѣ, при сокращеніи посѣвной площади, все же превыситъ 4 милліарда пудовъ, что при потребленіи 3½ милліардовъ дастъ вмѣстѣ съ прежнимъ остаткомъ, въ общемъ, свободный запасъ въ милліардъ пудовъ. Изъ этого количества заготовка Министерствомъ Земледѣлія для арміи и населенія на періодъ 1916-17 г.г. исчисляется въ 500 милліоновъ пудовъ. Такимъ образомъ, за покрытіемъ не только всѣхъ потребностей, но и съ образованіемъ крупныхъ правительственныхъ запасовъ, чистый свободный остатокъ хлѣба въ Имперіи будетъ не менѣе полумилліарда пудовъ.

Мясной вопросъ: — Слѣдуетъ ожидать недостатка въ снабженіи населенія мясомъ. Но и здѣсь не можетъ быть и рѣчи о призракѣ голода, и въ самомъ плохомъ случаѣ населенію придется примириться съ необходимостью переносить нѣкоторыя лишенія. Это уже признано арміей, гдѣ уменьшена мясная порція. Тѣмъ больше можетъ государство потребовать этого отъ населенія, ибо мясной капиталъ, во имя интересовъ всей страны, необходимо беречь. Прежде всего, были приняты мѣры для болѣе равномѣрнаго использованія имѣющихся запасовъ мяса. Для этого Министерство Земледѣлія обратилось ко всѣмъ земствамъ съ просьбой о сотрудничествѣ въ распредѣленіи по губерніямъ того количества мяса, которое необходимо заготовлять для арміи и населенія. Привлекая для такого важнаго государственнаго дѣла земства, Министерство Земледѣлія далеко было отъ мысли, такимъ образомъ, переложить отвѣтственность съ вѣдомства на земства. Общее руководство остается попрежнему за Особымъ Продовольственнымъ Совѣщаніемъ. Всѣ земства откликнулись на приглашеніе вѣдомства, и уже первые результаты показываютъ, насколько правильна была мысль о привлеченіи ихъ къ этому важному дѣлу. Остается въ настоящую минуту лишь благодарить земства за оказываемое ими энергичное содѣйствіе.

Потребленіе овощей. — Въ числѣ другихъ мѣръ, которыя приняты вѣдомствомъ для улучшенія питанія Имперіи, была и забота о развитіи потребленія овощей. Съ этой цѣлью за время войны значительно увеличилась площадь земли, отведенной подъ огороды. Всего въ настоящее время по 28-ми губерніямъ подъ огородами находится 200.000 десятинъ.

Сахаръ. — Установленная 9-го октября 1915 года твердая цѣна вполнѣ отвѣчала желаніямъ сахарозаводчиковъ и считалась ими выгодной. Особое Совѣщаніе, примѣняя въ октябрѣ нѣсколько преувеличенныя цѣны, имѣло въ виду возможное повышеніе стоимости производства сахара въ будущемъ. Однако, въ ближайшее же время обнаружилась тенденція сахарозаводчиковъ къ дальнѣйшему повышенію цѣнъ. Неуклонно и постепенно на рынкѣ стала все въ большей степени проявляться раздвоенность цѣнъ, твердой и вольной, при постепенномъ ростѣ послѣдней. При такомъ положеніи вещей, достать продуктъ по твердой цѣнѣ оказалось невозможно, такъ какъ спекулянты принимали всѣ мѣры къ сокрытію сахара и къ задержанію его подвоза на желѣзнодорожныя станціи. Тогда Особое Совѣщаніе стало вести борьбу съ раздвоенностью цѣнъ и стремиться создать такія условія, при которыхъ полученіе продуктовъ по твердымъ цѣнамъ сдѣлалось бы дѣйствительно невозможнымъ. Повысивъ цѣны на сахаръ-рафинадъ, Особое Совѣщаніе примѣнило ко всѣмъ перевозкамъ сахара разрѣшительную систему на адреса уполномоченныхъ районовъ потребленія. Но сахарозаводчики стали обходить это ограниченіе путемъ принявшаго массовый характеръ вывоза сахара съ заводовъ гужомъ. Послѣ всего этого, пришлось прибѣгнуть къ радикальнымъ мѣрамъ, — къ допущенію пропуска

сахара съ заводовъ не иначе, какъ съ разрѣшенія центральнаго бюро, учрежденнаго въ Кіевѣ Особымъ Совѣщаніемъ и къ устраненію разсчета покупателей съ заводами. Установленъ обязательный порядокъ покупокъ черезъ это центральное бюро, которое само разсчитывается съ заводами, т. е. была введена фактически сахарная монополія.

Въ связи съ принятыми мѣрами, явилась необходимость организаціи равномѣрнаго распредѣленія сахара, что возможно лишь на началахъ государственнаго регулированія по составленному Особымъ Совѣщаніемъ плану. Установленныя твердыя цѣны и принятыя мѣры, какъ думается, предупредили опасность повышенія цѣнъ на сахаръ до невѣроятныхъ размѣровъ въ ближайшемъ будущемъ. Если исходить изъ нынѣшняго потребленія сахара, то на будущій годъ для всей Имперіи необходимо будетъ 96 милліоновъ пудовъ, между тѣмъ выработано будетъ только 85 милліоновъ пудовъ. При такихъ условіяхъ несомнѣнно, что и въ будущемъ придется распредѣленіе сахара въ Имперіи регулировать распоряженіемъ правительства.

Соль. — Относительно снабженія населенія солью, въ настоящее время приняты всѣ необходимыя мѣры, и едва ли слѣдуетъ ожидать затрудненія въ обезпеченіи населенія этимъ продуктомъ. Для урегулированія дѣла, вся соль, добытая въ Пермскомъ районѣ, около 14 милліоновъ пудовъ, уже закуплена казной черезъ уполномоченнаго и доставляется въ нуждающіеся районы.

Дороговизна. — Спекулятивные аппетиты во всѣхъ областяхъ рынка безграничны. Особое Совѣщаніе по продовольственному дѣлу дѣлаетъ въ этомъ вопросѣ все возможное въ областяхъ, доступныхъ его вліянію. Являясь главнымъ оптовымъ покупателемъ хлѣба и мяса и имѣя возможность путемъ твердыхъ цѣнъ регулировать оптовую стоимость продуктовъ, Министерство Земледѣлія уже совершаетъ очень крупный шагъ въ смыслѣ борьбы съ дороговизной. Заниматься мелочной, такъ сказать, раздробительной продажей продуктовъ Министерство не въ состояніи. Это уже сфера дѣятельности городовъ, земствъ, кооперативовъ и другихъ мѣстныхъ организацій. Во всякомъ случаѣ, нѣсколько сдержать развитіе дороговизны пищевыхъ продуктовъ Особое Совѣщаніе по продовольствію можетъ, только благодаря именно твердымъ цѣнамъ и праву реквизировать необходимые продукты, въ случаѣ нарушенія этихъ цѣнъ. О необходимости твердыхъ цѣнъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Нынѣшнее время есть время лишеній и жертвъ. О нормальной свободѣ рынка говорить нельзя, и всѣ государства принимаютъ мѣры для того, чтобы упорядочить вопросъ продовольствія и рыночныя цѣны.

Сельское хозяйство. — Естественно, что война въ сильнѣйшей степени повліяла на сельскохозяйственную промышлнность, и мѣропріятія Министерства Земледѣлія были направлены къ тому, чтобы по возможности уменьшить вліяніе войны на народное хозяйство. Въ этомъ направленіи, въ области сельскаго хозяйства, при энергичномъ содѣйствіи земскихъ и общественныхъ учрежденій и самого населенія, удалось достичь немалыхъ результатовъ для возмѣщенія различными способами убыли рабочихъ рукъ, замѣны ручного труда механическимъ, и т. п. Съ особымъ вниманіемъ слѣдуетъ остановиться на томъ, что сдѣлала въ это время русская женщина, эта великая сила нашей страны. Женщина замѣнила мужчину въ сельскомъ хозяйствѣ и работаетъ съ полнымъ успѣхомъ. Она пашетъ, обрабатываетъ поле, воздѣлываетъ огородъ, ведетъ все хозяйство, неустанно работаетъ, полная самоотверженнаго труда. Надо преклониться передъ заслугами русской женщины въ настоящее трудное время".

Вечеромъ, 1-го іюля 1916 года, провожаемый всѣми своими сослуживцами по Министерству, я, послѣ своихъ поѣздокъ въ министерскихъ вагонахъ, снова въ качествѣ „свободнаго гражданина", усѣлся въ скромное купе симбирскаго вагона „прямого сообщенія" и, тепло простившись съ дорогими для меня людьми, тронулся въ путь, въ свое благословенное Головкино....

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ

Приложеніе.

Стенографическій отчетъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Четвертый созывъ.

Сессія 4. Засѣданіе двадцать третье

Четвергъ, 18 февраля 1916 г.

Стр. 1831 - 1856

Министръ Земледѣлія А. Н. Наумовъ. Гг. Члены Государственной Думы. Ввиду исключительной важности тѣхъ вопросовъ, которые затронуты подписавшими ихъ, я счелъ своимъ срочнымъ долгомъ отозваться нынѣ-же, въ мѣрѣ тѣхъ данныхъ, которыми я располагаю и которыя буду имѣть честь сейчасъ Вамъ представить. (Голоса: правильно). Я не стану говорить вамъ, гг., о той сложности всей нашей сельскохозяйственной жизни, которая создалась условіями необычайными, которыя переживаетъ въ настоящее время наша страна; масштабъ войны исключительный, небывалый, безпримѣрный. Земледѣліе же все-таки — основа нашей мощи, съ этимъ надо считаться, и я лично привѣтствую, что Государственная Дума своей первой очередной задачей поставила именно этотъ вопросъ. Вступая въ ряды министерства, я, гг., прежде всего исповѣдывалъ одно, что то или другое состояніе тыла должно отражаться соотвѣтствующимъ образомъ на настроеніи нашей доблестной арміи. (Голоса: правильно). Я считаю, гг., что связь тыла и арміи въ настоящее время такова, что, надо сказать, въ настоящее время происходитъ борьба не армій, а народовъ. (Голоса: вѣрно). Гг.,малѣйшее нарушеніе этой органической связи несомнѣнно отзывается на успѣхахъ нашего доблестнаго оружія и придти на помощь дѣлу упорядоченія этой связи — наша святая обязанность. Здѣсь многими лицами говорилось объ этомъ, со многимъ изъ того, что было сказано, по отношенію общаго настроенія и учета настроенія, я долженъ согласиться. Такъ вотъ, если мы примемъ во вниманіе, гг., что вѣдомству земледѣлія поручено дѣло продовольствія арміи, которое потомъ разрослось въ продовольствіе тыла и населенія, если вы учтете, что вѣдомство земледѣлія должно обезпечить дѣйствительно добычу продуктовъ не только въ данный моментъ, но и на будущее, то передъ вами встанетъ картина огромной, я скажу жуткой отвѣтственности вѣдомства земледѣлія. Но одно могу вамъ сказать, что тѣхъ традицій вѣдомства, которыя я получилъ отъ моего глубокоуважаемаго предшественника Александра Васильевича Кривошеина, я ихъ свято держусь, я ихъ держусь кровно и иначе не могу себѣ представить, — я, изстари, съ университетской скамьи, общественный земскій дѣятель и не могу себѣ представить правительства одинокимъ; я никогда отвѣтственности не боялся, но всегда искалъ искренняго дѣлового сотрудничества, помогите, гг., мнѣ вашей критикой, но критикой, гг., содѣйствующей, а не обособленной. (Милюковъ: вы одиноки въ правительствѣ). Въ вопросѣ написано: все ли сдѣлано? Гг., само собою разумѣется, не все. Въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ. Я постараюсь только вамъ сказать то, что именно вѣдомствомъ сдѣлано въ отношеніи разрѣшенія вопросовъ, которыми заинтересовалась Дума, и, между прочимъ, относительно сокращенія посѣвной площади. Но все то, что я буду имѣть честь вамъ сейчасъ говорить, все это несомнѣнно не будетъ матеріаломъ исчерпывающимъ. По многимъ обстоятельствамъ, о которыхъ, вы, вѣроятно, сами знаете, это входитъ отчасти въ область нашей военной государственной тайны, ибо дѣятельность наша тѣсно связана съ фронтомъ, а съ другой стороны, эта область настолько многогранна, настолько обширна, что я прошу, гг., дать мнѣ возможность въ будущемъ, постепенно, при случаяхъ, въ порядкѣ извѣстной системы, вамъ давать соотвѣтствующія разъясненія и выслушивать ваши сужденія. Но одно только могу сказать, что я лично, какъ человѣкъ реальной политики, всегда держался извѣстнаго плана, и буду очень радъ совмѣстно съ вами установить извѣстный планъ не только на ближайшее, но и на грядущее длительное будущее. Конечно, эта задача огромна, поскольку огромна вся наша Россія, относительно которой недавно одно лицо, представитель одной изъ нашихъ союзныхъ державъ, сказало мнѣ, что Россіей надо управлять широкими штрихами Микель Анджело. (Шингаревъ: съ его талантомъ). Повторяю, обширная наша страна требуетъ большого размаха; но, во всякомъ случаѣ, гг., именно по громадности нашей родины и нужно сдѣлать широкія заданія на будущую государственную жизнь, скажемъ, въ частности сельскохозяйственную, въ связи съ другими отраслями промышленности. Непремѣнно надо установить извѣстную систему жизни государственной на долгое время. (Рукоплесканія въ центрѣ, голоса: правильно). Итакъ, гг., я постараюсь въ дальнѣйшемъ, иллюстрируя соотвѣтствующими цифрами, отвѣтить на тѣ вопросы, которые я получилъ недавно, и постараюсь эти вопросы въ извѣстной степени освѣтить, само собою разумѣется, постольку, поскольку они касаются ввѣреннаго мнѣ Министерства Земледѣлія. Что касается общей политики правительства, то я имѣю порученіе передать вамъ отъ лица г. Предсѣдателя Совѣта Министровъ, что онъ въ соотвѣтственное время дастъ свои разъясненія.

Вниманіе общественное съ глубочайшей тревогой относится теперь ко всему тому, что обнимаетъ собой понятіе сельскаго хозяйства, и пытается уяснить себѣ значеніе и размѣръ потрясеній, внесенныхъ войной въ эту основную отрасль русскаго народнаго хозяйства. И на самомъ дѣлѣ, гг., тревога эта вполнѣ естественна: вѣдь земледѣліе даетъ намъ свыше двухъ третей нашего народнаго хозяйства — не менѣе 9.000.000.000 р. изъ общей годовой производительности имперіи въ 15.000.000.000 р. Не есть ли это основа нашего благополучія? Не есть ли это основа той мощи, которая при сопутствующихъ ей благопріятныхъ обстоятельствахъ является неодолимой въ борьбѣ? Вмѣстѣ съ тѣмъ, разрозненныя впечатлѣнія, получаемыя въ глубинѣ страны, заставляютъ думать, что сельскохозяйственная промышленность, въ которую въ настоящее время несомнѣнно внесено извѣстное разстройство, должна обратить на себя серьезнѣйшее вниманіе. Особенныя опасенія высказываются по отношенію къ убыли рабочихъ рукъ, которая несомнѣнно связана съ уменьшеніемъ посѣвной площади. Позвольте мнѣ по сему поводу дать нѣсколько цифровыхъ данныхъ. Имѣющіяся изслѣдованія показываютъ, что сборъ главнѣйшихъ хлѣбовъ въ Россіи — рожь, пшеница, ячмень, кукуруза, овесъ, составлявшій въ среднемъ за 1910-1913 гг. 4½ миллиарда пудовъ, въ 1915 г. сократился до 4 милліард. пуд. Приведенное уменьшеніе сборовъ составило соотвѣтственное паденіе его на 6,5% въ 1914 г. и 10,7% въ 1915 г.; въ абсолютныхъ цифрахъ это

даетъ недоборъ въ 284.000.000. пуд. на 1914 г. и 485 мил. пуд. для 1915 г. Такой недоборъ появился въ годы войны, взамѣнъ наблюдавшагося ранѣе увеличенія сборовъ. Это сопровождалось соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ съ 1913 по 1915 гг. засѣвная площадь уменьшилась на 9½ милліоновъ десятинъ, въ 1914 г. — 89 мил. дес. и въ 1915 г. — 82 мил. дес. Слѣдовательно съ 1913 по 1915 гг. засѣвная площадь уменьшилась на 9½ милліоновъ ддесятинъ, или на 10,3%. Умалять значеніе этихъ цифръ невозможно; несомнѣнно, онѣ знаменуютъ собой ежегодную потерю производительности русскаго сельскаго хозяйства, приблизительно, на четверть милліарда рублей въ годъ. Но нельзя, съ другой стороны, и преувеличивать вліянія указаннаго недобора на общую совокупность хозяйственныхъ силъ Россіи. Отчасти недоборъ 1915 г. связанъ былъ съ временнымъ оставленіемъ нами во власти непріятеля нѣкоторых губерній, но въ связи съ этимъ уменьшеніемъ сбора сократилось и количество потребителей; а затѣмъ, и это главное, война прекратила нашъ вывозъ. Въ среднемъ, главнѣйшихъ хлѣбовъ вывозилось ежегодно до 680.000.000 пуд. т. е. около 15% общаго сбора. Я, гг., подхожу къ освѣщенію этого вопроса не съ точки зрѣнія обрисовки обогащенія нашего денежнаго хозяйства, но съ точки зрѣнія учета имѣющихся у насъ хозяйственныхъ силъ, постольку, поскольку онѣ связаны съ той или другой длительностью войны и обезпеченіемъ тыла. Почти весь этотъ вывозъ, 680.000.000 пуд., со времени войны сталъ оставаться въ странѣ. Въ 1914 г. мы вывезли 348 милліон. пуд., въ 1915 г. изъ 4 млрд. всего лишь 31 милліонъ пуд. — свыше, слѣдовательно, 3.900 мил. пуд, осталось въ странѣ. Между тѣмъ, годовое требованіе для арміи и населенія — разрѣшите, гг., въ общей цифрѣ это сказать — четырехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ: ржи, пшеницы, овса и ячменя — составляютъ, приблизительно, около 2 милліард. пуд., причемъ въ данномъ случаѣ разсчетъ, безусловно, сдѣланъ нами въ самыхъ широких размѣрахъ — по нормѣ въ 21,3 пуд. на душу, причемъ это считается съ сѣменами. Такимъ образомъ, при учетѣ небольшого — 150.000.000 пуд. — остатка урожая 1914 г., въ имперіи имѣется до 900 милліоновъ пуд. избытка главнѣйшихъ хлѣбовъ, могущихъ идти на удовлетвореніе потребностей страны въ 1915-1916 гг. Другими словами, не менѣе одной третьей части годовой потребности у насъ имѣется въ запасѣ на одинъ годъ впередъ. Само собою, это въ значительной мѣрѣ уравновѣшиваетъ опасную сторону временнаго сокращенія площади посѣва. Разумѣется, приведенный разсчетъ производства потребленія хлѣба основанъ на тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя имѣлись въ моемъ распоряженіи. Особымъ Совѣщаніемъ по продовольственному дѣлу предрѣшено производство общей сельскохозяйственной переписи. Но думается мнѣ, что общій выводъ, сдѣланный въ докладѣ бюджетной комиссіи Государтвенной Думы по росписи, на стр. 37 доклада о наличности у насъ избытка продовольственныхъ запасовъ, будетъ безусловно подтвержденъ тою переписью, которая имѣется въ виду. Изъ этого я только могу заключить, что безусловно силы наши хозяйственыя еще представляютъ громадный запасъ; онѣ, скажу больше, неисчерпаемы, и, слѣдовательно, у насъ нѣтъ грознаго призрака недостатка продовольственнаго хлѣба, который страшенъ нашимъ врагамъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Министерство Земледѣлія не считаетъ, что все въ сельскохозяйственной жизни идетъ совершенно нормально. Во-первыхъ, ненормально въ странѣ распредѣленіе запасовъ и избытковъ, проистекающее изъ транспортныхъ затрудней, создающее временный недостатокъ продовольствія въ однихъ мѣстахъ, въ то время как другія страдаютъ

отъ низкихъ цѣнъ и невозможности сбыта; это само по себѣ причиняет много тревогъ населенію и правительству. Но, во всякомъ случаѣ, наличіе, хотя бы и ненормально распредѣленныхъ запасовъ, несомнѣнно, и оно обезпечиваетъ пользу и настоятельность всякихъ мѣръ, направленныхъ со стороны правительства къ устраненію упомянутыхъ затрудненій. У меня, гг., недавно былъ бывшій начальникъ Акмолинской области, который мнѣ говорилъ, видимо, съ чувствомъ чрезвычайной тревоги и досады, что ему пришлось оставить Акмолинскую область, гдѣ въ одномъ Кокчетавскомъ уѣздѣ имѣются сотни-милліонные запасы пшеницы, которую не могутъ даже сбыть и по 40 коп.; въ Кокчетавскомъ уѣздѣ, говоритъ онъ, которыми возможно было бы по крайней мѣрѣ года на два обезпечить этимъ самымъ продуктомъ чуть ли не всю Европейскую Россію; если бы этотъ Кокчетавъ соединить съ Петропавловскомъ — тамъ около 300 верстъ, — то все равно мы приткнемся къ той Сибирской магистрали, которая болѣе 750 вагоновъ опять-таки не можетъ дать. Мы изъ-за каждаго вагона на Сибирской дорогѣ торгуемся, каждое вѣдомство отбираетъ себѣ этотъ вагонъ, я боюсь, что это сможетъ отозваться, между прочимъ, и на скорости доставки уборочныхъ машинъ изъ Владивостока. Между тѣмъ, если бы была своевременно проведена южная Сибирская магистраль, передъ войной, соединяющая Орскъ и Семипалатинскъ, то кореннымъ образомъ обезсилено было бы то несчастье, съ которымъ мы должны бороться — уменьшеніе посѣвной площади въ Европейской Россіи, ибо такая провинція, какъ Сибирь, обладающая колоссальными богатствами, всегда смогла бы подавать эти богатства въ Россію. Тамъ закуплено чрезвычайно много всякихъ продуктовъ — и овесъ, и сѣно, и мясо, и масло, но доставить сюда во-время, къ сожалѣнію, невозможно, за отсутствіемъ развитой желѣзнодорожной магистрали.

Теперь, гг., я позволю себѣ подойти къ вопросу о видахъ на сборъ хлѣба въ текущемъ 1916 году. Основная причина уменьшенія посѣвовъ — сокращеніе числа рабочихъ рукъ въ сельскомъ хозяйствѣ — получила силою вещей дальнѣйшее развитіе. Военныя событія повелительно требуютъ пополненія рядовъ бойцовъ нашей арміи. Изъ общаго числа населенія имперіи въ 178 милліоновъ, сельскимъ хозяйствомъ занято до 140 милліоновъ, т. е. около трехъ четвертей всего населенія, въ томъ числѣ мужчинъ рабочаго возраста, полныхъ рабочихъ, надо считать около 45 мил. Не малая часть ихъ, гг., призвана подъ оружіе, и этотъ отливъ наиболѣе работоспособной части населенія, естественно, долженъ отражаться на результатѣ производительности земледѣльческаго труда, какъ бы не напрягали свои силы оставшіеся.

Подсчитывать результаты сборовъ 1916 г., разумѣется, преждевременно, но нѣкоторыя справки и указанія въ этомъ отношеніи могу дать — о посѣвѣ озими въ 1915 г. и подготовкѣ земли къ весеннему сѣву. Министерство Земледѣлія, съ первыхъ же шаговъ вступленія моего въ качествѣ руководителя вѣдомства, обратилось ко всѣмъ возможнымъ источникамъ, чтобы получить свѣдѣнія относительно угрожающаго уменьшенія посѣвной площади. Были использованы всѣ возможныя въ этомъ отношеніи мѣстныя силы и административныя учрежденія: и губернскія, и уѣздныя земскія управы, и мѣстныя агрономическія организаціи, но, само собою разумѣется, гг., что это является не картиной точнаго цифрового учета, скорѣй я долженъ очарактеризовать это извѣстной областью впечатлѣній. Къ сожалѣнію, гг., это вопросъ очень больной у насъ. Подойдя ближе къ вѣдомст-

веннымъ работамъ, я столкнулся съ крайней необходимостью чисто государственнаго порядка — имѣть въ нашемъ правительствѣ особый такой органъ, который бы учитывалъ дѣйствительно на основаніи цифровыхъ данныхъ все то, что у насъ имѣется въ странѣ, и чтобы это былъ бы одинъ источникъ, а то получается такая картина, что по части статистическихъ свѣдѣній въ разныхъ министерствахъ имѣются различныя данныя. Такъ что я лично считаю, что этотъ вопросъ чрезвычайно важный въ случаѣ необходимости срочнаго его упорядоченія, дабы при наличіи его установить извѣстную планомѣрную государственную дѣятельность и работу. Вотъ по таковымъ, собранымъ нами, свѣдѣніямъ, о которыхъ я говорилъ, явилась нѣкоторая возможность установить районы и губерніи, гдѣ наиболѣе замѣтно сократилась площадь озимыхъ посѣвовъ. Районами этими являются Малороссія, южное Поволжье, Предкавказье, Западная Сибирь. Особенно сильный недосѣвъ, въ среднемъ, свыше 20, а иногда и до 50%, отмѣчается въ Донской области, въ Ставропольской губ., въ Кубанской обл., въ отдѣльныхъ уѣздахъ Саратовской, Самарской, Воронежской, Астраханской губ., а именно: въ Царицынскомъ, Камышинскомъ, Новоузенскомъ, Новохоперскомъ уѣздахъ. Въ Западной Сибири посѣвная площадь вообще уменьшилась для озимыхъ хлебовъ на 20-22%. Кромѣ того, не столь сплошной характеръ имѣлъ, но въ отдѣльныхъ хозяйствахъ достигалъ крупныхъ размѣровъ, недосѣвъ въ Херсонской губ., Подольской губ., Таврической и, въ особенности, въ Екатеринославской губ. Какъ общее явленіе, уменьшеніе площади озимыхъ посѣвовъ чаще наблюдается въ тѣхъ районахъ, гдѣ и до войны наблюдался недостатокъ рабочихъ рукъ, и притомъ болѣе въ крупныхъ частновладѣльческихъ хозяйствахъ и менѣе въ хозяйствахъ крестьянскаго типа, причемъ, гдѣ существуетъ трехпольная система, этотъ процентъ почти сведенъ на нѣтъ. Что касается яровыхъ посѣвовъ 1916 г., то пока можно было выяснить только сокращеніе вспашки полей подъ зябь, и это явленіе, конечно, можетъ повлечь за собой уменьшеніе посѣвовъ, но, съ другой стороны, это можетъ отозваться не на уменьшеніи, собственно, не на количествѣ площади посѣва, но въ смыслѣ качественномъ, потому что, само собой разумѣется, продуктъ не можетъ родиться въ томъ размѣрѣ, если земля не была заготовлена во-время. Изложенныя данныя безспорно говорятъ за то, что 1916 г. въ отношеніи сбора хлѣбовъ дастъ результаты худшіе противъ 1915 года. Оцѣнивая ихъ, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ забывать одного: 1915 годъ не только имѣлъ запасъ отъ прошлаго, но самъ далъ на душу населенія хлѣбовъ въ размѣрѣ болѣе средняго обычнаго потребленія, и что поэтому положеніе вещей въ отношеніи запасовъ продуктовъ сельскохозяйственныхъ является отнюдь не угрожающимъ и уравновѣшивается на ближайшіе годы наличностью 33% избытка хлѣбнаго запаса, ввиду отсутствія вывоза. Изъ этого, гг., конечно, не слѣдуетъ выводить того заключенія, чтобы съ сокращеніемъ посѣвовъ площади нельзя или не надо было бороться. Наоборотъ, я считаю это необходимымъ, и нѣкоторыя мѣры въ этомъ направленіи вѣдомствомъ приняты въ самомъ срочномъ порядкѣ. Но я заранѣе говорю, что при нашихъ огромныхъ пространствахъ и при отбытіи почти четверти рабочаго населенія въ армію, возстановить ВСЮ площадь прежнихъ запасовъ полностью при дѣйствующихъ условіяхъ я считаю весьма затруднительнымъ.

Но, прежде чѣмъ переходить къ перечисленію принятыхъ вѣдомствомъ мѣръ, я долженъ коснуться одного, если хотите, больного и вмѣстѣ очень важнаго вопроса въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ — это относительно нашего скотоводства, о чемъ здѣсь уже говорили, въ связи съ мяснымъ питаніемъ арміи и населенія. Несомнѣнно, гг., не мнѣ вамъ доказывать, какое тѣсное взаимоотношеніе имѣетъ этотъ вопросъ съ тѣми интересующими Государственную Думу свѣдѣніями, которыя касаются посѣвной площади, ибо рабочій скотъ, съ одной стороны, и необходимость въ нѣкоторыхъ губерніяхъ унаваживанія, съ другой, это вопросы чрезвычайно острые и находятся въ постоянномъ и тѣсномъ взаимоотношеніи. Но этотъ вопросъ настолько огромный, настолько сложный, что я попросилъ бы по поводу его представить вамъ въ соотвѣтствующее время самостоятельный и подробный докладъ. (Голоса: просимъ). Теперь же я считаю необходимымъ отмѣтить слѣдующее: и въ нормальное время Россія была бѣдна домашнимъ скотомъ по сравненію съ другими государствами; на всю огромную территорію имперіи въ 1913 г. было всего только 52.4 милліона головъ рогатаго скота. Ежегодно естественный приростъ давалъ около 9.000.000 головъ. Этимъ количествомъ измѣрялось приблизительно обычное годовое потребленіе населенія. Съ начала войны питаніе арміи требовало усиленаго притока мяса; увеличилось потребленіе мяса и въ населеніи, подъ вліяніемъ прекращенія пьянства и тѣхъ данныхъ, о которыхъ мы имѣли случай здѣсь слышать. За годъ армія взяла до 5.000.000, что, вмѣстѣ съ потребленіемъ мирнаго населенія, составитъ расходъ 14.000.000 головъ. Кромѣ того, эвакуація, какъ здѣсь тоже было заявлено, ряда западныхъ губерній была сопряжена съ потерей для хозяйства страны не менѣе 4.000.000 головъ, частью оставшихся въ занятомъ непріятелемъ районѣ, частью павшихъ. По этому поводу я, опять повторяю, сочту своимъ долгомъ сообщить всѣ подробности особо. Въ общемъ, за годъ было израсходовано болѣе 18.000.000, т. е. сверхъ нормальнаго прироста было взято изъ стада болѣе 9.000.000 головъ. Оставшіеся 43 милліона, считая и Сибирь, дадутъ въ слѣдующемъ году нормальный приростъ до 7 милліон. Потребленіе же арміи и населенія предъявитъ спросъ на 14 милліон. Придется снова уменьшить стада на 7 миліоновъ или сократить размѣръ мясного питанія страны, о чемъ въ настоящее время уже возбужденъ вопросъ въ Особомъ Продовольственномъ Совѣщаніи,— и ждетъ по этому поводу сужденій и рѣшеній съ вашей стороны. (Голоса слѣва: конечно, сократить). Въ этомъ я считаю самый тяжелый ущербъ, который нанесла война сельскому хозяйству, ибо въ другихъ отрасляхъ оно стойко выдержитъ послѣдствія военной бури. Конечно, опредѣлить точно размѣръ этого ущерба нельзя до выясненія результатовъ той переписи скота, которая приготовляется въ настоящее время министерствомъ, согласно постановленія Особаго Продовольственнаго Свѣщанія. Дѣло это въ настоящее время направлено въ самомъ срочномъ порядкѣ. Особымъ Совѣщаніемъ принятъ рядъ мѣръ въ отношеніи арміи и плѣнныхъ, въ смыслѣ ограниченія расходованія мяса. Вслѣдствіе сношеній Министра Земледѣлія съ начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, дѣлаются попытки замѣны говяжьяго мяса бараниной и свининой. Обращено также вниманіе на увеличеніе добычи рыбы. Затѣмъ, мною установлена роль земства въ дѣлѣ реквизиціи скота. (Голоса: это правильно). Всѣ подробности объ этомъ, гг., вы разрѣшите мнѣ доложить вамъ въ свое время при соотвѣтствующихъ условіяхъ. Затѣмъ, громадный рынокъ, который уже частично использованъ въ прошломъ году и на который мною обращено особое вниманіе, это рынокъ монгольскаго скота. Объ этомъ вы также позволите мнѣ, гг., доложить вамъ особо. Но главныя заботы приходится устремлять на возстановленіе нашего

отечественнаго животноводства. Для этого необходимо сохраненіе племенного скота, и на указанную сторону мною обращены преимущественно заботы. Министерство испросило для этого согласіе штаба Верховнаго Главнокомандующаго освобождать ближайшіе къ фронту районы отъ доставки племенного скота точно опредѣленной категоріи, передавая таковой въ министерство для эвакуаціи. Въ остальныхъ мѣстностяхъ театра военныхъ дѣйствій освобожденный племенной, съ установленными клеймами, скотъ разрѣшено либо оставлять у хозяевъ, либо передавать вѣдомству. При этомъ, весь скотъ, имѣющій клейма и снабженный соотвѣтствующими удостовѣреніями, разрѣшено освобождать отъ сгона на сборные пункты, взамѣнъ чего владѣльцы скота должны представить удостовѣренія, что этотъ скотъ не подлежитъ реквизиціи. Освобожденіе отъ предварительнаго сгона дастъ возможность избѣжать неудовлетворительнаго держанія скота въ гуртахъ, отчего наиболѣе страдаютъ культурныя породы. На осуществленіе этого мѣропріятія Министерство Земледѣлія испрашиваетъ, для возмѣщенія реквизированной стоимости, на содержаніе и перевозку скота во внутреннія губерніи, кредитъ въ суммѣ 6½ милліоновъ рублей. Веденіе этого дѣла поручено особой организаціи, при дѣятельномъ участіи земскихъ учрежденій и мѣстныхъ властей; равнымъ образомъ достигнуто соглашеніе съ военными властями объ облегченіи въ дѣлѣ реквизиціи лошадей и установлена льготная норма для обязательнаго оставленія лошадей въ хозяйствѣ, а именно: на каждый крестьянскій дворъ пару или на каждыя 12 дес. въ экономіи также пару. (Голоса: правильно).

Позвольте перейти теперь къ мѣрамъ прямымъ, напримѣръ направленнымъ для возможнаго сохраненія посѣвной площади. Главная причина недосѣва — убыль рабочихъ рукъ, вызванная наборами. Министерство Земледѣлія, когда еще нужда въ сельскохозяйственныхъ рабочихъ не чувствовалась съ такой остротой, поставило на очередь вопросъ о привлеченіи на сельскохозяйственныя работы военноплѣнныхъ; это было въ февралѣ 1915 года; оно внесло на обсужденіе бывшихъ тогда въ Петроградѣ представителей губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ и другихъ земскихъ дѣятелей и свѣдущихъ лицъ; затѣмъ, въ соотвѣтствіи съ сужденіями совѣщанія, по соглашенію съ Министрами Военнымъ и Внутреннихъ Дѣлъ, были выработаны правила, вамъ, вѣроятно, гг., извѣстныя. Для обезпеченія сельскохозяйственныхъ работъ рабочей силой въ текущемъ году приняты по соглашенію съ тѣми же министерствами слѣдующія мѣры: по даннымъ Военнаго Министерства, свыше 700.000 военноплѣнныхъ прочно заняты на работахъ первѣйшей для страны важности, значительная часть на сельскохозяйственныхъ — 260.000, другіе въ каменноугольныхъ копяхъ, на заводскихъ работахъ особой срочности, на цѣломъ рядѣ новыхъ сооружаемыхъ желѣзнодорожныхъ линій, на лѣсныхъ работахъ, по заготовкѣ желѣзнодорожныхъ шпалъ и т. д. Оставшійся контингентъ составляютъ исключительно нѣмцы и мадьяры, которыхъ къ нѣкоторымъ работамъ не признавалось возможнымъ допускать въ прошломъ году, а на другія, напримѣръ, на сельскохозяйственныя, нерѣдко избѣгали брать и сами заинтересованные — хозяева и сельскія общества. Поэтому, этотъ контингентъ оставался въ Сибири и въ значительной степени использовался не постоянно, а только періодически. Но такъ какъ при назначеніи нѣмцевъ и венгровъ на сельскохозяйственныя работы никакихъ неблагопріятныхъ результатовъ, по отзывамъ сельскихъ хозяевъ, не наблюдалось, то при увеличеніи нужды въ рабочихъ рукахъ, по настоянію Министерства Земледѣлія, рѣшено передвинуть изъ-за Урала для нуждъ сельскаго хозяйства часть военноплѣнныхъ въ количествѣ 120.000, сверхъ 260.000. Военное вѣдомство, подробно учтя всѣ дополнительныя требованія на рабочую силу для прочихъ нуждъ государственнаго значенія, сдѣлало передвигъ этихъ 120.000 новыхъ, распредѣливъ ихъ между губерніями съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ каждой губерніи общее количество военноплѣнныхъ достигло высшаго числа, бывшаго въ прошедшемъ году. Затѣмъ, телеграфными распоряженіями губернаторамъ сообщены подробныя указанія относительно порядка, доставки и распредѣленія, причемъ это предоставлено и мѣстнымъ земскимъ управамъ. Такимъ образомъ, всѣ военноплѣнные всѣхъ національностей уже распредѣлены по такимъ работамъ, въ которыхъ они заняты. Остаются лишь совершенно непригодные къ труду вслѣдствіе войны. Какое-либо дальнѣйшее пополненіе на сельскохозяйственныхъ работахъ количества военноплѣнныхъ сверхъ достигнутаго признается военнымъ вѣдомствомъ въ настоящее время уже невозможнымъ. Слѣдовательно, общій комплектъ военноплѣнныхъ на сельскихъ работахъ въ 1916 г. выражается въ 380.000. Само собою разумѣется, всякій успѣхъ военный опять въ данномъ случаѣ дастъ нѣкоторое количество военноплѣнныхъ, которые будутъ распредѣляться соотвѣтствующимъ образомъ по имперіи. Но это количество далеко не возмѣститъ того недостатка рабочихъ рукъ въ сельскомъ хозяйствѣ, который предвидится въ текущемъ году. Поэтому мною испрошено, по соглашенію съ Военнымъ Министерствомъ, Высочайшее соизволеніе на использованіе для полевыхъ работъ, въ періоды обсѣмененія полей и въ періоды уборки урожая, до четырехъ недѣль, нѣкотораго количества нижнихъ чиновъ. (Голоса: правильно). Гг., вамъ извѣстно, что у нашихъ враговъ — нѣмцевъ въ прошломъ году весною всѣ почти сельскіе хозяева и земледѣльцы были отпущены изъ строя на время весенняго посѣва. Въ настоящее время это Высочайшее повелѣніе состоялось, оно испрошено, такъ что имѣется въ виду привлечь къ работамъ, приблизительно, около 250.000 чел. нижнихъ чиновъ. Распредѣленіе ихъ будетъ произведено черезъ земскія управы, а тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, черезъ подлежащихъ воинскихъ начальниковъ. Наконецъ, третья мѣра, отъ которой возможно бы, конечно, при извѣстной сорганизованности, — ожидать наиболѣе важныхъ результатовъ впослѣдствіи, это — привлеченіе къ сельскохозяйственному труду бѣженцевъ, общее количество коихъ превышаетъ 3.000.000 душъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, по соглашенію Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Земледѣлія, телеграфно предложено губернаторамъ, при посредствѣ земскихъ управъ, а гдѣ ихъ нѣтъ — при посредствѣ образованныхъ для этого особыхъ комитетовъ, срочно ввести на мѣстахъ посредническія особыя организаціи, причемъ указывается, что для широкаго привлеченія бѣженцевъ къ сельскохозяйственнымъ работамъ надлежитъ устраивать ихъ цѣлыми семьями и группами односельчанъ или товарищескими артелями и усилить мѣры попеченія о семьяхъ, оставляемыхъ бѣженцами на время работъ. (Голоса слѣва: правильно). Наряду съ этимъ, для облегченія бѣженцамъ отдѣльнаго отъ ихъ семей пребыванія на работахъ, предложено немедленно широко оповѣстить ихъ, что каждый, ставшій на сельскохозяйственныя работы, независимо отъ признанія его трудоспособнымъ или нѣтъ, сохраняетъ причитающееся отъ казны воспособленіе, которое и выдается его семьѣ сверхъ имъ получаемаго. (Голоса слѣва: правильно). Эта мѣра можетъ дать отъ 500.000 до одного милліона сельскихъ рабочихъ (голоса справа: никогда), а въ случаѣ привлеченія къ работамъ женщинъ и подростковъ —

и свыше одного милліона душъ. Такимъ образомъ, при успѣшномъ осуществленіи всѣхъ указанныхъ выше мѣръ, направленныхъ къ восполненію убыли рабочихъ рукъ въ сельскомъ хозяйствѣ, можетъ быть привлечено къ сельскохозяйственнымъ работамъ въ наступающій полевой періодъ — я беру собственно минимумъ — отъ одного до полутора милліоновъ новыхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Я, вотъ, слышалъ здѣть, гг., относительно бѣженцевъ выраженіе „никогда". Но, съ другой стороны, я имѣю отъ цѣлаго ряда лицъ свѣдѣнія, что въ настоящее время уже и бѣженцы начинаютъ приспосабливаться къ работѣ и поступаютъ на работы, и ихъ трудомъ довольны. Теперь коснусь вопроса возможнаго дальнѣйшаго увеличенія кадровъ рабочихъ — я коснусь вопроса относительно желтаго труда. По соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, у насъ имѣется въ виду тоже нѣкоторая организація, которую желательно было бы обосновать при Приамурскомъ генералъ-губернаторствѣ. Собственно, фактически, желтый трудъ въ лицѣ китайцевъ и частично корейцевъ, уже частными экономіями, частными предпринимателями использованъ. Здѣсь, опять-таки, мы встрѣчаемся съ большими затрудненіями въ видѣ непровозоспособности Сибирской магистрали; если бы этотъ источникъ — желтый трудъ — и удалось использовать, то все равно возможно было бы перепралять не болѣе 15.000 чел. въ мѣсяцъ. Такъ что, въ общемъ, если взять и полную интенсивность напряженія работы желѣзнодорожной магистрали, возможно было бы на полевой періодъ 1916 года имѣть только до 50.000 человѣкъ.

Всѣ принятыя мѣры къ увеличенію рабочей силы, само собою, не могутъ восполнить той убыли въ рядахъ рабочихъ, которая произошла отъ многомилліоннаго призыва въ армію; поэтому, для разрѣшенія этого исключительно важнаго вопроса я считаю необходимымъ все-таки коснуться вопроса о мобилизаціи женскаго труда, который могъ бы замѣнить мужской.

Къ широкому примѣненію женскаго труда Министерство Земледѣлія приступило уже въ области тѣхъ громадныхъ лѣсныхъ заготовокъ, котрыя оно ведетъ для снабженія лѣснымъ матеріаломъ и топливомъ арміи и страны.

Это, гг., вопросъ очень обширный и, думается мнѣ, не безынтересный, и я считаю, что онъ поставленъ благопріятно въ смыслѣ учета имѣющихся реальныхъ результатовъ. По этому поводу я сочту своимъ долгомъ при ближайшемъ разсмотрѣніи бюджета, въ части, касающейся Министерства Земледѣлія, вопросъ этотъ всесторонне освѣтить. Въ настоящее время я его опускаю. Затѣмъ, я не буду касаться тоже нѣкоторыхъ мѣръ, не имѣющихъ такого большого значенія, но которыя имѣютъ значеніе частичнаго концепта это — устройство рабочихъ артелей въ Сибири, при посредствѣ переселенческихъ нашихъ организацій. Затѣмъ, графъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія, тоже имѣетъ намѣреніе образовать вольныя дружины школьниковъ. Все это вопросы, заслуживающіе полнаго сочувствія, но которые основнымъ образомъ помочь этому дѣлу сами собой не смогутъ. Позвольте перейти къ вопросу относительно сельскохозяйственныхъ машинъ, тѣхъ самыхъ машинъ и орудій, которыя несомнѣнно смогутъ сберечь живую мускульную силу населенія. На съѣздѣ, въ октябрѣ этого же года, было выяснено, что вопросъ объ орудіяхъ обработки и обмолота не внушаетъ серьезныхъ опасеній. Главнымъ образомъ, надо имѣть уборочныя машины: косилки, сноповязалки, молотилки, конныя грабли. (Голосъ справа: со шпагатами). Разумѣется, и шпагатъ, о

чемъ будетъ сказано мною потомъ. Министерство Земледѣлія, войдя, на предметъ удовлетворенія потребности неселенія, въ соглашеніе съ объединенной земской кооперативной закупочной организаціей, — это Орловское товарищество, товарищество западныхъ земствъ и народный банкъ, — предоставило этимъ организаціямъ соглашеніе съ фирмами при распредѣленіи заказовъ. На испрошенный Министерствомъ Земледѣлія кредитъ въ суммѣ 6.000.000 руб. заблаговременно произведены въ Америкѣ и Швеціи заказы свыше 25.000 уборочныхъ машинъ; отпущена на это дѣло иностранная валюта и приняты всѣ рѣшительно мѣры къ возможной заблаговременной доставкѣ машинъ. Часть машинъ идетъ черезъ Владивостокъ, часть направляется черезъ Норвегію и Швецію. Я думаю, что уже на дняхъ будутъ эти машины поступать на платформы желѣзныхъ дорогъ, и я предполагаю, что, ежели не встрѣтится какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ затрудняющихъ, вѣроятно, въ маѣ мѣсяцѣ мы ихъ станемъ получать. Что касается дальнѣйшихъ мѣръ въ отношеніи запаса косъ, то надо считать, въ настоящее время этотъ запасъ обезпеченнымъ. Въ настоящее время имѣется до 3.000.000 этихъ косъ, причемъ на дняхъ еще было предложеніе увеличить ихъ производство. Относительно ремонта машинъ — отпущено до этого времени свыше 500.000 р. и еще предполагается отпустить до 250.000 р. Отпускаются эти средства разнымъ земскимъ учрежденіямъ и обществамъ въ числѣ 59. Затѣмъ, вѣдомство приняло необходимыя мѣры по снабженію отечественныхъ заводовъ сельскохозяйственныхъ орудій необходимымъ для производства сырьемъ и углемъ. Комитету по дѣламъ металлургической промышленности разрѣшено отпустить 4.000.000 пуд. сырья чугуна. Въ отношеніи снабженія углемъ вѣдомство достигло того, что сельскохозяйственные заводы были переведены по очереди предоставленія имъ угля двумя разрядами выше. Теперь коснусь вопроса о шпагатѣ. Съ начала войны остро сказалась нужда въ шпагатѣ. Потреблялось ежегодно для земледѣлія до 800.000 пуд., отечественное производство давало не болѣе 100.000 пуд. Для удовлетворенія предстоящихъ нуждъ 1916 г. выписано иностраннаго шпагата до 935.000 пуд. Будетъ изготовлено русскаго шпагата до 200.000 пуд. и имѣется остатокъ съ прошлаго года свыше 110.000 пуд.; такимъ образомъ, все количество выразится въ размѣрѣ 1.245.000 пуд. То же самое, — Министерствомъ были принимаемы до сихъ поръ всѣ мѣры для того, чтобы своевременно доставить этотъ шпагатъ сюда, причемъ, главнымъ образомъ обращалось вниманіе, чтобы нѣна на сюда. Причемъ, главнымъ образомъ, обращалось вниманіе, чтобы цѣна на размѣрѣ 15 руб. за пудъ. Къ сожалѣнію, ввиду непомѣрнаго вздорожанія веревочныхъ и пеньковыхъ издѣлій, пришлось ограничиться выдѣлкой въ нашемъ отечествѣ 200.000 пудовъ шпагата, вмѣсто предполагаемыхъ ранѣе 400.000 пудовъ.

Вопросъ объ обсѣмененіи полей, о снабженіи поселянъ посѣвнымъ матеріаломъ, порученъ, по соглашенію вѣдомствъ, ближайшему попеченію Министерства Внутренихъ Дѣлъ по сельской продовольственной части (голоса слѣва: это напрасно), и въ этомъ отношеніи я могу сказать, что согласованость дѣйствій установлена. Здѣсь, въ центрѣ, собственно, продовольстенное совѣщаніе устанавливаетъ размѣры потребности, а на мѣстахъ всѣ порученія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ закупочнаго, собственно, характера, переданы уполномоченнымъ по заготовкамъ Министерства Земледѣлія. Всего приблизительно предполагается пріобрѣсти 12 милліоновъ пуд. овса и 2 мил. пуд. ячменя, не считая собственныхъ

закупокъ земства. Министерствомъ Земледѣлія осуществлены въ этой области также и частичныя мѣропріятія, касающіяся, напримѣръ, свекловичныхъ сѣмянъ. Въ цѣляхъ сохраненія ихъ, была устроена въ Кіевѣ особая организація, которой удалось провести вывозъ этихъ сѣмянъ изъ района военныхъ дѣйствій и сохранить значительное количество цѣнныхъ сѣмянныхъ матеріаловъ. Затѣмъ, для нуждъ пріобрѣтающаго нынѣ столь важное значеніе огородничества, заготовлено около 170.000 пуд. сѣмянъ, главнымъ образомъ, простѣйшихъ овощей, которыя и используются согласно требованіямъ земскихъ и кооперативныхъ учрежденій. При этомъ приняты мѣры къ льготной раздачѣ хозяевамъ земли подъ огороды, съ облегченіемъ сбыта продуктовъ огороднаго хозяйства путемъ выдачи задатковъ изъ отдѣла заготовокъ по снабженію арміи. Все то количество, которое можетъ быть выращено, мы уже заранѣе взяли себѣ. Наконецъ, вѣдомство поставило въ текущемъ году очистку сѣмянъ и луговыхъ травъ, полученныхъ впервые изъ урожая вновь устроенныхъ сѣменныхъ разсадниковъ, въ числѣ тринадцати. Кромѣ того, идя навстрѣчу потребностямъ фронта въ увеличеніи запаса сѣна въ районѣ расположенія войскъ, вѣдомство намѣтило для четырнадцати губерній фронта рядъ мѣропріятій для увеличенія тамъ засѣва земли однолѣтними травами или смѣсью ихъ съ хлѣбными злаками или даже сгущеннымъ хлѣбомъ, предназначеннымъ къ уборкѣ на сѣно, установивъ широкія мѣры поощренія (голоса: правильно), а именно выдачу задатковъ при посѣвахъ и затѣмъ при уборкѣ сѣна, съ опредѣленіемъ впередъ цѣны такого сѣна на мѣстѣ, при обязательствѣ взять весь урожай на нужды войны. (Голоса: правильно). Арендаторамъ казенныхъ земель въ тѣхъ же цѣляхъ предоставлена самая широкая льготность при распашкѣ неочередныхъ полей. Мѣропріятія эти нынѣ получили уже Высочайшее одобреніе. Вчера я получилъ объ этомъ телеграмму. Затѣмъ я долженъ буду коснуться, конечно, лишь вскользь, вопроса относительно искусственнаго удобренія. У насъ имѣется избытокъ сѣрнокислаго аммонія и костяной муки. Сѣрная же кислота идетъ на воинское снабженіе. Затѣмъ приняты мѣры относительно расширенія выдѣлки удобреній на земскихъ заводахъ въ Пермской и Самарской губерніяхъ и при пороховыхъ заводахъ военнаго вѣдомства. — Вотъ, гг., тѣ мѣры непосредственныя, какія вѣдомствомъ направлены къ расширенію производства у насъ продуктовъ питанія. Позвольте теперь, въ дополненіе къ нимъ, конечно, въ возможно краткомъ изложеніи, коснуться дѣятельности неразрывно связаннаго нынѣ съ Министерствомъ Земледѣлія Особаго Совѣщанія по продовольственному дѣлу, существенно вліяющаго на ходъ хозяйственной жизни въ странѣ и устанавливающаго въ совмѣстныхъ закупкахъ, насколько, конечно, представляется возможнымъ, благопріятное соотвѣтствіе между интересами производителя, — а эти интересы производителя, несомнѣнно чрезвычайно вліяютъ на оборотъ всего его хозяйства, а, слѣдовательно, и на посѣвную площадь, — а также интересами потребителя, причемъ главной задачей этой государственной организаціи, при осуществленіи ея закупочныхъ операцій, являлось не абсолютное удешевленіе стоимости сельскохозяйственныхъ продуктовъ, а предотвращеніе ихъ недостатка на рынкѣ потребленія и мѣры противъ спекуляціи ими. Вотъ, касаясь этой области, гг., я долженъ буду привести иллюстрирующія это положеніе вещей, относительно цѣнъ, данныя и цифры. Цѣны эти несомнѣнно выросли, но, принимая во вниманіе общія экономическія условія, созданныя войной, паденіе курса рубля, удорожаніе издержекъ производства и т. д., повышеніе цѣнъ для большинства продуктовъ надо признать безусловно не чрезмѣрнымъ. Къ 1915 году цѣны возросли: пшеница на 54% (десятыя доли я откидываю), мука пшеничная на 43%, рожь на 45%, мука ржаная на 53%, ячмень — 37%, овесъ — 62%, крупа гречневая — 74%, пшено — 55%, мясо — 42%, сахаръ-рафинадъ — 40%, сахарный песокъ — 37½%, масло почти 90%, соль — 102½%; въ среднемъ, считая и эту цѣну на соль, — удорожаніе цѣнъ на 56,7%. Для сравненія съ тѣмъ, что дѣлается въ лагерѣ нашихъ враговъ, я укажу, что съ іюля 1914 г. по іюль 1915 г., когда у насъ цѣны еще рѣзко не повышались, въ Берлинѣ цѣны на предметы потребленія повысились, по англійскимъ источникамъ, имѣющимся у насъ и совпадающими съ германскими, также имѣющимися въ нашемъ распоряженіи, въ среднемъ на 69,6%, и это несмотря на всѣ принятыя тамъ правительственныя мѣры регулированія снабженія. Цѣны на мясо въ Берлинѣ съ января 1915 г. по январь 1916 г. возросли: на говядину — на 80%, на телятину и баранину — на 100%. Еще сильнѣе вздорожаніе мяса въ Австріи; на говядину втрое, — на 190%, на свиное сало вчетверо — на 325%, на конину, которую тамъ приходится ѣсть, втрое — на 202%.

Перехожу, гг., повторяю, въ краткихъ чертахъ, потому что это вопросъ громадный, я буду считать долгомъ выяснить его болѣе подробно при ближайшемъ случаѣ, — къ вопросу борьбы съ дороговизной, поскольку она касается Министерства Земледѣлія. Я считаю, гг., что основная задача Министерства Земледѣлія, коему поручено продовольствіе арміи и тыла, это, прежде всего, какъ я уже говорилъ, добыча продуктовъ (голоса: вѣрно), но, какъ сопутствующее обстоятельство одновременная задача, конечно, и борьба съ спекуляціей (голоса: вѣрно). Это есть, гг., основа моего взгляда; правъ я или не правъ, но я его высказываю. Прежде всего, мнѣ нужно было выяснить цифру существующихъ у насъ запасовъ, во-вторыхъ, нарядъ для арміи, — это уже болѣе или менѣе опредѣленная величина, — и затѣмъ нарядъ на нужды населенія въ тѣхъ или другихъ размѣрахъ на продукты первой необходимости. Это, гг., область безбрежная, это область безпредѣльная, такъ что вопросъ этотъ я поставилъ такъ: постольку, поскольку въ мѣстахъ производства уполномоченные вѣдомства могли производить закупки и образовывать запасы государственные и мѣстные, постольку, по соглашенію съ уполномоченными районовъ потребленія, и давалось населенію. Пока это идетъ въ соотвѣтствіи съ той планомѣрностью, которая учитывалась нами въ смыслѣ установленія очереди, срочности и необходимости того или иного продукта и транзитной способности. По этому поводу я скажу нѣсколько словъ потомъ. Перепись торговыхъ запасовъ была начата тотчасъ же по вступленіи моемъ въ должность съ ноября мѣсяца, и въ настоящее время въ нашемъ распоряженіи имѣются данныя почти въ полной ихъ совокупности. Онѣ показываютъ, что по разсчетамъ на душу населенія размѣръ торговыхъ запасовъ представляется безусловно нормальнымъ. Въ отношеніи мѣръ, какимъ образомъ надо было подходить къ борьбѣ съ дороговизной, в связи съ той основой дѣятельности, которую вѣдомство земледѣлія, такъ сказать, имѣло у себя, т. е. добычей продуктовъ, пришлось пойти на мѣру, безусловно, чрезвычайной важности. Я подчеркиваю, гг., слово „пришлось", ибо мы вынуждены были пойти на это: именно, на установленіе предѣльныхъ, твердыхъ цѣнъ на предметы первой необходимости; на овесъ, на рожь, на пшеницу, на ячмень, на всѣ продукты мукомольнаго производства, муку, отруби, крупу, пшено, а также на сѣно, солому; твердая цѣна установлена на сахаръ и масла, предо-

ставлено земствамъ принимать на себя заготовку мяса и установить цѣну на мясо. При этомъ дѣйствительность твердыхъ цѣнъ обезпечивается примѣненіемъ реквизиціи съ пониженіемъ цѣны на 15%. Оговариваюсь опять, что министерство вынуждено было пойти именно потому, что эти продукты сначала реализировались при условіяхъ болѣе или менѣе нормальныхъ. Тотъ подъемъ патріотизма, который былъ вначалѣ, вліялъ также на уровень цѣнъ; сдѣлки совершались при совершенно обычныхъ нормальныхъ условіяхъ. Съ одной стороны, закупочныя операціи стали разрастаться въ болѣе широкіе размѣры, съ другой и патріотизмъ сталъ переходить, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, я оговариваюсь, — въ иную плоскость. Появились, простите меня за выраженіе, патріоты въ кавычкахъ, и если ранѣе была нормальная цѣна, которую хозяева считали совершенно достаточной, ну, напримѣръ, 1 р. и 1р.05к. за рожь, — я беру наше Поволжье, — потомъ, черезъ нѣкоторое время, имъ давали 1р. 10 к., они хотѣли 1р. 15к., имъ давали 1р. 15к., они требовали 1р. 20, и т. д. — рынокъ принялъ выжидательное положеніе. Между тѣмъ, гг., отвѣтственность той правительственной организаціи, которая должна была снабжать армію и потомъ расширилась въ организацію, которая должна питать все населеніе, эта отвѣтственность заставила искать опору, которая позволила бы не ставить армію въ зависимость отъ капризовъ рынка. И вотъ эти соображенія были учтены Особымъ Продовольственнымъ Совѣщаніемъ, и ввиду этихъ обстоятельствъ пришлось пойти на этотъ путь. Что значитъ твердая предѣльная цѣна? Это есть та опора, которая позволяетъ продовольственной организаціи въ переживаемый очень отвѣтственный моментъ, получить продуктъ въ необходимомъ количествѣ. Продовольственная организація можетъ сказать: я по этой цѣнѣ беру этотъ продуктъ. Причемъ я, гг., подчеркиваю то обстоятельство, что всѣ эти предѣльныя, твердыя цѣны были проведены Особымъ Продовольственнымъ Совѣщаніемъ, на основаніи голоса мѣстныхъ совѣщаній, съ участіемъ даже нѣкоторыхъ сидящихъ здѣсь мѣстныхъ людей; онѣ были проведены съ большой осторожностью, и въ настоящее время я считаю, что этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ безусловно удовлетворительно, ибо, благодаря ему, я всегда могу быть обезпеченъ необходимымъ количествомъ продуктовъ для питанія арміи и тыла. Я, гг., позволю себѣ вамъ сказать одно, что наряду съ безпримѣрными подвигами нашей доблестной арміи, — послѣднее взятіе Эрзерума доказываетъ это самымъ блестящимъ образомъ, къ глубокому сожалѣнію, у насъ начинаетъ кое-гдѣ проявляться сѣрая, кислая, заплѣсневѣлая обывательщина; начинаютъ на почвѣ переживаемаго сейчасъ исключительнаго времени разыгрываться всяческіе аппетиты и приходится за этимъ, несомнѣнно, слѣдить. Важнымъ средствомъ я считаю эти предѣльныя цѣны; онѣ безусловно не исключаютъ частнаго товарообмѣна, но рискъ падаетъ на эти сдѣлки, потому что, если свыше предѣльной цѣны данный продуктъ обращается на рынкѣ, то, конечно, въ самый важный моментъ, и я этотъ продуктъ могу получить по установленной цѣнѣ, и, конечно, потерпитъ этотъ убытокъ тотъ, кто будетъ держать его на рукахъ въ данный моментъ; но, во всякомъ случаѣ, это не есть запретъ рынку производить добровольныя сдѣлки, но это есть опорное положеніе всей громадной правительственной организаціи въ извѣстный моментъ имѣть достаточное количество продуктовъ. (Голоса: правильно). Итакъ, гг., я считаю, что, собственно, эти предѣльныя твердыя цѣны, онѣ уже по существу своему заключаютъ въ себѣ сдерживающія начала, такъ сказать, на всемъ нашемъ хлѣбномъ рынкѣ въ отношеніи таకихъ скачковъ спекулятивнаго характера. Все-таки, каждый коммерсантъ, каждый контрагентъ будетъ считаться съ тѣмъ: а, ну, какъ у меня возьмутъ!

Затѣмъ, гг., дальнѣйшею мѣрою я считаю заготовку запасовъ для населенія. Производятся эти запасы для населенія Министерствомъ Земледѣлія черезъ своихъ мѣстныхъ уполномоченныхъ. Въ первую очередь заготовляется это, — помимо запасовъ для арміи, — для столицъ; затѣмъ для прочихъ нуждающихся мѣстностей. Такихъ запасовъ въ настоящее время передано городамъ и земствамъ свыше 30.000.000 пуд. Затѣмъ другимъ способомъ образованія запасовъ является закупка продуктовъ городами и земствами при помощи выдачи продовольственныхъ ссудъ. Этихъ ссудъ выдано на 18.500.000 р. Но образованіе запасовъ, какъ и регулярный подвозъ продовольственныхъ продуктовъ, стоятъ, несомнѣнно, въ зависимости отъ успѣшной дѣятельности перевозочныхъ средствъ. Это, гг., громадная область, которая, несомнѣнно, чрезвычайно важна для учета всей нашей продовольственной организаціи, и въ этихъ видахъ для семнадцати сѣверныхъ губерній уже теперь установлена перевозка по заранѣе выработанному распорядительнымъ комитетомъ плану, а по остальнымъ губерніямъ — внѣочередная перевозка по нарядамъ районныхъ желѣзнодорожныхъ комитетовъ. Былъ установленъ сначала планъ Министерствомъ Земледѣлія въ ноябрѣ и декабрѣ, планъ продовольственный, планъ согласованности между районами производства и районами потребленія. Это огромный продовольственный планъ, который имѣется въ распоряженіи Министерства Земледѣлія, — я былъ бы очень радъ, если бы вы удостоили его своимъ вниманіемъ. Произведенныя работы, не говоря о томъ, что онѣ дорого стоютъ, отнимаютъ много труда и энергіи, но онѣ признаны всѣми другими вѣдомствами въ настоящее время чрезвычайно отвѣчающими данному моменту. Эти продовольственные планы были переданы въ распорядительный комитетъ для согласованія съ нашей грузо- и провозоспособностью желѣзныхъ дорогъ. Вотъ въ результатѣ учета продовольственныхъ запасовъ и недостаточной провозоспособности дорогъ составленъ извѣстный общій планъ; этотъ планъ имѣется уже для семнадцати губерній и сталъ осуществляться съ января мѣсяца. Эти данныя сосредоточены въ распорядительномъ комитетѣ Министерства Путей Сообщенія, гдѣ у насъ существуетъ нашъ вѣдомственный представитель. Теперь коснусь только того, что впереди — открытіе навигаціи. Это безусловно облегчитъ нашъ товарообмѣнъ, и. вмѣстѣ съ тѣмъ, выполненіе заданій всѣхъ продовольственныхъ операцій. Организація навигаціонныхъ перевозокъ занимала много времени и въ настоящее время завершена и закончена. Одна Волга при открытіи навигаціи подастъ до 50.000.000 пуд. продовольствія, готовыхъ совершенно, причемъ фрахты обезпечены. Итакъ, гг., въ общемъ, планъ нашъ заключается въ томъ, что районъ производства связанъ съ райономъ потребленія черезъ посредство уполномоченныхъ, которые всѣ объединяются здѣсь, въ одномъ центральномъ вѣдомствѣ. Уполномоченный района потребленія можетъ всегда снестись чрезъ центральное вѣдомство относительно необходимости полученія того или другого продукта и даже цѣны на таковые у уполномоченнаго района производства, и можетъ тотъ же, при этихъ сно шеніяхъ, таксировать данный продуктъ. Вотъ это я считаю важной мѣрой въ борьбѣ съ дороговизной. Затѣмъ, ежели этимъ не достигнута, то въ настоящее время уже выработана Особымъ Продовольственнымъ Совѣщаніемъ организація мѣстныхъ таксированій. То, что я говорю относительно

уполномоченныхъ районовъ производства и районовъ потребленія, это у насъ принято называть разрѣшительной системой; но, въ дополненіе къ этой разрѣшительной системѣ, имѣется еще возможность таксировать предметы первой необходимости массового потребленія и на мѣстахъ. Въ этомъ дана иниціатива мѣстному уполномоченному; но для того, чтобы эти районы не слишкомъ пестрѣли своимъ разнообразіемъ, все это сведено въ центръ, который имѣется здѣсь въ Особомъ Продовольственномъ Совѣщаніи, т. е. предсѣдатель таковаго будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не было такихъ вопіющихъ аномалій, чтобы все было относительно согласовано.

Вотъ, собственно говоря, въ самыхъ краткихъ чертахъ, гг., схема, планъ; съ одной стороны, необходимость усилить добычу продуктовъ и, съ другой, построить наши работы такъ, чтобы спекулятивное движеніе цѣнъ уже не принимало такого серьезнаго угрожающаго характера. Это касается Министерства Земледѣлія. Но при всемъ этомъ, гг., главнымъ образомъ, еще я обращаю вниманіе на необходимость одного: это — единства дѣйствій. (Голоса слѣва: вѣрно). Это единство дѣйствій, гг., въ смыслѣ продовольствія, въ смыслѣ закупокъ и распредѣленія, это главная основа борьбы съ дороговизной. Если бы этого возможно было бы достигнуть въ полномъ объемѣ, то, мнѣ кажется, этимъ само собою вопросъ рѣшался бы, при тѣхъ сопутствующихъ обстоятельствахъ, о которыхъ я имѣлъ честь вамъ докладывать. Въ отношеніи достиженія единства безусловно сдѣлано очень много и съ другими министерствами, и частью даже съ представителями снабженія фронта. (Шингаревъ: далеко не все). Въ этомъ отношеніи уже состоялось Высочайшее повелѣніе 23 ноября 1915 г., чтобы начальники снабженій въ этомъ отношеніи шли въ полной согласованности со мной. Затѣмъ, получено отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго согласіе на привлеченіе скота на армію земствъ тѣхъ губерній, которыя входятъ въ районъ театра войны, — ранѣе, чѣмъ прибѣгать къ реквизиціи скота. Въ отношеніи закупки продовольственныхъ сѣмянъ гражданскими вѣдомствами и Земствами также достигнуто объединеніе закупокъ съ Министерствомъ Земледѣлія. Всѣ заготовки, производящіяся частью Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и земствомъ, совершаются всегда по соглашенію съ главноуполномоченнымъ Министерства Земледѣлія по закупкѣ хлѣба для арміи. (Шингаревъ: это не столько единство, сколько ваше одиночество). Я коснусь еще одного вопроса, который одно время принялъ нѣкоторый болѣзненный оттѣнокъ. Гг., я считаю такъ, что продовольствіе безъ соотвѣтствующаго транзита, безъ топлива, которое нужно для мукомольнаго производства, это есть что-то абстрактное, висящее въ воздухѣ. Поэтому на первыхъ же порахъ необходимо было установить какую-либо объединяющую организацію, содѣйствующую успѣху всѣхъ особыхъ совѣщаній: по продовольствію, по перевозкѣ, по топливу и проч., — я очень, гг., настаиваю на этомъ — „содѣйствующей", а отнюдь не претендующей на отнятіе въ данномъ случаѣ чего-либо отъ сути того закона — положенія 17-го августа 1915 г., которое уже существуетъ и функціонируетъ. Вотъ, ради этой согласованности и необходимо было всѣмъ предсѣдателямъ особыхъ совѣщаній принять участіе: Военному Министру, Министру Внутреннихъ Дѣлъ, который безусловно долженъ былъ принять участіе потому, что на немъ лежитъ отвѣтственность за весь государственный порядокъ, затѣмъ, несомнѣнно, Министру Путей Сообщенія, Министру Торговли и Промышленности, какъ предсѣдателю совѣщанія по топливу, и затѣмъ Министру Земледѣлія. Такимъ образомъ, сама жизнь подсказала намъ собираться, такъ сказать, болѣе срочно, ибо весь Совѣтъ Министровъ представляетъ собой для этой цѣли учрежденіе слишкомъ громоздкое. Образованіе „Малаго Совѣта" я считаю безусловно положительнымъ результатомъ. Мы цѣлый рядъ мѣръ проводили чрезвычайно быстро. Хотѣлось бы, съ другой стороны, достигнуть отраженія этой согласованности, повторяю, лишь въ порядкѣ большей взаимной освѣдомленности и лучшей согласованности дѣйствій. Подобно этимъ совѣщаніямъ здѣсь изъ пяти министровъ и на мѣстахъ было бы желательно тоже устроить такія совѣщанія изъ представителей мѣстной администраціи, представителей по продовольствію, по перевозкѣ и по топливу. Это тоже въ высшей степени облегчило бы проведеніе въ жизнь тѣхъ заданій, которыя возложены на всѣ особыя совѣщанія.

Возвращаясь, гг., къ мѣрамъ, принимаемымъ для обезпеченія производства продуктовъ, я свидѣтельствую, что я обычно всемѣрно прибѣгаю къ содѣйствію мѣстныхъ общественныхъ организацій, въ частности, близкой сердцу и пониманію моему, — земской средѣ. Въ этомъ отношеніи я могу привести только тѣ слова изъ моего циркуляра, гдѣ я говорилъ, что: „считаю долгомъ обратиться къ земствамъ съ усерднѣйшей просьбой внести въ столь важное для сельской Россіи дѣло свою энергію, свой дѣловой опытъ, будучи убѣжденъ, что въ сложной области мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ нуждъ земства ближе всего освѣдомлены и потому найдутъ наиболѣе жизненные способы къ успѣшному использованію того состава рабочей силы, который привлеченъ для посильнаго удовлетворенія этихъ нуждъ".

Я считаю, что общность работы Министерства Земледѣлія со всѣми мѣстными общественными организаціями есть тотъ фундаментъ, на которомъ можно осуществить огромнѣйшую задачу, возложенную на вѣдомство. Внѣ этого общенія я не мыслю совершенно работать. Я долженъ засвидѣтельствовать здѣсь, въ Государственной Думѣ, что тѣ сотрудники, которыхъ я получилъ изъ министерства Александра Васильевича Кривошеина, работаютъ съ полнымъ сознаніемъ всей важности ихъ дѣла и исторической отвѣтственности передъ страной. Работа ихъ беззавѣтна. Работу всѣхъ лицъ на мѣстахъ я называю не иначе, какъ самоотверженной работой. Но если вся эта могучая сила, всѣ эти, такъ сказать, дѣловыя пружины, которыя облегли всю Россію, если онѣ сольются съ мѣстными общественными силами, то я думаю, что въ этомъ единеніи мы, гг., безусловно побѣдимъ того врага, который имѣетъ главную, основную ставку на нашей разобщенности и на нашей дезорганизаціи. (Бурныя рукоплесканія слѣва и въ центрѣ). Потому, гг., ваше обращеніе къ населенію, хотя бы въ томъ видѣ, какъ здѣсь я о немъ слышалъ, я глубоко привѣтствую. Если бы можно было возстановить то сознаніе, которое проявилось въ первые мѣсяцы войны! Я выросъ, гг., съ крестьянами и, вѣроятно, тамъ и останусь со временемъ, но я не узнавалъ многихъ, настолько они сознательно относятся къ моменту, переживаемому страной (рукоплесканія и голоса: правильно), настолько это война среди нихъ популярна. Если, гг., въ настоящее время война приняла затяжную форму, то я боюсь, что этотъ подъемъ начинаетъ кое-гдѣ остывать; вѣдь это кое-гдѣ замѣчается. Гг., помогите оживить эту страшную мощь нашей страны. Помогите въ этомъ отношеніи, путемъ единства дѣйствій, возстановить нашу старую пословицу: „міръ — великъ человѣкъ". (Бурныя и продолжительныя рукоплесканія въ центрѣ, слѣва и справа).

СОДЕРЖАНІЕ